891.733
P674
1910

v. 7

BOOK 891.733.P674 1910 v.7 c.1
PISEMSKII # POLNOE SOBRANIE
SOCHINENII

3 9153 00201577 6

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
Boston Library Consortium Member Libraries

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso07pise

PG
3330
.P5
1911Ф
т. 7

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ автобіографіей и двумя портретами А. Ѳ. Писемскаго и съ критико-біографическимъ очеркомъ В. В. Зелинскаго.

Т. 7

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1911 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1911.

891.733
P674
1910
v.7

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ВЪ ВОДОВОРОТѢ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, часовъ около двухъ пополудни, вмѣстѣ съ прочею толпою, проходили двое мужчинъ въ шляпахъ и въ пальто съ дорогими бобровыми воротниками; оба пальто были сшиты изъ лучшаго англійскаго трико и имѣли самый модный фасонъ, но сидѣли они на этихъ двухъ господахъ совершенно различно. Одинъ изъ нихъ былъ благообразный, но съ нерусскою физіономіей, лѣтъ 35 мужчина; онъ, какъ видно, умѣлъ носить платье: вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, оно было на немъ застегнуто, оправлено и вычищено до послѣдней степени, и вообще правильностью своей фигуры онъ напоминалъ даже нѣсколько модную картинку. Встрѣтившійся имъ кавалергардскій офицеръ, приложивъ руку къ золотой каскѣ своей и слегка мотнувъ головой, назвалъ этого господина:—«Здравствуйте, баронъ Мингеръ!»—«Bonjour!»—отвѣчалъ тотъ съ нѣсколько нѣмецкимъ акцентомъ. На товарищѣ барона, напротивъ того, пальто было скорѣе напялено, чѣмъ надѣто: оно какъ-то лѣзло на немъ вверхъ, лацканы у него неуклюже топорщились, и изъ-подъ нихъ виднѣлось поношенное кашне. Самъ господинъ былъ высокаго роста; руки и ноги у него огромныя, выраженіе лица неглупое и очень честное; какъ бы для вящшей противоположности съ барономъ, который былъ причесанъ и выбритъ безукоризненнѣйшимъ образомъ, господинъ этотъ носилъ довольно неряшливую бороду и вообще всей своей наружностью походилъ болѣе на фермера,

1/30/68

чѣмъ на джентльмена, имѣющаго возможность носить такія дорогія пальто. Несмотря на это однако баронъ, при всемъ своемъ стараніи высоко-прилично и даже гордо держать себя, въ отношеніи товарища своего обнаруживалъ какое-то подчиненное положеніе. Передъ однимъ изъ книжныхъ магазиновъ высокій господинъ вдругъ круто повернулъ и вошелъ въ него; баронъ тоже не преминулъ послѣдовать за нимъ. Высокій господинъ вынулъ изъ кармана записочку и сталъ по ней спрашивать книгъ; приказчикъ подалъ ему всѣ, какія онъ желалъ, и всѣ онѣ оказались изъ области естествознанія. Высокій господинъ принялся заглядывать въ нѣкоторыя изъ нихъ, при этомъ немножко морщился и дѣлалъ недовольную мину.

— А что,—началъ онъ какимъ-то неторопливымъ голосомъ и уставляя черезъ очки глаза на приказчика: — нѣмецкіе подлинники можно достать?

— Можно-съ,—отвѣчалъ тотъ.

— Достаньте, пожалуйста!—протянулъ опять высокій господинъ: — и пришлите все это въ Морскую, въ гостиницу «Парижъ», Григорову... князю Григорову, — прибавилъ онъ затѣмъ, какъ бы больше для точности.

Во все это время баронъ то смотрѣлъ на одну изъ вывѣшенныхъ новыхъ ландкартъ, то съ нетерпѣніемъ взглядывалъ на своего товарища; ему, должно-быть, ужасно было скучно, и вообще, какъ видно, онъ не особенно любилъ посѣщать хранилище знаній человѣческихъ.

— Vous dinez aujourd'hui chez votre oncle?—спросилъ онъ тотчасъ же, какъ они вышли изъ магазина.

— Д-да!—отвѣчалъ протяжно Григоровъ.

— Je viendrai aussi! — подхватилъ скороговоркой баронъ.

— Bien!—проговорилъ, какъ бы по механической привычкѣ и совершенно чистымъ акцентомъ, князь.—Приходите!—поспѣшилъ онъ затѣмъ сейчасъ же прибавить.

Баронъ вскорѣ раскланялся съ нимъ и ушелъ въ одинъ изъ переулковъ; князь же продолжалъ неторопливо шагать по Невскому. Мелькающіе у него передъ глазами дорогіе магазины и проѣзжавшіе по улицамъ разнообразные экипажи нисколько не возбуждали его вниманія, и только на самомъ концѣ Невскаго онъ, какъ бы чѣмъ-то уколотый, остановился: къ нему, какъ и къ другимъ проходящимъ лицамъ, взывала жалобнымъ голосомъ крошечная дѣвочка, вся иззябшая и звонившая въ треугольникъ. Князь проворно вынулъ свой бумажникъ, вытащилъ изъ него первую, какая попалась ему подъ руку, ассигнацію и подалъ ее дѣвочкѣ: это было пять рублей серебромъ.

Крошка отъ удивленія раскрыла на него свои большіе глаза, но князь уже повернулъ въ Морскую и скоро былъ далеко отъ нея. Затѣмъ онъ пришелъ въ гостиницу «Парижъ» и вошелъ въ большой и нарядный номеръ. Здѣсь онъ свое цѣнное пальто такъ же небрежно, какъ, вѣроятно, и надѣвалъ его, сбросилъ съ себя и, сѣвъ на диванъ, закрылъ глаза въ утомленіи. Въ такомъ положеніи князь просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не раздался звонокъ въ его номеръ: это принесли ему книги изъ магазина. Расплатившись за нихъ, князь сейчасъ же принялся читать одинъ изъ нѣмецкихъ подлинниковъ, при чемъ глаза его выражали то удовольствіе отъ прочитываемаго, то какое-то недоумѣніе, какъ будто бы онъ не совсѣмъ ясно понималъ то, что̀ прочитывалъ. Въ этомъ чтеніи князь провелъ часа полтора, такъ что офиціантъ вошелъ и доложилъ ему:

— Карета, ваше сіятельство, пріѣхала къ вамъ.

— Ахъ... да... — протянулъ князь, и затѣмъ онъ лѣниво всталъ и началъ переодѣваться изъ широкаго пальто во фракъ.

Дядя князя Григорова, къ которому онъ теперь ѣхалъ обѣдать, былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Михайла Борисовичъ Бахтуловъ и принадлежалъ къ высшимъ сановникамъ. Почти семидесятилѣтній старикъ, съ красивыми сѣдыми волосами на вискахъ, съ нѣсколько лукавой кошачьей физіономіей и носившій изъ всѣхъ знаковъ отличія одинъ только портретъ покойнаго государя, осыпанный брильянтами, Михайла Борисовичъ въ молодости получилъ прекрасное, по тогдашнему времени, воспитаніе и съ первыхъ же шаговъ на службѣ быстро пошелъ впередъ. Трудно, конечно, утверждать, чтобъ Михайла Борисовичъ имѣлъ собственно какія-либо высшія государственныя способности, но зато положительно можно сказать, что онъ владѣлъ необыкновеннымъ даромъ (качество весьма нужное для государственныхъ людей)—даромъ умно и тонко льстить. Лицо, которому онъ желалъ или находилъ нужнымъ льстить, никогда не чувствовало, что онъ ему льститъ; напротивъ того, всѣ слова его казались ему дышащими правдою и даже нѣкоторою строгостью. Однажды—это было, когда Михайлѣ Борисовичу стукнуло уже за шестьдесятъ—передъ началомъ одной духовной церемоніи кто-то замѣтилъ ему: «Ваше высокопревосходительство, вы бы изволили сѣсть, пока служба не началась»...—«Мой милый другъ,—отвѣчалъ онъ громко и потрепавъ ласково говорившаго по плечу:—я съ дѣтства сдѣлалъ привычку никогда въ церкви не садиться»... Михайла Борисовичъ какъ будто бы Богу даже желалъ льстить и хотѣлъ въ храмѣ Его быть пріятнымъ Ему... Любимецъ трехъ

государей, Михайла Борисовичъ въ прежнее суровое время какъ-то двоился: въ кабинетѣ своемъ онъ былъ другъ ученыхъ и литераторовъ и говорилъ въ извѣстномъ тонѣ, а въ государственной дѣятельности своей все старался свести на почву законовъ, которые онъ зналъ отъ доски до доски наизусть и съ этой стороны, по общему мнѣнію, былъ непреоборимъ. Въ настоящее же время Михайла Борисовичъ былъ одинаковъ какъ у себя дома, такъ и на службѣ, и дома даже консервативнѣе, и нѣкоторымъ своимъ близкимъ друзьямъ на ушко говаривалъ:—«Слишкомъ распускаютъ, слишкомъ!». Дѣтей Михайла Борисовичъ не имѣлъ и жилъ съ своей старушкой-женой въ довольно скромной, по его положенію, квартирѣ: онъ любилъ власть, но не любилъ роскоши. Марья Васильевна Бахтулова (родная тетка князя Григорова) была кротчайшее и добрѣйшее существо. Племянника своего она обожала; когда онъ былъ въ лицеѣ, она безпрестанно брала его къ себѣ на праздники, умывала, причесывала, цѣловала, закармливала сластями, надѣляла деньгами и потомъ, что̀ было совершенно противно ея правиламъ и понятіямъ, способствовала его рановременному браку съ одной весьма небогатой дѣвушкой. Самъ Михайла Борисовичъ какъ-то игнорировалъ племянника и смотрѣлъ на него черезчуръ свысока: онъ вообще весь родъ князей Григоровыхъ, судя по супругѣ своей, считалъ не совсѣмъ умнымъ. Племянникъ, въ свою очередь, не отдавая себѣ отчета, за что именно, ненавидѣлъ дядю.

За полчаса до обѣда Михайла Борисовичъ сидѣлъ въ своей гостиной съ толстымъ, короткошейнымъ генераломъ, который своими отвисшими брылями и приплюснутымъ носомъ напоминалъ отчасти бульдога, но только не съ глупыми, большими, кровавыми глазами, а съ маленькими, сѣрыми, ушедшими внутрь подъ брови и блистающими необыкновенно умнымъ, проницающимъ человѣческимъ блескомъ. Кроткая Марья Васильевна была тутъ же: она сидѣла и мечтала, что вотъ скоро придетъ ея Гриша (князь Григоровъ тѣмъ, что пребывалъ въ Петербургѣ около мѣсяца, доставлялъ теткѣ безконечное блаженство). «Онъ придетъ, она налюбуется на него, наглядится,— глаза у него ужасно похожи на глаза ея покойнаго брата. Конечно, братъ ея былъ больше комильфо. О, онъ былъ истинный петиметръ»...—и лицо Марьи Васильевны принимало при этомъ нѣсколько гордое выраженіе. «У Гриши манеры хуже, но зато онъ ученый!.. философъ!»—утѣшала себя и въ этомъ отношеніи старушка. Михайла Борисовичъ былъ на этотъ разъ въ нѣсколько недовольномъ и какъ бы неловкомъ положеніи, а толстый генералъ почти что въ озлобленномъ. Онъ сейчасъ

хлопоталъ-было оплести Михайлу Борисовича по одному дѣлу, но тотъ догадался и уперся. Генералъ очень хорошо зналъ, что въ прежнее, болѣе суровое время Михайла Борисовичъ не сталъ бы ему очень противодѣйствовать и даже привелъ бы, вѣроятно, статью закона, подтверждающую желаніе генерала, а теперь... «О, старая лисица, совсѣмъ перекинулся на другую сторону!»...—думалъ онъ со скрежетомъ зубовъ и готовъ былъ растерзать Михайлу Борисовича на кусочки, а между тѣмъ долженъ былъ ограничиваться только тѣмъ, что сидѣлъ и недовольно пыхтѣлъ: для нѣкоторыхъ темпераментовъ подобное положеніе ужасно! Наконецъ вошелъ лакей и доложилъ:

— Баронъ Мингеръ.

— Проси!—сказалъ Михайла Борисовичъ съ явнымъ удовольствіемъ на лицѣ.

Глаза старушки Бахтуловой тоже заблистали еще болѣе добрымъ чувствомъ. Баронъ вошелъ. Во фракѣ и въ туго накрахмаленномъ бѣльѣ онъ сталъ походить еще болѣе на журнальную картинку. Прежде всѣхъ онъ поклонился Михайлѣ Борисовичу, который протянулъ ему руку хоть нѣсколько и фамильярно, но въ то же время съ добрымъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно начальники встрѣчаютъ своихъ любимыхъ подчиненныхъ.

Баронъ еще на школьной скамейкѣ подружился съ княземъ Григоровымъ, познакомился черезъ него съ Бахтуловымъ, поступилъ къ тому прямо на службу по выходѣ изъ заведенія и былъ теперь одинъ изъ самыхъ близкихъ домашнихъ людей Михайлы Борисовича. Служебная карьера черезъ это открывалась барону великолѣпнѣйшая.

Толстому генералу онъ тоже поклонился довольно низко, но тотъ въ отвѣтъ на это едва мотнулъ ему головой. Послѣ того баронъ подошелъ къ Марьѣ Васильевнѣ, поцѣловалъ у нея руку и сѣлъ около нея.

— Что̀, видѣли вы сегодня Гришу? — спросила она его ласково.

— Видѣлъ. Онъ сейчасъ будетъ сюда, — отвѣчалъ баронъ почтительнымъ голосомъ.

— Да, вѣроятно,—подтвердила старушка съ удовольствіемъ.

Это говорили они о князѣ Григоровѣ, который и самъ вскорѣ показался въ гостиной всей своей громадной фигурой. Онъ былъ тоже во фракѣ и отъ этого казался еще выше ростомъ и еще неуклюжѣе. Онъ какъ-то притворно-радушно поклонился дядѣ, взглянулъ на генерала и не поклонился ему; улыбнулся теткѣ (и улыбка его въ этомъ случаѣ была гораздо добрѣе и искреннѣе), а потомъ, кивнувъ головой небрежно барону, усѣлся

на одинъ изъ отдаленныхъ дивановъ, и лицо его вслѣдъ затѣмъ приняло скучающее и недовольное выраженіе, такъ что Марья Васильевна не преминула спросить его встревоженнымъ голосомъ:

— Ты здоровъ, Гриша?

— Здоровъ!—отвѣчалъ онъ ей, мрачно смотря себѣ на руки.

Старый генералъ вскорѣ поднялся. Онъ совершенно казеннымъ образомъ наклонилъ передъ хозяйкой свой станъ, а Михайлѣ Борисовичу, стоя къ нему бокомъ и не поворачиваясь, протянулъ руку, которую тотъ съ своей стороны крѣпко пожалъ и пошелъ проводить генерала до половины залы.

Возвратясь оттуда, Михайла Борисовичъ усѣлся на прежнее свое мѣсто и, кажется, былъ очень доволенъ, что остался между своими.

— Удивительные есть люди!—произнесъ онъ какъ бы больше самъ съ собой.

Баронъ при этомъ обратился весь во вниманіе.

— Вы, можетъ-быть, знаете,—отнесся уже прямо къ нему Михайла Борисовичъ:—что одно извѣстное лицо желаетъ продать свой домъ въ казну.

Баронъ наклоненіемъ головы своей изъяснилъ, что онъ знаетъ это.

— А этотъ господинъ,—продолжалъ Михайла Борисовичъ, мотнувъ головой на дверь и явно разумѣя подъ именемъ господина ушедшаго генерала:—желаетъ получить извѣстное мѣсто, и между ними произошло, вѣроятно, такого рода facio ut facias: «вы-де схлопочите мнѣ мѣсто, а я у васъ куплю за это домъ въ мое вѣдомство»... А?—заключилъ Михайла Борисовичъ, устремляя на барона смѣющійся взглядъ, а тотъ при этомъ сейчасъ же потупился, какъ будто бы ему даже совѣстно было слушать подобныя вещи.

— Ну, и чортъ ихъ тамъ дери! — снова продолжалъ Михайла Борисовичъ, нахмуривая свои брови.—Дѣлали бы сами, какъ хотятъ, такъ нѣтъ-съ!.. Нѣтъ!..—даже взвизгнулъ онъ.—Сегодня этотъ господинъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и прямо проситъ, чтобы я вотировалъ за подобное предложеніе. «Яковъ Петровичъ! — говорю я:—я всегда былъ противъ всякаго рода казенныхъ фабрикъ, заводовъ, домовъ; а въ настоящее время, когда мы начинаемъ немножко освобождаться отъ этого, я вотировать за такое предположеніе просто считаю для себя дѣломъ законопреступнымъ».

— Это совершенно справедливо-съ, — подхватилъ вѣжливо баронъ: — но домъ все-таки, вѣроятно, будетъ купленъ, и господинъ этотъ получитъ желаемое мѣсто.

Михайла Борисовичъ на довольно продолжительное время пожалъ своими плечами.

— Очень можетъ быть, по французской поговоркѣ: будь жаденъ, какъ кошка, и ты въ жизни получишь вдвое больше противъ того, чего стòишь! — произнесъ онъ не безъ грусти.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, Марья Васильевна, видя, что баронъ, начавъ говорить съ Михайлой Борисовичемъ, какъ бы случайно всталъ передъ нимъ на ноги, воспользовалась этимъ и сѣла рядомъ съ племянникомъ.

— Завтра ѣдешь? — спросила она его ласковымъ голосомъ.

— Завтра, ma tante, — отвѣчалъ тотъ, держа попрежнему голову въ грустно-наклоненномъ положеніи.

— Жаль мнѣ, другъ мой, очень жаль съ тобою разстаться, — продолжала старушка: на глазахъ ея уже появились слезы.

— Чтò дѣлать, ma tante, — отвѣчалъ князь; видимо, что ему въ одно и то же время жалко и скучно было слушать тетку.

— Нынѣшней весной, если только Михайла Борисовичъ не увезетъ меня за границу, непремѣнно пріѣду къ вамъ въ Москву, непремѣнно!..—заключила она и, желая даже какъ бы физически поласкать племянника, свою маленькую и сморщенную ручку положила на его жилистую и покрытую волосами ручищу.

— Пріѣзжайте, — отвѣчалъ онъ, а самъ при этомъ слегка старался высвободить свою руку изъ-подъ руки тетки.

— Пойдемте однако обѣдать! — воскликнулъ Михайла Борисовичъ.

Всѣ пошли.

Когда первое чувство голода было удовлетворено, между Михайлой Борисовичемъ и барономъ снова начался разговоръ и попрежнему о томъ же генералѣ.

— Мнѣ говорилъ одинъ очень хорошо знающій его человѣкъ, — началъ баронъ, потупляясь и слегка дотрогиваясь своими красивыми, длинными руками до серебряныхъ черенковъ вилки и ножа (голосъ барона былъ при этомъ какъ бы нѣсколько нерѣшителенъ, можетъ-быть, потому, что высокопоставленныя лица иногда не любятъ, чтобы низшія лица рѣзко выражались о другихъ высокопоставленныхъ лицахъ):— что онъ вовсе не такъ уменъ, какъ о немъ обыкновенно говорятъ.

— Не знаю-съ, насколько онъ уменъ! — рѣзко отвѣчалъ Михайла Борисовичъ, выпивая при этомъ свою обычную рюмку портвейна; въ сущности онъ очень хорошо зналъ, что генералъ былъ уменъ, но только тотъ всегда подавлялъ его

своей аляповатой и дѣйствительно ужъ ни передъ чѣмъ не останавливающейся натурой, а потому Михайла Борисовичъ издавна его ненавидѣлъ.

— И что вся его энергія, — продолжалъ баронъ нѣсколько уже посмѣлѣе: — ограничивается тѣмъ, что онъ муштруетъ и гонитъ подчиненныхъ своихъ и на костяхъ ихъ. такъ сказать, зиждетъ свою славу.

Михайла Борисовичъ усмѣхнулся.

— Есть это немножко!.. Любимъ мы изъ себя представить чисто метущую метлу... По-моему-съ,—продолжалъ онъ, откидываясь на задокъ креселъ и видимо приготовляясь сказать довольно длинную рѣчь:—я чиновника долго къ себѣ не возьму, не узнавъ въ немъ прежде человѣка; но, разъ взявъ его, я не буду считать его пѣшкой, которую можно и переставить и вышвырнуть какъ угодно.

— Вы, ваше высокопревосходительство, такой начальникъ, что...

И баронъ не докончилъ даже своей мысли отъ полноты чувствъ.

Михайла Борисовичъ тоже на этотъ разъ какъ-то болѣе обыкновеннаго расчувствовался.

— Не знаю-съ, какой я начальникъ! — произнесъ онъ голосомъ, полнымъ нѣкоторой торжественности: — но знаю, что составъ моихъ чиновниковъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, конечно, есть лучшій въ Петербургѣ...

— Служить у васъ, ваше высокопревосходительство...—началъ баронъ и снова не докончилъ.

На этотъ разъ его перебилъ князь Григоровъ, который въ продолженіе всего обѣда хмурился, тупился, смотрѣлъ себѣ въ тарелку и наконецъ, какъ бы не утерпѣвъ, произнесъ на всю залу:

— Я бы никогда не могъ служить у начальника, который меня любитъ!

Баронъ и Михайла Борисовичъ вопросительно взглянули на него.

— Между начальникомъ и подчиненнымъ должны быть единственныя отношенія: начальникъ долженъ строго требовать отъ подчиненнаго исполненія его обязанностей, а тотъ долженъ строго исполнять ихъ.

— Да это такъ обыкновенно и бываетъ!..—возразилъ Михайла Борисовичъ.

— Нѣтъ, не такъ-съ! — продолжалъ князь, краснѣя въ лицѣ:—любимцы у насъ не столько служатъ, сколько услуживаютъ женамъ, дочерямъ, любовницамъ начальниковъ...

Марья Васильевна обмерла отъ страха. Слова племянника

были слишкомъ дерзки, потому что баронъ именно и оказывалъ Михайлѣ Борисовичу нѣкоторыя услуги по поводу одной его старческой и, разумѣется, чисто-физической привязанности на сторонѣ: онъ эту привязанность сопровождалъ въ театръ, на гулянье, и вообще даже нѣсколько надзиралъ за ней. Старушка все это очень хорошо знала и отъ всей души прощала мужу и барону.

Михайла Борисовичъ, въ свою очередь, сильно разсердился на племянника.

— То, что̀ ты говоришь, нисколько не относится къ нашему разговору,—произнесъ онъ, едва сдерживая себя.

Баронъ старался придать себѣ видъ, что онъ нисколько не понялъ намека Григорова.

— Я не къ вашему разговору, а такъ сказалъ!—отвѣчалъ тотъ, опять уже потупляясь въ тарелку.

— Да, ты это *такъ* сказалъ!—произнесъ насмѣшливо Михайла Борисовичъ.

— Такъ сказалъ-съ! — повторилъ Григоровъ кротко.

Марья Васильевна отошла душою.

Обѣдъ вскорѣ послѣ того кончился. Князь, вставъ изъ-за стола, взялся за шляпу и сталъ прощаться съ дядей.

— А курить? — спросилъ его тотъ лаконически.

— Не хочу-съ!—отвѣчалъ ему князь тоже лаконически.

— Ну, какъ знаешь! — произнесъ Михайла Борисовичъ.

Въ голосѣ старика невольно слышалась еще не остывшая досада; затѣмъ онъ, мотнувъ пригласительно барону головой, ушелъ съ нимъ въ кабинетъ.

Съ Марьей Васильевной князю не такъ скоро удалось проститься. Она непремѣнно заставила его зайти къ ней въ спальню; здѣсь она изъ дорогой божницы вынула деревянный крестикъ и подала его князю.

— Отвези это княгинюшкѣ отъ меня и скажи ей, чтобы она сейчасъ же надѣла его: это съ Геннадія преподобнаго,— непремѣнно будутъ дѣти.

Князь не безъ удивленія взглянулъ на тетку, но крестикъ однако взялъ.

— Что̀ смотришь? Это не для тебя, а для княгинюшки, которая у тебя умная и добрая... гораздо лучше тебя!.. — говорила старушка.

Князь сталъ у ней на прощанье цѣловать руку.

— И повѣрь ты, другъ мой, — продолжала Марья Васильевна какимъ-то уже строгимъ и внушительнымъ голосомъ: — пока ты не будешь вѣровать въ Бога, никогда и ни въ чемъ тебѣ не будетъ счастья въ жизни.

— Я вѣрую, тетушка, — проговорилъ князь.

— Ну!—возразила старушка и затѣмъ, перекрестивъ племянника, отпустила его наконецъ.

Въ кабинетѣ между тѣмъ тоже шелъ разговоръ о князѣ Григоровѣ.

— Я пойду однако прощусь съ княземъ, — проговорилъ-было баронъ, закуривая очень хорошую сигару, которую предложилъ ему Михайла Борисовичъ

— Оставьте его! — произнесъ тотъ тѣмъ же досадливымъ голосомъ.

Баронъ остался и не пошелъ.

— Странный человѣкъ—князь!—сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Просто дуракъ! — рѣшилъ Михайла Борисовичъ:—хорошую жизнь ведетъ: не служитъ, ни дѣлами своими не занимается, а ѣздитъ только изъ Москвы въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Москву.

— Да, жизнь не очень дѣятельная!—замѣтилъ съ улыбкою баронъ.

— Дуракъ! — сказалъ еще разъ Михайла Борисовичъ; онъ никогда еще такъ рѣзко не отзывался о племянникѣ; тотъ очень разсердилъ его послѣднимъ замѣчаніемъ своимъ.

Князь въ это время шагалъ по Невскому. Карету онъ обыкновенно всегда отпускалъ и ѣздилъ въ ней только туда, куда ему надобно было очень чистымъ и незагрязненнымъ явиться. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ своей гостиницѣ, тѣмъ быстрѣе шелъ и, придя къ себѣ въ номеръ, сейчасъ же принялся писать, какъ бы спѣша передать волновавшія его чувствованія.

«Добрая Елена Николаевна!—писалъ онъ скорымъ и малоразборчивымъ почеркомъ.—Несмотря на то, что черезъ какіе-нибудь полтора дня я самъ возвращусь въ Москву, мнѣ все-таки хочется письменно побесѣдовать съ вами—доказательство, какъ мнѣ необходимо и дорого ваше сообщество. Никогда еще такъ не возмущалъ и не истерзывалъ меня офиціальный и чиновничій Петербургъ, какъ въ нынѣшній пріѣздъ мой. Какая огромная привычка выработана у всѣхъ этихъ господъ важничать, и какая подъ всѣмъ этимъ лежитъ пустота и даже мелочность и ничтожность характеровъ!.. Мнѣ больше всѣхъ изъ нихъ противны ихъ лучшіе люди, ихъ передовые; и для этого-то сорта людей (кровью сердце обливается при этой мысли) отецъ готовилъ меня, а между тѣмъ онъ былъ, сколько я помню, человѣкъ не глупый, любилъ меня и, конечно, желалъ мнѣ добра. Понимая, вѣроятно, что въ лицеѣ меня ничему

порядочному не научатъ, онъ въ то же время зналъ, что мнѣ оттуда дадутъ хорошій чинъ и хорошее мѣсто, а въ Россіи чиновничество до такой степени все заѣло, въ такой мѣрѣ покойнѣе, прочнѣе всего, что родители обыкновенно лучше всего предпочитаютъ убить, недоразвить въ дѣтяхъ своихъ человѣка, но только чтобы сдѣлать изъ нихъ чиновника. Въ университетахъ нашихъ очень плохо учатъ, но тамъ есть какой-то научный запахъ; тамъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ, можетъ усвоить нѣкоторые пріемы, какъ потомъ образовать самого себя; но у насъ и того не было. Свѣтскія манеры, немножко музыки, немножко разврата на петербургскій ладъ и наконецъ безсмысленное либеральничанье, что̀, впрочемъ, есть еще самое лучшее, что̀ преподано намъ тамъ. Грустнѣй всего, что съ такимъ небогатымъ умственнымъ и нравственнымъ запасомъ пришлось жить и дѣйствовать въ очень трудное и переходное время. Вы совершенно справедливо какъ-то разъ говорили, что нынче не только у насъ, но и въ европейскомъ обществѣ, человѣку, для того, чтобы онъ былъ не совершеннѣйшій пошлякъ и поступалъ хоть сколько-нибудь честно и цѣлесообразно, приходится многое самому изучить и узнать. То, что̀ вошло въ насъ посредствомъ уха и указки изъ воспитывающей насъ среды, видимо, никуда не годится. Но чѣмъ замѣнить все это, что̀ поставить вмѣсто этого? — Естествознаніе, мнѣ кажется, лучше всего можетъ дать отвѣтъ въ этомъ случаѣ, потому что лучше всего можетъ познакомить человѣка съ самимъ собой; ибо онъ, что̀ бы тамъ ни говорили, прежде всего *животное*. Высшія его потребности, смѣю думать,—роскошь, безъ которой онъ можетъ и обойтись; доказательствомъ служатъ дикари, у которыхъ духовнаго только и есть, что религія да кой-какія пѣсни. Итакъ, моя милая Елена Николаевна, примемтесь за естествознаніе. Я накупилъ по этому отдѣлу книгъ, и мы съ вами будемъ вмѣстѣ читать ихъ: я заранѣе прихожу въ восторгъ, представляя себѣ эти прекрасные вечера, которые мы будемъ съ вами посвящать на общую нашу работу въ вашей гостиной. Кстати, по поводу вашей гостиной, о вашей матушкѣ: почему васъ могло такъ возмутить письмо ея ко мнѣ, которымъ она проситъ прислать ей изъ Петербурга недорогой мѣховой салопъ? Во-первыхъ, въ Петербургѣ дѣйствительно мѣха лучше и дешевле; во-вторыхъ, мнѣ кажется, мы настолько добрые и хорошіе знакомые, что церемониться намъ въ подобныхъ вещахъ не слѣдуетъ, и смѣю васъ завѣрить, что даже самыя огромныя денежныя одолженія, по существу своему, есть въ то же время самыя дешевыя и ничтожныя и, конечно, никогда не могутъ

окупить тѣхъ высоконравственныхъ наслажденій, которыя иногда люди даютъ другъ другу и которыя я въ такой полнотѣ встрѣтилъ для себя въ вашемъ семействѣ.

«За ваши посѣщенія жены моей приношу мою искреннюю благодарность. О, какъ вы глубоко подмѣтили, что она отъ своего добраго, дѣтскаго взгляда на жизнь неизлѣчима. Десять лѣтъ я будилъ и бужу въ ней взглядъ взрослой женщины и не могу добудиться, и это одна изъ трагическихъ сторонъ моей жизни.

«Вашъ другъ,
«Григоровъ».

186—года,—января.

II.

Князь Григоровъ, по происхожденію своему, принадлежалъ къ весьма старинному и чисто-русскому княжескому роду. Родство у него было именитое: не говоря уже о Михайлѣ Борисовичѣ Бахтуловѣ, два дяди у него были генералъ-адъютантами, три тетки статсъ-дамами, двѣ-три кузины дамами-патронессами. Всѣми этими связями князь нисколько не воспользовался для составленія себѣ хоть какой-нибудь служебной карьеры. Онъ не былъ даже камеръ-юнкеръ и служилъ всего года два мировымъ посредникомъ, и то въ самомъ началѣ ихъ существованія. Жилъ онъ въ настоящее время постоянно въ Москвѣ, въ огромномъ барскомъ домѣ съ двумя каменными крылами для прислуги. Стеклянная дверь вела съ подъѣзда въ сѣни, изъ которыхъ въ бельэтажъ шла мраморная лѣстница съ мраморными статуями по бокамъ. Зала, гостиная и кабинетъ были полны рѣдкостями и драгоцѣнностями; все это досталось князю отъ дѣда и отъ отца, но самъ онъ весьма мало обращалъ вниманія на всѣ эти сокровища искусствъ: не древній и не художественный міръ волновалъ его душу и сердце, а, напротивъ того, міръ современный и соціальный!

Въ одинъ изъ холоднѣйшихъ и ненастнѣйшихъ московскихъ дней, къ дому князя подходила молодая, стройная дѣвушка-брюнетка, съ очень красивыми, выразительными, умными чертами лица. Она очень аккуратно и нѣсколько на мужской ладъ была одѣта и, какъ видно, привыкла ходить пѣшкомъ. Несмотря на слѣпящую вьюгу и холодъ, она шла смѣло и твердо, и только подойдя къ подъѣзду княжескаго дома, какъ бы нѣсколько смутилась.

— Князь дома? — спросила она, впрочемъ, довольно спокойнымъ голосомъ, отворившаго ей дверь швейцара.

— Никакъ нѣтъ-съ!—почти крикнулъ ей тотъ въ отвѣтъ.

Въ большихъ черныхъ глазахъ дѣвушки ясно отразился испугъ.

— Какъ же нѣтъ? Второй ужъ часъ!—произнесла она, вынимая изъ-за пояса серебряные часы и показывая ихъ швейцару.

— И княгиня тоже очень безпокоится, — отвѣчалъ тотъ.

— Поѣздъ обыкновенно приходитъ въ десять часовъ!—продолжала дѣвушка почти гнѣвнымъ тономъ.

— Они такъ всегда прежде и пріѣзжали-съ... Карета еще въ восемь часовъ за ними уѣхала,—пояснилъ ей швейцаръ.

Дѣвушка постояла еще нѣкоторое время въ недоумѣніи.

— Ты княгинѣ ничего не говори, что я заходила; я не пойду къ ней; мнѣ пора по дѣлу!—произнесла дѣвушка опять какимъ-то повелительнымъ тономъ и сама пошла.

Швейцаръ ничего ей не отвѣтилъ и только громко захлопнулъ за ней дверь.

Въ это время на верху лѣстницы показалась хорошенькая собой горничная.

— Княгиня спрашиваетъ, кто звонилъ? — крикнула она оттуда.

— Барышня эта!..—отвѣчалъ швейцаръ.

— Какая барышня?

— Да какъ она, проклятая, я забылъ... Елена Николаевна, что ли!?

— А, Жиглинская!—произнесла горничная и снова побѣжала въ комнаты.

Дѣвушка между тѣмъ быстро прошла нѣсколько переулковъ, наконецъ щеки у ней разгорѣлись, дыханіе стало перехватываться: видимо, что она страшно устала. Пріостановившись на минуту, она вынула изъ кармана загрязненный кошелекъ и, ощупавъ въ немъ нѣсколько денегъ, подкликнула къ себѣ извозчика. «На Петербургскую желѣзную дорогу!»—сказала она ему и затѣмъ, не дождавшись даже отвѣта, сѣла къ нему въ сани и велѣла какъ можно проворнѣе себя везти: нетерпѣніе отражалось во всѣхъ чертахъ лица ея. Въ вокзалѣ желѣзной дороги она обратилась къ первому попавшемуся ей навстрѣчу кондуктору, только-что, видно, пріѣхавшему съ какимъ-нибудь поѣздомъ и сильно перезябшему.

— Петербургскій почтовый поѣздъ не пришелъ еще?—спросила она.

— Нѣтъ еще!—отвѣчалъ ей тотъ сердито.

— Что же, несчастье, что ли, съ нимъ случилось? — спросила дѣвушка.

— А Богъ его знаетъ... Можетъ, и несчастье случилось,— говорилъ кондукторъ, уходя отъ нея въ одну изъ дверей.

Дѣвушка осталась на мѣстѣ блѣдная и замѣтно недоумѣвающая, что̀ ей предпринять.

Въ это время по вокзалу проходилъ небольшого роста инженеръ, но въ внушительнѣйшей ильковой шинели.

— Говорятъ, съ петербургскимъ поѣздомъ несчастье случилось?—обратилась къ нему стремительно дѣвушка.

Инженеръ открылъ на нее удивленные глаза.

— Какое-съ?—спросилъ онъ ее не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Онъ не приходитъ; теперь уже скоро два часа... онъ долженъ быть въ десять часовъ.

— Да, но, вѣроятно, онъ отъ мятели запоздалъ,—возразилъ инженеръ.—Бабаевъ!—крикнулъ онъ стоявшему у дверей сторожу:—не видать поѣзда?

— Идетъ, ваше высокоблагородіе!—отвѣчалъ сторожъ.

— Ну вотъ видите, идетъ!... пришелъ благополучно,—отнесся инженеръ любезно къ дѣвушкѣ.

Та при этомъ вся вспыхнула радостью.

— Позвольте мнѣ туда пройти на платформу: я брата жду!— проговорила она какъ-то стремительно.

— Сдѣлайте одолженіе. Бабаевъ! пропусти госпожу эту!— приказалъ инженеръ тому же сторожу, который пріотворилъ дверь, и дѣвушка сейчасъ же юркнула въ нее; но, выйдя на платформу и какъ бы сообразивъ что-то такое, она быстро отошла отъ дверей и стала за стоявшую въ сторонѣ толпу бабъ и мужиковъ. Поѣздъ наконецъ подошелъ, дѣвушка еще старательнѣе спряталась за толпу. Стали выходитъ пассажиры, въ числѣ которыхъ изъ 1-го класса вышелъ и князь Григоровъ, нагруженный пледами и саквояжами, съ измятымъ, невыспавшимся лицомъ. Яркій румянецъ покрылъ при этомъ щеки дѣвушки. Князь лѣниво подалъ встрѣтившему его лакею билетъ отъ багажа, а самъ прошелъ на подъѣздъ. Тамъ жандармъ выкликнулъ ему его экипажъ, въ который онъ сѣлъ и тотчасъ же уѣхалъ. Дѣвушка тоже вскорѣ вышла изъ-за своей засады и, очутившись на улицѣ, она думала-было сначала нанять извозчика, но—увы!—въ грязномъ кошелькѣ ея не оказалось ни копейки. Дѣвушка при этомъ усмѣхнулась, покачала головой и пошла пѣшкомъ. Послѣ трехверстной, по крайней мѣрѣ, ходьбы она вошла наконецъ въ одинъ деревянный домъ, надъ окнами котораго прибита была вывѣска съ надписью: «безплатная школа».

Князь, ѣхавъ въ своей покойной каретѣ, замѣтно былъ подъ

вліяніемъ не совсѣмъ веселыхъ мыслей: болѣе мѣсяца князь не видался съ женою, но предстоящее свиданіе вовсе, кажется, не занимало и не интересовало его; а между тѣмъ онъ женился по страсти. Еще бывши юнымъ, нескладнымъ, застѣнчивымъ школьникомъ, онъ, въ нескладномъ казенномъ мундирѣ и въ безобразныхъ бѣлыхъ перчаткахъ, которыхъ никогда не могъ прибрать по рукѣ, ѣздилъ на Васильевскій островъ къ нѣкоему изъ нѣмцевъ горному генералу, у котораго была жена и съ полдюжины прехорошенькихъ собой дочерей. Семейство это было небогатое, но чрезвычайно музыкальное. Учить музыкѣ дѣтей родители старались изъ всѣхъ силъ, и старшая дочь ихъ, m-lle Элиза, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, необыкновенно миловидная собою, съ голубыми, какъ небо, глазами и съ льноподобными, густыми волосами, играла очень хорошо на фортепіано. Съ семействомъ этимъ познакомилъ князя баронъ, который хоть и былъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ весь сотканъ изъ практическихъ стремленій, но музыку любилъ и даже самъ недурно игралъ на фортепіано. Эта музыкальность барона собственно и послужила первоначальнымъ основаніемъ его школьной дружбѣ съ княземъ, который въ то время приходилъ въ бѣшеный восторгъ отъ итальянской оперы и отъ музыки вообще. По буднямъ князь обыкновенно наслаждался игрою друга, а по праздникамъ — игрою m-lle Элизы, которая, впрочемъ, въ то время талантъ свой по преимуществу разсыпала передъ бывавшими у нихъ въ домѣ молодыми горными офицерами, ухаживавшими за ней всѣмъ гуртомъ. Наши школьники тоже воспылали къ ней страстью, съ тою только разницею, что баронъ всякій разъ, какъ оставался съ Элизой вдвоемъ, дѣлалъ ей глазки и намекалъ ей даже словами о своихъ чувствахъ; но князь никогда почти ни о чемъ съ ней не говорилъ и только слушалъ ея игру на фортепіано съ понуренной головой и вздыхалъ при этомъ; зато князь очень много говорилъ о своей страсти къ Элизѣ барону, и тотъ выслушивалъ его, какъ бы самъ въ этомъ случаѣ нисколько неповинный. Все это, впрочемъ, разрѣшилось тѣмъ, что князь, кончивъ курсъ и будучи полнымъ распорядителемъ самого себя и своего громаднаго состоянія,—такъ какъ отецъ и мать его уже умерли, — на другой же день по выходѣ изъ лицея отправился къ добрѣйшей теткѣ своей Марьѣ Васильевнѣ, сталъ передъ ней на колѣни, признался ей въ любви своей къ Элизѣ и умолялъ ее немедля ѣхать и сдѣлать отъ него предложеніе. Старушка сначала въ ужасъ пришла отъ этой новости; потомъ тщилась отговорить безумца отъ его намѣренія, убѣждая его тѣмъ, что онъ очень еще молодъ и не

знаетъ ни себя ни своего сердца, и наконецъ, по крайней мѣрѣ, себя хотѣла выгородить въ этомъ случаѣ и восклицала, что она, какъ Пилатъ, умываетъ тутъ руки... Но все это, разумѣется, кончилось тѣмъ, что Пилатъ этотъ поѣхалъ и сдѣлалъ отъ племянника предложеніе. Горный генералъ, супруга его и невѣста пришли въ крайнее удивленіе; но партія была слишкомъ выгодна, и согласіе немедленно послѣдовало. Князь былъ на седьмомъ небѣ; невѣста тоже блистала счастьемъ и радостью. Вслѣдъ затѣмъ князь съ своей молодой женой уѣхалъ въ деревню и хлопоталъ единственно о томъ, чтобы взять съ собой превосходнѣйшій рояль. Музыка и деревня поглотили почти совершенно ихъ первые два года супружеской жизни; потомъ князь сдѣлался мировымъ посредникомъ, хлопоталъ искреннѣйшимъ образомъ о народѣ; въ концѣ концовъ однако музыка, народъ и деревня принаскучили ему, и онъ уѣхалъ съ женой за границу, гдѣ прямо направился въ Лондонъ, сошелся, говорятъ, тамъ очень близко съ русскими эмигрантами; но потомъ вдругъ почему-то уѣхалъ изъ Лондона, вернулся въ Россію и поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ на первыхъ порахъ замѣтно старался сближаться съ учеными и литераторами, но послѣднее время и того не сталъ дѣлать, и нѣкоторые изъ родныхъ князя, посѣщавшіе иногда княгиню, говорили, что князь *все читаетъ теперь.*

Ѣдучи въ настоящемъ случаѣ съ желѣзной дороги и взглядывая по временамъ сквозь каретное стекло на мелькающіе передъ глазами дома, князь вдругъ припомнилъ лондонскую улицу, по которой онъ въ такой же ненастный день ѣхалъ на станцію желѣзной дороги, чтобы уѣхать совсѣмъ изъ Лондона. Хорошо ли, худо ли онъ поступилъ въ этомъ случаѣ, князь до сихъ поръ не могъ себѣ дать отчета въ томъ, но только поступить такимъ образомъ заставляли его всѣ его физическіе и нравственные инстинкты.

Воспоминанія эти, должно-быть, были слишкомъ тяжелы и многознаменательны для князя, такъ что онъ не замѣтилъ даже, какъ кучеръ подвезъ его къ крыльцу дома и остановилъ лошадей.

— Ваше сіятельство, мы пріѣхали! — крикнулъ онъ наконецъ, обертываясь къ каретѣ.

— Ахъ, да, вижу!—сказалъ, какъ бы разбуженный отъ сна, князь и затѣмъ сталъ неловко отворять себѣ дверцы экипажа.

Швейцаръ хоть и видѣлъ, что подъѣхала барская карета, но, по случаю холода, не счелъ за нужное выйти къ ней: всѣ люди князя были страшно избалованы и распущены!

Въ залѣ князя встрѣтила улыбающаяся своей доброй улыбкой и очень, повидимому, обрадованная пріѣздомъ мужа княгиня. Впрочемъ, она только подошла къ нему и какъ-то механически поцѣловала его въ щеку.

Князь нѣсколько лѣтъ уже выражалъ замѣтное неудовольствіе, когда жена хоть сколько-нибудь ярко выражала свою нѣжность къ нему. Сначала ее очень огорчало это, и она даже плакала потихоньку о томъ, но потомъ привыкла къ тому. На этотъ разъ князь тоже совершенно механически отвѣчалъ на поцѣлуй жены и спѣшилъ пройти въ свой кабинетъ, гдѣ быстро и очень внимательно осмотрѣлъ весь свой письменный столъ. Княгиня, хоть и не совсѣмъ поспѣшными шагами, но вошла за нимъ въ кабинетъ.

— Писемъ, ma chère, ни отъ кого не было?—спросилъ онъ ее довольно суровымъ голосомъ; слова: «ma chère», видимо, прибавлены были, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить тонъ.

— Нѣтъ!—отвѣчала кротко княгиня.

Князь сѣлъ на стулъ передъ столомъ своимъ. Лицо его явно имѣло недовольное выраженіе.

Княгиня помѣстилась напротивъ него.

— Что̀ Марья Васильевна? — спросила она.

— Ничего себѣ; такъ же попрежнему добра и такъ же попрежнему несносна... Вотъ прислала тебѣ въ подарокъ, — прибавилъ князь, вынимая изъ кармана и перебрасывая къ женѣ крестикъ Марьи Васильевны:—велѣла тебѣ надѣть; говоритъ, что послѣ этого непремѣнно дѣти будутъ.

— Вотъ какъ? — сказала княгиня, немного краснѣя въ лицѣ.—Что жъ, я очень рада буду тому.

Князь на это ничего не сказалъ.

О Михайлѣ Борисовичѣ княгиня ужъ и не спрашивала: она очень хорошо знала, что мужъ на этотъ вопросъ непремѣнно разразится бранью.

— Кого еще видѣлъ въ Петербургѣ?—сдѣлала она ему болѣе общій вопросъ.

— Мингера, разумѣется, — отвѣчалъ князь съ нѣкоторою гримасою. Пріятель этотъ своимъ послѣднимъ подобострастнымъ разговоромъ съ Михайлой Борисовичемъ просто показался князю противенъ.—Къ намъ лѣтомъ собирается пріѣхать въ Москву погостить, — присовокупилъ онъ: — но только, по своей нѣмецкой щепетильности, все конфузится и спрашиваетъ, что не стѣснитъ ли насъ этимъ? Я говорю, что меня нѣтъ, а жену—не знаю.

Легкая и едва замѣтная краска пробѣжала при этомъ на лицѣ княгини.

— Чѣмъ же онъ меня можетъ стѣснить? Нисколько...—проговорила она тихо.

— Ну, такъ такъ и надобно написать ему! — проговорилъ князь и позѣвнулъ во весь ротъ.

Княгиня при этомъ потупилась: легкая краска продолжала играть на ея лицѣ.

— Кто былъ у тебя во все это время? — спросилъ князь послѣ нѣкотораго молчанія и какъ бы пооживившись нѣсколько.

— Да кто былъ?—отвѣчала княгиня, припоминая:—пріѣзжала всего только одна Анна Юрьевна и велѣла тебѣ сказать, что она умираетъ отъ скуки, такъ долго не видавъ тебя.

— Взаимно и я тоже!—подхватилъ князь.

— Значитъ, полное согласіе сердецъ!..—замѣтила княгиня.

— Совершеннѣйшее!—воскликнулъ князь, смотря на потолокъ.—А что,—продолжалъ онъ съ нѣкоторой разстановкой и точно не рѣшаясь вдругъ спросить о томъ, о чемъ ему хотѣлось спросить:—Анна Юрьевна ничего тебѣ не говорила про свою подчиненную Елену?..—Голосъ у него при этомъ былъ какой-то странный.

— Нѣтъ, говорила: хвалила ее очень!—отвѣчала княгиня, повидимому, совершенно равнодушно, и только голубые глаза ея забѣгали изъ стороны въ сторону, какъ бы затѣмъ, чтобы князь не прочелъ ея тайныхъ мыслей.

— А у тебя Елена бывала?—продолжалъ тотъ разспрашивать.

— Была раза два. Она и сегодня, говорятъ, заходила.

— Сегодня?—переспросилъ князь.

— Да, но ко мнѣ почему-то не зашла; о тебѣ только спросила...—Слова эти княгиня тоже замѣтно старалась произнести равнодушно; но все-таки они у ней вышли какъ-то суше обыкновеннаго.—Очень ужъ тебя ждали здѣсь всѣ твои любимыя дамы!—присовокупила она, улыбаясь и какъ бы желая тѣмъ скрыть то, что думала.

— Что жъ, это не дурно для меня,—отвѣчалъ въ свою очередь съ усмѣшкой князь.

Извѣстіе, что Елена къ нимъ сегодня заходила, явнымъ образомъ порадовало его, такъ что онъ тотчасъ же послѣ того сдѣлался гораздо веселѣе, сталъ разсказывать княгинѣ разныя разности о Петербургѣ, острилъ, шутилъ при этомъ. Та, съ своей стороны, замѣтила это и врядъ ли даже не поняла причины тому, потому что легкое облако печали налетѣло на ея молодое лицо и не сходило съ него ни во время слѣдовавшаго затѣмъ обѣда ни потомъ...

Часовъ въ семь вечера князь уѣхалъ изъ дому.

Бывшая утромъ вьюга превратилась вечеромъ въ страшный морозъ, такъ что въ эту ночь тамъ, гдѣ-то у Калужскихъ воротъ, говорятъ, замерзли два извозчика, а въ Кремлѣ замерзъ часовой. Пѣшеходы если и появлялись, то по большей части бѣжали или въ лавочку, или въ кабакъ. На Маросейкѣ, въ одномъ изъ каменныхъ домовъ, въ окнахъ, густо забранныхъ льдомъ, свѣтился огонь. Это была квартира госпожи Жиглинской. Госпожа Жиглинская болѣе чѣмъ за годъ не платила за квартиру, и завѣдывавшій домомъ сенатскій чиновникъ докладывалъ-было купцу-домовладѣльцу, что не согнать ли ее?

— Прахъ ее дери, заплатитъ когда-нибудь! Возьми съ нея вексель покрѣпче,—слышь?—сказалъ хозяинъ.

— Слушаю-съ!—протянулъ сенатскій чиновникъ.

— Другіе, пожалуй, и даромъ не станутъ стоять въ этихъ сараяхъ! — разсуждалъ хозяинъ. — Не передѣлывать же ихъ дьяволовъ! Холодище, чай, такой, что собакамъ не сжить, не то что людямъ.

— Очень холодно-съ!—подтвердилъ сенатскій чиновникъ и въ тотъ же день взялъ вексель съ госпожи Жиглинской, которая, подписываясь, обругала прежде всего довольно грубыми словами домъ, потомъ хозяина, а наконецъ и самого чиновника.

Госпожа Жиглинская происходила изъ довольно богатой фамиліи и въ молодости, вѣроятно, была очень хороша собой; несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, она до сихъ поръ сохранила еще довольно ловкія манеры, умѣнье одѣваться къ лицу и вообще являла собою женщину весьма внушительной и презентабельной наружности. Жизнь ея прошла полна авантюръ: сначала влюбилась она въ поляка-офицера, вышла за него замужъ; тотъ прежде всего промоталъ ея приданое, потомъ вышелъ въ отставку и завелъ у себя игорный домъ. Госпожа Жиглинская обязана была быть любезною съ бывавшими и игравшими у нихъ молодыми людьми. Потомъ мужъ ея поступилъ въ штатъ московской городской полиціи частнымъ приставомъ въ одну изъ лучшихъ частей города. Жить они стали на этомъ мѣстѣ прекрасно; но и тутъ онъ что-то такое очень сильно проврался или сплутовалъ, но только исключенъ былъ изъ службы и вскорѣ умеръ, оставивъ жену съ восьмилѣтней дѣвочкой. Госпожа Жиглинская, впрочемъ, вскорѣ нашла себѣ покровителя и опять стала жить въ прекрасной квартирѣ, ѣздить въ коляскахъ; маленькую дочь свою она одѣвала какъ ангела; наконецъ благодѣтель оставилъ ее и женился на другой. Госпожа Жиглинская хлопотала-было

сыскать себѣ новаго покровителя и, говорятъ, имѣла ихъ нѣсколько, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ; но—увы!—все это были люди недостаточные, и такимъ образомъ, проживая небольшое состояніе свое, скопленное ею отъ мужа и отъ перваго покровителя своего, она принуждена была дочь свою отдать въ одно изъ благотворительныхъ учебныхъ заведеній и брала ее къ себѣ только по праздникамъ. Чѣмъ дольше дѣвочка училась тамъ, чѣмъ дольше и дальше шло ея воспитаніе, тѣмъ какъ-то суше и непривѣтливѣе становилась она къ матери и почти съ гнѣвомъ, который едва доставало у нея силъ скрывать, относилась къ образу ея жизни и вообще ко всѣмъ ея понятіямъ. По мнѣнію матери, напримѣръ, ничего не стоило поголодать дня два, посидѣть въ холоду, лишь бы только жить въ нарядной, просторной квартирѣ и имѣть потомъ возможность выѣхать въ театръ или на гулянье. Дочь же говорила, что человѣку нужна только небольшая комната, съ потребнымъ количествомъ чистаго воздуха (и тутъ она даже съ точностью опредѣляла это количество), нуженъ кусокъ здоровой пищи (и тутъ она опять-таки назначала съ точностью, сколько именно пищи) и наконецъ умная книга. По выходѣ изъ училища, дочь объявила матери, что она ничѣмъ не будетъ ее стѣснять и уйдетъ въ гувернантки, и дѣйствительно ушла; но черезъ мѣсяцъ же возвратилась къ ней снова, говоря, что частныхъ мѣстъ она больше брать не будетъ, потому что въ этомъ положеніи надобно сдѣлаться или рабою, служанкою какой-нибудь госпожи, или предметомъ страсти какого-нибудь господина, а что она пріищетъ себѣ лучше казенное или общественное мѣсто и будетъ на немъ работать. Во всѣхъ этихъ планахъ дочери питаться своими трудами мать очень мало понимала и гораздо больше бы желала, чтобы она вышла замужъ за человѣка съ обезпеченнымъ состояніемъ, или, если этого не случится, она, пожалуй, не прочь бы была согласиться и на другое, зная по многимъ примѣрамъ, что въ этомъ положеніи живутъ иногда гораздо лучше, чѣмъ замужемъ... Жизнь, исполненная разнаго рода авантюръ, немножко черезчуръ низко низвела нравственный уровень госпожи Жиглинской!

Въ настоящій вечеръ госпожа Жиглинская сидѣла въ своей комнатѣ на креслѣ, занятая вязаньемъ какой-то шерстяной косынки и сохраняя при этомъ гордѣйшую позу. Она закутана была на этотъ разъ во всѣ свои шали и бурнусы, такъ какъ во всей ея квартирѣ, не топленной съ утра, былъ страшный холодъ. Рядомъ съ комнатой матери, въ довольно большой гостиной, передъ лампой, на диванѣ сидѣла дочь г-жи

Жиглинской, которая была не кто иная, какъ знакомая намъ Елена. Мать и дочь были нѣсколько похожи между собой, и только госпожа Жиглинская была гораздо громаднѣе и мужественнѣе дочери. Кромѣ того, въ лицѣ Елены было больше ума, больше солидности, видно было больше образованія и совершенно не было той наглой и почти безстыдной дерзости, которая какъ бы освѣщала всю физіономію ея матери. Глубокія очертанія, которыми запечатлѣны были лица обѣихъ дамъ, и очень замѣтные усы на губахъ старухи Жиглинской, а равно и замѣтный пушокъ тоже на губкахъ дочери, свидѣтельствовали, что какъ та, такъ и другая надѣлены были одинаково пылкими темпераментами и имѣли характеры твердые, непреклонные, способные изломаться о препятствіе, но не изогнуться передъ нимъ. Елена была на этотъ разъ вся въ слезахъ и посинѣла отъ холоду. Происходившій у нея разговоръ съ матерью былъ далеко не пріятнаго свойства.

— Это странно,—говорила Елена голосомъ, полнымъ горести:—какъ вы не могли послать Мареушу попросить у кого-нибудь десятка два полѣнъ!

— Я посылала, но не даютъ... Что̀ же мнѣ дѣлать?..— отвѣчала Жиглинская какимъ-то металлически-холоднымъ тономъ.

— Отчего же не даютъ? Мы не даромъ бы у нихъ взяли; я говорила, что принесу денегъ—и принесла наконецъ.

— Не даютъ!..—повторила госпожа Жиглинская.

Ей какъ будто даже весело было давать такіе отвѣты дочери, и она словно издѣвалась въ этомъ случаѣ надъ ней.

— Вы сдѣлаете то,—продолжала Елена, и черные глаза ея сплошь покрылись слезами: — вы сдѣлаете то, что я въ этакомъ холоду не могу принять князя, а онъ сегодня непремѣнно заѣдетъ.

— Отчего же не принять?.. Прими!.. Пускай посидитъ тутъ и посмотритъ,—отвѣчала госпожа Жиглинская явно уже съ насмѣшкой.

Сближеніе Елены съ княземъ сначала очень ее радовало. Что̀ тамъ между ними происходило и чѣмъ все это могло кончиться,—она особенно объ этомъ не заботилась; но, видя, что князь безъ памяти влюбленъ въ дочь, она главнымъ образомъ совершенно успокоилась насчетъ дальнѣйшихъ средствъ своихъ къ существованію. На дѣлѣ же, сверхъ всякаго ожиданія, стало оказываться не совсѣмъ такъ: отъ князя имъ не было никакой помощи. Въ одну изъ минутъ весьма крайней нужды, госпожа Жиглинская рѣшилась-было намекнуть объ этомъ дочери: «Ты бы попросила денегъ у друга

твоего, у князя; у него ихъ много»,—сказала она ей больше шутя; но Елена почти озлобленно взглянула на мать. «Какъ вы глупо говорите!»—сказала она ей въ отвѣтъ и ушла послѣ того изъ ея комнаты. Госпожа Жиглинская долго послѣ этого ни о чемъ подобномъ не говорила съ дочерью и допекала ее только тѣмъ, что дня по два у нихъ не было ни обѣда ни чаю; хотя госпожа Жиглинская и могла бы все это имѣть, если бы продала какія-нибудь свои брошки и сережки, но она ихъ не продавала. Въ вечеръ этотъ она, вѣроятно, выведенная изъ всякаго терпѣнія холодомъ, опять, повидимому, хотѣла возобновить разговоръ на эту тему.

— И побогаче насъ люди одолжаются и принимаютъ помощь отъ своихъ знакомыхъ,—проговорила она, какъ бы размышляя больше сама съ собой.

— Никогда! Ни за что!—воскликнула Елена, догадавшаяся, что̀ хочетъ сказать мать.—Я могла пойти къ князю,—продолжала она съ какимъ-то сдержаннымъ достоинствомъ:—и просить у него мѣста, возможности трудиться; но больше этого я ни отъ кого, никогда и ничего не приму.

Елена, дѣйствительно, по совѣту одного молодого человѣка, встрѣчавшаго князя Григорова за границей и говорившаго, что князь непремѣнно отыщетъ ей мѣсто, обратилась къ нему. Князь, послѣ весьма короткаго разговора съ Еленою, въ которомъ она выразила ему желаніе трудиться, бросился къ одной изъ кузинъ своихъ, Аннѣ Юрьевнѣ, и такъ присталъ къ ней, что та на другой же день дала Еленѣ мѣсто учительницы въ школѣ, которую Анна Юрьевна на свой счетъ устроила и была надъ ней попечительницей. Елена послѣ того пришла, разумѣется, поблагодарить князя. Онъ на этотъ разъ представилъ ее княгинѣ, которая на первыхъ порахъ приняла Елену очень любезно и просила бывать у нихъ въ домѣ, а князь, въ свою очередь, выпросилъ у Елены позволеніе посѣтить ея матушку, и такимъ образомъ они стали видѣться почти ежедневно.

— Тебя никто и не заставляетъ ни отъ кого ничего принимать,—говорила между тѣмъ старуха Жиглинская.

— Нѣтъ, вы заставляете, вы пишете тамъ князю о какихъ-то вашихъ салопахъ,—возразила ей Елена.

Госпожа Жиглинская вспыхнула при этомъ немного; дочь въ первый еще разъ выразила ей неудовольствіе по этому поводу.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! — захохотала она какимъ-то непріятнымъ и злобнымъ смѣхомъ.—Я могу, кажется, и безъ твоего позволенья писать моимъ знакомымъ то, что̀ я хочу.

— Да, вашимъ, но не моимъ, а князь—мой знакомый, вы

это очень хорошо знаете, и я просила бы васъ не унижать меня въ глазахъ его,—проговорила рѣзко Елена.

Госпожа Жиглинская окончательно разсердилась.

— Ты мерзкая и негодная дѣвчонка! — воскликнула она (въ выраженіяхъ своихъ съ дочерью госпожа Жиглинская обыкновенно не стѣснялась и называла ее иногда еще худшими именами).—У тебя на глазахъ мать можетъ умирать съ голоду, съ холоду, а ты въ это время будешь преспокойно философствовать.

— Философствовать лучше, чѣмъ дѣлать что-нибудь другое!..— начала Елена и врядъ ли не хотѣла сказать какую-нибудь еще рѣзкую вещь, но въ это время раздался звонокъ. Елена поблѣднѣла при этомъ.—Марѳуша, Марѳуша!—крикнула она почти задыхающимся голосомъ.—Онъ войдетъ и въ самомъ дѣлѣ дастъ намъ на дрова.

Вбѣжала толстая, краснощекая дѣвка.

— Не принимай князя, скажи, что я больна, лежу въ постели, заснула...—говорила торопливо Елена и вмѣстѣ съ тѣмъ торопливо гасила лампу.

Марѳуша выбѣжала отворить дверь. Это дѣйствительно пріѣхалъ князь.

— Барышня больны-съ, легли въ постель-съ, почиваютъ,— донесла ему та.

Князя точно обухомъ кто ударилъ отъ этого извѣстія по головѣ.

— Но, можетъ-быть, она приметъ меня, доложи!—какъ-то пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ-съ, онѣ ужъ заснули!—сказала Марѳуша и захлопнула у него передъ носомъ дверь.

Князь послѣ этого повернулся и медленно сталъ спускаться съ лѣстницы... Вскорѣ послѣ того Елена, все еще остававшаяся въ темной гостиной, чуткимъ ухомъ услыхала стукъ его отъѣзжавшей кареты.

III.

На другой день въ кабинетѣ князя сидѣло цѣлое общество: онъ самъ, княгиня и докторъ Елпидифоръ Мартынычъ Илліонскій, въ поношенномъ вицмундирномъ фракѣ, съ тусклою, порыжѣлою и измятою шляпой въ рукахъ и съ низко-низко спущеннымъ владимирскимъ крестомъ на шеѣ. Елпидифоръ Мартынычъ принадлежалъ еще къ той допотопной школѣ врачей, которые кресты, чины и ленты предпочитаютъ даже деньгамъ и практику къ домѣ какого-нибудь высшаго служеб-

наго лица или даже отставного именитаго вельможи считаютъ для себя превыше всего. У Григоровыхъ Елпидифоръ Мартынычъ лѣчилъ ихъ съ дѣда ихъ; нынѣшній же князь хоть и считалъ почтеннаго доктора почти за идіота, но терпѣлъ его единственно потому, что вовсе еще пока не заботился о томъ, у кого лѣчиться. Княгиня же цѣнила въ Елпидифорѣ Мартынычѣ его привязанность къ ихъ семейству. Происходя изъ духовнаго званія и имѣя смолоду сильный басъ, Елпидифоръ Мартынычъ какъ-то необыкновенно громко и сильно откашливался и даже почему-то ужасно любилъ это дѣлать.

— К-х-ха! — произнесъ онъ на всю комнату, беря князя за руку, чтобы пощупать у него пульсъ.—К-х-ха!—повторилъ онъ еще разъ и до такой степени громко, что входившая-было въ кабинетъ собака князя, услыхавъ это, повернулась и ушла опять въ заднія комнаты, чтобы только не слышать подобныхъ страшныхъ вещей.—К-х-ха!—откашлянулся докторъ въ третій разъ.—Ничего, такъ себѣ, маленькая лихорадочка,—говорилъ онъ басомъ и нахмуривая свои глупыя, густыя брови.

— Конечно, ничего, стоило посылать!—произнесъ князь досадливымъ голосомъ, между тѣмъ лицо у него было какое-то искаженное и измученное. Руку свою онъ почти насильно послѣ того вырвалъ изъ руки Елпидифора Мартыныча.

— Все лучше посовѣтоваться!—отвѣчала кротко княгиня: вечеромъ она видѣла, что мужъ откуда-то пріѣхалъ очень мрачный, затворился въ своемъ кабинетѣ и притворился, что читаетъ; но потомъ, ночью, она очень хорошо слышала, что князь не заснулъ ни на минуту и даже стоналъ нѣсколько разъ, какъ бы отъ чего-то душившаго его. Испугавшись всего этого, она поутру, не сказавъ даже о томъ князю, послала за Елпидифоромъ Мартынычемъ, который и прибылъ сейчасъ же и вмѣстѣ съ княгиней вошелъ въ кабинетъ къ князю. Тотъ, увидѣвъ его и понявъ, въ чемъ дѣло, въ первую минуту взбѣсился-было; однако удержался и принялъ только очень сердитый видъ.

— Ничего-съ!—повторилъ еще разъ Елпидифоръ Мартынычъ, усаживаясь въ кресло и приготовляясь, какъ видно, побесѣдовать.—К-х-ха!—откашлянулся онъ затѣмъ съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ и отнесся уже съ разговорами къ княгинѣ:—Былъ я, сударыня, ваше сіятельство, у графа Виктора Сергѣевича на обѣдѣ; кушали у него: владыка съ викаріемъ, генералъ-губернаторъ со свитой, разные господа сенаторы...

— Что̀ же это, онъ награду свою праздновалъ?—спросила княгиня.

— Непремѣнно такъ-съ, непремѣнно!—подтвердилъ Елпидифоръ Мартынычъ.—Очень старикъ доволенъ; съ коронаціи еще онъ желалъ сей первенствующей ленты Россійской имперіи и вдругъ получилъ ее. Пріятно каждому, — согласитесь!

— Да!—поспѣшила согласиться княгиня: она больше всего въ эти минуты желала, чтобы какъ-нибудь прекратить подобный разговоръ, отъ котораго, она очень хорошо видѣла и понимала, до какой степени князь внутри себя рветъ и мечетъ; но Елпидифоръ Мартынычъ не унимался.

— Я, когда награжденъ былъ симъ крестомъ,—продолжалъ онъ, указывая съ гордостью на своего Владимира:—пріѣзжаю тогда благодарить генералъ-губернатора, всплакалъ отъ полноты чувствъ,—ей-Богу!

Князь уже болѣе не вытерпѣлъ.

— Не о чемъ, видно, вамъ плакать-то о болѣе порядочномъ!—произнесъ онъ.

— О болѣе порядочномъ — а?.. Вольнодумецъ какой онъ!.. Вольнодумецъ онъ у васъ, княгиня, а?..—обратился Елпидифоръ Мартынычъ къ княгинѣ.

— Ужасный!—отвѣчала та.

— А вы за ушко его за это, за ушко!.. И въ Бога вѣдь, чай, не вѣруетъ?..—шутилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Не знаю!—сказала княгиня съ улыбкою.

— Вамъ, какъ медику, совѣстно, я думаю, объ этомъ и спрашивать и безпокоиться, — проговорилъ насмѣшливо князь.

— А вотъ что медики-съ, скажу я вамъ на это!..—возразилъ Елпидифоръ Мартынычъ:—у меня тоже вотъ въ молодости-то бродили въ головѣ разныя фанаберіи, а тутъ какъ въ первую холеру въ 30-мъ году сунули меня въ госпиталь, смотришь, сегодня умерло двѣсти человѣкъ, завтра триста, такъ увѣруешь тутъ, будешь вѣрить!

— Смерть, и особенно близкихъ намъ людей, лучше всего насъ можетъ научить этому,—подтвердила и княгиня.

— Да какъ же, помилуйте!—воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ:—изъ земли взятъ, говорятъ, землей и будешь. А душа-то куда дѣвается? Ее-то надобно дѣвать куда-нибудь.

Князь на это только злобно усмѣхнулся.

— Нынче, сударыня, все отвергаютъ, все! — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, попрежнему обращаясь къ княгинѣ.— Нынче вонъ, говорятъ, между молодыми людьми какіе-то нигилисты есть, и у насъ въ медицинѣ все нигилисты, все отвергли; одинъ только, изволите видѣть, лапись и опіумъ при-

знали! Все въ природѣ сотворено не на потребу человѣка, а ко вреду ему, и одинъ только лапись и опіумъ исцѣляютъ и врачуютъ его отъ всѣхъ болѣзней.

— Не отъ всѣхъ болѣзней, — возразилъ на это сердито князь:—а genius morborum нашего времени таковъ, что эти средства, по преимуществу, помогаютъ.

— Какой это genius morborum такой, желалъ бы я знать?.. Какой это онъ?..—вспылилъ уже Елпидифоръ Мартынычъ.— Господи помилуй!—продолжалъ онъ, разводя руками:—всегда были лихорадки, чахотки, параличи,—всегда они и будутъ!.. Новое намъ надобно что-нибудь выдумать—вотъ что-съ! Пріѣдетъ нынче докторъ къ больному и расписываетъ ему: «у васъ то-то и то-то; организмъ у васъ такой-то, темпераментъ такой-то!» Батюшки мои! цѣлую лекцію прочтетъ ему изъ медицины, а тотъ и думаетъ: «ай, какой мудрецъ-всезнайка!»... А я, извините меня, за грѣхъ всегда считалъ это дѣлать. Я никогда не скажу больному, что̀ у него; долженъ это знать я, а не онъ: онъ въ этомъ случаѣ человѣкъ темный, его только можно напугать тѣмъ. Родныхъ, конечно, предувѣдомлю, когда кто труденъ, чтобы успѣли распорядиться о духовной и причастить заблаговременно!.. К-х-ха!..—откашлялся старикъ въ заключеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздался и звонокъ снизу отъ швейцара.

Князь и княгиня переглянулись между собой.

— Кто можетъ быть такъ рано?—проговорила послѣдняя.

Князь тоже недоумѣвалъ.

— Дама какая-то идетъ!—сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, обертываясь и оглядываясь въ залу.

— Это, вѣроятно, Елена!—произнесла княгиня болѣе уже тихимъ голосомъ.

У князя всѣ мускулы въ лицѣ передернуло.

Въ кабинетъ вошла дѣйствительно Елена. Внутри себя она, должно-быть, была страшно взволнована; но, по наружности, старалась сохранить смѣлый и спокойный видъ.

— Bonjour, princesse! — отнеслась она какъ-то особенно смѣло къ княгинѣ.

— Здравствуйте,—отвѣчала та ей негромко.

— Я пришла, князь, провѣдать, пріѣхали ли вы изъ Петербурга,—обратилась она какимъ-то неестественнымъ голосомъ къ князю.

Тотъ при этомъ сильно сконфузился.

— Да, я вчера пріѣхалъ,—отвѣчалъ онъ, понимая такъ, что Елена не хочетъ говорить при княгинѣ о томъ, что онъ заѣзжалъ къ ней вчера.

Они часто о многихъ вещахъ, вовсе не условливаясь предварительно, не говорили при княгинѣ.

Доктору Елена вѣжливо поклонилась. Елпидифоръ Мартынычъ, въ свою очередь, передъ ней всталъ и, какъ только умѣлъ, модно раскланялся и вслѣдъ затѣмъ уже не спускалъ съ нея своихъ старческихъ очей.

Елена, благодаря тому, что съ дѣтства ей дано было чисто-свѣтское образованіе, а еще болѣе того благодаря своей прирожденной польской ловкости, была очень граціозное и изящное созданіе, а одушевлявшая ее въ то время рѣшительность еще болѣе дѣлала ее интересной; она сѣла на стулъ невдалекѣ отъ князя.

— Maman проситъ васъ сегодня заѣхать къ ней, она очень желаетъ васъ видѣть,—проговорила Елена.

— А сами вы будете дома?—спросилъ ее протяжно князь.

— Непремѣнно!—подхватила Елена стремительно.

Она и прежде, когда приглашала князя, то всегда на первыхъ же порахъ упоминала имя «maman»; но саму maman они покуда еще княгинѣ не показывали, и князь только говорилъ ей, что это очень добрая, но больная и никуда не выѣзжающая старушка.

Елпидифоръ Мартынычъ, все еще продолжавшій смотрѣть на Елену, не утерпѣлъ наконецъ и отнесся къ ней.

— К-х-ха!—началъ онъ прежде всего съ кашля:—позвольте мнѣ спросить: не имѣлъ ли я удовольствія встрѣчать васъ въ домѣ графини Анны Юрьевны?

— Очень можетъ быть,—отвѣчала Елена:—но только не въ домѣ у ней, а въ передней: я приходила къ ней просить мѣста учительницы.

Елпидифоръ Мартынычъ склонилъ при этомъ свою голову.

— И получили вы сіе мѣсто?

— Получила, вотъ по милости князя!—сказала Елена.

Елпидифоръ Мартынычъ еще ниже склонилъ свою голову.

— Значитъ, мы въ нѣкоторомъ родѣ товарищи съ вами по службѣ. Я тоже служу у Анны Юрьевны по попечительству и смѣю рекомендовать себя: дѣйствительный статскій совѣтникъ Елпидифоръ Мартынычъ Илліонскій!

Елена молчала на это.

— А ваша фамилія?—продолжалъ старикашка.

— Жиглинская!—сказала Елена.

Елпидифоръ Мартынычъ растопырилъ руки.

— Елизаветы Петровны дочь?—воскликнулъ онъ.

— Да!—отвѣчала Елена.

— Я вотъ еще какую васъ видѣлъ, вотъ какохонькую!—

говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, показывая рукою отъ полу на аршинъ и все ниже и ниже затѣмъ опуская руку.—Что же ваша матушка подѣлываетъ и какъ поживаетъ?

— Ничего, хорошо!—отвѣчала ему сухо и почти съ неудовольствіемъ Елена, потому что Елпидифоръ Мартынычъ, говоря послѣднія слова, явно уже обратилъ на нее какіе-то масляные глаза: онъ былъ ужасный волокита и особенно за небогатенькими дѣвушками.

— Ну, однако мнѣ пора!—сказала Елена, вставая.

Ее, по преимуществу, конфузило то, что княгиня во все это время не проговорила съ ней ни слова.

— А вы въ какія страны, осмѣлюсь васъ спросить?—обратился опять къ ней Елпидифоръ Мартынычъ, тоже поднимаясь съ своего мѣста.

— На Покровку! — отвѣчала ему Елена и отвернулась отъ него.

— Такъ не угодно ли, я довезу васъ на своихъ коняхъ? Я въ эти именно страны и ѣду,—говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, явно уже любезничая съ ней.

Елена нѣсколько мгновеній замѣтно недоумѣвала и въ это время успѣла бросить короткій, но вопрошающій взглядъ на князя.

— Онъ васъ довезетъ отлично!—проговорилъ тотъ, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ взглядъ.

— Ну, хорошо!—сказала Елена.—Adieu, princesse,—прибавила она какъ-то офиціально княгинѣ.

— Прощайте!—отвѣчала та, стараясь, по обыкновенію, придать какъ можно болѣе простоты и естественности своему голосу.

— Ну такъ, значитъ, до свиданья, до вечера,—говорила Елена, подавая бойко руку князю.

— До вечера!—повторилъ тотъ, видимо, дѣлая надъ собой страшное усиліе, чтобъ не смотрѣть на Елену тоже неравнодушнымъ окомъ.—А я книгъ много для васъ накупилъ: прикажете ихъ ужо привезти къ вамъ?—присовокупилъ онъ.

— Пожалуйста!—отвѣчала Елена и пошла.

Елпидифоръ Мартынычъ поспѣшилъ послѣдовать за ней.

Княгиня вышла ихъ обоихъ немного проводить.

— Барышня-то эта отличная, безподобная!—шепнулъ ей Елпидифоръ Мартынычъ, указывая глазами на уходящую Елену и принимая отъ княгини деньги за визитъ.

— Да!—протяжно отвѣтила она и снова возвратилась въ кабинетъ къ мужу.

Князь сидѣлъ на креслахъ, закинувъ голову назадъ. Лицо

его имѣло какое-то мечтательное выраженіе; лицо же княгини, напротивъ, и на этотъ разъ опять осѣнилось облакомъ тайнаго неудовольствія. Мужъ и жена, оставшись съ глазу на глазъ, чувствовали необходимость начать между собой какой-нибудь разговоръ, но о чемъ именно—не знали. Князь, впрочемъ, заговорилъ первый.

— Этотъ Елпидифоръ такой дуракъ невыносимый...—произнесъ онъ недовольнымъ голосомъ.

— Да, не уменъ...—согласилась и княгиня.

— Его непремѣнно надобно прогнать и не пускать къ себѣ, а то онъ одними своими разсужденіями можетъ уморить человѣка.

— Пожалуй, какъ хочешь!—отвѣчала княгиня.

Она, надо думать, разсердилась въ этотъ разъ на Елпидифора Мартыныча главнымъ образомъ за то, что онъ очень ужъ лестно отозвался объ Еленѣ.

Послѣ обѣда князь съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера и въ шесть часовъ велѣлъ себѣ закладывать карету. Княгиня въ это время сидѣла на своей половинѣ. Уѣзжая, князь не зашелъ даже къ ней проститься. Княгиня тоже не вышла, по обыкновенію, проводить его. Князь повезъ съ собою цѣлую кипу книгъ и каретѣ, разумѣется, велѣлъ ѣхать на Маросейку. Здѣсь квартира госпожи Жиглинской представляла совсѣмъ другой видъ, чѣмъ вчера: она была вся натоплена и подметена. Сама госпожа Жиглинская, разодѣтая въ черное шелковое платье и въ модный, съ пунцовыми лентами, чепецъ, сидѣла на обычномъ своемъ мѣстѣ съ вязаньемъ въ рукахъ и надменно надсматривала за Марѳушей, приготовлявшей на столѣ чайный приборъ. Елена, тоже въ черномъ шелковомъ платьѣ, ловко обхватывающемъ ея стройный станъ, и очень красиво причесанная, сидѣла попрежнему на диванѣ. Она не то что была печальна, но какъ-то взволнована и вся какъ бы превратилась въ слухъ и вниманіе къ скрипу и стуку проѣзжающихъ мимо экипажей. Наконецъ шумъ послышался въ самыхъ сѣняхъ ихъ квартиры.

Елена привстала.

— Марѳуша, поди, отвори!—воскликнула она.

Марѳуша побѣжала и отворила. Вошелъ князь, державшій въ обѣихъ рукахъ книги.

— Вотъ я вамъ всѣ ихъ привезъ, — говорилъ онъ, входя въ гостиную къ Еленѣ.

— Ахъ, благодарю, тысячу разъ благодарю! — говорила та какъ бы въ самомъ дѣлѣ радостнымъ голосомъ и подсобляя

князю уложить книги на одномъ изъ столиковъ. Освободившись окончательно отъ своей ноши, князь наконецъ усѣлся и принялся сквозь очки глядѣть на Елену, которая сѣла напротивъ него.

— Намъ, я думаю, лучше всего начать съ теоріи Дарвина, — произнесъ онъ.

— Это съ его ученія о происхожденіи видовъ? Я немножко знаю эту теорію, — отвѣчала Елена.

— Да, но ее надобно серьезно изучить, — возразилъ князь.

— Разумѣется! — подхватила Елена.

— Книжка эта довольна толстая... — продолжалъ князь и, не откладывая времени, всталъ и взялъ со стола одну изъ книгъ. — Я думаю, мы можемъ и начать! — повторилъ онъ.

— Хорошо! — отвѣчала Елена.

Князь открылъ книгу и хотѣлъ-было приняться читать, но потомъ вдругъ почему-то пріостановился.

— Ваша maman? — спросилъ онъ какой-то скороговоркой Елену.

— Благодарю! Она у себя въ комнатѣ, — отвѣчала та.

— Тамъ? — спросилъ князь, указывая глазами на дверь.

— Тамъ!

— Здравствуйте, Елизавета Петровна! — воскликнулъ князь.

— Здравствуйте! — отвѣчала госпожа Жиглинская, не поднимаясь съ своего мѣста: она ожидала, что князь непремѣнно къ ней войдетъ, но онъ не входилъ. — Благодарю за салопъ! — прибавила госпожа Жиглинская.

— О, что... Очень радъ, — отвѣчалъ князь, немного сконфузясь.

Елена тоже при этомъ вся вспыхнула.

Князь затѣмъ замолчалъ и больше не сталъ говорить съ Жиглинской-старухой: онъ находилъ, что совершенно достаточно съ ней побесѣдовалъ. Насколько князю нравилась Елена, настолько противна была ему мать; своей массивной фигурой и нахальнымъ видомъ госпожа Жиглинская внушала ему какое-то физіологическое отвращеніе къ себѣ. Елена, съ инстинктомъ и проницательностью умной дѣвушки, чувствовала это и старалась мать свою не сводить съ княземъ и не безпокоить его, такъ сказать, ею. Сама же госпожа Жиглинская, тоже замѣчавшая, что князь не совсѣмъ охотно съ ней встрѣчается и разговариваетъ, объясняла это совершенно иначе: она полагала, что князь, приволакиваясь за дочкой, просто ея притрухиваетъ. «Ахъ, какой онъ глупенькій, глупенькій!» — разсуждала она сама съ собой по этому поводу.

Князь принялся наконецъ читать. Елена стала слушать его внимательно. Она все почти понимала и только въ нѣко-

торыхъ, весьма немногихъ мѣстахъ останавливала князя и просила его растолковать ей. Тотъ принимался, но по большей части путался, начиналъ говорить какія-то фразы, страшно при этомъ конфузился: не оставалось никакого сомнѣнія, что онъ самъ хорошенько не понималъ того, что̀ говорилъ.

— Чортъ знаетъ какъ досадно не знать хорошенько естественныхъ наукъ!—воскликнулъ онъ какъ бы больше самъ съ собой.

— Да, немного мы знаемъ, очень немного... — произнесла протяжно Елена. — Но вы, кажется, очень устали? — прибавила она, взглянувъ съ участіемъ на князя, у котораго дѣйствительно отъ двухчасового чтенія и отъ умственнаго при этомъ напряженія потъ градомъ выступалъ на лбу.

— Есть отчасти... — отвѣчалъ ей тотъ съ улыбкою.

— Ну, такъ бросимте; будетъ на сегодня! — разрѣшила ему Елена.

— Будетъ, такъ будетъ! — согласился съ удовольствіемъ князь.

Ему самому давно, кажется, гораздо болѣе хотѣлось смотрѣть на Елену, чѣмъ въ книгу.

— Знаете что̀? — начала она потомъ, прищуривая немного свои черные глаза, и съ этимъ выраженіемъ лица была очень хороша собою: — я непремѣнно хочу у васъ спросить объ одной вещи: что̀, княгиня сердится на меня, что ли, за что-нибудь?

— Княгиня? — переспросилъ князь нѣсколько съ притворнымъ удивленіемъ.

— Да. Она давеча не сказала со мной двухъ словъ, — отвѣчала Елена.

— Но вы такъ мало были у насъ, что она, я думаю, просто не успѣла этого сдѣлать, — возразилъ князь.

Елена сомнительно покачала головой.

— Врядъ ли это такъ, — сказала она: — потому что, кромѣ молчанія, княгиня имѣла такой сердитый и недовольный видъ.

— Ей, можетъ-быть, нездоровилось! — объяснилъ князь.

— Но докторъ однако былъ у васъ, а не у княгини, — возразила Елена.

— А чортъ его знаетъ, у кого онъ былъ! — сказалъ съ сердцемъ князь, и вообще, какъ видно было, весь этотъ разговоръ начиналъ ему становиться скучнымъ и непріятнымъ.

— Но дѣло не въ томъ-съ. Перехожу теперь къ главному,— продолжала Елена: — мы обыкновенно наши письма, наши разговоры чаще всего начинаемъ съ того, что̀ васъ радуетъ или сердитъ, — словомъ, съ того, что̀ въ насъ въ извѣстный моментъ сильнѣй другого живетъ,—согласны вы съ этимъ?

— Согласенъ, — отвѣчалъ князь.

— Ну-съ, а почему же вы послѣднее ваше письмо,—письмо, какъ видно, очень искреннее, — прямо начинаете съ того, что стали мнѣ описывать, до какой степени васъ возмущаетъ и вамъ ненавистенъ чиновничій Петербургъ?.. Вы какъ будто бы тутъ въ чемъ-то спѣшите оправдаться передо мной.

— Я?.. передъ вами?.. — спросилъ князь съ искреннимъ удивленіемъ.

— Да... Значитъ, этотъ міръ еще волнуетъ и безпокоитъ васъ.

— Господи помилуй! — воскликнулъ князь: — меня можно укорить въ тысячѣ мелочностей, но никакъ ужъ не въ этомъ. Этотъ міръ никогда меня ничѣмъ не волновалъ и не привлекалъ.

— Напрасно, совершенно напрасно такъ думаете! — подхватила Елена: — и въ этомъ случаѣ вы, по-моему, мало себя знаете.

Князь уставилъ на Елену удивленный и вопросительный взглядъ.

— Повѣрьте вы мнѣ-съ, — продолжала она милымъ, но въ то же время нѣсколько наставническимъ тономъ: — я знаю по собственному опыту, что единственное счастье человѣка на землѣ — это *трудъ* и *трудиться;* а вы, князь, извините меня, ничего не дѣлаете...

При этомъ замѣчаніи князь вспыхнулъ.

— Какъ тутъ быть! — произнесъ онъ, нахмуривая брови:— найти себѣ занятіе и спеціальность какую-нибудь вовсе дѣло не легкое... Это выпадаетъ только на долю счастливцевъ.

— Вамъ нечего и выдумывать себѣ никакой особенной спеціальности, а берите такую, какая она есть въ обществѣ. Вы человѣкъ умный, способный: поѣзжайте въ Петербургъ, въ который вы и безъ того безпрестанно ѣздите, и поступайте тамъ на службу.

Когда Елена говорила послѣднія слова, то въ ея глазахъ, въ складѣ губъ и даже въ раздувшихся красивыхъ ноздряхъ промелькнула какая-то злая иронія. Князь это подмѣтилъ и былъ крайне этимъ пораженъ: онъ никакъ не ожидалъ услышать отъ Елены подобнаго совѣта.

— Нѣтъ-съ, я служить не могу! — произнесъ онъ глубоко оскорбленнымъ голосомъ.

— Вы не попробовали этого, увѣряю васъ, а испытайте, можетъ-быть, и понравится, тѣмъ болѣе, что княгинѣ давно хочется переѣхать въ Петербургъ: она тамъ родилась, тамъ всѣ ея родные; Москву она ненавидитъ.

— Княгиня можетъ ненавидѣть Москву, но я все-таки не

поѣду отсюда по одному тому, что въ Москвѣ вы живете, — заключилъ князь, произнеся послѣднія слова нѣсколько тише, чѣмъ прочія.

Елена при этомъ поблѣднѣла. Князь въ первый еще разъ такъ прямо сказалъ ей о чувствѣ своемъ. Она сама его горячо любила. Принадлежать человѣку въ бракѣ или безъ брака для Елены, по ея убѣжденіямъ, было рѣшительно все равно; только въ бракѣ, какъ говорили ей, бываютъ эти отношенія нѣсколько попрочнѣе. Но если ужъ ей суждено, чтобы человѣкъ любилъ ее постоянно, такъ и безъ брака будетъ любить; а если не сумѣетъ она этого сдѣлать, такъ и въ бракѣ разлюбитъ. Въ отношеніи дѣтей — то же: хорошій человѣкъ и незаконныхъ дѣтей воспитываетъ, а отъ дрянного и законнымъ никакой пользы не будетъ. Но тутъ ее останавливали и смущали нѣсколько совершенно иныя соображенія: во-первыхъ, Елена очень хорошо понимала, что она наноситъ тутъ зло другой женщинѣ. «Но почему же эта женщина, — разсуждала и въ такомъ случаѣ Елена: — не постаралась сохранить любовь мужа?» Князь самъ ей разсказывалъ, что онъ давно разлюбилъ жену, потому что она никогда не раздѣляла ни одного изъ его убѣжденій; значитъ, Елена тутъ ничѣмъ не была виновата. Во-вторыхъ, она ужасно боялась встрѣтить въ князѣ какія-нибудь аристократическія тенденціи и замашки, которыхъ, конечно, она нисколько не замѣчала въ немъ до сихъ поръ; но, можетъ-быть, въ этомъ случаѣ онъ маскировался только или даже самъ пока не сознавалъ своихъ природныхъ инстинктовъ.

— Я-то меньше чѣмъ кто-либо должна васъ останавливать! — проговорила она.

— Тогда какъ въ васъ вся жизнь моя заключается! — воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, князь, ваша жизнь не во мнѣ заключается! — возразила Елена. — Мы съ вами птички далеко не одного полета: я — бѣдная пташка, которой ни внутри ни извнѣ ничто не мѣшаетъ летать, какъ ей хочется, а вы — аристократическій орленокъ, привязанный многими-многими золотыми нитями къ своей клѣткѣ.

— Да нѣтъ же этого, клянусь вамъ! — воскликнулъ опять князь.

— Есть, князь, есть! — сказала Елена, и голосъ у ней при этомъ отозвался даже какой-то строгостью.

— Что же, послѣ этого, — продолжалъ князь: — стало-быть, вы во мнѣ видите какого-то грубаго, грязнаго волокиту?

— Никогда!.. нисколько!.. Я вижу въ васъ только человѣка,

не имѣвшаго еще въ жизни случая хорошо познакомиться съ самимъ собой.

— Значитъ, такой, какой я есть въ сущности, я вамъ не нравлюсь? — произнесъ князь тихо.

— Напротивъ!.. Къ несчастью, совершенно напротивъ! — отвѣчала тихо Елена, не глядя на князя.

— Но почему же къ несчастью? — спросилъ онъ ее съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— А потому... — начала Елена, и глубокій вздохъ остановилъ ея слова: — потому что въ этомъ, въ самомъ дѣлѣ, мое несчастье! — заключила она.

— Но кто жъ вамъ сказалъ это?

— Предчувствіе мое! — проговорила Елена, и глаза ея при этомъ мгновенно наполнились слезами.

Лицо князя тоже, въ свою очередь, какъ-то исказилось.

— А что̀, если я все рушу, все переломаю, чтобы сдѣлать васъ счастливою? — проговорилъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— Ничего вы не сдѣлаете! — возразила ему Елена тоже негромко.

Князь на это пожалъ только плечами. Онъ никогда еще не видалъ Елены въ такомъ ипохондрическомъ и почти озлобленномъ настроеніи. Въ послѣднюю поѣздку князя въ Петербургъ, ей вдругъ пришла въ голову мысль, что онъ ѣздитъ туда затѣмъ, чтобы тамъ найти себѣ мѣсто, и въ настоящемъ разговорѣ она, по преимуществу, хотѣла его выспросить объ этомъ. Князь же собственно ѣздилъ въ Петербургъ съ совершенно другими цѣлями; впечатлительный и памятливый по натурѣ, онъ всѣ явленія жизни, всѣ мысли изъ книгъ воспринималъ довольно живо и, разъ что̀ усвоилъ, никогда уже не забывалъ того вполнѣ. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени у него накопилась въ душѣ масса идей, чувствованій; разъяснить все это и найти какую-нибудь путеводную нить для своихъ воззрѣній онъ жаждалъ неимовѣрно. Потолковать обо всемъ этомъ въ Москвѣ было рѣшительно не съ кѣмъ. Москва, какъ убѣдился князь по опыту, была въ этомъ отношеніи — болото стоячее. Петербургъ казался ему гораздо болѣе подвижнымъ и развитымъ, и онъ стремился туда, знакомился тамъ съ разными литераторами, учеными, съ высшимъ и низшимъ чиновничествомъ, слушалъ ихъ, самъ имъ говорилъ, спорилъ съ ними, но — увы! — просвѣта передъ жадными очами его послѣ этихъ бесѣдъ нисколько не прибывало, и почти каждый разъ князь уѣзжалъ изъ Петербурга въ какомъ-то трагически-раздраженномъ состояніи, но черезъ полгода снова

ѣхалъ туда. Про всѣ эти свои сомнѣнія и колебанія князь не говорилъ Еленѣ; онъ не хотѣлъ передъ ней являться какимъ-то неопредѣленнымъ человѣкомъ и желалъ лучше, чтобы она видѣла въ немъ окончательно сформировавшагося матеріалиста.

— Что̀ жъ, мы будемъ еще читать? — спросилъ онъ ее послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Не знаю, какъ хотите, — отвѣчала Елена, тоже болѣе занятая своими мыслями, чѣмъ тѣми, которыя выслушала изъ книги.

— Но, можетъ-быть, поздно ужъ? — замѣтилъ князь.

— Нѣтъ, ничего, — проговорила Елена, но только такимъ тономъ, что князь очень хорошо понялъ, что довольно читать.

— До свиданья! — проговорилъ онъ, вставая и крѣпко пожимая своей огромной ручищей красивую руку Елены.

— До свиданья! — сказала она и пошла проводить князя до передней.

— Я все-таки уѣзжаю съ нѣкоторой надеждой! — произнесъ онъ, еще разъ пожимая ей руку.

— Вамъ-то на меня надѣяться можно, мнѣ-то на васъ нельзя! — отвѣчала Елена съ удареніемъ.

— Увидимъ! — сказалъ князь.

— Увидимъ! — повторила и Елена и затѣмъ, ловко поклонившись ему, возвратилась на прежнее свое мѣсто.

Во всемъ этомъ объясненіи князь показался ей такимъ честнымъ, такимъ бравымъ и благороднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько сдержаннымъ и какъ бы не договаривающимся до конца. Словомъ, она и понять хорошенько не могла, что̀ онъ за человѣкъ, и сознавала ясно только одно, что сама влюбилась въ него безъ ума и готова была исполнить самое капризнѣйшее его желаніе, хоть бы это стоило ей жизни.

Шаги матери вывели наконецъ Елену изъ ея размышленій; она оглянулась: старуха Жиглинская стояла передъ ней во весь свой величественный ростъ.

— Что̀ это, въ любви, что ли, онъ съ тобой объяснялся? — спросила она дочь не то одобрительно, не то насмѣшливо.

— О, вздоръ какой! — произнесла та досадливымъ голосомъ.

— Гмм, вздоръ! — усмѣхнулась старуха. — Ко мнѣ однако онъ и проститься не зашелъ.

— Онъ разсѣянъ очень; вѣроятно, забылъ, — сказала Елена.

— Не разсѣянъ онъ, а скорѣе невѣжа! — сказала госпожа Жиглинская и опять ушла къ себѣ въ комнату, увидя, что отъ дочери ничего болѣе не добьешься.

Князь въ это время ѣхалъ не домой, а въ Англійскій клубъ.

Онъ, видимо, былъ сильно взволнованъ всей предыдущей сценой съ Еленой и, пріѣхавъ въ клубъ, прямо прошелъ въ столовую, гдѣ спросилъ себѣ бутылку портвейну и порцію рыбы, которой, впрочемъ, онъ ничего почти не съѣлъ, зато портвейнъ принялся пить стаканъ за стаканомъ. Въ это время по столовой взадъ и впередъ ходилъ, заплетаясь разбитой параличомъ ногою, другой князь, старый, ветхій, и все посматривалъ, какъ Григоровъ опоражнивалъ бутылку, когда же тотъ спросилъ себѣ еще бутылку, старикъ долѣе не вытерпѣлъ сей возмутительной для него сцены, быстро, насколько позволяла ему параличная его нога, ушелъ изъ столовой, прошелъ всѣ прочія залы, бильярдную, библіотеку и вошелъ наконецъ въ такъ называемую чернокнижную комнату, гдѣ сидѣло довольно многочисленное общество.

— Тамъ, въ столовой, князя Василья Петровича Григорова сынокъ,—началъ онъ, какъ бы донося почтенному ареопагу:—другую бутылку портвейну пьетъ.

Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ, особенно болѣе молодые, взглянули на старика вопросительно; но другой старикъ, сидѣвшій въ углу и все время дремавшій, понялъ его.

— А мы развѣ съ вами, Никита Семенычъ, въ гусарахъ меньше пили? — отозвался онъ изъ глубины своихъ креселъ.

— Мы-съ пили,—отвѣчалъ ему рѣзко князь Никита Семенычъ:—на бивакахъ, въ лагеряхъ, у себя на квартирѣ, а ужъ въ Англійскомъ клубѣ пить не стали бы-съ, нѣтъ-съ... не стали бы! — заключилъ старикъ и, заплетаясь ногою, снова пошелъ дозирать по клубу, всѣ ли прилично себя ведутъ. Князя Григорова онъ, къ величайшему своему удовольствію, больше не видалъ. Тотъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣтно охмелѣвшій, уѣхалъ домой.

IV.

Прошла вся зима, и наступилъ Великій постъ. Елена почти успѣла выучиться у князя по-англійски: на всякого рода ученье она была преспособная. Они прочли вмѣстѣ Дарвина, Ренана, Бюхнера, Молешота; но исторія любви ихней подвигалась весьма медленно. Дѣло въ томъ, что, какъ князь ни старался представить изъ себя матеріалиста, но въ сущности онъ больше былъ идеалистъ, и хоть по своимъ убѣжденіямъ твердо былъ увѣренъ, что однихъ только нравственныхъ отношеній между двумя любящимися полами *не можетъ* и *не должно* существовать, и хоть вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ даже, что и Елена точно такъ же это понимаетъ, но сказать ей о томъ прямо—

у него никакъ не хватило духу, и ему казалось, что онъ все-таки оскорбитъ и унизитъ ее этимъ. Случайной же минуты увлеченія никакъ не могло выпасть на долю моихъ влюбленныхъ, такъ какъ они видались постоянно въ присутствіи Елизаветы Петровны, которая въ послѣднее время стала присматривать. Сія опытная въ дѣлѣ дама видѣла, что ни дочь нисколько не помышляетъ обезпечить себя насчетъ князя, ни тотъ нимало не заботится о томъ, а потому она, какъ мать, рѣшилась, по крайней мѣрѣ насколько было въ ея возможности, не допускать ихъ войти въ близкія между собою отношенія; и для этого она, какъ только приходилъ къ нимъ князь, усаживалась вмѣстѣ съ молодыми людьми въ гостиной и затѣмъ ни на минуту не покидала своего поста. Напрасно тѣ при ней читали и разговаривали о совершенно неинтересныхъ для нея предметахъ,—она съ спокойнымъ и неподвижнымъ лицомъ сидѣла и вязала. Выведенная всѣмъ этимъ изъ терпѣнія, Елена даже разъ сказала князю: «Пойдемте въ мою комнату, тамъ будетъ намъ уединеннѣе!»—«И я съ вами пойду!»—проговорила при этомъ сейчасъ же госпожа Жиглинская самымъ кроткимъ голосомъ.—«Но вамъ скучно будетъ съ нами?»—возразила-было ей дочь.—«Нѣтъ, ничего!»—отвѣчала старуха съ прежнею кротостью. Все это довело въ князѣ страсть къ Еленѣ почти до безумія, такъ что онъ похудѣлъ, сдѣлался какой-то мрачный, раздражительный

Въ одно изъ воскресеній князь обѣдалъ у кузины своей Анны Юрьевны. Анна Юрьевна была единственная особа изъ всей московской родни князя, съ которою онъ не былъ до неприличія холоденъ, а, напротивъ того, видался довольно часто и былъ даже друженъ. Такимъ предпочтеніемъ отъ кузена Анна Юрьевна пользовалась за свой свободный нравъ. Владѣтельница огромнаго состоянія, она лѣтъ еще въ семнадцать вышла замужъ, но, и двухъ лѣтъ не проживши съ мужемъ, разошлась съ нимъ и безъ всякой церемоніи почти всѣмъ разсказывала, что «une canaille de ce genre n'ose pas se marier!». Всю почти молодость Анна Юрьевна провела за границей. Скандальная хроника разсказывала про нее множество приключеній, и даже въ настоящее время шла довольно положительная молва о томъ, что она ѣздила на рандеву къ одному юному музыкальному таланту, но уже сильному пьяницѣ города Москвы. Анна Юрьевна и сама, впрочемъ, въ этомъ случаѣ не скрытничала и очень откровенно объясняла, что ей многое на томъ свѣтѣ должно проститься, потому что она много любила. По наружности своей, она была плотная, но еще подбористая блондинка, съ сухими и нѣсколько стро-

гими чертами лица и сильно рыжеватыми волосами. Лѣта ея въ настоящее время опредѣлить было нельзя, хотя она далеко не выглядѣла пожилою женщиною. Умная, богатая, бойкая, Анна Юрьевна сразу же заняла одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ обществѣ, и куда бы потомъ ни стала появляться, всюду сейчасъ же была окружаема, если не толпой обожателей, то, по крайней мѣрѣ, толпою самыхъ интимныхъ ея друзей, съ которыми она говорила и любила говорить самаго вольнаго свойства вещи. Съ женщинами своего круга Анна Юрьевна почти не разговаривала и врядъ ли не считала ихъ всѣхъ сравнительно съ собой дурочками. Князь Григоровъ, никогда и ни съ какой женщиной не шутившій, съ Анной Юрьевной любилъ однако болтать и на ея вольности отвѣчалъ обыкновенно такого рода вольностями, что даже Анна Юрьевна восклицала ему: «Нѣтъ, будетъ! Довольно! Это ужъ слишкомъ!» Обѣдать у Анны Юрьевны князь тоже любилъ, потому что въ цѣлой Москвѣ, я думаю, нельзя было найти такого пикантнаго и пріятнаго на мужской вкусъ обѣда, какъ у ней. Въ каждое блюдо у Анны Юрьевны не то что было положено, но навалено перцу... Настоящій обѣдъ ублаготворилъ тоже князя полнѣйшимъ образомъ: прежде всего былъ поданъ супъ изъ бычьихъ хвостовъ, пропитанный кайенной, потомъ протертое свиное мясо, облитое разнаго рода соями, и наконецъ трюфели à la serviette, и все это предоставлено было запивать благороднѣйшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпчайшимъ бургонскимъ. Князь обѣдалъ одинъ у Анны Юрьевны. Послѣ обѣда, по обыкновенію, перешли въ будуаръ Анны Юрьевны, который во всемъ своемъ убранствѣ представлялъ какой-то нѣжащій и вмѣстѣ съ тѣмъ волнующій характеръ: на картинахъ все были очень красивыя и полуобнаженныя женщины, статуи тоже все Венеры и Діаны, мягкіе ковры, мягкая мебель, тепловатый полусвѣтъ камина... Сама Анна Юрьевна полулегла на длинное кресло, а князь Григоровъ, все еще остававшійся угрюмымъ и мрачнымъ, усѣлся на диванъ. Онъ очень ясно чувствовалъ въ головѣ шумъ отъ выпитаго бургонскаго и какой-то разливающійся по всей крови огонь отъ кайенны и сои, и все его вниманіе въ настоящую минуту приковалось къ висѣвшей прямо противъ него, очень хорошей работы, масляной картинѣ, изображающей «Ревекку», которая, какъ водится, нарисована была брюнеткой и съ совершенно обнаженнымъ станомъ до самой таліи. Что касается до Анны Юрьевны, которая за обѣдомъ тоже выпила стакана два-три бургонскаго, то она имѣла замѣтно затуманившіеся глаза и была, какъ сама про себя выражалась, въ сильно вральномъ настроеніи.

— Gregoire!—воскликнула вдругъ она, соскучившись молчаніемъ кузена: — дѣвица, которую я опредѣлила по твоему ходатайству, n'est-elle pas la bienaimée de ton coeur?

— Это съ чего вамъ пришло въ голову?—спросилъ, сколько возможно насмѣшливымъ и даже суровымъ голосомъ, князь. Но если бы въ комнатѣ было нѣсколько посвѣтлѣе, то Анна Юрьевна очень хорошо могла бы замѣтить, какъ онъ при этомъ покраснѣлъ.

— А мнѣ казалось,—воскликнула она:—что тутъ есть маленькая любовь... Ты знаешь, что изъ учительницъ я дѣлаю ее начальницей?

— Будто? — спросилъ князь какъ бы совершенно равнодушнымъ голосомъ.

— Рѣшительно! Elle me plaît infiniment!.. Она такая усердная, такая привлекательная для дѣтей и, главное, такая элегантная.

Анна Юрьевна хоть и бойко, но не совсѣмъ правильно изъяснилась по-русски: болѣе природнымъ языкомъ ея былъ языкъ французскій.

— Я совершенно полагала, что это одна изъ твоихъ боковыхъ альянсъ, — продолжала она.

— Одна изъ боковыхъ альянсъ?..—повторилъ насмѣшливо князь. — А вы полагаете, что у меня ихъ много?

— Увѣрена въ томъ!—подхватила Анна Юрьевна и захохотала. — Il me semble, que la princesse ne peut pas... какъ это сказать по-русски, владѣть всѣмъ мужчиной.

Князь нахмурился еще болѣе. Такой разговоръ о женѣ ему, видимо, показался не совсѣмъ пріятенъ и приличенъ.

— Je crois qu'elle est très apathique! — продолжала Анна Юрьевна.

— Et pourquoi le croyez-vous?—спросилъ князь, уже разсмѣявшись.

— Parce qu'elle est blonde! — отвѣчала Анна Юрьевна.

— Mais vous l'êtes de même...—возразилъ ей грубо князь.

— Oh!.. moi je suis rousse!.. У насъ кровь такъ подвижна, что не имѣла времени окраситься, а такъ красная и выступила въ волосахъ: мы всѣ — кровь.

Князь покачалъ на это только головою.

— Новая теорія!.. Никогда не слыхалъ такой.

— Ну такъ услышь! Знай это! A propos, encore un mot: вчера пріѣзжалъ ко мнѣ этотъ Елпидифоръ Мартынычъ!..—И Анна Юрьевна, несмотря на свой гибкій языкъ, едва выговаривала эти два дубоватыя слова.—Онъ очень плачетъ, что ты прогналъ его, не приглашаешь и даже не принимаешь: за что это?

— За то, что онъ дуракъ и подлецъ великій! — отвѣчалъ князь.

— Но чѣмъ? — спросила Анна Юрьевна, уже воскликнувъ и настойчиво.

— Всѣмъ, начиная съ своей подлой рожи до своихъ подлыхъ мыслей! — сказалъ князь.

— Fi donc, mon cher! У всѣхъ русскихъ, я думаю, особенно которые изъ бѣдныхъ вышли, такія же рожи и мысли.

Анна Юрьевна не совсѣмъ, какъ мы видимъ, уважала свою страну и свой народъ.

— Подите вы: у всѣхъ русскихъ!—перебилъ ее князь.

— Елпидифоръ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ хорошъ,—продолжала Анна Юрьевна:—что онъ рабъ и собачка самая вѣрная и не предастъ васъ никогда.

— Ну, я до рабовъ не охотникъ, и, по-моему, чѣмъ кто, какъ рабъ, лучше, тѣмъ, какъ человѣкъ, хуже. Adieu! — произнесъ князь и всталъ.

— Ты ужъ ѣдешь? — спросила Анна Юрьевна съ неудовольствіемъ.

— Ѣду, нужно! — отвѣчалъ князь и при этомъ, какъ бы не утерпѣвъ, еще разъ взглянулъ на «Ревекку».

— Головой парирую, что ты ѣдешь не домой! — сказала Анна Юрьевна, пожимая ему руку.

— Не домой,—отвѣчалъ князь.

— Но куда же?

— Куда нужно!

— Если мужчина не говоритъ, куда ѣдетъ, то онъ непремѣнно ѣдетъ къ женщинѣ.

Князь не безъ досады усмѣхнулся.

— У васъ, кажется, кузина, только и есть въ головѣ, какъ мужчины ѣздятъ къ женщинамъ или какъ женщины ѣздятъ къ мужчинамъ.

— Нѣтъ!—отвѣчала Анна Юрьевна съ презрительной гримасой: — надоѣло все это, такъ все prosaïque, ничего нѣтъ оригинальнаго.

— Но чего же бы вы желали оригинальнаго?

— Любви какого-нибудь философа, медвѣжонка не ручного, какъ ты, напримѣръ!

— Я? — произнесъ князь и захохоталъ даже при этомъ.

— Ты, да! — подтвердила Анна Юрьевна.

— Въ первый разъ слышу! — проговорилъ князь и явно поспѣшилъ уйти поскорѣй отъ кузины.

— И въ послѣдній: женщины двухъ разъ подобныхъ вещей не говорятъ!—крикнула она вслѣдъ.

Князь на это ничего не отвѣтилъ и, сѣвъ въ карету, велѣлъ себя везти на Кузнецкій мостъ. Здѣсь онъ вышелъ изъ экипажа и пошелъ пѣшкомъ. Владѣвшія имъ въ настоящую минуту мысли замѣтно были не совсѣмъ спокойнаго свойства, такъ что онъ горѣлъ даже весь въ лицѣ. Проходя мимо одного оружейнаго магазина и случайно взглянувъ въ его окна, князь вдругъ пріостановился, подумалъ съ минуту и затѣмъ вошелъ въ магазинъ.

— Дайте мнѣ револьверъ, пожалуйста! — сказалъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ, обращаясь къ красивому и изящному собою приказчику.

— Большой прикажете?—спросилъ его тотъ.

— Чтобы человѣка могъ убить! — отвѣтилъ князь, не совсѣмъ искренно улыбаясь.

— О, это всякій убьетъ! — подхватилъ съ гордостью приказчикъ.—Voici, monsieur,—прибавилъ онъ, показывая шестизарядный револьверъ.

— Кажется, хорошъ? — произнесъ князь.

— Превосходный!—воскликнулъ приказчикъ и, какъ бы въ доказательство того, прицѣлился револьверомъ въ другого приказчика, который при этомъ усмѣхнулся и отодвинулся немного.

— Вамъ, вѣроятно, револьверъ нуженъ для дороги, monsieur? — присовокупилъ первый приказчикъ.

— Да-а! — протянулъ князь: — я ѣду въ деревню, а теперь тамъ безъ револьвера нельзя.

— О, да, monsieur, многіе помѣщики берутъ съ собой револьверы. Зарядовъ прикажете?

— Непремѣнно-съ!—отвѣчалъ князь.

Приказчикъ, уложивъ револьверъ и заряды въ одинъ общій ящикъ, подалъ его князю. Тотъ, расплатившись, вышелъ изъ магазина и велѣлъ себя везти въ гостиницу Роше-де-Канкаль.

— Номеръ мнѣ особенный! — сказалъ онъ, входя туда.

— Въ какую цѣну? — спросилъ-было его лакей.

— Въ какую хочешь!—отвѣчалъ князь.

Лакей ввелъ его въ богатѣйшій номеръ съ огромными зеркалами въ золотыхъ рамахъ, съ шелковой драпировкой, съ каминомъ и съ роскошнѣйшей постелью.

— Чернильницу мнѣ и все, что нужно для письма! — сказалъ князь.

— Сію секунду-съ!—отвѣчалъ лакей и, сбѣгавъ, принесъ, что ему было приказано.

— Ты мнѣ больше не нуженъ, — сказалъ ему почти сердито князь.

Лакей поспѣшно стушевался.

Князь—выраженіе лица у него въ эти минуты было какое-то ожесточенное—сейчасъ же сѣлъ и принялся писать:

«Несравненная Елена! Я желаю до сумасшествія видѣть васъ, но ѣхать къ вамъ безполезно; это все равно, что не видѣть васъ. Довѣрьтесь мнѣ и пріѣзжайте съ симъ посланнымъ; если вы не пріѣдете, я не знаю, на что я рѣшусь!»

Запечатавъ эту записку облаткой, князь позвонилъ. Вбѣжалъ тотъ же лакей.

— Кучера мнѣ моего позови!—проговорилъ князь.

Лакей вышелъ, и черезъ минуту вошелъ кучеръ, красивый мужикъ въ длиннополомъ лисьемъ суконномъ кафтанѣ и въ серебряномъ широкомъ кушакѣ. Водкой и холодомъ такъ и пахнуло отъ него на всю комнату.

— Ты поѣзжай къ Жиглинскимъ,—слышишь?..—заговорилъ князь:—отыщи тамъ барышню непремѣнно,—слышишь?.. отдай ей въ руки вотъ это письмо, только ей самой,—понимаешь?.. и привези ее сюда.

— Понимаю-съ!—протянулъ кучеръ.

Онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ понялъ, въ чемъ тутъ штука.

— Если ея дома нѣтъ, то отыщи ее тамъ, куда она уѣхала, хоть бы на днѣ морскомъ то было, — понимаешь?.. — продолжалъ князь тѣмъ же отрывистымъ и почти угрожающимъ голосомъ.

— Отыщу-съ, только бы сказали гдѣ, — отвѣчалъ кучеръ, потупляя нѣсколько глаза передъ княземъ.

— Ступай!

Кучеръ вышелъ и, проходя коридоромъ, видимо, соображалъ, какъ ему все это хорошенько сдѣлать для барина.

Оставшись одинъ, князь принялся ходить по номеру. Шаги его были безпорядочны: онъ шелъ то въ одинъ уголъ, то въ другой. Не прошло еще и десяти минутъ послѣ того, какъ кучеръ уѣхалъ, а князь уже началъ прислушиваться къ малѣйшему шуму въ коридорѣ, и потомъ, какъ бы потерявъ всякую надежду, подошелъ къ револьверу, вынулъ его, осмотрѣлъ и зарядилъ. Глаза у него въ эти минуты были почти помѣшаны, руки дрожали... Но вотъ послышался наконецъ щелчокъ замка въ двери номера; князь поспѣшно спряталъ револьверъ въ ящикъ и вышелъ на средину комнаты; затѣмъ явно уже слышенъ сталъ шумъ платья женскаго; князь дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вошла Елена, нѣсколько сконфуженная и робѣющая.

— Здравствуй!.. Что̀ это тебѣ такъ вздумалось прислать за мною?..—говорила она.

— Да такъ ужъ, извини!.. — сказалъ князь, беря и цѣлуя

обѣ ея руки.—Мы, впрочемъ, здѣсь совершенно безопасны,—прибавилъ онъ, подходя и запирая дверь.

Елена сняла шляпку и подошла къ зеркалу поправить свои волосы. Нѣкоторое смущеніе и конфузливость были замѣтны во всей ея фигурѣ, во всѣхъ ея движеніяхъ.

— Ну, садись!—сказалъ ей князь, тоже какъ-то неловко и несмѣло беря ее за руку и сажая на стулъ.

Елена повиновалась ему.

— А что̀ мать твоя?—спросилъ онъ.

— Она, какъ нарочно, въ гости сегодня уѣхала,—отвѣчала съ улыбкою Елена.

— А если бы не уѣхала, такъ, пожалуй бы, и не пустила тебя?

Лицо Елены мгновенно нахмурилось и приняло какой-то рѣшительный видъ.

— Вотъ еще!.. послушалась бы я!.. Взяла да ушла, — сказала она.

— А скажи, отчего это она,—продолжалъ князь:—двухъ словъ не даетъ намъ сказать наединѣ?

Елена затруднилась нѣсколько отвѣчать на этотъ вопросъ. Она отчасти догадывалась о причинѣ, почему мать такъ надзираетъ за ней, но ей самой себѣ даже было стыдно признаться въ томъ.

— Можетъ-быть, ей почему-нибудь не нравятся наши отношенія,—отвѣчала она.

— А ты знаешь, — подхватилъ князь, все ближе и ближе подвигаясь къ Еленѣ:—что если бы ты сегодня не пріѣхала сюда, такъ я убилъ бы себя.

— Что̀ за глупости!—воскликнула Елена.

— Нѣтъ, не глупости; я и револьверъ приготовилъ!—прибавилъ онъ, показывая на ящикъ съ пистолетомъ.

— Фарсъ!—проговорила Елена уже съ досадой.—Не говори, пожалуйста, при мнѣ пустыхъ словъ: я ужасно не люблю этого слушать.

— Это не пустыя слова, Елена,—возражалъ въ свою очередь князь какимъ-то прерывистымъ голосомъ:—я безъ тебя жить не могу!.. Мнѣ дышать будетъ нечѣмъ безъ твоей любви! Для меня воздуху безъ этого не будетъ существовать,—понимаешь ты?

Елена сомнительно, но не безъ удовольствія покачала своей хорошенькой головкой.

— Наконецъ, я прямо тебѣ говорю,—продолжалъ князь:—я не въ состояніи болѣе любить тебя въ такихъ далекихъ отношеніяхъ... Я хочу, чтобы ты вся моя была, вся!..

Елена при этомъ немного отвернулась отъ него.

— Да развѣ это не все равно?—сказала она.

— Нѣтъ, не все равно.

— Ну, люби меня, пожалуй, какъ хочешь!.. — проговорила наконецъ Елена, но лица своего попрежнему не обращала къ нему.

— Я сегодня,—говорилъ, какъ бы совсѣмъ обезумѣвъ отъ радости, князь:—видѣлъ картину «Ревекка», которая, какъ двѣ капли, такая же красавица, какъ ты, только вотъ она такъ нарисована,—прибавилъ онъ и дрожащей, но сильной рукой разорвалъ переднія застежки у платья Елены и спустилъ его вмѣстѣ съ сорочкою съ плеча.

— Что̀ ты, сумасшедшій?—было первымъ движеніемъ Елены воскликнуть.

Князь же почти въ какомъ-то благоговѣніи упалъ передъ ней на колѣни.

— О, какъ ты дивно хороша! — говорилъ онъ, простирая къ ней руки.

Елена пылала вся въ лицѣ, но все-таки старалась сохранить спокойный видъ: по принципамъ своимъ она находила очень естественнымъ, что мужчина любуется тѣломъ любимой женщины.

— А что̀, если ты... — заговорила она, кидая на князя взглядъ: — не будешь меня любить такъ, какъ я хочу, чтобъ меня любили?

— Буду, какъ только ты желаешь, но ты меня разлюбишь сама!

— За что же я тебя разлюблю?.. Развѣ ты знаешь причину тому?

— Никакой я не знаю, но можешь разлюбить. Постой!..— воскликнулъ князь и всталъ на ноги.—Если ты разлюбишь меня или умрешь, такъ позволь мнѣ застрѣлить себя... изъ этого револьвера...—прибавилъ онъ и раскрылъ передъ Еленой ящикъ съ оружіемъ.

— Изволь!—отвѣчала та, смѣясь.

— Напиши это чернилами на крышкѣ.

— Зачѣмъ же писать?—спросила Елена.

— Непремѣнно напиши, я хочу этого.

— Но что̀ жъ я писать буду?

— Напиши, что «позволяю князю Григорову, когда я разлюблю его, застрѣлиться, такая-то».

Елена написала.

— Ну, теперь я доволенъ! — проговорилъ князь и сталъ снова передъ Еленой на колѣни...

V.

Весеннее солнце весело свѣтило въ квартиру госпожи Жиглинской. Сама Елизавета Петровна сидѣла на этотъ разъ въ гостиной, по обыкновенію своему, сохраняя весьма гордую позу, а прямо противъ нея помѣщался, нѣсколько разъ уже посѣщавшій ее, Елпидифоръ Мартынычъ, раздушенный, въ новомъ вицмундирѣ, въ чистомъ бѣльѣ и въ лаковыхъ даже сапогахъ. Онъ всегда ѣздилъ къ Жиглинскимъ прифранченный и замѣтно желалъ встрѣтиться съ Еленой, но ни разу еще не засталъ ея дома. Елизавета Петровна, очень обрадовавшись пріѣзду этого гостя, не преминула сейчасъ же начать угощать его кофеемъ, пріятный запахъ отъ котораго и распространился по всѣмъ комнатамъ. Довольство въ домѣ Жиглинскихъ съ тѣхъ поръ, какъ Елена сдѣлалась начальницей заведенія, замѣтно возросло; но это-то именно и кидало Елизавету Петровну въ злобу неописанную: повышеніе дочери она прямо относила не къ достоинствамъ ея, а къ вліянію и просьбамъ князя. «А, голубчикъ, ты этими наградами по должности и думаешь отдѣлаться!?.. Нѣтъ, шалишь!»—разсуждала она все это время сама съ собой, и Елпидифоръ Мартынычъ пріѣхалъ къ ней какъ нельзя болѣе кстати, чтобы излить передъ нимъ все, что̀ накипѣло у нея на душѣ.

— Да, времена, времена!..—говорила она, и нахальное лицо ея покрылось оттѣнкомъ грусти.

— К-х-ха!—откашлянулся ей въ отвѣтъ Елпидифоръ Мартынычъ.—Времена вотъ какія-съ!..—началъ онъ самой низкой октавой и какъ бы читая тайныя мысли своей собесѣдницы:—сорокъ лѣтъ я лѣчилъ у князей Григоровыхъ, и вдругъ негоденъ сталъ!..

— За что же такъ?—спросила она его насмѣшливо.

— К-х-ха!—кашлянулъ Елпидифоръ Мартынычъ: — за то, видно, что не говори правды, не теряй дружбы!..

— Вотъ за что!—произнесла Елизавета Петровна: она давно и хорошо знала Иллiонскаго и никакъ не предполагала, чтобы онъ когда-нибудь и въ чемъ-нибудь позволилъ себѣ быть мученикомъ за правду.

— Конечно, это грустно видѣть...—продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ уже чувствомъ.—Покойный отецъ князя былъ человѣкъ почтенный; сколько тоже ни было здѣсь высшаго начальства, всѣ его уважали. Я самъ былъ лично свидѣтелемъ: стояли мы разъ у генералъ-губернатора въ пріемной, генераловъ было очень много, полковниковъ тоже, настоятель греческаго монастыря былъ, кажется, тутъ же; только всѣмъ гово-

рятъ: «занятъ генералъ-губернаторъ, дожидайтесь!» Наконецъ слышимъ—грядетъ: самъ идетъ сзади, а впереди у него князь Григоровъ,—это онъ все съ нимъ изволилъ бесѣдовать и заниматься. Генераламъ всѣмъ генералъ-губернаторъ говоритъ: «Вы зачѣмъ? Вамъ что̀ надо?», а князю Григорову жметъ ручку и говоритъ: «Adieu, mon cher, пріѣзжай завтра обѣдать!». К-ха!—заключилъ Елпидифоръ Мартынычъ такъ сильно, что Елизавета Петровна, довольно уже привыкшая къ его кашлю, даже вздрогнула немного.

— Ну, сынку такой чести не дождаться!—замѣтила она.

— Нѣтъ... нѣтъ!..—подхватилъ ядовито-насмѣшливо Елпидифоръ Мартынычъ.—Вотъ который годъ живетъ здѣсь, а я человѣка порядочнаго не видалъ у него!.. Мало, что изъ круга своего ни съ кѣмъ не видится, даже съ родными-то своими со всѣми разошелся, и все, знаете, съ учеными любитъ бесѣдовать, и не то что съ настоящими учеными—съ какимъ-нибудь ректоромъ университета или ректоромъ семинаріи, съ архіереемъ какимъ-нибудь ученымъ, съ историкомъ какимъ-нибудь или математикомъ, а такъ, знаете, съ вольнодумцами разными; обѣдами ихъ все прежде, бывало, угощалъ. Ну, и меня тоже иногда княгиня оставляла, такъ страсти Господни сидѣть за столомъ было—ей-Богу!.. Такую ахинею несутъ, что хоть святыхъ выноси вонъ! А возражать имъ станешь, насмѣшкѣ подвергать тебя станутъ, точно съ малымъ ребенкомъ разговаривать съ тобой примутся. Ко мнѣ разъ самъ князь присталъ, что видалъ ли я чудеса? «Нѣтъ, говорю, не имѣлъ этого счастья!» Ну такъ, говоритъ... Повторить даже теперь не могу, что̀ сказалъ дерзновенный...

— Все это, я полагаю, отъ скупости въ немъ происходитъ,—сказала Елизавета Петровна.

— К-х-ха! — откашлянулся Елпидифоръ Мартынычъ: онъ никакъ не ожидалъ такого вывода изъ его словъ.

— Можетъ-быть, и отъ того,—произнесъ онъ.

— Совершенно отъ того! — подтвердила Елизавета Петровна.—У меня тоже, вонъ, дочка, — прибавила она, не помолчавъ даже нисколько:—хоть изъ рукъ вонъ брось!

— А!..—произнесъ Илліонскій, сначала не понявшій хорошенько, почему Елизавета Петровна прямо съ разговора о князѣ перешла къ разговору о дочери.

— Въ восемь часовъ утра уйдетъ изъ дому, а въ двѣнадцать часовъ ночи является!..—продолжала она.

— А!.. — произнесъ еще разъ Елпидифоръ Мартынычъ.—Что̀ жъ это она на службѣ, что ли, чѣмъ занята бываетъ?..—прибавилъ онъ глубокомысленно.

— Какая это служба такая до двѣнадцати часовъ ночи? Если ужъ и служба, такъ какая-нибудь другая... — возразила Елизавета Петровна и злобно усмѣхнулась.

Она и прежде того всѣмъ почти жаловалась на Елену и не только не скрывала никакихъ ея недостатковъ, но даже выдумывала ихъ. Послѣднія слова ея смутили нѣсколько даже Елпидифора Мартыныча. Онъ ни слова ей не отвѣтилъ и нахмурилъ только лицо.

— Съ тѣхъ поръ и князь у насъ почти не бываетъ,—присовокупила Елизавета Петровна.

— Не бываетъ?—спросилъ Елпидифоръ Мартынычъ, навастривая съ любопытствомъ уши.

— Зачѣмъ же ему бывать? Видаются гдѣ-нибудь и безъ того!—отрѣзала Елизавета Петровна напрямикъ.

— Боже мой, Боже мой!—произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ: такая откровенность Елизаветы Петровны окончательно его смутила.

— Только они меня-то, къ сожалѣнію, не знаютъ...—продолжала между тѣмъ та, все болѣе и болѣе приходя въ озлобленное состояніе.—Я бѣгать да подсматривать за ними не стану, а прямо дѣло заведу: я—мать, и мнѣ никто не запретитъ говорить за дочь мою. Господинъ князь долженъ былъ понимать, что онъ—человѣкъ женатый, и что она—не уличная какая-нибудь дѣвчонка, которую взялъ, поигралъ да и бросилъ.

— Чего уличная дѣвчонка!.. Нынче и съ тѣми запрещаютъ дѣлать то!—воскликнулъ искреннѣйшимъ тономъ Елпидифоръ Мартынычъ; онъ самъ недавно попался-было прокурорскому надзору именно по такого рода дѣлу и едва отвертѣлся.

— Какъ же не воспрещаютъ!.. — согласилась Елизавета Петровна. — Но я собственно говорю тутъ не про любовь: любовь можетъ овладѣть всякимъ—женатымъ и холостымъ; но вознагради, по крайней мѣрѣ, въ такомъ случаѣ настоящимъ манеромъ и обезпечь дѣвушку, чтобы будущая-то жизнь ея не погибла отъ этого.

— Еще бы не обезпечить!—проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, разводя своими короткими руками: онъ далеко не имѣлъ такого состоянія, какъ князь, но и то готовъ бы былъ обезпечить Елену; а тутъ вдругъ этакій богачъ и не дѣлаетъ того...

— И не думаетъ, не думаетъ нисколько! — воскликнула Елизавета Петровна. — Я затѣмъ вамъ и говорю: вы прямо имъ скажите, что я дѣло затѣю непремѣнно!

— Мнѣ кому говорить? Я у нихъ и не бываю...—возразилъ-было на первыхъ порахъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Ну, тамъ кому знаете!—произнесла госпожа Жиглинская почти повелительно: она предчувствовала, что Елпидифоръ Мартынычъ непремѣнно пожелаетъ объ этомъ довести до свѣдѣнія князя, и онъ дѣйствительно пожелалъ, во-первыхъ, потому, что этимъ онъ могъ досадить князю, котораго онъ въ настоящее время считалъ за злѣйшаго врага себѣ, а во-вторыхъ, сдѣлать непріятность Еленѣ, которую онъ вдругъ почему-то счелъ себя въ правѣ ревновать. Но кому же передать о томъ?.. Князь и княгиня не принимаютъ его... Лучше всего казалось Елпидифору Мартынычу разсказать о томъ Аннѣ Юрьевнѣ, которая по этому поводу станетъ, разумѣется, смѣяться князю и пожуритъ, можетъ-быть, Елену.

— Ну, прощайте!—сказалъ онъ, вставая.

— Прощайте!—отвѣчала ему госпожа Жиглинская, опять-таки предчувствуя, что онъ сейчасъ именно и ѣдетъ исполнить ея порученіе.

Елпидифоръ Мартынычъ въ самомъ дѣлѣ проѣхалъ прямо къ Аннѣ Юрьевнѣ.

— Дома госпожа? — спросилъ онъ очень хорошо ему знакомаго лакея.

— Дома, у себя въ кабинетѣ, но заняты, кажется...—отвѣчалъ ему тотъ почти съ презрѣніемъ.

— Ничего!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ и прошелъ прямо въ кабинетъ.

Анна Юрьевна дѣйствительно сидѣла и писала письмо.

— Здравствуйте! — проговорила она, узнавъ Илліонскаго по походкѣ и громкому кашлю, который онъ произвелъ, проходя гостиную.

— Садитесь, только не передъ глазами, а то развлекать будете,—говорила она, не поднимая глазъ отъ письма.

Анна Юрьевна хоть и принимала Елпидифора Мартыныча, но какъ-то никогда не допускала его близко подходить къ себѣ: онъ очень возмущалъ ея чувство брезгливости своимъ гадкимъ вицмундиромъ и своимъ гадкимъ парикомъ.

— Что̀ новаго?—проговорила она, кончивъ наконецъ писать.

— Ничего особеннаго-съ. К-х-ха!..—отвѣчалъ ей съ кашлемъ Елпидифоръ Мартынычъ.—У матери одной я сейчасъ былъ—гнѣвающейся и плачущей.

— У какой это?—спросила Анна Юрьевна, зѣвая во весь ротъ.

— У Жиглинской, у старушки,—отвѣчалъ невиннымъ голосомъ Илліонскій.

— О чемъ же она плачетъ?—сказала Анна Юрьевна опять-таки совершенно равнодушно.

— По случаю дочери своей: совсѣмъ, говоритъ, дѣвочка съ панталыку сбилась...

— Елена?—спросила Анна Юрьевна, раскрывая въ нѣкоторомъ удивленіи глаза свои.

— Елена Николаевна-съ, к-х-ха!..—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.—Въ восемь часовъ утра, говорятъ, она уходитъ изъ дому, а въ двѣнадцать часовъ ночи возвращается.

— Гдѣ же она бываетъ?

Елпидифоръ Мартынычъ пожалъ плечами.

— Мать говоритъ, что въ мѣстѣ, вѣроятно, недобропорядочномъ!

— Но съ кѣмъ-нибудь, значитъ?

— Ужъ конечно.

— Съ кѣмъ же?

— Мать подозрѣваетъ, что съ княземъ Григорьемъ Васильевичемъ.

— Съ Гришей? Вотъ какъ!..—воскликнула Анна Юрьевна.

Елпидифоръ Мартынычъ держалъ при этомъ глаза опущенными въ землю.

— Но хороша и мать, — какія вещи разсказываетъ про дочь!—продолжала Анна Юрьевна.

— Она мнѣ по старому знакомству это разсказала,—проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— А вы мнѣ тоже по старому знакомству разболтали?..—воскликнула Анна Юрьевна насмѣшливо.—И если вы теперь,—прибавила она съ явно сердитымъ и недовольнымъ видомъ:—хоть слово еще кому-нибудь кромѣ меня пикнете о томъ, такъ я на всю жизнь на васъ разсержусь!..

— Я никому кромѣ васъ и не смѣю сказать-съ,—пробормоталъ Елпидифоръ Мартынычъ, сильно сконфуженный такимъ оборотомъ дѣла.

— А мнѣ-то вы развѣ должны были говорить объ этомъ,—неужели вы того не понимаете?—горячилась Анна Юрьевна.—Елена моя подчиненная, она начальница учебнаго заведенія: послѣ этого я должна ее выгнать?

Елпидифоръ Мартынычъ откашлянулся на весь почти домъ.

— Нѣтъ-съ, я не къ тому это сказалъ,—началъ онъ съ чувствомъ какого-то оскорбленнаго достоинства: — а говорю потому, что мать мнѣ прямо сказала: «я, говоритъ, дѣло съ княземъ затѣю, потому что онъ не обезпечиваетъ моей дочери!»

— Да развѣ онъ не обезпечиваетъ?—перебила его Анна Юрьевна.

— Нисколько, говоритъ мать... Кому же мнѣ сказать о томъ? У князя я не принятъ въ домѣ... я вамъ и докладываю. К-ха!

Анна Юрьевна нѣкоторое время размышляла.

— Это надобно какъ нибудь устроить...—проговорила она, какъ бы больше сама съ собой.—Ну, прощайте теперь,—заключила она затѣмъ, кивнувъ головой Елпидифору Мартынычу.

Тотъ на это не осмѣлился даже поклониться Аннѣ Юрьевнѣ, а молча повернулся и тихо вышелъ изъ кабинета. Анна Юрьевна послѣ того тотчасъ же велѣла заложить карету и поѣхала къ Григоровымъ. Первыя ея намѣренія были самыя добрыя—дать совѣтъ князю, чтобы онъ какъ можно скорѣе послалъ этимъ бѣднякамъ денегъ; а то онъ, по своему ротозѣйству, очень можетъ быть, что и не дѣлаетъ этого... (Анна Юрьевна считала князя за очень умнаго человѣка, но въ то же время и за величайшаго разиню). Дѣвочка, по своей застѣнчивости и стыдливости, тоже, вѣроятно, ничего не проситъ у него, и старуха, въ самомъ дѣлѣ, затѣетъ процессъ съ нимъ и сдѣлаетъ огласку на всю Москву. Но когда Анна Юрьевна пріѣхала къ Григоровымъ, то князя не застала дома, а княгиня пригласила ее въ гостиную и что-то долго къ ней не выходила: между княгиней и мужемъ только-что передъ тѣмъ произошла очень не яркая по своему внѣшнему проявленію, но весьма глубокая по внутреннему содержанію горя сцена. День этотъ былъ день рожденія княгини, и она съ дѣтства еще привыкла этотъ день весело встрѣчать и весело проводить, а потому поутру вошла въ кабинетъ мужа съ улыбающимся лицомъ и, поцѣловавъ его, спросила, будетъ ли онъ обѣдать дома. Князь болѣе мѣсяца никогда почти не бывалъ дома и говорилъ женѣ, что онъ вступилъ въ какое-то торговое предпріятіе съ компаніею, все утро сидитъ въ ихъ конторѣ, потомъ, съ компаніей же, отправляется обѣдать въ Троицкій, а вечеръ опять въ конторѣ. Княгиня дѣлала видъ, что вѣритъ ему.

— Что же, ты обѣдаешь или нѣтъ дома?—повторила она свой вопросъ, видя, что князь не отвѣчаетъ ей и сидитъ насупившись.

— Нѣтъ, не могу и сегодня,—отвѣчалъ онъ, не поднимая головы.

— Ну, какъ хочешь!—отвѣчала княгиня и, затѣмъ повернувшись, ушла въ гостиную, гдѣ и принялась потихоньку плакать.

Князь все это видѣлъ, слышалъ и понималъ. Сначала онъ кусалъ себѣ только губы, а потомъ, какъ бы не вытерпѣвъ долѣе, очень проворно одѣлся и ушелъ совсѣмъ изъ дома.

Когда княгинѣ доложили о пріѣздѣ Анны Юрьевны, она велѣла принять ее, но сама сейчасъ же убѣжала въ свою

комнату, чтобы изгладить съ лица всякій слѣдъ слезъ. Она не хотѣла еще никому изъ постороннихъ показывать своей душевной печали.

Покуда княгиня приводила себя въ порядокъ, Анна Юрьевна ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, и мысли ея приняли нѣсколько иное теченіе: прежде, видя князя вмѣстѣ съ княгиней и принимая въ основаніе, что послѣдняя была très apathique, Анна Юрьевна считала нужнымъ и неизбѣжнымъ, чтобы онъ имѣлъ какую-нибудь альянсъ на сторонѣ; но теперь, узнавъ, что онъ уже имѣетъ таковую, она стала желать, чтобы и княгиня полюбила кого-нибудь посторонняго, потому что женщину, которая вѣрна своему мужу, потому что онъ ей вѣренъ, Анна Юрьевна еще нѣсколько понимала; но чтобы женщина оставалась безупречна, когда мужъ ей измѣнилъ,— этого даже она вообразить себѣ не могла и такое явленіе считала почти униженіемъ женскаго достоинства; потому, когда княгиня наконецъ вышла къ ней, она очень дружественно встрѣтила ее.

— Bonjour, ma chère,—сказала она, крѣпко пожимая ей руку. — Супруга твоего, по обыкновенію, нѣтъ дома,—прибавила она, усѣвшись съ хозяйкою на диванъ.

— Дома нѣтъ,—отвѣчала княгиня, стараясь насильно улыбнуться.

— Что̀ же ты одна сидишь?.. Тебѣ надобно имѣть un bon ami, который бы развлекалъ тебя.

— Непремѣнно надобно!—подхватила княгиня, продолжая притворно улыбаться.

— Что̀ же мѣшаетъ?—спросила Анна Юрьевна

— Не умѣю, кузина!—отвѣчала княгиня.

— О, ma chère, quelle folie!... Какъ будто бы какая-нибудь женщина можетъ говорить такъ! Это все равно, что если бы кто сказалъ, qu'il ne sait pas manger!..

Княгиня и на это только усмѣхнулась.

— Шутки въ сторону! Пріѣзжай ко мнѣ сегодня обѣдать,— продолжала Анна Юрьевна, въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, серьезно рѣшившаяся устроить что-нибудь въ этомъ родѣ для княгини. — У меня сегодня будетъ обѣдать un certain monsieur Chimsky!... il n'est pas jeune, mais il est un homme fort agréable.

Химскій былъ одинъ изъ старыхъ заграничныхъ знакомыхъ Анны Юрьевны, нѣкогда участвовавшій во всѣхъ ея удовольствіяхъ.

— Нѣтъ, сегодня не могу,—отвѣчала княгиня, все-таки желавшая отобѣдать этотъ день дома.

— Отчего же?.. Пріѣзжай! — повторила настойчиво Анна Юрьевна.

Ей, по преимуществу, хотѣлось познакомить княгиню съ Химскимъ, который былъ очень смѣлый и дерзкій человѣкъ съ женщинами, и Анна Юрьевна безъ искренняго удовольствія вообразить себѣ не могла, какъ бы это у нихъ вдругъ совершенно неожиданно произошло: Анна Юрьевна ужасно любила устраивать подобныя неожиданности.

— Что же, пріѣдешь или нѣтъ?—повторила она.

— Нѣтъ!—отвѣчала княгиня.

— Глупо!—произнесла Анна Юрьевна и позѣвнула; ей уже стало и скучно съ княгиней.

Посидѣвъ еще нѣсколько времени, больше изъ приличія, она начала наконецъ прощаться и просила княгиню передать мужу, чтобы тотъ немедля къ ней пріѣхалъ по одному очень важному для него дѣлу; но, сходя съ лѣстницы, Анна Юрьевна встрѣтила самого князя.

Съ нимъ произошелъ такого рода случай: онъ уѣхалъ изъ дома съ невыносимой жалостью къ женѣ. «Я отнялъ у этой женщины все, все, и не далъ ей взамѣнъ ничего, даже двухъ часовъ въ день ея рожденія!»—говорилъ онъ самъ себѣ. Съ этимъ чувствомъ пришелъ онъ въ Роше-де-Канкаль, куда каждодневно приходила изъ училища и Елена и гдѣ обыкновенно они обѣдали и оставались затѣмъ цѣлый день. По своей подвижной натурѣ князь не удержался и разсказалъ Еленѣ свою сцену съ женой. Та выслушала его весьма внимательно.

— Что же, поѣзжай, отобѣдай съ ней вмѣстѣ,—сказала она, потупляя свои черные глаза.

— Не хочется что-то,—произнесъ не совсѣмъ, какъ показалось Еленѣ, искреннимъ голосомъ князь.

— Мало чего не хочется!—возразила ему Елена совсѣмъ ужъ неискренно.

— И въ самомъ дѣлѣ, лучше ѣхать!—сказалъ князь, подумавъ немного, и затѣмъ сейчасъ же всталъ съ своего мѣста.

— Поѣзжай!—повторила ему еще разъ Елена, протягивая на прощанье руку.

Если бы князь хоть сколько-нибудь повнимательнѣе взглянулъ на нее, то увидѣлъ бы, какая мрачная буря надвинулась на ея молодое чело.

— Послѣ обѣда я пріѣду сюда. Ты подожди меня,—сказалъ онъ торопливо.

— Нѣтъ, я дожидаться не стану...—отвѣчала Елена.

— Отчего же?

— Оттого, что не хочу,—произнесла Елена, видимо, упо-

требивъ надъ собой все усиліе, чтобы смягчить свой голосъ и сдѣлать его менѣе гнѣвнымъ.

— Жаль очень!—проговорилъ князь, ничего этого не замѣтившій и спѣшившій только уйти.

Ему на этотъ разъ больше всего хотѣлось пріѣхать поскорѣй домой и утѣшить жену.

— Ахъ, очень кстати! — воскликнула Анна Юрьевна, увидѣвъ его входящимъ въ сѣни.—Гдѣ бы тутъ переговорить съ тобой? Можно въ этой швейцарской? — прибавила она, показывая на комнату швейцара.

— Я думаю, можно, — отвѣчалъ князь, нѣсколько удивленный ея словами и встрѣчею съ нею.

И затѣмъ они оба вошли въ швейцарскую.

— У тебя связь съ Еленой, но ты не даешь ей ни копейки денегъ! Мнѣ сегодня очень достовѣрный человѣкъ разсказалъ, que sa mère a envie de porter plainte contre vous,—начала Анна Юрьевна прямо.

— Какъ я не даю? Сколько разъ я предлагалъ Еленѣ...— бухнулъ князь, совсѣмъ опѣшенный словами Анны Юрьевны.

— Не Еленѣ надобно было предлагать!.. Она, конечно, у тебя не возьметъ, а пошли матери, и пошли сейчасъ же. А теперь прощай, — проговорила Анна Юрьевна и сама пошла.

— Кузина, я боюсь больше всего, чтобы это открытіе не повредило въ вашихъ глазахъ Еленѣ?—проговорилъ ей вслѣдъ нѣсколько опомнившійся князь.

— Вотъ вздоръ какой! — отвѣчала Анна Юрьевна, садясь въ свою карету.

VI.

Совѣтъ кузины, въ отношеніи Жиглинскихъ, князь выполнилъ на другой же день, и выполнилъ его весьма деликатно. Зная, когда Елены навѣрное не бываетъ дома, онъ послалъ къ старухѣ Жиглинской своего управляющаго, который явился къ Елизаветѣ Петровнѣ и вручилъ ей отъ князя пакетъ съ тремястами рублей серебромъ.

— Князь приказалъ васъ спросить,—доложилъ ей при этомъ управляющій:—какъ вамъ будетъ угодно получать деньги на слѣдующіе мѣсяцы: къ вамъ ли ихъ прикажете доставлять на домъ, или сами будете жаловать къ намъ въ контору для полученія?

— Ахъ, я сама буду ѣздить, вы не безпокойтесь, — проговорила Елизавета Петровна, принимая трепещущими руками деньги и вся краснѣя въ лицѣ отъ удовольствія.

Управляющій поклонился ей и хотѣлъ-было уйти.

— Князь нанялъ у меня землю и, вѣроятно, помѣсячно желаетъ мнѣ платить,—пояснила ему г-жа Жиглинская.

— Да-съ, они ежемѣсячно приказали вамъ доставлять,— отвѣтилъ ей управляющій.

— Очень благодари!.. очень!.. — говорила Елизавета Петровна радушнѣйшимъ голосомъ. — У князя, кажется, тоже есть имѣніе въ Саратовской губерніи?

— Есть, — сказалъ управляющій.

— Ну, и мое имѣніе, значитъ, сосѣднее вашему. Не въ убыткѣ будете, что наняли, не въ убыткѣ! — повторила Елизавета Петровна дважды.

Управляющій молчалъ. Князь не говорилъ ему ни слова объ имѣніи.

— Большое имѣніе князь изволилъ у васъ взять? — спросилъ онъ.

— О, да, порядочное! — отвѣчала Елизавета Петровна съ нѣкоторою важностью.

Ей казалось, что она, лгавъ такимъ образомъ, очень умно и тонко поступаетъ.

Когда управляющій ушелъ, Елизавета Петровна послала Марѳушку купить разныхъ разностей къ обѣду. Еленѣ, впрочемъ, о полученіи денегъ она рѣшилась не говорить лучше, потому что, Богъ знаетъ, какъ еще глупая дѣвочка приметъ это; но зато, по поводу другого обстоятельства, она вознамѣривалась побесѣдовать съ ней серьезно.

Елена въ этотъ день возвратилась изъ училища не въ двѣнадцать часовъ ночи, а къ обѣду. Выйдя поутру изъ дома, Елена только на минуту зашла въ Роше-де-Канкаль, отдала тамъ швейцару записочку къ князю, въ которой увѣдомляла его, что она не придетъ сегодня въ гостиницу, потому что больна; и затѣмъ къ обѣду возвратилась изъ училища домой. Ее очень разсердилъ вчера князь. Напрасно разсудокъ говорилъ въ Еленѣ, что князь долженъ былъ такимъ образомъ поступить, и что для нея ничего тутъ нѣтъ ни оскорбительнаго ни унизительнаго. Нѣтъ, не долженъ! — возражала она въ сердцахъ сама себѣ:—и если супругѣ своей онъ не въ состояніи отказать въ подобныхъ пустякахъ, значитъ, она страшное значеніе имѣетъ для него. Что же послѣ того Елена?.. Одно только пустое времяпрепровожденіе его, и съ ней поэтому церемониться нечего! Можно ей разсказать со всевозможными подробностями о своихъ глупыхъ объясненіяхъ съ супругой. Онъ гораздо бы больше показалъ ей уваженія, если бы просто не пріѣхалъ и сказалъ, что нельзя ему было,—

все-таки это было бы умнѣе для него и покойнѣе для нея; тогда она, по крайней мѣрѣ, не знала бы пошлой причины тому. О, какъ въ эти минуты Елена возненавидѣла княгиню, и дала себѣ твердое и непреложное слово, въ первое же свиданіе съ княземъ, объяснить ему и показать въявѣ: каковъ онъ есть человѣкъ на свѣтѣ!

Елена, какъ и бо̀льшая часть дѣвушекъ ея времени и воспитанія, иногда любила въ мысляхъ и разговорахъ даже употреблять простонародные обороты.

Когда наконецъ Елизавета Петровна позвала дочь сѣсть за столъ, то Елена, несмотря на свою грусть, сейчасъ замѣтила, что къ обѣду были поданы: жареная дичь изъ гастрономическаго магазина, бутылка бѣлаго вина и наконецъ сладкій пирогъ изъ грѣцкихъ орѣховъ, весьма любимый Еленою. Она подумала, что мать все это приготовила по тому случаю, что Елена наканунѣ еще сказала, что придетъ обѣдать домой, и ей сдѣлалось нѣсколько совѣстно противъ старухи. «Она-то меня все-таки любитъ, а я ужъ ее нисколько!»— подумала Елена съ нѣкоторою болью въ сердцѣ.

Елизавета Петровна между тѣмъ была въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа.

— Я не помню, говорила ли я тебѣ, — начала она, обращаясь къ дочери и какимъ-то необыкновенно развязнымъ тономъ:—что у покойнаго мужа было тамъ одно дѣло, по которому у него взято было въ опеку его имѣніе.

— Нѣтъ, не говорили,—отвѣчала ей серьезно Елена, дѣйствительно никогда ничего подобнаго не слыхавшая отъ матери.

— Какъ же, очень порядочное имѣніе!—воскликнула Елизавета Петровна.—И вообрази себѣ: сегодня является ко мнѣ письмоводитель квартальнаго и объявляетъ, что дѣло это рѣшено въ нашу пользу; доставилъ мнѣ часть и говоритъ, что и еще мнѣ будетъ доставлено!..

— Это хорошо! — проговорила Елена съ удовольствіемъ

— Какъ же, ангелъ мой, не хорошо! Кромѣ уже помощи, которую мы теперь получимъ, у насъ будетъ каждогодный доходъ.

Передъ дочерью Елизавета Петровна выдумала о какомъ-то имѣніи покойнаго мужа затѣмъ, чтобъ Еленѣ не кинулся въ глаза тотъ избытокъ, который Елизавета Петровна, весьма долго напостившаяся, намѣрена была ввести въ свою домашнюю жизнь: похоти сердца въ ней въ настоящее время замѣнились похотями желудочными!

— Теперь еще я хотѣла тебя спросить, — продолжала она

какимъ-то даже умильнымъ голосомъ: — отчего у насъ князь не бываетъ совсѣмъ?

— Онъ замѣтилъ, что вамъ не нравятся его посѣщенія,— отвѣчала Елена.

— Господи помилуй! Господи помилуй!.. И не думала, и не думала! — воскликнула Елизавета Петровна, всплеснувъ даже руками.

— Какъ же вы не думали? Вы стерегли насъ, какъ я не знаю что̀! — возразила ей Елена.

— Да мнѣ просто любопытно было посидѣть и послушать вашихъ умныхъ разговоровъ, — больше ничего! — отвѣчала г-жа Жиглинская невиннѣйшимъ голосомъ.

Елена на это ничего не сказала и только нахмурилась: она очень хорошо видѣла, что мать тутъ лжетъ отъявленнымъ образомъ.

— Если въ этомъ только, то пускай пріѣзжаетъ, я глазъ моихъ не покажу. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ, старухѣ, съ вами, молодыми людьми, дѣлать, о чемъ разговаривать?

Елена на это тоже молчала. Она одного только понять не могла, отчего въ матери произошла такая перемѣна, и объясняла это пріятнымъ настроеніемъ ея духа вслѣдствіе полученія по какому-то дѣлу денегъ.

— Ты, пожалуйста, попроси князя бывать у насъ. Мнѣ очень грустно, очень непріятно, что онъ такъ понимаетъ меня! — продолжала Елизавета Петровна.

— Хорошо, я ему скажу...—проговорила Елена.

Она сама гораздо бы больше желала, чтобы князь бывалъ у нихъ, а то, какъ она ни вооружалась стоическимъ спокойствіемъ, но все-таки ей ужасно тяжело и стыдно было середь бѣлаго дня приходить въ Роше-де-Канкаль. Ей казалось, что она на каждомъ шагу можетъ встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, который увидитъ, куда она идетъ; что швейцаръ, отворяя ей дверь, какъ-то двусмысленно или почти съ презрѣніемъ взглядывалъ на нее; что молодые офиціанты, стоящіе въ коридорѣ, при проходѣ ея именно о ней и перешептывались.

— Непремѣнно скажи, прошу тебя о томъ! — восклицала Елизавета Петровна почти умоляющимъ голосомъ. — Или вотъ что̀ мы лучше сдѣлаемъ! — прибавила она потомъ, какъ бы сообразивъ нѣчто:—чтобы мнѣ никакъ вамъ не мѣшать, ты возьми мою спальную: у тебя будетъ зала, гостиная и спальная, а я возьму комнаты за коридоромъ, такъ мы и будемъ жить на двухъ разныхъ половинахъ.

— Хорошо, мнѣ все равно!—отвѣчала Елена, сначала и не понявшая, для чего мать это затѣваетъ.

Елизавету же Петровну, какъ видно, сильно заняло ея новое предположеніе, такъ что, выйдя изъ-за стола, она, не теряя ни минуты, позвала Марѳушу и дворника и заставила ихъ вещи свои перетаскивать въ комнату Елены, а вещи Елены— въ свою комнату, и при этомъ послѣднюю замѣтно старалась убрать какъ можно нарядѣе; для этой цѣли Елизавета Петровна оставила въ этой комнатѣ свой коверъ, свой ломберный столъ и на немъ вазы съ восковыми цвѣтами.

Елена все это время полулежала въ гостиной на диванѣ: у нея страшно болѣла голова и на душѣ было очень скверно. Несмотря на гнѣвъ свой противъ князя, она начинала невыносимо желать увидѣть его поскорѣй, но какъ это сдѣлать: написать ему письмо и звать его, чтобы онъ пришелъ къ ней, это прямо значило — унизить свое самолюбіе, и кромѣ того: куда адресовать письмо? Въ домъ къ князю Елена не рѣшалась, такъ какъ письмо ея могло попасться въ руки княгини; надписать его въ Роше-де-Канкаль, — но придетъ ли туда еще князь?

Тотъ, впрочемъ, безъ всякаго зову самъ не заставилъ себя долго дожидаться. Елизавета Петровна едва только успѣла покончить свои хлопоты по поводу убранства новаго помѣщенія Елены, какъ раздался довольно сильный звонокъ.

Елена при этомъ сейчасъ же привстала на диванѣ; Марѳуша бросилась отворять дверь; г-жа Жиглинская тоже, будто бы случайно, выставилась въ переднюю

Это, какъ и ожидали всѣ, пріѣхалъ князь.

— Дома Елена Николаевна? — спросилъ онъ.

— Дома, пожалуйте! — отвѣтила за Марѳушу Елизавета Петровна.

Князь вошелъ.

— Благодарю! — сказала проворно и почти насильно схвативъ его руку Елизавета Петровна.—Я Еленѣ не говорила,— и вы не говорите,—прибавила она почти шопотомъ.

— Зачѣмъ говорить ей! — произнесъ князь и поспѣшилъ уйти отъ Елизаветы Петровны.

— Вы больны? — сказалъ онъ обезпокоеннымъ голосомъ, входя въ гостиную къ Еленѣ и протягивая ей руку.

— Больна! — отвѣчала ему та довольно сухо.

— Но чѣмъ же?

— Голова болитъ! — говорила Елена. Намѣреніе ея разбранить князя, при одномъ видѣ его, окончательно въ ней пропало, и она даже не помнила хорошенько, въ какихъ именно выраженіяхъ хотѣла ему объяснить поступокъ его. Князь въ свою очередь тоже, кажется, немножко предчувство-

валъ, что его будутъ бранить. Вошедшая, впрочемъ, Марѳуша прервала на нѣсколько минутъ ихъ начавшійся разговоръ.

— Маменька приказала вамъ сказать,—обратилась она къ Еленѣ:—что онѣ со мной сейчасъ уѣзжаютъ къ Иверской молебенъ служить, а потомъ къ Каменному мосту въ бани-съ.

Князь при этомъ не удержался и улыбнулся, а Елена сконфузилась.

— Какъ ты однако глупа, Марѳуша! — проговорила она.

При этомъ Марѳа уже покраснѣла и сейчасъ же скрылась, а черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно Елизавета Петровна, какъ это видно было изъ оконъ, уѣхала съ ней на лихачѣ-извозчикѣ. Дочь такимъ образомъ она оставила совершенно съ глазу на глазъ съ княземъ.

— Ну, подите сюда и сядьте около меня! — сказала ему Елена.

Князь подошелъ и сѣлъ около нея.

Елена положила ему голову на плечо.

— Что̀, много изволили съ супругой вашей вчера любезничать? — спросила она его насмѣшливо.

— Напротивъ-съ, очень мало! — отвѣчалъ онъ ей тоже насмѣшливо.

— Я думаю!.. — воскликнула Елена.—Ахъ, какой однако ты гадкій человѣкъ,—ужасъ!—прибавила она, протягивая свои красивыя ноги по дивану.

— Но чѣмъ же однако, позвольте васъ спросить? — сказалъ князь, все еще желавшій и продолжавшій отшучиваться.

— А тѣмъ, что... ну, рѣшился провести этотъ день съ женой. И скажи прямо, серьезно, какъ вонъ русскіе самодуры говорятъ: «хочу, молъ, такъ и сдѣлаю, а ты моему нраву не препятствуй!». Досадно бы, конечно, было, но я бы покорилась; а то пріѣхалъ, сначала хитрить сталъ, а потомъ, когда отпустили, такъ обрадовался какъ школьникъ и убѣжалъ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ меня за какую-то дрянь совершенно почитаешь...—проговорилъ князь уже не совсѣмъ довольнымъ голосомъ.

— Да ты дрянь и есть! — подхватила Елена и сама при этомъ, какъ бы не удержавшись, взглянула ему съ нѣжностью въ лицо.

— Такъ вотъ же тебѣ за это по русскому самодурству, если оно такъ тебѣ нравится!—сказалъ князь и слегка приложилъ свою руку къ щечкѣ Елены.

Она схватила его руку и начала ее цѣловать, цѣловать!

— Милый мой, ангелъ мой, я ужасно тебя люблю! — шептала она.

— А я развѣ меньше тебя люблю?—шепталъ тоже князь, цѣлуя ее въ лицо.

— Меньше!.. Постой однако,—проговорила Елена, приподнявшись съ дивана:—мнѣ что-то тутъ нехорошо,—прибавила она, показывая на горло: — ужасно какой противный вкусъ во рту.

— Но ты не скушала ли чего-нибудь?

— Нѣтъ, у меня съ недѣлю это чувство... Какое-то отвращеніе почти отъ всякой пищи!

— Можетъ-быть, это симптомы чего-нибудь? — спросилъ князь.

— Можетъ-быть!.. Но, другъ мой,—продолжала Елена какимъ-то капризнымъ голосомъ:—мнѣ хочется жить нынче лѣтомъ на дачѣ въ Останкинѣ. Я, помню, тамъ въ дѣтствѣ жила: эти лѣса, пруды, дорога въ Медвѣдково!.. Ужасно какъ было весело! Я хочу и нынѣшнее лѣто весело прожить.

— Что жъ, и отлично!—подхватилъ князь.

— А ты будешь ли ко мнѣ каждый день ѣздить?—спросила Елена.

— Я и самъ тамъ найму, чѣмъ мнѣ ѣздить, — отвѣчалъ князь.

— Скажите, пожалуйста!.. Но вы забыли, какъ княгиня еще позволитъ вамъ это.

— Я княгиню и спрашивать не буду, а скажу ей только, что мы переѣдемъ туда.

— Ахъ, какой ты здѣсь храбрый, ужасно какой храбрый!—воскликнула Елена.

Князю замѣтно ужъ стало и не нравиться такое подсмѣиванье надъ нимъ.

— Ревность никакъ не высокое чувство и извинительна только самымъ необразованнымъ людямъ!—проговорилъ онъ, нахмуривая лобъ.

— Я это знаю очень хорошо!—возразила Елена.—Но она въ такомъ только случаѣ не извинительна, когда кто прямо говоритъ: «я васъ не люблю, а люблю другую!», а если говоритъ напротивъ...

— А если говорить напротивъ, такъ такъ, значитъ, и есть!—перебилъ ее рѣзко князь:—и чѣмъ намъ,—прибавилъ онъ съ усмѣшкою:—предаваться безполезнымъ словопреніямъ, не лучше ли теперь же ѣхать въ Останкино и нанять тамъ дачи?

— Ахъ, я очень рада! — воскликнула Елена въ самомъ дѣлѣ радостнымъ голосомъ.

— Ну, такъ поѣдемте; время откладывать нечего.

— Сію минуту, только пріодѣнусь немного,—отвѣчала Елена и ушла.

Князь, оставшись одинъ, погрузился въ размышленіе. Его смутили слова Елены о постигающихъ ее припадкахъ: что̀ если эти припадки подтвердятся? Страхъ и радость наполнили при этой мысли сердце князя: ему въ первый разъ еще предстояло это счастье; но какъ встрѣтить это событіе, какъ провести его потомъ въ жизни? Когда Елена вошла въ шляпкѣ и бурнусѣ, онъ все еще продолжалъ сидѣть, понуривъ голову, такъ что она принуждена была дотронуться вѣеромъ до его плеча.

— Я готова!—проговорила она.

— Ѣдемте-съ!—сказалъ князь, и черезъ нѣсколько времени они уже катили въ его каретѣ по дорогѣ къ Останкину.

Елена сидѣла, прижавшись въ уголъ экипажа.

— Какъ бы я желала, чтобы карета эта далеко-далеко и навсегда увезла насъ изъ Москвы!—сказала она.

— Да, недурно бы это было!—согласился и князь, сохраняя свой задумчивый и разсѣянный видъ; его все еще не оставляла мысль о припадкахъ Елены. Въ Останкинѣ они прежде всего проѣхали въ слободку и наняли тамъ очень хорошенькую дачку для Елены. Князь хотѣлъ-было сразу же отдать хозяину всѣ деньги.

— Не смѣйте этого дѣлать!—воскликнула на него по-французски Елена и подала хозяину дачи изъ своего кошелька двадцать пять рублей серебромъ.

— Но почему же?..—спросилъ ее князь тоже по-французски, опять нахмуривая лобъ.

— А потому,—отвѣчала Елена:—что жена ваша и безъ того, вѣроятно, думаетъ, что я разоряю васъ...

Лицо князя приняло еще болѣе сердитое выраженіе.

— Ядовито сказано, хоть несправедливо совершенно, — произнесъ онъ.

Изъ слободки князь и Елена прошли черезъ садъ къ главному дворцу; здѣсь князь вызвалъ къ себѣ смотрителя дома; оказалось, что это былъ какой-то старый лакей. Прежде всего князь назвалъ ему фамилію свою; лакей при этомъ сейчасъ же снялъ шапку.

— Что̀, ваши флигеля свободны?—спросилъ князь.

— Свободны-съ!—отвѣчалъ лакей.

— Ну, такъ скажите вашему управляющему, что оба эти флигеля я оставляю за собой на лѣто, и чтобы онъ прислалъ мнѣ записку, что они за мной.

— Слушаю-съ!—отвѣчалъ ему лакей почтительно.

Покуда происходили всѣ эти наниманья, солнце почти сѣло, и на дворѣ становилось довольно свѣжо.

— Я начинаю однако зябнуть,—проговорила Елена.

— Поѣдемте скорѣе домой, — сказалъ съ заботливостью князь, подсаживая ее въ карету, гдѣ она не преминула спросить его: зачѣмъ онъ собственно нанялъ два флигеля?

— Затѣмъ, что въ одномъ будетъ жить княгиня, а въ другомъ я,—отвѣчалъ флегматически князь.

Елена на это ничего не сказала, но только удовольствіе видимо отразилось въ ея подвижномъ лицѣ.

При обратномъ пути кучеръ поѣхалъ нѣсколько другой дорогой, и такимъ образомъ пришлось проѣзжать мимо дома Анны Юрьевны. Было всего еще девять часовъ.

— Заѣдемте къ вашей начальницѣ!—сказалъ князь Еленѣ.

— Э, нѣтъ! Я всегда терпѣть не могла бывать у всѣхъ моихъ начальницъ,—отвѣчала Елена.

— Это не такая начальница; я васъ сближу нѣсколько съ нею. Пожалуйста, заѣдемте!—уговаривалъ князь.

Ему, по преимуществу, хотѣлось посмотрѣть, какъ Анна Юрьевна приметъ Елену послѣ того, какъ узнала она тайну ея отношенія къ нему.

— Хорошо, заѣдемъ, если тебѣ такъ этого хочется,—согласилась Елена.

— Я только предувѣдомлю ее о васъ,—сказалъ князь, войдя съ Еленою въ залу Анны Юрьевны и уходя впередъ ея въ кабинетъ къ той.

— Я къ вамъ, кузина, заѣхалъ съ mademoiselle Жиглинской!—сказалъ онъ.

— Ахъ, очень рада!—отвѣчала Анна Юрьевна какимъ-то страннымъ голосомъ.

Анна Юрьевна вовсе не считала любовь чѣмъ-нибудь нехорошимъ или преступнымъ, но все-таки этотъ заѣздъ къ ней кузена со своей любовницей, которая была подчиненною Анны Юрьевны, показался ей нѣсколько страннымъ и не совсѣмъ приличнымъ съ его стороны, и потому, какъ она ни старалась скрыть это чувство, но оно выразилось въ ея голосѣ и во всѣхъ манерахъ ея.

— Пожалуйте сюда, mademoiselle Hélène!—крикнула она, услышавъ, что та въ залѣ дожидается.

Елена вошла. Она замѣтно конфузилась нѣсколько.

— Vous êtes bien aimable, что заѣхали ко мнѣ,—продолжала Анна Юрьевна, крѣпко пожимая ей руку.—Прошу впередъ посѣщать меня sans cérémonie.

— Но я могу помѣшать вашимъ занятіямъ!—возразила Елена.

— О, моя милая! — воскликнула Анна Юрьевна:—зачѣмъ вы это говорите? Вы очень хорошо убѣждены, что я рѣшительно ничего не дѣлаю, какъ только сплю и ѣмъ.

— Нѣтъ, я въ этомъ не убѣждена,—отвѣчала ей серьезно Елена.

— А мы съ mademoiselle Еленой ѣздили дачу нанимать въ Останкино,—вмѣшался въ разговоръ князь.—Она наняла дачку для себя, а я для себя!

— Вотъ какъ! — произнесла Анна Юрьевна.—Это однако даетъ и мнѣ мысль нанять дачу, только не въ Останкинѣ, а по сосѣдству около него, въ Свибловѣ! Иванъ Иванычъ!—крикнула затѣмъ Анна Юрьевна, звоня въ то же время въ колокольчикъ.

На этотъ звонъ вошелъ ея главный дворецкій.

— Съѣздите, мой милый, завтра въ Свиблово и наймите мнѣ тамъ дачку. Помѣщеніе для меня какое хотите,—мнѣ все равно, но главное, чтобы конюшни были хорошія и сараи.

Иванъ Иванычъ поклонился ей на это и опять ушелъ къ себѣ.

— Я тамъ поселюсь,—начала Анна Юрьевна, обращаясь къ гостямъ своимъ:—и буду кататься по свибловскимъ полямъ на моихъ милыхъ коняхъ, или, какъ князь называетъ ихъ, моихъ бѣшеныхъ львахъ,—чудесно!

Анна Юрьевна страстно любила лошадей и, въ самомъ дѣлѣ, ѣздила почти на львахъ.

— Ну, эти львы ваши, кузина, вамъ сломятъ когда-нибудь голову,—замѣтилъ ей князь.

— Ахъ, мой милый!.. il feront très bien!..—отвѣчала, слегка вздохнувъ, Анна Юрьевна: — я такъ часто въ жизни моей близка была сломать себѣ голову, но не успѣла только, такъ пусть же они мнѣ помогутъ въ этомъ... Ваши занятія въ концѣ мая совершенно окончатся?—отнеслась она затѣмъ уже къ Еленѣ, какъ бы чувствуя необходимость ее немножко приласкать.

— Да!—отвѣчала та ей сухо.

Она очень хорошо видѣла, что Анна Юрьевна, говоря съ ней, почти насилуетъ себя. Досада забушевала въ сердцѣ Елены противъ Анны Юрьевны, и, въ отмщеніе ей, она рѣшилась, въ присутствіи ея, посмѣяться надъ русской аристократіей.

— Мнѣ очень бы желалось знать,—начала она:—что пресловутая Наталья Долгорукова изъ этого самаго рода Шереметевыхъ, которымъ принадлежитъ теперь Останкино?

— Изъ этого!—отвѣчала Анна Юрьевна съ нѣсколько на-

дменнымъ видомъ.—Не правда ли, que c'est un être très poétique?.. l'idéal des femmes russes!

Елена сдѣлала гримасу.

— По-моему, она очень, должно-быть, недалека была,—проговорила Елена.

Анна Юрьевна взглянула на нее вопросительно.

— Потому что,—продолжала Елена:—какимъ же образомъ можно было до такой степени полюбить господина Долгорукова, человѣка весьма дурныхъ качествъ и свойствъ, какъ говоритъ намъ исторія, да и вообще кого изъ русскихъ князей стòитъ такъ полюбить?

— Князь! Remerciez pour ce compliment; inclinez-vous!..—воскликнула Анна Юрьевна къ князю.

— Я потому и позволяю себѣ говорить это въ присутствіи князя,—подхватила Елена:—что онъ въ этомъ случаѣ совершенно исключеніе: въ немъ, сколько я знаю его, ничего нѣтъ княжескаго. А шутки въ сторону,—продолжала она какъ бы болѣе серьезнымъ тономъ:—скажите мнѣ, былъ ли изъ русскихъ князей хоть одинъ настоящимъ образомъ великій человѣкъ, великій полководецъ, великій поэтъ, ученый, великій критикъ, публицистъ?.. Вездѣ они являются дилетантами, играютъ какую-то второстепенную роль. Суворовъ былъ не князь; Пушкинъ, несмотря на свои аристократическія замашки, тоже не князь, Ломоносовъ не князь, Бѣлинскій не князь, Чернышевскій и Добролюбовъ тоже не князья!

— Ну, а князь Пожарскій, напримѣръ?.. — перебила ее Анна Юрьевна, слушавшая весьма внимательно всѣ эти слова ея.

Елена при этомъ мило пожала плечами своими.

— По-моему-съ, онъ только человѣкъ счастливой случайности,—сказала она.—И кто въ это, дѣйствительно серьезное для Россіи, время больше дѣйствовалъ: онъ или Мининъ—исторія еще не рѣшила.

— Пожарскій чтò?—замѣтилъ и князь.—Вотъ Долгорукій, князь Яковъ Долгорукій—то другое дѣло, это былъ человѣкъ настоящій!

— Это тотъ, который царскіе указы рвалъ?.. Но развѣ одна грубость и дерзость даютъ право на званіе великаго человѣка!—возразила ему Елена.

— Но кромѣ тамъ вашего князя Якова Долгорукова мало ли было государственныхъ людей изъ князей?—воскликнула Анна Юрьевна.—Сколько я сама знала за границей отличнѣйшихъ дипломатовъ и посланниковъ изъ русскихъ князей!..

— О, если вы такихъ людей разумѣете великими, то, конечно, ихъ всегда было, есть и будетъ очень много,—проговорила Елена.

— Но какихъ же вы-то разумѣете великими людьми?—спросила ее Анна Юрьевна уже съ нѣкоторою запальчивостью.

— Я разумѣю великимъ человѣкомъ только того,—отвѣчала Елена:—кто создалъ что-нибудь новое, избралъ какой-нибудь новый путь, неизвѣстный, по крайней мѣрѣ, въ его народѣ; а кто идетъ только искусно по старымъ дорожкамъ—это, пожалуй, люди умные... ловкіе въ жизни...

— Но какъ же въ жизни различить, кто идетъ по новымъ путямъ или по старымъ?—воскликнула Анна Юрьевна. — La vie n'est pas un champ, гдѣ видно, что есть дорога или нѣтъ... Вы говорите, моя милая, какую-то утопію!

— Почему же я говорю утопію?—спросила Елена удивленнымъ голосомъ: ее больше всего поразило то, съ какой это стати и въ какомъ значеніи употребила тутъ Анна Юрьевна слово—утопія.

— Рѣшительную утопію! — повторила та настойчиво съ своей стороны.

Анна Юрьевна, простодушно полагала, что утопіею называется всякая ложь, всякій вздоръ.

— Ну, однако поѣдемте, пора! — сказалъ вдругъ князь, вставая и обращаясь къ Еленѣ.

Онъ, кажется, нѣсколько опасался, чтобы разговоръ между дамами не достигнулъ еще до бо̀льшихъ рѣзкостей.

— Пора!—отозвалась съ удовольствіемъ и Елена.

Анна Юрьевна несмотря на происшедшій споръ, постаралась проститься съ Еленой какъ можно радушнѣе, а князя, когда онъ пошелъ-было за Еленой, пріостановила на минуту.

— Посмотри, какъ ты дѣвочку изнурилъ: ее узнать нельзя,— проговорила она ему шопотомъ.

— Подите вы, изнурилъ!..—отвѣчалъ ей со смѣхомъ князь.

— Непремѣнно изнурилъ!.. Она, впрочемъ, преумненькая, но предерзкая, должно-быть...

— Есть это отчасти!—отвѣчалъ князь, еще разъ пожимая руку кузины и уходя отъ нея.

Когда онъ завезъ Елену домой, то Елизавета Петровна, уже возвратившаяся и приведшая себя въ порядокъ, начала его убѣдительно упрашивать, чтобы онъ остался у нихъ отужинать. Князь согласился. Елена за ужиномъ ничего не ѣла.

— Вы, кажется, хотите голодомъ себя уморить? — замѣтилъ ей князь.

— Все противно! — отвѣчала ему Елена.

Елизавета Петровна при этомъ отвѣтѣ дочери внимательно посмотрѣла на нее.

VII.

Въ самый день переѣзда Григоровыхъ на дачу, ихъ постигнулъ трауръ; получена была телеграмма, что скоропостижно скончался Михайла Борисовичъ Бахтуловъ. Князю Григорову непремѣнно бы слѣдовало ѣхать на похороны къ дядѣ, но онъ не поѣхалъ, отговорившись передъ женой тѣмъ, что онъ считаетъ нечестнымъ скакать хоронить того человѣка, котораго онъ всегда ненавидѣлъ: въ сущности же князь не ѣхалъ потому, что на нѣсколько дней даже не въ состояніи былъ разстаться съ Еленой, овладѣвшей рѣшительно всѣмъ существомъ его и тоже переѣхавшей вмѣстѣ съ матерью на дачу.

Въ Петербургѣ смерть Михайлы Борисовича, не говоря уже о Марьѣ Васильевнѣ, съ которой съ самой сдѣлался отъ испуга ударъ, разумѣется, больше всѣхъ поразила барона Мингера. Баронъ мало того, что въ Михайлѣ Борисовичѣ потерялъ искреннѣйшимъ образомъ расположеннаго къ нему начальника, но, что ужаснѣе всего для него, — на мѣсто Бахтулова назначенъ былъ именно тотъ свирѣпый генералъ, котораго мы видѣли у Бахтулова и который на первомъ же пріемѣ своего вѣдомства объяснилъ, что онъ въ подчиненныхъ своихъ желаетъ видѣть работниковъ, тружениковъ, а не друзей. Баронъ, насчетъ котораго были прямо сказаны эти слова, только слегка поблѣднѣлъ, и затѣмъ генералъ при каждомъ докладѣ его сталъ придираться ко всевозможнымъ пустымъ промахамъ и рѣзко выговаривать за нихъ. Баронъ молча выслушивалъ все это и въ душѣ рѣшился сначала уѣхать въ четырехмѣсячный отпускъ, а потомъ, съ наступленіемъ осени, хлопотать о переходѣ на какое-нибудь другое мѣсто. Въ одинъ день наконецъ онъ высказалъ генералу свою просьбу отъ отпускѣ.

— Вы ѣдете за границу? — спросилъ его тотъ насмѣшливо.

— Нѣтъ-съ, въ Москву! — отвѣчалъ ему баронъ.

— Отчего же не за границу? — повторилъ генералъ опять насмѣшливо.

— Я не имѣю средствъ на то, — отвѣчалъ баронъ, гордо выпрямляясь передъ нимъ.

— Я могу испросить вамъ пособіе, — произнесъ генералъ уже серьезно.

— Я не боленъ и не имѣю права на пособіе, — проговорилъ баронъ тѣмъ же гордымъ тономъ.

Онъ не хотѣлъ отъ этого дикаго сатрапа принимать никакого одолженія.

Генералъ затѣмъ, весьма равнодушно написавъ на его до-

кладной запискѣ: «уволить!», возвратилъ ее барону, который, въ свою очередь, холодно съ нимъ раскланялся и удалился.

На другой день послѣ этого объясненія, баронъ написалъ къ князю Григорову письмо, въ которомъ, между прочимъ, излагалъ, что, потерявъ такъ много въ жизни со смертью своего благодѣтеля, онъ хочетъ отдохнуть душой въ Москвѣ, а поэтому спрашиваетъ у князя еще разъ позволенія пріѣхать къ нимъ погостить. «Этотъ Петербургъ, товарищи мои по службѣ, даже комнаты и мебель, словомъ, все, что напоминаетъ мнѣ моего богоподобнаго Михайлу Борисовича, все это еще болѣе раскрываетъ раны сердца моего»,—заключилъ баронъ свое письмо, на каковое князь въ тотъ же день послалъ ему телеграфическую депешу, которою увѣдомлялъ барона, что онъ ждетъ его съ распростертыми объятіями, и что для него уже готово помѣщеніе, именно въ томъ самомъ флигелѣ, гдѣ и князь жилъ. Баронъ послѣ того не замедлилъ прибыть въ Москву и прямо съ желѣзной дороги въ извозчичьей каретѣ, биткомъ набитой его чемоданами, проѣхалъ въ Останкино.

Самого князя не было въ это время дома, но камердинеръ его показалъ барону приготовленное для него помѣщеніе, которымъ тотъ остался очень доволенъ: оно выходило въ садъ; передъ глазами было много зелени, цвѣтовъ. Часа въ два наконецъ явился князь домой; услыхавъ о пріѣздѣ гостя, онъ прямо прошелъ къ нему. Баронъ передъ тѣмъ только разложился съ своимъ измявшимся отъ дороги гардеробомъ. Войдя къ нему, князь не утерпѣлъ и ахнулъ. Онъ увидѣлъ, по крайней мѣрѣ, до сорока цвѣтныхъ штановъ барона.

— Зачѣмъ у васъ такая пропасть этой дряни? — воскликнулъ онъ.

— Цвѣтныхъ брюкъ надобно имѣть или много, или ни однѣхъ, а то онѣ очень приглядываются! — отвѣчалъ баронъ съ улыбкою и крѣпко цѣлуясь съ другомъ своимъ.

— Княгиню видѣли? — спросилъ князь.

— Нѣтъ еще! — отвѣчалъ баронъ.

— Ну, такъ пойдемте къ ней.

— Позвольте мнѣ нѣсколько привести себя въ порядокъ.— отвѣчалъ баронъ.

— Будемъ ждать васъ! — сказалъ князь и ушелъ къ женѣ.

Ему поскорѣе хотѣлось видѣть ее, потому что княгиня, какъ онъ успѣлъ подмѣтить, не совсѣмъ большое удовольствіе изъявила, услыхавъ, что баронъ собрался наконецъ и ѣдетъ къ нимъ гостить. Князь засталъ ее въ залѣ играющею на роялѣ. Звуки сильные, энергическіе, исполненные глубокой тоски, вылетали изъ-подъ ея бѣленькихъ пальчиковъ. Княгиня въ по-

слѣднее время только и развлеченіе находила себѣ, что въ музыкѣ. Князь нѣкоторое время простоялъ на балконѣ, какъ бы не рѣшаясь и совѣстясь прервать игру жены. Невольное чувство совѣсти говорило въ немъ, что эти сильные и гнѣвные звуки были вызваны изъ кроткой души княгини имъ и его поведеніемъ; наконецъ онъ вошелъ, княгиня сейчасъ же перестала играть. Она никогда больше при мужѣ не играла и вообще послѣднее время держала себя въ отношеніи его въ какомъ-то офиціально-покорномъ положеніи, что̀ князь очень хорошо замѣчалъ и въ глубинѣ души своей мучился этимъ.

— Баронъ пріѣхалъ! — сказалъ онъ какъ можно болѣе привѣтливымъ голосомъ.

— Слышала это я, — отвѣчала княгиня холодно.

«Опять этотъ холодъ и ледъ!»—подумалъ про себя князь. Обѣдать этотъ разъ онъ предположилъ дома и даже весь остальной день могъ посвятить своему пріѣхавшему другу, такъ какъ Елена уѣхала до самаго вечера въ Москву, чтобы заказать себѣ тамъ лѣтній, и болѣе скрывающій ея положеніе, костюмъ.

Часа въ три наконецъ баронъ явился къ княгинѣ въ безукоризненно-модной жакеткѣ, въ щегольской соломенной лѣтней шляпѣ, съ дорогой тросточкой въ рукѣ, по современной модѣ, въ ярко-зеленыхъ перчаткахъ.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ вашего папа, мама, сестрицъ, — говорилъ онъ, подходя и съ чувствомъ пожимая руку княгини. — Всѣ они очень огорчены, что вы пишете имъ о нездоровьѣ вашемъ; и вы дѣйствительно ужасно какъ похудѣли!.. — прибавилъ онъ, всматриваясь въ лицо княгини.

— Старѣюсь и отъ скуки, вѣроятно, — отвѣчала княгиня.

— А вы въ Москвѣ скучаете? — спросилъ баронъ.

— Ужасно!.. препротивный городъ!.. — почти воскликнула княгиня.

Князь при этомъ разговорѣ сидѣлъ молча. Онъ догадывался, что жена всѣми этими словами въ его огородъ кидаетъ камешки.

На дачѣ Григоровы обѣдали ранѣе обыкновеннаго и потому вскорѣ затѣмъ пошли и сѣли за столъ.

— Какъ чувствуетъ себя бѣдная Марья Васильевна? — спросила княгиня барона.

— Ахъ, Боже мой! Виноватъ, и забылъ совсѣмъ! Она прислала вамъ письмо, — проговорилъ тотъ, вынимая изъ бумажника письмо и подавая его князю, который съ недовольнымъ видомъ началъ читать его.

— Марья Васильевна поручила мнѣ умолять князя, чтобы

онъ хоть на нѣсколько дней пріѣхалъ къ ней въ Петербургъ,— объяснилъ баронъ княгинѣ.

— Я и сама думаю, что ему надобно съѣздить, — проговорила та.

— Ты думаешь, а я не думаю! — произнесъ сердито князь, кидая письмо на столъ. — Чортъ знаетъ, какая-то тамъ полоумная старуха—и поѣзжай къ ней!.. Что̀ я для нея могу сдѣлать? Ничего! — говорилъ онъ, явно вспыливъ.

— Утѣшилъ бы ее тѣмъ, что она увидитъ тебя, больше ничего, — подхватила княгиня.

— Если ей такъ хочется видѣть меня, такъ пусть сама сюда ѣдетъ, — сказалъ тѣмъ же досадливымъ голосомъ князь.

— Какъ же самой ей ѣхать! — возразила княгиня.

— Она тронуться съ постели теперь не можетъ! — поддержалъ ее баронъ.

— Ну, когда не можетъ, такъ и сиди тамъ себѣ! — сказалъ князь рѣзко, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень ясно было видно, до какой степени онъ самъ хорошо сознавалъ, что ему слѣдовало съѣздить къ старушкѣ, и даже желалъ того, но все-таки не могъ этого сдѣлать по извѣстной уже намъ причинѣ.

Княгиня на послѣднія слова его ничего не сказала; баронъ тоже. Онъ, кажется, начиналъ немножко догадываться, что между супругами что-то неладное происходитъ.

Послѣ обѣда князь пригласилъ барона перейти опять въ ихъ мужской флигель. Баронъ при этомъ взглянулъ мелькомъ на княгиню, сидѣвшую съ опущенными въ землю глазами, и покорно послѣдовалъ за княземъ.

Княгиня, оставшись одна, опять сѣла за рояль и начала играть; выбранная на этотъ разъ ею пьеса была не такая уже грустная и гнѣвная, а скорѣе сентиментальная. Видимо, что играющая была въ какомъ-то болѣе мечтающемъ и что-то вспоминающемъ настроеніи.

Князь между тѣмъ велѣлъ подать во флигель шампанскаго и льду и замѣтно хотѣлъ побесѣдовать съ пріятелемъ по душѣ. Приглашая такъ быстро и радушно барона пріѣхать къ нимъ, князь дѣлалъ это отчасти и съ эгоистическою цѣлью: онъ былъ въ такомъ страстномъ фазисѣ любви своей, у него такъ много по этому поводу накопилось мыслей, чувствъ, что онъ жаждалъ и задыхался отъ желанія хоть съ кѣмъ-нибудь всѣмъ этимъ подѣлиться. Баронъ для этого казался ему удобнѣе всѣхъ. Во-первыхъ, онъ былъ старый его пріятель, во-вторыхъ, замѣтно любилъ и уважалъ его и наконецъ былъ скроменъ, какъ рыба. Князь совершенно былъ убѣжденъ, что баронъ, чисто по своей чиновничьей привычкѣ, никогда и никому звука не скажетъ

изъ того, что̀ услышитъ отъ него. Когда стакана по два, по три было выпито и баронъ уже покраснѣлъ въ лицѣ, а князь еще и больше его, то сей послѣдній, развалясь на диванѣ, началъ какъ бы совершенно равнодушнымъ голосомъ:

— Я хочу вамъ, мой милый Эдуардъ, открыть тайну, въ отношеніи которой прошу прежде всего вашей скромности, а потомъ, можетъ-быть, и нѣкотораго совѣта по случаю оной.

— За первое ручаюсь, а за второе, не знаю, сумѣю ли, — отвѣчалъ баронъ.

— Сумѣете, потому что въ этомъ случаѣ вамъ подскажетъ ваша дружба и безпристрастіе ко мнѣ.

— О, если такъ, то конечно! — подхватилъ баронъ.

Сдѣлавъ такого рода предисловіе, князь перешелъ затѣмъ прямо къ дѣлу.

— У меня тутъ въ нѣкоторомъ родѣ романъ затѣялся, — началъ онъ какъ-то не вдругъ и постукивая нервно ногою.

— Романъ? съ кѣмъ же это? — спросилъ баронъ.

— Съ дѣвушкой одной и очень хорошей... — отвѣчалъ князь, окончательно краснѣя въ лицѣ.

— Съ дѣвушкой даже? — повторилъ баронъ: — но какъ же княгиня на это смотритъ? — прибавилъ онъ.

— Княгиня пока ничего, — отвѣчалъ князь, держа голову потупленною, и хоть не смотрѣлъ въ это время пріятелю въ лицо, но очень хорошо чувствовалъ, что оно имѣетъ не совсѣмъ одобрительное выраженіе для него.

— Вы лучше другихъ знаете, — продолжалъ князь, какъ бы желая оправдаться передъ барономъ: — что женитьба моя была рѣшительно поступокъ сумасшедшаго мальчишки, который не знаетъ, зачѣмъ онъ женится и на комъ женится.

Баронъ молчалъ.

— Къ счастью, какъ и вы, вѣроятно, согласитесь, — разъяснялъ князь: — изъ княгини вышла женщина превосходная; я признаю въ ней самыя высокія нравственныя качества; ея счастье, ея спокойствіе, ея здоровье дороже для меня собственнаго, но въ то же время, какъ жену, какъ женщину, я не люблю ея больше...

Баронъ при этомъ гордо поднялъ голову и вопросительно взглянулъ на пріятеля.

— Но за что же именно вы разлюбили ее? — спросилъ онъ его.

— И самъ не знаю! — отвѣчалъ князь; о причинахъ, побудившихъ его разлюбить жену, онъ не хотѣлъ открывать барону, опасаясь этимъ скомпрометировать нѣкоторымъ образомъ княгиню.

— Ну, такъ какъ вы, мой милый Эдуардъ Ѳедоровичъ, —

заключилъ онъ, — полагаете: виноватъ я или нѣтъ, разлюбя, совершенно противъ моей воли, жену мою?

— Конечно, виноваты, потому что зачѣмъ вы женились, не узнавъ хорошенько дѣвушки, — отвѣчалъ баронъ.

— Совершенно согласенъ, но въ таковой мѣрѣ виновата и княгиня: зачѣмъ она шла замужъ, не узнавъ хорошенько человѣка?

— Но княгиня однако не разлюбила васъ?

— А я-то чѣмъ виноватъ, что разлюбилъ ее? — спросилъ князь.

— Тѣмъ, что *позволили* себѣ разлюбить ее, — отвѣчалъ баронъ, сдѣлавъ замѣтное удареніе на словѣ *позволили*.

Князь усмѣхнулся при этомъ.

— Вы, мой милый Эдуардъ, — отвѣчалъ онъ: — вѣроятно, не знаете, что существуетъ довольно распространенное мнѣніе, по которому полагаютъ, что даже уголовныя преступленія — поймите вы: уголовныя!—не должны быть вмѣняемы въ вину, а ужъ въ дѣлѣ любви всякій французскій романъ вамъ докажетъ, что человѣкъ ничего съ собой не подѣлаетъ.

— Однако почему же вы спрашиваете меня: виноваты ли вы или нѣтъ?—возразилъ ему съ усмѣшкою баронъ.

Князь подумалъ нѣкоторое время: онъ и самъ хорошенько не давалъ себѣ отчета, зачѣмъ онъ спрашиваетъ о подобныхъ вещахъ барона.

— Очень просто-съ,—началъ онъ, придумавъ наконецъ объясненіе: — въ каждомъ человѣкѣ такая пропасть понятій раціональныхъ и предразсудочныхъ, что онъ иногда и самъ не разберетъ въ себѣ, которое въ немъ понятіе предразсудочное и которое настоящее, и вотъ ради чего я и желалъ бы слышать ваше мнѣніе, что такъ называемая вѣрность брачная— понятіе предразсудочное или настоящее, раціональное?

— По-моему, совершенно раціональное, — подтвердилъ баронъ.

— Жду доказательствъ отъ васъ тому!

— Доказательствомъ тому можетъ служить, — отвѣчалъ баронъ совершенно увѣренно:—то, что бракъ есть лоно, гнѣздо, въ которомъ вырастаетъ и воспитывается будущее поколѣніе.

— Но будущее поколѣніе точно такъ же бы хорошо возрастало и воспитывалось и при контрактныхъ отношеніяхъ между супругами безъ всякой вѣрности!

— Можетъ-быть! Но въ такомъ случаѣ отношенія между мужемъ и женою были бы слишкомъ прозаичны.

— Но зато они были бы честнѣй нынѣшнихъ, и въ нихъ не было бы этой всеобщей мерзости дѣяній человѣческихъ—

лжи! Вы вообразите себѣ какого-нибудь вѣрнаго, по долгу, супруга, которому вдругъ жена его разонравилась, ну, положимъ, хоть тѣмъ, что растолстѣла очень, и онъ все-таки идетъ къ ней, цѣлуетъ ея ножку, ручку, а самого его въ это время претитъ, тошнитъ; согласитесь, что подобное зрѣлище безнравственно даже!.. И сей вѣрный супругъ, по-моему, хуже разныхъ господъ камелій, приносящихъ себя въ жертву замоскворѣцкимъ купчихамъ; тѣ, по крайней мѣрѣ, это дѣлаютъ изъ нужды, для добычи денегъ, а онъ зачѣмъ же? Затѣмъ, что попъ ему приказалъ такъ!

Баронъ усмѣхнулся: подобная картина вѣрнаго супруга и ему показалась странна и смѣшна.

— А что̀ за Москвой-рѣкой, въ самомъ дѣлѣ, можно выгодно жениться на какой-нибудь богатой купеческой дочкѣ?— спросилъ онъ вдругъ.

— Весьма. Хотите, я буду хлопотать для васъ объ этомъ?

— Сдѣлайте одолженіе!—подхватилъ баронъ шутя:—однако вотъ что̀ вы мнѣ скажите, — прибавилъ онъ уже серьезно: — что̀ же будетъ, если княгиня, такъ вполнѣ оставленная вами, сама полюбитъ кого-нибудь другого?

— Имѣетъ полное нравственное право на то!.. полнѣйшее!— воскликнулъ князь.

— Ну нѣтъ, вы шутите!—произнесъ баронъ, краснѣя даже немножко въ лицѣ.

— Нисколько! Я даже душевно желаю того по простому чувству справедливости: я полюбилъ другую женщину, поэтому и княгиня, если пожелаетъ того, можетъ отдать свое сердце другому; желаю только въ этомъ случаѣ, чтобы этотъ другой былъ человѣкъ порядочный!

Баронъ при этомъ опять усмѣхнулся и покачалъ только головой.

— Я все-таки не могу вѣрить, чтобы могли между вами существовать такія отношенія, — проговорилъ онъ.

— Совершенно такія существуютъ!—отвѣчалъ князь, нахмуривая брови: ему было уже и досадно, зачѣмъ онъ открылъ свою тайну барону, тѣмъ болѣе, что, начиная разговоръ, князь, по преимуществу, хотѣлъ передать другу своему объ Еленѣ, о своихъ чувствахъ къ ней, а вышло такъ, что они все говорили о княгинѣ.

— Странно, очень странно, — сказалъ ему на это баронъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ видно, удивленный тѣмъ, что̀ слышалъ.

Въ это время изъ сада подъ окномъ флигеля раздался голосъ княгини.

— Эдуардъ Ѳедорычъ!—крикнула она оттуда: — не хотите ли прогуляться со мной по Останкину?

— Ахъ, очень радъ. — воскликнулъ тотъ и, сейчасъ же вставъ и схвативъ свою соломенную шляпу, пошелъ къ княгинѣ.

— И я съ вами пойду!—подхватилъ князь и тоже пошелъ за барономъ.

Княгиня, кажется, не ожидала увидѣть мужа.

— А ты развѣ дома еще?—спросила она его.

— Дома! — отвѣчалъ князь.

— Мы въ садъ не пойдемъ, тамъ изъ Москвы наѣхало купечество, а потому толпа ужасная! — говорила княгиня.

— А баронъ, напротивъ, стремится къ замоскворѣцкому купечеству: партію хочетъ себѣ составить посреди ихъ! — замѣтилъ князь.

— Партію вы хотите между купчихъ составить? — спросила княгиня барона какъ бы нѣсколько укоризненнымъ голосомъ.

— Это вашъ супругъ мнѣ предлагаетъ,—отвѣчалъ тотъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они шли по дорогѣ къ Марьиной рощѣ, и когда вышли въ поле, то княгиня, которая была очень дальнозорка, начала внимательно глядѣть на ѣхавшую имъ навстрѣчу пролетку съ дамой.

— Это, кажется, Елена? — спросила она мужа.

— Да, она, — произнесъ тотъ протяжно.

Онъ уже давно узналъ Елену, возвращавшуюся изъ Москвы. О томъ, что Жиглинскія будутъ въ Останкинѣ жить и даже переѣхали съ ними въ одинъ день, князь до сихъ поръ еще не говорилъ женѣ.

— Она, вѣроятно, къ намъ ѣдетъ!—прибавила княгиня.

— Не думаю, скорѣе домой! — возразилъ князь.

— Стало-быть, она здѣсь живетъ? — произнесла княгиня, устремляя на мужа внимательный взглядъ.

— Здѣсь! — отвѣчалъ онъ ей почти сердито.

Елена въ это время подъѣхала къ нимъ очень близко. Сначала она, видимо, недоумѣвала—выйти ли ей изъ экипажа или нѣтъ; наконецъ, замѣтно пересиливъ себя, она сошла и прямо обратилась къ княгинѣ.

— Bonjour, princesse!—произнесла она какъ бы радостнымъ голосомъ.

— Bonjour,—отвѣчала княгиня:—а вы въ Останкинѣ тоже живете?—присовокупила она послѣ короткаго молчанія.

— Въ Останкинѣ! — сказала Елена.

— А давно ли переѣхали?

— Недѣли двѣ.

Княгиня сдѣлала при этомъ знаменательную мину.

Князь же со своей стороны спѣшилъ познакомить Елену съ барономъ.

— Баронъ Мингеръ!.. М-lle Жиглинская!.. — отрекомендовалъ онъ ихъ другъ другу.

Елена довольно равнодушно поклонилась барону, но тотъ съ удовольствіемъ оглядѣлъ ее съ головы до ногъ; всѣ пошли потомъ обратно въ Останкино.

— Это именно та особа, о которой я вамъ говорилъ!—сказалъ негромко барону князь.

— А!.. — произнесъ тотъ.

У воротъ сада дамы стали прощаться; послѣ того разговора, который произошелъ у нихъ при встрѣчѣ, онѣ не сказали между собою больше ни полслова.

— Прощайте, княгиня!—произнесла Елена какъ бы отдыхающимъ отъ удушья голосомъ.

— Прощайте,—сказала и та не безъ удовольствія.

— Заходите какъ-нибудь къ намъ!—сказала Елена князю, садясь на своего извозчика.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ тотъ.

Княгиня послѣ того, ссылаясь на нездоровье, ушла къ себѣ въ домъ, а мужчины прошли въ свой флигель и стали играть на бильярдѣ. Разговоръ объ Еленѣ и о княгинѣ между ними не начинался болѣе, какъ будто бы имъ обоимъ совѣстно было заговорить объ этомъ.

VIII.

Послѣ описанной нами прогулки княгиня, въ самомъ дѣлѣ, видно, расхворалась не на шутку, потому что дня два даже не выходила изъ своей комнаты. Въ продолженіе всего этого времени князь ни разу не зашелъ къ ней; на третье утро наконецъ княгиня сама прислала къ нему свою горничную.

— Княгиня приказали васъ спросить, что могутъ онѣ послать за Елпидифоромъ Мартынычемъ?—доложила ему та.

— А развѣ княгинѣ не лучше? — спросилъ князь какъ бы нѣсколько встревоженнымъ голосомъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчала горничная.

— Но почему же именно за Елпидифоромъ Мартынычемъ?—произнесъ князь и пошелъ къ женѣ.

Княгиню засталъ онъ неодѣтою, съ дурнымъ цвѣтомъ лица, съ красными и какъ бы заплаканными глазами.

— Чѣмъ вы больны?—спросилъ онъ ее, хотя и догадывался о причинѣ ея болѣзни.

— И сама хорошенько не знаю! — отвѣчала княгиня, стараясь не глядѣть на мужа.

— Но что за сумасшествіе посылать за болваномъ Илліонскимъ, — возразилъ онъ.

— Потому что я ему больше другихъ докторовъ вѣрю, — отвѣчала княгиня холодно и равнодушно.

— Но я-то ему не вѣрю и не могу позволить ему лѣчить тебя! — проговорилъ рѣзко князь.

Княгиня слегка пожала плечами.

— Въ такомъ случаѣ я останусь безъ доктора, — произнесла она.

Отвѣтъ этотъ, видимо, взбѣсилъ князя, но онъ сдержалъ себя.

— Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ спрашивали меня? Посылайте, за кѣмъ хотите! — произнесъ онъ и затѣмъ, повернувшись на каблукахъ своихъ, проворно ушелъ къ себѣ: князь полагалъ, что княгиня всю эту болѣзнь и желанье свое непремѣнно лѣчиться у Елпидифора Мартыныча нарочно выдумала, чтобы только помучить его за Елену.

Княгиня дѣйствительно послала за Елпидифоромъ Мартынычемъ не столько по болѣзни своей, сколько по другой причинѣ: въ началѣ нашего разсказа она думала, что князь идеально былъ влюбленъ въ Елену, и совершенно была увѣрена, что со временемъ ему наскучитъ подобное ухаживанье; постоянныя же отлучки мужа изъ дому княгиня объясняла тѣмъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, участвуетъ въ какой-нибудь компаніи и, пожалуй, даже часто бываетъ у Жиглинскихъ, гдѣ они, вѣроятно, читаютъ вмѣстѣ съ Еленой книги, философствуютъ о разныхъ возвышенныхъ предметахъ, но никакъ не больше того. Когда князь сказалъ княгинѣ, что они переѣдутъ на дачу въ Останкино, то она была очень рада тому. Ей казалось, что онъ тогда, по необходимости, будетъ больше бывать дома и не станетъ каждый день скакать въ Москву для свиданія съ предметомъ своей страсти, а такимъ образомъ мало-по-малу и забудетъ Елену; но, по переѣздѣ на дачу, князь продолжалъ не бывать дома, — это уже начинало княгиню удивлять и безпокоить, и тутъ вдругъ она узнаётъ, что Елена не только что не въ Москвѣ, но даже у нихъ подъ бокомъ живетъ: явно, что князь просто возитъ ее за собой.

Разузнать обо всемъ этомъ и подробно вывѣдать княгиня могла черезъ одного только Елпидифора Мартыныча, въ преданность котораго она вѣрила и напередъ почти была убѣждена, что онъ все уже и знаетъ. Получивъ отъ княгини приглашеніе посѣтить ее больную, Елпидифоръ Мартынычъ сейчасъ же воспылалъ гордостью.

— Митька, лошадей!—крикнулъ онъ какъ-то грозно своему лакею, и когда кони его (пара старыхъ саврасыхъ вятокъ) были поданы, онъ гордо сѣлъ въ свою пролетку, гордо смотрѣлъ, проѣзжая всю Срѣтенку и Мѣщанскую, и, выѣхавъ въ поле, гдѣ взору его открылся весь небосклонъ, онъ, прищурившись, конечно, но взглянулъ даже гордо на солнце и, подъѣзжая къ самому Останкину, такъ громко кашлянулъ, что сидѣвшія на деревьяхъ въ ближайшей рощѣ вороны при этомъ громоподобномъ звукѣ вспорхнули цѣлой стаей и отъ страха улетѣли вдаль. У Григоровыхъ Елпидифоръ Мартынычъ рѣшился на этотъ разъ повести себя немножко сурово и сердито, желая дать имъ понять, что его нельзя такъ третировать: то поди вонъ, то пожалуй къ намъ,—и на первыхъ порахъ выдержалъ эту роль; попавъ сначала случайно въ мужской флигель и не найдя тамъ никого, кромѣ лакея, онъ строго спросилъ его:

— Гдѣ больная?

Лакей при этомъ выпучилъ на него глаза.

— Какая больная-съ? — сказалъ онъ ему.

— Княгиня! — крикнулъ ужъ на него докторъ.

— Ахъ, пожалуйте-съ, онѣ въ томъ большомъ флигелѣ, — произнесъ лакей и повелъ Елпидифора Мартыныча черезъ садъ, гдѣ тотъ снова гордо взглянулъ на цвѣты, гордо вдохнулъ въ себя запахъ резеды; но, войдя къ княгинѣ, мгновенно утратилъ свой надменный видъ и принялъ позу смиренной и ласкающейся овечки.

— Это что̀ вы дѣлаете?... хвораете?.. а?.. Не стыдно ли вамъ!—говорилъ онъ, цѣлуя бѣлую ручку княгини, и потомъ, сколь возможно стараясь потише, откашлянулся:—к-ха!..—Ну-съ, гдѣ же и что̀ же у васъ болитъ? — продолжалъ онъ, принимаясь, по обыкновенію, щупать пульсъ.

— У меня желчь, должно-быть; во рту очень горько,—проговорила княгиня.

— Тутъ, значитъ, есть боль, — присовокупилъ Елпидифоръ Мартынычъ, ткнувъ довольно сильно княгиню пальцемъ въ правый желудочный бокъ.

Та при этомъ невольно покраснѣла.

— Есть маленькая боль, — отвѣчала она.

— А тутъ, въ сердчишкѣ, ничего не болитъ? — пошутилъ Елпидифоръ Мартынычъ, показывая на лѣвый грудной бокъ княгиня.

— А тутъ очень болитъ!—сказала она въ свою очередь съ горькою улыбкой.

— Знаемъ-съ, знаемъ! Ну, язычокъ покажите!

Зачѣмъ Елпидифоръ Мартынычъ требовалъ, чтобы княгиня языкъ ему показала, онъ и самъ хорошенько не понималъ; но когда та показала ему одинъ только кончикъ языка, то онъ почти прикрикнулъ на нее:

— Больше, больше высуньте!

Бѣдная княгиня почти до слезъ на глазахъ высунула ему языкъ.

— Ну, языкъ такъ себѣ, ничего! — произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ и сѣлъ писать рецептъ. Прежде всего онъ затребовалъ приличное количество миндальной эмульсіи, а потомъ выписалъ для успокоенія нервовъ лавровишневыхъ капель и на всякій случай, авось чему-нибудь поможетъ, нуксъ-вомика; затѣмъ, для пріятнаго вкуса и противъ желчи, положилъ лимоннаго сиропу; кромѣ того, прописалъ невиннѣйшій по содержанію, но огромной величины пластырь на печень и, сказавъ, какъ нужно все это употреблять, усѣлся противъ княгини.

— На дачку вотъ переѣхали; хорошо это, очень хорошо!

Княгиня молчала.

— Князя я не увижу, конечно, — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ: — его, можетъ, дома нѣтъ, да и не любитъ вѣдь онъ меня.

— Онъ, кажется, куда-то ушелъ, — отвѣчала не прямо княгиня.

Она все обдумывала, какъ бы ей поскорѣе начать съ Елпидифоромъ Мартынычемъ тотъ разговоръ, который ей хотѣлось, и никакъ не могла придумать; но Елпидифоръ Мартынычъ самъ помогъ ей въ этомъ случаѣ: онъ, какъ врачъ, можетъ-быть, и непрозорливъ былъ, но какъ человѣкъ—далеко видѣлъ!

— Барышня-то эта, Жиглинская, которую я видѣлъ у васъ, здѣсь же живетъ, въ Останкинѣ? — ударилъ онъ прямо, куда нужно.

— Д-да... — протянула ему въ отвѣтъ княгиня. — А что̀, скажите, вы ее знаете хорошо? — прибавила она, помолчавъ немного.

— Знаю хорошо-съ, особенно старуху-мать.

— Что̀ же это за госпожа?

— Госпожа такая, что дама... благороднаго званія...—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ съ удареніемъ: — смолоду красавица была!.. Ахъ, какая красавица!—прибавилъ онъ и закрылъ даже при этомъ глаза, какъ бы желая себѣ яснѣе вообразить Елизавету Петровну въ ея молодости.

— Что̀ жъ, она замужняя была?—спрашивала княгиня.

— Какъ же-съ!.. сначала замужемъ была, ну а потомъ и безъ замужества жила съ однимъ господиномъ какъ бы въ

замужествѣ. Болѣе всегда тѣлесною красотой блистала, чѣмъ душевной.

Для Елпидифора Мартыныча было ясно какъ день, что онъ могъ или даже долженъ былъ бранить Жиглинскихъ передъ княгиней.

— Но, вѣроятно, и дочь у ней такая же?—прибавила княгиня; у ней губы даже при этомъ дрожали.

Елпидифоръ Мартынычъ пожалъ плечами.

— К-ха!—откашлянулся онъ.—Есть пословица русская, что яблоко отъ деревца недалеко падаетъ!—заключилъ онъ многозначительно.

— Но вы у нихъ бываете? — продолжала разспрашивать княгиня.

Елпидифоръ Мартынычъ поднялъ при этомъ свои густыя брови.

— Бываю... лѣчу старуху иногда,—солгалъ онъ.

— А мужа моего не видали тамъ? — проговорила княгиня, и у ней опять при этомъ задрожали губы.

— Нѣтъ, не видалъ, ни разу не заставалъ,—отвѣчалъ, улыбаясь, Елпидифоръ Мартынычъ: — а сказывала старуха, что бываетъ у нихъ.

— Къ чему же она вамъ сказывала это? — допрашивала княгиня.

Оскорбленная любовь и ревность сдѣлали изъ нея даже искусную допросчицу.

— Да къ тому... — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ протяжно и соображая (онъ недоумѣвалъ еще отчасти: все ли ему говорить княгинѣ или нѣтъ): — что жаловалась на дочь.

— Но какая же связь тутъ, что она жаловалась на дочь, и что князь бываетъ у нихъ?

— А такая вотъ, — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, кашлянувъ: — что князь собственно и бываетъ у нихъ для дочки...

— Стало-быть, мать противъ этого?—допрашивала княгиня.

— Сначала была *противъ*,—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ съ лукавой улыбкой:—а теперь, кажется, *за*.

— Но почему же прежде *противъ*, а теперь *за?*—спросила княгиня.

— А потому, вѣроятно, что деньги за то отъ князя стала получать!.. Нынче вѣдь, сударыня, весь міръ на этомъ замѣшанъ, — пояснилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ и замѣтилъ при этомъ, что у княгини, противъ ея воли, текли уже слезы по щекамъ.

— Непріятно это видѣть, очень непріятно, въ какомъ бы

семействѣ это ни происходило,—продолжалъ онъ какъ бы съ нѣкоторымъ даже чувствомъ.

— Но что же мнѣ теперь дѣлать? — спросила его княгиня тихо.

— Терпѣть!.. Богъ терпѣнье любитъ!.. — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ наставническимъ тономъ.

— Но терпѣть можно, если остается еще надежда, что человѣкъ опомнится когда-нибудь и возвратится къ своему долгу, а тутъ я ничего этого не вижу?—полуспросила княгиня.

Видимо, что она ожидала и желала, чтобы на эти слова ея Елпидифоръ Мартынычъ сказалъ ей, что все это вздоръ, одна только шалость со стороны князя, и Елпидифоръ Мартынычъ понималъ, что это именно княгиня хотѣла отъ него услышать, но въ то же время, питая желаніе какъ можно посильнѣе напакостить князю, онъ поставилъ на этотъ разъ правду превыше лести и угодливости людямъ.

— Да, возвращеніе для князя будетъ трудное и едва ли даже возможное,—проговорилъ онъ.

— Стало-быть, связь между ними очень близкая и прочная?—спросила княгиня, все болѣе и болѣе теряясь и волнуясь.

— Кто жъ это знаетъ?—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, пожавъ плечами.—К-х-ха!—откашлянулся онъ:—мать мнѣ ея, когда я былъ у нихъ передъ отъѣздомъ ихъ на дачу, говорила:—«что это, говоритъ, Леночку все тошнитъ, и отъ всякой пищи у ней отвращеніе?» Я молчу, конечно; мало ли человѣка отчего можетъ тошнить!

— Поэтому она ужъ въ интересномъ положеніи? — произнесла княгиня почти голосомъ ужаса.

— Ничего больше того не знаю, ничего-съ!..—сказалъ наотрѣзъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Но, Елпидифоръ Мартынычъ, вы узнайте мнѣ это хорошенько, повѣрнѣе,—продолжала княгиня тѣмъ же отчаяннымъ голосомъ.

— Что тутъ разузнавать? — возразилъ-было Елпидифоръ Мартынычъ:— время всего лучше можетъ показать: пройдетъ мѣсяца три, четыре, и скрыть это будетъ невозможно.

— Но я не черезъ четыре мѣсяца хочу это знать, а теперь же,—иначе я измучусь, умру, поймите вы!

Елпидифоръ Мартынычъ развелъ руками.

— Можно, пожалуй, и теперь поразвѣдать, — сказалъ онъ.

— Вы сейчасъ же отсюда и заѣзжайте къ Жиглинскимъ, развѣдайте у нихъ, а завтра ко мнѣ пріѣдете и скажете, — настаивала княгиня.

— Хорошо!—согласился Елпидифоръ Мартынычъ:—только

одного я тутъ, откровенно вамъ скажу, опасаюсь: теперь вотъ вы такъ говорите, а потомъ какъ-нибудь помиритесь съ княземъ, разнѣжитесь съ нимъ, да все ему разскажете, и останусь я какимъ-то переносчикомъ!

— Никогда я ему ничего не скажу и не помирюсь съ нимъ въ душѣ!..—возразила княгиня.

— Ну да, не скажите! Женщина вѣдь вы, сударыня, и поэтому сосудъ слабый и скудельный!..—замѣтилъ ей глубокомысленно Елпидифоръ Мартынычъ.

Когда онъ наконецъ отправился и княгиня осталась одна, то дала волю душившимъ ее въ продолженіе всей предыдущей сцены слезамъ. Елена, если только правда, что̀ про нее говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, казалась ей какимъ-то чудовищемъ. «Какъ,—разсуждала княгиня:—дѣвушка все-таки изъ благороднаго званія, получившая образованіе, позволила себѣ войти въ близкую связь съ женатымъ человѣкомъ!» Судя по себѣ, княгиня даже вообразить не могла, какимъ образомъ дѣвушка можетъ рѣшиться на подобную вещь. Родившись и воспитавшись въ строго-нравственномъ семействѣ, княгиня, по своимъ понятіямъ, была совершенно противоположна Еленѣ: она самымъ искреннимъ образомъ вѣрила въ Бога, боялась чорта и грѣховъ, безконечно уважала пасторовъ; о какихъ-либо протестующихъ и отвергающихъ что-либо мысляхъ княгиня и не слыхала въ домѣ родительскомъ ни отъ кого; изъ бывавшихъ у нихъ въ гостяхъ молодыхъ горныхъ офицеровъ тоже никто ей не говорилъ ничего подобнаго (во время дѣвичества княгини отрицательныя идеи не коснулись еще нашихъ военныхъ вѣдомствъ): и вдругъ она вышла замужъ за князя, который на другой же день ихъ брака началъ ей читать оду Пушкина о свободѣ; потомъ сталъ ей толковать о русскомъ мужикѣ, его высокихъ достоинствахъ; объяснилъ наконецъ, что міръ ждетъ соціальныхъ переворотовъ, что такъ жить нельзя, что всѣ порядочные люди задыхаются въ современныхъ формахъ общества; изъ всего этого княгиня почти ничего не понимала настоящимъ образомъ и полагала, что князь просто фантазируетъ по молодости своихъ лѣтъ (она была почти ровесница съ нимъ). Будь князь понастойчивѣй, онъ, можетъ-быть, успѣлъ бы втолковать ей и привить свои убѣжденія, или, по крайней мѣрѣ, она стала бы притворяться, что раздѣляетъ ихъ; но князь, какъ и съ большей частью молодыхъ людей это бываетъ, сразу же разочаровался въ своей супругѣ, отвернулся отъ нея умственно и не сталъ ни слова съ ней говорить о томъ, что̀ составляло его суть, такъ что съ этой стороны княгиня почти не знала его и видѣла только,

что онъ знакомится съ какими-то странными людьми и Богъ знаетъ какія иногда странныя вещи говоритъ. Въ числѣ самыхъ сильныхъ нравственныхъ желаній княгини было желаніе имѣть дѣтей, и она полагала, что быть матерью или отцомъ есть высшее счастье человѣка на землѣ. Услыхавъ, что ея соперницѣ угрожаетъ это счастіе, княгиня страшно и окончательно испугалась за самоё себя; она, судя по собственнымъ своимъ чувствамъ, твердо была убѣждена, что какъ только родится у князя отъ Елены ребенокъ, такъ онъ весь и навсегда уйдетъ въ эту новую семью, а потому, какъ ни добра она была и какъ ни чувствовала отвращеніе отъ всякаго рода ссоръ и сценъ, но опасность показалась ей слишкомъ велика, такъ что она рѣшилась поговорить по этому поводу съ мужемъ серьезно. При такомъ душевномъ состояніи, прописанныхъ ей лѣкарствъ она, разумѣется, не принимала и продолжала весь остальной день плакать.

Елпидифоръ Мартынычъ между тѣмъ, какъ обѣщалъ княгинѣ, такъ и исполнилъ, и направился прямо къ Жиглинскимъ. Во всѣхъ своихъ сплетняхъ, которыми сей достопочтенный врачъ всю жизнь свою занимался, онъ былъ какъ-то необыкновенно счастливъ: въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, Елизавета Петровна сама ждала его и почти готова была посылать за нимъ.

— А, соколъ мой ясный! — воскликнула она, увидавъ его изъ сада подъѣзжающимъ къ ихъ дачѣ. — Милости прошу! — повторила она, сама отворяя ему калитку.

Елпидифоръ Мартынычъ вошелъ къ ней и хоть съ не большимъ удовольствіемъ, но поцѣловалъ у нея руку.

— На лавочку, сюда, подъ тѣнь! — говорила Елизавета Петровна и усадила Елпидифора Мартыныча рядомъ съ собой на одну изъ скамеечекъ.

— А мнѣ бы, глупой, давно слѣдовало васъ поблагодарить! — начала она, какъ бы спохватившись.

Елизавета Петровна до сихъ поръ еще не говорила Елпидифору Мартынычу, что стала получать отъ князя деньги, опасаясь, что онъ, старый чортъ, себѣ что-нибудь запроситъ за то; но въ настоящее время нашла нужнымъ открыться ему.

— Ну, что̀ тутъ... не сто̀итъ благодарности...—отвѣчалъ ей, въ свою очередь, какъ-то стыдливо потупляя свои очи, Елпидифоръ Мартынычъ:—словеса наши, значитъ, подѣйствовали,— прибавилъ онъ затѣмъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости.

— Подѣйствовали отчасти,—отвѣчала Елизавета Петровна.

— Что̀ же, на много ли князь распоясался? — спрашивалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Не на много, не ошибется.

— А на сколько однако?

— Ну, и говорить не хочется!.. Вы однако какъ-нибудь Еленѣ не проговоритесь,—она ничего не знаетъ объ этомъ.

— Зачѣмъ ей говорить! — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, нахмуривая немного свои брови.—А что̀, она здорова?— присовокупилъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— То-то, что нѣтъ!.. Нездорова! — воскликнула Елизавета Петровна:—припадки, что̀ я вамъ говорила, продолжаются.

— Что̀ же это значитъ?—спросилъ ее со вниманіемъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Что̀ значитъ? Я думаю, что̀ обыкновенно это значитъ,— отвѣчала Елизавета Петровна. — Беременна, кажется, — произнесла она, помолчавъ немного и болѣе тихимъ голосомъ, чѣмъ обыкновенно говорила.

— Вотъ тебѣ на!—сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— И потому, господинъ его сіятельство,—продолжала Елизавета Петровна, какъ-то гордо поднимая свою громадную грудь:—теперь этими пустяками, которые намъ дастъ, не думай у меня отдѣлаться; какъ только ребенокъ родится, онъ его сейчасъ же обезпечь двадцатью или тридцатью тысячами, а не то я возьму и принесу его супругѣ на окошко:—«на, поди, нянчись съ нимъ!»... Вы, пожалуйста, такъ опять ему и передайте.

Елпидифоръ Мартынычъ на это молчалъ. Елизавета Петровна, замѣтивъ его нѣсколько суровое выраженіе въ лицѣ, поспѣшила прибавить:

— Устройте вы мнѣ это дѣло,—тысячу рублей вамъ за это дамъ, непремѣнно!

Елпидифоръ Мартынычъ и на это усмѣхнулся только и ни слова не говорилъ.

— Вотъ записку сейчасъ дамъ вамъ въ томъ, — сказала Елизавета Петровна и, съ необыкновенной живостью вставъ съ лавки, сбѣгала въ комнаты и написала тамъ записочку, въ которой обязывалась заплатить Елпидифору Мартынычу тысячу рублей, когда получитъ отъ князя должныя ей тридцать тысячъ.

— Вотъ-съ, извольте получить!—говорила она, подавая ему ее.

Елпидифоръ Мартынычъ взялъ записку и, опять усмѣхнувшись, положилъ ее въ карманъ.

— Не знаю, какъ мнѣ вамъ устроить это,—произнесъ онъ какъ-то протяжно.

— Знаете!.. Полноте, другъ мой!. Вы знаете! — говорила Елизавета Петровна нараспѣвъ и ударяя доктора по плечу.

— Да, знаю! Нѣтъ, сударыня, въ нынѣшнемъ вѣкѣ не

узнаешь ничего: по-нашему, кажется, вотъ непремѣнно слѣдовало, чтобы вышло такъ, а выйдетъ иначе! — проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ и затѣмъ, вставъ съ лавочки, сталъ застегивать свое пальто.—Пора однако,—заключилъ онъ.

Елизавета Петровна проводила его до самой пролетки.

Елпидифоръ Мартынычъ велѣлъ себя везти въ Свиблово, чтобы кстати уже заѣхать и къ Аннѣ Юрьевнѣ. Онъ такимъ образомъ расположилъ въ головѣ планъ своихъ дѣйствій: о беременности Елены онъ намѣренъ былъ разсказать княгинѣ, такъ какъ она этимъ очень интересовалась; о деньгахъ же на ребенка опять намекнуть Аннѣ Юрьевнѣ, которая разъ и исполнила это дѣло отличнѣйшимъ образомъ. Но, пріѣхавъ въ Свиблово, онъ, къ великому горю своему, засталъ Анну Юрьевну не въ комнатахъ, а на дворѣ, около сарая, въ полумужской шляпѣ, въ замшевыхъ перчаткахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ и сбирающуюся ѣхать кататься въ кабріолетѣ на одномъ изъ бѣшеныхъ рысаковъ своихъ.

— Убирайтесь назадъ, не во-время пріѣхали!—крикнула-было та ему на первыхъ порахъ.

— Ну, что дѣлать!—сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, нѣсколько сконфуженный такимъ пріемомъ, и сбирался-было отправиться въ обратную, но Анна Юрьевна, увидавъ на немъ его уморительную шинель на какой-то клѣтчатой подкладкѣ и почему-то съ стоячимъ воротникомъ, его измятую и порыжѣлую шляпу и наконецъ его кислую и недовольную физіономію, не вытерпѣла и возымѣла другое намѣреніе.

— Елпидифоръ Мартынычъ, садитесь со мной и поѣдемте кататься. Ну, слѣзайте же поскорѣе съ вашей пролетки!—приказывала она ему, усѣвшись сама въ свой кабріолетъ.

Елпидифоръ Мартынычъ повелъ глазами на сердито стоящаго коня Анны Юрьевны, ослушаться однако не смѣлъ и, сказавъ своему кучеру, чтобы онъ ѣхалъ за ними, неуклюже и робко полѣзъ въ довольно высокій кабріолетъ. Грумъ слегка при этомъ подсадилъ его, и только-что Елпидифоръ Мартынычъ усѣлся, и усѣлся весьма неловко, на лѣвой сторонѣ, къ чему совершенно не привыкъ, и не всѣмъ даже тѣломъ своимъ,— какъ Анна Юрьевна ударила вожжами по рысаку, и они понеслись по колеистой и неровной дорогѣ. Съ Елпидифора Мартыныча сейчасъ же слетѣла шляпа; шинель на клѣтчатой подкладкѣ распахнулась и готова была попасть въ колеса, самъ онъ началъ хвататься то за кабріолетъ, то даже за Анну Юрьевну.

— Матушка, матушка, Анна Юрьевна... потише... убьете... ей-Богу, убьете! — кричалъ онъ почти благимъ матомъ, но Анна Юрьевна не унималась и гнала лошадь.

Рысакъ, вытянувъ голову и слегка только пофыркивая, все сильнѣе и сильнѣе забиралъ.

— Господи!.. Господи! — продолжалъ кричать Елпидифоръ Мартынычъ и стремился-было сцапать у Анны Юрьевны вожжи, чтобы остановить лошадь.

— Не смѣйте этого дѣлать!—прикрикнула та на него и еще сильнѣе ударила вожжами по рысаку.

Елпидифоръ Мартынычъ началъ уже читать предсмертную молитву, но въ это время съ парика его пахнуло на Анну Юрьевну запахомъ помады; она этого никакъ не вынесла и сразу же остановила рысака своего.

— Ступайте вонъ! Съ вами невозможно такъ близко сидѣть,—сказала она ему.

Елпидифоръ Мартынычъ, нисколько этимъ не обиженный, напротивъ, обрадованный, сейчасъ же слѣзъ, а Анна Юрьевна, посадивъ вмѣсто него своего грума, ѣхавшаго за ними въ экипажѣ доктора, снова помчалась и черезъ минуту совсѣмъ скрылась изъ глазъ.

— Эка кобыла ногайская!.. Эка кобыла бѣшеная!—говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, обтирая грязь и сало, приставшія отъ колесъ къ его глупой шинели.

— У нихъ-съ не кобыла это, а меринъ! — замѣтилъ ему кучеръ его.

— Я не объ лошади говорю, а о барынѣ! — возразилъ ему съ досадой Елпидифоръ Мартынычъ.

— Д-да! о барынѣ!—сказалъ, усмѣхнувшись, кучеръ.

IX.

Въ этотъ же самый день князь ѣхалъ съ другомъ своимъ барономъ въ Москву осматривать ея древности, а потомъ обѣдать въ Троицкій трактиръ. Елена на этотъ разъ съ охотой отпустила его отъ себя, такъ какъ все, что онъ дѣлалъ для мысли или для какой-нибудь образовательной цѣли, она всегда съ удовольствіемъ разрѣшала ему; а тутъ онъ ѣхалъ просвѣщать своего друга историческими древностями.

День былъ превосходнѣйшій. Баронъ рѣшительно наслаждался и природой, и самимъ собой, и быстрой ѣздой въ прекрасномъ экипажѣ, но князь, напротивъ, вслѣдствіе утренняго разговора съ женой, былъ въ какомъ-то раздраженно-насмѣшливомъ расположеніи духа. Когда они наконецъ пріѣхали въ Москву, въ Кремль, то баронъ всѣми рѣдкостями кремлевскими началъ восхищаться довольно странно.

— Какъ это мило! — почему-то произнесъ онъ, останавливаясь передъ царь-колоколомъ.

— Что же тутъ милаго?—спросилъ его князь удивленнымъ голосомъ.

— То-есть интересно, хотѣлъ я сказать, — поправился баронъ и передъ царь-пушкой постарался уже выразиться точнѣе.

— C'est magnifique!—проговорилъ онъ, надѣвая пенсне и черезъ нихъ осматривая пушку.

— Magnifique еще какой-то выдумалъ!—сказалъ князь, покачавъ головой.

— Ахъ, кстати: я, не помню, гдѣ-то читалъ, — продолжалъ баронъ, прищуривая глаза свои:—что въ Москвѣ есть царь-пушка, изъ которой никогда не стрѣляли, царь-колоколъ, въ который никогда не звонили, и кто-то еще, какой-то государственный человѣкъ, никогда нигдѣ не служившій.

— Ты это у Герцена читалъ,—сказалъ ему князь.

— Такъ, такъ!.. Да, да! — подтвердилъ съ удовольствіемъ баронъ.—Этотъ Герценъ ужасно какой господинъ остроумный,— присовокупилъ онъ.

— Онъ и побольше, чѣмъ остроумный,—замѣтилъ какимъ-то суровымъ голосомъ князь.

— Конечно, конечно!—согласился и съ этимъ баронъ.

Въ Оружейную палату князь повелъ его мимо Краснаго крыльца и соборовъ.

Баронъ взглянулъ въ дверь Успенскаго собора и проговорилъ: «святыня русская!». Передъ вновь вызолоченными главами Спаса-на-Бору онъ снялъ даже шляпу и перекрестился; затѣмъ, выйдя на набережную и окинувъ взоромъ открывшееся Замоскворѣчье, воскликнулъ: «Вотъ она, матушка Москва!»

Всѣ эти казенныя и стереотипныя фразы барона князь едва въ состояніи былъ выслушивать.

Всходя по лѣстницѣ Оружейной палаты, баронъ сказалъ, показывая глазами на висѣвшія по бокамъ картины:—«Какая славная кисть!»

— Прескверная!—повторилъ за нимъ князь.

— Ого, сколько ружей!—воскликнулъ баронъ, войдя уже въ первую залу со входа.

— Много,—повторилъ за нимъ князь.

Въ комнатѣ съ серебряной посудой баронъ началъ восхищаться нѣсколько поискреннѣе.

— Отличные сюжеты, замѣчательные,—говорилъ онъ, осматривая въ пенсне венци и закинувъ при этомъ нѣсколько го-

лову назадъ. Наконецъ къ одному изъ блюдъ онъ наклонился и произнесъ, какъ бы прочитывая надпись: «*Блюдо*»!

— Что жъ «*Блюдо*»? Читай дальше,—сказалъ князь, стоявшій сзади барона и насмѣшливо смотрѣвшій на него.

— «*Блюдо*»! — повторилъ баронъ, но дальше рѣшительно ничего не могъ прочитать.

— Э, да ты, братъ, по-славянски-то совсѣмъ не умѣешь читать!—подхватилъ князь.

— Да, то-есть такъ себѣ... Плохо, конечно!.. — отвѣчалъ какъ-то уклончиво баронъ и поспѣшилъ перейти въ другое отдѣленіе, гдѣ хранились короны и одежды царскія.

— Это архіерейскія одежды?—спросилъ баронъ, останавливаясь передъ первымъ шкапомъ.

— Нѣтъ, это одежды царей, — отвѣчалъ протяжно сопровождавшій его чиновникъ: — архіерейскія одежды въ ризницахъ.

— Тѣ въ ризницахъ? — почему-то переспросилъ съ любопытствомъ баронъ.

— Въ ризницахъ,—повторилъ ему еще разъ чиновникъ.

Что касается до драгоцѣнныхъ камней, то баронъ, повидимому, зналъ въ нихъ толкъ.

— Это очень дорогая вещь, — сказалъ онъ, показывая на огромный рубинъ въ коронѣ Анны Іоанновны.

— Да-съ,—повторилъ чиновникъ.

— Этакая прелесть, чудо что такое!—произносилъ баронъ съ разгорѣвшимися уже глазами, стоя передъ другой короной и смотря на огромные изумрудные каменья. Но что привело его въ неописанный восторгъ, такъ это брильянты на шпагѣ, поднесенной Парижемъ въ 14-мъ году Остенъ-Сакену.

— Восемь штукъ такихъ брильянтовъ!.. Восемь штукъ!—восклицалъ баронъ. — Какая грань, какая вода отличная!—продолжалъ онъ съ какимъ-то даже умиленіемъ, и въ этомъ случаѣ въ немъ, можетъ-быть, даже кровь сказывалась, такъ какъ преданіе говорило, что не дальше какъ дѣдъ родной барона былъ ювелиръ и торговалъ на Гороховой, въ небольшой лавочкѣ, золотыми вещами.

Послѣ брильянтовъ баронъ обратилъ нѣкоторое вниманіе на старинные экипажи, которые его поразили своею курьезностью.

— Что это за безобразіе, что это за ужасъ!—говорилъ онъ, пожимая плечами.

— Покажи и тебя черезъ десять лѣтъ въ твоемъ пиджакѣ,— и ты покажешься ужасомъ и безобразіемъ, — замѣтилъ ему князь.

— Тутъ не въ томъ дѣло! Они сложны, огромны, но комфорта въ нихъ все-таки нѣтъ,—возразилъ баронъ.

— Никакъ не меньше нынѣшняго: попробуй, сядь, — сказалъ ему князь, явно желая подшутить надъ пріятелемъ.

— Гораздо меньше!—воскликнулъ баронъ и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ было сѣсть, но чиновникъ не пустилъ его.

— Нѣтъ-съ, этого нельзя, — сказалъ онъ ему не совсѣмъ, впрочемъ, смѣлымъ голосомъ.

— Жаль!—произнесъ баронъ и пошелъ дальше.

Когда они наконецъ стали совсѣмъ выходить, чиновникъ обратился къ князю, котораго онъ немножко зналъ, и спросилъ его почти на ухо:

— Кто это съ вами, министръ, что ли, какой?

Баронъ очень ужъ важенъ показался по виду своему.

— Нѣтъ, баронъ одинъ, — отвѣчалъ ему съ улыбкою и не безъ умысла князь.

— Ахъ, онъ ягель нѣмецкій, трава болотная! — зашипѣлъ, заругался чиновникъ:—недаромъ меня такъ претило отъ него!

Почтенный смотритель древностей былъ страшный русакъ и полагалъ, что всѣ несчастья въ мірѣ происходятъ оттого, что нѣмцы на свѣтѣ существуютъ.

Въ Троицкомъ трактирѣ баронъ былъ поставленъ другомъ своимъ почти въ опасное для жизни положеніе: прежде всего была спрошена ботвинья со льдомъ; баронъ страшно жаждалъ этого блюда и боялся; однако началъ его ѣсть и съ каждымъ кускомъ ощущалъ блаженство и страхъ; потомъ князь хотѣлъ закатить ему двухдневалыхъ щей, но тѣ баронъ попробовалъ и рѣшительно не могъ ѣсть.

— Ахъ, ты, габерсупникъ! — сказалъ ему почти съ презрѣніемъ князь.

— Почему же габерсупникъ?—возразилъ баронъ, какъ бы даже обидѣвшись такимъ названіемъ.

Вина за обѣдомъ было выпито достаточное количество, такъ что баронъ сильно захмелѣлъ, а князь отчасти, въ какомъ видѣ они и отправились домой.

— Это Сухарева башня? — говорилъ баронъ не совсѣмъ даже твердымъ языкомъ и устремляя свои мутные глаза на Сухареву башню.

— Сухарева!—отвѣчалъ ему прежнимъ же насмѣшливымъ тономъ князь.

— Ее Брюсъ построилъ?—продолжалъ баронъ надменнѣйшимъ и наглѣйшимъ образомъ.

— И не думалъ!—возразилъ ему серьезно князь.

— Какъ не думалъ?—воскликнулъ баронъ.—Я положительно

знаю, что водопроводъ вашъ и Сухареву башню построилъ Брюсъ.

— Ну, да, Брюсъ!.. Ври больше! — произнесъ уже мрачно князь.

— Нѣтъ, не вру, потому что въ Россіи все, что̀ есть порядочнаго, непремѣнно выдумали иностранцы,—сказалъ баронъ, вспыхивая весь въ лицѣ.

— Отчего же ты до сихъ поръ ничего порядочнаго не выдумалъ?—спросилъ его князь.

— Отчего я!.. Что̀ же ты меня привелъ тутъ въ примѣръ? Я не иностранецъ!—говорилъ баронъ.

— Врешь!.. врешь! иностранцемъ себя въ душѣ считаешь!—допекалъ его князь.

— Вотъ вздоръ какой! — разсмѣялся баронъ, видимо стараясь принять всѣ эти слова князя за пріятельскую, не имѣющую никакого смысла шутку; затѣмъ онъ замолчалъ, понурилъ голову и вскорѣ захрапѣлъ.

Князь же не спалъ и по временамъ сердито и насмѣшливо взглядывалъ на барона. Его, по преимуществу, бѣсила мысль, что подобный человѣкъ, столь невѣжественный, лишенный всякаго чувства національности, вылѣзетъ, пожалуй, въ государственные люди,—и князю ужасно захотѣлось вышвырнуть барона на мостовую и расшибить ему объ нее голову, именно съ тою цѣлью, чтобы изъ него не вышелъ со временемъ государственный человѣкъ.

По возвращеніи въ Останкино, баронъ, не совсѣмъ еще проспавшійся, пошелъ досыпать, а князю доложили, что присылала Анна Юрьевна и что вечеромъ сама непремѣнно будетъ. Между тѣмъ княгиня велѣла ему сказать, что она никакъ не можетъ выйти изъ своей комнаты занимать гостью, а поэтому князю самому надобно было оставаться дома, но онъ дня два уже не видалъ Елены: перспектива провести цѣлый вечеръ безъ нея приводила его просто въ ужасъ. Проклиная въ душѣ всѣхъ на свѣтѣ кузинъ, князь пошелъ къ Еленѣ и сталъ ее умолять прійти тоже къ нимъ вечеромъ.

— Но меня жена ваша, можетъ-быть, не велитъ принять, или, еще хуже того, принявъ, попроситъ уйти назадъ!—возразила ему Елена.

— Что̀ за пустяки!—произнесъ князь:—во-первыхъ, жена моя никогда и ни противъ кого не сдѣлаетъ ничего подобнаго, а во-вторыхъ, она и не выйдетъ, потому что больна.

— Да, если не выйдетъ, въ такомъ случаѣ приду съ удовольствіемъ,—сказала Елена.

Сидѣть съ гостями князь продолжалъ въ саду, гдѣ, по его

приказанію, былъ приготовленъ на длинномъ столѣ чай съ огромнымъ количествомъ фруктовъ, варенья и даже вина.

Анна Юрьевна пріѣхала въ своей полумужской шляпѣ и вся раскраснѣвшаяся отъ жара. Она сейчасъ же сѣла и начала тяжело дышать. Увы! Анна Юрьевна, благодаря ли московскому климату, или, можетъ-быть, и лѣтамъ своимъ, начала послѣднее время сильно полнѣть и брюзгнуть. Князь представилъ ей барона, который окончательно выспался и былъ вымытый, причесанный, въ черномъ сюртучкѣ и въ легонькомъ цвѣтномъ галстукѣ. Вскорѣ затѣмъ пришла и Елена: огромный черный шиньонъ и черные локоны осѣняли ея блѣдное лицо, черное шелковое платье шикарнѣйшимъ образомъ сидѣло на ней, такъ что Анна Юрьевна, увидавъ ее, не могла удержаться и невольно воскликнула:—Какъ вы прелестны сегодня!..—И сама при этомъ крѣпко-крѣпко пожала ей руку.

Баронъ тоже благосклоннымъ образомъ наклонилъ передъ Еленой голову, и она, въ свою очередь, граціозно и нѣсколько на польскій манеръ, весьма низко поклонилась всѣмъ и усѣлась потомъ, по приглашенію князя, за столъ.

— Et madame la princesse?—спросила она, какъ бы ничего не знавши.

— Она больна,—отвѣчалъ князь.

— И довольно серьезно, кажется,—замѣтила Анна Юрьевна, на минуту заходившая къ княгинѣ.

— Серьезно?—переспросила ее Елена.

— Повидимому,—отвѣчала Анна Юрьевна.

— Ну, нѣтъ! Съ ней это часто бываетъ,—возразилъ князь и, желая показать передъ барономъ, а отчасти и передъ Анной Юрьевной, Елену во всемъ блескѣ ея ума и образованія, поспѣшилъ перевести разговоръ на одну изъ любимыхъ ея темъ.

— Mademoiselle Hélène!—отнесся онъ къ ней:—вы знаете ли, что мой другъ, баронъ Мингеръ, отвергаетъ теорію невмѣняемости преступленій!

— Я?—переспросилъ баронъ, совершенно не помнившій, чтобы онъ говорилъ или отвергалъ что-нибудь подобное.

— Да, вы!.. Во вчерашнемъ нашемъ разговорѣ вы весьма обыкновенные поступки называли даже виной,—пояснилъ ему князь.

— А!—произнесъ многозначительно, но съ улыбкою баронъ.

— А вы несогласны съ этой теоріей?—спросила его Елена.

— Да, несогласенъ, — отвѣчалъ баронъ, хотя, въ сущности, онъ рѣшительно не зналъ, съ чѣмъ онъ тутъ несогласенъ.

— Но почему же?—спросила его Елена.

— Потому что преступленіе... самое названіе показываетъ, что человѣкъ преступилъ тутъ извѣстные законы и долженъ быть наказанъ за то.

— А что̀ такое самые законы,—позвольте васъ спросить?—допрашивала его Елена.

— Законы суть поставленныя грани, основы, на которыхъ зиждется и покоится каждое государство,—отвѣчалъ баронъ, немного сконфузясь: онъ чувствовалъ, что говоритъ свое, имъ самимъ сочиненное опредѣленіе законовъ, но что есть какое-то другое, которое онъ забылъ.

— Законы суть условія, которыя люди, составившіе извѣстное общество, заключили между собой, чтобы жить вмѣстѣ,—такъ?..—пояснила Елена барону и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы спросила его.

— Такъ!—согласился онъ съ ней.

Князь при этомъ усмѣхнулся.

— Вотъ тебѣ на̀! — сказалъ онъ: — ты, значитъ, отказываешься отъ нашего казеннаго юридическаго опредѣленія, что законы суть продуктъ верховной воли, изъ которой одной они проистекаютъ.

— Нисколько я не отказываюсь отъ этого опредѣленія, и по-моему оно вовсе не противорѣчитъ опредѣленію mademoiselle Hélène, такъ какъ касается только формы утвержденія законовъ: законы всюду и вездѣ основываются на потребностяхъ народа и для блага народа издаются, — проговорилъ баронъ, начинавшій видѣть, что ему и тутъ придется биться, и потому онъ рѣшился, по крайней мѣрѣ, взять смѣлостью и изворотливостью ума.

— Нѣтъ, оно болѣе чѣмъ одной только формы утвержденія законовъ касается,—возразила ему Елена:—а потому я все-таки буду держаться моего опредѣленія, что законы суть договоры; и вообразите, я родилась въ извѣстномъ государствѣ, когда договоры эти уже были написаны и утверждены, но почему же я, вовсе не подписавшаяся къ нимъ, должна исполнять ихъ? Договоры обязательны только для тѣхъ, кто лично ихъ призналъ.

— Если вы не признаёте законовъ, то можете уйти изъ этого общества.

— Нѣтъ, не могу, потому что по русскимъ, напримѣръ, законамъ меня накажутъ за это.

— Да, по *русскимъ!*—произнесъ баронъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой уже усмѣшки.

— Кромѣ того-съ,—продолжала Елена, вся раскраснѣвшаяся

даже въ лицѣ:—всѣхъ законовъ знать нельзя, это требованіе невыполнимое, чтобы невѣдѣніемъ законовъ никто не отзывался: иначе людямъ некогда было бы ни землю пахать, ни траву косить, ни дорогъ себѣ строить. Они все время должны были бы изучать законы; люди, хорошо знающіе законы, какъ, напримѣръ, адвокаты, судьи, огромныя деньги за это получаютъ.

— Я согласенъ, что нельзя знать всѣхъ законовъ въ подробностяхъ,—сказалъ баронъ:—но главные, я думаю, всѣ вообще знаютъ: кто же не знаетъ, что воровство, убійство есть преступленіе?

— Положимъ даже, что это преступленіе, но наказывать-то за него не слѣдуетъ!—возразила Елена.

— Какъ не слѣдуетъ?—спросилъ баронъ, откинувшись даже въ недоумѣніи на задокъ стула.

Анна Юрьевна тоже взглянула на Елену не безъ удивленія.

— Не слѣдуетъ-съ, — повторила та рѣшительно.—Скажите вы мнѣ,—обратилась она къ барону:—одинъ человѣкъ можетъ быть безнравственъ?

— Конечно, можетъ,—отвѣчалъ баронъ, немного подумавъ: онъ уже сталъ немножко и опасаться, не ловитъ ли она его тутъ на чемъ-нибудь.

— А цѣлое общество можетъ быть безнравственно?—продолжала Елена допрашивать его.

— Не можетъ, полагаю,—отвѣчалъ баронъ, опять какъ-то не совсѣмъ рѣшительно.

— И теперь, смотрите, что̀ же выходитъ, — продолжала Елена.

Баронъ даже покраснѣлъ при этомъ, опять полагая, что она его совсѣмъ изловила.

— Человѣкъ дѣлаетъ скверный, безнравственный поступокъ противъ другого, убиваетъ его,—говорила Елена:—и вдругъ потомъ цѣлое общество, замѣтьте, цѣлое общество—дѣлаетъ точно такой же безнравственный поступокъ противъ убійцы, то-есть и оно убиваетъ его!

Баронъ вздохнулъ посвободнѣе; онъ сознавалъ съ удовольствіемъ, что не совсѣмъ еще былъ сбитъ своею оппоненткою.

— Это дѣлается съ цѣлью устрашить другихъ,—произнесъ онъ, припоминая еще на школьныхъ скамейкахъ заученную имъ теорію устрашенія.

— Эге, какую старину ты вынесъ!—замѣтилъ ему князь.

— Но мало что старину! — подхватила Елена: — а старину совершенно отвергнутую. Статистика-съ очень ясно намъ показала,—продолжала она, обращаясь къ барону:—что страхъ

наказанія никого еще не остановилъ отъ преступленія; напротивъ, чѣмъ сильнѣе были мѣры наказанія, тѣмъ больше было преступленій.

— Но какъ же однако, моя милая, дѣлать съ разными негодяями и преступниками?—вмѣшалась въ разговоръ Анна Юрьевна, далеко не все понимавшая въ словахъ Елены и въ то же время весьма заинтересовавшаяся всѣмъ этимъ разговоромъ.

— Да никакъ, потому что, въ сущности, преступниковъ нѣтъ! Они суть только видимое проявленіе дурно устроеннаго общественнаго порядка, а измѣните вы этотъ порядокъ, и ихъ не будетъ!.. Но положимъ даже, что порядокъ этотъ очень хорошъ, и что все-таки находятся люди, которые не хотятъ подчиняться этому порядку и стремятся выскочить изъ него; но и въ такомъ случаѣ они не виноваты, потому что, значитъ, у нихъ не нашлось въ головѣ рефлексовъ, которые могли бы остановить ихъ въ томъ.

— Но это же самое можно вѣдь сказать и про общество!—возразилъ ужъ князь Еленѣ: — и оно тоже не виновато, что у него нѣтъ въ мозгу рефлексовъ, способныхъ удержать его отъ желанія вздернуть всѣхъ этихъ господъ на висѣлицу.

— Нѣтъ, у цѣлаго общества никакъ не можетъ быть этого, — возразила ему въ свою очередь Елена:—всегда найдется на девять человѣкъ десятый, у котораго будетъ этотъ рефлексъ.

— Но отчего же остальные девять свою волю должны будутъ подчинять этому десятому: это тоже своего рода насиліе,—продолжалъ князь.

— Какъ подчиняются слѣпые зрячему—не почему болѣе, и пусть онъ даже насиловать ихъ будетъ: это зло временное, за которымъ послѣдуетъ благо жизни,—отвѣчала Елена.

Послѣдняго спора Елены съ княземъ ни баронъ ни Анна Юрьевна не поняли нисколько, и баронъ, видимо, рѣшившійся наблюдать глубочайшее молчаніе, только придалъ своему лицу весьма мыслящее выраженіе, но Анна Юрьевна не унималась.

— Если ужъ говорить о несправедливостяхъ,—воскликнула она, тоже, видно, желая похвастать своими гуманными соображеніями:—такъ войны вреднѣй всего. Des milliers d'hommes combattent les uns contre les autres!.. изобрѣтаютъ самыя смертоносныя орудія!.. даютъ кресты и награды тѣмъ, кто больше звѣрства показалъ!

Теорію эту передъ Анной Юрьевной, когда-то за границей, развивалъ одинъ французъ и говорилъ при этомъ превосход-

нѣйшимъ французскимъ языкомъ, жаль только, что она не все помнила изъ его прекрасныхъ мыслей.

— Война войнѣ рознь,—сказалъ ей съ улыбкою князь.

— Еще бы!—подхватила Елена.

— Какая рознь! Всякая война есть смерть и ужасъ!—воскликнула Анна Юрьевна.

— Ужасъ, но необходимый,—опять прибавилъ князь и самъ сначала хотѣлъ-было говорить, но, замѣтивъ, что и Елена то же хочетъ, предоставилъ ей вести рѣчь.

— Войны бываютъ разныя,—начала та:—первая, самая грубая форма войны—есть набѣгъ, то-есть когда нѣсколько хищныхъ лѣнтяевъ кидаются на болѣе трудолюбивыхъ поселянъ, грабятъ ихъ, убиваютъ; вторыя войны государственныя, съ цѣлью скрѣпить и образовать государство, то-есть когда сильнѣйшее племя завоевываетъ и присоединяетъ къ себѣ слабѣйшее племя и навязываетъ формы жизни, совершенно не свойственныя тому племени; наконецъ войны династическія, мотивъ которыхъ, впрочемъ, кажется, въ позднѣйшее время и не повторялся уже больше въ исторіи: за неаполитанскихъ Бурбоновъ никто и не думалъ воевать!.. Но есть войны протестующія, когда общество отбиваетъ себѣ права жизни отъ какой-нибудь домашней тираніи или отъ внѣшняго насилія: тѣ войны почтенны, и вожди ихъ стòятъ благословенія людей.

— О, да вы революціонерка ужасная!—опять воскликнула Анна Юрьевна, вполнѣ уже понявшая на этотъ разъ все, что̀ говорила Елена.

Вообще, въ области войнъ Анна Юрьевна была развитѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ знаній человѣческихъ, вѣроятно, оттого, что очень много въ жизни сталкивалась съ военными и толковала съ ними.

— Мнѣ, можетъ-быть, ничего бы этого передъ вами, какъ передъ начальницей моей, не слѣдовало говорить!—произнесла Елена, съ веселою покорностью склоняя передъ Анной Юрьевной голову.

— О, какъ вамъ не стыдно, ma chère,—произнесла та:—но я надѣюсь, что вы подобныхъ вещей дѣтямъ не говорите!

— Я думаю!—произнесла Елена голосомъ, какъ бы не подлежащимъ сомнѣнію.

— Революціонныя идеи, какъ бы кто ни былъ съ ними мало согласенъ, въ васъ имѣютъ такую прекрасную проповѣдницу, что невольно имъ подчиняешься!—сказалъ Еленѣ баронъ.

— Merci, monsieur!—произнесла та, склоняя тоже нѣсколько и передъ нимъ голову.

Въ это время вдругъ вошла горничная княгини въ садъ.

— Княгиня приказала васъ просить не разговаривать такъ громко; онѣ хотятъ почивать лечь,—обратилась она къ князю.

Тотъ поблѣднѣлъ даже отъ досады, услыхавъ это.

— Здѣсь и то негромко разговариваютъ!—сказалъ онъ.

— Ахъ, это я виновата, я говорила громко,—произнесла Елена явно-насмѣшливымъ голосомъ.

— Барыня еще просила васъ непремѣнно поутру зайти къ нимъ,—продолжала горничная, обращаясь къ князю.

Бѣдная княгиня, услыхавъ, что Елена у нихъ въ гостяхъ, не выдержала и вознамѣрилась завтра же непремѣнно и рѣшительно объясниться съ мужемъ.

— Ну, хорошо, ступай! — отвѣчалъ князь все съ той же досадой.

Горничная хотѣла-было уже уйти, но къ ней обратилась Анна Юрьевна:

— Скажи княгинѣ, что я сейчасъ зайду къ ней проститься.

— Слушаю-съ!—отвѣчала горничная и ушла.

Анна Юрьевна начала прощаться съ хозяиномъ и съ гостями его.

— Заходите, пожалуйста, ко мнѣ, — сказала она Еленѣ гораздо уже болѣе искреннимъ голосомъ, чѣмъ говорила ей о томъ прежде. Елена въ этотъ разъ показалась ей окончательно умной дѣвушкой.—Надѣюсь, что и вы меня посѣтите!—присовокупила Анна Юрьевна барону.

— Сочту для себя за величайшую честь, — отвѣчалъ тотъ, съ почтеніемъ поклонившись ей.

Анна Юрьевна ушла сначала къ княгинѣ, а черезъ нѣсколько времени и совсѣмъ уѣхала въ своемъ кабріолетѣ изъ Останкина. Князь же и баронъ пошли черезъ большой садъ проводить Елену домой. Ночь была лунная и теплая. Князь велъ подъ руку Елену, а баронъ нарочно сталъ поотставать отъ нихъ. По поводу сегодняшняго вечера баронъ былъ не совсѣмъ доволенъ собой и смутно сознавалъ, что въ этой проклятой службѣ, отнимавшей у него все его время, онъ сильно поотсталъ отъ вѣка. Князь и Елена между тѣмъ почти шопотомъ разговаривали другъ съ другомъ.

— Ты восхитительна сегодня была!.. Обворожительна!.. — говорилъ онъ, крѣпко прижимая своей рукой руку Елены къ себѣ.

— Вотъ какъ, восхитительна, — говорила та, отвѣчая ему такимъ же пожатіемъ.

— Что̀ удивительнѣе всего, — продолжалъ князь: — всѣ эти умныя женщины, такъ называемыя bas bleux, обыкновенно

бываютъ некрасивы, а въ тебѣ четыре прелести: умъ, образованіе, красота и грація.

— Ну да, совершенство природы,—отвѣчала съ усмѣшкою Елена:—погоди, узнаешь много и пороковъ во мнѣ! — прибавила она серьезнѣе.

— Я пока одинъ только и знаю,—подхватилъ князь.

— А именно?

— Ревность.

— Ну, это не порокъ, а скорѣе глупость,—отвѣчала Елена.

— Je vous salue, messieurs, et bonne nuit! — заключила она, оставляя руку князя и кланяясь обоимъ кавалерамъ.

Въ это время они были уже около самой дачи Жиглинскихъ.

— Adieu! — сказалъ ей съ чувствомъ князь.

— Adieu! — повторилъ за нимъ съ чувствомъ и баронъ.

Елена скрылась потомъ въ калиточку своего сада, друзья же наши пошли обратно домой.

— Какъ вы находите сію дѣвицу?—спросилъ князь послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я умнѣй и образованнѣй женщины еще не встрѣчалъ!—отвѣчалъ баронъ, повидимому, совершенно искренно.

— Я думаю!—произнесъ самодовольно князь.

— Увѣряю тебя! — подтвердилъ еще разъ баронъ и, присвистнувъ, сбилъ своей палочкой листокъ съ дерева.

X.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать утра, князь ходилъ по комнатѣ жены. Княгиня попрежнему сидѣла неодѣтая въ постели, и выраженіе ея добраго лица было на этотъ разъ печальное и сердитое. Объясненіе между ними только-что еще началось.

— Какъ это было глупо вчера съ вашей стороны,—началъ князь:—прислать вдругъ горничную сказать намъ, какъ школьникамъ, чтобы не шумѣли и тише разговаривали!..

— Но я больна,—ты это забываешь!..—возразила ему княгиня.

— Ничего вы не больны!—сказалъ съ сердцемъ князь.

— Какъ не больна?—воскликнула княгиня съ удивленіемъ:—ты послѣ этого какой-то ужъ жестокій человѣкъ!.. Вспомни твои поступки и пойми, что не могу же я быть здорова и покойна! Наконецъ я требую, чтобы ты прямо мнѣ сказалъ, что̀ ты намѣренъ дѣлать со мной.

— Какъ что̀ такое дѣлать? — спросилъ князь.

— Такъ!.. Тебѣ надобно же куда-нибудь дѣвать меня! Нельзя же въ одномъ домѣ держать любовницу и жену!

Князь при этомъ слегка только поблѣднѣлъ.

— Я любовницы моей не держу съ вами въ одномъ домѣ!— проговорилъ онъ.

Этотъ отвѣтъ, въ свою очередь, сильно поразилъ княгиню: она никакъ не ожидала отъ мужа такой откровенности.

— Но все равно: она въ двухъ шагахъ отсюда живетъ,— проговорила она.

— Нѣтъ, дальше, въ цѣлой верстѣ!.. — отвѣчалъ насмѣшливо и какъ бы совершенно спокойно князь.

— Но научите же, по крайней мѣрѣ, меня, — продолжала княгиня, и въ голосѣ ея послышались рыданія:—какъ я должна себя вести: встрѣчаться и видѣться съ ней я не могу: это выше силъ моихъ!

— Не видайтесь, если этого вамъ не угодно, — сказалъ князь все тѣмъ же тономъ.

— Но она бываетъ у насъ!—возразила княгиня:—слѣдовательно я должна убѣгать и оставлять мой домъ.

— Не бывать она у насъ не можетъ, потому что это повлечетъ огласку и прямо дастъ поводъ объяснить причину, по которой она у насъ не бываетъ!—проговорилъ князь.

— Вы боитесь огласки, которая, вѣроятно, и безъ того есть,—сказала княгиня:—а вамъ не жаль видѣть Богъ знаетъ какія мои страданія!

— Ваши страданія, повѣрьте вы мнѣ, слишкомъ для меня тяжелы!—началъ князь, и отъ душевнаго волненія у него даже пересохло во рту и голосъ прервался, такъ что онъ принужденъ былъ подойти къ стоявшему на столѣ графину съ водой, налилъ изъ него цѣлый стаканъ и залпомъ выпилъ его.

— Мнѣ очень васъ жаль!—продолжалъ онъ:—и чтобы хоть сколько-нибудь улучшить вашу участь, я могу предложить вамъ одно средство: разойдемтесь, разойдемтесь, если хотите, форменнымъ порядкомъ; я вамъ отдѣлю треть моего состоянія и приму даже на себя, если это нужно будетъ, наказаніе по законамъ...

Такое предложеніе мужа княгиню въ ужасъ привело: какъ! быть разводкой?.. потерять положеніе въ обществѣ?.. не видѣть наконецъ князя всю жизнь?.. Но за что же все это?.. Что̀ она сдѣлала противъ него?..

— Нѣтъ, князь, я не желаю съ вами расходиться, — проговорила она, и рыданія заглушили ея слова.

— Отчего же? — спросилъ князь какимъ-то груднымъ голосомъ.

— Оттого... оттого... — рыданія княгини все усиливались и усиливались:—оттого, что я, несчастная, люблю еще васъ! — почти прокричала она.

Князь при этомъ потемнѣлъ даже весь въ лицѣ: если бы княгиня продолжала сердиться и укорять его, то онъ, вѣроятно, выдержалъ бы это стойко, но она рыдала и говорила, что еще любитъ его,—это уже было превыше силъ его.

— Пощадите и вы меня тоже! — едва выговорилъ онъ и, растирая грудь, подошелъ къ открытому окну, какъ бы затѣмъ, чтобы вдохнуть въ себя свѣжаго воздуха.

Такое появленіе чувства въ мужѣ княгиня сейчасъ же подмѣтила, и это ее порадовало: рыданія ея стали мало-по-малу утихать.

— Но, можетъ-быть, ты когда-нибудь разлюбишь ее и полюбишь меня снова,—проговорила она уже вкрадчивымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я ея не разлюблю! — отвѣчалъ князь, продолжая смотрѣть въ окно.

Слова эти опять оскорбили и огорчили княгиню.

— Какъ она очаровала тебя, но чѣмъ, я желала бы знать?— проговорила она.

Князь молчалъ.

— А что, если я сама кого полюблю, какъ тебѣ это покажется?—присовокупила княгиня уже внушительнымъ тономъ: она, кажется, думала сильно напугать этимъ мужа.

— О, ты тогда такое ярмо снимешь съ души моей! — произнесъ онъ.

— Такъ, стало-быть, ты въ самомъ дѣлѣ желаешь этого?— спросила княгиня стремительно.

— Очень желаю!—отвѣчалъ князь глухо.

— Благодарю за позволеніе, и теперь, дѣйствительно, какого мнѣ ждать возвращенія отъ васъ, когда вы такимъ образомъ третируете меня.

— Но чѣмъ же я васъ дурно третирую?—спросилъ князь, повертываясь лицомъ къ женѣ.

— Тѣмъ, что мы горничной, я думаю, не желаемъ въ домѣ имѣть съ такими милыми качествами, а вы хотите, чтобы у васъ жена была такая.

— Ну, въ этомъ случаѣ мы никогда съ тобой не столкуемся!—сказалъ князь и не хотѣлъ болѣе продолжать разговора объ этомъ.

Княгинѣ, разумѣется, и въ голову не приходило того, что князь разрѣшаетъ ея любовь къ другому чисто изъ чувства справедливости, такъ какъ онъ самъ теперь любитъ другую женщину. Она просто думала, что онъ хочетъ этимъ окончательно отдѣлаться отъ нея.

— Объясненіе наше, полагаю, кончилось?—проговорилъ онъ, протягивая княгинѣ руку.

— Если хотите, кончилось! — отвѣчала она съ грустной усмѣшкой и пожимая плечами.

— И надѣюсь, что вы скоро выздоровѣете?—присовокупилъ князь.

— Не знаю! — отвѣчала княгиня.

Князь ушелъ.

Княгиня послѣ его ухода сейчасъ же встала съ постели и начала ходить по комнатѣ. Она какъ бы мгновенно выросла душой: въ томъ, что мужъ ея не любилъ, княгиня больше не сомнѣвалась, и, въ отомщеніе ему, ей ужасно захотѣлось самой полюбить кого-нибудь. Но кого же? Развѣ барона? Тѣмъ болѣе, что онъ въ нее былъ прежде влюбленъ такъ, что она даже не желала его пріѣзда къ нимъ въ Москву именно изъ опасенія, что онъ будетъ ухаживать за ней; а теперь—пусть ухаживаетъ! Она сама даже отвѣтитъ на его чувства и посмотритъ, какъ этимъ сниметъ тяжелое ярмо съ души князя: тонкое чувство женщины, напротивъ, говорило княгинѣ, что это очень и очень не понравится князю. Чтобы начать приводить свой планъ въ исполненіе, княгиня тутъ же позвала горничную, одѣлась, мало того, постаралась одѣться щеголевато, велѣла себѣ вынести кресло на террасу и вышла туда, чтобы сейчасъ же послать за барономъ, но, сверхъ всякаго ожиданія, увидѣла его уже гуляющимъ въ ихъ небольшомъ палисадничкѣ. По странному стеченію обстоятельствъ, баронъ въ эти минуты думалъ почти то же самое, что̀ и княгиня: въ началѣ своего прибытія въ Москву баронъ, кажется, вовсе не шутя разсчитывалъ составить себѣ партію съ какой-нибудь купеческой дочкой, потому что, кромѣ какъ бы мимолетнаго вопроса князю о московскомъ купечествѣ, онъ на другой день своего пріѣзда, ни съ того ни съ сего, обратился съ разговоромъ къ работавшему въ большомъ саду садовнику.

— А что̀, любезный, купцы здѣсь живутъ?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ-съ, купечество здѣсь мало живетъ; они больше въ паркахъ и Сокольникахъ живутъ; тамъ ихъ настоящее мѣсто,—отвѣчалъ тотъ.

— Такъ здѣсь они и не бываютъ совсѣмъ?

— Наѣзжаютъ по временамъ въ праздники; вонъ лошади-то и экипажи, которые лучшіе у сада стоятъ, все это купеческіе.

— А здѣсь такъ-таки совсѣмъ и не живутъ?

— Живутъ и здѣсь два-три купца.

— Которое же это мѣсто?

— Да вонъ тутъ, какъ влѣво изъ саду пойдете.

— Богатые тоже?

— Сильно богатые! Я работаю у нихъ.

— А семейные или одинокіе?

— Какое одинокіе, семьищи у обоихъ.

— Сыновья или дочери?

— Есть и дочери, барышни славныя!—отвѣчалъ садовникъ, неизвѣстно почему догадавшійся, что баронъ собственно о барышняхъ купеческихъ и интересовался.

— И много за ними приданаго дадутъ?—спросилъ баронъ.

— Отвалятъ порядочно!—протянулъ садовникъ.

Баронъ отошелъ отъ него и прямо направился къ указаннымъ ему купеческимъ дачамъ; прошелъ мимо нихъ разъ десять, все ожидая увидѣть въ садикахъ или на балконахъ какую-нибудь юную фигуру, но не видалъ ни одной. Вечеромъ онъ тоже, пойдя въ большой садъ, заглядывалъ со вниманіемъ во всѣ хоть сколько-нибудь сносныя молодыя лица, слѣдилъ за ними, когда они выходили изъ сада, и наблюдалъ въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ надъ тѣмъ, что на извозчиковъ ли они садились, или въ свои экипажи, и какого сорта экипажи, хорошіе или посредственные. Всѣ эти розыски, впрочемъ, не привели ни къ какимъ желаннымъ результатамъ, и баронъ началъ уже вспоминать о хорошенькой привязанности Михайлы Борисовича, съ которой Мингеръ послѣдніе годы весьма пріятно проводилъ время, потому что Михайла Борисовичъ платилъ только деньги этой привязанности, но любила она, собственно, барона. Баронъ даже подумывалъ написать ей, что не пріѣдетъ ли она на недѣльку въ Москву, взглянуть на этотъ первопрестольный и никогда не виданный ею городъ, но въ настоящее утро ему пришла совершенно новая мысль: «А что̀ если за княгиней примахнуть?»—подумалъ онъ, тѣмъ болѣе, что она не только что не подурнѣла, но еще прелестнѣе стала, и встрѣтилась съ нимъ весьма благосклонно; мужъ же прямо ему сказалъ, что будетъ даже доволенъ, если кто заслужитъ любовь его супруги; слѣдовательно опасаться какой-нибудь непріятности съ этой стороны нечего! Скучно тутъ только,—соображалъ баронъ далѣе,—возиться съ барынями; онѣ обыкновенно требуютъ, чтобы съ ними сидѣли и проводили цѣлые дни; но что̀ жъ теперь другое и дѣлать барону было? службы у него не было, да и когда она еще будетъ — неизвѣстно! Значитъ, приволокнуться за ея сіятельствомъ слѣдуетъ... На этомъ его рѣшеніи вдругъ раздался голосъ съ террасы:

— Эдуардъ Ѳедорычъ, подите сюда ко мнѣ.

Баронъ даже вздрогнулъ. Это звала его княгиня.

— Боже мой, это вы появились наконецъ! — воскликнулъ онъ, въ свою очередь, какимъ-то даже восторженнымъ тономъ

и, взойдя на террасу, не преминулъ поцѣловать у княгини ручку; она тоже поцѣловала его съ удовольствіемъ въ щеку.

— Садитесь тутъ, около меня! — сказала княгиня.

Баронъ сѣлъ.

— Вы однако довольно серьезно были больны?—спросилъ онъ ее съ участіемъ.

— Да!.. Все, впрочемъ, болѣе отъ скуки,—отвѣчала княгиня.

— Но отчего же однако вы все скучаете? — спросилъ баронъ, стремительно поворачивая къ ней свою голову.

— Оттого что... что̀ за жизнь моя теперь? Дѣтей у меня нѣтъ!.. Близкихъ людей, хоть сколько-нибудь искренно расположенныхъ ко мнѣ, тоже нѣтъ около меня!

— Позвольте мнѣ включить себя въ число послѣднихъ и пояснить вамъ, что я около васъ! — сказалъ баронъ.

— Вы на время, вы петербургскій гость; опять уѣдете туда и забудете здѣшнихъ друзей.

— Нѣтъ, я не изъ такихъ скоро забывающихъ людей! — произнесъ съ чувствомъ баронъ: — я вотъ, напримѣръ, до сихъ поръ, — продолжалъ онъ съ небольшимъ перерывомъ:— не могу забыть, какъ мы нѣкогда гуляли съ вами вдвоемъ въ Парголовѣ въ Шуваловскомъ саду и нашъ разговоръ тамъ!

Княгиня немного покраснѣла: баронъ напоминалъ ей прямо свое прежнее объясненіе въ любви.

— А вы помните этотъ разговоръ? — спросилъ онъ ее уже съ нѣжностью.

— Еще бы!.. — протянула княгиня, потупляя немного глаза свои.

— Но отчего же вы тогда ничего мнѣ не отвѣчали? — присовокупилъ баронъ, весьма ободренный отвѣтомъ ея.

— Мнѣ странно было бы отвѣчать вамъ что-нибудь! — сказала княгиня, не поднимая глазъ: — вы были тогда такой еще мальчикъ.

— Но однако другому мальчику вы оказали въ этомъ случаѣ предпочтеніе! — произнесъ баронъ съ грустью.

— Сила обстоятельствъ!.. — проговорила княгиня.

— Будто только?—спросилъ баронъ, устремляя на княгиню испытующій взглядъ: — будто вы не были влюблены въ вашего жениха?

— Конечно, была влюблена! — поспѣшно отвѣчала княгиня, какъ бы боясь, чтобы ее въ самомъ дѣлѣ не заподозрѣли въ чемъ-нибудь противномъ.

Баронъ рѣшительно не зналъ, какъ и понять ее.

— Да, припоминаю эту минуту, — началъ онъ опять съ

грустнымъ видомъ: — когда васъ повезли вѣнчать, не дай Богъ перенести никому того, что̀ я перенесъ въ тотъ день!

— Однако вы были моимъ шаферомъ! — смѣясь, возразила ему княгиня.

— А хорошъ я былъ, припомните?

— Немножко блѣденъ, это правда.

— Хорошо немного блѣденъ, — произнесъ баронъ и замолчалъ, какъ бы погрузясь въ печальныя воспоминанія.

Княгиня тоже молчала. Перебирая въ душѣ своей всѣ ощущенія, она спрашивала себя мысленно, нравится ли ей хоть сколько-нибудь баронъ, и должна была сознаться, что очень мало; но, какъ бы то ни было, она все-таки рѣшилась продолжать съ нимъ кокетничать.

— Мнѣ бы очень желалось спросить васъ, — заговорилъ баронъ: — что, тогдашнее ваше чувство къ жениху въ настоящее время уменьшилось или возросло?

Княгиня усмѣхнулась.

— А вамъ зачѣмъ это знать? — спросила она.

— Затѣмъ, что я очень желаю это знать! — воскликнулъ баронъ.

— Много будете знать, скоро состарѣетесь, — проговорила княгиня.

— Что̀ жъ изъ того! Лучше состарѣться, чѣмъ жить въ неизвѣстности!.. Нѣтъ, шутки въ сторону!.. Скажите, что̀ я долженъ сдѣлать, чтобъ вы были со мной вполнѣ откровенны?

— Прежде всего вы должны доказать мнѣ преданностью, вниманіемъ ко мнѣ, участіемъ, что заслуживаете моего довѣрія!

— Все это очень легко сдѣлать, а далѣе, потомъ?

— А далѣе... — начала княгиня, но и пріостановилась, потому что въ залѣ въ это время раздалось: «к-ха!».

— Ахъ, это мой докторъ!.. Ну, вы теперь потрудитесь уйти, — сказала она встревоженнымъ голосомъ барону.

Тотъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Да идите же скорѣе! — повторила ему настойчиво княгиня.

Баронъ, дѣлать нечего, сошелъ съ балкона и сѣлъ-было на ближайшую скамеечку.

— Нѣтъ, вы дальше!.. дальше, туда уйдите! — кричала ему княгиня.

Баронъ пошелъ дальше.

— Говорятъ, больная на террасѣ въ саду, значитъ, здорова, к-ха! — произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, появляясь изъ-за стеклянныхъ дверей.

— Получше сегодня! — отвѣчала ему княгиня.

— Гораздо получше, — по лицу это видно! — сказалъ Елни-

диформъ Мартынычъ и сѣлъ противъ княгини. Физіономія его имѣла такое выраженіе, которымъ онъ ясно говорилъ, что многое и многое можетъ передать княгинѣ.

— Ну, что же вы узнали о томъ, о чемъ я васъ просила?— начала та прямо.

— Узналъ-съ. К-ха! — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Что же?

— А то, что... к-х-ха!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ (во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни онъ какъ-то болѣе обыкновеннаго кашлялъ): — к-ха! положеніе, въ которомъ вы подозрѣвали барышню сію, дѣйствительно и достовѣрно оправдывается, к-х-ха!

— Прекрасно, безподобно; отлично себя устроила, — воскликнула княгиня, поблѣднѣвъ даже въ лицѣ,

— Да-съ, такъ ужъ устроила!.. Мать крайне огорчена, крайне!.. Жаловаться-было первоначально хотѣла на князя, но я ужъ отговорилъ. «Помилуйте, говорю, какая же польза вамъ будетъ?»

— За что же она хотѣла жаловаться на него? — перебила его княгиня.

— За то, что дочь погубилъ, говоритъ.

— А меня онѣ, какъ думаютъ, погубили или нѣтъ? — спросила княгиня.

Елпидифоръ Мартынычъ молчалъ.

— Что онѣ меня куклой, что ли, считаютъ, которая ничего не должна ни чувствовать ни понимать, — продолжала княгиня и даже раскраснѣлась отъ гнѣва: — онѣ думаютъ, что я такъ имъ и позволю совершенно овладѣть мужемъ? Что онъ имѣетъ съ этой m-lle Еленой какую-то связь, для меня это рѣшительно все равно; но онъ все-таки меня любитъ и ужъ, конечно, каждымъ моимъ словомъ гораздо больше подорожитъ, чѣмъ словами m-lle Елены; но если онѣ будутъ что-нибудь тутъ хитрить и возстановлять его противъ меня, такъ я переносить этого не стану! Онѣ жаловаться теперь за что-то хотятъ на князя, но я прежде ихняго пожалуюсь на нихъ: отецъ мой заслуженный генералъ!.. Государь его лично знаетъ: онъ ему доложитъ, и ей, дрянной дѣвчонкѣ, не позволятъ разстраивать чужое семейное счастье!

— Чего государю? к-ха!.. Генералъ-губернатору пожаловаться вамъ, такъ ее сейчасъ же вытурятъ изъ Москвы, — не велики особы! — подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Именно вытурятъ изъ Москвы!.. — согласилась съ удовольствіемъ княгиня.—И потомъ объясните вы этой дѣвчонкѣ,— продолжала она: — что это верхъ наглости съ ея стороны —

посѣщать мой домъ; пусть бы она видалась съ княземъ, гдѣ ей угодно, но не при моихъ, по крайней мѣрѣ, глазахъ!.. Она должна же хоть сколько-нибудь понять, что пріятно ли и легко ли это мнѣ, и наконецъ я не ручаюсь за себя: я, можетъ-быть, скажу ей когда-нибудь такую дерзость, послѣ которой ей совѣстно будетъ на свѣтъ Божій смотрѣть.

— И стоила бы того, ей-Богу, стоила бы! — почти вскрикнулъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Потише говорите! — остановила его княгиня: — и вообразите: вчера я лежу больная, а у нихъ вонъ въ саду хохотъ, разговоры!

— Безчувственные люди, больше ничего! — проговорилъ, но не такъ уже громко, Елпидифоръ Мартынычъ.

— Мало, что безчувственные люди, это какіе-то злодѣи мои, отъ которыхъ я не знаю какъ и спастись! — произнесла княгиня, и на глазахъ ея показались слезы.

Замѣтивъ это, Елпидифоръ Мартынычъ сейчасъ же принялся утѣшать ее и привелъ даже ей примѣръ изъ ветхозавѣтной исторіи.

— Авраамъ-то и Сарра въ какихъ тоже ужъ лѣтахъ были, и вдругъ наложница у него оказалась; однако Сарра настояла же на своемъ, — прогналъ онъ эту Агарь свою въ пустыню, и всегда этакихъ госпожъ Агарей прогоняютъ и кидаютъ потомъ... всегда!

Но княгиню мало это успокоило, и она даже не слушала Елпидифора Мартыныча, такъ что онъ счелъ за лучшее убраться во-свояси.

— Прикажете послѣзавтра пріѣзжать къ вамъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ теперь лучше, — отвѣчала княгиня.

— Хорошо-съ! — сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ и къ экипажу своему пошелъ не черезъ залу, а садомъ, гдѣ, увидавъ сидящаго на лавочкѣ барона, замѣтно удивился. «Это что̀ еще за господинъ и зачѣмъ онъ тутъ сидитъ?» — подумалъ онъ про себя.

Баронъ же, увидавъ, что докторъ уѣхалъ, не медля ни минуты, вошелъ на террасу и сѣлъ на этотъ разъ не на стулъ, а на верхнюю ступеньку лѣстницы, такъ что очутился почти у самыхъ ногъ княгини.

— Удивительное дѣло! — началъ онъ развязно и запуская руки въ маленькіе кармашки своихъ щегольскихъ, пестрыхъ брюкъ: — до какой степени наши женщины исполнены предразсудковъ!

— Женщины? предразсудковъ? — переспросила княгиня, все

еще находившаяся подъ вліяніемъ дурного впечатлѣнія, которое произвелъ на нее разговоръ съ Илліонскимъ.

— Да!.. Такъ называемой брачной вѣрности онѣ Богъ знаетъ какое значеніе придаютъ; я совершенно согласенъ, что бракъ есть весьма почтенный актъ, потому что въ немъ нарождается будущее человѣчество, но что̀ въ немъ священнаго-то и таинственнаго?

Баронъ, ни много ни мало, вздумалъ развращать княгиню тѣми самыми мыслями, которыя онъ слышалъ отъ князя и противъ которыхъ самъ же спорилъ.

— Ахъ, нѣтъ, бракъ очень важная вещь! — произнесла княгиня съ прежнимъ задумчивымъ видомъ.

— Но чѣмъ?

— Какъ чѣмъ? — почти воскликнула княгиня: — тутъ женщина впервые отдаетъ себя вполнѣ мужчинѣ.

— Но что̀ же изъ того? — приступалъ баронъ.

— Какъ что̀? — возразила ему княгиня, краснѣя немного въ лицѣ.

— Но женщина можетъ отдать себя вполнѣ мужчинѣ и не въ бракѣ, и тогда будетъ то же самое; бракъ, значитъ, тутъ ни при чемъ.

— Но какая же женщина, въ нашемъ, по крайней мѣрѣ, сословіи, отдастъ себя не въ бракѣ? Это какая-нибудь очень дрянная, — проговорила княгиня.

— Напротивъ, женщины и дѣвушки очень хорошія и честныя отдаютъ себя такимъ образомъ. Что̀ дѣлать? Сила обстоятельствъ, какъ сами же вы выразились.

Княгиня сомнительно покачала головой.

— А знаете ли вы, — продолжалъ баронъ: — что наши, такъ называемыя нравственныя женщины, разлюбя мужа, продолжаютъ еще любить ихъ по-брачному: это явленіе, какъ хотите, безнравственное и представляетъ безобразнѣйшую картину; этого никакія дикія племена, никакія животныя не позволяютъ себѣ! Тѣ обыкновенно любятъ тогда только, когда чувствуютъ влеченіе къ тому.

Баронъ почти слово въ слово развращалъ княгиню мыслями князя!

— Никогда женщина не можетъ до такой степени разлюбить мужа! — возразила ему та.

— Совершенно разлюбляютъ, только не хотятъ самимъ себѣ даже признаться въ томъ! — говорилъ баронъ.

Онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что княгиня не любитъ мужа, но не подумала еще объ этомъ хорошенько; а потому онъ и старался навести ее на эту мысль.

— Въ любви все дѣло минуты,—продолжалъ онъ какимъ-то даже страстнымъ голосомъ: — напримѣръ, я десять бы лѣтъ жизни отдалъ, если бы вы позволили мнѣ поцѣловать божественную вашу ножку... — И баронъ при этомъ указалъ глазами на маленькую и красивую ножку княгини, выставившуюся изъ-подъ ея платья.

— Глупости какія! — вскрикнула при этомъ княгиня, сейчасъ же пряча ножку свою.

— Клянусь честью, отдалъ бы десять лѣтъ жизни! — шепталъ баронъ, устремляя пламенный взглядъ на княгиню.

— Не нужно мнѣ вашихъ десяти лѣтъ! — произнесла та съ явнымъ неудовольствіемъ. — Мужъ идетъ, — прибавила она вслѣдъ затѣмъ торопливо.

Вдали, въ самомъ дѣлѣ, показался князь, шедшій съ наклоненной головой и съ самымъ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Послѣ объясненія съ женой онъ все время не переставалъ думать объ ней и Еленѣ, спрашивавшей его, чѣмъ онъ такъ разстроенъ, ссылался на болѣзнь. Положеніе его казалось ему очень похожимъ на глупое положеніе журавля въ топкомъ болотѣ: хвостъ вытащилъ — носъ завязнулъ, носъ вытащилъ — хвостъ завязъ. Съ женой было ничего — съ Еленой дурно шло; съ Еленой окончательно помирился — жена взбунтовалась. Впрочемъ, онъ княгиню считалъ совершенно правою и полагалъ, что если она полюбитъ кого-нибудь, такъ онъ не только что не долженъ будетъ протестовать противъ того, но даже обязанъ способствовать тому и прикрыть все своимъ именемъ!

Съ такими мыслями онъ шелъ домой и, подойдя къ террасѣ, увидѣлъ, что княгиня, разодѣтая и прехорошенькая, въ какой-то полулежачей и нѣжной позѣ сидѣла на креслахъ, а у ногъ ея помѣщался баронъ съ красивымъ пылающимъ лицомъ, съ разгорѣвшимися масляными глазами. Княгиня тоже была съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ. Точно кинжаломъ кто ударилъ, при видѣ всего этого, въ сердце князя. «Неужели она, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ привести въ исполненіе свою угрозу!.. Что жъ, это и отлично будетъ!»—старался онъ-было съ удовольствіемъ подумать, но гнѣвъ и досада противъ воли обуяли всѣмъ существомъ его, такъ что онъ, не поздоровавшись даже съ другомъ своимъ, сѣлъ на стулъ и потупилъ голову. Княгиня все это подмѣтила и крайне была довольна этимъ, а барона, напротивъ, такой видъ князя сконфузилъ.

— Что такое съ вами, какой вы сегодня пасмурный? — спросилъ онъ его заискивающимъ голосомъ.

— Я всегда такой!.. — отвѣчалъ князь: его, по преимуществу, бѣсило то, что онъ не могъ *чувствовать такъ, какъ бы онъ желалъ и какъ бы долженъ былъ чувствовать!*

XI.

Восьмого іюля, въ день католической Елизаветы, княгинѣ предстояло быть именинницей. Она непремѣнно хотѣла этотъ день отпраздновать вечеромъ, который долженъ былъ состоять изъ музыки, танцевъ, освѣщенія ихъ маленькаго дачнаго садика и наконецъ фейерверка. Какъ бы наперекоръ всему, княгиня послѣднее время ужасно старалась веселиться: она по вечерамъ гуляла въ Останкинскомъ саду, каждый почти праздникъ ѣздила на какую-нибудь изъ сосѣднихъ дачъ, и всегда безъ исключенія въ сопровожденіи барона, такъ что, по поводу послѣдняго обстоятельства, по Останкину, особенно между дамскимъ населеніемъ, шелъ уже легонькій говоръ; что касается до князя, то онъ все время проводилъ у Елены и, врядъ ли не съ умысломъ, совершенно не бывалъ дома, чтобы не видѣть того, что̀, какъ онъ ни старался скрыть, весьма казалось ему непріятнымъ. Съ барономъ князь былъ болѣе чѣмъ сухъ и очень насмѣшливъ. Желанію жены отпраздновать свои именины онъ, конечно, не противорѣчилъ и, предоставивъ ей распоряжаться, какъ она желаетъ, только спросилъ ее:

— Кто жъ у тебя будетъ танцовать... дамы твои и кавалеры?

— Во-первыхъ, я сама!—отвѣчала княгиня.

— Во-вторыхъ, конечно, баронъ!—подхватилъ съ явнымъ оттѣнкомъ насмѣшки князь.

— Конечно, баронъ во-вторыхъ, — повторила за мужемъ княгиня.—Потомъ Анна Юрьевна,—прибавила она.

— Кто же для нея кавалеромъ будетъ? Господинъ Илліонскій развѣ?—спросилъ князь.

— И господинъ Илліонскій будетъ у меня!.. потомъ ты будешь танцовать!

— Съ кѣмъ же я буду танцовать?—спросилъ князь.

— Съ mademoiselle Еленой, если только она удостоитъ чести посѣтить меня!—проговорила княгиня.

— То-есть если вы удостоите чести ее пригласить!—подхватилъ князь.

— Нѣтъ ужъ, это я васъ буду просить пригласить ее, — сказала княгиня.

— Что̀ жъ, вы мнѣ поручаете это?—сказалъ князь съ явнымъ оттѣнкомъ удовольствія.

— Если вы желаете, такъ можете пригласить ее!—отвѣчала княгиня.

Она, кажется, хотѣла этимъ показать мужу, что теперь для нея ничего даже не значитъ присутствіе Елены въ ихъ домѣ.

— Пригласимъ-съ, пригласимъ mademoiselle Елену,—повторилъ двукратно князь.

Княгиня на это молчала.

— Потомъ приглашу и милѣйшаго моего Миклакова!—присовокупилъ князь.

— Пригласи!..—какъ-то протянула княгиня.

Милѣйшій Миклаковъ, о которомъ упомянулъ князь, будетъ играть въ моемъ разсказѣ довольно значительную роль, а потому я долженъ нѣсколько предувѣдомить объ немъ читателя. Миклаковъ въ молодости отлично кончилъ курсъ въ университетѣ, любилъ много читать и потому много зналъ; но въ жизни ему какъ-то не повезло: въ службѣ онъ дотянулъ только до бухгалтера, да и тутъ его терпѣли потому, что обязанности свои онъ зналъ въ совершенствѣ, и начальники его обыкновенно говорили про него: «Миклаковъ, какъ бухгалтеръ, превосходный, но какъ человѣкъ—пренепріятный!» Дѣло въ томъ, что при служебныхъ объясненіяхъ съ своими начальствующими лицами онъ нѣтъ-нѣтъ да и ввернетъ почти каждому изъ нихъ какую-нибудь колкость. Потомъ Миклаковъ былъ влюбленъ въ дѣвушку очень хорошей фамиліи, съ прекраснымъ состояніемъ. Та сначала отвѣчала ему, но потомъ вдругъ разочаровалась въ немъ; Миклаковъ послѣ этого сходилъ съ ума и врядъ ли не содержался въ сумасшедшемъ домѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ наконецъ сдѣлался извѣстенъ въ литературныхъ кружкахъ и прослылъ тамъ человѣкомъ либеральнѣйшимъ, такъ что, при первомъ же болѣе свободномъ дыханіи литературы, его пригласили къ сотрудничеству въ лучшіе журналы, и онъ началъ то тутъ, то тамъ печатать свои критическія и памфлетическія статьи. Творенія его, кромѣ ума и нѣкотораго знанія, имѣли еще свойство невообразимой бранчивости, такъ что Миклаковъ самъ даже про себя говорилъ, что ему единственный свыше ниспосланъ даръ: это *продернуть себѣ подобнаго!* Вслѣдствіе таковыхъ качествъ, успѣхъ его въ литературѣ былъ несомнѣнный: публика начала его знать и любить; но зато журналисты скоро его разлюбили: дѣло въ томъ, что, вступая почти въ каждую редакцію, Миклаковъ, изъ довольно справедливаго, можетъ-быть, сознанія собственнаго достоинства и для пользы самого же дѣла, думалъ тамъ овладѣть сейчасъ же умами и господствовать, но это ему не совсѣмъ удавалось; и онъ, обозлившись, обыкновенно

начиналъ довольно колко отзываться и объ редакторахъ и объ ихъ сотрудникахъ. «Что же это такое?—говорилъ онъ, напримѣръ, про одну литературную партію:—болѣть объ нищей братіи, а въ то же время на каждомъ шагу дѣлать подлости, мерзости: лучше первоначально отъ этого отказаться, а потомъ ужъ переходить къ высшимъ подвигамъ гуманности!» Потомъ про другой, очень почтенный журналъ, онъ выражался такъ: «О-хо-хо-хо, батюшки... какіе тамъ слоны сидятъ! и не разберешь сразу: демагоги ли это, или мурзы татарскіе? кажется, послѣднее». И вообще про все полчище русскихъ литераторовъ Миклаковъ говорилъ, что въ немъ обрѣтается никакъ не больше десятковъ двухъ или трехъ истинно даровитыхъ и образованныхъ людей, а остальные набрались изъ такихъ господъ, которые ни на какое другое путное дѣло неспособны. Нынче отъ писцовъ требуютъ, чтобы они были хоть сколько-нибудь грамотны, но русскій литераторъ можетъ быть даже безграмотенъ: корректоръ ему все поправитъ; а писать онъ тоже можетъ всякую чепуху, какая только придетъ ему въ голову, ибо эти тысячеустныя дуры-газеты (такъ обыкновенно Миклаковъ называлъ газеты) способны принять въ себя всякую дрянь и изрыгнуть ее передъ русскою публикою.

Всѣ эти насмѣшливые отзывы Миклакова, разумѣется, передавались кому слѣдуетъ; а эти кто слѣдуетъ заставляли разныхъ своихъ критиковъ уже печатно продергивать Миклакова, и такимъ образомъ не стало почти ни одного журнала, ни одной газеты, гдѣ бы не называли его то человѣкомъ отсталымъ, то черезчуръ новымъ, либеральнымъ, дерзкимъ, бездарнымъ и наконецъ даже подкупленнымъ. Прочитывая все это, Миклаковъ только поеживался и посмѣивался и говорилъ, что ему все это какъ съ гуся вода, и при этомъ обыкновенно почти всѣмъ спѣшилъ пояснить, что онъ спокойнѣйшій и счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, такъ какъ съ голоду умереть не можетъ, ибо выслужилъ уже пенсію, женской измѣны не боится, потому что никогда и не вѣрилъ женской вѣрности, и наконецъ крайне доволенъ своимъ служебнымъ занятіемъ, въ силу того, что оно все состоитъ изъ цифръ, а цифры, по его словамъ, суть самыя честныя вещи въ мірѣ и никогда не лгутъ! Говоря такимъ образомъ, Миклаковъ въ душѣ врядъ ли то же самое чувствовалъ, потому что день ото дня становился какъ-то все больше худъ и желтъ и почти каждый вечеръ напивался до одурѣнія; видимо, что онъ сгоралъ на какомъ-то внутреннемъ и безпрестанно мучившемъ его огнѣ!

Князь познакомился съ Миклаковымъ у Елены, съ которою тотъ былъ давно знакомъ и даже друженъ. Съ перваго же

свиданія онъ понравился князю своими насмѣшливыми сужденіями; и потомъ это вниманіе князя къ Миклакову усилилось еще оттого, что Елена разъ призналась ему, что она ничего не скрываетъ отъ Миклакова.

— И даже любви нашей?—замѣтилъ ей князь.

— И любви нашей не скрываю!—отвѣчала Елена.

— Что̀ жъ онъ говоритъ по этому поводу?—спросилъ князь, немного потупляясь, но съ замѣтнымъ любопытствомъ.

— Онъ говоритъ весьма неутѣшительныя вещи для меня.

— А именно?

— Ну нѣтъ, я никогда тебѣ этого не скажу!—воскликнула Елена.

Миклаковъ, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ ей весьма неутѣшительныя вещи.

— Какъ хотите,—разсуждалъ онъ съ удареніемъ:—а князь все-таки человѣкъ женатый!

— Что̀ жъ, мнѣ изъ-за этого и душить въ себѣ чувство было?—спрашивала его Елена.

— Ахъ, Боже мой, душить чувство,—воскликнулъ Миклаковъ.—Никогда чувство вдругъ не приходитъ, а всегда оно есть результатъ накопленныхъ, одного и того же рода, впечатлѣній; сто̀итъ только не позволять на первыхъ порахъ повторяться этимъ впечатлѣніямъ—и чувства не будетъ!

— Но зачѣмъ же бы я стала это дѣлать,—позвольте васъ спросить?—говорила Елена.

— Да хоть бы затѣмъ, что теперешнее, напримѣръ, ваше положеніе очень скверное!—возражалъ ей Миклаковъ.

— Но чѣмъ же?—спрашивала Елена, сама при этомъ немного краснѣя.

— А тѣмъ, что вы сами очень хорошо знаете — чѣмъ, но только изъ принциповъ вашихъ хотите показать, что вамъ ничего это не значитъ.

— Мои принципы—это вся я!—говорила Елена.

— Нѣтъ, не всѣ, далеко не всѣ!—возражалъ ей съ усмѣшкой Миклаковъ.

Елена начала на него немножко сердиться.

— Вы странный человѣкъ, вы какъ будто съ какимъ-то наслажденіемъ мнѣ злопророчествуете!

— Да и добропророчествовать тутъ нечего!

— Что̀ жъ, вы такъ-таки князя за совершенно дрянного человѣка и считаете?

— Нисколько! Но я вижу только, что онъ одной ужъ женщинѣ измѣнилъ.

— Кому это?

— Женѣ своей.

Елена захохотала.

— Я надѣюсь, что въ его чувствѣ ко мнѣ и къ женѣ есть маленькая разница!

— Не знаю-съ!.. Мы его чувства къ женѣ оба съ вами не видали.

— Но какое же его чувство ко мнѣ, какъ вы находите, серьезное или пустое?—спрашивала Елена настойчиво, но съ замѣтнымъ трепетомъ въ голосѣ.

— Серьезныхъ и пустыхъ чувствъ я не знаю, — отвѣчалъ ей Миклаковъ: — а знаю страстныя и не страстныя, и его чувство къ вамъ пока еще очень страстное!

— Подите вы! Вы говорите только съ одной какой-то животной стороны.

— Да вѣдь по-нашему съ вами человѣкъ только животное и есть,—говорилъ Миклаковъ, устремляя на Елену смѣющіеся глаза.

— Что̀ жъ изъ этого?.. Но онъ все-таки можетъ любить въ другомъ: умъ, образованіе, характеръ,—перечисляла Елена.

— Все можетъ, жаль только, что все это не по религіи нашей съ вами!—подсмѣивался Миклаковъ.

— Никакой у васъ нѣтъ религіи и никогда не бывало ея, потому что никогда не было никакихъ убѣжденій!—прикрикнула на него Елена.

— Совершенно вѣрно-съ. Кромѣ того твердаго убѣжденія, что весь міръ и всѣ его убѣжденія суть не что̀ иное, какъ громаднѣйшая пошлость, никогда никакого другого не имѣлъ!—подхватилъ Миклаковъ.

— Ну, подите вы!—повторила еще разъ Елена, видя, что Миклаковъ уже шутилъ. А онъ, въ свою очередь, при этомъ вставалъ, цѣловалъ ея руку и уходилъ домой, очень довольный, что разсердилъ барышню.

— Кто же однако еще у тебя будетъ?—продолжалъ князь разговаривать съ женой о предстоящемъ вечерѣ.

— Будетъ еще madame Петицкая, которая представитъ намъ молодого танцора, monsieur Архангелова! — отвѣчала княгиня.

— Madame Петицкая представитъ monsieur Архангелова—недурно!—произнесъ князь насмѣшливымъ голосомъ.

M-me Петицкой тоже предстоитъ нѣкоторая роль въ моемъ разсказѣ, а потому я и объ ней долженъ буду сказать нѣсколько словъ. Дама эта, подобно Миклакову, тоже немало изливала желчи и злобы на Божій міръ, только въ болѣе мяг-

кой формѣ и съ нѣсколько иными цѣлями и побужденіями. Она познакомилась съ княгиней всего только съ мѣсяцъ назадъ и, какъ кажется, была мастерица устраивать себѣ знакомства съ лицами знатными и богатыми. Высмотрѣвъ на гуляньи въ саду княгиню и узнавъ съ достовѣрностью, кто она такая, г-жа Петицкая разъ, когда княгиня сидѣла одна на террасѣ, подошла къ рѣшеткѣ ихъ садика. Одѣта г-жа Петицкая была въ черное траурное платье, траурную шляпку и, придавъ самый скромный и даже нѣсколько горестный видъ своему моложавому лицу (г-жѣ Петицкой было, можетъ-быть, лѣтъ тридцать пять), она произнесла тихимъ и ровнымъ голосомъ и совсѣмъ, совсѣмъ потупляя глаза:

— Madame la princesse, pardon, что я васъ безпокою, но не угодно ли вамъ будетъ купить рояль, который остался у меня послѣ покойнаго мужа моего?

Княгиню немножко удивило подобное предложеніе.

— Но сами вы развѣ не играете?—спросила она.

— Я играю и недурно играю, — отвѣчала г-жа Петицкая еще скромнѣе:—но у меня нѣтъ средствъ, чтобы имѣть такой дорогой рояль; мой мужъ былъ великій музыкантъ!

— Ваша фамилія?—спросила ее княгиня.

— Петицкая!—произнесла г-жа Петицкая съ замѣтною гордостью.

— Ахъ, я слыхала игру вашего мужа; онъ дѣйствительно былъ превосходный музыкантъ.

— Превосходный!—повторила и г-жа Петицкая, приближая носовой платокъ къ глазамъ.

— Я непремѣнно зайду къ вамъ посмотрѣть вашъ рояль и купить его, хоть затѣмъ, чтобы имѣть его въ память вашего супруга.

— О, merci! недаромъ мое сердце влекло меня къ вамъ,— воскликнула негромко г-жа Петицкая.

Раскланявшись съ княгиней, она удалилась. Та на другой же день зашла къ ней на дачу посмотрѣть рояль, который ей очень понравился, и она его сейчасъ купила.

Когда нанятые для переноски рояля мужики подняли его и понесли, г-жа Петицкая удалилась нѣсколько въ сторону и заплакала.

Княгинѣ сдѣлалось безконечно жаль ея.

— А у васъ никакого рояля и не останется? — спросила она ее.

— Нѣтъ! — отвѣчала г-жа Петицкая почти трагическимъ голосомъ.

— Ну, я какъ-нибудь это поправлю! — проговорила кня-

гиня и, возвратившись домой, пересказала мужу, что она купила отличный рояль у одной дамы. — И вообрази, у этой бѣдной женщины не осталось теперь никакого инструмента, тогда какъ она сама очень хорошая музыкантша! — присовокупила она къ этому.

Г-жа Петицкая, кажется, не безъ умысла взяла въ присутствіи княгини нѣсколько довольно бойкихъ аккордовъ.

— Да, жаль! — произнесъ довольно равнодушно князь.

— И я, знаешь, что̀ хочу сдѣлать,—продолжала княгиня:— подарить ей мой рояль... не продавать же намъ его?

— Конечно, подари! — согласился князь.

Княгиня очень была довольна такимъ позволеніемъ и даже поцѣловала за него мужа.

Когда г-жѣ Петицкой принесли отъ княгини въ подарокъ рояль, то она удивилась и даже немножко обидѣлась; но княгиня прислала ей при этомъ такое любезное и доброе письмо, что она не въ состояніи была отказаться принять подарокъ отъ нея, и съ тѣхъ поръ почти дружба связала обѣихъ этихъ дамъ. Главное, г-жа Петицкая, несмотря на свой скромный и печальный видъ, ужасно смѣшила княгиню, разсказывая ей разныя разности про останкинскихъ господъ и госпожъ. О, она казалась княгинѣ очень умною и ужасною насмѣшницей!

Кромѣ этихъ забавныхъ разсказовъ, г-жа Петицкая не чужда была, повидимому, заглянуть и подальше, поглубже въ сердце княгини.

— Этотъ баронъ какой, должно-быть, хорошій и честный человѣкъ! — говорила она.

— Да, онъ хорошій человѣкъ!—отвѣчала княгиня, но, какъ показалось г-жѣ Петицкой, совершенно равнодушно.

— И красивый какой собой! — продолжала она.

— Ну нѣтъ, какой же красивый?—возразила княгиня очень искреннимъ голосомъ, такъ что г-жу Петицкую удивила даже этимъ.

— Но однако извините вы меня: онъ лучше вашего мужа, хоть и тотъ тоже красивъ!

— Нѣтъ, мужъ лучше!—произнесла княгиня, опять совершенно искренно.

Г-жа Петицкая понять не могла, что̀ такое значили подобные отвѣты. По слухамъ останкинскимъ, она твердо была увѣрена, что говоритъ княгинѣ самыя пріятныя вещи, а тутъ вдругъ встрѣчаетъ такое равнодушіе въ ней; а потому спустя нѣкоторое время она рѣшилась попробовать княгиню съ другой стороны, хоть болѣе, можетъ-быть, непріятной для нея, но все-таки, конечно, интересующей ее.

— Я какъ-то разъ гуляла, — начала она, по обыкновенію, своимъ ровнымъ и кроткимъ голосомъ: — и вдругъ на дачѣ у Жиглинскихъ вижу вашего мужа! Никакъ не ожидала, что онъ съ ними знакомъ!

Княгиня при этомъ невольно покраснѣла.

— А вы развѣ знакомы съ Жиглинскими? — спросила она стремительно.

— Да, то-есть мужъ мой собственно зналъ ихъ хорошо, даже очень хорошо! — повторила г-жа Петицкая съ какой-то странной усмѣшкою. — Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ въ молодости проигралъ у нихъ въ домѣ три тысячи рублей, и не то что, знаете, проигралъ, а просто былъ очень пьянъ, и у него ихъ вытащили изъ кармана и сказали потомъ, что онъ ихъ проигралъ!

Княгиня на это молчала. Она отовсюду наконецъ слышала, что Жиглинскіе были ужасно дрянные люди, и она понять одного только не могла, какимъ образомъ князь могъ сблизиться съ ними?

Г-жа Петицкая, въ свою очередь, тоже еще не уяснила себѣ хорошенько, какое впечатлѣніе она произвела на княгиню всѣми этими разсказами, и потому рѣшилась продолжать ихъ.

— Эта дочь госпожи Жиглинской,—начала она съ нѣкоторымъ одушевленіемъ и не столько ровнымъ и монотоннымъ голосомъ: — говорятъ, чистѣйшая нигилистка!

Княгиня при этомъ сдѣлала маленькую гримасу.

— Про нее, между прочимъ, разсказываютъ, — продолжала г-жа Петицкая:—и это не то что выдумка, а настоящее происшествіе было: разъ она идетъ и встрѣчаетъ знакомаго ей студента съ узелкомъ, и этакая-то хорошенькая, прелестная собой, спрашиваетъ его: «Куда вы идете?»—«Въ баню!» — говоритъ. — «Ну такъ, говоритъ, и я съ вами!» Пошла съ нимъ въ номеръ и вымылась, и не то что между ними что-нибудь дурное произошло — ничего!.. такъ только, чтобы показать, что стыдиться мужчинъ не слѣдуетъ.

— Не можетъ быть! — воскликнула княгиня.

— Говорятъ, что было! — подтвердила г-жа Петицкая самымъ невиннымъ голосомъ, хотя очень хорошо знала, что никто ей ничего подобнаго не говорилъ, и что все это она сама выдумала, и выдумала даже въ настоящую только минуту.

Въ самый день именинъ княгиня, одѣтая въ нарядное бѣлое платье, отправилась въ коляскѣ въ католическую церковь для выслушанія обѣдни и проповѣди. Баронъ, во фракѣ и

бѣломъ галстукѣ, тоже поѣхалъ вмѣстѣ съ ней. Князь видѣлъ это изъ окна своего кабинета и только грустно усмѣхнулся. По случаю приглашенія, которое онъ наканунѣ сдѣлалъ Еленѣ, чтобы она пришла къ нимъ на вечеръ, у него опять съ ней вышелъ маленькій споръ.

— Нѣтъ, не приду! — сказала-было на первыхъ порахъ Елена.

— Отчего же?—спросилъ князь, видимо, очень огорченный этимъ отказомъ.

— Ахъ, какой ты странный человѣкъ, у меня платья не сходятся; я корсета не могу стянуть потуже,—возразила ему та.

— Да ты и не стягивай, надѣнь сверху какую-нибудь мантилью.

Елена все еще отрицательно качала головой.

— Пожалуйста, приходи! — повторилъ еще разъ князь, и голосъ его былъ до того упрашивающій, что Еленѣ почти сдѣлалось жаль его.

— Ну, хорошо, приду! — сказала она ему.

Князь, упрашивая такъ настойчиво Елену прійти къ нимъ, кромѣ желанія видѣть ее, имѣлъ еще дѣтскую надежду, что такимъ образомъ Елена попривыкнетъ у нихъ бывать, и княгиня тоже попривыкнетъ видѣть ее у себя, и это, какъ онъ ожидалъ, посгладитъ нѣсколько существующій между ними антагонизмъ.

Часа въ два княгиня возвратилась съ барономъ изъ церкви. M-me Петицкая уже дожидалась ея на террасѣ и поднесла именинницѣ въ подарокъ огромный букетъ цвѣтовъ, за который княгиня расцѣловала ее съ чувствомъ. Вскорѣ затѣмъ пришелъ и князь; онъ тоже подарилъ женѣ какую-то брошку, которую она приняла отъ него потупившись и тихо проговорила: «merci!».

Слѣдовавшій потомъ обѣдъ прошелъ какъ-то странно. Баронъ, Петицкая и княгиня, хоть не совсѣмъ, можетъ-быть, искренно, но старались между собой разговаривать весело; князь же ни слова почти не произнесъ, и послѣ обѣда, когда баронъ принялся шаловливо развѣшивать по деревьямъ цвѣтные фонари, чтобы освѣтить ими ночью садъ, а княгиня вмѣстѣ съ г-жой Петицкой принялась тоже шаловливо помогать ему, онъ ушелъ въ свой флигель, сѣлъ тамъ въ кресло и въ глубокой задумчивости просидѣлъ на немъ до тѣхъ поръ, пока не вошелъ къ нему прибывшій на вечеръ Миклаковъ.

— Пѣшкомъ, вѣроятно? — спросилъ князь пріятеля, видя, что тотъ утираетъ катящійся со лба крупными каплями потъ.

— Отъ инфантеріи-съ, отъ инфантеріи!—отвѣчалъ ему тотъ.

Миклаковъ обыкновенно всюду ходилъ пѣшкомъ и говорилъ, что у него ноги, послѣ мозга, самая выгодная часть тѣла, потому что онѣ вполнѣ замѣняютъ ему лошадь.

— А Елена Николаевна будетъ у васъ? — спросилъ Миклаковъ.

— Будетъ!—отвѣчалъ князь.

— То-то, а если нѣтъ, такъ я до балу вашего хотѣлъ сходить къ ней.

— Нѣтъ, она къ намъ придетъ!

— И что̀ же княгиня, не пофыркиваетъ на нее?

— Нисколько!

— Чортъ знаетъ что̀ такое!—произнесъ Миклаковъ и пожалъ только плечами.

Князь молчалъ.

Черезъ полчаса изъ большого флигеля пришелъ лакей и доложилъ князю, что гости начали съѣзжаться. Миклаковъ и князь пошли туда; въ залѣ они увидѣли Елпидифора Мартыныча, расхаживающаго въ черномъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ и съ совершенно новенькимъ владимирскимъ крестомъ на шеѣ. Князю Елпидифоръ Мартынычъ поклонился почтительно, но молча: онъ все еще до сихъ поръ считалъ себя сильно имъ обиженнымъ; а князь, въ свою очередь, почти не обратилъ на него вниманія и повелъ къ женѣ въ гостиную Миклакова, котораго княгиня приняла очень радушно, хоть и считала его нѣсколько за юродиваго и помѣшаннаго. Тамъ же сидѣла и Анна Юрьевна. Князь помѣстился-было около нея съ цѣлью поболтать и пошутить съ кузиной, но на этотъ разъ какъ-то ему не удавалось это, да и Анна Юрьевна была какая-то разстроенная. Она на-дняхъ только узнала, что юный музыкальный талантъ ея измѣняетъ ей на каждомъ шагу, а потому вознамѣрилась прогнать его. Вскорѣ затѣмъ прибыла m-me Петицкая съ г. Архангеловымъ, который оказался очень еще молодымъ человѣкомъ и—странно!—своимъ цвѣтущимъ лицомъ и завитыми, длинными русыми волосами напоминалъ собой нѣсколько тѣхъ архангеловъ, которыхъ обыкновенно плохіе живописцы рисуютъ на боковыхъ иконостасныхъ дверяхъ. Тѣло свое молодой человѣкъ держалъ черезчуръ ужъ прямо, стараясь при этомъ неимовѣрнѣйшимъ образомъ выпячивать грудь свою впередъ, и, кажется, больше всего на свѣтѣ боялся замарать свои бѣлыя перчатки. Г-жа Петицкая смотрѣла и слѣдила за нимъ боязливо и нѣжно, какъ бы питая къ нему въ одно и то же время чувство матери и чувство болѣе нѣжное и болѣе страстное. Она не преминула сейчасъ же представить его князю, но тотъ и m-r Архангелову, такъ же, какъ

и Елпидифору Мартынычу, не сказалъ ни слова и только молча поклонился ему. Наконецъ явилась и Елена, по обыкновенію, съ шикомъ одѣтая, но—увы!—полнота ея таліи была явно замѣтна, и это, какъ кажется, очень сильно поразило княгиню, такъ что она при видѣ Елены совладѣть съ собой не могла и вся вспыхнула, а потомъ торопливо начала хлопотать, чтобы устроить поскорѣе танцы, въ которыхъ и раздѣлились такимъ образомъ: княгиня стала въ парѣ съ барономъ, князь съ Еленой, г-жа Петицкая со своимъ Архангеловымъ, а Анна Юрьевна съ Миклаковымъ. Княгиня въ продолженіе всей кадрили не отнеслась къ Еленѣ ни съ однимъ словомъ, ни съ однимъ звукомъ, и почти отворачивалась, проходя мимо нея въ шенѣ. Елена дѣлала видъ, что рѣшительно не замѣчала этого, и держала себя съ большимъ достоинствомъ. Княгиня въ то же время почти неприличнымъ образомъ любезничала съ барономъ. Она уставляла на него по нѣскольку времени свои голубые глаза, не отнимала своей руки изъ его руки, хотя уже и не танцовала болѣе. Князь, въ свою очередь, все это видѣлъ и кусалъ себѣ губы, а когда кончились танцы, онъ тотчасъ ушелъ въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ, отворилъ тамъ окно и сѣлъ около него. Прочіе гости тоже всѣ ушли въ садъ гулять, и въ залѣ остался только Елпидифоръ Мартынычъ, который, впрочемъ, нашелъ чѣмъ себя занять: онъ подошелъ къ офиціанту, стоявшему за буфетомъ, и сталъ съ нимъ о томъ, о семъ толковать, а самъ въ это время таскалъ съ вазъ фрукты и конфеты и клалъ ихъ въ шляпу свою. Онъ со всякаго обѣда или бала, куда только пускали его, привозилъ обыкновенно такимъ образомъ пріобрѣтенные гостинцы домой и въ настоящее время отдавалъ ихъ маленькой дѣвочкѣ кухарки, своей собственной побочной дочери.

Въ саду между тѣмъ, по распоряженію барона, засвѣтили цвѣтные фонари, и всѣ кустики и деревца приняли какой-то фантастическій видъ; посреди ихъ гуляли какъ бы тоже фантастическія фигуры людей. На скамейку, расположенную у того окна, у котораго сидѣлъ князь, пришли и сѣли Миклаковъ и Елена. Князя они совершенно не могли видѣть.

— Вы говорите, что замѣтно? — спросила Елена.

— Совершенно замѣтно! — отвѣчалъ, невесело усмѣхаясь, Миклаковъ.

— Ну, что̀ жъ, ничего!.. Пусть себѣ!—сказала Елена.

— Вовсе не ничего! Ну къ чему такая неискренность!..— возразилъ ей Миклаковъ уже серьезно:—ваше положеніе скверное и непріятное, а будетъ еще сквернѣе и непріятнѣе.

— Но что̀ же дѣлать, какъ помочь тому?—спрашивала Елена.

— Что̀ дѣлать?—повторилъ Миклаковъ въ раздумьѣ:—поѣзжайте лучше за границу и назовитесь тамъ дамой, что ли!

— Но нельзя же каждый разъ ѣздить для этого за границу.

— А вы думаете повторять такое ваше положеніе?—спросилъ насмѣшливо Миклаковъ.

— Очень можетъ случиться,—отвѣчала Елена спокойно:—а потому, теперь ли, тогда ли вытерпѣть подобное положеніе—все равно!

— И то правда! — подхватилъ Миклаковъ и вздохнулъ.

У князя кровью сердце обливалось, слушая этотъ разговоръ: внутреннее сознаніе говорило въ немъ, что Миклаковъ былъ правъ, и вздохъ того былъ глубоко имъ понятъ!

Миклаковъ и Елена, впрочемъ, вскорѣ ушли съ этой лавочки, и зато вмѣсто нихъ заняла ее другая пара, г-жа Петицкая съ ея Архангеловымъ.

— Какъ вамъ нравятся разныя романическія сцены, которыя тутъ разыгрываются? — говорила она кавалеру своему кроткимъ и незлобивымъ голосомъ.

— Какія-съ? — произнесъ тотъ какъ-то торопливо и почти въ лакейскомъ тонѣ.

— Тутъ ужасныя драмы происходятъ, — повторила г-жа Петицкая:—эта брюнетка—дѣвица: она любовница князя!

— Что̀ же, она давно его любовница?—спросилъ ее, чортъ знаетъ къ чему, молодой человѣкъ.

— Не знаю, — отвѣтила съ небольшою досадой г-жа Петицкая: — я знаю только одно, — продолжала она какимъ-то шипящимъ голосомъ: — что она развратнѣйшее существо въ мірѣ!

На это молодой человѣкъ ничего не сказалъ, боясь, можетъ-быть, опять какъ-нибудь провраться.

— А вотъ этотъ высокій мужчина—баронъ: вы видѣли его?

— Видѣлъ-съ!—отрѣзалъ молодой человѣкъ.

— Онъ ухаживаетъ за княгиней и, кажется, ужъ счастливый ея поклонникъ!—продолжала г-жа Петицкая.

— Ахъ, да, да! такъ, такъ! Это я видѣлъ и замѣтилъ!—подхватилъ какъ-то необыкновенно радостно молодой человѣкъ.

То, что баронъ куртизанилъ съ княгиней и она съ нимъ—это даже г. Архангеловъ замѣтилъ, до такой степени это было ярко и видно!

Далѣе князь не въ состояніи былъ выслушивать ихъ разговора; онъ порывисто всталъ и снова вернулся въ залу, подошелъ къ буфету, налилъ себѣ стаканъ сельтерской воды и залпомъ его выпилъ. Елпидифоръ Мартынычъ, все еще продолжавшій стоять около вазъ съ конфетами, только искоса

посмотрѣлъ на него. Вскорѣ послѣ того въ залу возвратилась княгиня въ сопровожденіи всѣхъ своихъ гостей.

— Мы сейчасъ идемъ фейерверкъ смотрѣть!—отнеслась она къ мужу.

— Идите!—отвѣчалъ ей почти грубо князь и затѣмъ, обратившись къ Еленѣ, подалъ ей руку.

— Пойдемте, Елена Николаевна; вы, я знаю, въ темнотѣ не умѣете ходить однѣ!—сказалъ онъ ей ласковымъ голосомъ.

Всѣ отправились къ пруду, на которомъ былъ устроенъ фейерверкъ, и усѣлись на приготовленные тамъ заранѣе стулья. Князь непремѣнно полагалъ, что баронъ находится въ группѣ людей, стоящихъ около фейерверка, такъ какъ фейерверкъ этотъ баронъ самъ затѣялъ и самъ его устраивалъ; но, къ великому своему удивленію, когда одно изъ самыхъ свѣтлыхъ колесъ фейерверка было зажжено, князь усмотрѣлъ барона вовсе не на пруду, а сидящимъ вдвоемъ съ княгиней вдали отъ всѣхъ и находящимся съ ней въ замѣтно-пріятныхъ и задушевныхъ разговорахъ. Князю показалось это наконецъ гадко.

— Не хотите ли вы отсюда прямо итти домой?—спросилъ онъ Елену.

— Ахъ, очень бы желала,—отвѣчала ему та.

Ей, въ самомъ дѣлѣ, тяжело было оставаться на людяхъ.

— Ну такъ что̀ же, пойдемте! Я васъ провожу и даже останусь у васъ!—сказалъ князь.

— А развѣ вы не будете ужинать съ вашими гостями?

— Чортъ съ ними; надоѣли они мнѣ всѣ!—отвѣчалъ князь съ презрѣніемъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте! — проговорила Елена довольнымъ голосомъ; она нисколько даже не подозрѣвала о волновавшихъ князя чувствованіяхъ, такъ какъ онъ послѣднее время очень спокойно и съ нѣкоторымъ какъ бы удовольствіемъ разсказывалъ ей, что баронъ ухаживаетъ за княгиней. и что между ними сильная дружба затѣвается.

XII.

Миклаковъ издавна обиталъ на Тверской въ весьма небогатыхъ номерахъ. Онъ до сихъ поръ еще жилъ, какъ жилъ нѣкогда студентомъ, и только нанималъ комнату нѣсколько побольше, чѣмъ прежде, и то не ради какихъ-нибудь личныхъ удобствъ, а потому, что съ теченіемъ времени у него очень много накопилось книгъ, которыя и надобно было гдѣ-нибудь разставить; прочая же обстановка его была совершенно преж-

няя: та же студенческая желѣзная кровать, тотъ же письменный столъ, весь перепачканный чернильными пятнами и изрѣзанный перочиннымъ ножомъ; то же вольтеровское кресло для сидѣнія самого хозяина и нѣсколько полусломанныхъ стульевъ для гостей. Миклаковъ самъ говорилъ, что всякъ, кто у него побываетъ, не воспылаетъ потомъ желаніемъ бывать у него часто; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, кажется, любилъ, когда кто заходилъ къ нему, и врядъ ли даже помѣщеніе свое держалъ въ такомъ грязномъ видѣ не съ умысломъ, что вотъ-де скверно у меня, а все-таки хорошіе люди дѣлаютъ мнѣ посѣщенія. Курилъ Миклаковъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и курилъ Жукова табакъ, Богъ ужъ знаетъ, гдѣ и доставая его. Комплектъ платья у него былъ такъ же неполонъ, какъ и во дни оны: халатъ его былъ, напримѣръ, такого свойства, что Миклаковъ старался лучше не надѣвать его, когда это было возможно, а такъ какъ лѣтомъ эта возможность, по случаю теплой погоды, была почти постоянная, то Миклаковъ обыкновенно все лѣто и ходилъ въ одномъ бѣльѣ. Разъ, въ очень жаркое утро, онъ именно въ такомъ костюмѣ лежалъ на своей кровати и читалъ. Вдругъ по коридору раздались довольно тяжелые шаги: Миклаковъ навострилъ немного уши; дверь въ его номеръ отворилась, и вошелъ князь Григоровъ.

— А, ваше сіятельство!—воскликнулъ Миклаковъ, впрочемъ, не поднимаясь съ постели и только откладывая въ сторону читаемую имъ книгу:—какими судьбами вы занесены изъ вашихъ прохладъ въ нашу знойную Палестину?

— Да вотъ, видите, къ вамъ пріѣхалъ!..—отвѣчалъ князь.

Выраженіе лица его было мрачное и насмурное. Положивъ шляпу, онъ поспѣшилъ усѣсться на одинъ изъ стоявшихъ передъ письменнымъ столомъ стульевъ.

— Вижу, вижу-съ и благодарю! — сказалъ Миклаковъ, поворачиваясь къ князю лицомъ, но все-таки не вставая съ постели.

— Да вставайте же, полно вамъ валяться!.. Сядьте тутъ къ столу!—воскликнулъ тотъ наконецъ.

— Немножко совѣстно!—произнесъ Миклаковъ:—впрочемъ, ничего!—прибавилъ онъ и затѣмъ съ полнѣйшею безцеремонностью всталъ въ своемъ грязномъ бѣльѣ и сѣлъ противъ князя.

Тотъ, съ своей стороны, ничего этого и не замѣтилъ, потому что весь былъ занятъ своими собственными мыслями.

— Ну-съ, что же вы скажете мнѣ хорошенькаго?—началъ Миклаковъ.

— Что̀ хорошенькаго?.. Все какъ-то скверно у меня идетъ,— отвѣчалъ князь съ разстановкой.

Миклаковъ сжалъ на это губы.

— Скверно для васъ идетъ,—повторилъ онъ:—человѣкъ, у котораго больше восьмидесяти тысячъ годового дохода, говоритъ, что скверно у него идетъ—странно это нѣсколько!

— Не въ однѣхъ деньгахъ счастье,—возразилъ князь.

— А по-моему, въ однѣхъ деньгахъ и есть, да, пожалуй, еще въ физическомъ здоровьѣ,—подхватилъ Миклаковъ.

— Нѣтъ-съ, для человѣка нужно еще нѣчто третье!

— А именно?

— А именно правильность и опредѣленность его отношеній къ другимъ людямъ.

Миклаковъ опять сжалъ губы.

— Я что-то мало васъ понимаю,—произнесъ онъ.

— Очень просто это,—отвѣчалъ князь:—отношенія мои къ женѣ теперь до того извратились, исказились, осложнились...

Князь еще и прежде говорилъ съ Миклаковымъ совершенно откровенно о своей любви къ Еленѣ и о нѣкоторыхъ по этому поводу семейныхъ непріятностяхъ, и тотъ при этомъ обыкновенно ни однимъ звукомъ не выражалъ никакого своего мнѣнія, но въ настоящій разъ не удержался.

— Мнѣ кажется, что вамъ должно быть очень совѣстно противъ вашей жены,—проговорилъ онъ.

— Болѣе, чѣмъ совѣстно!.. Я мучусь и страдаю отъ этого каждоминутно!—сказалъ князь.

— Такъ и должно быть-съ! Такъ и слѣдуетъ!—подхватилъ Миклаковъ.

— Но какъ же однако помочь тому?—спросилъ князь.

Миклаковъ пожалъ на это плечами.

— Разойтись намъ, я полагаю, необходимо и для спокойствія княгини и для спокойствія моего! — присовокупилъ князь.

— Для вашего-то—можетъ-быть, что такъ, но никакъ уже не для спокойствія княгини!—возразилъ Миклаковъ. — У насъ до сихъ поръ еще чортъ знаетъ какъ смотрятъ на разводокъ, будь она тамъ права или нѣтъ; и потомъ, сколько мнѣ кажется, княгиня васъ любитъ до сихъ поръ!

— Ну!—сказалъ на это съ удареніемъ князь.

— Что̀—ну?

— То, что этого нѣтъ теперь.

— А почему вы такъ думаете?

— Потому, что она полюбила ужъ другого,—отвѣчалъ князь, покраснѣвъ немного въ лицѣ.

— Это барона Мингера, что ли?—спросилъ Миклаковъ.

— Да!—отвѣчалъ князь, окончательно краснѣя.

— Нѣтъ, это вздоръ! она не любитъ барона! — сказалъ Миклаковъ, отрицательно покачавъ головой.

— Какъ вздоръ! На какомъ же основаніи вы такъ утвердительно говорите?—возразилъ ему князь.

— А на томъ, что когда женщина любитъ, такъ не станетъ до такой степени открыто кокетничать съ мужчиной.

— Нѣтъ, она любитъ его!—повторилъ князь еще разъ настойчиво. Подслушавъ разговоръ Петицкой съ Архангеловымъ, онъ нисколько не сомнѣвался, что княгиня находится въ самыхъ близкихъ даже отношеніяхъ къ барону.

— Ваше это дѣло!.. Вамъ лучше это знать! — сказалъ Миклаковъ.

— Непріятнѣе всего тутъ то, — продолжалъ князь: — что баронъ хоть и другъ мнѣ, но онъ дрянь человѣчишка; не стоитъ любви не только что княгини, но и никакой порядочной женщины, и это ставитъ меня рѣшительно втупикъ... Долженъ ли я сказать о томъ княгинѣ или нѣтъ?—заключилъ онъ, разводя руками и какъ бы спрашивая.

— Всѣ мужья на свѣтѣ, я думаю, точно такъ же отзываются о своихъ соперникахъ! — проговорилъ какъ бы больше самъ съ собою Миклаковъ.—А что, скажите, княгиня когда-нибудь говорила вамъ что-нибудь подобное объ Еленѣ? — спросилъ онъ князя.

— Почти нѣтъ!

— Такъ почему же вы считаете себя въ правѣ говорить ей такимъ образомъ о баронѣ?

— Потому, что я опытнѣй ея въ жизни и лучше знаю людей.

— Не думаю! Женщины обыкновенно лучше и тоньше понимаютъ людей, чѣмъ мужчины: княгиня предоставила вамъ свободу выбора, предоставьте и вы ей таковую же!

— А я не могу этого сдѣлать!—почти воскликнулъ князь.— Полюби она кого-нибудь другого, я увѣренъ, что спокойнѣй бы это перенесъ: но тутъ, при одной мысли, что она любитъ этого негодяя, у меня вся кровь бросается въ голову; при каждомъ ея взглядѣ на этого господина, при каждой ихъ прогулкѣ вдвоемъ, мнѣ представляется, что цѣлый міръ плюетъ мнѣ за то въ лицо!.. Какого рода это чувство — я не знаю; можетъ-быть, это ревность, и согласенъ, что ревность—чувство весьма грубое, азіатское, средневѣковое, но, какъ бы то ни было, оно охватываетъ иногда все существо мое.

— Ревность дѣйствительно чувство весьма грубое,—началъ

на это разсуждать Миклаковъ:—но оно еще понятно и почти законно, когда вытекаетъ изъ возбужденной страсти; но вы-то ревнуете не потому, что сами любите княгиню, а потому только, что она имѣетъ великую честь и счастіе быть вашей супругой и въ силу этого никогда не должна смѣть опорочить честь вашей фамиліи и замарать чистоту вашего герба, — вотъ это-то чувство, по-моему, совершенно фиктивное и придуманное.

— Вовсе не фиктивное!—возразилъ князь:—потому что тутъ оскорбляется мое самолюбіе, а самолюбіе такое же естественное чувство, какъ голодъ, жажда!

— Положимъ, что самолюбіе чувство естественное, — продолжалъ разсуждать Миклаковъ:—но тутъ любопытно прослѣдить, чѣмъ собственно оно оскорбляется? Что вотъ-де женщина, любившая насъ, осмѣлилась полюбить другого, то-есть нашла въ мірѣ человѣка, равнаго намъ по достоинству.

— Нѣтъ, баронъ хуже меня,—это я могу смѣло сказать!—возразилъ князь.

— Нѣтъ, онъ лучше теперь васъ въ глазахъ княгини уже тѣмъ, что любитъ ее, а вы нѣтъ!.. Наконецъ, что̀ это за право считать себя лучше кого бы то ни было? Докажите это первоначально.

— Какъ же это доказать!

— А такъ,—прославьтесь на какомъ-нибудь поприщѣ: ученомъ, что ли, служебномъ, литературномъ, что̀ и я, грѣшный, хотѣлъ сдѣлать послѣ своей несчастной любви, но чего, конечно, не сдѣлалъ: пусть княгиня, слыша о вашей славѣ, мучится, страдаетъ, что такого человѣка она разлюбила и не сумѣла сберечь его для себя: это месть еще человѣческая; но вѣдь ваша братія мужья обыкновенно въ этихъ случаяхъ вызываютъ своихъ соперниковъ на дуэль, чтобы убить ихъ, то-есть какъ-то физически стараются ихъ уничтожить!

— Никого я не хочу ни уничтожать ни убивать и заявляю вамъ только тотъ фактъ, что положенія рогатаго мужа я не могу переносить спокойно, а какъ и чѣмъ мнѣ бороться съ этимъ—не знаю!

— Да ничѣмъ, я думаю, кромѣ нѣкоторой разсудительности!

— А если бываютъ минуты, когда во мнѣ нѣтъ никакой разсудительности и я, кромѣ бѣшенства, ничего другого не сознаю?

— Что̀ жъ бѣшенство?.. Велите въ такомъ случаѣ сажать себя на цѣпь!—сказалъ Миклаковъ.

— Хорошо вамъ шутить такъ!—возразилъ князь.

— Нѣтъ, не шучу, увѣряю васъ, — продолжалъ Микла-

ковъ: — что же другое дѣлать съ вами, когда вы сами говорите, что теряете всякую разсудительность?.. Ну, въ такомъ случаѣ, уходите, по крайней мѣрѣ, куда-нибудь поскорѣй изъ дому, выпивайте два-три стакана холодной воды, сдѣлайте большую прогулку!

— Все это такъ-съ!.. Но суть-то тутъ не въ томъ! — воскликнулъ князь какимъ-то грустно-размышляющимъ голосомъ:— а въ томъ, что мы двойственны: намъ и старой дороги жаль и по новой смертельно итти хочется, и это явленіе чисто продуктъ нашего времени и воспитанія.

Миклаковъ на это отрицательно покачалъ головой.

— Всегда, во всѣ времена и при всякомъ воспитаніи это было! — заговорилъ онъ. — Еще въ священномъ писаніи сказано, что въ каждомъ человѣкѣ два Адама: ветхій и новый; только, напримѣръ, въ мужикѣ новый Адамъ тянетъ его въ пустыню на молитву, на акриды, а ветхій зоветъ въ кабакъ; въ насъ же новый Адамъ говоритъ, что надобно голову свою положить за то, чтобы на мѣсто торгаша сталъ работникъ, долой къ чорту всякій капиталъ и всякій внѣшній авторитетъ, а ветхому Адаму все-таки хочется душить своего брата, ѣздить въ каретѣ и поклоняться сильнымъ міра сего.

— Но все-таки нашъ-то Адамъ поплодотворнѣй и повозможнѣе, чѣмъ мужицкій,—замѣтилъ князь.

— Я не знаю-съ! Они хлопочутъ устроить себѣ царство блаженства на небесахъ, а мы съ вами на землѣ, и что возможнѣе въ этомъ случаѣ, я не беру еще на себя рѣшить.

— Ну, вы все ужъ отвергаете, во всемъ сомнѣваетесь!— возразилъ князь, вставая и собираясь уйти.

— Многое отвергаю и во многомъ сомнѣваюсь! — подтвердилъ Миклаковъ, тоже вставая.

— До свиданья!—проговорилъ князь, протягивая ему руку.

— До свиданья! — сказалъ и Миклаковъ, и хоть по выраженію лица его можно было заключить о его желаніи побесѣдовать еще съ княземъ, однако онъ ни однимъ звукомъ не выразилъ того, имѣя своимъ правиломъ никогда никакого гостя своего не упрашивать сидѣть у себя долѣе, чѣмъ самъ тотъ желалъ: весело тебѣ, такъ сиди, а скучно—убирайся къ чорту!.. По самолюбію своему Миклаковъ былъ демонъ!

— Куда же вы путь вашъ теперь направляете?—спросилъ онъ князя.

— Да домой, и прежде всего, по совѣту вашему, попройдусь побольше пѣшкомъ, чтобы успокоить свои нервы,—отвѣчалъ тотъ ему полушутя.

— И непремѣнно успокоите ихъ!—одобрилъ его Миклаковъ.

— Хорошо бы такимъ легкимъ способомъ усмирять себя!— проговорилъ князь и, еще въ комнатѣ надѣвъ шляпу, вышелъ. Пѣшкомъ онъ дѣйствительно дошелъ до самой почти Крестовской заставы и тутъ только уже сѣлъ въ свою коляску и то потому, что у него ноги болѣе не двигались. Въ это самое время мимо князя проѣхалъ на своихъ вяточкахъ Елпидифоръ Мартынычъ и сдѣлалъ видъ, что какъ будто бы совершенно не узналъ его. Старикъ просто не считалъ себя въ правѣ безпокоить его сіятельство своимъ поклономъ, такъ какъ сей послѣдній на вечерѣ у себя не удостоилъ слова сказать съ нимъ, а между тѣмъ Елпидифоръ Мартынычъ даже въ настоящую минуту ѣхалъ собственно по дѣлу князя. Послѣ недавняго своего объясненія съ Елизаветой Петровной, возымѣвъ нѣкоторую надежду въ самомъ дѣлѣ получить съ нея тысячу рублей, если только князь ей дастъ на внука или внучку тридцать тысячъ рублей серебромъ, Елпидифоръ Мартынычъ рѣшился не покидать этой возможности и теперь именно снова ѣхалъ къ Аннѣ Юрьевнѣ, чтобы науськать ту въ этомъ отношеніи. Онъ засталъ ее на этотъ разъ въ комнатахъ и съ очень печальнымъ и недовольнымъ лицомъ: Анна Юрьевна все грустила о своемъ негодяѣ, юномъ музыкальномъ талантѣ. При видѣ ея печали Елпидифоръ Мартынычъ немного было-растерялся, но, впрочемъ, сейчасъ же и собрался съ духомъ.

— А я къ вамъ опять насчетъ князя, — началъ онъ съ полуулыбкой.

— Насчетъ князя?—спросила Анна Юрьевна.

— Да-съ, насчетъ его и госпожи Жиглинской!

— Но онъ даетъ имъ тамъ что-то такое?

— Даетъ-то даетъ-съ! Но старуха Жиглинская не хочетъ этимъ удовольствоваться и желаетъ, чтобы князь еще одновременно далъ имъ тысячъ тридцать, такъ какъ дочь ея теперь постигнута извѣстнымъ положеніемъ.

— Est-il possible? — воскликнула Анна Юрьевна почти испуганнымъ голосомъ.

— Постигнута!—повторилъ еще разъ Елпидифоръ Мартынычъ, поднимая свои брови.

— Какъ это жаль!.. Какъ это жаль! — продолжала Анна Юрьевна тѣмъ же тономъ.

Она сама, бывши на именинномъ вечерѣ у княгини, замѣтила что-то странное въ наружности Елены, и ей тогда еще пришло въ голову, что не въ извѣстномъ ли положеніи бѣдная дѣвушка? Теперь эти подозрѣнія ея, значитъ, оправдались. Главное, Анну Юрьевну безпокоило то, что какъ ей

поступить съ Еленой? Она дѣвушка, а между тѣмъ дѣлается матерью, — это, вѣроятно, распространится по всей Москвѣ, и ей очень трудно будетъ оставить Елену начальницей женскаго учебнаго заведенія; но въ то же время она ни за что не хотѣла отпустить отъ себя Елену, такъ какъ та ей очень нравилась и казалась необыкновенной умницей. «Ничего, какъ-нибудь уговорю, успокою этихъ старикашекъ; они сами всѣ очень развратны!» — подумала про себя Анна Юрьевна. Подъ именемъ старикашекъ она разумѣла высшихъ лицъ, поставленныхъ наблюдать за благочиніемъ и нравственностью. На Елпидифора Мартыныча Анна Юрьевна на этотъ разъ не разсердилась: она начинала уже вѣрить, что онъ въ самомъ дѣлѣ передаетъ ей все это изъ расположенія къ князю и къ Еленѣ.

— Ну такъ вотъ что̀! — начала она послѣ короткаго молчанія: — вы скажите этой старушонкѣ Жиглинской, — она ужасно, должно-быть, дрянная баба,—что когда у дочери ея будетъ ребенокъ, то князь, конечно, его совершенно обезпечитъ.

— Слушаю-съ!—отвѣчалъ покорно Елпидифоръ Мартынычъ.

— И потомъ посовѣтуйте вы ей, — продолжала Анна Юрьевна:—чтобы не болтала она объ этомъ по всѣмъ угламъ, и что это никоимъ образомъ не можетъ сдѣлать чести ни для нея ни для ея дочери!

— Слушаю-съ!—повторилъ еще разъ смиреннымъ голосомъ Елпидифоръ Мартынычъ и сталъ раскланиваться съ Анной Юрьевной.

— А вы отсюда черезъ Останкино поѣдете? — спросила она его.

— Черезъ Останкино, если вы прикажете, — доложилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ.

— Ну такъ вотъ: заѣзжайте, пожалуйста, къ Григоровымъ!.. Скажите имъ, что въ воскресенье въ Петровскомъ паркѣ гулянье и праздникъ въ Нѣмецкомъ клубѣ; я заѣду къ нимъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ туда сидѣть вечеръ и ужинать.

— Слушаю-съ!—сказалъ и на это съ покорностью Елпидифоръ Мартынычъ.—А вы ничего не изволите сказать князю при свиданіи объ этихъ тридцати тысячахъ на младенца, о которыхъ я вамъ докладывалъ?.. — прибавилъ онъ самымъ простодушнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, ничего не изволю сказать и нахожу, что это глупо, гадко и жадно со стороны этой старушонки!—отвѣчала съ досадливой насмѣшкой Анна Юрьевна.

— Конечно, что-съ!.. — согласился опять съ покорностью Елпидифоръ Мартынычъ и отправился въ Останкино.

Здѣсь онъ, подъѣхавъ къ дачѣ Григоровыхъ, прямо наткнулся на самого князя, который выходилъ изъ своего флигеля. Елпидифоръ Мартынычъ счелъ на этотъ разъ нужнымъ хоть нѣсколько офиціально и сухо, но поклониться князю. Тотъ тоже отвѣтилъ ему поклономъ.

— Анна Юрьевна поручила мнѣ передать княгинѣ, что въ воскресенье она заѣдетъ за вами ѣхать вмѣстѣ въ Нѣмецкій клубъ,—проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Хорошо, я передамъ женѣ,—сказалъ князь.

— Мнѣ поэтому можно и не заѣзжать?—спросилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Совершенно можете!—разрѣшилъ ему князь.

Елпидифоръ Мартынычъ на это опять только, какъ бы офиціально, поклонился и направился въ Москву; такой отвѣтъ князя снова его сильно оскорбилъ: «я не лакей же какой-нибудь: передалъ порученіе и ступай назадъ!»—разсуждалъ онъ самъ съ собою всю дорогу.

Князь между тѣмъ прошелъ въ большой флигель. Княгиню онъ засталъ играющею на роялѣ, а барона слушающимъ ее. Онъ передалъ имъ приглашеніе Анны Юрьевны ѣхать въ Нѣмецкій клубъ ужинать.

— Хорошо!—отвѣчала ему на это довольно сухо княгиня.

— Мы поѣдемъ такимъ образомъ,—продолжалъ князь:—ты съ барономъ въ кабріолетѣ, а я съ Еленой въ фаэтонѣ.

— Хорошо, — сказала и на это совершенно равнодушно княгиня.

Князь послѣ того пошелъ къ Жиглинскимъ. Насколько дома ему было нехорошо, неловко, непривѣтливо, настолько у Елены отрадно и успокоительно. Бѣдная дѣвушка въ настоящее время была вся любовь: она только тѣмъ и начинала, что ждала князя. Онъ приходилъ... она сажала его около себя... клала ему голову на плечо... по цѣлымъ часамъ смотрѣла ему въ лицо и держала въ своихъ рукахъ его руку.

Въ воскресенье Анна Юрьевна пріѣхала къ Григоровымъ, по обыкновенію, въ кабріолетѣ и съ грумомъ. Для княгини и барона тоже былъ готовъ кабріолетъ, а для князя фаэтонъ, въ которомъ онъ и заѣхалъ за Еленой, чтобы взять ее съ собой. Когда наконецъ всѣ уже были въ своихъ экипажахъ, то Анна Юрьевна впереди всѣхъ улетѣла на своемъ рысакѣ. За ней поѣхали въ кабріолетѣ княгиня и баронъ, и такъ какъ княгиня сама пожелала править, то они поѣхали довольно тихо. Сзади ихъ тронулся князь съ Еленой, который, какъ ни старался въ продолженіе всей дороги не смотрѣть даже впередъ, но ему, противъ воли его, постоянно бросалось въ глаза то,

что княгиня при каждомъ посильнѣе толчкѣ кабріолета крѣпко прижималась своимъ плечомъ къ плечу барона. Такого рода наблюденія нельзя сказать, чтобы успокоительно подѣйствовали на князя, и въ паркъ онъ пріѣхалъ недовольный и раздраженный.

Въ Нѣмецкомъ клубѣ наше маленькое общество собралось въ одну группу, и сначала, какъ водится, пили чай, потомъ слушали хоръ полковыхъ музыкантовъ, слушали охриплое пѣніе тирольцевъ, гиканье и бѣснованье цыганъ, и все это никому не доставило большого удовольствія. Анна Юрьевна собственно затѣяла ѣхать въ Нѣмецкій клубъ съ единственной цѣлью встрѣтиться тамъ со своимъ юнымъ музыкальнымъ талантомъ, котораго врядъ ли не предполагала простить даже и котораго она въ самомъ дѣлѣ встрѣтила, но въ такомъ сотовариществѣ, что никакое снисхожденіе ея не могло перенести того. Она увидала его входящимъ въ садъ подъ-руку съ весьма молоденькой дѣвицей, но уже пьяной и съ такимъ нахальнымъ видомъ, что о родѣ занятій ея сомнѣваться было нечего. Юный же талантъ, увидавъ Анну Юрьевну, поспѣшилъ вмѣстѣ со своей спутницей стушеваться, а затѣмъ и совсѣмъ исчезъ изъ клуба. Вслѣдствіе всего этого Анна Юрьевна весь остальной вечеръ была злая-презлая.

— Пойдемте ужинать, гадко все тутъ!—сказала она, и всѣ съ удовольствіемъ приняли ея предложеніе. Анна Юрьевна за свою сердечную утрату, кажется, желала, по крайней мѣрѣ, ужиномъ себя вознаградить и велѣла-было позвать къ себѣ повара, но оказалось, что онъ такой невѣжда былъ, что даже названій, которыя говорила ему Анна Юрьевна, не понималъ.

— Поди, мой милый, ты, видно, кромѣ чернослива разварного до сосисокъ ничего и изготовить не умѣешь, — проговорила она.

— Рыба у насъ, ваше превосходительство, есть добрая, хорошая!—отвѣчалъ ей на это нѣмецъ-поваръ.

— Осетрина, что ли, эта ваша противная?

— Осетрина, ваше превосходительство! Есть цыплята молодые съ салатомъ.

— Скажите, какая рѣдкость! — произнесла Анна Юрьевна съ презрѣніемъ: — ну, давайте ужъ вашей осетрины и цыплятъ!

Поваръ поклонился ей и, неуклюже ступая своими аляповатыми сапогами по паркету, вышелъ изъ залы.

— А вы дайте мнѣ того розоваго вина, которое вы мнѣ подавали, когда я заѣзжала къ вамъ какъ-то тутъ...—отнеслась потомъ Анна Юрьевна къ официанту.

— Это 48 номеръ!—отвѣчалъ тотъ не безъ гордости и пошелъ за виномъ.

Анна Юрьевна пила это вино, когда была въ клубѣ еще въ началѣ лѣта съ юнымъ своимъ музыкальнымъ талантомъ. При этой мысли она невольно вздохнула, постаравшись скрыть отъ всѣхъ этотъ вздохъ.

Баронъ въ настоящій вечеръ былъ особенно нѣженъ съ княгиней: его бѣлобрысое лицо, съ какимъ-то медовымъ выраженіемъ, такъ и лѣзло каждоминутно князю въ глаза. Впрочемъ, начавшійся вскорѣ ужинъ и поданное розоватое вино, оказавшееся очень хорошимъ виномъ, отвлекло всѣхъ на нѣкоторое время отъ ихъ собственныхъ мыслей: всѣ стали ѣсть и пить и ни слова почти не говорили между собой; только вдругъ, посреди этой тишины, въ залу вошли двое молодыхъ людей, громко хохоча и разговаривая. Оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ не кто иной, какъ Архангеловъ. Увидавъ знакомыхъ ему лицъ, и лицъ такого хорошаго круга, Архангеловъ сейчасъ же подлетѣлъ къ нимъ самымъ развязнымъ манеромъ, сказалъ двѣ-три любезности княгинѣ, протянулъ какъ-то совершенно фамильярно руку барону, кивнулъ головой привѣтливо князю. Все это Архангеловъ дѣлалъ, чтобы пустить пыль въ глаза своему товарищу; оба молодые люди были писцы изъ новыхъ присутственныхъ мѣстъ и потому, можетъ-быть, нѣсколько больше о себѣ думали, чѣмъ обыкновенные писцы. Получивъ на всѣ свои развязныя слова и привѣтствія почти полное молчаніе, Архангеловъ счелъ за лучшее удалиться; но не ушелъ совсѣмъ изъ комнаты, а сталъ тутъ же ходить со своимъ пріятелемъ взадъ и впередъ по той именно сторонѣ стола, на которой сидѣли Елена и князь.

— Мнѣ, знаешь, наскучило ужъ бывать въ свѣтѣ! — говорилъ Архангеловъ своему товарищу.

— Мнѣ самому тоже наскучило!—вралъ ему и тотъ.

— Знаешь, такъ эти скандальныя исторьицы пріятно еще слушать!—болталъ Архангеловъ.

— Я тоже пропасть ихъ слыхалъ!—не уступалъ ему его пріятель.

— Вотъ эта княгиня... — продолжалъ Архангеловъ болѣе уже тихимъ голосомъ и показывая глазами на княгиню и барона:—съ этимъ барономъ вожжается!

— Будто?—спросилъ съ любопытствомъ его товарищъ.

— Вѣрно, такъ-съ... будьте благонадежны!.. Это мнѣ *моя* сказывала!—отвѣчалъ самодовольно Архангеловъ.

— Ха-ха-ха!—почему-то засмѣялся на это его молодой товарищъ.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся также и самъ Архангеловъ.

У Елены былъ прекрасный слухъ, а у князя—зрѣніе: она разслышала всѣ слова Архангелова, а тотъ видѣлъ, какъ Архангеловъ показалъ глазами на княгиню и барона.

Когда молодые люди разразились хохотомъ, князь вдругъ, весь поблѣднѣвъ, всталъ на ноги и, держась за стулъ, обратился къ нимъ.

— Чему вы смѣетесь надъ нашимъ обществомъ?—проговорилъ онъ почти съ пѣной у рта.

— Мы ничему не смѣемся!—пробормоталъ, покраснѣвъ, Архангеловъ.

— Смѣетесь, чортъ возьми, когда вамъ говорятъ то!—воскликнулъ князь и стукнулъ стуломъ объ полъ.

— Мы, ей-Богу, не надъ вами-съ!—говорилъ Архангеловъ почти со слезами на глазахъ.

— Надъ чѣмъ же вы смѣетесь?.. надъ чѣмъ?—приступалъ князь и хотѣлъ, кажется, схватить молодого человѣка за воротникъ.

— Князь, assez, finissez donc!—крикнула ему Анна Юрьевна, удивленная до крайности всей этой выходкой князя.

Княгиня тоже сильно смутилась, а баронъ явно струсилъ.

— Я голову вамъ размозжу, если вы осмѣлитесь хоть улыбнуться при мнѣ! — продолжалъ кричать на молодыхъ людей князь, при чемъ Архангеловъ желалъ только извиниться какъ-нибудь передъ нимъ, а товарищъ его, напротивъ, дѣлалъ сердитый видъ, но возражать однако ничего не рѣшился.

Елена, съ самаго начала этой сцены больше и больше измѣнявшаяся въ лицѣ, наконецъ тоже встала и прямо взяла князя за руку.

— Пойдемте, мнѣ нужно съ вами переговорить!—сказала она.

— Сейчасъ! — отвѣчалъ тотъ и, повидимому, еще что-то такое хотѣлъ крикнуть на Архангелова.

— Пойдемте, мнѣ очень нужно!—повторила окончательно настойчивымъ голосомъ Елена и, не выпуская руки князя, увела его въ сосѣднюю комнату.

Архангеловъ послѣ того не преминулъ обратиться къ оставшемуся обществу.

— Ей-Богу, я ничего, рѣшительно ничего не сказалъ!—проговорилъ онъ, разводя руками.

— Ну, не оправдывайтесь!.. уходите лучше!—сказала ему Анна Юрьевна.

— Сію секунду-съ! — отвѣчалъ тотъ и, мигнувъ своему товарищу, вышелъ съ нимъ изъ залы.

Въ это время Елена разговаривала въ сосѣдней комнатѣ съ княземъ.

— Я теперь все понимаю, все!—произнесла она съ удареніемъ.

— Что̀ вы понимаете?—возразилъ ей князь, далеко еще не пришедшій въ себя отъ гнѣва.

— Все!—отвѣчала Елена задыхающимся голосомъ...—Какъ же? Какъ онъ смѣлъ оскорбить княгиню!.. Я бы убить его совѣтовала вамъ!—прибавила она съ насмѣшкой.

— Я совсѣмъ не потому...—проговорилъ князь.

— Перестаньте лгать!.. Я говорить послѣ этого съ вами не хочу!..—произнесла Елена и проворно вошла опять въ залу.—Анна Юрьевна, возьмите меня въ свой кабріолетъ,—мнѣ ужасно хочется проѣхаться на вашемъ конѣ!—обратилась она къ той.

— Хорошо!—отвѣчала какъ-то протяжно Анна Юрьевна.—Но гдѣ же князь и что̀ съ нимъ происходитъ?—прибавила она съ безпокойствомъ.

— Отдыхаетъ тамъ отъ своего гнѣва, я съ нимъ и ѣхать боюсь—рѣшительно!—отвѣчала, какъ бы смѣясь, Елена.

— Но за что же онъ тутъ разсердился?—спрашивала Анна Юрьевна.

— За то, что эти господа болтали что-то такое про всѣхъ насъ.

— О, какъ это смѣшно съ его стороны!—воскликнула Анна Юрьевна.

— И я ему говорила, что странно это!..—подхватила Елена.

Княгиня, при всемъ этомъ разговорѣ ихъ, ничего не сказала, а баронъ такъ даже отошелъ отъ нея и стоялъ уже вдали.

— Только мы теперь же и поѣдемте!—обратилась Елена почти съ умоляющимъ видомъ къ Аннѣ Юрьевнѣ:—у меня maman больна: мнѣ надобно поскорѣе домой!..

— Пожалуй, поѣдемте!—произнесла опять съ разстановкой Анна Юрьевна; ей самой было противно оставаться въ клубѣ.—Скажите князю, чтобы онъ довезъ моего грума,—присовокупила она княгинѣ, уходя; и, когда Елена стала садиться въ кабріолетъ, Анна Юрьевна ей сказала съ участіемъ:

— Поосторожнѣй, ma chère, смотрите, берегите себя!

— Нѣтъ, ничего! Что̀ мнѣ сдѣлается!—произнесла Елена почти съ какимъ-то презрѣніемъ къ самой себѣ.

— Какъ что̀!.. Очень можетъ сдѣлаться!—возразила Анна Юрьевна и лошадь свою не погнала, по обыкновенію, а поѣхала, явно желая поберечь Елену, самой легкой рысцой: Анна Юрьевна въ душѣ была очень добрая женщина.

Тотчасъ послѣ ихъ отъѣзда воротился и князь въ залу.

— Гдѣ жъ Елена Николаевна?—было первое слово его.

— Она уѣхала съ Анною Юрьевной,—отвѣчала княгиня, не смѣя, кажется, взглянуть мужу въ лицо.

— Уѣхала?.. съ Анной Юрьевной?—повторилъ князь:—въ такомъ случаѣ вы поѣдете со мною въ фаэтонѣ!—прибавилъ онъ княгинѣ.

— Хорошо,—отвѣчала она ему покорно.

— А я, значитъ, одинъ въ кабріолетѣ поѣду?—спросилъ баронъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— Вы возьмите съ собою грума Анны Юрьевны!—сказала ему княгиня.

— Ахъ, да, такъ!—подхватилъ баронъ.

Во всю дорогу князь слова не промолвилъ съ женой, и только, когда они пріѣхали домой, онъ, выходя изъ экипажа, произнесъ полунасмѣшливо и полусердито:

— Извините, что я васъ разлучилъ!

— Нисколько!.. нисколько!.. Вы должны извиняться передо мною совершенно въ другомъ!..—воскликнула княгиня, и голосъ ея въ этомъ случаѣ до того былъ искрененъ и правдивъ, что князь невольно подумалъ: «неужели же она невинна?»—и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представить себѣ безъ ужаса не могъ, что̀ теперь дѣлается съ Еленой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Часовъ въ двѣнадцать дня Елена ходила по небольшой залѣ на своей дачѣ. Она была въ совершенно распущенной блузѣ; прекрасные волосы ея всѣ были сбиты, глаза горѣли какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ, хорошенькія ноздри ея раздувались, губы были пересохшія. Передъ ней сидѣла Елизавета Петровна съ сконфуженнымъ и оторопѣвшимъ лицомъ; дочь вчера изъ парка пріѣхала какъ сумасшедшая, не спала цѣлую ночь; потомъ все утро плакала, рыдала, такъ что Елизавета Петровна нашла нужнымъ войти къ ней въ комнату.

— Леночка, ангелъ мой, что̀ такое съ тобой? — спросила она ее какъ-то робко.

Съ тѣхъ поръ, какъ князь сталъ присылать къ нимъ деньги, Елизавета Петровна сдѣлалась очень нѣжна съ дочерью и начала постоянно безпокоиться объ ея здоровьѣ.

Елена молчала и ничего не отвѣчала, и только выступившія на глазахъ ея слезы и вздрагивающія щечки говорили объ ея страшномъ душевномъ настроеніи.

— Вѣрно, съ княземъ что-нибудь вышло?.. Непремѣнно ужъ такъ, непремѣнно!—произнесла Елизавета Петровна какимъ-то успокаивающимъ голосомъ.

— Онъ такой низкій человѣкъ, такой лгунъ!—проговорила наконецъ Елена.

— Ахъ, Господи, ничего этого нѣтъ!.. Намъ всегда такъ кажется, когда мы кого любимъ,—продолжала Елизавета Петровна тѣмъ же кроткимъ и успокаивающимъ голосомъ.

Она въ первый еще разъ такъ прямо заговорила съ дочерью объ ея любви къ князю.

— Нѣтъ, мнѣ это не показалось!.. Я никогда бы не стала говорить, если бы мнѣ это только показалось! — говорила Елена. — Впрочемъ, я сейчасъ сама ему тѣмъ же заплачу,— освобожу его отъ себя!.. Дайте мнѣ бумаги и чернильницу!..— прибавила она почти повелительно матери.

Та послушно встала, сходила и принесла ей то и другое.

Елена принялась писать къ князю письмо.

«Вы понимаете, конечно, черноту вашихъ поступковъ. Я просила васъ всегда объ одномъ: быть со мной совершенно откровеннымъ и не считать меня дурой; любить женщину нельзя себя заставить, но не обманывать женщину—это долгъ всякаго, хоть сколько-нибудь честнаго человѣка; между нами все теперь кончено; я наложницей вашей состоять при вашемъ семействѣ не желаю. Пожалуйста, не трудитесь ни отвѣчать мнѣ письмомъ ни сами приходить—все это будетъ совершенно безполезно».

Елизавета Петровна, усѣвшаяся невдалекѣ отъ Елены, употребляла-было всѣ усилія, чтобы прочесть то, что̀ пишетъ Елена, но, по малограмотству своему, никакъ не могла этого сдѣлать.

— Потрудитесь приказать Марѳушѣ сходить къ князю и отдать ему это письмо!—говорила Елена, запечатавъ облаткой письмо.

Елизавета Петровна нерѣшительно приняла его изъ рукъ дочери.

— Что̀ ты такое, по крайней мѣрѣ, пишешь къ нему?— спросила она, вовсе не ожидая, что Елена отвѣтитъ ей что-нибудь; но та однако отвѣчала:

— Пишу ему, что онъ нечестный человѣкъ, и что между нами все кончено!

Елизавета Петровна даже поблѣднѣла при этомъ.

— Ахъ, не совѣтовала бы я тебѣ этого дѣлать, не совѣтовала бы!—проговорила она, не уходя изъ комнаты.

— Позвольте мнѣ въ этомъ случаѣ ничьихъ совѣтовъ не спрашивать,—возразила ей Елена.

— Но ты только выслушай меня... выслушай нѣсколько моихъ словъ!..—произнесла Елизавета Петровна вкрадчивымъ голосомъ.—Я, какъ мать, буду говорить съ тобою совершенно откровенно: ты любишь князя,—прекрасно!.. Онъ что-то такое дурно поступилъ противъ тебя, разсердилъ тебя,—прекрасно! Но дай пройти этому хоть одинъ день, обсуди все это хорошенько, и ты увидишь, что тебѣ многое въ иномъ свѣтѣ представится! Я сама любила и знаю по опыту, что все потомъ иначе представляется.

— Вы никогда не любили!.. Вы только, Богъ васъ знаетъ зачѣмъ, продавали себя!—сказала Елена.

Елизавета Петровна сильно покраснѣла.

— Нѣтъ, я любила, — повторила она и не стала больше говорить: она очень хорошо видѣла, что Елену нельзя вразумить, и только развѣ придется услышать отъ нея еще нѣсколько крупныхъ дерзостей.

— Марѳуша!—крикнула между тѣмъ та.

— Я пойду и отдамъ ей письмо!..—остановила ее съ досадой Елизавета Петровна.

— Да вы непремѣнно же отдайте!—сказала ей Елена.

— Отдамъ... Что̀ мнѣ!.. Дѣлай глупости...—отвѣчала Елизавета Петровна, уходя, но, покуда шла изъ комнатъ въ кухню, гдѣ была Марѳуша, она попридумала.

— Поди, отдай это письмо князю!..—начала она приказывать той: — непремѣнно отдай ему въ руки сама и скажешь ему, что это письмо отъ Елены Николаевны, а что Елизавета Петровна приказала-де вамъ на словахъ сказать, чтобы вы очень не безпокоились и пожаловали бы къ намъ сегодня,— поняла ты меня?

— Поняла, барыня!—отвѣчала краснощекая и еще болѣе растолстѣвшая Марѳуша. Несмотря на простоту деревенскую въ словахъ, она была препонятливая. — А что̀ же, барыня, мнѣ дѣлать, какъ я князя не застану дома?—спросила она, принимая письмо отъ Елизаветы Петровны и повязывая голову платочкомъ.

— Подожди его.

— А если онъ долго не придетъ?

— Подожди подольше,—разрѣшила ей Елизавета Петровна.

Марѳуша послѣ того проворно пошла черезъ большой садъ къ Григоровымъ на дачу. Не возвращалась она, по крайней

мѣрѣ, часа два-три, такъ что Елена всякое терпѣніе потеряла.

— Да что̀ Марѳуша пропала, что ли, совсѣмъ?—спросила она.

— Вѣроятно, забѣжала куда-нибудь къ пріятельницамъ!—отвѣчала Елизавета Петровна; о томъ, что она велѣла Марѳушѣ лично передать князю письмо и подождать его, если его дома не будетъ, Елизавета Петровна сочла болѣе удобнымъ не говорить дочери.

Часу въ четвертомъ наконецъ Елизавету Петровну вызвала кухарка,—это возвратилась Марѳуша.

— Барыня, я не застала князя,—доложила ей та какъ-то таинственно:—ждала-ждала, все тамотко сидѣла.

— А письмо куда же ты дѣвала?

— Письмо оставила тамъ. Камердинеръ говоритъ: «давай, говоритъ, я положу его на столъ».

— Но гдѣ же можетъ быть князь? — спросила Елизавета Петровна, все болѣе и болѣе приходя въ досаду на то, что Марѳуша не застала князя дома: теперь онъ письмо получитъ, а приглашеніе, которое поручила ему Елизавета Петровна передать отъ себя, не услышитъ и потому Богъ знаетъ чѣмъ все можетъ кончиться.

— И тамъ-то, дома-то не знаютъ, гдѣ онъ, — толковала ей Марѳуша: — въ шесть часовъ утра еще ушелъ и до сей поры нѣтъ.

Елизавета Петровна понять не могла, что̀ это значитъ. Она возвратилась къ дочери.

— Марѳуша пришла, князя дома нѣтъ, онъ въ шесть часовъ еще утра уѣхалъ изъ дому, — проговорила она неторопливо.

— Какъ въ шесть часовъ утра?.. Куда же это онъ могъ уѣхать?—спросила Елена.

— Тамъ дома никто не знаетъ.

— Что̀ за вздоръ такой! Пошлите ко мнѣ Марѳушу.

Елизавета Петровна сходила и позвала Марѳушу.

— Куда князь уѣхалъ?—спросила ее Елена.

— Никто, барышня, не знаетъ,—отвѣчала ей Марѳуша:—княгиня ужъ людей по лѣсу искать его послала; въ Москву если бы поѣхалъ, такъ лошадей бы тоже велѣлъ заложить.

— Но, можетъ-быть, онъ на извозчикѣ поѣхалъ,—замѣтила Елизавета Петровна.

— Николи, барыня, онъ на извозчикахъ не ѣздитъ, николи!.. люди ихніе мнѣ это говорили,—объясняла Марѳуша.

Елена, слушая ее, все больше и больше блѣднѣла.

— Ну, поди къ себѣ, — сказала она какимъ-то тихимъ голосомъ Марѳушѣ.—Подите и вы,—прибавила она матери.

Елизавета Петровна, взглянувъ съ безпокойствомъ на дочь, вышла; но, впрочемъ, сѣла въ ближайшей комнатѣ и стала прислушиваться. Елена сидѣла нѣсколько времени, не шевелясь, на своемъ мѣстѣ; лицо ея постепенно начало принимать какое-то испуганное выраженіе. Ей, послѣ разсказа Марѳуши, пришла въ голову страшная мысль: «Князь ушелъ въ шесть часовъ утра изъ дому; его вездѣ ищутъ и не находятъ; вчера она такъ строго съ нимъ поступила, такъ много высказала ему презрѣнія, — что̀ если онъ вздумаетъ исполнить свое намѣреніе: убить себя, когда она его разлюбитъ?» Все это до такой степени представилось Еленѣ возможнымъ и яснымъ, что она даже вообразила, что князь убилъ себя и теперь лежитъ, исходя кровью, въ Останкинскомъ лѣсу, и лежитъ именно тамъ, гдѣ кончается Каменка и начинаются сѣнокосные луга. Затѣмъ Елена не могла болѣе владѣть собой; она вдругъ встала со своего мѣста.

— Дайте мнѣ поскорѣе одѣться!.. дайте!.. — почти вскрикнула она.

На этотъ зовъ ея вбѣжала къ ней сама Елизавета Петровна.

— Что̀ такое, ангелъ мой, съ тобой, что̀ тебѣ надобно? — спросила она ее съ безпокойствомъ.

Елизавета Петровна по преимуществу боялась, чтобы отъ такихъ душевныхъ волненій Елена не выкинула.

— Одѣньте меня, maman, поскорѣе!.. одѣньте! — говорила Елена почти какимъ-то помѣшаннымъ голосомъ.

— Но куда же ты, ангелъ мой, идешь?—спросила ее Елизавета Петровна робко.

— Я пойду, поищу князя; я знаю, гдѣ онъ можетъ гулять,— отвѣчала Елена тѣмъ же какъ бы помѣшаннымъ голосомъ.

Такой отвѣтъ дочери Елизавету Петровну очень порадовалъ: «Слава Богу,—подумала она про себя:—теперь они встрѣтятся и навѣрно помирятся».

— Что̀ жъ, сходи; тебѣ и самой пройтись недурно, — произнесла она вслухъ.

Елена проворно вышла, прошла весь большой садъ, всю Каменку, но ни въ началѣ ея ни въ концѣ не нашла князя. Шедши, она встрѣчала многихъ мужчинъ и, забывъ всякую осторожность, ко всѣмъ имъ обращалась съ вопросомъ:

— Скажите, вы князя Григорова знаете?

Бо̀льшая часть мужчинъ нѣсколько удивленнымъ голосомъ отвѣчали: «Нѣтъ-съ, не знаемъ!», но двое или трое изъ нихъ сказали ей: «Знаемъ-съ!».

— Бога ради, скажите, не видали вы его гуляющимъ здѣсь?—начала она приступать къ нимъ.

— Рѣшительно не видали, — отвѣчали тѣ.

Въ концѣ Каменки Еленѣ почему-то вообразилось, что князь, можетъ-быть, прошелъ въ Свиблово къ Аннѣ Юрьевнѣ и, прельщенный какимъ-нибудь ея пуддингомъ, остался у нея обѣдать. Съ этой мыслью она пошла въ Свиблово: шла-шла, наконецъ силы ее начали оставлять. Елена увидѣла на дорогѣ ѣдущаго мужика въ телѣгѣ.

— Послушай, довези меня до Свиблова,—сказала она ему:— вотъ тебѣ двугривенный.

Мужикъ посадилъ ее. Елену начало сильно трясти, такъ, что угрожала опасность ея положенію; она однако ничего этого не чувствовала и не понимала. Доѣхавъ до Свиблова, Елена послала мужика справиться, что не тутъ ли князь Григоровъ. Мужикъ очень долго ходилъ, наконецъ пришелъ и сказалъ, что тамъ нѣтъ никакого князя Григорова. Елена была въ отчаяніи. Обратиться съ просьбою въ полицію, чтобы та разыскала князя по Останкинскому лѣсу,—ей казалось единственнымъ средствомъ. Для этого она рѣшилась ѣхать въ Москву и въ Останкино должна была возвращаться пѣшкомъ, потому что мужикъ поѣхалъ далѣе за Свиблово. Елена пошла, но, дойдя до конца Каменки, она снова до такой степени утомилась, что почти упала на траву; а день между тѣмъ былъ теплый, ясный; передъ глазами у ней весело зеленѣли деревья, красиво и покойно располагались по небу золотистыя облачка,— этотъ контрастъ съ душевнымъ настроеніемъ Елены еще болѣе терзалъ ее. Она принялась плакать и долго ли, коротко ли плакала, сама даже не помнитъ; только вдругъ она услыхала надъ собою тихій и вкрадчивый голосъ:

— М-lle Жиглинская, что вы тутъ дѣлаете?

Елена приподнялась: передъ ней стояла г-жа Петицкая.

— Я гуляла и такъ далеко зашла и устала, что расплакалась даже и легла вотъ тутъ отдохнуть,—отвѣчала она, стараясь улыбнуться и поспѣшно утирая свои глаза, но г-жа Петицкая замѣтила, конечно, разстроенный видъ Елены.

— А я такъ, признаться, очень обрадовалась, увидавъ васъ,— подхватила она:—я думала, что съ вами непремѣнно гуляетъ нашъ пропавшій князь Григоровъ.

— А его еще не нашли? — проговорила Елена.

— Нѣтъ, удивительное дѣло: княгиня понять не можетъ, гдѣ онъ, такъ что я по роцѣ пошла искать его. А вы тоже его не видали? — прибавила г-жа Петицкая, устремляя на Елену испытующій взглядъ.

— Нѣтъ, не видала!.. — отвѣчала та почти задыхающимся голосомъ: встрѣтиться и бесѣдовать въ такую минуту съ г-жою Петицкой было почти невыносимо для Елены, тѣмъ болѣе, что, какъ ни мало она знала ее, но уже чувствовала къ ней полное отвращеніе.

Г-жа Петицкая, впрочемъ, вскорѣ сама раскланялась съ ней.

— Ну, adieu, авось отыщется гдѣ-нибудь нашъ бѣглецъ!— проговорила она и пошла, твердо увѣренная, что князь гулялъ въ лѣсу съ Еленой: разссорились они, вѣроятно, въ чемъ-нибудь, и Елена теперь плачетъ въ лѣсу, а онъ, грустный, возвращается домой... И г-жа Петицкая, дѣйствительно, придя къ княгинѣ, услыхала, что князь вернулся, но что обѣдать не придетъ, потому что очень усталъ и желаетъ лечь спать.

— Я думаю, онъ не столько отъ усталости не желаетъ кушать...—произнесла она нѣсколько двусмысленнымъ тономъ.

— А отчего же еще?—спросила ее княгиня, но какъ-то нерѣшительно.

— Такъ, я имѣю тутъ маленькія подозрѣнія.

Но какія именно подозрѣнія г-жа Петицкая имѣетъ,—княгиня не спросила ее.

— Я сейчасъ встрѣтила Елену, — продолжала Петицкая какъ бы самымъ обыкновеннымъ голосомъ. — Вообразите, она лежитъ на травѣ вся расплаканная, такъ что мнѣ даже жаль стало ее бѣдненькую.

— О чемъ же она плачетъ?—не утерпѣла уже и спросила княгиня.

— Говоритъ, что ходила очень много, устала, оттого и расплакалась...

И госпожа Петицкая вслѣдъ затѣмъ негромко разсмѣялась.

Княгиня на это ничего ей не сказала.

Г-жа Петицкая до сихъ поръ никакъ не могла вызвать ее на полную откровенность по этому предмету, такъ что начинала даже немножко обижаться за это на княгиню.

— Но гдѣ же баронъ? — воскликнула она, когда сѣли за столъ и баронъ не являлся по обыкновенію.

— Ахъ, онъ сегодня, къ великому моему удовольствію, отправился на цѣлый день къ Аннѣ Юрьевнѣ! — отвѣчала княгиня.

— Къ великому удовольствію вашему... Но за что же такая ваша немилость къ нему? — спросила госпожа Петицкая.

— За то, что онъ мнѣ ужасно надоѣлъ,—сказала княгиня, повидимому, совершенно искреннимъ голосомъ, но г-жа Петицкая на это только усмѣхнулась: она не совсѣмъ повѣрила княгинѣ.

Елена въ это время ѣхала въ Москву. Воображеніе она имѣла живое, и, благодаря тяжелымъ опытамъ собственной жизни, оно, по преимуществу, у ней направлено было въ черную сторону: въ томъ, что князь убилъ себя, она не имѣла теперь ни малѣйшаго сомнѣнія и хотѣла, по крайней мѣрѣ, чтобы отыскали трупъ его. Что̀ чувствовала Елена при такихъ мысляхъ, я предоставляю судить моимъ читательницамъ. Прежде всего она предположила заѣхать за Миклаковымъ; но, такъ какъ она и прежде того бывала у него нѣсколько разъ въ номерахъ, а потому очень хорошо знала образъ его жизни, вслѣдствіе чего, сколько ни была разстроена, но прямо войти къ нему не рѣшилась и предварительно послала ему сказать, что она пріѣхала. Миклаковъ и на этотъ разъ лежалъ въ одномъ бѣльѣ на кровати и читалъ. Услыхавъ о пріѣздѣ Елены, онъ особенно этому не удивился.

— Сейчасъ приму-съ, — сказалъ онъ лакею и въ самомъ дѣлѣ облекся хоть не въ очень полный, но все-таки приличный туалетъ.

— Поди, проси,—сказалъ онъ лакею.

Тотъ пошелъ и пригласилъ Елену.

Миклаковъ даже отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ при видѣ ея,—до такой степени она испугала его и удивила выраженіемъ своего лица.

— Что̀ такое съ вами?—воскликнулъ онъ.

— Ничего, не обо мнѣ дѣло,—проговорила Елена порывистымъ голосомъ:—но князь Григоровъ нашъ застрѣлилъ себя...

— Господи помилуй!..—воскликнулъ еще разъ Миклаковъ и еще болѣе испуганнымъ голосомъ.—Но гдѣ же, какимъ образомъ и зачѣмъ?—спрашивалъ онъ торопливо.

— Около Останкина въ лѣсу, должно-быть!—говорила Елена: она въ эти минуты твердо была убѣждена что передаетъ непреложнѣйшіе факты.

— Но что̀ же... видѣлъ, что ли, кто-нибудь его?—продолжалъ разспрашивать Миклаковъ

— То-то никто не видалъ и нигдѣ найти его не могутъ,—отвѣчала Елена.

— Но какъ же вы знаете, что онъ убилъ себя?

— Потому что мы поссорились съ нимъ вчера, а онъ мнѣ прежде всегда говорилъ, что, какъ я его оставлю то онъ убьетъ себя.

— Но отъ этихъ словъ до убійства еще далеко! — сказалъ Миклаковъ, махнувъ рукой. — Ахъ, вы, барышня, барышня смѣшная!

— Нѣтъ, я не смѣшная; его нигдѣ не могутъ найти... На-

конецъ, я писала ему, что между нами все кончено, а онъ, я знаю, не перенесетъ этого.

Елена все уже перепутала въ головѣ; она забыла даже, что князь, не получивъ еще письма ея, ушелъ изъ дому.

— Зачѣмъ же вы писали ему это?

— Зачѣмъ?.. Изъ ревности, конечно!.. Теперь пойдемте объявить объ его смерти въ полицію; пусть она трупъ его отыщетъ!

— Трупъ отыщетъ! — разсмѣялся Миклаковъ.—Богъ дастъ, и живымъ его обрящемъ!

— Нѣтъ, вы живымъ его не обрящете... Пойдемте!

— Куда пойдемте?

— Въ полицію какую-нибудь—объявить.

— Подите вы, въ полицію объявлять... срамиться!.. Поѣдемте въ Останкино лучше; тамъ, можетъ-быть, и отыщемъ его.

— Но, чтобы отыскать его, надобно тысячу людей разослать по лѣсу!.. Какъ вы это сдѣлаете безъ полиціи?—возражала ему Елена.

— Мы тысячу людей и пошлемъ! Въ Останкинѣ есть своя полиція,—зачѣмъ же намъ городская нужна?

— Есть тамъ полиція?—спросила Елена.

— Есть,—успокоивалъ ее Миклаковъ, и затѣмъ они вышли, сѣли на хорошаго извозчика и поѣхали въ Останкино.

Елена начала безпрестанно торопить извозчика.

— Бога ради, мой милый, поѣзжай скорѣе!..—умоляла она его, и голосъ ея, вѣроятно, до такой степени былъ трогателенъ, что извозчикъ что̀ есть духу началъ гнать лошадь.

— Ну, барыня,—сказалъ онъ, подъѣзжая къ Останкину:— за сто бы рублевъ не сталъ такъ гнать лошадь, какъ для тебя это дѣлалъ.

— Спасибо тебѣ! На вотъ тебѣ за то! Сдачи мнѣ не надо! — проговорила Елена и отдала извозчику пять рублей серебромъ.

— Ну, вотъ за это благодарю покорно!—проговорилъ тотъ, снимая передъ ней шапку.

Видя все это, Миклаковъ поматывалъ только головой, и чувство зависти невольно шевелилось въ душѣ его. «Вѣдь любятъ же другихъ людей такъ женщины?»—думалъ онъ. Того, что князь Григоровъ застрѣлился, — онъ нисколько не опасался. Увѣренность эта, впрочемъ, въ немъ нѣсколько поколебалась, когда они подъѣхали къ флигелю, занимаемому княземъ, и Миклаковъ, войдя въ сѣни, на вопросъ свой къ лакею: «дома ли князь?», услышалъ отвѣтъ, что князь дома, но только никого не велѣлъ принимать и заперся у себя въ кабинетѣ.

— Э, такъ я силой къ нему войду! — сказалъ Миклаковъ и, не долго думая, вышелъ изъ сѣней въ небольшой садикъ, подошелъ тамъ къ довольно низкому изъ кабинета окну, отворилъ его, сорвавъ съ крючка, и черезъ него проворно вскочилъ въ комнату.

— Что̀ это вы, ваше сіятельство, дѣлаете тутъ? — вскрикнулъ онъ, увидя князя сидящимъ передъ своимъ столомъ.

Князь, въ свою очередь, услыхавъ шумъ и голосъ Миклакова, вздрогнулъ, проворно что-то такое спряталъ въ столовый ящикъ и обернулся.

— Что̀ вы тутъ дѣлаете? — повторилъ ему свой вопросъ Миклаковъ.

— Да такъ!.. ничего!.. — отвѣчалъ князь, какъ-то насильно улыбаясь, а между тѣмъ самъ былъ блѣденъ, волосы у него были взъерошены, глаза съ мрачнымъ выраженіемъ.

— Вы Елену ужасно напугали; она пріѣхала ко мнѣ въ Москву и говоритъ, что вы застрѣлились.

Князь при этихъ словахъ еще болѣе поблѣднѣлъ.

— Почему жъ она знаетъ это? — спросилъ онъ.

— Потому что, говоритъ, вы сами ей обѣщали при первомъ же удобномъ случаѣ совершить надъ собой это пріятное для васъ дѣло.

Князь молчалъ.

Предчувствіе любящаго сердца Елены врядъ ли обманывало ее. Князь въ самомъ дѣлѣ замышлялъ что-то странное: поутру онъ, дѣйствительно, еще часовъ въ шесть вышелъ изъ дому на прогулку, выкупался сначала въ прудѣ, пошелъ потомъ по дорогѣ къ Марьиной рощѣ, къ Бутыркамъ и наконецъ дошелъ до парка; здѣсь онъ, замѣтно утомившись, сѣлъ на лавочку подъ деревья, закрывъ даже глаза, и просидѣлъ въ такомъ положеніи, по крайней мѣрѣ, часа два. Послѣ того онъ всталъ, пришелъ къ Яру, спросилъ себѣ ѣсть, но ѣсть однако ничего не могъ; зато много выпилъ и вслѣдъ затѣмъ, какъ бы подъ вліяніемъ величайшаго нетерпѣнія, нанялъ извозчика и велѣлъ ему себя проворнѣе везти обратно въ Останкино, гдѣ подали ему письмо отъ Елены. Прочитавъ это письмо, князь сдѣлался еще болѣе мраченъ; велѣлъ сказать лакею, что обѣдать онъ не пойдетъ, и по уходѣ его, запершись въ кабинетѣ, сѣлъ къ своему столу, изъ котораго, по происшествіи нѣкотораго времени, вынулъ знакомый намъ ящикъ съ револьверомъ и сталъ глядѣть на его крышку, какъ бы прочитывая сдѣланную на ней надпись рукою Елены. Въ это время къ нему въ кабинетъ вскочилъ черезъ окно Миклаковъ. Князь, какъ мы видѣли, очень сконфузился при его появленіи.

— Пойдемте на улицу, Елена тамъ васъ у воротъ дожидается! — говорилъ между тѣмъ тотъ.

Весь наружный видъ князя и вся кругомъ его обстановка показались Миклакову подозрительными, и онъ не хотѣлъ его оставлять одного.

— На улицѣ... у воротъ дожидается? — говорилъ князь все еще какимъ-то опѣшеннымъ, оторопѣлымъ голосомъ и потомъ пошелъ за Миклаковымъ.

Елена продолжала сидѣть на пролеткахъ; отъ волненія и усталости ее била лихорадка.

— Вотъ вамъ, живъ и невредимъ — ваше сокровище! — сказалъ Миклаковъ, подводя къ ней князя.

— Ахъ! — вскрикнула при видѣ его Елена. — Подите сюда, дайте мнѣ ваши руки: вы живы?.. здоровы, да? да?.. — говорила она.

— Здоровъ! — отвѣчалъ князь. беря и съ жаромъ цѣлуя ея руку.

— Ну, поѣдемте къ намъ поскорѣе,—говорила Елена, почти таща князя на пролетку.

Тотъ сѣлъ. Извозчикъ нешибко поѣхалъ. Миклаковъ пошелъ около нихъ.

— Я ужасъ, ужасъ, что̀ ни надумала! — говорила Елена.

Князь молчалъ.

По пріѣздѣ Елены домой, силы опять совершенно оставили ее: она прилегла на диванъ и принялась потихоньку рыдать.

Князь помѣстился около нея и низко-низко склонилъ свою голову. Елизавета Петровна, очень обрадованная возвращенію дочери и не менѣе того пріѣзду князя, не преминула однако отнестись къ тому съ маленькой укоризной.

— Ну, надѣлали же вы намъ хлопотъ, начудили! — говорила она ему.

Князь ничего ей не отвѣтилъ и даже отворотился отъ нея. Онъ въ послѣднее время нисколько даже и не скрывалъ передъ ней чувства своего отвращенія, но Елизавета Петровна, получая отъ него такія хорошія деньги, совершенно ему все это прощала.

Миклаковъ между тѣмъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Выраженіе лица у него было тоже какое-то недовольное; видно, что и у него на душѣ было скверно, и, когда Елена поуспокоилась нѣсколько, онъ спросилъ ее:

— Скажите мнѣ на милость, что̀ такое собственно произошло между вами?

Елена разсказала, какъ разсердился князь на Архангелова за слова его о княгинѣ, какъ и чѣмъ ей показалось это.

Миклаковъ усмѣхнулся при этомъ.

— Искренности и откровенности между вами нѣтъ, какъ между большею частью людей! — проговорилъ онъ.

— Вотъ ужъ нѣтъ!.. нисколько! — воскликнула Елена. — Я съ нимъ откровенна никакъ не меньше, чѣмъ сама съ собой.

— Вы-то еще, можетъ-быть, откровеннѣе его, но онъ-то ужъ съ вами очень мало откровененъ.

Князь слушалъ пріятеля съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Въ чемъ же я не откровененъ съ ней? — сказалъ онъ наконецъ, не поднимая головы.

— Очень во многомъ, какъ и сами вы согласитесь,—отвѣчалъ ему Миклаковъ.

— Нельзя же всякій вздоръ, который приходитъ въ голову, разсказывать... — пробурчалъ князь. какъ бы больше самъ съ собой.

— А вы считаете это вздоромъ? — спросилъ Миклаковъ, намекая князю на кое-что.

— Что̀ такое онъ отъ меня скрываетъ и въ чемъ онъ со мной не откровененъ? — начала приставать къ Миклакову Елена.

— Какъ я вамъ могу открыть это!.. Это не моя тайна! — отвѣчалъ тотъ.

— Извольте сейчасъ сказать Миклакову, чтобы онъ все разсказалъ мнѣ про васъ! — обратилась она къ князю.

— Зачѣмъ? Тебя опять можетъ встревожить это; послѣ я какъ-нибудь самъ тебѣ разскажу, — отвѣчалъ князь.

— Но я теперь хочу, сію же минуту! — настаивала Елена.

Князь пожалъ плечами.

— Говорите, если ужъ начали, — обратился онъ къ Миклакову съ явнымъ оттѣнкомъ досады на него.

— Говорите, пожалуйста! — повторила тому и Елена.

— Извольте-съ, — началъ Миклаковъ: — во-первыхъ, я долженъ сказать, что князь васъ любитъ. Согласны съ этимъ?

— Согласна! — отвѣчала Елена.

— Но все-таки вы ревнуете его къ княгинѣ, — такъ?

— Такъ, ревную и имѣю на это, кажется, полное право.

— И вы ревнуете его потому, что вамъ представляется, будто бы онъ до сихъ поръ продолжаетъ еще любить княгиню?

— Конечно, любитъ! — подхватила Елена: — и прямое доказательство тому есть: она Богъ знаетъ какое имѣетъ для него значеніе, а я — никакого.

— Ну, то и другое несправедливо; князь не любитъ собственно княгини, и вы для него имѣете значеніе; тутъ-съ, напротивъ, скрываются совершенно другіе мотивы: княгиня вы-

зываетъ вниманіе или ревность, какъ хотите назовите, со стороны князя вслѣдствіе того только, что имѣетъ счастіе быть его супругой.

Князь при этомъ покачалъ головой.

— И послѣднее время,—не унимался однако Миклаковъ:— княгиня, какъ извѣстно вамъ, сдѣлалась очень любезна съ барономъ Мингеромъ, и это, изволите видѣть, оскорбляетъ самолюбіе князя, и онъ даже полагаетъ, что за подобные поступки княгини ему будто бы цѣлый міръ плюетъ въ лицо.

Елена насмѣшливо улыбнулась.

— А, вотъ что̀!.. Признаюсь, я не ожидала этого!.. — произнесла она.

— Наконецъ, князь объясняетъ, что онъ органически, составомъ всѣхъ своихъ нервовъ, не можетъ спокойно переносить положеніе *рогатаго мужа!* Вотъ вамъ весь сей человѣкъ! — заключилъ Миклаковъ, показывая Еленѣ на князя: — худъ ли, хорошъ ли онъ, но принимайте его такимъ, какъ онъ есть, а вы, ваше сіятельство, — присовокупилъ онъ князю: — извините, что посплетничалъ на васъ; не изъ злобы это дѣлалъ, а ради пользы вашей.

— Сплетничайте, если вамъ такъ этого хочется!.. — отвѣчалъ князь; овладѣвшая имъ досада все еще не оставляла его.

— И какой же мы теперь, — продолжалъ Миклаковъ: — изъ всего этого извлечемъ урокъ и какое предпримемъ рѣшеніе, дабы овцы были цѣлы и волки сыты? Вамъ голосъ первой въ этомъ случаѣ, Елена Николаевна.

— Я тутъ такъ близко заинтересована, что никакъ не могу быть судьей и, конечно, рѣшу пристрастно! — отвѣчала та.

— И я ужъ, конечно! —подхватилъ князь.

— Значитъ, вы одни ужъ и рѣшайте; вы и будете нашимъ судьей, — сказала Елена Миклакову.

— Быть вашимъ судьей!.. — повторилъ тотъ хоть и комически, но не безъ нѣкотораго, кажется, чувства самодовольства: — прежде всего-съ я желалъ бы знать, что признаётъ ли, напримѣръ, Елена Николаевна нѣкоторое нравственное право за мотивами, побуждающими князя извѣстнымъ образомъ дѣйствовать и чувствовать?

— Признаю отчасти, хотя нахожу, что мотивы эти весьма невысокаго сорта.

— Но все-таки, какъ бы то ни было, вы не будете, значитъ, огорчаться, если онъ совершитъ когда-нибудь опять подобную выходку?

— Огорчаться буду, но менѣе, конечно!—произнесла Елена, взглянувъ при этомъ съ любовью на князя.

— Теперь-съ къ вамъ обращаю свое слово, — отнесся Миклаковъ къ князю: — будете ли вы въ такой мѣрѣ позволять себѣ выходить изъ себя?

— Я не знаю этого! — возразилъ князь.

— Не знаете того! — повторилъ Миклаковъ: — хорошо и то, по крайней мѣрѣ, что откровенно сказано!.. Теперь, значитъ, остается внушить княгинѣ, что, ежели она въ самомъ дѣлѣ любитъ этого господина, въ чемъ я, признаться сказать, сильно сомнѣваюсь...

— И я совершенно въ этомъ сомнѣваюсь! — подтвердила Елена.

— Но положимъ, что любитъ, то все-таки должна дѣлать это нѣсколько посекретнѣе и не кидать этимъ безпрестанно въ глаза мужу. Всѣ такого рода уступки будутъ, конечно, нѣсколько тяжелы для всѣхъ васъ и заставятъ васъ иногда не совсѣмъ искренно и откровенно поступать и говорить, но каждый долженъ въ то же время утѣшать себя тѣмъ, что онъ это дѣлаетъ для спокойствія другого... Dixi! — заключилъ Миклаковъ.

— Но кто же однако княгинѣ передастъ предназначенное для нея наставленіе? — спросила Елена.

— Конечно, ужъ не я! — отвѣчалъ Миклаковъ: — потому что я двухъ словъ почти съ ней не говаривалъ... Всего приличнѣе, я полагаю, внушить ей это князю.

— Ему-то, ему; но осмѣлится ли еще онъ? — замѣтила ядовито Елена.

Князь ничего на это не произнесъ и даже такое имѣлъ выраженіе лица, какъ будто бы не про него это говорили.

— Все, значитъ, поэтому кончено!—воскликнулъ Миклаковъ и взялся-было за шляпу, чтобы отправиться въ Москву, но въ это время проворно вошла въ комнату Елизавета Петровна.

— Ни-ни-ни! Не пущу безъ ужина! — воскликнула она, растопыривая передъ нимъ руки.

— Да вѣдь поздно: я пѣшкомъ пойду! Темь такая, что, пожалуй, съ кого-нибудь и шинель снимешь! — проговорилъ Миклаковъ.

— Вы же снимете! — воскликнула Елена.

— А вы какъ думаете! — отвѣчалъ Миклаковъ. — Я принадлежу къ такого рода счастливцамъ, которые съ другихъ только могутъ стаскивать что-нибудь, а съ меня никто ничего!

— Чтобы предохранить васъ отъ этого преступленія, мы васъ въ экипажѣ проводимъ, — сказалъ князь. — Потрудитесь, моя милая, сходить и сказать, чтобы коляска моя сюда пріѣхала! — обратился онъ къ Марѳушѣ.

Та побѣжала исполнить его приказаніе.

— Въ коляскѣ меня проводите? Это не дурно! — произнесъ Миклаковъ снова комически и снова не безъ оттѣнка самодовольства.

Ужиномъ Елизавета Петровна угостила на славу: она своими руками сдѣлала отличнѣйшій бифштексъ и цыплятъ подъ соусомъ, но до всего этого ни князь ни Елена почти не дотронулись; зато Миклаковъ страшно много съѣлъ и выпилъ все вино, какое только было подано.

— Ужинъ для меня, — толковалъ онъ своимъ собесѣдникамъ: — самая пріятная вещь, такъ какъ человѣкъ, покончивъ всякаго рода сношенія съ себѣ подобными, дѣлается наконецъ полнымъ распорядителемъ самого себя, своихъ мыслей и своихъ чувствъ.

Языкъ, при этихъ словахъ, у Миклакова начиналъ ужъ немного заплетаться. Когда же онъ сѣлъ въ княжескій фаэтонъ, чтобы ѣхать въ Москву, то какъ-то необыкновенно молодцовато надѣлъ на голову свою кожаную фуражку.

— Хорошо быть умнымъ человѣкомъ: ни за что ни про что катаютъ тебя князья въ своихъ экипажахъ!.. — говорилъ онъ вслухъ и кивая въ это время, въ знакъ прощанія, князю головою: выпивши, Миклаковъ обыкновенно дѣлался откровеннѣе, чѣмъ онъ былъ въ нормальномъ своемъ состояніи.

II.

Княгиня, въ свою очередь, переживала тоже довольно сильныя ощущенія: она очень хорошо догадалась, что мужъ изъ ревности къ ней вышелъ до такой степени изъ себя въ паркѣ и затѣялъ всю эту сцену съ Архангеловымъ; она только не знала хорошенько, что̀ такое говорила съ нимъ Елена въ сосѣдней комнатѣ, хотя въ то же время ясно видѣла, что они тамъ за что-то поссорились между собой. Требованіе же князя, чтобы княгиня ѣхала съ нимъ въ экипажѣ, обрадовало ее до глубины души; она ожидала, что онъ тутъ же съ ней помирится, и у нихъ начнется прежняя счастливая жизнь. Княгиня, въ противоположность Еленѣ, любила все больше представлять себѣ въ розовомъ, пріятномъ цвѣтѣ, но князь всю дорогу промолчалъ, и когда она при прощаніи сказала ему, что онъ долженъ извиняться передъ ней въ *совершенно другомъ*, то онъ не обратилъ на эти ея слова никакого вниманія, а потомъ она дня три и совсѣмъ не видала князя. Надежды ея, значитъ, въ этомъ отношеніи рушились совершенно, и ей вообразилось, что онъ, можетъ-быть, считаетъ ее уже недостойной, чтобы поми-

риться съ нею, по случаю ея кокетства съ барономъ. Княгиня готова была плакать отъ досады, что держала себя подобнымъ образомъ съ этимъ господиномъ, и рѣшилась оправдаться передъ мужемъ. Для этого она написала и послала князю такого рода письмо:

«Я, мой дорогой Грегуаръ, безъ вины виновата передъ вами, но, клянусь Богомъ, эту вину заставила меня сдѣлать любовь же моя къ вамъ, которая нисколько не уменьшилась въ душѣ моей съ того дня, какъ я отдала вамъ свое сердце и руку. Вамъ, вѣроятно, не нравилось то, что я была слишкомъ любезна съ вашимъ пріятелемъ барономъ, но завѣряю васъ, что баронъ никогда мнѣ и нисколько не нравился, а, напротивъ, теперь даже сталъ противенъ, и я очень рада буду, когда онъ уѣдетъ. Кокетничая съ нимъ, я думала этимъ возвратить вашу любовь ко мнѣ, которая была, есть и будетъ всегда для меня дороже всего, и если вы дадите мнѣ ее снова, я сочту себя счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Прошу васъ убѣдительно отвѣтить мнѣ и не мучить меня неизвѣстностью; всегда вѣрная и любящая васъ жена

«Е. Григорова».

Письмомъ этимъ княгиня думала успокоить князя; и если заглянуть ему поглубже въ душу, то оно въ самомъ дѣлѣ успокоило его: князь былъ радъ, что подозрѣнія его касательно барона почти совершенно разсѣялись; но то, что княгиня любила еще до сихъ поръ самого князя, это его уже смутило.

Недоумѣвая, какъ и что̀ предпринять, онъ рѣшился подождать Миклакова, который вечеромъ хотѣлъ прійти къ нему на дачу и дѣйствительно пришелъ.

— Вотъ вы съ Еленой говорили мнѣ,—началъ князь послѣ первыхъ же словъ:—чтобы я разныя разности внушилъ княгинѣ; я остерегся это сдѣлать и теперь получилъ отъ нея письмо, каковое не угодно ли вамъ прочесть!

Князь подалъ Миклакову письмо княгини, которое тотъ внимательно прочелъ, и вслѣдъ затѣмъ все лицо его приняло какое-то умиленное выраженіе.

— Какая однако отличнѣйшая женщина княгиня! — воскликнулъ онъ.

— Чѣмъ же?—спросилъ князь, хотя и догадался почти, что̀ хочетъ сказать Миклаковъ.

— Добрѣйшая и чистѣйшая женщина, какихъ когда-либо я встрѣчалъ,—продолжалъ Миклаковъ.—Вы сколько лѣтъ женаты?—прибавилъ онъ князю.

— Десять лѣтъ!—отвѣчалъ тотъ.

— Шутка!.. И послѣ того, что̀ вы изволили творить противъ нея, она сохранила такую преданность къ вамъ!.. Не умѣете вы, сударь, цѣнить подобное сокровище, рѣшительно не умѣете!..

— Но Елена, я надѣюсь, какъ женщина, никакъ не хуже княгини,—проговорилъ князь.

— Елена имѣетъ совсѣмъ другія достоинства, — сказалъ Миклаковъ.

Друзья послѣ этого замолчали на нѣкоторое время.

— Какъ я предсказывалъ, такъ и вышло!—началъ Миклаковъ, разсмѣясь:—вся эта исторія съ барономъ, отъ которой вы такъ волновались и бѣсились, оказалась сущимъ вздоромъ.

— Если она даже вздоръ,—подхватилъ князь:—то все-таки это ставитъ меня въ еще болѣе щекотливое положеніе... Что̀ я буду теперь отвѣчать на это письмо княгинѣ?.. Обманывать ее какимъ-нибудь образомъ я не хочу; написать же ей все откровенно—жестоко!

— Зачѣмъ писать?.. На словахъ ей надобно объяснить,— возразилъ Миклаковъ.

— А на словахъ я не могу, потому что, какъ я испыталъ это разъ, или наговорю ей какихъ-нибудь рѣзкостей, чего вовсе не желаю, или самъ расчувствуюсь очень.

— Такъ какъ же тутъ быть?—воскликнулъ Миклаковъ.

— Всего бы было удобнѣе... — продолжалъ князь, пожимая плечами: — если бы вы, по добротѣ вашей ко мнѣ, взяли на себя это порученіе.

— Какое порученіе?—спросилъ Миклаковъ.

— Порученіе объясниться съ княгиней.

— Это съ какой мнѣ стати?—воскликнулъ Миклаковъ.

— Съ такой, что я вашъ другъ и просилъ васъ о томъ...

— Но что̀ же именно объяснять я ей буду? — говорилъ Миклаковъ, уже смѣясь.

— Объяснять...—началъ князь съ нѣкоторой разстановкой и обдумывая: — чтобы она разлюбила меня, потому что я не сто̀ю того, такъ какъ... измѣнилъ ей... и полюбилъ другую женщину!

— Э, нѣтъ!.. Этимъ ни одну женщину не заставишь разлюбить, а только заставишь больше ревновать, то-есть больше еще измучишь ее. Чтобы женщина разлюбила мужчину, лучше всего ей доказать, что онъ дуракъ!

— Ну, докажите княгинѣ, что я дуракъ; можно, полагаю, это?

— Можно!—отвѣчалъ совершенно серьезнымъ тономъ Миклаковъ:—хорошо также ее увѣрить, что вы и подлецъ!

— Увѣрьте ее, что я и подлецъ!—подхватилъ князь.

Миклаковъ послѣ этого помолчалъ немного, а потомъ присовокупилъ:

— Нечестно-то, въ самомъ дѣлѣ нечестно съ ней поступили!

— Можетъ-быть, я не спорю противъ того; но какъ же однако: вы беретесь, значитъ, и скажете ей?

— Да, пожалуй!—отвѣчалъ Миклаковъ.

— А когда именно?

— Когда хотите, мнѣ все равно.

— Сегодня, напримѣръ!.. Она теперь дома и сидитъ одна!..

— Нѣтъ, сегодня нельзя! — сказалъ наотрѣзъ Миклаковъ, взглянувъ при этомъ мелькомъ на свои худыя брюки и сапоги въ заплатахъ.

— Отчего? — спросилъ князь, вовсе не подозрѣвая, чтобы подобная причина могла останавливать Миклакова.

— Да оттого,—отвѣчалъ тотъ:—что я долженъ сообразить нѣсколько и обдумать мое посольство!.. Завтра развѣ?

— Ну, завтра!.. Въ такомъ случаѣ я пришлю за вами въ Москву экипажъ,—сказалъ князь.

— Присылайте!—согласился Миклаковъ.

И, придя домой, сей озлобленный человѣкъ началъ совершать странныя надъ собой вещи: во-первыхъ, еще вечеромъ онъ сходилъ въ баню, взялъ тамъ ванну, выбрился, выстригся, потомъ, на другой день, едва только проснулся, какъ сейчасъ же принялся выбирать изъ своего небогатаго запаса бѣлья лучшую голландскую рубашку, затѣмъ вытащилъ давнымъ-давно не надѣваемые имъ лаковые сапоги. Касательно верхняго платья Миклаковъ затруднялся, что̀ ему надѣть: лѣтняя визитка у него была новѣе чернаго сюртука, но зато изъ такого дешеваго трико была сшита, что, конечно, каждый лавочникъ и каждый лакей имѣлъ такую; сюртукъ же хоть и сдѣланъ былъ изъ очень хорошаго сукна, но зато сильно былъ ветхъ денми. Миклаковъ все-таки рѣшился лучше надѣть сюртукъ, предварительно вычистивъ его самымъ старательнымъ образомъ; когда наконецъ за нимъ пріѣхалъ экипажъ князя, то онъ, сѣвъ въ него, нѣсколько развалился и положилъ даже ногу на ногу: красивая открытая коляска, какъ извѣстно, самаго отъявленнаго философа можетъ заставить позировать!... Бойкіе кони понесли Миклакова въ Останкино. Онъ всю дорогу думалъ о княгинѣ и предстоящемъ свиданіи съ нею. Она еще и прежде того немного нравилась ему и казалась такой милой и такой чистенькой. Въ настоящія же минуты какое-то тайное предчувствіе говорило ему, что онъ

произведетъ довольно выгодное для себя впечатлѣніе на княгиню. Пріѣхавъ въ Останкино и войдя въ переднюю флигеля, занимаемаго княгинею, Миклаковъ велѣлъ доложить о себѣ и, когда лакей ушелъ исполнить его приказаніе, онъ замѣтно оставался въ нѣкоторомъ волненіи. Княгиню тоже удивило это посѣщеніе.

— Проси!—сказала она какъ-то безпокойно лакею.

Миклаковъ вошелъ.

Княгиня подала ему свою бѣленькую ручку.

— Вы, вѣроятно, у мужа были?—спросила она его.

— Нѣтъ, я не былъ у него сегодня,—отвѣчалъ Миклаковъ уже нѣсколько и мрачно.

— А я полагала, что вы не застали его дома, — продолжала княгиня, все еще думавшая, что Миклаковъ пріѣхалъ къ князю.

— Я даже не заходилъ къ нему,—отвѣчалъ тотъ.

Княгиня дальше не знала, что̀ и говорить съ Миклаковымъ, и только попросила его садиться и сама сѣла.

Миклаковъ нѣкоторое время вертѣлъ шляпою.

— Я собственно явился къ вамъ... — началъ онъ, немного запинаясь:—не отъ себя, а по порученію князя.

— Отъ мужа?—спросила княгиня съ испугомъ и вся краснѣя въ лицѣ.

— Отъ него-съ! — отвѣчалъ Миклаковъ. — Мы съ княземъ весьма еще недолгое время знакомы, но нѣкоторое сходство въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ сблизило насъ, и такъ какъ мы оба твердо увѣрены, что бо̀льшая часть пакостей и гадостей въ жизни человѣческой происходитъ оттого, что люди любятъ многое дѣлать потихоньку и о многомъ хранятъ глубочайшую тайну, въ силу этого мы послѣ нѣсколькихъ же свиданій и не стали имѣть никакихъ другъ отъ друга тайнъ.

Княгиня начала почти догадываться, что̀ хочетъ этимъ сказать Миклаковъ, и это еще больше сконфузило ее. «Неужели же князь этому полузнакомому человѣку разсказалъ что-нибудь?»—подумала она не безъ удивленія.

— А въ силу сего послѣдняго обстоятельства,—продолжалъ Миклаковъ:—я и сдѣлался невидимымъ участникомъ вашихъ бесѣдъ семейныхъ и пререканій.

Удивленію княгини предѣловъ не было.

— Признаюсь, я вовсе не желала бы, чтобы кто-нибудь былъ участникомъ въ нашихъ семейныхъ отношеніяхъ,—проговорила она.

Миклаковъ пожалъ на это плечами.

— Тутъ вамъ нечего ни желать ни опасаться, потому что

изъ всего этого, если не выйдетъ для васъ нѣкоторой пользы, то во всякомъ случаѣ не будетъ никакого вреда: мнѣ вчерашній день князь прочелъ ваше письмо къ нему, которымъ вы просите его возвратить вамъ любовь его.

Княгиня окончательно запылала отъ стыда и смущенія.

— И князь поручилъ мнѣ сказать вамъ,—говорилъ Миклаковъ съ какой-то даже жестокостью:—что какъ онъ ни дорожитъ вашимъ спокойствіемъ, счастьемъ, но возвратиться къ прежнему чувству къ вамъ онъ не можетъ, потому что питаетъ пылкую и нѣжную страсть къ другой женщинѣ!

Княгиня при этихъ словахъ изъ пылающей сдѣлалась блѣдною.

— Съ недобрыми же и нехорошими вѣстями пришли вы ко мнѣ!—проговорила она.

— Что̀ дѣлать! — произнесъ въ свою очередь невеселымъ голосомъ Миклаковъ.—Но мнѣ хотѣлось бы,—прибавилъ онъ съ нѣкоторою улыбкою: — не только что вѣстникомъ вашимъ быть, но и врачомъ вашимъ душевнымъ: помочь и пособить вамъ сколько-нибудь.

— Нѣтъ, мнѣ никто и ничѣмъ не можетъ пособить!—произнесла княгиня, и слезы полились по ея нѣжнымъ щечкамъ.

— Будто?.. Будто печаль ваша ужъ такъ велика? — спросилъ съ участіемъ Миклаковъ.

— Очень велика!—отвѣчала ему княгиня.

— Гм!.. — произнесъ Микаковъ и послѣ того, помолчавъ нѣкоторое время и какъ бы собравшись съ мыслями, началъ: — вотъ видите-съ, на свѣтѣ очень много бываетъ несчастныхъ любвей для мужчинъ и для женщинъ; но, благодаря Бога, люди отъ этого не умираютъ и много-много развѣ, что съ ума отъ того на время спятятъ.

— А это бываетъ же?—спросила княгиня.

— Бываетъ-съ это!—отвѣчалъ ей Миклаковъ торопливо:— и, по-моему, лучшее отъ того лѣкарство — самолюбіе; всякій долженъ при этомъ вспомнить, что неужели онъ все свое человѣческое достоинство поставитъ въ зависимость отъ капризной воли какого-нибудь господина или госпожи. Насъ разлюбили, ну и прекрасно: и мы разлюбимъ!

— Хорошо, разлюбимъ; а какъ не разлюбляется? — возразила княгиня.

— Что̀ за вздоръ: не разлюбляется! — воскликнулъ Миклаковъ. — Для этого, мнѣ кажется, сто̀итъ только повнимательнѣе и построже вглядѣться въ тотъ предметъ, который насъ плѣняетъ—и кончено!.. Что̀ вамъ, напримѣръ, по преимуществу нравится въ князѣ?

Княгиня нѣкоторое время затруднялась отвѣчать на такой вопросъ.

— Умъ, конечно?—подхватилъ Миклаковъ.

— Разумѣется, умъ, потому что мужчина прежде всего долженъ быть уменъ,—проговорила княгиня.

— Совершенно вѣрно-съ... Жаль только, что женщины иногда совсѣмъ не то принимаютъ за умъ, что̀ слѣдуетъ!.. Въ чемъ именно, по-вашему, умъ князя проявляется?

— Какъ вамъ сказать, въ чемъ... Каждое слово его показываетъ, что онъ человѣкъ умный.

— Гм... слово! — повторилъ Миклаковъ. — Слова бываютъ разныя: свои и чужія; свое слово умное придумать и сказать очень трудно, а чужое повторить—чрезвычайно легко.

— Такъ неужели вы думаете, что князь все говоритъ чужія слова? — спросила княгиня съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неудовольствія.

— Я тутъ ничего не говорю о князѣ и объясняю только различіе между своими словами и чужими,—отвѣчалъ Миклаковъ, а самъ съ собой въ это время думалъ: «женщинѣ если только намекнуть, что какой-нибудь мужчина не уменъ, такъ она черезъ недѣлю убѣдитъ себя, что онъ дуракъ набитѣйшій». — Ну, а какъ вы думаете насчетъ честности князя?— продолжалъ онъ допрашивать княгиню.

Та даже вспыхнула отъ удивленія и неудовольствія.

— Господи, вы ужъ его безчестнымъ человѣкомъ начинаете считать!.. Худого же князь адвоката за себя выбралъ,—проговорила она.

— Я опять-таки повторяю вамъ,—возразилъ Миклаковъ:— что я желаю только знать ваше мнѣніе, а своего никакого вамъ не говорю.

— Какое же тутъ другое мнѣніе будетъ; я, безъ сомнѣнія, признаю князя за самаго честнаго человѣка!

— То-есть почему это такъ? Можетъ-быть, потому, что, имѣя семьдесятъ тысячъ годового дохода, онъ аккуратно платитъ долги по лавочкамъ и по булочнымъ?

Княгиня опять вспыхнула.

— Нѣтъ, не потому, — сказала она явно-сердитымъ голосомъ:—а вотъ, напримѣръ, другой бы мужъ всю жизнь меня сталъ обманывать, а онъ этого, по своей честности, не въ состояніи былъ сдѣлать: говоритъ мнѣ прямо и искренно!

— Что̀ жъ прямо и искренно говоритъ!.. — возразилъ Миклаковъ: — это, конечно, можно дѣлать изъ честности, а, пожалуй, вѣдь и изъ полнаго неуваженія къ личности другого... И я такъ понимаю-съ, — продолжалъ онъ, расходи-

вшись: — что князь очень милый, конечно, человѣкъ, но барченокъ, который свой капризъ ставитъ выше счастія всей жизни другого: сначала полюбилъ одну женщину — бросилъ; потомъ полюбилъ другую—и ту, можетъ-быть, броситъ.

— И всѣ мужчины, я думаю, такіе! — сказала княгиня.

— Нѣтъ, не всѣ мужчины такіе, — произнесъ Миклаковъ.

— Кто же? Васъ, что ли, прикажете считать пріятнымъ исключеніемъ?—спросила его колко княгиня.

— Да хоть бы меня, пожалуй! — отвѣчалъ ей нахально Миклаковъ.

Княгиня пожала плечами.

— Скромно сказано!—проговорила она опять съ насмѣшкой.

Ее не на шутку начинали сердить эти злые отзывы Миклакова о князѣ. Положимъ, она сама очень хорошо знала и понимала, что князь дурно и, можетъ-быть, даже нечестно поступаетъ противъ нея, но никакъ не желала, чтобы объ этомъ говорили посторонніе.

Миклаковъ съ своей стороны видѣлъ, что онъ мало подѣйствовалъ на княгиню своими убѣжденіями, и разсчиталъ, что на нее временемъ лучше будетъ повліять.

— А что, скажите, чѣмъ вы занимаетесь?.. На что тратите вы вашъ досугъ?—спросилъ онъ ее.

— Да ничѣмъ особенно не занимаюсь,—отвѣчала княгиня.

— Читаете что-нибудь?.. Музыкой много занимаетесь?—продолжалъ Миклаковъ спрашивать.

— Прежде много занималась, а теперь и та наскучила.

— Значитъ, только и дѣлаете, что оплакиваете утраченную любовь вашего недостойнаго супруга?

— И того нѣтъ: для меня рѣшительно все равно, утратила я его любовь или нѣтъ, — произнесла княгиня, сильно досадуя въ душѣ на князя, что онъ подводитъ ее подъ подобныя насмѣшки.

— Но надобно же однако на что-нибудь пріятное и занятное направить вамъ воображеніе,—говорилъ Миклаковъ.

— Я направлю его къ Богу и буду просить у Него смерти,—отвѣчала княгиня.

— Э, пустяки—смерти просить!.. А въ карты, скажите, вы любите играть?—спросилъ ее Миклаковъ.

— Люблю!—сказала протяжно княгиня.

— Ну, хотите, я буду ходить къ вамъ въ карты играть, серьезно, по большой?.. Буду васъ обыгрывать,—благо у васъ денегъ много.

Княгиня усмѣхнулась. Она это предложеніе Миклакова приняла сначала за шутку.

— Прикажете или нѣтъ? — настаивалъ тотъ.

— Пожалуй, ходите, — отвѣчала наконецъ княгиня.

Ей самой немножко улыбнулась мысль о подобномъ времяпрепровожденіи.

— Такъ тàкъ, значитъ, на томъ и покончимъ! — произнесъ онъ, уже вставая и протягивая княгинѣ на прощанье руку.

Та ему ничего не отвѣчала и только подала ему тоже свою руку.

Миклаковъ ушелъ.

Княгиню страшнымъ образомъ удивило и оскорбило такое посольство отъ князя. «Развѣ самъ онъ не могъ побезпокоиться и написать ей отвѣтъ?.. Наконецъ просто сказать ей на словахъ?.. Зачѣмъ же было унижать ее еще въ глазахъ посторонняго человѣка?» — думала княгиня и при этомъ проклинала себя, зачѣмъ она написала это глупое письмо князю, зная по опыту, какъ онъ и прежде отвѣчалъ на всѣ ея нѣжныя заявленія. Съ настоящей минуты она начала серьезно подумывать, что, въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли ей будетъ и не легче ли жить на свѣтѣ, если она разойдется съ княземъ и уѣдетъ навсегда въ Петербургъ къ своимъ роднымъ.

Самъ же князь въ продолженіе всего времени, пока Миклаковъ сидѣлъ у княгини, стоялъ у окна въ своемъ кабинетѣ и съ жаднымъ вниманіемъ ожидалъ, когда тотъ выйдетъ отъ нея. Наконецъ Миклаковъ показался.

— Идите сюда скорѣй! — не утерпѣлъ и крикнулъ ему князь.

Миклаковъ подошелъ-было къ нему къ окну.

— Идите же въ комнату! — крикнулъ ему еще разъ князь.

Миклаковъ усмѣхнулся, мотнулъ головой и вошелъ въ комнаты.

— Ну что̀, говорили? — спросилъ его стремительно князь.

— Говорилъ! — отвѣчалъ протяжно Миклаковъ.

— Что̀ же вы именно говорили?

— Говорилъ, во-первыхъ, что вы человѣкъ весьма недалекій, — произнесъ Миклаковъ и пріостановился на нѣкоторое время, какъ бы желая наблюсти, какое это впечатлѣніе произведетъ на князя.

Того, при всемъ его желаніи скрыть это, замѣтно передернуло.

— Ну-съ, далѣе! — сказалъ онъ.

— Далѣе я ей объяснилъ, что вы человѣкъ пустой и не совсѣмъ даже честный, въ отношеніи ея, по крайней мѣрѣ!

— Благодарю, что не во всѣхъ ужъ отношеніяхъ! — сказалъ князь, притворно усмѣхаясь

— Не во всѣхъ-съ, не во всѣхъ!—подхватилъ Миклаковъ.

— Что же она на все это?

— Она пока еще не соглашается съ такимъ моимъ мнѣніемъ, но, во всякомъ случаѣ, рѣшилась понемногу начать развлекать себя, и я въ этомъ случаѣ предложилъ ей свое товарищество и партнерство.

— Предложили? Вотъ за это спасибо!—воскликнулъ князь.

— Предложилъ; только напередъ вамъ говорю: прошу меня не ревновать, а то я въ этихъ случаяхъ трусливъ, какъ заяцъ: сейчасъ наутекъ уйду!

— Ни взглядомъ ни словомъ не обнаружу сего грубаго чувства предъ вами,—отвѣчалъ съ оттѣнкомъ веселости князь.— Но она все-таки не очень огорчилась? — прибавилъ онъ озабоченнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, повидимому, не очень.

— Это и отлично! — произнесъ князь съ видимымъ удовольствіемъ.

— Мнѣ однако пора домой! — сказалъ Миклаковъ.

— Не смѣю останавливать!.. Экипажъ готовъ! — сказалъ князь, съ чувствомъ и съ благодарностью пожимая руку пріятеля.

Миклаковъ опять сѣлъ въ тотъ же фаэтонъ и поѣхалъ: онъ и на этотъ разъ думалъ о княгинѣ. Въ его зачерствѣломъ и наболѣвшемъ сердцѣ какъ будто бы снова заискрилось какое-то чувство и зашевелились надежды и мечты.

III.

Прошло недѣли двѣ. Князь и княгиня, ежедневно встрѣчаясь, ни слова не проговорили между собой о томъ, что я описалъ въ предыдущей главѣ: князь дѣлалъ видъ, что какъ будто бы онъ и не получалъ отъ жены никакого письма, а княгиня — что къ ней вовсе и не приходилъ Миклаковъ со своимъ объясненіемъ; но на душѣ, разумѣется, у каждаго изъ нихъ лежало все это тяжелымъ гнетомъ, такъ что имъ неловко было даже на долгое время оставаться другъ съ другомъ, и они каждый разъ спѣшили какъ можно поскорѣй разойтись по своимъ отдѣльнымъ флигелямъ.

Послѣ 15 августа Григоровы, Анна Юрьевна и Жиглинскіе предположили переѣхать съ дачъ въ городъ, и наканунѣ переѣзда князь, сверхъ обыкновенія, обѣдалъ дома. Баронъ за этимъ обѣдомъ былъ какой-то сконфуженный. Въ половинѣ обѣда наконецъ онъ обратился къ княгинѣ и къ князю и проговорилъ нѣсколько усиленнымъ и торжественнымъ голосомъ:

— А я завтрашній день поблагодарю васъ за ваше гостепріимство и попрошу позволенія проститься съ вами.

— Вы ѣдете въ Петербургъ? — спросила его княгиня замѣтно-довольнымъ голосомъ.

Князь кинулъ взглядъ на барона.

— Нѣтъ, я остаюсь въ Москвѣ,—отвѣчалъ тотъ, все болѣе и болѣе конфузясь: — но я буду имѣть дѣла, которыя заставляютъ меня жить ближе къ городу, къ присутственнымъ мѣстамъ.

Князь и княгиня, а также и г-жа Петицкая, обѣдавшая у Григоровыхъ, посмотрѣли на барона съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Какія же это у васъ дѣла такія?—спросилъ его князь.

— Да такъ... разныя,—отвѣчалъ уклончиво баронъ.

— Разныя...—повторилъ князь.—Но развѣ отъ насъ вы не могли бы ѣздить въ присутственныя мѣста?

— Далеко, ужасно далеко! — отвѣчалъ баронъ.

— Что̀ же вы въ гостиницѣ, что ли, гдѣ-нибудь будете жить? — продолжалъ князь и при этомъ мелькомъ взглянулъ на княгиню. Онъ, навѣрное, полагалъ, что это она потребовала, чтобы баронъ переѣхалъ отъ нихъ; но та сама смотрѣла на барона невиннѣйшими глазами.

— Я нанялъ квартиру у Анны Юрьевны, — отвѣчалъ баронъ протяжно.

— У Анны Юрьевны?.. — воскликнули въ одинъ голосъ Григоровы.

— Но гдѣ же и какая у ней квартира можетъ быть?—подхватила стремительно Петицкая.

Она успѣла уже познакомиться съ Анной Юрьевной и даже побывать изъ любопытства въ городскомъ ея домѣ.

— Внизу. Я весь низъ беру себѣ, — отвѣчалъ баронъ:— главное потому, что мнѣ нужно имѣть квартиру съ мебелью, а у Анны Юрьевны она вся меблирована, и меблирована прекрасно.

— Еще бы не прекрасно!—воскликнулъ князь.—Мало ли чего нѣтъ у моей дорогой кузины; вы у ней многое можете найти, — присовокупилъ онъ какъ-то особенно внушительно.

Г-жа Петицкая при этомъ потупилась: она обыкновенно всегда, при всякомъ вольномъ намекѣ князя, опускала глаза долу.

Баронъ же старался принять видъ, что какъ будто бы совершенно не понялъ намека князя.

— Я васъ поздравляю: вы непремѣнно влюбитесь въ Анну Юрьевну!—объяснила ему прямо княгиня.

— Влюблюсь?—спросилъ баронъ, поднявъ, какъ бы въ удивленіи, свои брови.

— Непремѣнно, она очень милая, хоть, можетъ-быть, и не совсѣмъ молода! — подхватила княгиня.

— Совершенно вѣрю; но, къ сожалѣнію, я самъ мало способенъ къ этому чувству, — проговорилъ баронъ.

— Почему же это?.. Я полагаю, напротивъ! — сказала съ нѣкоторою колкостью княгиня.

— И я тоже, — поддержала ее г-жа Петицкая.

— Я такъ много,—продолжалъ баронъ:—перенесъ въ жизни горя, неудачъ, что испепелилъ сердце и сталъ старъ душою.

— А вотъ Анна Юрьевна накатитъ васъ отличнѣйшимъ бургонскимъ, и помолодѣете душой,—подхватилъ князь.

— Что̀ ты за глупости говоришь! — произнесла княгиня, а г-жа Петицкая опять сдѣлала видъ, что ей ужасно было стыдно слушать подобныя вольности, и ради этого она позадержала даже немножко дыханіе въ себѣ, чтобы замѣтнѣе покраснѣть.

— Князь для остраго словца не пожалѣетъ и отца! — подхватилъ съ своей стороны, усмѣхаясь, баронъ.

Всѣ эти подозрѣнія и намеки, высказанные маленькимъ обществомъ Григоровыхъ барону, имѣли нѣкоторое основаніе и въ дѣйствительности: у него въ самомъ дѣлѣ кое-что начиналось съ Анной Юрьевной; послѣ того непріятнаго ужина въ Нѣмецкомъ клубѣ баронъ далъ себѣ слово не ухаживать больше за княгиней; онъ такъ же хорошо, какъ и она, понялъ, что князь начудилъ все изъ ревности, а потому подвергать себя по этому поводу новымъ непріятностямъ баронъ вовсе не желалъ, тѣмъ болѣе, что чортъ знаетъ изъ-за чего и переносить все это было, такъ какъ онъ далеко не былъ увѣренъ, что когда-нибудь увѣнчаются успѣхомъ его исканія передъ княгиней; но въ то же время перемѣнить съ ней сразу тактику и начать обращаться холодно и церемонно барону не хотѣлось, потому что это прямо значило показать себя въ глазахъ ея трусомъ, чего онъ тоже не желалъ. Въ видахъ всего этого баронъ вознамѣрился какъ можно рѣже бывать дома; но куда дѣваться ему, гдѣ найти пріютъ себѣ? «Къ Аннѣ Юрьевнѣ на первый разъ отправлюсь!»—рѣшилъ баронъ и, дѣйствительно, на другой день послѣ поѣздки въ паркъ, онъ часу во второмъ ушелъ пѣшкомъ изъ Останкина въ Свиблово. Анна Юрьевна, въ свою очередь, въ это утро тоже скучала. Встрѣтивъ юный музыкальный талантъ подъ-руку съ юной дѣвицей, она наотрѣзъ себѣ сказала, что между нею и симъ неблагодарнымъ все и навсегда кончено, а между тѣмъ

это ей было грустно, такъ что Анна Юрьевна, проснувшись ранѣе обыкновеннаго поутру, даже поплакала немного; несмотря на свою развращенность и цинизмъ въ пониманіи любви, Анна Юрьевна наединѣ, сама съ собой, все-таки оставалась женщиной. Приходу барона она обрадовалась, ожидая, что это все-таки немножко развлечетъ ее.

— Что̀ вашъ князь и княгиня?—спросила она его съ перваго же слова.

— А я ихъ не видалъ сегодня! — отвѣчалъ баронъ.

Анна Юрьевна до прихода барона сидѣла въ саду въ бесѣдкѣ, гдѣ и приняла его.

— L'air est frais aujourd'hui!.. Пора въ городъ переѣзжать,—проговорила она, кутаясь въ свой бурнусъ и затрудняясь на первыхъ порахъ, о чемъ бы болѣе интересномъ заговорить со своимъ гостемъ.

— Нѣтъ, что̀ же за холодно; я еще ни разу не надѣвалъ своего осенняго пальто!—возразилъ баронъ, желая, кажется, представить изъ себя здороваго и крѣпкаго мужчину.

— Да, но, можетъ-быть, васъ согрѣваетъ въ Останкинѣ пріятная атмосфера, которая васъ окружаетъ! — произнесла Анна Юрьевна лукавымъ голосомъ.

— Атмосфера пріятная?—переспросилъ баронъ, совершенно какъ бы не понявъ ея словъ.—Какая же это атмосфера?—прибавилъ онъ.

— Атмосфера въ обществѣ съ хорошенькой и милой женщиной,—отвѣчала Анна Юрьевна. Она сама отчасти замѣчала, а частью слышала отъ прислуги своей, что баронъ ухаживаетъ за княгиней, и что та сама тоже неравнодушна къ нему, а потому она хотѣла поразспросить нѣсколько барона объ этомъ.

— Да, вотъ что̀!—произнесъ тотъ:—но только атмосфера эта скорѣе холодящая меня, чѣмъ согрѣвающая!—заключилъ онъ.

— Будто?—сказала Анна Юрьевна недовѣрчивымъ голосомъ.

— Увѣряю васъ.

— Что вы влюблены—въ этомъ... je ne doute guère!.. Но что и вамъ не отвѣчали тѣмъ же—не думаю!—проговорила она.

— Что я не влюбленъ и что мнѣ ничѣмъ не отвѣчаютъ, могу доказательство тому представить.

— Пожалуйста.

— Скажите, когда бываютъ влюблены и имъ отвѣчаютъ взаимно, то пишутъ такія письма?—проговорилъ баронъ и, вынувъ изъ своего бумажника маленькую записочку, подалъ

ее Аннѣ Юрьевнѣ. Письмо это было отъ княгини, писанное два дня тому и слѣдующаго содержанія: «Вы просите у меня «Московскихъ Вѣдомостей», извините, я изорвала ихъ на папильотки, а потому можете сегодня сидѣть безъ газетъ!»

— Пишутъ въ такомъ тонѣ?—повторилъ баронъ.

— Пишутъ во всякомъ!..—проговорила Анна Юрьевна, и при этомъ ей невольно пришла въ голову мысль: «княгиня, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, такая еще простушка въ жизни, что до сихъ поръ не позволила барону приблизиться къ себѣ, да, пожалуй, и совсѣмъ не позволитъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ Аннѣ Юрьевнѣ кинулось въ глаза одно, повидимому, очень неважное обстоятельство, но которое тѣмъ не менѣе она замѣтила. Баронъ сидѣлъ къ ней бокомъ, и Анна Юрьевна очень хорошо видѣла его рыжій затылокъ, который ей весьма напомнилъ затылокъ одного молодого англійскаго лорда, секретаря посольства, человѣка, для котораго нѣкогда Анна Юрьевна въ первый разъ пала.

Часу въ четвертомъ баронъ наконецъ всталъ и хотѣлъ было отправиться въ Останкино.

— Куда же вы?.. Dinez avec moi... le diner sera bon!—сказала ему Анна Юрьевна.

— О, нисколько въ томъ не сомнѣваюсь!—отвѣчалъ баронъ и, разумѣется, не отказался отъ этого приглашенія.

Когда они сѣли за столъ, баронъ сказалъ:

— Я завтра хочу ѣхать въ Москву на цѣлый день погулять тамъ, посмотрѣть... Я почти совсѣмъ не видалъ Москвы.

— Да и видѣть особенно нечего,—подхватила Анна Юрьевна.—Я сама тоже завтра ѣду туда на цѣлый день.

— Изволите ѣхать?

— Да, et pour des raisons désagreables!.. Тамъ у меня какіе-то процессы глупые затѣваются; надобно ѣхать къ нотаріусу, написать одному господину довѣренность.

— Какого же рода процессы у васъ?—спросилъ баронъ.

— Да тамъ съ мужиками по размежеванію земель; я ихъ всѣхъ на выкупъ отпустила, у меня очень большое имѣніе, тысячъ двадцать душъ по-прежнему было!..

При этихъ словахъ баронъ даже пошевелился какъ-то безпокойно на стулѣ.

— Ну, а мужики всѣ эти, говорятъ, ужасно жадны: требуютъ себѣ еще что-то такое больше, чѣмъ слѣдуетъ; управляющіе мои тоже плутовали, такъ что я ничего тутъ не понимаю и рѣшительно не знаю, какъ мнѣ быть.

Баронъ, слушая все это, повидимому, моталъ себѣ на усъ.

— De quelle manière vous rendez-vous à Moscou, — en voiture de place?—спросила его Анна Юрьевна.

— Oui,—en fiacre!—отвѣчалъ баронъ.

— Хотите я заѣду за вами?—сказала Анна Юрьевна.

— Si vous le voulez, bien!—проговорилъ баронъ, вѣжливо склоняя передъ ней голову.

— Хорошо, похищу васъ, такъ и быть!.. Только мнѣ надобно ѣхать въ мой домъ; вы не соскучитесь этимъ?

— Нисколько.

На другой день Анна Юрьевна въ самомъ дѣлѣ заѣхала за барономъ и увезла его съ собой. Домъ ея и убранство въ ономъ совершенно подтвердили въ глазахъ барона ея слова о двадцати тысячахъ душъ. Онъ замѣтно сдѣлался внимательнѣе къ Аннѣ Юрьевнѣ и началъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ ее подсаживать и высаживать изъ экипажа, а сидя съ ней въ коляскѣ, не разсаживался на все сидѣнье и занималъ только половину его.

— Господина, которому вы даете довѣренность, вы хорошо знаете?—спросилъ онъ ее, когда они подъѣхали къ самой ужъ конторѣ нотаріуса.

— Нисколько!.. онъ адвокатъ здѣшній и очень хорошій, говорятъ, человѣкъ.

— Ну, это... особенно если довѣренность будетъ полная и при такомъ большомъ имѣніи, дѣло не совсѣмъ безопасное.

— Очень можетъ быть, даже опасное! Mais que devons nous faire, nous autres femmes, если мы въ этомъ ничего не понимаемъ!

— Въ такомъ случаѣ не повременить ли вамъ немножко, и не поручите ли вы мнѣ предварительно пересмотрѣть ваши дѣла?—проговорилъ баронъ.

— Ахъ, пожалуйста!—воскликнула Анна Юрьевна, и такимъ образомъ вмѣсто нотаріуса они проѣхали къ Сіу, выпили тамъ шоколаду и потомъ заѣхали опять въ домъ къ Аннѣ Юрьевнѣ, гдѣ она и передала всѣ бумаги барону. Она, кажется, начала ужъ понимать, что онъ ухаживаетъ за ней немножко. Баронъ два дня и двѣ ночи сидѣлъ надъ этими бумагами и изъ нихъ увидѣлъ, что всѣ дѣла у Анны Юрьевны хоть и были запущены, но всѣ пустыя, тѣмъ не менѣе однако, придя къ ней, онъ принялъ серьезный видъ и даже нѣсколько мрачнымъ голосомъ объяснилъ ей:

— У васъ дѣлъ очень много, такъ что желательно было бы, чтобы ими занялся человѣкъ, преданный вамъ.

— Но эти адвокаты, говорятъ, очень честны!.. Il songent à leur renommée!—сказала на это ему Анна Юрьевна.

— Не всегда!—возразилъ ей баронъ:—честность господъ адвокатовъ, сколько я слышалъ, далеко не совпадаетъ съ ихъ извѣстностью!

— Вы думаете? Но къ кому же я въ такомъ случаѣ обратиться должна?—воскликнула Анна Юрьевна.

— Позвольте мнѣ, хоть, можетъ-быть, это и не совсѣмъ принято, предложить вамъ себя,—началъ баронъ, нѣсколько запинаясь и конфузясь:—я службой и петербургскимъ климатомъ очень разстроилъ мое здоровье, а потому хочу годъ или два отдохнуть и прожить даже въ Москвѣ; но, привыкнувъ къ дѣятельной жизни, очень радъ буду чѣмъ-нибудь занять себя и немножко ажитировать.

— Mille remerciements!—воскликнула Анна Юрьевна, до души обрадованная такимъ предложеніемъ барона, потому что считала его безусловно честнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ, по своему служебному положенію, все-таки принадлежалъ къ ихъ кругу, а между тѣмъ всѣ эти адвокаты, Богъ еще вѣдаетъ, какого сорта господа.—Во всякомъ случаѣ permettez-moi de vous offrir des émoluments,—прибавила она.

Баронъ при этомъ покраснѣлъ.

— Я самъ имѣю совершенно обезпеченное состояніе и желаю вашими дѣлами заняться ad libitum,—проговорилъ онъ.

Состоянія у барона собственно никакого не было, кромѣ двухъ-трехъ тысячъ, которыя онъ скопилъ отъ огромныхъ денежныхъ наградъ, каждогодно ему выхлопатываемыхъ Михайлой Борисовичемъ.

— Но какъ же это такъ?..—произнесла Анна Юрьевна, конфузясь въ свою очередь.

— Я васъ буду настоятельно просить объ этомъ!—сказалъ баронъ рѣшительно.

Анна Юрьевна на это ничего не отвѣчала и пожала только плечами; она, впрочемъ, рѣшила въ головѣ черезъ мѣсяцъ же сдѣлать барону такой подарокъ, который былъ бы побогаче всякаго жалованья.

Сдѣлавшись такимъ образомъ l'homme d'affaire Анны Юрьевны, баронъ почти каждый день сталъ бывать у ней; разъ, когда они катались вдвоемъ въ кабріолетѣ, она спросила его:

— Вы, переѣхавъ съ дачи, у князя будете жить?

— Не знаю,—отвѣчалъ протяжно баронъ:—мнѣ бы очень не хотѣлось!.. Думаю пріискать себѣ гдѣ-нибудь квартиру.

Анна Юрьевна нѣкоторое время какъ бы недоумѣвала или конфузилась.

— Возьмите у меня низъ дома,—сказала наконецъ она и при этомъ какъ-то не смотрѣла на барона, а глядѣла въ сторону.

— Но мнѣ съ мебелью нужна квартира!—возразилъ баронъ, какъ бы не зная, что у Анны Юрьевны весь домъ биткомъ набитъ мебелью.

— У меня тамъ мебель есть,—отвѣчала Анна Юрьевна:—но только одно: je n'accepte point d'argent, такъ какъ вы не удостоиваете меня чести брать ихъ за мои дѣла.

— Въ этомъ случаѣ, какъ вамъ угодно,—согласился баронъ.

— И потомъ я буду просить васъ не держать повара, мой столъ всегда будетъ къ вашимъ услугамъ.

— Очень благодаренъ!—согласился и на это баронъ.—Вашъ обѣдъ такъ заманчивъ, что его можно продпочесть всѣмъ на свѣтѣ обѣдамъ,—присовокупилъ онъ.

— Вы находите?!.—спросила Анна Юрьевна и сильно ударила вожжами по лошади, которая быстро ихъ понесла.

Когда они потомъ стали возвращаться со своей прогулки, Анна Юрьевна снова заговорила объ этомъ предметѣ.

— Тутъ, конечно,—начала она, дѣлая гримасу и какъ бы все вниманіе свое устремляя на лошадь:—по поводу того, что вы будете жить въ одномъ домѣ со мной, пойдутъ въ Москвѣ разные толки, но я ихъ нисколько не боюсь.

— А я еще и меньше того!—подтвердилъ баронъ; но передать своимъ хозяевамъ о переѣздѣ къ Аннѣ Юрьевнѣ онъ, какъ мы видѣли, едва только рѣшился за послѣднимъ обѣдомъ на дачѣ, а когда перебрались въ городъ, такъ и совсѣмъ пересталъ бывать у Григоровыхъ. Извѣстія объ немъ княгиня получала отъ одной лишь г-жи Петицкой, которая посѣщала ее довольно часто и всякій почти разъ съ какимъ-то тихимъ азартомъ разсказывала ей, что она то тутъ, то тамъ встрѣчаетъ барона на лошадяхъ Анны Юрьевны. Чтобъ объяснить всѣ эти послѣдніе поступки барона, я, по необходимости, долженъ буду спуститься въ самый глубокій тайникъ его задушевнѣйшихъ мыслей: баронъ вышелъ изъ школы и поступилъ на службу въ періодъ самаго сильнаго развитія у насъ бюрократизма. Для этого рода дѣятельности баронъ какъ будто бы былъ рожденъ: аккуратный до мельчайшихъ подробностей, способный не уставая по 15 часовъ въ сутки работать, умѣвшій складно и толково написать бумагу, благообразный изъ себя и наконецъ искательный передъ начальствомъ, онъ, по духу того времени, Богъ знаетъ до какихъ высокихъ должностей дослужился бы и ужъ въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и звѣздоносцемъ, какъ вдругъ въ службѣ повѣяло чѣмъ-то, хоть и безтолковымъ, но новымъ: стали нужны составители проектовъ!.. Баронъ

очень хорошо понималъ, что составлять подобные проекты такой же вздоръ, какъ и писать краснорѣчивыя канцелярскія бумаги, но только онъ не умѣлъ этого дѣлать, съ юныхъ лѣтъ не привыкъ къ тому, и вслѣдствіе этого для него ясно было, что на болѣе высокія должности проползутъ вотъ эти именно составители проектовъ, а онъ при нихъ—самое большое, останется чернорабочимъ. Все это страшно грызло барона, и онъ, еще при жизни Михайлы Борисовича, хлопоталъ, чтобы какъ-нибудь проскочить въ сенаторы, и тотъ обѣщалъ ему это устроить, но не успѣлъ и умеръ, а преемникъ его и совсѣмъ сталъ тѣснить барона изъ службы. Только нѣмецкій закалъ характера и надежда на свою ловкость дали барону силы не пасть духомъ, и онъ вознамѣрился пока съѣздить въ Москву, отдохнуть тамъ и пріискать себѣ, если это возможно будетъ, какую-нибудь выгодную для женитьбы партію.

Баронъ въ этомъ случаѣ, благодаря своему петербургскому высокомѣрію, полагалъ, что стоитъ ему только показаться въ Москвѣ въ своихъ модныхъ пиджакахъ, съ дорогой своей тросточкой, и если при этомъ узнается, что онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ станиславской звѣзды, то всѣ московскія невѣсты сами побѣгутъ за нимъ; но вышло такъ, что на всѣ эти качества никто не счелъ за нужное хоть бы малѣйшее обратить вниманіе. Принявъ этотъ новый ударъ судьбы съ стоическимъ спокойствіемъ и ухаживая отъ-нечего-дѣлать за княгиней, баронъ мысленно рѣшился снова возвратиться въ Петербургъ и приняться съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ тереться по пріемнымъ и переднимъ разныхъ вліятельныхъ лицъ; но на этомъ распутіи своемъ онъ, сверхъ всякаго ожиданія, обрѣтаетъ Анну Юрьевну, которая, въ послѣднія свои свиданія съ нимъ, всей своей наружностью и каждымъ движеніемъ своимъ давала ему чувствовать, что она его, или другого, онъ хорошенько не зналъ этого, но желаетъ полюбить. Всѣ прежніе планы въ головѣ барона мгновенно измѣнились, и онъ прежде всего вознамѣрился снискать расположеніе Анны Юрьевны, а потомъ просить ея руки и сердца; она передъ тѣмъ только получила извѣстіе изъ-за границы, что мужъ ея умеръ тамъ.

— Теперь вамъ надобно замужъ выходить!—сказалъ ей баронъ по этому поводу.

— Ни за что на свѣтѣ, ни за что! Чтобы связать себя съ кѣмъ-нибудь — никогда!.. — воскликнула Анна Юрьевна и такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что баронъ сразу понялъ, что она въ самомъ дѣлѣ искренно не желаетъ ни за кого выйти замужъ, но чтобы она не хотѣла вступить съ нимъ

въ какія-либо другія, не столь прочныя отношенія,—это было для него еще подъ сомнѣніемъ.

Ухаживать за женщинами, какъ мы уже видѣли, баронъ былъ не мастеръ: онъ всегда ихъ расположеніе пріобрѣталъ деньгами, а не рѣчами, и потому привыкъ обращаться съ ними черезчуръ нахально и дерзко. Такой пріемъ, разумѣется, всякую другую женщину могъ бы только оттолкнуть, заставить быть осторожною, что̀ и происходило у него постоянно съ княгиней Григоровой, но съ Анной Юрьевной такая тактика вышла хороша: она сама въ жизнь свою такъ много слышала всякаго рода отдаленныхъ и сентиментальныхъ разговоровъ, что они ей сильно опротивѣли, и такимъ образомъ, поселясь при переѣздѣ въ городъ въ одномъ домѣ и видясь каждый день, Анна Юрьевна и баронъ стали играть между собой и шалить, словно маленькія дѣти.

Въ одинъ, напримѣръ, изъ сентябрьскихъ дней, которые часто въ Москвѣ бываютъ гораздо лучше іюньскихъ, баронъ и Анна Юрьевна гуляли въ ея огромномъ городскомъ саду по довольно уединенной и длинной аллеѣ. Баронъ сломалъ вѣтку и сталъ ею щекотать себѣ вокругъ уха и шеи.

— Что̀ вы это дѣлаете? — спросила Анна Юрьевна, устремляя на него смѣющійся взоръ.

— Щекочу себя!.. ужасно щекотно,—отвѣчалъ баронъ:—посмотрите!—прибавилъ онъ и пощекоталъ у Анны Юрьевны шею.

Та при этомъ съежилась всѣмъ станомъ.

— Ни, ни, ни! Не смѣйте больше! — проговорила она, но баронъ еще разъ ее пощекоталъ.

— Voilà pour vous!.. — вскрикнула Анна Юрьевна и, сломивъ вѣтку, хотѣла ударить ею барона, но тотъ побѣжалъ отъ нея, Анна Юрьевна тоже побѣжала за нимъ и, едва догнавъ, ударила его по спинѣ, а затѣмъ сама опустилась отъ усталости на дерновую скамейку: отъ бѣганья она раскраснѣлась и была далеко не привлекательна собой. Баронъ, взглянувъ на нее, замѣтилъ это, но счелъ болѣе благоразумнымъ не давать развиваться въ себѣ этому чувству.

— Велите мнѣ дать воды, мнѣ ужасно жарко! — сказала Анна Юрьевна.

Баронъ пошелъ и самъ ей принесъ полный стаканъ съ водою, изъ котораго Анна Юрьевна, отпивъ до половины, не проглотила воду, а брызнула ею на барона.

— А, такъ и я на васъ брызну!—воскликнулъ онъ и, схвативъ стаканъ, тоже набралъ изъ него воды. Тогда Анна Юрьевна ужъ побѣжала отъ него, но онъ однако въ кабинетѣ догналъ ее.

— Ну, Богъ съ вами, брызгайте, пожалуй!—вскричала она, снова утомившись и падая на длинное кресло.

Баронъ хотѣлъ на нее брызнуть, но не могъ и захохоталъ при этомъ во все горло.

— Нѣтъ, не могу; я проглотилъ воду! — сказалъ онъ, продолжая хохотать.

— Стиксовали, значитъ! — проговорила Анна Юрьевна.

— Да, стиксовалъ. А вы знаете это выраженіе?—спросилъ ее баронъ.

— Еще бы! — отвѣчала Анна Юрьевна.

Другой разъ, это было послѣ обѣда, за которымъ баронъ выпилъ весьма значительное количество портеру, они сидѣли, по обыкновенію, въ будуарѣ.

— Хороша ли у меня ботинка?—спросила Анна Юрьевна, протягивая къ нему свою ногу, обутую, въ самомъ дѣлѣ, въ весьма красивую ботинку.

— А хорошъ ли у меня сапогъ?—отвѣчалъ ей на это баронъ, подставляя свою ногу подъ ногу Анны Юрьевны и приподнимая ту немного отъ пола.

— Не смѣйте такъ дѣлать!—прикрикнула ужъ на него Анна Юрьевна.

Это занятіе ихъ, впрочемъ, было прервано приходомъ лакея, который сталъ зажигать лампы и такимъ образомъ сдѣлалъ будуаръ не столь удобнымъ для подобнаго рода сценъ.

Наконецъ однажды вечеромъ баронъ и Анна Юрьевна разговорились о силѣ.

— Я очень сильна,—сказала Анна Юрьевна.

— И я очень силенъ!—подхватилъ, не желая ей уступить, баронъ.

— Въ рукахъ я не меньше вашего сильна! — подхватила Анна Юрьевна.

— Не думаю — помѣряемтесь.

— Eh bien essayons!..—согласилась Анна Юрьевна, и они, вставъ и взявъ другъ друга за руки, стали ихъ ломать, при чемъ Анна Юрьевна старалась заставить барона преклониться передъ собой, а онъ ее, и, разумѣется, заставилъ, такъ что она почти упала передъ нимъ на колѣни.

На другой день послѣ этого вечера баронъ, сидя въ своемъ нарядномъ кабинетѣ, писалъ въ Петербургъ письмо къ одному изъ бывшихъ своихъ подчиненныхъ:

«Почтеннѣйшій Клавдій Семенычъ!

«Потрудитесь передать прилагаемое при семъ прошеніе мое объ отставкѣ по принадлежности и попросите объ одномъ,

чтобы уволили меня поскорѣй изъ-подъ своего начальствованія. Въ настоящее время я остаюсь пока въ Москвѣ. Этотъ городъ, исполненный русской старины, рѣшительно привлекаетъ мое вниманіе. Вы знаете всегдашнюю мою слабость къ историческимъ занятіямъ (баронъ, дѣйствительно, еще служа въ Петербургѣ, весьма часто говорилъ подчиненнымъ своимъ, что онъ очень любитъ исторію и что будто бы даже пишетъ что-то такое о ливонскихъ рыцаряхъ), но гдѣ же, какъ не въ праматери русской исторіи, это дѣлать? Карамзинъ писалъ свою великую исторію въ Свибловѣ, гдѣ я почти каждый день бывалъ нынѣшнимъ лѣтомъ!»

Перечитавъ все это, баронъ даже улыбнулся, зачѣмъ это онъ написалъ объ исторіи; но переписывать письма ему не захотѣлось, и онъ только продолжалъ его нѣсколько поискреннѣе:

«Будущее лѣто я поѣду за границу, а потомъ, вѣроятно, и въ Петербургъ, но только не работать, а пожуировать». Баронъ непремѣнно предполагалъ на слѣдующую зиму перетащить Анну Юрьевну въ Петербургъ, такъ какъ боялся, что онъ даже нынѣшнюю зиму умретъ со скуки въ праматери русской исторіи.

IV.

Разъ, часу въ первомъ дня, Анна Юрьевна сидѣла въ своемъ будуарѣ почти въ костюмѣ молодой: на ней былъ голубой капотъ, маленькій утренній чепчикъ; лицо ея было явно набѣлено и подрумянено. Анна Юрьевна, впрочемъ, и сама не скрывала этого и во всеуслышаніе говорила, что если бы не было на свѣтѣ куаферовъ и косметиковъ, то женщинамъ ея лѣтъ на Божій свѣтъ нельзя бы было показываться. Баронъ тоже сидѣлъ съ ней; онъ былъ совершенно въ домашнемъ костюмѣ, безъ галстука, въ туфляхъ вмѣсто сапогъ и въ сѣрой, съ красными оторочками, жакеткѣ.

Лакей вошелъ и доложилъ:

— Николай Гаврилычъ Оглоблинъ!

Анна Юрьевна взглянула на барона.

— Принимать или нѣтъ?—проговорила она, какъ бы спрашивая его.

— Отчего не принимать? Примите!.. Дайте только мнѣ уйти,—отвѣчалъ баронъ и поднялся со своего мѣста.

— Проси!—сказала Анна Юрьевна лакею.

Тотъ пошелъ.

Баронъ между тѣмъ ушелъ въ сосѣднюю комнату и оттуда, по особой винтовой лѣстницѣ, спустился внизъ.

Вошелъ Оглоблинъ: это былъ еще молодой человѣкъ съ завитой въ мелкіе барашки головой и съ выпуклыми глазами, тоже нѣсколько похожими на бараньи; губы и ноги у него были толстыя и мясистыя.

По происхожденію своему Оглоблинъ былъ даже аристократичнѣе князя Григорова; родъ его съ материнской стороны, говорятъ, шелъ прямо отъ Рюрика; прапрадѣды отцовскіе были героями нѣсколькихъ битвъ, и только родитель его вышелъ немного плоховатъ, впрочемъ, все-таки былъ сановникъ и слылъ очень богатымъ человѣкомъ; но самъ Николя Оглоблинъ оказывался совершенной дрянью и до такой степени пользовался малымъ уваженіемъ въ обществѣ, что, несмотря на то, что ему было за тридцать лѣтъ, его и до сихъ поръ еще называли monsieur Николя, или даже просто Николя. Онъ обыкновенно цѣлые дни ѣздилъ въ моднѣйшемъ, но глупѣйшемъ фаэтонѣ по Москвѣ то съ визитами, то обѣдать къ кому-нибудь, то въ театръ, то на гулянье, и всюду и вездѣ безъ умолку болталъ, и не то чтобы при этомъ что-нибудь выдумывалъ или лгалъ,—нисколько: умъ и воображеніе Николя были слишкомъ слабы для того, но онъ только, кстати ли это было или не кстати, разсказывалъ всѣмъ все, что̀ онъ увидитъ или услышитъ.

За такого рода качества ему, разумѣется, немало доставалось, такъ что отъ многихъ домовъ ему совсѣмъ отказали; товарищи нерѣдко говорили ему *дурака* и *подлеца*, но Николя не унимался и даже годъ отъ году все больше и больше начиналъ изливать изъ себя то, что̀ получалъ онъ изъ внѣшняго міра посредствомъ уха и глаза.

— А я, кузина, и не зналъ, что вы въ городѣ, — зарапортовалъ онъ сейчасъ же, какъ вошелъ, своимъ мясистымъ языкомъ, шлепая при этомъ своими губами и даже брызгая немного слюнями:—но вчера тамъ у отца собрались разные старички и говорятъ, что у васъ тамъ въ училищѣ актъ, что ли, былъ съ мѣсяцъ тому назадъ... Былъ?..

— Былъ!. Что̀ же?—сказала ему Анна Юрьевна тѣмъ же суровымъ голосомъ.

— И тамъ архіерей, что ли, какой-то былъ!..

— Былъ и архіерей,—говорила Анна Юрьевна тѣмъ же суровымъ голосомъ.

— И что тамъ начальница училища какая-то есть... mademoiselle Жиглинская, что ли...

— Есть; что̀ же?

— А то, что...—началъ Оглоблинъ, и шепелявый языкъ его немного запнулся при этомъ:—будто бы архіерей... я, ей-Богу,

передаю вамъ то, что другіе говорили, спросилъ даже: дама она или дѣвица... слышали вы это?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Спросилъ, говорятъ, и потомъ у себя, что ли, или тамъ въ какомъ-нибудь интимномъ кружкѣ своемъ и говоритъ: «что это, говоритъ, начальница въ училищѣ у Анны Юрьевны дѣвица, и отчего же elle est enceinte?»

— D'après quoi est-ce qu'il pense cela? — воскликнула Анна Юрьевна, замѣтно обезпокоенная этимъ извѣстіемъ.

— Je ne sais pas,—отвѣчалъ Николя, пожимая плечами.

— Hy!.. il se trompe!.. Elle n'est pas enceinte, mais elle est malade! — говорила Анна Юрьевна, желая какъ-нибудь спасти Елену отъ подобной молвы.

— C'est bien probable!..—согласился и Николя: — но вѣдь вы знаете, наши старички,—продолжалъ онъ, брызгая во всѣ стороны слюнями: — разахались, распѣтушились... «Въ женскомъ, говорятъ, заведеніи начальница съ такой дурной нравственностью!.. Ее надобно, говорятъ, сейчасъ исключить!..»

Анна Юрьевна не на шутку при этомъ разсердилась.

— Дурная нравственность passe encore!—начала она, дѣлая удареніе на каждомъ почти словѣ.—Отъ дурной нравственности человѣкъ можетъ поправиться; но когда кто дуракъ и занимаетъ высокую должность, такъ тутъ ничѣмъ не поправишь, и такого дурака надобно выгнать... Такъ вы это и скажите вашимъ старичкамъ—понравится имъ это или нѣтъ.

Николя при этомъ самодовольнѣйшимъ образомъ захохоталъ.

— Ей-Богу, сказалъ бы, да разсердятся только; отцу развѣ скажу,—отшлепалъ онъ своимъ язычищемъ.

— Отцу скажите,—онъ изъ такихъ же!

— Изъ такихъ же!—подтвердилъ и Николя, продолжая хохотать.—Такъ они еще говорили, — присовокупилъ онъ болѣе уже серьезнымъ тономъ:—въ газетахъ даже есть статья о вашемъ училищѣ.

— Какая статья?—спросила Анна Юрьевна. Сама она никогда не читала никакихъ газетъ и даже чувствовала къ нимъ величайшее отвращеніе вслѣдствіе того, что еще во время ея парижской жизни въ одной небольшой французской газеткѣ самымъ скандальнымъ образомъ и съ ужасными прибавленіями была разсказана вся ея біографія.

— Я потомъ отцу и говорю: «какая, я говорю, статья?» Онъ меня позвалъ въ кабинетъ и подалъ: «на, говоритъ, свези завтра къ Аннѣ Юрьевнѣ!»

И вслѣдъ затѣмъ Николя вынулъ изъ кармана нумеръ га-

зеты и подалъ его Аннѣ Юрьевнѣ. Та прочла статейку, и лицо ея снова запылало гнѣвомъ.

— Ахъ, какое негодяйство!—воскликнула она.

Статейка газеты содержала слѣдующее: «Нигилизмъ начинаетъ проникать во всѣ слои нашего общества, и мы, признаться, съ замирающимъ сердцемъ и болѣе всего опасались, чтобы онъ не коснулся наконецъ и до нашей педагогической среды; опасенія наши, къ сожалѣнію, болѣе чѣмъ оправдались: въ одномъ женскомъ учебномъ заведеніи начальница его, дѣвица, до того простерла свободу своихъ нигилистическихъ воззрѣній, что обыкновенно пріѣзжаетъ въ училище и уѣзжаетъ изъ него по большей части со своимъ обожателемъ».

Вѣсть объ этомъ въ редакцію сообщилъ Елпидифоръ Мартынычъ, который пользовалъ въ оной и, разговорившись какъ-то тамъ о развращеніи современныхъ нравовъ, привелъ въ примѣръ тому Елену, которую онъ, дѣйствительно, встрѣтилъ разъ подъѣзжающею съ княземъ къ училищу, и когда его спросили, гдѣ это случилось, Елпидифоръ Мартынычъ сначала объяснилъ, что въ Москвѣ, а потомъ назвалъ и самое училище.

«Печатая это, — гласила статья далѣе: — мы надѣемся, что лица, поставленныя блюсти за нравственностью юныхъ воспитанницъ, для которыхъ такой примѣръ можетъ быть пагубенъ на всю жизнь, не преминутъ немедля же вырвать изъ педагогической нивы подобный плевелъ!»

— Вы господина, что̀ издаетъ эту газету, знаете?—обратилась Анна Юрьевна къ своему гостю.

— Знаю-съ!—отвѣчалъ Николя.

— Ну, такъ передайте ему, что я презираю его мнѣніемъ et que je me moque de ses pasquinades и учиться у него управлять моимъ училищемъ не буду!

— Хорошо-съ, передамъ!—сказалъ, опять засмѣявшись, Николя и очень, какъ видно, довольный такимъ порученіемъ.— У насъ послѣ того Катерина Семеновна была, — бухалъ онъ, не давая себѣ ни малѣйшаго отчета въ томъ, что̀ онъ говоритъ и кому говоритъ.—«Что̀ жъ, говоритъ, спрашивать съ маленькой начальницы, когда, говоритъ, старшая начальница то же самое дѣлаетъ».

— Это я, что ли, то же самое дѣлаю?

— Да, вы; она ужасно васъ всегда бранитъ... У васъ вотъ тутъ внизу баронъ Мингеръ живетъ!—прибавилъ Николя, показывая на полъ.

— Живетъ!—подтвердила Анна Юрьевна.

— Катерина Семеновна говоритъ, что вы за него замужъ выходите.

— Выхожу, можетъ-быть... Ей-то что̀ жъ до этого!.. Завидно, что ли?

— Должно-быть, завидно, что ее никто не беретъ!—сказалъ Николя и снова захохоталъ своимъ глупымъ смѣхомъ.

Наконецъ, выболтавъ все, что̀ имѣлъ на душѣ, онъ сталъ прощаться съ кузиной.

— Мнѣ во многихъ еще мѣстахъ надобно побывать,—говорилъ онъ, протягивая ей свою жирную и пухлую руку.

По уходѣ его Анна Юрьевна велѣла позвать къ себѣ барона. Тотъ пришелъ.

— Дуралей этотъ Николя множество новостей мнѣ привезъ,—сказала она ему.

— Новостей?—спросилъ баронъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

— Да, и ужасно какого вздору: прежде всего, что я за васъ замужъ выхожу... разъ—враки.

— Враки...—повторилъ за нею протяжно баронъ.

— Потомъ ужъ газетная сплетня: статья тамъ есть про мое училище.

— Есть... читалъ... — произнесъ баронъ тѣмъ же протяжнымъ голосомъ.

— Что̀ же вы мнѣ не сказали о ней?

Баронъ пожалъ плечами.

— Во-первыхъ, я полагалъ, что вы сами ее знаете и читали; а во-вторыхъ, и спорить съ вами не хотѣлъ.

— Но въ чемъ же вы спорить со мной тутъ думали?—спросила Анна Юрьевна.

— Въ томъ, что я съ этой статьей совершенно согласенъ: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, дѣвушекъ, подобныхъ Еленѣ, держать начальницами учебныхъ заведеній.

— А какъ же у васъ, у мужчинъ, дураки набитые занимаютъ высокія мѣста?

— И это очень нехорошо!—возразилъ ей баронъ.

— Хорошо или нѣтъ, они однако занимаютъ.

Баронъ еще и прежде того пробовалъ Аннѣ Юрьевнѣ дѣлать замѣчанія насчетъ Елены, но она всякій разъ останавливала его довольно рѣзко, что̀ сдѣлала и теперь, какъ мы видимъ.

— Ваше дѣло-съ! — произнесъ онъ замѣтно недовольнымъ тономъ.

— Чисто мое, и ни до кого оно не касается!—сказала Анна Юрьевна; но въ эту самую минуту судьба какъ бы хотѣла смирить ея гордость и показать ей, что это вовсе не ея исключительно дѣло, и что она въ немъ далеко не полновластна и всемогуща.

Вошелъ лакей и подалъ ей пакетъ.

— Казенный-съ! — проговорилъ онъ какимъ-то мрачнымъ голосомъ.

Анна Юрьевна, взглянувъ на адресъ, измѣнилась немного въ лицѣ и проворными руками распечатала письмо. Оно было, какъ и ожидала она, объ Еленѣ.

«Милостивая государыня Анна Юрьевна! — писалось къ ней: — глубоко цѣня ваши просвѣщенные труды и заботы о воспитаніи русскихъ недостаточнаго состоянія дѣвицъ, я тѣмъ болѣе спѣшу сообщить вамъ, что начальница покровительствуемаго вами училища, дѣвица Жиглинская, по дошедшимъ о ней свѣдѣніямъ, самаго вреднаго направленія и даже предосудительнаго, въ смыслѣ нравственности, поведенія, чему явнымъ доказательствомъ можетъ служить ея настоящее печальное состояніе. Будучи увѣренъ, что въ этомъ послабленіи вами руководствовала единственно ваша доброта, я вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просилъ бы васъ сдѣлать немедленное распоряженіе объ удаленіи сказанной дѣвицы отъ занимаемой ею должности».

Дочитавъ письмо, Анна Юрьевна сейчасъ передала его барону, который тоже прочелъ его и, грустно усмѣхнувшись, покачалъ головой.

— Печальная вещь, но которой, впрочемъ, надобно было ожидать,—проговорилъ онъ.

— De la part des fous on peut s'attendre de tout!—произнесла Анна Юрьевна.

Баронъ на это ей ничего не сказалъ.

— Что же вы однако намѣрены дѣлать?—спросилъ онъ ее потомъ, помолчавъ немного.

— Я сама не знаю!.. Должна буду удалить ее; но я и сама послѣ этого выйду!.. Дайте мнѣ перо и бумаги, я сейчасъ же это и сдѣлаю.

Баронъ пододвинулъ то и другое Аннѣ Юрьевнѣ. Она сѣла и написала:

«По письму вашему я сдѣлаю распоряженіе и велю бѣдной дѣвушкѣ подать въ отставку. Какое непріятное чувство во мнѣ поселяетъ необходимость повиноваться вамъ, вы сами можете судить, а потому, чтобы не подвергать себя другой разъ подобной непріятности, я прошу и меня также уволить отъ должности: трудиться въ такомъ духѣ для общества, въ какомъ вы желаете, я не могу. Письмо мое, по принятому обычаю, я хотѣла-было заключить, что остаюсь съ моимъ уваженіемъ, но никакъ не рѣшаюсь написать этихъ словъ, потому что они были бы очень неискренни».

— Позвольте!.. позвольте!..—воскликнулъ баронъ, все время стоявшій за плечомъ у Анны Юрьевны и смотрѣвшій, что̀ она пишетъ:—такъ писать нельзя, что̀ вы въ концѣ приписываете.

— Отчего нельзя?—спросила настойчиво и капризно Анна Юрьевна.

— Оттого что васъ подъ судъ отдадутъ за подобное письмо. Развѣ можно въ полуофиціальномъ письмѣ написать, что вы кого бы то ни было не уважаете!

— Ну, что̀ жъ изъ того, что отдадутъ подъ судъ?.. Пускай отдадутъ: съ меня взять нечего—я женщина.

— Это все равно; васъ все-таки будутъ таскать въ судъ къ отвѣтамъ и потомъ посадятъ, можетъ-быть, на нѣсколько времени въ тюрьму.

Послѣдняго Анна Юрьевна немножко испугалась.

— Позвольте, я вамъ продиктую,—подхватилъ баронъ, замѣтивъ нѣсколько испуганное ея настроеніе:—все, что̀ вы желаете выразить, я скажу и только соблюду нѣкоторое приличіе.

— Ну, диктуйте,—согласилась Анна Юрьевна, садясь снова за письмо.

Баронъ ей продиктовалъ:

«Получивъ ваше почтеннѣйшее письмо, я не премину предложить бѣдной дѣвушкѣ выйти въ отставку, хоть въ то же время смѣю васъ завѣрить, что она болѣе несчастное существо, чѣмъ порочное. Усматривая изъ настоящаго случая, до какой степени я иначе понимала мою обязанность противъ того, какъ вы, вѣроятно, ожидали, я, къ великому моему сожалѣнію, должна просить васъ объ увольненіи меня отъ настоящей должности, потому что, поступая такъ, какъ вы того желаете, я буду насиловать мою совѣсть, а дѣйствуя по собственному пониманію, конечно, буду не угодна вамъ».

— Вотъ видите,—заключилъ баронъ, кончивъ диктовать письмо: — вышло ядомъ пропитано, но придраться не къ чему.

— Никакого тутъ яду нѣтъ. Не такъ бы къ этимъ господамъ слѣдовало писать!—возразила Анна Юрьевна съ неудовольствіемъ, однако написанное прежде ею письмо изорвала, а продиктованное барономъ запечатала и отправила. Баронъ вообще, день ото дня, все больше и больше начиналъ имѣть на нее вліяніе, и это, по преимуществу, происходило оттого, что онъ казался Аннѣ Юрьевнѣ очень умнымъ человѣкомъ.

— Ecoutez, mon cher!—обратилась она къ нему послѣ нѣкотораго раздумья: — князь Григоровъ не секретничаетъ съ вами объ Еленѣ?

— Нѣтъ, не секретничаетъ,—отвѣчалъ баронъ.

— Съѣздите къ нему, будьте такъ добры, и разскажите все это!—заключила Анна Юрьевна.

Баронъ сдѣлалъ гримасу: ему очень не хотѣлось ѣхать къ Григоровымъ, такъ какъ онъ предполагалъ, что они, вѣроятно, уже знали или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвали объ его отношеніяхъ къ Аннѣ Юрьевнѣ, а потому онъ долженъ былъ казаться имъ весьма некрасивымъ въ нравственномъ отношеніи, особенно княгинѣ, которую баронъ такъ еще недавно увѣрялъ въ своей неизмѣнной любви; а съ другой стороны, не угодить и Аннѣ Юрьевнѣ онъ считалъ какъ-то неудобнымъ.

— Пожалуйста,—повторила между тѣмъ та.

Баронъ, нечего дѣлать, поднялся и поѣхалъ, а черезъ какой-нибудь часъ вернулся и привезъ даже съ собой князя. Сей послѣдній не очень, повидимому, встревожился сообщеннымъ ему извѣстіемъ, что̀ отчасти происходило оттого, что все послѣднее время князь былъ, хоть и не въ веселомъ, но зато въ какомъ-то спокойномъ и торжественномъ настроеніи духа: его каждоминутно занимала мысль, что скоро и очень скоро предстояло ему быть отцомъ. О, съ какимъ восторгомъ и упоеніемъ онъ готовъ былъ принять эту новую для себя обязанность!..

— Я радъ съ своей стороны, что Елена не будетъ служить,—сказалъ онъ Аннѣ Юрьевнѣ.

— Но я зато не рада!..—возразила она.—Тутъ они затронули меня!.. Я сама должна черезъ это бросить мое мѣсто.

— И то отлично, что вы бросаете мѣсто!.. Развѣ въ Россіи можно служить?—подхватилъ князь.

— Я также нахожу, что отлично кинуть подобную должность, — подтвердилъ и баронъ.

Ему давно хотѣлось навести какъ-нибудь Анну Юрьевну на эту мысль съ тѣмъ, чтобы удобнѣе было уговорить ее ѣхать сначала за границу, а потомъ и совсѣмъ поселиться въ Петербургѣ.

Анна Юрьевна однако доводами своихъ кавалеровъ мало убѣдилась и оставалась разсерженною и взволнованною.

Князь послѣ того поѣхалъ сказать Еленѣ о постигшей ее участи и здѣсь встрѣтилъ то, чего никакъ не ожидалъ: дверь ему, по обыкновенію, отворила Марѳуша, у которой на этотъ разъ носъ даже былъ распухшимъ отъ слезъ, а лѣвая щека была вся въ синякахъ.

— Дома Елена Николаевна?—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ-съ, никакъ нѣтъ!—отвѣтила Марѳуша, едва удерживаясь отъ рыданій.

— Но гдѣ же она?—спросилъ съ безпокойствомъ князь.

— Онѣ совсѣмъ отъ маменьки уѣхали-съ.

— Какъ совсѣмъ уѣхала? Куда уѣхала?

— Въ гостиницу Роше какую-то!.. Дворникъ сейчасъ и платья ихнія повезъ туда за ними.

Князь понять ничего не могъ изъ всего этого.

— Что̀ же она разссорилась, что ли, съ матерью? — спросилъ онъ.

— Не знаю-съ, — отвѣчала Марѳуша, недоумѣвавшая, кажется, говорить ли ей правду или нѣтъ.

— А Елизавета Петровна гдѣ?—спросилъ князь.

— Онѣ дома-съ.

Какъ ни противно было князю каждый разъ встрѣчаться съ Елизаветой Петровной, но на этотъ разъ онъ самъ назвался на то, чтобы узнать отъ нея, что̀ такое случилось.

— Поди, доложи, приметъ ли она меня? — сказалъ онъ Марѳушѣ.

Та пошла.

— Пожалуйте, просятъ-съ, — сказала она, возвратясь къ нему въ переднюю.

Князь пошелъ.

Елизавета Петровна приняла князя у себя въ спальнѣ и лежа даже въ постели. Лицо у нея тоже было заплаканное и дышавшее гнѣвомъ.

— Что̀ Елена-то Николаевна ваша надѣлала со мной!..— произнесла она тотчасъ же, какъ князь вошелъ.

— Что̀ такое?—спросилъ тотъ.

Елизавета Петровна злобно усмѣхнулась.

— Разгнѣваться изволила... Эта сквернавка, негодяйка Марѳутка,—чесался у ней языкъ-то, — донесла ей, что управляющій вашъ всего какъ-то раза два или три приходилъ ко мнѣ на дачу и приносилъ отъ васъ деньги, такъ зачѣмъ вотъ это, какъ я смѣла принимать ихъ!.. И такихъ мнѣ дерзостей наговорила, такихъ, что я во всю жизнь свою ни отъ кого не слыхала ничего подобнаго.

Князь слушалъ Елизавету Петровну съ понуренной головой и съ недовольнымъ видомъ; ему, видимо, казалось все это вздоромъ и бабьими дрязгами.

— И все это по милости какой-нибудь мерзкой дѣвки,— продолжала между тѣмъ та, снова приходя въ сильный гнѣвъ.—Ну, и досталось же ей!.. досталось!.. будетъ съ нея...

Елизавета Петровна, въ самомъ дѣлѣ, передъ тѣмъ только била и таскала Марѳушу за волосы по всѣмъ почти комнатамъ, такъ что сама даже утомилась и бросилась послѣ того на постель; а добродушная Марѳуша полагала, что это такъ

и быть должно, потому что очень считала себя виноватою, разстроивъ барыню съ барышней своей болтовней.

— Что̀ жъ, Елена Николаевна совсѣмъ отъ васъ уѣхала?— спросилъ князь Елизавету Петровну.

— Совсѣмъ!.. Говоритъ, что не хочетъ, чтобы я ею торговала. Я пуще подбивала ее на это... Жаль, видно, стало куска хлѣба матери, и съ чѣмъ теперь я осталась?.. Нищая совсѣмъ! Пока вотъ вы не стали помогать намъ, дня по два сидѣли не ѣвши въ нетопленыхъ комнатахъ, да еще жалованье ея тогда было у меня, а теперь что̀? Ужъ какъ милостыни буду просить у васъ, не оставьте вы меня несчастную!

Елизавета Петровна повернулась на своей постели и спустила одну руку до самаго пола, какъ бы представляя, что она кланяется князю до земли.

— Будете вы обезпечены, этимъ не тревожьтесь!—сказалъ ей тотъ съ досадой и собираясь уйти.

— А нынѣшній-то мѣсяцъ получу ли, что̀ прежде получала? Онъ ужъ весь прошелъ!.. — проговорила Елизавета Петровна кроткимъ голосомъ.

— Получите и за нынѣшній и за будущій, — отвѣчалъ ей князь, выходя въ залу и явно-презрительнымъ тономъ.

Сѣвъ въ карету, онъ велѣлъ какъ можно проворнѣе везти себя въ Роше-де-Канкаль. Елена взяла тотъ же номеръ, гдѣ они обыкновенно всегда встрѣчались. При входѣ князя она взмахнула только на него глазами, но не тронулась со своего мѣста. За послѣднее время она очень похудѣла: подъ глазами у нея шли синіе круги; румянецъ былъ какой-то неровный.

— Прекрасно, отлично со мной вы поступали! — говорила она, подавая, впрочемъ, князю руку, когда тотъ протянулъ свою.

— Что̀ такое я поступалъ?—отвѣчалъ тотъ, смѣясь.

— Ничего!.. смѣшно это очень!.. — продолжала искренно-сердитымъ голосомъ Елена.—Хоть бы словомъ, хоть бы звукомъ намекнулъ мнѣ, что̀ у нихъ тутъ происходитъ: хороша откровенность между нами существуетъ!

— Въ чемъ тутъ откровенности-то быть,—я даже не знаю!..

— Какъ вы не знаете?—воскликнула Елена.—Вы знали, я думаю, что я всю честь мою, все самолюбіе ставила въ томъ, чтобы питаться своими трудами и ни отъ кого не зависѣть, и вдругъ оказывается, что вы перешепнулись съ милой маменькой моей, и я содержанкой являюсь, никакъ не больше, самой чистѣйшей содержанкой!

— Содержанкой, выдумала что̀!..—произнесъ князь.

— Какъ же не содержанкой? Мать мнѣ сама призналась,

что она получала отъ васъ нѣсколько мѣсяцевъ по триста рублей серебромъ каждый, и я надѣюсь, что деньги эти вы давали ей за меня, и она, полагаю, знала, что это вы платите за меня!.. Какъ же вы оба смѣли не сказать мнѣ о томъ?.. Я не вещь неодушевленная, которую можно нанимать и отдавать въ наемъ, не спрашивая даже ея согласія!

— Я единственно не сказалъ тебѣ потому, что этого не желала мать твоя.

— А вы развѣ не знали, что̀ за существо мать моя?.. развѣ я скрывала отъ васъ когда-нибудь ея милыя качества? Но, можетъ-быть, вамъ ея взглядъ на вещи больше нравится, чѣмъ мой; вамъ тоже, можетъ-быть, желалось бы не любить меня, а покупать только!..

— Я не покупалъ васъ, а дѣлился съ вами тѣмъ, чего у меня избытокъ: вы сами собственность считаете почти зломъ, отъ котораго каждому хорошо освободиться!

— Да-съ, прекрасно!.. — возразила ему съ запальчивостью Елена:—это было бы очень хорошо, если бы вы весь вашъ доходъ дѣлили между бѣдными, и я съ удовольствіемъ бы взяла изъ нихъ слѣдуемую мнѣ часть; но быть въ этомъ случаѣ пріятнымъ исключеніемъ я не желаю, и тѣмъ болѣе, что я нисколько не нуждалась въ вашихъ деньгахъ: я имѣла свои средства!

— Но ваши средства были такъ ничтожны, что на нихъ нельзя было существовать. Елизавета Петровна мнѣ призналась, что до моей маленькой помощи вы не имѣли дровъ на что купить, обѣда порядочнаго изготовить, и если вамъ не жаль себя и вашего здоровья, такъ старуху вамъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ пощадить и сдѣлать для нея жизнь нѣсколько поспокойнѣе.

— Я нисколько не обязана эту старуху особенно успокаивать!—возразила Елена.

— Какъ не обязаны!.. она вамъ мать! — воскликнулъ даже съ удивленіемъ князь.

— Что̀ жъ такое мать! — отвѣчала, въ свою очередь, съ запальчивостью Елена.

Князь пожалъ на это плечами.

— То, что въ насъ есть чисто-инстинктивное и совершенно безсознательное чувство любви родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ!—возразилъ онъ ей.

— Да, родителей къ дѣтямъ — это такъ, и оно̀ дано имъ природой въ смыслѣ поддержанія рода, чтобы они берегли и лелѣяли своихъ птенцовъ; дѣти же обыкновенно наоборотъ: какъ получатъ силы, въ нихъ сейчасъ является стремленіе

улетѣть изъ родного гнѣзда. Конечно, есть родители, которые всѣхъ самихъ себя кладутъ въ воспитаніе дѣтей, въ ихъ будущее счастье,—тѣ родители, разумѣется, заслуживаютъ благодарности отъ своихъ дѣтей; но моей матери никакъ нельзя приписать этого: въ дѣтствѣ меня гораздо больше любилъ отецъ, потомъ меня веселилъ и наряжалъ совершенно посторонній человѣкъ, и наконецъ воспитало и поучало благотворительное заведеніе.

Съ каждымъ словомъ Елены князь становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Онъ совершенно соглашался, что она говоритъ правду, но все-таки ему тяжело было ее слушать.

— Вы, можетъ-быть, дѣйствительно,—началъ онъ, не поднимая глазъ на Елену: — имѣете нѣкоторое право не заботиться очень много о вашей матери, но вы теперь должны ужъ подумать о самой себѣ: вамъ самимъ будетъ не на что существовать!

— Почему же мнѣ не на что будетъ существовать? Я жалованье имѣю.

— То-есть имѣли!.. Вотъ прочтите эту бумагу, которую прислали о васъ Аннѣ Юрьевнѣ, — проговорилъ князь и подалъ полученное Анной Юрьевной письмо, которое онъ, уѣзжая отъ нея, захватилъ съ собой.

Прочитавъ письмо, Елена страшно измѣнилась въ лицѣ. Князь никакъ не ожидалъ даже, чтобы это такъ сильно ее поразило.

— Что̀ жъ, развѣ Анна Юрьевна и выгонитъ меня по этому письму? — спросила она съ раздувшимися ноздрями и дрожащимъ немного голосомъ.

— Аннѣ Юрьевнѣ дѣлать больше нечего, она не можетъ не слушать даннаго ей приказанія, — отвѣчалъ неторопливо князь.

— Нѣтъ, этого нельзя!.. этого не должно быть!..—возразила Елена.—Вы, князь, извольте хлопотать, какъ угодно!.. поднимите всѣ ваши аристократическія связи и отстойте меня!..

— Весьма радъ бы былъ,—сказалъ тотъ:—но тутъ ничего не подѣлаешь; вы прочтите, кѣмъ подписано письмо: этихъ господъ никакими связями не пересилишь!

— Поэтому я такъ и погибать должна? — спросила Елена.

— Но зачѣмъ же погибать, другъ мой милый? Вдумайтесь вы хорошенько и поспокойнѣе въ ваше положеніе, — началъ князь сколь возможно убѣдительнымъ голосомъ.—На что вамъ служба?.. зачѣмъ она вамъ?.. Неужели я по своимъ чувствамъ и по своимъ средствамъ наконецъ, — у меня вѣдь, Елена, больше семидесяти тысячъ годового дохода, — неужели я не могу обезпечить васъ и вашу матушку?

— Я не хочу моей матери обезпечивать,—понимаете вы?.. Я еще давеча сказала, что ей довольно мною торговать! Если вы хотите ей помогать, такъ лично для нея, но никакъ не для меня!.. Чтобъ и имени моего тутъ не было!

— Прекрасно: я ей буду помогать лично для нея; но какъ же вы-то, чѣмъ будете жить? Позволите вы мнѣ вамъ предложить что-нибудь для вашего существованія?

— Теперь, конечно, давайте! Не съ голоду же умирать!— отвѣчала Елена, пожимая плечами. — Не думала я такъ повести жизнь,—продолжала она почти отчаяннымъ голосомъ:— и вы, по крайней мѣрѣ,—отнеслась она къ князю:—поменьше мнѣ давайте!.. наймите мнѣ самую скромную квартиру—хоть этимъ отличаться немного отъ содержанки!

— Вы помѣшаны, Елена, ей-Богу, помѣшаны! — сказалъ князь.

— Ну да, разумѣется, помѣшанная: думала всю жизнь сама собой просуществовать, а судьба-то и пристукнула: «врешь!.. помни, что ты женщина! а негодяи-мужчины давнымъ-давно и всюду отняли у васъ эту возможность!..»

Князь ничего ей не возражалъ: его, по преимуществу, безпокоило то, что Елена, въ ея положеніи, волнуется и тревожится.

— Если я умру теперь, что̀ весьма возможно,—продолжала она:—то знайте, что я унесла съ собой одно неудовлетворенное чувство, про которое еще Кочубей у Пушкина сказалъ: «Есть третій кладъ—святая месть, ее готовлюсь къ Богу снесть!» Меня вотъ въ этомъ письмѣ, — говорила Елена, указывая на письмо къ Аннѣ Юрьевнѣ:—укоряютъ въ вредномъ направленіи; но, каково бы ни было мое направленіе, худо ли, хорошо ли оно, я говорила о немъ всегда только съ людьми, которые и безъ меня такъ же думали, какъ я думаю; значитъ, я не пропагандировала моихъ убѣжденій!.. Напротивъ того, въ этой дурацкой школѣ глупыхъ дѣвчонокъ заставляла всегда твердѣйшимъ образомъ учить катехизисъ и разныя священныя исторіи, внушала имъ страхъ и уваженіе ко всевозможнымъ начальническимъ физіономіямъ; но меня все-таки выгнали, вышвырнули изъ службы, а потому теперь ужъ извините: никакого другого чувства у меня не будетъ къ моей родинѣ, кромѣ ненависти, Впрочемъ, я и по рожденію больше полячка, чѣмъ русская, и за все, что̀ теперь будетъ клониться къ погибели и злу вашей дорогой Россіи, я буду хвататься, какъ за ароматъ какой-нибудь.

Князь продолжалъ оставаться нахмуреннымъ.

— Странная логика! — продолжалъ онъ: — вамъ одинъ ка-

кой-то господинъ сдѣлалъ зло, а вы начинаете питать ненависть ко всей странѣ.

— Не одинъ этотъ господинъ, а вся страна такая отъ малаго и до большого, отъ мужика и до министра!.. И вы сами точно такой же!.. И это чувство я передамъ съ молокомъ ребенку моему; пусть оно и его одушевляетъ и даетъ ему энергію дѣйствовать въ продолженіе всей его жизни.

— Но, прежде чѣмъ передавать ему такія убѣжденія, — возразилъ князь, видя, что Елена все больше и больше выходитъ изъ себя: — вамъ надобно позаботиться, чтобы здоровымъ родить его, а потому успокойтесь и не думайте о той непріятности, которую я имѣлъ глупость передать вамъ.

— Ахъ, да, дѣйствительно, — воскликнула Елена грустно-насмѣшливымъ голосомъ:—женщина прежде всего должна думать, что она самка, и что первая ея обязанность—родить здоровыхъ дѣтей, здоровой грудью кормить ихъ, потомъ снова беременѣть и снова кормить: обязанность пріятная — нечего сказать!

— Зато самая естественная, не придуманная, — сказалъ князь.

— Конечно, конечно!.. — соглашалась Елена тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ. — Непріятно въ этомъ случаѣ для женщинъ только то, что, такъ какъ эти занятія самки имъ не даютъ времени заняться ничѣмъ другимъ, такъ мужчины и говорятъ имъ: «ты, матушка, шагу безъ насъ не смѣешь сдѣлать, а не то сейчасъ умрешь съ голоду со всѣми дѣтенышами твоими!»

— Но что̀ же дѣлать съ тѣмъ, что женщины, а не мужчины родятъ, — это ужъ законъ природы, его же не прейдеши!—сказалъ князь, смѣясь.

— Нѣтъ, прейдемъ, прейдемъ, — извините! — повторяла настойчиво Елена.

— Но какъ и чѣмъ?—спросилъ князь.

— А тѣмъ, что родимъ ребенка, да и отдадимъ его въ общину!

— И вы въ состояніи были бы теперь вашего ребенка отдать въ общину?

— Отчего же не отдать?.. Не знаю, что̀ я потомъ къ нему буду чувствовать, но, судя по теперешнимъ моимъ чувствамъ, кажется, отдала бы...—отвѣчала Елена, но какъ-то уже не такимъ рѣшительнымъ тономъ.

— Нѣтъ, не отдали бы!—возразилъ ей князь и вскорѣ потомъ ушелъ отъ нея.

Всю дорогу онъ прошелъ пѣшкомъ и былъ точно оше-

ломленный. Послѣдній разговоръ его съ Еленой не то что былъ для него какою-нибудь нежиданностью, — онъ и прежде еще того хорошо зналъ, что Елена такимъ образомъ думаетъ, наконецъ самъ почти такъ же думалъ, — но все-таки мнѣнія ея какъ-то выворачивали у него всю душу, и при этомъ ему невольно представлялась княгиня, какъ совершенная противоположность Еленѣ: та обыкновенно каждую недѣлю писала родителямъ длиннѣйшія и почтительныя письма и каждое почти воскресенье одѣвалась въ одно изъ лучшихъ платьевъ своихъ и ѣхала въ церковь слушать проповѣдь; все это, пожалуй, было ему немножко смѣшно видѣть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадно.

V.

Миклаковъ, несмотря на то, что условился съ княгиней играть въ карты, не бывалъ однако у Григоровыхъ въ продолженіе всего того времени, пока они жили на дачѣ. Причина, его останавливавшая въ этомъ случаѣ, была очень проста: онъ находилъ, что у него нѣтъ приличнаго платья на то, чтобы явиться къ княгинѣ, и все это время занятъ былъ изготовленіемъ себѣ новаго туалета; недѣли три, по крайней мѣрѣ, у него ушло на то, что онъ обдумывалъ, какъ и гдѣ бы ему добыть на сей предметъ денегъ, такъ какъ жалованья онъ всего только получалъ сто рублей въ мѣсяцъ, которые проживалъ до послѣдней копейки; оставалось поэтому одно средство: заказать себѣ у какого-нибудь извѣстнаго портного платье въ долгъ; но Миклаковъ никогда и ни у кого ничего не занималъ. По нѣскольку разъ въ день онъ подходилъ къ нѣкоторымъ богатымъ магазинамъ портныхъ, всходилъ даже до половины лѣстницы къ нимъ и снова ворочался. Наконецъ разъ, выпивъ предварительно въ Московскомъ трактирѣ рюмки три водки, онъ рѣшился и вошелъ въ магазинъ нѣкоего господина Майера. Подмастерье съ жидовскою физіономіею встрѣтилъ его.

— Могу я видѣть господина хозяина?—спросилъ Миклаковъ, краснѣя немного въ лицѣ.

— Господина хозяина?..—переспросилъ его съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ подмастерье.

— Да... Я желалъ бы съ нимъ переговорить объ одной вещи, — сказалъ, какъ-то неловко и сильно конфузясь, Миклаковъ.

— Ваша фамилія? — спросилъ подмастерье опять тѣмъ же тономъ недоумѣнія.

— Онъ меня не знаетъ: это все равно, скажу ли я мою фамилію или нѣтъ,—говорилъ Миклаковъ, окончательно сконфузясь.

Подмастерье нѣкоторое время недоумѣвалъ; онъ врядъ ли не начиналъ подозрѣвать въ Миклаковѣ мошенника, который хочетъ выслать его изъ комнаты, а самъ въ это время и стянетъ что-нибудь.

— Генрихъ!—крикнулъ онъ наконецъ, какъ бы придумавъ нѣчто.

На этотъ зовъ изъ сосѣдней комнаты выскочилъ молодой человѣкъ въ самомоднѣйшихъ узкихъ штанахъ и тоже съ жидовскою физіономіей.

— Попросите сюда Адольфа Иваныча! — сказалъ ему подмастерье.

— А!.. Адольфа Иваныча!.. — крикнулъ юный Генрихъ и опять убѣжалъ въ сосѣднюю комнату.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того показался и самъ Адольфъ Иванычъ, уже растолстѣвшій и краснощекій жидъ, съ довольнѣйшей физіономіей и съ какими-то масляными губами: онъ сейчасъ только изволилъ завтракать и былъ еще даже съ салфеткой въ рукахъ.

— Васъ спрашиваетъ вотъ этотъ господинъ!—сказалъ ему подмастерье, указывая рукой на Миклакова.

Адольфъ Иванычъ подошелъ къ тому и нѣсколько вопросительно склонилъ голову.

Миклаковъ началъ, немножко запинаясь, и былъ при этомъ не то что ужъ красный, а какой-то багровый:

— Я вотъ видите-съ... служу бухгалтеромъ... жалованье получаю порядочное... и просилъ бы васъ... сдѣлать мнѣ въ долгъ... за поручительствомъ, разумѣется, казначея нашего... въ долгъ платье... съ разсрочкой на полгода, что ли!..

— Платье?.. Въ долгъ?.. — повторилъ Адольфъ Иванычъ и неторопливо обтеръ себѣ при этомъ ротъ салфеткой. — Ваша фамилія? — прибавилъ онъ затѣмъ какъ бы нѣсколько строгимъ голосомъ.

— Фамилія моя не княжеская и не графская, а просто Миклаковъ!—отвѣчалъ тотъ, въ свою очередь, тоже рѣзко.

Адольфъ Иванычъ открылъ при этомъ широко глаза.

— Господинъ Миклаковъ, авторъ такихъ прекрасныхъ разсужденій?—произнесъ онъ съ уваженіемъ и съ удивленіемъ.

— Тотъ самый-съ! — отвѣчалъ Миклаковъ, сильно этимъ ободренный.

— Но скажите, отчего же вы не пишете теперь? — спрашивалъ его Адольфъ Иванычъ.

— Да такъ!.. Какъ-то разошелся со всѣми господами журналистами.

— Жаль!.. Очень жаль!.. Я еще въ молодости читалъ ваши сочиненія и увлекался ими: дѣйствительно, въ Россіи очень многое дурно, и всѣмъ, кто умѣетъ писать, надобно-съ писать, потому что во всѣхъ сословіяхъ начинаютъ ужъ желать читать! Всѣ хотятъ хоть сколько-нибудь просвѣтиться!.. Какое же вамъ платье угодно имѣть, почтеннѣйшій господинъ Миклаковъ? — заключилъ Адольфъ Иванычъ съ какой-то почти нѣжностью.

— Да я и не знаю...—отвѣчалъ тотъ, пришедшій, въ свою очередь, тоже въ какое-то умилительное состояніе: — фрачную пару, что ли, сюртукъ потомъ... Пальто... брюки какія-нибудь цвѣтныя.

— Прекрасно-съ!.. Безподобно!.. — повторялъ за нимъ Адольфъ Иванычъ. — Снимите мѣрку!.. — присовокупилъ онъ подмастерью, который, съ замѣтнымъ уже уваженіемъ къ Миклакову, сталъ исполнять это приказаніе.

— Мнѣ бы, знаете, и бѣлье надобно было сдѣлать,—говорилъ Миклаковъ, вытягивая, по требованію подмастерья, то руку, то ногу.—Нѣтъ ли у васъ знакомой мастерицы, которая бы мнѣ совершила это въ долгъ?

— Да мы же вамъ и сдѣлаемъ, — что̀ вамъ хлопотать!.. Отлично сдѣлаемъ!..— воскликнулъ Адольфъ Иванычъ, и подмастерье, не ожидая отъ хозяина дальнѣйшихъ приказаній, снялъ съ Миклакова также мѣрку и для бѣлья.

— Нужно-съ въ Россіи просвѣщеніе, нужно-съ!.. — толковалъ между тѣмъ Адольфъ Иванычъ.

— А что̀ будетъ стоить все мое платье и бѣлье? — спросилъ Миклаковъ, гораздо болѣе занятый своимъ туалетомъ, чѣмъ просвѣщеніемъ въ Россіи.

— Счетъ!.. — крикнулъ Адольфъ Иванычъ подмастерью. Тотъ сейчасъ же написалъ его и подалъ Миклакову, у котораго, по прочтеніи этого счета, все лицо вытянулось: платья и бѣлья вышло на шестьсотъ рублей, значитъ, ровно на половину его годичнаго жалованья.

— Немножко дорого!..—проговорилъ онъ негромкимъ голосомъ.

— Дорого-съ, очень дорого!..—согласился и Адольфъ Иванычъ, но уступить, кажется, не намѣренъ былъ ни копейки.

Миклаковъ, дѣлать нечего, рѣшился покориться необходимости, хотя очень хорошо понималъ, что потомъ ему не на что будетъ купить никакой книжки ни подписаться въ библіотекѣ, и даже онъ лишится возможности выпивать каждо-

дневно сквернѣйшаго, но въ то же время любимѣйшаго имъ, по привычкѣ, вина лиссабонскаго, или, какъ онъ выражался, побесѣдовать вечеркомъ съ доброй Лизой.

— Прикажете доставить вамъ удостовѣреніе отъ казначея?.. — проговорилъ онъ Адольфу Иванычу.

— Ни, ни, ни!.. Не нужно-съ! Я господину Миклакову вѣрю гораздо болѣе, чѣмъ всѣмъ на свѣтѣ казначеямъ.

— Ну, благодарю... — сказалъ Миклаковъ, протягивая Адольфу Иванычу руку, которую тотъ съ чувствомъ и дружески пожалъ, и когда наконецъ Миклаковъ совсѣмъ пошелъ изъ магазина, онъ нагналъ его на лѣстницѣ и почти на ухо шепнулъ ему:

— У меня братъ вотъ пріѣхалъ изъ-за границы!.. Я сейчасъ съ нимъ и завтракалъ!.. Другъ задушевный Герцена былъ!.. Всѣ мысли его зналъ.

— Вотъ какъ!.. — произнесъ Миклаковъ, чтобы что-нибудь сказать въ отвѣтъ.

— Да!.. да!..—повторилъ Адольфъ Иванычъ съ важностью.— И онъ тоже совершенно со мной согласенъ, что въ Россіи нужнѣй всего просвѣщеніе. Русскій работникъ, напримѣръ, мужикъ русскій—онъ не глупъ, нѣтъ!.. Онъ не просвѣщенъ!.. Онъ только думаетъ, что если праздникъ, такъ онъ непремѣнно долженъ быть пьянъ, а будь онъ просвѣщенъ, онъ зналъ бы, что праздникъ не для того, а чтобы человѣкъ отдохнулъ,—согласны вы съ этимъ?

— Конечно!..—согласился Миклаковъ.—Итакъ, до свиданья, monsieur Майеръ!—прибавилъ онъ затѣмъ поспѣшно.

— До свиданья, до свиданья! — сказалъ ему тотъ самымъ радушнѣйшимъ образомъ.

Какъ ни велико оказалъ одолженіе почтенный господинъ Майеръ Миклакову, но тотъ, выйдя отъ него, сейчасъ же разразился почти ругательствомъ.

— Скверно-съ, скверно не имѣть денегъ, — говорилъ онъ, пробираясь домой:—всякій лавочникъ, всякій торгашъ будетъ вамъ нести чушь, и вы ему должны улыбаться, потому что онъ меценатъ вашъ!

Но какъ бы ни было, однако магазинъ Адольфа Иваныча съ этого дня сдѣлался предметомъ самаго тщательнаго вниманія для Миклакова: онъ чуть не каждый день заходилъ узнавать, что не нужно ли что-нибудь примѣрить на немъ, и когда наконецъ ему изготовлены были сюртучная пара и нѣсколько сорочекъ, то онъ немедля все это забралъ и какъ бы съ сокровищемъ какимъ пошелъ домой. Здѣсь онъ прежде всего написалъ княгинѣ записку: «По разнаго рода дѣламъ

моимъ, я не могъ до сего времени быть у васъ; но если вы позволите мнѣ сегодняшній день явиться къ вамъ въ качествѣ вашего партнера, то я исполнилъ бы это съ величайшимъ удовольствіемъ».

Снести это посланіе Миклаковъ нарочно нанялъ мальчика изъ сосѣдней мелочной лавочки, который невдолгѣ принесъ и отвѣтъ ему.

«Я рада буду васъ видѣть и сегодня цѣлый день дома»,— писала ему княгиня.

Такое позволеніе, какъ видно, очень обрадовало Миклакова; онъ нѣсколько разъ и съ улыбкою на губахъ перечиталъ письмецо княгини и часовъ съ семи принялся одѣваться: надѣвъ прежде всего бѣлую крахмаленную рубашку, онъ почувствовалъ какую-то свѣжесть во всемъ тѣлѣ; новый черный сюртучокъ, благодаря шелковой подкладкѣ въ рукавахъ, необыкновенно свободно шмыгнулъ у него по рукамъ; даже самая грудь его, одѣтая уже не въ грязную цвѣтную жилетку, а въ черную, изящно отороченную ленточкой, стала какъ бы дышать бо̀льшимъ благородствомъ; словомъ, въ этомъ костюмѣ Миклаковъ помолодѣлъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять. Взявъ въ руки свое старое пальто и свернувъ немного набокъ круглую шляпу, онъ весело и напѣвая даже пѣсенку пошелъ шагать по улицамъ московскимъ. У Григоровыхъ въ этотъ день, какъ нарочно, произошелъ цѣлый рядъ маленькихъ событій, которыя тѣмъ не менѣе имѣли вліяніе на судьбу описываемыхъ мною лицъ. Началось съ того, что съ самаго ранняго утра къ нимъ явилась г-жа Петицкая. Княгиня на этотъ разъ была болѣе обыкновеннаго въ откровенномъ настроеніи духа и, между прочимъ, разсказала своей пріятельницѣ, что у ней съ мужемъ чисто одни только дружественныя отношенія.

— Но какъ же это такъ, какъ такъ? — воскликнула г-жа Петицкая, исполненная удивленія.

— Но развѣ между нами могутъ существовать другія отношенія?—возразила ей, съ своей стороны, княгиня.

— Почему жъ не могутъ?—спросила госпожа Петицкая голосомъ невиннѣйшаго младенца.

— Потому что онъ любитъ другую женщину, — отвѣчала княгиня спокойно и съ достоинствомъ.

— Ахъ, такъ вы это знаете? — воскликнула г-жа Петицкая опять-таки дѣтски-невиннымъ голосомъ.

— Онъ самъ мнѣ давно сказалъ объ этомъ!—отвѣчала княгиня съ прежнимъ достоинствомъ.

Г-жа Петицкая рѣшительно не знала, какъ и держать

себя: начать ли бранить князя или нѣтъ? Она, впрочемъ, слишкомъ не любила его, чтобы удержаться при подобномъ случаѣ.

— Все это очень хорошо!..—начала она, какъ-то скосивъ на сторону весь свой ротъ:—но тутъ я одного не могу понять: какимъ образомъ молоденькую, хорошенькую жену промѣнять на подобную цыганку, потому что Жиглинская, по-моему, рѣшительно цыганка.

— Это ужъ его вамъ надобно спросить, а не меня!—отвѣчала ей съ горькой усмѣшкой княгиня.

Разговоръ этотъ ихъ былъ прерванъ полученнымъ письмомъ отъ Миклакова, прочитавъ которое, княгиня сейчасъ же написала на него отвѣтъ и обо всемъ этомъ тоже не сочла за нужное скрывать отъ г-жи Петицкой.

— А у меня сегодня вечеромъ гость будетъ!—сказала она ей.

— Кто такой?—спросила г-жа Петицкая съ любопытствомъ.

— Миклаковъ!—отвѣчала княгиня.

— Ну, неинтересенъ!..

— Но онъ очень уменъ, говорятъ!

— Не думаю!.. Что пьяница—это я слышала; но объ умѣ его что-то никто не говоритъ!..

— Нѣтъ, онъ очень, говорятъ, уменъ!—повторила еще разъ княгиня.

Въ это время вошелъ лакей и доложилъ:

— Николай Гаврилычъ Оглоблинъ!

Княгиня сдѣлала при этомъ недовольную мину.

М-г Оглоблинъ приходился тоже кузеномъ и князю Григорову, который, впрочемъ, такъ строго и сурово обращался съ нимъ, что m-r Николя почти не осмѣливался бывать у Григоровыхъ; но, услышавъ послѣднее время въ домѣ у отца разговоръ объ Еленѣ, гдѣ, между прочимъ, пояснено было, что она любовница князя, и узнавъ потомъ, что ее выгнали даже за это изъ службы, Николя воспылалъ нестерпимымъ желаніемъ, что̀ бы тамъ послѣ съ нимъ ни было, разсказать обо всемъ этомъ княгинѣ.

Подъѣхавъ къ дому Григоровыхъ, онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, что его примутъ, и его дѣйствительно не приняли бы, но за него заступилась г-жа Петицкая.

— Примите его, душенька!—воскликнула она:—я такъ много слышала объ этомъ господинѣ.

Княгиня послушалась ея и велѣла впустить Николя.

Тотъ влетѣлъ расфранченный и блистающій удовольствіемъ.

— Анну-то Юрьевну... — началъ онъ отшлепывать сію же минуту своими толстыми губищами:—выгнали изъ службы!

— Какъ выгнали?—спросила княгиня почти испуганнымъ голосомъ

Г-жа Петицкая свои, по обыкновенію, опущенные въ землю глаза при этомъ приподняла и уставила на Оглоблина.

— Выгнали! — повторилъ Николя почему-то съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. — Тамъ у ней начальница училища была какая-то Жиглинская... Она дѣвушка, а очутилась въ положеніи дамы, а Анна Юрьевна все заступалась за нее,— ихъ обѣихъ и вытурили! Ха-ха-ха!

— Вотъ какъ, и Елену вытурили? — спросила г-жа Петицкая какъ бы больше княгиню.

— Не знаю, я не слыхала этого,—отвѣчала та съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Вытурили обѣихъ!.. это головой моей парирую, что вѣрно!.. — выбивалъ язычищемъ своимъ Николя. — Къ намъ пріѣзжалъ Яковъ Семенычъ Перковъ—вы знаете Перкова?

— Да, немножко!..—отвѣчала княгиня.

— Онъ этакій святоша... житія архіереевъ все описываетъ, и говоритъ моей maman: «Аннѣ Юрьевнѣ, говоритъ, можно быть начальницей женскихъ заведеній только въ Японіи, а не въ христіанскомъ государствѣ».

— Почему же въ Японіи? — спросила княгиня невиннымъ голосомъ.

— Неужели вы не понимаете?—воскликнулъ Николя.

— Нѣтъ!—отвѣчала княгиня, смотря на него попрежнему съ недоумѣніемъ.

— Et vous aussi?..—отнесся Николя къ Петицкой.

— Я немножко!..—отвѣчала та, слегка краснѣя: когда что касалось до какихъ-нибудь знаній, то г-жа Петицкая, несмотря на свою скромность, всегда признавалась, что она все знаетъ и все понимаетъ.

— Тамъ дѣвушекъ учатъ не въ пансіонахъ, а въ другихъ мѣстахъ!..—пояснилъ Николя и залился снова смѣхомъ.

Но княгиня, кажется, и тутъ ничего не поняла.

Г-жа же Петицкая, задержавъ при этомъ, по обыкновенію, дыханіе, окончательно покраснѣла.

— Яковъ Семенычъ, по-моему, совершенно справедливо говоритъ, — отшлепывалъ Николя, побрызгивая слюнями во всѣ стороны: — дѣвушка эта сдѣлалась въ извѣстномъ положеніи: значитъ, она грѣшна противъ седьмой заповѣди, — такъ?

На вопросъ этотъ обѣ дамы ему не отвѣчали.

— Значитъ, ее надобно наказать!.. предать покаянію, заключить въ монастырь...

— Монастырей недостало бы, если бы всѣхъ за это такъ наказывали,—сказала княгиня, слегка усмѣхаясь.

— Нѣтъ, мало что недостало бы!.. Тогда хуже бы вышло: стали бы скрывать это и убивать своихъ дѣтей!—проговорила г-жа Петицкая.

— Сдѣлайте милость: пусть убиваютъ, а ихъ за это на каторгу будутъ ссылать!—расхорохорился Николя.

— Но почему же вы такъ строго судите?.. Это почему?—отнеслась къ нему г-жа Петицкая: — неужели вы сами совершенно безгрѣшны?

— О, я совершенно безгрѣшенъ! — отвѣчалъ Николя и самодовольнымъ образомъ захохоталъ во все горло.

— Вы?.. Вы?—воскликнула г-жа Петицкая съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ и устремляя на Николя проницательный взглядъ.

— Да, я!—отвѣчалъ, продолжая смѣяться, Николя.

— Ну, я имѣю причины думать совсѣмъ другое! — возразила г-жа Петицкая.

— Вы имѣете?—спросилъ Николя. — Ахъ, это очень интересно!—воскликнулъ онъ и пересѣлъ рядомъ съ г-жою Петицкой.

Та при этомъ подобрала немножко платье съ той стороны, съ которой онъ сѣлъ, и даже вся поотодвинулась отъ него нѣсколько: она опасалась, чтобы Николя, разговаривая съ ней, не забрызгалъ ее слюнями.

— Что̀ такое вы имѣете, что̀ такое?—началъ онъ приставать къ ней, наклоняясь почти къ самому уху ея.

Г-жа Петицкая, въ самомъ дѣлѣ, знала про Николя кой-какія подробности: года три тому назадъ она жила на дачѣ въ паркѣ, на одномъ дворѣ съ француженкой m-lle Пижонъ, тайною страстью m-r Оглоблина, и при этомъ слышала, что онъ очень много тратитъ на нее денегъ. Кромѣ того, г-жа Петицкая изъ своего верхняго окна очень хорошо могла смотрѣть въ окна къ m-lle Пижонъ,—у г-жи Петицкой была почти страсть заглядывать въ чужія окна!.. При этомъ она видѣла, какъ Николя, для потѣхи m-lle Пижонъ, плясалъ въ одномъ бѣльѣ, какъ иногда стоялъ передъ ней на колѣняхъ, и при этомъ она била его по щекамъ; какъ въ нѣкоторыя ночи онъ являлся довольно поздно, но въ комнаты впускаемъ не былъ, а, постоявъ только въ сѣняхъ, уѣзжалъ обратно.

— Наконецъ это неблагородно! — воскликнулъ Николя: — произнести человѣку обвиненіе и не сказать, въ чемъ оно состоитъ!..

Николя думалъ, что это онъ сказалъ очень умную, а главное—чрезвычайно современную фразу.

— А, такъ вы хотите, чтобы я назвала вамъ вашу тайну?—проговорила г-жа Петицкая немножко какъ бы и устрашающимъ голосомъ.

— Хочу, скажите!—отвѣчалъ ей на это смѣло Николя.

— Извольте, я вамъ напомню: паркъ, Вазовскій переулокъ, третья дача на лѣвой сторонѣ.

— А!.. Ха-ха-ха!—захохоталъ Николя.

— Такъ вы, значитъ, смѣетесь теперь тому, что̀ тамъ происходило?—спросила его г-жа Петицкая.

— Ха-ха-ха! — продолжалъ хохотать Николя:—но какъ же вы это знаете?.. Вотъ что̀ удивительно.

— Я все знаю! Все знаю! — говорила г-жа Петицкая знаменательно.

— И когда-нибудь мнѣ это скажете?—говорилъ Николя съ разгорѣвшимися глазами..

— Не знаю, увижу, какъ вы будете стоить того!.. — отвѣчала Петицкая.

Николя, по преимуществу, доволенъ былъ тѣмъ, что молодая и недурная собой женщина заговорила съ нимъ о любви; дамамъ его круга онъ до того казался гадокъ, что тѣ обыкновенно намека себѣ не позволяли ему сдѣлать на это; но г-жа Петицкая въ этомъ случаѣ, видно, была менѣе ихъ брезглива.

— Но гдѣ же я съ вами буду встрѣчаться?—присовокупилъ Николя вполголоса.

— Да пріѣзжайте хоть сюда ужо вечеромъ!.. Здѣсь будутъ кое-кто!—отвѣчала ему г-жа Петицкая тоже вполголоса.

— А княгиня ничего?.. Приметъ? Впрочемъ, я и безъ доклада войду!.. А вы будете?—говорилъ Николя.

— Буду непремѣнно!

Николя послѣ этого поднялся съ своего мѣста.

— Adieu, кузина!—проговорилъ онъ, обращаясь къ княгинѣ.

— Adieu!—отвѣчала ему та, какъ бы очень занятая своей работой и не поднявъ даже глазъ на него.

Николя уѣхалъ.

Князь послѣднее время видался съ женой только во время обѣда, и когда они на этотъ разъ сошлись и сѣли за столъ, то княгиня и ему тоже объявила:

— А у меня сегодня будетъ твой пріятель Миклаковъ.

— И отлично!.. Онъ славный господинъ!—произнесъ князь.

— Но только я ужасно его боюсь: онъ насмѣшникъ, должно-быть, большой!—сказала княгиня.

— И насмѣшникъ не то что этакій веселый, а ядовитый!— подхватила г-жа Петицкая, неизвѣстно за что почти ненавидѣвшая Миклакова.

— Не свои ли вы качества приписываете ему? — сказалъ ей на это князь, начавшій послѣднее время, въ свою очередь, тоже почти ненавидѣть г-жу Петицкую.

Та при этомъ очень сконфузилась, покраснѣла и разобидѣлась.

— Благодарю покорно за подобное мнѣніе обо мнѣ!—проговорила она.

— Почему жъ оно для васъ обидно?.. Ядовитость не такое дурное качество, котораго бы люди могли стыдиться!—возразилъ ей князь.

— Да, но все-таки...—произнесла г-жа Петицкая и не докончила своей мысли

— Все-таки подобныхъ вещей не говорятъ въ глаза!—пояснила за нее княгиня.

Князь отвѣтилъ на это небольшой гримасой и совершенно отвернулся отъ г-жи Петицкой.

— Миклаковъ вотъ какой человѣкъ, — заговорилъ онъ потомъ, явно обращаясь къ одной только женѣ: — въ молодости онъ обѣщалъ быть ученымъ, готовился быть оставленнымъ при университетѣ; но, на бѣду великую, въ одномъ барскомъ домѣ, гдѣ давалъ уроки, онъ встрѣтилъ дочь—дѣвушку смазливую и неглупую... Онъ влюбился въ нее по уши; она отвѣчала ему тѣмъ же, давала ему даже тайныя свиданія въ саду, а когда время приспѣло, такъ и вышла замужъ за кого ей *приличнѣй* и *нужнѣй* было! Бѣдный Миклаковъ все тутъ потерялъ—всякое сердечное спокойствіе, вѣру въ людей, всю свою университетскую карьеру и наконецъ способность заниматься, потому что съ ума сошелъ!

— Какъ съ ума сошелъ?.. Не можетъ быть! — воскликнули въ одинъ голосъ княгиня и Петицкая.

— Такъ, сошелъ!—повторилъ князь:—а потому человѣкъ, котораго постигали въ жизни подобныя событія, врядъ ли способенъ къ одной только ядовитости; а что онъ теперь обозлился на весь Божій міръ, такъ имѣетъ на то полное нравственное право!

Всю эту исторію любви Миклакова князь узналъ отъ Елены, отъ которой тотъ не скрывалъ ея. Самъ же Миклаковъ никогда прямо не говорилъ о томъ князю.

— Вотъ никакъ бы не предполагала, что Миклаковъ можетъ влюбиться до такой степени,—проговорила княгиня.

— И я тоже!—подхватила г-жа Петицкая.

— Мало ли кто чего не предполагаетъ, и женщины вообще очень дурно понимаютъ мужчинъ!—возразилъ князь.

— Точно такъ же, какъ и мужчины! — сказала ему на это г-жа Петицкая.

Но князь на это ея замѣчаніе не отвѣтилъ ни словомъ и попрежнему сидѣлъ, отвернувшись отъ нея. Между тѣмъ разсказъ его о Миклаковѣ перевернулъ въ головѣ княгини совершенно понятіе о семъ послѣднемъ; она все послѣобѣда продумала, что какую прекрасную душу онъ долженъ имѣть, если способенъ былъ влюбиться до такой степени, и когда наконецъ вечеромъ Миклаковъ пришелъ, она встрѣтила его очень дружественно и, по свойственной женщинамъ наблюдательности, сейчасъ же замѣтила, что онъ одѣтъ франтомъ. Княгинѣ это было пріятно: предчувствіе говорило ей, что такъ щегольски Миклаковъ одѣлся для нея. Вскорѣ затѣмъ въ залѣ раздались новые шаги: княгиня думала, что это князь, но въ гостиную явился Николя Оглоблинъ. На лицѣ княгини явно выразилось удивленіе, а г-жа Петицкая при его появленіи немного потупилась. Николя замѣтилъ, кажется, не совсѣмъ пріятное выраженіе на лицѣ хозяйки.

— А я вамъ давеча, кузина,—началъ онъ: — забылъ сказать, что у отца скоро будетъ балъ!.. Не забудьте объ этомъ и позаботьтесь о вашемъ туалетѣ: я нарочно заѣхалъ вамъ сказать о томъ.

Пріемъ этотъ Николя употреблялъ во всѣхъ домахъ, куда пріѣзжалъ неприглашенный.

— Не знаю, я врядъ ли буду у васъ на балѣ, — отвѣчала ему довольно сухо княгиня.

— Ну нѣтъ, пріѣзжайте! — воскликнулъ Николя и поспѣшилъ затѣмъ усѣсться рядомъ съ г-жою Петицкой.

Княгиня же обратилась къ Миклакову:

— Вы желаете играть въ карты?

— Если вамъ угодно!—отвѣчалъ тотъ.

Княгиня повела его въ совершенно особое отдѣленіе гостиной, за трельяжемъ, увитымъ плющомъ и цвѣтами, и гдѣ заранѣе были приготовлены столъ, карты и свѣчи. Здѣсь они усѣлись играть. Миклаковъ вначалѣ сильно потрухивалъ проиграть, потому что у него въ карманѣ было всего только три рубля серебромъ; но, сыгравъ нѣсколько игръ, совершенно успокоился: княгиня играла какъ новорожденный младенецъ и даже, повидимому, нисколько не хлопотала играть получше. Ее главнымъ образомъ мучило желаніе заговорить съ Миклаковымъ поскорѣе объ его несчастной любви и сумасшествіи.

— Скажите,—начала она, сильно конфузясь и краснѣя:—

мнѣ мужъ про васъ говорилъ... только вы, пожалуйста, не разсердитесь!.. Я, конечно, глупо дѣлаю, что спрашиваю васъ, но мнѣ ужасно любопытно: правда ли?.. Но нѣтъ, прежде вы лучше скажите мнѣ, что не разсердитесь на меня.

— Никогда и ни за что не разсержусь, — отвѣчалъ ей Миклаковъ.—Развѣ на ангела можно сердиться?—прибавилъ онъ, тасуя нѣсколько дрожащими руками карты.

— На ангела!.. — повторила княгиня еще болѣе смущеннымъ голосомъ. — Мнѣ мужъ говорилъ, что вы разъ сходили съ ума отъ несчастной любви!

Миклаковъ очень хорошо понялъ, что такая рекомендація въ глазахъ княгини была для него недурна.

— Цѣлый годъ былъ сумасшедшій!—отвѣчалъ онъ ей просто и совершенно нерисующимся образомъ.

— Вотъ этакъ пріятно быть любимой!—проговорила княгиня.

— Но непріятно такъ любить, — возразилъ ей съ горькой усмѣшкой Миклаковъ.

Далѣе разговоръ на эту тему не продолжался. Миклаковъ сталъ молча играть въ карты и только по временамъ иногда слегка вздыхалъ, и княгиня каждый разъ уставляла на него при этомъ добрый взглядъ; наконецъ она, какъ бы собравшись со смѣлостью и ставя при этомъ огромнѣйшій ремизъ, спросила его тихимъ голосомъ:

— Гдѣ жъ теперь эта особа?

— Она давно ужъ умерла, — отвѣчалъ ей Миклаковъ по прежнему просто.

Княгинѣ какъ будто бы пріятно было это услышать.

Къ концу пульки она, проигравъ рублей сорокъ, вспомнила вдругъ:

— Ахъ, monsieur Миклаковъ, вы, можетъ-быть, ужинаете?— произнесла она.

— Ужинаю, если ужинъ есть, и не ужинаю, когда его нѣтъ!

— Онъ сейчасъ будетъ!—воскликнула княгиня и сама побѣжала хлопотать объ ужинѣ, который черезъ полчаса и былъ готовъ.

М-г Оглоблинъ въ продолженіе всего вечера не отошелъ отъ г-жи Петицкой, такъ что ей даже посмѣялась княгиня:

— Вы, кажется, новаго обожателя себѣ пріобрѣли?

— Кажется! — отвѣчала Петицкая съ усмѣшкой и съ маленькой гримасой.

За ужиномъ Миклаковъ, по обыкновенію, выпилъ довольно много, но говорить что-либо лишнее остерегся и былъ только, какъ показалось княгинѣ, очень задумчивъ. При прощаньи онъ у ней пожалъ крѣпко руку.

— Благодарю васъ за все, за все!—говорилъ онъ съ удареніемъ.

— Вы будете иногда приходить ко мнѣ? — спросила на этотъ разъ княгиня сама, смотря на него своимъ добрымъ взглядомъ.

— Какъ прикажете, хоть завтра же!

— Завтра приходите!—сказала ему княгиня.

— Хорошо!—отвѣчалъ Миклаковъ и ушелъ.

Николя, въ свою очередь, предложилъ г-жѣ Петицкой довезти ее до дому; они тоже, должно-быть, постолковались между собой нѣсколько и пустились въ нѣкоторыя откровенности; Николя, напримѣръ, узналъ, что г-жа Петицкая—ни отъ кого независящая вдова; а она у него выпытала, что онъ съ m-lle Пижонъ покончилъ все, потому будто бы, что она ему надоѣла; но въ сущности m-lle Пижонъ его бросила и по этому поводу довольно откровенно говорила своимъ подругамъ, что подобнаго свинью нельзя къ себѣ долго пускать, какъ бы онъ ни велики платилъ за то деньги. Затѣмъ г-жа Петицкая сдѣлала Николя такой вопросъ, что кого же онъ теперь любитъ? А онъ началъ ее съ божбой увѣрять, что никого!.. Но г-жа Петицкая этому, разумѣется, не вѣрила. Тогда Николя ей объяснилъ, что онъ, пожалуй, теперь принадлежитъ всѣмъ женщинамъ и ни одной въ особенности, и этому г-жа Петицкая повѣрила. Поѣхавъ, дорогой Николя самъ ужъ разсказалъ ей, что онъ имѣетъ своего личнаго, независимаго отъ отца, годового дохода двадцать тысячъ; г-жа Петицкая перевела при этомъ какъ-то особенно дыханіе. Когда наконецъ они подъѣхали къ квартирѣ г-жи Петицкой, Николя прямо спросилъ ее, что въ какой день онъ можетъ застать ее дома?..

— Въ воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ, середу, четвергъ, пятницу и субботу! — отвѣчала ему скороговоркой г-жа Петицкая.

— А если я не застану васъ въ какой-нибудь день дома, что̀ тогда съ вами сдѣлать?—сказалъ Николя, тоже, въ свою очередь, желая сострить.

— Тогда на другой день пріѣдете! — произнесла г-жа Петицкая, проворно соскакивая съ саней и скрываясь за калиткою своего дома.

Всѣ эти объясненія сильно взволновали Николя.

— Эка какая она — а? — говорилъ онъ, и толстыя губищи его какъ-то отвисли у него при этомъ.

VI.

Ссора съ матерью сильно разстроила Елену, такъ что, по переѣздѣ на новую квартиру, которую князь нанялъ ей невдалекѣ отъ своего дома, она постоянно чувствовала себя не совсѣмъ здоровою, но скрывала это и не ложилась въ постель; она, по преимуществу, опасалась того, чтобы Елизавета Петровна, узнавъ объ ея болѣзни, не воспользовалась этимъ и не явилась къ ней подъ тѣмъ предлогомъ, что ей никто не можетъ запретить видѣть больную дочь. Кромѣ того, Елена не хотѣла безпокоить и князя, который, она видѣла, ужасно тревожится грядущимъ для нея кризисомъ; она даже думала, чтобы этотъ кризисъ прошелъ секретно для него, и ему уже сказать тогда. когда все будетъ кончено. Въ одну ночь однако князь вдругъ получилъ отъ Елены какимъ-то страннымъ почеркомъ написанную записку:

«Другъ мой, поспѣши ко мнѣ, я умираю, спасите хоть ребенка».

Князь, едва надѣвъ на себя кое-что, бросился къ ней. Онъ засталъ Елену, лежащую на постели, съ посинѣлымъ лицомъ и закатившимися глазами. Довольно нестарая еще акушерка суетилась и хлопотала около нея.

— Ну, вотъ теперь мнѣ легче будетъ умирать! — проговорила Елена, увидавъ князя и беря его за руку.

Вслѣдъ же затѣмъ его отозвала акушерка.

— Пошлите поскорѣй за докторомъ!.. Я одна тутъ ничего не могу сдѣлать! — проговорила она.

Князь опять побѣжалъ домой, самъ разбудилъ кучера и послалъ его за знаменитымъ докторомъ; кучеръ возвратился и доложилъ, что знаменитый докторъ у другой больной. Князь при этомъ извѣстіи вырвалъ у себя цѣлую прядь волосъ изъ головы, послалъ еще за другимъ знаменитымъ докторомъ, но тотъ оказался самъ больнымъ. Князь былъ готовъ съ ума сойти, тѣмъ болѣе, что Елена почти съ голосу на голосъ кричала. Онъ зналъ ея терпѣливость и понималъ, каковы должны быть ея страданія. Среди такого отчаянія, онъ вдругъ припомнилъ, какъ еще покойная мать его говорила ему, что ей въ родахъ очень помогъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Поѣзжай за Илліонскимъ! — крикнулъ онъ стоявшему въ дверяхъ кучеру.

Тотъ поскакалъ за Илліонскимъ.

Елпидифора Мартыныча разбудили и доложили ему, что его зовутъ отъ князя Григорова къ г-жѣ Жиглинской. Онъ уже

слышалъ, что Елена больше не жила съ матерью, и понялъ такъ, что это, вѣроятно, что-нибудь насчетъ родовъ съ ней происходитъ. Первое его намѣреніе было не ѣхать и оставить этихъ господъ гордецовъ въ безпомощномъ состояніи; но мысль, что этимъ онъ можетъ возвратить себѣ практику въ знатномъ домѣ Григоровыхъ, превозмогла въ немъ это чувство.

Онъ поѣхалъ. Князь, увидавъ его, чуть не бросился ему на шею.

— Спасите, Бога ради, несчастную!—воскликнулъ онъ.

— Я помочь только могу, а не спасти, спасти ее можетъ одинъ только Богъ!—отвѣчалъ ему наставническимъ голосомъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Войдя затѣмъ къ больной, онъ началъ ее довольно опытнымъ образомъ изслѣдовать; благодаря значительной силѣ въ рукахъ и большой смѣлости, Елпидифоръ Мартынычъ, какъ акушеръ, былъ, пожалуй, недурной.

— Я ничего тутъ не вижу особенно опаснаго!..—говорилъ онъ, продолжая мрачно смотрѣть на Елену.

— Можетъ-быть, младенецъ очень великъ... — тихо и несмѣло ему замѣтила акушерка.

— Ну да, врите больше!..—возразилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ и, взявъ Елену за руку, сталъ у нея пульсъ щупать, наклонивъ при этомъ даже голову, какъ бы затѣмъ, чтобы лучше чувствовать біеніе артеріи.

— Кромѣ слабости и упадка силъ рѣшительно ничего нѣтъ!— продолжалъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой. Затѣмъ Елпидифоръ Мартынычъ, отошедъ отъ Елены, осмотрѣлъ ее уже издали. — Ну, прежде всего надобно помолиться Богу!— заключилъ онъ и началъ молиться.

Акушерка, въ подражаніе ему, тоже стала молиться.

Князь смотрѣлъ на всю эту сцену, стоя прислонившись къ косяку и съ какимъ-то безсмысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Съ Елпидифора Мартыныча между тѣмъ катился уже холодный потъ, лицо у него было блѣдно, глаза горѣли какой-то рѣшимостью.

— Потрудитесь, моя милая, теперь всѣ, какіе у васъ есть, ковры и одѣяла послать на полъ, чтобъ сдѣлать его помягче,— сказалъ онъ менѣе суровымъ голосомъ стоявшей въ дверяхъ горничной.

Та принялась исполнять его приказаніе. Елпидифоръ Мартынычъ мрачно и внимательно смотрѣлъ на ея труды.

— Зачѣмъ вы все это дѣлаете? — спросилъ его наконецъ князь, какъ бы пришедшій нѣсколько въ себя.

— А вотъ затѣмъ, чтобы вы ушли отсюда!.. Ступайте!..

Ступайте!.. — сказалъ ему Елпидифоръ Мартынычъ и почти вытолкнулъ князя за дверь, которую за нимъ затворилъ и сверхъ того еще и заперъ. Князь, очутившись въ залѣ, сталъ однако съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваться къ тому, что происходило за дверью.

— Ну-съ, теперь все готово и отлично, — послышался ему голосъ Елпидифора Мартыныча. — Не угодно ли вамъ, милостивая государыня, привстать и пройтись немножко!—присовокупилъ онъ, видимо относясь къ Еленѣ.

— Не могу!.. не могу!..—простонала-было та на первыхъ порахъ.

— Нѣтъ!.. можете!.. встаньте!.. это необходимо, — к-ха! — говорилъ, кашлянувъ сперва, Елпидифоръ Мартынычъ.

Когда Елена начала вставать, то къ ней, должно-быть, подошла на помощь акушерка, потому что Елпидифоръ Мартынычъ явно, что на ту крикнулъ: «не поддерживайте!.. не ваше дѣло!..», и послѣ того онъ заговорилъ гораздо болѣе ласковымъ тономъ, обращаясь, конечно, къ Еленѣ: «ну, вотъ такъ!.. идите!.. идите ко мнѣ!»

Елена, вѣроятно, подходила къ нему.

— К-ха!—кашлянулъ вдругъ страшнѣйшимъ образомъ Елпидифоръ Мартынычъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ страшно вскрикнула и Елена.

Князь толкнулся-было, въ дверь, но она не уступила его усиліямъ. Прошло нѣсколько страшныхъ, мучительныхъ мгновеній... Князь стоялъ, уткнувшись головою въ дверь, у него все помутилось въ головѣ и въ глазахъ, только вдругъ онъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ: ему послышался явно плачъ ребенка... Князь опустился на стоявшее около него кресло; слезы, невѣдомо для него самого, потекли у него по щекамъ. «Боже, благодарю Тебя!»—произнесъ онъ, вскидывая глаза къ небу.

Долго ли просидѣлъ князь въ такомъ положеніи, онъ самъ того не зналъ; наконецъ запертая дверь отворилась, и въ ней показался Елпидифоръ Мартынычъ.

— Ну что, благополучно?—спросилъ его трепещущимъ голосомъ князь и съ еще болѣе выступившими слезами на глазахъ.

— Все отличнѣйшимъ манеромъ!.. Сына-съ вамъ подарила!..— отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ какъ бы веселымъ голосомъ, хоть холодный потъ все еще продолжалъ у него выступать на лбу, такъ что онъ безпрестанно утиралъ его своимъ фуляровымъ платкомъ.

Князь въ радости своей не спросилъ даже Елпидифора Мар-

тыныча, что̀ такое, собственно, онъ сдѣлалъ съ Еленой, а между тѣмъ почтенный докторъ совершилъ надъ нею довольно смѣлую и рискованную вещь: онъ, когда Елена подошла къ нему, толкнулъ ее, что̀ есть силы, въ грудь, такъ что она упала на полъ, и тѣмъ поспособствовалъ ея природѣ!.. Способъ этотъ Елпидифоръ Мартынычъ заимствовалъ у одной деревенской повитухи, которая всякій разъ и съ большимъ успѣхомъ употребляла его, когда родильницы трудно рожали. Самъ же Елпидифоръ Мартынычъ употребилъ его всего только другой разъ въ жизни: разъ въ молодости надъ одной солдаткой въ госпиталѣ, такъ какъ о тѣхъ не очень заботились,— умирали ли онѣ или оставались живыми, и теперь надъ Еленой: здѣсь очень ужъ ему хотѣлось блеснуть искусствомъ въ глазахъ ея и князя! Довольный и торжествующій, онъ сѣлъ въ залѣ писать рецептъ, а князь потихоньку, на цыпочкахъ вошелъ въ спальню, гдѣ увидѣлъ, что Елена лежала на постели, вѣки у ней были опущены, и сама она была блѣдна, какъ мертвая. Князь не осмѣлился даже подойти къ ней и пробрался-было въ сосѣднюю комнату, чтобы взглянуть на сына; но и того ему акушерка на одно мгновеніе показала, такъ что онъ разсмотрѣлъ только красненькій носикъ малютки. Князь послѣ того, какъ бы не зная, чѣмъ себя занять, снова возвратился въ залу и сѣлъ на прежнее свое мѣсто; онъ совершенно былъ какой-то растерянный: радость и ужасъ были написаны одновременно на лицѣ его. Елпидифоръ Мартынычъ, кончивъ писаніе рецепта, обратился къ нему:

— Вотъ-съ, извольте все это взять въ аптекѣ и употреблять по назначенію, а завтра часовъ въ двѣнадцать я опять къ вамъ заѣду,—проговорилъ онъ, затѣмъ всталъ, отыскалъ свою шляпу и проворно пошелъ.

Князь тутъ только вспомнилъ, что надобно было заплатить Елпидифору Мартынычу, и поспѣшилъ его догнать.

— Благодарю васъ, — говорилъ онъ, суя ему въ руку пятьсотъ рублей серіями, которыя случились у него въ карманѣ.

— Не нужно-съ! не нужно! — отвѣтилъ вдругъ Елпидифоръ Мартынычъ, кинувъ быстрый взглядъ на деньги и отстраняя ихъ своей рукой отъ себя.—Я не изъ корысти спасалъ больную, а прежде всего—по долгу врача, а потомъ и для того, чтобы вы оба устыдились и не на каждомъ бы перекресткѣ кричали, что я дуракъ и идіотъ: бываютъ обстоятельства, что и идіоты иногда понадобятся!

Говоря это, Елпидифоръ Мартынычъ блисталъ удовольствіемъ отъ мысли, что онъ могъ такъ великодушно и такъ бла-

городно отомстить князю и Еленѣ. Первый же стоялъ передъ нимъ съ потупленнымъ и нахмуреннымъ лицомъ.

— Пожалуйста, возьмите!..—повторилъ онъ еще разъ, протягивая опять къ Елпидифору Мартынычу руку съ деньгами.

— Не возьму-съ!—отвѣчалъ тотъ, снова кинувъ какой-то огненный взоръ на деньги и надѣвая калоши. Черезъ минуту онъ хлопнулъ дверями и скрылся совсѣмъ изъ глазъ князя.

За минуту такого торжества для Елпидифора Мартыныча вскорѣ послѣдовали и минуты раскаянія. Пріѣхавъ домой, онъ легъ-было въ постель, но заснуть не могъ и вдругъ, раздумавшись, ужасно сталъ досадовать на себя, зачѣмъ онъ не взялъ отъ князя денегъ. «Вотъ дуракъ-то я!»—говорилъ онъ самъ съ собой, повертываясь съ одного бока на другой. «Вотъ дуралей-то!»—прибавлялъ онъ, повертываясь опять на прежній бокъ, и такимъ образомъ онъ промучился до самаго утра, или, лучше сказать, до двѣнадцати часовъ, когда могъ ѣхать къ Жиглинской, гдѣ ожидалъ встрѣтить князя, который, можетъ-быть, снова предложитъ ему деньги; но князя онъ не нашелъ тамъ, тотъ былъ дома и отсыпался за проведенную безъ сна ночь. Елпидифоръ Мартынычъ надѣялся на слѣдующій день, по крайней мѣрѣ, встрѣтить князя и дѣйствительно встрѣтилъ его; князь былъ съ нимъ очень внимателенъ и любезенъ, но о деньгахъ ни слова, на слѣдующій день тоже, — и такимъ образомъ прошла цѣлая недѣля. Елпидифоръ Мартынычъ потерялъ всякое терпѣнье и разъ даже не выдержалъ и сказалъ акушеркѣ:

— А что̀, вамъ не платили еще ничего здѣсь?

— Нѣтъ, не платили, а что̀ же?

— Да такъ, мнѣ тоже; я самъ, впрочемъ, имѣлъ глупость: тогда князь тотчасъ же послѣ родовъ предлагалъ мнѣ тысячу рублей, а я не взялъ. Какъ, думаю, брать въ такую минуту,— сами согласитесь!

— Конечно!—согласилась акушерка.—Но что̀ же, все равно, онъ послѣ вамъ заплатитъ.

— Да вѣдь то-то послѣ заплатитъ—к-ха!.. Какъ тоже онъ понялъ мои слова? Можетъ-быть, онъ думаетъ, что я никогда не хочу съ него брать денегъ... Нельзя ли вамъ этакъ, стороной, имъ сказать:—«А что̀, молъ, платили ли вы доктору?— Пора, молъ, вездѣ ужъ по истеченіи такого времени платятъ!»

— Ни за что, ни за что!—воскликнула акушерка. — Они, пожалуй, подумаютъ, что этимъ я хочу о платѣ себѣ напомнить, ни за что!

— Ну, глупо! Другой разъ васъ ни на какую практику съ собой не приглашу!—сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Пожалуй, не приглашайте! сдѣлайте такое ваше одолженіе!—отвѣчала насмѣшливо акушерка.

Елпидифоръ Мартынычъ сталъ въ такое затруднительное положеніе касательно этихъ денегъ, что рѣшился даже посовѣтоваться съ Елизаветой Петровной и, собственно съ этой цѣлью, нарочно заѣхалъ къ ней.

— Поздравляю васъ съ внукомъ! — сказалъ онъ, входя къ ней.

— Какъ, развѣ родила Лена? — воскликнула Елизавета Петровна, вспыхнувъ вся въ лицѣ,—того, чтобы даже ей не прислали сказать, когда дочь родитъ, она ужъ и не ожидала!

— Какъ же, родила съ недѣлю тому назадъ прехорошенькаго мальчика!..

Елизавета Петровна на это молчала.

— Что̀ жъ, вамъ надобно теперь ѣхать и познакомиться съ внукомъ!—продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ этакой чести дождаться!.. Я во всю жизнь, можетъ-быть, не увижу его!.. И въ подворотню свою, чай, заглянуть теперь не пустятъ меня! — отвѣчала Елизавета Петровна, и ей нестерпимо захотѣлось хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на внука.

— Нѣтъ, пустятъ! — успокаивалъ ее Елпидифоръ Мартынычъ.

— А я знаю, что не пустятъ! — возражала ему Елизавета Петровна, и слезы уже текли по ея желтымъ и поблекшимъ щекамъ.

— Да, вотъ дѣти-то!.. Кабы они хоть немного понимали, сколько дороги они родительскому сердцу,—говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ размышляющимъ голосомъ.—Но вы все-таки съѣздите къ нимъ; примутъ ли они васъ или нѣтъ — это ихъ дѣло.

— Съѣзжу, исполню этотъ долгъ мой, — сказала Елизавета Петровна.

— Съѣздите!..—повторилъ еще разъ ей Елпидифоръ Мартынычъ:—ну и спросите ихъ, — продолжалъ онъ какъ бы болѣе шутливымъ голосомъ:—«а что̀, молъ, кто у васъ лѣчитъ?» Они скажутъ, разумѣется, что я.

— А развѣ вы ее лѣчите?

— Я... На волоскѣ ея жизнь была... три дня она не разрѣшалась... Всѣхъ модныхъ докторовъ объѣхали, никто ничего не могъ сдѣлать, а я, слава Богу, помогъ безъ ножа и безъ щипцовъ, — нынче вѣдь очень любятъ этимъ дѣйствовать, благо инструменты стали свѣтлые, острые: рѣжь ими тѣло человѣческое, какъ рѣпу.

— Что̀ вы-то такое сдѣлали? — спросила его Елизавета Петровна.

— Такъ, тутъ секретецъ одинъ, — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ уклончиво.

— Князь, чай, хорошо заплатилъ вамъ за это? — спросила Елизавета Петровна, заранѣе почти догадавшаяся, къ чему онъ ведетъ весь этотъ разговоръ.

— Да пока еще ничего! — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ-то стыдливо потупляя глаза свои.—Тутъ маленькое недоразумѣньице вышло... Когда все это благополучно кончилось, онъ вдругъ кидается ко мнѣ и предлагаетъ тысячу рублей...

— Тысячу же рублей, однако? — перебила его Елизавета Петровна.

— Цѣлую тысячу, — повторилъ Елпифидоръ Мартынычъ, неизвѣстно какимъ образомъ сосчитавшій, сколько ему князь давалъ: — но я тутъ, понимаете, себя не помнилъ — к-ха!.. Весь исполненъ былъ молитвы и благодарности къ Богу — к-ха... Мнѣ даже, знаете, обидно это показалось: думаю, я спасъ жизнь — к-ха!—двумъ существамъ, а мнѣ за это деньгами платятъ!.. Какія сокровища могутъ вознаградить за то?.. «Не надо, говорю, мнѣ ничего!».

— Вотъ ужъ это, по-моему, глупо!—сказала Елизавета Петровна.—Съ бѣдныхъ не взять—другое дѣло, а съ богатыхъ—что̀ ихъ жалѣть!

— Согласенъ, что такъ, но что̀ же прикажете съ характеромъ своимъ дѣлать? Не надо да не надо!.. Проходитъ послѣ того день, другой, недѣля, а они все, можетъ-быть, думаютъ, что мнѣ не надо,—такъ я на бобахъ и остался!

— И ништо вамъ, сами виноваты,—сказала ему Елизавета Петровна.

— Самъ, самъ!.. — согласился Елпидифоръ Мартынычъ. — Не пособите ли вы мнѣ въ этомъ случаѣ?.. Право, мнѣ становится это нѣсколько даже обидно... Вотъ когда и нужно,— присовокупилъ онъ какимъ-то даже растроганнымъ голосомъ:— чтобы родители были при дѣтяхъ и наставляли ихъ, какъ они должны себя вести!

— Плохо ужъ нынѣшнихъ дѣтей наставлять!—воскликнула Елизавета Петровна.

— Плохо-то, плохо! Конечно, что на первыхъ порахъ слова родительскія имъ покажутся непріятными; ну, а потомъ, какъ обдумаются, такъ, можетъ-быть, и сдѣлаютъ по-ихнему; я, вы знаете, для васъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи, сколько только могъ, да и впередъ—к-ха!..—что-нибудь сдѣлаю,—не откажитесь ужъ и вы, по пословицѣ: долгъ платежомъ красенъ!

— Сдѣлаю, скажу, если только примутъ меня! — отвѣчала Елизавета Петровна.

— Примутъ, примутъ!—повторилъ двоекратно Елпидифоръ Мартынычъ и, поѣхавъ отъ Елизаветы Петровны, готовъ былъ прибить себя отъ досады, что о деньгахъ, которыя были почти въ рукахъ его, онъ долженъ былъ теперь столько хлопотать. Почтенный докторъ, впрочемъ, совершенно понапрасну безпокоился. Князь имѣлъ намѣреніе поблагодарить его гораздо больше, чѣмъ самъ того ожидалъ Елпидифоръ Мартынычъ; кромѣ того, князь предположилъ возобновить ему годичную практику въ своемъ домѣ, съ тѣмъ только, чтобы онъ каждый день заѣзжалъ и наблюдалъ за Еленой и за ребенкомъ. Послѣ помощи, оказанной Илліонскимъ Еленѣ, князь рѣшительно сталъ считать его недурнымъ докторомъ и не говорилъ ему о своихъ предположеніяхъ потому только, что все это время, вмѣстѣ съ Еленой, онъ былъ занятъ гораздо болѣе важнымъ предметомъ.

— Какъ же мы назовемъ нашего птенца?—спросилъ онъ ее.

— Да хоть Николаемъ, въ честь моего отца, который былъ весьма, весьма порядочный человѣкъ! — отвѣчала она.

— Хорошо; но когда же мы крестить его будемъ?

Елена при этомъ вопросѣ молчала нѣкоторое время.

— Знаешь что̀,—начала она неторопливо и съ разстановкой: — если бы только возможно это было, такъ я желала бы лучше его совсѣмъ не крестить?

— Какъ не крестить? — воскликнулъ князь.

— Такъ, не крестить... Я и ты, разумѣется, нисколько не убѣждены въ томъ, что это необходимо; а потому, зачѣмъ же мы надъ собственнымъ ребенкомъ будемъ разыгрывать всю эту комедію.

— Какъ же, ты такъ-таки совсѣмъ и хочешь оставить его некрещенымъ? — спросилъ князь, все еще не могшій прійти въ себя отъ удивленія.

— Такъ, совсѣмъ некрещенымъ,—отвѣчала Елена, какъ бы ясно и опредѣленно обдумавшая этотъ предметъ.

— Но это,—началъ князь, все болѣе и болѣе теряясь:—по нашимъ даже русскимъ законамъ совершенно невозможно; ты этихъ подведешь подъ отвѣтственность и непріятности себя и ребенка!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло; я никакъ не желаю, чтобы онъ жилъ подъ русскими законами... Ты знаешь, я никогда и ни на что не просила у тебя денегъ; но тутъ ужъ буду требовать, что какъ только подрастетъ немного нашъ мальчикъ, то его отправить за границу, и пусть онъ будетъ лучше ка-

кимъ-нибудь кузнецомъ американскимъ или англійскимъ фермеромъ, но только не русскимъ.

— Но и тамъ все-таки нельзя быть некрещенымъ.

— Тамъ, то-есть въ Америкѣ, онъ можетъ приписаться къ какой хочетъ сектѣ по собственному желанію и усмотрѣнію.

Князь, напервыхъ порахъ, почти ничего не нашелъ, что̀ ей отвѣчать: въ томъ, что всякій честный человѣкъ, чего не признаётъ, или даже въ чемъ сомнѣвается, не долженъ разыгрывать комедій, онъ, пожалуй, былъ согласенъ съ Еленой, но, съ другой стороны, оставить сына некрещенымъ, — одна мысль эта приводила его въ ужасъ.

— Нѣтъ, я никакъ не желаю не крестить его! — сказалъ онъ, вставая со своего мѣста и начавъ ходить по комнатѣ.

По тону голоса князя и по выраженію лица его Елена очень хорошо поняла, что его не своротишь съ этого рѣшенія, и что на него, какъ она выражалась, нашелъ бычокъ старыхъ идей; но ей хотѣлось, по крайней мѣрѣ, поязвить его умственно.

— Это почему ты не желаешь? Нельзя же имѣть какое-то безпричинное нежеланіе... — спросила она.

— Да хоть потому, что я не желаю производить надъ сыномъ моимъ опыты и оставлять его ужъ, конечно, единственнымъ некрещенымъ человѣкомъ въ цѣломъ цивилизованномъ мірѣ.

Послѣднее представленіе поколебало, кажется, нѣсколько Елену.

— А китайцы и японцы?.. И это еще неизвѣстно, чья цивилизація лучше—ихъ или наша!..—проговорила она.

— Я нахожу, что наша лучше, — сказалъ князь.

— Я *такъ нахожу, такъ хочу*... Какой прекрасный способъ доказывать и убѣждать!—сказала насмѣшливо Елена.— Спросимъ, по крайней мѣрѣ, Миклакова, — присовокупила она: — пусть онъ рѣшитъ нашъ споръ, и хоть онъ тоже съ очень сильнымъ старымъ душкомъ, но все-таки смотритъ посмѣлѣе тебя на вещи.

— Изволь, спросимъ! — согласился князь — и вслѣдствіе этого разговора въ тотъ же день нарочно заѣхалъ къ Миклакову и, разсказавъ ему все, убѣдительно просилъ его вразумить Елену, такъ что Миклаковъ явился къ ней предувѣдомленный и съ замѣтно насмѣшливой улыбкой на губахъ. Одѣтъ онъ былъ при этомъ такъ франтовато, что Елена, несмотря на свое слабое здоровье и то, что ее занималъ совершенно другой предметъ, тотчасъ же замѣтила это и, подавая ему руку, воскликнула:

— Что это, какимъ вы франтомъ нынче?

— Онъ нынче всегда такимъ является и каждый вечеръ изволитъ съ моей супругой въ карты играть! — подхватилъ князь.

— Изволю-съ, изволю!.. — отвѣчалъ Миклаковъ, нѣсколько краснѣя въ лицѣ.

— Ну, прежде всего подите и посмотрите моего сына, — сказала ему Елена.

— Да, да, прежде всего этого господина надобно посмотрѣть! — отвѣчалъ Миклаковъ и прошелъ въ дѣтскую.

— Какой отличный мальчикъ! Какой прелестный!—кричалъ онъ оттуда.

Елена при этомъ цвѣла вся радостью. Князь, въ свою очередь, тоже не менѣе ея былъ доволенъ этимъ.

Миклаковъ наконецъ вышелъ изъ дѣтской и сѣлъ.

— Славный мальчикъ, чудесный, — повторилъ онъ и тутъ еще разъ.

— А вотъ Елена Николаевна хочетъ не крестить его, — сказалъ князь.

— Что-съ?—спросилъ торопливо Миклаковъ, какъ бы ничего не знавшій.

— Хочу, чтобы онъ остался некрещенымъ,—отвѣчала Елена.

— Но на какомъ же это основаніи?

— На томъ, что оба мы, родители его, не признаёмъ никакой необходимости въ томъ.

— Поэтому вы сына вашего хотите оставить безъ всякой религіи?

— Хочу! — сказала Елена.

Миклаковъ поднялъ отъ удивленія плечи.

— Признаюсь, я не знаю ни одного дикаго народа, который бы не имѣлъ какой-нибудь религіи.

— У дикихъ она пусть и будетъ, потому что всѣ религіи проистекаютъ или изъ страха, или отъ невѣжества.

— Отъ невѣжества ли, отъ страха ли, изъ стремленія ли ума признать одно общее начало и, наконецъ, изъ особенной ли способности человѣка вѣровать, но только религіи присущи всѣмъ людямъ, и потому какъ же вы хотите такое естественное чувство отнять у вашего сына?!

— Если у него нельзя отнять религіознаго чувства, то я не хочу, по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ былъ православный.

— Какой же бы религіи вы желали посвятить его?—спросилъ насмѣшливо Миклаковъ.

— Да хоть протестантской!.. Она все-таки поумнѣй и попросвѣщеннѣй! — отвѣчала Елена.

— А позвольте спросить, долгое ли время вы изволили употребить на изученіе того, чтобы опредѣлить достоинство той или другой религіи?—продолжалъ Миклаковъ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ.

— Для этого вовсе не нужно употреблять долгаго времени, а просто здравый смыслъ сейчасъ же вамъ скажетъ это.

— Ну, а я этого здраваго смысла, признаюсь, меньше всего въ васъ вижу, — возразилъ Миклаковъ.

— Это почему? — воскликнула Елена.

— А потому, что если бы вы имѣли его достаточное количество, такъ и не возбудили бы даже вопроса: крестить ли вамъ вашего сына или нѣтъ, а прямо бы окрестили его въ религіи той страны, въ которой предназначено ему жить и дѣйствовать, и пусть онъ самъ мѣняетъ ее послѣ, если ему этого пожелается,—вотъ бы что̀ сказалъ вамъ здравый смыслъ и что̀ было бы гораздо умнѣе и даже либеральнѣе.

— Можетъ-быть, умнѣе, но никакъ не либеральнѣе,—сказала, отрицательно покачавъ головой, Елена.

— Нѣтъ, либеральнѣй,—повторилъ еще разъ Миклаковъ:— то, что вы сдѣлаете вашего сына протестантомъ, — я не говорю уже тутъ объ юридическихъ неудобствахъ,—что̀ вы можете представить въ оправданіе этого?.. — Одну только вашу капризную волю и желаніе, потому что предмета этого вы не изучили, не знаете хорошо; тогда какъ родители, дѣйствующіе по здравому смыслу, очень твердо и положительно могутъ объяснить своимъ дѣтямъ: «Милые мои, мы васъ окрестили православными, потому что вы русскіе, а въ Россіи всего удобнѣе быть—православнымъ!»

— Въ томъ-то и дѣло, что я вовсе не хочу, чтобы сынъ мой былъ русскій!

— И того вы не имѣете права дѣлать: сами вы русская, отецъ у него русскій, и потому онъ долженъ оставаться русскимъ, пока у него собственнаго, личнаго какого-нибудь желанія не явится по сему предмету; а то вдругъ вы сдѣлаете его, положимъ, какимъ-нибудь нѣмцемъ и протестантомъ, а онъ потомъ спроситъ васъ: «на какомъ основаніи, маменька, вы отторгнули меня отъ моей родины и отъ моей природной религіи?» — что̀ вы на это скажете ему?

— Ничего я ему не скажу, — возразила Елена съ досадой: — кромѣ того, что у него былъ отецъ, а у того былъ пріятель—оба люди самыхъ затхлыхъ понятій.

— А мы ему скажемъ, — возразилъ Миклаковъ: — что у него была маменька—въ одно и то же время очень умная и сумасшедшая.

— Не сумасшедшая я!—воскликнула на это Елена:—а надобно же когда-нибудь и кому-нибудь начать.

— Что̀ такое начать?—спросилъ ее Миклаковъ:—чтобы всѣ люди протестантами, что ли, были?

— Подите вы съ вашими протестантами! — воскликнула Елена.—Чтобы совсѣмъ не было религіи—понимаете?..

Когда Елена говорила послѣднія слова, то у ней вся кровь даже бросилась въ лицо; князь замѣтилъ это и мигнулъ Миклакову, чтобы тотъ не спорилъ съ ней больше. Тотъ понялъ его знакъ и возражалъ Еленѣ не столь рѣзкимъ тономъ:

— А вотъ когда не будетъ религій, тогда, пожалуй, не крестите вашего сына; но пока онѣ существуютъ, такъ ужъ позвольте мнѣ даже быть воспріемникомъ его! — заключилъ онъ, обращаясь въ одно и то же время къ князю и къ Еленѣ.

— Ну, дѣлайте тамъ, какъ хотите,—сказала та съ прежней досадой и отворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ.

— Я очень радъ, конечно, — отвѣчалъ князь и пожалъ даже Миклакову руку.

— А когда же эта исторія будетъ? — спросилъ тотъ.

— Какъ-нибудь на этой недѣлѣ, — отвѣчалъ протяжно князь.—Можно на этой недѣлѣ?—счелъ онъ однако нужнымъ спросить и Елену.

— Мнѣ все равно!—отвѣчала та, не повертываясь къ нимъ лицомъ.

— На недѣлѣ, такъ на недѣлѣ! — сказалъ Миклаковъ и взялся за шляпу.

— А вы еще къ намъ... къ княгинѣ зайдете? — спросилъ его князь.

— Зайду-съ, — отвѣчалъ Миклаковъ опять какъ бы нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

По уходѣ его, Елена велѣла подать себѣ малютку, чтобы покормить его грудью. Мальчикъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ прехорошенькій, съ большими, черными, какъ спѣлая вишня, глазами, съ густыми черными волосами; онъ еще захлебывался, глотая своимъ маленькимъ ротикомъ воздухъ, который въ комнатѣ у Елены былъ нѣсколько посвѣжѣе, чѣмъ у него въ дѣтской.

— Милый ты мой,—говорила она, смотря на него съ нѣжностью: — и тебя въ жизни заставятъ такъ же дурачиться, какъ дурачатся другіе!

VII.

Приходъ, къ которому принадлежалъ домъ князя Григорова, а также и квартира Елены, былъ обширный и богатый. Священникъ этого прихода, довольно еще молодой, былъ большой

любитель до свѣтской литературы. Онъ имѣлъ пріятный теноръ, читалъ во время служенія всегда очень толково, волосы и бороду немного подстригалъ, ходилъ въ синихъ или темногранатныхъ рясахъ и носилъ при этомъ часы на золотой цѣпочкѣ. Съ купечествомъ и съ своею братіею, духовенствомъ, отецъ Іоаннъ (имя священника) говорилъ, разумѣется, въ извѣстномъ тонѣ; но съ дворянствомъ, и особенно съ молодыми людьми, а еще паче того со студентами, любилъ повольнодумничать, и повольнодумничать порядочно. Дьяконъ же въ этомъ приходѣ, съ лицомъ нѣсколько перекошеннымъ и похожимъ на кривой топоръ (басъ онъ имѣлъ неимовѣрнѣйшій), былъ, напротивъ человѣкъ совершенно простой, занимался починкой часовъ и переплетомъ книгъ; но зато былъ прелюбопытный и зналъ до мельчайшихъ подробностей все, что въ приходѣ дѣлалось: напримѣръ, ему положительно было извѣстно, что князь по крайней мѣрѣ лѣтъ пятнадцать не исповѣдывался и не причащался, что никогда не ходилъ ни въ какую церковь. Въ недавнее время онъ провѣдалъ и то, что князь къ нимъ же въ приходъ перевезъ содержанку свою. Обо всемъ этимъ дьяконъ самымъ добродушнѣйшимъ образомъ докладывалъ священнику. Тотъ на это не дѣлалъ никакого замѣчанія и только при этомъ какъ-то необыкновенно гордо смотрѣлъ на дьякона. Вообще отецъ Іоаннъ держалъ весь причтъ ужасно въ какомъ отдаленномъ и почтительномъ отъ себя разстояніи. Въ одну изъ заутрень дьяконъ доложилъ снова ему:

– Метреса-то у князя родила!

— А она дѣвица?—спросилъ зачѣмъ-то священникъ.

— Дѣвица, кажется!—отвѣчалъ дьяконъ.

Отецъ Іоаннъ на это ничего не сказалъ, но какъ будто бы ему пріятно было слышать, что дѣвица родила.

Князь и Елена въ этотъ самый день именно и недоумѣвали, какимъ образомъ имъ пригласить священниковъ крестить ихъ ребенка: итти для этого къ нимъ князю самому—у него рѣшительно не хватало духу на то, да и Елена находила это совершенно неприличнымъ; послать же горничную звать ихъ — они, пожалуй, обидятся и не придутъ. Пока Елена и князь рѣшали это, вдругъ къ нимъ въ комнату вбѣжала кухарка и доложила, что маменька Елены Николаевны пріѣхала и спрашиваетъ: «примутъ ли ее?».

Елизавета Петровна до того смиренно явилась, что даже вошла не въ переднюю дверь, а черезъ заднее крыльцо въ кухню.

Князь и Елена переглянулись между собой.

— Что̀ жъ, ты примешь ее? — спросилъ онъ Елену по-французски.

Та сдѣлала недовольную мину.

— Очень бы не желала, но если сегодня ее не принять, все равно, она завтра прiѣдетъ... — отвѣчала Елена тоже по-французски.—Проси!—присовокупила она кухаркѣ по-русски.

Та ушла, и вслѣдъ затѣмъ появилась Елизавета Петровна тише травы и ниже воды.

— Ну, что̀, какъ твое здоровье?—сказала она, подойдя къ дочери, самымъ кроткимъ голосомъ.

Елена послѣ родинъ еще не вставала и лежала въ постели.

— Теперь ничего!—отвѣчала она довольно сухо матери.

Елизавета Петровна простояла нѣкоторое время въ молчанiи: она даже шляпки не снимала съ головы, ожидая, вѣроятно, что ее не пригласятъ долго оставаться.

— А что̀, можно мнѣ моего внучка посмотрѣть?—прибавила она опять кротчайшимъ голосомъ.

— Посмотрите!.. Онъ тамъ въ комнатѣ!..—отвѣчала Елена, показывая ей глазами на сосѣднюю комнату.

Елизавета Петровна самыми тихими шагами ушла туда.

Князю между тѣмъ пришла мысль воспользоваться посѣщенiемъ Елизаветы Петровны.

— А что̀ ежели я попрошу мать твою похлопотать насчетъ крестинъ?.. Я тутъ ничего не понимаю,—сказалъ онъ Еленѣ.

— Очень хорошо сдѣлаешь; пусть она и устроитъ все это!..—отвѣтила Елена, видимо довольная этой выдумкой князя.

— Но кто же скажетъ ей о томъ: ты или я?—спрашивалъ князь.

Въ это время Елизавета Петровна возвратилась изъ дѣтской.

— Премиленькiй!.. *Агушки* ужъ понимаетъ, ей-Богу!—проговорила она тихо и тихо сѣла около дочери.

— Какое понимаетъ!.. Мы еще и не крестили его и имени ему не давали!..—сказала Елена.

— Ахъ, какъ это можно!.. Пора, пора!—посовѣтовала Елизавета Петровна нѣсколько посмѣлѣе: она и тѣмъ была довольна, что съ нею разговариваютъ, а не молчатъ.

— Мы оба не знаемъ, какъ это сдѣлать... — продолжала Елена.—Похлопочите, пожалуйста, вы объ этомъ!

— Съ удовольствiемъ, съ удовольствiемъ! — сказала Елизавета Петровна совершенно уже смѣло и съ нѣкоторою даже важностью.—Я-то это дѣло очень хорошо знаю... Слава Тебѣ, Боже: у меня самой трое дѣтей было.

— А у васъ трое было дѣтей?—спросилъ ее князь ласково. Онъ очень ужъ благодаренъ былъ Елизаветѣ Петровнѣ, что она принимала на себя крестинныя хлопоты.

— Трое-съ. Въ живыхъ только вотъ она одна, ненаглядное солнышко, осталась, — отвѣчала Елизавета Петровна и вздохнула даже при этомъ, а потомъ, снимая шляпку, обратилась къ дочери.—Ну, такъ я извозчика, значитъ, отпущу; ночевать, впрочемъ, не останусь, а уѣду къ себѣ: гдѣ мнѣ, старухѣ, по чужимъ домамъ ночевать... И не засну, пожалуй, всю ночь.

Послѣднія слова Елизавета Петровна сказала для успокоенія Елены, чтобы та не подумала, что она совсѣмъ у ней хочетъ поселиться; получая и безъ нея отъ князя аккуратнымъ образомъ по триста рублей въ мѣсяцъ, она вовсе не хотѣла обременять ее собой.

— Скажите, вы все-таки, вѣроятно, желаете сдѣлать завтракъ для священниковъ?—отнеслась она къ князю.

— Право, не знаю!—отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами:— желаю, чтобы было сдѣлано, какъ вездѣ это дѣлается.

— Вездѣ такъ и дѣлается, вездѣ!—подхватила Елизавета Петровна:—потому что шампанское акушерка подаетъ; тутъ ей обыкновенно и деньги кладутъ,—въ этомъ ея главный доходъ. И какъ же теперь шампанское подавать безъ завтрака,— неловко, согласитесь сами...

Князь согласился съ ней.

— Наконецъ священники всегда обижаются, когда ихъ не угощаютъ,—всегда!.. Сколько разъ я отъ нихъ слыхала: «Закусочки, говорятъ, даже не поставили, словно щенка какого-нибудь мы крестили!»

Елизавета Петровна очень настаивала на завтракѣ главнымъ образомъ потому, что въ эти минуты сама очень проголодалась, и въ ея воображеніи необыкновенно пріятно рисовались отбивныя телячьи котлеты, превосходно приготовляемыя однимъ ея знакомымъ кухмистеромъ-кондитеромъ, поставлявшимъ обыкновенно обѣды на свадьбы, похороны, крестины.

— Ну, такъ вы поэтому священниковъ и пригласите!—подхватилъ князь, болѣе всего безпокоимый послѣднимъ обстоятельствомъ.

— Хорошо!—сказала Елизавета Петровна на первыхъ порахъ очень-было рѣшительно, но потомъ она пообдумала, видно, нѣсколько.

— На два слова!—сказала она, уходя въ другую комнату и махая рукой князю.

Тотъ, хоть и не совсѣмъ охотно, но вышелъ къ ней.

— Я за священниками сходить—схожу,—начала Елизавета Петровна:—но что я мать Елены, я имъ не скажу, потому что будь она дама, то другое бы дѣло!..

— Ну да!..—подхватилъ князь, очень хорошо понявшій, что̀ хочетъ сказать Елизавета Петровна.

— Я сейчасъ же къ нимъ въ церковь и пойду, благо обѣдня еще не кончилась. Вѣдь эта большая церковь, вѣроятно, вашъ приходъ?—присовокупила она, показывая на виднѣвшуюся въ окно огромную колокольню.

— Эта самая!—отвѣчалъ князь.

— Въ минуту слетаю туда!—сказала Елизавета Петровна и, проворно войдя въ комнату дочери, проворно надѣла тамъ шляпку и проворнѣйшимъ шагомъ отправилась въ церковь, куда она, впрочемъ, поспѣла къ тому уже времени, когда юный священникъ выходилъ съ крестомъ. Онъ, видимо, хотѣлъ представить себя сильно утомленнымъ и грустнымъ выраженіемъ лица желалъ какъ бы свидѣтельствовать о своихъ аскетическихъ подвигахъ.

Елизавета Петровна прямо подлетѣла къ нему.

— Покорнѣйшая просьба, батюшка, къ вамъ,—проговорила она, поцѣловавъ крестъ и раскланиваясь передъ священникомъ.

Ея нахальный и расфранченный видъ невольно обратилъ вниманіе отца Іоанна.

— Чѣмъ могу служить-съ?—отвѣчалъ онъ, потупляя передъ ней свои голубые глаза.

— Тутъ одна моя знакомая родила и желаетъ имя наречи и окрестить своего ребенка.

— Это въ домѣ Яковлева, вѣроятно?—спросилъ всезнающій и стоящій около священника дьяконъ.

— Точно такъ!—отвѣчала Елизавета Петровна.

— Это что̀ я вамъ вчера говорилъ! — сказалъ дьяконъ священнику.

— А!—произнесъ тотъ, снова потупляя свои глаза.

— Такъ завтрашній день въ 12 часовъ окрестить и откушать!..—продолжала Елизавета Петровна.

— Хорошо-съ!—сказалъ священникъ задумчивымъ тономъ.

Получивъ этотъ отвѣтъ, Елизавета Петровна отправилась обратно къ дочери.

— Ну-съ, священниковъ я пригласила,—сказала она.—А кто же у васъ будетъ воспріемниками: кумъ и кума?

— Кумъ будетъ Миклаковъ,—отвѣчалъ князь и затѣмъ пріостановился.

— А кума ужъ вы будьте!—подхватила Елена.

— Хорошо, очень пріятно, съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣчала Елизавета Петровна радостно и немножко важничая. — Теперь поэтому о завтракѣ только надобно похлопо-

тать,—сколько вы изволите жертвовать на него? — отнеслась она снова къ князю.

Толстыя телячьи котлеты все соблазнительнѣй и соблазнительнѣй рисовались въ воображеніи Елизаветы Петровны.

— Сколько нужно будетъ?—отвѣчалъ тотъ.

— Ста рублей не пожалѣете?

— Разумѣется! — сказалъ, усмѣхаясь, князь.

Во все это время Елена имѣла мучительнѣйшее выраженіе лица.

— Постороннихъ у васъ никого не будетъ, а только кумъ, кума, акушерка, докторъ?

— Да,—подтвердилъ князь.

— Ахъ, кстати о докторѣ!.. — подхватила Елизавета Петровна, какъ будто бы къ слову. — У васъ вѣдь Елпидифоръ Мартынычъ лѣчитъ, а что̀ вы заплатили ему?

— То-есть я ему заплачу̀ потомъ, — отвѣчалъ князь, нѣсколько сконфуженный такимъ выпросомъ.

Елена же при этомъ болѣе не вытерпѣла.

— Мамаша, это̀ наконецъ несносно!.. Что̀ за разспросы: заплатили ли тому, что̀ дадите на то?.. Вамъ что̀ за дѣло до этого?!—почти вскрикнула она сердитымъ голосомъ.

— Не буду, не буду больше!—отвѣчала Елизавета Петровна, замѣтно струхнувъ, и затѣмъ, подойдя къ Еленѣ, поцѣловала ее, перекрестила и проговорила:—ну, прощай, я поѣду... До свиданья!—присовокупила она почти дружественнымъ голосо̀мъ князю.

Тотъ, не вставая съ мѣста, кивнулъ ей головой.

Елизавета Петровна отправилась къ знакомому ей кухмистеру тоже пѣшкомъ и тѣмъ же проворнымъ шагомъ. Услышавъ, что онъ боленъ, она не остановилась передъ этимъ и дорвалась до его спальни. Кондитеръ былъ уже девяностолѣтній старикъ, глухой и плохо видящій.

— Здравствуйте, Яковъ Иванычъ!—воскликнула Елизавета Петровна, входя къ нему.—Что̀, вы, вѣроятно, не узнали меня?

— Нѣтъ, не знаю, извините!—отвѣчалъ кондитеръ, выглядывая на нее изъ-подъ зеленаго зонтика своего.

— Я Елизавета Петровна Жиглинская.

— А, вотъ кто... Очень радъ, покорнѣйше прошу садиться!—заговорилъ кондитеръ гораздо болѣе любезнымъ голосомъ: въ прежніе годы, когда у Жиглинскихъ былъ картежный домъ, почтенный старецъ готовливалъ у нихъ по тысячѣ и по полторы обѣды.

— Я къ вамъ съ дѣломъ,—продолжала Елизавета Петровна:—приготовьте-ка мнѣ завтрачекъ,—у меня дочь родила.

— Дочь?.. Вотъ какъ! — воскликнулъ старецъ еще привѣтливѣе.—За кѣмъ же она замужемъ?—присовокупилъ онъ.

— Да тутъ за однимъ господиномъ... Его, впрочемъ, нѣтъ въ Москвѣ.

— Нѣтъ въ Москвѣ?—повторилъ, какъ бы соображая кое-что про себя, многоопытный старецъ.

— Завтрачекъ вы мнѣ сдѣлайте персонъ на десять, рублей во сто серебромъ.

— Можно это!—протянулъ старецъ, и въ его почти омертвѣломъ лицѣ на мгновеніе блеснулъ лучъ какого-то удовольствія: онъ сразу же тутъ сообразилъ, что отъ этого дѣла рублей съ полсотни наживетъ.

— Завтрачекъ, понимаете, чтобы приличный, дворянскій былъ.

— Дворянскій будетъ!—подтвердилъ старикъ.—А въ карты послѣ крестинъ будутъ играть?

— Конечно, будутъ,—отвѣчала, неизвѣстно на какомъ основаніи, Елизавета Петровна.

— Чтобы карты отъ моихъ лакеевъ были! — объяснилъ старецъ.

— Отъ вашихъ, отъ вашихъ! — успокоила его Елизавета Петровна и затѣмъ, оставивъ ему адресъ Елены, отправилась наконецъ домой. Всѣмъ этимъ днемъ и тѣмъ, что̀ случилось съ ней, Елизавета Петровна была очень довольна.

На другой день, часу въ 12-мъ, лица, долженствующія участвовать въ крещеніи, собрались. Князь, впрочемъ, по предварительному соглашенію съ Еленой, не пришелъ совсѣмъ, Елпидифора Мартыныча тоже не было: не получая до сихъ поръ отъ князя ни полушки, онъ наконецъ разобидѣлся и дня два уже не былъ у Елены.

Елизавета Петровна, разумѣется, явилась раньше всѣхъ, въ чепцѣ съ цвѣтами, набѣленная, нарумяненная; лицо ея дышало важностью и удовольствіемъ. Акушерка тоже была довольно нарядна и довольно весела; но зато Миклаковъ, въ новомъ своемъ фракѣ, въ новомъ бѣльѣ и бѣломъ даже галстукѣ, сидѣлъ мрачный въ залѣ на стулѣ. Онъ самъ напросился на кумовство, а теперь и не радъ былъ тому, потому что вся эта процедура начинала казаться ему страшно скучною. Наконецъ пришли священники. Отецъ Іоаннъ былъ въ самой новенькой своей гарнитуровой рясѣ; подстриженные волосы и борода его были умаслены, сапоги чистѣйшимъ образомъ вычищены. Онъ велѣлъ на эти крестины взять весьма дорогія ризы, положенныя еще покойнымъ отцомъ князя Гри-

горова въ церковь; купель тоже была (это, впрочемъ, по распоряженію дьякона) вычищена. Церемонія началась. Отецъ Іоаннъ одной своей гарнитуровой рясой и сильно вычищенными сапогами уже произвелъ на Миклакова весьма непріятное впечатлѣніе, но когда онъ началъ весьма жеманно служить, выговаривая черезчуръ ясно и какъ бы отчеканивая каждое слово, а иногда зачѣмъ-то поднимая кверху свои голубые глаза, то просто привелъ его въ бѣшенство. «Вотъ фигляръ-то и комедіанты!»—думалъ Миклаковъ, стоя у купели. Затѣмъ отецъ Іоаннъ, говоря куму и кумѣ, чтобъ они дунули и плюнули, точно какъ будто бы усмѣхнулся при этомъ. «А, такъ ты вотъ еще изъ какихъ... Ну, я теперь тебя насквозь понимаю!»—продолжалъ почти съ бѣшенствомъ думать Миклаковъ. Онъ имѣлъ своимъ правиломъ, что если кто попъ, тотъ и будь попъ, будь набоженъ, а если кто офицеръ, такъ будь храбръ и не разсуждай, но если выскочилъ умственно и нравственно изъ своего положенія, такъ выходи вонъ и ищи себѣ другой дѣятельности. Отца Іоанна онъ рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ срѣзать на чемъ свѣтъ стоитъ. По окончаніи церемоніи дьячки, забравъ купель и облаченіе, отправились домой. Отецъ Іоаннъ ни на какихъ обѣдахъ и завтракахъ не позволялъ имъ оставаться, такъ какъ имъ всегда почти накрывали или въ лакейской, или гдѣ-нибудь въ заднихъ комнатахъ, а онъ не хотѣлъ, чтобы духовенство было такъ публично унижаемо; самъ же онъ остался и усѣлся въ передній уголъ, а дьяконъ все ходилъ то въ одну сосѣднюю комнату, то въ другую, и даже заглядывалъ подъ ларь въ передней. Ему все хотѣлось увидать князя Григорова, который, по его мнѣнію, непремѣнно долженъ быть гдѣ-нибудь тутъ. Елизавета Петровна, расплакавшаяся отъ полноты чувствъ во время церемоніи, по окончаніи ея сейчасъ же повела Миклакова поздравить родильницу.

Елена лежала на постели въ новенькомъ нарядномъ чепчикѣ, въ батистовой бѣлѣйшей кофтѣ и подъ розовымъ одѣяломъ. Такимъ образомъ нарядиться ее почти насильно заставила Елизавета Петровна и даже сама привезла ей все это въ подарокъ.

— Ну, поздравляю васъ, поздравляю! — говорилъ Миклаковъ Еленѣ.

— Съ чѣмъ, съ чѣмъ? — повторила та дважды и какъ бы укоризненнымъ голосомъ.

Елизавета Петровна, нисколько, разумѣется, не понявшая подобнаго возраженія дочери, прошла въ другую комнату, чтобы поскорѣе велѣть подавать священникамъ чай.

Когда Миклаковъ снова вернулся въ залу, его спросилъ дьяконъ своимъ густымъ и осиплымъ басомъ:

— Вашъ чинъ и фамилія для записанія въ книгу?

— Надворный совѣтникъ Миклаковъ,—отвѣчалъ ему тотъ.

— Благодарю! — сказалъ дьяконъ и записалъ фамилію на бумажкѣ.

Отецъ Іоаннъ внимательно вслушался въ отвѣтъ Миклакова. Онъ не преминулъ догадаться, что это былъ тотъ самый сочинитель, про котораго онъ недавно еще читалъ въ одномъ журналѣ ругательнѣйшую статью.

Отецъ Іоаннъ въ натурѣ своей, между прочимъ, имѣлъ два свойства: во-первыхъ, онъ всему печатному почти безусловно вѣрилъ, — если котораго сочинителя хвалили, тотъ и по его мнѣнію былъ хорошъ, а котораго бранили, тотъ худъ; во-вторыхъ, несмотря на свой кроткій видъ, онъ былъ человѣкъ весьма ехидный и любилъ каждаго уязвить, чѣмъ только могъ.

— А я недавно читалъ критику на ваши сочиненія, — началъ онъ, кладя съ замѣтнымъ франтовствомъ нога на ногу.

— На мои сочиненія?—спросилъ Миклаковъ нѣсколько уже удивленнымъ голосомъ.

— Да,—отвѣчалъ ему отецъ Іоаннъ съ важностью.—Тутъ,— прибавилъ онъ съ нѣкоторой разстановкой:—во многомъ васъ порицаютъ, и я нахожу, что нѣкоторыя изъ порицаній справедливы и основательны.

— Вы находите? — повторилъ Миклаковъ.

Въ голосѣ его послышался какой-то хрипъ, и если бъ отецъ Іоаннъ зналъ, какую онъ бурю злобы поднималъ противъ себя въ душѣ Миклакова, то, конечно, остерегся бы говорить ему подобныя вещи. Миклаковъ рѣшился уже теперь не продернуть попенка, а просто-напросто пугнуть его хорошенько. Сдѣлавъ надъ собой всевозможное усиліе, чтобъ овладѣть собою, онъ прежде всего вознамѣрился приласкаться къ отцу Іоанну и, пользуясь тѣмъ, что въ это время вошла въ залу Елизавета Петровна и общимъ поклономъ просила всѣхъ садиться за завтракъ, параднѣйшимъ образомъ разставленный офиціантами старца, — онъ, какъ бы совершенно добродушнымъ образомъ, обратился къ нему:

— Что намъ, батюшка, предаваться безполезнымъ литературнымъ разговорамъ!.. Выпьемте-ка лучше съ нами водочки!

— Нѣтъ-съ! благодарю, я не пью,—отвѣчалъ отецъ Іоаннъ не безъ важности.

— А вы, отецъ дьяконъ?—спросилъ Миклаковъ дьякона.

— Я пью-съ!—пробасилъ тотъ.

— Водку не пить, конечно, прекрасная вещь,—продолжалъ Миклаковъ: — но я все дѣтство мое и часть молодости моей прожилъ въ деревнѣ и вотъ что̀ замѣчалъ: священникъ если пьяница, то по большей части малый добрый, но если ужъ не пьетъ, то всегда почти сутяга и кляузникъ.

— Это есть, есть! — подтвердилъ съ удовольствіемъ и дьяконъ, улыбаясь себѣ въ бороду.

Отецъ Іоаннъ эти слова, кажется, принялъ прямо сказанными на его счетъ, но по наружности постарался это скрыть.

— Образъ жизни деревенскихъ священниковъ таковъ, — отвѣчалъ онъ:—что, находясь посреди невѣжественныхъ крестьянъ, они невольно отъ скуки или обезумѣвать должны, или изощрять свой умъ въ писаніи какихъ-нибудь кляузъ. Здѣсь вонъ есть и библіотеки и духовные концерты,—и то въ нашемъ санѣ инымъ временемъ бываетъ крайне скучно.

— Ну, нѣтъ!.. По-моему, тутъ есть нѣсколько другая причина,—возразилъ ему Миклаковъ:—они видятъ, что имъ каждодневно приходится обманывать этихъ невѣжественныхъ крестьянъ, ну и совѣстно, люди попорядочнѣе и пьютъ со стыда!

Самъ Миклаковъ, въ продолженіе всего этого разговора, пилъ безпрестанно и ничего почти не ѣлъ.

— Чѣмъ же они обманываютъ ихъ?—спросилъ отецъ Іоаннъ съ легкимъ оттѣнкомъ улыбки на лицѣ.

— Какъ чѣмъ, батюшка? — воскликнулъ Миклаковъ.—Ахъ, отецъ Іоаннъ!.. отецъ Іоаннъ!..—прибавилъ онъ какъ бы дружественно-укоризненнымъ голосомъ:—будто вы не знаете и не понимаете этого...

Отецъ Іоаннъ позамѣтнѣе при этомъ улыбнулся, но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ Миклакову глазами на дьякона, какъ бы упрашивая его не компрометировать его и не говорить съ нимъ о подобныхъ вещахъ при этомъ человѣкѣ.

— Меня вотъ что̀ всегда удивляло, — продолжалъ Миклаковъ, какъ бы вовсе не понявшій его знака: — я знаю, что есть много умныхъ и серьезно образованныхъ священниковъ,— но они, произнося проповѣди, искренно ли убѣждены въ томъ, что̀ говорятъ, или нѣтъ?

— Смотря по тому, что̀ говорятъ...—отвѣчалъ отецъ Іоаннъ съ прежней полуулыбкой.

— Стало-быть, есть нѣчто и даже, можетъ-быть, нѣсколько этихъ *нѣчто*, въ чемъ вы сомнѣваетесь?—спросилъ Миклаковъ.

— Конечно, что нельзя же всего провѣрить умомъ человѣческимъ, и потому многое остается неразгаданнымъ,—отвѣчалъ опять какъ-то уклончиво отецъ Іоаннъ,—тайное предчувствіе шептало ему, что онъ долженъ былъ говорить осторожно.

— Но надѣюсь, что въ этомъ случаѣ не дьяволъ же васъ смущаетъ и поселяетъ въ васъ сомнѣніе,—проговорилъ Миклаковъ, пожимая плечами.

— Разумѣется... Что̀ же такое дьяволъ?! — отвѣчалъ отецъ Іоаннъ, уже явно усмѣхаясь.

Выраженіе лица Миклакова въ эту минуту мгновенно измѣнилось, изъ добродушнаго оно сдѣлалось какимъ-то строгимъ.

— А вѣдь это скверно, батюшка, ужасно скверно!—воскликнулъ онъ.

Глаза Миклакова въ это время совершенно уже посоловѣли, и онъ былъ замѣтно пьянъ. Въ эту же самую минуту вышла акушерка съ шампанскимъ.

Миклакову пришлось отдать ей свои послѣднія десять рублей, что̀ еще болѣе усилило его дурное расположеніе духа.

— Скверно это-съ, скверно!—продолжалъ онъ повторять.

Отецъ Іоаннъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, не понимая, къ чему онъ это говоритъ.

— Вотъ, изволите видѣть,—объяснилъ наконецъ Миклаковъ (языкъ у него при этомъ нѣсколько даже запинался): — въ той статьѣ, о которой вы такъ обязательно напомнили мнѣ, говорится, что я подкупленъ правительствомъ; а такъ какъ я человѣкъ искренній, то и не буду этого отрицать,—это болѣе чѣмъ правда: я дѣйствительно служу въ тайной полиціи...

Отецъ Іоаннъ, а также и дьяконъ подались нѣсколько назадъ на своихъ мѣстахъ.

— И вотъ о томъ, батюшка, что вы, по вашимъ словамъ, во многомъ сомнѣваетесь, я — извините меня — долженъ буду донести моему начальству, а оно, вѣроятно, сообщитъ объ этомъ митрополиту.

Отецъ Іоаннъ поблѣднѣлъ при этомъ.

— Я ничего подобнаго не говорилъ!—произнесъ онъ.

— Какъ, вы ничего не говорили? Нѣтъ! нѣтъ!.. Не отнѣкивайтесь!.. По вашему священству вамъ стыдно такое запирательство чинить! Вы — свѣтильники наши...—болталъ Миклаковъ.

— Что̀ же я такое говорилъ? — воскликнулъ отецъ Іоаннъ, и у него губы даже дрожали при этомъ. — Доносъ и клевета, конечно, все могутъ на человѣка изобрѣсть! — присовокупилъ онъ.

— Что на васъ будетъ доносъ — это совершенно справедливо, но чтобы это была клевета — это вздоръ-съ, совершеннѣйшій вздоръ-съ! — восклицалъ, какъ-то даже взвизгивая, Миклаковъ.

— Но я васъ прошу, по крайности...— началъ-было отецъ Іоаннъ и не могъ докончить, потому что въ это время Елизавета Петровна позвала Миклакова къ Еленѣ.

— Это зачѣмъ?—спросилъ-было тотъ.

— Нужно-съ, ступайте!—повторила настоятельно Елизавета Петровна.

Миклаковъ послушался и пошелъ.

— Что̀ это вы за глупости священнику говорили, что донесете на него?—сказала Елена сердитымъ голосомъ Миклакову,—весь предыдущій разговоръ она слышала отъ слова до слова изъ своей комнаты.

— Учу батьку, дрессирую немножко его!—отвѣчалъ Миклаковъ.

— Подите сейчасъ и скажите ему, что вы все это шутили.

— Ни за что, ни за что!—воскликнулъ Миклаковъ.—Пусть себѣ мучится и терзается... А вотъ у васъ такъ ручку поцѣлую, ибо сейчасъ домой отправлюсь! —сказалъ Миклаковъ и въ самомъ дѣлѣ поцѣловалъ у Елены руку.

— Говорятъ же вамъ, скажите, что вы шутили! — повторила ему еще разъ Елена.

— Я ему скажу, только другое, только другое! — говорилъ Миклаковъ, выходя въ залу, гдѣ сейчасъ же отыскалъ свою шляпу.

— Такъ я буду имѣть неудовольствіе донести на васъ!— сказалъ онъ, расшаркиваясь передъ отцомъ Іоанномъ:—а васъ похвалю, похвалю,—попъ настоящій!—отнесся онъ къ дьякону и ушелъ.

Отецъ Іоаннъ остался совершенно растеряннымъ, но его также Елизавета Петровна позвала къ Еленѣ.

— Вы, пожалуйста, не безпокойтесь, — сказала ему та: — Миклаковъ вовсе не служитъ въ тайной полиціи, — это честнѣйшій и либеральнѣйшій человѣкъ.

Отецъ Іоаннъ, какъ-то сомнительно скосивъ ротъ, улыбнулся.

— Судя по тѣмъ отзывамъ, которые я читалъ о немъ въ литературѣ, онъ далеко не пользуется именемъ такого человѣка.

— Онъ потому и не пользуется, что очень честенъ, всѣмъ говоритъ правду въ глаза, всѣхъ задираетъ!.. Пожалуйста, не безпокойтесь!

— Благодарю васъ за утѣшеніе, хоть и не могу вполнѣ онымъ успокоиться, а прошу васъ объ одномъ, что если будетъ какой-либо доносъ, засвидѣтельствовать въ мою пользу,— отвѣчалъ отецъ Іоаннъ.

Этой своей просьбой онъ показался противнымъ Еленѣ.

— Да не будетъ на васъ никакого доноса! — воскликнула она съ явной досадой.

— Дай Богъ!...—произнесъ, вздохнувъ, отецъ Іоаннъ и затѣмъ, раскланявшись съ Еленой, вышелъ отъ нея, а черезъ минуту оба они съ дьякономъ шли къ домамъ своимъ, имѣя при этомъ головы понуренными.

VIII.

Миклаковъ издавна велъ безобразную жизнь, такъ что, по его собственному выраженію, онъ съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ литературу, ничего порядочнаго не дѣлалъ и даже послѣднее время читалъ мало. Утра у него обыкновенно проходили въ службѣ, а вечера или у какого-нибудь пріятеля, гдѣ затѣвались карты, попойка и безсмысленные споры съ разными пошляками, или у пріятельницы секретной; но встрѣча съ княгиней и нѣкоторое сближеніе съ ней заставили его какъ бы отрезвиться физически и нравственно и устыдиться своихъ поступковъ. Собственно говоря, Миклаковъ не признавалъ за женщиной ни правъ на большой умъ, ни правъ на высокія творческія способности въ искусствахъ, а потому больше всего цѣнилъ въ нихъ сердечную нѣжность и цѣломудріе. Корделію, дочь короля Лира, онъ считалъ высшимъ идеаломъ всѣхъ женщинъ; нѣчто подобное онъ видѣлъ и въ княгинѣ, поразившей его, по преимуществу, своей чистотой и строгой нравственностью. Что касается до сей послѣдней, то она, въ свою очередь, тоже день ото дня начала получать о Миклаковѣ все болѣе и болѣе высокое понятіе: кромѣ его прекраснаго сердца, которое княгиня въ немъ подозрѣвала вслѣдствіе его романическаго сумасшествія, она стала въ немъ видѣть человѣка очень честнаго, умнаго, образованнаго и независимаго рѣшительно ни отъ чьихъ чужихъ мнѣній. Обо всѣхъ этихъ качествахъ Миклакова княгинѣ, впрочемъ, больше натолковалъ князь.

Спустя нѣсколько дней послѣ крестинъ у Елены, г-жа Петицкая, успѣвшая одной только ей извѣстнымъ способомъ провѣдать, что у Елены родился сынъ, и даже то, что она не хотѣла его креститъ, — сейчасъ же прибѣжала къ княгинѣ и разсказала ей объ этомъ. Какъ княгиня ни была готова къ подобному извѣстію, все-таки оно смутило и встревожило ее. Она рѣшилась разспросить поподробнѣе Миклакова, который, какъ донесла ей та же г-жа Петицкая, былъ воспріемникомъ ребенка.

Вечеромъ Миклаковъ, по обыкновенію, пришелъ къ княгинѣ, и всѣ они втроемъ усѣлись играть въ карты. Княгиня, впрочемъ, часовъ до одиннадцати не въ состояніи была обратиться къ Миклакову съ разспросами; наконецъ она начала, но и то издалека:

— А что̀, скажите, вы видаете вашу знакомую, mademoiselle Жиглинскую?

— Видаю-съ! — отвѣтилъ ей Миклаковъ почтительно. Онъ постоянно держалъ себя у княгини нѣсколько мрачно, но съ величайшимъ уваженіемъ какъ къ ней самой, такъ и ко всей ея окружающей средѣ.

— У ней есть, кажется, прибавленіе семейства? — продолжала княгиня.

Миклаковъ нѣкоторое время затруднялся отвѣчать, но потомъ, какъ видно, надумалъ.

— Если ужъ вы знаете объ этомъ, то скрывать, конечно, нечего... Есть!

— Что̀ же, сынъ или дочь? — добавила г-жа Петицкая, по обыкновенію, самымъ невиннымъ голосомъ, какъ будто бы ничего объ этомъ не знавшая и въ первый разъ еще слышавшая о томъ.

— Сынъ-съ!—отвѣчалъ ей Миклаковъ довольно вѣжливо.

«Князь, я думаю, очень этимъ доволенъ?»—хотѣла-было первоначально спросить княгиня, но у ней духу не хватило, и она перевернула на другое:

— А вотъ что̀ еще мнѣ скажите: правда ли, что Жиглинская не хотѣла-было крестить ребенка?

Вопросъ этотъ опять очень смутилъ Миклакова: отъ княгини онъ не хотѣлъ бы ничего скрывать и въ то же время при г-жѣ Петицкой не желалъ ничего говорить.

— Что̀ за пустяки такіе!—произнесъ онъ, усмѣхаясь.

— Я думаю, что̀ вздоръ! — подхватила княгиня: — потому что, если бъ это правда была, то это показывало бы, что она какая-то страшная и ужасная женщина.

— Нѣтъ, она вовсе не страшная и не ужасная женщина,— отвѣчалъ Миклаковъ уже серьезно:—а немножко эксцентричная—это дѣйствительно; но въ то же время она очень умная и честная дѣвушка!

— Не знаю, можетъ-быть, это отъ ея эксцентричности происходитъ; но про нее, въ самомъ дѣлѣ, разсказываютъ ужасныя вещи,—вмѣшалась въ разговоръ г-жа Петицкая.

— Мало ли про кого что̀ разсказываютъ-съ!—отвѣчалъ ей съ удареніемъ Миклаковъ; онъ самъ слыхалъ про г-жу Петицкую такія вещи, которыя тоже могли бы показаться ужасными; но только не хотѣлъ ей напоминать теперь о томъ.

Княгиня между тѣмъ оставалась печальной и смущенной; ей невольно припомнилось то время, когда она была невѣстой князя, какъ онъ трепеталъ отъ восторга при одномъ ласковомъ взглядѣ ея, отъ одного легкаго пожатія руки ея, и что же теперь стало? Княгиня готова была расплакаться отъ грусти. Ея печальный видъ не увернулся съ глазъ Миклакова и навелъ его тоже на весьма невеселыя мысли касательно собственнаго положенія.

«Она все еще, кажется, изволитъ любить мужа, — думалъ онъ, играя въ карты и взглядывая по временамъ на княгиню:—да и я-то хорошъ,—продолжалъ онъ, какъ-то злобно улыбаясь:—вообразилъ, что какая-нибудь барыня можетъ заинтересоваться мною: изъ какого чорта и изъ какого интереса дѣлать ей это?.. Рожицы смазливой у меня нѣтъ; богатства— тоже; ловкости военнаго человѣка не бывало; физики атлетической не имѣю. Есть нѣкоторый умишко, — да на что онъ имъ?.. Въ семъ предметѣ они вкуса настоящаго не понимаютъ».

«Все это прекрасно-съ!» — разсуждалъ онъ затѣмъ, придя домой и въ томъ же озлобленномъ настроеніи. — Но если я въ самомъ дѣлѣ не имѣю для ея сіятельства никакого значенія, то зачѣмъ .е мнѣ въ такомъ случаѣ таскаться къ ней каждый день?.. Надобно, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ей декларацію: «такъ и такъ, молъ, а тамъ какъ вамъ угодно будетъ». Но Миклаковъ очень хорошо зналъ, что на словахъ онъ не въ состояніи будетъ сдѣлать никогда никакой декларацiи ужъ по одному тому, что всякій человѣкъ, объясняющійся въ любви, до того ему казался смѣшнымъ и ничтожнымъ, что онъ скорѣе бы умеръ, чѣмъ сталъ въ подобное положеніе.

«Мы княгинѣ напишемъ! — рѣшился онъ послѣ нѣкотораго размышленія: — благо бумага все терпитъ: трусъ на бумагѣ можетъ явиться храбрецомъ; подлецъ нагло говоритъ о своемъ благородствѣ, она смиренно переноситъ всякую ложь, пошлость, глупость ,— виватъ бумагѣ! Напишемъ-съ», — повторилъ еще разъ Миклаковъ и дѣйствительно написалъ. Письмо его вышло въ томъ же юмористическомъ и насмѣшливомъ тонѣ, хоть вмѣстѣ съ тѣмъ на сердцѣ у него сильно щемило и болѣло.

«Милостивая государыня, княгиня Елизавета Сергѣевна! — писалъ онъ.—Если дьяволамъ дозволено не безкорыстно возводить свои очи на ангеловъ земныхъ, именуемыхъ женщинами, то я виновенъ въ томъ предъ вами и пылаю къ вамъ неудержимой страстью, послѣ которой опять, можетъ-быть, придется еще разъ сойти съ ума. Съ вашей стороны прошу

быть совершенно откровенною, и если вамъ не благоугодно будетъ дать благопріятный на мое письмо отвѣтъ, за полученіемъ котораго не премину я самъ прійти, то вы просто велите вашимъ лакеямъ прогнать меня: «не смѣй-де, этакая демократическая шваль, питать такія чувства къ намъ, бѣлокостнымъ!» Все же сіе будетъ легче для меня, чѣмъ сидѣть вѣки-вѣченскіе въ холодномъ и почтительномъ положеніи передъ вами, тогда какъ душа требуетъ пасть передъ вами ницъ и молить васъ хоть о маленькой взаимности».

Отправившись, какъ и всегда, вечеромъ къ княгинѣ, Миклаковъ захватилъ это письмо съ собой. Г-жу Петицкую онъ засталъ тамъ же, она еще и не уходила со вчерашняго дня отъ княгини. Сѣли, какъ водится, играть въ карты. Миклаковъ безпрестанно щупалъ себя за карманъ, какъ бы опасаясь, чтобы письмо оттуда не выскочило. Самъ онъ былъ при этомъ блѣденъ и замѣтно встревоженъ. Все это замѣтили княгиня и г-жа Петицкая. Послѣдняя врядъ ли не догадалась, что она тутъ немножко лишняя, потому что, воспользовавшись первой удобной минутой, вышла. По уходѣ ея Миклаковъ заговорилъ какимъ-то могильнымъ и торопливымъ тономъ:

— Вы какъ-то просили меня прочесть вамъ мои сочиненія, — все это вздоръ, они не стòятъ того, а вотъ я лучше желаю, что вы прочли то, чтò я собственно для васъ написалъ. Можно вамъ передать это?

Тутъ ужъ княгиня, въ свою очередь, поблѣднѣла.

— Давайте!—проговорила она торопливо.

Миклаковъ вынулъ изъ кармана письмо и подалъ его ей. Княгиня сейчасъ же спрятала его въ карманъ.

— Я завтра приду за отвѣтомъ!—присовокупилъ Миклаковъ.

— Приходите!—отвѣчала княгиня протяжно.

Г-жа Петицкая довольно долго еще не возвращалась, но Миклаковъ и княгиня ни слова уже не говорили между собой и даже не глядѣли другъ на друга.

Весь слѣдующій день Миклаковъ провелъ въ сильномъ безпокойствѣ и волненіи. Онъ непремѣнно ожидалъ, что когда придетъ къ Григоровымъ, то усатый швейцаръ ихъ съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ скажетъ ему строгимъ голосомъ: «Дома нѣтъ-съ!».

Но швейцаръ однако встрѣтилъ его съ обычной своей флегмой.

— А чтò, дома княгиня?—спросилъ его Миклаковъ.

— У себя-съ! — отвѣчалъ швейцаръ, повертывая къ нему свою засаленную спину и вѣшая вмѣстѣ съ тѣмъ его пальто на обычномъ гвоздикѣ.

Миклаковъ прошелъ въ гостиную, гдѣ княгиня всегда его принимала, но тамъ никого не засталъ и оставался довольно долгое время одинъ, такъ что, увидавъ выглянувшую на него изъ-за дверей съ любопытствомъ горничную, онъ поспѣшилъ сказать ей:

— Доложи княгинѣ, что я пришелъ.

— Слушаю-съ!—отвѣчала та и, вѣроятно, сейчасъ же доложила, потому что княгиня наконецъ вышла.

— Bonsoir,—сказала она и тотчасъ же сѣла на диванъ въ нѣсколько церемонной позѣ.

Миклаковъ тоже сѣлъ невдалекѣ отъ нея и тоже въ церемонной позѣ. Разговоръ между ними не начинался нѣсколько минутъ, наконецъ Миклаковъ прервалъ это молчаніе.

— Я пришелъ получить вашъ отвѣтъ на мое письмо... — проговорилъ онъ.

— Вы уже получили его!—отвѣчала княгиня, держа глаза совсѣмъ опущенными въ землю.

— То-есть я не прогнанъ: значитъ, я могу растолковать это совершенно въ мою пользу?

— Я не знаю, ей-Богу, — отвѣчала княгиня, не поднимая глазъ.

— Какъ вы не знаете?—спросилъ Миклаковъ, удивленный и испуганный такимъ отвѣтомъ:—я, кажется, весьма прямо и ясно спросилъ.

Княгиня молчала.

— Почему жъ вы отвѣчаете мнѣ такъ уклончиво?—присовокупилъ онъ.

— Потому что я не могу иначе отвѣчать! — сказала княгиня.

— Отчего жъ не можете?

— Оттого, что я на-дняхъ совсѣмъ уѣзжаю въ Петербургъ, къ отцу и матери своей.

И слезы при этомъ заискрились на глазахъ княгини.

— Въ Петербургъ уѣзжаете, навсегда!.. — повторилъ глухимъ голосомъ Миклаковъ. — И вы давно имѣли это намѣреніе?

— Давно!

— Ну, и то хорошо, что я раньше этого не зналъ!.. Было въ жизни хоть нѣсколько минутъ счастливаго самообольщенія... Охъ, Боже мой, Боже мой! — какъ бы больше простоналъ Миклаковъ.

Княгиня обмирала и едва могла переводить дыханіе. Получивъ наканунѣ объясненіе въ любви Миклакова, она съ той поры пережила тысячу разнообразныхъ и мучительныхъ чув-

ствованій: сначала она обрадовалась, потому что для нея найдена наконецъ была цѣль въ жизни, но потомъ и испугалась того: какъ! отвѣчать любовью совершенно постороннему человѣку? Что скажетъ ея совѣсть?.. Что скажетъ князь... общество? Отказаться же отъ этой любви — значило опять обречь себя на скуку, на одиночество, а такая жизнь казалась княгинѣ теперь больше невозможною, и она очень хорошо сознавала, что, оставаясь въ Москвѣ, не видѣться съ Миклаковымъ она будетъ не въ состояніи. Чтобы спасти себя отъ этого соблазна, она рѣшилась уѣхать въ Петербургъ, къ отцу. Съ этимъ намѣреніемъ княгиня пробыла весь день и съ этимъ же намѣреніемъ приняла Миклакова; но его разстроенный видъ, его печаль и отчаяніе, когда она сказала ему свое рѣшеніе, сильно поколебали ея рѣшимость: она уже готова была сказать ему, что она, пожалуй, и не поѣдетъ, однако произнести эти слова ей было невыносимо стыдно, и она сочла за лучшее промолчать.

Миклаковъ вскорѣ послѣ того всталъ и, держа въ рукахъ шляпу, произнесъ:

— Итакъ, до свиданья?

— До свиданья...—проговорила княгиня.

— Зачѣмъ же я, безумецъ, говорю: до свиданья? Надобно говорить откровеннѣе,—навсегда прощайте!

Княгиня и на это хотѣла сказать, что зачѣмъ же навсегда, что она вовсе не желаетъ этого, и что этого никогда быть даже не можетъ, но ничего однако не сказала.

Миклаковъ еще нѣкоторое время постоялъ передъ ней, какъ бы ожидая услышать отъ княгини хоть одно слово въ утѣшеніе, но она молчала, и Миклаковъ, раскланявшись, ушелъ. Княгинѣ легче даже сдѣлалось, когда она перестала его видѣть... Она сейчасъ же ушла къ себѣ въ комнату и здѣсь, тщательно скрывая это отъ прислуги, начала потихоньку плакать...

Миклаковъ прошелъ отъ княгини не домой, а въ Московскій трактиръ, выпилъ тамъ цѣлое море разной хмельной дряни, поссорился съ однимъ господиномъ, нашумѣлъ, набуянилъ, такъ что по дружественному только расположенію къ нему трактирныхъ служителей онъ не отправленъ былъ въ часть, и одинъ изъ половыхъ бережно даже отвезъ его домой. Здѣсь онъ сначала спалъ, какъ мертвый, потомъ часу въ девятомъ утра проснулся съ совершенно почти обезумѣвшей головой. Мысли, одна другой несбыточнѣе, безсвязно проходили въ умѣ его: то ему думалось ѣхать за княгиней въ Петербургъ, преслѣдовать ее годъ, два, лишь бы добиться ея

любви,—то похитить ее здѣсь и увезти куда-нибудь съ собой далеко. Наконецъ онъ вдругъ вскочилъ съ своей постели, схватилъ бумагу и написалъ княгинѣ письмо: «Я страшно заболѣлъ и, вѣроятно, невдолгѣ опять помѣшаюсь... Молю объ одномъ: пришлите мнѣ вашъ большой портретъ, который виситъ у васъ въ угольной комнатѣ; я поставлю его вмѣсто образа въ головахъ, когда буду умирать!»

Отправивъ записку эту, онъ снова послалъ за водкой, напился ею до безчувственности и опять заснулъ.

Княгиня, получивъ записку, окончательно перепугалась. Портретъ она, разумѣется, сейчасъ же послала и приложила къ нему еще записочку: «Посылаю вамъ мою фотографію, но вы спрячьте ее, потому что я сегодня непремѣнно упрошу мужа заѣхать къ вамъ и сказать мнѣ, что̀ такое съ вами?»

За обѣдомъ она дѣйствительно сказала князю:

— Миклаковъ прислалъ ко мнѣ записку, что онъ очень боленъ.

— Это чѣмъ и отчего? — спросилъ тотъ.

— Не знаю, — проговорила княгиня, потупляясь. — Ты не заѣдешь ли его провѣдать?

— Непремѣнно, сегодня же!

— Пожалуйста, съѣзди и мнѣ скажешь, что̀ такое съ нимъ, — повторила княгиня.

— Хорошо! — отвѣчалъ князь и, вставъ изъ-за стола, сейчасъ же велѣлъ подать себѣ карету и поѣхалъ къ Миклакову.

Тотъ въ это время успѣлъ уже опять проснуться и, мрачный, истерзанный, сидѣлъ передъ полученнымъ портретомъ княгини и смотрѣлъ на него. Вдругъ раздались шаги. Миклаковъ сообразилъ, что это можетъ быть князь, и спряталъ портретъ въ ящикъ.

Въ номеръ дѣйствительно вошелъ князь.

— Что̀ такое съ вами? — воскликнулъ онъ, пораженный наружнымъ видомъ Миклакова.

— Да такъ что-то... не совсѣмъ хорошо!—отвѣчалъ тотъ, по преимуществу стараясь, какъ бы не дохнуть на князя виномъ.

— Но что̀ же именно? — разспрашивалъ его тотъ.

— Опять, кажется, сумасшествіе начинается, — отвѣчалъ Миклаковъ, держась за голову, которая отъ боли треснуть была готова.

— Не можетъ быть! — возразилъ князь искренно встревоженнымъ голосомъ. — Но что̀ же это, отъ любви, что ли, опять какой-нибудь?—присовокупилъ онъ, смотря, по преимуществу, съ удивленіемъ на воспаленные глаза Миклакова и на его перепачканные въ пуху волосы.

— А чортъ его знаетъ отъ чего! — отвѣчалъ тотъ.

— Не хотите ли, я вамъ медика пришлю?

— Не нужно-съ! — произнесъ съ досадой Миклаковъ и при этомъ всталъ со стула, подошелъ къ постели своей и легъ на нее, а потомъ началъ растирать рукою грудь, какъ бы затрудняясь, чѣмъ дышать.

Князь продолжалъ смотрѣть на него съ участіемъ.

— Не мѣшаю ли я вамъ? Вы заснуть, кажется, хотите,— присовокупилъ онъ, видя, что Миклаковъ закрылъ глаза и нѣсколько времени лежитъ въ такомъ видѣ.

— Да, лучше оставьте меня; я одинъ какъ-нибудь тутъ пролежусь, — отозвался, не открывая глазъ, Миклаковъ.

— А медика рѣшительно не хотите?—переспросилъ его князь.

— Рѣшительно не хочу.

Князь, дѣлать нечего, уѣхалъ и завернулъ сначала домой, чтобы разсказать о своемъ посѣщеніи княгинѣ.

— Онъ чуть ли опять съ ума не сходитъ, — проговорилъ онъ, входя къ ней.

Княгиня поблѣднѣла.

— Какъ съ ума сходитъ?—почти воскликнула она.—Что̀ же, онъ лежитъ въ постели?

— Не лежитъ, а весь видъ имѣетъ сумасшедшаго человѣка; я предлагалъ-было прислать ему доктора, — не хочетъ.

— Но если онъ сумасшедшій, что̀ же его слушать? Просто послать къ нему доктора!

— Посылай, пожалуй, — не приметъ, или даже прогонитъ.

При этомъ разговорѣ князю въ первый разъ еще запало въ голову нѣкоторое подозрѣніе, что не влюблена ли жена въ Миклакова, и онъ рѣшился разспросить объ этомъ Елену, которая, какъ припомнилъ онъ теперь, кое-что, въ шутку, конечно, и намекала ему на это.

По отъѣздѣ мужа снова изъ дому, княгиня осталась въ совершенномъ отчаяніи: изъ-за нея человѣкъ съ ума сходилъ, могъ умереть наконецъ! По своей добротѣ, она готова была пожертвовать собою, чтобы только спасти его; но какъ это сдѣлать, она рѣшительно не могла понять. Къ счастью, къ ней явилась на помощь г-жа Петицкая, которая сейчасъ же замѣтила ея смущенный и разстроенный видъ и приступила къ ней съ разспросами: что̀ это значитъ? Княгиня рѣшилась на этотъ разъ быть совершенно откровенною. Она разсказала ей, какъ Миклаковъ прислалъ ей съ объясненіемъ въ любви записку, какъ онъ у нея былъ потомъ, и она сказала ему, что уѣзжаетъ въ Петербургъ къ отцу и матери.

— Но развѣ вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете? — воскликнула г-жа Петицкая, тоже испугавшись. Она сама очень многое теряла въ княгинѣ, не говоря уже о дружбѣ ея, даже въ матеріальномъ отношеніи: та безпрестанно дѣлала ей подарки, давала часто денегъ взаймы.

— Да, то-есть я хотѣла уѣхать,—отвѣчала княгиня сконфуженнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ?.. Для чего?..

— Для того... Что̀ же мнѣ остается дѣлать?

— Какъ что̀?.. Я не понимаю вашего вопроса.

— Не отвѣчать же мнѣ на его чувство, — пояснила наконецъ княгиня, краснѣя въ лицѣ.

— Стало-быть, онъ вамъ не нравится!

— Тутъ дѣло не въ томъ, нравится ли онъ мнѣ или нѣтъ; но мнѣ никто не долженъ нравиться.

— Это почему?—спросила г-жа Петицкая съ удивленіемъ.

— Потому что я — замужняя женщина.

— Нѣтъ, вы не замужняя женщина, вы — разводка, даже больше того: вы — вдова, потому что мужъ вашъ для васъ невозвратимъ, и что̀ бы вы теперь ни дѣлали, васъ извинятъ не только что люди, но и Богъ!

— Да я-то себя не извиню, — отвѣчала княгиня.

Г-жа Петицкая пожала при этомъ плечами.

— Тутъ дѣло не во мнѣ, — продолжала княгиня: — если бъ одной меня касалось, я бы сумѣла совладѣть со всякимъ моимъ чувствомъ; но тутъ другой человѣкъ замѣшанъ! Онъ, говорятъ, съ ума сходитъ и умретъ.

— Очень немудрено... Это не баронъ, который поухаживалъ, его прогнали, онъ и утѣшился сейчасъ: Миклаковъ — человѣкъ съ чувствомъ, съ душой.

Г-жа Петицкая готова была Богъ знаетъ какъ хвалить Миклакова, чтобы только полюбила его княгиня и не уѣхала въ Петербургъ.

— А теперь я и поправить рѣшительно не знаю какъ, — присовокупила та

— Ахъ, Боже мой, какъ трудно, скажите, пожалуйста! — воскликнула Петицкая: — напишите ему, что отвѣчаете на его чувство — вотъ и все!

— Ни за что!.. никогда!.. — воскликнула княгиня почти съ ужасомъ. — Если бы какъ-нибудь при свиданіи успокоить и утѣшить его какимъ-нибудь словомъ,—я готова.

— Ну, утѣшьте его при свиданіи.

— Но гдѣ жъ я его увижу?

— У васъ... Пошлите къ нему, чтобъ онъ пришелъ къ вамъ.

— Не могу я послать къ нему, потому что это значило бы прямо — признаться ему въ любви.

Петицкая только усмѣхнулась при этомъ и опять пожала плечами: княгиня начала становиться для нея совершенно непонятною.

— Ну, хотите, я къ нему напишу, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ?

— Что̀ жъ изъ того, что онъ къ вамъ придетъ?

— То, что и вы ко мнѣ пріѣзжайте: у меня и увидитесь,— больше ничего!

Княгиня нѣкоторое время думала.

— Пожалуй... Хорошо!..—отвѣчала наконецъ она.

Г-жа Петицкая послѣ этого сейчасъ же побѣжала домой и написала Миклакову записку на французскомъ языкѣ, въ которой приглашала его къ ней, поясняя, что у нея будетъ „une personne, qui désire lui dire quelques paroles consolatrices“, и что настанетъ даже время, „il sera complétement heureux“. Въ концѣ же записки было прибавлено: «У меня также будетъ и княгиня Григорова». Къ счастью Миклакова, онъ послѣ посѣщенія князя удержался и не пилъ цѣлый вечеръ, на другой день поутру отправился даже на службу, по возвращеніи съ которой онъ и получилъ благодатную вѣсточку отъ г-жи Петицкой. Радость его съ полною ясностью я описать даже не могу, а скажу только, что Миклаковъ началъ по своему номеру танцовать, припрыгивать, прищелкивать. Затѣмъ, не выпивши ни рюмки вина или водки, пообѣдалъ только, и такъ какъ всю предыдущую ночь не спалъ, то заснулъ мертвымъ сномъ и часовъ въ восемь проснулся поздоровѣвшій и совершеннно счастливый. Расфрантившись, надушившись, онъ отправился къ г-жѣ Петицкой, которая въ своей маленькой квартиркѣ, очень мило убранной, приготовила все какъ слѣдуетъ для пріема гостей. У ней готовъ былъ чай съ бріошками, карточный столикъ былъ поставленъ въ небольшой гостиной, и даже заказанъ былъ легкій ужинъ.

— Вы были больны?—спросила его Петицкая.

— Да, и порядочно! — отвѣчалъ ей Миклаковъ немного смущеннымъ голосомъ отъ тайной мысли, чѣмъ собственно онъ былъ боленъ.

Княгиня вся пылала въ лицѣ.

Г-жа Петицкая, только-что передъ тѣмъ убѣждавшая ее какъ можно скорѣе ободрить Миклакова, поспѣшила будто бы зачѣмъ-то по хозяйству выйти.

— Кто это позволилъ вамъ быть больнымъ?—проговорила

княгиня, когда они остались вдвоемъ, видимо употребляя надъ собой страшное усиліе.

— Что̀ дѣлать, силъ недостало перенести такой ударъ,— отвѣчалъ Миклаковъ, держа голову и глаза потупленными.

— Удара тутъ никакого нѣтъ!.. Я вовсе не ѣду въ Петербургъ!—говорила княгиня.

— Не ѣдете?—спросилъ Миклаковъ радостнымъ голосомъ.

— Не ѣду! Только теперь, пожалуйста, нечего больше объ этомъ говорить!..—присовокупила она скороговоркой и затѣмъ сейчасъ же перевела разговоръ на совершенно другіе предметы. Когда потомъ г-жа Петицкая возвратилась, то княгиня замѣтно была рада ея приходу и даже сказала ей:

— Не извольте больше уходить!

Г-жа Петицкая, разумѣется, повиновалась ей, но вмѣстѣ съ тѣмъ сгорала сильнымъ нетерпѣніемъ узнать, объяснился ли Миклаковъ съ княгиней или нѣтъ, и для этой цѣли она изобрѣтала разные способы: пригласивъ гостей послѣ чаю сѣсть играть въ карты, она приняла видъ, что какъ будто бы совершенно погружена была въ игру, а въ это время однимъ глазомъ подсматривала, что переглядываются ли княгиня и Миклаковъ, и замѣчала, что они переглядывались; потомъ, по окончаніи пульки, Петицкая, какъ бы забывъ приказаніе княгини, опять ушла изъ гостиной и сильнѣйшимъ образомъ хлопнула дверью въ своей комнатѣ, желая тѣмъ показать, что она затворилась тамъ, между тѣмъ сама, спустя нѣкоторое время, влѣзла на свою кровать и стала глядѣть въ нарочно сдѣланную въ стѣнѣ щелочку, изъ которой все было видно, что̀ происходило въ гостиной. При этомъ г-жа Петицкая очень ясно разсмотрѣла, что Миклаковъ сидѣлъ нѣкоторое время, понуривъ голову, и чертилъ мѣломъ на столѣ; княгиня же, откинувшись на задокъ креселъ, то вскидывала на него глаза свои, то снова опускала ихъ. Вдругъ Миклаковъ что-то такое проговорилъ ей. Княгиня на это, осмотрѣвшись боязливо кругомъ, протянула ему свою руку, которую онъ съ жаромъ поцѣловалъ. Г-жа Петицкая и этимъ ужъ была довольна на первый разъ и сошла со своего наблюдательнаго поста.

IX.

Въ одно утро Елпидифоръ Мартынычъ бесѣдовалъ съ Елизаветой Петровной и самъ былъ при этомъ въ какомъ-то елейномъ и добромъ настроеніи духа. Князь наканунѣ только прислалъ ему тысячу рублей и приглашеніе снова сдѣлаться годовымъ въ домѣ его врачомъ.

— Что̀, ничего еще на внучка не получали? Ничѣмъ князь его не обезпечилъ?—спрашивалъ онъ, повертывая между пальцами свою золотую табакерку.

— Ничѣмъ!.. ни грошемъ!..—отвѣчала Елизавета Петровна невеселымъ голосомъ.

— Онъ обезпечитъ непремѣнно!.. Не такой человѣкъ князь!—успокоивалъ ее Елпидифоръ Мартынычъ.

— Знаю, что не такой человѣкъ по душѣ своей; но вѣдь въ животѣ и смерти Богъ воленъ: сегодня живъ, а завтра нѣтъ, — что̀ тогда со всѣми нами будетъ?

— Да, конечно, к-ха!.. — согласился Елпидифоръ Мартынычъ:—объяснить бы какъ-нибудь вамъ это надо было ему,—присовокупилъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ это — благодарю покорно! — возразила Елизавета Петровна грустно-насмѣшливымъ голосомъ.—Мнѣ дочка, вонъ, напрямикъ сказала: «Если вы, говоритъ, маменька, еще разъ заикнетесь говорить съ княземъ о деньгахъ, такъ я видѣться съ вами не буду». Ну, такъ мнѣ тутъ погибай лучше все, а видѣть ее я желаю.

— Конечно, конечно!—опять согласился Елпидифоръ Мартынычъ.

— Вы тоже не хотите сказать князю объ этомъ, хоть и ваша личная польза тутъ замѣшана, — говорила Елизавета Петровна.

— Мнѣ какъ сказать ему объ этомъ?.. На это надобно имѣть большое право.

— Да вѣдь прежде же говорили?..

— Прежде все-таки не о такомъ важномъ предметѣ шелъ разговоръ. Кромѣ того, я тутъ тоже черезъ одну особу дѣйствовалъ.

— Черезъ какую же это особу?

— Такъ, тутъ, черезъ одну—к-ха!

— Гдѣ же теперь эта особа?

— Умерла!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, чтобъ отвязаться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ Елизаветы Петровны.

Дѣйствовалъ онъ, какъ мы знаемъ, черезъ Анну Юрьевну; но въ настоящее время никакъ не могъ сдѣлать того, потому что, когда Анна Юрьевна вышла въ отставку и отъ новой попечительницы Елпидифору Мартынычу, какъ любимцу бывшей попечительницы, начала угрожать опасность быть спущеннымъ, то онъ, чтобы спастись на своемъ мѣстѣ, сдѣлалъ ей на Анну Юрьевну маленькій доносецъ, которая, случайно узнавъ объ этомъ, прислала ему съ лакеемъ сказать, чтобъ онъ послѣ того и въ домъ къ ней не смѣлъ показываться.

Елпидифоръ Мартынычъ смиренно покорился своей участи, хотя въ душѣ и глубоко скорбѣлъ о потерѣ практики въ такомъ почтенномъ домѣ.

— Но какъ же тутъ быть, что дѣлать? — спрашивала его Елизавета Петровна.

Елпидифоръ Мартынычъ развелъ руками.

— К-ха!.. — началъ онъ, какъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ, съ кашля: — отъ времени тутъ надобно больше всего ожидать.

— Что же время можетъ сдѣлать?.. Только несчастье намъ можетъ принести, если, чего не дай Богъ слышать, князь умретъ,—перебила его Елизавета Петровна.

— А время вотъ что-съ можетъ принести!.. — продолжалъ Елпидифоръ Мартинычъ, перемежая по временамъ рѣчь свою кашлемъ:—когда вотъ послѣдній разъ я видѣлъ княгиню, она очень серьезно начала разспрашивать меня, что полезно ли будетъ для ея здоровья уѣхать ей за границу, — ну я, разумѣется, зная ихъ семейную жизнь, говорю, что «отлично это будетъ, безподобно, и поѣзжайте, говорю, не на одинъ какой-нибудь сезонъ, а на годъ, на два».

— Что жъ изъ того, что она поѣдетъ за границу?.. Поѣдетъ да и пріѣдетъ!—возразила Елизавета Петровна.

Елпидифоръ Мартынычъ нахмурилъ при этомъ свои густыя брови.

— Ну, пока еще пріѣдетъ, а князь тѣмъ временемъ совершенно будетъ въ рукахъ вашихъ,—произнесъ онъ.

— Да развѣ въ моихъ, батюшка, въ моихъ развѣ рукахъ онъ будетъ?.. Я опять тутъ ни при чемъ останусь!—воскликнула Елизавета Петровна.

— Что жъ ни при чемъ? Вамъ тогда надобно будетъ немножко побольше характеру показать!.. Итти къ князю на домъ, что ли, и просить его, чтобъ онъ обезпечилъ судьбу внука. Онъ вашу просьбу долженъ въ этомъ случаѣ понять и оцѣнить, и теперь, какъ ему будетъ угодно—деньгами ли выдать или вексель. Только на чье имя? На имя младенца дѣлать глупо: умеръ онъ,—Еленѣ Николаевнѣ одни только проценты пойдутъ; на имя ея — она не желаетъ того, значитъ, прямо вамъ: умрете вы, не кому же достанется, какъ имъ!..

— Такъ, такъ!—согласилась Елизавета Петровна съ блистающими отъ удовольствія глазами и какъ бы заранѣе предвкушая блаженство имѣть на князѣ въ тридцать, въ сорокъ тысячъ вексель.

Умасливъ такимъ образомъ старуху, Елпидифоръ Мартынычъ поѣхалъ къ Еленѣ, которая въ это время забавлялась

съ сыномъ своимъ, держа его у себя на колѣняхъ. Князь сидѣлъ невдалекѣ отъ нея и почти съ пламеннымъ восторгомъ смотрѣлъ на малютку; наконецъ, не въ состояніи будучи удержаться, наклонился, вынулъ ножку ребенка изъ-подъ пеленки и началъ ее цѣловать.

— А посмотри, ручки у него какія смѣшныя, — сказала Елена, вытаскивая изъ-подъ пеленки ручку ребенка.

Князь и ту началъ цѣловать.

— А носикъ у него какой тоже славный!—произнесла Елена и тутъ ужъ сама не утерпѣла, подняла ребенка и начала его цѣловать въ щечки, въ глазки; тому это не понравилось: онъ сморщилъ носикъ и натянулъ губки, чтобы сейчасъ же рявкнуть, но Елена поспѣшила снова опустить его на колѣни, и малютка, корчась своими раскрытыми ручонками и ножонками, принялся свои собственные кулачки совать себѣ въ ротъ. Счастью князя и Елены предѣловъ не было.

Въ комнату вошелъ наконецъ пріѣхавшій Елпидифоръ Мартынычъ.

— Пріятная семейная картина! — произнесъ онъ негромкимъ голосомъ.

— Ахъ, здравствуйте!—сказала ему на это Елена довольно ласковымъ голосомъ.

— Здравствуйте!—сказалъ ему тоже ласково и князь.

— Прежде всего-съ—к-ха!—началъ Елпидифоръ Мартынычъ:—осмотримъ Николая Григорьича... Теплота въ тѣльцѣ умѣренная, пупокъ хорошъ, а это что̀ глазки ваши вы такъ держите?.. Не угодно ли вамъ ихъ открыть!.. — И Елпидифоръ Мартынычъ дотронулся легонько пальцемъ до горлышка ребенка, и тотъ при этомъ сейчасъ же открылъ на него свои большіе, черные глаза.

— Воспалены немного, воспалены, — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ:—маленькое прилитіе крови къ головкѣ есть.

— Но онъ ужасно много ѣстъ и спитъ!—какъ бы пожаловалась Елена на сына.

— И отлично дѣлаетъ, что симъ занимается, отлично!—подхватилъ Илліонскій и усѣлся, чтобы, по обыкновенію своему, поболтать.

— Какой случай сейчасъ! — началъ онъ съ усмѣшкою: — подъѣзжаю я почти къ здѣшнему дому, вдругъ мнѣ навстрѣчу сынъ этого богача Оглоблина, — какъ его: Николай Гаврилычъ, что ли!.. Вѣдь онъ, кажется, родственникъ вамъ?

— По несчастью, родственникъ,—отвѣчалъ князь, начинавшій немного досадовать въ душѣ, зачѣмъ Елпидифоръ Мартынычъ разсѣлся тутъ и мѣшаетъ ему любоваться сыномъ.

— Только вдругъ онъ кричитъ: «стой! стой!»—продолжалъ свой разсказъ докторъ. — Я думалъ, Богъ знаетъ что̀ случилось: останавливаюсь... онъ соскакиваетъ со своего экипажа, подбѣгаетъ ко мнѣ: «Дайте-ка, говоритъ, мнѣ вашу шляпу, а я вамъ отдамъ мою шапку. Мнѣ, говоритъ, ужо нужно ѣхать въ маскарадъ, и я хочу нарядиться докторомъ».—«Что̀ такое, говорю, за глупости!» Ну, присталъ:—«Дайте, да дайте!» Думаю, сынъ такого почтеннаго и именитаго человѣка,—взялъ, да и отдалъ, а онъ мнѣ далъ свою шапку. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что моя-то шляпенка ничего не сто̀итъ, а шапка рублей двѣсти, чай, заплачена.

И съ этими словами Елпидифоръ Мартынычъ встряхнулъ передъ глазами своихъ слушателей въ самомъ дѣлѣ дорогую бобровую шапку Оглоблина и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошо замѣтилъ, что разсказомъ своимъ нисколько не заинтересовалъ ни князя ни Елену; а потому, полагая, что, по общей слабости влюбленныхъ, они снова желаютъ остаться вдвоемъ, онъ не преминулъ тотчасъ же прекратить свое каляканье и уѣхать.

Николя Оглоблинъ выпросилъ шляпу у Елпидифора Мартыныча дѣйствительно для маскарада, но только хотѣлъ нарядиться не докторомъ, — это онъ солгалъ,—а трубочистомъ. Мѣсяца два уже m-r Николя во всѣхъ маскарадахъ постоянно ходилъ съ одной женской маской въ черномъ домино, а самъ былъ просто во фракѣ; но передъ послѣднимъ театральнымъ маскарадомъ получилъ, вѣроятно, отъ этого домино записочку, въ которой его умоляли, чтобы онъ явился въ маскарадъ замаскированнымъ, такъ какъ есть будто бы злые люди, которые подмѣчаютъ ихъ свиданія,—«но только, Бога ради,—прибавлялось въ записочкѣ:—не въ богатомъ костюмѣ, въ которомъ сейчасъ узна̀ютъ Оглоблина, а въ самомъ простомъ». Николя началъ ломать себѣ голову, какой бы это такой простой костюмъ изобрѣсть; не въ цырюльню же ѣхать и взять тамъ себѣ какую-нибудь мерзость. Но когда онъ встрѣтилъ Елпидифора Мартыныча и невольно обратилъ вниманіе на его лоснящуюся противъ солнца скверную, круглую шляпенку, то ему вдругъ пришла въ голову счастливая мысль выпросить эту шляпу и одѣться трубочистомъ. Намѣреніе свое, какъ мы видѣли, онъ привелъ въ исполненіе и въ двѣнадцать часовъ былъ уже въ предполагаемомъ костюмѣ въ театральной залѣ. Вскорѣ потомъ онъ увидѣлъ свое знакомое женское домино и прямо направился къ нему.

— Ахъ, это вы?—проговорило ему домино пискливымъ голосомъ.

— Я-съ! — отвѣчалъ Николя, едва ворочая подъ маской своими толстыми губищами и сильно задыхаясь подъ ней.

Затѣмъ маска взяла Оглоблина подъ руку.

— Лучше намъ, я думаю, ложу взять; здѣсь тѣсно, да и такая дрянная толпа,—проговорила она.

— Вон! — повиновался ей Николя и взялъ самую темную ложу въ бенуарѣ.

Толпа замаскированныхъ все больше и больше прибывала, и, между прочимъ, вошли цѣлыхъ пять мужскихъ масокъ: двѣ впереди подъ руку и сзади, тоже подъ руку, три. Маски эти, должно-быть, были все народъ здоровый, не совсѣмъ благовоспитанный и замѣтно выпившій.

— Что жъ, они здѣсь? — спросила одна изъ переднихъ масокъ.

— Здѣсь! Я ужъ справлялся. Онъ сегодня въ костюмѣ трубочиста.

— А, въ костюмѣ трубочиста! Ха-ха-ха!.. — говорилъ и смѣялся спрашивающій.

Задняя тройка шла молча и какъ-то неуклюже шагая. Въ передней парѣ одинъ одѣтъ былъ разбойникомъ, съ огромнымъ кинжаломъ за поясомъ, а другой — кучеромъ съ арапникомъ. Задніе же всѣ наряжены были въ потасканные грубые костюмы капуциновъ, съ огромными четками въ рукахъ. Проходя мимо того бенуара, въ которомъ помѣстился Николя со своей маской, разбойникъ кивнулъ головой своему товарищу и проговорилъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Смотри, вотъ они гдѣ сидятъ.

— Ага!.. И отлично!—повторилъ опять другой и снова захохоталъ.—Ребятамъ-то надобно дать еще выпить!—присовокупилъ онъ, когда они пришли въ ложу.

— Дадимъ! Пойдемте, господа, вонзимте!—проговорилъ разбойникъ, обращаясь къ задней тройкѣ.

— Вонзимъ, вонзимъ!—отозвалась одна изъ масокъ, и всѣ они съ видимымъ удовольствіемъ послѣдовали за разбойникомъ, который провелъ ихъ въ буфетъ, гдѣ и предложилъ имъ цѣлый графинъ водки въ ихъ распоряженіе. Всѣ три капуцина сейчасъ же выпили по рюмкѣ и потомъ, не закусивши даже, по другой, а разбойникъ и кучеръ угостили себя по стаканчику лиссабонскаго.

— Теперь-съ, — началъ первый изъ нихъ толковать прочимъ товарищамъ:—какъ они тронутся, мы на тройкѣ за ними; дѣвка ужъ подкуплена, на звонокъ отворитъ намъ, мы пойдемъ и сдѣлаемъ свое дѣло...

— Чтобы тоже кто изъ сосѣдей не услыхалъ: пожалуй, и

полицію притащатъ! — замѣтилъ одинъ изъ капуциновъ, вѣроятно, болѣе благоразумный.

— Да никто, чортъ ты этакій, не услышитъ,—возразилъ ему съ досадой разбойникъ:—совершенно отдѣльный флигель и ходъ даже съ улицы: я пріѣзжалъ туда, бывало, какой пьяный, пѣлъ и оралъ, чертямъ тошно,—никто никогда ничего не слыхалъ!

— Да вѣдь наконецъ, братъ, коли взялся, такъ отнѣкиваться нечего!—подхватилъ кучеръ, обращаясь къ капуцину.

— Коли деньги взялъ, такъ дѣйствуй, какъ велятъ!—подхватилъ другой капуцинъ.

— Да, это точно что... — согласился невеселымъ голосомъ первый капуцинъ.

Въ это время Николя и Петицкая (читатель, вѣроятно, догадался, кто была эта маска) продолжали сидѣть въ своемъ бенуарѣ и разговаривали между собой. Г-жа Петицкая была на этотъ разъ болѣе чѣмъ грустна. Пользуясь тѣмъ, что она сидѣла въ совершенно почти темномъ углу ложи, маску свою она сняла и, совершенно опустивъ въ землю глаза, нетерпѣливой рукой, сама, кажется, не замѣчая того, вертѣла свое домино до того, что изорвала даже его. М-г Николя тоже былъ въ какомъ-то раздраженно-воспаленномъ состояніи. Онъ передъ тѣмъ только спросилъ бутылку шампанскаго, которую хотѣлъ-было распить вмѣстѣ съ г-жой Петицкой, что̀ и дѣлалъ всегда обыкновенно въ прежніе маскарады; но та рѣшительно отказалась, такъ что онъ всю бутылку принужденъ былъ выпить одинъ.

— Этому рѣшительно не должно продолжаться, — говорила г-жа Петицкая.

— Но почему же? — спрашивалъ Николя удивленнымъ и испуганнымъ голосомъ.

— Потому что завтра или послѣзавтра должна пріѣхать моя сестра ко мнѣ, и я не хочу, чтобы она была свидѣтельницей моего позора.

У г-жи Петицкой ни на какую сестру въ цѣломъ мірѣ намека не было.

— Но что̀ жъ сестра?.. Мы можемъ видаться не у васъ, а въ гостиницахъ!—какъ-то шлепалъ больше Николя своимъ толстымъ языкомъ.

— Что̀?.. что̀?.. — воскликнула г-жа Петицкая. — Это ужъ глупо наконецъ такъ говорить! — проговорила она какъ бы раздраженнымъ голосомъ.

Николя сильно сконфузился такимъ замѣчаніемъ.

— Вы принимаете меня, я не знаю, за какую женщину...— продолжала г-жа Петицкая.

— Нисколько я не принимаю!.. И думать никогда ничего подобнаго не смѣлъ!.. Я люблю только пламенно васъ, — говорилъ Николя.

Петицкая захохотала самымъ обиднымъ, саркастическимъ смѣхомъ.

— Чему же вы смѣетесь? — спросилъ ее Николя, въ свою очередь, тоже обиженнымъ и опечаленнымъ тономъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой,—произнесла на это, какъ бы больше сама съ собой, г-жа Петицкая. — Если бы вы дѣйствительно любили меня пламенно, — обратилась она къ Николя:—такъ не стали бы спрашивать, чему я смѣюсь, а сами бы поняли это.

— Но какъ же мнѣ понять? Ей-Богу, я не знаю, научите меня,—je vous supplie.

— Подобнымъ вещамъ не учатъ-съ, а мужчины, любя, сами знаютъ ихъ!

Николя на это пожалъ только плечами. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ поставленъ въ довольно затруднительное положеніе: по своему уму-разуму и по опытамъ своей жизни, онъ полагалъ, что если любимая женщина груститъ, капризничаетъ, недовольна вами, то стòитъ только дать ей денегъ, и она сейчасъ успокоится; но въ г-жѣ Петицкой онъ встрѣтилъ совершенно противоположное явленіе: сблизясь съ ней довольно скоро послѣ ихъ перваго знакомства, онъ, видя ея небогатую жизнь, предложилъ-было ей пятьсотъ рублей, но она отвергнула это съ негодованіемъ. Потомъ онъ и послѣ того нѣсколько разъ умолялъ ее принять отъ него или деньги, или хоть подарокъ какой-нибудь; на все это г-жа Петицкая только грустно усмѣхалась и отрицательно качала головой. Она въ этомъ случаѣ имѣла совершенно иные виды: слывя между всѣми своими знакомыми, конечно, немножко за кокетку, но въ то же время за женщину весьма хорошей нравственности, тѣмъ не менѣе однако г-жа Петицкая, при мужѣ и во вдовствѣ, постоянно имѣла обожателей, но только она умѣла это дѣлать какъ-то необыкновенно скрытно: видалась съ ними по большей части не дома, а если и дома, то всегда подбирала прислугу очень глупую и ничего не понимающую. Самой живой и сильною страстью ея въ послѣднее время былъ Архангеловъ; онъ сильно плѣнилъ ее красотой своей; но на розахъ любви, если только подъ ними не подложено обезпеченнаго состоянія, какъ извѣстно, нельзя долго почить. Г-жа Петицкая увидала, что ей скоро кушать будетъ нечего, потому что Архангеловъ только опивалъ и объѣдалъ ее, да еще денегъ у нея бралъ взаймы; само благоразуміе заставило

ее не пренебречь ухаживаніемъ m-r Николя, и, разсчитывая на его недалекость и чувственный темпераментъ, г-жа Петицкая надѣялась даже женить его на себѣ; для этого она предположила сначала сблизиться съ нимъ, показать ему весь рай утѣхъ, и вдругъ все это прервать, объяснивъ ему, что рай сей онъ можетъ возвратить только путемъ брака. Настоящее свиданіе было послѣднее, на которомъ она и предназначила объявить ему свое рѣшеніе.

— Что̀ жъ, мы отсюда къ вамъ поѣдемъ? — проговорилъ Николя какимъ-то ужъ робкимъ голосомъ.

Петицкая нѣкоторое время недоумѣвала: сказать ли ему свое рѣшеніе въ маскарадѣ и потомъ самой уѣхать, оставя Николя одного?.. Но какъ въ этомъ случаѣ можно было понадѣяться на мужчину: пожалуй, онъ тутъ же пойдетъ, увлечется какой-нибудь маской и сейчасъ же забудетъ ее! Гораздо было вѣрнѣе зазвать его въ свой уединенный уголокъ, увлечь его тамъ и тогда сказать ему: finita la comedia!

— Пойдемте, если ужъ вы такъ желаете этого, — отвѣчала она ему грустнымъ тономъ.

Николя былъ въ восторгѣ и предложилъ сейчасъ же уѣхать изъ маскарада.

— Хорошо, — отвѣчала Петицкая и на это грустнымъ тономъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они въ каретѣ Николя уже неслись въ скромный проулокъ жилища г-жи Петицкой. Вскорѣ за ними, этимъ же путемъ, проѣхала и ухорская извозчичья тройка съ нѣсколькими сѣдоками.

По возвращеніи домой, Петицкая не позволила Николя войти прямо за собой въ спальню и объявила ему, что она еще переодѣться хочетъ, потому что ей будто бы страшно неловко было въ маскарадномъ платьѣ, и когда наконецъ онъ былъ допущенъ, то увидѣлъ ее сидящею въ восхитительной блузѣ.

Николя даже совѣстно сдѣлалось, что самъ онъ одѣтъ былъ трубочистомъ. Онъ тяжело опустился въ кресло и началъ глядѣть на свою собесѣдницу. Отъ выпитаго шампанскаго и отъ волновавшей его страсти у него глаза даже выперло впередъ.

— Подите сюда, я васъ поцѣлую! — произнесъ онъ какимъ-то задыхающимъ голосомъ.

— Нѣтъ!.. Нельзя! — отвѣчала на это г-жа Петицкая, отрицательно качнувъ головой и не трогаясь со своего мѣста.

— Отчего же нельзя? — спросилъ Николя уже съ испугомъ и удивленіемъ.

— Оттого же!.. — отвѣчала протяжно Петицкая: — что посидите еще у меня немного, и adieu навсегда.

— Не можетъ быть, вы шутите?.. — говорилъ Николя: у него на глазахъ почти были слезы.

— Нисколько!.. Я долго себѣ позволяла безразсудно увлекаться; пора же и опомниться!

— Но почему же безразсудно?—бормоталъ Николя.

— Почему безразсудно?.. Странный вопросъ! — отвѣчала г-жа Петицкая грустно-насмѣшливымъ голосомъ.—Словомъ,— присовокупила она рѣшительнымъ тономъ: — любовницей я ничьей больше быть не желаю, но женой вашей съ величайшимъ восторгомъ буду!

Николя опять выпучилъ глаза, и неизвѣстно, что бы онъ отвѣчалъ, но въ это время раздался сильный звонокъ.

Петицкая вздрогнула и не успѣла крикнуть горничной, чтобы та не отворяла дверей, какъ услыхала, что та ужъ прибѣжала и отворила ихъ.

Въ переднюю вошли нѣсколько замаскированныхъ людей; это были знакомые намъ разбойникъ, кучеръ и капуцины. Горничная какъ бы отъ испуту вскрикнула и затѣмъ, убѣжавъ въ кухню, спряталась тамъ. Разбойникъ повелъ своихъ товарищей хорошо, какъ видно, знакомымъ ему путемъ. Они вошли сначала въ залу, а потомъ черезъ маленькую дверь прямо очутились въ спальной.

— А, вотъ они! — вскрикнулъ разбойникъ, вынувъ свой кинжалъ и махнувъ имъ.

— Боже мой!—вскрикнула Петицкая. Она, кажется, узнала вошедшихъ, или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ.

Николя, съ испуганнымъ и удивленнымъ лицомъ, хлопалъ пока только глазами.

— Распоряжайтесь съ этимъ бариномъ хорошенько!—крикнулъ разбойникъ, показывая на него товарищамъ.

Тѣ сейчасъ же бросились на Николя и, какъ тотъ ни отбивался, они повергли его на полъ и принялись его хлестать— кучеръ плетью, капуцины четками.

— Боже мой! Боже мой! — стонала между тѣмъ Петицкая, ломая руки.

Передъ ней стоялъ разбойникъ съ поднятымъ кинжаломъ. Николя первоначально продолжалъ, ругаясь, отбиваться и старался высвободиться; наконецъ началъ орать во все горло и кричать:

— Караулъ!

— О, не кричите такъ!.. Вы меня совсѣмъ погубите!—упрашивала его Петицкая.

Николя началъ ужъ восклицать:

— Умираю! Умираю!

— Ну, бросьте его!—разрѣшилъ наконецъ разбойникъ.

Капуцины поотпустили Николя, который мгновенно же поднялся на ноги и бросился бѣжать. Въ передней онъ едва успѣлъ схватить шубу и, держа ее въ рукахъ, вскочилъ въ свою карету и велѣлъ, что̀ есть духу, везти себя домой.

— Ну, теперь васъ, madame, — обратился разбойникъ къ Петицкой.

— Сержъ, умоляю тебя, я невинна!—взмолилась къ нему она.

— Знаю я васъ, какъ вы невинны! — воскликнулъ разбойникъ.

Здѣсь, впрочемъ, авторъ находитъ болѣе удобнымъ накинуть завѣсу на послѣдовавшую затѣмъ грустную и возмутительную картину и воскликнуть только:

О, родина моя!
Когда смягчишься въ нравахъ ты!

X.

На другой день послѣ описаннаго нами горестнаго событія княгиня получила отъ Петицкой записку, которую та прислала къ ней со своей горничной, очень безобразной собою. Горничную эту г-жа Петицкая тоже считала весьма недалекою, но въ сущности врядъ ли это было такъ: горничная дѣйствительно имѣла рожу на подобіе пряничной формы и при этомъ какой-то огромный, глупый носъ, которымъ она вдобавокъ еще постоянно храпѣла и сопѣла; но въ то же время она очень искусно успѣла увѣрить барыню, что во вчерашнемъ происшествіи будто бы сама очень испугалась и поэтому ничего не слыхала, что̀ происходило въ спальнѣ. Въ запискѣ своей, написанной, по обыкновенію, очень правильнымъ французскимъ языкомъ, г-жа Петицкая умоляла княгиню пріѣхать къ ней, такъ какъ она очень больна и, что̀ хуже всего, находится совершенно безъ денегъ; но итти и достать ихъ гдѣнибудь у ней совершенно не хватаетъ силъ. Г-жа Петицкая не упускала ни одного случая, чтобы занять у княгини хоть маленькую сумму, которую она, разумѣется, никогда и не возвращала. Добрая княгиня очень встревожилась этимъ извѣстіемъ и сама вышла къ горничной.

— Что̀ такое съ твоей барыней?—спросила она.

— Онѣ нездоровы очень-съ!—отвѣчала съ храпомъ горничная и вмѣстѣ съ тѣмъ улыбаясь всѣмъ своимъ ртомъ.

— Но чѣмъ именно?

— Спинка, должно-быть, болитъ-съ!—произнесла горничная и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы не утерпѣвъ, фыркнула на всю комнату.

— Но чему же ты смѣешься, моя милая? — спросила княгиня, нѣсколько уже разсердившись на нее.

— Да я всегда такая-съ! — отвѣчала горничная, втягивая въ себя съ храпомъ воздухъ: ей главнымъ образомъ смѣшно было вспомнить, что̀ именно болитъ у ея госпожи.

Сама княгиня не поѣхала къ своей подругѣ, такъ какъ она ждала къ себѣ Миклакова, но денегъ ей, конечно, сейчасъ же послала и кромѣ того отправила нарочнаго къ Елпидифору Мартынычу съ строгимъ приказаніемъ, чтобы онъ сейчасъ же ѣхалъ и оказалъ помощь г-жѣ Петицкой. Тотъ, конечно, не смѣлъ ослушаться и пріѣхалъ къ больной прежде даже, чѣмъ возвратилась ея горничная.

Дверь съ крыльца въ переднюю оставалась еще со вчерашняго вечера незапертою. Елпидифоръ Мартынычъ вошелъ въ нее, прошелъ потомъ залу, гостиную и затѣмъ очутился въ спальнѣ г-жи Петицкой. Та въ это время лежала въ постели и плакала.

— Это что̀, о чемъ такія слезы?—воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Онъ видалъ Петицкую еще прежде того нѣсколько разъ у княгини.

— Ахъ, Боже мой, Елпидифоръ Мартынычъ!—воскликнула она, въ свою очередь, стараясь поправить нѣсколько свое неглиже.

— Я-съ, я-съ это — к-ха! — отвѣчалъ ей докторъ, садясь около ея кровати.—Княгиня прислала меня къ вамъ и велѣла мнѣ непремѣнно васъ вылѣчить!

— Mercі!—проговорила больная, почему-то вся вспыхнувши въ лицѣ.

— Что̀ же у васъ такое болитъ-съ?—спрашивалъ Елпидифоръ Мартынычъ, нѣсколько наклоняясь къ ней.

— Все болитъ!—отвѣчала Петицкая.

— Какъ все? Что-нибудь да не болитъ же вѣдь!..—возразилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Все!—повторила г-жа Петицкая настойчиво.

Елпидифоръ Мартынычъ поставленъ былъ въ большое недоумѣніе; онъ взялъ ея руку и пощупалъ пульсъ.

— Пульсъ нервный только,—произнесъ онъ.—Видно, только раздраженіе нервное. Что̀ вы, не разсердились ли на что-нибудь, не опечалились ли чѣмъ-нибудь, не испугались ли чего?

— Ахъ, я очень испугалась!—воскликнула Петицкая, какъ бы обрадовавшись послѣднему вопросу Илліонскаго.—Вообразите, я ѣхала на извозчикѣ; онъ меня выпрокинулъ, платье

и салонъ мой за что-то зацѣпились въ саняхъ; лошадь между тѣмъ побѣжала и протащила меня по замерзшей улицѣ!

— А, скверно это, скверно... Что же, переломовъ нѣтъ ли гдѣ въ рукѣ, въ ногѣ?

— Переломовъ нѣтъ.

— Ушибы, значитъ, только?

— Да, ушибы.

— Гмм! — произнесъ глубокомысленно Елпидифоръ Мартынычъ. — Посмотрѣть надобно-съ, взглянуть! — присовокупилъ онъ.

— Ни за что на свѣтѣ, ни за что!—воскликнула г-жа Петицкая.

— А вотъ это такъ предразсудокъ, совершенный предразсудокъ!—возразилъ ей Илліонскій.—Стыдливость тутъ ни къ чему-съ не ведетъ.

— Ну, какъ вы тамъ хотите, а я не могу.

— Все-таки примочку какую-нибудь прописать вамъ надобно.

— Пожалуй!—протянула г-жа Петицкая.

Елпидифоръ Мартынычъ вышелъ прописать рецептъ и только было-усѣлся въ маленькой гостиной за круглый столъ, надѣлъ очки и закинулъ голову нѣсколько вправо, чтобы сообразить, что собственно прописать, какъ вдругъ пораженъ былъ неописаннымъ удивленіемъ: на одномъ изъ ближайшихъ стульевъ онъ увидѣлъ стоявшую, или, лучше сказать, валявшуюся свою собственную круглую шляпенку, которую онъ далъ Николя Оглоблину для маскарада. Первымъ движеніемъ Елпидифора Мартыныча было закричать г-жѣ Петицкой нѣсколько лукавымъ голосомъ: «Какая это такая у ней шляпа?», но многолѣтняя опытность жизни человѣка и врача инстинктивно остановила его, и онъ только громчайшимъ образомъ кашлянулъ на всю комнату: «к-ха!», такъ что Петицкая даже вздрогнула и невольно проговорила сама съ собой:

— Господи! Какъ онъ кашляетъ ужасно...

Елпидифоръ Мартынычъ послѣ того принялся писать рецептъ, продолжая искоса посматривать на свою шляпенку и соображая, какимъ образомъ она могла попасть къ г-жѣ Петицкой.

— Когда же съ вами эта непріятность отъ извозчика случилась?—крикнулъ онъ своей паціенткѣ, какъ бы для соображенія при писаніи рецепта, а въ сущности для объясненія обстоятельствъ по случаю шляпы.

— Вчера!—отвѣчала ему больная изъ своей комнаты.

— Вчера!..—повторилъ протяжно докторъ: вчера онъ именно и далъ шляпу Николя.

Для Елпидифора Мартыныча не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что между симъ молодымъ человѣкомъ и г-жой Петицкой кое-что существовало.

— Стало-быть, у извозчика лошадь была очень бойкая, если онъ такъ долго не могъ остановить ее?—крикнулъ онъ ей опять.

— Очень бойкая!—отвѣчала ему та.

— Бойкая!.. — повторилъ еще разъ Елпидифоръ Мартынычъ и самъ съ собой окончательно рѣшилъ, что она вовсе ѣхала не на извозчикѣ, а, вѣроятно, на бойкихъ лошадяхъ Николя Оглоблина, и ѣхала, вѣроятно, съ нимъ изъ маскарада.

— А рано ли вы это ѣхали?—попытался онъ еще спросить ее.

— Очень поздно, изъ маскарада ѣхала!—отвѣчала г-жа Петицкая.

Елпидифоръ Мартынычъ при этомъ только съ удовольствіемъ улыбнулся.

— Эврика! — произнесъ онъ самъ съ собой и затѣмъ, написавъ рецептъ и отдавъ его съ приличнымъ наставленіемъ г-жѣ Петицкой, расшаркался передъ нею моднѣе обыкновеннаго, поцѣловалъ у нея даже при этомъ ручку и уѣхалъ.

Елпидифоръ Мартынычъ вообще со всѣми женщинами, про которыхъ онъ узнавалъ кое-что, всегда дѣлался какъ-то развязнѣе.

Отъ г-жи Петицкой Елпидифоръ Мартынычъ прямо отправился къ княгинѣ съ тѣмъ, чтобы донести ей о томъ, что исполнилъ ея приказаніе, а потомъ, если выпадетъ къ тому удобный разговоръ, то и разсказать ей о томъ, что успѣлъ онъ наблюсти у госпожи Петицкой. Елпидифоръ Мартынычъ, опять-таки по своей многолѣтней опытности, очень хорошо зналъ, что всякая женщина, какъ бы она ни была дружна съ другой женщиной, всегда выслушаетъ съ удовольствіемъ скандалъ про эту другую женщину, особенно если этотъ скандалъ касается сердечной стороны. Услыхавъ о пріѣздѣ Иллюнскаго, княгиня поспѣшила даже выйти къ нему навстрѣчу.

— Что такое съ Петицкой?—спрашивала она, когда Елпидифоръ Мартынычъ только-что успѣлъ показаться въ залѣ.

— Да нехорошо-съ, нехорошо-съ! — отвѣчалъ докторъ.— А пожалуй, и хорошо!—присовокупилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія съ улыбкою.

— Какъ, нехорошо и хорошо? — спросила княгиня, немножко испуганная и съ удивленіемъ.

— Это я такъ, пошутилъ,—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, лукаво потупляя передъ ней глаза свои.

— Но чѣмъ же собственно она больна? — приставала княгиня.

— Испугомъ, кажется, больше ничего; она ѣхала, выпрокинулась изъ саней и немножко потащилась.

— Господи Боже мой!—воскликнула княгиня окончательно испуганнымъ голосомъ.—Но откуда же это она ѣхала?

— Изъ маскарада... ночью и, кажется, не одна!.. — отвѣчалъ Илліонскій съ разстановкой (онъ въ это время вмѣстѣ съ княгиней входилъ въ гостиную, гдѣ и усѣлся сейчасъ же въ кресло).—Между нами сказать,—прибавилъ онъ, мотнувъ головой и приподнимая свои густыя брови: — тутъ кроется что-то таинственное.

— Но что̀ такое тутъ можетъ быть таинственнаго?—спросила княгиня.

Елпидифоръ Мартынычъ сначала усмѣхнулся немного, а потомъ разсказалъ подробнѣйшимъ образомъ, какъ онъ отдалъ свою шляпу Николя Оглоблину для маскарада и какъ сегодня, пріѣхавъ къ г-жѣ Петицкой, увидѣлъ эту шляпу у ней въ гостиной.

— Ту самую, которую вы отдали Николя? — спросила его княгиня.

— Ту самую!—отвѣчалъ Илліонскій.

Княгиня при этомъ покраснѣла даже немножко въ лицѣ. Она сама уже нѣсколько времени замѣчала, что у Петицкой что-то такое происходитъ съ Николя Оглоблинымъ, но всегда старалась отогнать отъ себя подобное подозрѣніе, потому что считала Николя ниже вниманія всякой порядочной женщины.

— Зачѣмъ же могла быть у нея его шляпа?

— Вѣроятно, заѣзжалъ послѣ маскарада побесѣдовать съ ней!..

На послѣднія слова Елпидифоръ Мартынычъ сдѣлалъ сильное удареніе.

— Я однако все-таки тутъ ничего не понимаю! — произнесла княгиня досадливымъ голосомъ.—А вы спрашивали, зачѣмъ у нея эта шляпа?

— Господи помилуй! Развѣ о подобныхъ вещахъ спрашиваютъ дамъ?—возразилъ Елпидифоръ Мартынычъ, растопыривая руки.

— А я такъ спрошу ее непремѣнно,—говорила княгиня.

— Нѣтъ, ужъ и вы, пожалуйста, не спрашивайте—к-ха!.. Я сказалъ вамъ по преданности моей, а вы меня и выдадите — к-ха!.. — началъ-было упрашивать Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я васъ не буду выдавать—нисколько!...—возразила ему княгиня.

— Да какъ же не выдавать,—отъ кого же вы узнали про это?—продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ какимъ-то уже жалобнымъ голосомъ.

— Ну, ужъ я знаю, отъ кого узнала!—почти прикрикнула на него княгиня.

Елпидифоръ Мартынычъ чмокнулъ только на это губами и уѣхалъ отъ княгини съ твердою рѣшимостью никогда ей больше ничего не разсказывать. Та же, оставшись одна, принялась разсуждать о своей пріятельницѣ: болѣе всего княгиню удивляло то, что неужели же Петицкая въ самомъ дѣлѣ полюбила Оглоблина, и если не полюбила, то что̀ же заставило ее быть благосклонною къ нему?

Какъ бы въ разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ вошелъ лакей и доложилъ, что пріѣхалъ Николя Оглоблинъ.

— Ахъ, проси! — воскликнула на этотъ разъ княгиня съ явнымъ удовольствіемъ.

По свойственному женщинамъ любопытству, она не въ состояніи была удержаться и рѣшилась теперь же, сейчасъ же, не говоря, конечно, прямо, повывѣдать отъ Николя всю правду, которую онъ, какъ надѣялась княгиня, по своей простоватости не сумѣетъ скрыть.

Николя вошелъ къ ней, замѣтно стараясь быть веселымъ, беззаботнымъ и довольнымъ. Онъ нарочно ѣздилъ по своимъ знакомымъ, чтобы тѣ не подумали, что съ нимъ наканунѣ что-нибудь случилось. На Петицкую Николя былъ страшно сердитъ, потому что догадался, что вздулъ его одинъ изъ ея прежнихъ обожателей. Онъ далъ себѣ слово никогда не видаться съ нею и даже не произносить никогда ея имени, какъ будто бы и не зналъ ея совсѣмъ.

— Пожалуйте-ка сюда, пожалуйте!—сказала княгиня, при его входѣ, нѣсколько даже какъ бы угрожающимъ голосомъ.

Николя отъ одного этого уже немного сконфузился.

— Что̀ такое, что̀ такое?—зашлепалъ онъ своимъ толстымъ языкомъ,

— А гдѣ вы вчера вечеромъ были? — спросила княгиня, уставляя на него пристальный взглядъ.

Николя просто обмеръ.

— Дома былъ-съ! — отвѣчалъ онъ, рѣшительно не находя, что̀ бы такое придумать.

— А зачѣмъ же вы шляпы у Елпидифора Мартыныча просили?—продолжала княгиня.

— Какой шляпы-съ? — спросилъ Николя, какъ бы ни въ чемъ неповинный.

— А такой, въ которой вечеромъ вы были въ маскарадѣ.

Николя при этомъ покраснѣлъ, какъ ракъ вареный.

— Это вамъ все старый этотъ чортъ Иллiонскiй наболталъ, — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не Иллiонскiй!—возразила ему княгиня:—потому что я знаю даже, куда вы изъ маскарада уѣхали.

Николя окончательно растерялся; онъ нисколько уже не сомнѣвался, что княгиня все знаетъ и теперь смѣется надъ нимъ, а потому онъ страшно на нее разсердился.

— Много что-то вы ужъ знаете! До всего вамъ дѣло!..— произнесъ онъ, надувшись.

— Дѣло потому, что вы мнѣ родня...

— Много у меня этакой-то родни по Москвѣ! — бухнулъ Николя.

Княгиня увидѣла, что съ этимъ дуралеемъ разговаривать было почти невозможно.

— Какъ это мило такъ выражаться! — сказала она, немножко ужъ разсердясь на него.

— Что̀ выражаться-то? Вы сами начали... — продолжалъ Николя.

Княгиня окончательно на него разсердилась.

— Дѣйствительно, я на этотъ разъ виновата и впередъ не позволю себѣ никакой шутки съ вами!—проговорила она и, вставъ со своего мѣста, ушла совсѣмъ изъ гостиной и больше не возвращалась, такъ что Николя сидѣлъ-сидѣлъ одинъ, пыхтѣлъ-пыхтѣлъ, наконецъ принужденъ былъ уѣхать.

Его главнымъ образомъ бѣсило то, отъ кого княгиня могла узнать, и какъ только онъ помышлялъ, что ей извѣстна была вся постигшая его непрiятность, такъ кровь подливала у него къ сердцу и неимовѣрная злоба имъ овладѣвала. Съ этимъ самымъ чувствомъ онъ совершилъ всѣ прочiе свои визиты, на которыхъ никто даже не намекнулъ ему о вчерашней непрiятности,—значитъ, одна только княгиня въ цѣлой Москвѣ и знала объ этомъ, а потому она начинала представляться ему самымъ злѣйшимъ его врагомъ. Надо было ей отомстить хорошенько. О, Николя имѣлъ для этого отличное средство! Г-жа Петицкая давно уже разсказала ему о шурахъ-мурахъ княгини съ Миклаковымъ. «А гдѣ жъ они видаются?»— спросилъ тогда ее Николя.—«Въ домѣ у княгини... Миклаковъ почти каждый вечеръ бываетъ у ней, и князя въ это время всегда дома нѣтъ»,—отвѣчала Петицкая.—«Значитъ, они въ гостиной у нихъ и видаются?» — продолжалъ допрашивать Николя. «Вѣроятно, въ гостиной», — отозвалась Петицкая. Николя все это очень хорошо запомнилъ, и поэтому теперь ему стоило сказать о томъ князю, такъ тотъ шутить

не будетъ и расправится съ княгиней и Миклаковымъ по-свойски. Николя, какъ мы знаемъ, страшно боялся князя и считалъ его скорѣе за тигра, чѣмъ за человѣка... Но какъ же сказать о томъ князю, кто осмѣлится сказать ему это? «А что̀ если, — придумалъ Николя: — написать князю анонимное письмо?» Но въ этомъ случаѣ онъ опасался, что князь узна̀етъ его руку, и потому Николя рѣшился заставить переписать это анонимное письмо своего камердинера. Для этого, вернувшись домой, онъ сейчасъ же позвалъ того ласковымъ голосомъ:

— Пойдемъ, Севастьянушка, ко мнѣ въ кабинетъ.

Камердинеръ послѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ видишь,—началъ Николя своимъ не рѣчистымъ языкомъ: — видишь, мнѣ надобно послать письмо.

— Слушаю-съ! — протянулъ Севастьянъ, глубокомысленно стоя передъ нимъ.

— Перепиши мнѣ, пожалуйста! — заключилъ Николя.

Камердинеръ посмотрѣлъ на барина съ какимъ-то почти презрѣніемъ и удивленіемъ.

— Да что̀ я за писарь такой! Я и писать-то настоящимъ манеромъ не умѣю, — произнесъ онъ.

— Да ничего, какъ-нибудь, пожалуйста!..—упрашивалъ его Николя.

Камердинеръ опять съ какимъ-то презрѣніемъ усмѣхнулся.

— Да сами-то вы не умѣете, что ли, писать-то? — сказалъ онъ.

— Мнѣ нельзя, понимаешь, руку мою знаютъ; догадаются, тогда чортъ знаетъ что̀ со мной сдѣлаютъ!.. Перепиши, сдѣлай дружбу, я тебѣ пятьдесятъ цѣлковыхъ за это дамъ.

Камердинеръ отрицательно покачалъ головой.

— Коли съ вами что-нибудь сдѣлаютъ, что̀ же со мною будетъ?

— Да ничего тебѣ не будетъ, увѣряю тебя! — успокаивалъ его Николя.

Севастьянушка и самъ очень хорошо понималъ, что врядъ ли баринъ затѣваетъ что-нибудь серьезно-опасное, и если представлялся нерѣшительнымъ, то желалъ этимъ набить лишь цѣну.

— Ну, я тебѣ сто рублей дамъ!—бухнулъ Николя отъ нетерпѣнія сразу.

Камердинеръ почесалъ у себя при этомъ въ затылкѣ.

— Къ кому же такому письмо-то это? — продолжалъ онъ спрашивать, какъ бы еще недоумѣвая.

— Къ князю Григорову... безыменное!.. Никѣмъ не подписанное... О томъ, что̀ княгиня его живетъ съ другимъ.

— Да, вотъ видите-съ, штука-то какая!—произнесъ камердинеръ, нѣсколько уже и смутившись.

— Никакой штуки тутъ не можетъ быть: руки твоей князь не знаетъ.

— Нѣтъ-съ, не знаетъ.

— Люди ихніе тоже не знаютъ твоей руки?

— Нѣтъ-съ, не знаютъ; да и самихъ-то ихъ я никого не знаю.

— Такъ чего тебѣ бояться?..

Камердинеръ продолжалъ соображать.

— Только деньги-то вы мнѣ впередъ ужъ пожалуйте: онѣ теперь мнѣ очень нужны-съ!—проговорилъ онъ наконецъ.

— Деньги отдамъ впередъ,—отвѣчалъ Николя, покраснѣвъ немного въ лицѣ.

Камердинеръ не безъ основанія принялъ эту предосторожность: молодой баринъ часто обѣщалъ ему разныя награды, а потомъ какъ будто бы случайно и позабывалъ о томъ.

Условившись такимъ образомъ съ Севастьяномъ, Николя принялся сочинять письмо и сидѣлъ за этой работой часа два: лобъ его при этомъ неоднократно увлажнялся потомъ; листовъ двѣнадцать бумаги было исписано и перервано; наконецъ онъ изложилъ то, что желалъ, и изложеніе это не столько написано было по-русски, сколько переведено дурно съ французскаго:

«Любезный князь! Незнакомые вамъ люди желаютъ васъ увѣдомить, что жена ваша вамъ невѣрна и даетъ рандеву господину Миклакову, съ которымъ каждый вечеръ встрѣчается въ вашей гостиной; объ этомъ знаютъ въ свѣтѣ, и честь вашей фамиліи обязываетъ васъ отомстить княгинѣ и вашему коварному ривалю».

Все сіе посланіе камердинеръ въ запертомъ кабинетѣ тоже весьма долго переписывалъ, перемаралъ тоже очень много бумаги, и наконецъ письмо было изготовлено, запечатано, надписано и положено въ почтовый ящикъ, а вечеромъ Николя, по случаю собравшихся у отца гостей, очень спокойно и совершенно какъ бы съ чистой совѣстью болталъ съ разными гостями. Онъ, кажется, вовсе и не подозрѣвалъ, до какой степени былъ гадокъ содѣянный имъ противъ княгини поступокъ.

XI.

Князь получилъ анонимное письмо въ то время, какъ собирался ѣхать къ Еленѣ. Прочитавъ его, онъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ и вначалѣ, кажется, хотѣлъ-было итти къ

княгинѣ, показать ей это письмо и попросить у нея объясненія ему; но потомъ онъ удержался отъ этого и остался на томъ же мѣстѣ, на которомъ сидѣлъ: вся фигура его приняла какое-то мрачное выраженіе. Болѣе всего возмущалъ его своимъ поступкомъ Миклаковъ. Положимъ даже, что княгиня сама первая выразила ему свое вниманіе; но ему сейчасъ же слѣдовало устранить себя отъ этого, потому что князь ввелъ его въ свой домъ, какъ друга, и онъ не долженъ былъ позволять себѣ быть развратителемъ его жены, тѣмъ болѣе, что какого-нибудь особенно сильнаго увлеченія со стороны Миклакова князь никакъ не предполагалъ. Самымъ простымъ и естественнымъ дѣломъ казалось князю вызвать подобнаго господина на дуэль! Но онъ очень хорошо зналъ, какимъ образомъ Миклаковъ смотритъ на дуэли этого рода, да и кромѣ того, что̀ скажетъ объ этой дуэли Елена: она ее напугаетъ, глубоко огорчитъ, пойдетъ цѣлый рядъ сценъ, объясненій!.. Словомъ, разсудокъ очень ясно говорилъ въ князѣ, что для спокойствія всѣхъ близкихъ и дорогихъ ему людей, для спокойствія собственнаго и наконецъ по чувству справедливости онъ долженъ былъ на любовь жены къ другому взглянуть равнодушно; но въ то же время, какъ и въ исторіи съ барономъ Мингеромъ, чувствовалъ, что у него при одной мысли объ этомъ цѣлое море злобы поднимается къ сердцу. Скрыть это и носить въ этомъ отношеніи маску князь видѣлъ, что на этотъ, по крайней мѣрѣ, день въ немъ недостанетъ силъ, — а потому онъ счелъ за лучшее остаться дома, просидѣлъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ весь вечеръ и бо̀льшую часть ночи, а когда на другой день случайно увидѣлъ въ зеркалѣ свое пожелтѣвшее и измученное лицо, то почти не узналъ себя. Съ княгиней онъ могъ еще не видаться день и два, но къ Еленѣ долженъ былъ ѣхать.

«Э, чортъ возьми! Могу же я быть спокойнымъ или не спокойнымъ, какъ мнѣ пожелается того!» — подумалъ онъ; но, поѣхавъ къ Еленѣ, все-таки рѣшился, чтобы не очень встревожить ее, совладѣть съ собой и передать ей всю эту исторію, какъ давно имъ ожидаемую. Но Елена очень хорошо знала князя, такъ что, едва только онъ вошелъ, какъ она воскликнула встревоженнымъ даже голосомъ:

— Что̀ такое у тебя за видъ сегодня?

— А что̀? — спросилъ князь, какъ бы не понимая ея

— Ты зеленый какой-то...

— Такъ, нездоровится что-то сегодня.

Елена продолжала на него смотрѣть, не спуская глазъ.

Князь послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія постарался даже усмѣхнуться.

— Я вчера получилъ анонимное письмо, которымъ извѣщаютъ меня, что между княгиней и Миклаковымъ существуетъ любовь...—проговорилъ онъ, продолжая усмѣхаться; но этимъ однако ему не удалось замаскироваться передъ Еленой.

— И тебя это, видно, очень встревожило? — спросила она его.

— Да, отчасти, — отвѣчалъ князь: — и, главное, въ томъ отношеніи, что этимъ соблазнителемъ моей супруги является Миклаковъ, человѣкъ, котораго я все-таки любилъ искренно!..

— А, вотъ что!.. — произнесла Елена, и князь по одному тону голоса ея догадался, какая буря у ней начинается въ душѣ.

— Ты, разумѣется,—заговорилъ онъ, опять усмѣхаясь немного и какъ бы желая въ этомъ случаѣ предупредить Елену:— не преминешь сочинить мнѣ за то сцену, но что жъ дѣлать: чувствовать иначе, какъ я чувствую, я не могу...

— Это съ чего ты взялъ, что я сочиню тебѣ сцену?—воскликнула Елена, гордо поднимая передъ нимъ свою голову.— Слишкомъ ошибаешься!.. Прошла та пора: теперь я тебя очень хорошо понимаю, и если бы ты даже сталъ притворяться передо мною, такъ я бы это сейчасъ увидѣла, и ты къ теперешнимъ своимъ качествамъ прибавилъ бы въ глазахъ моихъ еще новое, весьма некрасивое.

— Какое же это такое?—спросилъ князь.

— Качество лжеца!—отвѣчала Елена.

— Качество нехорошее!—произнесъ князь.—А какія же мои теперешнія качества,—любопытно было бы знать?—присовокупилъ онъ.

— Качества весьма обыкновенныя.... *Весьма!* — отвѣчала Елена почти съ презрительной гримасой.—Ты имѣешь любовницу и жену; обѣихъ ихъ понемножку любишь и очень не желаешь, чтобы которая-нибудь изъ нихъ измѣнила тебѣ!.. Словомъ, себя считаешь въ правѣ дѣлать все, что тебѣ угодно, и крайне бываешь недоволенъ, когда другіе вздумаютъ поступать тоже по своему усмотрѣнію.

Князь, при такого рода опредѣленіи ему самого себя, покраснѣлъ даже въ лицѣ.

— Очень странно, что ты такого человѣка позволила себѣ полюбить,—сказалъ онъ.

— Ошиблась, больше ничего!—пояснила ему Елена. — Никакъ не ожидала, чтобы люди, опутанные самыми мелкими чувствами и предразсудками, вздумали прикидываться людьми свободными отъ всего этого!... Свободными людьми—легко сказать! —воскликнула она: — а надобно спросить вообще: много

ли на свѣтѣ свободныхъ людей?.. Ихъ нужно считать единицами посреди сотенъ тысячъ, — это герои: они не только что не боятся измѣнъ женъ, но даже каторгъ и гильотинъ, и мы съ вами, ваше сіятельство, никакъ ужъ въ этотъ сортъ людей не годимся.

— Совершенно согласенъ!—сказалъ князь.—Но опять тебѣ повторяю, что мнѣ странно, какъ ты полюбила человѣка, подобнаго мнѣ, а не избрала кого-либо, болѣе подходящаго къ воображаемому тобою герою.

— Вначалѣ я тебя считала подходящимъ къ такому герою.

— Что̀ же такое потомъ тебя разочаровало во мнѣ?.. Это мое нѣкоторое вниманіе къ поведенію жены?

— Нѣтъ, не это только, а *многое, многое!*—отвѣчала Елена съ удареніемъ.

Князь хотя и полагалъ, что она говоритъ такимъ образомъ подъ вліяніемъ ревности, а потому, можетъ-быть, высказываетъ то, чего и не чувствуетъ, но, какъ бы то ни было, онъ разсердился на нее и рѣшился, въ свою очередь, тоже высказать ей нѣсколько горькихъ истинъ.

— Вотъ видишь ли что̀! — началъ онъ съ дрожащими немного отъ досады губами: — согласенъ, что я имѣю предразсудки, мелкія чувства; но когда мы кого любимъ, то не только что такіе недостатки, но даже пороки прощаемъ!.. Значитъ, любви въ тебѣ ко мнѣ нисколько нѣтъ!.. Мало этого, въ тебѣ даже нѣтъ простого чувства сожалѣнія ко мнѣ, которое мы имѣемъ ко всѣмъ почти людямъ!.. Ты очень хорошо знала, что я пришелъ къ тебѣ съ больной моей раной; но ты вмѣсто того, чтобъ успокоить меня, посовѣтовать мнѣ что-нибудь, говоришь мнѣ только дерзости.

— Ахъ, нѣтъ, ужъ извините!.. За совѣтомъ этимъ вамъ лучше обратиться къ какому-нибудь вашему адвокату! — воскликнула Елена.—Тотъ научитъ васъ, куда и въ какой судъ подать вамъ на вашу жену жалобу: законы, вѣроятно, есть противъ этого строгіе; ее посадятъ, конечно, за то въ тюрьму, разведутъ васъ.

— Я вовсе не хочу жены моей сажать въ тюрьму!—возразилъ князь.—И если бы желалъ чего, такъ это единственно, чтобы не видѣть того, что̀ мнѣ тяжело видѣть и чему я не желаю быть свидѣтелемъ.

— Въ такомъ случаѣ прогоните вашу жену отъ себя, или еще лучше того—отправьте ее за границу!.. Это многимъ даже можетъ показаться великодушнымъ съ вашей стороны.

— Въ томъ-то и горе, что она не желаетъ этого...—возразилъ князь.

— Тогда начните поколачивать ее, и послѣ этого она непремѣнно ужъ пожелаетъ.

Князь при этомъ усмѣхнулся даже нѣсколько.

— А ты думаешь, что я способенъ поколотить ее?—проговорилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, виновата!—опять воскликнула Елена:— я ошиблась; жену вашу, потому, разумѣется, только, что она жена ваша, вы слишкомъ высоко ставите и не позволите себѣ сдѣлать это противъ нея; но любовница же, какъ я, напримѣръ, то другое дѣло.

— Тебя, значитъ, это я способенъ поколотить?..

— Еще какъ!.. Съ наслажденіемъ, я думаю! Вообще: бросить, поколотить любовницу, всякому нравственному человѣку, какъ ты, даже слѣдуетъ: того-де она и стòитъ!

Слова эти окончательно разсердили князя. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Послѣ того, какъ ты меня понимаешь, мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало бы тебя оставить, чтò я и сдѣлалъ бы, если бъ у насъ не было сына, за воспитаніемъ котораго я хочу слѣдить,—проговорилъ онъ, стараясь при этомъ не смотрѣть на Елену.

— Въ отношеніи воспитанія вашего сына,—начала она:— вы можете быть совершенно покойны и не трудиться наблюдать нисколько надъ его воспитаніемъ, потому что я убила бы сына моего изъ собственныхъ рукъ моихъ, если бъ увидѣла, что онъ наслѣдовалъ нѣкоторыя ваши милыя убѣжденія!

— И ты искренно это говоришь?—спросилъ ее князь, блѣднѣя весь въ лицѣ.

— Совершенно искренно, *совершенно*!—отвѣчала Елена съ удареніемъ и, повидимому, въ самомъ дѣлѣ искреннимъ голосомъ.

— Хорошо, что заранѣе, по крайней мѣрѣ, сказала!—проговорилъ князь почти задыхающимся отъ гнѣва голосомъ и затѣмъ всталъ и собралъ всѣ книги, которыя приносилъ Еленѣ читать, взялъ ихъ себѣ подъ руку, отыскалъ послѣ того свою шляпу, зашелъ потомъ въ дѣтскую, гдѣ нѣсколько времени глядѣлъ на ребенка; наконецъ, поцѣловавъ его горячо раза три-четыре, ушелъ совсѣмъ, не зайдя уже больше и проститься съ Еленой. Та, въ свою очередь, тоже осталась въ сильно раздраженномъ состояніи. Ее больше всего выводила изъ себя эта *двойственность и непослѣдовательность* князя. Говоритъ, что не любитъ жену, и дѣйствительно, кажется, мало любитъ ее; говоритъ наконецъ, что очень даже радъ будетъ, если она полюбитъ другого, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый разъ какимъ-то

тигромъ бѣшенымъ дѣлается, когда княгиня начинаетъ съ кѣмъ-нибудь даже только кокетничать. Положимъ, прежде бѣсновался онъ оттого, что: барона считалъ дрянью совершенною, но про Миклакова онъ никакъ не могъ этого сказать. «Въ самомъ дѣлѣ имъ лучше разъѣхаться; по крайней мѣрѣ они не будутъ мучить другъ друга», — рѣшила въ мысляхъ своихъ Елена. Кромѣ того, отъѣздъ княгини за границу она находила недурнымъ и для себя, потому что этимъ окончательно успокаивалась ея ревность; сообразивъ все это, Елена прежде всего хотѣла перетолковать съ Миклаковымъ и, не любя откладывать никакого своего намѣренія, она сейчасъ же отправилась къ нему. Миклакова Елена застала дома и, сверхъ обыкновенія, довольно прилично одѣтымъ.

— У меня сейчасъ былъ князь,—начала она, усѣвшись на одномъ изъ сломанныхъ стульевъ:—и сказывалъ, что получилъ анонимное письмо о вашей любви съ княгиней.

— О нашей любви съ княгиней? — повторилъ Миклаковъ, повидимому, тономъ немалаго удивленія. — Но кто жъ ему могъ написать эту нелѣпость?—присовокупилъ онъ.

— Лѣпость это или нелѣпость—я не знаю и, конечно, ужъ не я ему писала!—проговорила Елена, покраснѣвъ отъ одной мысли, что не подумалъ ли Миклаковъ, что князь отъ нея узналъ объ этомъ, такъ какъ она иногда смѣялась Миклакову, что онъ влюбленъ въ княгиню, и тотъ обыкновенно, тоже шутя, отвѣчалъ ей: «влюбленъ-съ!.. влюбленъ!».

— Знаю, что не вы, — произнесъ онъ, нахмуриваясь въ свою очередь.—Впрочемъ, что-жъ?.. на здоровье ему, если у него есть такіе добрые и обязательные корреспонденты.

— Ему вовсе не на здоровье, потому что онъ взбѣшенъ, какъ я не знаю что!—возразила Елена.

Миклаковъ усмѣхнулся при этомъ и взглянулъ пристально на Елену.

— Да вы о комъ тутъ больше хлопочете: о насъ или о князѣ?—спросилъ онъ.

— И о васъ и о князѣ, потому что я никакъ не ручаюсь, чтобъ онъ, въ одну изъ бѣшеныхъ минутъ своихъ, не убилъ васъ обоихъ!

— Даже убилъ?.. Ой, батюшки, какъ страшно! — сказалъ Миклаковъ комическимъ тономъ.

— Пожалуйста, не шутите! Смѣяться въ этомъ случаѣ нечего, потому что князь рѣшительно не желаетъ быть свидѣтелемъ вашей любви, и потому, я полагаю, вамъ и княгинѣ лучше всего теперь уѣхать за границу.

Миклаковъ на это опять усмѣхнулся.

— Уѣхать за границу, конечно, каждому хорошо, но для этого прежде всего нужно имѣть деньги.

— За деньгами дѣло не станетъ: князь съ удовольствіемъ дастъ на это княгинѣ денегъ.

— Все это очень хорошо-съ!—возражалъ Миклаковъ: — но это дѣло нисколько до меня не касающееся.

— Какъ не касающееся!—воскликнула Елена.—И вы должны ѣхать за границу, если только любите княгиню.

— Я-то?—спросилъ Миклаковъ какимъ-то дурацкимъ голосомъ и почесывая у себя въ затылкѣ.

— Да, вы-то!—повторила Елена.

Миклаковъ продолжалъ улыбаться и почесывать у себя въ затылкѣ.

— Что̀ же, поѣдете или нѣтъ?—присовокупила Елена.

— Поѣду, если ужъ очень звать будутъ! — отвѣчалъ Миклаковъ.

— Звать его будутъ!.. Вотъ противный-то! — воскликнула Елена.—Но, во всякомъ случаѣ, вы отправляйтесь къ княгинѣ и внушите ей эту мысль.

— Какую эту мысль? — спросилъ Миклаковъ, какъ бы не понявъ Елены.

— Мысль уѣхать за границу.

— Ну, ужъ это—слуга покорный... Я никогда ей внушать такой мысли не буду.

— Это почему?

— Потому что это прямо значитъ увезти ее отъ мужа, да и на мужнины еще деньги!.. Очень ужъ это будетъ благородно съ моей стороны.

— Подите вы съ вашимъ казеннымъ *благородно, неблагородно!..* Васъ вовсе не то останавливаетъ!

— Что̀ же меня останавливаетъ?

— То, что вы старый, развратный старичишка: вамъ просто страшно сойтись надолго съ порядочной женщиной.

Миклаковъ, обыкновенно нисколько не стѣсняясь, всегда разсказывалъ Еленѣ разныя свои безобразія по сердечной части.

— Можетъ-быть, и то останавливаетъ... — произнесъ онъ, смотря какъ-то въ уголъ.

— Знаете что̀... — начала вдругъ Елена, взглянувъ внимательно ему въ лицо:—вы такимъ тономъ говорите, что точно вы нисколько не любите княгини, и какъ будто бы у васъ ничего съ ней нѣтъ...

— Да у меня съ ней ничего и нѣтъ!—отвѣчалъ, усмѣхаясь, Миклаковъ.

— Такъ-таки ничего?—повторила свой вопросъ Елена.

— Серьезно — ничего!..

Елена пожала плечами.

— Странно!..—произнесла она.—Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вамъ и ѣхать съ ней за границу!

Миклаковъ въ отвѣтъ на это опять почесалъ у себя только затылокъ и молчалъ.

— Что̀ жъ, вы ничего и не скажете княгинѣ о сегодняшнемъ нашемъ разговорѣ съ вами?—спросила его Елена.

— Не знаю. Подумаю...—отвѣчалъ Миклаковъ.

Досада замѣтно отразилась на лицѣ Елены.

— Ну-съ, — проговорила она, уже вставая: — я сказала вамъ мое мнѣніе, предостерегла васъ, а тамъ дѣлайте, какъ знаете.

— Да, это такъ!.. На томъ благодаримъ покорно! — произнесъ Миклаковъ снова тономъ какого-то дурачка.

Елена уѣхала отъ него.

Миклаковъ хоть и старался во всей предыдущей сценѣ сохранить спокойный и насмѣшливый тонъ, но все-таки видно было, что сообщенное ему Еленою извѣстіе обезпокоило его, такъ что онъ, оставшись одинъ, нѣсколько времени ходилъ взадъ и впередъ по своему номеру, какъ бы что-то обдумывая; наконецъ сѣлъ къ столу и написалъ княгинѣ письмо такого содержанія: «Князя кто-то увѣдомилъ о нашей, акибы преступной, съ вами любви, и онъ, говорятъ, очень на это взбѣшенъ. Приготовьтесь къ этому и примите какія-нибудь съ своей стороны мѣры противъ того: главное, внушите ему, что ревновать ему васъ ко всякому встрѣчному и поперечному не подобаетъ даже по религіи его, — это, мнѣ кажется, больше всего можетъ его обуздать».

Письмо это, какъ и надобно было ожидать, очень встревожило княгиню, тѣмъ болѣе, что она считала себя уже нѣсколько виновною противъ мужа, такъ какъ сознавала въ душѣ, что любитъ Миклакова, хоть отношенія ихъ никакъ не дошли дальше того, что̀ успѣла подсмотрѣть въ щелочку г-жа Петицкая. Не сознавая хорошенько сама того, что̀ дѣлаетъ, и предполагая, что князя цѣлый вечеръ не будетъ дома, княгиня велѣла сказать Миклакову черезъ его посланнаго, чтобъ онъ пришелъ къ ней; но едва только этотъ посланный отправился, какъ раздался звонокъ. Княгиня догадалась, что пріѣхалъ князь, и отъ одного этого почувствовала страхъ, который еще больше въ ней увеличился, когда въ комнату къ ней вошелъ лакей и доложилъ, что князь желаетъ ее видѣть и проситъ ее прійти къ нему.

— Доложи князю, что я сейчасъ выйду въ гостиную и что я переодѣваюсь теперь,—проговорила она.

Лакей, видя, что барыня вовсе не переодѣвается, глядѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Ну, ступай,—сказала ему княгиня.

Лакей ушелъ.

Княгиня послѣ того зачѣмъ-то поправила свои волосы передъ зеркаломъ, позвала потомъ свою горничную, велѣла ей подать стаканъ воды, выпила изъ него немного и, взглянувъ на висѣвшее на стѣнѣ распятіе, пошла въ гостиную. Князь уже былъ тамъ и ходилъ взадъ и впередъ. Одна только лампа на среднемъ столѣ освѣщала эту огромную комнату. Услыхавъ шаги жены, князь пріостановился. Княгиня, какъ вошла, такъ сейчасъ же поспѣшила сѣсть въ самомъ темномъ мѣстѣ гостиной. Князь снова началъ ходить по комнатѣ. Гнѣвъ на Елену, на которую онъ очень разсердился, а частью и проходившія въ умѣ князя, какъ бы противъ воли его, воспоминанія о томъ, до какой степени княгиня, въ продолженіе всей ихъ жизни, была въ отношеніи его кротка и добра, значительно смягчили въ немъ неудовольствіе противъ нея. Онъ далъ себѣ слово, что̀ бы тамъ на сердцѣ у него ни было, быть какъ можно болѣе мягкимъ и кроткимъ съ нею въ предстоящемъ объясненіи.

— Я очень радъ, что засталъ васъ дома, — началъ онъ почти веселымъ голосомъ.

Княгиня молчала.

— Тутъ одинъ какой-то мерзавецъ, — продолжалъ князь послѣ короткаго молчанія и съ замѣтнымъ усиліемъ надъ собой:—вздумалъ ко мнѣ написать извѣщеніе, что будто бы вы любите Миклакова.

Княгиня и на это молчала: ей въ одно и то же время было страшно и стыдно слушать князя

— Скажите, правда это или нѣтъ?—заключилъ онъ почти нѣжно.

Признаться мужу въ своихъ чувствахъ къ Миклакову и въ томъ, что̀ между ними происходило, княгиня все-таки боялась; но, съ другой стороны, запереться во всемъ — у ней не хватало духу; да она и не хотѣла на этотъ разъ, припоминая, какъ князь нѣкогда отвѣчалъ на ея письмо по поводу барона, а потому княгиня избрала нѣчто среднее.

— На подобные вопросы обыкновенно не отвѣчаютъ мужьямъ,—проговорила она, какъ бы больше шутя.

— Отчего же? — спросилъ князь тѣмъ же ласковымъ голосомъ.

— Оттого, что откровенный отвѣтъ можетъ ихъ оскорбить.

— Поэтому вашъ откровенный отвѣтъ могъ бы оскорбить меня?—растолковалъ ея слова князь.

Княгиня на это ничего не сказала.

— Но вы ошибаетесь,—продолжалъ князь:—никакой вашъ отвѣтъ не можетъ оскорбить меня, или, лучше сказать, я не имѣю даже права оскорбляться на васъ: къ кому бы вы какое чувство ни питали, вы совершенно полновластны въ томъ!.. Тутъ только одно: о вашей любви я получилъ анонимное письмо, значитъ, она сдѣлалась предметомъ всеобщей молвы; вотъ этого, признаюсь, я никакъ не желалъ бы!..

— Но какъ же помочь тому?.. Молва иногда бываетъ совершенно напрасная!—возразила княгиня.

— Да, но тутъ она не напрасная! — перебилъ ее рѣзко князь: — и я бы просилъ васъ для прекращенія этой молвы уѣхать, что ли, куда-нибудь!

Княгиня опять затрепетала: ее испугала мысль, что она должна будетъ разстаться съ Миклаковымъ.

— Но куда же вы хотите, чтобъ я уѣхала?—спросила она прерывающимся голосомъ.

— Лучше всего за границу!.. Пусть съ вами ѣдетъ и господинъ Миклаковъ! — отвѣчалъ князь, какъ бы понявъ ея страхъ.— Я, конечно, обезпечу васъ совершенно состояніемъ: мое въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, единственное желаніе будетъ, чтобы вы и я послѣ того могли открыто и всенародно говорить, что мы разошлись.

— Разошлись?.. — проговорила княгиня, но на этотъ разъ слово это не такъ страшно отозвалось въ сердцѣ ея, какъ прежде: во-первыхъ, она какъ-то попривыкла къ этому предположенію, а потомъ ей и самой иногда невыносимо неловко было встрѣчаться съ княземъ отъ сознанія, что она любитъ другого. Княгиня, какъ мы знаемъ изъ словъ Елпидифора Мартыныча, подумывала уже уѣхать за границу; но, какъ бы то ни было, слезы обильно потекли изъ ея глазъ.

Князь это видѣлъ, страшно мучился этимъ и нарочно даже сѣлъ на очень отдаленное кресло отъ жены. Прошло между ними нѣсколько времени какого-то тяжелаго и мрачнаго молчанія. Вдругъ тотъ же лакей, который приходилъ звать княгиню къ князю, вошелъ и объявилъ, что пріѣхалъ Миклаковъ. Княгиня при этомъ вздрогнула. Князя тоже вначалѣ, повидимому, покоробило нѣсколько. Княгиня, поспѣшно утирая слезы, обратилась къ лакею:

— Скажи, что дома нѣтъ, что всѣ уѣхали на цѣлый вечеръ!..—проговорила она скороговоркой.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?.. — возразилъ ей князь. — Прими, скажи, что просятъ!—возразилъ онъ лакею.

Тотъ пошелъ.

— А вы нѣсколько успокойтесь!—отнесся князь къ женѣ.— Это отлично, что Миклаковъ пришелъ: мы сейчасъ же съ нимъ все и устроимъ! — присовокупилъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой.

Миклаковъ, войдя въ гостиную и увидя князя, немного сконфузился: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы тотъ былъ дома.

— Здравствуйте, мой милый другъ! — сказалъ князь привѣтливо, протягивая къ нему руку.

Миклаковъ неловко принялъ у него руку и такъ же неловко поклонился княгинѣ.

— А вотъ мы сейчасъ съ княгиней рѣшили,—продолжалъ князь:—что намъ, чѣмъ морочить добрыхъ людей, такъ лучше явно, во всеочію разойтись!

Миклаковъ отвѣтилъ на это только взглядомъ на княгиню, которая сидѣла, потупивши лицо свое въ землю.

— И чтобы прекратить по этому поводу всякую болтовню, она уѣзжаетъ за границу, и вотъ я даже васъ бы просилъ сопутствовать ей...

— Меня?.. Сопутствовать княгинѣ?—переспросилъ Миклаковъ.

— Да, васъ!—отвѣчалъ князь и хотѣлъ, кажется, еще что-то такое добавить, но не въ состояніи уже былъ того сдѣлать.

Миклаковъ, въ свою очередь, тоже, хоть и усмѣхался, но замѣтно растерялся отъ такого прямого и откровеннаго предложенія. Услыхавъ поутру отъ Елены, что княгинѣ и ему хорошо было бы уѣхать за границу, онъ считалъ это ея фантазіей, а теперь вдругъ самъ князь говоритъ ему о томъ.

— Что жь, вы проводите ее или нѣтъ? — спросилъ его тотъ, снова указывая глазами на жену.

Миклаковъ видѣлъ необходимость что-нибудь отвѣчать.

— Мнѣ еще для этого прежде нужно въ отставку подать,— проговорилъ онъ какъ бы размышляющимъ и соображающимъ тономъ.

— Въ отставку подать недолго,—подхватилъ князь.

Миклаковъ думалъ нѣкоторое время.

— Но я не знаю, — произнесъ онъ потомъ: — пріятно ли будетъ княгинѣ мое сопутничество.

— Вы желаете, чтобы Миклаковъ вамъ сопутствовалъ?— отнесся къ ней князь.

— Желаю, потому что все-таки лучше ѣхать хоть съ однимъ знакомымъ человѣкомъ,—отвѣчала княгиня.

— Ну, поэтому и все теперь!—сказалъ князь.—Черезъ недѣлю вы, полагаю, можете и ѣхать, а къ этому времени я устрою тамошнюю жизнь вашу!—прибавилъ онъ княгинѣ; затѣмъ, обратясь къ Миклакову и проговоривъ ему: «до свиданья!»—ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Миклаковъ послѣ того нѣкоторое время продолжалъ усмѣхаться про себя. Княгиня же сидѣла печальная и задумчивая.

— У васъ, значитъ, было уже и объясненіе? — спросилъ онъ ее.

— Да, было!—отвѣчала она отрывисто.

— Что же, вы сказали ему, что все это вздоръ?

— Нѣтъ, не сказала! — произнесла княгиня попрежнему отрывисто.

— Отчего же?

— Оттого, что это не вздоръ!

— Вы полагаете, что не вздоръ? — повторилъ Миклаковъ знаменательно.

Княгиня молчала.

— Ну, а этимъ отъѣздомъ вашимъ за границу онъ самъ распорядился?—продолжалъ Миклаковъ.

— Самъ,—сказала княгиня.

— Но вы, кажется, недовольны такимъ его распоряженіемъ?

— Очень! — отвѣчала княгиня.

— Почему же?

— Потому что я знаю, что буду наказана за то Богомъ.

Миклаковъ опять усмѣхнулся.

— Какъ Богъ ни строгъ, но Ему пока рѣшительно не за что еще наказывать васъ!—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ есть за что! — произнесла княгиня почти патетически.

Миклаковъ на это развелъ только руками.

Князь между тѣмъ, войдя въ кабинетъ, прямо бросился на канапе и закрылъ глаза: видимо, что всѣми этими объясненіями онъ измученъ былъ до послѣдней степени!

XII.

Княгиня на другой, на третій и на четвертый день послѣ того, какъ рѣшена была ея поѣздка за границу, оставалась печальною и встревоженною. Наконецъ она, какъ бы придумавъ что-то такое, написала Петицкой, все еще болѣвшей, о своемъ отъѣздѣ и просила ее, чтобы она, если только можетъ,

пріѣхала къ ней. Г-жа Петицкая, получивъ такое извѣстіе, разумѣется, забыла всякую болѣзнь и бросилась къ княгинѣ. У той въ это время сидѣлъ Миклаковъ, и они разговаривали о князѣ, который, послѣ объясненія съ княгиней, рѣшительно осыпалъ ее благодѣяніями: сначала онъ прислалъ княгинѣ съ управляющимъ брильянты покойной своей матери, по крайней мѣрѣ, тысячъ на сто; потомъ — купчую крѣпость на имѣніе, приносящее около пятнадцати тысячъ годового дохода. Управляющій только при этомъ каждый разъ спрашивалъ княгиню, что «когда она изволитъ уѣзжать за границу?»

Выслушавъ обо всемъ этомъ разсказъ, Миклаковъ сдѣлалъ насмѣшливую гримасу.

— Очень ужъ онъ женерозничаетъ некстати! — произнесъ онъ.

— Отчего же некстати? — спросила княгиня съ маленькимъ удивленіемъ.

— Оттого, что вовсе не то чувствуетъ, — продолжалъ насмѣшливо Миклаковъ:—и въ душѣ, вѣроятно, весьма бы желалъ, какъ указано въ Домостроѣ, плеткой даже поучить васъ!..

— Ахъ, нѣтъ! Въ душѣ онъ очень добрый человѣкъ!—возразила княгиня.

Разговоръ этотъ ихъ былъ прерванъ раздавшимися въ сосѣдней комнатѣ быстрыми шагами г-жи Петицкой.

— Боже мой, душенька, ангелъ мой! куда это вы уѣзжаете?— восклицала она, какъ только появилась въ комнатѣ.

— За границу!—отвѣчала ей княгиня.

— Что̀ со мной теперь, несчастной, будетъ, что̀ будетъ?— продолжала восклицать госпожа Петицкая, ломая себѣ руки.

Положеніе ея, въ самомъ дѣлѣ, было некрасивое: послѣ несчастной исторіи съ Николя Оглоблинымъ, она просто боялась показаться на Божій свѣтъ изъ опасенія, что всѣ объ этомъ знаютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она очень хорошо понимала, что въ цѣлой Москвѣ, между всѣми ея знакомыми, одна только княгиня все ей проститъ, что̀ бы про нее ни услыхала, и не дастъ ей наконецъ умереть съ голоду, чего г-жа Петицкая тоже опасалась, такъ какъ послѣднее время прожилась окончательно.

— Теперь только и осталось одно — итти да утопиться въ Москвѣ-рѣкѣ!—присовокупила она, разводя руками.

— Вовсе вамъ не нужно топиться ни въ какой рѣкѣ, — возразила ей княгиня съ улыбкою: — потому что вы должны ѣхать со мною за границу!

— Я?.. Съ вами?—воскликнула Петицкая, никакъ не ожидавшая такого предложенія.

— Да, вы!—повторила княгиня.

При этомъ Миклаковъ взглянулъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на княгиню; но она сдѣлала видъ, что какъ будто бы не замѣчаетъ этого.

— Но я не имѣю средствъ, княгиня, ѣхать за границу!—возразила Петицкая.

— Средства у меня хорошія, и потому вамъ объ этихъ пустякахъ безпокоиться нечего!—сказала ей княгиня.

У г-жи Петицкой послѣ этого глаза мгновенно увлажнились слезами.

— Княгиня!—начала она какимъ-то прерывающимся голосомъ:—я не знаю, благодарить ли мнѣ васъ или удивляться вамъ?..

— Ни то ни другое, а ѣхать со мной!—проговорила княгиня одушевленнымъ и веселымъ тономъ.

— Что ѣхать съ вами я готова, вы, я думаю, не сомнѣвались въ томъ; но въ то же время это такая для меня неожиданность и такая радость, что до сихъ поръ еще я не могу прійти въ себя!

— Ну, и отлично, что радость!.. Мы будемъ съ вами жить вмѣстѣ, гулять, переѣзжать изъ одного города въ другой.

— Ужъ конечно! — подтвердила г-жа Петицкая въ какомъ-то раздумьѣ и потомъ, какъ бы сообразивъ хорошенько все, что дѣлаетъ для нея княгиня, она вдругъ протянула ей руку и проговорила почти трагическимъ голосомъ:

— Благодарю васъ!

Въ отвѣтъ на это княгиня хотѣла-было ее поцѣловать, но г-жа Петицкая вмѣсто того упала къ ней совсѣмъ въ объятія и зарыдала.

Этого Миклаковъ не въ состояніи уже былъ вынести. Онъ порывисто всталъ со своего мѣста и началъ ходить съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ по комнатѣ. Княгиня однако и тутъ опять сдѣлала видъ, что ничего этого не замѣчаетъ; но очень хорошо это подмѣтила г-жа Петицкая и даже нѣсколько встревожилась этимъ. Спустя нѣкоторое время она, какъ бы придя нѣсколько въ себя отъ своего волненія, обратилась къ Миклакову и спросила его:

— А вы, m-r Миклаковъ, не ѣдете за границу?

— Нѣтъ-съ, ѣду!—отвѣчалъ онъ ей.

О, тогда г-жѣ Петицкой показалось, что она очень хорошо понимаетъ: она полагала, что Миклаковъ тоже ѣдетъ на деньги княгини, и теперь ему досадно, что она хочетъ то же самое сдѣлать и для другихъ! Г-жа Петицкая судила въ такомъ случаѣ о Миклаковѣ нѣсколько по своимъ собственнымъ чувствамъ.

— Вы однако скорѣе должны собираться! Мы уѣзжаемъ черезъ недѣлю!—сказала ей княгиня.

— Что̀ мнѣ собираться!.. Я въ полчаса могу собраться, — возразила г-жа Петицкая. — Но нѣтъ, нѣтъ, — продолжала она снова трагическимъ голосомъ: — я вообразить себѣ даже не могу этого счастья, что вдругъ я съ вами, моимъ ангеломъ земнымъ, буду жить подъ одной кровлей и даже поѣду за границу, о которой всегда мечтала. Нѣтъ, этого не можетъ быть и этому никогда не сбыться!

— Но отчего же?—спросила княгиня.

— Оттого же, что, вѣроятно, найдутся нѣкоторые люди, которые будутъ отсовѣтовать вамъ взять меня съ собою!—отвѣчала грустнымъ и печальнымъ голосомъ г-жа Петицкая. Подъ именемъ *нѣкоторыхъ людей* она, конечно, разумѣла Миклакова, а частью и князя.

— Никогда я не передумаю, и никто мнѣ не отсовѣтуетъ этого,—отвѣчала княгиня съ явной настойчивостью; она тоже, въ свою очередь, догадалась, кого г-жа Петицкая разумѣетъ подъ именемъ *нѣкоторыхъ людей*.

— Ну, хорошо, смотрите же! — отвѣчала ей та и затѣмъ вскорѣ ушла, чтобы поспѣшить въ самомъ дѣлѣ сборами.

— Что̀ вы за сумасшествіе дѣлаете, навязывая себѣ на руки эту скверную бабу!—воскликнулъ Миклаковъ, какъ только остался вдвоемъ съ княгиней.

— Для васъ она скверная, а для меня очень хорошая!— воскликнула ему та упрямымъ и недовольнымъ голосомъ.

— Но чѣмъ?.. Развѣ тѣмъ, что низкопоклонница, сплетница и даже развратница!—продолжалъ восклицать Миклаковъ.

Княгиня при такихъ эпитетахъ его покраснѣла.

— Развѣ можно такъ говорить о женщинѣ! — проговорила она: вообще ее часто начиналъ шокировать грубый и рѣзкій тонъ Миклакова.—И что̀ всего досаднѣе,—продолжала она:— мужчины не любятъ Петицкой за то только, что она—умная женщина; а между тѣмъ сами говорятъ, что они очень любятъ умныхъ женщинъ.

— Умную еще какую-то нашли! Она лукавая—это такъ...— воскликнулъ Миклаковъ:—а лукавство никакъ не умъ, котораго первый признакъ есть справедливость и ясность.

— Нѣтъ, умная, не спорьте!—настаивала на своемъ княгиня. Она придумала взять съ собою Петицкую чисто съ цѣлью имѣть въ ней оплотъ и защиту свою противъ любви къ Миклакову. Она вознамѣрилась ни на минуту не разставаться съ Петицкой, говорить съ ней обо всемъ, совѣтоваться. Подчиняясь суровой волѣ мужа, который видимо отталкивалъ ее

отъ себя, княгиня хоть и рѣшилась уѣхать за границу и при этомъ очень желала не разставаться съ Миклаковымъ, тѣмъ не менѣе, много думая и размышляя послѣднее время о самой себѣ и о своемъ положеніи, она твердо убѣдилась, *что никогда и никого внѣ брака вполнѣ любить не можетъ,* и мечты ея въ настоящее время состояли въ томъ, что Миклаковъ ей будетъ преданнѣйшимъ другомъ и, пожалуй, тайнымъ обожателемъ ея, но и только. По своему нѣсколько мечтательному и идеальному міровоззрѣнію княгиня воображала, что мужчина, если онъ только истинно любитъ женщину, можетъ и долженъ удовольствоваться этимъ. Но всего этого она не хотѣла открывать Миклакову и сказала ему нѣсколько иную причину, почему пригласила Петицкую.

— Какъ вы не понимаете того!—продолжала она:—когда Петицкая поѣдетъ со мной, то все-таки я поѣду съ дамой, съ компаньонкой, а то мою поѣздку Богъ знаетъ какъ могутъ растолковать!..

Миклаковъ многое хотѣлъ-было возразить на это княгинѣ, но въ это время вошелъ лакей и подалъ ему довольно толстый пакетъ, надписанный рукою князя. Миклаковъ поспѣшно распечаталъ его; въ пакетѣ была большая пачка денегъ и коротенькая записочка отъ князя: «Любезный Миклаковъ! посылаю вамъ на вашу поѣздку за границу тысячу рублей и надѣюсь, что вы позволите мнѣ каждогодно высылать вамъ таковую же сумму!» Прочитавъ эту записку, Миклаковъ закусилъ сначала немного губы и поблѣднѣлъ въ лицѣ.

— Этотъ господинъ начинаетъ себѣ очень большія шуточки позволять,—проговорилъ онъ.

— Что̀ такое?—спросила его съ безпокойствомъ княгиня.

Миклаковъ подалъ ей письмо и деньги.

Княгиня прочла и тоже замѣтно сконфузилась.

— Ну, я съ нимъ поговорю по этому поводу,—продолжалъ Миклаковъ: ему и прежде того еще очень хотѣлось побесѣдовать съ княземъ.—Доложи князю, что я желаю его видѣть,—присовокупилъ онъ стоявшему въ дверяхъ лакею и ожидавшему приказанія.

— Для чего вы хотите его видѣть?—спросила княгиня съ безпокойствомъ, когда лакей ушелъ.

— Да хоть бы для того, чтобы отдать ему деньги назадъ,—отвѣчалъ Миклаковъ.

Лакей снова возвратился и доложилъ, что князь проситъ Миклакова въ кабинетъ.

Тотъ неторопливо вошелъ туда.

Княгиня осталась въ сильно тревожномъ состояніи.

Войдя къ князю, Миклаковъ довольно небрежно поклонился ему и сейчасъ же сѣлъ.

— Я получилъ отъ васъ какое-то странное письмо съ приложеніемъ къ оному и пришелъ вамъ возвратить все сіе! — проговорилъ онъ насмѣшливо и бросилъ на столъ передъ княземъ письмо и деньги.

— Отчего же странное?—спросилъ тотъ нѣсколько сконфуженнымъ тономъ.

Миклаковъ пожалъ, какъ бы отъ удивленія, плечами.

— Потому что я никогда, сколько помню, не говорилъ вамъ ни о какихъ моихъ нуждахъ, никогда не просилъ у васъ денегъ взаймы, съ какой же стати вы пожелали сдѣлать мнѣ презентъ?

— Я полагалъ, что ваши средства недостаточны настолько, чтобы жить на нихъ за границею,—проговорилъ князь довольно ровнымъ голосомъ.

— Такъ на какія же средства, по-вашему, я могъ разсчитывать, ѣдучи за границу? На средства княгини, что ли?..— спросилъ его Миклаковъ, устремляя на князя пронзительный взглядъ. — Сколько я ни ожидалъ слышать отъ васъ дурное мнѣніе о себѣ, но такого, признаюсь, все-таки не чаялъ, а потому позвольте васъ разубѣдить въ немъ нѣсколько. Я-съ потому только ѣду за границу, что могу тамъ существовать независимо ни отъ кого въ мірѣ. Я выслужилъ пенсію въ тысячу двѣсти рублей!.. У меня есть кромѣ того маленькій капиталъ, за который я продалъ на-дняхъ мою библіотеку!..

— Въ такомъ случаѣ очень радъ за васъ, — прервалъ его князь, съ трудомъ сдерживая себя и какъ-то порывисто кидая валявшіяся на столѣ деньги въ ящикъ, — онъ полагалъ, что этимъ кончится его объясненіе съ Миклаковымъ, но тотъ однако не уходилъ.

— И вообще я желалъ бы знать, — началъ Миклаковъ снова:—что хорошо ли вы обдумали ваше рѣшеніе отправить княгиню за границу, и чтобы я ей сопутствовалъ?

Князь только сдѣлалъ на это презрительную гримасу и молчалъ. Миклаковъ замѣтилъ это и еще болѣе взбѣсился.

— Вамъ, какъ я слышалъ, написалъ кто-то какую-то сплетню про меня и про княгиню,—продолжалъ онъ:—оправдываться въ этомъ случаѣ я не хочу, да нахожу и безполезнымъ, а все-таки долженъ вамъ сказать, что хоть вы и думаете всѣми теперешними вашими поступками разыграть роль великодушнаго жоржъ-зандовскаго супруга Жака, но вы забываете тутъ одно, что Жакъ былъ виноватъ передъ женой своей только тѣмъ, что былъ старше ея, и по одному этому

онъ простилъ ея привязанность къ другому; мало того, снова принялъ ее, когда этотъ другой бросилъ ее. Въ положеніе его вы никакъ не можете стать, потому что, прежде всего, сами увлеклись другой женщиной, погубили ту совершенно и вмѣстѣ съ тѣмъ отринули отъ себя жену вашу!.. Если бы даже кто и полюбилъ княгиню, то во всякомъ случаѣ поступилъ бы не безчестно противъ васъ въ силу того, что поднялъ только брошенное!

Князю наконецъ стали казаться всѣ эти разсужденія Миклакова какимъ-то умышленнымъ надругательствомъ надъ нимъ.

— Я удивляюсь, къ чему вы все это говорите?—произнесъ онъ едва сдерживаемымъ отъ бѣшенства голосомъ.

— Да къ тому, чтобы вы себя-то ужъ не очень великодушнымъ человѣкомъ считали,—отвѣчалъ Миклаковъ:—такъ какъ многіе смертные дѣлаютъ то же самое, что̀ и вы, только гораздо проще и искреннѣе и не бывъ даже сами ни въ чемъ виноваты, а вы тутъ получаете должное возмездіе!

Князь не въ состояніи былъ долѣе выдерживать.

— Да кто жъ, чортъ возьми!—воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу: — далъ вамъ право приходить ко мнѣ и анализировать мои чувства и поступки? Я васъ однимъ взмахомъ руки моей могу убить, Миклаковъ! Поймите вы это, и потому прошу васъ оставить меня!

Говоря это, князь поднялся передъ Миклаковымъ во весь свой огромный ростъ. Тотъ тоже всталъ со своего мѣста и, какъ ежъ, весь ощетинился.

— Это такъ, вы сильнѣе меня!—началъ онъ, стараясь сохранить насмѣшливый тонъ:—но противъ силы ёсть разныя твердыя орудія! — присовокупилъ онъ и положилъ руку на одно изъ прессъ-папье.

Въ это время быстро вошла въ кабинетъ княгиня, ходившая уже по залѣ и очень хорошо слышавшая разговоръ мужа съ Миклаковымъ,

— Князь, умоляю васъ, успокойтесь! — обратилась она прежде къ мужу. — Миклаковъ, прошу васъ, уйдите!.. Я не перенесу этого, говорю вамъ обоимъ!

Князь ничего на это не сказалъ женѣ, даже не взглянулъ на нее; но, проворно взявъ съ окошка свою шляпу, вышелъ изъ кабинета и черезъ нѣсколько минутъ совсѣмъ ушелъ изъ дому.

Миклаковъ между тѣмъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Какой сердитенькій баринъ, а? — говорилъ онъ, потирая руки:—не любитъ, какъ противъ шерсти кто его погладитъ!..

Княгиня, въ свою очередь, принялась почти рыдать.

— Вы-то о чемъ плачете? — спросилъ ее съ досадой Миклаковъ.

— Такъ... я ужъ знаю о чемъ!—отвѣчала она.

Во всей предыдущей сценѣ Миклаковъ показался княгинѣ человѣкомъ злымъ, несправедливымъ и очень неделикатнымъ.

— Если вы когда-нибудь опять затѣете подобное объясненіе съ мужемъ, я возненавижу васъ!—проговорила она сквозь слезы.

— Я же виноватъ!—произнесъ съ удивленіемъ Миклаковъ, видимо, считавшій себя совершенно правымъ.

Князь въ это время шелъ по направленію къ квартирѣ Елены, съ которой не видался съ самаго того времени, какъ разссорился съ нею. Онъ думалъ даже совсѣмъ съ ней болѣе не видаться: высказанное ею въ послѣдній разъ почти презрѣніе къ нему глубоко оскорбило и огорчило его. Въ первые дни, когда князь хлопоталъ объ отъѣздѣ жены за границу, у него доставало еще терпѣнья не итти къ Еленѣ, и вообще это время онъ ходилъ въ какомъ-то туманѣ; но вотъ хлопоты кончились, и что̀ ему затѣмъ оставалось дѣлать? Мысль о самоубійствѣ какъ бы невольно начала ему снова приходить въ голову. «Умереть, убить себя!»—помышлялъ князь въ одно и то же время съ чувствомъ ужаса и омерзѣнія, и его въ этомъ случаѣ не столько пугала мысль Гамлета о томъ, *«что̀ будетъ тамъ, въ безвѣстной сторонѣ»*,—князь особенно объ этомъ не безпокоился, — сколько онъ просто боялся физической боли при смерти, и наконецъ ему жаль было не видать болѣе этого неба, иногда столь прекраснаго, не дышать болѣе этимъ воздухомъ, иногда такимъ ароматнымъ и теплымъ!.. О какихъ-нибудь чисто-нравственныхъ наслажденіяхъ князь какъ-то не вспоминалъ, можетъ-быть, потому, что послѣднее время только и дѣлалъ, что мучился и страдалъ нравственно.

Очутившись на улицѣ, князь сообразилъ только одно—итти къ Еленѣ, чтобъ и съ ней покончить все и навсегда, а потомъ, пожалуй, и пулю себѣ въ лобъ... Елена между тѣмъ давно ужъ и съ нетерпѣніемъ поджидала его. Побранившись въ послѣднее свиданіе съ княземъ, она нисколько не удивлялась и не тревожилась тѣмъ, что онъ нейдетъ къ ней, такъ какъ понимала, что сама сдѣлала бы то же самое на его мѣстѣ. Въ это время Елена услыхала отъ Миклакова, что князь отправляетъ жену за границу,—это ей было пріятно узнать, и гнѣвъ на князя въ ней окончательно пропалъ. Но вотъ однако князь не шелъ цѣлую недѣлю. Еленѣ начинало дѣлаться скучно; чтобы наполнить чѣмъ-нибудь свое время, она принялась шить

наряды своему малюткѣ и нашила ихъ, по крайней мѣрѣ, съ дюжину; князь все-таки не является. Терпѣніе Елены истощилось; она приготовилась уже написать князю бранчивое письмо и спросить его, «что̀ это значитъ, и по какому праву онъ позволяетъ себѣ выкидывать подобныя штучки», какъ вдругъ увидѣла изъ окна, что князь подходитъ къ ея домику. Первымъ движеніемъ Елены была радость, но она сдержала ее, сѣла на свое обычное мѣсто, взяла даже работу свою въ руки и приняла какъ бы совершенно спокойный видъ. Князь, войдя, слегка пожалъ ей руку. Его искаженное и явно дышавшее гнѣвомъ лицо смутило нѣсколько Елену, и при этомъ она хорошенько не знала, на нее ли князь продолжаетъ сердиться, или опять дома онъ чѣмъ-нибудь, благодаря своей глупой ревности, былъ взбѣшенъ.

— А что̀, Колю могу я видѣть?—спросилъ князь, почти не глядя на Елену.

— Онъ у себя въ дѣтской, — отвѣчала она.

Князь прошелъ туда. Ребенокъ спалъ въ это время. Князь открылъ пологъ у его кроватки и нѣсколько времени съ такимъ грустнымъ выраженіемъ и съ такой любовью смотрѣлъ на него, что даже нянька-старуха замѣтила это.

— Да не прикажете ли, батюшка, я разбужу его и покажу вамъ? — проговорила она.

— Нѣтъ, не надо! — отвѣчалъ князь, вздохнувъ, и потомъ, снова возвратясь къ Еленѣ, сѣлъ невдалекѣ отъ нея.

Та какъ бы старательнѣйшимъ образомъ продолжала работу свою.

— Я хотѣлъ бы васъ спросить... — заговорилъ князь, попрежнему не глядя на Елену:—о томъ презрѣніи, которое вы такъ безпощадно высказали мнѣ въ прошлый разъ: что̀, оно постоянно вамъ присуще?..—И князь не продолжалъ далѣе.

Елена поняла всю серьезность и щекотливость этого вопроса.

— А если бъ я питала такое презрѣніе къ тебѣ, то какъ ты думаешь, я оставалась бы съ тобой хоть въ какихъ-нибудь человѣческихъ отношеніяхъ, а не только въ тѣхъ, въ какихъ я нахожусь теперь?—спросила она его въ свою очередь.

— Не успѣла еще прервать ихъ,—отвѣчалъ князь, грустно усмѣхнувшись. — Ты сама говорила, что прежде иначе меня понимала.

— Долго что-то очень сбираюсь прервать ихъ... Ты не со вчерашняго дня страдаешь и мучишься о супругѣ твоей и почти пламенную любовь выражаешь къ ней въ моемъ присутствіи. Кремень—такъ и тотъ, я думаю, можетъ лопнуть при этомъ отъ ревности.

Князь опять грустно усмѣхнулся.

— Ревность не заставляетъ же насъ высказывать презрѣніе къ тому человѣку, котораго мы ревнуемъ, — проговорилъ онъ.

— Но въ минуты ревности я, можетъ-быть, тебя и презираю,—я не скрою того!.. Можетъ-быть, даже убить бы тебя желала, чего я въ спокойномъ состояніи, какъ самъ ты, конечно, увѣренъ, не желаю...

Елена на этотъ разъ хотѣла успокоить князя и разубѣдить его въ томъ, что̀ высказала ему въ порывѣ досады, хотя въ глубинѣ души и сознавала почти справедливость всего того, что̀ тогда говорила.

— А что̀, какъ ты думаешь, если бъ я всѣ твои выходки по случаю супруги встрѣчала равнодушно, какъ это для тебя— лучше или хуже бы было?—спросила она.

— По крайней мѣрѣ, покойнѣй бы было,—возразилъ князь.

— А, покойнѣй... Ну, того мужчину нельзя поздравить съ большимъ уваженіемъ отъ женщины, если она какія-нибудь пошлости и малодушіе его встрѣчаетъ равнодушно,—тутъ ужъ настоящее презрѣніе, и не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ; а когда сердятся, такъ это еще ничего,—значитъ, любятъ и цѣнятъ!—проговорила Елена.

Князь, со своей стороны, тоже при этомъ невольно подумалъ, что если бъ Елена въ самомъ дѣлѣ питала къ нему такое презрѣніе, то зачѣмъ же бы она стала насиловать себя и не бросила его совершенно. Не изъ-за куска же хлѣба дѣлаетъ она это: зная Елену, князь никакъ не могъ допустить того.

— Ну, не извольте дуться, извольте быть веселымъ!—проговорила она, вставая со своего мѣста и садясь князю на колѣни.—Говорятъ вамъ, улыбнитесь, — продолжала она, цѣлуя и теребя его за подбородокъ.

Князь наконецъ слегка улыбнулся.

— Будетъ ужъ, довольно оплакивать супругу!..—не утерпѣла Елена и еще разъ его кольнула.—Говорятъ, она ѣдетъ за границу?—прибавила она

— Ѣдетъ.

— А когда?

— Дня черезъ три.

— И Миклаковъ тоже ѣдетъ?

— И онъ ѣдетъ.

— Но чѣмъ же они жить будутъ за границей?

— У Миклакова свое есть, а княгинѣ я отдалъ третью часть моего состоянія,—отвѣчалъ князь.

— Ну вотъ, душка, merci за это, отлично ты это сдѣлалъ! — проговорила Елена и опять начала цѣловать князя.—Знаешь что̀, — продолжала она потомъ какимъ-то даже заискивающимъ голосомъ:—мнѣ бы ужасно хотѣлось проститься съ княгиней.

— Это зачѣмъ?—спросилъ князь почти съ удивленіемъ.

— Такъ, мнѣ хочется сказать ей на дорогу нѣсколько моихъ добрыхъ пожеланій!.. Но дѣло въ томъ: если мнѣ ѣхать къ вамъ, то княгиня, конечно, меня не приметъ.

— Вѣроятно!—подтвердилъ князь.

— И потому нельзя ли мнѣ просто ѣхать на желѣзную дорогу,—продолжала Елена опять тѣмъ же заискивающимъ голосомъ: — и тамъ проститься съ княгиней?

Князь молчалъ, но по лицу его замѣтно было, что такое намѣреніе Елены ему вовсе не нравилось.

— Вѣдь ты поѣдешь провожать ее?—присовокупила между тѣмъ Елена.

— Можетъ-быть! — отвѣчалъ протяжно князь.

— Въ такомъ случаѣ мы поѣдемъ съ тобой вмѣстѣ.

— Но я думалъ-было поѣхать ее провожать изъ дому, да и ловко ли намъ вмѣстѣ съ тобой туда пріѣхать?—возразилъ на это князь.

— Напротивъ, тебѣ одному ѣхать, по-моему, неловко! — воскликнула Елена.

— Почему неловко? — спросилъ князь.

— Потому что супруга твоя уѣзжаетъ съ обожателемъ своимъ, и ты чувствительнѣйшимъ образомъ пріѣдешь провожать ее одинъ; а когда ты пріѣдешь со мной, такъ скажутъ только, что оба вы играете въ ровную!

— И то дѣло! — согласился, усмѣхнувшись, князь.

Въ день отъѣзда княгини Григоровой къ дебаркадеру Николаевской желѣзной дороги подъѣхала карета, запряженная щегольской парою кровныхъ вороныхъ лошадей. Изъ кареты этой вышли очень полная дама и довольно худощавый мужчина. Это были Анна Юрьевна и баронъ. Анна Юрьевна за послѣднее время не только что еще болѣе пополнѣла, но какъ-то даже расплылась.

— Мы хоть здѣсь съ ней простимся! — говорила она, съ усиліемъ поднимаясь на лѣстницу и слегка при этомъ поддерживаемая барономъ подъ руку.—Я вчера къ ней заѣзжала, сказали: «дома нѣтъ», а я непремѣнно хочу съ ней проститься!

Затѣмъ Анна Юрьевна прошла въ залу I-го класса. Баронъ послѣдовалъ за ней.

Тамъ ужъ набралось довольно много отъѣзжающихъ, но княгини еще не было.

— Подождемте здѣсь ея, она непремѣнно сегодня выѣзжаетъ!..—говорила Анна Юрьевна, тяжело опускаясь на диванъ.

Лицо барона приняло скучающее выраженіе и напомнило нѣсколько то выраженіе, которое онъ имѣлъ въ началѣ нашего разсказа, придя съ княземъ въ книжную лавку; онъ и теперь также сталъ разсматривать висѣвшую на стѣнѣ карту. Наконецъ Анна Юрьевна сдѣлала восклицаніе:

— Ну вотъ, слава Богу, пріѣхала!—говорила она, поднимаясь со своего мѣста и идя навстрѣчу княгинѣ, входившей въ сопровожденіи г-жи Петицкой.

Обѣ онѣ были одѣты въ одинаковыя и совершенно новыя дорожныя платья.

— Я хоть здѣсь хотѣла перехватить васъ,—говорила Анна Юрьевна, пожимая руку княгини.

Г-жа Петицкая скромно, но въ то же время съ глубокимъ уваженіемъ поклонилась Аннѣ Юрьевнѣ.

— А вы тоже пріѣхали проводить княгиню?—спросила та.

— О, нѣтъ, я съ ними ѣду компаньонкой за границу!—отвѣчала г-жа Петицкая, не поднимая глазъ.

— Компаньонкой?—переспросила Анна Юрьевна. — А мнѣ этотъ дуралей Оглоблинъ что-то такое пріѣзжалъ и болталъ, что Миклаковъ тоже ѣдетъ за границу...—присовокупила она.

При этомъ княгиня и Петицкая покраснѣли: одна отъ одного имени, другая отъ другого.

— Да, онъ тоже ѣдетъ! — отвѣчала княгиня, не смотря на Анну Юрьевну, или, лучше сказать, ни на кого не смотря.

Баронъ, молча поклонившись княгинѣ и Петицкой, устремилъ на первую изъ нихъ грустный взглядъ: онъ уже слышалъ о странномъ выборѣ ею предмета любви и въ душѣ крайне удивлялся тому.

Наконецъ въ залѣ показался Миклаковъ. Онъ къ обществу княгини не подошелъ даже близко, а только поклонился всѣмъ издали.

Баронъ продолжалъ грустно смотрѣть на княгиню.

— А что же мужъ твой не пріѣдетъ проводить тебя?—спросила Анна Юрьевна княгиню.

— Нѣтъ, онъ пріѣдетъ!—отвѣчала та, продолжая попрежнему ни на кого смотрѣть, и въ то же время лицо ея горѣло яркимъ румянцемъ.

Незадолго до звонка появился князь съ Еленой, при видѣ которой княгиня окончательно смутилась: она никакъ не ожидала когда-нибудь встрѣтиться съ этой женщиной.

Елена сначала поклонилась всѣмъ дамамъ общимъ поклономъ.

— Хороша, хороша!..—сказала ей укоризненнымъ голосомъ Анна Юрьевна:—меня изъ-за васъ изъ службы выгнали, а вы и глазъ ко мнѣ не покажете!

— Но я все это время была больна!—отвѣчала Елена.

— Ахъ, Господи! Вашей болѣзнью не годы же бываютъ больны!—воскликнула Анна Юрьевна.—А лучше просто признайтесь, что вамъ не до меня было.

— Если не до васъ, такъ и ни до кого въ мірѣ!—подхватила Елена.

— Это еще можетъ быть!—согласилась Анна Юрьевна.

Елена послѣ того обратилась къ княгинѣ, и, воспользовавшись тѣмъ, что та стояла нѣсколько вдали отъ прочихъ, она скороговоркой проговорила:

— Князь сказалъ мнѣ, что на дому вы меня не примете, а потому я хотѣла по крайней мѣрѣ здѣсь, на пути вашемъ, пожелать вамъ всего хорошаго... Меня вы, конечно, ненавидите и презираете, но я не такъ виновата, какъ, можетъ-быть, кажусь вамъ! Дѣло все въ разницѣ нашихъ убѣжденій: то, что̀, вѣроятно, вамъ представляется безнравственнымъ, по-моему, только право всякой женщины, а то, что̀ по-вашему священный долгъ, я считаю однимъ безполезнымъ принужденіемъ и насилованіемъ себя! Вамъ собственно я никогда не желала сдѣлать ни малѣйшаго зла, и теперь мое самое пламенное желаніе, чтобы вы были вполнѣ и навсегда счастливы на всю вашу будущую жизнь.

— Я на васъ нисколько и не сержусь!—отвѣчала тоже торопливо княгиня и вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшила отойти отъ Елены и стать около Анны Юрьевны.

Елена при этомъ невольно улыбнулась про себя: она видѣла, что княгиня не поняла ни словъ ея ни ея желанія сказать ихъ. Затѣмъ Елена начала наблюдать за княземъ, интересуясь посмотрѣть, какъ онъ будетъ держать себя въ послѣднія минуты передъ разставаньемъ съ женой. Она непремѣнно ожидала, что князь подойдетъ къ княгинѣ, скажетъ съ ней два-три ласковыхъ слова; но онъ, поздоровавшись очень коротко съ барономъ, а на Миклакова даже не взглянувъ, принялся ходить взадъ и впередъ по залѣ и взглядывалъ только при этомъ по временамъ на часы.

Наконецъ пробилъ звонокъ. Всѣ проворно пошли къ выходу, и княгиня, только уже подойдя къ рѣшеткѣ, отдѣляющей дебаркадеръ отъ вагоновъ, остановилась на минуту и, подавъ князю руку, проговорила скороговоркой:

— Прощайте!

— Прощайте! — протянулъ нѣсколько подольше ея князь.

У княгини при этомъ глаза мгновенно наполнились слезами. Выраженіе же лица князя, какъ очень хорошо подмѣтила Елена, было какое-то неподвижное. Вслѣдъ за княгиней за рѣшетку шмыгнула также и г-жа Петицкая. Миклаковъ, какъ-то еще до звонка и невидимо ни для кого, прошелъ и усѣлся во II-мъ классѣ вагоновъ; княгиня съ Петицкой ѣхали въ I-мъ классѣ. Вскорѣ послѣ того поѣздъ тронулся.

Анна Юрьевна направилась опять къ выходу, къ своей каретѣ, и, идя, кричала князю:

— Пріѣзжай какъ-нибудь ко мнѣ обѣдать!

— Пріѣду!—отвѣчалъ тотъ, идя въ свою очередь съ понуренной головой около Елены.

Когда стали сходить съ лѣстницы, баронъ опять поддержалъ Анну Юрьевну слегка за руку.

За ихъ экипажемъ поѣхали также и князь съ Еленой. Выраженіе лица его продолжало быть какимъ-то неподвижнымъ. У него никакъ не могла выйти изъ головы только-что совершившаяся передъ его глазами сцена: въ вокзалѣ желѣзной дороги съѣхались Анна Юрьевна со своимъ наемнымъ любовникомъ, самъ князь съ любовницей, княгиня съ любовникомъ, и всѣ они такъ мирно, съ такимъ уваженіемъ разговаривали другъ съ другомъ; все это князю показалось по меньшей мѣрѣ весьма страннымъ! Но Елену въ это время занимала совершенно другая мысль: ей очень не понравилось присутствіе Петицкой около княгини.

— Петицкая тоже за границу поѣхала съ княгиней?—спросила она.

— Тоже! — отвѣчалъ князь.

— Ну, въ такомъ случаѣ поздравляю: она черезъ недѣлю же поссоритъ княгиню съ Миклаковымъ!

— Это ужъ ихъ дѣло! — произнесъ князь.

— Нѣтъ, и твое!—возразила ему Елена:—потому что княгиня тогда опять вернется къ тебѣ!

— Нѣтъ, это благодарю покорно! Я ея больше не приму.

— Нѣтъ, ты примешь, если только ты порядочный человѣкъ!—повторила ему настойчиво Елена.

Князь при этомъ пожалъ плечами и немного усмѣхнулся.

— Я, кажется, по-твоему, все на свѣтѣ долженъ дѣлать, что̀ только мнѣ непріятно! — произнесъ онъ.

— А не принимай въ такомъ случаѣ на себя роли, которая тебѣ не свойственна!..—замѣтила ему ядовито Елена.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Вскорѣ послѣ отъѣзда княгини Григоровой за границу, Елена съ сыномъ своимъ переѣхала въ домъ къ князю и поселилась на половинѣ княгини.

Между московской и петербургской родней князя это произвело страшный гвалтъ. Всѣ безусловно винили князя, даже добрѣйшая Марья Васильевна со смертнаго одра своего написала ему строгое письмо, въ которомъ укоряла его, зачѣмъ онъ разошелся съ женой.

Князь не дочиталъ этого письма и разорвалъ его. Николай Оглоблинъ, самодовольно сознавшійся въ душѣ, что это онъ вытурилъ княгиню за границу, и очень этимъ довольный, вздумалъ-было, по своей неудержимой болтливости, разсказывать, что княгиня сама уѣхала съ обожателемъ своимъ за границу; но ему никто не вѣрилъ, и нѣкоторыя дамы, обидѣвшись за княгиню, прямо объяснили Николя, что его послѣ этого въ домъ принимать нельзя, если онъ позволяетъ себѣ такъ клеветать на подобную безукоризненную женщину. Николя, дѣлать нечего, сталъ прималчивать и только сильно порывался заѣхать къ князю и разсказать ему, что̀ о немъ трезвонятъ; но этого однако онъ не посмѣлъ сдѣлать; зато Елпидифоръ Мартынычъ, тоже бывавшій по своей практикѣ въ разныхъ сферахъ и слышавшій этотъ говоръ, изъ преданности своей къ князю Григорову рѣшился ему передать и разъ, пріѣхавъ поутру, доложилъ ему голосомъ, полнымъ сожалѣнія:

— А тутъ, по Москвѣ, какая болтовня идетъ.

— О чемъ это?—спросилъ его князь довольно сурово.

— Да вотъ... все о томъ, что Елена Николаевна переѣхала къ вамъ въ домъ, — началъ Елпидифоръ Мартынычъ съ небольшой улыбочкой. — Разъ при мнѣ двѣ модныя дамы пріѣхали въ одинъ домъ и начали квакать: «Какъ это не стыдно!.. Какъ это не стыдно!..» Въ Москвѣ будто бы никогда еще этого и не бывало... Господи, Боже мой!—думаю:—сорокъ лѣтъ я здѣсь практикую и, можетъ, недѣли не прошло безъ того...

Съ каждымъ словомъ Елпидифора Мартыныча лицо князя дѣлалось все болѣе и болѣе недовольнымъ и сумрачнымъ.

— Ну, я попросилъ бы васъ, — сказалъ онъ презрительнымъ тономъ, когда Елпидифоръ Мартынычъ кончилъ: — не

передавать мнѣ разнаго вздору. Я нисколько не интересуюсь знать, кто и что про меня говоритъ.

Елпидифоръ Мартынычъ, конечно, этимъ замѣчаніемъ былъ нѣсколько опѣшенъ и далъ себѣ слово не безпокоить болѣе князя своимъ участіемъ.

Прошло такимъ образомъ болѣе полугода. Князь замѣтно успокоился душой: онъ сталъ заниматься много чтеніемъ и врядъ ли не замышлялъ кое-что написать... Но про Елену никакъ нельзя было сказать того: читать, напримѣръ, она совершенно перестала, потому что читать какія-нибудь очень, можетъ-быть, умныя вещи, но ничего не говорящія ея сердцу, она не хотѣла, а такого, что бы прямо затрогивало ее, не было ничего подъ руками; кромѣ того, она думала: зачѣмъ читать, съ какою цѣлью? Чтобы только еще больше раздражать и волновать себя?.. Въ жизни Елена милліонной доли не видала осуществленія тому, что говорили и что проповѣдывали ея любимыя книги. Ребенка своего Елена страстно любила, но въ то же посвятить ему всѣ дни и часы свои она не хотѣла и находила это недостойнымъ всякой неглупой женщины, а между тѣмъ чѣмъ же было ей занять себя? При этой мысли Елена начинала очень жалѣть о своей прежней службѣ, которая давала ей возможность трудиться все-таки на болѣе широкомъ поприщѣ, и наконецъ за что же лишили ее этого мѣста! За то, что она сдѣлалась матерью?.. А если бъ она замужемъ была, такъ ей, вѣроятно, дали бы въ этомъ случаѣ вспомоществованіе. Такого рода логики и нравственности Елена рѣшительно не могла понять, и желаніе какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь отомстить Россіи и разнымъ ея начальствамъ снова овладѣло всѣмъ существомъ ея. Жизнь въ домѣ князя тоже стала казаться Еленѣ пошлою, безцвѣтною. Ей мечтались заговоры, сходки въ подземельѣ, клятвы на кинжалахъ и наконецъ даже позорная смерть на площади, посреди благословляющей втайнѣ толпы. Сравнивая свое настоящее положеніе съ тѣмъ, котораго она жаждала и рисовала въ своемъ воображеніи, Елена невольно припоминала стихотвореніе Лермонтова «Парусъ» и часто, ходя по огромнымъ и пустымъ комнатамъ княжескаго дома, она повторяла вслухъ и какимъ-то восторженнымъ голосомъ:

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Всего этого князь ничего не замѣчалъ и не подозрѣвалъ и,

думая, что Елена, по случаю отъѣзда княгини, совершенно довольна своей жизнью и своимъ положеніемъ, продолжалъ безмятежно предаваться своимъ занятіямъ; но вотъ въ одно утро къ нему въ кабинетъ снова явился Елпидифоръ Мартынычъ. Князь, заранѣе предчувствуя, что онъ опять съ какими-нибудь дрязгами, нахмурился и молча кивнулъ головой на всѣ расшаркиванья Елпидифора Мартыныча, который однако нисколько этимъ не смутился и сѣлъ. Видя, что князь обложенъ былъ разными книгами и фоліантами, Елпидифоръ Мартынычъ сказалъ:

— За учеными трудами изволите обрѣтаться!

Князь молчалъ и держалъ глаза опущенными въ одну изъ книгъ.

— А я сейчасъ къ малюткѣ вашему заходилъ,—краснушка въ городѣ свирѣпствуетъ! — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, думая этимъ заинтересовать князя, но тотъ все-таки молчалъ. — Лепетать ужъ начинаетъ и какъ чисто при мнѣ выговорилъ два слова: няня и мама,—прелесть!—подольщался Елпидифоръ Мартынычъ.

На князя однако и то не дѣйствовало: онъ не поднималъ своихъ глазъ отъ книги.

Елпидифоръ Мартынычъ затѣмъ перешелъ, видимо, къ главному предмету своего посѣщенія.

— А что̀, бабушка его не была у васъ?—спросилъ онъ.

— Какая бабушка?—спросилъ его въ свою очередь князь, не понявъ его сначала.

— Елизавета Петровна-съ,—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ. — Она итти хочетъ къ вамъ съ объясненіемъ: «Дочь, говоритъ, теперь на глазахъ всей Москвы живетъ у него въ домѣ, какъ жена его, а между тѣмъ, говоритъ, онъ никого изъ насъ ничѣмъ не обезпечилъ».

— Ка̀къ я ея не обезпечилъ?.. Она получаетъ, что̀ ей назначено!—сказалъ князь съ сердцемъ и презрѣніемъ.

— Знаю это я-съ!—подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ.— Сколько разъ сама мнѣ говорила: «Какъ у Христа за пазухой, говоритъ, живу; кромѣ откормленныхъ индѣекъ и кондитерской телятины ничего не ѣмъ»... А все еще недовольна тѣмъ: дерзкая этакая женщина, нахальная... неглупая, но ужъ, ухъ, какая бѣдовая!

Елпидифоръ Мартынычъ нарочно бранилъ Елизавету Петровну, чтобы князь не заподозрѣлъ его въ какой-нибудь солидарности съ ней; кромѣ того онъ думалъ и понапугать нѣсколько князя, описывая ему бойкія свойства его пришлой тещенки.

— Чего жъ еще она желаетъ?—спросилъ тотъ.

— К-ха!—откашлянулся Елпидифоръ Мартынычъ:—да говоритъ,—продолжалъ онъ:—«когда князь живъ, то, конечно—к-ха—мы всѣхъ обезпечены, а умеръ онъ, — что̀, говоритъ, тогда съ ребенкомъ будетъ?»

— О ребенкѣ она не безпокоилась бы, — возразилъ князь, потупляясь:—ребенокъ будетъ совершенно обезпеченъ на случай моей смерти.

— И о дочери также говоритъ: «что̀, говоритъ, и съ той будетъ?»

— И дочь ея будетъ обезпечена!—продолжалъ князь.

— Ну, и о себѣ, должно-быть, подумываетъ: «И мнѣ бы, говоритъ, слѣдовало ему хоть тысчонокъ тридцать дать въ обезпеченіе: дочь, говоритъ, меня не любитъ и кормить въ старости не будетъ».

Князь при этомъ взглянулъ ужъ съ удивленіемъ на Елпидифора Мартыныча.

— Дочь ея, очень естественно, что не любитъ, потому что она скорѣй мучительницей ея была, чѣмъ матерью,—проговорилъ онъ.

— Это такъ-съ, такъ!.. — согласился Елпидифоръ Мартынычъ. — А она матерью себя почитаетъ, и какой еще полновластной: «если, говоритъ, князь не сдѣлаетъ этого для меня, такъ я обращусь къ генералъ-губернатору, чтобы мнѣ возвратили дочь».

— Что̀?—переспросилъ князь, вспыхнувъ весь въ лицѣ.

— Возвратить дочь къ себѣ желаетъ,—повторилъ Елпидифоръ Мартынычъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Что̀ такое возвратить дочь?.. Дочь ея не малолѣтняя и совершенно свободна во всѣхъ своихъ поступкахъ.

— Конечно-съ, нынче не прежнія времена, не даютъ очень командовать родителямъ надъ дѣтьми!.. Понимаетъ это!.. Шуму только и огласки еще больше хочетъ сдѣлать по Москвѣ.

— Шуму этого и огласки, — началъ князь, видимо вышедшій изъ себя: — ни я ни Елена нисколько не боимся, и я этой старой негодяйкѣ никогда не дамъ тридцати тысячъ, а если она вздумаетъ меня запугивать, такъ я велю у ней отнять и то, что̀ ей даютъ.

— Говорилъ я это ей, предостерегалъ ее! — произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, немного струсившій, что не испортилъ ли онъ всего дѣла такимъ откровеннымъ объясненіемъ съ княземъ; его, впрочемъ, въ этомъ случаѣ очень торопила и подзадоривала Елизавета Петровна, пристававшая къ нему при каждомъ почти свиданіи, чтобъ онъ говорилъ и посовѣтовалъ князю дать ей денегъ.

— Ко мнѣ она тоже лучше не являлась бы съ объясненіями... — началъ-было князь, но въ это время вошелъ человѣкъ и подалъ ему визитную карточку съ загнутымъ уголкомъ.

Князь прочелъ вслухъ напечатанную на ней фамилію: «Monsieur Жуквичъ»; при этомъ и безъ того сердитое лицо его сдѣлалось еще сердитѣе.

— Ты спроси господина Жуквича, что̀ ему угодно отъ меня?—сказалъ онъ лакею.

Тотъ ушелъ.

Князь съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ сталъ ожидать его возвращенія. Елпидифору Мартынычу смертельно хотѣлось спросить князя, кто такой этотъ Жуквичъ, однако онъ не посмѣлъ этого сдѣлать.

Лакей возвратился и доложилъ:

— Господинъ Жуквичъ пришелъ и засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и передать письмо отъ княгини изъ-за границы.

— Отъ княгини... письмо...—повторилъ князь и, подумавъ немного, присовокупилъ:

— Проси.

Елпидифоръ Мартынычъ только взорами своими продолжалъ какъ бы спрашивать князя: кто такой этотъ Жуквичъ?

Господинъ Жуквичъ наконецъ показался въ дверяхъ. Этс былъ весьма благообразный собою мужчина, съ окладистою, начинавшею сѣдѣть бородою, съ густыми, кудрявыми, тоже съ просѣдью, волосами, одѣтый въ франтоватую черную фрачную пару; глаза у него были голубые и нѣсколько приподнятые вверхъ; выраженіе лица задумчивое. При видѣ князя онъ весь какъ-то склонился и имѣлъ на губахъ какую-то неестественную улыбку.

— Позволяю жъ себѣ, ваше сіятельство, напомнить вамъ наше старое знакомство и вручить вамъ письмо отъ княгини,— проговорилъ онъ нѣсколько пѣвучимъ голосомъ и подавая князю письмо.

Князь движеніемъ руки указалъ ему на мѣсто около себя.

Жуквичъ сѣлъ и продолжалъ сохранять задумчивое выраженіе. На Елпидифора Мартыныча онъ не обратилъ никакого вниманія. Тотъ этимъ, разумѣется, сейчасъ же обидѣлся и, въ свою очередь, принявъ осанистый видъ, а для большаго эффекта поставивъ себѣ на колѣни свою, хотя новую, но все-таки скверную, круглую шляпу, сталъ почти съ презрѣніемъ смотрѣть на Жуквича.

Княгиня писала князю:

«Мой дорогой Грегуары! Рекомендую тебѣ господина Жу-

квича, съ которымъ я познакомилась на водахъ. Онъ говоритъ, что знаетъ тебя, и до небесъ превозноситъ. Онъ ѣдетъ на житье въ Москву и не имѣетъ никого знакомыхъ. Надѣюсь, что по добротѣ твоей ты его примешь и обласкаешь. На-дняхъ я переѣзжаю въ Парижъ; по Россіи я очень скучаю и каждоминутно благословляю память о тебѣ!»

Окончивъ чтеніе письма, князь обратился къ Жуквичу.

— Княгиня мнѣ, между прочимъ, пишетъ,—началъ онъ съ небольшой усмѣшкой: — что вы ей превозносили до небесъ меня?.. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ того...

Жуквичъ при этихъ словахъ замѣтно сконфузился.

— Вы, можетъ-быть,—началъ онъ тоже съ небольшой улыбкой и вскинувъ на мгновеніе свои глаза на Елпидифора Мартыныча: — разумѣете тотъ маленькій споръ, который произошелъ между нами въ Лондонѣ?..

— Ну, я не нахожу, чтобъ этотъ споръ былъ маленькій,— произнесъ князь, окончательно усмѣхнувшись и дѣлая удареніе на слова свои.

— Боже жъ мой! — подхватилъ Жуквичъ опять тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ: — между кѣмъ изъ молодыхъ людей не бываетъ того!.. Увлеченіе, патріотизмъ! Я сознаюсь теперь, что мы поступили тогда вспыльчиво; но что жъ дѣлать? Это порокъ нашей націи; потомъ же, когда я зрѣло это обдумалъ, то увидѣлъ, что и вы тутъ поступили какъ честный и благородный патріотъ.

— Въ томъ-то и дѣло-съ!—воскликнулъ князь:—что вамъ позволялось быть патріотами, а намъ нѣтъ... ставилось даже это въ подлость.

— Духъ времени жъ былъ таковъ, — отвѣчалъ Жуквичъ, смиренно пожимая плечами: — теперь же перемѣнилось многое и во многихъ людяхъ. Позвольте мнѣ закурить папироску?— присовокупилъ онъ, врядъ ли не съ цѣлью, чтобы подзамять этотъ разговоръ.

— Сдѣлайте одолженіе! — сказалъ князь.

Жуквичъ вынулъ изъ кармана красивый портсигаръ, наполненный турецкимъ табакомъ, и своими бѣлыми руками очень искусно свернулъ себѣ папироску и закурилъ ее.

Князь во все это время внимательно смотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ, собственно, вы пріѣхали сюда?—спросилъ онъ его.

Жуквичъ замѣтно недоумѣвалъ, какъ ему отвѣчать.

— Я препровожденъ сюда!.. — произнесъ онъ, пуская густую струю дыма и скрывая тѣмъ выраженіе своего лица.

— А!.. — протянулъ князь. — Но для чего же вы въ такомъ случаѣ изъ-за границы возвращались?

Жуквичъ пустилъ еще болѣе густую струю дыма передъ лицомъ своимъ.

— По многимъ обстоятельствамъ... — проговорилъ онъ наконецъ, держа совершенно опущенными свои глаза въ землю.

— К-ха!—откашлянулся при этомъ громко и недовѣрчиво Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я имѣю еще письмо къ паннѣ Жиглинской, — продолжалъ Жуквичъ опять уже заискивающимъ голосомъ.

— Отъ княгини?—спросилъ его князь нѣсколько удивленнымъ тономъ.

— О, нѣтъ же... отъ господина Миклакова! — отвѣчалъ съ разстановкой Жуквичъ.—И онъ мнѣ сказалъ, что вы знаете жъ ея адресъ,—присовокупилъ онъ.

— Очень знаю, потому что она живетъ у меня въ домѣ,— сказалъ князь, не совсѣмъ, повидимому, довольный тѣмъ, что Елена переписывается съ Миклаковымъ.

— И я поэтому могу ее видѣть или долженъ же передать ей это письмо черезъ васъ? — покорно говорилъ Жуквичъ.

— Нѣтъ, я попрошу васъ лично ей передать, — произнесъ князь и позвонилъ.

Вошелъ лакей.

— Доложи Еленѣ Николаевнѣ, что нѣкто господинъ Жуквичъ привезъ ей письмо отъ Миклакова, а потому можетъ ли она принять его?

Лакей пошелъ и очень скоро воротился.

— Могутъ-съ! — доложилъ онъ.

— Проводи господина Жуквича!—сказалъ ему князь.

Жуквичъ поднялся, почтительно раскланялся съ княземъ, слегка поклонился Елпидифору Мартынычу и пошелъ за лакеемъ.

— Полякъ!.. голову мою прозакладываю, что полякъ!—произнесъ ему вслѣдъ раздраженнымъ голосомъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Какъ же вы это такъ догадались?—спросилъ его въ насмѣшку князь.

— Да такъ ужъ, сейчасъ видно!—отвѣчалъ не безъ самодовольства Елпидифоръ Мартынычъ. — Коли ты выше его, такъ падамъ до ногъ онъ къ тебѣ, а коли онъ выше тебя, Боже ты мой, какъ носъ деретъ! Знай онъ, что я генералъ и что у меня есть звѣзда (у Елпидифора Мартыныча, въ самомъ дѣлѣ, была ужъ звѣзда, которую ему выхлопотала его новая начальница, весьма его полюбившая),—такъ онъ въ дугу бы передо мной согнулся,—словомъ, полякъ!..

— Хороши и русскіе по этой части есть! — возразилъ ему

князь, прямо разумѣя въ этомъ случаѣ самого Елпидифора Мартыныча.

— Есть и русскіе!—подхватилъ Иллiонскiй, совершенно не принявъ этого намека на свой счетъ.

Жуквичъ, войдя къ Еленѣ, которая приняла его въ большой гостиной, если не имѣлъ такого подобострастнаго вида, какъ передъ княземъ, то все-таки довольно низко поклонился Еленѣ и подалъ ей письмо Миклакова. Она, при видѣ его, нѣсколько даже сконфузилась, потому что никакъ не ожидала въ немъ встрѣтить столь изящнаго и красиваго господина. Жуквичъ, съ своей стороны, тоже, кажется, былъ пораженъ совершенно какъ бы южною красотой Елены. Не зная, съ чего бы начать разговоръ съ нимъ, она проговорила ему:

— Пожалуйста, садитесь.

Жуквичъ сѣлъ. Елена тоже сѣла и принялась прежде всего читать письмо Миклакова.

Тотъ писалъ о Жуквичѣ нѣсколько иное, чѣмъ княгиня князю:

«Эту записочку мою доставитъ вамъ одинъ сѣдовласый юноша, господинъ Жуквичъ. Онъ соцiалистъ, коммунистъ, демократъ и все, что̀ вамъ угодно, и всему этому я, разумѣется, не придалъ бы большого значенiя, но онъ человѣкъ умный, много видавшiй и много испытавшiй; вамъ, вѣроятно, будетъ прiятно съ нимъ встрѣчаться. Что̀ сказать вамъ про Европу?... Климатъ лучше нашего; города ея красивѣе нашихъ; жизнь и газеты европейскiя поумнѣе нашихъ, но сами людишки—такая дрянь, какъ и мы. Наши братья, славяне, это какiе-то неумытые господа, умѣющiе только воздыхать о своемъ политическомъ положенiи; итальянецъ — красивъ, но сильно простоватъ; отъ каждаго француза воняетъ мѣдными пятаками или лежьонъ-д'онеромъ; нѣмцы — глубокомысленно тупы; англичане—торгаши; наши заатлантическiе друзья, американцы, по-моему—все кочегары; шведовъ и датчанъ я не видалъ, но, должно-быть, такая же физическая безцвѣтность, какъ и чухна наша. На прощанье желаю вамъ больше всего не страдать скукою, такъ какъ я часто замѣчалъ, что за улыбающимся и счастливымъ личикомъ амура всегда почти выглядываетъ сморщенное лицо старухи-скуки!»

— Скажите,—начала Елена, все еще не совсѣмъ совладѣвъ съ собой:—гдѣ вы встрѣтились съ Миклаковымъ?

— Я жилъ съ нимъ мѣсяца три жъ на водахъ,—отвѣчалъ Жуквичъ.

— Значитъ, вы и княгиню Григорову знаете?

— Да!..

— И г-жу Петицкую?

— И г-жу Петицкую.

— Они всѣ трое въ одномъ домѣ живутъ?—присовокупила Елена послѣ небольшого молчанія.

— Нѣтъ же!.. Княгиня и Петицкая въ одной гостиницѣ, а господинъ Миклаковъ въ совершенно другой, болѣе скромной.

— Но все-таки видаются между собою довольно часто?

— Каждодневно жъ!—отвѣчалъ, слегка улыбаясь, Жуквичъ.

Елена опять помолчала нѣкоторое время.

— А вотъ что̀ еще,—начала она съ какимъ-то ужъ нервнымъ волненіемъ: — вамъ извѣстно содержаніе письма Миклакова?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Жуквичъ.

— Прочтите!—проговорила Елена и показала Жуквичу то, что̀ писалъ о немъ Миклаковъ.

Прочитавъ о себѣ отзывъ, Жуквичъ только слегка и нѣсколько грустно усмѣхнулся.

— Что̀ же, Миклаковъ правду пишетъ про васъ? Я, конечно, касательно только убѣжденій вашихъ говорю,—допрашивала его Елена.

— Кто жъ въ наше время, смотрящій здраво и не эгоистично на вещи, не имѣетъ этихъ же убѣжденій? — отвѣчалъ онъ ей тоже какъ бы больше вопросомъ.

— Ахъ, очень многіе! — произнесла, слегка вздохнувъ, Елена.—Я потому такъ и спѣшу васъ исповѣдать, чтобы знать, какъ съ вами говорить.

— Говорите жъ такъ, какъ вы са̀ми желаете того!—произнесъ, склоняя передъ ней голову свою, Жуквичъ.

— Ну, и прекрасно, значитъ!.. Скажите: дѣлается ли въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь во имя соціалистическихъ началъ?

Жуквичъ сдѣлалъ соображающую мину въ лицѣ.

— Въ общемъ, если хотите, мало жъ!.. Такъ что самый съѣздъ членовъ лиги мира въ Женевѣ вышелъ какой-то странный...—проговорилъ онъ.

— А вы были на этомъ съѣздѣ?—спросила его Елена.

— Нѣтъ, я не былъ!.. Я жъ былъ въ это время боленъ въ Брюсселѣ,—отвѣчалъ Жуквичъ, и если бъ Елена внимательно смотрѣла на него въ это время, то очень хорошо бы замѣтила, что легкій оттѣнокъ краски пробѣжалъ у него при этомъ по всему лицу его.—Но въ частности, Боже жъ мой,—продолжалъ онъ, нѣсколько восклицая:—сколько есть утѣшительныхъ явленій!.. Я самъ лично знаю въ Лондонѣ очень

многихъ дамъ, которыя всю жизнь свою посвятили вопросу о рабочихъ; потомъ, сколько жъ въ этомъ отношеніи основано ассоціацій, учреждено собственно съ этою цѣлью кредитныхъ учрежденій; наконецъ вопросъ о женскомъ трудѣ у васъ, въ Россіи жъ, на такой, какъ мнѣ говорили, близкой чередѣ къ осуществленію...

Елена слушала Жуквича все съ болѣе и болѣе разгорающимися глазами.

— Все это такъ-съ!—произнесла она:—но все это, какъ хотите, очень блѣдныя начинанія, тогда какъ другое-то, старое, отжившее, очень еще ярко цвѣтетъ!

— А вы думаете жъ, что начинанія въ каждомъ дѣлѣ мало значатъ?..—произнесъ съ чувствомъ Жуквичъ.—Возьму вами жъ подсказанный примѣръ...—продолжалъ онъ, устремляя вдаль свои голубые глаза и какъ бы приготовляясь списывать съ умственной картины, нарисовавшейся въ его воображеніи.—Взгляните вы на дерево, когда оно расцвѣтаетъ,—развѣ жъ вся растительная сила его направляется на то, чтобы развивать цвѣтки, и развѣ эти цвѣтки вдругъ покрываютъ все дерево?—Нисколько жъ! Мы видимъ, что въ это жъ самое время листья дерева дѣлаются больше, вѣтви становятся раскидистѣе; цвѣты жъ только то тутъ, то тамъ еще показываются; но все жъ вы говорите, что дерево въ періодѣ цвѣтенія; такъ и наше время: мы явно находимся въ періодѣ соціальнаго зацвѣтанія.

— Это хорошо!—воскликнула Елена:—эти бѣдные соціальные цвѣтки поцвѣтутъ-поцвѣтутъ да и опадутъ, а корни и вѣтки останутся старые.

— Да нѣтъ же: эти вѣтки дадутъ сѣмена, изъ которыхъ начнутъ произрастать новыя деревья!

— Съ такими точно корнями и вѣтвями, какъ и прежнія!—подхватила Елена.

— Нѣтъ, съ другими жъ, съ другими!—произнесъ многозначительно Жуквичъ.

— Ахъ, не думаю, что съ другими!..—сказала грустнымъ голосомъ Елена.—Можетъ-быть, у васъ тамъ въ Европѣ это предчувствуется, а здѣсь—нисколько, нисколько!

— Но какъ же меня завѣряли, и наконецъ я читалъ же много,—перебилъ ее съ живостью Жуквичъ:—что здѣсь соціалистическія понятія очень хорошо прививаются и усваиваются...

— Въ Петербургѣ—можетъ-быть!—сказала ему Елена.

— Нѣтъ, здѣсь, именно жъ въ Москвѣ!—повторилъ настойчиво Жуквичъ.

Елена сомнительно покачала головой.

— Прежде еще было кое-что,—начала она:—но и то потомъ оказалось очень нетвердымъ и непрочнымъ: я тутъ столько понесла горькихъ разочарованій; нѣсколько изъ моихъ собственныхъ подругъ, которыхъ я считала за женщинъ съ совершенно честными понятіями, вдругъ, выходя замужъ, дѣлались такими негодяйками, что даже взяточничество супруговъ своихъ начинали оправдывать. Господа кавалеры—тоже, улыбнись имъ хоть немного начальство или просто богатый человѣкъ, сейчасъ же продавали себя съ руками и ногами.

— Грустно жъ это слышать, — сказалъ Жуквичъ въ самомъ дѣлѣ грустнымъ голосомъ:—а я жъ было-думалъ тутъ встрѣтить участіе, сочувствіе и даже помощь нѣкоторую,—присовокупилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Но въ чемъ вамъ, собственно, помощь нужна?—спросила его Елена.

Жуквичъ опять нѣкоторое время обдумывалъ свой отвѣтъ.

— Я—полякъ, а потому прежде жъ всего сынъ моей родины!—началъ онъ, какъ бы взвѣшивая каждое свое слово:—но всякій жъ человѣкъ, какъ бы онъ ни желалъ душою итти по всѣмъ новымъ путямъ, всюду не поспѣетъ. Вотъ отчего, какъ я вамъ говорилъ, въ Европѣ все это раздѣлилось на нѣкоторыя группы, на нѣсколько спеціальностей, и я жъ, если позволите мнѣ такъ назвать себя, принадлежу къ группѣ именуемыхъ возстановителей народа своего.

— То-есть поляковъ, конечно?..—подхватила Елена.

— О, да! — подтвердилъ Жуквичъ.

— А вы знаете, что я вѣдь тоже полька?—сказала Елена.

— Да, знаю жъ!—воскликнулъ Жуквичъ:—и, какъ землячку, прошу васъ не оставить меня вашимъ вниманіемъ! — прибавилъ онъ съ улыбкой и протягивая Еленѣ руку.

— Въ чемъ только могу! — проговорила она, подавая ему взаимно свою руку и отвѣчая на довольно крѣпкое пожатіе Жуквича такимъ же крѣпкимъ пожатіемъ.

— Но я прошу васъ, панна Жиглинская, объ одномъ! — присовокупилъ онъ затѣмъ какимъ-то почти встревоженнымъ голосомъ:—все жъ, о чемъ я вамъ говорилъ теперь, вы сохраните въ тайнѣ...

— Разумѣется, сохраню въ тайнѣ!—подхватила она.

— Въ тайнѣ жъ отъ всѣхъ, даже отъ князя! — говорилъ Жуквичъ тѣмъ же встревоженнымъ голосомъ.

— И отъ князя?—переспросила Елена.

— Да... Я князя давно знаю. Онъ не любитъ же поляковъ очень, а я жъ сосланный!.. На меня достаточно глазомъ указать, чтобъ я былъ повѣшенъ... разстрѣлянъ...

— Извольте, я и князю не скажу!..—отвѣчала Елена, припоминая, что князь, въ самомъ дѣлѣ, не очень прилюбливалъ поляковъ, и по поводу этого она нерѣдко съ нимъ спорила.— Но надѣюсь однако, что вы будете бывать у насъ.

— Если вы мнѣ позволите то! — отвѣчалъ Жуквичъ, уже вставая и приготовляясь уйти.

— Я даже буду просить васъ о томъ,—подхватила Елена:— приходите, пожалуйста, безъ церемоніи, обѣдать, на цѣлый день. Послѣзавтра, напримѣръ, можете прійти?

— Могу

— Ну, такъ и приходите! — заключила Елена.

При окончательномъ прощаніи Жуквичъ снова протянулъ ей руку. Она тоже подала ему свою, и онъ вдругъ поцѣловалъ ея руку, такъ что Елену немного даже это смутило. Когда гость наконецъ совсѣмъ уѣхалъ, она отправилась въ кабинетъ къ князю, котораго застала одного и читающимъ внимательно какую-то книгу. Елпидифоръ Мартынычъ, не осмѣливавшійся болѣе начинать разговора съ княземъ объ Елизаветѣ Петровнѣ, только-что передъ тѣмъ оставилъ его.

— А у меня все сидѣлъ этотъ Жуквичъ, который привезъ мнѣ письмо отъ Миклакова! — сказала Елена.

— Что̀ такое тебѣ пишетъ Миклаковъ?—спросилъ ее князь, не оставляя своего чтенія.

— Ничего особеннаго! — отвѣчала Елена и сѣла на кресло, занимаемое до того Елпидифоромъ Мартынычемъ. — Я позвала Жуквича послѣзавтра обѣдать къ намъ!..—присовокупила она.

— Зачѣмъ? — спросилъ какъ бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и даже неудовольствіемъ князь.

— Затѣмъ, что онъ здѣсь заѣзжій человѣкъ... никого не знаетъ.

Князь на это промолчалъ, и Елена, по выраженію его лица, очень хорошо видѣла, что у него былъ на умѣ какой-то гвоздикъ противъ Жуквича.

— Ты зналъ его за границей?—спросила она.

— Зналъ!..—отвѣчалъ протяжно князь.

— Что̀ же, по-твоему, онъ за человѣкъ?

— Чортъ его знаетъ, что̀ за человѣкъ!.. Что полякъ — это я знаю!—произнесъ князь, продолжая свое чтеніе.

— Но что̀ тутъ дурного, что онъ полякъ? — возразила ему насмѣшливо Елена.

Князь ей на это ничего не сказалъ и, какъ будто бы даже не разслышавъ ея словъ, принялся что-то такое выписывать изъ читаемой имъ книги.

Еленѣ наконецъ сдѣлалось досадно это полувниманіе къ ней князя.

— Что̀ ты тутъ такое дѣлаешь? — начала она приставать къ нему.

Елена еще и прежде спрашивала объ этомъ князя, но онъ все какъ-то отмалчивался.

— Такъ себѣ, ничего! — сказалъ-было онъ ей и на этотъ разъ, но Елена этимъ не удовольствовалась.

— Вовсе не такъ, а непремѣнно дѣлаешь что-то такое большое!.. Отчего ты не хочешь сказать мнѣ?

— Оттого, что нельзя говорить о томъ, что̀ у самого еще смутно въ головѣ.

— Это ничего не значитъ; ты мнѣ долженъ сказать, и ты вовсе не потому не говоришь,—вовсе не потому!

— Почему же?

— Да потому, что я знаю почему; во-первыхъ, я вижу по книгамъ, ты что-то такое по русской исторіи затѣваешь—такъ?.. да?

— Можетъ-быть, и по русской исторіи.

— Но что̀ изъ нея можно написать?.. Все ужъ, кажется, написано!

— Нѣтъ, много еще не написано.

— А именно?

— А именно, напримѣръ,—началъ князь, закидывая назадъ свою голову: — сколько мнѣ помнится, ни однимъ историкомъ нашимъ не прослѣжены тѣ вольности удѣльныя, которыя потомъ постоянно просыпались и высказывались въ московскій періодъ и даже въ петербургскій.

Елена разсмѣялась громкимъ смѣхомъ.

— Вольности еще какія-то нашелъ!—произнесла она.

Князь при этомъ покраснѣлъ нѣсколько въ лицѣ.

— Никакихъ я вольностей, признаюсь, у русскаго народа не вижу, — продолжала Елена.

— Ты не видишь, а я ихъ вижу!—сказалъ князь.

— Но гдѣ, скажи, докажи?—воскликнула Елена.

— Вольности я вижу во всѣхъ попыткахъ Новгорода и Пскова противъ Грознаго!.. — заговорилъ князь съ удареніемъ:—вольности проснувшіяся вижу въ періодъ всего междуцарствія!.. вольности въ расколѣ противъ московскаго православія!.. вольности въ бунтахъ стрѣльцовъ!.. вольности въ образованіи всѣхъ нашихъ украйнъ!..

— Какой же результатъ всѣхъ этихъ вольностей?.. Петербургъ?..—возразила ему Елена.

— Я говорю не о результатахъ, а о томъ, что есть же въ русскомъ народѣ настоящая живая сила.

— Тебя за эту статью, если ты только напечатаешь ее, такъ раскатаютъ, такъ раскатаютъ, какъ ты и не воображаешь!—произнесла Елена.

— Но за что же?.. Я могу дурно выполнить, дурно написать—это другое дѣло, но не за самую мысль.

— Нѣтъ, за самую мысль, потому что въ ней ложь и натяжка есть.

— По-твоему — натяжка, а по-моему, какъ говоритъ мое внутреннее чувство, она есть величайшая истина.

— Чувство ему говоритъ!.. Исторія—не романъ сентиментальный, который подъ вліяніемъ чувства можно писать.

— Нѣтъ, именно нашу исторію подъ вліяніемъ чувства надобно было бы написать, — чувства чисто-народнаго, демократическаго, и котораго совершенно не было ни у одного изъ нашихъ историковъ, а потому они и не сумѣли въ маленькихъ явленіяхъ подмѣтить самой живучей силы народа нашего.

— Никакой такой силы не существуетъ! — произнесла Елена.—Вѣдь это странное дѣло—навязывать народу свободолюбіе, когда въ немъ и намека нѣтъ на то. Я вонъ на-дняхъ еще какъ-то ѣхала на извозчикѣ и разговаривала съ нимъ. Онъ горькимъ образомъ оплакиваетъ крѣпостное право, потому что теперь некому посѣчь его и поучить послѣ того, какъ онъ пьянъ бываетъ.

— Мало ли что тебѣ наболтаетъ одинъ какой-нибудь дуралей; нельзя по немъ судить о цѣломъ народѣ! — возразилъ князь.

— Нѣтъ, это не онъ одинъ, а и болѣе высшія сословія. Ты посмотри когда-нибудь по большимъ праздникамъ, какая толпа рвется къ подъѣздамъ разныхъ начальствующихъ лицъ... Рабство и холопство — это скрывать нечего — составляютъ главную черту, или, какъ другіе говорятъ, главную мудрость русскаго народа.

— Господинъ Жуквичъ, что ли, успѣлъ натолковать тебѣ это?.. И поляковъ, вѣроятно, превознесъ до небесъ? — проговорилъ князь.

— Нѣтъ, я еще до господина Жуквича знала это очень хорошо, и ужъ, конечно, поляки всегда были и будутъ свободолюбивѣе русскихъ!—воскликнула Елена. — Когда еще въ цѣлой Европѣ все трепетало передъ королевской властью, а у насъ ужъ король былъ выборный. На сеймѣ воскликнетъ кто: «*не позволямъ!*»... и кончено: тормозъ всякому произволу.

— До многаго и докричались вы!..

— Да, но все-таки кричали, а не низкопоклонничали.

— Что жъ такое кричали?.. И собаки на улицѣ лаютъ безпрестанно, однако отъ того большой пользы ни имъ ни человѣчеству нѣтъ!—возразилъ князь и самъ снова принялся за свою работу.

Елена даже покраснѣла вся при этомъ въ лицѣ.

— Какое глупое сравненіе!—произнесла она и, какъ видно, не на шутку разсердилась на князя, потому что немедля встала и пошла изъ кабинета.

— Господинъ Жуквичъ послѣзавтра будетъ у насъ обѣдать?—крикнулъ ей вслѣдъ князь.

— Послѣзавтра!—отвѣчала Елена, не поворачиваясь къ нему.

— Послѣзавтра!..—повторилъ самъ съ собою князь.

II.

Анна Юрьевна послѣднее время какъ будто бы утратила даже привычку хорошо одѣваться и хотя сколько-нибудь себя подтягивать, такъ что въ тотъ день, когда у князя Григорова долженъ былъ обѣдать Жуквичъ, она сидѣла въ своемъ будуарѣ въ совершенно распущенной блузѣ; слегка подпудренные волосы ея были не причесаны, лицо не подбѣлено. Баронъ былъ тутъ же и, помѣщаясь на одномъ изъ креселъ, держалъ голову свою наклоненною внизъ и внимательнымъ образомъ разсматривалъ свои красивые ногти.

— Я вамъ давно говорилъ,—началъ онъ въ одно и то же время грустнымъ и насмѣшливымъ голосомъ: — что въ этой проклятой Москвѣ задохнуться можно отъ скуки!

— Что же, въ Петербургѣ вашемъ развѣ лучше? — возразила ему Анна Юрьевна.

— Бетъ всякаго сомнѣнія!.. Тамъ люди живутъ человѣческой жизнью, а здѣсь, я не знаю, — жизнью какихъ-то...— «*свиней*», вѣроятно, хотѣлъ добавить баронъ, но удержался.

— Ужасно какой человѣческой жизнью!—воскликнула Анна Юрьевна:— цѣлое утро толкутся въ переднихъ у министровъ; потомъ побѣгаютъ, высуня языкъ, по Невскому, съѣдятъ гдѣ-нибудь въ отелѣ протухлый обѣдъ; наконецъ вечеръ проведутъ въ объятіяхъ чахоточной камеліи,—вотъ жизнь всѣхъ васъ, петербуржцевъ.

— То для мужчинъ, а для женщинъ мало ли есть тамъ развлеченій: отличная опера, концерты, театры.

— Все это и здѣсь есть; но я не дѣвчонка какая-нибудь, чтобы мнѣ всюду ѣздить и восхищаться этимъ...

— Въ такомъ случаѣ, поѣдемте за границу, — сказалъ ей на это баронъ: послѣдняго онъ даже еще больше желалъ.

— Вамъ за границей въ диво побывать... Вы никогда тамъ не бывали; mais moi, j'ai voyagée par monts et par vaux!.. Не мадонну же рафаэлевскую мнѣ въ тысячный разъ смотрѣть или дворцы разные.

— Но гдѣ же лучше?—воскликнулъ баронъ.

— Въ молодости, вотъ гдѣ лучше. Въ молодости вездѣ хорошо,—отвѣчала ему Анна Юрьевна.

— Но въ эту страну нельзя воротиться, — произнесъ баронъ съ небольшой улыбкой.

На этихъ словахъ его Анна Юрьевна увидѣла, что въ гостиную входилъ пріѣхавшій князь Григоровъ.

— Ah!.. Voilà, qui nous arrive!—воскликнула она ему навстрѣчу радостнымъ голосомъ.—Наконецъ-то удостоилъ великой чести посѣтить.

Князь пожалъ руку кузинѣ, пожалъ руку и барону.

— Я, шутки въ сторону, начинала на тебя сердиться, что ты совсѣмъ не ѣздишь,- -говорила Анна Юрьевна.

— Некогда все было,—отвѣчалъ князь.

— Да что̀ ты такое дѣлаешь? Неужели все цѣлуешься со своей Еленой?.. Не надоѣло развѣ тебѣ еще это?

— Нѣтъ, не надоѣло.

— А другой нѣтъ у тебя пока никакой?

— Нѣтъ другой пока

— Mensonge, je n'en crois rien.

— Но у барона же нѣтъ другой,—сказалъ князь, показывая глазами на барона.

— Баронъ что̀?.. Баронъ—рыба.

— Рыба онъ?

— Совершенная... мерзлая даже.

— О, это ужасно!—воскликнулъ князь.

Баронъ краснѣлъ только, слушая этотъ милый разговоръ двухъ родственниковъ.

— А я, кузина, пріѣхалъ васъ звать сегодня обѣдать къ себѣ,—продолжалъ князь.

— Это что̀ тебѣ вздумалось?—спросила Анна Юрьевна.

— Да такъ, тутъ одинъ мой знакомый полякъ будетъ у меня обѣдать, красавецъ собою мужчина; пріѣзжайте, пожалуйста!.. Поболтаемъ о нашей заграничной жизни.

— А обѣдъ будетъ порядочный?

— Самолучшій заказанъ повару.

— Посмотримъ! При княгинѣ у тебя въ этомъ случаѣ нехорошо было: она, какъ нѣмка, только и знала вкусъ въ картофелѣ да въ кофеѣ.

— Теперь у меня другая хозяйка; а кстати, вы не скомпро-

метируетесь быть у меня тѣмъ, что встрѣтите mademoiselle Жиглинскую?

— Quelle idée... скомпрометируюсь я!.. Меня теперь, я думаю, ничто ужъ въ мірѣ не скомпрометируетъ!.. А что̀ жъ ты барона не зовешь?—прибавила Анна Юрьевна.

— Баронъ, разумѣется, пріѣдетъ. Пріѣдете? — спросилъ князь барона.

— Пріѣду!—отвѣчалъ тотъ, держа попрежнему голову потупленною и какимъ-то мрачнымъ голосомъ: слова князя о томъ, что у него будетъ обѣдать красивый полякъ, очень непріятно отозвались въ ухѣ барона. Надобно сказать, что баронъ, несмотря на то, что былъ моложе и красивѣе Анны Юрьевны, каждую минуту опасался, что она измѣнитъ ему и предпочтетъ другого мужчину. Чтобы предохранить себя съ этой стороны, баронъ, какъ ни скучно это было ему, всюду ѣздилъ съ Анной Юрьевной и старался не допускать ее сближаться съ кѣмъ бы то ни было изъ мужчинъ. Князь же, въ свою очередь, кажется, главною цѣлью и имѣлъ, приглашая Анну Юрьевну, сблизить ее съ Жуквичемъ, который, какъ онъ подозрѣвалъ, не прочь будетъ занять мѣсто барона: этимъ самымъ князь разсчитывалъ показать Еленѣ, какого сорта былъ человѣкъ Жуквичъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся образумить и спасти этимъ барона, который былъ когда-то другъ его и потому настоящимъ своимъ положеніемъ возмущалъ князя до глубины души.

Выйдя отъ Анны Юрьевны, князь отправился домой не въ экипажѣ, а пошелъ пѣшкомъ и, проходя по Кузнецкому, онъ вдругъ столкнулся лицомъ къ лицу съ шедшимъ къ нему навстрѣчу Николаемъ Оглоблинымъ.

— Здравствуйте, князь! — проговорилъ тотъ трепещущимъ отъ радости голосомъ.

Въ прежнее время князь, встрѣчаясь съ Николя, обыкновенно на всѣ его привѣтствія отвѣчалъ только молчаливымъ кивкомъ головы; но тутъ почему-то пріостановился съ нимъ и пожалъ даже ему руку.

Ободренный этимъ, Николя не преминулъ повернуться и пойти съ княземъ въ одну сторону.

— Это чортъ знаетъ что̀ за городъ Москва! — заговорилъ онъ:—болтаютъ!.. врутъ!.. такъ что я хотѣлъ ѣхать къ вамъ и сказать, чтобы вы зажали нѣкоторымъ господамъ ротъ!

Князь очень хорошо догадался, что̀ такое собственно хочетъ отрапортовать ему Николя.

— Какимъ господамъ?—спросилъ онъ его.

— А такимъ, которые говорятъ, что тамъ эта mademoiselle

Жиглинская... вы, конечно, знаете ее... будто бы она переѣхала къ вамъ въ домъ.

— Это совершенно вѣрно, что она переѣхала, — отвѣчалъ князь.

— Да-съ... Но что̀ кому до того за дѣло? Что̀ за дѣло?..— горячился Николя. — А вѣдь знаете, она чудо какъ хороша собой! — присовокупилъ онъ, явно желая тѣмъ подольститься къ князю.

— Да, хороша!— отвѣчалъ князь: — и вообразите, она мнѣ то же самое про васъ говорила, она видѣла васъ тамъ гдѣ-то на гуляньи и говорила: «какой, говоритъ, красавецъ изъ себя Оглоблинъ».

— Я?.. Ха-ха-ха! — захохоталъ Николя. Онъ заподозрѣлъ, что князь надъ нимъ подшучиваетъ, и потому самъ хотѣлъ тоже отойти отъ него шуточкою.

— Увѣряю васъ, — продолжалъ между тѣмъ тотъ совершенно серьезнымъ голосомъ:—и, чтобъ убѣдиться въ томъ, пріѣзжайте ко мнѣ сегодня обѣдать,—у меня, кстати, будетъ Анна Юрьевна.

— Но, можетъ-быть, у васъ именинный обѣдъ, а я въ визиткѣ,—сказалъ Николя уже серьезно.

— Никакого нѣтъ имениннаго обѣда, а просто знакомые обѣдаютъ. Пріѣзжайте!.. Можете при этомъ полюбезничать съ mademoiselle Жиглинской.

— А вы не разсердитесь за это?—спросилъ Николя, лукаво прищуривая глаза и полагая, что онъ ужасно ядовито сказалъ.

— Нисколько!.. Это совершенно не въ нашихъ нравахъ... Кромѣ того, у меня еще будетъ обѣдать одинъ полякъ... этакій, знаете, заклятый патріотъ польскій; ну, а вы, я надѣюсь, патріотъ русскій.

— Надѣюсь!.. Надѣюсь!..—шепелявилъ Николя со смѣхомъ, но въ то же время самодовольно.

— А потому, если что̀ коснется до патріотизма, то не ударьте себя въ грязь лицомъ и выскажите все, что̀ у васъ на душѣ,— продолжалъ князь.

— Извольте!.. извольте!.. — говорилъ Николя еще самодовольнѣе.

На Тверской они разстались. Николя забѣжалъ къ парикмахеру, чтобы привести въ порядокъ свою прическу, а князь до самаго дома продолжалъ итти пѣшкомъ. Здѣсь онъ узналъ, что Жуквичъ уже пришелъ и сидѣлъ съ Еленой въ гостиной, куда князь, проходя черезъ залу, увидѣлъ въ зеркало, что Жуквичъ читаетъ какое-то письмо, а Елена очень внимательно слушаетъ его; но едва только она услыхала шаги князя,

какъ стремительно сдѣлала Жуквичу знакъ рукою, и тотъ сейчасъ же послѣ того спряталъ письмо. Князю это очень не понравилось, однако онъ рѣшился повыждать, что̀ дальше будетъ, и въ гостиную вошелъ съ довольнымъ и веселымъ видомъ.

При входѣ его Жуквичъ всталъ на ноги.

— Извините жъ, ваше сіятельство, — проговорилъ онъ, склоняя передъ нимъ голову: — что я безъ вашего позволенія являюсь къ вамъ обѣдать, но паннѣ Жиглинской угодно жъ было пригласить меня.

— Ничего, это все равно, — отвѣчалъ князь, протягивая ему руку.

Послѣ того князь сѣлъ и Жуквичъ сѣлъ.

— А у насъ сегодня будутъ обѣдать Анна Юрьевна и баронъ,—сказалъ князь Еленѣ.

— Вотъ какъ!—сказала та, немного удивленная этимъ.

— Потомъ пріѣдетъ обѣдать и Николя Оглоблинъ.

— Это еще зачѣмъ? — не утерпѣла и почти воскликнула Елена.

— Затѣмъ, что онъ теперь одинъ... родитель его въ Петербургъ, кажется, уѣхалъ. Куда жъ ему, бѣдному, дѣваться?— проговорилъ князь насмѣшливымъ тономъ.

Елена поняла, надъ чѣмъ, собственно, онъ тутъ подтрунивалъ, и вспыхнула въ лицѣ.

Потомъ князь снова обратился къ Жуквичу:

— Эта вотъ Анна Юрьевна-съ, о которой я сейчасъ говорилъ, кузина моя, и, представьте себѣ, у нея ни много ни мало, какъ около ста тысячъ годового дохода.

— Доходъ немалый! — сказалъ на это Жуквичъ, слегка ухмыляясь.

— Еще бы!.. И можете себѣ вообразить, при такомъ состояніи она держитъ у себя въ обожателяхъ одного моего пріятеля, мужчину весьма некрасиваго и невзрачнаго.

— Но она, кажется, васъ прежде того желала сдѣлать своимъ обожателемъ?—перебила князя Елена.

— Меня — да, но что̀ жъ дѣлать, я упустилъ тогда этотъ удобный случай.

— Теперь можете поправить это!—продолжала Елена.

— Что̀ теперь!.. Теперь она меня разлюбила, а другой бы очень могъ успѣть, потому что она прямо говоритъ про моего друга барона, что онъ—судакъ мерзлый.

Жуквичъ выслушивалъ весь этотъ разговоръ попрежнему, съ небольшой улыбкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ равнодушнымъ выраженіемъ лица, которое ясно показывало, что все это его нисколько не интересуетъ.

— Гдѣ же вы живете здѣсь въ Москвѣ, monsieur Жуквичъ?—обратился къ нему еще разъ князь.

Жуквичъ назвалъ ему улицу и гостиницу, гдѣ жилъ.

— Это почти рядомъ съ нами!—воскликнулъ князь.

Жуквичъ на это ничего не сказалъ.

— Я очень рада тому, это даетъ вамъ возможность чаще бывать у насъ!—подхватила Елена, обращаясь къ нему.

Жуквичъ и ее поблагодарилъ только молчаливымъ наклоненіемъ головы.

Князь же, со своей стороны, не повторилъ ея приглашенія Жуквичу.

Вскорѣ затѣмъ прибыла Анна Юрьевна съ барономъ.

Елена встала и вышла встрѣтить ее.

— Bonjour, моя милая, bonjour!—говорила Анна Юрьевна, входя и крѣпко пожимая Еленѣ руку.

Князь между тѣмъ какъ-то шаловливо привсталъ со своего мѣста и шаловливо началъ знакомить всѣхъ другъ съ другомъ.

— Честь имѣю представить вамъ — господинъ Жуквичъ!— говорилъ онъ Аннѣ Юрьевнѣ: — а это — графиня Анна Юрьевна!—говорилъ онъ потомъ тому:—а это—баронъ Мингеръ, мой другъ и пріятель!.. а это—госпожа Жиглинская, а я, честь имѣю представиться — коллежскій секретарь князь Григоровъ.

На это Анна Юрьевна махала только рукой.

— Козелъ какой!.. Очень что-то разыгрался сегодня!.. — говорила она, садясь на одномъ концѣ дивана, а на другомъ его концѣ помѣстилась Елена, которой, кажется, было не совсѣмъ ловко передъ Анной Юрьевной, да и та не вполнѣ свободно обращалась къ ней.

— Что̀ это онъ такъ веселъ сегодня? — спросила Анна Юрьевна Елену, показывая на князя и не находя ничего другого, съ чего бы начать разговоръ.

— Передъ слезами, вѣроятно!—отвѣчала Елена, саркастически сжимая губы.

— Зачѣмъ такъ злопророчествовать?.. Я веселъ потому, что у меня собралось такое милое и пріятное общество!— отвѣчалъ князь не то въ насмѣшку, не то серьезно.

Баронъ Мингеръ съ самаго прихода своего молчалъ и только по временамъ взглядывалъ на Жуквича, который, въ довольно красивой позѣ, стоялъ нѣсколько вдали и расправлялъ свою съ просѣдью бороду. Пріѣхавшій наконецъ Николя окончательно запуталъ существовавшую и безъ того неловкость между всѣми лицами. Помня слова князя, что Елена будто бы называла его красавцемъ, Николя прямо и очень стреми-

тельно разлетѣлся къ ней, такъ что та съ удивленіемъ и почти съ испугомъ взглянула на него. Она никогда даже не видала Николя и только слыхала о немъ, что онъ дуракъ великій.

Николя, видя, что его даже не узнаютъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ видъ, что не узнаютъ, обратился къ князю:

— Князь, представьте меня mademoiselle Жиглинской, — проговорилъ онъ.

— Это monsieur Оглоблинъ!—сказалъ князь, не поднимаясь со своего мѣста.

Тогда Елена протянула руку Николя, которую онъ съ восторгомъ пожалъ.

— А я васъ видалъ, клянусь Богомъ, видалъ! — говорилъ онъ, продолжая стоять передъ Еленой:—и именно въ театрѣ, въ бенуарѣ.

— Меня?—спросила Елена.

— Васъ, непремѣнно васъ!—продолжалъ Николя какимъ-то даже патетическимъ голосомъ.

— Можетъ-быть, я иногда бываю въ театрѣ.

— Непремѣнно васъ! Я еще тогда... не помню, кто-то сидѣлъ около меня... «посмотрите, говорю, какая красавица!»

Елена при этомъ немного даже смутилась.

— Подобныя вещи, я думаю, не говорятъ въ глаза,—сказала она.

— Ахъ, ma chère, чего отъ него другого ждать!—объяснила ей почти вслухъ Анна Юрьевна.

— Почему не говорятъ? почему?.. — сталъ-было допрашивать Николя, дѣлая видъ, что словъ Анны Юрьевны онъ какъ бы не слыхалъ совсѣмъ.

Елена хотѣла-было ему отвѣчать, но въ это время доложили, что обѣдъ готовъ; всѣ пошли. Елена крайне была удивлена, когда князь повелъ гостей своихъ не въ обычную маленькую столовую, а въ большую, парадную, которая, по убранству своему, была одна изъ лучшихъ комнатъ въ домѣ князя. Она была очень длинная; потолокъ ея былъ украшенъ рѣзнымъ деревомъ; по одной изъ длинныхъ стѣнъ ея стоялъ огромный буфетъ изъ буйволовой кожи, съ тончайшею и изящнѣйшею рѣзною живописью; весь верхній ярусъ этого буфета былъ уставленъ фамильными кубками, вазами и бокалами князей Григоровыхъ; прямо противъ входа виднѣлся, съ огромнымъ зеркаломъ, каррарскаго мрамора каминъ, а на противоположной ему стѣнѣ были разставлены на малиновой бархатной доскѣ, идущей отъ пола до потолка, японскія и севрскія блюда; мебель была средневѣковая, тяжелая, глубокая, съ мягкими подушками; посрединѣ небольшого, накрытаго на нѣсколько при-

боровъ, стола красовалось серебряное плато, изображающее, должно-быть, одного изъ миѳическихъ князей Григоровыхъ, убивающаго татарина; по бокамъ этого плато возвышались два чуть ли не золотые канделябра съ цѣлымъ десяткомъ свѣчей; кромѣ этого столовую освѣщали огромная люстра и нѣсколько бра по стѣнамъ. Человѣкъ шесть княжескихъ лакеевъ, одѣтыхъ въ черные фраки и бѣлые галстуки, стояли въ разныхъ мѣстахъ комнаты, и надъ всѣми ими надзиралъ почтенной наружности метрдотель. Устраивая такого рода роскошный обѣдъ, князь просто, кажется, дурачился, чтобы заглушить волновавшую внутри его досаду. Когда всѣ наконецъ усѣлись за столомъ и Елена стала разливать горячее, то съ удивленіемъ посмотрѣла въ миску.

— Что̀ это такое за супъ?—проговорила она.

— Разливайте ужъ!—сказалъ ей на это князь.

Елена налила первую тарелку и подала ее, разумѣется, Аннѣ Юрьевнѣ. Та попробовала и съ удовольствіемъ взглянула на князя.

— Черепашій,—подтвердилъ ея предположеніе князь.

— И тѣмъ хорошъ, что онъ по-французски сваренъ, а не по-англійски: не такъ густъ и слизистъ. Очень хорошо!.. божественно!.. — говорила Анна Юрьевна, почти съ жадностью глотая ложку за ложкой.

— Недурно-съ... недурно!.. — повторялъ за ней князь, начиная ѣсть.

Николя тоже жадно ѣлъ, но больше потому, что онъ все на свѣтѣ жадно ѣлъ.

Елена и баронъ попробовали супъ и не стали его ѣсть.

— А вы какъ находите это блюдо?—спросилъ князь Жуквича, очень исправно съѣвшаго свою порцію.

— Превосходнѣйшее! — отвѣчалъ тотъ, склоняясь передъ нимъ.

— А не напоминаетъ ли онъ вамъ нашего послѣдняго съ вами обѣда въ Лондонѣ?—сказалъ князь.

Жуквичъ при этомъ какъ-то невесело улыбнулся.

— Я бы желалъ лучше совсѣмъ забыть этотъ обѣдъ!—проговорилъ онъ.

— Какой это обѣдъ?—полюбопытствовала Анна Юрьевна, пришедшая въ совершенно блаженное состояніе отъ скушаннаго супа.

— Господинъ Жуквичъ знаетъ какой...—отвѣтилъ князь.

За супомъ слѣдовали превосходныя бараньи котлеты, обложенныя трюфелями, такъ что Анна Юрьевна почти въ ражъ пришла.

— Où prenez vous ces delicatesses!..—воскликнула она.— Здѣсь на вѣсъ золота нельзя добыть хоть сколько-нибудь сносной баранины.

— А я добылъ!..—произнесъ съ лукавствомъ князь.

— Я только въ Парижѣ такія котлеты и ѣдала, только въ одномъ Парижѣ!—обратилась Анна Юрьевна уже къ Жуквичу.

— Въ Брюсселѣ еще есть первоклассная баранина!—замѣтилъ ей тотъ съ почтеніемъ.

— Oui!.. c'est vrai!.. Да! — согласилась съ нимъ Анна Юрьевна, благосклонно улыбаясь при этомъ Жуквичу.

— Виномъ, кузина, тоже прошу не брезговать: бургонское у меня недурное!—отнесся князь къ Аннѣ Юрьевнѣ, наливая ей цѣлый стаканъ.

Она попробовала сначала, а потомъ и выпила весь стаканъ.

— Лучше моего—знаешь?.. гораздо лучше!.. Налей еще!— говорила Анна Юрьевна.

Князь налилъ еще стаканъ.

Баронъ при этомъ взмахнулъ глазами на Анну Юрьевну и сейчасъ ихъ потомъ снова опустилъ въ тарелку.

Князь между тѣмъ сталъ угощать Жуквича.

— Что̀ вы не пьете!—сказалъ онъ, наливая ему стаканъ.

— О, благодарю васъ!—произнесъ тотъ какъ бы съ чувствомъ живѣйшей благодарности.

Николя Оглоблинъ, совершенно забытый хозяиномъ, сначала попробовалъ-было любезничать съ Еленой.

— Скажите, вы гуляете по утрамъ на Кузнецкомъ?—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, не гуляю!—отвѣчала она ему сухо.

— Гулять для здоровья даже нужно,—продолжалъ молодой человѣкъ.

— Зачѣмъ же я пойду для этого на Кузнецкій?.. Я вотъ тутъ ближе могу гулять, на бульварѣ.

— На Кузнецкомъ болѣе пріятныя впечатлѣнія для дамъ!.. Модныя вещи... модные наряды — все это ласкаетъ глаза.

— Но не настолько, чтобъ итти за такую даль,—проговорила Елена.

— Да, виноватъ! — воскликнулъ вдругъ Николя (онъ вспомнилъ, что Елена была нигилистка, а потому непремѣнно должна была быть замарашкой и нарядовъ не любить).—Можетъ-быть, вы наряды не цѣните и презираете? — произнесъ онъ съ нѣкоторымъ даже глубокомысліемъ.

— Напротивъ, я очень люблю наряды! — отвѣчала Елена.

Николя при этомъ осмотрѣлъ весь ея туалетъ и увидѣлъ, что она была прекрасно одѣта.

— Васъ не поймешь, ей-Богу! — сказалъ онъ, какъ бы за что-то ужъ и обидѣвшись.

— Что такого во мнѣ непонятнаго?—возразила ему, смѣясь, Елена.

— Такъ, много непонятнаго!—продолжалъ Николя тѣмъ же недовольнымъ тономъ.

Онъ очень хорошо понималъ, что ему съ такой умной и ученой госпожой не сговорить, а потому замолчалъ и, для развлеченія себя, принялся пить вино; но такъ какъ знаменитаго бургонскаго около него не было, то Николя началъ продовольствовать себя добрымъ портвейномъ и такимъ образомъ къ концу обѣда нализался порядочно. Слыхавъ отъ кого-то, что англичане всегда грѣются у каминовъ послѣ обѣда, онъ, когда тутъ же въ столовой усѣлись пить кофе, не преминулъ стать къ камину задомъ и весьма нецеремонно раздвинулъ фалды у своей визитки. Въ противоположность ему, Жуквичъ велъ себя въ высшей степени скромно и прилично; помѣстившись на одномъ изъ креселъ, онъ первоначально довольно односложно отвѣчалъ на разспросы Анны Юрьевны, съ которыми она относилась къ нему, а потомъ, разговорившись, завелъ, между прочимъ, рѣчь объ Ирландіи, разсказалъ всю печальную зависимость этой страны отъ Англіи, всѣ ея патріотическія попытки къ самостоятельности, разсказалъ подробно исторію феніевъ, трагическую участь нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ что Анна Юрьевна даже прослезилась. Елена слушала его съ серьезнымъ и чрезвычайно внимательнымъ выраженіемъ въ лицѣ; даже баронъ уставилъ пристальный взглядъ на Жуквича, и только князь слушалъ его съ какой-то недовѣрчивой полуулыбкой, потомъ Николя Оглоблинъ, который взиралъ на Жуквича почти съ презрѣніемъ и ожидалъ только случая оспорить его, уничтожить, втоптать въ грязь. Князь замѣтилъ это и явно съ умысломъ постарался открыть ему для этого свободное поприще.

— Вы, monsieur Жуквичъ, такъ прекрасно разсказываете объ Европѣ и о заграничной жизни вообще,—началъ онъ:— но вотъ рекомендую вамъ господина Оглоблина, у котораго тоже будетъ со временемъ тысячъ полтораста годового доходу...

— Ну, нѣтъ, меньше!—перебилъ его Николя съ скромнымъ самодовольствомъ.

— Нѣтъ, не меньше!—возразилъ ему князь.—И, вообразите, онъ ни разу еще не былъ за границей и говоритъ, что это дорого для него!

Николя при этомъ страшно покраснѣлъ, онъ не ѣздилъ за

границу чисто по страху,—изъ сознанія, что, по его глупости, тамъ, пожалуй, какъ-нибудь его совсѣмъ оберутъ.

— Я вовсе не потому не ѣду за границу, вовсе не потому!—принялся онъ отшлепывать своимъ язычищемъ.

— А почему же?—спросилъ его князь, заранѣе почти знавшій его отвѣтъ.

— А потому-съ, что я русскій челокѣкъ!—отвѣчалъ Николя:—я не хочу русскихъ денегъ мотать за границею!

— Но для этого жъ такъ немного надобно денегъ, что это, конечно, никакого убытка не можетъ сдѣлать Россіи,—осмѣлился ему замѣтить Жуквичъ.

Николя яростно остервенился на него за это.

— Нѣтъ-съ, извините!—почти закричалъ онъ на всю комнату:—я буду думать—небольшія деньги!.. другой!.. Сколько теперь нашихъ богатыхъ людей живутъ за границей, мотаютъ наши деньги и сами ничего не дѣлаютъ!..

Николя, по преимуществу, потому такъ опредѣленно и смѣло объ этомъ предметѣ выражался, что наканунѣ только слушалъ такое именно разсужденіе одного пожилого господина.

— И все-таки жъ отъ этого очень немного пропадаетъ русскихъ денегъ и русскаго труда! — осмѣлился ему еще разъ возразить Жуквичъ.

— Нѣтъ-съ, много!—оралъ на это Николя.—Мы, позвольте вамъ сказать, не польскіе магнаты, чтобы намъ зорить и продавать наше отечество.

Жуквичъ взмахнулъ руками на Николя.

— Кто жъ это изъ польскихъ магнатовъ продалъ свое отечество?—спросилъ онъ тихо.

— Всѣ! — хватилъ Николя.

Князь замѣтно имъ былъ доволенъ и ободрялъ его глазами и движеніями.

— Voilà un benet, qui radote! — произнесла опять почти вслухъ Анна Юрьевна.

Елена сидѣла молча и надувшись: она очень хорошо понимала, что весь этотъ споръ съ умысломъ затѣялъ и устроилъ князь.

Жуквичъ тоже, кажется, догадался, съ какимъ господиномъ онъ спорилъ.

— Если всѣ, то — конечно!.. — произнесъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки.

— Рѣшительно всѣ! — продолжалъ орать Николя, ободренный такой уступчивостью Жуквича.

Анна Юрьевна наконецъ не въ состояніи была долѣе выслушивать его дурацкаго крика и, кромѣ того, она съ нѣко-

тораго времени получила сильную привычку спать послѣ обѣда.

— Ну, прощай однако, князь! — сказала она, приподнимаясь со своего мѣста.—За то, что я пріѣхала къ тебѣ обѣдать, пріѣзжай ко мнѣ завтра вечеромъ посидѣть; обѣдать не зову: старикъ мой поваръ боленъ, а подростки ничего не умѣютъ; но мороженаго хорошаго дамъ, нарочно зайду сама къ Трамбле и погрожу ему пальцемъ, чтобы прислалъ самаго лучшаго. Пріѣзжайте и вы, пожалуйста! — прибавила Анна Юрьевна Жуквичу.

Тотъ сначала молча ей поклонился.

— Пріѣдете?—спросила она его еще разъ, протягивая ему руку и очень умильно взглядывая на него.

— Непремѣнно-съ, — отвѣчалъ онъ.

Баронъ при этомъ выпрямилъ себѣ спину и сталъ растирать грудь рукою.

— А вы, chère amie, конечно, пріѣдете?—отнеслась Анна Юрьевна ласково къ Еленѣ.

— Пріѣду, — отвѣчала та.

— Ну, поѣдемте, баронъ! — отнеслась Анна Юрьевна къ сему послѣднему.

— А что̀ же вы, Анна Юрьевна, меня не зовете? — крикнулъ-было ей вслѣдъ расходившійся Николя.

— Очень вы съ отцомъ вашимъ браните меня, такъ можете и не ѣздить ко мнѣ,—объяснила та ему прямо и пошла.

Баронъ въ томъ же молчаніи, которое сохранялъ все время, послѣдовалъ за ней, такъ что князь, провожая ихъ, спросилъ его даже:

— Что̀ вы такой сегодня?

— Нездоровится мнѣ что-то, — отвѣчалъ ему баронъ.

— Надобно беречь свое здоровье; нельзя имъ такъ рисковать!—проговорилъ князь.

Богъ знаетъ, что̀ онъ желалъ этимъ сказать; но баронъ не отвѣтилъ на это ни слова и поспѣшно началъ сходить съ лѣстницы.

Возвратясь въ столовую, князь бросился въ кресло и явно уже не скрывалъ, что онъ былъ сильно утомленъ.

Жуквичъ сейчасъ же это замѣтилъ и взялся за шляпу.

— Позвольте васъ поблагодарить... — началъ онъ.

— Не задерживаю васъ болѣе, не задерживаю, — сказалъ ему князь.

Жуквичъ затѣмъ издали поклонился Еленѣ.

— Завтра увидимся мы съ вами у Анны Юрьевны?—спросила его та.

— Да, я жъ буду,—отвѣтилъ Жуквичъ, уходя.

— Можетъ-быть, и мнѣ пора домой?—проговорилъ Николя, все еще стоявшій у камина и сильно опѣшенный послѣднимъ отвѣтомъ Анны Юрьевны.

— И васъ не задерживаю, и васъ... — сказалъ ему князь.

Николя, въ подражаніе Жуквичу, тоже издали поклонился Еленѣ и ушелъ.

Когда гости такимъ образомъ разъѣхались, князь всталъ и пошелъ-было въ кабинетъ, но Елена спросила его:

— Это что̀ за комедіи сегодня вы вздумали разыгрывать?

— Какія комедіи? — сказалъ князь, останавливаясь на минуту.

— А такія... Вы думаете, что васъ трудно понять... — произнесла Елена съ удареніемъ.

— Нисколько не думаю того! — отвѣтилъ князь и ушелъ: письмо, которое Жуквичъ такъ таинственно читалъ Еленѣ поутру передъ его приходомъ, не выходило у него изъ головы.

Что касается сей послѣдней, то надобно было имѣть темпераментъ Елены, чтобы понять, какъ она въ продолженіе всего этого обѣда волновалась и сердилась на князя. Приглашая Жуквича, Елена думала радушно угостить его, интимно побесѣдовать съ нимъ, и вдругъ князь назвалъ всю эту сволочь. Для чего это онъ сдѣлалъ? Чтобъ досадить ей или чтобъ унизить Жуквича?.. Но за что же все это?.. За то, что Жуквичъ имѣетъ извѣстнаго рода убѣжденія, или за то, что онъ полякъ?.. Но князь самъ нѣкоторымъ образомъ претендуетъ на такого рода убѣжденія, презирать же и ненавидѣть человѣка за его происхожденіе отъ враждебнаго, положимъ, намъ племени можетъ только дикарь... Далѣе затѣмъ Елена перешла и къ иному предположенію: очень естественно, что князь, по своей доходящей до невѣроятныхъ предѣловъ подозрительности, ревнуетъ ее къ Жуквичу. «Въ такомъ случаѣ онъ сумасшедшій и невыносимый по характеру человѣкъ!»—воскликнула сама съ собой Елена, сознавая въ душѣ, что она въ помыслахъ даже не виновата передъ княземъ, но въ то же время приносить въ жертву его капризамъ всѣ свои симпатіи и антипатіи къ другимъ людямъ Елена никакъ не хотѣла, а потому рѣшилась, сколько бы ни противодѣйствовалъ князь, что̀ бы онъ ни выдѣлывалъ, сблизиться съ Жуквичемъ, подружиться даже съ нимъ и содѣйствовать его планамъ, которые онъ тутъ будетъ имѣть, а что Жуквичъ, хоть и сосланный, не станетъ сидѣть сложа руки, въ этомъ Елена почти не сомнѣвалась, зная по слухамъ, какого несокрушимаго закала польскіе патріоты.

III.

Баронъ, какъ мы видѣли, былъ очень печаленъ, и грусть его проистекала изъ того, что онъ день ото дня больше и больше видѣлъ въ себѣ человѣка съ окончательно испорченною житейскою карьерою. Гдѣ эта прежняя его дѣятельная, исполненная почти каждогодичнымъ служебнымъ повышеніемъ жизнь? Гдѣ его честолюбивыя мечты и надежды на будущее? Подъ сѣнью благодатнаго крыла Михайлы Борисыча баронъ почти навѣрное разсчитывалъ сдѣлаться со временемъ сановникомъ; но вдругъ колесо фортуны повернулось иначе, и что̀ теперь вышло изъ него? Барону совѣстно даже было самому себѣ отвѣчать на этотъ вопросъ. Сближаясь съ Анной Юрьевной, онъ первоначально никакъ не ожидалъ, что объ этомъ такъ скоро узна̀ется въ обществѣ и что это поставитъ его въ столь щекотливое положеніе. Баронъ судилъ въ семъ случаѣ нѣсколько по Петербургу, гдѣ долгіе годы можно дѣлать что̀ угодно, и никто не будетъ на то обращать вниманія; но Москва оказалась другое дѣло: по выраженіямъ лицъ разныхъ знакомыхъ, посѣщавшихъ Анну Юрьевну, баронъ очень хорошо видѣлъ, что они понимаютъ его отношенія къ ней и втайнѣ подсмѣиваются надъ нимъ. Другое бы дѣло,— разсуждалъ онъ,—если бъ Анна Юрьевна вышла за него замужъ, — тогда бы онъ явился представителемъ ея богатства, ея связей, могъ бы занять мѣсто какого-нибудь попечителя одного изъ благотворительныхъ учрежденій и получать тутъ звѣзды и ленты,—словомъ, занялъ бы извѣстное положеніе. Но Анна Юрьевна всегда только отшучивалась, когда онъ намекалъ ей на замужество. Появленіе Жуквича окончательно напугало барона: недаромъ точно каленымъ желѣзомъ кто ударилъ въ грудь его при первыхъ же словахъ князя объ этомъ господинѣ. Жуквичъ показался барону весьма красивымъ, весьма пронырливымъ и умнымъ, и, вдобавокъ къ тому, Анна Юрьевна, съ замѣтнымъ удовольствіемъ разговаривавшая съ Жуквичемъ на обѣдѣ у князя, поспѣшила сейчасъ же пригласить его къ себѣ на вечеръ. Очень естественно, что она можетъ заинтересоваться Жуквичемъ и пропишетъ барону отставку; въ такомъ случаѣ ему благовиднѣе было самому убраться, тѣмъ болѣе, что баронъ, управляя совершенно безконтрольно имѣніемъ Анны Юрьевны, успѣлъ скопить себѣ тысчонокъ тридцать,—сумма, конечно, не большая, но достаточная для того, чтобы переѣхать въ Петербургъ и выждать тамъ себѣ мѣста. Все это баронъ обдумывалъ весь вечеръ и

всю безсонную ночь, которую провелъ по пріѣздѣ отъ князя, и, чтобы не томить себя долѣе, онъ рѣшился на другой же день переговорить объ этомъ съ Анной Юрьевной и прямо высказать ей, что если она не желаетъ освятить бракомъ ихъ отношеній, то онъ вынужденнымъ находится оставить ее навсегда. Но такое рѣшеніе все-таки было довольно сильное, и баронъ очень затруднялся — съ чего именно начать ему свое объясненіе съ Анной Юрьевной, а потому невольно медлилъ итти къ ней и оставался у себя внизу часовъ до трехъ, такъ что Анна Юрьевна, еще вчера замѣтившая, что баронъ за что-то на нее дуется, обезпокоилась этимъ и нѣсколько разъ спрашивала людей:

— Да что̀ баронъ дѣлаетъ и нейдетъ ко мнѣ?

— У себя сидятъ-съ, — отвѣчали ей тѣ.

Терпѣнье Анны Юрьевны лопнуло: она сама рѣшилась итти къ нему.

Тяжело и неловко спустившись по винтообразной лѣстницѣ внизъ, Анна Юрьевна вошла въ кабинетъ къ барону, гдѣ увидѣла, что онъ, въ халатѣ и съ блѣднымъ отъ безсонницы лицомъ, сидѣлъ на одномъ изъ своихъ дивановъ.

— Ты боленъ?—спросила она, вглядываясь въ него.

— Нѣтъ, не боленъ!—отвѣчалъ баронъ.

— Отчего жъ нейдешь ко мнѣ наверхъ? Ухъ, задохнулась совсѣмъ!—присовокупила Анна Юрьевна, усаживаясь на другомъ диванѣ.

Баронъ нѣкоторое время замѣтно колебался.

— Я все обдумывалъ одно мое предположеніе...—заговорилъ онъ наконецъ серьезнымъ и какимъ-то даже мрачнымъ голосомъ. — Признаюсь, играть при васъ ту роль, которую я игралъ до сихъ поръ, мнѣ становится невыносимо: тому, что я привязанъ къ вамъ по чувству, конечно, никто не повѣритъ.

— Да и вѣрить тому нельзя,—перебила его Анна Юрьевна:— меня *по чувству* въ молодости только и любилъ одинъ мужчина, да и то потому, что дуракъ былъ!

— Вотъ видите!.. Вы сами даже не вѣрите тому!.. — продолжалъ баронъ. —Чѣмъ же я послѣ этого долженъ являться въ глазахъ другихъ людей?.. Какой-то камеліей во фракѣ!

— Ну, что̀ за пустяки, — произнесла Анна Юрьевна, хотя въ душѣ почти сознавала справедливость словъ барона.—Но какъ же помочь тому? — прибавила она.

— Очень просто,—отвѣчалъ баронъ:—я нѣсколько разъ намекалъ вамъ, что положеніе мое будетъ совершенно другое, когда вы... (баронъ пріостановился на нѣкоторое время) когда вы выйдете за меня замужъ и мы обвѣнчаемся.

Анна Юрьевна при этомъ захохотала.

— Quelle absurdité!.. Что̀ еще выдумалъ!..—сказала она.

— Если вы находите, что это абсурдъ съ моей стороны, то я завтра же буду имѣть честь пожелать вамъ всего хорошаго и уѣду въ Петербургъ.

— Oh, folie!..—воскликнула Анна Юрьевна съ испугомъ.— Но я безъ смѣха вообразить себѣ не могу, какъ я, такая толстая, надѣну вѣнчальное платье!

— Вѣнчальное платье можете не надѣвать, мы сдѣлаемъ это очень скромно.

— Наконецъ я прямо тебѣ скажу: j'ai peur du mariage!.. Меня мужъ, пожалуй, бить станетъ: зачѣмъ я, старая хрычовка, замужъ шла!..

— Нѣтъ, я васъ бить не стану! — произнесъ баронъ съ нѣкоторымъ чувствомъ.

— Когда же ты хочешь, чтобъ я вышла за тебя?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—хоть на этой же недѣлѣ.

— Ха-ха-ха! — опять начала смѣяться Анна Юрьевна:— я все не могу представить себѣ невѣстою себя! Бочка сороковая этакая—невѣста!..

Баронъ на это молчалъ: онъ видѣлъ уже, что Анна Юрьевна согласится выйти за него замужъ.

— Потомъ-съ,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного: — женясь на васъ, я окончательно обрубаю для себя всякую иную житейскую карьеру и, покуда вы будете сохранять ко мнѣ ваше милостивое вниманіе, я, безъ сомнѣнія, буду всѣмъ обезпеченъ; но, можетъ-быть, въ одно прекрасное утро... напередъ испрашиваю извиненія въ моемъ предположеніи... въ одно утро, несмотря на то, что я буду мужъ вашъ, вы вздумаете сказать мнѣ: «*убирайтесь вонъ!*»—и я очучусь на голомъ снѣгу, ни съ чѣмъ...

— За что же я скажу тебѣ это?

— Да хоть за то, что вамъ понравится какой-нибудь другой мужчина.

— Вотъ что̀ выдумалъ!.. понравится другой мужчина! Знаю я васъ: vous êtes tous les mêmes mauvais et detestables!

— Не ручайтесь, Анна Юрьевна, не ручайтесь! — сказалъ баронъ опять съ нѣкоторымъ чувствомъ:—ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать, что̀ онъ будетъ завтра!

— А я могу, потому что я стара...

Баронъ пожалъ плечами.

— Не настолько, мнѣ кажется, еще... а потому я просилъ бы васъ обезпечить меня при жизни и хоть небольшую часть вашего состоянія передать мнѣ.

— Да изволь, если ужъ это такъ тебя безпокоитъ! — сказала, слегка усмѣхнувшись, Анна Юрьевна. — Я, пожалуй, когда ты сдѣлаешься моимъ мужемъ, и на остальное мое имѣніе дамъ тебѣ завѣщаніе!.. Что̀ мнѣ какимъ-то родственникамъ моимъ, шелопаямъ, оставлять его.

— Благодарю васъ за это!—произнесъ баронъ и, вставъ со своего мѣста, поцѣловалъ у Анны Юрьевны руку.

— Ахъ, однако, какой ты плутъ! — сказала она ему, погрозя пальцемъ.

— Что̀ дѣлать!..—отвѣчалъ баронъ, улыбаясь:—еще Грибоѣдовъ сказалъ, что «умный человѣкъ не можетъ быть не плутъ».

— Ну да, оправдывайся Грибоѣдовымъ!—произнесла Анна Юрьевна и больше не въ состояніи была шутить: предложеніе барона замѣтно ее встревожило; лицо Анны Юрьевны, какъ бы противъ воли ея, приняло недовольное выраженіе, такъ что баронъ, замѣтивъ это, немножко даже струхнулъ, чтобъ она не передумала своего рѣшенія.

— Но, можетъ-быть, вамъ жаль перемѣнить ваше графство на баронство? — спросилъ онъ ее какъ бы нѣсколько шутя.

— Э, стану я объ этомъ жалѣть! — проговорила Анна Юрьевна почти презрительнымъ тономъ:—жаль мнѣ моей свободы и независимости! — присовокупила она съ легкой досадой.

— Вы нисколько и не утратите ея!—возразилъ баронъ.

— Увидимъ!—отвѣчала, вздохнувъ, Анна Юрьевна и вскорѣ ушла наверхъ въ свой будуаръ, гдѣ продолжала быть задумчивою и какъ бы соображающей что-то такое.

Баронъ, напротивъ, оставшись одинъ, предался самымъ пріятнымъ соображеніямъ: Анна Юрьевна, конечно, передастъ ему при жизни довольно порядочную долю своего состоянія; такимъ образомъ жизнь его устроится никакъ не хуже того, если бы онъ служилъ все это время и, положимъ, дослужился бы даже, что̀ почти невѣроятно, до министровъ; но что̀ же изъ этого? Чтобы долго удержаться на этомъ щекотливомъ и отвѣтственномъ посту, надобно было имѣть или особенно сильныя связи, или какія-нибудь необыкновенныя, геніальныя способности; но у барона, какъ и самъ онъ сознавалъ, не было ни того ни другого; а потому онъ очень хорошо понималъ, что въ концѣ концовъ очутится членомъ государственнаго совѣта, т.-е. станетъ получать весьма ограниченное содержаніе. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ больше бы удовлетворилось его самолюбіе и онъ бы больше стяжалъ въ жизни почестей. «Но

если здраво разсмотрѣть, что̀ такое въ сущности всѣ эти мундиры шитые, кресты, ленты и даже чины?.. Одна только мишура и громкія слова!»—философствовалъ баронъ. Кромѣ того, идя по служебному пути, онъ не скопилъ бы тридцати тысчонокъ, которыя теперь покоились у него въ карманѣ и которыя онъ, продолжая управлять имѣніемъ Анны Юрьевны, надѣялся еще увеличить; не было бы впереди этого огромнаго наслѣдства, которое она обѣщалась завѣщать ему. Конечно, какъ женщина, Анна Юрьевна была не совсѣмъ привлекательна. «Но нельзя же, чтобы въ женѣ соединились всѣ достоинства!»—утѣшалъ себя и въ этомъ случаѣ баронъ.

Часамъ къ восьми вечера богатый домъ Анны Юрьевны былъ почти весь освѣщенъ. Баронъ, франтовато одѣтый, пришелъ изъ своего низа и съ гордымъ, самодовольнымъ видомъ началъ расхаживать по всѣмъ параднымъ комнатамъ. Онъ на этотъ разъ какъ-то болѣе обыкновеннаго строго относился къ проходившимъ взадъ и впередъ лакеямъ, приказывая имъ то лампу поправить, то стереть тутъ и тамъ пыль,—словомъ, замѣтно начиналъ чувствовать себя нѣкоторымъ образомъ хозяиномъ всей этой роскоши.

Вскорѣ пріѣхали князь и Елена. Анна Юрьевна только передъ самымъ ихъ появленіемъ успѣла кончить свой туалетъ и вышла изъ своей уборной. Вслѣдъ за княземъ пріѣхалъ и Жуквичъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! — говорила Анна Юрьевна, пожимая всѣмъ имъ руки.—Пойдемъ однако, князь, со мной на минуту,—мнѣ нужно переговорить съ тобой два-три слова!—присовокупила она и, взявъ князя подъ руку, увела его въ свой будуаръ.

Баронъ догадался, что разговоръ между ними будетъ происходить о предстоящей свадьбѣ, а потому тихими шагами тоже пошелъ за ними. Комнаты въ домѣ Анны Юрьевны были расположены такимъ образомъ: прямо изъ залы большая гостиная, гдѣ остались вдвоемъ Жуквичъ и Елена; затѣмъ малая гостиная, куда войдя, баронъ остановился и сталъ прислушиваться къ начавшемуся въ будуарѣ разговору между княземъ и Анной Юрьевной.

— Ты знаешь,—начала она, какъ только они усѣлись:—я замужъ выхожу.

— Вы?.. Но за кого же?.. — спросилъ князь удивленнымъ голосомъ.

— Конечно, за барона!—отвѣчала Анна Юрьевна.

— Зачѣмъ вамъ это понадобилось?—продолжалъ князь.

— Онъ присталъ; онъ этого требуетъ!

— А, вотъ что̀, — произнесъ князь, почесавъ у себя за ухомъ.

— Говоритъ, что его положеніе въ обществѣ неприлично. И точно что,—самъ согласись,—оно не совсѣмъ ловкое.

— Онъ это положеніе, я думаю, прежде бы долженъ былъ предвидѣть,—замѣтилъ князь.

— Да, но оно сдѣлалось теперь ему невыносимымъ.

Князь сомнительно усмѣхнулся.

— Я хотѣла тебя спросить объ одномъ, — присовокупила Анна Юрьевна: — не золъ ли онъ очень? Можетъ-быть, онъ скрываетъ отъ меня это... Tu le connais de longue date; c'est ton ami.

При этомъ вопросѣ Анны Юрьевны баронъ весь превратился въ слухъ.

— Нѣтъ, не золъ!—отвѣчалъ князь протяжно.

— А что̀ же онъ? — спросила Анна Юрьевна, понявъ, что князь тутъ кое-чего не договариваетъ.

— По-моему, во-первыхъ, онъ пустъ, а потомъ подловатъ немного, — извините, что я такъ выражаюсь! — заключилъ князь.

— Ничего!—отвѣчала Анна Юрьевна.

Баронъ невольно даже отшатнулся отъ драпировки, къ которой приложилъ свое ухо.

— Это еще ничего! — продолжала Анна Юрьевна: — но я боюсь, чтобы онъ капризничать, командовать надо мной не сталъ очень.

— Вы сами ему не поддавайтесь,—возразилъ ей князь.

— Я не поддамся, конечно... Я помню, какъ и тотъ мой мужъ вздумалъ-было на меня кричать, что я долго одѣваюсь на балъ, я взяла да банкой съ духами и пустила ему въ лицо; но все же непріятно имѣть въ домѣ бури, особенно на старости лѣтъ...

— Но отчего баронъ такъ вдругъ вздумалъ требовать вашей руки?.. Отъ ревности, что ли? — спросилъ князь, слегка усмѣхаясь.

— C'est possible!.. je n'en sais rien! — отвѣчала, усмѣхнувшись, Анна Юрьевна:—и требуетъ еще, чтобъ я, выйдя за него, отдала ему часть моего состоянія.

— Состоянія однако требуетъ?.. Не дуракъ, значитъ, онъ.

— Какой дуракъ!.. Онъ очень умный и расчетливый человѣкъ, но это Богъ съ нимъ! Я ему дамъ; а главное, скажи, какъ по нашимъ законамъ: могу я всегда отдѣлаться отъ него?

— Почему же не можете?.. Можете!

— Par consequent tu m'encourages! — заключила Анна Юрьевна.

Князь нѣкоторое время подумалъ.

— Ничего особеннаго не имѣю сказать противъ того,— проговорилъ онъ наконецъ.

Его въ это время, впрочемъ, занимала больше собственная, довольно безпокойная мысль. Ему пришло въ голову, что баронъ могъ уйти куда-нибудь изъ гостиной и оставить Жуквича съ Еленой съ глазу на глазъ, чего князь вовсе не желалъ.

— Итакъ, все?—сказалъ онъ, вставая.

— Все,—отвѣчала Анна Юрьевна.

Баронъ въ эту минуту юркнулъ, но не въ большую гостиную, а черезъ маленькую дверь во внутреннія комнаты. Несмотря на причиненную ему досаду тѣмъ, что̀ тутъ говорилось про него, онъ однако былъ доволенъ, что подслушалъ этотъ разговоръ, изъ котораго узналъ о себѣ мнѣніе князя, а также отчасти и мнѣніе Анны Юрьевны, соображаясь съ которымъ, онъ рѣшился впередъ дѣйствовать съ нею.

Князь недаромъ безпокоился: у Елены съ Жуквичемъ, въ самомъ дѣлѣ, происходилъ весьма интимный разговоръ. Какъ только остались они вдвоемъ въ гостиной, Елена сейчасъ же обратилась къ Жуквичу:

— Вы однако не дочитали мнѣ письма, которое вчера получили.

— Я жъ его привезъ сюда!—отвѣчалъ Жуквичъ и, вынувъ изъ кармана письмо, подалъ его Еленѣ.

Елена принялась читать письмо, а Жуквичъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, съ цѣлью, кажется, наблюдать, чтобы не вошелъ кто нечаянно.

Елена, дочитавъ письмо, измѣнилась даже вся въ лицѣ.

— Это ужасно!—произнесла она.

Жуквичъ молча принялъ отъ нея письмо и положилъ его снова въ карманъ: грусть и почти скорбь отражалась въ глазахъ его.

— Надобно какъ можно скорѣе пособить имъ, — сказала Елена стремительно.

— А чѣмъ?.. — возразилъ ей печальнымъ голосомъ Жуквичъ.—У меня жъ ничего нѣтъ! Все взято и отнято правительствомъ.

— У меня тоже рѣшительно ничего нѣтъ, — подхватила Елена, смотря себѣ на гуттаперчевые браслеты и готовая, кажется, ихъ продать.—Но вотъ чего я не понимаю, — продолжала она: — какимъ образомъ было имъ эмигрировать, не взявъ и не захвативъ съ собой ничего!

— Однимъ нечего было захватить,—отвѣтилъ съ грустною улыбкой Жуквичъ:—другіе жъ не успѣли.

— Въ такомъ случаѣ я лучше бы осталась дома и никуда не пошла.

— Да, но человѣку жить желается, — его жъ инстинктъ влечетъ къ тому; остаться значило—навѣрное быть повѣшену.

— Потомъ еще,—допытывалась Елена:—они жили до сихъ поръ!.. Этому уже лѣтъ пять прошло, какъ они эмигрировали, но отчего они вдругъ всѣ разорились?

— О, тому причина большая есть!..—подхватилъ Жуквичъ:— до послѣдняго времени правительство французское много поддерживало... въ Англіи тоже цѣлыя общества помогали, въ Германіи тоже...

— А теперь, что̀ же, они прекратили эту помощь?

— Теперь прекратили!.. Прусско-австрійская война какъ будто жъ всему міру перевернула голову на изнанку; забыли жъ всякій долгъ, всякую обязанность къ другимъ людямъ; всѣмъ стало до себя только!..

— Ужасно! — повторила еще разъ Елена. — Нельзя ли въ Москвѣ составить подписку въ пользу ихъ?.. Я почти увѣрена, что многіе подпишутся.

— Въ Москвѣ жъ... подписку въ пользу польскихъ эмигрантовъ?.. Что̀ вы, панна Жиглинская! — почти воскликнулъ Жуквичъ.

Елена сама поняла всю несбыточность своего предположенія.

— Въ такомъ случаѣ составьте подписку только между поляками московскими, — тѣ должны отдать все; я хоть полупольска какая-то, но покажу имъ примѣръ: я отдамъ всѣ мои платья, всѣ мои вещи, всѣ мои книги!

— И все это будетъ такая жъ крупица въ морѣ, — произнесъ Жуквичъ.—Вы прочтите: двѣсти семействъ безъ платья, безъ крова, безъ хлѣба!..

У Жуквича при этомъ даже слезы выступили на глазахъ, у Елены тоже онѣ искрились на ея черныхъ зрачкахъ.

— Ну, такъ вотъ что̀! — начала она: — я просто скажу князю, чтобы онъ послалъ имъ денегъ сколько только можетъ!

— О, нѣтъ, нѣтъ!.. — опять воскликнулъ Жуквичъ, кивая отрицательно головой.—Вы жъ не знаете, какой князь заклятый врагъ поляковъ.

— Тутъ дѣло не въ полякахъ, — отвѣчала Елена: — а въ угнетенныхъ, въ несчастныхъ людяхъ. Кромѣ того, я не думаю, чтобъ онъ и противъ поляковъ имѣлъ что-нибудь особенное.

— Противъ же поляковъ онъ имѣетъ!.. Я могу вамъ это доказать ясно, какъ Божій день, изъ его заграничной жизни.

— Пожалуйста, я никогда ничего подобнаго отъ него не слыхала! — проговорила Елена съ замѣтнымъ любопытствомъ.

Жуквичъ нѣкоторое время медлилъ и какъ бы собирался съ мыслями.

— Это было жъ въ Лондонѣ,—началъ онъ, замѣтно приготовляясь къ длинному разсказу.—Я жъ самъ, къ сожалѣнію, былъ виновникомъ тому, что̀ произошло... Былъ митингъ въ пользу поляковъ въ одной тавернѣ... Возстаніе польское тѣмъ временемъ лишь началось... Я только прибылъ изъ Польши и, какъ живой свидѣтель, подъ вліяніемъ неостывшихъ впечатлѣній, сталъ разсказывать о томъ, какъ наши польскія дамы не совсѣмъ, можетъ, вѣжливо относятся къ русскимъ офицерамъ... какъ потомъ были захвачены въ казармахъ солдаты и всѣ уничтожены... Вдругъ князь, который былъ тутъ же, вскакиваетъ... Я передаю жъ вамъ, нисколько не преувеличивая и не прикрашивая это событіе: онъ былъ блѣденъ, какъ листъ бумаги!.. Голосъ его былъ это жъ голосъ звѣря разъяреннаго. «Если жъ, говоритъ, вы такъ поступаете съ нашими, ни въ чемъ не виноватыми солдатами, то клянусь вамъ честью, что я самъ съ перваго жъ изъ васъ сдеру съ живого шкуру!» Всѣхъ такъ же это удивило; друзья князя стали-было его уговаривать, чтобы онъ попросилъ извиненія у всѣхъ; онъ же и слушать не хочетъ и кричитъ: «Пусть, говоритъ, идутъ со мной жъ на дуэль, кто обиженъ мною!..»

Елена слушала Жуквича съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ: она хоть знала нерасположеніе князя къ полякамъ, но все-таки не ожидала, чтобы онъ могъ дойти до подобной дикой выходки.

— Это, можетъ-быть, тогда произошло подъ вліяніемъ какой-нибудь случайной минуты, но теперь, я надѣюсь, этого не повторится,—проговорила она.

— Вы думаете жъ?—спросилъ ее Жуквичъ.

— Совершенно увѣрена въ томъ!—отвѣчала Елена.

— Развѣ жъ красота женская способна такъ измѣнить человѣка?..—сказалъ, пожимая плечами, Жуквичъ.—А я жъ полагаю, что князь мнѣ будетъ даже мстить, что я передалъ вамъ о положеніи моихъ несчастныхъ собратовъ.

— Но чѣмъ онъ можетъ мстить вамъ?.. Не доносъ же онъ на васъ сдѣлаетъ, — возразила ему Елена, уже обидѣвшись за князя.

Разговоръ ихъ при этомъ долженъ былъ прекратиться, потому что въ гостиную вошли Анна Юрьевна и князь. Сей по-

слѣдній, какъ только взглянулъ на Елену, такъ сейчасъ догадался, что между нею и Жуквичемъ происходила весьма одушевленная и замѣтно взволновавшая ихъ обоихъ бесѣда. Такое открытіе, разумѣется, не могло быть ему пріятнымъ и придало ему тревожный и обезпокоенный видъ. Анна Юрьевна тоже явилась какая-то все еще разстроенная, да и баронъ, вскорѣ пришедшій, никакъ не могъ скрыть непріязни, которая родилась у него противъ князя за его отзывъ о немъ. Вечеръ, вслѣдствіе всего этого, началъ тянуться весьма неодушевленно, и даже превосходнѣйшимъ образомъ приготовленное мороженое никого не развлекло: хозяева и гости очень были рады, когда приличіе позволило симъ послѣднимъ двинуться по домамъ.

Князя до того мучила замѣчаемая имъ интимность между Еленой и Жуквичемъ, что онъ, ѣдучи въ каретѣ съ нею, не утерпѣлъ и сказалъ ей:

— Когда я вчера возвратился домой поутру и входилъ въ гостиную, то, конечно, видѣлъ въ зеркало, что Жуквичъ вамъ читалъ какое-то письмо.

— Да, читалъ!—отвѣчала Елена, нисколько не смутившись.

— Но отъ кого же это письмо и какого рода? — спросилъ князь.

— Объ этомъ много говорить надобно, а я сегодня слишкомъ утомлена для того.

— Но вы однако мнѣ скажете это?

— Непремѣнно,—отвѣчала Елена.

У князя точно камень спалъ съ души.

— А когда именно скажете?—присовокупилъ онъ.

— Завтра, вѣроятно!—отвѣчала Елена.

Она хотѣла прежде обдумать хорошенько, съ чего ей начать и какъ лучше подѣйствовать на князя, который, со своей стороны, убѣдясь, что между Еленой и Жуквичемъ начались не сердечныя отношенія, а, вѣроятно, какія-нибудь политическія, предположилъ по этому поводу поговорить съ Еленой серьезно.

IV.

На другой день князь Григоровъ совершенно неожиданно получилъ письмо съ заграничнымъ штемпелемъ. Адресъ былъ написанъ незнакомой ему рукою. Какъ бы заранѣе предчувствуя что-то недоброе, князь съ нѣкоторымъ страхомъ распечаталъ это письмо и прочелъ его. Оно было отъ г-жи Петицкой и нѣсколько загадочнаго содержанія. «Извините,

князь,—писала она:—что я безпокою васъ, но счастіе и спокойствіе вашей супруги заставляютъ меня это дѣлать. Извѣстный вамъ человѣкъ, который преслѣдуетъ княгиню всюду за границей, позволяетъ себѣ то, чего я вообразить себѣ никогда не могла: онъ каждодневно бываетъ у насъ и иногда въ весьма непривлекательномъ, пьяномъ видѣ; каждоминутно говоритъ княгинѣ колкости и дерзости; она при немъ не знаетъ какъ себя держать. Я нѣсколько разъ умоляла ее сбросить съ себя эту ужасную ферулу, но она, какъ бы очарованная чарами этого демона, слышать объ этомъ не хочетъ и совершенно убѣждена, что онъ тѣмъ только существуетъ на свѣтѣ, что можетъ видѣть ее. Вашъ совѣтъ и ваше слово, я увѣрена въ томъ, могущественнѣе всего подѣйствуетъ на княгиню. Она до сихъ поръ сохранила еще къ вамъ самое глубокое уваженіе и самую искреннюю признательность; а ваша доброта, конечно, подскажетъ вамъ не оставлять совершенно въ безпомощномъ состояніи бѣдной жертвы въ рукахъ тирана, тѣмъ болѣе, что здоровье княгини таетъ съ каждымъ днемъ, и я даже опасаюсь за ея жизнь».

Письмо это очень встревожило князя. Онъ порывисто и сильно позвонилъ.

Вбѣжалъ лакей.

— Позови сюда скорѣе Елену Николаевну!—сказалъ князь, забывъ совершенно, что такое безпокойство его о женѣ можетъ не понравиться Еленѣ, и что она въ этомъ случаѣ будетъ ему плохая совѣтница.

Елена, когда ее позвали къ князю, непремѣнно полагала, что онъ будетъ говорить съ нею о Жуквичѣ, а потому, со своей стороны, вошла къ нему въ кабинетъ тоже въ несовсѣмъ спокойномъ состояніи, но, впрочемъ, съ рѣшительнымъ и смѣлымъ видомъ.

— Посмотри, что̀ мнѣ пишутъ изъ-за границы! — сказалъ князь, подавая Еленѣ письмо Петицкой.

Елена поспѣшила прочесть его.

— Что̀ же изъ этого?—спросила она совершенно равнодушнымъ голосомъ князя.

— Ничего изъ этого! — отвѣчалъ онъ: — только господинъ этотъ можетъ уморить княгиню,—больше ничего!

— Это очень бы, конечно, было жаль!—сказала Елена протяжно и, будучи совершенно убѣждена, что Петицкая отъ перваго до послѣдняго слова налгала все, она присовокупила:— Изъ этого письма я вовсе не вижу такой близкой опасности, особенно если принять въ расчетъ, кѣмъ оно писано.

— Оно писано женщиной, очень хорошо знающей настоящую жизнь Миклакова и княгини,—отвѣчалъ князь.

— Но ты забылъ, что эта женщина — врунья, сплетница, завистница!—возразила ему Елена.

— Все это, можетъ-быть, справедливо!—согласился князь:— но тутъ-то она не имѣетъ никакой цѣли ни лгать ни выдумывать.

— Цѣль ея, вѣроятно, заключается въ ея гадкой и скверной натуришкѣ, жаждущей дѣлать гадости и подлости на каждомъ шагу!

— Что Миклаковъ золъ, желченъ и пьяница,—это я знаю и безъ г-жи Петицкой!..—возразилъ князь.

— И я тоже это знаю,—подтвердила Елена:—но въ то же время убѣждена, что, при всѣхъ своихъ дурныхъ качествахъ, онъ не станетъ никакой въ мірѣ женщины мучить и оскорблять.

— Это только твои предположенія, которыя надобно еще доказать.

— Доказать это, по-моему, очень нетрудно, — отвѣчала, подумавъ, Елена. — Пошли за Жуквичемъ и разспроси его: онъ очень еще недавно, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, каждодневно видѣлся съ княгиней и съ Миклаковымъ, и я даже спрашивала у него, хорошо ли все у нихъ идетъ?

— Что̀ же онъ тебѣ сказалъ на это?—перебилъ ее стремительно князь.

— Сказалъ, что все у нихъ мирно.

— Что̀ еще потомъ онъ тебѣ говорилъ объ этомъ?

— Да я не разспрашивала его особенно много... Пошли, я тебѣ говорю, за нимъ и самъ разспроси его.

Князь размышлялъ нѣкоторое время.

— Тутъ одно неудобство — совершенно посторонняго человѣка посвящать въ подобныя интимныя вещи... — проговорилъ онъ.

— Какія же это интимныя вещи, о которыхъ всѣ, я думаю, знаютъ,—возразила Елена.

Князь еще однако подумалъ немного; потомъ, видно, рѣшившись, довольно сильно позвонилъ. Явился лакей.

— Поди къ господину Жуквичу,—началъ онъ приказывать лакею и при этомъ назвалъ улицу и гостиницу, гдѣ жилъ Жуквичъ:—и попроси его пожаловать ко мнѣ, такъ какъ мнѣ нужно его видѣть по весьма важному дѣлу.

У Елены въ продолженіе этого разговора все больше и больше начинало появляться въ лицѣ грустно-насмѣшливое выраженіе. Участіе князя къ женѣ и на этотъ разъ болѣзненно кольнуло ее въ сердце: какъ она ни старалась это скрыть, но не могла совладать съ собой и проговорила:

— Я еще тогда, какъ княгиня взяла только Петицкую съ

собою за границу, говорила, что та будетъ ссорить ее съ Миклаковымъ, и даже предсказывала, что княгиня, вслѣдствіе этого, опять вернется къ тебѣ.

Князь на это промолчалъ.

— Ты тогда увѣрялъ, — продолжала Елена: — что это нисколько не будетъ до тебя касаться, но я говорила, что это неправда, и что это будетъ до тебя касаться, — оказалось, что и въ этомъ я не ошиблась.

Князь и на это ни слова не сказалъ. Елена тоже не стала развивать далѣе своей мысли, не желая очень раздражать князя, такъ какъ предполагала, не откладывая времени, начать съ нимъ разговоръ по поводу своего желанія помочь польскимъ эмигрантамъ.

Жуквичъ не замедлилъ явиться.

Князь встрѣтилъ его самымъ дружественнымъ образомъ.

— Садитесь, пожалуйста!—говорилъ онъ, подвигая ему стулъ.

Жуквичъ принялъ всю эту любезность князя съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и кидаемыми на Елену бѣглыми взглядами какъ бы спрашивалъ ее, что̀ это значитъ.

Князь, впрочемъ, самъ вскорѣ разрѣшилъ его сомнѣнія.

— У меня просьба къ вамъ есть... — началъ онъ, и лицо его мгновенно покрылось румянцемъ.—Вы, можетъ-быть, слышали... что я... собственно... въ разводѣ съ женой, и что она даже... уѣхала за границу съ однимъ господиномъ. И вдругъ теперь я... получаю изъ Парижа, куда они переѣхали, письмо... которымъ... увѣдомляютъ меня, что княгиня до такой степени несчастлива по милости этого человѣка, что въ конецъ даже разстроила свое здоровье... Вы видѣли отчасти ихъ жизнь: скажите, правда это или нѣтъ?

На вопросъ этотъ Жуквичъ довольно продолжительное время медлилъ отвѣтомъ: онъ, видимо, соображалъ, въ какомъ тонѣ ему говорить, и Елена, замѣтившая это, поспѣшила ему помочь.

— Вы замѣтьте, что князю объ этомъ пишетъ госпожа Петицкая,—сказала она.

— А, госпожа Петицкая!..—повторилъ съ улыбкою Жуквичъ.

— Но вотъ вы мнѣ говорили, что напротивъ—между княгиней и Миклаковымъ все хорошо идетъ,—продолжала Елена.

— О, да!.. Совершенно жъ хорошо!—подхватилъ Жуквичъ полнымъ уже голосомъ.

— И какъ на видъ княгиня—весела?.. здорова?.. покойна?—вмѣшался въ ихъ разговоръ князь.

— По-моему жъ весела и здорова,—подтвердилъ, пожимая плечами, Жуквичъ.

— Я и не понимаю послѣ этого ничего!.. — произнесъ князь.—А вотъ еще одинъ вопросъ,—присовокупилъ онъ, помолчавъ немного. — Я буду съ вами говорить вполнѣ откровенно: Миклаковъ этотъ—человѣкъ очень умный, очень честный; но онъ въ жизни перенесъ много неудачъ и потому, кажется, имѣетъ несчастную привычку къ вину... Какъ онъ теперь—предается этому или нѣтъ?

— О, да нѣтъ же!.. Нисколько!..—воскликнулъ Жуквичъ.

— Но, можетъ-быть, этого не было въ Германіи, а возобновилось въ Парижѣ.

— Я жъ того не знаю, — отвѣчалъ Жуквичъ, опять пожимая плечами и какъ бы начиная скучать такими разспросами.

Еленѣ тоже они замѣтно не нравились.

— Чѣмъ тебѣ обижать заранѣе человѣка такими предположеніями, ты лучше напиши къ кому-нибудь изъ твоихъ знакомыхъ въ Парижѣ,—пусть они провѣрятъ на мѣстѣ письмо госпожи Петицкой,—сказала она.

— У меня въ Парижѣ рѣшительно никого нѣтъ знакомыхъ,—возразилъ ей князь.

При послѣднихъ словахъ князя лицо Жуквича приняло какое-то соображающее выраженіе.

— У меня жъ много въ Парижѣ знакомыхъ. Не поручите ли вы мнѣ это дѣло исполнить?—произнесъ онъ.

— Но какимъ образомъ ваши знакомые могутъ провѣрить это?—спросилъ его князь.

— Очень просто жъ это! Я съ мѣсяцъ лишь рекомендовалъ черезъ письмо одного моего знакомаго княгинѣ и Миклакову. Онъ былъ ими очень обласканъ и бываетъ у нихъ часто,—чего жъ удобнѣе, какъ не ему наблюсти надъ всѣмъ? Я ему жъ телеграфирую о томъ, и онъ мнѣ телеграфируетъ...

— Это значитъ—еще третьяго человѣка посвящать въ эту тайну!—проговорилъ князь, относясь больше къ Еленѣ.

— Да не вы жъ его будете посвящать, а я!—подхватилъ Жуквичъ.

— Но вамъ-то съ какой стати посвящать его въ это и заботиться о княгинѣ?

Жуквичъ при этомъ грустно усмѣхнулся и склонилъ свою голову.

— Мы жъ, поляки, часто, по нашему политическому положенію, интересуемся и спрашиваемъ другъ друга о самыхъ, казалось бы, ненужныхъ и постороннихъ намъ людяхъ и вещахъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ не откажите и сдѣлайте мнѣ это одолженіе!—проговорилъ князь и вмѣстѣ съ тѣмъ протянулъ Жуквичу руку.

— О, съ великимъ удовольствіемъ!—воскликнулъ тотъ, замѣтно обрадованный просьбой князя, и, принимая его руку въ обѣ свои руки, крѣпко пожалъ ее.

— Но ты самъ потомъ долженъ будешь заплатить господину Жуквичу какимъ-нибудь одолженіемъ,—пошутила князю Елена.

— Если только это будетъ въ моей возможности,—отвѣчалъ онъ ей серьезно.

— Мнѣ, вѣроятно жъ, будетъ заплачено больше, чѣмъ я стòю того!.. Вѣроятно!..—подхватилъ Жуквичъ шутливымъ тономъ. Затѣмъ онъ вскорѣ сталъ прощаться, говоря, что сейчасъ идетъ отправлять телеграмму.

Князь еще разъ искренно поблагодарилъ его; когда наконецъ Жуквичъ совсѣмъ пошелъ, то Елена вдругъ быстро поднялась со своего мѣста и, побѣжавъ вслѣдъ за нимъ, нагнала его въ передней.

— Послушайте,—начала она торопливо, но тихо:—въ самомъ дѣлѣ у Миклакова съ княгиней мирно идетъ?

Жуквичъ въ отвѣтъ на это только пожалъ плечами.

— И княгиня дѣйствительно весела?—продолжала Елена.

— Ну, не очень... особенно по временамъ,—произнесъ наконецъ Жуквичъ.

— А Миклаковъ не кутитъ никогда?

— И того жъ нельзя сказать утвердительно. Я видалъ его иногда въ очень bon courage!

— Но все-таки, какъ вы полагаете, во всемъ этомъ ничего нѣтъ особенно серьезнаго?—говорила Елена.

— Серьезнаго жъ нѣтъ ничего! — подтвердилъ Жуквичъ, очень хорошо понявшій, что Елена желаетъ, чтобы ничего серьезнаго не было.

— Я васъ потому спрашиваю,—продолжала она: — что вы посмотрите, какъ это взволновало и встревожило князя; но чтò будетъ съ нимъ, если это еще правда окажется!

— Да, къ крайнему жъ моему удивленію, я вижу, что онъ очень встревоженъ,—произнесъ неторопливо Жуквичъ.

— Ужасъ чтò такое!.. Ужасъ!—подхватила Елена.—И каково мое положеніе въ этомъ случаѣ: онъ волнуется, страдаетъ о другой; а я мало что обречена все это выслушивать, но еще должна успокаивать его.

Жуквичъ на это грустно только склонилъ голову и хотѣлъ было что-то такое сказать, но пріостановился, такъ какъ въ это время въ залѣ послышались тяжелые шаги. Елена тоже прислушалась къ этимъ шагамъ и, очень хорошо узнавъ по нимъ походку князя, громко проговорила:

— Прощайте, панъ Жуквичъ.

— Прощайте, панна Жиглинская!—отвѣчалъ онъ, въ свою очередь угадавъ ея намѣреніе.

Князь, въ самомъ дѣлѣ, вышелъ изъ кабинета посмотрѣть, гдѣ Елена, и, ожидая, что она разговариваетъ съ Жуквичемъ, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, по выраженію лица ея угадать, о чемъ именно.

На другой же день къ вечеру Жуквичъ прислалъ со своимъ человѣкомъ къ князю полученную имъ изъ Парижа отвѣтную телеграмму, которую Жуквичъ даже не распечаталъ самъ. Лакей его, бравый собою малый, съ длинными усищами, съ глазами на выкатѣ и тоже, должно-быть, полякъ, никакъ не хотѣлъ телеграммы этой отдать въ руки людямъ князя и требовалъ, чтобы его допустили до самого пана. Тѣ провели его въ кабинетъ къ князю, гдѣ въ то время сидѣла и Елена.

— Телеграмма, ясновельможный панъ!—крикнулъ полякъ и, почти маршемъ подойдя къ князю, подалъ ему телеграмму, а потомъ, тѣмъ же маршемъ отступя назадъ, сталъ въ дверяхъ.

Князь сначала самъ прочелъ телеграмму и затѣмъ передалъ ее Еленѣ, которая, пробѣжавъ ее, улыбнулась.

Телеграмма гласила нижеслѣдующее: «Я бываю у княгини Григоровой и ничего подобнаго твоимъ подозрѣніямъ не видалъ. Миклаковъ, по обыкновенію, остритъ и недавно сказалъ, что французы исполнены абстрактнаго либерализма, а поляки—абстрактнаго патріотизма; но первые не успѣли выработать у себя никакой свободы, а вторые не устроили себѣ никакого отечества. Княгиня же совершенно здорова и очень смѣялась при этомъ».

— Вотъ видишь, я тебѣ говорила, что все это вздоръ!—произнесла Елена.

— Я очень радъ, конечно, тому, если только это правда!—сказалъ князь.—Ну, теперь, любезный, ты можешь итти,—отнесся онъ къ лакею.—Кланяйся господину Жуквичу и поблагодари его отъ меня; а тебѣ вотъ на водку!

И съ этими словами князь протянулъ лакею руку съ пятирублевой бумажкой. Тотъ, въ удивленіи отъ такой большой награды, еще болѣе выпучилъ свои на выкатѣ глаза.

— Много милостивы, ясновельможный панъ!—опять крикнулъ онъ и, повернувшись послѣ того по-солдатски, налѣво кругомъ, ушелъ. Хлопецъ сей, видно, еще издавна и заранѣе намуштрованъ былъ, какъ держать себя передъ русскими.

Елена видѣла, что полученная телеграмма очень успокоила князя, а потому, полагая, что онъ долженъ былъ почувство-

вать нѣкоторую благодарность къ Жуквичу хоть и за маленькую, но все-таки услугу со стороны того, сочла настоящую минуту весьма удобною начать разговоръ съ княземъ объ интересующемъ ее предметѣ.

Для большаго успѣха въ своемъ предпріятіи Елена, несмотря на прирожденныя ей откровенность и искренность, рѣшилась употребить нѣкоторыя обольщающія средства: цѣль, къ которой она стремилась, казалась ей такъ велика, что она считала позволительнымъ употребить для достиженія ея не совсѣмъ, можетъ-быть, прямые пути, а именно: Елена сходила въ дѣтскую и, взявъ тамъ на руки маленькаго своего сына, возвратилась съ нимъ снова въ кабинетъ князя, усѣлась на диванѣ и начала съ ребенкомъ играть, — положеніе, въ которомъ князь, по преимуществу, любилъ ее видѣть. Она стала своему Колѣ дѣлать буки, и когда Елена подносила свою руку къ горлышку ребенка, онъ сейчасъ принимался хохотать, визжать. Потомъ, когда она отводила свою руку, Коля только исподлобья посматривалъ на это; но Елена вдругъ снова обращала руку къ нему, и мальчикъ снова принимался визжать и хохотать; наконецъ до того наигрался и насмѣялся, что утомился и, прильнувъ головой къ груди матери, закрылъ глазки; тогда Елена начала его потихоньку качать на колѣняхъ и негромкимъ голосомъ напѣвать: «баю, баюшки, баю!». Ребенокъ вскорѣ совсѣмъ заснулъ. Елена, накрывъ сына легкимъ шарфомъ, который былъ на ней, не переставала его слегка укачивать. Князь съ полнымъ восторгомъ и умиленіемъ глядѣлъ на всю эту сцену; лицо же Елены, напротивъ, продолжало оставаться оттѣненнымъ серьезной мыслью.

— У меня, Гриша, будетъ къ тебѣ просьба, — начала она наконецъ.

— Ко мнѣ?—спросилъ князь.

— Да!.. Вотъ въ чемъ дѣло: я, какъ ты самъ часто совершенно справедливо говорилъ, все-таки по происхожденію моему полячка... Отецъ мой, что̀ бы тамъ про него ни говорили, былъ человѣкъ не дурной и, по-своему, образованный. Онъ, еще въ дѣтствѣ моемъ, очень много мнѣ разсказывалъ изъ исторіи Польши и изъ частной жизни поляковъ, объ ихъ революціяхъ, ихъ герояхъ въ эти революціи. Все это неизгладимыми чертами запечатлѣлось въ моей памяти; но обстоятельства жизни моей и совершенно другіе интересы отвлекли меня, конечно, очень много отъ этихъ воспоминаній; вдругъ теперь этотъ Жуквичъ, къ которому ты, кажется, немного уже меня ревнуешь, прочелъ мнѣ на-дняхъ письмо о несчастныхъ заграничныхъ польскихъ эмигрантахъ, которые мало что

бѣдны, но мрутъ съ голоду,—поймы ты, Гриша, мрутъ съ голоду,—тогда какъ я, землячка ихъ, утопаю въ довольствѣ... Мнѣ просто сдѣлалось гадко и постыдно мое положеніе, и я не въ состояніи буду переносить его, если только ты... у меня въ этомъ случаѣ, ты самъ знаешь, нѣтъ ни на кого надежды, кромѣ тебя... если ты не поможешь имъ...

Елена остановилась на минуту.

Князь молчалъ и только съ каждымъ словомъ ея все тяжелѣе и тяжелѣе сталъ переводить дыханіе.

— Ты не давай лучше мнѣ ничего, давай какъ можно меньше матери моей денегъ, которой я рѣшительно не знаю, зачѣмъ ты столько даешь,—продолжала Елена, замѣтивъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, которое произвела ея просьба на князя:—но только въ этомъ случаѣ не откажи мнѣ. Ихъ, пишутъ, двѣсти семействъ; чтобъ они не умерли съ голоду и просуществовали мѣсяца два или три, покуда найдутъ себѣ какую-нибудь работу, нужно, по крайней мѣрѣ, франковъ триста на каждое семейство,—всего выйдетъ шестьдесятъ тысячъ франковъ, то-есть какихъ-нибудь тысячъ пятнадцать серебромъ на наши деньги. Пошли имъ эту сумму, и ты этимъ воздвигнешь незыблемый себѣ памятникъ въ ихъ сердцахъ...

Проговоря это, Елена замолчала.

Молчалъ попрежнему и князь нѣкоторое время; но гнѣвъ очень замѣтно яркимъ и мрачнымъ блескомъ горѣлъ въ его глазахъ.

— Я предчувствовалъ, что это будетъ! — проговорилъ онъ, какъ бы больше самъ съ собой.—Нѣтъ, я не дамъ польскимъ эмигрантамъ ничего уже болѣе! — присовокупилъ онъ затѣмъ, обращаясь къ Еленѣ.

Тогда красивыя черты лица Елены, въ свою очередь, тоже исказились гнѣвомъ.

— Отчего это?—едва достало у ней силы выговорить.

— Оттого, что я довольно имъ давалъ и документъ даже насчетъ этого нарочно сохранилъ,—проговорилъ князь и, проворно вставъ со своего мѣста, вынулъ изъ бюро пачку писемъ, взялъ одно изъ нихъ и развернулъ передъ глазами Елены.—На, прочти!..—присовокупилъ онъ, показывая на двѣ, на три строчки письма, въ которыхъ говорилось: «Вы, мой милый князь, рѣшительно нашъ второй Походяшевъ: вы такъ же нечаянно, какъ и онъ, подошли и шепнули, что отдаете въ пользу несчастныхъ польскихъ выходцевъ 400 тысячъ франковъ. Виватъ вамъ!»

— Но когда же это было? — спросила Елена, удивленная этимъ открытіемъ.

— Это было, когда я жилъ за границей, и за мое доброе дѣло господа, про которыхъ ты говоришь, что я незыблемый памятникъ могу соорудить себѣ въ сердцахъ ихъ, только что не палками выгнали меня изъ своего общества.

— Да, это я знаю. Но ты самъ подалъ поводъ къ тому,— возразила Елена.

— Чѣмъ?.. Чѣмъ? — воскликнулъ князь, забывъ даже, что тутъ спалъ ребенокъ.

— Тѣмъ, что хотѣлъ какъ-то драть со всѣхъ кожу!

— А!.. тебѣ ужъ и про то доложено!—произнесъ князь.— Ну, такъ узнай ты теперь и отъ меня: это слово мое было плодомъ долгаго терпѣнія... Эти люди, забывъ, что я ихъ облагодѣтельствовалъ, на каждомъ шагу послѣ того бранили при мнѣ русскихъ, говорили, что всѣ мы — идіоты, татары, способные составлять только *быдло*, и наконецъ стали съ восторгомъ разсказывать, какъ они плюютъ нашимъ офицерамъ въ лицо, душатъ въ постеляхъ безоружныхъ нашихъ солдатъ. Скажи мнѣ: самому ярому члену конвента, который, можетъ-быть, снялъ головы на гильотинѣ съ нѣсколькихъ тысячъ французовъ, смѣлъ ли кто-нибудь сказать, что весь французскій народъ дрянь?..

— Поляки, по-твоему,—возразила съ саркастическимъ смѣхомъ Елена: — могутъ и должны любить русскихъ и считать васъ народомъ добрымъ и великодушнымъ.

— Они могутъ насъ ненавидѣть и считать чѣмъ имъ угодно, но при мнѣ они не должны были говорить того!.. — проговорилъ князь.

— Ты поэтому твое чисто-личное оскорбленіе, — продолжала Елена тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ: — ставишь превыше возможности не дать умереть съ голоду сотнямъ людей!.. Послѣ этого ты, въ самомъ дѣлѣ, какой-то пустой и ничтожный человѣкъ!—заключила она какъ бы въ удивленіи.

— Къ этому имени я давно уже привыкъ. Ты не въ первый разъ меня имъ честишь,—сказалъ князь, едва сдерживая себя.

— Но я тогда еще говорила подъ вліяніемъ ревности, а потому была, быть-можетъ, не совсѣмъ права; но теперь я хочу сорвать съ тебя маску и спросить, что ты за человѣкъ?

При этихъ словахъ Елены ребенокъ, спавшій у ней на колѣняхъ, проснулся и заплакалъ.

— Няня, поди возьми его у меня!—крикнула она стоявшей въ залѣ нянѣ и ожидавшей, когда ей отдадутъ барчика.

Та вбѣжала. Елена почти бросила ей на руки ребенка; тотъ еще больше заплакалъ и сталъ тянуться въ матери, крича: «мама, мама!».

— Унеси его туда!—крикнула она снова.

Няня поспѣшно унесла ребенка.

— Я тебя рѣшительно спрашиваю, — продолжала Елена, обращая свои гнѣвные взгляды на князя:—и требую сказать мнѣ, что̀ ты за человѣкъ?

— Ну, это, кажется, не тебѣ судить, что̀ я за человѣкъ!— произнесъ князь, не менѣе ея взбѣшенный: — и хоть ты говоришь, что я притворный соціалистъ и демократъ, но въ этомъ совѣсть моя чиста: я сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ всѣ твои другіе безштатные новаторы.

— Но что̀ ты такое сдѣлалъ?.. что̀?.. скажи!..—не унималась Елена.

— А вотъ что̀ я сдѣлалъ! — сказалъ сурово князь: — хоть про себя говорить нельзя, но есть оскорбленія и униженія, которыя заставляютъ человѣка забывать все... Я родился на свѣтъ, облагодѣтельствованный настоящимъ порядкомъ вещей, но я изъ этого порядка не извлекъ для себя никакой личной выгоды: я не служилъ, я крестовъ и чиновъ никакихъ отъ правительства не получалъ, состоянія себѣ не скапливалъ, а напротивъ — дѣлилъ его и буду еще дѣлить между многими, какъ умѣю; семейное гнѣздо мое разрушилъ и, какъ ни тяжело мнѣ это было, сгубилъ и извратилъ судьбу добрѣйшей и преданнѣйшей мнѣ женщины... Но чтобы космополитомъ окончательнымъ сдѣлаться и восторгаться тѣмъ, какъ разные западные господа придутъ и будутъ душить и губить мое отечество, это... извините!.. Я, не стыдясь и не скрываясь, говорю: я — русскій человѣкъ съ головы до ногъ, и никто не смѣй во мнѣ тронуть этого чувства моего: я его не принесу въ жертву ни для какихъ высшихъ благъ человѣчества!

Послѣднія слова князь произнесъ съ такимъ твердымъ и грознымъ одушевленіемъ, что Елена почти стала терять надежду переспорить его.

— Наконецъ ты сама полячка, однако не ставишь себѣ этого въ обвиненіе!—заключилъ князь.

— Но я настолько полячка, — пойми ты, — насколько поляки угнетенный народъ, а на сторонѣ угнетенныхъ я всегда была и буду!—возразила Елена.

— Нѣтъ, больше, больше!.. — возразилъ ей, съ своей стороны горячась, князь:—ты полячка по крови такъ же, какъ и я русскій человѣкъ по крови; въ тебѣ, можетъ-быть, течетъ кровь какого-нибудь польскаго пана, сражавшагося на смерть съ какимъ-нибудь изъ моихъ предковъ, княземъ Григоровымъ. Такія стычки и встрѣчи въ жизни не пропадаютъ потомъ въ потомствѣ безслѣдно!

— Ну да, какъ же, аристократическіе принципы... безъ нихъ мы шагу не можемъ сдѣлать!—разсмѣялась злобно Елена и, отвернувшись отъ князя, стала глядѣть въ уголъ печи. На глазахъ ея искрились даже слезы отъ гнѣва.

У Елены оставался еще одинъ мотивъ для убѣжденія князя, который она не хотѣла-было высказывать ему по самолюбію своему, говорившему ей, что князь самъ долженъ былъ это знать и чувствовать въ себѣ; какъ бы то ни было однако, Елена рѣшилась на этотъ разъ отложить въ сторону всякую гордость.

— Хоть тебѣ и тяжело оказать помощь полякамъ, что̀ я отчасти понимаю,—начала она: — но ты долженъ пересилить себя и сдѣлать это для меня, изъ любви своей ко мнѣ, и я въ этомъ случаѣ прямо ставлю испытаніе твоему чувству ко мнѣ: признаешь ты въ немъ силу и вліяніе надъ собой—я буду вѣрить ему; а нѣтъ—такъ ты и не говори мнѣ больше о немъ.

— Даже изъ любви къ тебѣ не могу этого сдѣлать,—отвѣчалъ князь.

— Даже!.. Ну, смотри, не раскайся послѣ!.. — произнесла Елена и, понимая, что убѣждать князя долѣе и даже угрожать ему было совершенно безполезно, она встала и ушла изъ кабинета.

Вся ея походка при этомъ, всѣ движенія были движеніями разсвирѣпѣвшей тигрицы: темпераментъ матери какъ бы невольно высказался въ эти минуты въ Еленѣ. Князь тоже остался подъ вліяніемъ сильнаго гнѣва. Онъ твердо былъ увѣренъ, что Елену поддулъ и настроилъ Жуквичъ, и не для того, чтобы добыть черезъ нее денегъ своимъ собратьямъ, а просто положить ихъ себѣ въ карманъ, благо въ Россіи много дураковъ, которые вѣрили его словамъ. Чтобы спасти себя на дальнѣйшее время отъ подобнаго господина, князь тутъ же написалъ и отправилъ къ нему не совсѣмъ ласковаго свойства письмецо: «Милостивый государь! Такъ какъ вы, несмотря на короткое время появленія вашего въ моемъ домѣ, успѣли устроить въ немъ интригу, послѣдствіемъ которой я имѣлъ весьма непріятное для меня объясненіе съ Еленой Николаевной, то, чтобы не дать вамъ возможности приготовлять мнѣ сюрпризы такого рода, я прошу васъ не посѣщать больше моего дома; въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду поступить съ вами весьма негостепріимно».

Елена между тѣмъ прошла въ свою комнату и сѣла тамъ; гнѣвныя и серьезныя мысли, точно облако зловѣщее, осѣнили ея молодое чело. Часа два, по крайней мѣрѣ, она пробыла

почти въ неподвижномъ положеніи; вдругъ къ ней вошла ея горничная.

— Барышня,—начала она негромкимъ голосомъ:—человѣкъ вонъ этого Жуквича пришелъ къ вамъ и принесъ записочку.

— Ну, такъ давай ее мнѣ скорѣе! — сказала Елена стремительно.

Горничная подала ей записочку.

— Лакей-то не отдавалъ-было, просилъ, чтобъ я къ вамъ его провела. «Куда, я говорю, тебѣ, лупоглазому чорту, итти къ барышнѣ!.. Дай записочку-то... Я не съѣмъ ея!»

Жуквичъ писалъ Еленѣ: «Я получилъ отъ князя очень грубый отказъ отъ дому: что̀ такое у васъ произошло?.. Я, впрочемъ, вамъ напередъ предсказывалъ, что откровенность съ княземъ ни къ чему не можетъ повести доброму. Буду ли я когда-нибудь и гдѣ именно имѣть счастіе встрѣтиться съ вами?»

— Человѣкъ еще не ушелъ? — спросила Елена горничную.

— Нѣтъ еще-съ!—отвѣчала та: — дожидается отвѣта: баринъ, говоритъ, такъ приказалъ!

Елена написала очень коротко:

«Князь можетъ, сколько ему угодно, отказывать вамъ отъ дому, но видѣться съ вами мы будемъ; я сама буду ѣздить къ вамъ и проводить у васъ, если вы хотите, цѣлые вечера!»

Къ прежнему выраженію лица Елены прибавилась какая-то необыкновенная рѣшительность и какъ бы насмѣшливость надъ своей судьбой и своимъ собственнымъ положеніемъ.

V.

Николя Оглоблинъ просыпался не ранѣе, какъ въ часъ пополудни. Въ одно утро, когда онъ еще валялся и нѣжился въ своей постели, къ нему вошелъ его камердинеръ Севастьянъ.

— Вставайте-съ!.. Дама васъ тамъ какая-то спрашиваетъ,— сказалъ онъ почти строго барину.

— Какая дама? — спросилъ Николя съ небольшимъ удивленіемъ, но не безъ удовольствія:—а хорошенькая?—прибавилъ онъ съ лукавствомъ.

— Да-съ, красивая, очень даже!.. — отвѣчалъ Севастьянъ.

— Ну, такъ вели ее просить въ залу и давай мнѣ поскорѣй одѣться!—затараторилъ Николя.

Камердинеръ пріотворилъ дверь и крикнулъ другому лакею, невдалекѣ стоявшему, чтобы тотъ просилъ даму въ залу, а самъ принялся помогать барину одѣваться. Николя очень скоро прифрантился и, войдя въ свой кабинетъ, велѣлъ даму

просить къ себѣ. Его очень интересовало посмотрѣть, кто она такая была... Вошла Елена и тутъ же сейчасъ пріостановилась на минуту, удивленная и пораженная убранствомъ кабинета Николя. Прежде всего Еленѣ кинулся въ глаза портретъ государя въ золотой рамѣ, а кругомъ его на красномъ, въ видѣ лучей, развѣшаны были разнаго рода оружія: сабли, шашки, ружья и пистолеты. Въ одномъ изъ угловъ стояла электрическая машина. Еленѣ пришло въ голову, что не ударъ ли случился съ Николя, и онъ лѣчится электричествомъ; но машина собственно была куплена для больной бабушки Николя; когда же та умерла, то Николя машину взялъ себѣ для такого употребленія: онъ угрозами и ласками зазывалъ въ свой кабинетъ лакеевъ и горничныхъ и упрашивалъ ихъ дотронуться до машины. Тѣ соглашались, машина ихъ щелкала; они вскрикивали и доставляли тѣмъ Николя несказанную радость. Въ другомъ углу кабинета стоялъ туалетный столикъ Николя, съ круглымъ серебрянымъ, какъ у женщинъ, зеркаломъ, весь уставленный флаконами съ духами, банками съ помадой, фиксатуарами, щетками и гребенками. Николя въ «Онѣгинѣ» прочиталъ описаніе кабинета денди и полагалъ, что такое убранство очень хорошо. Прямо надъ этимъ столомъ висѣлъ въ углу старинный и врядъ ли не чудотворный образъ Казанской Божіей Матери, съ лампадкою передъ нимъ. Николя былъ очень богомоленъ и состоялъ даже въ своемъ приходѣ старостой церковнымъ. По третьей стѣнѣ шелъ огромный книжный шкапъ, съ верху до низу набитый французскими романами,—все это, какъ бы для придачи общаго характера, было покрыто пылью и почти грязью. Николя, въ свою очередь, тоже очень удивился появленію Елены.

— Mademoiselle Жиглинская, васъ ли я вижу? — говорилъ онъ, выпучивая свои бараньи глаза и протягивая къ ней обѣ руки.

— А я къ вамъ съ просьбой, Оглоблинъ,—начала Елена, торопясь поскорѣе сѣсть. Она замѣтно была въ раздраженномъ и нервномъ состояніи.

Николя поспѣшилъ ей при этомъ пододвинуть кресло.

— Я одному моему комиссіонеру поручила разузнавать, нѣтъ ли свободныхъ мѣстъ женскихъ въ какихъ-нибудь учрежденіяхъ, и онъ мнѣ сказалъ, что у отца вашего есть свободное мѣсто кастелянши!..

— Но для кого вамъ нужно это мѣсто?—спросилъ Николя.

— Для себя!.. Я хочу занять его!..—отвѣчала Елена.

Николя еще больше вытаращилъ глаза свои.

— А какъ же князь-то?—бухнулъ онъ прямо.

Елена при этомъ немного вспыхнула.

— Съ княземъ мы расходимся!..—проговорила она.

— Не можетъ быть! — воскликнулъ Николя и захохоталъ своимъ глупымъ смѣхомъ.

Елена окончательно-было сконфузилась, но постаралась снова овладѣть собой.

— Подите и скажите вашему отцу, чтобъ онъ далъ мнѣ это мѣсто!—сказала она почти повелительно.

— Да вѣдь отецъ теперь въ присутствіи!—прошепелявилъ Николя.

— Все равно... Вы къ нему въ присутствіе ступайте!.. Оно тутъ у васъ въ одномъ домѣ?..

— Тутъ, здѣсь!

Старикъ Оглоблинъ занималъ въ бельэтажѣ огромную казенную квартиру, а внизу у него было такъ называемое присутствіе его.

— Ну, такъ ступайте и непремѣнно выпросите мнѣ это мѣсто,—настаивала Елена.

— A l'instant, mademoiselle! — воскликнулъ Николя. Онъ вообще никогда и никакой дамѣ неспособенъ былъ отказать въ ея просьбѣ, а тутъ онъ сообразилъ еще и то, что, сдѣлавъ одолженіе Еленѣ, которая, по ея словамъ, расходится съ княземъ, онъ будетъ имѣть возможность за ней приволокнуться, а Елена очень и очень нравилась ему своею наружностью.

Комната, которую старикъ Оглоблинъ именовалъ присутствіемъ своимъ, была довольно большая и имѣла, какъ всякое присутствіе, столъ, накрытый краснымъ сукномъ, и зерцало.

Самъ старикъ Оглоблинъ, въ вицмундирѣ и весь осыпанный звѣздами и крестами, сидѣлъ за этимъ столомъ и помѣчалъ разложенныя передъ нимъ бумаги. Лицо у него хоть и было простоватое, но дышало однако гораздо бо́льшимъ благородствомъ, чѣмъ лицо сына; видно было, что человѣкъ этотъ выросъ и воспитался на французскихъ трюфеляхъ и благородныхъ виноградныхъ винахъ, тогда какъ въ наружности сына было что-то замоскворѣцкое, проглядывали мороженая осетрина и листовая настойка. Старикъ Оглоблинъ въ молодости служилъ въ кавалергардахъ и, конечно, во всю свою жизнь не унизилъ себя ни разу посѣщеніемъ какой-нибудь гостиницы ниже Дюссо и Шевалье, а Николя почти каждый вечеръ послѣ театра кутилъ въ Московскомъ трактирѣ. Придя на этотъ разъ къ отцу, онъ сначала заглянулъ въ присутствіе.

— Папа, можно къ вамъ?—произнесъ онъ.

— Можно, войди,—отвѣчалъ тотъ, оставляя на нѣкоторое время свои занятія.

Николя вошелъ, взялъ стулъ и сѣлъ противъ отца.

— Вы помните, папа, Жиглинскую, любовницу князя Григорова? — началъ онъ.

— Какую-такую любовницу? —спросилъ старикъ, нѣсколько утратившій свѣжесть памяти.

— Ну, которую еще вмѣстѣ съ Анной Юрьевной выгнали изъ службы за то вотъ, что она сдѣлалась въ извѣстномъ положеніи.

— Ахъ, да, помню! — припомнилъ старикъ.

— И теперь она... Богъ ихъ тамъ знаетъ, кто: князь ли, она ли ему, только дали другъ другу по подзатыльничку и разошлись... Теперь она на бобахъ и осталась! — заключилъ Николя и захохоталъ.

— На бобахъ... на бобахъ...—согласился, усмѣхаясь, старикъ: — что̀ же ты-то тутъ зѣваешь? — присовокупилъ онъ тономъ шутливой укоризны.

— Да что̀!.. Нѣтъ!.. Она чудачка страшная!.. — отвѣчалъ Николя: — теперь пришла и проситъ, чтобъ ей дали мѣсто кастелянши.

— Мѣсто?.. Кастелянши?..—повторилъ старикъ уже серьезно и какъ бы дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

— Да, папа!.. Дайте ей мѣсто! Мы этимъ чудесно насолимъ князю Григорову: пускай онъ не говоритъ, что Оглоблины дураки набитые.

— Да развѣ онъ говоритъ это? — спросилъ старикъ, съ удивленіемъ взглянувъ на сына.

— Еще бы не говоритъ!.. Вездѣ говоритъ! — отвѣчалъ Николя, впрочемъ, болѣе подозрѣвавшій, чѣмъ достовѣрно знавшій, что князь говоритъ это, и сказавшій отцу объ этомъ затѣмъ, чтобы больше его вооружить противъ князя... — Такъ что̀ же, папа, дадите mademoiselle Жиглинской мѣсто?— приставалъ онъ къ старику.

— Но прежде я долженъ посовѣтоваться съ Ѳеодосіемъ Ивановичемъ!—возразилъ ему тотъ.

Такого рода отвѣтъ Оглоблинъ давалъ обыкновенно на всѣ просьбы, къ нему адресуемыя. Ѳеодосій Иванычъ былъ правитель дѣлъ его и хоть отъ природы былъ надѣленъ весьма малымъ умомъ, но сумѣлъ какъ-то себѣ выработать необыкновенно серьезный и почти глубокомысленный видъ. Начальника своего онъ больше всего обольщалъ и доказывалъ ему свое усердіе тѣмъ, что какъ только тотъ станетъ что-нибудь приказывать ему съ извѣстными минами и жестами, такъ и

Өеодосій Иванычъ начнетъ дѣлать точно такіе же мины и жесты.

— Ну, такъ я, папа, сейчасъ позову вамъ его, — проговорилъ Николя и бросился въ сосѣднюю комнату, гдѣ обыкновенно засѣдалъ Өеодосій Иванычъ.

Николя лучше, чѣмъ отецъ его, понималъ почтеннаго правителя дѣлъ и, догадываясь, что тотъ былъ дуракъ великій, нисколько съ нимъ не церемонился и даже, когда Өеодосій Иванычъ приходилъ къ нимъ обѣдать и, по обыкновенію своему, въ ожиданіи, пока сядутъ за столъ, ходилъ, понуривъ голову, взадъ и впередъ по залѣ, Николя вдругъ налеталъ на него, схватывалъ его за плечи и перепрыгивалъ ему черезъ голову; какъ гимнастъ, Николя былъ превосходный. Өеодосій Иванычъ только отстранялся при этомъ нѣсколько въ сторону, дѣлалъ удивленную мину и произносилъ: «Фу, ты, Господи Боже мой!». Въ настоящемъ случаѣ Николя тоже не сталъ съ нимъ деликатничать.

— Васъ папа проситъ,—почти закричалъ онъ на него:— тамъ я хлопочу одну дѣвушку опредѣлить къ намъ въ кастелянши, и если вы отговорите папа, я васъ отдую за то! — заключилъ Николя и показалъ кулакъ Өеодосію Иванычу.

— Да погодите еще отдувать-то!—отвѣтилъ тотъ ему и пошелъ въ присутствіе.

Николя послѣдовалъ за нимъ и сталъ въ присутствіи такимъ образомъ, что отцу было не видать его, а Өеодосій Иванычъ, напротивъ, очень хорошо его видѣлъ.

— У насъ... тамъ... есть... мѣсто кастелянши? — началъ старикъ Оглоблинъ, принимая все болѣе и болѣе важный видъ.

— Есть!.. есть!.. есть!...—отвѣчалъ ему троекратно Өеодосій Иванычъ, тоже съ болѣе и болѣе усиливающеюся важностью.

— Николя проситъ... на это... мѣсто... помѣстить... одну... дѣвицу... она тамъ ужъ... служила... и потеряла... мѣсто!.. — произнесъ, какъ бы скандируя стихи, старикъ Оглоблинъ.

— Мѣсто... потеряла? — повторилъ за нимъ и Өеодосій Иванычъ.

— Да... Можно ли намъ поэтому... опредѣлить ее?—продолжалъ, потрясая головой, старикъ Оглоблинъ.

Николя при этомъ держалъ кулакъ передъ глазами правителя дѣлъ.

— Отчего нельзя? Можно!.. можно!..—отвѣчалъ тотъ, встряхивая тоже головой.

— Можно, значитъ!—обратился послѣ того отецъ къ сыну.

— Ну такъ я, папа, сейчасъ приведу къ вамъ ее,—вскричалъ радостно Николя

— Приведи! — разрѣшилъ ему родитель.

Николя побѣжалъ за Еленой, а Ѳеодосій Иванычъ пріостановился, чтобы дать начальнику совѣтъ.

— Вы бумаги-то у ней спросите, чтобы метрику и послужной списокъ мужа, либо отца, коли дѣвица, — проговорилъ онъ, дѣлая, въ подражаніе старику Оглоблину, удареніе почти на каждомъ словѣ.

— Непремѣнно!.. непремѣнно!.. — подхватилъ тотъ.

Ѳеодосій Иванычъ послѣ того ушелъ на свое мѣсто, а въ другія двери Николя ввелъ въ присутствіе Елену.

Старикъ Оглоблинъ исполнился даже удивленія, увидѣвъ передъ собою почти величественной наружности даму: во всѣхъ своихъ просительницахъ онъ привыкъ больше видѣть забитыхъ судьбою, слезливыхъ, слюнявыхъ.

Онъ присталъ со своего мѣста и, по свойственной всѣмъ начальникамъ манерѣ, оперся обѣими руками на столъ.

— Мой сынъ... говоритъ... — началъ онъ: — что вы... желаете... занять... мѣсто... кастелянши?..

— Да, я очень желаю занять это мѣсто,—проговорила Елена.

— Оно... ваше... ваше... — проговорилъ старикъ съ удареніемъ:—но намъ нужны... бумаги... метрику вашу... и послужной списокъ... вашего родителя.

— У меня всѣ эти бумаги есть,—отвѣчала Елена.

— И потому... я... больше... никакихъ препятствій не имѣю, — заключилъ старикъ.

— И мнѣ, значитъ, можно сегодня переѣхать на казенную квартиру? — спросила Елена.

Старика Оглоблина снова поставилъ этотъ вопросъ въ недоумѣніе.

— Ѳеодосія... Иваныча... надобно объ этомъ спросить!.. — сказалъ онъ сыну.

Тотъ сбѣгалъ и опять привелъ Ѳеодосія Иваныча.

— Можно имъ... сегодня на квартиру... нашу... переѣхать?.. Та... прежняя... кастелянша переѣхала?..—обратился старикъ къ своему правителю.

— Та... переѣхала... можно имъ!—почти передразнилъ его Ѳеодосій Иванычъ: — вымыть только и вымести квартиру прежде надо,—прибавилъ онъ отъ себя.

— Ну, велите вымыть и вымести ее,—повторилъ за нимъ начальникъ.

Ѳеодосій Иванычъ ушелъ послѣ того.

— Я могу теперь итти? — сказала Елена, раскланиваясь передъ старикомъ.

— Можете! — произнесъ и онъ, раскланиваясь съ ней.

Елена пошла.

— Прощайте, папа!—крикнулъ отцу Николя и поспѣшилъ за Еленой.

— Когда вы, mademoiselle Жиглинская, будете здѣсь жить, вы позволите мнѣ бывать у васъ?—проговорилъ онъ въ одно и то же время лукавымъ и упрашивающимъ голосомъ.

— Пожалуйста, — отвѣчала она, привѣтливо кивая ему на прощанье головою.

Отъ Оглоблиныхъ Елена прямо проѣхала къ Жуквичу въ гостиницу, гдѣ онъ занималъ небольшой, но очень красивый номеръ. Самъ Жуквичъ, несмотря на то, что сидѣлъ дома и даже занимался чѣмъ-то, былъ причесанъ, припомаженъ, раздушенъ и въ какомъ-то франтоватомъ, мохнатомъ пальто. На каждой изъ вещей, которыя Елена увидала у него въ номерѣ, начиная съ новаго большого чемодана до толстаго клѣтчатаго пледа, лежавшаго на диванѣ, ей кинулся въ глаза отпечатокъ европейскаго изящества и прочности, и она при этомъ невольно вспомнила сейчасъ только оставленный ею богатый домъ русскаго вельможи, представлявшій огромныя комнаты, нелѣпое убранство въ нихъ и грязь на всемъ.

— Вотъ я и нашла васъ,—сказала она, входя и пожимая Жуквичу руку.

— О, да, merci, merci,—произнесъ онъ, какъ бы нѣсколько даже сконфуженный ея появленіемъ. — Но что̀ жъ такое у васъ произошло съ княземъ, скажите жъ мнѣ милостиво? — присовокупилъ онъ затѣмъ.

— Да ничего, договорились только до полной откровенности и поняли, что не можемъ жить вмѣстѣ,—отвѣчала Елена, садясь, снимая шляпу и порывисто поправляя свои растрепавшіеся отъ дороги волосы.

Жуквичъ при этомъ широко раскрылъ отъ удивленія свои красивые глаза.

— Жить даже не можете вмѣстѣ?—повторилъ онъ.—Что жъ, и князь такъ же думаетъ?

— Не знаю, какъ онъ думаетъ, потому что послѣ нашей ссоры я съ нимъ больше не видалась, а теперь онъ и совсѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ.

— Какъ?.. Зачѣмъ?..—почти воскликнулъ Жуквичъ, окончательно пораженный и удивленный.

— Это вы его спросите, а онъ мнѣ ничего не сказалъ о томъ, — отвѣчала насмѣшливо Елена.

— Какъ же это жаль!.. Какъ жаль!..—произнесъ послѣ того Жуквичъ тономъ, какъ видно, искренняго сожалѣнія.

— Чѣмъ вамъ безполезно жалѣть меня, лучше дайте мнѣ кофе, — сказала съ маленькой досадой Елена и видя, что на столѣ стоялъ кофейный приборъ.

— О, съ великою моею готовностью!—произнесъ Жуквичъ и самъ принялся варить для Елены свѣжій кофе. При этомъ онъ нѣсколько разъ и очень проворно сполоснулъ кофейникъ, искусно повернулъ его, когда кофе скипѣлъ въ немъ, и наконецъ налилъ чашку Еленѣ. Кофе оказался превосходнымъ.

— Какой вы мастеръ варить кофе и какъ умѣете это ловко дѣлать! — замѣтила ему Елена.

— У меня есть маленькая ловкость въ рукахъ!—отвѣчалъ съ легкою улыбкой Жуквичъ и при этомъ, какъ бы невольно, поласкалъ одну свою руку другою рукою, а потомъ его лицо сейчасъ приняло невеселое выраженіе. — Вы такъ-таки жъ послѣ того съ княземъ и не разговаривали?—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не разговаривала и, вѣроятно, всю жизнь не буду разговаривать.

— Почему жъ всю жизнь?—спросилъ Жуквичъ, опять немного ухмыляясь: онъ полагалъ, что въ этомъ случаѣ Елена преувеличиваетъ.

— Потому что я уѣзжаю отъ него совсѣмъ!.. Нашла себѣ казенное мѣсто.

Жуквичъ окончательно исполнился глубокаго сожалѣнія.

— Какъ это грустно жъ и тѣмъ болѣе, что я тому нѣкоторымъ образомъ причина! — произнесъ онъ.

— Нисколько не вы, потому что давно это накапливалось и должно было когда-нибудь и чѣмъ-нибудь разрѣшиться.

— Но все жъ, мнѣ казалось бы, вамъ лучше было подождать, — началъ Жуквичъ какимъ-то почти упрашивающимъ голосомъ: — время жъ горами движетъ, а не то что мѣняетъ мысли жъ человѣческія. Князь, можетъ-быть, передумалъ бы, подчинился бы мало-по-малу вашимъ убѣжденіямъ.

— Нѣтъ, онъ никакъ въ этомъ случаѣ не подчинится моимъ убѣжденіямъ! — возразила Елена.

— Но кромѣ жъ того, — продолжалъ Жуквичъ тѣмъ же упрашивающимъ и какъ бы искренно участвующимъ тономъ: — вы не знаете жъ сами еще, разлюбили ли вы князя или нѣтъ?

Елена при этомъ слегка покраснѣла.

— Положимъ, я этого не знаю,—начала она:—но во всякомъ случаѣ въ каждомъ, вѣроятно, человѣкѣ существуютъ по два, по три и даже по нѣскольку чувствъ, изъ которыхъ какое-нибудь одно всегда бываетъ преобладающимъ, а такое чув-

ство во мнѣ, въ настоящее время, никакъ не любовь къ князю.

Елена опять при этомъ нѣсколько смутилась.

— Но къ кому жъ?—спросилъ ее Жуквичъ, устремляя на нее пристальный взглядъ.

— То-есть къ чему же?—вы должны были бы спросить меня...—подхватила она:—и это я вамъ сейчасъ объясню: я, еще бывши маленькимъ ребенкомъ, чувствовала, что этотъ порядокъ вещей, который шелъ около меня, невозможенъ, возмутителенъ! Всюду — ложь, обманъ, господство какихъ-то почти дикихъ преданій!.. Торжество всюду глупости, бездарности!.. Школа все это во мнѣ еще больше поддержала; тутъ я узнала, между прочимъ, разныя соціалистическія надежды и чаянія и, конечно, всей душой устремилась къ нимъ, какъ къ единственному просвѣту; но, когда вышла изъ школы, я въ жизни намека даже не стала замѣчать къ осуществленію чего-нибудь подобнаго; старый порядокъ, я видѣла, стоитъ очень прочно и очень твердо, а бойцы, бравшіеся разбивать его, были такіе слабые, малочисленные, такъ что я начинала приходить въ отчаяніе. Это постоянное пребываніе въ очень неясномъ, но все-таки чего-то ожидающемъ состояніи мнѣ сдѣлалось наконецъ невыносимо: я почти готова была думать, что разныя хорошія мысли и идеи — сами по себѣ, а жизнь человѣческая—сама по себѣ, въ которой только пошлость и гадость могутъ реализироваться; но встрѣча съ вами, — вотъ видите, какъ я откровенна,—согнала этотъ туманъ съ моихъ желаній и стремленій!.. Я воочію увидала мой идеалъ, къ которому должна была итти, — словомъ, я поняла, что я — полька, и что прежде, чѣмъ хлопотать мнѣ объ устройствѣ всего человѣчества, я должна отдать себя на службу моей несчастной родинѣ.

На лицѣ Жуквича замѣтно отразилось при этомъ удовольствіе.

— Вотъ эта жъ самая служба родинѣ, — заговорилъ онъ немножко нараспѣвъ и вкрадчивымъ голосомъ: — я думаю, и нуждалась бы, чтобы вы не расходились съ княземъ: онъ — человѣкъ богатый жъ и вліятельный и добрый! Мы жъ, поляки, по нашему несчастному политическому положенію, не должны ничѣмъ пренебрегать, и намъ извинительны всѣ средства, даже обманъ, кокетство и лукавство женщинъ...

— Совершенно согласна, что средства всѣ эти позволительны,—подхватила Елена:—но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они для женщины возможны, а въ другихъ—выше силъ ея... Вы, какъ мужчина, можетъ-быть, не совсѣмъ поймете меня: если бъ я князя не знала прежде и для блага поляковъ нужно было

бы сдѣлаться его любовницей, я ни минуты бы не задумалась; но я любила этого человѣка, я нѣкогда къ ногамъ его кинула всю мою будущность, я думала всю жизнь мою пройти съ нимъ рука объ руку, и онъ за все это осмѣливается въ присутствіи моемъ проклинать себя за то, что разстроилъ свою семейную жизнь, разрушилъ счастье преданнѣйшей ему женщины, то-есть полуидіотки его супруги!.. Наконецъ, когда я сказала ему, что, положимъ, по его личнымъ чувствамъ, ему тяжело оказать помощь полякамъ, но все-таки онъ долженъ переломить себя и сдѣлать это чисто изъ любви ко мнѣ,— такъ онъ засмѣялся мнѣ въ лицо...

Подъ вліяніемъ гнѣва, Елена даже несправедливо передавала происходившее у ней объясненіе съ княземъ.

Жуквичъ на всѣ эти слова ея молчалъ.

— И что̀ мнѣ жить еще послѣ этого съ нимъ?.. — продолжала Елена:—тогда какъ онъ теперь, вѣроятно, тяготится и тѣмъ, что мнѣ даетъ кусокъ хлѣба, потому что я тоже полька!.. Да сохранитъ меня небо отъ того!.. Я скорѣе пойду въ огородницы и коровницы, чѣмъ останусь у него!

— А мнѣ жъ кажется, что князь любитъ васъ и любитъ даже очень!—возразилъ ей Жуквичъ.

— Да, чувственно, это можетъ быть; но я хотѣла и надѣялась, что онъ меня будетъ любить иначе, а ужъ если необходимо продавать себя этимъ негодяямъ-мужчинамъ, такъ можно найти повыгоднѣй и потароватѣй князя... Вонъ я сейчасъ нашла двоихъ покровителей, батюшку и сынка,—обоихъ обобрать можно, если угодно...—проговорила Елена съ какимъ-то озлобленнымъ цинизмомъ. — Словомъ, о князѣ говорить нечего, — это дѣло рѣшенное, что мы съ нимъ другъ для друга больше не существуемъ! Будемте лучше съ вами думать, что̀ намъ предпринять для нашихъ соотчичей.

Жуквичъ на это развелъ молча руками.

— Прежде всего,—продолжала Елена, какъ бы придумавъ кое-что: — я одного изъ моихъ новыхъ покровителей, юнаго Оглоблина, заставлю раздать билеты на лотерею, для которой соберу кой-какія изъ своихъ вещей, оберу у подругъ моихъ разныя бездѣлушки; за все это, конечно, выручится очень маленькая сумма, но пока и то лучше пустого мѣста...

Жуквичъ грустно усмѣхнулся.

— О, добротѣ жъ вашей предѣловъ нѣтъ!—произнесъ онъ, вскидывая на Елену сентиментальный взглядъ.

— То-то, къ несчастью, доброты одной мало! — подхватила со вздохомъ Елена:—а нужны силы и средства!

Затѣмъ они еще нѣкоторое время побесѣдовали, и Жуквичъ

успѣлъ при этомъ спросить Елену, что на какую сумму денегъ она сама будетъ жить на новомъ своемъ мѣстѣ?

— На очень маленькую-съ!.. на очень!—отвѣчала она.

Жуквичъ опять съ грустнымъ видомъ и участіемъ покачалъ головой, а потомъ, когда Елена ушла отъ него, онъ долго оставался въ задумчивомъ состояніи и наконецъ, какъ бы не утерпѣвъ, произнесъ съ досадой и насмѣшкой:

«О, то жъ женщины!»

Возвратясь домой, Елена велѣла своей горничной собираться и укладываться: ей сдѣлался почти противенъ воздухъ въ домѣ князя. Часамъ къ восьми вечера все было уложено. Сборы Елены между тѣмъ обратили вниманіе толстаго метрдотеля княжескаго, старика очень неглупаго, и длинновязаго выѣздного лакея, малаго тоже довольно смышленаго, сидѣвшихъ, по обыкновенію, въ огромной передней и игравшихъ въ шашки.

— Да что̀, барышня-то эта наша уѣзжаетъ, видно, куда-нибудь?—спросилъ метрдотель.

— Уѣзжаетъ!..—отвѣчалъ лакей.

— Въ Петербургъ, къ князю, что ли?—присовокупилъ метрдотель.

— Какое въ Петербургъ!.. Машина развѣ ходитъ туда ночью?—возразилъ лакей.

— Гм!.. — произнесъ метрдотель и пододвинулъ шашку.— Спросить бы ее, паря, надо, куда это она ѣдетъ; а то князь пріѣдетъ, хватится ея, что̀ мы ему скажемъ на то?

— Извѣстно, хватится!—согласился лакей.

Метрдотель какъ бы размышлялъ нѣкоторое время.

— Поди, спроси ее!.. Для отмѣтки, молъ, это нужно... показать, куда вы выбыли,—проговорилъ онъ.

— Да что̀ мнѣ-то спрашивать? Ты—старшій-то у насъ въ домѣ,—отозвался-было сначала лакей.

— Экій, братецъ, какой ты глупый!—возразилъ ему метрдотель: — я старшій по буфету, а ты настоящій-то дамскій выѣздной лакей.

Лакей убѣдился этимъ доводомъ.

— Да мнѣ что̀?.. Я пойду!..—сказалъ онъ, а затѣмъ всталъ и проворно пошелъ въ комнату къ Еленѣ.

— Вы уѣзжать изволите-съ?—спросилъ онъ ее.

— Да!—отвѣчала ему лаконически Елена.

— Вы не прикажете телеграфировать объ этомъ князю?—допрашивалъ ее лакей.

Елена немного испугалась этого.

— Нѣтъ, я сама ему писала; я на короткое время къ матери переѣзжаю! — присовокупила она, чтобъ отвязаться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

— Къ маменькѣ изволите ѣхать? — повторилъ лакей съ явнымъ недовѣріемъ въ голосѣ.

— Да; а какъ князь возвратится, я опять переѣду сюда!— говорила Елена, чтобы только успокоить его.

Лакей не нашелся болѣе, о чемъ ее разспрашивать, и возвратился къ метрдотелю.

— Къ матери, говоритъ, уѣзжаетъ на время, — объяснилъ онъ тому, усаживаясь опять за шашки.

— Что̀ ей такъ вдругъ захотѣлось туда!.. — произнесъ, усмѣхнувшись, метрдотель.

— Прахъ ее знаетъ!—отвѣчалъ лакей, тоже усмѣхаясь.

Вскорѣ послѣ того два дворника и два поваренка, предводительствуемые горничною Елены, стали проносить мимо нихъ сундуки и чемоданы и все это укладывать на приведеннаго къ подъѣзду извозчика.

— Куда это, тетенька, путь вашъ держите? — пошутилъ метрдотель горничной.

— Куда нужно-съ!—отвѣчала та ему: Елена запретила ей говорить княжеской прислугѣ, куда онѣ переѣзжаютъ.

Невдолгѣ послѣ горничной на лѣстницѣ показалась и Елена, а за нею шла нянька съ ребенкомъ.

— Не прикажете ли карету для васъ заложить?.. Такъ же стоятъ лошади, ничего не дѣлаютъ!—отнесся къ ней выѣздной лакей.

— Нѣтъ, не надо!.. Я на извозчикѣ доѣду, — сказала Елена.—А ты вотъ что̀ лучше: побереги мое письмо къ князю, которое я оставила въ кабинетѣ на столѣ.

— Сохранно будетъ-съ!—отвѣчалъ лакей.

Елена свою новую квартиру въ казенномъ домѣ нашла выметенною и вымытою; но при всемъ томъ она оказалась очень неприглядною: въ ней было всего только двѣ комнаты и небольшая кухня; потолокъ замѣнялся сводомъ; въ окнахъ виднѣлись желѣзныя рѣшетки, такъ что нянька и горничная, попривыкшія къ роскоши въ княжескомъ домѣ, почти въ одинъ голосъ воскликнули:

— Ай, батюшки, словно тюрьма какая!

Но Елену, кажется, нисколько не смутила бѣдность ея новаго помѣщенія. Обойдя все его кругомъ и попробовавъ рукой жесткую кожаную мебель, она спокойно сѣла на диванъ и проговорила:

— Ничего, матушка Россія, — чего и ожидать лучшаго! Затѣмъ Елена велѣла поскорѣе уложить ребенка спать, съѣла двѣ баранки, которыхъ, ѣхавъ дорогой, купила цѣлый фунтъ, остальныя отдала нянѣ и горничной. Тѣ, скипятивъ самоваръ, принялись ихъ кушать съ чаемъ; а Елена, положивъ себѣ подъ голову подушку, улеглась, не раздѣваясь, на жесткомъ кожаномъ диванѣ и вскорѣ заснула крѣпкимъ сномъ, какъ будто бы переживаемая ею тревога сдѣлала ее болѣе счастливою и спокойною...

VI.

Князь сидѣлъ въ Петербургѣ въ томъ же самомъ номерѣ гостиницы «Парижъ», въ которомъ мы нѣкогда въ первый разъ съ нимъ встрѣтились. Зачѣмъ князь въ настоящее время пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ самъ того хорошенько не зналъ. Онъ бѣжалъ, кажется, отъ овладѣвшаго имъ гнѣва противъ Елены, бѣжалъ и отъ любви къ ней. Ему казалось, что весь этотъ польскій патріотизмъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла снисшедшій на Елену, былъ, во-первыхъ, плодомъ пронырливыхъ внушеній Жуквича и, во-вторыхъ, дѣломъ собственной, ничѣмъ не сдерживаемой, капризной фантазіи Елены, а между тѣмъ, для удовлетворенія этого, можетъ-быть, мимолетнаго желанія, она требовала, чтобы князь ломалъ и рушилъ въ себѣ почти органически прирожденное ему чувство. «Положимъ даже,—разсуждалъ онъ:—что и въ Еленѣ этотъ польскій патріотизмъ прирожденное ей чувство, спавшее и дремавшее въ ней до времени; но почему же она не хочетъ уважать этого чувства въ другомъ и, дѣйствуя сама, какъ полька, возмущается, когда князь поступаетъ, какъ русскій». Далѣе затѣмъ въ головѣ князя начались противорѣчія этимъ его мыслямъ: «Конечно, для удовлетворенія своего патріотическаго чувства,—обсуживалъ онъ вопросъ съ другой стороны: — Еленѣ нужны были пятнадцать тысячъ, которыя она могла взять только у князя, и неужели же она не стоила подобнаго маленькаго подарка отъ него, а получивъ этотъ подарокъ, она могла располагать имъ какъ ей угодно?.. Эти пятнадцать тысячъ ему слѣдовало бы подарить!» — рѣшилъ князь мысленно; но въ то же время у него въ головѣ сейчасъ явилось новое противорѣчіе тому: «Этими пятнадцатью тысячами дѣло никакъ бы не кончилось,—думалъ онъ: — Елена, подстрекаемая Жуквичемъ, вѣроятно, пойдетъ по этому пути все дальше и дальше и, чего добраго, вступитъ въ какой-нибудь польскій заговоръ!» Князь былъ не трусъ, готовъ былъ стать

въ самую отчаянную и рискованную оппозицію и даже съ удовольствіемъ бы принялъ всякое политическое наказаніе, но онъ хотѣлъ, чтобъ это послѣдовало надъ нимъ за какое-нибудь дорогое и близкое сердцу его дѣло. Стоять же за польщизну, или, лучше сказать, за польскую шляхту и ксендзовъ, онъ считалъ постыднымъ для себя.

Живя уже нѣсколько дней въ Петербургѣ, князь почти не выходилъ изъ своего номера и только въ послѣднее утро съѣздилъ на могилу къ Марьѣ Васильевнѣ, недавно передъ тѣмъ умершей и похороненной. Заѣхавъ потомъ къ мраморщику, онъ заказалъ ему поставить надъ ея могилою памятникъ, а теперь, сидя одинъ въ комнатѣ, невольно вспоминалъ объ этой доброй старушкѣ, такъ горячо и такъ безкорыстно его любившей. Вдругъ ему подали телеграмму изъ Москвы; князь задрожалъ даже весь; онъ непремѣнно предполагалъ, что эта телеграмма была отъ Елены, и надежда, что она хочетъ помириться съ нимъ, исполнила его сердце радостью.

Телеграмма его извѣщала:

«Вчерашняго числа Елена Николаевна совсѣмъ уѣхали изъ вашего дома. Мы ихъ спрашивали, куда уѣзжаютъ, и онѣ намъ сказали, что къ маменькѣ ихней. Мы на другой день ходили къ ихъ маменькѣ; она сказала, что ихъ нѣтъ у нихъ, и очень сами встревожились. Спиридонъ Скворцовъ и Михайла Гавриловъ».

Князь первоначально понять не могъ, кто это ему телеграфируетъ, и только потомъ сообразилъ, что это были лакеи его. Первымъ дѣломъ князя послѣ того было взглянуть на часы, — былъ всего еще второй часъ. Князь крикнулъ своего камердинера и велѣлъ ему сейчасъ же собраться, а черезъ часъ какой-нибудь онъ былъ на желѣзной дорогѣ и ѣхалъ обратно въ Москву. Печаль и даже отчаяніе до такой степени ярко отражались во всей его наружности, что ѣхавшая съ нимъ въ одномъ вагонѣ довольно еще нестарая и, должно-быть, весьма сердобольная дама никакъ не могла удержаться и начала безпрестанно обращаться къ нему.

— Monsieur, вы, должно-быть, чѣмъ-нибудь нездоровы.

— Да, нездоровъ!—отвѣчалъ ей почти грубо князь.

— Это по лицу вашему видно: у моего мужа именно такое выраженіе лица было,—и тогда говорить не хочу, но съ нимъ послѣ очень нехорошо было!

— Что̀ же такое было? — спросилъ ее не такъ уже сурово князь.

— Онъ умеръ!—отвѣчала дама съ удареніемъ.

— И отлично это!—подхватилъ князь, и, чтобы хоть сколько-

нибудь облегчить себя отъ задушавшей его тоски, онъ вышелъ на платформу и сталъ жадно вдыхать свѣжій и холодный воздухъ; при этомъ ему нѣсколько разъ приходила въ голову мысль броситься на рельсы, чтобы по немъ прошелъ поѣздъ. «Но тутъ можно, пожалуй, не умереть,—думалъ онъ:—а сдѣлаться только уродомъ; револьверъ, въ этомъ случаѣ, гораздо вѣрнѣе».

Когда князь наконецъ пріѣхалъ въ Москву въ свой домъ и вошелъ въ кабинетъ, то сейчасъ замѣтилъ лежащее на столѣ письмо, адресованное рукою Елены. Онъ схватилъ его, проворно распечаталъ и прочелъ. Елена писала ему:

«Я уѣзжаю отъ васъ навсегда. Вы, вѣроятно, сами согласны, что при розни, которая открылась въ нашихъ взглядахъ на все въ мірѣ, намъ жить вмѣстѣ нельзя. Ни съ какой помощью ни ко мнѣ ни къ сыну моему прошу васъ не относиться: мы оба совершенно обезпечены казеннымъ мѣстомъ, которое я получила у старика Оглоблина».

Князь не успѣлъ еще прійти нѣсколько въ себя отъ этого письма, какъ вошелъ къ нему выѣздной лакей и низкимъ басомъ произнесъ:

— Баронесса Мингеръ!

— Что̀? — переспросилъ князь, сначала и не понявшій его хорошенько.

— Баронесса Анна Юрьевна Мингеръ! — пояснилъ ему лакей.

Князь сдѣлалъ злую гримасу.

— Ты скажи, что я сейчасъ только пріѣхалъ и усталъ съ дороги!—проговорилъ-было онъ.

— Я имъ докладывалъ-съ: онѣ говорятъ, что проститься съ вами пріѣхали, завтра уѣзжаютъ совсѣмъ за границу! — объяснилъ лакей.

— О, чортъ бы ее дралъ!.. — сказалъ, не удержавшись, князь.—А баронъ съ ней?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Ну, проси!

Анна Юрьевна довольно долго шла изъ кареты до кабинета. Она была на этотъ разъ, какъ и слѣдуетъ молодой, въ дорогомъ голубомъ платьѣ, въ очень моложавой шляпѣ и въ туго-туго обтягивающихъ ея пухлыя руки перчаткахъ; выраженіе лица у ней, впрочемъ, было далеко не веселое. По обыкновенію тяжело дыша и тотчасъ же усаживаясь въ кресло, она начала:

— Какъ ты мило поступилъ!.. Я его только хотѣла на свадьбу къ себѣ позвать, а онъ въ Петербургъ уѣхалъ!

Князь молчалъ.

— Скажи на милость, — продолжала Анна Юрьевна: — что такое у тебя съ Еленой произошло? Ко мнѣ этотъ дуралей Николя Оглоблинъ пріѣзжалъ и говоритъ, что она отъ тебя сбѣжала и поступила къ отцу его на службу въ кастелянши.

— Да, она уѣхала отъ меня!

— Но отчего? По какой причинѣ?

— По той, что мы расходимся съ ней въ понятіяхъ.

Князю, кажется, легче было бы стоять подъ пыткой, чѣмъ дѣлать всѣ эти отвѣты.

— Какъ же, вы такъ-таки совсѣмъ и разошлись?—приставала къ нему Анна Юрьевна.

— Не знаю!.. Я не видалъ еще ея по возвращеніи изъ Петербурга.

— Cela veut dire qu'elle a bâclé tout cela en ton absence?

— Oui!—отвѣчалъ князь отрывисто и глухимъ голосомъ.

— Смотри какая!.. Ужасъ, съ какимъ душкомъ женщина!— говорила Анна Юрьевна.

Она наконецъ поняла, что этотъ разговоръ былъ очень непріятенъ для князя, а потому и перемѣнила его.

— Я уже обвѣнчалась съ барономъ!—сказала она.

— Слышалъ-съ!.. Человѣкъ возвѣстилъ мнѣ вашу новую фамилію!—отвѣчалъ съ оттѣнкомъ насмѣшки князь.

— Какъ по-твоему, глупо я поступила?—спросила его Анна Юрьевна, замѣтивъ это.

— Отчего же!.. Ежели существуетъ согласіе между вашими нѣжными сердцами!..—говорилъ князь въ томъ же тонѣ.

— Какое тутъ согласіе!.. Какъ вотъ и у тебя съ Еленой... А главное, мнѣ поздно было это дѣлать; хочу отъ стыда за границу ѣхать et je ferai croire, que je suis mariée de long temps.

— Зачѣмъ же вы дѣлали это, когда вы такъ стыдитесь того?—спросилъ ее князь злобно и насмѣшливо.

— Слабость характера,—сама знаю!.. Баронъ сталъ пугать, что совсѣмъ уѣдетъ отъ меня,—мнѣ и жаль его сдѣлалось...

Проговоря это, Анна Юрьевна замолчала.

— Но куда вы именно ѣдете за границу?—продолжалъ ее спрашивать князь тѣмъ же злымъ тономъ.

— Сначала въ Берлинъ — для совѣта съ докторами: я больна дѣлаюсь и серьезно больна, — а потомъ проѣду въ Парижъ и непремѣнно увижу тамъ княгиню твою!.. Que lui dire de ta part?

— Кланяйтесь и пожелайте ей всего хорошаго, — проговорилъ князь.

Анна Юрьевна еще не кончила своего, терзающаго князя посѣщенія, какъ въ кабинетъ къ нему подкрался и вошелъ тихими шагами новый гость—Елпидифоръ Мартынычъ: этого князь ужъ не могъ перенести.

— Что̀ вамъ угодно отъ меня?—спросилъ онъ прямо и не церемонясь Елпидифора Мартыныча, такъ что тотъ попятился даже нѣсколько назадъ.

— К-ха!.. Тамъ-съ кучеръ вашъ... боленъ... извѣщали меня!..—отвѣтилъ онъ порывистымъ голосомъ.

— Ну, такъ вы къ кучеру и приходите!—сказалъ ему немилосердно князь.

— Я видѣлъ уже кучера,—произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, пріосанившись немного:—и пришелъ спросить васъ, какъ вы прикажете: здѣсь ли его держать или въ больницу положить?

Но, собственно говоря, Елпидифоръ Мартынычъ зашелъ къ князю затѣмъ, чтобы развѣдать у него, за что онъ съ Еленой Николаевной поссорился и куда она отъ него переѣхала, о чемъ убѣдительнѣйшимъ образомъ просила его Елизавета Петровна, даже не знавшая, гдѣ теперь дочь живетъ. Вообще этотъ разрывъ Елены съ княземъ сильно опечалилъ и встревожилъ Елизавету Петровну и Елпидифора Мартыныча: онъ разомъ разбилъ всѣ ихъ надежды и планы.

— Зачѣмъ его въ больницу класть, когда вы домашнимъ докторомъ наняты, — продолжалъ допекать Елпидифора Мартыныча князь.

— Да я и не отказываюсь отъ того,—помилуйте!—бормоталъ тотъ, краснѣя весь въ лицѣ.

— Такъ и лѣчите его!..—сказалъ ему на это князь.

— Слушаю-съ!.. Я сейчасъ къ нему еще зайду! — проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ и, повернувшись, вышелъ изъ кабинета.

Аннѣ Юрьевнѣ, все еще сердившейся на Елпидифора Мартыныча за сдѣланный имъ доносецъ на нее и не удостоившей его въ настоящее свиданіе даже взглядомъ, онъ не осмѣлился даже поклониться; но, выйдя въ залу, старикъ сбросилъ съ себя маску смиренія и разразился ругательствомъ.

— Всѣ эти аристократишки — скоты, ей-Богу!.. Чистѣйшіе скоты!—говорилъ онъ самъ съ собой.

— Ну, однако ты, я вижу, очень не въ духѣ,—обратилась Анна Юрьевна къ князю, вставая со своего мѣста.

Князь, на эти слова ея, тоже поднялся со своего мѣста.

— Ты все-таки съѣзди къ этой дѣвочкѣ своей: quelle brouille avez-vous eu les deux! — говорила Анна Юрьевна, уходя.

По добротѣ своей, она не любила, когда любовники ссорились, и по собственнымъ опытамъ была убѣждена, что въ этомъ ничего нѣтъ хорошаго!

По отъѣздѣ ея князь крикнулъ, чтобъ ему подавали карету, и поѣхалъ въ домъ къ Оглоблину.

Здѣсь онъ скоро разыскалъ квартиру Елены, гдѣ попавшаяся ему въ дверяхъ горничная очень сконфузилась и не знала: принимать его или нѣтъ; но князь даже не спросилъ ее: «Дома ли госпожа?» — а прямо прошелъ изъ темной передней въ слѣдующую комнату, въ которой онъ нашелъ Елену сидящею за небольшимъ столикомъ и пишущею какіе-то счеты. Увидѣвъ его, она немножко измѣнилась въ лицѣ; князь же, видимо, старался принять на себя веселый и добрый видъ.

— Елена, что̀ это вы за сумасшествіе выдумали? — проговорилъ онъ, протягивая къ ней руку.

Елена съ своей стороны приняла у него руку его и даже пожала ее.

— Вы находите, что это сумасшествіе? — спросила она его довольно спокойнымъ голосомъ.

— Разумѣется!.. Изъ-за чего затѣвать всю эту исторію было?.. Поѣдемте, пожалуйста, сейчасъ опять ко мнѣ!

— Къ вамъ?.. Нѣтъ, я больше къ вамъ никогда не поѣду!— сказала Елена.

— Но отчего?.. За что?.. — говорилъ князь. У него при этомъ начало даже подергивать всѣ мускулы въ лицѣ.—Если вы разсердились на эти деньги, такъ я велю вамъ немедля прислать ихъ.

Елена при этомъ насмѣшливо улыбнулась.

— Вотъ какъ, подкупать теперь сталъ!..—произнесла она.— Но неужели однако ты до сихъ поръ не убѣдился, что меня никогда и ни на что ни подкупить ни упросить нельзя?

— Да, Господи, развѣ я подкупаю тебя?.. Я хочу только уничтожить причину, разссорившую насъ.

Князь все еще, какъ мы видимъ, продолжалъ сохранять свой добрый тонъ.

— Причина не въ одномъ этомъ заключается, какъ и прежде я тебѣ говорила,—отвѣчала Елена.

— Но знаешь ли ты, Елена, что, поступая такимъ образомъ со мной, ты можешь довести меня до самоубійства.

— Ха-ха-ха!—засмѣялась Елена, такъ что князь даже позеленѣлъ весь при этомъ.—Изъ уваженія къ тебѣ я не хочу вѣрить словамъ твоимъ! — начала она уже серьезно. — Но если бы ты въ самомъ дѣлѣ рѣшился когда-нибудь сдѣ-

лать подобную глупость, то, признаюсь, незавидное бы воспоминаніе оставилъ во мнѣ по себѣ!.. — И Елена опять при этомъ усмѣхнулась. — Потому что, — продолжала она, какъ бы желая разъяснить свою мысль: — мужчина, который убиваетъ себя оттого, что его разлюбила какая-нибудь женщина, по-моему, долженъ быть или сумасшедшій, или дуракъ набитый...

— Но ты однако, значитъ, все-таки меня совершенно разлюбила?—спросилъ князь, все болѣе и болѣе блѣднѣя въ лицѣ, и голосъ его при этомъ былъ не столь добрый.

— Да, я почти тебя совершенно разлюбила! — отвѣчала Елена: — во мнѣ теперь живетъ къ другому гораздо болѣе сильное чувство, и, кажется, этотъ новый Молохъ мой больше мнѣ по характеру...

— И этотъ Молохъ твой новый, конечно, Польша!..—сказалъ князь, очень хорошо понявшій, о какомъ собственно чувствѣ говорила Елена.

Лицо его между тѣмъ становилось все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Польша!—отвѣчала она ему.

— Но ты, въ этомъ твоемъ поклоненіи, забыла, что у насъ съ тобой есть общій сынъ,—возразилъ князь.

— Сына нашего, если ты желаешь, можешь видать, но имѣть какое-нибудь вліяніе на его воспитаніе я тебѣ не позволю.

— А съ тобой, значитъ, я и видаться не долженъ буду?—спросилъ князь.

— Я просила бы тебя объ этомъ!—признесла, немного потупляясь, Елена.

Князь невольно поникъ головой: ему все еще не вѣрилось, чтобы Елена была такая съ нимъ, какою она являлась въ настоящую минуту.

— Елена, неужели ты все это говоришь серьезно? — сказалъ онъ ей опять добрымъ голосомъ.

— Совершенно серьезно! — какъ бы отчеканила на мѣди Елена.

— И мы въ самомъ дѣлѣ должны будемъ разстаться навсегда?

— Должны разстаться навсегда!—повторила рѣшительнымъ тономъ Елена.

— Но вѣдь, Елена, пойми ты: мнѣ жить будетъ нечѣмъ нравственно безъ тебя... Научи, по крайней мѣрѣ, меня: что̀ мнѣ дѣлать съ собой?

— Самое лучшее, по-моему, для тебя, — отвѣчала Елена, повидимому, совершенно искреннимъ тономъ:—сойтись опять

съ женой. Я не хотѣла тебѣ тогда говорить, но ей дѣйствительно нехорошо живется съ Миклаковымъ, и она очень рада будетъ возвратиться къ тебѣ.

Князь эти слова Елены принялъ за самую горькую насмѣшку.

— О, какой это демонъ, — воскликнулъ онъ: — вразумляетъ и учитъ тебя такъ язвить и оскорблять меня!.. Неужели это все тотъ же злодѣй?.. Елена! Пожалѣй, по крайней мѣрѣ, ты его, если онъ становится тебѣ дорогъ... Я убью его, Елена, непремѣнно убью, или пусть онъ меня убьетъ!

Елена употребила надъ собой немалое усиліе, чтобы не смутиться передъ бѣшенымъ взрывомъ князя.

— Ты, конечно, говоришь о Жуквичѣ, но онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, и я очень рада, что ты сказалъ, что убить его хочешь,—я предувѣдомлю его о томъ.

— Нѣтъ, не успѣешь!.. Не успѣешь! — вскричалъ князь, грозя пальцемъ, и затѣмъ, шатаясь, какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты, а потомъ и совсѣмъ изъ квартиры Елены.

Очутившись на дворѣ, онъ простоялъ нѣсколько времени, какъ бы желая освѣжиться на холодномъ воздухѣ, а потомъ вдругъ повернулъ къ большому подъѣзду, ведущему въ квартиру старика Оглоблина. У швейцара князь спросилъ:

— Дома ли молодой Оглоблинъ?

— Дома изволятъ-съ быть!—отвѣчалъ тотъ ему и указалъ князю, куда ему итти.

М-г Николя въ это время передъ тѣмъ только-что позавтракалъ и былъ вслѣдствіе этого въ весьма хорошемъ расположеніи духа. Занятъ онъ былъ довольно серьезнымъ дѣломъ, которымъ, впрочемъ, Николя постоянно почти занимался, когда оставался одинъ. Онъ держалъ необыкновенно далеко выпяченными свои огромныя губы и на нихъ, какъ на варганѣ, игралъ пальцемъ и издавалъ при этомъ какіе-то дикіе звуки ртомъ. Когда князь появился въ его комнатѣ, Николя мгновенно прекратилъ это занятіе и одновременно испугался и удивился.

Наружный видъ князя еще болѣе усилилъ страхъ Николя: онъ вообразилъ, что князь пришелъ спросить у него отчета, какъ онъ смѣлъ выхлопотать мѣсто Еленѣ.

— Очень радъ, что я васъ засталъ дома!.. Поѣдемте со мной сейчасъ!—проговорилъ князь.

— Куда поѣхать? — спросилъ Николя, выпучивая на него свои глаза.

— Я тутъ одного господина долженъ вызвать на дуэль, и

вы будете моимъ секундантомъ... Мнѣ, кромѣ васъ, не къ кому обратиться.

— Дуэль?.. Господи!..—произнесъ Николя, взглядывая мелькомъ на висѣвшіе на стѣнѣ ружья свои и пистолеты, изъ которыхъ онъ ни изъ одного не стрѣливалъ: — но вѣдь я, князь, ей-Богу, никогда не бывалъ секундантомъ, и что̀ тутъ дѣлать—совершенно не знаю!..—присовокупилъ онъ какимъ-то жалобнымъ голосомъ.

— Все равно, знать тутъ нечего, поѣдемте!—говорилъ князь.

— Я боленъ, князь, ей-Богу, боленъ!—продолжалъ Николя, не двигаясь со своего мѣста:—мнѣ докторъ строго запретилъ выѣзжать: «умрете», говоритъ.

Князь поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Если вы не поѣдете со мной,—произнесъ онъ, стискивая зубы:—такъ я по всей Москвѣ буду разсказывать, что вы трусъ и подлецъ.

— О, какой вы смѣшной! — зашутилъ уже Николя. — Ну, поѣдемте, — чортъ дери, въ самомъ дѣлѣ, всѣхъ и все! — воскликнулъ онъ, Богъ знаетъ что̀ желая сказать послѣдними словами. — Кого это вы вызываете? — присовокупилъ онъ какъ бы и тономъ храбреца.

— Жуквича! — отвѣчалъ князь.

— А за что̀ это? — любопытствовалъ Николя: въ нехитрой головѣ его явилось подозрѣніе, что не за Елену ли они поссорились, и что нѣтъ ли у ней чего съ Жуквичемъ.

— Это мое дѣло! — сказалъ ему мрачно князь. — Да собирайтесь же! — прибавилъ онъ.

— Я готовъ, извольте! — произнесъ Николя и, какъ агнецъ, ведомый на закланіе, послѣдовалъ за княземъ, который посадилъ его къ себѣ въ карету и повезъ.

— Я очень радъ, конечно, что могу вамъ услужить этимъ, очень радъ! — храбрился Николя, но сквозь всѣ эти восклицанія такъ и слышался худо скрываемый страхъ.

Пріѣхавъ въ гостиницу, гдѣ жилъ Жуквичъ, князь прямо прошелъ къ тому въ номеръ, введя съ собою и Николя, изъ опасенія, чтобы тотъ не улизнулъ. Они застали Жуквича дома. Тотъ при видѣ ихъ замѣтно смутился. Князь подошелъ къ нему и сказалъ ему не громко и по-англійски, чтобы Николя не могъ понять, что̀ онъ говоритъ:

— Вы поссорили меня прежде съ русскими эмигрантами, дружбу которыхъ я высоко цѣнилъ!.. Поссорили теперь съ женщиною, горячо мною любимой, и я васъ вызываю на дуэль и хочу убить васъ!

Жуквичъ при этомъ замѣтно поблѣднѣлъ.

Вы ошибаетесь во всемъ этомъ; я не считаю себя нисколько виновнымъ противъ васъ! — проговорилъ онъ тоже по-англійски.

— Я васъ считаю: слышите?.. и если не будете со мной драться, я приду къ вамъ и просто убью васъ! — продолжалъ князь попрежнему по-англійски.

Жуквичъ понурилъ на нѣкоторое время голову.

— Но я жъ не имѣю секунданта! — произнесъ онъ уже по-русски и какъ бы размышляя.

— Ищите, это ваше дѣло, а мой секундантъ — вотъ!.. — сказалъ и князь по-русски, показывая на Николя, все время стоявшаго у окна и скрестившаго, наподобіе Наполеона I, на груди у себя руки.

— Я жъ не знаю, найду ли я теперь кого?.. — сказалъ Жуквичъ, пожимая плечами, и затѣмъ проворною походкой вышелъ изъ номера.

Князь мрачно и безпокойно посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Жуквичъ прошелъ въ одинъ изъ смежныхъ номеровъ, въ которомъ на диванѣ, въ довольно гордой позѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ и читалъ какой-то, должно-быть, романъ.

Жуквичъ началъ ему говорить что-то по-польски, съ не совсѣмъ, впрочемъ, чистымъ польскимъ акцентомъ.

Молодой человѣкъ выслушалъ его внимательно; слова Жуквича видимо сконфузили его: онъ возразилъ ему съ своей стороны по-польски, но тоже какъ-то звякая въ произношеніи.

— Да ничего жъ не можетъ быть изъ того, — глупость, вздоръ — тьфу! — восклицалъ Жуквичъ по-русски: — вы жъ сумѣете своровать пулю, а я жъ выстрѣлю на воздухъ.

Молодой человѣкъ все еще не рѣшался.

— Мы жъ, Эмануилъ, жили все съ вами вмѣстѣ, — надобно жъ помогать другъ другу! — говорилъ почти умоляющимъ голосомъ Жуквичъ.

— Но они жъ могутъ замѣтить то! — проговорилъ наконецъ молодой человѣкъ и тоже, подобно Жуквичу, съ сильнымъ прибавленіемъ *жъ*.

— Гдѣ жъ замѣтить-то? Онъ сумасшедшій, какъ есть, а другой, секундантъ его — дуракъ, я жъ знаю его!.. — горячился тотъ. — Я вамъ, Эмануилъ, сколько денегъ давалъ!.. надобно жъ помнить то!.. Вы были бы давно жъ безъ меня въ тюрьмѣ!.. — прибавилъ онъ.

Послѣднее доказательство, какъ видно, подѣйствовало отчасти на молодого человѣка. Онъ поднялся со своего мѣста.

— Я, право жъ, не знаю, какъ сдѣлать это! — сказалъ онъ какъ бы въ раздумьѣ.

— Да что жъ тутъ сдѣлать?.. Развѣ трудно жъ, чтобы пулю, вмѣсто чтобы такъ,—вотъ такъ ее!..—воскликнулъ Жуквичъ и при этомъ сначала ткнулъ пальцемъ внизъ, а потомъ рукой показалъ на обшлагъ своего рукава.

Во всемъ этомъ объясненіи его красивая и почти величественная наружность совершенно измѣнилась: онъ сдѣлался какъ-то гадокъ и подлъ на видъ.

— Да не отговаривайтесь же, Эмануилъ, они жъ насъ ждутъ! — вопіялъ Жуквичъ и потомъ, взявъ почти насильно молодого человѣка за руку, повелъ его.

Князь между тѣмъ рвался отъ нетерпѣнія, и ему начинали приходить въ голову подозрѣнія, что не удралъ ли отъ него Жуквичъ; но двери отворились, и тотъ вошелъ со своимъ молодымъ товарищемъ. Оба они постарались принять спокойный видъ, и молодой человѣкъ попрежнему уже имѣлъ свою гордую осанку. Жуквичъ сначала отрекомендовалъ его князю, а потомъ Оглоблину. Молодой человѣкъ, кланяясь, сгибалъ только немного голову на своей длинной шеѣ.

— А на какомъ оружіи будетъ дуэль? — спросилъ онъ Жуквича.

— На пистолетахъ же! Я желаю на пистолетахъ!.. Они жъ у меня и есть! — отвѣчалъ тотъ и, сходя въ свою спальню, вынесъ оттуда пару отличныхъ пистолетовъ. — Не угодно ли вамъ видѣть ихъ? — проговорилъ онъ, подавая пистолеты Николя, который съ видомъ знатока осмотрѣлъ ихъ внимательно.

— Но въ какомъ мѣстѣ дуэль назначена? — продолжалъ молодой человѣкъ, сохраняя свою гордую осанку.

— Въ саду у меня, если хотите; онъ довольно большой и совсѣмъ пустой! — сказалъ князь.

Молодой человѣкъ вопросительно взглянулъ при этомъ на Жуквича.

— Мнѣ жъ все равно! — отвѣчалъ тотъ.

Всѣ тронулись потомъ за княземъ, который опять поѣхалъ съ Николя, а Жуквичъ со своимъ секундантомъ.

— Я очень радъ этой дуэли, очень! — повторялъ Николя всю дорогу, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ страха и отъ волненія у него даже какъ-то глаза перекосились.

Князь ничего ему не отвѣчалъ и былъ почти страшенъ на видъ. Пріѣхавъ къ себѣ въ домъ, онъ провелъ своихъ гостей прямо въ садъ, дорожки въ которомъ всѣ были расчищены, и на средней изъ нихъ оказалось удобнымъ совершить задуманное дѣло. Молодой секундантъ Жуквича сейчасъ принялся назначать мѣсто барьера.

— Тутъ, я полагаю, — отнесся онъ къ Николя, какъ къ сотоварищу своему.

— Конечно, тутъ!.. Разумѣется! — зашамшилъ тотъ своимъ язычищемъ.

Молодой человѣкъ послѣ того отмѣрилъ отъ барьера въ ту и другую сторону по нѣскольку шаговъ и сталъ заряжать пистолеты. Князь во все время этихъ приготовленій стоялъ безъ шубы и съ нетерпѣніемъ ожидалъ того, когда они кончатся.

Въ умѣ его, противъ собственнаго желанія, проходили довольно странныя мысли. Въ саду въ это время летали кой-какія птички и что-то такое чирикали; въ воздухѣ раздавался благовѣстъ къ вечернѣ въ сосѣднемъ приходѣ. Князю припомнилось его дѣтство, когда онъ именно въ эти часы гулялъ въ саду; потомъ мелькнулъ въ его воображеніи образъ Елены, жены, и затѣмъ пришла мысль, что черезъ нѣсколько мгновеній, можетъ-быть, онъ ничего не будетъ ни видѣть ни чувствовать. Жуквичъ, съ своей стороны, тоже стоялъ съ довольно мрачнымъ выраженіемъ, и при этомъ красивые глаза его неустанно и пристально были устремлены на молодого секунданта, который наконецъ зарядилъ пистолеты и, проговоря негромкимъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ: «готовы», вручилъ ихъ противникамъ. Тѣ стали на свои мѣста и начали подходить къ барьеру. Николя, все время стоявшій около князя и какъ бы желавшій его тѣмъ защитить, при видѣ, что Жуквичъ направляетъ свой пистолетъ въ ихъ сторону, заоралъ благимъ матомъ: «погодите, постойте, постойте!» — и бросился въ кусты.

— Станьте жъ вотъ тутъ около меня, здѣсь безопасно! — сказалъ ему съ насмѣшкой секундантъ Жуквича.

Николя подскочилъ къ нему и сталъ за нимъ. Князь прицѣлился въ самый лобъ Жуквича и выстрѣлилъ. Вслѣдъ затѣмъ выстрѣлилъ и Жуквичъ, но при этомъ онъ замѣтно держалъ пистолетъ вбокъ отъ князя. Оба противника оказались невредимы.

— Еще стрѣляться!.. Еще!.. — закричалъ-было князь.

Жуквичъ на это склонилъ немного голову.

— Я жъ принялъ разъ отъ васъ вызовъ, не будучи ни въ чемъ предъ вами виновенъ; но быть вашей постоянной мишенью я не желаю!

— Но все-таки я васъ убью!.. Я убить васъ хочу!.. — кричалъ князь.

— Убить же вы меня можете... тогда законъ васъ накажетъ за то! — проговорилъ Жуквичъ, пожимая плечами. — Идемте жъ! — присовокупилъ онъ своему секунданту.

Тотъ былъ совсѣмъ готовъ и даже держалъ пистолеты подъ мышкой; они отправились.

— Постойте, постойте!..—кричалъ-было имъ князь задыхающимся голосомъ. —Оглоблинъ, остановите ихъ! — присовокупилъ онъ, обращаясь къ Николя.

У самого князя силъ, кажется, не было тронуться съ мѣста. Онъ стоялъ, одною рукой держась за дерево, а другою схватясь за свой бокъ.

Николя, впрочемъ, его не послушалъ и принялся его уговаривать.

— Да нельзя, князь, по законамъ дуэли этого нельзя! — убѣждалъ онъ его.

— О, Боже мой, Боже мой! — простоналъ князь и, шатаясь, пошелъ изъ сада.

Николя послѣдовалъ за нимъ. Онъ каждую минуту ожидалъ, что князь упадетъ; однако тотъ дошелъ до дому, взошелъ даже на лѣстницу, прошелъ въ свой кабинетъ, упалъ вверхъ лицомъ на канапе и закрылъ глаза.

Николя смотрѣлъ на него оторопѣлыми глазами.

— Не нужно ли послать за докторомъ? — сталъ онъ спрашивать князя своимъ шепелявымъ языкомъ.

— Мнѣ все равно! — отвѣчалъ тотъ досадливымъ тономъ.

Николя постоялъ еще нѣкоторое время около князя, а потомъ вышелъ и сказалъ людямъ, чтобъ ѣхали за докторомъ. Тѣ, разумѣется, поскакали за Елпидифоромъ Мартынычемъ. Тотъ съ своей стороны, несмотря на причиненное ему княземъ оскорбленіе, немедля пріѣхалъ. Николя между тѣмъ, чтобы не безпокоить больного, ходилъ уже по залѣ.

— Струсилъ это онъ, — что̀ тутъ хвастать-то!.. нечего!.. Захворалъ вотъ даже!—шепталъ онъ самъ съ собой своими губищами.

Елпидифоръ Мартынычъ, осмотрѣвъ князя, вышелъ изъ кабинета съ озабоченнымъ лицомъ.

— Что̀ такое съ нимъ? — спросилъ его Николя.

Елпидифоръ Мартынычъ въ отвѣтъ махнулъ только рукой.

— Все тутъ есть!.. и воспаленіе печени, и давленіе на мозгъ, и не разберешь сразу-то... — проговорилъ онъ какимъ-то даже растеряннымъ голосомъ.

— У нихъ тутъ съ Жуквичемъ сейчасъ дуэль была!.. Я секундантомъ былъ у князя! — не утерпѣлъ Николя и началъ извергать изъ себя.

— А!.. — произнесъ съ удивленіемъ Елпидифоръ Мартынычъ. — Но за что же это? — присовокупилъ онъ.

— Должно-быть, изъ-за этой Жиглинской, что̀ у насъ теперь служитъ!

— Такъ!.. Да!.. Вѣрно, что такъ! — подтверждалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Едва растащилъ ихъ!.. Князь хотѣлъ другой разъ стрѣляться! — продолжалъ Николя разсказывать.

— А!.. — повторилъ еще разъ съ удивленіемъ Елпидифоръ Мартынычъ.

VII.

Прошло мѣсяца два. Елена все это время была занята устройствомъ лотереи на извѣстный намъ предметъ. Она предположила разыграть въ ней всѣ свои вещи. Жуквичъ тоже принесъ ей для этого очень цѣнный бритвенный ящикъ и пару отличныхъ револьверовъ.

— Это тѣ жъ самые пистолеты, на которыхъ мы стрѣлялись съ княземъ! — произнесъ онъ съ небольшой улыбкой.

Елена при этомъ немного измѣнилась въ лицѣ. Она, разумѣется, слышала еще прежде о дуэли и о болѣзни князя; обо всемъ этомъ ей на другой же день отрапортовалъ самымъ подробнымъ образомъ Николя. Тогда она, по наружности, по крайней мѣрѣ, какъ бы не обратила на то большого вниманія и даже проговорила: «Все фарсы этотъ господинъ выкидываетъ!». Но въ настоящую минуту Елена, какъ бы противъ воли, припомнила о другихъ пистолетахъ, на ящикѣ которыхъ она сдѣлала надпись своею рукою; со свойственной однако ей силой характера, она поспѣшила отогнать отъ себя это воспоминаніе и начала разговаривать съ Жуквичемъ.

— Вы знаете, что Оглоблинъ мнѣ тоже отдалъ въ лотерею свое оружіе? — сказала она ему.

— Какое жъ это оружіе? — спросилъ Жуквичъ.

— У него цѣлая стѣна была увѣшана разными ружьями и саблями: я какъ-то посмѣялась ему, что глупо въ настоящее время развѣшивать по стѣнамъ подобныя вещи... Онъ мнѣ теперь все это и презентовалъ.

— У васъ поэтому жъ будетъ военная лотерея?.. — посмѣялся Жуквичъ.

— Военная и литературная, потому что Оглоблинъ пожертвовалъ мнѣ еще всю почти библіотеку.

— Всю библіотеку жъ?

— Да, до тысячи томовъ.

— Но кому жъ вы на столько вещей раздадите ваши билеты? — воскликнулъ Жуквичъ.

— Розданы всѣ!.. розданы! — воскликнула съ своей стороны Елена. — Посмотрите, сколько тутъ денегъ! — присовокупила

на, открывая передъ Жуквичемъ ящикъ въ своемъ столѣ, въ которомъ было раскидано тысячъ до семи.

— Да, много жъ, очень! — произнесъ тотъ, и у него при этомъ точно конвульсіей подернуло все лицо. — Но гдѣ жъ вы набрали столько желающихъ брать билеты? — присовокупилъ онъ.

— Все мой безцѣнный Николя Оглоблинъ совершилъ это, по пословицѣ: нѣтъ дурака, который не годился бы на какое-нибудь полезное дѣло.

— О, да!..—протянулъ Жуквичъ и опять кинулъ косвенный взглядъ на ящикъ съ деньгами, а затѣмъ, какъ бы не удержавшись, присовокупилъ нѣсколько страннымъ голосомъ и сдѣлъ потупляясь при этомъ: — такую жъ большую сумму денегъ вы держите въ незапертомъ ящикѣ!..

— Но тутъ и замка совсѣмъ нѣтъ! — отвѣчала Елена.—А вотъ что,—продолжала она:—возьмите вы ихъ лучше себѣ: я вамъ же потомъ ихъ передамъ.

Жуквичъ вспыхнулъ весь въ лицѣ.

— Но ловко ли это будетъ?—проговорилъ онъ.

Голосъ его явно при этомъ трепеталъ.

— Что тутъ неловкаго?.. Никто и знать про то не будетъ,— сказала Елена.

Жуквичъ чувствовалъ, кажется, что волненіе его слишкомъ было замѣтно, такъ что самъ поспѣшилъ объяснить его.

— Я жъ даже смущенъ! — сказалъ онъ, беря себя за голосъ—отъ мысли, что моимъ собратамъ будетъ послана такажъ помощь!.. Радость прерываетъ даже голосъ мой!

— А я-то какъ рада, и сказать того не могу!—подхватила Елена. — Берите, пожалуйста, деньги и сосчитайте, сколько ихъ тутъ! — прибавила она, выкидывая изъ стола пачку за пачкой.

Жуквичъ началъ раскладывать ассигнаціи сначала по сотнямъ, а потомъ по тысячамъ.

— Семь тысячъ! — произнесъ онъ.

— Ого?.. порядочно!—воскликнула Елена.

— Да!—подтвердилъ какимъ-то почти разслабленнымъ голосомъ Жуквичъ.—Но какъ же вы дадите отчетъ въ нихъ?— спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Я вовсе въ нихъ не буду давать никакого отчета, — отвѣчала Елена.—Меня самоё сначала это мучило: я, какъ вотъ и мнѣ совѣтовали, говорила, что затѣваю это въ пользу молодыхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ обезпеченнаго положенія, съ тѣмъ, чтобъ онѣ не были доведены тѣмъ до порока; но потомъ думаю, что я должна буду сказать, кому именно изъ нихъ раздала эти деньги. Я и говорю этому Николя: «Это помощь,

говорю, благотворительная; но многія бѣдныя дѣвушки оттого, пожалуй, не обратятся къ ней, что ихъ фамиліи будутъ названы!»—«Да зачѣмъ вамъ называть ихъ?»—«Затѣмъ, говорю, чтобы дать отчетъ въ деньгахъ!»—«Да кому, говоритъ, вамъ давать отчетъ въ нихъ?» — «Тѣмъ лицамъ, говорю, которыя подпишутся на билеты».—«Очень нужно!»—говоритъ,—словомъ, совершенно свой взглядъ имѣетъ на это. — «Нѣтъ, говорю, очень нужно: я вовсе не такое лицо, которому общество захотѣло бы повѣрить безъ всякаго контроля». — «Не нужно, говоритъ, я все возьму на себя: пускай, говоритъ, ко мнѣ привязываются; что̀, они меня за вора, что ли, сочтутъ? А которые, говоритъ, очень пристанутъ, я возьму да за билеты ихъ свои деньги имъ и вышвырну!» Такимъ образомъ, съ этой стороны я обезпечена... Скверно, конечно, что тутъ лгать приходится, но что̀ дѣлать: другого я ничего не могла придумать!

— Да, Боже жъ мой! сколько сдѣлано сквернаго противъ тѣхъ людей, для которыхъ мы это дѣлаемъ...

— Еще бы!..—согласилась Елена, хотя въ глубинѣ совѣсти своей и продолжала чувствовать неловкость отъ того, что принуждена была выдумывать и обманывать.

— Такъ вы завтра мнѣ позволяете и отправить эти деньги?—спросилъ Жуквичъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Пожалуйста... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! — подхватила Елена.

— А прикажете дать вамъ расписку въ нихъ? — присовокупилъ Жуквичъ.

— Никакой!.. Что̀ за вздоръ такой! — воскликнула Елена.

Жуквичъ посидѣлъ еще нѣкоторое время, и если бъ Елена повнимательнѣй наблюдала за нимъ, то замѣтила бы, что онъ былъ какъ на иголкахъ; наконецъ онъ поднялся и сталъ прощаться съ Еленой; но деньги все еще не клалъ въ карманъ, а держалъ только ихъ въ своей рукѣ и такимъ образомъ вышелъ; но, выйдя въ сѣни, немедля всю пачку засунулъ въ свой совершенно пустой бумажникъ; потомъ этотъ бумажникъ положилъ въ боковой карманъ своего сюртука, а самый сюртукъ наглухо застегнулъ и, ѣхавъ домой, безпрестанно опывалъ тотъ бокъ сюртука, гдѣ лежалъ бумажникъ.

Лотерею въ пользу мнимыхъ бѣдныхъ дѣвушекъ Ника предположилъ разыграть въ домѣ отца. Старикъ Оглобли, очень любившій сына, который былъ у него единственный, въ которомъ онъ вовсе не замѣчалъ особенной простоватости, съ удовольствіемъ разрѣшилъ ему это и даже съ своей стороны предложилъ сдѣлать для этого une grande soirée.

Вещи, предназначенныя къ розыгрышу, разставить покрасивѣе на глаза публикѣ взялся Жуквичъ и исполнилъ это съ искусствомъ, достойнымъ лучшаго декоратора; при этомъ онъ все почти самъ размѣривалъ, прилаживалъ и приколачивалъ. Всѣ вещи разложены были на красномъ сукнѣ и мѣстами перемѣшаны съ горшками роскошнѣйшихъ цвѣтовъ; нѣкоторые томы изъ библіотеки Николя, болѣе красивые по переплету, были разставлены на полкахъ и этажеркахъ; около дюжины довольно плохихъ масляныхъ картинъ, подаренныхъ старикомъ Оглоблинымъ для розыгрыша въ лотерею и привезенныхъ въ грязномъ, закоптѣломъ видѣ изъ его деревенскаго дома, были Жуквичемъ заново покрыты лакомъ и вставлены въ новыя золоченыя рамы. Но что̀ болѣе всего кидалось въ глаза, такъ это самоваръ накладного серебра, который Николя почти насильно взялъ у одной изъ своихъ старыхъ тетокъ. Жуквичъ помѣстилъ этотъ самоваръ на верху одной горки, слѣдующія ступени которой уставилъ дорогими фамильными табакерками старика Оглоблина, изъ которыхъ тотъ, впрочемъ, отдалъ для лотереи только двѣ похуже, а остальныя поставлены были лишь для виду. Изъ Дворянскаго Собранія Николя досталъ два стеклянныя колеса для верченія нумеровъ. Огромную залу Оглоблиныхъ Жуквичъ сумѣлъ такъ равномѣрно освѣтить, что ни въ одномъ пунктѣ ея не было на волосъ темнѣе противъ другого. Старикъ Оглоблинъ, жившій въ молодости въ *настоящемъ свѣтѣ* и понимавшій подобныя вещи, сейчасъ замѣтилъ это и былъ въ восторгѣ: «Charmant, m-r Жуквичъ!.. Charmant!» — восклицалъ онъ, ходя съ самодовольствомъ взадъ и впередъ по залѣ. Гости начали съѣзжаться часовъ около десяти. M-r Николя и m-r Жуквичъ, оба въ бѣлыхъ галстукахъ и съ розетками распорядителей, принимали всѣхъ чуть не въ передней. Одна изъ очень миленькихъ кузинъ Николя предназначена была разыгрывать роль судьбы и должна была вертѣть колесо. Время, по царствующей тогда модѣ, было временемъ черезчуръ открытыхъ лифовъ. Эта мода врядъ ли была хороша для Москвы; по крайней мѣрѣ бо̀льшая часть мужчинъ, несмотря на свою слабость въ этомъ отношеніи, были бы больше довольны, если бы лифы у дамъ были гораздо и гораздо позакрытѣе; а Жуквичъ, такъ даже не скрываясь, дѣлалъ всякій разъ гримасу, когда мимо него проходила какая-нибудь черезчуръ не пощадившая себя дама. Въ числѣ мужчинъ пріѣхало весьма много почтенныхъ старичковъ, съ удовольствіемъ покупавшихъ билеты для сохраненія нравственности бѣдныхъ дѣвушекъ; но по нѣкоторой плутоватости, которая отражалась въ выраженіи

ихъ лицъ, сильно можно было подозрѣвать, что, принося свою лепту на спасеніе нравственности этихъ бѣдняжекъ, они, кажется, не прочь были бы сейчасъ же и соблазнить ихъ, удѣливъ имъ въ этомъ случаѣ уже бо́льшую лепту. О, эти старички!.. знаю я ихъ! Это все библейскіе судьи. Нашъ старичокъ Елпидифоръ Мартынычъ, тоже бывшій тутъ и явившійся, подобно другимъ старичкамъ, въ звѣздѣ, взялъ билетовъ рублей на пятьдесятъ у Николя и объявилъ, что готовъ быть безплатнымъ докторомъ всѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ.

Елена, которая, между нами сказать, была бы положительно лучше всѣхъ дамъ, пріѣхавшихъ на этотъ вечеръ, не пришла.

Николя впалъ отъ этого въ отчаяніе и бросился-было къ ней упрашивать ее.

— Да какъ же это?.. Для васъ я вѣдь вечеръ устраивалъ!— забарабанилъ онъ.

— Какъ, monsieur Николя, вы это говорите! Вы вспомните, кто я такая въ глазахъ всего вашего общества?.. Я — нигилистка, я mademoiselle Жиглинская, выгнанная изъ службы! При одномъ имени моемъ, я думаю, всѣ ваши гости разъѣдутся!..

Николя совершенно понялъ этотъ доводъ Елены.

— Пожалуй, что разъѣдутся: дурачье вѣдь все ужасное!— проговорилъ онъ со свойственной ему откровенностью и ушелъ отъ Елены.

Розыгрышъ лотереи начался между чаемъ и мороженымъ, и при этомъ произошло нѣсколько забавныхъ случаевъ: одному, напримѣръ, сенатору и совершенно статскому, рѣшительно оказавшему услуги отечеству однимъ лишь перомъ, досталась вдругъ грознѣйшая турецкая сабля изъ стамбульскаго булата. Глупый и весьма еще мало понимающій мальчикъ, сынъ очень молодой дамы, выигралъ финифтяную табакерку старика Оглоблина и тутъ же, безумецъ, уронилъ эту табакерку на полъ и разбилъ въ дребезги всю финифть. Мать его, вѣроятно, нѣсколько жадная по характеру дама, не удержалась, вся вспыхнула и дала сыну такого щелчка по головѣ, что ребенокъ заревѣлъ на всю залу, и его принуждены были увести въ дальнія комнаты и успокаивать тамъ конфетами; другая, старая уже мать очень разсердилась тоже: дочь ея, весьма невинное, хоть и глупое, какъ видно это было по глазамъ, существо, выиграла изъ библіотеки Николя «Дѣвственницу» Вольтера и, со свойственнымъ юности нетерпѣніемъ, сейчасъ схватила эту книгу и начала-было ее читать. Къ счастью, ея мать, игравшая въ карты, захотѣла посмотрѣть, что̀ дочь выиграла, и, увидавъ,

что̀ именно, вырвала книгу изъ рукъ дочери и почти кинула ее въ лицо Николя.

— Какъ это глупо разыгрывать подобныя гадости!—проговорила она.

— Что̀ же такое?.. Велика важность!—отвѣчалъ тотъ, самъ, въ свою очередь, осердившись на нее.

Кромѣ этого случая, впрочемъ, Николя всѣмъ остальнымъ былъ очень доволенъ и рѣшительно чувствовалъ себя героемъ этого вечера. Многіе обращались къ нему съ вопросами о томъ, какъ будутъ распоряжаться съ деньгами: весь ли капиталъ раздадутъ на вспомоществованіе, или только станутъ расходовать одни проценты? Николя, какъ мы знаемъ, былъ неспособенъ что̀ бы то ни было выдумывать и лгать; но говорить настоящее ему Елена запретила, а потому, въ отвѣтъ на всѣ вопросы, онъ больше произносилъ какіе-то нечленораздѣльные звуки и съ каждымъ почти соглашался, что̀ тотъ ему говорилъ.

— Домъ бы вамъ купить недорогой для помѣщенія особенно бѣдныхъ дѣвушекъ!—посовѣтовалъ ему одинъ господинъ, желавшій свой собственный домъ спустить кому-нибудь подороже.

— Мы и домъ купимъ!—отрѣзалъ ему Николя.

— Эмеритуру-съ имъ нужно учредить!.. Пусть тѣ изъ дѣвушекъ, которыя имѣютъ мѣста и получаютъ жалованье, эмеритуру къ этому капиталу приплачиваютъ!.. Эмеритура-съ — великое дѣло! — толковалъ ему другой, военный полковникъ, ожидающій на-дняхъ получить право эмеритуры.

— Эмеритуру сдѣлаемъ-съ!.. сдѣлаемъ!.. — отвѣчалъ ему, не задумываясь, Николя, а въ сущности даже не зная, что̀ такое эмеритура.

Проснувшись на другой день поутру, онъ задумалъ составить новую лотерею и съ этою цѣлью немедля побѣжалъ къ Еленѣ.

— Mademoiselle Елена! я сдѣлаю еще лотерею! — кричалъ онъ, только-что войдя къ ней въ комнату:—тутъ вотъ, говорятъ, въ аристократическомъ кружкѣ одинъ какой-то баринъ даетъ свои десять тысячъ разыграть въ лотерею. Я думаю, что̀ за чортъ какой добрый, — деньги свои отдаетъ!.. а онъ только на время ихъ даетъ, и какъ выручатъ на нихъ тысячъ десять, онъ опять ихъ себѣ и возьметъ назадъ!.. Я тоже могу сдѣлать: возьму у отца билетъ и разыграю его, а послѣ и ворочу ему!

— Но для этого, полагаю, нужно просить разрѣшенія у правительства?—возразила Елена.

— Э, мы и такъ сдѣлаемъ — ничего! — подхватилъ Николя и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ. Онъ, въ этомъ случаѣ, больше приналегъ на подчиненныхъ отца и отъ малаго до большого всѣхъ ихъ заставилъ взять по нѣскольку билетовъ, такъ что опять выручилъ тысячи три, каковыя деньги повергъ снова къ стопамъ Елены. Николя рѣшительно, кажется, полагалъ плѣнить ее этимъ и врядъ ли не подозрѣвалъ, что деньги эти она собираетъ вовсе не для бѣдныхъ дѣвушекъ, а прямо для себя!

Елена, съ своей стороны, тотчасъ послала за Жуквичемъ. Онъ передъ тѣмъ только принесъ ей благодарственное письмо отъ польскихъ эмигрантокъ, которыя именовали ее «Маткой Боской» своей и спасительницей дѣтей ихъ; къ ней также было письмо и отъ эмигрантовъ. Тѣ тоже называли ее «Маткой Боской» своей. Передавая Жуквичу вновь полученныя отъ Николя деньги, Елена произнесла съ нѣкоторымъ самодовольствомъ:

— Вотъ вамъ еще капиталъ!

— О, благодарю жъ тебя, Боже! — какъ бы не удержался и воскликнулъ Жуквичъ.

То, что разные польскіе эмигранты называли Елену Матерью Божьей, это нисколько ея не удивило, но что Жуквичъ поспѣшилъ поблагодарить Бога, это ей показалось страннымъ. Она, впрочемъ, не высказала ему того и только проговорила:

— Такъ какъ эмигранты теперь уже получили помощь, то эти деньги я не желаю отправлять въ Парижъ; иначе, онѣ тамъ получатся, сейчасъ же раздадутся по рукамъ и проживутся. Лучше мы будемъ помогать изъ нихъ постепенно, когда кто-нибудь изъ эмигрантовъ снова впадетъ въ бѣдность...

Такое намѣреніе Елены замѣтно не понравилось Жуквичу.

— Вы, значитъ, до тѣхъ поръ хотите эти деньги хранить у себя?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ у себя? Я положу ихъ въ банкъ, чтобы не терять процентовъ.

— Въ русскій?—переспросилъ ее Жуквичъ.

— Да, въ русскій.

— Это очень опасно,—началъ Жуквичъ:—при малѣйшемъ же подозрѣніи ихъ конфискуютъ.

— Но откуда можетъ явиться подозрѣніе?—спросила Елена.

— Да вотъ изъ этого жъ письма, которое прислали вамъ мои неосторожные собраты и которое, вѣроятно, уже прочли на почтѣ.

— Но какъ же быть въ такомъ случаѣ?—спросила Елена.

Жуквичъ развелъ руками.

— Я жъ бы думалъ,—заговорилъ онъ неторопливо:—лучше положить ихъ въ парижскій банкъ, а потомъ, когда вы прикажете кому сколько выдать, тому я и пошлю чекъ.

— Хорошо! — согласилась Елена и тутъ отдала Жуквичу всѣ деньги, которыми тотъ опять все время, пока сидѣлъ у ней, какъ бы даже небрежно игралъ; но, пойдя домой, попрежнему аккуратнѣйшимъ образомъ уложилъ ихъ въ свой карманъ.

Посреди такихъ хлопотъ, у Елены всякій разъ, какъ она вспоминала о князѣ, начинало ныть и замирать сердце. Странныя были въ настоящее время ея чувства къ нему: Елена въ одно и то же время какъ бы питала къ князю ненависть и жалость; ей казалось, что всѣ условія соединились для того, чтобъ изъ него вышелъ человѣкъ замѣчательный. Князь былъ уменъ, хорошо образованъ, не суетенъ, свободномыслящъ; но въ то же время съ такими мелкими понятіями о чести, о благородствѣ, съ такою дѣтскою любовью и уваженіемъ къ тому, что̀ вовсе, по ея мнѣнію, не заслуживало ни любви ни уваженія. Елена очень хорошо понимала, что при той цѣли жизни, которую она въ настоящее время избрала для себя, и при томъ идеалѣ, къ которому положила стремиться, ей не было никакой возможности опять сблизиться съ княземъ, потому что, если бъ онъ даже не сталъ мѣшать ей дѣйствовать, то все-таки одинъ его сомнѣвающійся и нѣсколько подсмѣивающійся видъ сталъ бы отравлять всѣ ея планы и надежды, а вмѣстѣ съ тѣмъ Елена ясно видѣла, что она воспламенила къ себѣ страстью два новыя сердца: сердце m-r Николя, надъ чѣмъ она разумѣется, смѣялась въ душѣ, и сердце m-r Жуквича, который день ото дня начиналъ ей показывать все болѣе и болѣе преданности и почти какого-то благоговѣнія. Надъ этимъ Елена не смѣялась и даже въ этомъ отношеніи чувствовала нѣкоторый страхъ. Видаясь съ Жуквичемъ каждодневно и бесѣдуя съ нимъ по цѣлымъ вечерамъ, Елена догадывалась, что онъ былъ человѣкъ лукавый, съ характеромъ твердымъ, закаленнымъ, и при этомъ она полагала, что онъ вовсе не такой маленькій дѣятель польскаго дѣла, какъ говорилъ о себѣ; объ этомъ Елена заключала изъ нѣсколькихъ фразъ, которыя вырвались у Жуквича,—фразъ о его дружественномъ знакомствѣ съ принцемъ Наполеономъ, объ его разговорѣ съ турецкимъ султаномъ, о связяхъ его съ разными вліятельными лицами въ Лондонѣ; словомъ, она почти увѣрена была, что онъ былъ вождь какой-нибудь огромной польской партіи, но только не говорилъ ей о томъ потому, что не до-

вѣрялъ ей вполнѣ. Послѣднее время, когда Жуквичъ приходилъ къ Еленѣ, она съ невольнымъ трепетомъ каждоминутно ожидала, что онъ произнесетъ ей признаніе въ любви. Ожиданіе это дѣйствительно въ весьма скоромъ времени подтвердилось. Принеся Еленѣ показать чекъ, присланный на его имя изъ парижскаго банка, Жуквичъ прямо началъ:

— А я, панна Жиглинская, осмѣливаюсь просить вашей руки и сердца.

Признаніе въ этой формѣ очень удивило Елену. Она сдѣлала усиліе какъ бы разсмѣяться надъ словами Жуквича.

— Это зачѣмъ вамъ такъ понадобилось?—спросила она его шутливо.

— Да, Боже жъ мой! влюбленъ въ васъ, несчастный! — воскликнулъ Жуквичъ тоже какъ бы съ оттѣнкомъ шутки.

Елена не переставала усмѣхаться слегка.

— Человѣкъ же, котораго вы любили,—продолжалъ своимъ вкрадчивымъ голосомъ Жуквичъ:—я полагаю, вы согласитесь, не стòитъ того, да онъ и самъ же разлюбилъ васъ!

— Но вы-то этого никакъ не можете знать—разлюбилъ онъ меня или нѣтъ!—воскликнула попрежнему насмѣшливо Елена.

— Да нѣтъ же, знаю я навѣрное то: онъ ждетъ къ себѣ жену свою!—воскликнулъ и Жуквичъ на это.

— Жену ждетъ?—переспросила Елена, и почти смертная блѣдность покрыла лицо ея.

— Жену ожидаетъ!—повторилъ Жуквичъ.—Съ Миклаковымъ княгиня разошлась; писала жъ послѣ того мужу и теперь собирается скоро пріѣхать къ нему совсѣмъ на житье.

Елена, видимо, не совсѣмъ повѣрила Жуквичу, и онъ сейчасъ это замѣтилъ.

— Мнѣ жъ пишетъ о томъ мой пріятель, который телеграфировалъ тогда по просьбѣ князя изъ Парижа о княгинѣ,— присовокупилъ онъ и въ дòказательство подалъ Еленѣ письмо, въ которомъ все было написано, чтò говорилъ Жуквичъ.

— Я почти ожидала этого заранѣе...—проговорила Елена какъ бы спокойно.—Князь всегда очень любилъ жену свою, и почему думалъ, что разлюбилъ ее, удивляться тому надо!.. Они совершенная ровня и пара!

— Самъ же, можетъ-быть, заолуждался! Мало ли чтò бываетъ!—подхватилъ, пожимая плечами, Жуквичъ.

— Да, но въ этомъ заблужденіи онъ бы долженъ поостеречься заблуждать другихъ...

— О, конечно жъ!—воскликнулъ Жуквичъ.—Я самъ вотъ прямо вамъ говорю, что я тоже человѣкъ женатый!

— Но какъ же вы хотите жениться на мнѣ?—воскликнула Елена.

— Бракомъ гражданскимъ! — отвѣчалъ, немного потупясь, Жуквичъ.

— Съ тѣмъ, чтобъ и къ вамъ жена ваша пріѣхала и выгнала меня?..

— О, нѣтъ же!.. Моя не пріѣдетъ!—произнесъ съ какимъ-то самодовольствомъ Жуквичъ:—она имѣетъ много дѣтей отъ другого и ко мнѣ не захочетъ воротиться.

— Ну, а самъ кто вы такой?—спросила вдругъ его Елена:—потому что я совершенно убѣждена, что вы вовсе не тотъ человѣкъ, за котораго себя выдаете...

При этомъ вопросѣ Жуквичъ на короткое мгновеніе смутился.

— Да, я жъ не тотъ, что̀ я говорю! — сказалъ онъ послѣ недолгаго молчанія.

— Кто же вы такой?—повторила Елена.

— Я?..—началъ Жуквичъ и пріостановился на нѣсколько времени.—Я жъ висѣльникъ 48-го года и теперь существую подъ другою фамиліей. Въ 48-мъ году я былъ повѣшенъ!..

И съ этими словами Жуквичъ проворно развязалъ свой галстукъ и раскрылъ воротникъ своей рубашки. Елена увидѣла у него на шеѣ довольно большой шрамъ, показавшійся ей какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ происшедшимъ отъ веревки.

— Но какъ же вы спаслись?—проговорила она, смотря ему прямо въ лицо.

— Съ помощью жъ добрыхъ товарищей и нѣкоторой собственной смѣлости!..—отвѣчалъ Жуквичъ.

Елена продолжала не спускать съ него глазъ: сдѣланное имъ открытіе еще выше подняло Жуквича въ глазахъ ея.

— Да довѣрьте жъ мнѣ, панна Жиглинская!..—воскликнулъ онъ.—Вы жъ удумали посвятить себя вмѣстѣ со мною польскому дѣлу!

— Удумала!—проговорила Елена.

— Такъ развѣ жъ можно, бывъ такъ близко къ вамъ, не поклоняться вашей красотѣ?.. Развѣ жъ вы, панна Жиглинская, не знаете вашихъ чарующихъ прелестей? Передъ вами бывъ, надо жъ или боготворить васъ, или бѣжать отъ васъ!..

Елена мгновенно вся покраснѣла и сдѣлалась сумрачною.

— Очень жаль это!.. — заговорила она: — и я, признаюсь, въ этотъ разъ гораздо бы больше желала быть какимъ-нибудь уродомъ, чѣмъ красивою женщиной!

— Для чего жъ то?—воскликнулъ Жуквичъ.

— Для того, чтобы вы тогда относились ко мнѣ по сход-

ству нашихъ убѣжденій, а не по чему иному... Я собственно съ любовью навсегда покончила: мое недавнее прошедшее дало мнѣ такой урокъ, что я больше не поддамся этому чувству, и, кромѣ того, я убѣдилась, что и по натурѣ своей я женщина не *любви*, а *политики*.

— Но любовь же не помѣшаетъ политикѣ! — возразилъ Жуквичъ.

— Напротивъ, очень помѣшаетъ! — продолжала Елена:— Шиллеръ недаромъ выдумалъ, что Іоанна д'Аркъ до тѣхъ поръ только вѣрна была своему призванію, пока не любила.

— Нѣтъ, эта фантазія поэта совершенно несправедливая!— возразилъ ей Жуквичъ, и лицо его приняло весьма недовольное выраженіе, такъ что Елена нѣсколько испугалась этого.

— Вотъ видите, какъ нехорошо быть красивой собой!— проговорила она:—вы теперь будете недовольны мною и, можетъ-быть, даже постараетесь отстранить меня отъ нашего общаго дѣла.

— О, нѣтъ, зачѣмъ же?—возразилъ онъ ей.

— И не отстраняйте меня!.. Я буду вамъ полезна! — сказала Елена съ чувствомъ.

— Да знаю жъ это я!—воскликнулъ и Жуквичъ съ чувствомъ.

VII.

Съ Елизаветой Петровной послѣ того, какъ Елена оставила князя, сдѣлался легонькій ударъ. Услыхавъ отъ Елпидифора Мартыныча, что у князя съ Жуквичемъ была дуэль, она твердо была убѣждена, что Елена или приготовлялась измѣнить князю, или уже измѣнила ему. Главнымъ образомъ въ этомъ случаѣ Елизавету Петровну безпокоила мысль, что князь, разсердясь на Елену, пожалуй, и ей перестанетъ выдавать по триста рублей въ мѣсяцъ; но, къ великому удивленію ея, эти деньги она продолжала получать весьма исправно. Достойный другъ Елизаветы Петровны, Елпидифоръ Мартынычъ почти всякій день посѣщалъ ее въ болѣзни и пользовалъ ее совершенно безплатно. Въ своихъ задушевныхъ бесѣдахъ съ нимъ Елизавета Петровна каждый разъ превозносила князя до небесъ.

— Это ангелъ, а не человѣкъ,—ей-Богу, какой-то ангелъ!— говорила она почти съ удивленіемъ.

— Именно, что ангелъ!—подхватывалъ Елпидифоръ Мартынычъ, тоже, какъ видно, бывшій очень доволенъ княземъ.

— Но какъ его-то, голубчика, здоровье?—продолжала Елизавета Петровна со слезами на глазахъ.

— Что здоровье!.. Тѣло еще можно лѣчить, а душу нѣтъ,— душу не вылѣчишь!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ грустнымъ тономъ.

— Стало-быть, онъ все еще любитъ ее, мерзавку?—спрашивала Елизавета Петровна.

— Кажется, что любитъ!.. О ребенкѣ, главное, теперь безпокоится. Приказалъ-было мнѣ, чтобъ я каждый день заѣзжалъ навѣщать малютку; я разъ заѣхалъ... мальчикъ уже ходитъ и прехорошенькій.

— Ходитъ?—переспросила съ чувствомъ Елизавета Петровна.

— Мѣсяца съ два, какъ ходитъ!.. Говорю Еленѣ Николаевнѣ, что «вотъ мнѣ поручено навѣщать ребенка».—«Это, говоритъ, зачѣмъ? Вы видѣли, что онъ здоровъ, а сдѣлается боленъ, такъ я пришлю за вами!» Такъ и не позволила мнѣ! Я доложилъ объ этомъ князю,—онъ только глаза при этомъ возвелъ къ небу.

— Голубчикъ мой, голубчикъ!—повторила еще разъ Елизавета Петровна.

Елпидифоръ Мартынычъ больше за тѣмъ и ѣздилъ такъ часто къ Елизаветѣ Петровнѣ, чтобъ узнавать отъ нея о дочери, такъ какъ Елена не пускала его къ себѣ; а между тѣмъ онъ видѣлъ, что князь интересуется знать о ней.

— Ну, а какъ, слышно, она послуживаетъ на новомъ своемъ мѣстѣ?—разспрашивалъ онъ.

— Какая ужъ служба! Этто вотъ какъ-то горничная ея прибѣгала и разсказывала: «барышня, говоритъ, цѣлые дни своими ручками грязное бѣлье считаетъ и записываетъ»... Тьфу!

— Тьфу!—отплюнулся на это и Елпидифоръ Мартынычъ.

— И ништo ей; не хотѣла быть барыней, такъ будь прачкой!—присовокупила Елизавета Петровна съ какимъ-то злобнымъ удовольствіемъ.

Вскорѣ послѣ лотереи, въ затѣѣ и устройствѣ которой Елпидифоръ Мартынычъ сильно подозрѣвалъ участіе Елены, онъ снова пріѣхалъ къ Елизаветѣ Петровнѣ.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь новостей насчетъ Елены Николаевны?—спросилъ онъ ее будто бы къ слову.

— Марѳутка моя сегодня убѣжала къ нимъ; не знаю, воротилась ли... Марѳутка!..—крикнула Елизавета Петровна на всю квартиру.

— Чего изволите, барыня?—отозвалась та.

— Позовите ее сюда и поразспросите хорошенько!—проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ скороговоркой.

— Хорошо!.. Марѳуша, поди сюда!—крикнула Елизавета Петровна уже поласковѣй.

Марѳуша вошла. Она сдѣлалась еще болѣе краснощекой.

— Что̀, Елена Николаевна здорова?—спросила ее первоначально Елизавета Петровна.

— Здорова-съ!—отвѣчала Марѳуша.

Далѣе Елизавета Петровна не находилась, что̀ спрашивать ее; тогда уже принялся Елпидифоръ Мартынычъ.

— А скажи мнѣ, моя милая,—началъ онъ:—кто бываетъ у Елены Николаевны въ гостяхъ?..

— Кто, баринъ, бываетъ-съ?.. Я не знаю-съ!..—отвѣчала-было на первыхъ порахъ Марѳуша.

— Какъ же ты не знаешь?.. Поди-ка ты сюда ко мнѣ!

Марѳуша подошла къ нему.

— На̀ тебѣ на чай! Я давно хотѣлъ тебѣ дать,—продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, подавая ей рубль серебромъ.

Та, принявъ этотъ рубль, поцѣловала у Елпидифора Мартыныча руку, который съ удовольствіемъ позволилъ ей это сдѣлать.

— Ну, а не ходятъ ли къ Еленѣ Николаевнѣ разныя барышни молоденькія... дѣвицы небогатенькія? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, баринъ, не ходятъ-съ!—отвѣчала Марѳуша.

— А изъ мужчинъ кто же бываетъ у ней? — допытывался Елпидифоръ Мартынычъ.

— Изъ мужчинъ-съ, горничная Елены Николаевны сказывала, у нихъ только и бываетъ этотъ Николай Гаврилычъ...

— Такъ... такъ... Оглоблинъ это!—подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Оглоблинъ-съ!.. Потомъ этотъ полякъ!.. ужъ не помню, баринъ, фамилію...

— Жуквичъ!—напомнилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ.

— Жуквичъ, баринъ, Жуквичъ!—воскликнула Марѳуша.

— Это тотъ злодѣй, что̀ стрѣлялся съ княземъ? — спросила Елизавета Петровна по-французски Елпидифора Мартыныча и спросила его очень хорошимъ французскимъ языкомъ.

— Oui, c'est lui! — отвѣчалъ онъ ей тоже по-французски, но только чортъ знаетъ какъ произнося. — И что̀ же, они любезничаютъ съ барышней? — обратился онъ снова къ Марѳушѣ.

— Любезничаютъ-съ! — отвѣчала та, усмѣхаясь.

— А который же больше?

— Да оба, баринъ, любезничаютъ! — проговорила Марѳуша и окончательно засмѣялась.

— А сама барышня однако съ которымъ больше любезна? — спрашивалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Марѳуша при этомъ взглянула на Елизавету Петровну, какъ бы спрашивая, можетъ ли она все говорить.

— Говори, если что̀ знаешь! — сказала та въ отвѣтъ на этотъ взглядъ.

— Съ полякомъ, надо-быть, баринъ, больше!—начала Марѳуша:—онъ красивый такой изъ себя, а Николай Гаврилычъ—этотъ нехорошъ-съ!.. Губошлепъ!.. Въ домѣ такъ его и зовутъ: «губошлепъ, говорятъ, генеральскій идетъ!».

— Именно, губошлепъ!.. именно!—подтвердилъ, усмѣхаясь, Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я вамъ говорила, — сказала Елизавета Петровна опять по-французски Елпидифору Мартынычу:—что у Елены непремѣнно съ господиномъ полякомъ что-нибудь да есть!

— Oui, c'est vrai!.. il est quelque chose!—отвѣчалъ и онъ ей Богъ знаетъ что̀ ужъ такое.

— Ну, ты ступай! — разрѣшила Елизавета Петровна Марѳушѣ.

Та ушла.

— Il est quelque chose! Il est! — повторилъ еще разъ свою фразу Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь послѣ болѣзни своей очень постарѣлъ и похудѣлъ; станъ его сгорбился, взглядъ былъ постоянно какой-то мрачный, безпокойный, блуждающій и озирающійся кругомъ. Ударъ, нанесенный князю поступкомъ Елены, былъ слишкомъ неожиданъ для него: онъ могъ предполагать очень много дурного для себя на свѣтѣ, только не это. Князь считалъ Елену съ пылкимъ и, пожалуй, очень дурнымъ характеромъ, способною, въ минуты досады и ревности, наговорить самыхъ обидныхъ и оскорбительныхъ вещей; но чтобъ она не любила его нисколько,— онъ не думалъ... И его въ этомъ случаѣ поражало не столько то, что Елена ушла отъ него и бросила его, какъ то, что она послѣ, въ продолженіе всей его болѣзни, ни разу не заѣхала къ нему провѣдать его. Такъ поступать можно только или въ отношеніи злѣйшаго врага своего, или вслѣдствіе своей собственной, личной вѣтрености и даже нѣкоторой развращенности, но то и другое предполагать въ Еленѣ для князя было тяжело!.. «Кому же послѣ этого вѣрить? Въ комъ видѣть хоть сколько-нибудь порядочнаго человѣка или женщину?» — спрашивалъ онъ самъ себя и при этомъ невольно припоминалъ слова Миклакова, который какъ-то разъ доказывалъ ему, что тотъ, кто не хочетъ обманываться въ людяхъ, долженъ непремѣнно со всякимъ человѣкомъ дѣйствовать юридически и нравственно такъ, какъ бы онъ дѣйствовалъ съ величайшимъ подлецомъ въ мірѣ. Слова эти начали казаться князю величайшею истиной. Склонный и прежде къ

скептическому взгляду, онъ теперь сталъ окончательно всѣхъ почти ненавидѣть, со всѣми скучать, никому не довѣрять; не говоря уже о родныхъ, которые первое время болѣзни князя вздумали-было навѣщать его и которыхъ онъ обыкновенно дерзостью провожалъ, даже въ прислугѣ своей князь началъ подозрѣвать какихъ-то враговъ своихъ, и одинъ только Елпидифоръ Мартынычъ день ото дня все болѣе и болѣе получалъ довѣрія отъ него; но зато старикъ и поработалъ для этого: въ продолженіе всего тяжкаго состоянія болѣзни князя Елпидифоръ Мартынычъ только на короткое время уѣзжалъ отъ него на практику, а потомъ снова къ нему возвращался и даже проводилъ у него иногда цѣлыя ночи. Когда князю сдѣлалось наконецъ получше, Елпидифоръ Мартынычъ однажды остался обѣдать у него. Князь, сѣвъ за столъ и попробовавъ супъ, вдругъ отодвинулъ отъ себя тарелку и не сталъ больше ѣсть.

— Это точно съ ядомъ! — проговорилъ какъ бы невольно самъ съ собою князь.

Елпидифоръ Мартынычъ намоталъ себѣ это на усъ и разными шуточками, прибауточками сталъ напрашиваться у князя обѣдать каждый день, при чемъ обыкновенно всякое кушанье бралъ самъ первый, и князь послѣ этого замѣтно спокойнѣе ѣлъ. Чтобъ окончательно разсѣять въ немъ такое странное подозрѣніе, Елпидифоръ Мартынычъ принялся князю хвалить всю его прислугу: «Что̀ это у васъ за безподобные люди,— говорилъ онъ:—въ болѣзнь вашу они навзрыдъ всѣ ревѣли». Князь слушалъ его и, какъ кажется, вѣрилъ ему.

Послѣднее время Елпидифоръ Мартынычъ замѣтилъ, что князь опять сдѣлался какъ-то болѣе обыкновеннаго встревоженъ и чѣмъ-то разстроенъ. Онъ пытался-было повыспросить у него причину тому, но князь отмалчивался.

Взволновало князя на этотъ разъ полученное имъ снова письмо изъ Парижа отъ г-жи Петицкой, которая увѣдомляла князя, что этотъ злодѣй и негодяй Миклаковъ, измучивъ и истерзавъ княгиню, наконецъ оставилъ ее въ покоѣ.

«Вы сами, князь,—писала Петицкая:—знаете по собственному опыту, какъ можно ошибаться въ людяхъ; извѣстная особа, по здѣшнимъ слухамъ, тоже оставила васъ, и теперь единственное, пламенное желаніе княгини—возвратиться къ вамъ и ухаживать за вами. А что она ни въ чемъ противъ васъ не виновна — въ этомъ Богъ свидѣтель. Я такъ же, какъ и вы, въ этомъ отношеніи заблуждалась; но, живя съ княгиней около полутора лѣтъ, убѣдилась, что это святая женщина: время лучше докажетъ вамъ то, что̀ я пишу въ этихъ строкахъ»...

Письму этому князь, разумѣется, нисколько не повѣрилъ и, прочитавъ его, даже бросилъ въ сторону: «обманывать еще хотятъ!»—сказалъ онъ, но потомъ кроткій и такой, кажется, чистый образъ княгини сталъ мало-по-малу вырисовываться въ его воображеніи: князь не въ состояніи былъ почти вообразить себѣ, чтобъ эта женщина могла кого-нибудь, кромѣ его, полюбить.

Елпидифору Мартынычу князь не говорилъ объ этомъ письмѣ, потому что не зналъ еще, что̀ тотъ скажетъ: станетъ ли онъ подтверждать подозрѣніе князя въ томъ, что его обманываютъ, или будетъ говорить, что княгиня невинна; но князю не хотѣлось ни того ни другого слышать: въ первомъ случаѣ пропалъ бы изъ его воображенія чистый образъ княгини, а во второмъ—онъ самъ себѣ показался бы очень некрасивымъ нравственно, такъ какъ за что же онъ тогда почти насильно прогналъ отъ себя княгиню.

Елпидифоръ Мартынычъ между тѣмъ, объясняя себѣ увеличившееся безпокойство князя все еще его несчастною привязанностью къ Жиглинской, рѣшился окончательно разочаровать его въ этой госпожѣ и, если возможно будетъ, даже совершенно втоптать ее въ грязь въ его глазахъ.

Для этого пріѣхавъ къ князю вскорѣ послѣ разспросовъ, сдѣланныхъ Марэушѣ, Елпидифоръ Мартынычъ началъ съ шуточки.

— Вы, ваше сіятельство, такъ-таки монахомъ все и намѣрены жить? — заговорилъ онъ, лукаво посматривая на князя.

Тотъ этимъ вопросомъ, повидимому, крайне былъ удивленъ.

— А у меня на примѣтѣ какая есть молодая особа!—продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, чмокнувъ губами и дѣлая ручкой: — умненькая... свѣженькая, и ужъ рекомендую вамъ, будетъ любить васъ не такъ, какъ прежняя.

Князь при этомъ сдѣлалъ недовольную и досадливую мину.

— Что̀ за вздоръ такой вы болтаете! — произнесъ онъ.

— Нѣтъ, не вздоръ!.. Шутки въ сторону, на прежнюю госпожу вамъ надобно отложить всякія чаянія: измѣнила вамъ вполнѣ...

Князь при этомъ мрачно и сердито посмотрѣлъ на Елпидифора Мартыныча.

— Для кого же это?.. — проговорилъ онъ.

— Да для человѣка, котораго вы, вѣроятно, предполагаете.

— Но кто вамъ сказалъ это?—продолжалъ князь съ тѣмъ же мрачнымъ выраженіемъ.

— Господи Боже мой! Все заведеніе говоритъ о томъ — отъ малаго до большого; я лѣчу тамъ, такъ каждый день

слышу: днюетъ и ночуетъ, говорятъ, онъ у нея!—выдумывалъ Елпидифоръ Мартынычъ, твердо убѣжденный, что для спасенія позволительна всякая ложь.—Тогда, какъ она отъ васъ уѣхала, стали тоже говорить, что все это произошло оттого, что вы приревновали ее къ Жуквичу. Я, признаться, васъ же повинилъ,—не помстилось ли, думаю, князю: какимъ образомъ съ однимъ человѣкомъ годы жила, а другого недѣлю какъ узнала... Анъ вышло, что нѣтъ,—правда была!

Въ лицѣ князя отразилась въ это время почти смертельная тоска.

— Да и не про одного тутъ Жуквича говорятъ,—старался Елпидифоръ Мартынычъ еще болѣе доконать Елену въ мнѣніи князя:—и съ Оглоблинымъ, говорятъ, у ней тоже кое-что началось...

Этого князь уже болѣе не вынесъ.

— Ну, будетъ!.. Довольно объ этомъ говорить!—произнесъ онъ капризнымъ и досадливымъ голосомъ.

Елпидифоръ Мартынычъ замолчалъ.

Дня черезъ два послѣ этого разговора князь вдругъ сказалъ Елпидифору Мартынычу:

— Я очень интересное письмо получилъ о женѣ изъ-за границы!

— Что̀ такое-съ? — спросилъ тотъ, навастривая отъ любопытства уши.

— А вонъ оно на столѣ... прочтите, — прибавилъ князь, показывая на валявшееся на столѣ письмо Петицкой.

Елпидифоръ Мартынычъ, прочитавъ письмо, пришелъ въ какой-то почти смѣшной даже восторгъ; онъ обернулся къ окну и началъ молиться на виднѣвшуюся изъ него колокольню: въ комнатѣ у князя не было ни одного образа.

— Боже милостивый!—забормоталъ онъ, закрывая глаза и склоняя голову:—благодарю Тя за Твои великія и несказанныя милости, и ниспошли Ты благодать и миръ дому сему!.. Ну, поздравляю васъ, поздравляю!—заключилъ Елпидифоръ Мартынычъ, подходя уже къ князю и вдругъ цѣлуя его.

— Что̀ вы, точно съ ума сошли! — сказалъ ему тотъ сердито.

— Извините на этотъ разъ!.. Всегда такъ привыкъ выражать душевную радость — молитвой и поцѣлуемъ.

— Чему же тутъ радоваться, когда все письмо отъ перваго до послѣдняго слова — ложь?

— Письмо́-то? — воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ: — нѣтъ-съ, ложь не въ письмѣ, а у васъ въ мозгу, въ вашемъ

воображеніи, или, лучше сказать, въ вашей печени разстроенной!.. Оттуда и идетъ весь этотъ мрачный взглядъ на жизнь и на людей.

— Ну, такъ лѣчите, когда оттуда идетъ! — проговорилъ князь.

— К-ха!—откашлянулся Елпидифоръ Мартынычъ.—Трудно, когда одно другимъ питается: разстроенная печень дѣлаетъ мрачный взглядъ, а мрачный взглядъ разстраиваетъ печень!.. Что̀ тутъ врачу дѣлать?.. Надобно самому больному бодриться духомъ и разсѣивать себя!.. Вотъ вообразите себѣ, что княгиня ничѣмъ противъ васъ не виновата, да и возрадуйтесь тому.

— Какъ же я воображу это, когда она сама, уѣзжая, ни слова не возражала противъ того?

— Да, возрази вамъ... легко это сказать!.. Мужчина не всякій на то рѣшится, особенно когда вы въ гнѣвѣ, не то что женщина!

Князю въ первый еще разъ пришла эта мысль: «А что̀, если я въ самомъ дѣлѣ запугалъ ее, и она наклеветала на себя? О, я мерзавецъ, негодяй!»—думалъ онъ про себя.

— Развѣ она вамъ говорила это?—сказалъ онъ вслухъ.

— Еще бы не говорила!.. Говорила! — солгалъ, не задумавшись, Елпидифоръ Мартынычъ.

У князя даже холодный потъ выступилъ при этомъ на лбу.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ что̀, — началъ онъ какимъ-то прерывистымъ голосомъ: — нельзя ли вамъ написать княгинѣ отъ себя?

— Но что̀ такое я напишу ей? — спросилъ Елпидифоръ Мартынычъ, не понявъ сначала князя.

— То, что... — началъ тотъ, видимо сердясь на недогадливость его:—если княгиня хочетъ, такъ пусть пріѣзжаетъ сюда ко мнѣ, въ Москву.

— Но отчего вы сами не хотите ей написать о томъ?.. Отъ васъ бы ей пріятнѣе было получить такое письмо, — возразилъ ему Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я не могу, понимаете, я не могу!.. — говорилъ князь, слегка ударяя себя въ грудь, и при этомъ слезы даже показались у него на глазахъ:—въ головѣ у меня тысяча противорѣчій, и всѣ они гложутъ, терзаютъ, мучатъ меня.

— Ипохондрія... больше ничего, ипохондрія!—сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, смотря съ чувствомъ на князя.—Ну-съ, не извольте хмуриться, все это я сдѣлаю: напишу княгинѣ и устрою, какъ слѣдуетъ! — заключилъ онъ и, пріѣхавъ домой, не откладывая времени, принялся своимъ красивымъ семи-

нарскимъ почеркомъ писать къ княгинѣ письмо, которымъ прямо отъ имени князя приглашалъ ее прибыть въ Москву.

Невдолгѣ послѣ объясненія съ Жуквичемъ Еленѣ пришлось имѣть почти такое же объясненіе и съ Николя Оглоблинымъ. Бѣдный молодой человѣкъ окончательно, кажется, и не шутя потерялъ голову отъ любви къ ней, тѣмъ болѣе, что Елена, изъ благодарности къ нему за устройство лотереи, продолжала весьма-весьма благосклонно обращаться съ нимъ. Главнымъ образомъ Николя мучило то, что у него никакъ не хватало смѣлости объясниться съ Еленой въ любви, а потому онъ думалъ-думалъ да и надумалъ, не переговоря ни слова съ отцомъ своимъ, предложить Еленѣ, подобно Жуквичу, бракъ, но только бракъ церковный, разумѣется, а не гражданскій.

Придя разъ вечеромъ къ Еленѣ, Николя началъ какъ-то особенно ухарски расхаживать по комнатѣ ея: онъ въ этотъ день обѣдалъ въ клубѣ и былъ немного пьянъ.

— Знаете что̀, mademoiselle Елена, я хочу на васъ жениться!—сказалъ онъ.

— На мнѣ?.. — спросила, разсмѣявшись, Елена.

— Да, на васъ!.. Пусть тамъ отецъ, чортъ его дери, что̀ хочетъ, говоритъ... Другіе женятся и на цыганкахъ, а не то что... — бултыхалъ Николя, не давая себя отчета въ томъ, что̀ говорилъ.

Елена на этотъ разъ не разсердилась на него нисколько.

— Нѣтъ, я не могу пойти за васъ замужъ, — проговорила она, сколько могла, добрымъ голосомъ.

— Отчего? — воскликнулъ Николя, никакъ не ожидавшій, что Елена замужъ за него даже не пойдетъ, потому что считалъ замужество это для нея все-таки большимъ шагомъ въ жизни.

— Оттого, что я васъ не люблю тою любовью, которою слѣдуетъ любить мужа!—отвѣчала Елена.

— Какой же вы любовью меня любите?—спросилъ Николя, немного повеселѣвшій отъ мысли, что его хоть какою-нибудь любовью любятъ.

— Я люблю васъ какъ пріятеля, какъ человѣка очень хорошаго!—говорила Елена.

— Какой я пріятель вамъ!.. Я не могу быть вашимъ пріятелемъ!—возразилъ Николя уже недовольнымъ тономъ.

— Отчего же не пріятель?

— Оттого, что вамъ пріятель надобенъ какой-нибудь ученый, а я что̀?.. Я знаю, что я не ученый.

— Зато вы очень добрый человѣкъ, а это стóитъ многаго!—возразила Елена.

— Это чтò добрый?..—продолжалъ Николя, сохраняя свой недовольный тонъ.—Вы любите, вѣрно, кого-нибудь другого!—прибавилъ онъ.

Елена на это молчала.

— Князя, что ли, все еще любите?—говорилъ Николя.

— Можетъ-быть, и князя!—отвѣтила Елена.

— Ну, ужъ извините: я бы вамъ не совѣтовалъ!—продолжалъ Николя насмѣшливымъ голосомъ:—Елпидифоръ Мартынычъ сказывалъ, что къ нему жена скоро изъ-за границы вернется!

— Это я знаю!—проговорила Елена.

— Такъ вамъ опять, видно, срамиться хочется, какъ прежде, вонъ, исторіи были?.. А какъ вы выйдете за меня, по крайней мѣрѣ, замужняя женщина будете!

— Нѣтъ, monsieur Николя, у меня никакой больше исторіи не будетъ, потому что я никого не люблю и замужъ ни за кого не пойду!—постаралась еще разъ успокоить его Елена.

— Ну да, не любите!.. Не можетъ быть, непремѣнно кого-нибудь любите! — толковалъ Николя свое и почти напередъ зналъ, кого любитъ Елена, но ей однако этого не высказалъ; зато, возвратясь домой, позвалъ къ себѣ своего Севастьянушку и убѣдительно просилъ его разузнать, съ кѣмъ живетъ г-жа Жиглинская.

Севастьянушка въ этихъ дѣлахъ былъ человѣкъ опытный. Онъ прежде всего обратился къ смотрителю дома, всегда старавшемуся представить изъ себя человѣка, знающаго даже, чтò крысы подъ поломъ дѣлаютъ въ цѣломъ зданіи.

— А чтò,—спросилъ его Севастьянъ:—къ этой новой кастелянше нашей никакого хахаля не ходитъ?.. Генералъ велѣлъ узнать.

На генерала, т.-е. на старика Оглоблина, Севастьянушка свалилъ, чтобы придать больше вѣсу своимъ словамъ въ глазахъ смотрителя.

— Ходитъ одинъ полякъ къ ней... Надо-быть, что хахаль!—отвѣчалъ ему тотъ.—Этта я, какъ-то часу въ третьемъ ночи, иду по двору; смотрю, у ней въ окнахъ свѣтъ,—ну, боишься тоже ночнымъ временемъ: сохрани Богъ, пожаръ... Зашелъ къ нимъ: «Чтò такое, говорю, за огонь у васъ?»—«Гость, говорятъ, сидитъ еще въ гостяхъ!»

Севастьянушка на это только усмѣхнулся и затѣмъ уже взялся за горничную Елены, которую онъ для этого зазвалъ къ себѣ въ гости, угостилъ ее чаемъ и сталъ разспрашивать

что не влюблена ли въ кого-нибудь ея барышня. Глупая горничная, какъ болтала она объ этомъ съ Мареушей, такъ и ему прямо объяснила, что барышня, должно-быть, теперь гуляетъ съ бариномъ Жуквичемъ, потому что ѣздитъ съ нимъ по вечерамъ и неизвѣстно куда. Показаніе это Севастьянушка провѣрилъ еще черезъ посредство солдата, стоявшаго у уличныхъ воротъ зданія, и тотъ ему сказалъ, что, точно, кастелянша ѣздитъ иногда съ какимъ-то мужчиной и что возвращается домой поздно.

Обо всемъ Севастьянъ самымъ подробнымъ образомъ доложилъ Николя.

— Хорошо!.. хорошо!.. славно!..—говорилъ тотъ, дѣлаясь при этомъ совершенно пунцовымъ отъ гнѣва.

XI.

Николя, какъ и бо́льшая часть глупыхъ людей, при всей своей видимой добротѣ, былъ въ то же время золъ и мстителенъ. Взбѣсясь на Елену за то, что она — тогда какъ онъ схлопоталъ ей мѣсто и устроилъ лотерею—осмѣлилась предпочесть ему другого, онъ рѣшился насказать на нее отцу своему съ тѣмъ, чтобы тотъ вытурилъ Елену съ ея мѣста. Для этого онъ пришелъ опять въ присутствіе къ старику.

— Папа, вамъ этой Жиглинской нельзя держать на службѣ у себя!..—сказалъ онъ.

— Какъ это?.. почему?..—спросилъ тотъ, не понимая сына.

— Потому что она чортъ знаетъ что̀ такое дѣлаетъ: съ полякомъ однимъ живетъ!

— Съ полякомъ?—произнесъ старикъ почти съ ужасомъ.

— Да-съ!.. Съ Жуквичемъ вонъ этимъ, что̀ вещи у насъ на лотереѣ разставлялъ.

— А, вотъ съ кѣмъ!..—произнесъ старикъ поспокойнѣе: онъ воображалъ, что это былъ какой-нибудь болѣе страшный человѣкъ, чѣмъ Жуквичъ.

— Вы, папа, выгоните ее, а то они тутъ не то еще надѣлаютъ... и домъ, пожалуй, подожгутъ!

— Какъ домъ подожгутъ?—повторилъ старикъ опять уже съ ужасомъ.

— А такъ!.. Мало ли поляки сожгли у насъ городовъ! Смотритель говоритъ, что Жуквичъ часовъ до трехъ ночи у ней просиживаетъ,—кто за ними усмотритъ тогда?.. Горничная ея и солдатъ, что̀ у воротъ стоитъ, тоже сказывали, что она по вечерамъ съ нимъ уѣзжаетъ и возвращается чортъ знаетъ когда...

— Ахъ, какая негодяйка, скажите!..—произнесъ старикъ, выпучивая даже глаза отъ страха и удивленія.

— Ужасная негодяйка!.. И какъ же послѣ этого можно ее держать?

— Держать ее нельзя!..—согласился старикъ:—только какъ это сдѣлать мнѣ?

— Ну, ужъ тамъ какъ-нибудь сдѣлайте!—заключилъ Николя и ушелъ, зная, что достаточную искру бросилъ въ легко воспламеняющуюся душу отца.

Надобно сказать, что самъ старикъ Оглоблинъ ничего почти не видѣлъ и не понималъ, что̀ вокругъ него дѣлается, и поэтому былъ бы человѣкъ весьма спокойный; но зато, когда ему что-либо подсказывали или наводили его на какую-нибудь мысль, такъ онъ обыкновенно въ эту сторону начиналъ страшно волноваться и безпокоиться.

— Пожалуй, они въ самомъ дѣлѣ домъ сожгутъ! Что̀ съ нихъ возьмешь?—повторялъ онъ самъ съ собой, оставшись одинъ; а потомъ, по всегдашнему обыкновенію, послалъ позвать къ себѣ на совѣтъ Ѳеодосія Иваныча.

— Эта... кастелянша новая,—началъ онъ, стараясь сохранить строгій начальническій видъ:—живетъ... какъ мнѣ говорили, съ полякомъ однимъ?

— Кто вамъ говорилъ это?—спросилъ Ѳеодосій Иванычъ, дѣлая мину весьма похожую на мину начальника, и вмѣстѣ съ тѣмъ глаза его были покрыты какимъ-то невеселымъ туманомъ.

— Сынъ мнѣ говорилъ!.. Николя!..—отвѣчалъ ему старикъ опять строго.

Какъ будто что-то въ родѣ грустной улыбки пробѣжало по губамъ Ѳеодосія Иваныча.

— А Николаю Гаврилычу кто это сказывалъ?—спросилъ онъ явно уже грустнымъ голосомъ.

— Смотритель дома сказывалъ... горничная ея сказывала... солдатъ, что̀ у воротъ стоитъ, говорилъ. Какъ ее послѣ этого не выгнать?..

— Выгоняйте! — произнесъ грустно-насмѣшливо Ѳеодосій Иванычъ.

— Но какъ это сдѣлать?

— Надо какъ-нибудь сдѣлать!—отвѣчалъ Ѳеодосій Иванычъ неопредѣленно; но по выраженію его лица видно было, что онъ зналъ, какъ это сдѣлать.

— Надо!.. надо!.. Да говорите же, какъ это сдѣлать?—закричалъ наконецъ на него начальникъ.

Ѳеодосій Иванычъ при этомъ еще больше надулся.

— Позовите этихъ—смотрителя, горничную и сторожа, разспросите ихъ...—отвѣчалъ онъ тѣмъ же неохотливымъ тономъ.

— Ну, позовите!

Ѳеодосій Иванычъ пошелъ.

— Она вѣдь домъ сожечь можетъ!—крикнулъ ему вслѣдъ начальникъ, какъ бы желая внушить ему важность дѣла.

Но Ѳеодосій Иванычъ не обратилъ на это особеннаго вниманія и черезъ нѣсколько времени привелъ въ присутствіе смотрителя дома, горничную Елены и сторожа.

Генералъ началъ разспрашивать прежде всѣхъ смотрителя, какъ болѣе умнаго и толковаго человѣка.

— Эта... госпожа Жиглинская... кастелянша, какъ слышалъ я, въ связи съ полякомъ Жуквичемъ?

Смотритель при этомъ приподнялъ плечи вверхъ и вскинулъ немного глаза въ потолокъ.

— Надо-быть, ваше превосходительство, что такъ!—проговорилъ онъ.

— И я слышалъ... что у нихъ ночью огонь... часовъ до трехъ бываетъ.

— Было это, ваше превосходительство, раза четыре это было! — отвѣчалъ смотритель.

— Чтобы не было у меня впередъ этого! Никогда не было!—закричалъ вдругъ генералъ и погрозилъ даже пальцемъ смотрителю.—Я теперь ее выгоню вонъ!.. Но она... все еще, можетъ-быть, проживетъ тутъ... день и два... чтобы совсѣмъ у ней не было въ эти дни огня... совсѣмъ!.. Я съ васъ спрошу,—вы мнѣ за то отвѣтите!

— Не будетъ, ваше превосходительство, у ней огня никакого-съ!.. слушаю-съ!.. совсѣмъ никакого не будетъ!—успокаивалъ его смотритель, какъ видно, насквозь знавшій своего начальника, а потому нисколько не смутившійся отъ его крика.

— Чтобъ и не было,—повторилъ еще разъ старикъ и съ тѣмъ же раздражительнымъ тономъ обратился къ горничной Елены.

— У твоей госпожи есть возлюбленный?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство! — заперлась-было та на этотъ разъ, струсивши до слезъ.

— А я знаю, что есть!—крикнулъ на нее старикъ.

Горничная при этомъ только какъ-то вильнула отъ страха животомъ.

— Ты видѣлъ, какъ госпожа Жиглинская уѣзжала по вечерамъ съ Жуквичемъ?—перекинулся старикъ къ сторожу.

— Уѣзжала, ваше превосходительство, часто уѣзжала!—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, а теперь что дѣлать?—спросилъ Оглоблинъ совсѣмъ другимъ тономъ Ѳеодосія Иваныча, стоявшаго нѣсколько вдали и смотрѣвшаго какимъ-то Мефистофелемъ на всю эту сцену.

— Ихъ вотъ отставьте въ сторону, позовите самоё Жиглинскую.

Генералъ послѣ этого строго позвонилъ.

Явился сторожъ.

— Госпожу Жиглинскую ко мнѣ, — сказалъ онъ тому какимъ-то зловѣщимъ голосомъ.

Сторожъ побѣжалъ исполнить его приказаніе.

Елена пришла, нѣсколько удивленная такимъ приглашеніемъ. При видѣ ея представительной и шикарной наружности, старикъ нѣсколько утратилъ свой черезчуръ начальническій видъ и, даже привставъ на своемъ мѣстѣ и опершись, по обыкновенію, на локотки рукъ своихъ, держа лицо потупленнымъ къ столу, сказалъ:

— Вы-съ... производите въ домѣ... безпорядки, которые я не могу допустить.

— Какіе безпорядки?—спросила Елена, взглядывая съ недоумѣніемъ на стоявшихъ въ сторонѣ смотрителя, сторожа и свою горничную и полагая, что не послѣдняя ли что надурила.

— У васъ,—продолжалъ старый генералъ:—бываетъ человѣкъ, который не долженъ... никакъ здѣсь бывать.

— Какой человѣкъ у меня бываетъ? — продолжала Елена, все еще не совсѣмъ хорошо понимая.

— Господинъ Жуквичъ у васъ бываетъ!..—произнесъ старикъ болѣе уже строгимъ голосомъ.

— Почему же онъ не долженъ бывать у меня? - - спросила Елена.

— Потому-съ... потому, что онъ полякъ!

— А развѣ полякамъ запрещено бывать у своихъ знакомыхъ?

— Запрещено-съ!.. И я ему запрещаю... бывать у васъ.

— Но вы не можете этого запретить мнѣ! — возразила Елена.

— Могу-съ!.. Вы вотъ ѣздите съ нимъ по ночамъ... и прекрасно!.. Поѣзжайте къ нему и сидите тамъ у него.

Говоря это, старикъ все болѣе и болѣе возвышалъ свой голосъ.

Елена, въ свою очередь, тоже вся вспыхнула, и глаза ея загорѣлись неудержимымъ гнѣвомъ.

— Какъ вы смѣете на меня такъ кричать, — я не служанка ваша!—заговорила она.—Хоть бы я точно ѣздила къ Жуквичу, вамъ никакого дѣла нѣтъ до того, и если вы такой дуракъ, что не умѣете даже обращаться съ женщинами, то я

сейчасъ же уволю себя отъ васъ! Дайте мнѣ бумаги!—присовокупила Елена повелительно.

— Какъ, я дуракъ?—воскликнулъ въ свою очередь Оглоблинъ, откинувшись на спинку кресла. — Дайте ей бумаги!.. Какъ, я дуракъ? — повторилъ онъ, все еще не могши прійти въ себя отъ подобной дерзости.

Ѳеодосій Иванычъ, по приказанію начальника, подалъ Еленѣ бумаги, и та принялась писать прошеніе объ отставкѣ.

— На гербовой бы, собственно, слѣдовало! — замѣтилъ ей Ѳеодосій Иванычъ.

— Все равно-съ! все равно-съ!—закричалъ на него начальникъ. — Я дуракъ, а!.. я дуракъ!.. Что̀ я долженъ съ вами сдѣлать?

Елена на это ничего не отвѣчала и продолжала писать; а окончивъ прошеніе, она почти перебросила его къ Оглоблину, а потомъ сама встала и вышла изъ присутствія.

— Она сумасшедшая, ей-Богу, сумасшедшая! — говорилъ онъ, разводя руками.

Ѳеодосій Иванычъ, съ своей стороны, саркастически улыбаясь, взялъ прошеніе и, какъ бы просматривая его, ни слова не говорилъ.

— Ну, ступайте и вы!.. Вы больше не нужны! — сказалъ Оглоблинъ призваннымъ свидѣтелямъ.

Тѣ вышли.

— Вѣдь она сумасшедшая, рѣшительно!..—повторилъ еще разъ Оглоблинъ, прямо обращаясь уже къ Ѳеодосію Иванычу.

— Я не знаю-съ...—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, вы ужъ... вы не знаете... вы ничего не знаете!—опять вспылилъ Оглоблинъ.

— Да мнѣ почему знать это? — отвѣчалъ опять грустно-насмѣшливымъ тономъ Ѳеодосій Иванычъ и тоже ушелъ.

Читатель, можетъ-быть, замѣтилъ, что почтенный правитель дѣлъ нѣсколько измѣнилъ тонъ обращенія со своимъ начальникомъ, и причина тому заключалась въ слѣдующемъ: будучи лѣтъ пять статскимъ совѣтникомъ, Ѳеодосій Иванычъ имѣлъ самое пламенное и почти единственное въ жизни желаніе быть произведеннымъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и вотъ въ нынѣшнемъ году онъ рѣшилъ-было попросить Оглоблина представить его къ этому чину; но вдругъ тотъ руками и ногами противъ того: «Да не могу!.. Да это поставятъ мнѣ въ пристрастіе!», и тому подобныя пустыя начальническія отговорки, тогда какъ въ сущности онъ никакъ не могъ помириться съ мыслью, что онъ самъ «генералъ» и подчиненный у него будетъ «генералъ», что его называютъ «ваше превосхо-

дительство» и подчиненному его будутъ тоже говорить «ваше превосходительство». Ѳеодосій Иванычъ, кажется, понялъ причину отказа и началъ мстить своему благодѣтелю тѣмъ, что не сталъ ему давать совѣтовъ ни по какимъ дѣламъ.

Елена возвратилась къ себѣ почти обезумѣвшая отъ гнѣва. Она очень хорошо понимала, что все это штуки Николя, который прежде заставилъ отца опредѣлить ее на это мѣсто, а теперь прогнать; и ее бѣсило въ этомъ случаѣ не то, что Николя и отецъ его способны были дѣлать подобныя гадости, но что какимъ образомъ они смѣютъ такъ нагло и безстыдно поступать въ своей общественной дѣятельности. Въ прежнемъ своемъ удаленіи отъ службы Елена еще видѣла нѣкоторую долю хоть и предразсудочной, но все-таки справедливости: ея тогдашнее положеніе дѣйствительно могло произвесть нѣкоторый соблазнъ на дѣтей; а теперь она собственно выгнана за то, что не оказала благосклонности Николя Оглоблину. Что̀ же это такое?.. Гдѣ, въ какомъ варварскомъ и дикомъ государствѣ можетъ быть допущенъ подобный произволъ? На первыхъ порахъ Елена думала-было жаловаться и объяснить подробно причину, по которой ее лишили мѣста. Но кому?.. и кто повѣритъ ей? Николя же и родитель его очень хорошо могутъ наклеветать на нее все, что̀ имъ будетъ угодно, чрезъ разныхъ своихъ лакеевъ и сторожей... Елена даже заплакала отъ горя и досады. Какъ бы ни было однако она должна была подумать, куда ей приклонить свою голову. На первое время Елена рѣшилась переѣхать въ ту гостиницу, гдѣ жилъ Жуквичъ, и велѣла своей прислугѣ укладываться. Маленькій Коля ся, начинавшій все говорить, заинтересовался этими сборами и началъ приставать къ своей нянѣ:

— А то ти это дѣлаесь? — спрашивалъ онъ ее, видя, что она кладетъ одну вещь за другой въ сундукъ.

— Укладываюсь, батюшка!—отвѣчала няня.

— А засѣмъ?—спросилъ ребенокъ.

— Мы переѣзжаемъ, батюшка.

— А куди?

— Не знаю-съ, маменька переѣзжаетъ,—говорила няня.

Коля побѣжалъ къ матери и взмостился къ ней на колѣни.

— Мы, мама, къ папѣ ѣдемъ?—говорилъ онъ.

Няня и горничная давно натолковали ему, что у него есть папа очень богатый.

— Нѣтъ, мой другъ, у тебя папы нѣтъ! — отвѣчала ему Елена.

— А гдѣ онъ, мама?

— Умеръ.

— Его Богъ взяй, мама?

— Нѣтъ, не Богъ.

— А то же его взяй?

— Никто. Онъ умеръ, его и похоронили въ землю.

— А засѣмъ его похоеніи въ земью?

— Потому, что онъ разлагаться началъ.

Ребенокъ смотрѣлъ на мать; онъ совершенно не понялъ послѣдняго ея отвѣта, а между тѣмъ всѣ эти разспросы его, точно острые ножи, рѣзали сердце Елены. Часа черезъ три она совсѣмъ выѣхала изъ своей казенной квартиры въ предполагаемую гостиницу, гдѣ взяла номеръ въ одну комнату, въ темномъ уголкѣ котораго она предположила помѣстить ребенка съ няней, а свѣтлую часть комнаты заняла сама. Горничную свою Елена разсчитала и отпустила, такъ какъ отчасти подозрѣвала ту въ распущенной сплетнѣ про нее; кромѣ того ей и дорого было держать для себя особую прислугу (у Елены въ это время было всего въ карманѣ только десять рублей серебромъ). Покуда она такимъ образомъ устраивалась, Жуквича не было дома, и Елена велѣла ему сказать, какъ онъ придетъ, что она переѣхала въ гостиницу совсѣмъ на житье. Ему, вѣроятно, передали это, потому что, возвратясь наконецъ и войдя къ ней въ номеръ, онъ прямо спросилъ ее:

— Что̀ жъ это такое?.. Опять новое переселеніе?

— Опять!—отвѣчала Елена.

— Вы жъ были тамъ чѣмъ-нибудь недовольны? — проговорилъ Жуквичъ.

— Напротивъ, мной оказались очень недовольны, такъ что выгнали даже меня изъ службы!

Тѣнь неудовольствія явно отразилась въ глазахъ Жуквича.

— Но какая жъ была причина такому неудовольствію на васъ?—спросилъ онъ.

— Причина вся въ томъ, что вы были у меня, и что я вотъ иногда уѣзжала съ вами кататься по Москвѣ...

— Да нѣтъ же!.. не можетъ быть!.. какая жъ это причина!—говорилъ Жуквичъ, какъ бы все больше и больше удивляясь.

— Разумѣется, это одинъ только предлогъ, — подхватила Елена:—а настоящая причина вся въ томъ, что этотъ дуралей Николя вздумалъ на-дняхъ объясниться со мной въ любви... Я, конечно, объявила ему, что не могу отвѣчать на его чувство. Онъ разгнѣвался на это и, вѣроятно, упросилъ родителя, чтобы тотъ меня выгналъ со службы... Скажите, мыслимо ли въ какой-нибудь другой странѣ такое публичное нахальство?

— О, да Боже жъ ты мой! здѣсь много бываетъ, чего нигдѣ не бываетъ!—полувоскликнулъ грустнымъ голосомъ Жуквичъ.

— Прекрасно-съ; но всякому терпѣнію есть предѣлъ,—сказала Елена:—должно же оно когда-нибудь лопнуть.

— Ну, и лопай жъ!.. Что̀ изъ этого?.. — говорилъ съ досадой Жуквичъ.

— Какъ что̀ изъ этого!—произнесла, вспыхнувъ даже вся въ лицѣ отъ гнѣва, Елена.—Я никакъ, Жуквичъ, не ожидала слышать отъ васъ подобныя вещи; для меня, по крайней мѣрѣ, это вовсе не *что̀ изъ этого!..* Чувство мести и ненависти къ моей родинѣ до того во мнѣ возросло, что я хочу, во что бы то ни стало, превратить его въ дѣло,—понимаете вы это?

Жуквичъ на это молчалъ.

— Поѣдемте за границу и устроимте тамъ какой хотите заговоръ; но только я мести и мести жажду...

— Какой же заговоръ и съ кѣмъ?—возразилъ ей Жуквичъ.

— А съ тѣмъ, что неужели вся ваша партія и вся страна ваша намѣрены спокойно сносить ваше порабощеніе?

— Пока!..—отвѣчалъ Жуквичъ, пожимая плечами.

— Но долго ли это *пока* будетъ продолжаться?

— Пока жъ положеніе обстоятельствъ не сложится для насъ болѣе благопріятно.

— А теперь такъ-таки ничего и быть не можетъ?

— Сколько жъ мнѣ извѣстно, — ничего! — отвѣчалъ, опять пожимая плечами, Жуквичъ.

— И вы, значитъ, будете тутъ жить подъ присмотромъ?

— Буду жъ жить подъ присмотромъ.

— Ну, я больше на васъ надѣялась, Жуквичъ!—проговорила Елена.

— Панна Жиглинская!—началъ онъ кроткимъ и убѣждающимъ голосомъ:—въ политической дѣятельности — вы жъ не знаете еще ея—прежде жъ всего нужно терпѣть и выжидать.

— Но чего ждать—я желала бы знать, потому что вы никогда ничего опредѣленнаго не говорили мнѣ объ этомъ.

— Вы знайте жъ одно, — продолжалъ Жуквичъ тѣмъ же убѣждающимъ голосомъ: — что духъ Польши не ослабъ, что примиренія между нами жъ и русскими быть не можетъ, а прочее жъ все зависитъ отъ политическаго горизонта Европы: покоенъ онъ или буренъ.

— Покоенъ онъ или буренъ... Вы все, кажется, прозѣваете и пропустите!—произнесла Елена съ досадою.

Переѣзжая въ гостиницу, она почти увѣрена была, что уговоритъ Жуквича уѣхать съ ней за границу; но теперь она поняла, что онъ и не думаетъ этого, — значитъ, надо будетъ

остаться въ Москвѣ. А на какія средства жить? Съ теченіемъ времени Елена надѣялась пріискать себѣ уроки; но до тѣхъ поръ чѣмъ существовать?.. Елена, какъ ей ни тяжело это было, видѣла необходимость прибѣгнуть къ помощи Жуквича.

— Въ такомъ случаѣ, — начала она, краснѣя въ лицѣ:— такъ какъ я теперь совершенно безъ всякихъ средствъ, то буду просить у васъ изъ тѣхъ денегъ, которыя мы собрали во вторую лотерею, дать мнѣ рублей сто, которые я очень скоро возвращу.

— Но тѣ жъ деньги въ Парижѣ!—возразилъ ей Жуквичъ.

— Въ такомъ случаѣ не можете ли вы пока дать мнѣ изъ своихъ денегъ, а потомъ и получите ихъ изъ банка?

— Хорошо-съ!—отвѣчалъ Жуквичъ, и Елена очень хорошо почувствовала, что тонъ голоса его былъ при этомъ не совсѣмъ довольный.

— Ну, вы, кажется, устали, да и я тоже устала, — хочу отдохнуть,—проговорила она, протягивая Жуквичу руку.

— Добрый день!—сказалъ онъ ей на это и ушелъ.

Вскорѣ затѣмъ пришелъ отъ него человѣкъ и подалъ Еленѣ пакетъ, въ которомъ, безъ всякой записочки, вложена была сторублевая ассигнація.

Елена велѣла человѣку поблагодарить Жуквича, и когда тотъ ушелъ, она, бросивъ деньги съ какой-то неудержимой досадой въ столъ, сѣла сама на диванъ. Жуквичъ на этотъ разъ показался ей вовсе не такимъ человѣкомъ, какимъ она его воображала; а между тѣмъ Елена вынуждена была одолжаться имъ и занимать у него деньги. Эта мысль такъ заставила ее страдать, какъ Елена никогда еще во всю жизнь свою не страдала: досада, униженіе, которое она обречена была переносить, какъ фуріи, терзали ее; ко всему этому еще Коля раскапризничался и никакъ не хотѣлъ укладываться спать въ своемъ темномъ уголкѣ, говоря, что ему тамъ холодно и темно. Елена при этомъ только держала себя за голову: она думала, что съ ума сойдетъ въ эти минуты!

Прошло послѣ того съ недѣлю. Однажды вечеромъ Елена, услыхавъ звонокъ въ ея номеръ, думала, что это пришелъ Жуквичъ, который бывалъ у нея каждодневно. Она сама пошла отворить дверь и вдругъ, къ великому своему удивленію, увидѣла передъ собой Миклакова, въ щеголеватомъ заграничномъ пиджакѣ и совершенно посѣдѣвшаго.

— Что̀ вы съ неба, что ли, свалились?—воскликнула она, очень, впрочемъ, обрадованная появленіемъ такого гостя.

— Зачѣмъ съ неба, — на землѣ еще пока обрѣтаемся! —

говорилъ Миклаковъ. — Но погодите однако, постойте: дайте посмотрѣть на васъ: вы, кажется, еще красивѣе стали!

— Подите вы съ красотой моей! — произнесла Елена съ досадой:—садитесь лучше и разсказывайте.

— Но прежде я желалъ бы знать: какъ вы очутились въ этой клѣткѣ? Что князя вы кинули, это я слышалъ еще въ Европѣ, а потому, пріѣхавъ сюда, послалъ только спросить къ нему въ домъ, гдѣ вы живете... Мнѣ сказали—въ такомъ-то казенномъ домѣ... Я въ оный; но мнѣ говорятъ, что вы оттуда переѣхали въ сію гостиницу, гдѣ и нахожу васъ наконецъ. Вы, говорятъ, тамъ служили и, по обыкновенію вашему, вѣроятно, разссорились съ вашимъ начальствомъ.

— Да, такъ, немножко, но главное—надоѣло, — отвѣчала Елена, не желая на первыхъ порахъ быть вполнѣ откровенною съ Миклаковымъ.

— Но скажите на милость, что̀ такое у васъ съ княземъ вышло и зачѣмъ вы разошлись?—продолжалъ тотъ.

— Разошлись потому, что оба поняли, что мы люди совершенно различныхъ убѣжденій.

— О, чортъ возьми, различныхъ убѣжденій! — воскликнулъ Миклаковъ.—У васъ ребенокъ есть, вамъ бы для него надобно было вмѣстѣ жить!

— Ребенокъ, по преимуществу, и заставилъ меня это сдѣлать, чтобы спасти его отъ вліянія отца.

— Отъ вліянія отца спасти!.. — повторилъ съ усмѣшкою Миклаковъ.—Какъ хотите, Елена, а у васъ, видно, характеръ все хуже и хуже становится.

— У васъ пуще хорошъ характеръ!..—возразила она ему съ своей стороны.—Сами вы зачѣмъ разошлись съ княгиней?

— Ну, мы съ ней разошлись на основаніи весьма уважительной причины.

— А именно?

— А именно потому, что никогда и не сходились съ ней.

Елена сомнительно покачала головой.

— Конечно, это очень благородно съ вашей стороны,—сказала она:—говорить такимъ образомъ о женщинѣ, съ которой все кончено; но кто вамъ повѣритъ?.. Я сама читала письмо Петицкой къ князю, гдѣ она описывала, какъ княгиня любитъ васъ, и какъ вы ее мучите и терзаете,—а развѣ станетъ женщина мучиться и терзаться отъ совершенно посторонняго человѣка?

— Я не то, чтобъ былъ посторонній ей человѣкъ: она говорила, что любитъ меня, но что все-таки желаетъ остаться вѣрна своему долгу.

— Какому это долгу?

— Да такому, какъ и Татьяна пушкинская, что вотъ-де: *другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна.*

— Меня, знаете, эта Татьяна всегда въ бѣшенство приводитъ!—воскликнула Елена.—Если дѣйствительно Пушкинъ встрѣтилъ въ жизни такую женщину, то я голову мою готова прозакладывать, что ее удерживали отъ паденія ея генеральство и ея положеніе въ свѣтѣ: ахъ, Боже мой! какъ бы не потерять всѣхъ этихъ сокровищъ!

— Можетъ-быть!—согласился Миклаковъ:—но мою госпожу другое останавливало...—присовокупилъ онъ съ усмѣшкой.

— Другое?—спросила Елена.

— Да!.. Она боялась въ этомъ случаѣ Бога, грѣха и наказанія за него въ будущей жизни.

Лицо Елены сдѣлалось удивленное и насмѣшливое.

— Послѣ этого она просто-напросто дура!—проговорила она.

— Не очень умна!—согласился Миклаковъ.

— Но я одного тутъ не понимаю: какимъ образомъ вы могли влюбиться въ подобную женщину и влюбиться до такой степени, что цѣлые полтора года ѣздили за ней по Европѣ.

— Эта самая непорочность больше всего и влекла меня къ ней... Очень мнѣ послѣднее время надоѣли разныя Маріи Магдалины!.. Но кто однако вамъ сказалъ, что мы съ княгиней больше не встрѣчаемся?—спросилъ въ заключеніе Миклаковъ.

— Жуквичъ! Ему кто-то писалъ объ этомъ изъ Парижа!—отвѣчала Елена.

— А!..—произнесъ Миклаковъ:—поэтому онъ еще здѣсь?

— Здѣсь! Онъ тутъ черезъ два номера отъ меня живетъ!—отвѣчала Елена не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Вотъ гдѣ!..—произнесъ не безъ ударенія Миклаковъ.—Такъ вы, значитъ, къ нему подъ крылышко переѣхали?

— Не къ нему, но потому, что я только эту гостиницу и знала въ Москвѣ; а переѣхать мнѣ надо было поскорѣе,—проговорила Елена, еще болѣе смутясь.—Скажите однако, не знаете ли вы, что̀ онъ за человѣкъ?.. Собственно я до сихъ поръ еще не могу хорошенько понять его.

Миклаковъ подумалъ нѣкоторое время.

— Человѣкъ, какъ видите, неглупый... плутоватый, кажется...—проговорилъ онъ.

— Но я подозрѣваю, что онъ предводитель какой-нибудь большой польской партіи!—подхватила Елена.

— Нѣтъ, не думаю! — возразилъ Миклаковъ.

— Непремѣнно такъ!—продолжала Елена:—потому что онъ

тутъ хлопочетъ, дѣлаетъ сборы на помощь польскимъ эмигрантамъ.

— Ну, немного еще, видно, собралъ...—замѣтилъ съ усмѣшкой Миклаковъ.

— Изъ чего вы это заключаете?—спросила Елена.

— Изъ того, что нѣкоторые изъ эмигрантовъ въ поденщики идутъ на самыя черныя работы.

Елена при этомъ даже измѣнилась въ лицѣ.

— Я знаю, по крайней мѣрѣ, что нѣсколько времени тому назадъ онъ послалъ имъ въ Парижъ значительную сумму!—проговорила она.

— Не слыхалъ-съ этого!.. Знаю только, что господа польскіе эмигранты составляютъ до сихъ поръ одинъ изъ главныхъ элементовъ парижскаго пролетаріата.

— Странно,—произнесла Елена, видимо, желавшая скрыть обезпокоившую ее мысль.

Миклаковъ между тѣмъ всталъ съ тѣмъ, чтобы уйти.

Елена тоже встала.

— Когда же мы опять увидимся?—спросила она.

— Нескоро, я думаю, потому что я завтра уѣзжаю въ Малороссію.

— Въ Малороссію?.. Это зачѣмъ?

— По двумъ причинамъ... Во-первыхъ, я за границей климатомъ избаловался,—мнѣ климата хорошаго желается, а здѣсь холодно; кромѣ того, на-дняхъ княгиня возвращается въ Москву къ своему супругу.

— Возвращается? — повторила Елена, какъ бы уколотая чѣмъ-то.

— Возвращается-съ; и такъ какъ я вовсе не желаю, чтобы про меня говорили, что я всюду слѣдую по пятамъ княгини, то и уѣзжаю отсюда.

— Просто, я думаю, боитесь за себя, что не утерпите и прибѣжите поглядѣть на свое холодное божество, а потомъ, чего добраго, опять, пожалуй, начнете поклоняться ему!—замѣтила Елена.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ!.. другой разъ такимъ дуракомъ не буду!—воскликнулъ Миклаковъ, отрицательно кивая головой и уходя.

Елена между тѣмъ, послѣ его посѣщенія, сдѣлалась еще болѣе разстроенною: у ней теперь, со словъ Миклакова о продолжающейся бѣдности польскихъ эмигрантовъ, явилось противъ Жуквича еще новое подозрѣніе, о которомъ ей страшно даже было подумать.

X.

Въ одно утро Елпидифоръ Мартынычъ садился на свою пролетку, чтобъ ѣхать по больнымъ, какъ вдругъ передъ нимъ, точно изъ-подъ земли, выросла Марѳуша, запыхавшаяся, разстроенная и испуганная.

— Батюшка Елпидифоръ Мартынычъ, съ барыней нашей что-то очень нехорошо-съ!—завопила она.

— Что̀ такое?..—спросилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Безъ чувствъ все изволитъ лежать-съ!—отвѣчала Марѳуша.

— О, о!.. Отчего же это съ ней случилось? — произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Да вчера къ ней-съ эта проклятая горничная Елены Николаевны пришла, — продолжала Марѳуша:—она больше у нашей барышни не живетъ-съ! — и начала ей разсказывать, что Елена Николаевна изъ заведенья переѣхала въ гостиницу, въ номера, къ этому барину Жуквичу.

— Переѣхала?.. Фю!.. поздравляю! — воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Переѣхала-съ... Елизавета Петровна очень этимъ разстроилась: стала плакать, метаться, волоски даже на себѣ рвала, кушать ничего не кушала, ночь тоже не изволила почивать, а поутру только было-встала, чтобъ умываться, какъ опять хлобыстнулась на постелю. «Марѳуша!—кричитъ:—доктора мнѣ!». Я постояла около нихъ маненько: смотрю, точно харабрецъ у нихъ въ горлышкѣ начинаетъ ходить; окликнула ихъ раза два-три, — не отвѣчаютъ больше, я и побѣжала къ вамъ.

Елпидифоръ Мартынычъ выслушалъ Марѳушу съ внимательнымъ и нахмуреннымъ лицомъ и потомъ, посадивъ ее вмѣстѣ съ собой на пролетку, поѣхалъ къ Елизаветѣ Петровнѣ, которую нашелъ лежащею бокомъ на постели; лицо ея было уткнуто въ подушку, одна изъ ногъ вывернута въ сторону и совершенно обнажена.

— Закрой! — сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, указывая прежде всего Марѳушѣ на эту ногу.

Та закрыла.

Елпидифоръ Мартынычъ послѣ этого заглянулъ Елизаветѣ Петровнѣ въ лицо, потрясъ ее потомъ довольно сильно за плечо, затѣмъ взялъ ея руку и сталъ щупать пульсъ.

— Баста!.. кончено!—проговорилъ онъ.

— Что̀, батюшка, умерла, что ли, она? — спросила трепещущая Марѳуша.

— Умерла!.. Поди объяви объ этомъ полиціи!—продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ-то безпокойно озираясь кругомъ.

Мареуша заревѣла во весь голосъ и пошла.

Оставшись одинъ, Елпидифоръ Мартынычъ, попрежнему озираясь по сторонамъ, проворно подошелъ къ комоду, схватилъ дрожащими руками лежавшіе на немъ ключи, отперъ однимъ изъ нихъ верхній ящикъ комода, изъ котораго, онъ видалъ, Елизавета Петровна доставала деньги. Выдвинувъ этотъ ящикъ, онъ отыскалъ въ немъ туго набитый бумажникъ и раскрылъ его: въ бумажникѣ оказалось денегъ тысячи полторы. Тысячу рублей Елпидифоръ Мартынычъ сунулъ себѣ въ карманъ, а пятьсотъ рублей оставилъ въ бумажникѣ, который снова положилъ на прежнее мѣсто, задвинулъ ящикъ и заперъ его. Тысячу эту Елпидифоръ Мартынычъ рѣшительно считалъ законно принадлежащею ему—за всѣ тѣ хлопоты, которыя онъ употребилъ съ своей стороны по разнаго рода дѣламъ Елизаветы Петровны.

Когда полиція пришла, Елпидифоръ Мартынычъ сдалъ ей деньги и вещи и самоё покойницу въ полное распоряженіе, а самъ уѣхалъ, говоря, что ему тутъ больше нечего дѣлать. Полиція, съ своей стороны, распорядилась точно такъ же, какъ и Елпидифоръ Мартынычъ: изъ денегъ она показала налицо только полтораста рублей, которые нужны были, по ея расчету, на похороны; остальныя, равно какъ и другія цѣнныя вещи, напримѣръ, брошки, серьги и даже серебряныя ложки, напрятала себѣ въ карманы и тогда уже послала извѣстить мирового судью, который пришелъ послѣ того на другой только день и самымъ тщательнымъ образомъ описалъ и запечаталъ разное старое платье и тряпье Елизаветы Петровны. Елену полиція извѣстила о смерти матери черезъ недѣлю послѣ похоронъ. Все это время она аки бы разыскивала ее по Москвѣ. Извѣстіе это нѣсколько встревожило и взволновало Елену. Внутренній голосъ совѣсти въ ней говорилъ, что она много и много огорчала мать свою при ея жизни. «Что̀ жъ, и мой сынъ, вѣроятно, будетъ огорчать меня впослѣдствіи!» — сказала Елена въ утѣшеніе себѣ. Потомъ, когда ей принесли опись вещамъ, она просила всѣ эти вещи отдать горничной Мареушѣ, сознавая въ душѣ, что та гораздо болѣе ея была достойна этого наслѣдства. Полиція и на этотъ разъ, удѣливъ себѣ еще кое-что, передала Мареушѣ рѣшительно одно только тряпье. Покуда все это происходило, Елпидифоръ Мартынычъ занятъ былъ новымъ дѣломъ: пріѣздомъ княгини Григоровой и свиданіемъ ея съ мужемъ.

Княгиня написала ему еще изъ Петербурга, что она та-

кого-то числа пріѣдетъ въ Москву и остановится у Шевріе. Елпидифоръ Мартынычъ, въ назначенный ею день, съ ранняго утра забрался въ эту гостиницу, нанялъ для княгини прекрасный номеръ и ожидалъ ея. Княгиня дѣйствительно пріѣхала и была встрѣчена Елпидифоромъ Мыртынычемъ на крыльцѣ гостиницы. Онъ подъ ручку ввелъ ее на лѣстницу и указалъ ей приготовленное помѣщеніе. Княгиня не знала, какъ и благодарить его. Съ княгиней, разумѣется, пріѣхала и Петицкая.

— А вы, кажется, знакомы?—сказала княгиня, показывая Елпидифору Мартынычу на свою подругу.

— Какъ-же-съ!—воскликнулъ онъ:—имѣлъ честь даже лѣчить ихъ, когда онѣ съ извозчика упали. Изволите помнить это, сударыня?—прибавилъ онъ Петицкой.

— Помню!—отвѣчала та немного сконфуженнымъ тономъ.

— Надѣюсь, что все это теперь зажило, прошло?.. — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ не безъ намека.

— Разумѣется!—отвѣчала Петицкая, какъ бы не понявъ его.

— А что, мужъ приметъ меня? — спросила княгиня Елпидифора Мартыныча.

— Конечно!.. безъ сомнѣнія!—отвѣчалъ-было онъ на первыхъ порахъ очень рѣшительно; но потомъ нѣсколько и пораздумалъ: князь послѣ того разговора, который мы описали, ни разу больше не упомянулъ о княгинѣ, и даже когда Елпидифоръ Мартынычъ говорилъ ему: «княгиня, вѣроятно, скоро пріѣдетъ!» — князь обыкновенно ни однимъ звукомъ не отвѣчалъ ему, и, кромѣ того, у него какая-то тоска отражалась при этомъ въ лицѣ.

— Но какъ намъ тутъ поступить: вы ли къ нему прежде поѣдете и предувѣдомите его, или мнѣ прямо къ нему ѣхать?— продолжала княгиня.

— Нѣтъ, я къ нему напередъ поѣду и приготовлю его немного, а то вы вдругъ явитесь, это, пожалуй, его очень сильно поразитъ!—подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ и, не откладывая времени, поѣхалъ къ князю, котораго засталъ въ довольно спокойномъ состояніи духа и читающимъ книгу.

— Къ вашему сіятельству имѣю честь явиться съ новостью великою—к-ха!—воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ, живчикомъ влетая въ кабинетъ князя.

Князь взглянулъ на него вопросительно.

— Ѣду-съ я сейчасъ по Газетному переулку,—продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ:—и вижу, что къ гостиницѣ Шевріе подъѣзжаетъ карета, выходятъ двѣ дамы, смотрю—Боже мой! знакомыя лица!—к-ха! княгиня и компаньонка ея—Петицкая...

— Княгиня? — спросилъ князь, какъ бы вздрогнувъ при этомъ имени.

— Она-съ!..—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ. — Я бросился къ ней, нашелъ ей номеръ и говорю: «Какъ вамъ не стыдно не ѣхать прямо въ свой домъ!»—«Ахъ, говоритъ, не могу, не знаю, угодно ли это будетъ князю!» Ну, знаете ангельскій характеръ ея и кротость!—«Да поѣзжайте, говорю,— князь очень радъ будетъ вамъ».

Говоря такимъ рѣшительнымъ тономъ, Елпидифоръ Мартынычъ очень хорошо замѣтилъ, что на лицѣ князя опять отразилась какая-то тоска.

— «Нѣтъ, говоритъ, прежде съѣздите и спросите, приметъ ли онъ меня?» — присовокупилъ онъ не столько уже настоятельно.—Вотъ я и пріѣхалъ: какъ вамъ угодно будетъ, но, по-моему, просто срамъ княгинѣ жить въ гостиницѣ: вся Москва кричать о томъ будетъ.

Князь при этомъ еще болѣе нахмурился.

— Пусть она ѣдетъ сюда!—началъ онъ какимъ-то прерывающимся голосомъ:—но я человѣкъ больной, раздражительный и желаю, чтобы не приставали ко мнѣ!

— Господи Боже мой! княгиня приставать станетъ, ангелъ-то этотъ!.. Развѣ только ухаживать за вами будетъ.

— И ухаживанья я ничьего не хочу!.. Мнѣ дороже всего, чтобы меня оставляли одного!—воскликнулъ князь.

— Ну, и будутъ васъ оставлять, какъ вы желаете того; я даже предпишу это, какъ медицинское правило. Прикажете поэтому послать къ княгинѣ сказать, чтобъ она ѣхала къ вамъ?—заключилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Посылайте!—отвѣчалъ князь, отворачиваясь нѣсколько въ сторону и какъ бы не желая, чтобы видѣли его лицо.

Елпидифоръ Мартынычъ отправилъ за княгиней свой собственный экипажъ, приказавъ ей сказать, чтобъ она немедля ѣхала.

Княгиня пріѣхала вмѣстѣ съ Петицкой. Вся прислуга княжеская очень обрадовалась княгинѣ: усатый швейцаръ, отворяя ей дверь, не удержался и воскликнулъ: «Ай, матушки, вотъ кто пріѣхалъ!». Почтенный метрдотель, попавшійся княгинѣ на лѣстницѣ, какъ бы замеръ передъ нею въ почтительной и умиленной позѣ. Одна изъ горничныхъ, увидавъ черезъ стеклянную дверь княгиню, бросилась къ сотоваркамъ своимъ и весело начала имъ разсказывать, что прежняя госпожа ихъ пріѣхала.

— А вы пока пройдете туда, на мою половину, — сказала княгиня Петицкой.

— Знаю-съ!—отвѣчала ей та и прошла въ заднія комнаты.

Княгиня стала приближаться къ кабинету мужа; она замѣтно была въ сильномъ волненіи. Елпидифоръ Мартынычъ, все время прислушивавшійся къ малѣйшему шуму, первый услыхалъ ея шаги.

— Княгиня пріѣхала!..—проговорилъ онъ какимъ-то торжественнымъ голосомъ.

Князь при этомъ измѣнился нѣсколько въ лицѣ и привсталъ со своего мѣста.

Княгиня, войдя въ кабинетъ, прямо и быстро подошла къ нему. Князь протянулъ ей руку. Княгиня схватила эту руку и начала ее цѣловать. Князь, съ своей стороны, поцѣловалъ ее въ лобъ. Елпидифоръ Мартынычъ, тоже стоя на ногахъ, съ какимъ-то блаженствомъ смотрѣлъ на эту встрѣчу супруговъ. Наконецъ князь и княгиня сѣли. Послѣдняя помѣстилась прямо противъ мужа и довольно близко около него. Елпидифоръ Мартынычъ занялъ прежнее мѣсто.

— Какъ ваше здоровье теперь? — проговорила княгиня, смотря на князя безпокойными глазами.

— Ничего себѣ; я собственно недолго былъ боленъ и теперь совершенно почти здоровъ,—отвѣчалъ онъ труднымъ и медленнымъ голосомъ.

Княгиня продолжала смотрѣть на князя съ безпокойствомъ: ее, по преимуществу, поразилъ мутный и почти безсмысленный взглядъ князя.

— А вы тоже были больны?—спросилъ онъ въ свою очередь, почти совсѣмъ не глядя на княгиню.

— Да, я въ Парижѣ была очень больна, — отвѣчала она, немного покраснѣвъ.

Въ ея наружности, впрочемъ, только произошла та перемѣна, что ея бѣлое и нѣжное лицо начало немного дрябнуть и походить на печеное яблоко.

— Но потомъ гдѣ вы жили? — сказалъ князь какъ бы болѣе механически.

— Потомъ я жила въ Италіи, въ Германіи, — отвѣчала княгиня.

— Съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ или однѣ?—спросилъ князь; ему, кажется, хотѣлось узнать, жилъ ли тамъ Миклаковъ.

— Совершенно одна... съ одной только Петицкой,—подхватила княгиня, какъ бы угадавъ его тайную мысль.—Въ Римѣ, впрочемъ, въ одно время со мной жила Анна Юрьевна, гдѣ она и умерла.

— Умерла Анна Юрьевна?—воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Умерла, и какою-то страшной смертью, такъ что кричала на весь маленькій переулокъ, въ которомъ жила, а итальянцы, вообще очень суевѣрные, перестали даже ходить мимо ея дома.

— Какая же болѣзнь у нея была?—спросилъ князь опять какъ-то механически: его даже извѣстіе о смерти Анны Юрьевны нисколько, повидимому, не тронуло.

— Я не знаю, какая,—отвѣчала княгиня.

— К-ха!—откашлянулся глубокомысленно Елпидифоръ Мартынычъ:—по образу ея жизни ей и нельзя было ожидать отъ Бога покойной кончины, — проговорилъ онъ. — Желательно было бы знать, къ кому теперь перешло все ея громадное состояніе въ наслѣдство?

— Барону, кажется!—отвѣчала княгиня.

— Барону, однако! — воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ.—Но вѣдь это тысячъ сто годового дохода?

— Д-да! Впрочемъ, онъ и стоитъ того: послѣднее время онъ такую показалъ ей привязанность, что она мнѣ сама нѣсколько разъ говорила, что это рѣшительно ея ангелъ-успокоитель! Недѣли двѣ передъ смертью ея онъ не спалъ ни одной ночи, такъ что самъ до того похудѣлъ, что сталъ походить на мертвеца.

— Ну, изъ-за этакого наслѣдства отчего и не похудѣть!..— произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ не безъ усмѣшки.

— Баронъ, вѣроятно, скоро сюда пріѣдетъ!..—продолжала княгиня.

— Вотъ какъ!.. Что жъ, это и хорошо!—произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, а самъ съ собой въ это время разсуждалъ: «Князь холодно встрѣтился съ супругой своей, и причиной тому, конечно, эта дѣвчонка негодная—Елена, которую князь, видно, до сихъ поръ еще не выкинулъ изъ головы своей», а потому Елпидифоръ Мартынычъ рѣшился тутъ же объяснить его сіятельству, что она совсѣмъ убѣжала къ Жуквичу, о чемъ Елпидифоръ Мартынычъ не говорилъ еще князю, не желая его разстраивать этимъ.

— И здѣсь также новостей немало! — продолжалъ онъ, какъ бы исключительно обращаясь къ княгинѣ. — Елизавета Петровна Жиглинская, если только вы помните, тоже померла.

— Померла?—спросила княгиня.

— Когда она померла?—воскликнулъ при этомъ князь.

— Недѣли съ три, надо-быть,—к-ха!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, потупляясь нѣсколько.

— Отчего вы не сказали мнѣ объ этомъ?—спросилъ князь почти строго.

— Да такъ какъ-то все забывалъ—к-ха!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ какъ бы и искреннимъ голосомъ.

— И долго она была больна?—проговорила княгиня, сначала не подозрѣвавшая, къ чему ведетъ всю эту рѣчь Елпидифоръ Мартынычъ.

— Съ ней два удара собственно было!—отвѣчалъ тотъ съ какой-то особенною пунктуальностью и рѣзкостью: — одинъ вотъ первый вскорѣ послѣ поступленія дочери въ кастелянши!.. — на словѣ этомъ Елпидифоръ Мартынычъ пріостановился немного.—Сами согласитесь,—продолжалъ онъ, грустно усмѣхаясь:—какой матери это можетъ быть пріятно!.. А потомъ-съ другой разъ повторился, какъ дочь и оттуда переѣхала.

— А куда она оттуда переѣхала? — спросила княгиня не совсѣмъ уже смѣлымъ голосомъ.

Она еще за границей слышала, что Елена главнымъ образомъ потому оставила князя, что онъ сталъ ее ревновать къ Жуквичу; но чтобъ эта ревность была справедлива, она не слыхала подтвержденія тому.

— Въ гостиницу тутъ одну; въ номера, гдѣ вотъ Жуквичъ-полякъ живетъ!..—проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ бы больше обращаясь къ князю.

Княгиня при этомъ отвѣтѣ окончательно смутилась и не стала больше разспрашивать. Князь тоже молчалъ и началъ щипать себѣ бороду; извѣстіе это, впрочемъ, мало, повидимому, его поразило, — онъ какъ будто бы ожидалъ заранѣе этого, и только его блуждающій взглядъ нѣсколько сосредоточился, и онъ замѣтно сталъ что-то серьезное и важное обдумывать.

Княгиню между тѣмъ все безпокоила мысль, какъ сказать князю о Петицкой, и, видя, что разговоръ ни о чемъ другомъ не начинается, она рѣшилась наконецъ:

— Я Петицкую съ собой привезла; вы позволите ей жить у меня?—проговорила она.

— Пожалуй, мнѣ все равно!—отвѣчалъ князь съ явною досадой, что его отвлекаютъ отъ собственныхъ мыслей.

Елпидифоръ Мартынычъ это замѣтилъ и обратился къ княгинѣ.

— Князь утомился; ему вредно долго бесѣдовать—к-ха! — сказалъ онъ.

— Хорошо, я уйду!—сказала кротко княгиня и сама встала при этомъ.

— До свиданья! — сказалъ ей князь, стараясь какъ можно попривѣтливѣй ей улыбнуться.

Княгиня ушла, но Елпидифоръ Мартынычъ не уходилъ: онъ ожидалъ, что не будетъ ли еще какихъ-нибудь приказаній отъ князя, и тотъ дѣйствительно, когда они остались вдвоемъ, обратился къ нему.

— Вы тамъ сказали,—началъ онъ прерывающимся голосомъ: — что госпожа эта... переѣхала къ Жуквичу; но она вмѣстѣ съ собой таскаетъ и ребенка, которому я отецъ тоже и не могу допустить того! Вся жизнь ея, вѣроятно, будетъ исполнена приключеніями, и это никакъ не можетъ послужить въ пользу воспитанія ребенка!

— Конечно-съ! У такой матери какое воспитаніе!.. — подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— А потому заѣзжайте къ ней, хоть завтра, что ли, и скажите ей, что я не сужу нисколько ея поступковъ; но за всю мою любовь къ ней я прошу у ней одной милости—отдать мнѣ ребенка нашего. Я даю ей клятву, что сдѣлаю его счастливымъ: я ему дамъ самое серьезное, самое тщательное воспитаніе. Княгиня, какъ вы знаете, очень добра и вполнѣ замѣнитъ ему мать; наконецъ мы сдѣлаемъ его наслѣдникомъ всего нашего состоянія!

— Отдастъ!.. вѣроятно, отдастъ!—подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ.—И куда онъ ей?.. У нея новыя, я думаю, скоро дѣти будутъ.

— Пожалуйста, заѣзжайте!—повторилъ ему еще разъ князь.

— Заѣду-съ!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь въ тотъ день не выходилъ больше изъ своего кабинета и совсѣмъ не видался съ княгиней, которая вмѣстѣ съ Петицкой разбирала и разстанавливала разныя вещи на своей половинѣ.

Передъ тѣмъ, какъ Елпидифору Мартынычу пріѣхать къ Еленѣ, у ней произошла весьма запальчивая сцена съ Жуквичемъ. Елена недѣли двѣ, по крайней мѣрѣ, удерживалась и не высказывала ему своихъ подозрѣній, которыя явились у ней послѣ свиданія съ Миклаковымъ, и, все это время наблюдая за нимъ, она очень хорошо видѣла, что Жуквичъ хоть и бывалъ у нея довольно часто, но всегда какъ-то оставался недолгое время, и когда Елена, несмотря на непродолжительность его посѣщеній, заговаривала съ нимъ о польскихъ эмигрантахъ, о польскихъ дѣлахъ, разныхъ соціальныхъ теоріяхъ, онъ или говорилъ ей въ отвѣтъ какія-то фразы, или отмалчивался, а иногда даже начиналъ какъ бы и подшучивать надъ ней. Елена не изъ такихъ была характеровъ, чтобы равнодушно переносить подобныя вещи: у ней часъ отъ часу все

болѣе и болѣе накоплялось гнѣва противъ Жуквича, такъ что въ одно утро она не выдержала и нарочно послала за нимъ чтобы онъ пришелъ къ ней переговорить объ одномъ дѣлѣ. Жуквичъ явился и, повидимому, былъ нѣсколько смущенъ.

— Мы послѣднее время рѣшительно играемъ съ вами въ какія-то жмурки, гдѣ я хожу съ завязанными глазами, а вы отъ меня увертываетесь!..—начала она прямо:—но такъ какъ я вообще полусвѣта не люблю, а потому и хочу разъяснить себѣ нѣкоторыя обстоятельства: прежде всего, я получила извѣстіе, что польскіе эмигранты въ Парижѣ до сихъ поръ страшно нуждаются.

Жуквичъ при этомъ вспыхнулъ весь въ лицѣ.

— Кто жъ вамъ сообщилъ это извѣстіе?—какъ бы больше пробормоталъ онъ.

— Одинъ очень и очень достовѣрный человѣкъ! — подхватила Елена.—Но вы мнѣ этого не говорили; значитъ, вы или сами не знаете этого, чего вамъ, какъ агенту ихъ, не подобаетъ не знать, или знаете, но мнѣ почему-то не довѣряете.

— О, панна Жиглинская, почему жъ я стану вамъ не довѣрять!—воскликнулъ удивленнымъ тономъ Жуквичъ.

— Этого я не знаю!.. Вамъ самимъ лучше это знать! — подхватила Елена.—Во всякомъ случаѣ,—продолжала она настойчиво:—я желаю вотъ чего: напишите вы господамъ эмигрантамъ, что ежели они дѣйствительно нуждаются, такъ пусть напечатаютъ въ какой-нибудь честной, серьезной газетѣ парижской о своихъ нуждахъ и назначатъ адресъ, кому бы мы могли выдать новую помощь; а вмѣстѣ съ тѣмъ они пояснили бы намъ, что уже получили помощь и въ какомъ именно размѣрѣ, не упоминая, разумѣется, при этомъ нашихъ именъ.

— Это невозможно, панна Жиглинская!—снова воскликнулъ Жуквичъ, какъ бы приведенный почти въ ужасъ послѣдними словами Елены.

— Почему невозможно? — спросила она его насмѣшливо и въ то же время пристально смотря на него.

— Да потому жъ, панна Жиглинская, какъ я могу это написать?.. Мои жъ письма, какъ сосланнаго, всѣ читаются на почтѣ; меня за это жъ письмо сейчасъ сошлютъ въ Сибирь на каторгу.

— Но вы посылали однако деньги туда...

— Да Боже жъ ты мой! я посылалъ черезъ банкировъ отъ неизвѣстнаго лица.

— Въ такомъ случаѣ поѣдемте мы съ вами въ Парижъ, потому что я послѣдними деньгами рѣшительно хочу сама распорядиться и даже думаю остаться совсѣмъ въ Парижѣ,

гдѣ сумѣю найти себѣ работу: я могу учить музыкѣ, танцамъ, русскому языку и сидѣть даже за конторкой купеческой.

— Но какъ жъ я поѣду съ вами, панна Жиглинская?.. Меня арестуютъ на первой станціи, потому что я бѣглый буду.

— Подите вы, Жуквичъ!.. Вы не сумѣете убѣжать и попадетесь кому-нибудь, когда вы съ висѣлицы успѣли уйти!..— воскликнула Елена.—Не хотите только!..

— Да жъ, панна Жиглинская, и не хочу,—это такъ!—воскликнулъ Жуквичъ, въ свою очередь, явно оскорбленнымъ тономъ и весь краснѣя въ лицѣ: — потому что жъ вы, — я не знаю, чѣмъ я подалъ поводъ тому... — вы ѣдете въ Парижъ повѣрять меня!.. Я жъ не подлецъ, панна Жиглинская!.. Я милліонами жъ польскихъ денегъ располагалъ, и мнѣ довѣряли; а вы въ грошахъ вашихъ подозрѣваете меня!.. Да Богъ же съ вами и съ деньгами вашими, я сейчасъ выпишу ихъ изъ банка и возвращу вамъ ихъ!.. Да съѣстъ ихъ дьяволъ!.. Поляки никогда жъ не нуждались въ такой обидной помощи!..

Монологъ этотъ еще болѣе разсердилъ Елену.

— Кто честенъ-съ, тотъ не боится, чтобъ его повѣряли!— произнесла она какимъ-то почти грознымъ голосомъ.

— Я жъ честенъ и не боюсь вашихъ повѣрокъ!—кричалъ ей на это Жуквичъ.

— Нѣтъ, вы боитесь,—это вы извините!.. Васъ выдаютъ ваше лицо и тонъ вашего голоса.

— Да нѣтъ же, не боюсь, и черезъ недѣлю жъ вы получите всѣ ваши деньги назадъ!—продолжалъ кричать Жуквичъ, берясь за дверь и уходя.

— Сдѣлайте одолженіе, очень рада тому!—кричала ему въ свою очередь Елена.

Она предположила, какъ только онъ возвратитъ ей деньги, всѣ ихъ отослать къ Николя Оглоблину съ запиской, что отъ такихъ людей, какъ онъ и отецъ его, она не желаетъ принимать помощи ни для какого дѣла. Елена не успѣла еще нѣсколько прійти въ себя, какъ ей сказали, что ее спрашиваетъ Елпидифоръ Мартынычъ. Елена, полагая, что онъ пріѣхалъ къ ней по случаю смерти ея матери, послала-было сказать ему, что она никакой надобности и никакого желанія не имѣетъ принимать его, но Елпидифора Мартыныча не остановилъ такой отвѣтъ ея. Онъ явился къ ней въ комнату. Взглянувъ, впрочемъ, въ лицо Елены, Елпидифоръ Мартынычъ понялъ, что ему не совсѣмъ удобно будетъ разговаривать съ ней, а потому и постарался принять какъ можно болѣе льстивый тонъ.

— Пословица русская справедлива: старый другъ лучше новыхъ двухъ!.. Нашелъ же наконецъ я васъ, отыскалъ! — сказалъ онъ, придавъ самое сладкое выраженіе своему лицу.

— Совершенно напрасно трудились!—отвѣчала ему насмѣшливо презрительнымъ тономъ Елена.

Елпидифоръ Мартынычъ хоть бы глазомъ при этомъ моргнулъ.

— Что дѣлать-съ! — произнесъ онъ спокойнымъ тономъ философа:—не по своей винѣ васъ безпокою, а по приказанію князя, который мнѣ поручилъ передать вамъ, что онъ васъ попрежнему уважаетъ и почитаетъ... И какъ бы вы тамъ лично сами—к-ха!—ни поступали—к-ха!—онъ не судья вамъ; но вы еще молоды, можете выйти замужъ, будете переѣзжать съ мѣста на мѣсто, а это онъ находитъ весьма неудобнымъ для воспитанія вашего сына и потому покорнѣйше проситъ васъ отдать ему малютку вашего!..

— Малютку моего?..—переспросила Елена.

— «Я, говоритъ,—продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, не отвѣчая на ея вопросъ и какъ-то особенно торопливо: — въ какія-нибудь тридцать лѣтъ сдѣлаю его дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ, и если хочетъ Елена Николаевна, такъ и свиты его императорскаго величества генералъ-майоромъ!» У князя вѣдь прекрасныя связи!..—«Потомъ, говоритъ, я сдѣлаю его наслѣдникомъ всего своего состоянія, княгиня, говоритъ, замѣнитъ ему вторую мать».

— А княгиня развѣ пріѣхала?—остановила его Елена.

— Да-съ! вчерашняго числа возвратилась,—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Какая-то злая улыбка появилась при этомъ на губахъ Елены.

— Всѣ эти предложенія князя, конечно, очень лестны и заманчивы,—отвѣчала она насмѣшливымъ голосомъ: — но, по несчастью, я никакъ не желаю сына моего видѣть ни дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ ни генералъ-майоромъ, а желаю, чтобъ онъ былъ человѣкъ и человѣкъ немножко получше отца своего.

— Это я собственно сказалъ вамъ отъ себя; это мои предположенія, — подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ, видя, что онъ ошибся въ своихъ обольщеніяхъ:—а князь его воспитаетъ, какъ только вы пожелаете.

— Нѣтъ, онъ никакъ его не воспитаетъ, какъ я того пожелаю: князь самъ очень хорошо знаетъ, какъ мы на это розно смотримъ.

— Но состояніе-то-съ, состояніе-то, поймите вы!.. — старался-было убѣдить Елену Елпидифоръ Мартынычъ.—Вы, еще

Богъ знаетъ, будете ли богаты, а князь, мы знаемъ, что богатъ и сдѣлаетъ сына вашего богачомъ.

— Сынъ мой, надѣюсь, будетъ настолько неглупъ, что и безъ состоянія просуществуетъ на свѣтѣ,—возразила Елена:— и вы потрудитесь передать князю, что я такъ же, какъ и онъ, попрежнему его уважаю и почитаю, но сына моего все-таки не отдамъ ему.

Проговоря это, она подошла къ этажеркѣ, взяла съ нея шляпку свою и начала ее надѣвать передъ зеркаломъ.

— Вы, кажется, уѣзжаете куда-то? — спросилъ ее робко Елпидифоръ Мартынычъ.

— Да, мнѣ нужно по одному моему дѣлу!—отвѣчала Елена, начавшая собираться единственно съ тою цѣлью, чтобы выпроводить какъ-нибудь своего гостя.

— К-ха! — конфузливо откашлянулся Елпидифоръ Мартынычъ: — очень жаль, что я не могъ съ успѣхомъ исполнить моего порученія,—присовокупилъ онъ грустно.

— И мнѣ тоже жаль!—проговорила Елена.

Елпидифоръ Мартынычъ, дѣлать нечего, поклонился ей и вышелъ.

— Вотъ дура-то дѣвка! — выбранился онъ, сходя съ лѣстницы, и къ князю прямо проѣхать не рѣшился, а первоначально околесилъ другихъ своихъ больныхъ и все обдумывалъ, какъ бы ему половчѣе передать отвѣтъ Елены.

Князя онъ засталъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Нѣтъ-съ, она никакъ не соглашается на то! — началъ Елпидифоръ Мартынычъ нѣжнымъ голосомъ. — «Я, говоритъ, мать и такъ люблю моего ребенка, что никакъ не могу разстаться съ нимъ».

— Но она можетъ видаться съ нимъ хоть каждую недѣлю!— произнесъ князь.

— И я говорилъ ей это, но она не соглашается!—сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь нѣкоторое время теръ себѣ лобъ,

— Послушайте!..—началъ онъ, видимо что-то придумавъ:— я никогда не имѣлъ подобныхъ дѣлъ... но, говорятъ, полиція всемогуща... нельзя ли похлопотать, чтобы хоть силой они взяли у нея ребенка и отдали его мнѣ.

Слова эти заставили Елпидифора Мартыныча призадуматься.

— К-ха!—кашлянулъ онъ многозначительно: — пожалуй, можно будетъ попробовать; у меня есть кой-какіе каналы, по которымъ можно будетъ подойти къ разнымъ властямъ.

— Ну, подойдите и обѣщайте имъ денегъ — десять, пятнадцать тысячъ!—подхватилъ князь.

— Ой, Господи, для чего такъ много!—произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ бы испугавшись даже такой огромной цифры денегъ; и послѣ этого обѣщанія, по крайней мѣрѣ, съ недѣлю ходилъ по своимъ каналамъ; затѣмъ, пріѣхавъ наконецъ къ князю, объявилъ ему съ отчаяннымъ видомъ:—Нѣтъ-съ! ничего тутъ не подѣлаешь, и слышать не хотятъ. «Какъ, говорятъ, при нынѣшней гласности, можно это сдѣлать?..— Пожалуй, всѣ газеты протрубятъ: она мать,—кто же можетъ взять у нея ребенка?»

— Но она погубитъ его, понимаютъ ли они это?—воскликнулъ съ мучительнѣйшимъ выраженіемъ въ лицѣ князь.

— Понимаютъ-съ, но гласности боятся!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

XI.

Елена, не видавъ Жуквича послѣ описанной сцены около недѣли, начинала раскаиваться, что такъ рѣзко высказала ему столь обидную вещь, и полагала, что онъ нейдетъ къ ней въ ожиданіи присылки денегъ ему изъ Парижа, а что, какъ только банкъ вышлетъ ему, онъ явится къ ней и швырнетъ ей эти деньги... О, тогда Елена намѣрена была самымъ искреннимъ образомъ испросить у него прощенія въ своемъ подозрѣніи и умолять его взять деньги назадъ и распоряжаться ими, какъ только онъ желаетъ. Наконецъ прошла еще недѣля, но Жуквичъ не шелъ къ Еленѣ, и она ни отъ кого даже звука о немъ не слыхала, такъ что рѣшилась послать его просить къ себѣ и для этого позвала номерного лакея.

— Попроси ко мнѣ, пожалуйста, господина Жуквича! — сказала она тому.

Лакей при этомъ съ какимъ-то недоумѣніемъ взглянулъ на нее.

— Господинъ Жуквичъ уѣхалъ-съ,—проговорилъ онъ.

— Куда уѣхалъ?—спросила Елена, удивленная и пораженная этимъ извѣстіемъ.

— Да неизвѣстно-съ, по петербургскому ли тракту или по курскому: они сами себѣ-съ изволили нанимать извозчика.

— То-есть какъ?.. Онъ совсѣмъ изъ Москвы уѣхалъ?— переспросила Елена.

— Изъ Москвы совсѣмъ-съ!—отвѣчалъ лакей.

— Но когда же онъ уѣхалъ?—продолжала Елена.

Лакей назвалъ ей день. Это былъ тотъ именно день, въ который она съ нимъ поссорилась.

— Но кто его могъ отпустить?.. Онъ сосланъ въ Москву!— разспрашивала Елена, все еще не совсѣмъ довѣряя словамъ лакея.

— Кто? господинъ Жуквичъ?.. Нѣтъ-съ! — отвѣчалъ тотъ, усмѣхаясь.

— Какъ нѣтъ... когда онъ самъ мнѣ говорилъ это?.. Позови мнѣ лучше хозяина, — ты ничего тутъ не знаешь!..—говорила Елена, берясь за голову и чувствуя, что она начинаетъ терять всякую нить къ пониманію.

Лакей пошелъ и позвалъ хозяина, который былъ купецъ, въ скобку подстриженный, въ длиннополомъ сюртукѣ и съ совершенно безстрастною физіономіей.

— Извините, что я васъ безпокою, но мнѣ очень нужно знать: что̀, господинъ Жуквичъ, который, говорятъ, уѣхалъ, подъ присмотромъ полиціи содержался?

— Нѣтъ-съ, нѣтъ!—отвѣчалъ хозяинъ, какъ бы даже обидѣвшись на эти слова:—развѣ я сталъ бы держать такого?—прибавилъ онъ потомъ съ усмѣшкой.

— Но тутъ, собственно, ничего нѣтъ дурного... Я только спрашиваю: что самъ онъ пріѣхалъ въ Москву или сосланъ былъ?

— Какъ же сосланный можетъ ко мнѣ въ гостиницу попасть? Сосланныхъ полиція прямо препровождаетъ и размѣщаетъ въ дома, на которыхъ дощечки нѣтъ, что они свободны отъ постоя!.. — создавалъ хозяинъ свое собственное законоположеніе:—а у насъ мѣсто вольное: кто хочетъ, волей пріѣдетъ и волей уѣдетъ!..

— У васъ онъ поэтому по паспорту жилъ?

— По паспорту настоящему... Я самъ читалъ его... Станиславъ Жуквичъ, коллежскій секретарь даже... баринъ, какъ слѣдуетъ быть.

— Но куда же онъ теперь уѣхалъ?—говорила Елена.

— Не сказалъ, куда именно; отмѣтился только къ выбытію изъ Москвы... Да что̀, онъ вамъ долженъ, что ли, остался?

— Немножко... пустякъ тамъ какой-то, — отвѣчала Елена.

— Забылъ, чай, надо-быть... Со мной такъ честно расчелся, баринъ хорошій!

Для Елены не оставалось никакого сомнѣнія, что она была самымъ грубымъ, самымъ наглымъ образомъ обманута!.. «Но какъ же Миклакову было не стыдно рекомендовать ей подобнаго человѣка?»—думала она; хоть, собственно, что̀ онъ ей рекомендовалъ? Что Жуквичъ умный человѣкъ и послѣдователь разныхъ новыхъ ученій—все это правда, а остальное Елена сама придала ему въ своемъ воображеніи. Какой-то злобный смѣхъ надъ собой и своимъ положеніемъ овладѣлъ при этомъ Еленою. «Нечего сказать,—проговорила она сама съ собой:—

судьба меня балуетъ: въ любви сошлась съ человѣкомъ, съ которымъ ничего не имѣла общаго, а въ политическомъ стремленіи наскочила на мошенника,—умница я великая, должно-быть!» Но какъ бы затѣмъ, чтобы разсѣять въ Еленѣ эти мучительныя мысли, къ ней подбѣжалъ Коля, веселенькій, хорошенькій, и началъ ласкаться. Елена какъ бы мгновенно воскресла духомъ и, вспомнивъ, что она мать, съ величіемъ и твердостью выкинула изъ души всякое раскаяніе, всякое даже воспоминаніе о томъ, что̀ было, и дала себѣ слово трудиться и работать, чтобы вскормить и воспитать ребенка. Для этого она, не откладывая времени, отправилась по конторамъ, чтобы спросить тамъ, нѣтъ ли въ виду мѣстъ гувернантки, и вошла въ первую попавшуюся ей изъ таковыхъ конторъ, гдѣ увидала кривого и безобразнаго господина, сидѣвшаго за столомъ и что-то такое писавшаго. Елена обратилась къ нему со своимъ вопросомъ.

— Три рубля серебромъ съ васъ слѣдуетъ получить!—сказалъ онъ ей.

— Но я заплачу̀, когда получу мѣсто! — возразила-было Елена.

— Нѣтъ-съ, у насъ впередъ берется! — отвѣчалъ ей спокойно кривой господинъ.

Елена подала ему три рубля серебромъ, а затѣмъ у ней осталось въ портмонэ только двадцать рублей. Кривой господинъ далъ ей послѣ этого адресъ трехъ семействъ, желающихъ имѣть гувернантку, изъ которыхъ на одномъ прочитавъ купеческую фамилію, Елена прежде всего рѣшилась итти въ это семейство, предполагая, что съ простыми людьми ей легче будетъ ужиться. Семейство это жило въ Таганкѣ. Елена отправилась туда пѣшкомъ. Подойдя къ довольно большому каменному дому, она рѣшительно не знала, какъ ей въ него войти, такъ какъ онъ со всѣхъ сторонъ показался ей запертымъ, и только со двора раздавался страшный лай цѣпной, должно-быть, собаки. Елена хотѣла-было уже уйти отъ этого дома, какъ вдругъ растворилась одна изъ тяжелыхъ калитокъ его, и появился дворникъ. Оказалось, что калитка была не заперта, только у Елены недоставало силы отворить ее.

Елена сказала ему, зачѣмъ она пришла, и спросила, дома ли господа купцы.

— Хозяйка-то дома, а самого-то нѣтъ,—въ городѣ,—отвѣчалъ дворникъ.

Елена попросила его провести ее къ хозяйкѣ.

Дворникъ повелъ ее сначала дворомъ, гдѣ дѣйствительно привязанная на цѣпи собака не то что лаяла на нихъ, а отъ

злости ужъ храпѣла и шипѣла; затѣмъ дворникъ повелъ Елену заднимъ ходомъ, черезъ какой-то чуланъ, черезъ какую-то кухню и прачечную даже и наконецъ ввелъ ее въ высокую и небольшую комнату, но съ огромною божницей въ одномъ углу и съ какимъ-то глупо и ярко расписаннымъ потолкомъ. Запахъ жареной рыбы и луку царилъ всюду, и все это вмѣстѣ показалось Еленѣ, по меньшей мѣрѣ, очень непріятнымъ. Вскорѣ къ ней вышла лѣтъ сорока женщина, набѣленная, съ черными зубами и съ головой, повязанной платочкомъ.

— Покорнѣйше прошу садиться!—проговорила она, показывая на одинъ конецъ худого кожанаго дивана и сама садясь на другой конецъ его.

Елена сѣла. Ее раздѣлялъ съ хозяйкой одинъ навощенный столикъ.

— Вы гувернантка-съ?—спросила ее та.

— Гувернантка!—отвѣчала Елена.

— А рекомендацію вы имѣете?—продолжала хозяйка.

— Какую рекомендацію? — спросила ее въ свою очередь Елена.

— А гдѣ-съ вы прежде жили, оттедова: вонъ у насъ и приказчиковъ николи не берутъ, ежели старый хозяинъ за него не ручается.

— Но у меня нѣтъ никакого стараго хозяина, потому что я въ первый разъ еще желаю жить въ гувернанткахъ,—возразила ей Елена.

— Вотъ видите-съ, вы, значитъ, къ этому дѣлу-то еще и непривычны, а мы такъ желаемъ, чтобы дочь наша танцовать выучилась и чтобы писала тоже поисправнѣй, а то отецъ вонъ все ругается: «Что̀, говоритъ, ты пишешь такъ скверно!».

— Всему этому я могу учить; вотъ дипломъ мой на званіе гувернантки! — проговорила Елена и подала-было купчихѣ свой университетскій аттестатъ.

— Въ этихъ бумагахъ мы что̀ понимаемъ?—люди темные; а намъ бы рекомендацію лучше чью-нибудь!—повторяла все свое хозяйка.

— Рекомендаціи я ничьей не могу вамъ представить, потому что нигдѣ еще не жила,—проговорила Елена.

— А намъ безъ этого какъ рѣшиться-то?.. И характеръ тоже—кто знаетъ, какой онъ у васъ?.. Вонъ другія гувернантки линейкой, говорятъ, колотятъ ученицъ своихъ по чемъ ни попало, — пожалуй, и уродомъ навѣкъ сдѣлать недолго, а у меня дочь единственная, въ кои вѣки Богомъ данная!

— Я вашей дочери колотить не стану, за это я вамъ

ручаюсь, потому что у меня у самой есть сынъ-ребенокъ, котораго я попрошу взять съ собой.

— Вы замужняя поэтому?—спросила купчиха.

— Нѣтъ, я не замужняя!—отвѣчала Елена, желая въ этомъ случаѣ говорить правду.

— Вдова, значитъ?

— Нѣтъ, не вдова... я дѣвушка.

Купчиха даже поотодвинулась отъ нея при этомъ.

— Вотъ это тоже для насъ нескладно будетъ!—произнесла она, то потупляя, то поднимая свои глаза и вмѣстѣ оскабляясь во весь свой широкій ротъ.

— Что дѣлать!.. Это было увлеченіе съ моей стороны, и я не скрываю того.

— Да-съ!.. конечно!.. — отвѣчала купчиха, не переставая двигать глазами:—но намъ-то ужъ очень неподходящее дѣло это будетъ!—повторила она еще разъ.

Елена, видя, что никакого тутъ успѣха не будетъ, встала и, раскланявшись, просила проводить ее; тотъ же дворникъ, все стоявшій въ сосѣдней комнатѣ и внимательно слушавшій, что хозяйка его говорила съ гувернанткой, повелъ Елену прежнимъ путемъ; цѣпная собака опять похрапѣла на нихъ.

Елена, очутившись на улицѣ, первое, что начала съ жадностью вдыхать въ себя свѣжій воздухъ; она почти задыхалась, сидя съ купчихой въ ея каморкѣ, отъ запаха жареной рыбы съ лукомъ, и хоть довольно уже устала, но все-таки рѣшилась зайти по слѣдующему адресу къ полковнику Клюкову, живущему на Разгуляѣ, въ своемъ домѣ. Елена, желая поберечь деньги, пошла и туда пѣшкомъ. Домъ полковника Клюкова представлялъ совершенную противоположность купеческому дому: желѣзныя ворота его были распахнуты; по бокамъ крыльца были помѣщены два аристократическіе льва; конюшни обозначены лошадиной головой изъ алебастра; на одномъ изъ оконъ, выходящемъ на дворъ, былъ прибитъ огромнѣйшій барометръ: словомъ, видно было, что тутъ жилъ человѣкъ не замкнутый, со слѣдами нѣкотораго образованія. Елена прямо подошла ко входу, на рѣзныхъ дверяхъ котораго была прибита мѣдная дощечка съ надписью на ней по-французски и по-русски: «Полковникъ Клюковъ». Елена позвонила въ колокольчикъ этой двери; ей отворилъ лакей во фракѣ и даже въ бѣломъ галстукѣ.

— Полковнику нужна гувернантка...—начала Елена.

— Пожалуйте!—подхватилъ сейчасъ же смѣтливый лакей и повелъ Елену черезъ залу, гдѣ ей невольно бросились въ глаза очень большія и очень хорошей работы гравюры, но

только все какого-то строгаго и поучающаго характера: блудный сынъ, являющійся къ отцу; Авраамъ, приносящій сына въ жертву Богу; Муцій Сцевола, сжигающій свою руку.

Лакей довелъ Елену до гостиной, которая тоже имѣла какой-то черезчуръ опредѣленный характеръ; цвѣты, напримѣръ, разставлены были въ ней совершенно по ранжиру, пепельницы на столѣ—тоже по ранжиру, кресла—тоже по ранжиру.

— Полковникъ сейчасъ выйдетъ!—сказалъ лакей Еленѣ и ушелъ.

Она сѣла на одно изъ креселъ.

Минутъ черезъ пятнадцать раздались въ слѣдующихъ комнатахъ правильные шаги, и вслѣдъ затѣмъ показался и самъ полковникъ съ височками, съ небольшимъ хохолкомъ, съ нафабренными усами, въ стоячемъ галстукѣ и сюртукѣ, съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ. По всему туалету его замѣтно было, что онъ только-что прифрантился.

— Bonjour, mademoiselle, prenez place, je vous prie!—сказалъ онъ, пододвигая Еленѣ, вставшей при его входѣ, кресло и самъ садясь противъ нея.—Мѣсто вашего воспитанія?—спросилъ онъ ее затѣмъ съ довольно важнымъ видомъ.

Елена въ отвѣтъ на это подала ему свой аттестатъ и дипломъ. Полковникъ бѣгло взглянулъ на оба изъ нихъ.

— Дѣло въ томъ-съ, — началъ онъ:—что въ конторѣ я, разумѣется, подписывался только какъ полковникъ Клюковъ и многаго, конечно, не договорилъ, такъ какъ положительно считаю всѣ эти наши конторы скорѣе логовищемъ разныхъ плутней, чѣмъ какими-нибудь полезными учрежденіями, но съ вами я буду говорить откровенно, какъ отецъ, истинно желающій дать дочерямъ своимъ серьезное воспитаніе.

— Сдѣлайте одолженіе!—сказала ему на это Елена.

— Прежде всего-съ,—продолжалъ полковникъ:—я долженъ вамъ сказать, что я вдовецъ... Дочерей у меня двѣ... Я очень хорошо понимаю, что никакая гувернантка не можетъ имъ замѣнить матери, но тѣмъ не менѣе желаю, чтобъ онѣ твердо были укрѣплены въ правилахъ вѣры, послушанія и нравственности!.. Дочерямъ-съ моимъ предстоитъ со временемъ свѣтская, разсѣянная жизнь; а свѣтъ, вы знаете, полонъ соблазна для юныхъ и неопытныхъ умовъ,—вотъ почему я хотѣлъ бы, чтобъ дочери мои закалены были и, такъ сказать, вооружены противъ всего этого...

— Но какимъ же способомъ вы думаете достигнуть этого?—спросила Елена.

Полковникъ начиналъ ей казаться дуракомъ и пошлякомъ.

— Тѣмъ способомъ-съ,—отвѣчалъ онъ ей:—чтобы дѣвочки

эти научены были предпочитать науку серьезную—наукѣ вѣтреной, пустой!.. Чтобы даже въ музыкѣ онѣ любили бетховенскую фугу, а не нынѣшніе какіе-нибудь жалкіе польки и вальсы!.. Я самъ членъ здѣшняго музыкальнаго общества, поклонникъ серьезной музыки, и мое желаніе, чтобъ и дочери мои имѣли такой же вкусъ... Но главное, на что должно быть направлено вниманіе ихъ воспитательницы, это то, чтобы внушить имъ, какъ тщетна и скоропреходяща земная жизнь человѣка, и чтобы такимъ образомъ обратить сердца ихъ къ жизни будущей...

Елена начинала приходить почти въ бѣшенство, слушая полковника, и готова была чѣмъ угодно поклясться, что онъ желаетъ дать такое воспитаніе дочерямъ съ единственною цѣлью запрятать ихъ потомъ въ монастырь, чтобы только не давать имъ приданаго. Принять у него мѣсто она находила совершенно невозможнымъ для себя, тѣмъ болѣе, что сказать ему, напримѣръ, о своемъ незаконнорожденномъ ребенкѣ было бы просто глупостью съ ея стороны.

— Нѣтъ, я не могу принять на себя такихъ большихъ обязанностей!—сказала она ему прямо.

— Но почему, отчего?—спросилъ ее полковникъ какъ бы совсѣмъ другимъ тономъ: дѣло въ томъ, что чѣмъ болѣе онъ вглядывался въ Елену, тѣмъ она болѣе и болѣе поражала его красотою своею.

— Оттого, что я сама не знаю тѣхъ убѣжденій, которыя вы желаете, чтобъ я внушала дочерямъ вашимъ.

— Позвольте въ этомъ случаѣ вамъ не повѣрить!—воскликнулъ полковникъ: — вашъ аттестатъ, по крайней мѣрѣ, съ такой прекрасной отмѣткой о вашей нравственности, говоритъ совершенно противное; но если бы даже это и было такъ, то я, желая немножко строгой морали для моихъ дочерей, вовсе не хочу стѣснять тѣмъ вашей собственной жизни!.. Кончивъ ваши уроки, вы будете совершенно свободны во всѣхъ вашихъ поступкахъ: вы можете выѣзжать въ театры, въ маскарады; я самъ даже, если вы позволите, готовъ сопутствовать вамъ!.. Большая разница—ихній возрастъ и нашъ съ вами!..

Изъ послѣднихъ словъ полковника Елена очень ясно заключила, что онъ все бы ей позволилъ, съ тѣмъ только, чтобъ и она ему позволила ухаживать за собой, и этимъ онъ показался ей еще противнѣе.

— Я никогда не привыкла отдѣлять моихъ словъ отъ дѣлъ!—отвѣчала она, уже вставая.

Выраженіе лица полковника при этомъ мгновенно измѣнилось и изъ какого-то маслянаго сдѣлалось довольно строгимъ.

— О, конечно, это качество превосходное!—произнесъ онъ и не пошелъ даже Елену проводить, а кивнулъ только ей головой и остался въ гостиной.

Елена, выйдя отъ полковника со двора, чувствовала, что у ней колѣни подгибаются отъ усталости; но третій адресъ, данный ей изъ конторы, былъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ дома полковника, что Елена рѣшилась и туда зайти: оказалось, что это былъ маленькій частный пансіонъ, нуждающійся въ учительницѣ музыки. Содержательница его, сморщенная старушонка въ грязномъ чепцѣ и грязно нюхающая табакъ, приняла Елену довольно сурово и объявила ей, что она ей больше десяти рублей серебромъ въ мѣсяцъ не можетъ положить.

— Но часто ли я должна ходить давать уроки?—спросила Елена.

— Каждый день-съ, каждый день, какъ и прочія наставницы!—отвѣчала старушонка.

— Но я живу очень далеко, а потому не позволите ли вы мнѣ черезъ день приходить?.. Все равно, я двойное число часовъ буду заниматься.

Старушонка на это сердито замотала головой.

— Нѣтъ-съ!.. нѣтъ!—начала она какимъ-то злобно-насмѣшливымъ голосомъ:—мнѣ устава моего заведенія не мѣнять для васъ, не мѣнять-съ!

— Хорошо, я буду, въ такомъ случаѣ, каждый день ходить!—сказала Елена, желавшая лучше что-нибудь зарабатывать, чѣмъ ничего.

Очутившись снова на улицѣ, Елена не въ состояніи была болѣе итти пѣшкомъ, а взяла извозчика, который везъ ее до дому никакъ не меньше часа: оказалось, что она живетъ отъ пансіона, по крайней мѣрѣ, верстахъ въ пяти. Пріѣхавъ домой, Елена почти упала отъ изнеможенія на свою постель, и въ ея воображеніи невольно начала проходить ея жизнь и всѣ люди, съ которыми ей удавалось сталкиваться: и этотъ что-то желающій представить изъ себя князь, и все отвергающій Миклаковъ, и эти дураки Оглоблины, и наконецъ этотъ колоссальный негодяй Жуквичъ, и новые еще сюжеты: милый скотина-полковникъ и злючка-содержательница пансіона. О, какъ они всѣ казались ей ничтожны и противны, такъ что она не знала даже, кому изъ нихъ отдать хоть маленькое предпочтеніе; и если Миклаковъ все-таки являлся ей лучше другихъ, то потому только, что былъ умнѣе всѣхъ прочихъ. Въ этой, какой-то полусознательной переборкѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ Елена провела почти всю ночь и на другой день

поутру она отправилась въ пансіонъ на урокъ; тамъ ей пришлось учить въ довольно холодной залѣ испитыхъ, мозглявыхъ и страшно, должно-быть, безтолковыхъ дѣвочекъ, которыя въ продолженіе цѣлаго часа хлопали при ней своими костлявыми ручонками по разстроенному фортепіано. Елена, по самой природѣ своей, была не большая музыкантша и даже не особенно любила музыку, но въ настоящій урокъ она просто показалась ей пыткой; какъ бы то ни было, однако Елена пересилила себя, просидѣла свой урокъ больше даже, чѣмъ слѣдуетъ, пришла съ него домой пѣшкомъ и на другой день поутру отправилась пѣшкомъ въ пансіонъ, терпѣливо высидѣла тамъ и снова возвратилась домой пѣшкомъ. Въ такого рода занятіяхъ прошла вся недѣля. Единственнымъ развлеченіемъ для Елены было проводить время со своимъ Колей: каждый вечеръ она обыкновенно усаживалась съ нимъ на диванѣ передъ маленькимъ столикомъ и раскрывала какую-нибудь книжку. Главнымъ образомъ Коля доставлялъ ей величайшее наслажденіе тѣмъ, что уже зналъ букву *о*. «Ну, Коля, покажи, гдѣ *о*!»—говорила она ему, и ребенокъ безъ ошибки показывалъ. Изъ этого Елена заключила, что со временемъ онъ будетъ очень уменъ.

При всей незавидности такого положенія, Елена далеко не оставляла своихъ политическихъ и соціальныхъ мечтаній и твердо была увѣрена, что она переживаетъ переходное только время и что рано или поздно, но выйдетъ на приличное ей поприще. Впереди угрожающей бѣдности Елена тоже не очень опасалась и ободряла себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что она живетъ не въ совершенно же дикомъ государствѣ, живетъ наконецъ въ столицѣ, въ центрѣ образованія, а между тѣмъ она многое знаетъ и на разныхъ поприщахъ можетъ трудиться. Одно, что̀ смущало Елену—это возможность болѣзни, которая дѣйствительно невдолгѣ и посѣтила ее. Послѣ двухнедѣльной ходьбы въ пансіонъ за такую даль Елена почти съ ужасомъ увидала, что ея крѣпкія ботинки протерлись на нѣкоторыхъ мѣстахъ. Она зашла-было купить себѣ новыя, но—увы!—за нихъ просили пять рублей, а у Елены всего только пять рублей оставалось въ кошелькѣ, и потому она эту покупку отложила въ сторону и рѣшилась походить еще въ старыхъ ботинкахъ. На другой день, какъ нарочно, пошелъ сырой, холодный дождь; Елена все-таки пошла въ пансіонъ въ своихъ дырявыхъ ботинкахъ. Пока она шла, то ничего не чувствовала, но когда усѣлась въ холодной залѣ давать уроки, то замѣтила, что чѣмъ долѣе она тамъ оставалась, тѣмъ болѣе ноги ея холодѣли, а голова горѣла. Елена надѣялась обрат-

ною ходьбой согрѣть себя, но, выйдя, увидѣла, что рѣшительно не можетъ итти, потому что въ худыхъ мѣстахъ ботинкомъ до того намяла себѣ кожу, что ступить ни одной ногой не могла, и принуждена была взять извозчика, ѣдучи на которомъ, еще больше прозябла; когда наконецъ она вошла къ себѣ въ комнату, то у нея зубъ съ зубомъ не сходился. Елена легла въ постель, напилась теплаго чая—ничего не помогало: ознобъ продолжался, и къ вечеру сдѣлался жаръ. Елена вообразила, что у нея горячка, и что она непремѣнно умретъ. Собственно сама для себя Елена не желала больше жить; но, вообразивъ, что безъ нея Коля, пожалуй, умретъ съ голоду, она рѣшилась употребить все, чтобы подняться на ноги, и для этого послала къ частному врачу, чтобъ онъ пріѣхалъ къ ней; частный врачъ, хоть и былъ дома, сказался, что его нѣтъ. Елена послала пожаловаться на него частному приставу, который очень наивно велѣлъ ей сказать, что частные доктора ни къ кому изъ бѣдныхъ не ходятъ, такъ какъ тѣ имъ не платятъ. Елена при этомъ всплеснула только руками: «Ну, можно ли жить и существовать въ подобномъ государствѣ?» — воскликнула она и затѣмъ впала почти въ совершенное безпамятство. На другой день, впрочемъ, къ ней пришелъ одинъ вольнопрактикующій молодой врачъ, жившій въ однихъ номерахъ съ нею.

Врачъ объявилъ Еленѣ, что у нея сильная простудная лихорадка. «Но не умру ли я, не опасна ли моя болѣзнь?»— спросила она его.—«Нѣтъ-съ, не опасна нисколько!»—отвѣчалъ ей тотъ и, прописавъ лѣкарство, ушелъ. Елена поуспокоилась немного и рѣшилась какъ можно старательнѣе лѣчиться, но для этого у нея не было денегъ. Елена послала продать свое черное шелковое платье, единственную цѣнную вещь, которою она еще владѣла: за это платье ей дали 25 рублей, а болѣзнь между тѣмъ длилась. Прошло такимъ образомъ недѣли съ двѣ; у Елены вышли всѣ деньги. Она послала-было къ содержательницѣ пансіона письмо, въ которомъ просила ту прислать ей жалованье за прослуженные полмѣсяца, обѣщаясь сейчасъ, какъ только выздоровѣетъ, явиться снова къ своимъ занятіямъ; на это письмо содержательница пансіона увѣдомила ее, что на мѣсто Елены уже есть другая учительница, гораздо лучше ея знающая музыку, и что жалованье она тоже не можетъ послать ей, потому что Елена не дослужила мѣсяца. Что̀ оставалось послѣ этого дѣлать Еленѣ? Ей не на шутку представилась мысль, что она въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ можетъ умереть съ голоду, тѣмъ болѣе, что хозяинъ гостиницы нѣсколько разъ уже присылалъ

къ ней, чтобъ она порасплатилась хоть сколько-нибудь за столъ и за номеръ.

Къ вечеру, въ день полученія письма отъ содержательницы пансіона, Елена начала чувствовать, что въ комнатѣ становится черезчуръ свѣжо: время это было глубокая осень. Елена спросила няньку, отчего такъ холодно. Та отвѣчала ей, что у нихъ не топлена печь, и что хозяинъ совсѣмъ ее не велѣлъ никогда топить, потому что ему не платятъ денегъ. Ночью въ комнатѣ сдѣлалось еще холоднѣе, такъ что Коля на другой день поутру проснулся весь простуженный, съ кашлемъ и въ жару. У Елены не было даже на что послать за какимъ-нибудь лѣкарствомъ для него, не было чая, чтобы напоить его. Мальчикъ метался и плакалъ. Этого Елена уже больше не выдержала: думала-было она первоначально достать гдѣ-нибудь жаровню съ угольями, поставить ее въ свою комнату и задохнуться вмѣстѣ съ ребенкомъ,—но за что же она и по какому праву прекратитъ его молодую жизнь?—и Елена съ ужасомъ поспѣшила выкинуть изъ головы это страшное рѣшеніе. Думала потомъ написать къ князю и попросить у него денегъ для ребенка,—князь, конечно, пришлетъ ей,—но это прямо значило унизиться передъ нимъ и, что̀ еще хуже того, унизиться передъ его супругой, отъ которой онъ, вѣроятно, не скроетъ этого, и та, по своей пошлой добротѣ, разумѣется, будетъ еще совѣтовать ему помочь несчастной,—а Елена скорѣе готова была умереть, чѣмъ вынести подобное самоуничиженіе. «Э,—подумала она:—что̀ будетъ, то будетъ! Лучше продать себя, чѣмъ просить милостыню!» Принявъ какое-то новое рѣшеніе, Елена подошла къ своему столику и вынула изъ него листъ почтовой бумаги. Лицо ея при этомъ не было ни печально ни особенно встревожено, а только, какъ случалось это во всѣхъ трудныхъ случаяхъ ея жизни, дышало рѣшительностью и смѣлостью. Елена сѣла и начала писать довольно твердымъ почеркомъ:

«Николай Гаврилычъ! Вы нѣкогда дѣлали мнѣ предложеніе и желали на мнѣ жениться. Въ настоящее время я нуждой доведена до послѣдней степени нищеты; если вы хотите, то можете на мнѣ жениться, но рѣшайтесь сейчасъ же и сейчасъ же пріѣзжайте ко мнѣ и не дайте умереть съ голоду моему ребенку!» Надписавъ на конвертѣ письма: «Николаю Гаврилычу Оглоблину», Елена отправила его съ няней, приказавъ ей непремѣнно дожидаться отвѣта. На успѣхъ этого письма Елена, кажется, не совсѣмъ надѣялась, потому что лицо ея послѣ рѣшительнаго и смѣлаго выраженія приняло какое-то отчаянное: она замѣтно прислушивалась къ малѣй-

шему шуму въ коридорѣ; наконецъ раздались довольно сильные шаги, двери къ ней въ номеръ распахнулись, и влетѣлъ торжествующій и блистающій радостью Николя.

— Ахъ, я очень радъ!.. благодарю васъ... я ужасно радъ!..— говорилъ онъ, цѣлуя руку Елены. — Какъ же вамъ не совѣстно давно мнѣ не прислать, что вы нуждаетесь! — говорилъ онъ.

Хлопоча, чтобъ Елену выгнали, Николя вовсе не ожидалъ, что она впадетъ чрезъ то въ бѣдность, и воображалъ, что Елена превесело будетъ поживать съ Жуквичемъ.

— А гдѣ Жуквичъ-то?—присовокупилъ онъ.

— Онъ давно уѣхалъ,—отвѣчала Елена.

Николя при этомъ выпучилъ глаза.

— Такъ, стало-быть, это неправда, что̀ говорили тогда про васъ?—сказалъ Николя.

— Конечно, неправда! — воскликнула Елена.

— Ну, и отлично это!.. отлично!.. — говорилъ Николя, потирая съ удовольствіемъ руки.

— Но вашъ отецъ не позволитъ вамъ жениться на мнѣ!— возразила Елена.

— А пожалуй, не позволяй; очень мнѣ нужно!—говорилъ совершенно смѣлымъ тономъ Николя.

— Но чѣмъ мы въ такомъ случаѣ будемъ жить съ вами?— спросила Елена.

Николя при этомъ разсмѣялся ей въ лицо.

— Какъ чѣмъ жить? У меня своихъ двадцать тысячъ годового дохода, а я еще скопилъ изъ нихъ,—очень мнѣ нужно отцовское состояніе.

— Но правда ли это, monsieur Николя?—произнесла Елена недовѣрчивымъ голосомъ.

На лицѣ Николя при этомъ отразилось въ свою очередь недоумѣніе.

— Вотъ видите что̀,—объяснила ему Елена:—я вамъ буду говорить откровенно, что я васъ не люблю и иду за васъ изъ-за состоянія.

— Понимаю это я... Будто я не понимаю этого!—подхватилъ Николя.

— Кромѣ того, — продолжала Елена: — я столько разъ въ жизни была обманываема людьми, что теперь рѣшительно никому не вѣрю, а потому вы какъ-нибудь фактически должны доказать мнѣ, что у васъ есть состояніе.

— Да какъ же я вамъ докажу?—спросилъ Николя, тяжело поворачивая свой толстый языкъ.

— Какъ знаете!..—сказала ему Елена.

Николя послѣ этого нѣсколько времени глядѣлъ на нее, выпуча глаза, и думалъ.

— Развѣ вотъ что̀ сдѣлать!—произнесъ онъ:—погодите, я сейчасъ вамъ всѣ бумаги мои привезу!..—проговорилъ онъ радостно и затѣмъ, схвативъ шапку, выбѣжалъ изъ номера; но черезъ какіе-нибудь полчаса снова вернулся и дѣйствительно привезъ показать Еленѣ, во-первыхъ, купчую крѣпость и планы на два огромные каменные дома, собственно ему принадлежащіе, и потомъ духовное завѣщаніе отъ родной бабки на очень большое имѣніе.

— Ну, вотъ вамъ, успокойтесь! — говорилъ онъ.

Елена пересмотрѣла эти бумаги очень внимательно.

— Все это отлично!..—проговорила она:—но вы теперь мнѣ дайте хоть сколько-нибудь денегъ, потому что ни ребенокъ ни я другой день ничего не ѣли.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ съ чувствомъ Николя:—возьмите, пожалуйста! — продолжалъ онъ, торопливо подавая Еленѣ двѣсти рублей серебромъ.

Та сейчасъ послала за чаемъ и за докторомъ для ребенка.

— Только вы завтра на мнѣ, Николя, и женитесь! — говорила ему Елена.

— Завтра, непремѣнно завтра!—отвѣчалъ Николя.

Елена до такой степени спѣшила выйти замужъ, съ одной стороны, кажется, изъ опасенія, чтобы Николя кто-нибудь не отговорилъ, а съ другой—тоже чтобъ и самой не передумать.

XII.

Услыхавъ о женитьбѣ сына на Жиглинской, старикъ Оглоблинъ въ первыя минуты, когда ему сказали о томъ, совсѣмъ потерялся и потомъ, конечно, позвалъ къ себѣ на совѣщаніе своего Ѳеодосія Иваныча.

— Слышали... что̀ тутъ... надѣлалось? — спросилъ онъ его своимъ отрывистымъ языкомъ.

— Что̀ такое-съ?—отозвался Ѳеодосій Иванычъ, какъ бы и не догадываясь, о чемъ его спрашиваютъ.

— Николай... женился... на этой бывшей нашей кастеляншѣ!.. И я желаю... бракъ этотъ расторгнуть!..—продолжалъ старикъ Оглоблинъ.

Ѳеодосій Иванычъ на это уже молчалъ: онъ, кажется, все еще продолжалъ немножко сердиться на своего начальника.

— Какъ вы думаете, разведутъ ихъ?—приставалъ къ нему Оглоблинъ.

— Какъ мнѣ думать тутъ?.. Все это отъ владыки зави-

ситъ! — воскликнулъ насмѣшливо Ѳеодосій Иванычъ, въ удивленіи, что начальникъ его подобныхъ вещей даже не знаетъ.

— Отъ владыки, вы думаете, зависитъ это?—переспросилъ тотъ его еще разъ.

— Все отъ владыки!—повторилъ Ѳеодосій Иванычъ тѣмъ же насмѣшливо-грустнымъ тономъ.

Получивъ такое разъясненіе отъ подчиненнаго, старикъ Оглоблинъ въ то же утро, надѣвъ всѣ свои кресты и ленты, отправился къ владыкѣ. Тотъ принялъ его весьма благосклонно и предложилъ ему чаю. Оглоблинъ, путаясь и заикаясь на каждомъ почти словѣ, тѣмъ не менѣе однако съ большимъ чувствомъ разсказалъ о постигшемъ его горѣ и затѣмъ изложилъ просьбу о разводѣ сына. Владыка выслушалъ его весьма внимательно, но отвѣтъ далъ далеко не благопріятный.

— Въ законѣ указаны случаи, вызывающіе разводъ, но въ бракѣ вашего сына я не вижу ни одного изъ нихъ!—произнесъ онъ своимъ безстрастнымъ голосомъ.

Старикъ Оглоблинъ, разумѣется, возражать ему не осмѣлился и ограничился только тѣмъ, что уѣхалъ отъ владыки крайне имъ недовольный и еще болѣе опечаленный совершившимся въ его семьѣ событіемъ.

Въ слѣдующую затѣмъ недѣлю всѣ именитые друзья и сослуживцы старика Оглоблина спѣшили навѣстить его для выраженія ему своего участія и соболѣзнованія; на всѣ утѣшенія ихъ онъ только молча склонялъ голову и разводилъ руками. Николя между тѣмъ каждый день ѣздилъ къ отцу, чтобъ испросить у него прощеніе, но старикъ его не принималъ. Тогда Николя рѣшился обратиться къ Ѳеодосію Иванычу и для этого забѣжалъ къ нему нарочно въ канцелярію.

— Послушайте: подите, выхлопочите, чтобъ отецъ меня простилъ! — сказалъ онъ ему.

На первыхъ порахъ Ѳеодосій Иванычъ взглянулъ-было какъ-то нерѣшительно на Николя.

— А если не выхлопочете, такъ, право, отдую, ей-Богу!—присовокупилъ тотъ по обыкновенной своей методѣ, и Ѳеодосій Иванычъ въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, побаивался подобныхъ угрозъ, потому что на другой же день, при докладѣ бумагъ своему начальнику, онъ сказалъ ему:

— Что̀ вы Николая-то Гаврилыча не прощаете!.. Одинъ сынъ всего, и съ тѣмъ вы въ ссорѣ!

— А зачѣмъ онъ на такой негодяйкѣ женился?—перебилъ его рѣзко Оглоблинъ.

— Что̀ жъ на негодяйкѣ?.. Вамъ, что ли, съ ней жить, али ему?—возразилъ въ свою очередь тоже Ѳеодосій Иванычъ.—

Не молоденькіе,—пожалуй, умрете и не повидаетесь съ сыномъ-то!—прибавилъ онъ затѣмъ какимъ-то мрачнымъ голосомъ и этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ окончательно поразилъ своего начальника, такъ что у того слезы выступили на глазахъ.

— Ну, велите, чтобы Николай пріѣхалъ! — произнесъ онъ, почти всхлипывая.

Ѳеодосій Иванычъ сейчасъ послалъ казеннаго курьера сказать о томъ Николя; тотъ немедля пріѣхалъ къ отцу, сталъ передъ нимъ на колѣни и началъ-было у него испрашивать прощенія себѣ и женѣ. Его собственно старикъ тутъ же простилъ и далъ ему поцѣловать свою руку, но о женѣ и говорить не позволилъ. Тогда Николя, опять забѣжавъ въ канцелярію къ Ѳеодосію Иванычу, попросилъ его повліять на начальника своего. И Ѳеодосій Иванычъ, вѣроятно, повліялъ ему извѣстнымъ способомъ, потому что, когда на другой день Николя пріѣхалъ къ отцу и, ставъ на колѣни, началъ его снова просить за жену, то старикъ, хоть и съ презрительною нѣсколько миной, но сказалъ ему: «Ну, пусть себѣ пріѣзжаетъ!». И Елена пріѣхала. Она это сдѣлала единственно затѣмъ, чтобы не поддерживать распри между отцомъ и сыномъ. Старикъ Оглоблинъ, какъ только увидалъ ее, такъ невольно почувствовалъ неотразимое вліяніе красоты ея и, по своей прежней кавалергардской привычкѣ, свернулъ свою правую руку кренделемъ и предложилъ ее Еленѣ. Та вложила въ этотъ крендель свою руку, и такимъ образомъ они вошли въ гостиную, гдѣ старикъ усадилъ свою невѣстку на самое почетное мѣсто и былъ къ ней очень внимателенъ и любезенъ. Когда наконецъ молодые кончили свой визитъ и пошли, то Николя на минуту пріостановился со своимъ отцомъ въ гостиной.

— Что̀, папа, какова?.. Вѣдь красавица!—проговорилъ онъ негромко и показывая глазами на уходящую Елену.

— Почти!.. почти красавица! — произнесъ старикъ съ видомъ знатока. — Желта только какъ-то она сегодня! — прибавилъ онъ.

— Это ничего, пройдетъ! — подхватилъ Николя, весь горя радостью.

Елена не то что была желта — она была почти зеленая; только силой воли своей она скрывала тѣ адскія мученья, которыя переживала внутри себя!

О бракѣ Николя съ Еленой у Григоровыхъ узнали очень нескоро; единственный человѣкъ, который могъ бы принести эту новость, Елпидифоръ Мартынычъ не былъ у нихъ недѣли уже двѣ, потому что прихворнулъ разлитіемъ желчи. Болѣзнь

эта съ нимъ приключилась отъ безпрестанно переживаемаго страха, чтобы какъ-нибудь не узнали о припрятанныхъ имъ себѣ въ карманъ деньгахъ Елизаветы Петровны: Елпидифоръ Мартынычъ во всю свою многолѣтнюю и не лишенную разнообразныхъ случаевъ жизнь въ первый еще разъ такъ прямо и начисто цапнулъ чужія деньги. Но послѣднее время общество Григоровыхъ увеличилось появленіемъ барона Мингера, прибывшаго наконецъ въ Москву и, по слухамъ, даже получающаго въ оной какое-то важное служебное назначеніе. Когда баронъ пріѣхалъ въ первый разъ къ князю, тотъ принялъ его довольно сухо; но баронъ однако отнесся къ нему такъ симпатично, съ такимъ дружескимъ участіемъ, съ такими добрыми и ласкающими манерами, что князь невольно смягчился, и когда баронъ уѣхалъ, онъ переговорилъ по этому поводу съ женою.

— Какой нынче баронъ сдѣлался нѣжный! — сказалъ онъ ей немножко въ шутку.

— Ужасно! Его узнать нельзя!—подхватила княгиня съ какимъ-то даже увлеченіемъ.

Жизнь съ Анной Юрьевной и ухаживанье за нею, больною, дѣйствительно, еще больше выдрессировали барона и сдѣлали его до утонченности терпѣливымъ и искательнымъ человѣкомъ. Къ Григоровымъ онъ началъ ѣздить каждый вечеръ, и вечера эти обыкновенно проводились такимъ образомъ: часу въ седьмомъ княгиня посылала къ мужу спросить, что можно ли къ нему прійти сидѣть въ кабинетъ. Князь, хоть и съ невеселымъ видомъ, но отвѣчалъ, что можно. Княгиня приходила съ работой, а г-жа Петицкая съ книгой, въ ожиданіи, что ее заставятъ читать. Князь при этомъ былъ постоянно съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ и съ какими-то безпокойно переходящими съ предмета на предметъ глазами. Дамы усаживались поближе къ лампѣ; вскорѣ затѣмъ пріѣзжалъ баронъ, подавали чай, и начинался о томъ, о семъ негромкій разговоръ, въ которомъ князь рѣдко принималъ какое-нибудь участіе.

Въ одинъ изъ вечеровъ баронъ пріѣхалъ съ нѣсколько болѣе обыкновеннаго оживленнымъ лицомъ.

— Какую я сейчасъ новость слышалъ, обѣдая въ Англійскомъ клубѣ!..—началъ онъ, усѣвшись на кресло.

— Какую же такую новость? — спросила его княгиня, вовсе не ожидая, чтобы это была какая-нибудь серьезная новость.

Баронъ медлилъ нѣкоторое время отвѣтомъ, какъ бы опасаясь нѣсколько разсказывать то, что онъ слышалъ.

— Да говорятъ... — началъ онъ:—что этотъ Николай, кажется, Гаврилычъ Оглоблинъ, сей весьма глупый господинъ, женился на госпожѣ Жиглинской.

— Не можетъ быть! — воскликнули обѣ дамы въ одинъ голосъ.

Князь, съ своей стороны, перевелъ на барона свой безпокойный взглядъ.

— Говорятъ-съ!—отвѣчалъ баронъ, пожимая плечами.—Въ клубѣ одинъ старичокъ, весьма почтенной наружности, во всеуслышаніе и съ достовѣрностью разсказывалъ, что онъ самъ былъ на обѣдѣ у отца Оглоблина, который тотъ давалъ для молодыхъ, и при этомъ онъ пояснилъ даже, что сначала отецъ былъ очень сердитъ, но что потомъ простилъ его...

— Странно что-то это!—произнесла Петицкая, вспыхнувшая даже вся въ лицѣ и видимо страшно опѣшенная этимъ извѣстіемъ.

— То, что Оглоблинъ женился на госпожѣ Жиглинской — это не удивительно: мужчины увлекаются въ этомъ случаѣ часто,—продолжалъ разсуждать баронъ:—но какимъ образомъ госпожа Жиглинская, дѣвушка, какъ всѣмъ это извѣстно, весьма умная, очень образованная, рѣшилась связать свою судьбу навѣки съ подобнымъ человѣкомъ?..

— Но правда ли это, нѣтъ ли тутъ какой-нибудь ошибки, не другая ли какая-нибудь это Жиглинская? — спросила княгиня, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ знакъ барону, чтобъ онъ прекратилъ этотъ разговоръ: она очень хорошо замѣтила, что взглядъ князя дѣлался все болѣе и болѣе какимъ-то мутнымъ и устрашеннымъ; чуткое чувство женщины говорило ей, что мужъ до сихъ поръ еще любилъ Елену, и что ему тяжело было выслушать подобное извѣстіе.

Баронъ, съ своей стороны, понялъ княгиню и поспѣшилъ успокоить нѣсколько князя.

— Очень можетъ быть, что это и ошибка!.. Мало ли этакихъ qui pro quo бываетъ!—сказалъ онъ.

Князь при этомъ перевелъ свой взглядъ съ барона на жену.

Но какъ бы ради того, чтобъ окончательно разсѣять всякое сомнѣніе въ этомъ слухѣ, вдругъ нежданно-негаданно прибылъ Елпидифоръ Мартынычъ, въ первый еще разъ выѣхавшій изъ дому и поставившій непремѣннымъ долгомъ для себя прежде всѣхъ явиться къ Григоровымъ, какъ ближайшимъ друзьямъ своимъ.

При видѣ доктора, князь на него уже вскинулъ свой взглядъ.

— А правда ли, что Жилинская вышла замужъ за Оглоблина?—спросилъ онъ его, не давъ еще Елпидифору Марты-

нычу ни съ кѣмъ путемъ раскланяться и замѣтно считая Иллiонскаго за самаго всезнающаго и достовѣрнаго вѣстника.

Елпидифоръ Мартынычъ смѣшался даже на первыхъ порахъ отъ такого вопроса.

— К-ха! — откашлянулся онъ прежде всего протяжно: — правда, если вы это изволите знать! — присовокупилъ онъ, пожимая плечами.

— Меня больше всего то удивляетъ,—отнесся баронъ почти шопотомъ къ Елпидифору Мартынычу: — что̀ могло госпожу Жиглинскую побудить на подобный бракъ!

— Бѣдность, больше ничего, что бѣдность, — отвѣчалъ тотъ:—а тутъ еще къ этому случилось, что сама и ребенокъ заболѣли. Ко мнѣ она почему-то не соблаговолила прислать, и ее ужъ одинъ молодой врачъ, мой знакомый, навѣщалъ; онъ сказывалъ мнѣ, что ей не на что было не то что себѣ и ребенку лѣкарства купить, но даже булки къ чаю, чтобы поѣсть чего-нибудь.

Княгиня опять, какъ и барону, сдѣлала Елпидифору Мартынычу знакъ, чтобъ онъ пересталъ объ этомъ говорить, и тотъ замолчалъ-было, но князь, въ продолженiе всего разсказа Елпидифора Мартыныча то краснѣвшiй, то блѣднѣвшiй въ лицѣ, самъ съ нимъ возобновилъ этотъ разговоръ.

— Но гдѣ же Жуквичъ? почему онъ не помогъ ей?—спросилъ онъ, и голосъ у него при этомъ какъ бы выходилъ не изъ гортани, а откуда-то изъ глубины груди.

— Да, ищи его!.. Онъ давно съ собаками удралъ!.. Кто говоритъ, что обобралъ даже ее совсѣмъ, а кто сказываетъ, что и совсѣмъ между ними ничего не было! — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь началъ послѣ того себѣ гладить грудь, какъ бы желая тѣмъ утишить начавшуюся тамъ боль; но это не помогало: въ сердце къ нему, точно огненными когтями, вцѣпилась мысль, что были минуты, когда Елена и сынъ его умирали съ голоду, а онъ и думать о томъ не хотѣлъ; что наконецъ его Елена, его прелестная Елена, принуждена была продать себя этому полуживотному Оглоблину. Далѣе затѣмъ у князя все уже спутывалось въ головѣ. Княгиня между тѣмъ продолжала наблюдать за нимъ и, видя, что тревога на лицѣ у него все болѣе и болѣе усиливалась, спросила его:

— Ты, кажется, усталъ,—не хочешь ли отдохнуть?

— Д-да!.. — произнесъ князь почти умоляющимъ голосомъ.

— Пойдемте, господа, ко мнѣ! — сказала княгиня гостямъ своимъ.

Тѣ послѣдовали за нею.

— Вы напрасно князю разсказывали всю эту исторію!..— слегка укорила она обоихъ ихъ.

— Но я никакъ не ожидалъ, что это такое сильное впечатлѣніе произведетъ на него!—подхватилъ баронъ.

— А меня вѣдь онъ—к-ха!—самъ спрашивать началъ,—какъ тутъ было не отвѣчать!—объяснялъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Далѣе залы княгиня не повела гостей своихъ и просила ихъ усѣсться тутъ же, а сама начала прислушиваться, что̀ дѣлается въ кабинетѣ. Вдругъ князь громко крикнулъ лакея. Тотъ на этотъ зовъ проворно пробѣжалъ къ нему черезъ залу. Князь что-то такое приказалъ ему. Лакей затѣмъ вышелъ изъ кабинета.

— Что̀ такое тебѣ князь приказалъ? — спросила его стремительно княгиня.

— Управляющаго приказали позвать-съ къ себѣ!—отвѣчалъ лакей, быстро проходя.

— Зачѣмъ бы это?—обратилась княгиня къ барону, какъ бы спрашивая его.

Тотъ молча на это пожалъ плечами.

— Вѣроятно, заняться чѣмъ-нибудь хочетъ и развлечь себя,—вмѣшался въ ихъ разговоръ Елпидифоръ Мартынычъ.

Въ это время управляющій прошелъ въ кабинетъ, и княгиня еще внимательнѣй стала прислушиваться, что̀ тамъ будетъ происходить. При этомъ она очень хорошо разслышала, что князь почти строго приказалъ управляющему какъ можно скорѣе заложить одно изъ самыхъ большихъ имѣній.

— Слушаю-съ!—отвѣчалъ ему тотъ фистулой и вышелъ изъ кабинета.

— Имѣнье зачѣмъ-то велѣлъ заложить,—обратилась снова къ барону княгиня.

— Имѣнье?—переспросилъ онъ.

— Да!—отвѣчала княгиня.

— Для чего бы это?—продолжалъ баронъ.

— Можетъ-быть, за границу думаетъ совсѣмъ уѣхать! — пояснила княгиня.

— Что̀ же, и вы поѣдете?—спросилъ баронъ; въ голосѣ его при этомъ послышалась какъ бы какая-то грусть.

— О, непремѣнно!—подхватила та.

— Князю безотлагательно слѣдовало бы ѣхать за границу и укрѣпить свои нервы купаньями, а то онъ, пожалуй, тутъ съ ума можетъ сойти! — опять вмѣшался въ ихъ разговоръ Елпидифоръ Мартынычъ.

Во всей этой бесѣдѣ г-жа Петицкая, какъ мы видимъ, не принимала никакого участія и сидѣла даже вдали отъ про-

чихъ, погруженная въ свои собственныя невеселыя мысли: возвращаясь въ Москву, она врядъ ли не питала весьма сильной надежды встрѣтить Николя Оглоблина, снова завлечь и женить на себѣ; но теперь, значитъ, надежды ея совершенно рушились, а между тѣмъ продолжать жить приживалкою, какъ ни добра была къ ней княгиня, у г-жи Петицкой недоставало никакого терпѣнія, во-первыхъ, потому, что г-жа Петицкая жаждала еще любви, но устроить для себя что-нибудь въ этомъ родѣ, живя съ княгинею въ одномъ домѣ, она видѣла, что нѣтъ никакой возможности, въ силу того, что княгиня оказалась до такой степени въ этомъ отношеніи пуристкою, что при ней неловко даже было просто пококетничать съ мужчиной. Кромѣ того, г-жа Петицкая была очень капризна по характеру и страшно самолюбива, а между тѣмъ, по своему зависимому положенію, она должна была на каждомъ шагу въ себѣ это сдерживать и душить. Словомъ, благодаря настоящей своей жизни, она съ каждымъ днемъ худѣла, старѣлась и, къ ужасу своему, начала ожидать, что скоро, пожалуй, совсѣмъ перестанетъ нравиться мужчинамъ.

Управляющій на другой же день принесъ князю занятыя подъ имѣнье деньги, болѣе ста тысячъ. Князь, внимательно и старательно пересчитавъ ихъ, заперъ въ свой желѣзный шкапъ и потомъ, велѣвъ подать себѣ карету, поѣхалъ къ нотаріусу. Нотаріусъ этотъ былъ еще старый знакомый его отца. Увидавъ князя, онъ произнесъ радостное восклицаніе.

— Ваше сіятельство, какими судьбами?.. Господи, что̀ съ вами,—какъ вы похудѣли и постарѣли!—присовокупилъ онъ.

— Боленъ нынѣшнимъ лѣтомъ былъ, — отвѣчалъ князь.— Есть у васъ особенная комната, гдѣ бы переговорить?

— Есть, имѣю!—отвѣчалъ нотаріусъ, вводя князя въ свой кабинетъ.—Молодымъ людямъ стыдно бы хворать!.. Вотъ намъ старикамъ—другое дѣло!

— Старые люди крѣпче нынѣшнихъ,—говорилъ князь, садясь.—Я вотъ по случаю слабаго моего здоровья, — началъ онъ нѣсколько прерывающимся голосомъ:—желалъ бы написать духовную...

— Это дѣло хорошее; это при всякомъ здоровьѣ не мѣшаетъ дѣлать! — одобрилъ его нотаріусъ.

— Завѣщать я желаю, — продолжалъ князь, тряся ногою:— все мое недвижимое имущество въ пожизненное владѣніе женѣ моей, — можно это?..

— Можно-съ!.. Нынче безъ испрошенія высочайшей воли это можно.

— Потомъ, весь капиталъ мой, въ четыреста тысячъ, я желаю оставить моему побочному сыну — сыну дѣвицы Жиглинской, а теперь по мужу Оглоблиной... можно это?

— И это можно; деньги — благопріобрѣтенное ваше.

— Только, пожалуйста, чтобы строго-юридически все это было, и чтобы наслѣдники никакъ не могли оттягать какъ-нибудь отъ ребенка и у жены моей завѣщаннаго.

— Крѣпко напишемъ-съ, вѣрно будетъ; ничего не оттягаютъ.

— И чтобы какъ можно поскорѣе это сдѣлать.

— Да сегодня же къ вамъ вечеромъ и привеземъ все.

— Пожалуйста! — повторилъ князь.

Провожая его, нотаріусъ еще разъ повторилъ ему свое сожалѣніе, что онъ такъ постарѣлъ и похудѣлъ.

Возвратясь домой, князь, кажется, только и занятъ былъ тѣмъ, что ожидалъ духовную, и когда часамъ къ семи вечера она не была еще ему привезена, онъ послалъ за нею нарочнаго къ нотаріусу; тотъ наконецъ привезъ ему духовную. Князь подписалъ ее и тоже бережно заперъ въ свой желѣзный шкапъ. Остальной вечеръ онъ провелъ одинъ.

На другой день поутру князь велѣлъ опять заложить себѣ карету и, взявъ всѣ сто тысячъ съ собой, поѣхалъ въ банкъ, гдѣ положилъ деньги на свое имя. Выходя изъ банка, князь вдругъ встрѣтился съ Николя Оглоблинымъ.

— Здравствуйте! — заговорилъ тотъ радостнымъ и въ то же время оторопѣлымъ голосомъ.

— Здравствуйте! — отвѣчалъ ему князь мрачно и хотѣлъ-было уйти.

— А я на вашей знакомой Еленѣ Николаевнѣ женился, — не утерпѣлъ и бухнулъ Николя.

— Слышалъ это я!.. Поздравляю васъ! — говорилъ князь.

— Вотъ прислала сюда пятьдесятъ тысячъ на свое имя положить; безъ того за меня не шла. «Нѣтъ, говоритъ, меня другіе обманули, теперь я стала практична!» — мололъ Николя.

Князь ничего ему на это не отвѣтилъ и даже поспѣшилъ раздвинуть силою сгустившуюся у выхода толпу, чтобы только уйти отъ Николя.

Изъ банка князь заѣхалъ въ театръ и взялъ билетъ на ложу, который, возвратясь домой, отнесъ къ княгинѣ.

— Поѣзжайте сегодня съ Петицкой въ театръ, — отличная пьеса идетъ.

— А ты поѣдешь?

— То-есть я пріѣду... Мнѣ часовъ до восьми нужно дома быть.

— Хорошо, если ты пріѣдешь, — отвѣчала княгиня, пола-

гавшая, что князь этими дѣлами своими и поѣздкой въ театръ хочетъ развлечь себя.

Съ наступленіемъ вечера князь, по крайней мѣрѣ, разъ пять посылалъ спрашивать княгиню, что скоро ли она поѣдетъ? Та наконецъ собралась и зашла сама къ князю. Она застала его сидящимъ за столомъ съ наклоненной на руки головой.

— А ты скоро пріѣдешь? — спросила она его, почти испуганная его видомъ.

— Сейчасъ же, очень скоро! — отвѣчалъ князь какъ-то нервно и торопливо.—Поѣзжайте, поѣзжайте!—прибавилъ онъ.

Княгиня поѣхала.

Прошло около часа.

Во всемъ домѣ была полнѣйшая тишина; камердинеръ князя сидѣлъ въ сосѣдней съ кабинетомъ комнатѣ и дремалъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ; камердинеръ вскочилъ на ноги, вмѣстѣ съ тѣмъ въ залу вбѣжала проходившая по коридору горничная. Камердинеръ бросился въ кабинетъ къ князю.

— Что̀ такое, батюшки! — кричала ему вслѣдъ горничная.

Въ кабинетѣ камердинеръ увидалъ, что князь лежалъ распростертымъ на канапе; кровь била у него фонтаномъ изо рта; въ правой и какъ-то судорожно согнутой рукѣ онъ держалъ пистолетъ.

— Доктора, скорѣе доктора! — кричалъ камердинеръ и бросился зажимать князю ротъ рукою, желая тѣмъ остановить бѣжавшую кровь.

Та же горничная, что̀ выскочила въ залу и заглянувшая въ кабинетъ, сбѣжала въ сѣни и начала кричать швейцару, колотя его въ плечо и въ шею:

— Доктора скорѣе, князю очень дурно, и княгиню воротите изъ театра!

Швейцаръ едва понялъ ее и послалъ одного лакея за Елпидифоромъ Мартынычемъ, а самъ поѣхалъ за княгиней. Елпидифоръ Мартынычъ и княгиня въ одно время подъѣхали къ крыльцу дома.

— Князю дурно? — говорила княгиня, проворно взбѣгая по ступенькамъ лѣстницы.

— И за мною тоже прислали! — говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, не успѣвая итти за быстрыми шагами княгини, такъ что та первая вошла въ кабинетъ къ князю.

— Ай! — раздался вслѣдъ затѣмъ ея пронзительный крикъ, и когда Елпидифоръ Мартынычъ достигъ кабинета, то увидалъ тамъ княгиню безъ чувствъ, уже распростертою у трупа мужа.

— Господи помилуй! — произнесъ онъ. — Дѣвушки, люди, отнесите ее, несчастную!

Люди отнесли княгиню, совершенно безчувственную, въ ея спальню.

Елпидифоръ Мартынычъ осмотрѣлъ послѣ того трупъ князя, у котораго пуля навылетъ пробила затылочную кость.

— Гм! — грустно усмѣхнулся Елпидифоръ Мартынычъ: — какъ угостилъ себя!.. Мнѣ однако тутъ одному дѣлать нечего, — съѣздите хоть за барономъ! — присовокупилъ онъ камердинеру, все время стоявшему у ногъ барина и горько плакавшему.

Тотъ поѣхалъ. Елпидифоръ Мартынычъ пошелъ къ княгинѣ и началъ ее спиртомъ и холодной водой приводить въ чувство.

Она наконецъ опомнилась.

— Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? — заговорила она почти помѣшаннымъ голосомъ и съ какимъ-то безумнымъ жестомъ откидывая рукою волосы назадъ за ухо.

— Да ничего, матушка, ничего! — говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, очень хорошо понимая, что княгиня немножко притворяется.

— Ахъ, его убили, убили!.. Ихъ всѣхъ арестовать надо!.. Это убила его Жиглинская!.. Пусть ее въ острогъ посадятъ! — сумасшествовала княгиня.

— Разумѣется, посадятъ! — не спорилъ съ ней Елпидифоръ Мартынычъ. — А вотъ погодите, я вамъ амигдалину пропишу; погодите, матушка! — присовокупилъ онъ и сѣлъ писать рецептъ, но у него до того при этомъ дрожала рука, что онъ едва въ состояніи былъ начертать буквы.

Между тѣмъ камердинеръ привезъ барона и привелъ его прямо въ кабинетъ.

— Боже мой, Боже мой! — воскликнулъ тотъ, взглянувъ на трупъ князя. — Но когда же это случилось? — обратился онъ къ камердинеру, который не успѣлъ ему дорогой разсказать всего происшедшаго.

— Да только-что барыня уѣхала, вдругъ я слышу—бацъ!.. Вбѣгаю и вижу... — пояснилъ тотъ ему.

Баронъ покачалъ головою и сталъ осматривать комнату. Прежде всего онъ на письменномъ столѣ увидалъ записку, писанную рукою князя, которая была очень коротка: «Я самъ убилъ себя; прошу съ точностью исполнить мое завѣщаніе». Около записки баронъ увидалъ и завѣщаніе. Онъ прочелъ его и видимо смутился.

— Нельзя ли позвать ко мнѣ вашего управляющаго? — проговорилъ онъ.

Камердинеръ послалъ одного изъ лакеевъ за управляющимъ.

Баронъ между тѣмъ продолжалъ дѣлать осмотръ. Тутъ же

на столѣ, невдалекѣ, онъ увидѣлъ ящикъ отъ пистолетовъ съ открытою крышкой, на которой виднѣлись какія-то написанныя слова. Онъ невольно ими заинтересовался и прочелъ, а прочтя, усмѣхнулся и пожалъ плечами.

Вошелъ управляющій, весь блѣдный и тоже уже слышавшій о страшномъ случаѣ.

— Князь оставилъ завѣщаніе послѣ себя, — началъ баронъ офиціальнымъ и нѣсколько даже строгимъ голосомъ: — а потому нужно знать, сколько у него недвижимаго имѣнія.

— Какъ это сказать вдругъ, ваше превосходительство!.. — отвѣчалъ управляющій, немного уже и струсивъ.

— Ну, то-есть, примѣрно, на годовой доходъ? — произнесъ баронъ еще строже.

— Тысячъ на двадцать пять годового дохода еще осталось.

— Можете итти! — сказалъ ему баронъ.

Управляющій вышелъ изъ кабинета на цыпочкахъ.

Баронъ въ этомъ случаѣ, кажется, интересовался узнать, сколько достанется еще княгинѣ послѣ мужа, и что не много ли очень отошло къ незаконнорожденному сыну князя.

Вскорѣ затѣмъ къ нему вошелъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Что княгиня, — вы у нея были? — спросилъ баронъ.

— Все у нея былъ.

— Къ ней, вѣроятно, нельзя войти?

— Нѣтъ, она вся расшнурована, распущена!.. Все требуетъ, чтобъ убійцъ князя арестовали!

— Какихъ убійцъ? Онъ самъ себя убилъ. Вотъ записка его о томъ и вотъ ящикъ отъ пистолетовъ съ интересною надписью! — проговорилъ баронъ, показывая Елпидифору Мартынычу то и другое.

Елпидифоръ Мартынычъ прочелъ записку и надпись на крышкѣ ящика.

— К-ха! Сумашествіе отъ любви! — проговорилъ онъ. — Цѣлый разрядъ такого рода сумасшедшихъ есть; у насъ въ медицинѣ такъ они и называются: сумасшедшіе отъ любви.

— Есть этакіе? — спросилъ съ любопытствомъ баронъ.

— Есть! — подтвердилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Цѣлый годъ княгиня носила по мужѣ глубокій трауръ. Она каждую недѣлю ѣздила на его могилу и служила панихиды. Главнымъ образомъ ее убивало воспоминаніе о насильственной смерти князя, въ которой княгиня считала себя отчасти ви-

повною тѣмъ, что уѣхала изъ дому, когда видѣла, что князь былъ такой странный и разстроенный. Всѣ именитые родные князя оказали ей неподдѣльное участіе и цѣлыми вереницами посѣщали ее. Княгиня принимала ихъ, со слезами на глазахъ благодарила, но сама у нихъ бывать наотрѣзъ отказывалась, говоря, что она никогда не жила для свѣта, а теперь и тѣмъ паче. Изъ постороннихъ у нея бывалъ только Елпидифоръ Мартынычъ, наблюдавшій за ея здоровьемъ, и баронъ, который ей необходимъ былъ тѣмъ, что устраивалъ ея дѣла по наслѣдству отъ мужа, въ чемъ княгиня, разумѣется, ничего не понимала да и заботиться объ этомъ много не хотѣла, потому что сама думала скоро пойти вслѣдъ за княземъ.

Въ первый разъ въ общество княгиня выѣхала по довольно экстренному случаю: баронъ, получивъ то почетное назначеніе, котораго ожидалъ, не преминулъ сейчасъ же училище, основанное Анной Юрьевной, взять подъ свое попечительство. Испросивъ для него совершенно новый и гораздо болѣе строгій уставъ, онъ пріѣхалъ въ одно утро къ княгинѣ и велѣлъ къ себѣ вызвать г-жу Петицкую, которая въ этотъ годъ еще больше поблекла, постоянно мучимая мыслью, что и въ любимой ею Москвѣ она никакъ и ничѣмъ не можетъ улучшить свое положеніе и всю жизнь поэтому должна оставаться въ зависимости. Когда Петицкая вышла къ барону, то онъ просилъ ее присѣсть, видимо, приготовляясь повести съ нею довольно продолжительный и серьезный разговоръ.

— Я къ вамъ, madame Петицкая, съ нѣкоторымъ предложеніемъ

Петицкая при этомъ потупила глаза и скромно приготовилась слушать.

— Вы, можетъ-быть, слыхали, что у Анны Юрьевны было училище, отъ котораго она хоть и была устранена, но тѣмъ не менѣе оно содержалось на счетъ ея, а потомъ и я сталъ его поддерживать... Пріѣхавъ сюда и присмотрѣвшись къ этому заведенію, я увидѣлъ, что тѣ плохіе порядки, которые завела тамъ Анна Юрьевна и противъ которыхъ я всегда съ нею ратовалъ, не только что не улучшились, но еще ухудшились.

— Ухудшились? — полувоскликнула Петицкая.

— Даже ухудшились! — повторилъ баронъ. — Терпѣть подобныя вещи я нашелъ невозможнымъ для себя и испросилъ себѣ званіе главнаго попечителя надъ этимъ училищемъ.

— Вотъ какъ! — произнесла Петицкая, все еще не догадывавшаяся, къ чему все это ей говорилъ баронъ.

— Званіе, если хотите, довольно высокопоставленное, — продолжалъ тотъ: — считающееся, пожалуй, выше сенаторскаго...

— Однако выше сенаторскаго считающееся!..—опять полувоскликнула Петицкая.

— Почти!.. По крайней мѣрѣ на всѣхъ придворныхъ выходахъ мы стоимъ выше ихъ. Но сами согласитесь, что чѣмъ важнѣе постъ, тѣмъ всякій честный человѣкъ, поставленный на него, больше долженъ употреблять усилій, чтобы добросовѣстно исполнить свою обязанность, что̀ я и рѣшился сдѣлать по крайнему своему усмотрѣнію; но я одинъ, а одному, какъ говорится, и у каши не споро: мнѣ нужны помощники, нужны подчиненные, которымъ бы я могъ довѣрять. Вы, въ этомъ случаѣ, одна изъ особъ, которую я очень хорошо знаю: я видѣлъ вашу дружбу, вашу преданность княгинѣ и убѣжденъ, что женщина, способная быть такимъ другомъ, можетъ быть хорошей и полезной руководительницей дѣтямъ...

— Эдуардъ Ѳедоровичъ, вы слишкомъ много мнѣ приписываете! — произнесла г-жа Петицкая, потупляя свои глаза.

— Не комплименты, не комплименты желаю вамъ говорить, — подхватилъ баронъ: — а позволяю себѣ прямо предложить вамъ быть главной начальницей моего заведенія; содержаніе по этой службѣ: квартира очень приличная, отопленіе, освѣщеніе, столъ, если вы пожелаете его имѣть вмѣстѣ съ дѣтьми, и наконецъ тысяча двѣсти рублей жалованья.

— О, это такъ много, что...—начала Петицкая и уже совсѣмъ, совсѣмъ потупила свои глаза. Радость ея при этомъ случаѣ была неописанная: вырваться на волю казалось ей теперь почти какимъ-то блаженствомъ.

— Вы, значитъ, согласны принять эту должность? — спросилъ баронъ.

— Совершенно! — отвѣчала Петицкая. — Меня тутъ одно смущаетъ, — прибавила она, помолчавъ немного: — какъ мнѣ оставить княгиню совершенно одну жить: она и безъ того страшно скучаетъ!..

— Но княгиня, я полагаю, не вѣкъ будетъ такъ жить, выйдетъ же когда-нибудь замужъ!—возразилъ ей баронъ.

— Ахъ, непремѣнно бы ей надо было выйти замужъ. Какъ бы это было хорошо для нея и для того человѣка, который бы на ней женился!—произнесла Петицкая.

Баронъ послѣ этого нѣкоторое время размышлялъ самъ съ собой.

— Княгиня вамъ никогда ничего не говорила о моихъ собственно къ ней отношеніяхъ? — спросилъ онъ вдругъ Петицкую.

— Не говорила, но я догадывалась: вы влюблены въ нее?— сказала Петицкая.

— Былъ... былъ влюбленъ, когда она была еще дѣвушкой, потомъ это чувство снова возродилось во мнѣ при встрѣчѣ съ ней здѣсь; но она какъ въ тотъ, такъ и въ другой разъ отвергла мои исканія, — что же мнѣ оставалось дѣлать послѣ того! Я бросился, очертя голову, на эту несчастную мою женитьбу, и затѣмъ, вы сами видѣли, едва только я освободился отъ этой ферулы, какъ снова всею душой сталъ принадлежать княгинѣ.

— Еще бы не видѣть!—проговорила г-жа Петицкая.

— Въ то же время, — продолжалъ баронъ, пожимая плечами: — снова рискнуть и снова надѣяться услышать отказъ, какъ хотите, становится даже нѣсколько щекотливо для моего самолюбія!

— А почему вы ожидаете отказа?—спросила его Петицкая.

— По многимъ причинамъ: во-первыхъ, по страннымъ отношеніямъ княгини къ Миклакову.

— О, тутъ не было никакихъ отношеній, клянусь вамъ Богомъ!—перебила его Петицкая.

— Можетъ-быть!.. Во-вторыхъ, мнѣ кажется, княгиня до сихъ поръ еще такъ сильно огорчена смертью мужа...

— Ну, этого вы не очень опасайтесь! — возразила Петицкая:—мы, женщины, умѣемъ однимъ глазкомъ плакать, а другимъ и улыбаться.

— Вы думаете? Но все-таки, говорю откровенно, у меня духу не хватаетъ напомнить княгинѣ о моемъ чувствѣ къ ней.

— Хотите, я ей напомню?

— Пожалуйста!—воскликнулъ баронъ радостнымъ голосомъ: онъ врядъ ли и мѣсто предлагалъ Петицкой не затѣмъ, чтобъ имѣть ее вполнѣ на своей сторонѣ.

— Извольте, поговорю съ ней при первомъ же удобномъ случаѣ.

— Очень много обяжете... очень!..—продолжалъ восклицать баронъ.—Мѣсто, значитъ, вы принимаете у меня?— присовокупилъ онъ, уже вставая.

— Конечно!—подхватила Петицкая.

Днемъ для открытія вновь преобразованнаго училища баронъ выбралъ воскресенье; онъ съ большимъ трудомъ, и то съ помощью Петицкой, уговорилъ княгиню снять съ себя глубокій трауръ и пріѣхать на его торжество хоть въ какомъ-нибудь сѣренькомъ платьѣ. Г-жа Петицкая, тоже носившая по князѣ трауръ, сняла его и надѣла форменное платье начальницы. Къ двѣнадцати часамъ они прибыли въ училище. Княгиню баронъ усадилъ на одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Г-жа Петицкая сѣла въ числѣ служащихъ лицъ, впрочемъ,

рядомъ съ барономъ и даже по правую его руку. Баронъ былъ въ мундирѣ, вышитомъ на всѣхъ возможныхъ мѣстахъ, гдѣ только можно вышить золотомъ, въ красивой станиславской лентѣ и съ станиславскою звѣздой. Онъ замѣтно нѣсколько рисовался въ этомъ костюмѣ. Прежде всего дѣвочки нескладными и визгливыми голосами пропѣли предучебную молитву; затѣмъ законоучитель, именно знакомый намъ отецъ Іоаннъ, прочелъ прекрасную рѣчь полусвѣтскаго и полудуховнаго содержанія: «о добродѣтеляхъ и о путяхъ къ онымъ». Наконецъ всталъ самъ баронъ сказать свое слово. Всѣ исполнились полнѣйшаго вниманія; его вообще считали въ обществѣ болѣе умнымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Баронъ прежде всего объяснилъ, что воспитаніе есть основаніе всей жизни человѣка, и потому оно составляетъ фундаментъ и оплотъ всей исторіи человѣчества. Баронъ, если только припомнитъ читатель, вообще любилъ, вслѣдствіе, можетъ-быть, основательности собственнаго характера, слова: «фундаментъ, оплотъ, основа». Далѣе баронъ изложилъ, что воспитаніе женщины важнѣе даже воспитанія мужчины, такъ какъ она есть первая наставница и руководительница дѣтей своихъ, и что будто всѣми физіологами замѣчено, что дѣти, и по преимуществу мальчики, всегда наслѣдуютъ нравственныя качества матери, а не отцовъ, и такимъ образомъ женщина, такъ сказать, даетъ всецѣло гражданина обществу. Послѣднія слова баронъ, какъ слѣдуетъ хорошему оратору, произнесъ громче прочихъ, и они были покрыты почти общимъ аплодисментомъ. Про свое собственно училище баронъ сказалъ, что оно пока еще зерно, изъ котораго, можетъ-быть, выйдетъ что-нибудь достойное вниманія общества; себя при этомъ онъ назвалъ сѣятелемъ, вышедшимъ въ поле съ добрыми пожеланіями, которыя онъ надѣется привести къ вожделѣнному исполненію съ помощью своихъ добрыхъ и уважаемыхъ сослуживцевъ, между которыми баронъ какъ-то съ особенною рѣзкостью въ похвалахъ указалъ на избранную имъ начальницу заведенія, г-жу Петицкую, добродѣтели которой, по его словамъ, какъ свѣточъ будутъ горѣть передъ глазами ея юныхъ воспитанницъ. При этомъ указаніи на добродѣтели г-жи Петицкой два человѣка изъ бывшихъ въ залѣ сдѣлали нѣсколько удивленныя физіономіи: это Елпидифоръ Мартынычъ, сидѣвшій въ переднемъ ряду и уже съ аннинской звѣздой, — онъ невольно припомнилъ исторію съ шляпой Николя Оглоблина; наконецъ самъ Николя, помѣщавшійся во второмъ ряду и знавшій предыдущую исторію еще въ болѣе точныхъ подробностяхъ. Оба они никакъ не считали г-жу Петицкую свѣточемъ добродѣтели.

На лестныя слова барона г-жа Петицкая, пылая въ лицѣ и потупляя свои глаза, произнесла нѣсколько трепещущимъ голосомъ, что она все стараніе, все усердіе свое положитъ, чтобы исполнить тѣ надежды, которыя возложилъ на нее ея высокопочтенный начальникъ. Затѣмъ музыка грянула: «Боже, царя храни!», и торжество окончилось. Отпущенныя дѣвочки шумно побѣжали изъ залы по коридорамъ прямо въ столовую, гдѣ ихъ ожидалъ болѣе обыкновеннаго сытный обѣдъ. Посѣтители и посѣтительницы, съ очень важнымъ видомъ, хоть и съ маленькимъ утомленіемъ въ лицахъ, начали разъѣзжаться. Баронъ пріостался на нѣкоторое время въ училищѣ и сталъ что-то такое довольно длинно приказывать смотрителю зданія, махая при этомъ безпрестанно своей шляпой съ плюмажемъ: всѣ эти приказанія онъ затѣялъ, кажется, для того, чтобы подолѣе оставаться въ своемъ нарядномъ мундирѣ. Петицкая уѣхала пока къ княгинѣ. Когда онѣ возвратились домой и переодѣлись изъ своихъ нарядныхъ платьевъ, то между ними начался довольно задушевный разговоръ.

— Вы завтра переѣзжаете въ училище?—спросила княгиня свою подругу невеселымъ голосомъ.

— Завтра!—отвѣчала Петицкая.

Княгиня послѣ этого закрыла себѣ лицо рукою.

— Вообразить себѣ не могу, какъ я останусь одна въ этомъ громадномъ домѣ! — произнесла она.

— Вамъ замужъ надобно выйти, — вотъ что̀, — сказала ей на это Петицкая.

— Мнѣ?..—спросила княгиня, широко раскрывая въ удивленіи свои голубые глаза.

— Вамъ, да! — отвѣчала Петицкая, нѣсколько даже испуганная такимъ восклицаніемъ княгини.

— Кто же меня возьметъ послѣ всѣхъ тѣхъ ужасныхъ исторій, которыя со мной были? — проговорила та.

— Ха-ха-ха! ха-ха-ха!.. — захохотала неудержимо Петицкая:—какія ужасныя исторіи, — скажите, пожалуйста!

— Конечно, ужасныя!

— Перестаньте, княгиня! — произнесла Петицкая какъ бы уже строгимъ голосомъ: — развѣ повернется у кого-нибудь языкъ, чтобы обвинять васъ въ чемъ-нибудь? Напротивъ, всѣ удивляются вамъ, и я знаю одного человѣка, который очень бы желалъ сдѣлать предложеніе вамъ...

Княгиня при этомъ вспыхнула, но ничего не говорила.

— А вы даже не хотите и спросить: кто это такой?—присовокупила Петицкая.

— Не хочу, потому что знаю, что такого человѣка нѣтъ.

— Нѣтъ, есть! — возразила Петицкая съ удареніемъ: — и это именно баронъ.

— Вотъ глупости! — проговорила, еще болѣе покраснѣвъ, княгиня.

— Почему глупости?.. почему? — спросила настойчиво Петицкая.

— Потому что... — отвѣчала княгиня (она очень конфузилась при этомъ отвѣтѣ):—онъ, я думаю, даже сердитъ на меня...

— Вы хотите сказать, что за ваши старыя къ нему отношенія?—перебила ее Петицкая, очень хорошо понявшая, что̀ хочетъ сказать княгиня послѣдними словами. — Но вотъ видите, онъ все это вамъ простилъ и даже поэтому еще болѣе васъ цѣнитъ; отказать ему вамъ, по-моему, не только что не умно, но даже неблагородно и нечестно!

Княгиня только взглядомъ отвѣтила пріятельницѣ на такой ея рѣзкій приговоръ.

— Конечно, нечестно!—повторила та.—Вы вспомните: полтора года онъ за вами слѣдитъ, какъ самый внимательный дядька...—что̀ я говорю!..—какъ самый заботливый отецъ! — воскликнула Петицкая, раскраснѣвшись даже въ лицѣ отъ одушевленія. — Я не говорила вамъ, но онъ, во весь нашъ обратный путь изъ-за границы, на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ бралъ для насъ билеты, отправлялъ всѣ вещи ваши, хлопоталъ съ паспортами, наконецъ какое участіе онъ показалъ вамъ во время смерти вашего мужа! Княгиня, все это надобно поцѣнить! Такихъ расположенныхъ и искренно преданныхъ намъ людей мы не часто встрѣчаемъ въ жизни.

Княгиня слушала молча свою подругу и хотя въ душѣ сознавала справедливость ея словъ, но все-таки произнесла какъ бы нѣсколько холоднымъ тономъ:

— Я и цѣню его очень!

— Но на словахъ мало цѣнить!—воскликнула Петицкая: — надобно доказать это на дѣлѣ: вдругъ онъ теперь присватается къ вамъ и получитъ отказъ, — сыграть въ третій разъ такую незавидную роль, въ его теперешнемъ положеніи, можетъ-быть, ему и не захочется.

— Тогда и теперь—двѣ вещи разныя!—проговорила наконецъ княгиня.

— Но теперь что̀ же вы скажете ему?—приставала къ ней Петицкая.

— А теперь еще и сама не знаю!—отвѣчала съ усмѣшкою княгиня.

— Ну, такъ я знаю!—подхватила Петицкая, твердо будучи увѣрена, что если бы даже баронъ и не очень нравился

княгинѣ, то все-таки она пойдетъ за него, потому что это очень выгодная для нея партія, а потому дальнѣйшее съ ней объясненіе она считала совершенно излишнимъ и при первой встрѣчѣ съ барономъ прямо сказала тому, чтобъ онъ не робѣлъ и ѣхалъ просить руки княгини.

Баронъ послушался ея и, пріѣхавъ разъ къ княгинѣ, сдѣлалъ ей нѣсколько офиціальнымъ голосомъ предложеніе; она, какъ и надобно ожидать, сначала сконфузилась, а потомъ тоже отчасти офиціальнымъ тономъ просила у него времени подумать. Баронъ съ удовольствіемъ согласился на это.

Въ періодъ этого думанья княгиня объѣхала всѣхъ близкихъ и именитыхъ родныхъ покойнаго мужа, всѣмъ она объявила о предложеніи барона и у всѣхъ ихъ испрашивала совѣта и мнѣнія касательно того, что не имѣютъ ли они чего сказать противъ. Тѣ единогласно отвѣчали, что ничего не имѣютъ, и такимъ образомъ девятнадцатаго декабря баронъ получилъ согласіе на бракъ съ княгиней, а въ половинѣ января была и свадьба ихъ въ присутствіи опять-таки тѣхъ же близкихъ и именитыхъ родныхъ покойнаго князя, къ которымъ баронъ отправился на другой день со своей молодой дѣлать визиты, а послѣ того уѣхалъ съ нею въ Петербургъ, чтобы представиться ея роднымъ и познакомить ее со своими родными. Отъ сліянія состояній двухъ женъ у барона образовалось около полутораста тысячъ годового дохода.

Г-жа Петицкая за услуги свои, оказанныя по случаю женитьбы его на княгинѣ, была награждена барономъ еще тремястами рублей годового жалованья и въ настоящемъ своемъ положеніи рѣшительно расцвѣла, поздоровѣла, похорошѣла и даже успѣла пріучить ходить къ себѣ по вечерамъ въ гости одного очень молоденькаго и прехорошенькаго собой студента.

Но что̀ Елена?.. Какъ она живетъ, и какое впечатлѣніе произвело на нее извѣстіе о самоубійствѣ князя? Вотъ тѣ послѣдніе вопросы, на которые я долженъ отвѣтить въ моемъ разсказѣ. Вѣсть о смерти князя Еленѣ сообщилъ прежде всѣхъ Елпидифоръ Мартынычъ и даже при этомъ не преминулъ объяснить ей, что князь собственно застрѣлился отъ любви къ ней.

Елену страшно поразило это извѣстіе, но она пересилила себя и какъ бы даже довольно равнодушно проговорила:

— Вотъ вздоръ какой!

— Нѣтъ-съ, не вздоръ! — возразилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ.

Онъ полагалъ, что всякой дамѣ пріятно услышать, что

какой-нибудь мужчина застрѣлился отъ любви къ ней: сей хитрый старикъ успѣлъ уже какимъ-то образомъ совершенно втереться въ домъ къ Оглоблинымъ и сдѣлаться почти необходимымъ у нихъ.

Елена не стала съ нимъ болѣе разговаривать объ этомъ происшествіи и по наружности оставалась спокойной, но когда Елпидифоръ Мартынычъ ушелъ отъ нея, то лицо Елены приняло почти отчаянное выраженіе: до самой этой минуты гнѣвъ затемнялъ и скрывалъ передъ умственными очами Елены всякое ясное воспоминаніе о князѣ, но тутъ онъ какъ живой ей представился, и она поняла, до какой степени князь любилъ ее, и къ вящшему ужасу своему сознала, что и сама еще любила его. Принадлежа, впрочемъ, къ разряду тѣхъ существъ, про которыхъ лермонтовскій Демонъ сказалъ, что для нихъ нѣтъ раскаянія, нѣтъ въ жизни уроковъ, Елена не стала ни плакать ни стенать, а все, что̀ чувствовала, спрятала въ душѣ; но, какъ ни бодрилась она духомъ, тѣло ея не выдержало нравственныхъ мукъ: Елена сдѣлалась серьезно больна, прохворала почти полгода и, какъ только встала съ постели, уѣхала съ сыномъ за границу. Возвратясь оттуда нѣсколько поздоровѣвшая, Елена, повидимому, исключительно предалась воспитанію сына: она почти не отпускала его отъ себя никуда, безпрестанно съ нимъ разговаривала, сама учила его. Кромѣ того Елена повела очень большую переписку съ разными заграничными своими знакомыми, которые тоже ей часто писали.

Въ одно утро Елена сидѣла, по обыкновенію, со своимъ ребенкомъ. Сынишка ея стоялъ около нея, и она сейчасъ только, восхищенная его понятливостью, расцѣловала его въ губки, въ щечки, въ глаза, такъ что у мальчика все лицо даже покраснѣло; вдругъ вошелъ человѣкъ и доложилъ, что Миклаковъ ее спрашиваетъ.

— Ахъ, проси... очень рада! — воскликнула Елена въ самомъ дѣлѣ радостнымъ голосомъ.

Лакей ушелъ звать гостя.

— Вы рѣшительно являетесь, какъ молодой мѣсяцъ! — говорила Елена, встрѣчая Миклакова.

— Да и васъ я застаю всякій разъ въ новыхъ фазисахъ!— отвѣчалъ ей тотъ не безъ насмѣшки; затѣмъ онъ сѣлъ и началъ пристально смотрѣть на Елену.

Надобно было имѣть не весьма много наблюдательности, чтобы подмѣтить, какія глубокія страданія прошли по моложавому лицу Елены: Миклакову сдѣлалось до души жаль ее.

— Но давно ли однако вы вышли замужъ? — продолжалъ онъ совершенно уже другимъ тономъ.

— Вамъ, можетъ-быть, больше хочется спросить—зачѣмъ и для чего собственно я вышла замужъ? — возразила ему Елена.

— Зачѣмъ и для чего вы вышли замужъ? — повторилъ за нею Миклаковъ.

— Отъ голоду — больше ни отъ чего другого!.. Пришлось такъ, что или самой съ ребенкомъ надобно было умереть отъ нищеты, или выйти за Оглоблина... Я предпочла послѣднее.

— О, иронія жизни!.. Какая страшная иронія!..—воскликнулъ Миклаковъ.—Вотъ вамъ и могучая воля человѣка! Всѣ мы Прометеи, скованные нуждой по рукамъ и по ногамъ!

— Еще какъ скованы-то! — перебила его Елена, для которой, видимо, тяжелъ былъ этотъ разговоръ.—Но гдѣ вы были все это время?

— Былъ я въ Малороссіи, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, на южномъ берегу Крыма и на Кавказѣ.

— Что̀, ка̀къ вамъ тамъ вездѣ понравилось?

— Очень вездѣ не понравилось. Малороссія—природа прекрасная, но все еще дикія степи. Кіевъ нашъ святой—смѣсь кіево-печерскаго элемента съ польско-шляхетскимъ. Одесса, нашъ аки бы европейскій городъ, въ сущности есть городъ жидовъ и грековъ. Въ Крыму и на Кавказѣ опять-таки хороша только природа, а населяющіе ихъ восточные человѣки, съ ихъ длинными носами и безсмысленными черными глазами,—ужасъ что̀ такое!.. въ отчаяніе приводящія существа... такъ что я дошелъ до твердаго убѣжденія, что человѣкъ, который хоть сколько-нибудь дорожитъ мыслью человѣческой, можетъ у насъ жить только въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

— А этого демократическаго, революціоннаго движенія неужели нѣтъ въ провинціяхъ нисколько?—сказала Елена.

— Подите вы!—воскликнулъ Миклаковъ: — революціонныя движенія какія-то нашли!.. Бьются всѣ, чтобы какъ-нибудь копейку зашибить, да буянятъ и болтаютъ иногда вздоръ какой-то въ пьяномъ видѣ.

— Странно!.. Я думала совсѣмъ другое!..—произнесла Елена какъ бы въ нѣкоторомъ раздумьѣ.

— Мало ли что̀ вы думали! — отвѣчалъ ей насмѣшливо Миклаковъ.

— Ну, а вы теперь постоянно думаете въ Москвѣ жить?—спросила его Елена.

— Въ Москвѣ, — отвѣчалъ протяжно Маклаковъ: — хоть и тутъ тоже мало какъ-то хорошаго для меня осталось, — продолжалъ онъ.—Такія новости услыхалъ, пріѣхавъ: князь, съ которымъ я хоть и поразошелся послѣднее время, но все-таки

думалъ опять съ нимъ сблизиться, говорятъ, умеръ,—застрѣлился.

— Да, застрѣлился! — повторила Елена, и лицо ея при этомъ мгновенно вспыхнуло.—Говорятъ даже, что застрѣлился отъ любви ко мнѣ!—прибавила она съ усмѣшкою.

— Говорятъ!—подтвердилъ Миклаковъ.

— Но это пустяки, конечно...—продолжала Елена съ какой-то непріятной усмѣшкой:—просто, я думаю, съ ума сошелъ.

— Да съ ума-то сошелъ, можетъ-быть, отъ любви къ вамъ!—перебилъ ее Миклаковъ.

— Это еще страннѣе и глупѣе! — продолжала Елена, все болѣе и болѣе краснѣя въ лицѣ. — Впрочемъ, виновата: вы сами когда-то отъ любви сходили съ ума.

— Нѣтъ, я сходилъ съ ума не отъ любви, а отъ пьянства и отъ оскорбленнаго самолюбія!..—возразилъ Миклаковъ.

— Вотъ это такъ вѣрнѣе и естественнѣе! — подхватила Елена.—А вы знаете, что княгиня ваша вышла замужъ за барона Мингера, и оба, говорятъ, наслаждаются жизнью?

— Что̀ же мудренаго!—подхватилъ Миклаковъ (при этомъ онъ уже вспыхнулъ).—Въ жизни по большей части бываетъ: кто идетъ по ея теченію, тотъ всегда почти достигнетъ цвѣтущихъ и счастливыхъ береговъ.

— Но только счастья-то я тутъ не вижу никакого... Въ чемъ оно состоитъ?—подхватила Елена.

— Въ нѣкоторомъ самодовольствѣ и спокойствіи!.. Стоять вѣчно въ борьбѣ и въ водоворотѣ — вовсе не наслажденіе: бейся, пожалуй, сколько хочешь, съ этимъ дурацкимъ напоромъ волнъ,—ихъ не пересилишь; а они тебя навѣрнякъ или совсѣмъ подъ воду кувырнутъ, а если и выкинутъ на какой-нибудь голый утесецъ, такъ съ такой разбитой ладьей, что далѣе итти силы нѣтъ, какъ и случилось это, напримѣръ, со мной, да, кажется, и съ вами.

— Нѣтъ, я могу и хочу еще плыть! — воскликнула Елена.

— Интересно было бы знать, куда? — проговорилъ Миклаковъ.

— Этого я вамъ не скажу, потому что вы всякую надежду, всякое предположеніе сумѣете облить такимъ ядомъ сомнѣнія, что отравите все и навсегда.

— Сомнѣнье—источникъ истины! Вотъ мы съ вами повѣрили Жуквичу на слово, что онъ человѣкъ порядочный, а вышло, что онъ мошенникъ!..

Елена при этомъ немного смутилась.

— Вы, значитъ, слышали объ его продѣлкѣ со мною? — спросила она.

— Съ вами?.. Не слыхалъ. Но что же такое именно?.. — спросилъ съ своей стороны Миклаковъ.

Елена очень подробно и совершенно откровенно разсказала о своихъ отношеніяхъ къ Жуквичу и объ его поступкѣ съ нею.

Миклаковъ качалъ только головой и грустно усмѣхался.

— Благодарите судьбу, что этотъ баринъ въ еще худшее что-нибудь васъ не запуталъ!—проговорилъ онъ.

— Что же можетъ быть хуже этого?—воскликнула Елена.

— Въ Одессѣ онъ почище этого затѣялъ штуку,—продолжалъ Миклаковъ.—Онъ явился туда съ какимъ-то другомъ своимъ юнымъ; сначала, какъ видно, были при деньгахъ, жуировали, въ карты играли; но потомъ профершпилились и занялись дѣланіемъ фальшивыхъ ассигнацій; ихъ накрыли и посадили въ тюрьму, гдѣ и донынѣ они обрѣтаются...

— Но скажите: полякъ онъ или нѣтъ?

— И не полякъ даже, а жидъ, говорятъ, перекрещенный.

— Но какимъ же образомъ онъ могъ въ 48 году быть повѣшенъ?

— Повѣшенъ?—воскликнулъ Миклаковъ, широко открывая въ удивленіи свои глаза.

— Да, и только спасся отъ смерти какимъ-то случаемъ. Я сама видѣла у него шрамъ на шеѣ отъ веревки...

Миклаковъ покатился со смѣху.

— Каналья какой!—воскликнулъ онъ. — Если у него дѣйствительно есть шрамъ, такъ, вѣроятно, его разбитою бутылкой по горлу съѣздили за какую-нибудь плутню, а съ висѣлицъ, сколько я знаю, никто что-то еще не спасался: это онъ все выдумалъ, чтобы больше васъ плѣнить.

— Но неужели люди способны даже подобными вещами лгать?—произнесла Елена.

— Люди способны всякими вещами лгать! — подхватилъ Миклаковъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ появленіемъ Николя.

— Ахъ, Боже мой!.. Какъ я радъ!—воскликнулъ онъ, пожимая обѣими руками руку Миклакова.—А я сейчасъ отъ баронессы Мингеръ,—продолжалъ Николя, вовсе забывъ, въ какихъ отношеніяхъ баронесса Мингеръ была нѣкогда съ Миклаковымъ:—она родила сына!

— Вотъ какъ!—произнесла съ усмѣшкою Елена.

— Да, и баронъ въ восторгѣ,—продолжалъ Николя.—«Очень, говоритъ, радъ: теперь родъ Мингеровъ не прекратится!»

— Ну, этому радоваться еще особенно нечего!—подхватила Елена.

— Тѣмъ болѣе, если припомните слова Вольтера,—поддер-

жалъ ее Миклаковъ: — который говорилъ, что главный недостатокъ нѣмцевъ тотъ, что ихъ очень много.

— Именно—очень много!—воскликнула Елена.

Миклаковъ послѣ того вскорѣ началъ собираться домой.

— Я опять какъ-нибудь къ вамъ невдолгѣ заѣду, — сказалъ онъ.

— Непремѣнно, непремѣнно!—подхватила Елена.

— И я васъ прошу покорнѣйше о томъ! — сказалъ ему Николя.

Миклаковъ черезъ недѣлю опять заѣхалъ къ Еленѣ; но она на этотъ разъ не приняла его, велѣвъ ему черезъ горничную сказать, что у ней такъ разболѣлся бокъ, что ей ставятъ піявки, и потому она никакъ не можетъ выйти къ нему. Черезъ недѣлю Миклаковъ опять къ ней заѣхалъ. Тутъ уже вышелъ къ нему Николя съ сконфуженнымъ и разстроеннымъ лицомъ. Онъ сказалъ, что жена его очень больна, и что къ ней никого не пускаютъ и не велятъ ей ни съ кѣмъ говорить.

Миклаковъ ушелъ, сильно опечаленный этимъ, а черезъ нѣсколько дней онъ прочелъ въ газетахъ, что Николай Гаврилычъ Оглоблинъ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ своихъ родныхъ и знакомыхъ о кончинѣ своей возлюбленной супруги Елены Николаевны Оглоблиной и проситъ пожаловать на отпѣваніе, которое имѣетъ быть тамъ-то.

— Не вытерпѣла, какъ ни храбрилась! — произнесъ Миклаковъ, откидывая газету въ сторону и утирая небольшую слезинку, появившуюся на глазу его, и, обыкновенно не бывая ни на однихъ похоронахъ, на похороны къ Еленѣ онъ пошелъ и даже отправился провожать гробъ ея до кладбища пѣшкомъ.

Къ нему вдругъ присталъ Елпидифоръ Мартынычъ, тоже шедшій пѣшкомъ, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ.

— Вы покойницу лѣчили?—спросилъ его Миклаковъ.

— Я-съ, и потомъ цѣлый легіонъ докторовъ...

— Чѣмъ она умерла?

— Чахоткой скоротечной... Простудилась она еще прежде въ дѣвицахъ, когда въ бѣдности жила, потомъ года съ два тому назадъ была больна, а къ нынѣшней веснѣ болѣзнь окончательно разыгралась!.. Впрочемъ,—сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, помолчавъ немного:—и слава Богу, что она умерла.

— Это почему? — произнесъ съ удивленіемъ Миклаковъ.

— Потому что... (Елпидифоръ Мартынычъ началъ это говорить Миклакову почти на ухо)... потому что въ самый день смерти пришли-было арестовать ее: такую, говорятъ, съ раз-

ными заграничными революціонерами переписку завела, что страсть!

— Вотъ какъ!—проговорилъ съ удовольствіемъ Миклаковъ: ему пріятно было слышать, что Елена до конца жизни осталась вѣрна самой себѣ.

— А передъ смертью она причащалась или нѣтъ? — спросилъ онъ съ полуулыбкою Елпидифора Мартыныча.

— Нѣтъ-съ!.. Нѣтъ! — воскликнулъ тотъ почти на всю улицу.—Вольтеръ-съ передъ смертью покаялся, а эта бабенка не хотѣла сдѣлать того!—присовокупилъ Елпидифоръ Мартынычъ, знаменательно поднимая передъ глазами Миклакова свой указательный палецъ.

— Видно, на плечахъ у великановъ и младенцы дальше ихъ видятъ! — подхватилъ тотъ съ явною цѣлью посердить Елпидифора Мартыныча.

— Тьфу мнѣ на это видѣнье!.. — опять воскликнулъ ему тотъ:—вы сами тоже—хорошъ соколъ!—прибавилъ онъ:—посмотрю, что̀ вы заговорите, какъ умирать будете.

— Все сдѣлаю, рѣшительно все, что̀ предписано, до того испугаюсь сей скверной вещи!—подхватилъ Миклаковъ.

— Не по страху-съ надобно это дѣлать, а по вѣрѣ!—произнесъ ему въ наставленіе Елпидифоръ Мартынычъ.

— Ну, а мальчикъ Елены Николаевны гдѣ же и у кого будетъ воспитываться?—продолжалъ его разспрашивать Миклаковъ.

— Да сама-то она передъ смертью Богъ знаетъ какіе-было планы строила, — отвѣчалъ, кашлянувъ, Елпидифоръ Мартынычъ: — и требовала, чтобъ ребенка отвезли въ Швейцарію учить и отдали бы тамъ подъ опекунство какого-то философа, ея друга!.. Не послушаются ея, конечно!.. Николай Гавриличъ просто хочетъ усыновить его и потомъ, говоритъ, всего вѣроятнѣе, по военной поведу...

Миклаковъ слушалъ все это съ понуренной головой и пасмурнымъ лицомъ, и когда, послѣ похоронъ, Николя Оглоблинъ, съ распухшимъ отъ слезъ лицомъ, подошелъ къ нему и сталъ его приглашать ѣхать съ нимъ на обѣдъ, то Миклаковъ отказался наотрѣзъ и отправился въ Московскій трактиръ, гдѣ, подъ вліяніемъ горестныхъ воспоминаній объ Еленѣ и о постигшей ее участи, напился мертвецки пьянъ.

Онъ считалъ Елену за единственную женщину изъ всѣхъ имъ знаемыхъ, которая *говорила* и *поступала* такъ, какъ *думала* и *чувствовала!*

УЖЕ ОТЦВѢТШІЕ ЦВѢТКИ *).

I.

Капитанъ Рухневъ.

Это было лѣтъ двадцать пять назадъ. Я служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при м — мъ военномъ губернаторѣ. Однажды я получилъ отъ него повѣстку немедленно явиться къ нему. Я поѣхалъ и засталъ губернатора въ сильно раздраженномъ состояніи.

— Поѣзжайте сейчасъ въ острогъ,—началъ онъ сердитымъ голосомъ: — тамъ содержится отставной капитанъ Рухневъ; скажите ему отъ моего имени, что если онъ еще разъ позволитъ себѣ шутки въ сношеніяхъ съ начальствующими лицами, такъ я посажу его въ одиночное заключеніе!

И съ этими словами губернаторъ подалъ мнѣ данное капитаномъ Рухневымъ мѣстному полицеймейстеру объясненіе, которое было такого рода: «На предъявленное мнѣ вашимъ высокородіемъ взысканіе, имѣю честь объяснить, что оное взысканіе я признаю вполнѣ законнымъ; но удовлетворить его вполнѣ затрудняюсь, потому что, какъ извѣстно это и вашему высокородію, имѣю единственное только благопріобрѣтенное состояніе, — 4-й номеръ въ м—мъ тюремномъ замкѣ, который, если ваше высокородіе найдете это законнымъ, предоставляю продать съ аукціона для уплаты моего долга, или предоставить оный и безъ торговъ во владѣніе г. кредитора, каковой номеръ онъ можетъ занять, когда только желаетъ!»

— Пугните его хорошенько и напомните ему, что я острогъ въ службѣ не люблю!—заключилъ губернаторъ.

Я поѣхалъ. Мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть на Рухнева и

*) Это рядъ разсказовъ изъ жизни и типовъ 40—50 годовъ.

побесѣдовать съ нимъ. По слухамъ онъ былъ человѣкъ умный, большой говорунъ и ни передъ закономъ, ни передъ своею совѣстью страха не вѣдавшій. Караульный унтеръ-офицеръ провелъ меня къ нему въ номеръ. При входѣ моемъ Рухневъ, окинувъ меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ глазами, вѣжливо поклонился мнѣ. Я сказалъ ему свое званіе и фамилію. На губахъ Рухнева пробѣжало что-то въ родѣ усмѣшки. Я объяснилъ ему, въ чемъ состояло мое порученіе. Тутъ Рухневъ явно уже усмѣхнулся и, пригласивъ меня сѣсть, самъ тоже опустился на свое кресло. Видимо, что онъ пообжился и пообзавелся въ своемъ номерѣ: у него былъ письменный столъ, на которомъ стояли чернильница, счеты, лежала засаленная колода картъ, а около постели лежала огромная датская собака. Рухневъ, замѣтивъ, что я осматриваю его номеръ, поспѣшилъ сказать:

— Я надѣюсь, что вы нашему свирѣпому начальнику губерніи не опишете подробно моего помѣщенія: для заключеннаго въ этомъ только и отрада!

— Нѣтъ, не опишу,—отвѣчалъ я.

Рухневъ взялъ меня за руку и крѣпко пожалъ ее. Повидимому, ему было лѣтъ около сорока. Одежда на немъ была не арестантская и состояла изъ нанковаго казакина, на которомъ висѣлъ даже какой-то крестикъ, и изъ широкихъ черныхъ, съ краснымъ кантомъ, шароваръ. Онъ былъ полноватъ, небольшаго роста, съ выдвинутыми, какъ у рака, впередъ глазами, которые онъ закрывалъ очками; волосы и усы имѣлъ подстриженными и вообще въ лицѣ своемъ являлъ болѣе дерзкое, чѣмъ умное выраженіе.

— Вы изволите говорить, что начальникъ губерніи велѣлъ мнѣ напомнить, что онъ не любитъ въ службѣ шутокъ,—заговорилъ онъ: — помню-съ это, очень хорошо помню, потому что онъ выгналъ даже меня изъ службы за мою шутливость.

— За одну только шутливость?—спросилъ я.

— Да-съ!..—подтвердилъ Рухневъ и, замѣтивъ во мнѣ любопытство, онъ продолжалъ: — Дѣло происходило такимъ манеромъ: я служилъ исправникомъ и не по выборамъ, а по личному назначенію самого начальника губерніи; сверхъ того за мою распорядительность мнѣ, опять-таки лично имъ же, поручено было смотрѣть за благочиніемъ и благоустройствомъ присутственныхъ мѣстъ. Смотрю я за всѣмъ этимъ: только разъ, зимой, въ сѣни присутственныхъ мѣстъ затесалась ворона и, вѣроятно, перепугавшись и удивившись, гдѣ она очутилась, начала метаться по окнамъ и перебила всѣ стекла. Что̀ тутъ прикажете дѣлать?.. Медлить нельзя было, снѣжищу навали-

вало каждое утро въ сѣни по колѣно!.. Я велѣлъ стекла вставить и доношу губернскому правленію, которое тогда завѣдывало строительною частью, что, къ великому прискорбію, въ зданіе присутственныхъ мѣстъ влетѣла ворона и, по глупому своему птичьему разуму, перебила всѣ стекла, каковыя мною уже замѣнены новыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ распоряженія о возвратѣ мнѣ израсходованной мною на сей предметъ суммы. Губернское правленіе, получивъ этотъ рапортъ, вошло въ такого рода разсужденіе: такъ какъ влетѣніе и разбитіе стеколъ вороною показываетъ явную небрежность со стороны лицъ, смотрѣнію которыхъ непосредственно подлежатъ присутственныя мѣста, то израсходованную сумму возложить на виновныхъ, т.-е., значитъ, прямо на мой счетъ... Мнѣ показалось это несправедливымъ. Въ отвѣтъ на такое распоряженіе я пишу, что, по строгимъ соображеніямъ настоящаго дѣла, виновною въ разбитіи стеколъ оказывается одна только ворона; но что для взысканія съ нея мнѣ неизвѣстно ни мѣста жительства вороны, а равно имущества и капиталовъ, ей принадлежащихъ, въ вѣдомствѣ моемъ не состоитъ, а потому покорнѣйше прошу о разысканіи того и другого учинить должную публикацію; примѣты же вороны обыкновенныя: мала, черна, глупа!..

Я невольно захохоталъ.

— Вы вотъ смѣетесь, и я думалъ, что посмѣются только; анъ вышло не то-съ!—слегка воскликнулъ Рухневъ.—Начальнику губерніи подшепнулъ ли кто, или самому ему помстилось, что будто я подъ послѣдними словами моего рапорта разумѣлъ его супругу, которая дѣйствительно была черна, глупа и мала,—и онъ мнѣ, рабу Божію, предложилъ черезъ одно лицо подать въ отставку, угрожая въ противномъ случаѣ уволить меня по 3-му пункту безъ прошенія,—хорошо?

— Хорошо, — согласился и я, но вслѣдъ затѣмъ прибавилъ:—неужели же это одно только и было причиной вашей отставки?

— Конечно, не одно!..—воскликнулъ откровенно Рухневъ.— Я какъ теперь понимаю, главная моя ошибка была, что я съ духовенствомъ и дворянствомъ не умѣлъ ладить. Должность исправника прежде всего дипломатическая: съ мужика онъ хоть шкуру дери—это ничего, похвалятъ еще; но попа и дворянина за дѣло даже не трогай, а по головкѣ его гладь. И, какъ вотъ наблюдалъ я надъ этимъ нашимъ сельскимъ духовенствомъ, такъ который попъ еще пьетъ, изъ такихъ бываютъ честные и добрые; но которые совершенно трезвые— спаси Богъ отъ нихъ всякаго: всѣмъ они завидуютъ, противъ

всѣхъ злобствуютъ, и если ужъ кому крупица отъ нихъ перепала,—они тебѣ во всю жизнь этого не забудутъ. Какой случай у меня былъ съ двумя попами: одинъ изъ нихъ, съ виду этакій степенный, осанистый, всякое дѣло начиналъ съ крестомъ да съ молитвою, а самъ между тѣмъ лошадьми торговалъ, какъ цыганъ какой-нибудь: расплодитъ, знаете, жеребятъ и начинаетъ ихъ кормить собраннымъ съ прихода печенымъ хлѣбомъ, и лошади выходили у него хорошія, такъ что въ околоткѣ ихъ называли особымъ именемъ: *поповскіе выкормки!..* Мнѣ тоже тогда... только-что я еще опредѣлился въ исправники... коренная понадобилась. Присмотрѣлъ я у этого попа одного мерина. «Продайте, говорю, святой отецъ!»— «Купите!»—говоритъ.—«А что̀ цѣна?» — «400 рублей!» Меня какъ варомъ обдало. «Святой отецъ, говорю, я исправникъ! съ меня можно и подешевле взять... Если вы пастырь духовный и блюдете вашу паству отъ грѣха, такъ я, говорю, храню васъ отъ конокрадовъ».—«Не меня, говоритъ, одного вы храните, а весь уѣздъ... что̀ жъ мнѣ за всѣхъ откупаться!..» И ни копейки не спустилъ. Какъ хотите, это обидно... Я не даромъ у него просилъ выкормка: возьми съ меня цѣну, но только человѣческую, а не поповскую... Думаю про себя: «Ну, смотрите, святой отецъ, не попадитесь мнѣ сами... Тогда и я запрошу съ васъ мзду немалую» — и точно что очень скоро вышелъ случай къ тому: ѣду я разъ мимо села этого священника въ день Преображенья... идетъ служба... я въ церковь и, по обыкновенію, прямо въ алтарь, гдѣ и сталъ въ уголокъ... Въ Успенки, какъ вы знаете, наши деревенскія бабы цѣлыми селеньями причащаютъ своихъ дѣтей маленькихъ: мретъ тѣхъ очень много въ эту пору. Ягодъ они, конечно, наѣдаются и животишки себѣ разстраиваютъ... Только-съ, когда святой іерей нашъ—и скуфьеносецъ онъ былъ, замѣтьте—вышелъ со святыми дарами и сталъ совершать причащеніе, слышу, что̀ такое это?.. Ревъ, визгъ и плачъ раздался по церкви неописанный!.. Я испугался даже,—выглянулъ изъ-за сѣверныхъ вратъ, смотрю: другого ужъ мальчика лѣтъ трехъ подносятъ къ причащенію, веселенькій этакій, улыбается, а какъ причастили—заплачетъ, заоретъ, а который поменьше, такъ матери, видно, и унять никакъ не могутъ, корчится и кричитъ младенецъ почти до черноты... А тутъ какъ нарочно, когда я обернулся опять въ алтарь, смотрю: около самого меня на окнѣ стоитъ бутылка съ краснымъ виномъ, употребляемымъ для причастія, и закупоренная даже... Я, по невольному любопытству, хлебнулъ изъ нея и чуть самъ не заревѣлъ, какъ младенцы тѣ. Вмѣсто кагора, какъ предписано еще регламен-

томъ Петра Великаго, оказался чихирь послѣдняго кабацкаго свойства, такъ что ни одинъ пьяный приказный за деньги пить не станетъ. Хотѣлъ-было тутъ же начать дѣло, но, думаю, въ храмѣ Божіемъ, во время священнодѣйствія, заводить уголовщину—грѣхъ! Промолчалъ-съ! Но тѣмъ не менѣе на той же недѣлѣ постарался заѣхать въ заштатный городокъ Дыбки, гдѣ есть ренсковый погребокъ, изъ котораго, я знаю, для всего околотка въ церкви берутъ вино. Я прямо въ этотъ погребокъ: дурака тутъ какого-то сидѣльца краснорожаго, надъ всѣмъ надзирающаго, послалъ шампанскаго заморозить, а самъ немедля къ приходо-расходной книгѣ и на четвертой же страницѣ встрѣчаю расписку отца Николая Магдалинскаго, этого самаго скуфьеносца и лошадинаго барышника, въ заборѣ краснаго вина по рублю серебромъ за ведро, тогда какъ настоящаго кагора меньше десяти рублей серебромъ не купишь, — разница, значитъ, значительная! Я этотъ листокъ выдралъ и въ карманъ, а въ первое же воскресенье опять къ обѣднѣ въ село, и только ужъ не въ сюртучкѣ штатскомъ, а въ вицмундирѣ и при всѣхъ своихъ крестахъ и регаліяхъ. Въ алтарь тоже на этотъ разъ не пошелъ, а сталъ направо, на дворянской сторонѣ. Опять идетъ причащенье-съ, опять мальчишки плачутъ, такъ что и утѣшить ихъ ничѣмъ не могутъ. Наконецъ отецъ Николай выходитъ съ крестомъ... Я подхожу и говорю ему: «Отецъ протоіерей, я желаю съ вами объясниться по одному дѣлу!» Онъ, надо полагать, смѣтилъ, что что-то неладное для него выходитъ, засѣменилъ, заюлилъ и въ гости меня къ себѣ зоветъ. Я пошелъ къ нему и прямо началъ съ того, что вотъ, посѣщая нерѣдко въ Успенскій постъ церковь его, я замѣтилъ, что при причащеніи младенцевъ, особенно грудныхъ, они очень сильно кричатъ и плачутъ, а потому нашелъ нужнымъ изслѣдовать причины тому, каковыя и оказались въ дурномъ качествѣ вина! Смутился попенка. «У меня, говоритъ, вино хорошее покупается!» — «Хорошимъ, я говорю, оно никакъ не можетъ быть, потому что вы платите по рублю серебромъ за ведро, а кагоръ стоитъ десять рублей!»—«Какъ же, говоритъ, ваше высокородіе, вы это знаете?» — «Да я, говорю, видѣлъ вашу расписку въ книгѣ въ погребкѣ и листокъ этотъ выдралъ». Смутился попъ сильно.

— Чего жъ онъ могъ смутиться, — невольно перебилъ я Рухнева:—дѣти плакали вовсе не отъ вина, а что ихъ поражала вся эта церемонія!

— Знаю-съ это я!—подхватилъ онъ, лукаво подмигнувъ:— и попъ это понималъ, но заноза тутъ, чего онъ испугался,

была не въ томъ-съ, а что, покупая красное вино по рублю серебромъ, онъ ставилъ его, можетъ-быть, въ отчетѣ церковномъ пять или десять рублей; вотъ главнымъ образомъ въ какую жилу я билъ и, кажется, попалъ въ нее, потому что отецъ скуфьеносецъ поспустилъ съ себя немного важности. «Что̀ жъ, — спрашиваетъ онъ меня: — вы можете мнѣ этимъ листомъ сдѣлать?» Я говорю: — «Я не знаю; я представлю его губернатору при объяснительномъ рапортѣ, а тотъ, вѣроятно, препроводитъ его къ архіерею, который, чего добраго, передастъ дѣло въ консисторію». Ну, а для всякаго попа, знаете, попасть въ лапы консисторіи все равно, что очутиться на дорогѣ между разбойниками—оберутъ наголо! «Вы, говоритъ, совсѣмъ ужъ, видно, очернить меня хотите!..»—«Я, говорю, чернить васъ вовсе не желаю, а исполняю свой долгъ!..»—«Нѣтъ, говоритъ, вы не долгъ свой исполняете, а потому что вы злобу противъ меня имѣете за выкормка... такъ извольте, говоритъ, я вамъ его подарю». — «Подарковъ, говорю, я не принимаю, а купить—куплю».—«Прошу васъ о томъ!»—«Что̀ же цѣна?»— «Что̀ дадите». Я подумалъ: купить у него дешево — подло. «Сто цѣлковыхъ, говорю, дамъ!» — «Берите-съ», говоритъ, и этакимъ печальнымъ голосомъ; а на повѣрку вышло, что выкормокъ этотъ никуда негодная лошадь, только что толстъ, а лѣнивый, сырой, такъ что сто цѣлковыхъ цѣна красная за него была; но попу, по жадности поповской, казалось, что я чуть его не разорилъ, и принялся онъ кричать по уѣзду, что я съ него ни за что ни про что взялъ выкормка даромъ! «Ахъ, ты, лживая душа»,—думаю, и вся внутренность во мнѣ, знаете, перевернулась отъ злости за такую клевету... Я далъ себѣ слово, во что бы ни стало, поднять опять дѣло о чихирѣ; прямо мнѣ это не удалось, но косвенно по крайней мѣрѣ: былъ-съ у отца Магдалинскаго братъ родной, тоже священникъ въ маленькомъ, бѣдномъ приходѣ... Былъ онъ вдовъ-съ и работницу держалъ молодую, что̀, по правиламъ церковнымъ, воспрещается, и однажды, когда мнѣ какъ-то случилось быть въ его приходѣ на весьма продолжительномъ слѣдствіи, слышу я тутъ, что работница попа беременна-съ! Ну, и Богъ, значитъ, съ ней!.. Потомъ говорятъ, что работница родила... опять, значитъ, слава Богу—царю прибыль, кантонистъ новый... Далѣе меня извѣщаютъ, что работница эта бѣгаетъ по селу и плачется, что младенецъ у нея занедужилъ, а тамъ и померъ, — и это, думаю, возможно; однако все-таки поручилъ становому узнать: изъ какой именно деревни работница попа. Дознано-съ. Я опять поручаю становому донести, нѣтъ ли въ этой деревнѣ у кого-либо изъ крестьянъ подки-

дышей... «Есть», говорятъ.—«У кого?»—«У старика Ѳаддея».—«А какъ этому Ѳаддею приходится работница попа?» — «Дочерью!» Дѣло, значитъ, ясное. У насъ обыкновенно всѣ солдатки, коли родятъ мальчика, такъ, чтобы избавить его отъ солдатства, подкидываютъ отцамъ своимъ, матерямъ, дядямъ, сестрамъ, у кого кто есть. Но тутъ меня заинтересовало другое обстоятельство: всѣ говорятъ, что ребенокъ у работницы померъ; значитъ, онъ и похороненъ. Ѣду я въ это село и спрашиваю священника, что дѣйствительно ли проживающая у него въ работницахъ солдатка родила, что ребенокъ у ней будто бы померъ и похороненъ при его церкви? — «Дѣйствительно-съ», говоритъ.—«Но какимъ же образомъ,—возражаю я ему:—до меня дошли довольно достовѣрные слухи, что ребенокъ этотъ живъ и подкинутъ къ дѣду». Попъ, какъ ракъ вареный, покраснѣлъ.—«Нѣтъ-съ, говоритъ, какъ это возможно, помилуйте!»—«Миловать я, говорю, тутъ не въ правѣ, а вы извольте мнѣ объяснить: какого именно числа работница родила, когда у ней умеръ ребенокъ, а также покажите мнѣ и его могилку». Попъ совсѣмъ растерялся, завилялъ:—«Я не знаю, я не помню!» Тогда я работницу за бока; та тоже мялась-мялась, наконецъ показала могилку. Я распорядился могилку эту разрыть; однако говорятъ, что попъ не пускаетъ, заперъ даже калитку и ворота ограды, и что на защиту его прибылъ даже благочинный. Ну что̀ жъ, милости просимъ! Вижусь я на другой день съ этимъ благочиннымъ, начинается между нами споръ. «На какомъ основаніи,—говоритъ мнѣ онъ:—вы хотите произвести кощунство на церковномъ погостѣ, не пригласивъ даже депутата съ духовной стороны?»—«Да вотъ извольте, говорю, я васъ приглашаю,—благо вы прибыли,—я начинаю дознаніе по рапорту станового пристава!» Благочинный видитъ, что меня не напугаешь, а потому, содравъ съ попа многіе динаріи, уѣхалъ къ себѣ во-свояси, какъ бы ничего тутъ не зная и не вѣдая. Я однако могилку раскопалъ при понятыхъ, вынулъ оттуда гробикъ, раскрылъ его, и оказалось, что въ немъ похороненъ былъ не младенецъ, а кошка мертвая, и, знаете, не просто, а въ этакой тряпкѣ, какъ бы въ саванѣ.

— Почему же они не пустой гробикъ похоронили? — невольно перебилъ я Рухнева.

— Точно такой же вопросъ и я сдѣлалъ работницѣ. Она конечно, разревѣлась и говоритъ, что пустой гробикъ ей показалось грѣшно похоронить, а у нихъ тѣмъ временемъ кошечка ея любимая околѣла, она ее и похоронила! А?.. умница какая! Пустой гробикъ хоронить по-ея грѣхъ, а съ кошкой—

ничего!.. Я вамъ говорю—всѣ эти наши русскія бабы дура на дурѣ, свинья на свиньѣ.

— Но священникъ зналъ, кого онъ хоронитъ? — спросилъ я.

— Конечно, зналъ!.. Изъ его же дома увозили ребенка подкидывать, да врядъ ли не самъ онъ это дѣло и творилъ, но онъ, безъ сомнѣнія, заперся, а также и работница на него не показала. Тѣмъ не менѣе однако я обо всемъ этомъ дѣлѣ донесъ губернатору, такъ какъ тутъ ужъ дѣйствительно производится кощунство, а кромѣ того чинится укрывательство слугъ царя, долженствующихъ поступать въ кантонисты; а также кстати присоединилъ и о безпорядкахъ братца родного этого священника, торгующаго лошадьми и покупающаго вмѣсто кагора чихирь астраханскій.

— Поблагодарили они, я думаю, васъ за это,—замѣтилъ я.

— Благодарить-то, къ несчастью, не за что было, — воскликнулъ злобно Рухневъ:—ихъ пальцемъ никто не тронулъ, потому что черномазая супруга губернатора... — я надѣюсь, что вы не передадите ничего изъ моихъ словъ губернатору, хотя, впрочемъ, и передайте, пожалуй, мнѣ все равно!.. — супруга губернатора, какъ всѣмъ извѣстно, ханжа великая, водится съ архіереями, попами и въ то же время держитъ мужа подъ башмакомъ... и можете судить, что̀ для меня изъ всего этого произошло.

— Но вы упомянули, что и съ дворянствомъ тоже не ладили?—спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать: съ дворянствомъ средней руки—ничего, я не ссорился особенно и даже хлѣбосольничалъ имъ; всегда ужъ, кто изъ нихъ въ городъ пріѣзжалъ, прямо ко мнѣ: обѣдаетъ, днюетъ, а другой и ночуетъ у меня; но вотъ высшему дворянству, этимъ, какъ ихъ тамъ называютъ, нашимъ козырнымъ тузамъ, пришелся не по вкусу, и главнымъ образомъ наскочилъ я тутъ на нѣкоего князя Архарина, самаго богатаго здѣшняго помѣщика и весьма важную особу въ Петербургѣ, благодѣтеля, по наружности, всѣхъ чиновниковъ; имъ еще издавна предписано было его вотчинному начальству преподносить къ Рождеству и передъ Пасхой всей земской полиціи праздничныя деньги, отводить чинамъ оной при наѣздѣ ихъ удобныя квартиры, поставлять содержаніе и лошадей; но меня, конечно, этимъ не умаслишь: дружба дружбой, а служба службой! Вышелъ такой казусъ: назначенъ былъ ко мнѣ въ уѣздъ на стоянку полкъ,—а надобно сказать, что всѣ мужики боятся такихъ стоянокъ пуще чорта, потому что солдаты, что̀ я знаю ужъ по своей военной службѣ, объѣдаютъ

мужиковъ да еще вдобавокъ развращаютъ ихнихъ бабъ и дѣвокъ сплошь... Что̀ хотите мужики каждой деревни готовы дать, чтобы не было полковыхъ стоянокъ, а это зависитъ главнымъ образомъ отъ исправниковъ... Сижу я разъ у городничаго и играю съ нимъ въ преферансъ, вдругъ вижу, что его вызвали въ переднюю къ кварташкѣ... Потолковали они тамъ между собою, и городничій опять возвратился играть,—дрянь этакій былъ, размазня. «Что̀ такое?—спрашиваю:—не случилось ли чего-нибудь?..» — «Да говорятъ,—зашамкалъ онъ:—что бурмистръ князя Архарина другой день здѣсь въ городѣ пьянствуетъ, буянитъ, колотитъ въ трактирѣ посуду, стекла!»—«Что̀ жъ, говорю, велите его посадить въ кутузку»; и тутъ вдругъ, по моей полицейской смѣткѣ, пришло мнѣ въ голову: бурмистръ княжескій кутитъ и не на свои, разумѣется, деньги, а на княжескія, между тѣмъ идетъ разверстка по солдатскому постою,—не на этотъ ли предметъ онъ учинилъ сборъ съ крестьянъ и пропиваетъ его? «Вы однако,—говорю городничему:—прикажите попридержать этого пьяницу въ полиціи, потому что я нюхомъ чувствую, что тутъ что-то нечисто». И такъ меня стала моя мысль подмывать, что я, не кончивъ даже пульки, уѣхалъ домой, сѣлъ въ тарантасъ и отправился въ село Зиньково — главный пунктъ всѣхъ княжескихъ имѣній; спрашиваю: «Гдѣ бурмистръ?..» — «Въ отлучкѣ», говорятъ... Я велѣлъ сотскимъ, которые были половчѣе, развѣдать, не происходило ли чего особеннаго въ вотчинной конторѣ князя, и оказалось, что тамъ случилось точь въ точь, что̀ я предполагалъ: была въ недавнее время мірская сходка мужиковъ и собрана съ нихъ значительная сумма на откупъ отъ солдатскаго постоя; сверхъ того: сборъ этотъ былъ произведенъ на мое имя... Тутъ ужъ я не на шутку взбѣсился: послалъ двухъ сотскихъ въ уѣздный городъ и велѣлъ имъ, по бумагѣ отъ меня, взять у городничаго бурмистра, привезти его ко мнѣ живого или мертваго, связаннымъ или несвязаннымъ... Поутру доставили мнѣ моего голубчика... Рожа у него, я вамъ говорю, была на обликъ человѣческій непохожа: оплывшая, вся въ синякахъ, исцарапана, въ крови... Видно, его самого тоже тузили въ трактирѣ не жалѣючи. «Гдѣ деньги, которыя ты собиралъ на мое имя?» — спрашиваю его прежде всего. Онъ мнѣ въ ноги.—«Виноватъ, говоритъ, деньги однѣ прогулялъ, а другія украли у меня».—«Вретъ!»—думаю, и велѣлъ его раздѣть догола... Денегъ не оказалось... успѣлъ ужъ каналья передать ихъ кому-либо изъ своихъ!.. Имѣя все это въ виду, я посѣкъ его и не очень сильно, и спрашиваю васъ теперь, сдѣлалъ я въ этомъ случаѣ что-нибудь противозаконное?

— Сдѣлали,—сказалъ я ему откровенно.

Рухневъ гордо и съ удивленіемъ выпучилъ на меня черезъ очки свои глаза.

— Вы должны были бы не сѣчь бурмистра, а произвести формальное слѣдствіе объ его поступкахъ,—добавилъ я.

— О-хо-хо-хо! — воскликнулъ Рухневъ: — вы поэтому не понимаете полицейской службы. Какъ намъ заводить письменныя дѣла о плутняхъ всякихъ старостъ, такъ и бумаги недостанетъ. И что̀ хуже всего: князь, казалось бы, стоявшій на такомъ высокомъ посту, такъ же понялъ это и вмѣсто того, чтобъ поблагодарить меня и смѣнить своего бурмистра, онъ написалъ гнѣвное письмо противъ меня губернатору, изложивъ не то, что̀ отъ меня узналъ, а что̀ донесъ ему самъ бурмистръ, что будто бы я это заставлялъ его дѣлать сборъ, и что, когда онъ послушался меня, я отпоролъ его не на животъ, а на смерть!.. Хороша логика тутъ: человѣкъ меня послушался, а я его наказалъ за это!.. Но, какъ говорится, княжеская голова: пусто, видно, въ ней, звенитъ!.. Словомъ-съ: все точно нарочно слилось въ одно, чтобы погубить меня совершенно, такъ какъ я, скажу ужъ это съ гордостью, какимъ поступилъ нищимъ на службу, такимъ нищимъ вышелъ изъ нея.

Проговоря это, Рухневъ знаменательно мотнулъ головой и замолкъ.

Не было сомнѣнія, что онъ вышелъ изъ службы безъ копейки, но никакъ ужъ не отъ безкорыстія, а оттого, что, по своей размашистой натурѣ, все мгновенно проживалъ, что̀ наживалъ. Такихъ типовъ было и будетъ всегда много, и Рухневъ развѣ только превосходилъ ихъ тѣмъ, что ему рѣшительно ужъ ничего внутри не мѣшало измышлять и приводить въ исполненіе всякаго рода плутни и мошенничества, доходя иногда до глупости, до дурачествъ!

— А за что вы сюда попали? — пожелалъ я узнать, хотя отчасти и слышалъ объ этомъ.

Рухневъ захохоталъ.

— Да опять, — воскликнулъ онъ: — та же почти старая пѣсня, что̀ была у меня съ попами и бурмистромъ, повторилась: здѣшнія начальствующія лица, какъ ненавидѣли меня на службѣ, такъ ненавидятъ и до сихъ поръ... Я хотѣлъ-съ, по долгу каждаго дворянина, открыть имъ уголовное преступленіе, а они меня самого повернули въ преступника!.. Дѣло это любопытное... Сначала я сердился, а теперь ужъ смѣюсь, потому что оправдаться я оправдаюсь; но нельзя же такъ надругаться надъ человѣкомъ, какъ они надругались надо мной и какъ еще, кажется, намѣрены надругаться... Началось съ

того: ѣду я однажды ночью на легковомъ извозчикѣ, на которомъ и прежде, во дни моего богатства и славы, ѣзжалъ и платилъ ему хорошо. Разговорился я съ нимъ о томъ, о семъ... Онъ былъ выпивши порядочно, и только вдругъ обертывается ко мнѣ и спрашиваетъ меня: «Какъ ты думаешь, баринъ, почту обокрасть можно?» Я, по своей привычкѣ шутить всегда, отвѣчаю: — «Отчего жъ не можно — можно! умнымъ людямъ только, а не дуракамъ!»... Онъ помолчалъ немного:—«То-то, говоритъ, удалыхъ изъ насъ много, а умныхъ нѣтъ!» Тутъ у меня мелькнула другая мысль: «Чортъ ихъ знаетъ, умныхъ они, пожалуй, и пріищутъ!»—«Что жъ, говорю, если между вами удалыхъ много, такъ умнымъ я могу быть у васъ!»—«А развѣ ты пойдешь на это дѣло?»—спрашиваетъ онъ меня.—«Отчего жъ, говорю, не пойти? Чѣмъ топиться въ рѣкѣ отъ голоду, лучше малую толику заработать!» И пошло тутъ между нами по этому предмету каляканье: «Много ли по почтѣ возятъ денегъ? правда ли, что тысячъ по двадцати?»—спрашиваетъ онъ.—«Какое, говорю, и по двѣсти возятъ».—«То-то, говоритъ, тоже надо набрать народу человѣкъ десять, ружьевъ искупить, пороху, пуль!»—«Достанетъ на всѣхъ и на все!»—ободряю я его; а самъ на другой день отправился къ жандармскому полковнику, повѣствую ему, что вотъ такъ и такъ...

Разсказывая это, Рухневъ вовсе и не подозрѣвалъ, до какой степени онъ самъ являлся омерзителенъ, и продолжалъ далѣе:

— Выслушалъ меня господинъ полковникъ внимательно, но въ толкъ, вижу, ничего не взялъ и, вмѣсто того, чтобы къ малѣйшему слуху держать ухо востро, только хлопаетъ, какъ филинъ, глазами. «Хорошо-съ, говоритъ, наименуйте этихъ заговорщиковъ, мы ихъ сейчасъ переловимъ!»—«Переловить ихъ,—толкую я ему:—никакой пользы не будетъ!.. Заговоръ у нихъ еще не созрѣлъ!.. Вы, говорю, дайте мнѣ первоначально на раскрытіе этого дѣла триста рублей серебромъ,—я всю ихъ шайку окончательно выщупаю, соберу ихъ всѣхъ къ себѣ и живьемъ вамъ выдамъ въ руки!..» Опять явилось затрудненіе по случаю требованія моего, чтобы мнѣ прежде всего было выдано триста рублей. «У насъ, говоритъ, нѣтъ на это суммъ!»—«А когда нѣтъ, такъ прощайте, безъ денегъ мнѣ ничего тутъ не сдѣлать!» — «Но постойте, говоритъ, я долженъ по крайней мѣрѣ прежде всего посовѣтоваться съ начальникомъ губерніи!» — «Это, говорю, сколько угодно вамъ, совѣтуйтесь; но сущность дѣла отъ этого не измѣнится: своихъ денегъ у меня нѣтъ, а поэтому я и сдѣлать ничего не могу!..» Крутитъ мой полковникъ свой усъ и отпустилъ наконецъ меня;

совѣтовался онъ съ губернаторомъ дня два и на третій приглашаетъ меня къ себѣ, выдаютъ мнѣ триста рублей и читаютъ такую рацею, что если я ничего не открою, такъ они распорядятся со мною по всей строгости россійскихъ законовъ!.. Открыть мнѣ, конечно, очень легко было: я въ одинъ зимній вечеръ разсадилъ въ моей квартирѣ подъ поломъ жандармовъ, созвалъ всю извозчичью шаварду, начинаю съ ними говорить по душѣ. Они, какъ водится, выболтали все, какъ и когда думаютъ ограбить почту, потомъ, конечно, жандармы арестовали всѣхъ насъ. Сначала я думалъ, что меня собственно берутъ для виду только, но когда началось формальное слѣдствіе, то оказалось, что я такой же арестантъ, какъ и извозчики, и что я въ чемъ-то заподозрѣваемъ. Слѣдствіе поручено было полицеймейстеру — злѣйшему моему врагу по разнымъ моимъ столкновеніямъ съ полиціей, и онъ вывелъ такъ, что ограбленіе почты выдумали не извозчики, а я ихъ на то подговаривалъ!.. Понимаете, слова-то мои, которыя говорилъ я для шутки, для выпытыванія, господинъ полицеймейстеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и губернское правленіе, поняли такъ, что я говорилъ все это взаправду... Я, конечно, въ своихъ показаніяхъ и на всевозможныхъ очныхъ ставкахъ старался опровергнуть подобную безсмыслицу и теперь вотъ посмотрю, какъ уголовная палата взглянетъ на это дѣло... Смѣшно-съ, ей-Богу, смѣшно!

Я сидѣлъ молча и потупившись, чувствуя невыносимое озлобленіе на Рухнева за его безстыдство, наглость и лживость.

Онъ это замѣтилъ и проговорилъ:

— Вы мнѣ тоже, можетъ-быть, не вѣрите?

— Не вѣрю!—отвѣтилъ я ему строго.

Рухневъ усмѣхнулся.

— А вѣрите ли тому, что я буду оправданъ?

— Этому вѣрю!

— Почему?

— Потому что Ѳемида вообще, а у насъ въ особенности, слѣпа.

— Это такъ, такъ!..—весело подхватилъ Рухневъ.

На томъ наше свиданіе и кончилось.

Прошло лѣтъ десять. Я жилъ уже въ Петербургѣ и, идя разъ по Невскому, встрѣчаю Рухнева въ толстомъ, англійскаго покроя, внушительномъ пальто, въ сапогахъ на пробковой подошвѣ, въ кашне изъ настоящаго индійскаго кашемира, въ туго-надѣтыхъ перчаткахъ, въ шикозной круглой шляпѣ,—и при этомъ самодовольство свѣтилось во всемъ его

лицѣ. Узнавъ меня, Рухневъ протянулъ мнѣ почти дружески руку, которую я, дѣлать нечего, пожалъ.

— Зайдемте къ Палкину позавтракать... Отличнѣйшій тамъ дѣлаютъ салатъ изъ ершей! — пригласилъ онъ меня сразу же.

Я отказался.

— Вы знаете: я съ этими господами, которые, помните, упрятали меня въ острогъ, порасквитался немного: одного, милостію Божіей, причислили къ запаснымъ войскамъ, а господина полицеймейстера и совсѣмъ по шапкѣ турнули... Онъ, полячишка, черезчуръ ужъ не скрывалъ своей любви къ родинѣ,—тараторилъ Рухневъ.

— И все это вы устроили?—спросилъ я.

— Отчасти! — отвѣчалъ онъ хвастливо: — я, въ подобныхъ случаяхъ, ни у кого еще въ долгу не оставался!..

— А сами вы оправданы судомъ?—кольнулъ я его.

— Оправданъ, если хотите,—отвѣчалъ Рухневъ ужъ скороговоркой:—но подвергнутъ тамъ... этому нашему великомудрому изреченію—*оставить въ подозрѣніи*.

— На службу поэтому вы поступить не можете!—продолжалъ я язвить его.

— Разумѣется, — воскликнулъ онъ: — но я объ этомъ нисколько и не жалѣю: нынче столько открылось частныхъ и общественныхъ дѣятельностей, что всякій неглупый человѣкъ можетъ не бояться, что онъ умретъ съ голоду!.. Я въ новыхъ учрежденіяхъ имѣю даже не одно, а нѣсколько мѣстъ...

Въ это время густо шедшая толпа раздѣлила насъ, и я видѣлъ только, что Рухневъ, привѣтливо кивнувъ мнѣ головой, завернулъ въ Палкинскій трактиръ; я же невольно подумалъ про себя: «Ну, не поздравляю эти общественныя и частныя дѣятельности, которыя приняли господина Рухнева въ лоно свое».

Опасеніе мое оправдалось впослѣдствіи: Рухневъ оказался однимъ изъ первыхъ въ многочисленномъ спискѣ обворовавшихъ свои учрежденія и—увы!—приговора своего не дождался и отравился въ тюрьмѣ, очень испугавшись, какъ меня увѣряли, новаго суда: отписываться и отговариваться онъ умѣлъ, но явиться и оправдываться передъ глазами цѣлой публики—сробѣлъ!

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ,

НАЙДЕННАГО ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ:

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Пользуясь выходомъ въ свѣтъ «Сочиненій Н. В. Гоголя», я рѣшился высказать печатно нѣсколько мыслей о произведеніяхъ его вообще и о второй части «Мертвыхъ душъ» въ особенности, и беру на себя это право не какъ критикъ, а какъ человѣкъ, который когда-то страстно знакомился съ великимъ писателемъ, начиная съ представленія на сценѣ большей части написанныхъ имъ ролей до внимательнаго изученія и повѣрки его эстетическихъ положеній. Но прежде всего я просилъ бы читателя бѣгло взглянуть на состояніе литературы и на отношеніе къ ней общества въ то время, когда Гоголь сталъ являться со своими первыми произведеніями. Нужно ли говорить, что то былъ періодъ исключительно пушкинскій, не по временному успѣху поэта и его послѣдователей, но по той силѣ, которую сохранило это направленіе до нашихъ дней; и когда уже все современное ему въ литературѣ забывается и сглаживается, оно одно мужаетъ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Но въ массѣ публики того времени это было нѣсколько иначе; отдавая должное уваженіе поэту, она увлекалась и многимъ другимъ: въ ней не остыла еще симпатія, возбужденная историческими романами Загоскина и Лажечникова, авторитеты — Жуковскій и Крыловъ еще жили

и писали. Кромѣ того, Марлинскій все еще продолжалъ раздражать воображеніе читателей напыщенными великосвѣтскими повѣстями и кавказскими романами, въ которыхъ герои отличались сангвиническимъ темпераментомъ и въ то же время рѣшительнымъ отсутствіемъ истинной страсти. Полевой компилировалъ драмы изъ Шекспира, изъ повѣстей, изъ анекдотовъ, и для произведенія театральнаго эффекта прибѣгалъ къ колокольному звону. Кукольникъ создавалъ псевдоисторическую русскую драму и производилъ неподдѣльный восторгъ, выводя на сцену, въ мужественной фигурѣ Каратыгина, Ляпунова, изъ-за чего-то горячащагося и что-то такое говорящаго звучными стихами. Баронъ Брамбеусъ, къ общему удовольствію, зубоскалилъ въ одномъ и томъ же тонѣ надъ наукой, литературой и надъ лубочными московскими романами. Бенедиктовъ и Тимоѳѣевъ звучали на своихъ лирахъ, въ полномъ разгарѣ силъ. Никто, конечно, не позволитъ себѣ сказать, чтобы всѣ эти писатели не владѣли талантами, и талантами, если хотите, довольно яркими, но замѣчательно, что всѣ они, при видимомъ разнообразіи, имѣютъ одно общее направленіе, ушедшее совершенно въ иную сторону отъ истинно-поэтическаго движенія, сообщеннаго-было Пушкинымъ; направленіе, которое я иначе не могу назвать, какъ направленіемъ *напряженности*, стремленіемъ сказать больше своего пониманія—выразить страсть, которая сердцемъ не пережита—словомъ, создать что-то выше своихъ творческихъ силъ. Въ это-то время сталъ являться въ печати Гоголь со своими сказками, и нельзя сказать, чтобъ на первыхъ его опытахъ, свѣжихъ и оригинальныхъ по содержанію, не лежало отпечатка упомянутой мною напряженности. Стоитъ только теперь безпристрастно прочитать нѣкоторыя описанія природы, а еще больше — описанія молодыхъ дѣвушекъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ. При возсозданіи природы, впрочемъ, онъ овладѣлъ, въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, приличною ему силою. Степи и садъ Плюшкина, напримѣръ, представляютъ уже высоко-художественныя картины; но, при созданіи любезныхъ ему женскихъ типовъ, великій мастеръ никогда не могъ стать къ нимъ хоть сколько-нибудь въ нормальное отношеніе. Это— фразы и восклицательные знаки при обрисовкѣ ихъ наружности, фразы и восклицанія въ собственныхъ рѣчахъ героинь. Кто, положа руку на сердце, не согласится, что именно таковы дѣвушки въ его сказкахъ: пылкая полячка въ «Тарасѣ Бульбѣ», картинная Аннунціата и наконецъ чудо по сердцу и еще большее чудо по наружности — Улинька. Точно то же потомъ безплодное усиліе чувствуется и въ созданіи нрав-

ственно-здоровыхъ мужскихъ типовъ: государственный мужъ и забившійся въ глушь чиновникъ въ «Театральномъ разъѣздѣ» ученически-слабы по выполненію. Никакъ нельзя сказать, чтобъ въ задумываніи всѣхъ этихъ лицъ не лежало поэтической и жизненной правды, но авторъ просто не совладѣлъ съ ними. Снабдивъ ихъ идеей, онъ не далъ имъ плоти и крови. Эта слабость и фальшивость тона при представленіи правой стороны жизни сторицею выкупались силою другого тона, изнутри энергическаго, несокрушаемо-правдиваго, исполненнаго самымъ задушевнымъ смѣхомъ, съ которымъ Гоголь, то двумя-тремя чертами, то безпощаднымъ анализомъ, рисуетъ лѣвую сторону, тономъ, изъ котораго впослѣдствіи вышла первая часть «Мертвыхъ душъ».

Вотъ почему, мнѣ кажется, Пушкинъ, какъ чуткій эстетикъ, съ такой полной симпатіей встрѣтилъ «Носъ» — разсказъ, повидимому, безъ мысли, безъ понятнаго даже сюжета, но въ которомъ онъ видѣлъ начало новаго направленія, чуждаго его направленію, однакожъ столь же истиннаго, столь же прочнаго—и это направленіе былъ *юморъ*, тотъ трезвый, разумный взглядъ на жизнь, освѣщенный смѣхомъ и принявшій полныя этою жизнью художественныя формы,—юморъ, тонъ котораго чувствуется въ нашихъ лѣтописяхъ, старинныхъ дѣловыхъ актахъ, который слышится въ нашихъ пѣсняхъ, въ сказкахъ, поговоркахъ и въ перекидныхъ рѣчахъ народа, и который въ то же время въ печатной литературѣ не имѣлъ права гражданства до Гоголя. Кантемиръ, Фонвизинъ, Грибоѣдовъ были величайшіе сатирики—но и только. Они осмѣивали зло какъ бы изъ личнаго оскорбленія, какъ бы вызванные на это внѣшними обстоятельствами. Первые два караютъ необразованіе и невѣжество, потому что сами были люди, по-тогдашнему, образованные; послѣдній выводитъ фальшивыя, пошлыя, предразсудочныя понятія цѣлаго общественнаго слоя, потому что среди нихъ былъ всѣхъ умнѣе и получилъ болѣе серьезное воспитаніе. Но ужъ гораздо иную единицу для промѣра, гораздо болѣе отвлеченную и строгую встрѣчаемъ мы у Гоголя. Настолько поэтъ, насколько философъ, настолько сатирикъ и, если хотите, даже пасквилистъ, насколько все это входитъ въ область юмора, онъ первый устремляетъ свой смѣхъ на нравственные недостатки человѣка, на болѣзни души. Если бъ Недорослей, Бригадировъ, Фамусовыхъ, Скалозубовъ поучить и пообразовать, то, кажется, авторы и читатели помирились бы съ ними. Но Ноздревъ, Подколесинъ, Плюшкинъ, Маниловъ и другіе страдаютъ не отсутствіемъ образованія, не предразсудочными понятіями, а кое-чѣмъ посерьезнѣе, и для исправленія ихъ мало

школы и цивилизаціи. Сатирическое направленіе Кантемира, Фонвизина, Грибоѣдова, какъ бы лично только имъ принадлежащее, кончилось со смертью ихъ; но начало Гоголя, какъ болѣе въ одномъ отношеніи общечеловѣчное, а съ другой стороны болѣе народное, сейчасъ было воспринято—и пошло въ развитіи образовавшеюся около него школою послѣдователей. Вотъ въ чемъ состоитъ огромное превосходство Гоголя передъ всѣми предшествовавшими ему комическими писателями, и вотъ почему онъ одинъ, по преимуществу, можетъ быть названъ юмористомъ въ полномъ значеніи этого слова. До какой степени эта прирожденная способность была велика въ немъ, можно судить изъ прогресса его собственныхъ произведеній. Начавъ, между прочимъ, съ чудаковъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, страдающихъ наклонностью къ тяжбамъ, онъ возвышается до благородной, нравственно-утонченной, но все-таки болѣющей личности Тѣнтѣтникова; но, кромѣ того, посмотрите, сколько изъ этой истинной силы поэта вытекло внѣшнихъ художественныхъ формъ, которыя созданы Гоголемъ: онъ первый вводитъ типическіе характеры, трепещущіе жизнью; онъ первый даетъ типическій языкъ каждому типу. Какъ ни вѣрны въ своихъ монологахъ лица комедій Фонвизина и Грибоѣдова, а все-таки въ складѣ ихъ рѣчи чувствуется *сочинительство, книжность;* даже и тѣни этого не встрѣчаете вы въ разговорномъ языкѣ большей части героевъ Гоголя: языкъ этотъ бьетъ у нихъ живымъ ключомъ и каждымъ словомъ обличаетъ самого героя. Не оскорбляя упрекомъ драгоцѣнной для меня, какъ и для всѣхъ, памяти великаго писателя, я не могу здѣсь не выразить сожалѣнія, какъ онъ самъ, сознавая, конечно, въ себѣ эту творческую способность, не оперся исключительно на нее при своихъ созданіяхъ: и чѣмъ болѣе припоминаешь и вдумываешься въ судьбу его произведеній, въ его эстетическія положенія, наконецъ въ его письма, въ признанія, тѣмъ болѣе начинаешь обвинять не столько его, сколько публику, критику и даже друзей его: всѣ они, какъ бы сообща, не давъ себѣ труда подумать объ истинномъ призваніи, значеніи этого призванія и средствахъ поэта, наперерывъ старались повліять на его впечатлительную душу, кто мыслью, кто похвалою, кто осужденіемъ, и потомъ, говоря его же выраженіемъ, напустивъ ему въ глаза всякаго книжнаго и житейскаго тумана, оставили на распутьѣ...

Немногіе, вѣроятно, изъ великихъ писателей такъ медленно дѣлались любимцами массы публики, какъ Гоголь. Надобно было нѣсколько лѣтъ горячему, съ тонкимъ чутьемъ критику, проходя слово за словомъ его произведенія, растолковывать ихъ

художественный смыслъ и, ради раскрытія этого смысла, колебать, иногда даже пристрастно, устоявшіеся авторитеты; надобно было нѣсколько даровитыхъ актеровъ, которые воспроизвели бы гоголевскій смѣхъ во всемъ его неотразимомъ значеніи; надобно было наконецъ обществу воспитаться, такъ сказать, его послѣдователями, прежде чѣмъ оно въ состояніи было понять значеніе произведеній Гоголя, полюбить ихъ, изучить и разнять, какъ это есть въ настоящее время, на поговорки. Но, прежде чѣмъ устоялось такимъ образомъ общественное мнѣніе, сколько обиднаго непониманія и невѣжественныхъ укоровъ перенесъ поэтъ! «Скучно и непонятно!»—говорили одни. «Сально и тривіально!»—повторяли другіе, и «соціально-безнравственно!»—рѣшили третьи. Критики и рецензенты почти повторяли то же. Одна газета, напримѣръ, стоявшая будто бы всегда за чистоту русскаго языка, неприлично бранилась! Другой журналъ, курившій ѳиміамъ похвалъ драмамъ Кукольника, называлъ творенія Гоголя пустяками и побасенками. Даже и тотъ критикъ, который такъ искренно всегда выступалъ къ ободренію Гоголя, даже и тотъ, въ порывѣ личнаго увлеченія, открылъ въ немъ, по преимуществу, соціально-сатирическое значеніе, а нѣсколько псевдо-послѣдователей какъ бы подтвердили эту мысль. Между тѣмъ друзья, въ искренности которыхъ мы не смѣемъ сомнѣваться, вліяли врядъ ли еще не къ худшему: питая, подъ вліяніемъ очень умно составленныхъ лирическихъ отступленій въ первой части «Мертвыхъ душъ», полную вѣру въ лиризмъ юмориста, они ожидали отъ него идеаловъ и поученій, и это простодушное, какъ мнѣ всегда казалось, ожиданіе очень напоминало собой доброе старое время, когда жизнь и правда были сами по себѣ, а литература и, паче того, поэзія сама по себѣ, когда вымыселъ стоялъ въ творчествѣ на первомъ планѣ, и когда романъ и повѣсть наивно считались не чѣмъ инымъ, какъ пріятною ложью. При такихъ эстетическихъ требованіяхъ создать прекраснаго человѣка было нетрудно: заставьте его говорить о добродѣтели, о чести, быть, пожалуй, храбрымъ, великодушнымъ, умѣреннымъ въ своихъ желаніяхъ, при этомъ не мѣшаетъ, чтобъ и собой былъ недуренъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣлъ почтенную наружность—вотъ вамъ и идеалъ и поученіе! Но для Гоголя оказалась эта задача гораздо труднѣе: въ первой части «Мертвыхъ душъ», объясняя, почему имъ не взятъ въ герои добродѣтельный человѣкъ, онъ говоритъ:

«Потому, что пора наконецъ дать отдыхъ добродѣтельному человѣку, потому что праздно вращается на устахъ слово: добродѣтельный человѣкъ, потому что обратили въ лошадь

добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не съѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ и чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра и кости вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка» (стр. 431 первой части «Мертвыхъ душъ»).

Въ этихъ словахъ вы сейчасъ видите художника-критика, который въ то же время, съ одной стороны, какъ бы испугавшись будто бы безсмысленно-грязнаго и исключительно соціально-сатирическаго значенія своихъ прежнихъ твореній, а съ другой, въ стремленіи тронуть, по его же словамъ, доселѣ нетронутыя еще струны, представить несмѣтное богатство русскаго духа, представить мужа, одареннаго божественными доблестями, и чудную русскую дѣву, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всею дивною красотою женской души, всю составленную изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія, — словомъ, снѣдаемый желаніемъ непремѣнно сыскать и представить идеалы, обрекаетъ себя на трудъ упорный, насильственный.

«Мнѣ хотѣлось (высказываетъ онъ потомъ въ своей «Исповѣди»), чтобы, по прочтеніи моего сочиненія, предсталъ, какъ бы невольно, весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно передъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ также преимущественно передъ всѣми другими народами. Я думалъ, что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ. Но я почувствовалъ въ то же время, что все это возможно будетъ сдѣлать мнѣ только въ такомъ случаѣ, когда узнаю очень хорошо самъ, что̀ дѣйствительно въ нашей природѣ есть достоинства и что̀ въ ней дѣйствительно есть недостатки. Нужно очень хорошо взвѣсить и оцѣнить то и другое и объяснить себѣ самому ясно, чтобы не возвести въ достоинство того, что̀ есть грѣхъ нашъ, и не поразить смѣхомъ вмѣстѣ съ недостатками нашими и того, что̀ есть въ насъ достоинство» (стр. 262 «Авт. Исп.»).

На первый взглядъ покажется, что подобную задачу, достойную великаго мастера, Гоголь принимаетъ на себя съ

величайшею добросовѣстностью, и что иначе приступить къ ней нельзя; но надобно быть хоть немного знакомымъ съ процессомъ творчества, чтобы понять, до какой степени этотъ пріемъ искусственен и какъ мало въ немъ довѣрія къ инстинкту художника. Положительно можно сказать, что Шекспиръ, воспроизводя жизнь въ ея многообразной полнотѣ, создавая идеалы добра и порока, никогда ни къ одному изъ своихъ произведеній не приступалъ съ подобнымъ напередъ составленнымъ правиломъ и бралъ изъ души только то, что накопилось въ ней и требовало изліянія въ ту или въ другую сторону. Поэтъ узнаётъ жизнь, живя въ ней самъ, втянутый въ ея коловоротъ за самый чувствительный нервъ, а не посредствомъ собиранія писемъ и отбиранія показаній отъ различныхъ свѣдущихъ людей. Ему не для чего устраивать въ душѣ своей судъ присяжныхъ, которые говорили ему, виновенъ онъ или невиновенъ, а, освѣщая жизнь даннымъ ему отъ природы свѣтомъ таланта, онъ узнаётъ и видитъ ее яснѣе всякаго трудолюбиваго собирателя фактовъ.

Почти нагляднымъ доказательствомъ мысли моей о силѣ и художественной зрѣлости въ одну сторону и о напряженности труда въ другую можетъ служить вторая часть «Мертвыхъ душъ». Безусловно-подкупленный достоинствами первой части, я задавалъ себѣ постоянно, съ нѣкоторымъ опасеніемъ, вопросъ: какіе еще новые типы выведетъ намъ Гоголь и какъ ихъ выполнитъ? Началомъ труда такъ ужъ много было сдѣлано, что только вѣра въ громадность его таланта заставляла надѣяться на прогрессъ, а доходившіе по временамъ слухи, что то-то и то-то хорошее есть во второй части, укрѣпляли это ожиданіе. Съ такого рода опасеніями и надеждами приступилъ я къ чтенію второй части—и не могу выразить, какое полное эстетическое наслажденіе чувствовалъ я, читая первую главу, съ появленія въ ней и обрисовки Тѣнтѣтникова. Надобно только вспомнить, сколько повѣстей написано на тему этого характера и у сколькихъ авторовъ только еще надумывалось что-то такое сказаться; надобно потомъ было приглядываться къ дѣйствительности, чтобъ понять, до какой степени лицо Тѣнтѣтникова, нынче ужъ отживающее и рѣдѣющее, тогда было современно и типично. Образованный не фактами, а душой науки, утонченно-развитый нравственно, стремившійся къ живой дѣятельности, съ возбужденнымъ честолюбіемъ, юноша Тѣнтѣтниковъ вступаетъ въ службу, и вмѣсто того, чтобъ побороть этотъ первый, трудный шагъ въ жизни, онъ сразу охладѣваетъ къ избранной имъ дѣятельности: она перестаетъ быть для него ужъ первымъ дѣломъ и цѣлью,

но дѣлается чѣмъ-то вторымъ; знакомство съ двумя личностями, которыхъ авторъ называетъ людьми огорченными, доканчиваетъ начатое. Передаю объ этомъ обстоятельствѣ его собственными словами:

«Это были (говоритъ онъ) тѣ безпокойно-страстные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что̀ кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, требуя къ себѣ снисхожденія и въ то же время исполненные нетерпимости къ другимъ, они подѣйствовали на него сильно и пылкой рѣчью, и образомъ благороднаго негодованія противу общества. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ и не думалъ обращать вниманія. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лѣницынъ, начальникъ одного изъ отдѣленій, помѣщавшихся въ великолѣпныхъ залахъ, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ» (стр. 18 второй части «Мертвыхъ душъ»).

А вслѣдствіе того:

«Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ на то напскивался съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до того крупно, что ему объявлено было отъ начальства либо просить извиненія, либо выходить въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ (опредѣлившій Тѣнтѣтникова на службу), пріѣхалъ къ нему перепуганный и умоляющій: «Ради самого Христа! Помилуй, Андрей Ивановичъ, что̀ это ты дѣлаешь? Оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался не такой, какъ хочется, начальникъ. Помилуй, что̀ ты? Вѣдь если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбіе, поѣзжай и объяснись съ нимъ».— «Не въ томъ дѣло, дядюшка,—сказалъ племянникъ.—Мнѣ не трудно попросить у него извиненія. Я виноватъ; онъ начальникъ, и не слѣдовало такъ говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: у меня есть другая служба: триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, управляющій дуракъ... Что̀ вы думаете? Если я позабочусь о сохраненьи, сбереженьи и улучшеньи участи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ, работящихъ подданныхъ» (стр. 19 и 20 второй части «Мертвыхъ душъ»).

Словомъ, Тѣнтѣтниковъ избираетъ другую дѣятельность, въ которой—увы!—оказывается та же благородная мысль и энер-

гія въ начинаніи и та же слабость и отсутствіе упорства въ исполненіи; а затѣмъ слѣдуетъ полное отрицаніе отъ предпринятаго труда—и начинается жизнь байбака, небокоптителя. Но это не было полнымъ омертвѣніемъ: при всей видимой внѣшней недѣятельности, въ душѣ Тѣнтѣтникова чутко живутъ всѣ нравственныя потребности хорошей и развитой натуры. Въ своей апатіи онъ обдумываетъ еще великое сочиненіе о Россіи: въ немъ не угасло еще честолюбіе — этотъ рычагъ-двигатель большей части великихъ человѣческихъ дѣлъ.

«Когда привозила почта газеты и журналы (говоритъ авторъ) и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвшаго на видномъ поприщѣ государственной службы, или приносившаго посильную дань наукамъ и дѣлу всемірному, тайная, тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силою воскресало предъ нимъ школьное минувшее время и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... и градомъ лились изъ глазъ его слезы...» (стр. 28 и 29 второй части «Мертвыхъ душъ»).

Наконецъ въ сердце его закрадывается что-то похожее на любовь, но и тутъ кончилось ничѣмъ, и не столько по апатіи, а изъ того же тонкаго самолюбія. Онъ влюбился въ дочь генерала Бетрищева. Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и равнодушно, потомъ позволилъ себѣ нѣсколько-фамильярный тонъ и сталъ относиться къ нему свысока, говоря: «*любезнѣйшій*», «*послушай, братецъ*», и одинъ разъ сказалъ даже «*ты*». Тѣнтѣтниковъ не вынесъ этого.

«Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ однакоже имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри его кипѣло: «Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ: *ты*, вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ *ты*. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамильярному между нами обращенію». Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова)» (стр. 33 второй части «Мертв. Душъ»).

Читатель видитъ, какой истиной все это дышитъ и какъ живо лицо Тѣнтѣтникова. Родятся ли ужъ сами собой такіе

характеры, или они образуются потомъ, какъ порожденіе обстоятельствъ?—спрашиваетъ самъ себя художникъ и, вмѣсто отвѣта, честно разсказываетъ то, что̀ я сейчасъ передалъ. И къ этому-то человѣку приводитъ онъ своего героя, Чичикова. Нельзя себѣ вообразить болѣе счастливаго сведенія двухъ лицъ, какъ по историческому значенію, такъ и по задачамъ юмориста. Ни одна, вѣроятно, страна не представляетъ такого разнообразнаго столкновенія въ одной и той же общественной средѣ, какъ Россія; не говоря ужъ объ общественныхъ сборищахъ, какъ, напримѣръ, театральная публика или общественныя собранія, — на одномъ и томъ же балѣ, составленномъ изъ извѣстнаго кружка, въ одной и той же гостиной, въ одной и той же наконецъ семьѣ, вы постоянно можете встрѣтить двухъ - трехъ человѣкъ, которые имѣютъ только нѣкоторую разницу въ лѣтахъ и уже, говоря между собою, не понимаютъ другъ друга! Вотъ довольно откровенная бесѣда, которая возникаетъ между хозяиномъ и гостемъ. Чичиковъ, пообжившись и замѣтивъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ вырисовывалъ какія-то головки, одна на другую похожія, разъ послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ такъ:

«— У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только недостаетъ».—«Чего?»—спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ. «Подруги жизни»,—сказалъ Чичиковъ. Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужикомъ; и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ:—«А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться». Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна. Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ:—«А все-таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться; впадете въ ипохондрію». Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположеніе духа въ этотъ день у него особенно настроено было къ откровенности, онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ:—«На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Ивановичъ»,—и тутъ же передалъ гостю все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва. Когда услышалъ Чичиковъ отъ слова до слова все дѣло и увидѣлъ, что изъ одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Съ минуту смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникову и не зналъ, какъ рѣшить: дѣйствительно ли онъ круглый дуракъ, или только съ придурью?

«— Андрей Ивановичъ! Помилуйте!—сказалъ онъ наконецъ, взявши его за обѣ руки:—какое жъ оскорбленіе? Что̀ жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты?*

«— Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ: — но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе. *Ты!* это значитъ: помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина—ты знай свое мѣсто, стой у порога. Вот что̀ это значитъ!—Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженье оскорбленнаго чувства.

«— Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, что̀ жъ тутъ такого? — сказалъ Чичиковъ.

«— Какъ?—сказалъ Тѣнтѣтниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову. — Вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?

«— Да какой же это поступокъ? Это даже не поступокъ!— сказалъ Чичиковъ.

«— Какъ не поступокъ?—спросилъ въ изумленіи Тѣнтѣтниковъ.

«— Это не поступокъ. Андрей Ивановичъ. Это просто генеральская привычка, а не поступокъ; они всѣмъ говорятъ *ты.* Да, впрочемъ, почему жъ этого не позволить заслуженному, почтенному человѣку?..

«— Это другое дѣло,—сказалъ Тѣнтѣтниковъ:—если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно.

«Онъ совсѣмъ дуракъ, — подумалъ про себя Чичиковъ. — Оборвышу позволить, а генералу не позволить!» (Стр. 46, 47, 48 второй части «Мертвыхъ душъ»).

Не правда ли, что во всей этой сценѣ какъ будто разговариваютъ два человѣка, отдаленные другъ отъ друга столѣтіемъ: въ одномъ ни воспитаніемъ ни жизнью никакія нравственныя начала не тронуты, а въ другомъ они ужъ черезчуръ развиты... странное явленіе, но въ то же время поразительно вѣрное дѣйствительности! Перехожу къ послѣдствію этого разговора, которое состояло въ томъ, что Чичиковъ, тоже къ крайнему удивленію Тѣнтѣтникова, взялся хлопотать о примиреніи его съ генераломъ и поѣхалъ къ генералу.

Многіе, конечно, изъ читателей, прочитавъ еще въ рукописи, знаютъ, помнятъ и никогда не забудутъ генерала Бетрищева; лично же на меня онъ при каждомъ новомъ чтеніи

производитъ впечатлѣніе совершенно живого человѣка. Фигура его до того ясна, что какъ будто облечена плотью. Но, кромѣ этой, вполнѣ законченной, внѣшней представительности, посмотрите, какимъ полнымъ анализомъ раскрывается его нравственный складъ.

«Генералъ Бетрищевъ заключалъ въ себѣ, при кучѣ достоинствъ, и кучу недостатковъ. То и другое, какъ водится въ русскомъ человѣкѣ, было набросано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя минуты великодушіе, храбрость, умъ, безпримѣрная щедрость во всемъ, и въ примѣсь къ этому капризы честолюбія, самолюбія и та мелкая щекотливость, безъ которой не обходится ни одинъ русскій, когда онъ сидитъ безъ дѣла и не требуется отъ него рѣшительности. Онъ не любилъ всѣхъ, которые опередили его по службѣ, и выражался о нихъ ѣдко, въ колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, котораго онъ считалъ ниже себя умомъ и способностями, который однакожъ обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній и, какъ нарочно, тѣхъ, въ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отмщеніе, язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, порочилъ всякое распоряженіе и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумѣнія. Въ немъ было все какъ-то странно, начиная съ просвѣщенія, котораго онъ былъ поборникомъ и ревнителемъ; онъ любилъ блескъ, любилъ похвастать умомъ, знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. И немудрено, что съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ множество непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ, онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость» (стр. 56 и 57 второй части «Мертвыхъ душъ»).

Чичиковъ, пріѣхавшій къ генералу, почувствовалъ и уваженье и робость.

«Наклоня почтительно голову набокъ и разставивъ и руки на-

отлетъ, какъ бы готовился приподнять ими подносъ съ чашками, онъ изумительно ловко нагнулся всѣмъ корпусомъ и сказалъ:—«Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженье къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству».

«Генералу, какъ видно, понравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма благосклонное движеніе головою, онъ сказалъ:— «Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?

«— Поприще службы моей,—сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не на серединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ:—началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченье оной совершалъ по разнымъ мѣстамъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи строеній, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить какъ бы судну среди волнъ, ваше превосходительство. Терпѣньемъ, можно сказать, повитъ, спеленанъ, и будучи, такъ сказать, самъ одно олицетворенное терпѣнье... А что̀ было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова, ни краски, ни самая даже кисть не сумѣетъ того передать... Такъ что на склонѣ жизни своей ищу только уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же покуда у близкаго сосѣда вашего превосходительства...

«— У кого же?

«— У Тѣнтѣтникова, ваше превосходительство.

«Генералъ поморщился.

«— Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженія...

«— Къ чему?

«— Къ заслугамъ вашего превосходительства. Не находитъ словъ... Говоритъ, если бъ я только могъ передъ его превосходительствомъ чѣмъ-нибудь... потому что точно, говоритъ, умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество, говоритъ.

«— Помилуйте, что̀ жъ онъ? Да вѣдь я не сержусь, — сказалъ смягченный генералъ. — Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ.

«— Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство: истинно преполезный человѣкъ можетъ быть, и съ даромъ слова, и владѣетъ перомъ...

«— Но пишетъ, чай, пустяки какіе-нибудь, стишки.

«— Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки... онъ что-то дѣльное пишетъ... исторію, ваше превосходительство.

«— Исторію? О чемъ исторію?

«— Исторію...—Тутъ Чичиковъ остановился. И оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или просто, чтобъ придать болѣе важности предмету, прибавилъ:—Исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

«— Какъ о генералахъ? О какихъ генералахъ?

«— Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ.

«Чичиковъ совершенно спутался и потерялся; чуть не плюнулъ самъ и мысленно сказалъ себѣ:—«Господи, что̀ за вздоръ такой несу!»

«— Извините, я не очень понимаю... что̀ жъ это выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи, и при томъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?

«— Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году.

«Проговоривши это, онъ подумалъ въ себѣ:—«Хоть убей, не понимаю!»

«— Такъ что̀ жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.

«— Робѣетъ, ваше превосходительство.

«— Какой вздоръ! Изъ-за какого-нибудь пустого слова... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.

«— Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ, — сказалъ Чичиковъ, оправясь совершенно, ободрился и подумалъ: «Экая оказія! Какъ генералы пришлись кстати, а вѣдь языкъ взболтнулъ сдуру!» (стр. 58, 59, 60 и 61 второй части «Мертвыхъ душъ»).

Можетъ ли что-нибудь быть съ болѣе живымъ юморомъ по содержанію и художественнѣе выполнено, какъ эта сцена?.. Тутъ входитъ дочь генерала, Улинька, предметъ любви Тѣнтѣтникова и, какъ можно подозрѣвать, та чудная славянская дѣва, которая была обѣщана авторомъ въ первой части «Мертвыхъ душъ» и за которую, признаться, я тогда еще опасался, не потому, чтобъ невозможно было вывесть прекрасной славянки, — она ужъ есть у насъ въ лицѣ Татьяны Пушкина,—но считалъ это внѣ средствъ Гоголя. Опасенія мои сбылись въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ: онъ какъ бы сразу теряетъ творческую силу и впадаетъ въ самый неестественный, фальшивый тонъ:

«Въ кабинетѣ послышался шорохъ; орѣховая дверь рѣзного шкапа отворилась сама собою, и на отворившейся обрат-

ной половинкѣ ея, ухватившись рукой за мѣдную ручку замка, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сильно сзади лампами, она бы такъ не поразила внезапностью своего явленія. Видно было, что она взошла съ тѣмъ, чтобы что-то сказать, но увидѣла незнакомаго человѣка. Съ нею вмѣстѣ, казалось, влетѣлъ солнечный лучъ и какъ будто разсмѣялся нахмурившійся кабинетъ генерала. Пряма и легка, какъ стрѣла, она какъ бы возвышалась надъ всѣмъ своимъ поломъ: но это было обольщенье. Она была вовсе не высока ростомъ. Происходило это отъ необыкновеннаго соотношенія между собою всѣхъ частей ея тѣла. Платье сидѣло на ней такъ, что, казалось, лучшія швеи совѣщались между собою, какъ бы убрать ее. Но это было также обольщенье. Одѣлась она какъ будто бы сама собой; въ двухъ-трехъ мѣстахъ схватила, и то кое-какъ, неизрѣзанный кусокъ одноцвѣтной ткани, и онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборкахъ и складкахъ, что ваятель сейчасъ же перенесъ бы ихъ на мраморъ. Всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, показались бы предъ ней чѣмъ-то обыкновеннымъ» (стр. 61 и 62 второй части «Мертвыхъ душъ»).

Описаніе это, по моему мнѣнію, ниже самыхъ напыщенныхъ описаній великосвѣтскихъ героинь Марлинскаго, потому что тамъ, по крайней мѣрѣ, видно больше знанія дѣла и наконецъ положено много остроумія. Тонъ рѣчи этой восемнадцатилѣтней дѣвушки превосходитъ своею фальшивостью самое описаніе. «Онъ плутоватъ, гадковатъ»,—говоритъ она объ одномъ Вишнепокромовѣ, или слѣдующимъ образомъ возражаетъ отцу: «Я не понимаю, отецъ, какъ съ добрѣйшей душой, какая у тебя есть, и съ такимъ рѣдкимъ сердцемъ ты будешь принимать этого человѣка, который, какъ небо отъ земли, отъ тебя». Грустнѣй всего, что эти ошибки великаго мастера не могутъ быть извинены недоконченностью въ отдѣлкѣ или какими-нибудь пропусками, а, напротивъ, ясно видно, что все это сдѣлано съ умысломъ, обдуманно, съ цѣлью поразить читателя, и въ то же время безъ всякаго эстетическаго чутья. Непріятность впечатлѣнія этого фальшиво выполненнаго лица снова выкупается въ дальнѣйшей сценѣ между генераломъ и развернувшимся, но постоянно вѣрнымъ самому себѣ Чичиковымъ, въ которомъ можно развѣ только укорить автора за анекдотъ о *черненькихъ* и *бѣленькихъ*. Видимо, что анекдотъ этотъ подслушанъ у разсказчика, придавшаго мастерствомъ разсказа самому анекдоту значеніе, котораго въ немъ нѣтъ. Поставленъ онъ съ понятною цѣлью вызвать отъ генерала нѣсколько чест-

ныхъ и энергическихъ замѣчаній насчетъ взятокъ; но для этого слѣдовало бы взять болѣе рѣзкій и типичный случай, которыхъ много ходитъ въ устныхъ разсказахъ.

За визитомъ къ генералу слѣдуетъ большой пропускъ, и мы ужъ встрѣчаемъ Чичикова, ѣдущаго къ родственнику генерала, полковнику Кашкареву, и попадающаго, вмѣсто того, къ помѣщику Пѣтуху. Пѣтухъ этотъ очень напоминаетъ собой первоначальные веселые типы Гоголя, и читатель, конечно, съ удовольствіемъ съ нимъ встрѣчается, хотя первая сцена, гдѣ тащатъ Пѣтуха въ водѣ неводомъ, невозможна и потому карикатурна; но что̀ истинно хорошо, такъ это два сына Пѣтуха, гимназисты, которые ужъ и трубку курятъ и за столомъ безъ всякихъ замѣтныхъ послѣдствій рюмку за рюмкой опрокидываютъ, и одинъ изъ нихъ съ первыхъ же разовъ сталъ разсказывать Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не сто̀итъ того, чтобъ въ ней жить. «Понимаю,—сказалъ Чичиковъ:— кончится дѣло кондитерскими да бульварами!» При такомъ легкомъ очеркѣ милые мальчики стоятъ предъ вами, какъ живые, и вы знаете ужъ всю ихъ дальнѣйшую карьеру. Пріѣхавшій затѣмъ Платоновъ — лицо, хорошо на первый разъ показанное, но очень мало потомъ развитое, и потому о немъ ничего нельзя сказать, но въ то же время невозможно удержаться отъ выписки того, какимъ образомъ Пѣтухъ заказывалъ кулебяку.

«И какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. И губами подсасывалъ и причвакивалъ. Раздавалось только: «да поджарь, да дай взопрѣть хорошенько!». А поваръ приговаривалъ тоненькой фистулой: «Слушаю-съ. Можно-съ. Можно-съ и такой».

«— Да кулебяку сдѣлай на четыре угла,—говорилъ онъ съ присасываньемъ и забирая въ себя духъ: — въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязиги, въ другой гречневой кашицы да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого... какого-нибудь тамъ того.

«— Слушаю-съ. Можно будетъ и такъ.

«— Да чтобы она съ одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то припеки ее, такъ, чтобы всю ее прососало, проняло бы такъ, чтобы она вся, знаешь, этакъ растого, не то чтобы разсыпалась, а истаяла во рту, какъ снѣгъ какой, такъ, чтобы и не услышалъ.—Говоря это, Пѣтухъ присмакивалъ и подшлепывалъ губами.

«Чортъ побери! — не даетъ спать», — думалъ Чичиковъ и закуталъ голову въ одѣяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одѣяло было слышно:

«— А въ обкладку къ осетру подпусти свеклу звѣздочкой, да сниточковъ, да груздочковъ, да тамъ знаешь рѣпушки, да моркови, да бобковъ, тамъ чего-нибудь этакого, знаешь, того растого, чтобы гарниру, гарниру всякаго побольше. Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычугъ: кольни ледку, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько.

«Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ» (стр. 96 и 97 второй части «Мертвыхъ Душъ»).

Отъ Пѣтуха Чичиковъ ѣдетъ къ зятю Платонова, помѣщику Костанжогло, на котораго я просилъ бы читателя обратить вниманіе, потому что онъ преимущественно заслуживаетъ этого по отношенію къ нему автора. До сихъ поръ всѣхъ героевъ «Мертвыхъ душъ» (за исключеніемъ неудавшейся Улиньки) художникъ подчинялъ себѣ и своимъ воззрѣніемъ стоялъ далеко выше ихъ, но въ Костанжогло вы сейчасъ чувствуете, что онъ самъ подчиняется ему, и изъ этого, полагаю, можно заключить, что это лицо — одинъ изъ обѣщанныхъ доблестныхъ мужей, къ которымъ долженъ возгораться любовью читатель. И посмотрите, сколько пріемовъ употреблено поэтомъ, чтобъ освѣтить своего любимца приличнымъ свѣтомъ! Разумно-практическій и нравственно-здоровый, выведенный на поученіе публики, Костанжогло, по словамъ автора, не обдумываетъ своихъ мыслей заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня передъ каминомъ: онѣ у него родятся на мѣстѣ, и гдѣ приходятъ въ голову, тамъ же и превращаются въ дѣло, но, прежде чѣмъ открывается вся его практическая мудрость, Чичикову, а вмѣстѣ съ тѣмъ и читателю, ради наученія, показывается съ своими хозяйственными распоряженіями карикатура—Кашкаревъ. Костанжогло говоритъ о немъ такимъ образомъ:

«— Кашкаревъ утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражается карикатурно и виднѣе глупость всѣхъ этихъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, забираютъ дурь изъ чужи: завели и конторы, и школы, и чортъ знаетъ чего ни завели эти умники. Поправились-было послѣ француза, такъ вотъ теперь все давай разстраивать сызнова» (стр. 117 второй части «Мертвыхъ душъ»).

Съ этой цѣлью онъ, вѣроятно, введенъ и въ романъ; а чтобъ придать ему хоть сколько-нибудь человѣческую форму, авторъ называетъ его сумасшедшимъ. Лицо это совершенно не удалось, и въ созданіи его вы рѣшительно не узнаёте не только юмориста, но даже сатирика, даже пасквилиста, и оно мнѣ

собой очень напоминаетъ изображеніе Европы, Азіи, Африки, Америки въ видѣ миѳологическихъ женщинъ. Азія, напримѣръ, съ черными волосами, съ огненными глазами и съ кинжаломъ въ рукѣ, а Европа бѣлокурая и сидитъ съ книгой въ рукѣ и съ циркулемъ. Но возвратимся опять къ Костанжогло. Самое осязательное доказательство его практической мудрости составляютъ богатства, которыя плывутъ ему въ руки. Система же хозяйственная состоитъ въ томъ, что онъ заводитъ фабрики только для того, чего у него есть избытки и есть въ окрестности потребители. По его мнѣнію, въ хозяйствѣ всякая дрянь даетъ доходъ; такимъ образомъ рыбью шелуху сбрасывали на его берегъ въ продолженіе шести лѣтъ, и онъ началъ изъ нея варить клей, до сорока тысячъ и взялъ, и кромѣ того онъ занялся этимъ потому, что набрело много работниковъ, которые умерли бы безъ этого съ голоду.

«— Думаютъ (разсуждаетъ онъ потомъ), какъ просвѣтить мужика. Да ты сдѣлай его прежде богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ его дѣло! Вѣдь какъ теперь, въ это время, весь свѣтъ поглупѣлъ, такъ вы не можете себѣ представить, что̀ пишутъ теперь эти щелкоперы! Вотъ что̀ стали говорить: крестьянинъ ведетъ ужъ очень простую жизнь: нужно познакомить его съ предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья! Сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались. И ужъ нѣтъ осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ, какъ пузырь. Такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хоть одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями. За это мы просто должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ у насъ всѣхъ почтеннѣе, что̀ вы его трогаете? Дай Богъ, чтобъ всѣ были, какъ хлѣбопашецъ.

«— Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣй заниматься?—спросилъ Чичиковъ.

«— Законнѣе, а не то что доходнѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ нравственнѣй, чище, благороднѣй, выше. Не говорю— не заниматься другимъ, но чтобъ въ основаніи легло хлѣбопашество—вотъ что̀! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законныя фабрики того, что̀ нужно здѣсь, подъ рукой человѣку, на мѣстѣ, а не эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что̀ потомъ для поддержки ихъ, для сбыту употребляютъ всѣ гнусныя мѣры,

развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ: ни табаку, ни сахару, хоть бы потерялъ милліонъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки. Пусть я буду передъ Богомъ правъ... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ: я знаю, какія отъ этого послѣдствія.

«— Для меня изумительнѣе всего, какъ при благоразумномъ управленіи, изъ остатковъ, изъ обрѣзковъ, изъ всякой дряни можно получить доходъ,—сказалъ Чичиковъ.

«— Гм! политическіе экономы!—говоритъ Костанжогло, не слушая его, съ выраженіемъ желчнаго сарказма въ лицѣ.— Хороши политическіе экономы! Дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ. Дальше своего глупаго носа не видитъ оселъ, а еще взлѣзетъ на каѳедру, надѣнетъ очки... Дурачье...— И въ гнѣвѣ онъ плюнулъ» (стр. 120 и 121 второй части «Мертвыхъ душъ»).

Оправдывая себя противъ общественнаго мнѣнія, что будто онъ сквалыга и скупецъ первой степени, Костанжогло говоритъ:

«— Это все оттого, что не задаю обѣдовъ да не даю имъ взаймы денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это бы меня тяготило. Я къ этому не привыкъ, а пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что̀ я ѣмъ,—милости просимъ. Не даю денегъ взаймы, это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься моими деньгами, если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль—я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ» (стр. 124 и 125 второй части «Мертвыхъ душъ»).

Сколько во всѣхъ этихъ рѣчахъ высказано хозяйственныхъ и историческо-нравственныхъ мыслей, а все-таки въ Костанжогло вы видите резонера, а не живое лицо, и онъ рѣшительно, мнѣ кажется, неспособенъ поселить вѣру въ то, что онъ хорошій человѣкъ и дѣльный хозяинъ. Припомните, напримѣръ, Собакевича, и вы сейчасъ скажете: «Нѣтъ, Собакевичъ кулакъ, а все-таки, кажется, хозяинъ проще и лучше, чѣмъ Костанжогло»,—и скажете потому, что Собакевичъ—типъ, свободно, творчески безпристрастно созданный авторомъ вслѣдствіе личныхъ наблюденій надъ людьми, а Костанжогло—идея, для выраженія которой пріисканы въ жизни только формы, и пріисканы посредствомъ собиранія свѣдѣній и бесѣдъ съ свѣдущими людьми, а не черезъ непосредственное столкновеніе съ жизнью; тогда бы, я увѣренъ, глубоко-проницательный

взглядъ художника проникъ дѣло глубже. Скажу еще болѣе откровенно: вглядываясь внимательно въ живыя стороны Костанжогло, насколько ихъ авторъ далъ ему, сейчасъ видно въ немъ какого-нибудь, должно-быть, греческаго выходца, который, еще служа въ полку и нося эполеты, начиналъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, обзаводиться выгоднымъ хозяйствомъ, а въ настоящее время уже монополистъ и *загребистая*, какъ прекрасно выразился Чичиковъ, *лапа*, которому и слѣдовало предоставить опытный, практическій умъ, оборотливость, твердость характера и ко всему этому приличную сухость сердца. Поэтическій взглядъ Костанжогло на хозяйство, доброе дѣло въ отношеніи къ Чичикову, которому онъ, не зная, кто онъ и что̀ онъ за человѣкъ, даетъ десять тысячъ взаймы подъ расписку,—все это звучитъ такимъ фальшемъ, что даже грустно говорить объ этомъ подробно...

Обратимся лучше къ новому лицу. Вѣрный своей задачѣ поучать читателя Костанжогломъ, авторъ везетъ Чичикова къ разорившемуся помѣщику Хлобуеву. Лицо это по выполненію далеко не докончено и рѣшительно не получило еще наружной шлифовки; но по тонкости задачи, по правильности къ нему отношеній автора, равняется, если не превосходитъ, даже Тѣнтѣтникова. Вотъ какъ авторъ опредѣляетъ его:

«На Руси, въ городахъ и столицахъ водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ниоткуда никакихъ средствъ, а задаетъ обѣдъ, и всѣ обѣдающіе говорятъ, что это послѣдній разъ, что завтра же хозяина потащатъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ. Мудрецъ все еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ и также задаетъ обѣдъ, на которомъ опять всѣ обѣдаютъ и думаютъ, что это уже въ послѣдній разъ, и снова всѣ увѣрены, что завтра же потащатъ хозяина въ тюрьму. Домъ Хлобуева въ городѣ представлялъ необыкновенное явленіе. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ, завтра давали репетицію французскіе актеры. Въ иной день ни крошки хлѣба нельзя было отыскать, въ другой — хлѣбосольный пріемъ для всѣхъ артистовъ и художниковъ и великодушная подача всѣмъ. Бывали подчасъ такія тяжелыя времена, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился; но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія минуты читалъ онъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитавшихъ духъ свой быть превыше несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами наполнялись глаза его. Онъ

молился, и—странное дѣло!—почти всегда приходила къ нему откуда-нибудь неожиданная помощь, или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги, *или какая-нибудь проѣзжая незнакомка, нечаянно услышавъ о немъ исторію, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца присылала ему богатую подачу,* или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. Благоговѣйно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою» (стр. 158 и 159 второй части «Мертвыхъ душъ»).

Несмотря на это странное соединеніе добраго сердца, свѣтлаго, сознательнаго ума съ распущенностью, пустой въ высшей степени жизни съ религіозностью, Хлобуевъ составляетъ органически-цѣльное, поразительно-живое лицо. Вы, читатель, вѣроятно, имѣете одного или двухъ такихъ знакомыхъ. Никто васъ такъ не сердилъ и никого вы неспособны такъ скоро и душевно простить, какъ этихъ людей. Никто вамъ столько не надоѣдалъ своими вздорными надеждами и безполезнымъ, но искреннимъ раскаяніемъ, и въ то же время ни съ кѣмъ вы не желаете такъ встрѣтиться и побесѣдовать, какъ съ ними.

Окончаніе четвертой главы и пятая глава не могутъ подлежать никакому суду, потому что это скорѣе конспекты, и тѣ съ пропусками, по которымъ, впрочемъ, ясно видно, какъ много живыхъ струнъ предначерталъ себѣ великій юмористъ тронуть изъ русской жизни, и намъ, читателямъ, остается только скорбно сожалѣть о томъ, что онъ не довершилъ своихъ предначертаній, или, какъ говорятъ, и довершилъ, но уничтожилъ свой трудъ. Въ критическомъ же отношеніи, изъ всѣхъ набросанныхъ силуэтовъ нельзя не замѣтить откупщика Мазурова. Не произнося надъ этимъ лицомъ приговора, по его неоконченности, нельзя не замѣтить въ немъ, какъ и въ Костанжогло, идеала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительнаго преобладанія идеи надъ формой.

Такова, по нашему крайнему разумѣнію, столь долго ожидаемая вторая часть «Мертвыхъ душъ» съ ея громадными достоинствами и недостатками. Трудясь надъ ней, Гоголь, говорятъ, читалъ ее нѣкоторымъ лицамъ—и не знаю, раздался ли между ними хоть одинъ разъ такой искренній голосъ, который бы сказалъ ему: «Ты писалъ не грязныя побасенки, но вывелъ и растолковалъ глубокое значеніе народнаго смѣха. Ты великій, по твоей натурѣ, юмористъ, но не лирикъ, и весь твой лиризмъ поглощается юморомъ твоимъ, какъ поглощается ручеекъ далеко, бойко и широко несущейся рѣкою. Ты не без-

нравственный писатель, потому что, выводя и осмѣивая черную сторону жизни, возбуждаешь въ читателѣ совѣсть. Неужели по твоей чуткости къ пороку, къ смѣшному, ты не раскрываешь добра собственной души гораздо нагляднѣе какого-нибудь поэта, кокетствующаго передъ публикой поэтическимъ чувствомъ? Смотри: одновременно съ тобой дѣйствуютъ на умы два родственные тебѣ по таланту писателя—Диккенсъ и Теккерей. Одинъ успокаиваетъ себя и читателя на сладенькихъ, въ англійскомъ духѣ, героиняхъ, другой хоть, можетъ-быть, и не столь глубокій сердцевѣдецъ, но зато онъ всюду безпристрастно и отрицательно господствуетъ надъ своими лицами и постоянно вѣренъ своему таланту. Скажи, кто изъ нихъ лучше совершаетъ свое дѣло!» Не знаю, повторяю еще разъ, пришелъ ли къ нему на помощь хоть разъ подобный голосъ, но самъ поэтъ, не въ одно и то же, конечно, время, понималъ это и сознавалъ ясно.

«Нѣтъ (говоритъ онъ, опредѣляя значеніе смѣха и уясняя нравственное его значеніе), смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ: онъ углубляетъ предметъ, заставляетъ выступать ярко то, что̀ проскользнуло бы; безъ проницающей силы его мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ. Возмущаетъ только то, что̀ мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, одаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. Несправедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сценѣ; плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться. Насмѣшки боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ. Засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: что̀ смѣшно, то низко, говоритъ свѣтъ; только тому, что̀ произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названіе высокаго» (стр. 587 «Театр. Разъѣзда» въ «Сочиненіяхъ» Гоголя. Изд. 1842 г.).

Какое истинное и глубокое эстетическое положеніе, которое юмористъ высказываетъ въ періодъ своего нормальнаго творчества! И теперь посмотрите, какъ болѣзненно начинаетъ онъ, подъ гнетомъ неисполнимой задачи, вторую часть «Мертвыхъ душъ»:

«Зачѣмъ же изображать бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ от-

даленныхъ закоулковъ государства? Что̀ жъ дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя, и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, онъ уже не можетъ изображать ничего другого, какъ только бѣдность да бѣдность, да несовершенства нашей жизни».

Не можетъ, повторяю и я вмѣстѣ съ этими искренними строками, но только по другой причинѣ. Идеалъ Гоголя былъ слишкомъ высокъ; воплотить его всецѣльно было, мнѣ кажется, дѣломъ неисполнимой задачи для искусства.

Во всей моей статьѣ, не касаясь великаго писателя, какъ человѣка, что̀ предоставляю будущимъ его біографамъ, я смотрѣлъ на него какъ на художника, и надѣюсь, что меня не упрекнутъ въ нѣсколько рановременной, можетъ-быть, откровенности: чѣмъ предметъ ближе къ сердцу, тѣмъ скорѣе и откровеннѣе хочется говорить о немъ, и сверхъ того я высказалъ не свои почти мысли, а тѣ, которыя живутъ и вращаются между большей частью искреннихъ почитателей его таланта. Желаю по преимуществу одного: чтобъ статья моя вызвала рядъ другихъ статей, которыя пополнили бы то, что̀ мною не досказано, расширили бы высказанный мною взглядъ, или даже совершенно отринули его, какъ односторонній, и замѣнили бы его другимъ, болѣе общимъ и вѣрнымъ. Наконецъ, въ заключеніе, могу пожелать всѣмъ вамъ, писателямъ настоящаго времени, призваннымъ проводить животворное начало Гоголя или внести въ литературу свое новое, — одного: чтобъ, имѣя въ виду ошибки великаго мастера, каждый шелъ по избранному пути, не насилуя себя, а оставаясь къ себѣ строгимъ въ эстетическомъ отношеніи, говорилъ, сообразуясь съ средствами своего таланта, публикѣ *правду*.

Іюля 27-го, 1855 года.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

I.

Астрахань.

Выѣхавъ изъ Саратова, я уже былъ на настоящемъ юго-востокѣ: солнце пекло, какъ у насъ въ послѣднихъ числахъ марта. Везли меня по Волгѣ, на которой чувствительно потрескивалъ ледъ, а по сторонамъ виднѣлись полыньи и проруби, ничѣмъ почти не огороженныя. Вмѣсто правильно расположенныхъ и плотно выстроенныхъ деревень нашихъ верховыхъ губерній, я видѣлъ на обрывистыхъ берегахъ какія-то хатки-мазанки, а около нихъ непокрытыя, изъ плетня, загородки для скота. Изъ попадавшихся сельскихъ церквей хоть бы одна каменная. Все это, если хотите, довольно живописно при заходящемъ солнцѣ, но и только.

Въ Дубовкѣ я увидѣлъ въ первый разъ волжскихъ казаковъ, которые дожидались тамъ проѣзда изъ Оренбурга астраханскаго губернатора, чтобы держать ему почетный караулъ. У большей части изъ нихъ типъ лица и одежды довольно характеренъ и представляетъ смѣсь служиваго человѣка и мужика. Исторія волжскаго казачества коротка: это частью казаки-переселенцы съ Дона, частью сосланные Петромъ стрѣльцы, перекрещенные калмыки, татары и наконецъ бѣглые безпаспортные русскіе люди. Изъ всей этой смѣси теперь образовано три или четыре полка. Понятно, что правительственная цѣль поселенія ихъ была въ противодѣйствіе набѣгамъ кочующихъ племенъ, чему они, надобно сказать, и противодѣйствовали по пословицѣ: кулакъ на кулака нашелъ, хотя въ то же время и сами были не безгрѣшны. Такова, по крайней мѣрѣ, народная молва, которую удалось мнѣ подслушать при проѣздѣ

моемъ чрезъ Антипинскую станцію *). Тамъ загорѣлась церковь. Народъ, по обыкновенію, безтолково принялся тушить пожаръ: кто таскалъ церковную утварь, кто кидалъ лопатками снѣгъ въ разбитыя окна; двое или трое плотниковъ отвязывали и спускали колокола съ колокольни, но вдругъ пламя вырвалось изъ-подъ церковной крыши и сразу охватило дымомъ и огнемъ колокольню и людей. Толпа дрогнула: мальчишки заревѣли, бабы завыли, мужики только крякнули.

— Ну, паря, пропали наши ребята, не вывернутся,—проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Господи, что̀ же это такое!—невольно воскликнулъ я.

— Не на угодныя, сударь, видно, Богу деньги сооруженъ нашъ храмъ Божій, — проговорилъ стоявшій около меня старикъ.

— Это отчего? — спросилъ я.

— Казаки вѣдь его выстроили: другой наворовалъ да награбилъ, можетъ, не одну душу человѣческую загубилъ, такъ и давай строить храмъ, чтобы отпущеніе грѣхамъ было: казацкая денежка тоже всякая.

Человѣка два или три стоявшихъ около мужиковъ подтвердительно кивнули головами.

— Каинской жертвы, видно, Богъ не пріемлетъ: вотъ теперь душа душу и окупаетъ,—заключилъ старикъ.

За Царицыномъ дорога пошла, къ вящшему моему удовольствію, горами, но—увы!—это пріятное ощущеніе было только на первыхъ порахъ, а потомъ пожалѣлъ я и о Волгѣ. Не знаю, какъ лѣтомъ, но зимой — трудно вообразить себѣ что-нибудь безотраднѣе этого пути; представьте себѣ снѣжную поляну, испещренную проталинами, а надъ ней опрокинутое небо: хоть бы деревенька, огородикъ, дымокъ на горизонтѣ; только изрѣдка попадаются таловыя безъ листьевъ деревья, да мелькаютъ однообразно столбы. Изъ живыхъ существъ развѣ увидите медленно тянущіеся возы да десятка два-три воронъ, которыя пронесутся Богъ знаетъ откуда и куда, и все это еще въ хорошую погоду; но бываютъ мятели; я, какъ выросшій въ лѣсной губерніи, не могъ никогда вообразить себѣ, что̀ это такое: среди бѣлаго дня, за двѣ сажени, ничего уже нельзя видѣть; что-то въ родѣ крупы, песку, снѣгу падаетъ сверху, поднимается съ земли, наносится съ боковъ: захваченный такою мятелью, я, съ человѣкомъ, пріютился въ кибиткѣ за рогожей; но бѣдный извозчикъ, съ залѣпленными глазами, поворотилъ лошадей какъ-то назадъ и проѣхалъ та-

*) Въ 30-ти, кажется, верстахъ отъ Саратова.

кимъ образомъ, не догадываясь самъ, нѣсколько верстъ — и только попавшіеся навстрѣчу обозники надоумили его.

Степной характеръ, чѣмъ ниже спускаться, тѣмъ яснѣй и яснѣй обозначается: стали попадаться арбы, запряженныя волами, верблюды, навьюченные и подъ верхомъ, и наконецъ показались калмыцкія кибитки, издали похожія на копны сѣна, а вблизи не что̀ иное, какъ войлочные шатры.

Съ самими калмыками я познакомился на первый разъ въ Енотаевскѣ, маленькомъ и грязномъ городишкѣ, и долго, вѣроятно, не забуду этого впечатлѣнія: я въѣзжалъ въ сумерки и вижу, что со всѣхъ сторонъ проходятъ какія-то мрачныя и на видъ подозрительныя фигуры въ малахаяхъ, овчинныхъ тулупахъ и штанахъ, и флегматически меня осматриваютъ.

— Что̀ это за народъ?—спросилъ я извозчика.

— Калмыкъ,—отвѣчалъ онъ.

— Экіе некрасивые,—замѣтилъ я.

— Съ чего ему красивому быть,—подхватилъ извозчикъ:—звѣремъ въ степи живетъ, всяку падаль трескаетъ; ребятишки, словно нечистая сила, бѣгаютъ голые да закопченые.

— А ты не здѣшній?

— Нѣтъ, не здѣшній; какой здѣшній! я верховой.

— Что̀ же, тебѣ не нравятся калмыки?

— Да чему же нравиться? Дикій народъ,—отвѣчалъ извозчикъ:—а сердцемъ такъ простъ,—прибавилъ онъ.

— Простъ?

— Простъ: пріѣзжай къ нему теперь въ кибитку хошь баринъ, хошь нашъ братъ мужикъ, какое ни на есть у него наилучшее кушанье, сейчасъ тебѣ все поставитъ. Меня, псы, за незнамо, кобылятиной накормили, съ годъ послѣ того тошнило.

— А буянятъ иногда по дорогамъ?

— Нѣтъ: лошадей воровать али другую скотину такъ ловки; и промежъ себя, да, пожалуй, и нашъ братъ-извозчикъ не зѣвай, какъ разъ шею намылятъ и отобьютъ коней да и угонятъ въ степнину—поди, ищи тамъ, какъ знаешь.

Почтовая ѣзда становилась все хуже и хуже; измученныя лошади, отсутствіе хоть сколько-нибудь устроенной дороги и, ко всему этому, по времени года—распутица; то вы ѣдете въ саняхъ по льду на отмеляхъ Волги, то въ кибиткѣ по буеракамъ и косогорамъ. Въ воздухѣ тепловато, но сыро, и скорѣе походитъ на гнилую нашу осень, чѣмъ на зиму.

«Такъ вотъ онъ,—думалъ я съ грустью:—нашъ благословенный юго-востокъ, который я въ такомъ пріятномъ свѣтѣ пред-

ставлялъ себѣ въ холодномъ Петербургѣ; такъ вотъ это наше волжское приволье съ его степями, табунами и кочевниками!» Лѣтомъ, вѣроятно, все это оживится, но теперь бѣдно, неприглядно, а главное — пустынно. Много надобно труда, много надобно поселить людей, и другихъ людей, чтобы оживить эти пустыни; степнякъ врядъ ли самъ по себѣ способенъ къ улучшенію: его надобно сильно понукать—и знать, въ чемъ понукать. Проѣзжая теперь по этимъ безлюднымъ и полнымъ безмятежнаго покоя окрестностямъ, странно даже подумать, что нѣкогда тутъ существовало воинственное царство Золотой Орды, что наши великіе князья ѣздили чрезъ эти степи на поклоненіе своимъ грознымъ завоевателямъ, встрѣчая или унизительное покровительство, или, чаще того, позоръ и даже смерть; но всему прошла своя пора; время поглотило и людей, и силу ихъ, и власть, и даже память объ нихъ, такъ что теперь трудно отыскать достовѣрное сказаніе о томъ, что̀ было и ка̀къ было. Еще Самуилъ-Георгъ Гмелинъ, докторъ врачебной науки императорской академіи наукъ и разныхъ ученыхъ обществъ членъ, путешествовавшій по Астраханской губерніи въ 1770 году, говоритъ: «Кто желаетъ въ неизвѣстностяхъ или сумнительствахъ бытописанія упражняться, тотъ нигдѣ лучше своихъ догадокъ употребить не можетъ, какъ при древней и средней исторіи города Астрахани, а потому довольно будетъ начать съ тѣхъ временъ, въ которыя сей городъ и все Астраханское царство присоединено къ Россійскому государству».

Не желая въ сихъ «сумнительствахъ обрѣтаться», послѣдуемъ и мы примѣру Гмелина и начнемъ съ того, что покорилъ Астрахань и вознесъ надъ ней главу свою царь Иванъ Васильевичъ при астраханскомъ ханѣ Этмурчеѣ. Этмурчей, а по-татарски Джанъ-Турчей, прислалъ въ Москву посланникомъ князя Ишима съ просьбою къ царю—принять его подъ свое покровительство. Царь, принявъ посла милостиво, согласился на его прошеніе и на другой годъ отослалъ его обратно къ Этмурчею вмѣстѣ со своимъ посланникомъ Себастіаномъ, которому наказано было развѣдать и привести весь народъ по ихъ вѣрѣ къ шерти (присягѣ).

Между тѣмъ прибыли въ Москву послы изъ Нагаи отъ Измаилъ-Мурзы и другихъ татарскихъ князей съ жалобой къ царю на несправедливости Этмурчея, прося его о помощи и обѣщаясь служить ему не щадя живота. Отношенія, какъ видите, не совсѣмъ искреннія. Пронырливый ханъ какъ будто бы добровольно отдаетъ себя во владѣніе, а въ сущности для того, чтобы удобнѣе тѣснить другихъ татарскихъ князьковъ; а

царь, съ своей стороны, тоже какъ будто бы обѣщаетъ только покровительство, но въ то же время принимаетъ милостиво жалобы на Этмурчея и посылаетъ къ нему посла приводить народъ къ присягѣ. Дѣло разрѣшилось тѣмъ, что ханъ ограбилъ нашего посла, и возгорѣлась война... Но здѣсь я лучше буду продолжать по возможности подлинными словами единственнаго письменнаго сказанія о покореніи Астрахани, напечатаннаго Рычковымъ въ 1774 г., которое, мнѣ кажется, своимъ тономъ яснѣе и нагляднѣе, чѣмъ мои передаточныя рѣчи, представитъ читателю столь отдаленную эпоху.

«И онъ, великій государь, царь Иванъ Васильевичъ,—говоритъ сказаніе:—не стерпя своей обиды и отъ нагайскихъ мурзъ не презрѣвъ къ себѣ челобитья, изволилъ послать на Астрахань на Этмурчея царя съ орды его Дербишь-Алея царя Касимовскаго и съ нимъ воеводъ своихъ князя Юрія Ивановича Пронскаго-Шемякина съ товарищами, разверставъ ихъ на три полка. И указалъ великій государь быть большому полку воеводою князю Юрію Ивановичу Пронскому да Михайлу Головнину, да въ томъ же полку приказалъ великій государь итти князю Александру Ивановичу Святынѣ. Въ среднемъ полку итти постельничему своему Игнатію Михайлову сыну Вишнякову, да Ширяю Кобякову-Вяземскому. Въ третьемъ полку—Степану Григорьевичу Барятинскому да Андрею Булгакову и съ нимъ другимъ воеводамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ разныхъ городовъ, атаманамъ и казакамъ Ѳедору Павлову съ товарищи и всякихъ чиновъ людямъ.

«Поѣхали воеводы Волгою рѣкою, въ большихъ судахъ и, пріѣхавъ на переволоку, что̀ къ Дону, отпустили напередъ себя князя Александра Вяземскаго да Данилу Лучкова и съ нимъ дѣтей боярскихъ, атамановъ и казаковъ, Ѳедора Павлова съ товарищи для языковъ, которымъ повстрѣчались астраханскіе татары выше Чернаго острова и они ушли-было въ ширяхъ (въ лодкахъ); но ихъ, нагнавъ, всѣхъ побили, только начальнаго ихъ Сяймыша съ набольшими людьми, поймавъ, живыхъ отослали къ воеводѣ князю Юрью Ивановичу Пронскому, и тѣ языки въ допросѣхъ сказали: послалъ-де насъ изъ Астрахани Янгурчей князь отъ себя провѣдати отъ Астрахани на пять верстъ и осмотрѣть людей, а въ городѣ-де Астрахани людей немного, всѣ стоятъ по островамъ и своимъ улусамъ, а царь-де Янгурчей стоитъ на Царевѣ протокѣ. Воеводы, по тѣмъ рѣчамъ, выбравъ князя Данилу Кандаурова, князя Тимоѳея Кропоткина, да Григорья Жолобова и Данилу Сулкова, и съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ людей, послали въ прибавку къ князю Вя-

земскому и велѣли имъ итти на станъ, гдѣ стоялъ Янгурчей царь; а сами воеводы пошли ко граду Астрахани. Того же году мая въ 29 день прошли воеводы съ силою ниже города Астрахани и, призвавъ Господа Бога и Пречистую Его Матерь и всѣхъ святыхъ, вышедъ изъ судовъ, пошли къ городу Астрахани, и астраханцы-татары, увидя ихъ, побѣжали всѣ изъ города, и въ то время, помощію Божіею, а великаго государя счастіемъ, они, воеводы, Астраханское царство взяли, а татаровей, которые побѣжали изъ города, нагнавъ, всѣхъ порубили, а иныхъ многихъ въ полонъ побрали. Князь же Александръ Вяземскій съ товарищи въ тѣ поры пришелъ на царевъ станъ, гдѣ стоялъ царь Янгурчей; но онъ, увѣдавъ про взятіе Астрахани, пометался на своихъ коней и незадолго передъ симъ утекъ не со многими людьми, а женъ и дѣтей своихъ напередъ себя отпустилъ къ морю въ ширяхъ, которыхъ же на стану застали татаръ, тѣхъ изрубили, а иныхъ живыхъ побрали. Пушки, и пищали, и всякую рухлядь поймали; а за бѣглыми татарами съ того стану ходилъ атаманъ казачій Ѳедоръ Павловъ съ товарищи, и догнавъ въ ширѣ (на суднѣ) за царевыми деревнями, съ набатами и пищалями, многихъ живыхъ взяли, и тѣ языки про царя Этмурчея, куда онъ на утекъ пошелъ, ничего не сказали. И по указу великаго государя, воеводы князь Юрій Ивановичъ Шемякинъ-Пронскій съ товарищи, посадя во градѣ Астрахани Дербишь царя Касимовскаго на царство, приведя всѣхъ астраханскихъ татаръ, которые побраны, къ правдѣ и шерти, по ихъ вѣрѣ, чтобъ имъ служить великому государю неизмѣнно, отпустили гонца къ Москвѣ къ великому государю царю Ивану Васильевичу. Потомъ, оставя воеводы въ Астрахани, у Дербишь-Алея царя,—князя Андрея Барятинскаго, да Петра Тургенева, да выборомъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и казаковъ, сами воеводы пошли за Янгурчеемъ царемъ, а напредь себя послали къ морю князя Александра Вяземскаго и съ нимъ нижегородскихъ дѣтей боярскихъ, атамановъ и казаковъ,—Ѳедора Карпова; на Абдулъ рѣку—головъ стрѣлецкихъ Кузьму Масальскаго да дьяка Козьмина; на Казань рѣку послали передового полку воеводъ, постельничаго Игнатія Михайлова сына Вишнякова, да Ширяя Кобякова съ товарищи. А въ Евангучь рѣку — головъ стрѣлецкихъ Полутка Тимоѳѣева да князя Давыда Кандаурова — и тѣ воеводы, нашедъ на астраханскихъ татаръ, ихъ порубили, а иныхъ живыхъ побрали и полонъ русскій отъ нихъ отполонили. И тѣ сказали, что Янгурчей царь съ людьми своими пошелъ въ Мочагъ, по которымъ вѣстямъ воеводы пошли за Янгурчеемъ

въ Мочагъ къ морю и, пришедъ на Бѣлое озеро, взяли языковъ, кои сказали, что Янгурчей царь утекать будетъ со всѣми своими людьми въ Тюмень, и по тѣмъ вѣстямъ воеводы возвратились вспять, а дороги, куда ему Янгурчею ѣхать, объѣхали и послали искать его на море и по островамъ, но самого нигдѣ не нашли, только людей его, астраханскихъ татаръ, много перебили, да взяли жъ богатыря Кіязи съ товарищи, кои языки сказали: царицы-де со многими людьми пошли въ Батыевъ мочагъ, а про царя вѣдомости не сказали. Въ томъ урочищѣ атаманъ казакъ Ѳедоръ Павловъ съ товарищи, толмачъ Ѳедоръ Шишковъ да Данило Шадринскій полонили трехъ царицъ—Тевкелю Гутѣеву Мурзину дочь, другую царицу Крымшалкову дочь Кулдусову, третію Янгурчееву жъ дочь Ульясавити-Марію, коя, по взятіи, родила сына; царевичеву жъ Ембуматеву жену Мергивину; царевичеву жъ дочь Бамбичеву царевну, и порубили у нихъ многихъ татаръ, а иныхъ живыхъ побрали, и тѣ языки сказали, что Янгурчей царь, князи и мурзы, и уланове и всѣ астраханскіе татары пошли узкимъ мочагомъ къ Карбулатову озеру, по которымъ словамъ пошли воеводы вверхъ узкаго мочага на Карбулатъ озеро и, дошедъ ихъ, порубили изъ нихъ многихъ, а Янгурчей царь и съ нимъ немногіе люди ушли, иныхъ же, догнавъ у Бѣлаго озера, многихъ живыхъ побрали и полону русскаго отполонили много. Въ тѣ поры отъ князей, отъ мурзъ и улановъ и отъ всѣхъ астраханскихъ людей пріѣхалъ Ираклитъ князь и билъ челомъ великому государю, его царскому пресвѣтлому величеству, чтобъ царь пожаловалъ ихъ, казнить и рубить не велѣлъ, а велѣлъ бы служить себѣ, великому государю и служилому его государеву Дербишь-Алею царю Касимовскому, а они бъ на то дали правду. Воеводы взяли отъ него Ираклита (и другихъ улусныхъ и черныхъ людей) клятву, чтобъ служить ему, великому государю, его царскому пресвѣтлому величеству и дѣтямъ его царскимъ и служилому его царскому Дербишь-Алею царю Касимовскому, да по всякій годъ давать ему, великому государю и его царскимъ дѣтямъ по тысячѣ рублей денегъ, да по три рыбы матерыя и, сбирая имъ тое дань межъ себя самихъ, на всякій годъ посылать къ нему, великому государю и къ его царскимъ дѣтямъ со своими послы. А полонъ русскій, что̀ у нихъ ни есть, купленный или взятый, безпохоронно отдать имъ весь, а ловцамъ его, великаго государя, ловить рыбу въ Волгѣ рѣкѣ отъ Казани по Астрахань и до моря безъ пошлинъ, не явясь въ Астрахани и не съ ихъ астраханскими ловцами, безъ кривды.

«Между тѣмъ Дербишь-Алей царь, принявъ царство Астраханское, отрядилъ къ Москвѣ къ великому государю гонцовъ на его великаго государя жалованье, за пріимство астраханскаго царства билъ челомъ, и астраханскіе люди татарове всѣ отъ себя къ великому государю къ Москвѣ гонца жъ отряжали на его великаго государя жалованье съ челобитьемъ за то, что ихъ великій государь, его царское величество пожаловалъ бы, казнить и развозить ихъ не велѣлъ и, давъ имъ царя, повелѣлъ бы служить себѣ, великому государю. А потомъ и воеводы царскіе послали великому государю доносъ о взятіи Астрахани и объясняя, что до указа твоего, великаго государя, ѣхать мы не смѣемъ». Разрѣшеніе было получено, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ (7064 г.) войска возвратились въ Москву:—«и великій государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ воеводъ своихъ царскихъ Юрія Ивановича, сына Пронскаго-Шемякина съ товарищи, такожде и дворянъ, и головъ, и полковниковъ, и дѣтей боярскихъ и разныхъ людей за ту ихъ службу, что они Астраханское царство взяли и по его великаго государя указу въ Астрахани служилаго его Дербишь-Алея царя Касимовскаго посадили и всѣхъ астраханскихъ татаръ къ ихъ правдѣ и шерти привели, жаловалъ своимъ царскимъ жалованьемъ».

Такимъ образомъ было взято и покорено царство Астраханское.

Пропускаю здѣсь объ измѣнѣ и изгнаніи Дербиша, о неудачномъ нападеніи турецкаго султана; пропускаю о бѣжавшихъ въ Астрахань Маринѣ Мнишекъ съ Заруцкимъ; но какъ не пересказать о взятіи Астрахани Стенькой Разинымъ, славнымъ воромъ и морскимъ разбойникомъ, о которомъ мы всѣ слыхали еще въ дѣтствѣ, учили кое-что въ исторіи, имя котораго знаетъ наконецъ весь народъ. Появился онъ на Волгѣ съ шайкою донскихъ казаковъ около 1665 г., грабилъ и захватывалъ всѣ суда, идущія въ г. Астрахань, перебрался потомъ моремъ къ Гурьеву, разбилъ на-голову посланную изъ Астрахани нарочитую команду стрѣльцовъ, взялъ городъ и произвелъ тамъ страшное кровопролитіе.

Перезимовавъ въ Гурьевѣ, Разинъ отправился весною въ Персію, разорилъ и разграбилъ тамъ многіе прибрежные города и селенія, соединился потомъ съ другимъ разбойникомъ Сережкой Кривымъ, осмѣлился наконецъ биться съ самимъ персидскимъ шахомъ и побѣдилъ персіянъ. Русское правительство приняло наконецъ болѣе рѣшительныя мѣры. Стольникъ Львовъ посланъ былъ для преслѣдованія Разина и нагналъ его у взморья. Стенька прислалъ повинную и принялъ

указъ государевъ, которымъ призывали его въ отечество съ тѣмъ только, чтобы онъ жилъ смирно; но, привезенный въ Астрахань, бѣжалъ оттуда на Донъ и снова появился на Волгѣ, завладѣлъ въ сторонѣ Царицынской многими калмыцкими и татарскими улусами, осадилъ городъ Царицынъ и, подкупивъ гарнизонъ, состоявшій изъ стрѣльцовъ, вошелъ въ оный и убилъ воеводу Петра Турчанинова. Государева казна и всѣ государственныя суда сдѣлались его добычею. Для усмиренія Разина прибылъ изъ Москвы Иванъ Лопатинъ съ многочисленнымъ войскомъ изъ стрѣльцовъ. Стенька Разинъ вышелъ къ нему навстрѣчу и такъ его поразилъ, что онъ въ сраженіи лишился жизни, а оставшіеся въ живыхъ изъ войска взяты въ полонъ.

Первые принесли эту вѣсть въ Астрахань татары. Прибывшій изъ Чернаго-Яра сотникъ Данила Тарлыковъ объявилъ, что и сію крѣпость взяли непріятели, и что, при взятіи оной, все дворянство лишилось жизни, выключая только одного князя Симеона Ивановича Львова (вѣроятно, измѣнившаго).

Астрахань приготовилась къ оборонѣ: починили городскія стѣны; астраханскій воевода Прозоровскій, узнавъ объ опасности, въ которой страна находилась, послалъ донесеніе къ царю, однако оно не дошло: посланный съ нимъ Тарлыковъ, ѣхавшій, для безопасности, въ Москву объѣздомъ, утонулъ въ Терекѣ. Между тѣмъ Разинъ приближался къ городу и, остановясь въ восьми верстахъ повыше онаго, при Шарскомъ бугрѣ, отправилъ два легкіе струга; на нихъ съѣхали астраханскій священникъ Василій Маленковъ и слуга князя Львова, которые въ нищенскомъ платьѣ пробрались-было въ городъ лазутчиками, но были пойманы и, приведенные къ воеводѣ, сознались ему; слуга подвергнутъ былъ пыткѣ и потомъ повѣшенъ на стѣнѣ въ виду непріятельскихъ струговъ, а попа, заклепавши ему ротъ, отвели въ темницу.

Архіерей установилъ общенародное молебствіе. Прозоровскій съ своей стороны поставилъ на воротахъ вооруженныхъ людей, разставилъ по стѣнамъ пушки, ополчая весь городъ: иностранецъ, мальчикъ, всякъ, кто только могъ держать оружіе, долженъ былъ занимать назначенное ему мѣсто. Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Разинъ былъ увѣдомленъ астраханскими переметчиками Андреемъ Лебедевымъ и Самсономъ Курятниковымъ, и такъ какъ въ этомъ году полая вода была чрезвычайно велика, онъ поѣхалъ сначала въ волжскій проливъ Богда, а оттуда ручейкомъ Черепахой въ Кутумъ, а изъ Кутума въ рѣчку Кривушу. Здѣсь началъ онъ для осады заготовлять лѣстницы. Между тѣмъ архіерей приказалъ въ бо-

лото, отдѣляющее городскія стѣны отъ Кривуши, пустить изъ Волги воду; того жъ 19-го іюня двое нищихъ ушли изъ Астрахани къ Разину; онъ подкупилъ ихъ деньгами, и они обѣщались во время осады зажечь городъ въ разныхъ мѣстахъ, но, возвратившись, признались въ своемъ замыслѣ и были казнены. Но кромѣ того архіерей и воевода сомнѣвались и въ вѣрности гарнизона; съ этою цѣлью Прозоровскій позвалъ къ себѣ войсковыхъ начальниковъ, совѣтовалъ имъ быть въ повиновеніи и напомнилъ имъ долгъ присяги.

21 числа къ вечеру воевода, со своими братомъ и сыномъ, съ головами стрѣлецкими Табунцовымъ и Фроловымъ, надѣвши на себя воинское платье и доспѣхи, приказалъ играть на трубахъ и пошелъ къ Вознесенскимъ воротамъ, откуда полагалъ, что Разинъ сдѣлаетъ первоначальное свое нападеніе. Онъ еще разъ увѣщевалъ здѣсь войско храбро биться и стараться не допускать непріятеля приближаться къ городу; но съ наступленіемъ ночи, когда разбойники приступили къ городу и приставили для приступу лѣстницы, подозрѣваемая измѣна обнаружилась: разставленные по городскимъ стѣнамъ стрѣльцы не только не отбивали непріятелей, но еще прикликали заранѣе условленнымъ словомъ; пушкари, которые должны были стрѣлять, оставались въ бездѣйствіи; нѣсколько храбрыхъ и вѣрныхъ защитниковъ изъ дворянъ и мѣщанъ были побиты. Самъ воевода Прозоровскій, раненый насквозь копьемъ, отнесенъ своими слугами въ Кремль, въ соборную церковь, куда собралось великое множество астраханскихъ жителей, какъ въ болѣе безопасное мѣсто, и гдѣ пришедшій архіерей причастилъ св. таинъ умирающаго воеводу.

Съ наступленіемъ дня разбойники овладѣли внѣшними стѣнами и начали осаждать Кремль: ворвавшись чрезъ разломанныя Пречистенскія ворота по невысокой стѣнѣ около магазиновъ въ самую крѣпость, они приступили къ собору. Находившійся здѣсь въ преддверіи пятидесятникъ Фролъ Дура, защищая входъ съ однимъ ножомъ, умертвилъ нѣсколько человѣкъ непріятелей; однако двери были наконецъ взломаны и Дура изрубленъ въ куски. Послѣ чего разбойники взяли едва дышащаго Прозоровскаго и, отнеся на раскатъ, находившійся при преддверіи церковномъ, сбросили его оттуда на землю. Всѣ бывшіе въ церкви мѣщане, головы Табунцовъ и Фроловъ, всѣ дворяне, дьяки за церковью побиты, и когда по приказу Разина отнесены въ Троицкій монастырь, то монахъ, который ихъ погребалъ, насчиталъ шестьсотъ мертвыхъ тѣлъ.

За убійствами слѣдовали грабительства: государственная казна, состоявшая изъ наличныхъ денегъ и куницъ, сдѣлалась

первая добычею бунтовщиковъ. Домы Прозоровскаго, дьяковъ, дворянскіе и купеческіе, дворы гилянскіе, индійскіе, бухарскіе были расхищены. Пощады не было никому: самъ Стенька Разинъ ѣздилъ по улицамъ, и если кто ему нечаянно попадался, того приказывалъ колоть, или топить въ водѣ, или вѣшать. Шайка его дѣлала то же, въ томъ числѣ и стрѣльцы, предавшіе городъ.

13 іюля Разинъ, будучи пьянъ, послалъ своего есаула къ архіерею требовать у него старшаго сына Прозоровскаго, и когда тотъ пришелъ, Разинъ спросилъ, куда употребилъ его отецъ пошлинныя деньги? Молодой Прозоровскій отвѣчалъ, что онѣ розданы стрѣльцамъ на жалованье. Дьякъ Алексѣевъ подтвердилъ то же. А когда Стенька спросилъ, гдѣ схоронены пожитки его отца, Прозоровскій отвѣчалъ, что есаулъ его, Ивашка Хохлачъ, все захватилъ и держитъ у себя. За такіе отвѣты Разинъ велѣлъ связать ему ноги, а дьяку Алексѣеву запустить за ребра крюкъ, и такимъ образомъ обоихъ повѣсить на стѣнѣ. Чрезъ полчаса Разинъ позвалъ и младшаго сына Прозоровскаго и велѣлъ его повѣсить подлѣ брата; хотя оба они потомъ были сняты живые, но старшій вскорѣ померъ. Совершивъ сіи злодѣянія, Разинъ пошелъ со своей шайкою и съ частью астраханскихъ стрѣльцовъ въ Симбирскъ, поручивъ правленіе города Васькѣ Усу и Ѳедькѣ Шелудяку, коихъ онъ сдѣлалъ атаманами.

Во время бывшаго третьяго числа августа собранія, называемаго по ихъ *кругомъ*, разбойники сдѣлали новый бунтъ: побили всѣхъ астраханскихъ приказныхъ людей, иныхъ въ домахъ, а иныхъ на улицѣ, и, приступая ко двору архіерея Іосифа, требовали, чтобъ скрывавшійся тамъ дьякъ Иванъ Турчаниновъ былъ имъ выданъ; но, не найдя его, ругали самого архіерея поносными словами и укоряли, что онъ держитъ болѣе сторону знатныхъ, а не казаковъ.

Вслѣдъ затѣмъ мурза Емашедъ Енаевъ привезъ къ архіерею Іосифу государевъ указъ изъ Москвы, коимъ находившіеся въ числѣ измѣнниковъ астраханскіе жители увѣщевались, чтобъ они, оставивъ бунтовскіе замыслы, опять истинному своему государю покорились. Архіерей написалъ съ указа копію, послалъ оную къ игумену Вознесенскаго монастыря Сильвестру, съ приказаніемъ, чтобъ онъ ослушниковъ Андрея Лебедева и Сергѣя Баранова къ себѣ призвалъ и, прочитавъ указъ, отводилъ ихъ отъ измѣны. Лебедевъ, вышедши изъ кельи игумена, прямо пошелъ къ своимъ товарищамъ и сказалъ, что архіерей, вмѣсто царскаго, издалъ свой указъ и намѣренъ всѣхъ заговорщиковъ отдать въ руки знатнымъ. Архі-

ерей же приказалъ въ колокола звонить и велѣлъ, чтобъ всѣ собирались въ соборную церковь, гдѣ священникъ Ѳедоръ Негодяевъ прочиталъ государевъ указъ и хотѣлъ-было вручить его архіерею, но бывшіе тутъ изъ бунтовщиковъ Ивашка Самарянинъ и астраханскіе жители Ѳедюшка Пановъ, Ермолка Власовъ, Ивашка Ярило и др. вырвали у него указъ изъ рукъ и отнесли его къ атаману своему Васькѣ Усу, который, сковавъ на другой день Негодяева, мучилъ его жесточайшимъ образомъ и спрашивалъ, царскій ли тотъ указъ или архіерейскій былъ? Негодяевъ стоялъ на одномъ, что архіерей получилъ указъ изъ Москвы, и былъ наконецъ освобожденъ отъ мученій.

Двадцать перваго числа апрѣля стрѣлецъ Гаврила Ларіоновъ, прозываемый Шелудякъ, объявилъ архіерею, что юртовскіе татары вторично изъ Москвы привезли государевъ указъ и стоятъ на другой сторонѣ Волги. Архіерей послалъ къ главнымъ бунтовщикамъ Ивашкѣ Красулину и Абрамкѣ Андрееву и требовалъ ихъ къ себѣ, приказывая сказать, что онъ имѣетъ съ ними говорить о дѣлахъ крайней важности; но они къ нему не пришли, а пошли на рынокъ. Архіерей, узнавши объ этомъ, самъ пришелъ туда и, объявивъ, что татары привезли отъ государя указъ и стоятъ на другой сторонѣ Волги, говорилъ, чтобы главные изъ бунтовщиковъ или сами оный взяли, или кого-нибудь отъ себя отправили. Красулинъ со своими товарищами отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ ничего сдѣлать безъ вѣдома главнаго своего атамана, и пошелъ къ Васькѣ Усу, который, получивъ это извѣстіе, пришелъ въ соборную церковь, ругалъ архіерея поносными словами и грозилъ смертью, если онъ ему не отдастъ присланнаго изъ Москвы указа. Архіерей отвѣчалъ, что онъ никакого указа не имѣетъ, но только слухъ носится, что оный пришелъ, и потому проситъ, чтобъ его приказано было взять. Ради чего Ивашка Овощниковъ поѣхалъ на западный берегъ Волги, освѣдомился объ указѣ и, дѣйствительно найдя его тамъ, принесъ къ архіерею, который поспѣшилъ съ тѣмъ указомъ въ церковь и, распечатавъ оный въ присутствіи бунтовщиковъ, хотѣлъ тотчасъ прочитать, но крамольники, вышедъ изъ церкви, побѣжали въ свой кругъ. Архіерей, слѣдуя за ними, взялъ съ собою значительное число священниковъ и служителей церковныхъ и, придя въ кругъ, приказалъ сперва прочитать указъ, писанный собственно къ бунтовщикамъ, а потомъ другой, который онъ получилъ особливо. Когда оба указа были прочитаны, то, вмѣсто того, чтобъ усовѣститься, бунтовщики кричали и говорили, что господа въ государствѣ все, что̀ хотятъ, писать могутъ, но

сіе до нихъ не касается. «Если бы-де читанные указы были государевы,—толковали они между собою:—то была бы подъ ними красная царская печать, а можетъ-де, и самъ архіерей сочинялъ оные».

— Давно уже тебя, архіерей,—продолжали крамольники:—ждетъ раскатъ, гдѣ покончилъ свою жизнь Прозоровскій; мы сожалѣемъ только, что не такіе теперь подошли дни *), а то бы ты узналъ, сколь великое дѣло столь многія казакамъ дѣлать затрудненія. Отъ тебя и отъ твоихъ выдумокъ рождаются всѣ безпокойства: ты посылалъ письма на Терекъ и на Донъ и оными сдѣлалъ то, что донскіе и терекскіе казаки отъ насъ отстали.

Архіерей на это, обратившись къ астраханскимъ стрѣльцамъ, сказалъ:

— Вамъ надлежитъ сихъ донскихъ разбойниковъ перехватать, наложить на нихъ цѣпи и оковы, и если это сдѣлаете и обратитесь къ своей службѣ, то я васъ обнадеживаю, что получите отъ государя прощеніе за ваши преступленія.

Стрѣльцы на это отвѣчали:

— Кого намъ хватать, мы всѣ разбойники.

Перваго числа мая того жъ года, бунтовщики снова взяли священника Негодяева въ свой кругъ, мучили его безчеловѣчно, вынуждая сказать, что указы сочинялъ самъ архіерей, но онъ стоялъ неизмѣнно за правду и былъ убитъ. Тѣмъ же жестокимъ истязаніямъ обречены были двое знатныхъ дворянъ, жившіе въ домѣ архіерейскомъ, но когда злодѣи увидѣли, что и тутъ ничего не успѣли, то положили наконецъ убить самого архіерея. Одиннадцатаго мая пришло нѣсколько бунтовщиковъ въ церковь и звали святителя въ свой кругъ; онъ обѣщалъ прійти, однако прежде того приказалъ звонить въ колокола, что̀ для священниковъ было знакомъ собираться въ соборную церковь. Они облачили его въ архіерейскія одежды, въ коихъ онъ шелъ въ кругъ бунтовщиковъ, и спросилъ, для какой его причины туда призвали? Тогда Васька Усъ, обратившись къ казаку Коченовскому, сказалъ:

— Что̀ жъ ты стоишь, пень? Выдь и скажи, что̀ ты именемъ главнаго нашего атамана здѣсь сказать имѣешь.

Коченовскій началъ такъ:

— Именемъ Стеньки Разина, нашего предводителя, здѣсь я предстою и тебя, архіерей, спрашиваю: какая тебѣ была причина писать къ братьямъ нашимъ, на Донъ и Терекъ, письма, ибо твои письма сдѣлали то, что донскіе и терекскіе казаки отъ насъ отстали?..

---

*) Была Страстная недѣля.

Архіерей на это сказалъ, что онъ ни на Донъ ни на Терекъ никакихъ писемъ не писалъ, а хотя бы,—прибавилъ къ тому,—и писалъ, то онъ думаетъ, что тѣмъ никакого злодѣйства не сдѣлалъ, ибо донскіе и терекскіе жители не непріятели, но подданные одного и того же великаго государя, что совѣтовалъ бы онъ также и имъ постараться заслужить сіе имя: отложивъ свои мятежническіе и разбойническіе замыслы, испрашивать прощенія. Отвѣтъ этотъ ожесточилъ еще болѣе мятежниковъ.

— Такъ зачѣмъ же ты, архіерей, скрываешь свои плутовства и зачѣмъ къ намъ выходишь въ семъ одѣяніи?—кричали они и хотѣли съ него снять насильно облаченіе.

— Не подобаетъ на архіерея возлагать рукъ въ его святительскомъ одѣяніи,—сказалъ одинъ изъ казаковъ, Миронъ, и былъ за то вытащенъ изъ круга и тутъ же изрубленъ на части.

— Снимайте съ архіерея одежды! — кричали бунтовщики священникамъ; но архипастырь, видя, къ чему это все клонится, самъ вручилъ крестъ, панагію и митру священникамъ и, сказавъ: «пріиде часъ мой, прискорбна душа моя до смерти», приказалъ протодьякону разоблачать себя. Когда все было готово, злодѣи, вытолкавъ священниковъ изъ круга, потащили святителя въ Кремль на *Зеленый дворъ*. Палачъ Ларька съ злодѣемъ Ветчиной сорвали съ святителя подрясникъ и, оставивъ его въ одной власяницѣ, связали ему руки и ноги и повѣсили на огонь.

Казакъ Сука сталъ допрашивать мученика, не самъ ли онъ сочинялъ указы и не писалъ ли еще писемъ на Терекъ и Донъ,—но никакого отвѣта не получилъ.

Послѣ пытки повели Іосифа на раскатъ.

— Пехъ?—закричали палачи къ народу.

— Пехъ, перепехъ, пехъ!—отвѣчала толпа мятяжниковъ, и святитель былъ сброшенъ, и когда онъ упалъ на землю, говорится въ запискахъ семинаріи, въ то время сдѣлался великій стукъ и страхъ, отчего и воры, будучи въ кругу, устрашились и замолчали на долгое время, съ треть часа стояли, повѣся головы, и другъ съ другомъ ничего не говорили, яко изумленные. Но когда священники хотѣли собраться къ тѣлу своего архипастыря, то бунтовщики ихъ палками отогнали; однако они на другой день, поливши оное миромъ, погребли въ соборной церкви *).

---

*) Я видѣлъ въ астраханскомъ соборѣ изорванную власяницу святителя, въ которой онъ былъ мучимъ.

Всѣ эти бунты и убійства прекращены были бояриномъ Милославскимъ. Самъ Стенька Разинъ былъ разбитъ и пойманъ Долгорукимъ и привезенъ въ Москву, гдѣ возили его на поруганіе по всему городу, на телѣгѣ подъ висѣлицей, а потомъ онъ былъ живой четвертованъ и части тѣла его были воткнуты на колья, а внутренности брошены на *съѣденіе псамъ*. При всѣхъ сихъ мученіяхъ Стенька показалъ себя неустрашимымъ. Но братъ его Фролка, вмѣстѣ съ нимъ пойманный и водимый позади телѣги, обнаружилъ страхъ и малодушіе; однако ему была дарована жизнь за то, что онъ открылъ, гдѣ хранились спрятанныя сокровища брата.

Таковы нѣкоторыя подробности изъ исторіи города Астрахани. Обращаюсь, впрочемъ, къ настоящему:

Я ѣду по краю Волги; солнце обливаетъ яркимъ свѣтомъ окрестности и, отражаясь отъ бѣло-глянцовитаго льда, безпокоитъ глаза; по серединѣ рѣки виденъ цѣлый рядъ треугольной пирамидой поставленныхъ жердей; около нихъ ходятъ, нагибаются по двѣ, по три черноватыя фигуры мужиковъ.

— Это что̀ такое?—спросилъ я извозчика.

— Снасти, рыбу ловятъ,—отвѣчалъ онъ.

По сторонамъ сидятъ тамъ и сямъ какія-то большія птицы, и объ нихъ я спросилъ извозчика.

— Орлята это,—отвѣчалъ онъ.

«Вотъ наконецъ и орлята»,—подумалъ я не безъ удовольствія и бросилъ въ одного изъ нихъ кусокъ льду. Онъ неторопливо поднялся, взмахнулъ нѣсколько разъ крыльями и потомъ, вытянувъ ихъ въ прямую линію, полетѣлъ; я думалъ, что прямо къ солнцу, однако — нѣтъ: просто въ сторону; за нимъ уцѣпились двѣ вороны и заигрываютъ съ нимъ.

— Вороны, видно, не боятся орловъ, — замѣтилъ я извозчику.

— Да что̀ жъ имъ бояться?—возразилъ онъ.

— А убьетъ, съѣстъ.

— Пошто съѣстъ, онъ и рыбой сытъ.

— Гдѣ же онъ беретъ рыбу: ловитъ?

— Нѣтъ, на ватагѣ *) подхватываетъ мелочь которую, али внутренность,—вонъ ватага,—пояснилъ извозчикъ, показывая мнѣ кнутомъ на довольно большіе у берега подмостки, на которые кладутъ и потрошатъ пойманную рыбу.

Городъ между тѣмъ становится все виднѣй и виднѣй: издали онъ напоминаетъ собой всевозможные приволжскіе города, виды которыхъ почти можно описывать заочно: широкая

---

*) Ватагами называются селенія, гдѣ живутъ рыбопромышленники.

полоса рѣки, на ней барки съ ихъ мачтами, кидающійся въ глаза на первомъ планѣ соборъ, съ каменными казенными и купеческими домами; а тамъ сбивчиво мелькаютъ и другія улицы, надъ которыми высятся колокольни съ церквами, каланчи, справа иногда мельницы, а слѣва сады, и наоборотъ. Таковы Ярославль, Кострома, Нижній, такова и Астрахань; но вблизи—другое дѣло. Измученная, едва передвигая ноги, пара лошадей подвезла меня наконецъ къ почтовому двору, но надобно еще было переѣхать черезъ Волгу, а это оказалось не совсѣмъ удобно: нельзя ни по льду, потому что ледъ проломится, ни на паромѣ, потому что ледъ, а перевозятъ калмыки на салазкахъ: васъ само по себѣ, человѣка само по себѣ, а вещи само по себѣ. Такъ потащили и меня двое калмычонковъ. Сначала они бѣжали рысью; ледъ между тѣмъ выгибался на трещинахъ, изъ которыхъ выступала вода; въ сторонѣ, не больше какъ на сажень, была полузамерзшая прорубь, для прохода парома; съ половины рѣки калмычонки что-то болтнули между собой по-своему и пошли шагомъ.

— Что̀ же вы не бѣжите: везите проворнѣе, — сказалъ я.

Они оглянулись на меня и улыбнулись.

— Нѣтъ, баринъ, ничего: тутъ крѣпко,—сказалъ одинъ изъ нихъ совершенно чисто по-русски.

— А у того берега опасно?—спросилъ я.

— Тамъ провалишься, пожалуй, хлибитъ, а тутъ ядреный ледъ,—отвѣчалъ калмычонокъ и опять что-то болтнулъ товарищу.

Но какъ же идутъ обозы?—спрашивается. Идутъ и проваливаются, а иногда и тонутъ; на счастье: вывезетъ — такъ ладно, а не вывезетъ—такъ тоже ладно!

Съ калмыцкихъ салазокъ я попалъ по колѣно въ грязь, а изъ грязи взмостился на подъѣхавшую за мной почтовую телѣгу и велѣлъ себя везти въ гостиницу, съ жаднымъ любопытствомъ смотря на всѣхъ и на все. Азіатскій характеръ даетъ себя чувствовать сразу: маленькіе деревянные домишки, по большой части за заборомъ, а который на улицу, такъ съ закрытыми окнами,—закоптѣлые, неуклюжіе, съ черепичными крышами, каменные дома съ такими же неуклюжими балконами, или, скорѣй, цѣлыми галлереями, и непремѣнно на дворъ. Послѣ безлюднаго степного пути мнѣ показалось, что я попалъ въ многолюднѣйшій городъ, и то на ярмарку: народъ кишмя-кишитъ на улицахъ; и что̀ за разнообразіе въ костюмахъ: малахай, персидская шапка, армякъ, халатъ, чуха. Точно послѣ столпотворенія вавилонскаго, отовсюду до васъ долетаютъ звуки разнообразныхъ языковъ, и во всѣхъ сло-

вахъ какъ будто бы такъ и слышится: *рцы*. Пропасть грязныхъ мелочныхъ лавочекъ, тьма собакъ и все какія-то съ опущенными хвостами и смирныя; наконецъ коровы, свиньи и толстоголовые татарскіе мальчишки, немного опрятнѣе и красивѣе свиней. Я каждую минуту ждалъ, что кувыркнусь, хотя и ѣхалъ шагомъ: мостовой и слѣда нѣтъ, улицы устроены какими-то яминами въ серединѣ, въ которыхъ стоитъ глубокая грязь, и васъ везутъ почти по тротуарамъ.

Въ гостиницѣ, куда меня привезли, отвели мнѣ, какъ водится, сыроватый и темноватый номеръ, съ диваномъ, со столомъ и картинами, которыя на этотъ разъ изображали поучительно-печальную исторію Фауста и Маргариты.

Итакъ, подумалъ я не безъ удовольствія, для меня миновался этотъ степной путь съ его вьюгами, голодомъ и дѣвственной природой, не зараженной людскимъ дыханіемъ и не изуродованной ни шоссе ни желѣзными дорогами.

— Дай мнѣ, братецъ, ѣсть,—сказалъ я провожавшему меня номерщику.

Онъ подалъ огромную порцію стерляжьей ухи, свѣжей осетрины и жаренаго фазана, при которомъ мѣсто огурцовъ занимали соленая дыня и виноградъ.

Вотъ съ этой стороны Астрахань красива,—сказалъ я самъ себѣ и заснулъ, какъ можетъ заснуть человѣкъ, проѣхавшій, въ перекидной повозкѣ на почтовыхъ двѣ тысячи верстъ.

II.

Татары.

Перехожу теперь къ другимъ поселенцамъ Астрахани, къ татарамъ. Гмелинъ, смѣшивая астраханскихъ татаръ съ тмутараканскими, говоритъ, что Астрахань, именуемая будто бы Тмутараканью, стояла не на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшняя, а ниже: «въ осьми верстахъ на западномъ, гористомъ берегу Волги, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде копали селитру, видны на одномъ бугрѣ оставшіяся развалины стариннаго города, гдѣ еще и понынѣ корыстолюбивые люди упражняются въ копаніи, потому что прежде сего старыя серебряныя и золотыя монеты, кольца, серьги, зарукавья тамъ находили. Мѣсто это называется Шаренымъ бугромъ». Карамзинъ опровергаетъ это предположеніе, признаваемое, по его выраженію, старыми книжниками. Онъ говоритъ, что издревле существовалъ городъ Козарскій-Амель, именуемый въ нашихъ лѣтописяхъ Астрокани, который потомъ былъ владѣніемъ Зо-

лотой Орды и, со времени ея паденія, сдѣлался столицею особенныхъ хановъ, единоплеменниковъ съ ногайскими князьями. Не менѣе того однако преданіе о томъ, что Астрахань перенесена съ прежняго мѣста на другое, существуетъ донынѣ, и татары до сихъ поръ называютъ ее Аджи-Дарханъ, что̀ значитъ: «Меккскій богомолецъ далъ свободу». Къ объясненію сего названія ходитъ такого рода легенда, что нѣкто знатный татаринъ возвратился во время постройки новаго города изъ Мекки и, въ изъявленіе своей благодарности къ Богу за благополучно оконченное путешествіе, одному изъ своихъ рабовъ далъ свободу, и жители строимый городъ свой назвали Аджи-Дарханъ. Въ преданіи этомъ, какъ читатель видитъ, нѣтъ почти человѣческаго смысла, и потому, вѣроятно, для пополненія его сложилось другое, что Дарханъ есть просто прозвище одного изъ хановъ и значитъ: черный. Во всякомъ случаѣ, татары — покоренные жители Астраханской губерніи: они ею владѣли, вмѣстѣ съ нею были завоеваны и до сихъ поръ составляютъ одну изъ значительныхъ частей ея населенія. Я самъ теперь живу въ татарской слободѣ, прохожу по бѣдно обстроеннымъ татарскимъ переулкамъ, перехожу такъ называемый Татарскій мостъ чрезъ каналъ, и, съ виду, здѣшніе татары очень похожи на татаръ костромскихъ, казанскихъ, пензенскихъ — только астраханскіе, кажется, покрупнѣе. Въ своихъ сапогахъ и туфляхъ въ родѣ калошъ, въ длинныхъ холстинныхъ рубашкахъ, въ стеганыхъ архалукахъ и халатахъ, въ ермолкахъ на бритыхъ головахъ и, сверхъ того, въ шапкахъ съ мѣховымъ околышемъ, сидя около своихъ маленькихъ и бѣдныхъ лавочекъ, они кажутся какими-то великанами, такъ что, глядя на нихъ, невольно припомнишь фигуру Собакевича и подумаешь, что на отдѣлку этихъ людей природа тоже не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, а рубила себѣ съ плеча: хватитъ разъ—выйдетъ носъ, хватитъ другой—губы, сверломъ ковырнетъ—глаза, да такъ, не отесавши, и пуститъ гулять по Божьему міру, приговаривая: «живетъ!». Попадаются на улицахъ, вопреки мусульманскимъ нравамъ, и татарки въ накинутыхъ съ головы халатахъ, которые у нихъ замѣняютъ чадру, но которыми онѣ вовсе не старательно укутываются, такъ что очень хорошо можно разсмотрѣть ихъ широкія скуловастыя лица, маленькіе, но довольно недурные глаза, наконецъ ихъ бешметъ (въ родѣ капота), узенькіе штаны, сафьянные чулки и туфли безъ задковъ. Таковъ костюмъ нарядной татарки, но ихъ можно встрѣтить и запросто, особенно изъ калачницъ, когда онѣ перебѣгаютъ изъ своихъ куреней въ лавочку—въ платкѣ на

головѣ, повязанномъ двумя концами, а двумя спущенномъ на землю, въ длинной рубахѣ, въ шерстяныхъ чулкахъ и старыхъ башмачонкахъ: ни дать ни взять наши русскія бабы, когда онѣ ленъ мнутъ.

О промыслахъ здѣшнихъ татаръ мнѣ удалось говорить съ здѣшнимъ татариномъ Абубекеромъ Султовичемъ Муратовымъ. Это былъ уже старикъ, прежде зажиточный купецъ, а теперь обѣднѣвшій, но еще щеголевато, по-своему, одѣтый и, въ противоположность своимъ землякамъ, съ довольно тонкими чертами и съ нѣсколько сонными глазами. Меня познакомилъ съ нимъ одинъ изъ моихъ астраханскихъ знакомыхъ К., который говорилъ совершенно свободно по-татарски и, приведя ко мнѣ Абубекера, взялся быть нашимъ толмачомъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, мы усѣлись.

— Скажите мнѣ, почтеннѣйшій, — началъ я съ историческаго вопроса: — какіе здѣсь именно въ Астрахани живутъ татары?

Абубекеръ повернулъ ко мнѣ голову; онъ не совсѣмъ понялъ, что̀ я ему сказалъ. К. перевелъ ему мой вопросъ.

— А!..—произнесъ Абубекеръ и обратился ко мнѣ:—Здѣсь настояща житель юртовска татаринъ.

— Юртовска?

— Юртовска, да мала: Астрахань мала; больше пріѣзжій изъ Азіи, теперича бухарска дворъ, агряжанска, гилянска, то пріѣзжій, а не юртовска.

— Гдѣ же юртовцы больше живутъ?

— Юртовска больше деревня живетъ. Теперь Кирсали, Кизань, Машаинъ *), все юртовска татаринъ.

— А чѣмъ они промышляютъ?

— У юртовска земля есть, землю пашетъ, скотъ амѣютъ.

— Скотъ?

— Скотъ: корова, лошадь, баранъ амѣютъ... бакчи есть.

— Что̀ такое бакча?

Абубекеръ сначала не понялъ моего вопроса. К. перевелъ ему. Абубекеръ улыбнулся моему незнанію, — что̀ такое бакча.

— Бакча: дыня сѣетъ, арбузъ, агурецъ, рѣдка, лукъ, — вотъ бакча!—отвѣчалъ онъ.

— А гилянскіе, бухарскіе, пріѣзжіе татары, тѣ чѣмъ промышляютъ: вѣроятно, торгуютъ?—спросилъ я.

К. опять долженъ былъ перевести мои слова.

Абубекеръ махнулъ рукой.

---

*) Татарскія деревни въ окрестностяхъ Астрахани.

— Э!—проговорилъ онъ: — прежде било; прежде торговалъ онъ, а нынче бѣдна сталъ. Прежде у гилянска, агряжанска двора заводъ билъ, фабрикъ билъ.

— Какія именно фабрики?

— Ткутъ; бумажна, шелкова матерія ткутъ, а женщинъ бумага прялъ,—хлѣбъ и билъ! Сафьянъ тоже дѣлалъ; а нынче годъ пятнадцать все въ упадокъ стала.

— Отчего же это?

— Верхъ, въ Москвѣ стала дѣлать, — отвѣчалъ Абубекеръ.

— Они тоже вотъ,—вмѣшался К.: — какъ фабрики у нихъ поупали, на судохозяйства кинулись, суда завели, тутъ и остальное порѣшили!

— Развѣ это невыгодно?—спросилъ я.

— Не то, что невыгодно,—отвѣчалъ К.: — а рискованно, тоже надо умѣючи браться. Фарватеръ волжскій сами изволите знать, до моря еще три мели, да и тамъ еще есть, а море наше тоже не тихое. Они, татары, народъ необразованный, скупой. Нѣтъ, чтобы нанять лоцмана опытнаго, а ладятъ такъ, чтобы изъ своего же брата — подешевле. О картахъ и понятія не имѣютъ; идетъ—какъ Богъ пронесетъ, на память. Товары приходятъ съ Нижняго осенью, въ мелководье: хорошо, какъ моряна, съ моря вѣтеръ дуетъ, а то, смотришь, и сѣлъ на мель. И гдѣ бы теперь пароходомъ стащиться, такъ денегъ жалко и зимуютъ, а къ веснѣ, глядишь, посудину и срѣжетъ льдомъ.

— Неужели все судно срѣжетъ?

— Все; по которое мѣсто стоитъ въ водѣ, такъ, какъ острымъ ножомъ, и отхватитъ. У льда сила большая; вонъ у него у самого три, коли не четыре судна погибло,—заключилъ К., указывая на Абубекера, и спросилъ его потомъ что-то по-татарски.

— Три,—отвѣчалъ Абубекеръ лаконически и вздохнулъ.

— Чѣмъ же промышляютъ, кормятся здѣшніе городскіе татары?—спросилъ я.

К. растолковалъ по-татарски мой вопросъ.

— Э, — произнесъ Абубекеръ и опять махнулъ рукою:— такъ бѣдна: извозчикъ возитъ, музоромъ ходитъ.

— Что такое музоръ?—спросилъ я.

— Бурлакъ, по-здѣшнему,—пояснилъ К.

— Вечерній базаръ ходитъ,—продолжалъ Абубекеръ, грустно покачивая головою: — такъ, на рукахъ мерлушка, старый тулупъ продаетъ, такъ малость!

— Ну, а кумысныя лавочки, противъ бульвара, это татарскія?

— Такъ, такъ, есть.

— А здѣсь, въ слободѣ, лавочки?

— Есть, есть, — подтвердилъ Абубекеръ. — Все пустое дѣло, — продолжалъ онъ: — пудикъ купитъ, фунтъ продаетъ свой же братъ татаринъ: плитка калмыцкой чай купитъ, рѣжетъ кусочекъ и продаетъ — пустое дѣло: бѣдна здѣсь татаринъ!

— А какіе же это татары, калачники, чурейники, или вотъ которые харчевни содержатъ на косѣ?—разспрашивалъ я.

— Чурейника? — повторилъ мой вопросъ Абубекеръ и погомъ, подумавъ, продолжалъ:—чурейника, калачника, харчевня держитъ, малайка, бабайка живетъ, *стара желѣза* ходитъ все теперь съ верха татаринъ.

— Верховой?

— Верховой: Саратовъ, Пенза, Казань. Плутъ съ верха татаринъ, такъ шатающій; онъ плутъ, а бабка, дѣвка — сторону; ми астраханска татаринъ лучше, добра, честна!

Изъ этой маленькой сцены читатель видитъ, что нѣкогда воинственные обладатели около Каспія, а потомъ торговцы и заводчики, въ настоящее время составляютъ, послѣ калмыковъ, ужъ, конечно, самый бѣдный и чернорабочій классъ изъ всѣхъ поселенцевъ Астрахани. При всемъ филантропическомъ желаніи поправить ихъ житье-бытье, врядъ ли это возможно: зло лежитъ въ самой натурѣ азіатца. Нигдѣ, можетъ-быть, не сходятся такъ близко два міра: азіатскій и европейскій, какъ въ Астрахани, и нигдѣ такъ ясно и такъ наглядно не поймете вы причины, почему сѣверъ одолѣлъ востокъ и со временемъ долженъ его совершенно поглотить. Лѣнивый умомъ, фаталистъ по религіи, неспособный къ какому бы то ни было улучшенію, къ выдержкѣ конкуренціи, съ отсутствіемъ даже практическаго задора, татаринъ здѣшній представляетъ собою нравственнаго рака и можетъ пятиться только назадъ. Всѣ его заботы направлены къ тому, чтобы жить, какъ жилъ его отецъ, прадѣдъ, а если и этого нѣтъ, такъ бьется изъ-за куска хлѣба. Чтобъ опредѣлить степень довольства простолюдина, надобно принимать въ расчетъ не то, какъ онъ одѣтъ, а то, какъ онъ ѣстъ. Въ Астрахани въ этомъ отношеніи, кажется, довольство: рыба ни почемъ, скотоводство большое, птицу выводить привольно и тепло; между тѣмъ бо́льшая часть татаръ муку покупаютъ фунтиками и круглый годъ сыты колачомъ съ калмыцкимъ чаемъ, и только развѣ у зажиточныхъ найдете вы баранину въ лапшѣ, пирогѣ и съ пловомъ, а кобылятина и жеребятина—эта услада татарскихъ желудковъ—составляетъ уже роскошь и дозволяется только на свадьбахъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ разговора съ Абубекеромъ, я поѣхалъ къ нему въ Царево, которое составляетъ предмѣстье Астрахани и напоминаетъ собой наши уѣздные городки, нѣкогда бойко промышлявшіе, а нынѣ обѣднѣвшіе. Видно, что оно нѣкогда было хорошо обстроено, съ нѣкоторыми даже претензіями на роскошь и азіатскій комфортъ; но теперь все это обветшало: нѣкоторые дома даже покачнулись на сторону, крыши на нихъ покрылись травой и плѣсенью, заборы полуразвалились. У каждаго почти дома есть прирубное крылечко, раздѣляющее все строеніе на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной помѣщается обыкновенно мужская и вмѣстѣ пріемная комната, убранство которой состоитъ изъ широкихъ, низкихъ наръ, покрытыхъ коврами или просто чакалами (цыновками изъ тростника). На нарахъ этихъ обыкновенно ставятся брачная кровать и сундуки съ платьемъ, а по стѣнамъ идутъ полки, уставленныя чашками. Въ другой половинѣ — женскія комнаты; какъ онѣ убраны—я не знаю: входъ постороннему туда недоступенъ. Домъ Абубекера и по наружности и по внутреннему убранству былъ лучшій. Усѣвшись на нарахъ, мы повели съ нимъ бесѣду, которую я склонилъ на многоженство.

— Есть ли у васъ гаремы?—спросилъ я.

— Есть, — отвѣчалъ Абубекеръ утвердительно.

— А по многу ли женъ бываетъ?

— Одинъ, — произнесъ пресерьезно Абубекеръ.

— Какъ одинъ? — воскликнулъ я.

— Одинъ, два есть, — прибавилъ онъ.

— А по три?

— По три, не знаю! По три нѣтъ.

— Отчего же такъ мало? — спросилъ я.

— Э! — отвѣчалъ Абубекеръ: — много женъ, многа деньга надо: калымъ платить, баба кормить, комнатъ ей держать, дѣтка родится—э! Здѣсь татаринъ бѣдна, одинъ баба есть—и будетъ.

— А какъ у васъ женятся, разскажи мнѣ, пожалуйста, поподробнѣе, — спросилъ я ужъ кстати.

К. перевелъ мое желаніе.

Абубекеръ улыбнулся.

— Можно, — отвѣчалъ онъ и, уперши руки въ колѣна, продолжалъ: — по началу, сударь, т.-е. у кого я желаю дѣвку взять для сына, посылаю поштенна женщина.

— Сваху?

— Да, свахъ, туда... дѣвка сторона. Ну, свахъ говоритъ ея мачкѣ, такъ и такъ, говоритъ, такой-то человѣкъ желаетъ ваша дѣвка для сына.

— Потомъ?

— Потомъ, сударь, мачка ея мужъ свой говоритъ; тотъ, значитъ, ладно, соглашается. Черезъ два ли, три ли дня мужчинъ, говоритъ, пошлите.

— Сватовъ, значитъ?

— Свата; ширинъ, говоритъ, еще принесите.

— Что̀ такое ширинъ?

— Сладка, леденецъ полпудъ, финикъ сладка.

— Потомъ?

— Потомъ мужчинъ этихъ шлютъ два!.. Поштенна женщинъ — старухъ тоже два, ширинъ чтобъ несъ, сладка эта, туда, дѣвка сторона.

— Это сговоры, что ли?

— Сговоръ. Невѣста сторона теперь, значитъ, своей сродственникъ зоветъ; такъ и такъ, говоритъ, такой-то человѣкъ наша дѣвка для сына проситъ. Угощаетъ теперь ширинъ этотъ—сладка. Два мужчинъ теперь халатъ дарятъ.

— Сватамъ?

— Сватамъ — халатъ.

— А старухи эти, свахи, гдѣ же?

— А тамъ, у мачки, у женщинъ сидятъ. У насъ мужчина съ женщинъ нельзя быть.

— Потомъ?

— Потомъ мужчинъ домой идутъ, а женщинъ—старухъ эта, давай, говоритъ, о калымѣ говорить.

— О калымѣ?

— Да,—отвѣчалъ Абубекеръ и потомъ, подумавъ, прибавилъ: — все, что ли, сказывать?

— Конечно, все, подробно.

— А! — произнесъ Абубекеръ и потомъ опять подумалъ и присовокупилъ: — калымъ, сударь, разный бываетъ.

— Ты разскажи мнѣ средній, не очень богатый и не очень бѣдный, а какой у васъ чаще бываетъ.

К. принужденъ былъ съ четверть часа толковать Абубекеру, чего я желалъ.

— Слышу,—сказалъ наконецъ Абубекеръ, уразумѣвъ, въ чемъ дѣло, и потомъ, посчитавъ что-то по пальцамъ, обратился ко мнѣ: — Калымъ теперь, говоритъ, я возьму четыреста рублей деньгами, десять али пятнадцать баранъ возьму, сорочинска пшена сколько, одинъ быкъ, кобыла, два ли, три ли куль муки, пудъ, того—меду, четыре головы сахаръ, татарскій чай, четыре доски, какъ его это—сорокъ девятокъ чюрековъ.

— Порядочно наберется.

— Порядочно, многа деньга надо, сродственникъ тоже помогаетъ, кто одежда, кто деньгамъ помогаютъ.

— А невѣстѣ?

— Тоже дарятъ сродственникъ зеркалъ, мыла, чашка, разная этакая вещи.

— А правда ли, что у васъ, какъ сговорятся, такъ женихъ тайкомъ ходитъ къ невѣстѣ и даже ночи просиживаетъ у нея, и чтобъ чего не вышло, такъ ихъ стерегутъ старухи, а онъ имъ денегъ даетъ, такъ онѣ и не очень строго смотрятъ?

К. слово въ слово перевелъ, что̀ я говорилъ. Абубекеръ, выслушавъ, отрицательно покачалъ головой.

— Какъ можно! Грѣхъ это и стыдно, верхъ татаринъ есть это, а здѣсь нѣтъ: грѣхъ, стыдно!—произнесъ онъ, какъ подобаетъ истому и благочестивому мусульманину, со всею искренностью и смиреніемъ, хоть и говорилъ неправду, потому что я изъ вѣрныхъ источниковъ знаю, что обычай этотъ существуетъ и между астраханцами.

— Что̀ же послѣ сговоръ бываетъ?—спросилъ я.

— Послѣ сговоръ,—продолжалъ Абубекеръ:—калымъ бачка жениховъ съ сродственникъ везетъ туда...

— Къ невѣстѣ?

— Да. Невѣстинъ бачка въ воротахъ ихъ стрѣчаетъ, деньгамъ сыплетъ, мѣдныхъ нищимъ, тутъ, у воротъ, кидаетъ.

— Потомъ?

— Потомъ ведетъ въ горницу, угощаетъ; парню бачкѣ бачка дѣвкинъ халатъ даритъ.

— А дѣвка что̀ же дѣлаетъ?

— Дѣвка около себя рядитъ.

— Рядитъ?

— Да, рубашки, штаны, бешметъ.

— Ну, потомъ, значитъ, свадьба?

— Свадьба. Бачка дѣвкинъ эта вещи, одежду, посуду, кровать, везетъ ту сторону.

— Къ жениху?

— Къ жениху. Тамъ стрѣчаютъ ихъ, деньгами сыплютъ.

— Такъ же, какъ и тамъ, у невѣсты?

— Такъ же, и теперича женихъ съ сродственникъ туда, дѣвка сторона, идетъ. Тамъ попъ-мулла сидитъ, спрашиваетъ: желаешь ли, говоритъ, на такой-то дѣвкѣ жениться и кому за себя волю уговоръ дѣлать даешь, спрашиваетъ. Такому-то, говоритъ, и жениться желаю...

— А невѣста гдѣ же?—спросилъ я.

— Тамъ, у себя, горница,—отвѣчалъ Абубекеръ:—къ ней маэзинъ съ двумя свидѣтель, значитъ, шлютъ: спрашиваетъ ее, охотой ли идетъ за такого-то человѣка и кому волю даетъ уговоръ дѣлать. Охотой, говоритъ, такому-то волю даю.

— Для чего жъ эти повѣренные? Что̀ они дѣлаютъ?—спросилъ я.

— Говорятъ!—отвѣчалъ Абубекеръ:—теперь женихъ давалъ волю тебѣ, а мнѣ дѣвка, теперь мы оба сторона и говоримъ: я, дѣвка сторона, говорю, чтобъ безвинно не бить, безъ хлѣба не оставлять, еще на другой безъ воли ея не жениться. Ну, ты, жениховъ сторона, говоришь, ладно. Мулла книгу метрическу пишетъ, Богу молятся.

Побесѣдовавъ такимъ образомъ, я началъ прощаться съ Абубекеромъ.

— Извини, угощенья нѣтъ, — сказалъ онъ, протягивая ко мнѣ руку: — скоро праздникъ будетъ, милости просимъ въ гости къ намъ.

— Бейрамъ? — сказалъ я.

— Бейрамъ. Просимъ покорно.

— Непремѣнно, непремѣнно, — отвѣчалъ я, очень довольный этимъ приглашеніемъ.

Бейраму, какъ извѣстно, предшествуетъ мѣсяцъ поста — Рамазанъ. Начитавшись и наслушавшись, какъ правовѣрные проводятъ этотъ мѣсяцъ въ Константинополѣ, я думалъ и здѣсь встрѣтить что-нибудь подобное, но положительно ничего не замѣтилъ, кромѣ развѣ того, что татарскія лица, особенно у стариковъ, вѣроятно, отъ голода, дѣлались еще сердитѣе, и что въ мечети собиралось болѣе народа, а при закатѣ солнца по всѣмъ переулкамъ раздавался страшный крикъ мальчишекъ, которымъ тоже даютъ ѣсть только вечеромъ. Не удовлетворенный всѣмъ этимъ, я сталъ разспрашивать, какимъ образомъ правовѣрные проводятъ ночи, и на всѣ разспросы получилъ одинъ отвѣтъ, что — очень обыкновенно: придетъ изъ лавочки или съ работы домой, съѣстъ все, что̀ только подъ руку ему попадется, и потомъ ляжетъ спать, а нѣкоторые даже будто бы проводятъ и ночь въ молитвѣ и богомысліи. Погуливаютъ и вознаграждаютъ себя за дневное воздержаніе больше изъ молодого поколѣнія и пришельцы съ верху, и тѣ не дома, а гдѣ-нибудь въ кабакѣ или въ харчевнѣ. Въ нынѣшнемъ году бейрамъ долженъ былъ наступить 24 мая. Наканунѣ этого дня я нарочно пошелъ ходить около мечетей. Духовенство и толпа народа стояли на ихъ крыльцахъ. Дальнозоркія очи муллъ были устремлены на небо, но солнце сѣло, и луны не видали. Напрасно я толковалъ, что они просмотрѣли, и что по ихъ календарю бейрамъ назначенъ завтрашній день, мнѣ не повѣрили и только на другой день усмотрѣли ожидаемое свѣтило. Мальчишки закричали благимъ матомъ; муллы и народъ пошли въ мечети, а я за ними. Духовенство

и вся толпа, вошедшая въ храмъ, снявъ туфли, усѣлись на корточкахъ и погрузились въ богомысліе. Старшій мулла зачиталъ потомъ нараспѣвъ, беря себя по временамъ за уши, что̀, кажется, означаетъ изощреніе слуха, складывалъ руки на подобіе раскрытой книги и гладилъ рукой бороду, знаменуя тѣмъ благодарность Богу. Народъ за нимъ повторялъ то же самое.

Поутру, въ день самаго бейрама, молебствіе должно было совершаться въ степи, куда собираются обыкновенно всѣ астраханскіе, царевскіе, юртовскіе татары и все ихъ духовенство. Степь въ это время представляетъ довольно живописную и оживленную картину. Почти вся она, сколько можно окинуть глазомъ, покрыта сидящимъ на корточкахъ народомъ въ разноцвѣтныхъ халатахъ и рубахахъ. Надъ всѣми ими возвышается *ахунъ* *), стоящій на возвышеніи и произносящій молитвословіе, а около группируются бѣлыя чалмы, болѣе, кажется, двухсотъ. Сначала я думалъ, что все это духовныя особы, такъ какъ бѣлая чалма есть принадлежность этого сана, но впослѣдствіи узналъ, что между астраханскими правовѣрными дѣло это совершается проще: бѣлую чалму носятъ не только духовныя лица, но и тѣ, у которыхъ, напримѣръ, былъ дѣдушка, отецъ или прадѣдъ въ духовенствѣ, и даже наконецъ тотъ, кто умѣетъ читать и писать, потому что это значитъ — онъ ученый. Послѣ чтенія молитвъ, ахунъ сошелъ со своего возвышенія, народъ поднялся и сталъ подходить къ нему съ поздравленіемъ, кладя при этомъ случаѣ довольно ловко въ руки деньги, и затѣмъ вся церемонія кончилась. Бѣдная религія, подумалъ я, и по содержанію и по формѣ.

Празднованіе бейрама происходитъ у народа ровно цѣлую недѣлю. Я разсчитывалъ видѣть ихъ увеселенія, посмотрѣть на скачки, на борьбу, на пляску, услышать татарскія пѣсни— и ровно ничего не видалъ; духовенство, въ продолженіе цѣлаго дня, ходило изъ дома въ домъ и почти въ каждомъ, не предаваясь суетному пустословію, поглощало огромное количество кумысу, сладкихъ пирожковъ и баранины, а вечеромъ наполнялись кабаки татарами. На четвертый день праздника улицы нѣсколько оживились, потому что пошли другъ къ дружкѣ гостить женщины.

Теперь, конечно, запоютъ, ожидалъ я, но—увы!—и тутъ, сколько ни заглядывалъ въ дома, сколько ни прислушивался, вездѣ слышенъ одинъ только говоръ, скорѣе похожій на брань,

---

*) Что-то въ родѣ нашего архіерея.

чѣмъ на пѣніе. Но вотъ изъ одного дома долетѣли до меня звуки, какъ мнѣ показалось, зурны. Я съ радостью пошелъ туда и съ ужасомъ увидѣлъ въ рукахъ молодой татарки нашу гармонику. Больше того ничего не было: хоть бы пѣсня одна была пропѣта, хоть бы пьяный какой-нибудь татаринъ проплясалъ какъ-нибудь по-своему.

Миръ праху твоему, отжившій свое время народъ! — сказалъ я. — Историческое значеніе твое было случайное! Поддерживать и беречь твою народность все равно теперь, что̀ нагрѣвать мертвый трупъ!

III.

Астраханскіе армяне.

Становится тепло. Волга прошла. Грязь на улицахъ подсохла, но, странное дѣло, хоть бы повѣяло, дохнуло весной! На нашемъ угрюмомъ сѣверѣ, даже въ туманномъ Петербургѣ, еще поколѣнный снѣгъ лежитъ, а вы уже вдыхаете въ грудь что-то животворное, чувствуете запахъ почекъ, появляются проталинки и сейчасъ же зазеленѣютъ; а здѣсь тепло, сыровато и вѣтрено. Передъ моими окнами цѣлая степь, снѣгу на ней, кажется, и не бывало во всю зиму, а между тѣмъ — хоть бы одна зеленая травка показалась. Такъ идутъ дни за днями. Наступило и лѣто, а съ нимъ и жары, о которыхъ чтобъ имѣть понятіе, надобно вообразить себѣ самый жаркій нашъ іюльскій день, и то въ жаркій годъ, и растянуть этотъ день на два, на три мѣсяца, а къ этому еще прибавьте удушливый вѣтеръ, пропитанный тончайшею солончаковою пылью, которая залѣпляетъ вамъ глаза, проникаетъ въ закрытыя окна, сундуки, комоды. По временамъ, какъ бы для разнообразія, залетаетъ саранча и носится надъ городомъ, какъ туча, а вечеромъ, привлекаемая свѣтомъ, щелкается въ ваши окна. Кромѣ того, въ нынѣшнемъ году, съ притокомъ верховой воды, Волга затопила полъ-Астрахани, а въ августѣ появилась и холера. Вотъ вамъ всѣ прелести здѣшняго южнаго климата!

Больной, изнуренный жаромъ, истомленный скукою и одиночествомъ, брожу я по непригляднымъ астраханскимъ улицамъ, и весь городъ съ его людомъ, какъ бы въ туманной картинѣ, начинаетъ, послѣ перваго смутнаго впечатлѣнія, яснѣе и яснѣе выступать передъ моимъ умственнымъ окомъ. Народу ужъ мнѣ кажется какъ-то меньше, хотя въ то же время уличная жизнь здѣсь развита болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Улицы великорусскихъ городовъ, сравнительно съ астраханскими — пустыни. Тамъ купецъ, мастеровой, мѣщанинъ выходитъ изъ дома только за дѣломъ, но здѣсь татаринъ сидитъ, безъ всякой надобности и даже ни слова не говоря, у лавочки знакомаго татарина; сидятъ муллы и муэзины на крыльцахъ мечетей; армяне и персіяне ходятъ около канала и толпятся на мостахъ. По утрамъ народъ стекается на съѣстной базаръ, отличающійся отъ прочихъ базаровъ этого рода въ другихъ городахъ развѣ тѣмъ, что носитъ татарское названіе *Исады* и на немъ можно купить почти мѣрную стерлядь за четвертакъ, фунтъ осертины за 5 коп. сер., фунтъ винограда за 3, а дыню и арбузъ за 2 коп. Послѣ полудня онъ замѣняется вечернимъ базаромъ, который представляетъ что-то въ родѣ нашего толкучаго рынка и расположенъ внутри гостинаго двора. Еще у входа въ ворота вы уже видите толпу народа, и тутъ же сидятъ бабы-торговки съ пареными грушами, айвами, солеными дынями, арбузами, огурцами, маленькими яблочками. Идете вовнутрь и тотчасъ попадаете какъ бы въ коридоръ между кое-какъ построенными лавчонками; вонъ, въ одной изъ нихъ, вы видите калиновые чубуки, листовой табакъ, кожаные кошельки, мячики, кремень, трутъ и тому подобную дрянь. Вонъ перепачканный съ ногъ до головы въ мукѣ татаринъ рѣжетъ ножомъ пшеничный хлѣбъ; влѣво идетъ переулочекъ съ ситцевыми товарами, и двѣ русскія бабы покупаютъ платокъ; вправо лавка съ топорами, гвоздями, пилами, далѣе лотки съ орѣхами, финиками, арбузными сѣмечками, и надъ всѣмъ этимъ господствуетъ всевозможныхъ сортовъ *кишмишь* *), и тутъ же что-то зеленое плаваетъ въ кадкѣ. Спрашиваю, что̀ это такое? Говорятъ: персидскіе каперсы! Попробовалъ и выплюнулъ. Посреди всего этого толкается, бормочетъ, перекликается, перебранивается толпа народу, такъ что едва пробраться можно. На каждомъ шагу у васъ передъ глазами: сапоги, связки кренделей, баранокъ, сбитень, старое платье. Проходитъ полицейскій солдатъ съ палочкой, торгуетъ ужъ съ полчаса башмачки для дѣтей чиновница въ шляпкѣ. Несмотря на всю эту разнохарактерность, вы очень хорошо поймете, что покупаетъ разный народъ: солдатъ, калмыкъ, татаринъ, русскій мужикъ; но продаетъ по большей части армянинъ. То же самое васъ встрѣтитъ и на главной здѣшней улицѣ, на которую выходитъ гостиный дворъ. Проходя по ней, вы какъ будто бы идете по армянскому городу: проѣдутъ развѣ два-три морскихъ офицера, пройдетъ торопливо на службу

*) Сушеный виноградъ.

русскій чиновникъ, да сидятъ у своихъ лавокъ нѣсколько персіянъ съ выразительными, но истощенными физіономіями, въ высокихъ шапкахъ, франтоватыхъ чухахъ, съ крашеными руками и ногтями, а остальные — все армяне: армянинъ торгуетъ, идетъ, ѣдетъ, толкуетъ со своимъ братомъ на перекресткѣ. Словомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ русскихъ купцовъ и персіянъ, вся астраханская торговля, и по преимуществу торговля болѣе вѣрная и менѣе рискованная, вся въ рукахъ армянъ. Явленіе, конечно, не случайное и заключается въ самомъ духѣ и нравственномъ складѣ армянъ, но какъ и когда появились они въ Астрахани — татарскомъ городѣ, завоеванномъ русскими? Вопросъ, на который не такъ-то легко отвѣтить. Гмелинъ простодушно и голословно объясняетъ, что армяне болѣе ста лѣтъ поселились въ русской области, и что будто бы они, для перваго своего обитанія, выбрали Казань, а въ Астрахань пришли только тѣ, которые послѣ морового повѣтрія тамъ остались, и что, довольные астраханскимъ климатомъ, виномъ и садами, обхожденіемъ русскаго начальства, а паче вызовомъ Петра Великаго, стали перезывать въ Астрахань своихъ земляковъ *великое* множество. У Шопена, изыскателя историческихъ памятниковъ объ армянской области, собственно объ астраханскихъ армянахъ ничего нѣтъ. Карамзинъ говоритъ, что Мамай, горя местью на великаго князя Дмитрія Донского, велъ подъ знаменами своими татаръ, половцевъ и армянъ. Въ исторіи Тавріи митрополита Богуша сказано, что татары, завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели многихъ жителей для поселенія въ нынѣшнюю Казанскую и Астраханскую губерніи. Рыбушкинъ въ своихъ запискахъ объ Астрахани замѣчаетъ, что въ 1619 году торговые люди изъ армянъ, персіянъ и индійцевъ проложили себѣ дорогу въ Астрахань черезъ Моздокъ и степи около Терека, и что постоянное водвореніе ихъ относится къ царствованію Алексѣя Михайловича. Изъ всѣхъ этихъ краткихъ и отрывочныхъ свѣдѣній можно вывести только одно заключеніе, что поселеніе армянъ въ Астрахани происходило не вдругъ, а постепенно, и что они, подобно жидамъ, занимавшимъ мало-помалу всѣ приморскіе и торговые пункты въ Европѣ, дѣлали то же самое въ Азіи и съ этою цѣлью стали селиться и въ Астрахани. По крайней мѣрѣ, изъ всѣхъ просьбъ, договоровъ и льготныхъ грамотъ видно, что причина и цѣль поселенія, какъ со стороны армянъ, такъ и со стороны нашего правительства, была чисто-торговая: царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ разрѣшено было армянамъ производить съ Россіею торговлю сырцовымъ шелкомъ, вывозимымъ изъ Персіи, и вер-

блюжьей шерстью, съ обѣщаніемъ пособія изъ ратныхъ людей при перевозкѣ товаровъ. Съ распространеніемъ этой торговли, въ 1673 году образовалась такъ называемая Джилфинская компанія, успѣхи которой побудили императора Петра, въ 1701 г., даровать ей новыя льготы, съ условіемъ вывозить изъ Персіи весь шелкъ. Владѣя нашею восточною торговлею, армяне не ограничились этимъ и захватили собственно торговлю и въ Астрахани, такъ что русскіе купцы жаловались. «Армяне,—писали они:—съ давняго времени живутъ въ Астрахани слободами, имѣютъ свои дома, виноградные сады и заводы; кромѣ того, торгуя перекупными товарами, не несутъ никакихъ повинностей, почему не угодно ли будетъ запретить имъ имѣть въ Астрахани сады и огороды. Если же кто изъ нихъ пожелаетъ симъ пользоваться, то, наравнѣ съ россіянами, исполнялъ бы всѣ повинности». По этой просьбѣ, въ 1723 г., указомъ сената воспрещено было армянамъ перекупать товары и заводы и лавки приказано было продать русскимъ купцамъ; но распоряженіе это впослѣдствіи отмѣнено, и въ 1774 году были изданы для астраханскихъ армянъ особыя правила, которыми дозволялся имъ свободный проѣздъ для торговли въ Россію, съ правомъ возвращаться и оставаться въ Астрахани на временное жительство, но не на вѣчное (секретнымъ предписаніемъ, впрочемъ, разрѣшенъ пріемъ и на вѣчное подданство). Не велѣно подвергать ихъ гильдейскому сбору и вмѣнено только въ обязанность магистрату взимать съ нихъ за товаръ пошлину; дозволено селиться за поземельныя деньги слободами, и дома ихъ освобождены отъ постоя; дозволялось устраивать фабрики, заводы, безъ всякой, въ льготные годы, пошлины.

Для производства между армянами суда и расправы, въ 1765 г. учрежденъ былъ особый судъ, который судилъ не по законамъ, а по преданіямъ и обычаямъ, а потому въ 1839 г. онъ былъ упраздненъ и дѣла переданы въ общія полицейскія и судебныя мѣста. Въ 1793 году произведена была первая перепись армянамъ, и они обложены городскою повинностью, которая состояла въ назначеніи десятскихъ и въ содержаніи военныхъ постовъ. То и другое армяне отбываютъ деньгами. Такова внѣшняя, гражданская сторона быта этого народа; но у него еще есть другая — народность; армяне пришли и живутъ у насъ съ своей религіей, языкомъ, одеждою, обычаями и наконецъ со своимъ армянскимъ характеромъ.

По религіи всѣ почти астраханскіе армяне грегоріанскаго вѣроисповѣданія (армянъ-католиковъ менѣе ста человѣкъ).

Въ Астрахани они имѣютъ пять церквей: соборъ, во имя Успенія, Петровъ погостъ, святого Григорія и наконецъ кладбище. Время, съ котораго я начинаю мое описаніе, была Сплошная недѣля, которой нѣтъ у грегоріанцевъ и которые, напротивъ, содержатъ въ это время постъ, называемый *арачаворкъ* (предуготовительный). О происхожденіи этого поста армянскій архіепископъ Нерцесъ говоритъ, что когда св. Григорій изведенъ былъ изъ ямы, въ которой нѣсколько времени содержался, и армянскій царь Тиридатъ, наказанный отъ Бога обращеніемъ въ образъ свиной, и всѣ вельможи его и войско, одержимые злымъ духомъ, прибѣгли къ нему, тогда св. Григорій воспретилъ всѣмъ имъ, по примѣру ниневитянъ, вкушать въ продолженіе пяти дней пищу, и всѣ получили исцѣленіе и приняли христіанство, а св. учитель, въ воспоминаніе сего, установилъ постъ.

Чтобы видѣть ихъ богослуженіе, я пошелъ въ соборъ. У воротъ церковной ограды встрѣтился мнѣ молодой человѣкъ, какъ бы въ родѣ нашего монастырскаго послушника, въ черномъ подрясникѣ и клобукѣ. Я спросилъ, можно ли войти въ церковь.

— Можно,—отвѣчалъ онъ.

Я пошелъ. Передо мной входилъ старый армянинъ. При входѣ въ церковь, онъ поцѣловалъ висѣвшее на правомъ косякѣ распятіе. Я сдѣлалъ то же и вошелъ за нимъ. На первый взглядъ внутренность церкви похожа на нашу: тѣ же своды, опирающіеся на столбы, на которыхъ расположены иконы, живописныя и въ окладахъ, тѣ же паникадила, лампадки, и только, вмѣсто царскихъ дверей, задергивается одна только занавѣсь съ изображеніемъ святыхъ и, кажется, тканая. Въ служеніи участвуетъ много лицъ: во-первыхъ, на клиросахъ молодые люди (дьячки), какъ и наши, въ стихаряхъ, потомъ два старые священника, одинъ въ клобукѣ, другой въ камилавкѣ, и въ черныхъ, какъ бы монашескихъ мантіяхъ, схваченныхъ у шеи серебряными пряжками. Совершающіе собственно литургію—священникъ и дьяконъ были въ облаченіи, очень похожемъ на православное, и только на священникѣ архіерейская митра и нѣтъ епитрахили. Служба началась ударомъ въ небольшой колоколъ, который виситъ въ самой церкви, послѣ сего на клиросѣ зачитали, запѣли, сначала одинъ голосъ, потомъ другой, третій, человѣкъ шесть, безъ всякаго соглашенія въ тонахъ и вдобавокъ еще въ носъ. Говорятъ, что это старинное греческое пѣніе, но врядъ ли это такъ: греки все-таки были народъ эстетическій!

Церковь между тѣмъ болѣе и болѣе наполнялась народомъ:

мужчины становятся впереди, а женщины позади. Посреди всей молящейся толпы мнѣ по преимуществу бросились въ глаза бѣлыя женскія фигуры, которыя подходили къ образамъ, ставили свѣчки и отходили. Я догадался, что это женщины въ чадрахъ, и думалъ, что подъ ними скрываются болѣе скромныя красавицы. Заглянулъ на одну, чадра нѣсколько раскрылась, и выставился длинный носъ и морщеватое лицо старухи. Послѣ я узналъ, что чадры носятъ изъ армянокъ только старыя и самыя безобразныя женщины. Въ продолженіе всей обѣдни, продолжающейся около трехъ часовъ, благочиніе соблюдалось въ строгой степени: всѣ стояли въ благоговѣніи, крестились, какъ и мы, только не съ праваго плеча на лѣвое, а наоборотъ; никто не проговорилъ другъ съ другомъ ни слова, не улыбнулся и не вышелъ изъ храма ранѣе конца службы.

Изъ другихъ церковныхъ обрядовъ, между армянами, кажется, многое измѣнилось и утратило свою церемонную торжественность и вообще дѣлается не такъ, какъ дѣлалось прежде и какъ дѣлалось въ Азіи. По крайней мѣрѣ, про старинныя армянскія свадьбы Гмелинъ, видѣвшій ихъ въ Персіи, разсказываетъ цѣлыя дивы-дивныя: онъ говоритъ, что женихъ вечеромъ, въ сопровожденіи своихъ гостей, идетъ въ домъ къ посаженому отцу. Имъ предшествуютъ двое армянскихъ пѣвцовъ, за которыми слѣдуетъ армянинъ, несущій на головѣ большую четырехугольную тарелку, на которой стоятъ двѣ бутылки съ водкой, а третья съ розовой водой. Около бутылокъ расположены разные плоды и закуски; края тарелки уставлены нѣсколькими зажженными свѣчами. Всѣ гости также держатъ въ рукахъ зажженныя восковыя свѣчи. Женихъ съ шаферомъ идетъ посреди ихъ. Когда вся эта свита подойдетъ ко двору посаженаго отца, одинъ изъ гостей беретъ бутылку съ розовой водой и кропитъ всѣхъ, входящихъ въ домъ. Женихъ входитъ послѣдній, и всѣ остаются здѣсь около получаса, поютъ, пьютъ, а потомъ, вмѣстѣ съ посаженымъ отцомъ, отправляются къ жениху въ домъ, гдѣ выходятъ имъ навстрѣчу нѣсколько человѣкъ армянъ, съ восковымъ деревомъ. Жениху, шаферу и посаженому отцу изъявляется почтеніе; они, съ своей стороны, отвѣчаютъ тѣмъ же, и общество входитъ въ палатку, освѣщенную нефтью. Здѣсь опять музыканты играютъ, поѣзжане поютъ, пьютъ, стрѣляютъ изъ ружей. Затѣмъ слѣдуетъ ужинъ, для котораго накрываютъ полъ коврами; края блюдъ съ кушаньями облѣпляются зажженными восковыми свѣчами. Первое, нѣсколько возвышенное надъ поломъ мѣсто занимаетъ женихъ; передъ нимъ ставятся большая тарелка

съ водкой и розовой водой и восковое дерево, съ двумя восковыми большими свѣчами по бокамъ. У ногъ жениха кладется сабля. По правую его сторону садится посаженый отецъ, а по лѣвую—дружка. Послѣ ужина является армянинъ, съ плошкою на головѣ, въ которой находится мазь *кхна* (хина); сначала онъ произноситъ какія-то слова, послѣ которыхъ гости начинаютъ пѣть и бить въ ладоши, а онъ пляшетъ съ плошкою на головѣ, принимая ртомъ даваемыя ему деньги. Вслѣдъ затѣмъ другой армянинъ вноситъ жаровню съ горящими угольями. Женихъ, отецъ посаженый и шаферъ мажутъ себѣ *кхной* всѣ руки и обсушиваютъ ихъ надъ жаровней, а прочіе гости мажутъ только ногти и обмываютъ ихъ водою. Приходитъ потомъ отецъ невѣсты и объявляетъ, что дочь его готова итти въ церковь. Тогда всѣ встаютъ, берутъ съ собою тарелку и восковое дерево и отправляются въ домъ невѣсты. Сначала на открытомъ воздухѣ поютъ, пьютъ, входятъ потомъ въ домъ и приготовленную тамъ, въ переднемъ углу, такую же тарелку отодвигаютъ прочь, а на мѣсто ея ставятъ принесенную съ собой. Священникъ благословляетъ новобрачныхъ молитвою и повязываетъ жениху на шею тонкую нитку, концы которой крѣпко связываетъ, въ знакъ воздержанія отъ плотскаго совокупленія, а потомъ ведетъ новобрачныхъ въ церковь, гдѣ читаетъ имъ молитвы, водитъ кругомъ, даетъ пить обоимъ вино, и все сіе оканчивается обѣднею. По прошествіи трехъ дней священникъ развязываетъ у жениха нитку, и супруги вступаютъ въ свои права. Напрасно я думалъ встрѣтить что-нибудь подобное въ свадьбахъ нынѣшнихъ астраханскихъ армянъ: они сватаются и вѣнчаются совершенно по-нашему, и изъ всѣхъ старыхъ обычаевъ сохранился только обрядъ повязыванія на шею новобрачнымъ шнурка, къ которому прикладывается еще, сверхъ того, церковная печать. Къ вечеру, послѣ вѣнчанія, собираются обыкновенно къ молодой такъ называемыя сестры, составляющія ея стражу, для храненія отъ мужа; онѣ выбираются изъ родственницъ или знакомыхъ дѣвицъ. На третій вечеръ, при появленіи священника для снятія печати и разрѣшенія молодымъ брачнаго сожитія, дѣвицы эти сейчасъ оставляютъ домъ новобрачныхъ. Прежде, говорятъ, бывали здѣсь парадные сговоры, на которыхъ выставлялась сахарная голова, украшенная лентами и знаменующая сладость невѣсты для жениха, но въ послѣднее время вывелся и этотъ обычай.

О похоронахъ, какъ и о свадьбѣ, тоже нечего много сказать, кромѣ развѣ того, что покойника окутываютъ въ саванъ не сверхъ одежды, а подъ платьемъ. Трауръ армянъ состоитъ

въ томъ, что женщины голову повязываютъ лечекомъ и косынкой изъ бѣлаго каленкору. Печаль свою женщины выражаютъ тѣмъ, что воютъ, причитаютъ, бьютъ себя въ грудь и вырываютъ у себя волосы, для чего косы обыкновенно распускаются.

Въ одеждѣ армяне утратили еще болѣе свой національный характеръ. Старинный костюмъ ихъ состоялъ у мужчинъ—изъ бараньей шапки съ суконной верхушкой, изъ архалука, сверхъ котораго надѣтый кафтанъ *(чуха)*, со стоячимъ и наискось срѣзаннымъ воротникомъ, застегивался съ половины груди до пояса, и наконецъ шальвары, опущенныя въ сапоги. Женщины носили на головѣ покрывало *(лечекъ)*, которое обкладывало все лицо, закрывало верхнюю часть груди и спускалось сзади широкими концами. Сверхъ лечека повязывалась широкою лентою темнаго цвѣта косынка *(яклухъ)*. При этомъ головномъ уборѣ надѣвалась рубашка изъ канауса, воротъ которой обкладывался бархатомъ, вышивался жемчугомъ или бисеромъ, и назывался *грехаромъ*, а по-русски горлышкомъ; потомъ носились штаны и маленькіе, на высокихъ каблучкахъ, безъ задковъ, туфли *(машикъ)*. Платье было въ родѣ распашного капота, съ узкими, у кисти разрѣзанными рукавами, которые имѣли откладные обшлага и застегивались пуговицами, и наконецъ, сверхъ всего, надѣвалась *чадра*. Но ничего этого не увидите вы нынче: не болѣе трехъ или четырехъ мужчинъ, и то стариковъ, встрѣтилъ я въ архалукахъ; изъ женщинъ нѣкоторыя носятъ старинные головные уборы и старинныя украшенія при праздничной одеждѣ, а именно: *узунчи*, состоящія изъ плетеныхъ квадратиками жемчужныхъ нитокъ съ золотыми по краямъ подвѣсками и надѣвающіяся около горла; сверхъ этой плетеницы накладывается еще другое украшеніе *сирсила*, состоящее изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и наконецъ *жинджилъ*—золотыя полновѣсныя цѣпи въ два, въ три и въ четыре ряда, съ прицѣпленными посрединѣ медальонами, на которыхъ изображаются по большей части женскія лица, но и только. Остальное же все—шляпки, чепцы, салопы, пальто и шинели. Въ одной мѣстной сатирической на нравы армянскіе поэмкѣ, подъ названіемъ «Гаспарка», пользующейся въ Астрахани большою популярностью, самъ герой Гаспаръ такимъ образомъ описываетъ свой костюмъ:

Вотъ я новиму пальто,
Дриковому брюку,
Мимо всѣхъ армянъ иду
На карманамъ руку.

Модній шляпку пуховой
На високъ надѣлса;

И перчаткамъ пеньковой
И часамъ одѣлса.

Галстукъ съ бантику большой,
Кружеву манжетку,
И булавку золотой,
Бархатній жилетку.

Съ бронзовой балдашнику
Палкамъ взялъ подъ мишку;
Съ деньгами бумажнику
И съ сигаркамъ книжку.

На високу каблучкомъ
Сапоги со скрипкомъ;
Усавъ черному кручкомъ,
На лицѣ улибкомъ.

А вотъ и нарядъ его невѣсты на сговорахъ, по его же словамъ:

Много барышень пришла,
Всѣ такой хорошій;
Только Ѳксинька была
Самій всѣхъ пригожій.

Краснымъ платьемъ, бахремой
Тулеву обшиту,
И цѣпочкамъ золотой,
И кудрямъ завиту.

Кажній палецъ три кольца,
Алмазній съ брильянтомъ;
Ишо ей купилъ отца
Мантилья съ грамантомъ.

Кто хоть немного знаетъ астраханскихъ армянъ, тотъ пойметъ, какъ это вѣрно и по языку и по описанію. Такъ они говорятъ по-русски, такъ и одѣваются.

Страсть пофрантить и бросить пыль въ глаза наружною обстановкою — живетъ въ каждомъ армянинѣ, богатомъ и бѣдномъ. Въ какой бы странѣ ни жили, посреди какого народа ни вращались бы армяне, они не узнаютъ хорошенько языка того народа, не усвоятъ себѣ ни наукъ ни искусствъ его, но непремѣнно схватятся за внѣшнюю, лакированную сторону и переймутъ ее: въ Персіи они считаютъ обязанностью рисоваться въ чухѣ, въ высокой шапкѣ и ходить въ сопровожденіи пяти-шести слугъ; въ Турціи—ѣздить на богато убранной лошади, а въ Астрахани вожделѣнной мечтою для каждаго бѣднаго армянина служитъ пальто съ иголочки и наконецъ, какъ высшій предѣлъ человѣческаго могущества, пролетка съ рысакомъ и карета. Надобно видѣть самодовольное выраженіе армянскихъ физіономій, когда они ѣдутъ, развалясь, въ своихъ собственныхъ экипажахъ, чтобы понять ту безконечность

и искренность наслажденія, которую испытываютъ они въ эти минуты.

Являясь такимъ образомъ на улицѣ, на гуляньяхъ, въ церкви одѣтые, какъ европейцы, армяне въ своей домашней жизни представляютъ какую-то смѣсь нашихъ обычаевъ и своихъ азіатскихъ. Загляните въ бо̀льшую часть ихъ домовъ, большихъ и малыхъ, и вы вездѣ почти увидите въ переднихъ комнатахъ зеркала, диваны, кресла, хотя въ то же время сзади непремѣнно найдется *нарная*, гдѣ хозяева сидятъ, спятъ и ѣдятъ,—и ѣдятъ ужъ совершенно по-своему: на первомъ планѣ, конечно, кабавъ всевозможныхъ сортовъ: шишь-кабавъ [1]), моли-кабавъ [2]) и казань-кабавъ [3]). Впрочемъ, для описанія армянскихъ блюдъ, выпишу лучше опять нѣсколько строфъ изъ той же поэмки «Гаспарка», гдѣ онъ разсказываетъ про закуску, приготовленную въ домѣ у его невѣсты:

Вотъ здѣсь закуску полную:
Кини, цимлянскъ, мадеръ,
Арахъ, все въ волю вольную
Пей сколько твоя мѣръ.

Панжаръ [4]), шпанакъ [5]) и куреча [6]),
Солоній всѣмъ травамъ,
Инжиръ [7]), фисташку, шаптала [8]),
Петрушкъ [9]), копрушкъ [10]), яйцамъ.

Бадерпапа [11]), суджухъ [12]) и сыръ,
Долма [13]), рибу-кутумъ,
Стерлядкамъ, курицу, паниръ [14]),
Съ ципленкомъ пловъ съ изюмъ.

Варенъ-маренъ, канфетъ-манфетъ [15]),
Все, что̀ хочишь, все есть:
Алва [16]), кабаву, весь буфетъ
Армянскимъ видимъ здѣсь.

---

1) Кусками жареная баранина на шишлакѣ (вертелѣ).
2) Мелкая, рубленая баранина, жареная тоже на шишлакѣ.
3) Баранина, жареная въ котлѣ.
4) Ароматическая трава, употребляемая въ пищу.
5) Шпинатъ.
6) Сушеные абрикосы.
7) Винная ягода.
8) Сушеные персики.
9) Петрушка.
10) Укропъ.
11) Супъ изъ баранины и разныхъ сушеныхъ травъ.
12) Сосиски, начиненныя большимъ количествомъ чесноку.
13) Баранина, приготовленная въ выдолбленной тыквѣ.
14) Армянскій сыръ.
15) Варенъ-маренъ, канфетъ-манфетъ, соотвѣтствуетъ нашему: варенье не варенье, конфеты не конфеты, т.-е. всякія варенья, всякія конфеты.
16) Пирожки изъ орѣховъ и миндалю на меду.

Калачъ-малачъ, кишмишь-мишмишь [1]),
Хроваусъ [2]) и диня есть.
Ну что глядишь, ну что хочишь,
Все, не конфузясь, съѣшь.

Закуска, какъ видите, разнообразная, хотя и довольно расчетливая: все свое, домашнее, недорогое.

Къ числу болѣе характерныхъ особенностей должны быть отнесены удовольствія и развлеченія армянъ; про зимнія говорить нечего, въ нихъ уже вкралось европейское: играютъ въ карты, барышни брянчатъ на фортепіано, танцуютъ съ молодыми людьми польки, вальсы; но другое дѣло лѣтомъ: май мѣсяцъ—самый блаженный для потомковъ Гаи. Появилась травка, половодье еще не наступило, дни свѣтлые, ясные; но солнце не палитъ, и вы всюду, тамъ и сямъ въ окрестностяхъ Астрахани, увидите цѣлыя группы сидящихъ на коврѣ армянъ. Это дѣлаютъ они, по ихъ выраженію, кейфъ, хотя ихъ кейфъ вовсе не похожъ на усладительное, молчаливое ничегонедѣланіе мусульманъ. Эти загородныя поѣздки совершаются въ такомъ порядкѣ: собирается нѣсколько человѣкъ знакомыхъ армянъ, берутъ съ собой закуску, по большей части изъ соленыхъ травъ, водки, боченокъ безсмѣннаго кини, кабавщика [3]), и ѣдутъ къ какому-нибудь мѣсту, гдѣ непремѣнно должно быть хоть чахлое таловое деревцо и рѣчка. Везетъ ихъ лошадь, хозяйственно содержимая на счетъ всей компаніи, но при всемъ томъ—увы!—конь этотъ не отличается ни силой ни быстротой, такъ что нерѣдко на полупути останавливается: компанія приходитъ въ безпокойство и начинаетъ понукать его къ дальнѣйшей дѣятельности. Кто бьетъ вожжами, кто машетъ платкомъ, а болѣе благоразумные просто начинаютъ подталкивать телѣжку сзади. Для управленія пирушкой выбирается *тамада* (начальникъ), которому должны всѣ повиноваться, а его обязанность—угощать компанію, наблюдая строго очередь и не забывая никого. Пріѣхавъ на мѣсто, разстилаютъ коверъ, ставятъ на него привезенныя снадобья, и всѣ садятся въ кружокъ. Кабавщикъ между тѣмъ выкапываетъ невдалекѣ яму, разводитъ въ ней огонь и начинаетъ готовить кабавы: шишь-кабавъ еще ничего, я его пробовалъ, довольно вкусенъ, хотя и отзывается дымомъ, но моли-кабавъ ужасенъ по своему приготовленію, по крайней мѣрѣ тотъ, который я видѣлъ: представьте себѣ закоптѣлаго кабавщика, который грязными

---

[1]) Калачъ не калачъ.
[2]) То же, что и кабавъ.
[3]) Армянинъ, промышляющій приготовленіемъ кабава.

руками, помочивъ ихъ сначала въ водѣ, беретъ рубленую баранину, обкладываетъ ею шашлыкъ, нажимаетъ еще нѣсколько разъ тѣми же руками, какъ бы желая сообщить ей болѣе грязи, и потомъ жаритъ почти на золѣ. Въ это время тамада исполняетъ неукоснительно свою обязанность и, почти не переставая, повторяетъ очередь. Пирующіе совершаютъ при этомъ что-то въ родѣ чоканья.

— Алла верды (Богъ далъ),—говоритъ армянинъ, подходя къ другому.

— Якши-ёлъ (подобный путь), — отвѣчаетъ тотъ и непремѣнно выпиваетъ.

При этомъ часто изъявляются различныя желанія. Одинъ говоритъ, напримѣръ:

— Дай Богъ, чтобы несчастныхъ дней не было въ нашей жизни, и протекла бы она такъ, какъ проводимъ мы этотъ день.

— Дай Богъ, дай Богъ, чтобы конецъ нашей жизни былъ счастливый,—отвѣчаетъ другой.

— Боже, сохрани наше царство, надолго, навсегда,—произноситъ съ умиленіемъ третій:—и чтобы одинъ нашъ воинъ побѣдилъ десятки враговъ, а десятокъ уложилъ сотню.

— Боже! — восклицаетъ иной: — не приведи быть намъ завоеванными, и дай Богъ успѣха мореходцамъ и всѣмъ странствующимъ.

Когда очередь повторится еще три-четыре раза, сердца окончательно умиляются: армяне, какъ и хохлы, подгулявъ, впадаютъ сначала въ пріятную меланхолію. Кто начинаетъ вспоминать о своей минувшей молодости, о своихъ утратахъ, о томъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ онъ проторговался-было совсѣмъ; но послѣ кабаву и кини одушевленіе возрастаетъ еще до бо̀льшихъ размѣровъ: компанія начинаетъ пѣть, и пѣть самымъ плачевнымъ тономъ. Одинъ изъ нихъ произноситъ слова и поетъ какъ бы соло, а прочіе повторяютъ одинъ мотивъ безъ словъ, составляя что-то въ родѣ аккомпанемента. Я спросилъ одного знакомаго мнѣ молодого армянина, зачѣмъ пѣвцы такъ громко кричатъ, какъ будто бы поютъ для глухихъ.

— Мы поемъ по-персидски, — отвѣчалъ онъ: — и солистъ долженъ имѣть сильный голосъ, чтобы могли его слышать въ дальнемъ разстояніи.

— Зачѣмъ же въ дальнемъ?—спросилъ я.

— Персидскій манеръ,—отвѣчалъ армянинъ:—тамъ мужчина никогда и нигдѣ не можетъ встрѣчаться съ незнакомою ему женщиной или дѣвицей, но чрезъ пѣніе онъ объясняется съ ними въ любви и тѣмъ достигаетъ нерѣдко своей цѣли.

Въ Персіи упражняющіеся на этомъ поприщѣ выигрываютъ много и, плѣняя своимъ пѣніемъ женщинъ, склоняютъ ихъ къ себѣ.

Мнѣ передали потомъ одну изъ этихъ персидскихъ пѣсенъ, и вотъ ея переводъ:

Говоришь, терпи! Какъ же мнѣ терпѣть:
Ужель я камень! Помоги моей грусти.
Ты совершенно уничтожила мою жизнь.
Эта боль трудна!
Не дѣлай мнѣ столько мукъ, о, ты,
Безмилосердный предметъ любви моей!
Изъ безцѣнныхъ сокровищъ твоихъ,
О, букетъ, вновь расцвѣтшій, пожертвуй хоть малое.

И такъ далѣе: постоянныя обращенія къ жестокой, которая, по словамъ поэта, «то гремитъ, какъ громъ, то несется тучей, то меркнетъ и дождитъ по каплѣ», и ко всему этому она, какъ выражается поэтъ, возымѣла привычку «прохаживаться съ инымъ, а его сдѣлала отъ себя чуждымъ». «Жалкій Адамъ-Абразъ,—заключаетъ любострастный страдалецъ уже самъ себѣ:—жалкій! Какъ люди могутъ знать твои горести!» Лѣтъ десять тому назадъ были между армянами импровизаторы, слагавшіе цѣлыя поэмы, повѣсти, — впрочемъ, не изъ астраханскихъ армянъ, а пріѣзжіе изъ Тифлиса Герасимъ и Никита, оба слѣпцы. Вообще, какъ мнѣ сказывали, ремесломъ этимъ занимаются слѣпорожденные, которые, посвятивъ себя на служеніе Іоанну Крестителю, нѣсколько лѣтъ живутъ въ монастырѣ имени этого святого и получаютъ здѣсь свой даръ.

Кромѣ персидскихъ пѣсенъ, армяне, на своихъ загородныхъ пирушкахъ, поютъ и русскія, передѣлывая ихъ на свой ладъ и языкъ. Такъ, напримѣръ:

На угламъ дѣвку стоитъ,
Самъ онъ плачетъ, говоритъ:
Какая я безчастнія!
Какая безталанія!

Сговорился мою мать
Мнѣ за барину отдать.
Ниду, ниду, мамину,
Ниду я за барину.

Уйду, уйду, мамину,
Уйду за торбанчину;
А онъ будитъ мнѣ играть,
А я буду нерпѣвать.

Пѣніе часто сопровождается музыкой, которую тоже составляютъ нанятые армяне-музыканты и которые, какъ и пѣвцы, по преимуществу стараются о томъ, чтобы какъ можно громче

выходило. Играютъ они по большей части самоучкой и часто даже совсѣмъ не знаютъ нотъ, хотя и тщательно скрываютъ это и держатъ обыкновенно для виду передъ собой партитуры.

— Вы играете эти ноты? — спросилъ одинъ господинъ на вечерѣ музыканта-армянина.

— Эти,—отвѣчалъ тотъ утвердительно.

— А что̀ вы играете?

— Польку.

— А тутъ написано: вальсъ,—замѣтилъ господинъ, указывая на ноты.

Музыкантъ сконфузился и потомъ произнесъ умоляющимъ голосомъ:

— Не сказывайте другимъ господамъ, прошу васъ...

Вотъ все, что̀ удалось мнѣ самому подмѣтить, отъ другихъ слышать и наконецъ прочесть объ этомъ полуазіатскомъ, полуевропейскомъ народѣ, но здѣсь нельзя не прибавить еще о наружности и о нравственномъ складѣ армянъ, какъ чертахъ, которыя болѣе ярко, чѣмъ одежда и обычаи, отличаютъ ихъ отъ народовъ другой націи. Кто не знаетъ, что всѣ почти армяне брюнеты и имѣютъ довольно правильныя черты лица, бритыя бороды и усы, у большей части красивые черные глаза; въ выраженіи всѣхъ почти лицъ найдете присутствіе ума, сдержанныхъ страстей, но ни въ одномъ почти нѣтъ того, что̀ вы особенно любите встрѣчать въ лицѣ человѣка, этой свѣтлой стороны его души, этого, если можно такъ выразиться, нравственнаго джентльменства: ума болѣе возвышеннаго и тонкаго, манящей къ себѣ доброты и разлитой въ подвижныхъ чертахъ фантазіи. Въ безвлажныхъ черныхъ глазахъ армянъ, и даже армянокъ, такъ и проглядываетъ сухая, мелкая практичность, взглядъ ихъ какъ будто бы говоритъ вамъ: мы умѣемъ считать деньги, играть въ карты, сводить торговые обороты, писать дѣловыя бумаги, въ насъ живетъ чувственность, и мы любимъ землю, но небо и звѣзды, высокіе помыслы, мечты и чувства—это не наше, этого мы не знаемъ. Какъ результатъ этой практической закваски, преобладающей въ каждомъ армянинѣ надъ всѣми другими душевными способностями, существуетъ такого рода фактъ, что между ними нѣтъ ни кутилъ, ни мотовъ, ни нищихъ, хотя въ то же время армянинъ далеко не трудолюбивъ до поту лица: но онъ только расчетливъ, какъ десять аккуратнѣйшихъ и скупыхъ нѣмцевъ. Пріобрѣтя деньгу, онъ никогда не истратитъ всего, что̀ у него есть, но изъ послѣдняго рубля что-нибудь да оставитъ. Даже чиновники изъ армянъ не употребляютъ всего жалованья на расходъ, пока не сдѣлаютъ какого-нибудь оборота и не прі-

обрѣтутъ процентовъ. Многіе изъ нихъ нажили капиталы, вовсе не торгуя, а отдавая деньги въ ростъ, и носятъ обыкновенно названіе «интересановъ». Круглый бѣднякъ изъ армянъ не возьмется за черную и трудную работу, а всегда сумѣетъ заработать себѣ хлѣбъ и повыгоднѣе и полегче: пойдетъ въ услуженіе, сдѣлается музыкантомъ, кабавщикомъ, заведетъ цырюльню, кое съ чѣмъ лавчонку, въ которой, кажется, и товару не болѣе, какъ на двадцать рублей серебромъ, а между тѣмъ—хозяинъ выпиваетъ каждый день приличное количество чихирю, ѣстъ по праздникамъ кабавъ, жена у него пьетъ кофе, выйдетъ на гулянье въ шелковомъ платьѣ. Для домашняго обихода нанятъ *малайка*, молодой татарчонокъ, который прислуживаетъ, водится съ дѣтками, моетъ и полощетъ бѣлье; иногда въ домѣ есть и *балайка* — старый татаринъ, что-то въ родѣ нашего дворника; на какіе доходы все это дѣлается,—неизвѣстно! Если армянинъ теряетъ свое состояніе, то онъ больше всего боится показаться бѣднымъ; онъ не продастъ ни лошади ни дома, будетъ одѣвать жену какъ нельзя пышнѣе, хотя въ домашней жизни ограничится однимъ чурекомъ съ калмыцкимъ чаемъ и водой, вмѣсто завѣтнаго кини, пока не придумаетъ средствъ, которыя снова поправятъ его обстоятельства.

IV.

Калмыки.

Въ пору юности моей, я, часто глядя на карту, представлялъ себѣ Саратовъ рубежомъ нашего обыденнаго, человѣческаго міра, съ пошлыми уѣздными городками, бѣдными деревнюшками и скучною столбовою дорогою; а тамъ, дальше, мнѣ казалось, идетъ раздолье и приволье, среди котораго кочуютъ дикія и воинственныя племена; табуны ихъ гуляютъ на тучныхъ пастбищахъ въ поколѣнной травѣ; они сами, бодрые и необгонимые наѣздники, гарцуютъ на рьяныхъ коняхъ около своихъ кибитокъ, въ которыхъ изъ-подъ кошмы выглядываютъ ихъ смуглыя и черноокія жены съ курчавыми мальчишками; нѣсколько стариковъ, усѣвшись въ густой травѣ и вдыхая теплый и благорастворенный воздухъ, пьютъ прохладительный кумысъ. Въ густыхъ камышахъ шевелятся кабаны, или проносится вдали преслѣдуемое охотниками стадо дикихъ козъ. Теперь я самъ уже нѣсколько дней въ этихъ степяхъ, и—Боже мой!—хоть бы на милліонную долю дѣйствительность походила на мое представленіе. Эти плодоносныя степи, начинаясь съ

Каспійскаго моря и простираясь далѣе, представляютъ солончаковые бугры, на которыхъ мѣстами нѣтъ совсѣмъ никакой зелени; а если гдѣ и есть, такъ лучше бы и не смотрѣть на нее: тощая, сухая, красноватая и, по пословицѣ, трава травинку кличетъ... Вмѣсто привольныхъ водъ, за исключеніемъ Волги и Кумы, текутъ рѣчонки: Сарпа, Егорлышъ, Манышъ и другія, съ солоноватой и горьковатой водой, которую пить даже невозможно. Все это нѣсколько оживаетъ по берегамъ Волги и Кумы и къ границамъ Саратовской губерніи и земли Войска Донского, но и то, ей-Богу, не лучше какого-нибудь нашего сѣвернаго около-рѣчного покоса. Благорастворенній-шій воздухъ въ продолженіе года проходитъ вверхъ и внизъ по Реомюру до 40 градусовъ, а потому врядъ ли можетъ назваться здоровымъ. Про лѣсъ и говорить нечего: растутъ одни негодные даже на топливо тальникъ и ветла, и то надобно проѣхать десятки верстъ, чтобы попалось на глаза нѣсколько деревцовъ. Ни кабановъ ни сайгачьихъ стадъ я не видалъ, но говорятъ, что они есть, и даже съ прибавкою барсуковъ, чекаловъ, лисицъ и огромнаго количества зайцевъ. Птицъ много и степныхъ и водяныхъ: фазаны, дрохвы, крахали, лебеди, дикіе гуси и вездѣ почти попадающіеся бакланы, бабы, мартышки, чайки и цапли.

Посреди такого рода бѣдной обстановки природы живетъ и кочуетъ цѣлый народъ, привязанный къ своему быту, малознающій и не желающій другой жизни, — народъ этотъ калмыки. Монголы, по происхожденію, изъ союза четырехъ родовъ (Дербенъ-Ойратовъ), отдѣлившіеся отъ своихъ соплеменниковъ и названные за то клетами, а по-татарски *калмакъ* (отпавшими), первоначально они раздѣлялись на четыре племени, изъ коихъ *хошоуты* (храбрые) удержались около Тибета; *зюнгары* (лѣвое крыло) кочевали въ степи, называемой Зюнгарскою; *дербеты* (правое крыло) прикочевали сначала къ Уралу, потомъ перешли его и подходили даже къ Дону; наконецъ *торгоуты* (великаны), которые вслѣдствіе вражды съ хошоутами и зюнгарскими калмыками откочевали подъ предводительствомъ Харлюка, въ числѣ 50 тысячъ кибитокъ, къ рѣкѣ Волгѣ. Несмотря на разъединеніе этихъ племенъ, политическія связи не были между ними совершенно нарушены: въ 1640 году монгольскіе князья, калмыцкіе ханы и знатные нойоны съѣзжались около Уральскихъ горъ на общее совѣщаніе, на которомъ составлено было уложеніе, имѣющее силу до сихъ поръ въ калмыцкомъ судѣ. Въ уложеніи этомъ постановлено: чинить строгое наказаніе (не смертную однако казнь) за разбой, убійство, воровство, грабительство, безчестіе

духовныхъ лицъ, за непочтеніе къ родителямъ, учителямъ, кто не пуститъ къ себѣ проѣзжаго ночевать, причинитъ пожаръ и насиліе женщинѣ, а кто только поцѣлуетъ чужую жену нахально, тому публично давать оплеуху; кто струситъ непріятеля, у того отбирать всѣ военные доспѣхи и налагать пеню; но кто окажетъ храбрость и защититъ отъ удара непріятеля своего собрата, того награждать конемъ и оружіемъ. Кто же спасетъ на войнѣ жизнь своему владѣльцу, тотъ дѣлается *дарханомъ* (вольноотпущеннымъ) и награждается лучшими военными доспѣхами. Въ совѣщаніи этомъ участвовалъ, вмѣстѣ съ прочими, и торгоутскій тайша Харлюкъ, которому наслѣдовалъ первоначально сынъ его Щурукъ-Дайчингъ, а потомъ внукъ Пунцукъ—лица совершенно безцвѣтныя. Правленіе ихъ ничѣмъ не ознаменовано, кромѣ того, что при Дайчингѣ калмыцкіе послы дали царю Алексѣю Михайловичу шертовальную грамоту на подданство Россіи, а при Пунцукѣ прикочевали къ Волгѣ и были присоединены къ торгоутамъ хошоуты. Наконецъ на горизонтѣ калмыцкой исторіи является яркая звѣзда славы, междоусобицъ и хитрой политики. Это преемникъ и сынъ Пунцука, Аюка. Правленіе его началось тѣмъ, что, вслѣдствіе заранѣе устроенныхъ связей, прикочевала къ нему родная его тетка Доржи-Арантанъ съ 3-мя тысячами кибитокъ. Въ отношеніи русскаго правительства Аюка первоначально оказалъ полное повиновеніе; подтвердивъ шертовальныя грамоты дѣда и отца, онъ, кромѣ того, въ 1670 г. далъ воеводѣ Одоевскому еще свою, такого содержанія: «Чтобъ быть ему, Аюкѣ, съ его родомъ, улусными калмыками и нагайцами у его великаго государя Алексѣя Михайловича въ вѣчномъ подданствѣ и ходить вмѣстѣ на непріятеля; съ турецкимъ султаномъ, съ персидскимъ шахомъ, крымскимъ ханомъ, азовскимъ беемъ не пересылаться и ни въ чемъ имъ не помогать; когда гдѣ случится ихъ калмыцкимъ войскамъ быть вмѣстѣ съ россійскими, въ такомъ случаѣ не измѣнять и надъ ними хитростей не дѣлать; подъ россійскіе города войною не ходить; селъ, деревень не жечь и, гдѣ бы ни было, на россійскихъ людей и подданныхъ россійскихъ, татаръ, не нападать и ихъ не побивать и не разорять, и для дѣлъ людей присылаемыхъ въ калмыцкіе улусы не грабить, астраханскихъ татаръ, ушедшихъ въ калмыцкіе улусы и желающихъ возвратиться въ Астрахань, неволею не держать и не грабить, но отпускать и впредь къ себѣ таковыхъ не призывать и не приманивать; россійскихъ подданныхъ христіанъ и иновѣрцевъ, выходящихъ изъ полону изъ Бухары, Хивы и другихъ мѣстъ, имъ калмыкамъ у себя

не держать; торги подъ Астраханью чинить съ русскими людьми безъ всякихъ ссоръ и раздоровъ». Изъ всѣхъ этихъ обѣщаній, весьма покорныхъ и выгодныхъ для Московскаго двора, Аюка, положительно можно сказать, не исполнилъ ни одного: подчинивъ себѣ очень невдолгѣ дербетовскаго владѣльца Соломсерена съ его улусными людьми, въ числѣ 4-хъ тысячъ кибитокъ, и соединясь потомъ съ бунтующими башкирцами, онъ сталъ нападать на русскіе города, доходилъ даже до предѣловъ Казанскаго и Уфимскаго уѣздовъ, разорялъ и жегъ тамъ села, деревни, грабилъ на дорогахъ и на промыслахъ русскихъ людей, бралъ въ полонъ черемисъ, съ ихъ женами, дѣтьми, отгонялъ ихъ конскіе и скотскіе табуны... Остановленный наконецъ угрозами нашего правительства, Аюка на прежнемъ же мѣстѣ, близъ Астрахани, на урочищѣ Соляномъ, изъявилъ сокольничему и воеводѣ князю Щербатову покорность и скрѣпилъ ее страшною въ калмыцкомъ смыслѣ клятвою, въ которой призывалъ на себя и на всѣхъ людей своихъ гнѣвъ Божій и огненный мечъ, чтобы непріятель отсѣкъ ему голову его собственною саблею, которую онъ, вынувъ изъ ноженъ, держалъ надъ своею головою и прикладывалъ къ шеѣ. Клятву эту Аюка исполнилъ только видимо, а втайнѣ дозволилъ одному изъ своихъ зайсанговъ напасть на заведенное выше Саратова поселеніе изъ крещеныхъ калмыковъ, разорить и сжечь его до тла, а калмыковъ отвести въ улусы. Когда онъ потомъ былъ спрошенъ по этому случаю, то отвѣчалъ съ новою клятвою, что зайсангъ сдѣлалъ это совершенно безъ его вѣдома. Пытаясь и рискуя такимъ образомъ на грабежи въ предѣлахъ Россіи, Аюка не упускалъ случая воевать и внѣ: онъ дѣлалъ набѣги на киргизъ-кайсаковъ, покорилъ своему подданству монгольскихъ трухменцевъ и скрѣпилъ свои связи съ Зюнгаріею замужествомъ дочери своей Сетеръ-Джапы за тамошняго владѣльца Цеванъ-Раптана. Посреди такого рода успѣховъ, въ самомъ семействѣ Аюки (въ 1701 году) произошла вражда, имѣвшая значительныя послѣдствія: любимый сынъ его Гунжепъ замыслилъ убить старшаго брата своего Чакдаржапа. Онъ послалъ ночью къ кибиткѣ брата калмыка, который выстрѣлилъ въ Чакдаржапа и сильно ранилъ его: всѣ подвластные улусы возстали, такъ что Гунжепъ бѣжалъ въ Саратовъ и самъ Аюка скрылся въ Яицкѣ, а Чакдаржапъ съ братьями и съ большею частью калмыковъ откочевалъ за Уралъ.

Вмѣшательство князя Бориса Алексѣевича Голицына, проѣзжавшаго черезъ Самару, остановило однако эту перекочевку, и только 15 тысячъ кибитокъ ушло за Санжипомъ (сыномъ

же Аюки) въ Зюнгарію. Цеванъ-Рантанъ не оказалъ гостепріимства шурину. Онъ арестовалъ его и препроводилъ обратно къ отцу; но пришедшіе съ нимъ калмыки все-таки прикочевали къ зюнгарскимъ улусамъ. Ослабленный всѣми этими безпорядками, Аюка сталъ изъявлять какъ бы совершенную покорность и, по случаю возникшаго возстанія башкирцевъ, къ которымъ пристали и калмыки и сдѣлали набѣгъ на пензенскую и тамбовскую области, онъ явился къ казанскому и астраханскому губернатору и всю вину сложилъ на тайшей Мункотемира и Чеметя, оправдывая себя тѣмъ, что, по отдаленности кочеванья, ему неизвѣстны были ихъ замыслы. Апраксинъ при этомъ заставилъ его издать общее съ нимъ повелѣніе, чтобы тайши и владѣльцы, подъ страхомъ смертной казни, отнюдь на нагорную сторону Волги не переходили и людей своихъ на грабежи не посылали. Кромѣ того, Аюка обязывался оказывать помощь нашимъ приволжскимъ городкамъ и самъ отъ нихъ ожидать защиты отъ крымцевъ и башкирцевъ. Во исполненіе этихъ условій, въ 1710 году онъ отправилъ пятитысячный отрядъ для усмиренія башкирцевъ и назначилъ десять тысячъ кибитокъ кочевать на Дону и по рѣкамъ Салу и Манычу для удержанія набѣговъ кубанцевъ и некрасовской шайки донскихъ казаковъ. Все это не мѣшало однако ему входить въ сношеніе съ китайскимъ императоромъ и стяжать славу—получить отъ далай-ламы титулъ хана. Съ этой цѣлью, вѣроятно, отправляя дочь свою Сетеръ-Джапу въ замужество за зюнгарскаго владѣльца, онъ далъ ей въ провожатые роднаго сына ея Рабжура, который на обратномъ пути въ Россію, какъ бы страшась нападенія отъ враждебныхъ племенъ, долженъ былъ заѣхать въ Пекинъ, куда Аюка, чтобы окончательно обезпечить возвращеніе сына, отправилъ еще другого посланника своего, Самтона. Китайскій дворъ, въ свою очередь, былъ столько же вѣжливъ, что все-таки опасался отпустить Рабжура, и вознамѣрился самъ отправить посольство къ Аюкѣ, для совѣщанія о семъ обстоятельствѣ.

Съ разрѣшенія русскаго правительства, послы проѣхали черезъ Сибирь и Казань. Аюка встрѣтилъ ихъ (въ 1713 году) съ величайшимъ почетомъ и увѣрялъ въ глубокой преданности богдыхану, замѣчая при этомъ, что хотя калмыки и отчуждены пространствомъ отъ Срединнаго государства, но по одеждѣ своей ничѣмъ отъ этихъ пословъ не отличаются. Въ 1715 году счастливая звѣзда Аюки стала померкать: кубанскій султанъ Бакши-Гирей пришелъ съ войскомъ на Волгу и при Астрахани напалъ на калмыцкіе улусы,—нѣкоторые изъ нихъ разорилъ, кибитку Аюки захватилъ со всѣмъ ея имуществомъ и

наконецъ отбилъ находившихся въ калмыцкомъ подданствѣ джетысановъ и дженбулуковъ. Самъ ханъ съ семействомъ спасся только подъ защитою полка капитана князя Бековича, который однако въ битву съ кубанцами не вступилъ, потому что непріятель былъ гораздо многочисленнѣе. Аюка оскорбился этимъ и тутъ же послалъ къ хивинскому хану секретное извѣстіе, что Бековичъ, подъ видомъ посла, идетъ въ Хиву войною. Предупрежденные такимъ образомъ хивинцы встрѣтили князя и разбили его на голову. Съ кубанскимъ султаномъ Аюка заключилъ перемиріе и послалъ на Кубань сына своего Чакдаржапа съ войскомъ, который разорилъ тамошнихъ татаръ (не подданныхъ, впрочемъ, султана) и привелъ назадъ джетысановъ и дженбулуковъ, оставивъ изъ числа ихъ у Гирея 170 человѣкъ, которые ни больше ни меньше какъ должны были служить тому проводниками на случай набѣга кубанцевъ на русскія владѣнія, и когда походъ этотъ состоялся, и когда Бакши-Гирей проходилъ мимо волжскихъ городовъ, начальники которыхъ просили у Аюки помощи, онъ отвѣчалъ, что безъ указу учинить того не можетъ, какъ и князь Бековичъ, при нападеніи на него, Аюку, кубанскихъ татаръ, стрѣлять по онымъ безъ указа не осмѣлился.

Въ 1722 году умеръ старшій сынъ и наслѣдникъ Аюки Чакдаржапъ, передавъ наслѣдственную печать на ханство старшему сыну своему Дасангу, но старый ханъ съ своей стороны молчалъ. Около этого времени Петръ путешествовалъ по Волгѣ въ Персію. Ханъ Аюка и жена его Дармо-Бала представились ему. Императоръ, видя престарѣлость хана, назначилъ ему наслѣдникомъ нойона Дорчжу Назарова, какъ самаго преданнаго русскому правительству, о чемъ и было сему послѣднему объявлено съ тѣмъ, что онъ, по вступленіи на ханство, долженъ будетъ отдать сына своего въ аманаты. Аюка продолжалъ молчать: тайное намѣреніе его было утвердить ханство за однимъ изъ двухъ сыновей своихъ—Церенъ-Дондокомъ. Съ этой цѣлью онъ поссорилъ Дасанга съ братьями и велѣлъ даже сдѣлать на него набѣгъ внуку своему Донконъ-Омбѣ.

Въ 1724 году смерть прекратила дальнѣйшія дѣйствія Аюки. Жена его, ханша Дармо-Бала, бывшая въ связи съ внукомъ своимъ Дондокъ-Омбой, вознамѣрилась выйти за него замужъ и сдѣлать его ханомъ; но русское правительство воспрепятствовало этому браку и первоначально назначило намѣстникомъ ханства сына Аюки, Церенъ-Дондока. Недовольный Дондокъ-Омба возмутилъ калмыковъ, которые стали производить грабежи и разбои на Волгѣ, такъ что отъ Царицына до Са-

ратова нужно было содержать особенную команду изъ 900 человѣкъ казаковъ. Дондокъ-Омба бѣжалъ въ Кубань, но и Церенъ-Дондокъ недолго удержалъ за собой намѣстничество: за пьянство и слабое управленіе улусами онъ былъ лишенъ нашимъ правительствомъ ханства и задержанъ въ Царицынѣ, а Дондокъ-Омба вызванъ изъ Кубани и, занявъ его мѣсто, порядкомъ въ управленіи напомнилъ нѣсколько дѣда своего, но послѣ смерти его снова началась безурядица. Наслѣдникомъ своимъ Дондокъ-Омба, умирая, назначилъ десятилѣтняго сына своего Рандула, объявивъ, что ханство онъ ему испросилъ уже у далай-ламы... Мать Рандула, кабардинка Джанъ, безъ императорской власти, хотѣла окончательно утвердить за сыномъ своимъ народное правленіе; прямой наслѣдникъ ханства (старшій сынъ Омба) Галданъ-Данжинъ, его родственники, знатные зайсанги и беи были мучимы и лишены жизни.

Для прекращенія этихъ безпорядковъ былъ присланъ изъ Петербурга тайный совѣтникъ Татищевъ, и намѣстникомъ ханства назначенъ внукъ хана Аюки, Дундукъ-Даша, который въ 1756 году былъ утвержденъ дѣйствительнымъ ханомъ, а сынъ его Убаши—наслѣдникомъ ханства, о чемъ и было имъ объявлено торжественно астраханскимъ губернаторомъ Жилинымъ. Передаю этотъ церемоніалъ съ нѣкоторою подробностью, потому что онъ весьма вѣрно и живо характеризуетъ калмыковъ и отношенія нашего правительства къ нимъ:

«Ханъ и губернаторъ предположили съѣхаться ниже Чернаго-Яра, при урочищѣ, называемомъ Соленымъ. Французскій тонъ елизаветинскихъ временъ перенесенъ былъ на этотъ разъ и въ калмыцкія степи. Губернаторъ началъ свои сношенія съ ханомъ *визитами*: первый, впрочемъ, пріѣхалъ, уговоренный къ тому асессоромъ Бакунинымъ, ханъ съ сыномъ, съ знатными зайсангами и калмыками, до 5-ти тысячъ человѣкъ. Во время приближенія ихъ къ губернаторской ставкѣ, отдана была отъ караула честь, безъ барабаннаго, впрочемъ, боя, при чемъ вся бывшая при губернаторѣ команда стояла въ парадѣ, а передъ ставкою встрѣтилъ ихъ полковникъ Юнгеръ съ оберъ-офицерами. Губернаторъ же принялъ хана и свиту его въ ставкѣ, вставъ съ креселъ, и, посадивъ по лѣвую отъ себя сторону хана въ кресла, а сына на стулъ, прочиталъ имъ жалованную отъ ея императорскаго величества грамоту. Присяги, которыя они должны были сдѣлать, ханъ съ сыномъ слушали стоя и снявъ шапки, а потомъ, сказавъ, что резиденція ея императорскаго величества, какъ имъ думается, лежитъ на востокѣ, припали оба на колѣни и произнесли благодареніе и, обѣщаясь со слезами на всю жизнь служить

безъ всякой отмѣны, земно и троекратно кланялись въ ту сторону.

«На другой день губернаторъ, имѣя при себѣ полковника Юнгера, асессора Бакунина, офицеровъ и секретарей, 24 человѣка пѣшихъ гренадеръ, шесть человѣкъ драгунъ и въ сопровожденіи казаковъ и татаръ, человѣкъ до 100, сдѣлалъ къ хану *контръ-визитъ*. Передъ ханскою кибиткою поставленъ былъ зеленый наметъ, у котораго встрѣтили губернатора ханскіе зайсанги, а у дверей кибитки—и самъ ханъ, прося губернатора, чтобы онъ вступилъ первый въ кибитку, гдѣ сидѣвшіе ханша и сынъ его, а также жены зайсанговъ, при входѣ губернатора встали со своихъ мѣстъ. Ханъ посадилъ губернатора по правую отъ себя сторону въ кресла, а свиту его на стулья. Владѣльцы же калмыцкіе и зайсанги сѣли по лѣвую сторону, по ихъ обыкновенію, на землю на коврахъ. Губернаторъ съ ханомъ условились, чтобы формальному объявленію быть на другой день.

«30-го апрѣля, въ первомъ часу пополудни, посланъ былъ за ханомъ губернаторскій берлинъ, заложенный цугомъ, и при немъ сынъ губернаторскій, поручикъ Жилинъ, и шесть человѣкъ гренадеръ съ унтеръ-офицеромъ, а за ханшею коляска асессора Бакунина, которую, вмѣстѣ съ вдовой хана Аюки, губернаторъ приглашалъ на *контръ-визитъ;* но послѣдняя, извиняясь болѣзнью, не поѣхала, а ханъ и ханша пріѣхали въ предназначенномъ за ними экипажѣ, а сынъ ихъ верхомъ, и при нихъ были калмыцкіе владѣльцы, гелюнги и другіе калмыки, тысячъ до десяти. Знатные всѣ были въ парчевыхъ и другихъ богатыхъ платьяхъ. При появленіи поѣзда, стоявшіе въ строю гренадеры и солдаты учинили честь поднятіемъ ружья на-караулъ, и ханъ съ сыномъ были встрѣчены и посажены въ большой десятирѣшетчатой кибиткѣ съ прежнею церемоніею, а ханша, съ пріѣхавшими съ ней зайсангскими женами, по собственному ихъ желанію, сѣли на особливо для нихъ приготовленное, по ихъ обыкновенію, мѣсто, на землѣ, на коврахъ, а также и прочіе владѣльцы, гелюнги и зайсанги.

«Губернаторъ первоначально предложилъ присяги, ханъ и сынъ его прочли ихъ передъ идоломъ Шакджимуни, потомъ возлагали ихъ себѣ на голову и затѣмъ подъ присягами подписались собственноручно, а ханъ къ обѣимъ приложилъ свою печать.

«Послѣ того губернаторъ приказалъ своему секретарю прочитать вслухъ жалованную ея императорскимъ величествомъ грамоту на русскомъ и на калмыцкомъ языкѣ, которая, кромѣ

того, въ четырехъ мѣстахъ за губернаторскою ставкою была читана для народа. Послѣ чтенія вручены были хану дарственные знаки въ такомъ порядкѣ: саблю опоясалъ на него асессоръ Бакунинъ, шубу надѣлъ губернаторскій сынъ, поручикъ Жилинъ, а шапку подполковникъ Юнгеръ; знамя держалъ штыкъ-юнкеръ, губернаторскій племянникъ, Кадниковъ, у котораго принялъ оное ханскій зайсангъ и вынесъ за ставку распущеннымъ. Сверхъ того ханъ снялъ съ себя шубу, саблю и шапку и велѣлъ все это также держать за ставкою для показанія народу. Бывшая между тѣмъ при губернаторѣ команда учинила хану честь поднятіемъ ружья на-караулъ съ барабаннымъ боемъ, а потомъ былъ троекратно веденъ бѣглый огонь при пушечной пальбѣ. Затѣмъ слѣдовалъ офиціальный столъ.

«2-го мая ханъ отплатилъ губернатору такимъ же офиціальнымъ обѣдомъ, послѣ котораго происходила обыкновенная въ калмыцкомъ народѣ при ихъ празднествахъ и торжествахъ борьба, а потомъ зажженъ по приказу губернатора фейверокъ, на что ханъ и весь народъ смотрѣлъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ.

«При прощаніи (3-го мая) ханъ провожалъ губернатора и, указывая на одинъ высокій бугоръ, объявилъ, что онъ намѣренъ тутъ, въ память оказанной къ нему и къ сыну его высочайшей ея императорскаго величества милости, воздвигнуть каменный столбъ, съ пристойными на немъ надписями на русскомъ и калмыцкомъ языкахъ».

Утвержденный такимъ образомъ въ ханствѣ Дундукъ-Даша исполнилъ съ своей стороны присягу въ отношеніи русскаго правительства до конца своей жизни; но сынъ его Убаши, выведенный изъ терпѣнія глупымъ, жестокимъ и корыстнымъ управленіемъ завѣдывающаго калмыцкими дѣлами генералъ-майора Кишенскаго, соединившись съ внукомъ Дондукъ-Омбы, Цебекъ-Дорчемъ, откочевалъ изъ Россіи ровно съ 28-ю тысячами кибитокъ калмыцкаго народа, и за симъ побѣгомъ остались въ Россіи только полковникъ *князь Дундукъ*; сынъ умершаго владѣльца Ассарги, *Цаганъ-Кичинъ;* владѣлецъ *Маша*; владѣлецъ *Цагалай;* владѣлецъ *Цаганъ;* владѣлецъ *Тюмень;* владѣлецъ *Джаньчангъ;* владѣлецъ *Нохонъ-Кюбенъ* съ братомъ; жена владѣльца Яндыка *Бютека;* владѣльцы—*Цендекъ-Доржи*, *Санжилъ* и *Габунъ-Намки.* Въ подданствѣ у нихъ, по ихъ показаніямъ, осталось до 13-ти тысячъ кибитокъ. Всѣ эти владѣльцы, со своими подвластными улусами, вошедши въ общій составъ другихъ покоренныхъ племенъ, поступили въ завѣдываніе министерства иностранныхъ дѣлъ, а нынѣ подчинены вѣдомству государственныхъ имуществъ.

Пройдя такого рода историческій путь, не совсѣмъ благопріятный для сохраненія народности, астраханскіе калмыки сохранили однако до сихъ поръ свой кочевой и нѣкоторымъ образомъ родовой бытъ. Первымъ основаніемъ ихъ общественнаго устройства послужилъ у нихъ *хотонъ*, т.-е. соединеніе нѣсколькихъ близко-родственныхъ семей для общаго кочеванія неподалеку другъ отъ друга. Хотономъ обыкновенно управлялъ какой-нибудь общій всѣмъ дѣдъ или прадѣдъ. Соединеніе нѣсколькихъ хотоновъ, хотя и въ дальней степени, но родственныхъ между собой, составило *айманъ*, которымъ управлялъ дѣдъ или прадѣдъ старшаго хотона и назывался *зайсанъ*. Званіе это сдѣлалось наслѣдственнымъ отъ отца къ сыну.

Изъ аймановъ составились роды *(анги)*, которые, впрочемъ, не имѣли особеннаго общественнаго значенія и, въ свою очередь сливаясь, составили *улусъ*, цѣлый отдѣльный народъ, правитель котораго назывался *нойономъ*, господиномъ, и былъ обыкновенно изъ ближайшихъ родственниковъ *тайши*, правителя всего народа, носившаго иногда, какъ мы видѣли, титулъ хана.

Въ настоящее время *тайшей* нѣтъ, ихъ замѣняетъ управляющій астраханскою палатою государственныхъ имуществъ, но есть нойоны, владѣльцы улусовъ: *Экицохоровскаго*, *Яндыковскаго*, *Харахусовскаго*, *Ердени-кичиковскаго*, *Большедербетовскаго*, *Малодербетовскаго*, *Хошутскаго*. Два улуса, *Богоцохуровской* и *Еркетеневскій*, какъ выморочные, принадлежатъ казнѣ. Нойоны носятъ названіе *цаганъ-ясанъ (бѣлокостныхъ)*. Наше крѣпостное право предъ властью нойона надъ своими подданными можетъ показаться дѣтской забавой. Зайсанги, тоже называемые *цаганъ-ясанъ*, подчинены владѣльцамъ улусовъ и сами пользуются нѣкоторыми правами владѣнія надъ своими аймаками, которые безраздѣльно переходятъ отъ отца къ которому-нибудь изъ сыновей, и вслѣдствіе того другія дѣти его дѣлаются зайсангами безаймачными.

Каста духовенства калмыцкаго безбрачна, и каждое семейство, имѣющее трехъ сыновей, посвящаетъ одного изъ нихъ съ юныхъ лѣтъ духовному званію, которое представляетъ собой нѣсколько градацій. 1) Старшій изъ всего духовенства—лама (верховный первосвященникъ). Онъ живетъ въ Харахусовскомъ улусѣ. Его избираютъ всѣ калмыки изъ гелюнговъ. 2) Бакша (высшій учитель вѣры). Ихъ много въ каждомъ хурулѣ. Они что-то въ родѣ благочинныхъ. 3) Гелюнги (жрецы); ихъ по нѣскольку въ каждомъ хурулѣ. 4) Гецуль (служитель вѣры)—какъ бы дьяконъ. 5) Манжи (ученикъ вѣры)—въ родѣ дьячка.

Кромѣ того, гунхудъ (начальникъ хора), который начинаетъ службу. Гейкъ (ключарь)—завѣдывающій хурульною утварью. Нирба (экономъ), у котораго на рукахъ часть продовольственная. Бурхачи (блюститель чистоты и цѣлости жертвъ въ хурулѣ).

Простолюдины *(хара)*, черные, почти не имѣютъ никакихъ личныхъ правъ. Они или принадлежатъ аймаку, гдѣ несутъ всевозможныя повинности въ отношеніи нойоновъ и зайсанговъ, или составляютъ у владѣльцевъ дворню *(кеточинеровъ)*, или приписаны къ хуруламъ, которымъ они пожертвованы своими нойонами.

Всѣ эти четыре касты осмыслены, утверждены и окончательно обезпечены отъ всякой реформы самой религіей калмыковъ.

Далеко не знакомый съ сущностью ихъ вѣроученія, я воспользуюсь въ этомъ случаѣ, съ буквальною точностью, нигдѣ еще ненапечатанной статьей г. Черкасова, спеціально-ученаго въ этомъ отношеніи и обязательно сообщившаго мнѣ все, что̀ можетъ уложиться въ мои бѣглые путевые очерки:

«Калмыки исповѣдуютъ вѣроученіе ламаитовъ, которое, по преимуществу, носитъ на себѣ характеръ политическій.

«Побѣды тангутовъ подъ Китаемъ и Хай-хурами дали имъ возможность подчинить своему вліянію народы, обитающіе между границами Китая и юго-восточными берегами Каспійскаго моря. По мѣрѣ расширенія ихъ власти, распространилось между этими народами и магометанство. Между тѣмъ на востокѣ Азіи явилось христіанство. Оно проникло въ Зюнгарію и Китай, вѣроятно, отъ грековъ, колоніи которыхъ распространились до самыхъ устьевъ Инда. Такимъ образомъ въ нѣдрахъ Средней Азіи явились четыре религіозныя ученія: фотаитовъ, тхаишевъ, магометанское и христіанское. Весьма естественно, что, по различію этихъ ученій, среднеазіатскіе народы распались бы на отдѣльныя государства, и ослабло бы вліяніе проповѣдниковъ; но какъ при всякомъ умственномъ переворотѣ неизбѣжна борьба новыхъ идей съ обычаями, повѣрьями, предразсудками, суевѣріемъ и вѣрованіемъ, то и здѣсь нужно было много времени, чтобы совершилось торжество новыхъ ученій, особенно христіанскаго, имѣющаго цѣлью измѣненіе внутренняго бытія человѣка. Фотаиты воспользовались этимъ и, измѣнивъ свою политику, создали новое, смѣшанное вѣроученіе — вѣроученіе ламаитовъ, въ которомъ, сохраняя идеи прежнихъ вѣроученій, привили къ нимъ понятія магометанства и даже христіанства, внеся идею о Всемогущемъ и Предвѣчномъ. Кромѣ того, желая удержать могу-

щественное вліяніе своей касты, они попрежнему уравновѣшиваютъ въ новомъ ученіи политику и религію и неразлучно съ ними соглашаютъ и философію. Въ вѣроученіи ламаитовъ отражаются, какъ въ зеркалѣ, всѣ прежнія ученія, почему и сочиненіе, служащее основою вѣроученія, извѣстно подъ названіемъ *Зеркала міра.* Предметами новаго ученія сдѣлались неизглаголанный Творецъ и необъятное твореніе: Богъ и природа, міръ и человѣкъ. Эта религія до сего времени существуетъ въ Китаѣ. Ей слѣдуютъ монголы и ее исповѣдуютъ астраханскіе калмыки. Ламаиты, признавая Бога, Творца вселенной, не олицетворяютъ его ни въ какомъ подобіи, а сохраняютъ понятіе чисто-отвлеченное, какъ о существѣ предвѣчномъ, всеблагомъ и вездѣсущемъ. Они полагаютъ его превыше вселенной, въ странѣ, чуждой всякой матеріи, гдѣ нѣтъ ни образа, ни цвѣта, ни тѣни, и страну эту называютъ *Нарваною,* о которой имѣютъ понятіе также отвлеченное: въ ней не свѣтъ матеріальный и не отсутствіе его, не мракъ и не отсутствіе мрака; въ этой странѣ ничто не сознаётъ себя отдѣльно; въ ней все свободно, самобытно, ничто не существуетъ особою жизнью. Въ этой странѣ, въ невидимомъ источникѣ жизни, хранится источникъ и начало всякой жизни и законъ видимой природы. Понятіе о предвѣчномъ, благомъ и вездѣсущемъ ламаиты почерпаютъ изъ откровенія, какъ это можно видѣть изъ самаго начала сочиненія *Зеркало міра,* которое начинается понятіемъ о Богѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «поклоняюсь свято-добродѣтельному *Джинъ-Садину,* удостоенному соучастія славныхъ откровеній Предвѣчнаго Творца, не имѣющаго подобія и въ могуществѣ равнаго; да видитъ твореніе дѣло рукъ творителя въ святомъ ученіи».

«Ученіе ламаитовъ, проповѣдуя Творца, отрѣшаетъ затѣмъ прежнія понятія о самопроявленіи и развитіи видимой вселенной; а чтобы отсѣчь навсегда всякую мысль и толкованіе объ этомъ, ламаиты проповѣдуютъ, что видимая вселенная не есть вселенная первозданная и что она имѣла уже одиннадцать видоизмѣненій.

«Почерпая первыя понятія о вселенной изъ откровенія, они признаютъ въ міровомъ міростроеніи три дѣйствующія силы: 1) *силу творящую* 2) *силу создающую—духъ* и 3) *матерію.*

«Изъ совокупнаго дѣйствія этихъ міровыхъ силъ ламаиты опредѣляютъ происхожденіе видимой вселенной и объясняютъ его слѣдующимъ образомъ: все видимое во вселенной духовное и матеріальное составляло одно цѣлое, вмѣстѣ слитое, въ которомъ хранились законы жизни *(Заянъ).* Вслѣдствіе этихъ законовъ жизни, слитое цѣлое состояніе вселенной пришло въ

броженіе: части болѣе тяготѣющія осаждались, сгущались и образовали океаны облаковъ. Послѣ того, по тѣмъ же міровымъ законамъ, произошли вѣтры, которые слившуюся, тяжелую массу разорвали и разнесли на разныя пространства, и такимъ образомъ образовались особые міры, дѣйствующіе, вслѣдствіе одинаковости происхожденія, по однимъ и тѣмъ же законамъ.

«Каждый міръ, развиваясь по законамъ своей жизни, достигнувъ крайней степени развитія, создаетъ законы новой жизни и дѣятельности и, вслѣдствіе этихъ новыхъ законовъ, служитъ началомъ новыхъ міровъ, утрачивая въ нихъ свой образъ бытія. Съ измѣненіемъ одного міра измѣняются и всѣ системы міровъ, такъ какъ они начинаются и дѣйствуютъ въ одно и то же время, по однимъ и тѣмъ же законамъ.

«Каждая система и каждый міръ отдѣляются пустотою и воздушнымъ пространствомъ. Отъ этого раздѣленія духа и матеріи произошли два міра: міръ духовный и міръ матеріальный. Каждый изъ этихъ міровъ составляетъ особенный міръ, исполненный жизнью различныхъ духовныхъ существъ, полныхъ дѣятельности; духовные дѣятели раздѣляются на два разряда: на духовъ свѣтлыхъ, которыхъ обитель составляетъ все воздушное пространство, и на духовъ тьмы, духовъ матеріи, обитель которыхъ—земля и глубь преисподняя.

«Обитель свѣтлыхъ духовъ *(тенгиріевъ)*, занимающихъ воздушное пространство, раздѣляется на тридцать степеней, отдѣленій и царствъ, образующихъ особенные три духовные міра. Міры эти, представляя виды трехъ цвѣтовъ свѣта, состоятъ изъ разныхъ элементовъ: первый составляетъ духъ, слитый съ самыми тончайшими частицами матеріи; второй міръ—духъ, чуждый матеріи, а потому свѣтлый, и третій—исполненный лучезарнаго блистанія и силы. Въ кругахъ предѣловъ этихъ міровъ, десять степеней свѣта, постепенно утончаясь, одинъ послѣ другого, сливаются наконецъ въ безразличную недѣлимость. Поэтому и духовныя существа слѣдуютъ тѣмъ же законамъ, т.-е. въ послѣднихъ или самыхъ высшихъ слояхъ свѣта они сливаются въ каждомъ мірѣ въ одно существо, одно недѣлимое.

«По различію міровъ, всѣ цѣлыя недѣлимыя существа имѣютъ свои отдѣльныя имена и отдѣльную дѣятельность. Недѣлимое существо перваго міра называется *Бурханъ*, второго—*Будда-Сатва*, третьяго—*Будда*. Обязанность недѣлимаго перваго міра—соприсутствовать на землѣ непрерывно и укрѣплять духъ; обязанность второго—являться на землѣ, оживлять духъ; обязанность третьяго недѣлимаго — соприсутствовать у

престола Предвѣчнаго, укрѣпляться его мудростью и силою и этою мудростью и силою укрѣплять недѣлимыя низшихъ міровъ.

«Обитель духовъ матеріи, духовъ тьмы, начинаясь съ внѣшнихъ предѣловъ обитаемаго нами міра, нисходитъ въ глубь преисподней. Она раздѣляется на три главныя степени или области: на область *Ассурей*—разсѣянныхъ по лицу земли, или внѣшней матеріальной природы, на область *Эрлиновъ*, занимающихъ глубь земли, и на область *Беритовъ*, занимающихъ преисподнія земли. За этими областями царство мрака, за которымъ слѣдуетъ адъ. Адъ раздѣляется на три главныя страны: *страну мученія, страну страданія* и *страну очищенія*. Каждая степень духовъ и каждая страна ада имѣетъ еще особыя подраздѣленія, такъ что степени или области духовъ свѣта и духовъ тьмы составляютъ двѣ лѣстницы, изъ которыхъ одна восходитъ превыше вселенной, въ обитель безмятежнаго покоя и блаженства, другая — нисходитъ до области ада, въ обитель мукъ и страданій.

«Отъ противоположности міровъ, противоположны и призванія духовъ, самыя стремленія и дѣятельность ихъ. Духовъ свѣтлыхъ, *тенгиріевъ*, долгъ и призваніе возвышать духъ, водворять на землѣ добродѣтель и тѣмъ распространять, размножать свою природу.

«Духовъ тьмы долгъ распалять страсти, возжигать огонь сладострастныхъ побужденій и сѣять плевелы на землѣ, дабы тѣмъ убивать духъ, заключать его въ узахъ матеріи и тѣмъ размножать свою матеріальную природу. Духовъ тьмы ученіе ламаитовъ не признаётъ однакоже духами злыми и противниками чистѣйшихъ небожителей, потому что они служатъ средствомъ къ обнаруженію добра. Поэтому духи тьмы, какъ и духи свѣтлые, признаются существами достойными почитанія. Духи матеріи, сверхъ общаго ихъ призванія и дѣятельности, отъ различныхъ элементовъ, изъ которыхъ получаютъ начало жизни, имѣютъ еще особую дѣятельность въ развитіи своихъ началъ, своихъ источниковъ жизни.

«Міръ, нами обитаемый, ламаиты опредѣляютъ состоящимъ изъ четырехъ элементовъ: воздуха, огня, земли и воды. Каждый изъ этихъ элементовъ, какъ представитель духовной дѣятельности, въ немъ живущей, имѣетъ вліяніе на судьбу и жизнь человѣка и потому обоготворяется

«Каждый дѣятель составныхъ частей обитаемаго нами міра старается развить свою природу на счетъ духа и началъ другихъ стихій, вслѣдствіе чего и происходитъ различіе въ перемѣнахъ года: весны, лѣта, осени и зимы.

«Среди объясненныхъ дѣятелей вселенной, на поверхности земли царство человѣка, колыбель и престолъ его — Индія. Царство это, занимая рубежъ между міромъ духовнымъ и міромъ матеріальнымъ, совмѣщаетъ въ себѣ духъ и матерію, почему и составляетъ третій міръ — міръ существъ органическихъ, высшимъ проявленіемъ котораго — царемъ міра — является человѣкъ и преобладающій его элементъ, духъ. Человѣкъ, совмѣщая въ себѣ два начала, міра матеріальнаго и міра духовнаго, совмѣщаетъ и потребности жизни обоихъ міровъ, оттого и побужденія его двойственны: духовный элементъ побуждаетъ человѣка къ соединенію съ сильнѣйшимъ и чистѣйшимъ началомъ природы своей — духомъ, но въ то же время другой элементъ—матерія или плоть—подчиняетъ человѣка всѣмъ побужденіямъ матеріальнаго организма.

«Такимъ образомъ человѣкъ поставленъ въ борьбѣ съ самимъ собою, съ требованіями и побужденіями матеріальной природы и потребностями природы духовной. Отсюда два понятія о добрѣ и злѣ, изъ которыхъ подъ первымъ разумѣется строгая жизнь, удаленіе плотскихъ вожделѣній, неутомимое бодрствованіе надъ страстями, благотворительность съ чистымъ намѣреніемъ и сострадательность къ другимъ тварямъ; подъ вторымъ — сладострастіе и чувственныя вожделѣнія, неисполненіе духовныхъ обязанностей, смертоубійство, ссоры, войны, неподаніе милостыни. Двойственность природы человѣка при рожденіи — покойна, безсознательна.

«Начало же его бытія, по преобладающему духовному элементу, въ области добра, но въ то же время его окружаетъ и другая область, прелесть и очарованіе видимой природы. Поэтому человѣкъ безсознательно могъ бы стремиться въ ту или другую область, т.-е. могъ бы быть или безсознательно добрымъ, или безсознательно злымъ, но, по мѣрѣ его развитія, въ немъ является третья сила — *высшій умъ* или *самосознаніе*, дающая ему возможность отличить добродѣтель отъ порока, добро отъ зла. Вслѣдствіе этого самосознанія онъ воздерживается отъ всѣхъ побужденій плоти, вожделѣнія страстей, восходитъ по лѣстницѣ добра въ свѣтлую область небожителей—добрыхъ духовъ тенгиріевъ, и наконецъ въ страну блаженства и безмятежнаго покоя, или предается всѣмъ побужденіямъ плоти и нисходитъ въ область мрака, обитель духовъ тьмы, и подвергается страданіямъ ада. При такихъ свойствахъ человѣка, существо его опредѣляютъ состоящимъ изъ трехъ элементовъ: тѣла, духа или души, и наконецъ ума или самосознанія. Совершеннѣйшимъ изъ этихъ элементовъ признаётся умъ, душа и тѣло—слабѣйшими; изъ приведенныхъ

свойствъ человѣка, самосознаніе и духъ вѣчны, матерія или плоть преходящи.

«Признавая въ человѣкѣ три дѣйствующія силы: творческую—умъ, создающую—душу или духъ, и матерію или плоть, ламаиты полагаютъ, что человѣкъ на землѣ олицетворяетъ первозданный образъ міра, какой онъ имѣлъ до начала того порядка, которому слѣдуетъ теперь видимая нами вселенная.

«Дѣйствующія силы человѣка, подобно дѣйствующимъ силамъ вселенной, составляютъ духовную тріаду, выраженную словами: *гурбанъ эрдени*, три драгоцѣнности, подъ которыми разумѣется достигшая полнаго развитія природа человѣка, т.-е. умъ, душа и тѣло.

«Отъ ученія о человѣкѣ ламаиты переходятъ къ ученію о человѣчествѣ, къ образованію и жизни гражданскихъ обществъ. Они, сообразно дѣйствующимъ силамъ природы и человѣка, политическія и гражданскія общества раздѣляютъ на три главные класса или касты: духовную, аристократическую и простолюдиновъ. Кастамъ этимъ приписываютъ различныя начала въ происхожденіи, а потому и призванія или обязанности этихъ кастъ объясняютъ различно. Духовная каста почерпаетъ оживляющій ее духъ отъ двухъ высшихъ духовныхъ существъ: *Будда-Сатвъ* и *Бурхановъ*. Поэтому земное призваніе ихъ тожественно съ обязанностями существъ духовныхъ. Оно состоитъ въ проповѣди о духовныхъ добродѣтеляхъ и чистотѣ дѣлъ, о неусыпномъ мышленіи объ источникѣ жизни, объ укрощеніи страстей, удаленіи отъ плотскихъ побужденій и вообще въ возвышеніи самосознательной силы. Духовная каста, раздѣляясь на нѣсколько степеней, имѣетъ главою одного верховнаго владыку, коему присвоенъ титулъ далай-ламы. Далай-лама почитается существомъ разумнѣйшимъ, совершеннѣйшимъ, чуждымъ всѣхъ мірскихъ слабостей, начальнымъ источникомъ духовной іерархіи, посредникомъ между существами духовными и людьми, существомъ, которому сообщены и въ которомъ хранятся неисповѣдимыя судьбы Предвѣчнаго; поэтому всякое слово далай-ламы — святыня, всякая обязанность, имъ наложенная—воля Предвѣчнаго. Въ лицѣ далай-ламы послѣдователи ламайскаго ученія видятъ не земное существо, а Будда-Сатву, пришедшаго на землю и принявшаго образъ человѣка для блага человѣчества. Поэтому почитаніе его распалено фанатизмомъ до обожанія.

«Аристократическая каста, получая источникъ отъ духовъ свѣта низшихъ степеней, имѣетъ названіе *бѣлокостной*. Каста эта имѣетъ обязанностью попеченіе объ охраненіи и развитіи

духовныхъ силъ, о благосостояніи матеріальномъ, строго уравновѣшивая то и другое.

«Въ членахъ аристократической касты простолюдины видятъ не людей, а только тѣнь ихъ, происходящую отъ свѣта и неразлучную со свѣтомъ.

«Источникомъ жизни касты простолюдиновъ полагаютъ видимую природу, почему и призваніе этой касты на землѣ опредѣляютъ: въ слѣпомъ и безусловномъ повиновеніи и исполненіи обязанностей, назначаемыхъ высшими кастами; въ развитіи своей природы, распространеніи промысловъ, ремеслъ, художествъ, неразлучныхъ съ матеріальнымъ благосостояніемъ человѣка.

«Въ ученіи ламаитовъ, въ противоположность ученію древнихъ буддистовъ, признаётся судья и милосердіе, ибо исполнители судебъ Предвѣчнаго, небожители тенгиріи, при грѣхопаденіи человѣка, нисходятъ изъ свѣтлыхъ странъ на землю, воплощаются въ образѣ человѣка, или въ другихъ видахъ, и возстановляютъ поврежденное человѣческое естество и укрѣпляютъ людей въ добродѣтеляхъ. Эти посланники неба всевѣдущи; все прошедшее и будущее знаютъ наравнѣ съ настоящимъ; отъ нихъ нѣтъ ни одной сокровенной мысли, ибо они, посредствомъ высочайшей мудрости, видятъ все, во всѣхъ странахъ, какъ въ зеркалѣ, и, какъ скоро увидятъ дѣло правды и раскаянія, съ безпредѣльною любовью спѣшатъ на помощь, не имѣя другой цѣли, кромѣ освобожденія духа отъ треволненій плотскихъ страстей. Съ признаніемъ судей и милосердія не опредѣляются наказанія; а, напротивъ, говорится, что человѣкъ, одаренный способностью самосознанія и имѣя передъ собой открытыми въ законахъ вселенной конечныя слѣдствія плотской и духовной жизни, степенью грѣхопаденія самъ себѣ опредѣляетъ и степень наказанія. Зло, слабости или грѣхъ человѣка, по степени ихъ, имѣютъ два главныхъ раздѣленія: *безпромежуточные* и *промежуточные*.

«Это дѣленіе грѣховъ основано на томъ, что за тяжкіе грѣхи человѣкъ подвергается всѣмъ вообще страданіямъ ада, а за грѣхи или слабости — только нѣкоторымъ. Безпромежуточными тяжкими грѣхами почитаются: убійство духовнаго наставника, разрушеніе правилъ вѣры, убійство родителей, убійство воспитателя, наставника, самоубійство, разрушеніе духовныхъ памятниковъ.

«Ламаиты не признаютъ смерти; умереть, по ихъ понятіямъ, значитъ начать другую жизнь въ новой формѣ бытія, по свойству началъ матеріальнаго и духовнаго.

«Матеріальный организмъ хотя и разрушается, но бытіе его

не смертно. Трупъ, какъ мертвое зданіе природы, лишенное оживляющаго его духа, служитъ источникомъ жизни низшихъ органическихъ существъ, лишенныхъ самосознанія.

«Самосознательный духъ человѣка, освободясь отъ тѣла, какъ внѣшней оболочки, или начинаетъ новое высшее бытіе въ странахъ свѣтлаго міра по святости или чистотѣ дѣлъ, — или, по мѣрѣ грѣхопаденія, онъ сходитъ въ область духовъ тьмы и, очищаясь въ преисподней страданіями ада, въ видѣ трелучнаго свѣта вновь возрождается въ своемъ первообразѣ и чистотѣ и потомъ вновь начинаетъ свое земное поприще. По различію началъ, призваній и обязанностей въ жизни людей, — съ кончиною ихъ бытія земного, новая жизнь ихъ не одинакова, равно какъ и начало ихъ бытія не въ однѣхъ степеняхъ свѣта. Далай-лама, какъ существо неземное, принявшее образъ для одного лишь человѣчества, исполнивъ свой долгъ на землѣ, возносится, вслѣдствіе его духовныхъ заслугъ, въ высшую область духовнаго міра, область Будды. Здѣсь его земная и духовная дѣятельность прекращается. Онъ, наслаждаясь созерцаніемъ *Нарваны*, престола Предвѣчнаго, принимаетъ, хранитъ и развиваетъ въ *Будда-Сатвахъ* неисповѣдимыя судьбы Всемогущаго. Исполнивъ этотъ долгъ, онъ погружается наконецъ въ страну *Нарваны* и достигаетъ общенія съ Всемогущимъ.

«Ламы, имѣя источникомъ духовную область *Бурхановъ* и довершивъ духовное бытіе свое ученіемъ далай-ламы, восходятъ въ высшую степень свѣтлаго міра, въ область *Будда-Сатвы*, и затѣмъ исполняютъ его обязанности.

«Бакши, учители вѣры, получающіе начало жизни изъ низшихъ степеней свѣтлаго міра, возвысивши себя свѣтомъ ученія ламъ и сочетавшись съ высшимъ источникомъ первыхъ десяти ступеней, принимаютъ образъ Бурхана. Члены аристократической касты, оставляя свое земное бытіе, свою земную тѣнь, переходятъ къ своему началу жизни — въ міръ духовный, такъ же различно, какъ и члены касты духовной. Богдоханъ возносится непосредственно въ высшія страны высшаго духовнаго міра, вѣнецъ котораго — Будда. Первый моментъ духовнаго начала Богдо-хана не имѣетъ прямого, непосредственнаго сочетанія съ Буддою, но мѣсто его въ крайней точкѣ ореола Будды, въ низшей степени его лучезарности, и для того, чтобы сочетаться съ Буддою, достигнуть недѣлимости съ нимъ и съ его лучезарной силой, — духовное бытіе Богдо-хана духовными заслугами должно перейти всю степень лучезарности Будды. Ханы переселяются въ среднія или вторыя страны духовнаго міра, высшимъ выраженіемъ которыхъ

является Будда-Сатва. Нойоны переходятъ въ страны низшаго духовнаго міра, высшее проявленіе которыхъ составляетъ Бурханъ.

«Такъ какъ члены аристократической касты, по воспріятіи духовнаго бытія, не имѣютъ, подобно членамъ касты духовной, прямого сочетанія съ недѣлимыми первообразами духовныхъ существъ духовнаго міра,—потому переходъ ихъ въ духовную жизнь означается особыми терминами, опредѣляющими мѣсто ихъ духовнаго значенія.

«Переходъ Богдо-хана означается терминомъ *Іо-Іо-до Болоксынъ* (вознесенный); хана: *Хубиль Гаксынъ* (преображенный); нойоновъ—терминомъ: *Іонгургоксынъ* (минувшій, спасенный, избавленный). По началамъ духовной и аристократической касты, тѣла ихъ сожигаются въ прообразованіе того, что смертью ихъ земное бытіе и плотская дѣятельность окончены.

«Каста простолюдиновъ, заимствуя начало жизни изъ видимой природы, источника чисто-матеріальнаго, и имѣя своимъ долгомъ, своимъ призваніемъ на землѣ развитіе своей природы, не имѣетъ непосредственнаго перехода отъ земной жизни къ духовной. Вся самосознательная жизнь членовъ этой касты истощается въ развитіи природы, т.-е. безъ остатка переходитъ въ поколѣніе. Несмотря на это, кастѣ этой не загражденъ однакоже путь въ міръ духовный и въ *Нарвану*, страну безмятежнаго покоя. Такъ какъ всѣ дѣйствующія силы видимой вселенной произошли отъ одного слитаго состоянія, развивались и совершенствовались постоянно, то кастѣ простолюдиновъ переходъ отъ земной жизни къ духовной, путь къ достиженію *Нарваны*, возможенъ только подъ условіемъ, чтобы каждое семейство касты простолюдиновъ, для возведенія бытія своего въ область духовную и для достиженія блаженства, отдѣляло одного изъ дѣтей мужского пола на служеніе Богу и посвящало его духовной кастѣ. Здѣсь юное поколѣніе, при безбрачной жизни, укрѣпляя ученіемъ духъ, усовершенствуя проповѣдью умъ, отреченіемъ отъ міра поборая страсти и утверждаясь въ добродѣтели чистотою жизни и святостью дѣлъ, не только можетъ достигнуть духовной жизни и страны безмятежнаго покоя, но возводить съ собою и своихъ предковъ. Чтобы придать болѣе прелести и занимательности, и тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на воображеніе, ученію ламаитовъ данъ миѳическій, таинственный способъ проповѣди, исполненный поэтическихъ красотъ и формъ. Ламаиты, признавая во всемъ духовномъ и матеріальномъ мірѣ три дѣйствующія силы, тріаду ихъ изображаютъ слѣдующимъ образомъ:

«*Хурмуста* представляется мальчикомъ, ѣдущимъ на бѣломъ слонѣ несказаннаго блеска и прелести. У слона 33 головы, изъ коихъ каждая имѣетъ по 7-ми клыковъ, въ клыкѣ по 7-ми озеръ, въ каждомъ озерѣ по 7-ми цвѣтковъ, въ каждомъ цвѣткѣ по 7-ми невинныхъ дѣвъ небесной красоты, у каждой дѣвы по 7-ми спутницъ, у спутницъ по 7-ми тарелокъ, издающихъ пріятные звуки. Посреди всѣхъ этихъ очарованій, прелести, роскоши, красотъ, возсѣдаетъ на средней главѣ слона *Хурмуста*, на остальныхъ 32-хъ спутники его, а за ними на слонахъ ѣдутъ еще 8 тысячъ спутниковъ. Дорога *Хурмусты* выходитъ изъ рощи, исполненной благоуханія и отрадъ, проходитъ чрезъ четыре пространныя земли и идетъ къ мѣсту собранія всѣхъ небожителей (тенгиріевъ).

«Миѳъ этотъ, сообразно тройственной силѣ, имѣетъ троякое символическое значеніе: онъ изображаетъ первозданную, юную, чистую природу; слонъ его—міръ духовный; 33 головы—33 духовныя степени; спутники и спутницы, цвѣтъ и красота—духовную радость, которая сопровождаетъ невинность и чистоту. Помѣщеніе *Хурмусты* въ средней головѣ слона—предѣлъ, до котораго продолжается земная дѣятельность духа; дорога *Хурмусты* знаменуетъ лѣстницу, ведущую небожителей въ *Нарвану*, страну покоя и блаженства; пространныя земли — 4 міра: матеріальный, органическій, духовный и Нарвану.

«Самъ *Хурмуста* представляетъ юношескій возрастъ и съ нимъ пылкое воображеніе, полное прелестей и самообольщеній, очарованій и стремленій, и наконецъ здѣсь изображаются первыя десять степеней міра духовнаго, въ которомъ достигшіе чистотою дѣлъ люди, сохраняя духъ, сохраняютъ и половое различіе, и отъ взаимнаго сочетанія ихъ, матеріальное ихъ свойство, ниспадая на землю тѣнью, воспроизводитъ *бѣлокостную природу*—аристократію.

«*Шакджи-Мюни* представляется человѣкомъ, сидящимъ на горѣ Будалѣ въ спокойномъ созерцаніи. Передъ нимъ вѣра въ видѣ мѣди. Кругомъ горы раскинуты богатыя рощи изъ плодоносныхъ доревьевъ, на коихъ висятъ зрѣлые плоды. Далѣе потомъ тянутся долины, красующіяся зрѣлымъ рисомъ. Символическое значеніе *Шакджи-Мюни* тоже трояко: онъ выражаетъ природу, достигшую совершеннолѣтія. Въ ней все полно зрѣлости и возмужалости. *Шакджи-Мюни* представляетъ мужество и разсудительность, постоянство, твердость въ исполненіи предпріятій и зрѣлость ихъ плодовъ, и наконецъ здѣсь являются вторыя десять степеней свѣтлаго міра, въ которомъ духъ, очистясь отъ матеріальныхъ частицъ въ первыхъ десяти

степеняхъ и уничтоживъ тѣмъ половое различіе, сочетается въ одно существо, въ одинъ свѣтъ, который и разливается на землѣ.

«*Манзу-Шири* изображается тоже сидящимъ въ созерцаніи на пятиугольной горѣ: съ правой стороны гора Будала, на которую обращенъ взоръ его; остальныя стороны горы усѣяны холмами со спѣлымъ рисомъ и съ другими произрастеніями. Символическій смыслъ здѣсь также троякъ: подразумѣвается природа старѣющаяся и ея наслажденія будущимъ развитіемъ изъ самой собственной ея жизни. Это ея старость и пользованіе плодами мужества; и наконецъ *Манзу-Шири* представляетъ послѣднія десять степеней свѣтлаго міра, въ которыхъ духъ, исполнивъ всѣ обязанности земной жизни, предается духовному смотрѣнію за исполненіемъ обязанностей воплотившагося *Будда-Сатвы* въ образѣ далай-ламъ».

Такова сущность калмыцкаго вѣроученія. Нужно ли говорить, что оно, по своей отвлеченности, не только недоступно для массы народа, но даже и для ихъ гелюнговъ. Для тѣхъ и другихъ вся религія заключается въ обрядовой части. Главное мѣсто священнодѣйствія составляетъ хурулъ. Это та же калмыцкая кибитка, т.-е. войлочный шатеръ, въ которомъ противъ входа устраивается возвышеніе, на которомъ помѣщаются мѣдные истуканы Бурхановъ и что-то въ родѣ образовъ тѣхъ же Бурхановъ, нарисованные на шелковыхъ матеріяхъ. Предъ возвышеніемъ ставится столъ, уставленный обыкновенно разными сосудами, въ которыхъ положены разныя масла, пшено, мука, фрукты; между всѣмъ этимъ разставляются курительныя свѣчки и сдѣланные изъ серебра цвѣты. На полу, отъ жертвенника къ выходу, разстилается коверъ, на который садится духовенство при священнодѣйствіи. Служба обыкновенно производится каждодневно: поутру—*Ероля-Мергуль* и вечеромъ—*Аскана-Мергуль*. Кромѣ каждодневной службы, она производится и съ большею, конечно, торжественностью по праздникамъ, которыхъ установлено довольно значительное число. Дѣля годъ, какъ и мы, на 12 мѣсяцевъ: 1-й *моринъ* *) (около нашего февраля), 2-й *мага*, 3-й *хоинъ*, 4-й *мечинъ*, 5-й *така*, 6-й *ноха*, 7-й *гоха*, 8-й *хулугуна*, 9-й *укюрь*, 10-ю *баръ*, 11-й *тулла*, 12-й *лу*, калмыки празднуютъ въ каждомъ изъ нихъ 8-е, 15-е и 30-е числа, называемыя *мацакъ*. Духовенство и нѣкоторые изъ благочестивыхъ мірянъ въ эти дни не

*) Въ каждомъ мѣсяцѣ у нихъ тоже 4 недѣли, а въ недѣлѣ 7 дней: 1) *нарынъ-гарекъ* (воскресенье, 2) *саронъ-гарекъ* (понедѣльникъ), 3) *мекмиръ* (вторникъ), 4) *умомджи* (среда), 5) *тюрьбе* (четвергъ), 6) *бисанъ* (пятница), 7) *бембе* (суббота).

употребляютъ мясной пищи. Кромѣ того, у нихъ въ году 6 праздниковъ: 1) *Денишиненъ-Діоцункъ* въ мѣсяцѣ *така* (4 іюля), установленный въ честь Бурхана Бакши—покровителя бѣдныхъ; 2) *Дюцункъ* въ мѣсяцѣ *хулугуна* (22 октября), тоже въ честь Бурхана Бакши; 3) въ мѣсяцѣ *моха* (въ августѣ) въ честь Бурхана Майдере—общаго покровителя.

Гораздо важнѣе этихъ праздниковъ три остальные: *Зула-Сара* въ мѣсяцѣ *укюрь* (въ ноябрѣ). Онъ бываетъ передъ наступленіемъ новаго года. Каждый почти калмыкъ въ этотъ день дѣлаетъ изъ муки чашечку, наливаетъ ее коровьимъ масломъ и, сколько ему лѣтъ, столько же дѣлаетъ свѣтиленъ и зажигаетъ ихъ, и получаетъ при этомъ случаѣ по году: напримѣръ, если ему 17 лѣтъ, то послѣ этого дня бываетъ ужъ 18.

Цаганъ-Сара (5 февраля) продолжается семь дней. Онъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что съ него у калмыковъ начинается весна, и они, оставляя свои зимнія кочевья, переходятъ на лѣтнія.

Юрусъ-Сара въ маѣ мѣсяцѣ. Въ продолженіе его всѣ кибитки украшаются зеленью и древесными вѣтвями.

Въ праздникъ и будни калмыцкое духовенство, со своими бритыми головами, съ выщипанной бородой, въ юбкахъ вмѣсто портокъ, въ желтыхъ и красныхъ кафтанахъ, съ четками въ рукахъ, съ перекинутымъ черезъ плечо кушакомъ, въ шапкѣ съ мѣховымъ околышемъ и непремѣнно желтаго цвѣта,—лишь только услышитъ раздирательные звуки священнодѣйствующихъ трубъ, сейчасъ же спѣшитъ къ хурулу, въ который вступаютъ съ босыми ногами и непокрытыми головами. Здѣсь, усѣвшись по старшинству въ двѣ линіи, какъ становится и наше духовенство въ соборномъ служеніи, они берутъ принадлежащій каждому духовный инструментъ. Инструменты эти состоятъ изъ огромныхъ мѣдныхъ трубъ *(бюре)*, дудочекъ *(бикшуре)*, турецкихъ барабановъ *(кенгере)* и наконецъ изъ большихъ морскихъ раковинъ *(дунгъ)*. Сверхъ того есть еще *цанъ* — серебряныя тарелки, и *гандама*—небольшія трубочки, сдѣланныя ни болѣе ни менѣе какъ изъ берцовыхъ костей человѣческихъ, которыя для этого обыкновенно бываютъ оправлены въ серебро. Священнодѣятели, прежде чѣмъ вознесутъ свои мысли въ неизреченную страну *Нарвану*, укрѣпляютъ свое немощствующее тѣло, и для этого имъ приносятъ огромное количество калмыцкаго чая, котораго нѣсколько ложекъ они вливаютъ въ особенный сосудецъ и ставятъ его передъ бурханомъ, а остальное выпиваютъ сами съ проворствомъ и аппетитомъ, къ какому способно только духовенство. Затѣмъ на-

чинается служба, которая состоитъ изъ пѣнія и игранія на описанныхъ мною инструментахъ. Въ какой степени все это невыносимо въ музыкальномъ отношеніи—трудно даже вообразить, и всѣхъ ужаснѣе мнѣ въ этомъ случаѣ показались раковины, надуваемыя мѣхами здоровеннѣйшаго гелюнга. Онѣ пищатъ, ревутъ, стонутъ, и только спасибо еще барабану и тарелкамъ, которые иногда ихъ пересиливаютъ и заглушаютъ. Міряне во время священнодѣйствія не входятъ въ хурулъ и стоятъ около, а женщины даже совсѣмъ никогда не могутъ въ него входить.

Въ рожденіи, свадьбахъ и похоронахъ калмыцкое духовенство тоже принимаетъ значительное участіе. Когда родится ребенокъ, то при матери нѣтъ повивальныхъ бабушекъ, а просто приходятъ сосѣдки. Имя новорожденному у богатыхъ обыкновенно выбираетъ гелюнгъ изъ книгъ, за извѣстную, конечно, плату, а для бѣдныхъ выбираетъ самъ отецъ или кто-нибудь изъ родныхъ, и что̀ только придетъ въ голову: собака, свинья, собачій пометъ, козелъ, морозъ, сенаторъ; для женщинъ иногда это смягчаютъ, называя ихъ лисичкой, куничкой, а иногда даже спокойствіемъ, драгоцѣнностью. Гелюнгъ для новорожденнаго пишетъ на тангутскомъ языкѣ молитву, которую каждый калмыкъ и носитъ потомъ всю жизнь на шеѣ, зашивши въ кожу. Младенца, вмѣсто люльки, заплетаютъ въ лубочный ящикъ, съ тремя отверстіями, и кладутъ въ ротъ сало. Въ этихъ пеленкахъ онъ, говорятъ, остается до тѣхъ поръ, пока не разломитъ ихъ ростомъ. Потомъ, когда дѣти начинаютъ ползать, родители, уходя изъ кибитокъ на работу, обыкновенно привязываютъ ихъ, какъ собачонокъ, на сворку къ кровати на такое разстояніе, чтобы можно было подползти и погрѣться у горящаго цѣлый день по срединѣ каждой кибитки огня, но обжечься и попасть въ самый огонь невозможно. Грудью кормятъ ихъ лѣтъ до трехъ, и около этого времени онъ ужъ начинаетъ и трубку курить. Такимъ образомъ растетъ калмычонокъ и ходитъ обыкновенно голый до стыда, но когда наконецъ почувствуетъ эту необходимость, то и тутъ не роскошествуетъ; на немъ рубашка изъ холста или бязи (хуже холста); у бѣдныхъ часто бываетъ всего одна. Если видитъ, что очень ужъ грязна, такъ снимаетъ ее, вымоетъ и ждетъ голый, пока она высохнетъ. Порты тоже холщевые изъ бязи. Какъ признакъ нѣкотораго довольства, является кафтанъ изъ китайки или нанки. Весь черный классъ лѣтомъ ходитъ босикомъ и только зимой надѣваетъ сапоги изъ козловой, бараньей или коровьей кожи.

Выщипывая бороду и оставляя одни усы, калмыки, подобно

китайцамъ, подбриваютъ спереди волосы, а сзади заплетаютъ въ косички, и носятъ на головахъ шапки—зимой изъ лисьей шкуры, которыя называются *бючилеги*, а лѣтомъ изъ мерлушки—*тумашъ*. Кромѣ того у нихъ еще есть четыреугольныя шапки, называемыя *хаджинками*. На верху всѣхъ шапокъ нашиваются обыкновенно красныя кисточки, почему калмыковъ и называютъ *краснокисточными*. Платье женское почти точно такое же, и только воротникъ у рубашки нѣсколько пошире, и есть еще особый кафтанъ, называемый *цекдыхъ*.

Когда молодой калмыкъ начинаетъ чувствовать нѣкоторое поползновеніе чаще мыть свою рубашку, чаще надѣвать китайчатый *бешменъ* и туже перетягиваться ремнемъ,—значитъ, жениться задумалъ; цѣль эта достигается обыкновенно двумя путями: или добровольно, или воровствомъ. Въ первомъ случаѣ, сговорившись съ товарищами, онъ беретъ съ собой сколько можно болѣе водки, разнаго варенаго мяса, и ѣдетъ къ отцу выбранной имъ дѣвки, гдѣ ему или прямо отказываютъ, или говорятъ, что напередъ желаютъ разузнать объ немъ, а между тѣмъ привезенное имъ вино выпиваютъ, мясо съѣдаютъ. Парень ѣдетъ въ другой разъ—его отпускаютъ съ тѣмъ же отвѣтомъ. Онъ ѣдетъ въ третій; ему говорятъ наконецъ, что не желаютъ за него отдать, и ничего отъ него не принимаютъ. Тогда онъ рѣшается украсть невѣсту: сговорившись опять съ тѣми же товарищами, онъ ѣдетъ въ хотонъ ея и, изловивъ минутку, когда она выйдетъ за чѣмъ-нибудь изъ кибитки, хватаетъ ее. Весь хотонъ поднимается: сколько ни есть бабъ, дѣвокъ, а иногда и калмыковъ, начинаютъ ее отнимать, бьютъ жениха и его поѣздъ палками, кольями, но почти всегда безуспѣшно: похититель, ухвативъ за руку, за волосы, за ногу, словомъ—за что только попало, свою суженую, ускакиваетъ и привозитъ ее въ свою кибитку, изъ которой ее уже никто не имѣетъ права у него отнять. Гелюнгъ читаетъ надъ новобрачными молитву. Молодую сажаютъ за занавѣсъ, сдѣланный въ ногахъ кровати, а поѣзжане съ молодымъ начинаютъ пировать. На другой день приходятъ отецъ и мать новобрачнаго. У молодой между тѣмъ ея дѣвичью косу расплетаютъ на двѣ и выводятъ ее на показъ свекру и свекрови, а потомъ снова уводятъ на кровать за занавѣсъ: тѣмъ почти все и кончается. Но гораздо большею торжественностью сопровождается свадьба добровольная, при согласіи родителей: въ этомъ случаѣ гелюнгъ назначаетъ счастливый день, въ который женихъ отправляется къ тестю за невѣстой, гдѣ, по совершеніи нѣкотораго обряда, начинается пиршество; но и здѣсь, когда женихъ начинаетъ брать невѣсту, то женщины и дѣвки не

даютъ ему ся и начинаютъ бить его и товарищей; но они, разумѣется, одолѣваютъ ихъ и сажаютъ невѣсту на особую лошадь, а приданое—кошмы, ковры, платье, посуду—навьючиваютъ на верблюда, и все это привозится въ жениховy кибитку, гдѣ заранѣе приглашенный гелюнгъ сажаетъ жениха и невѣсту рядомъ и даетъ имъ баранью кость, за которую они должны держаться руками. Сзади новобрачныхъ ставится калмыкъ (что-то въ родѣ шафера), который заставляетъ ихъ кланяться. Гелюнгъ кладетъ имъ на голову книгу, потомъ даетъ по куску сала, а также и всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого начинается пированіе, а молодую сажаютъ на кровать за занавѣсъ. На другой день также приходятъ отецъ и мать, и имъ показываютъ невѣсту съ двумя уже косами.

Женившись такимъ образомъ, калмыкъ начинаетъ жить отдѣльнымъ отъ семьи хозяйствомъ, которое, впрочемъ, немногосложно. Главнымъ образомъ оно состоитъ изъ кибитки, о которой да не подумаетъ читатель, что она хоть сколько-нибудь похожа на нашу кибитку. Это просто-напросто войлочный шатеръ, составленный изъ крестообразныхъ рѣшетокъ *(жерме)*, которыхъ пять или шесть полотнищъ укрѣпляется въ землѣ такимъ образомъ, что изъ нихъ составляется одна круглая рѣшетка съ небольшимъ въ нее входомъ. Концы рѣшетокъ крѣпко связываются между собой сыромятными ремнями. Верхъ кибитки составляетъ обручъ, и въ сдѣланныя въ немъ отверстія втыкаютъ шесты *(унины)*, которые другими концами укрѣпляются на рѣшетку и, крѣпко потомъ къ ней привязанные, образуютъ усѣченный конусъ.

Все это покрывается войлоками, т.-е. бѣлыми или сѣрыми кошмами. Верхъ кибитки закрывается кускомъ войлока *(цагрыкъ)*, который можетъ открываться и закрываться. Входъ въ кибитку притворяется дверью, на которую, сверхъ того, съ наружной стороны спускается еще войлочный пологъ. Весь этотъ снарядъ, какъ дѣтская игрушка, можетъ быть въ полчаса сложенъ и разложенъ.

Внутреннее убранство кибитки точно такъ же не отличается большими удобствами: прямо противъ входа обыкновенно уставляется супружеская кровать, на которой, вмѣсто перины, постилается тюфякъ *(дербюльджинъ)* — въ нѣсколько разъ сложенныя кошмы; онѣ покрываются одѣяломъ *(кюнжиль)*; лѣтомъ оно бываетъ нанковое или шелковое, а зимою изъ овчины или лисьяго мѣху; въ ногахъ и головѣ кровати кладутся кожаныя подушки *(дербокцо, кельбокцо)*, набитыя старымъ платьемъ и бѣльемъ. Самымъ почетнымъ мѣстомъ въ кибиткѣ считается мѣсто влѣво отъ кровати, называемое *большой ба-*

ранъ, куда складываются самыя дорогія вещи: попоны, верблюжьи недоуздки, обшитые разноцвѣтнымъ сукномъ; на нихъ ставятся сундуки съ лучшей одёжей и съ деньгами; сундуки эти накрываютъ ковромъ—и на нихъ размѣщаются литые и лѣпные бурханы, передъ которыми на особомъ столикѣ возлагаются разныя жертвоприношенія: вода, пшеница, ароматныя куренья. Мѣсто по правую сторону кровати называется *малымъ бараномъ*, въ которомъ помѣщается вся домашняя утварь, съѣстные припасы и вино. Посреди кибитки устроенъ бываетъ таганъ, подъ которымъ почти постоянно тлѣетъ *кизякъ*. Этотъ огонь согрѣваетъ маленькихъ дѣтей и старыхъ калмычекъ, которыя обыкновенно лежатъ около него и поворачиваютъ къ нему то одинъ бокъ, то другой. На этомъ же огнѣ приготовляютъ калмыки и незатѣйливую пищу свою: для каждаго изъ нихъ составляетъ его усладу, его почти потребность такъ называемый *кирпичный чай*. Нарѣзавъ его нѣсколько кусочковъ, они развариваютъ его въ водѣ и прибавляютъ къ этому соли, масла и молока, и потомъ, переливши въ особый сосудъ — *домбо* (что-то въ родѣ высокой деревянной кружки), все это разливаютъ по чашкамъ и пьютъ. Хлѣбомъ калмыки не слишкомъ себя лакомятъ: муку они должны купить и умѣютъ испечь изъ нея непріятнѣйшимъ образомъ прѣсныя лепешки. Роскошь въ мясѣ является только въ случаѣ скотскаго падежа, или когда звѣрь повредитъ скотину. Обыкновенную же пищу калмыка составляютъ: *куртъ-хурсунъ*, отвердѣвшій и засушенный творогъ, остающійся послѣ гонки вина; *ейзи*, что-то въ родѣ сыра изъ овечьяго молока, и наконецъ разнаго рода кушанья изъ коровьяго молока: *седмыкъ*, *маханъ-седмыкъ*, *кюхорцукъ*.

Изъ царства прозябаемаго, вмѣсто нашего лука, рѣдьки, картофеля, калмыки употребляютъ *тилимъ* (водяной орѣхъ) и *бодмонцукъ* (свиной орѣхъ), *алцинхо* (головатую осину), *буулукъ* (спорышъ), что-то въ родѣ луку. Они ихъ ѣдятъ или сырые, или высушенные, истолченные и замѣшанные въ видѣ тѣста. Къ хмельнымъ напиткамъ калмыки чрезвычайно склонны и добываютъ ихъ, посредствомъ закваски, или изъ овечьяго молока—*чигганъ*, или изъ коровьяго—*арьянъ*. Эти напитки, перегнанные, даютъ *арка*, т.-е. вино, которое, будучи еще разъ перегнано, называется *арза*.

Изъ этого бѣглаго перечня житья-бытья калмыцкаго видно, какъ незавидно положеніе этого народа.

Если вамъ станутъ указывать на нѣсколько зажиточныхъ калмыцкихъ хозяевъ, на нѣсколько казенныхъ улусовъ, пріученныхъ къ хлѣбопашеству, на заработки по рыбнымъ и со-

лянымъ промысламъ, на лѣсные питомники и общественный садъ, то не вѣрьте ничему этому: это только пустая замазка сверху, подъ которой таится страшная картина. Черный народъ, обреченный почти божеской власти, которую имѣютъ надъ нимъ нойоны,—люди, нельзя сказать, чтобы развитые и склонные къ филантропіи, — народъ, опиваемый, объѣдаемый и обманываемый духовенствомъ, наконецъ стѣсняемый и обираемый чиновниками, до такой степени бѣденъ, что нашъ сѣверный задѣльный мужикъ передъ калмыкомъ—герцогъ, лордъ по тѣмъ удобствамъ, которыми пользуется въ жизни, наконецъ по самому взгляду на вещи.

Калмыковъ обыкновенно укоряютъ въ лѣности, въ безпечности, въ прирожденной склонности къ кочевой жизни, но какого рода иную жизнь можно вести посреди этой природы, въ которой невозможно хлѣбопашество, нѣтъ ни лѣсу ни воды, а только одна, весьма невысокаго качества, степная трава, которая и даетъ имъ возможность заниматься скотоводствомъ,— но и въ этомъ случаѣ, т.-е. запастись кормомъ, нанять косарей и накосить сѣна на зиму, можетъ только человѣкъ зажиточный... Калмыкъ же средней руки разсчитываетъ на то, что скотина сама по себѣ будетъ добывать круглый годъ кормъ. Это иногда и удается, но зато, какъ только наступаетъ зима похолоднѣй, а главное, съ глубокими снѣгами, овца первая теряетъ возможность пробивать ногой снѣжную кору и доставать себѣ изъ-подъ нея кормъ. За нею слѣдуетъ рогатый скотъ и наконецъ даже лошади, и такимъ образомъ гибнутъ цѣлыя стада, табуны, повергая тысячи семействъ въ полнѣйшую нищету. Что̀ касается до заработковъ, то какія блага получаетъ чернорабочій калмыкъ на соляныхъ заработкахъ— я не знаю, но что̀ съ ними дѣлаютъ на рыбныхъ промыслахъ, такъ объ этомъ земля слухомъ полнится: его нанимаютъ обыкновенно съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ всѣ свои рыболовные снаряды; для этого даютъ ему впередъ денегъ. Ни жалованья ни пищи ему не полагается, а обѣщаютъ платить по мѣрѣ улова въ продолженіе всего лѣта. Онъ, работая постоянно на холоду и въ водѣ, не долженъ ни разу заболѣть, иначе ему ставится въ рубль серебромъ каждый день, такъ что, въ случаѣ неулова или болѣзни, бѣдный попадаетъ въ полнѣйшую кабалу, и ему единственное средство спастись отъ нея остается въ побѣгѣ, но между тѣмъ онъ никакого другого промысла не знаетъ и ничего другого не умѣетъ дѣлать—итти и наняться къ другому хозяину не можетъ, потому что тотъ, по взаимной стачкѣ, выдастъ его прежнему хозяину. И, конечно, ужъ одна только кротость и добродушіе, прирожденныя калмыцкому ха-

рактеру, удерживаютъ этихъ несчастныхъ бѣглецовъ, что они не дѣлаются подорожными разбойниками.

Какъ ни скудна и ни печальна жизнь этого народа, однако онъ (за исключеніемъ чиновничества и общественнаго сада) терпѣливо сноситъ и свои нужды, и своего нойона, и своего попа, любитъ свой кочевой бытъ и склоненъ даже веселиться. Лошадиныя скачки врядъ ли не составляютъ въ этомъ случаѣ главнѣйшаго и самаго задорнаго удовольствія: при каждомъ почти праздникѣ у нойона пригоняется табунъ совершенно дикихъ лошадей (неуковъ); вы можете указать на любую изъ нихъ, чтобы поймали ее: опытный въ этомъ дѣлѣ калмыкъ закидываетъ на нее почти сразу арканъ и, захвативши къ себѣ на сѣдло мальчишку лѣтъ 12-ти—13-ти, нагоняетъ ее... мальчишка перепрыгиваетъ съ его сѣдла на неука, съ котораго снимаютъ арканъ... онъ начинаетъ стремглавъ летѣть, бить передомъ, задомъ, желая сбить сѣдока, но тотъ, уцѣпившись за гриву, сидитъ какъ прикованный... старый калмыкъ снова ихъ нагоняетъ... мальчикъ перепрыгиваетъ къ нему на сѣдло и снова опять вспрыгиваетъ на свою лошадь... Словомъ, самые знаменитѣйшіе вольтижеры, сравнительно съ маленькимъ калмычонкомъ, ничего не стоятъ. Кромѣ этой потѣхи, устраиваются спорныя скачки, кто кого перегонитъ; для этого назначается въ степи огромный кругъ, нѣсколько наѣздниковъ пускаются въ перегонку: кто ранѣе возвратится къ начальному пункту, тотъ и получаетъ отъ владѣльца призъ.

За скачкой часто слѣдуетъ борьба, которая въ свою очередь воспламеняетъ калмыцкія сердца. Настоящей, торжественной борьбы я не видалъ; при мнѣ боролись только двое борцовъ, призванные владѣльцемъ случайно показать намъ свое искусство; но вотъ что говоритъ объ ней г. Небольсинъ въ своихъ прекрасныхъ «Очеркахъ быта калмыцкаго народа»:

«О времени борьбы дается народу знать заранѣе, и весь улусъ раздѣляется на двѣ мнимо-враждебныя партіи: сторону владѣльца и сторону гелюнговъ.

«Каждая сторона, секретно одна отъ другой, представляетъ владѣльцу списокъ борцовъ, или пріобрѣвшихъ уже себѣ имя, или впервые вызывающихся на бой, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ двухъ или трехъ представителей родовъ и аймаковъ, для охраненія правъ своихъ борцовъ отъ незаконнаго нарушенія борцами враждебной партіи.

«Владѣлецъ назначаетъ количество и качество призовъ, опредѣляемыхъ имъ въ награду побѣдителямъ; сообщаетъ списокъ этихъ наградъ противной себѣ партіи и, отстраняя отъ себя всякое вмѣшательство въ ея собственныя дѣла, пред-

оставляетъ ей избрать себѣ отдѣльнаго, на все время борьбы, главу для предводительствованія народомъ и для полнаго распорядка всѣмъ, касающимся до приготовленія и исполненія затѣянной игры.

«Затѣмъ каждая партія, условившись, въ какой день борьба должна совершиться, назначаетъ срокъ, къ которому всѣ борцы изъ разныхъ концовъ улуса должны съѣхаться на опредѣленное мѣсто, и день, въ который должно произойти распредѣленіе борцовъ по нумерамъ.

«Съѣхавшіеся борцы на репетицію, отдохнувъ съ дороги и собравшись съ силами, испытываютъ сами себя въ богатырствѣ, вступая въ схватки съ кѣмъ случится по знакомству или по дружбѣ, и, послѣ уже неоднократныхъ опытовъ и убѣжденія въ собственной силѣ, ловкости и проворствѣ, рѣшаются приступить къ генеральной пробѣ.

«Въ дни, предшествующіе народному празднеству, борцы стараются сохранить и укрѣпить свои силы разными способами; они со всѣхъ ногъ кидаются оземь, чтобъ пріучить себя къ ударамъ, вытягиваютъ и размахиваютъ руками и ногами, валяются по песку, чтобъ сдѣлать кожу менѣе чувствительною къ небольшимъ ушибамъ и царапинамъ, и спятъ внѣ кибитки, на голой землѣ, подложивъ подъ себя, вмѣсто тюфяка, жесткіе арханы, а въ изголовье—кусокъ простой кожи.

«На утро борцы идутъ въ хурулъ, каждая партія поодиночкѣ и подъ предводительствомъ избранныхъ старшинъ, исполняющихъ должность судей, и молятъ бурхановъ долго и усердно о дарованіи имъ побѣды.

«Мѣсто, гдѣ при насъ происходила борьба, было обстановлено такимъ образомъ: между хурулами и владѣльческой ставкой была выровнена на степи небольшая площадка: рѣдкую траву здѣсь повыдергали, разрыхлили немного песокъ, изъ котораго состоитъ почва. По одну сторону арены стояли владѣльческая кибитка и кибитки его гостей и сторонниковъ; по другую сторону, прямо противъ нихъ, были кибитки представителей другой партіи: тутъ сидѣли старшіе гелюнги, и съ ними самъ бакши, также нойонъ—правитель улуса, дядя владѣльца и нѣсколько почетныхъ зайсанговъ; рядомъ съ ними былъ разбитъ огромный шатеръ изъ паруснаго холста, въ которомъ укрывались отъ солнца простые гелюнги. По двумъ остальнымъ сторонамъ побоищнаго мѣста сидѣлъ народъ, раздѣлившись на партіи: влѣво сидѣли калмыки, изъ среды которыхъ выбраны были борцы со стороны владѣльца, справа—ихъ противники. По діагонали этого четыреугольника поставлено было по одной кибиткѣ, въ которыхъ собрались сами борцы.

«Когда владѣлецъ вошелъ въ свою кибитку и подалъ сигналъ начатія ратоборства, степь стихла, и водворилась мертвая тишина.

«Въ одно и то же мгновеніе двери угловыхъ кибитокъ растворились, и секунданты вывели борцовъ, стоявшихъ во главѣ списка. Секундантъ партіи гелюнговъ, старикъ лѣтъ за 50, рослый, плечистый, въ свое время самъ считавшійся первымъ борцомъ улуса, шелъ въ праздничномъ калмыцкомъ нарядѣ, гордо поднявъ голову; два его сына, славившіеся силою, были въ числѣ борцовъ его партіи, и старшій сынъ, надежда отца и краса партіи, былъ первымъ на очереди; онъ неоднократно уже оставался побѣдителемъ на прежнихъ празднествахъ, а его противникъ, первый борецъ со стороны владѣльца, былъ юноша безвѣстный, только теперь, въ первый разъ выступавшій передъ народомъ.

«Секунданты въ одной рукѣ несли по «кумгану», т.-е. по мѣдному кувшину, наполненному водой: это на случай обморока, которому могутъ подвергнуться борцы во время жестокихъ схватокъ; другою рукой они поддерживали борцовъ. Рядомъ съ секундантомъ партіи гелюнговъ шелъ сынъ его, твердою поступью.

«Борецъ, котораго велъ секундантъ владѣльческой стороны, весь трясся отъ избытка энергіи и отъ страха за будущее; шаги его были неравномѣрны. Онъ, подобно своему противнику, былъ съ головы до ногъ закутанъ въ бѣлую простыню.

«Вступивъ на арену, борцы остановились; секунданты сняли съ нихъ покрывала; воздухъ огласился радостными кликами, которыми народъ привѣтствовалъ молодыхъ атлетовъ. Борцы явились взорамъ народа полунагими: на нихъ были одни широкія, бѣлыя, далеко не доходящія до колѣнъ шальвары. Они низко наклонились, коснулись пальцами обѣихъ рукъ земли, отдали почесть владѣльцу и, умывъ руки пескомъ, стали медленно кружиться по аренѣ, шагая исполинскими шагами и сильно размахивая руками. Потомъ остановились одинъ противъ другого и старались ухватить другъ друга рукою. Нѣсколько томительныхъ мгновеній длился этотъ маневръ: одинъ схватывалъ противника за кисть правой руки, тотъ выворачивалъ ее у него изъ пальцевъ и, въ свою очередь, выжидалъ случая схватить его за пальцы, или за плечо, или за часть одежды, въ которую выгоднѣе всего было вцѣпиться. Наконецъ они схватились—и другъ на другѣ повисли, обманывая другъ друга намѣреніями перемѣнить позицію.

«Смотря по тому, который изъ борцовъ начинаетъ осили-

вать, съ той или съ другой стороны арены раздаются поощрительные клики партіи. Станетъ въ выгодное положеніе прославленный побѣдами сынъ старика-секунданта, крики «ура» раздаются въ партіи калмыцкаго духовенства; падетъ преимущество на безвѣстнаго еще юношу—степь оглашается торжествующими воплями партіи владѣльца.

«Борьба кончается иногда съ одного раза, иногда послѣ нѣсколькихъ отдыховъ; иногда она бываетъ коротка и быстра, иногда длится очень долго, до тѣхъ поръ, пока одинъ борецъ не прижметъ другого къ землѣ спиною. Въ первой парѣ видѣнныхъ мною борцовъ побѣда принадлежала сторонѣ владѣльца. Шумные клики народа покрыли побѣдителя славою; къ нему отъ имени владѣльца подвели дорогого коня и поднесли въ подарокъ новый чекмень изъ сукна да нѣсколько денегъ. Изъ толпы той партіи, къ которой юноша принадлежалъ, выскочило нѣсколько человѣкъ, они кинулись борцу въ объятія, надѣли на него шапку-хошоутку, обвѣшали его халатами и платками, приподняли его на руки и, окруживъ вниманіемъ и почтеніемъ его подвига, вынесли его изъ арены съ громкими восклицаніями. Борецъ, отуманенный и прежними паденіями и теперешнимъ торжествомъ, шелъ и шатался, какъ опьянѣлый... Бѣдный отецъ побѣжденнаго борца едва крѣпился, чтобъ не дать торжествующей партіи прочесть на своемъ лицѣ волновавшихъ его обиды, злобы и огорченія; а сынъ, блѣдный, какъ только можетъ быть блѣденъ калмыкъ, скрылся въ толпѣ, которая съ злою насмѣшкою посматривала на свѣжіе знаки его посрамленія, на мелкій песокъ, плотно прилипшій къ мокрой спинѣ побѣжденнаго атлета».

Къ числу калмыцкихъ забавъ можетъ быть также отнесена и охота. Въ большихъ размѣрахъ она производится только за сайгами. Для этого, выслѣдивъ первоначально въ степи сайгачье стадо, человѣкъ шесть или восемь охотниковъ выѣзжаютъ въ поле верхомъ и съ винтовками. Половина изъ нихъ спѣшивается и засѣдаетъ по разнымъ уютнымъ мѣстамъ: кто за кустикомъ, кто въ ложбинѣ; остальные же объѣзжаютъ стадо, поворачиваютъ его и стараются гнать его въ ту сторону, гдѣ устроены засады, откуда, конечно, и стрѣляютъ по немъ, какъ только душѣ угодно. По случаю этой охоты мнѣ одинъ изъ охотниковъ разсказывалъ, что однажды, когда онъ сидѣлъ въ засадѣ, то бѣжавшее стадо до того, какъ говорится, обмишурилось, что прямо полетѣло на него, и онъ, чтобъ не спугнуть его и не отвесть въ противоположную отъ товарищей сторону, рѣшился лучше прилечь, и такимъ образомъ черезъ него перескочило по крайней мѣрѣ 500 козъ, изъ которыхъ каждая

его щелкнула копытцемъ то въ голову, то въ спину, такъ что онъ всталъ чуть живой и весь покрытый синяками.

Богатые нойоны охотятся также съ соколами и ястребами на гусей, казарей и дрофъ. Охота за кабанами производится только въ каспійскихъ прибрежьяхъ. За волками охотятся не съ ружьемъ, а съ нагайкой, которою, ударивши волка по мордѣ, убиваютъ на смерть.

Чтобы заключить нашу статью, скажемъ нѣсколько словъ о болѣзняхъ калмыковъ, ихъ смерти и погребеніи. Самою ужасною между ними болѣзнью считается оспа. Достаточно какому-нибудь несчастному заболѣть ею, чтобы его родные, и даже иногда цѣлый улусъ, изъ боязни заразиться, откочевали на нѣсколько верстъ, покинувъ больного одного, въ степи, на голодную смерть. Единственными лѣкарями для калмыковъ служатъ ихъ гелюнги, которые, безъ всякихъ, конечно, анатомическихъ знаній, безъ всякой раціональной системы, говорятъ, бываютъ очень искусны въ излѣченіи нѣкоторыхъ болѣзней, доказавъ еще разъ, что медицина все-таки остается, по преимуществу, наукой опытной. Истощивъ всѣ физическія пособія, гелюнги обыкновенно прибѣгаютъ къ молитвѣ и при этомъ случаѣ нерѣдко объявляютъ, что причиной болѣзни служитъ какая-нибудь цѣнная вещь, принадлежащая больному, которую онъ, чтобъ только избавиться отъ нея, сейчасъ же жертвуетъ въ хурулъ. Кромѣ того, въ случаѣ упорной и продолжительной болѣзни, они относятъ ее къ тому, что больной имѣетъ *несчастное имя*. Чтобы снять съ него это имя, гелюнги дѣлаютъ изъ глины или изъ тѣста подобіе человѣческой фигуры, даютъ ей имя больного и забрасываютъ ее куда-нибудь въ степи или приносятъ ее въ жертву злому духу (эрлику), котораго считаютъ виновникомъ болѣзней и всѣхъ другихъ несчастій; больной при этомъ случаѣ получаетъ другое имя, вмѣстѣ съ которымъ и ожидаетъ выздоровленія. Когда бываетъ боленъ нойонъ или богатый зайсангъ, то куклу замѣняетъ иногда живой человѣкъ, кто-нибудь изъ подвластныхъ калмыковъ, рѣшившійся изъ любви къ господину пожертвовать собой и предаться во власть эрлика. Для этого передаютъ ему имя больного владѣльца, наряжаютъ его въ лучшую одежду того, сажаютъ на любимаго господскаго коня и, при большомъ торжествѣ, изгоняютъ изъ улуса съ прозвищемъ *андына* (отверженнаго). Это наименованіе изгнанникъ передаетъ потомству и никогда уже не можетъ возвратиться въ родной улусъ. Чтобы разнообразить свои пріемы, гелюнги иногда объявляютъ тяжко-больному, что хоть онъ еще и живъ, но душа его уже отлетѣла, и потому надобно постараться призвать ее

обратно. Больной, разумѣется, готовъ имъ отдать все, чтобъ только воротить жизнь. Условившись въ платѣ, гелюнги начинаютъ призывать отлетѣвшую душу просьбами, уговорами, духовной музыкой, и если больной выздоровѣетъ — значитъ, они воротили душу, а если нѣтъ, такъ преспокойно объявляютъ, что душа была уже недалеко, что они даже видѣли ее, но злой эрликъ не пустилъ ея. Всѣ эти разнообразные способы лѣченія гелюнги являютъ только въ отношеніи людей зажиточныхъ, тогда какъ бѣднякъ, безъ всякой почти помощи отъ нихъ, болѣетъ и умираетъ. Мало того, они даже не берутъ на себя труда похоронить его по обряду своей религіи, а простонапросто родные оставляютъ его трупъ въ степи на сгніеніе или на съѣденіе волкамъ, а сами откочевываютъ куда-нибудь въ другое мѣсто. Другое дѣло похороны владѣльцевъ и достаточныхъ зайсанговъ: умершаго обыкновенно облекаютъ въ лучшую его одежду. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ улуса выкапываютъ яму и накладываютъ въ нее дровъ. Тѣло выносятъ на коврѣ, за нимъ ведутъ лучшаго коня покойнаго, который потомъ поступаетъ въ хурулъ, какъ жертвоприношеніе бурхану. Придя на мѣсто, сажаютъ трупъ на костеръ и сжигаютъ его при пѣніи гелюнговъ. Оставшійся пепелъ собираютъ, дѣлаютъ изъ него маленькіе цилиндрики *цяця* и ставятъ ихъ въ хурулахъ и въ памятникахъ, сооружаемыхъ на мѣстѣ погребенія, и которые поэтому тоже называются *цяця*. Менѣе торжественныя похороны состоятъ въ томъ, что тѣло просто зарываютъ въ землю, и гелюнгъ въ этомъ случаѣ, справившись по своимъ книгамъ, только опредѣляетъ, куда покойника положить головой: на сѣверъ, на востокъ, на югъ или на западъ.

V.

Бирючья коса.

Съ кѣмъ бы вы въ Астрахани ни заговорили объ морѣ: съ морскимъ ли, съ чиновникомъ ли земской полиціи, отъ всѣхъ вы услышите на второмъ-третьемъ словѣ: *Бирючья коса*. Это маленькій островокъ, на которомъ содержится брандвахта, устроены карантинъ и таможенная застава. Адмиралъ поѣхалъ туда и пригласилъ меня. Выѣздъ былъ предположенъ 23-го марта. Дулъ верховой вѣтеръ. Слухи носились, что на Волгѣ еще много льду. Съѣхавшись въ портъ, мы дѣйствительно увидѣли весь около-берегъ замерзшимъ. Проламывая и расталкивая ледъ, добрались мы кое-какъ въ катерѣ до парохода,

дали ходъ и стали сниматься съ якоря. Пароходъ сначала было-двинулся, но, затираемый льдомъ, не слушался руля и не ворочался, и только употребивъ завозы, мы выбрались на фарватеръ. Всѣ стояли на палубѣ, хоть вѣтеръ и продувалъ до костей. Скоро миновалась Астрахань, миновалось и Царево, а тамъ и пошли тянуться однообразные и мертвенные берега: то ровные пустыри, то высокій камышъ, очень похожій на поспѣвшую рожь, только въ десять разъ крупнѣй ея. Мѣстами онъ горѣлъ.—«Это отчего?»—спросилъ я.—«Нарочно жгутъ, иначе онъ на слѣдующій годъ не вырастетъ», — отвѣтили мнѣ.

Съ пятнадцатой, кажется, версты виды нѣсколько пооживились: стояли на якоряхъ кусовыя *), и бойко шли косныя, изъ которыхъ нѣкоторыя едва отставали отъ парохода. По берегу стали показываться рыбныя ватаги **) и калмыцкія кибитки, предъ которыми толпились задымленные и волосатые калмыки и нагіе ихъ мальчишки. Въ сторонѣ, на одной изъ отмелей, сидѣли бѣлыя, довольно большія, и черныя, поменьше, птицы. Это пеликаны и бакланы, двѣ разныя породы, но живущія между собою въ замѣчательно оригинальныхъ отношеніяхъ: бакланы составляютъ для пеликановъ какой-то черно-рабочій классъ. Они подгоняютъ и ловятъ для пеликановъ рыбу и будто бы даже кладутъ ее имъ въ ротъ, засовывая при этомъ случаѣ свой клювъ въ ихъ глотку, но чѣмъ вознаграждаютъ ихъ пеликаны за эту услугу — неизвѣстно; кажется, ничѣмъ: ни дать ни взять какъ на новой половинѣ земного шара бѣлая и черная породы людей.

Для здѣшняго плаванія только и спасеніе, когда дуетъ вѣтеръ съ моря и даетъ возможность проходить черезъ три главныя мели: Княжевскую, Харбайскую и Ракушинскую. Маленькій пароходъ нашъ сидѣлъ въ водѣ только четыре фута, но и того было много: на Княжевской розсыпи пошли мы тихимъ ходомъ и стали кидать лотъ: 6 футъ, 5 футъ, $4^3/_4$,— кричалъ матросъ.

— Авось пройдемъ и Харбайскую, она меньше Княжевской на одинъ только футъ,—сказалъ капитанъ; но Харбайскую не прошли. Надобно было пересѣсть на катеръ. Невдалекѣ виднѣлась деревня Оля, въ которой поселены русскіе мужики, бывшіе нѣкогда въ плѣну въ Хивѣ. Адмиралъ благоразумно приказалъ грести къ этому селенію. Подъѣхали. Навстрѣчу къ намъ вышло нѣсколько мужиковъ. Мы стали раз-

---

*) Большая лодка.

**) Небольшія селенія, въ родѣ нашихъ деревень.

спрашивать ихъ. «На катерѣ, говорятъ, не проѣдете Ракушинскую розсыпь, мелко».—«Давайте ваши лодки».—«Да и на лодкахъ, которыя побольше, нельзя, а на бударкахъ»,—отвѣтили намъ и стали снаряжать бударки. Я пришелъ въ ужасъ, взглянувъ на маленькую и едва сколоченную лодчонку, въ которой, сверхъ того, случай усадилъ меня съ почтеннымъ и значительно полнымъ полковникомъ Б. До сихъ поръ не могу я безъ непріятнаго ощущенія представить себѣ его массивной фигуры. Мнѣ казалось, что мы оба съ нимъ помѣстились въ суповой ложкѣ, и что достаточно съ нашей стороны одного движенія, чтобы бударка кувыркнулась вверхъ дномъ; а полковникъ между тѣмъ находилъ какое-то странное наслажденіе осматривать окрестность и безпрестанно ворочался изъ стороны въ сторону. Проѣхавъ мель, намъ пришлось ѣхать почти моремъ. Солнце сѣло. Вѣтеръ разыгрывался, волны выше и выше поднимались. Я только и смотрѣлъ на мелькающіе вдали огоньки съ Бирючьей косы и думалъ: «Господи, настанетъ ли когда-нибудь такая счастливая минута, когда я буду тамъ, на землѣ, не буду чувствовать этого непріятнаго покачиванія, не буду видѣть этихъ сѣроватыхъ, какъ бы бѣлой гривой взмахивающихъ волнъ». Ѣхавшая впереди лодочка, на которой сидѣлъ адмиралъ, остановилась. «Что̀ такое?»—спросили мы, подъѣхавъ.—«Нельзя дальше ѣхать: ледъ!» Надобно было проламываться. Принялись работать; но еще нѣсколько сажень, и бударка остановилась—мелко. Дѣлать нечего, оставалось одно: кричать. Услыхавшіе насъ матросы пришли наконецъ къ намъ на помощь и перетаскали насъ на своихъ плечахъ на берегъ. Такъ совершился мой первый водяной вояжъ; на обратномъ пути пришлось испытать не лучше. На другой день задулъ верховой вѣтеръ еще сильнѣе и холоднѣе. Весь фарватеръ мы увидѣли замерзшимъ. Оставленный нами катеръ, говорятъ, обмерзъ весь кругомъ. Положили переночевать и въ ожиданіи, что̀ будетъ завтра, пошли мы осматривать *Бирючью косу*. Замѣчательнаго немного, кромѣ развѣ совершенно безплодной почвы, которая вся состоитъ изъ ракуши, плотно связанной глинянымъ цементомъ, такъ что представляетъ собой нѣчто въ родѣ мозаическаго паркета, а остальное: домъ брандвахтеннаго начальника, въ сторонѣ таможня, чрезъ поле—казармы для карантинной стражи, и наконецъ самый карантинъ, обведенный рвомъ.

— Вотъ здѣсь умирали чумные и холерные, — говорили намъ, указывая на маленькія комнатки.

«Ну, чтобы только видѣть это, не стоило ѣхать сквозь ледъ, черезъ отмели»,—подумалъ я.

— Спалъ верховой вѣтеръ, дуетъ съ моря,—обрадовали насъ на другой день.

Свойство здѣшняго фарватера таково, что достаточно двухъ-трехъ часовъ моряны, и вода нагонится на два, на три фута. Стало-быть, откладывать было нечего, всѣ поспѣшили одѣться и отправиться. Льду почти было не видать. У ближайшей кусовой виднѣлся нашъ катеръ; но, чтобы добраться до него, мы должны были сначала въѣхать на долгушѣ, запряженной лошадью, въ воду, потомъ пересѣсть на маленькія лодочки, которыя и подвезли насъ къ катеру. Дружно хватили 12 человѣкъ гребцовъ, все севастопольскіе георгіевскіе кавалеры; послѣ востроносой бударки мнѣ казалось, что я ѣду на могущественнѣйшемъ винтовомъ пароходѣ; верстъ пять пролетѣли мы въ полчаса, но тутъ—увы!—подошла Ракушинская мель и сплошь оказалась покрытою льдомъ; надобно было опять проламываться. Гребцы стали у носа колоть ледъ, а мы, пассажиры, раскачивать катеръ — вставая и ударяясь объ его бока. Вдали наконецъ показался нашъ пароходъ. Давно я не бывалъ такъ доволенъ своимъ положеніемъ, когда вбѣжалъ по трапу на гладкую и чистую палубу парохода. О, мудрость человѣческая! — воскликнулъ я:—хвала тебѣ за изобрѣтеніе большихъ судовъ съ каютами, каминами, кухнями, паровымъ двигателемъ, и здѣсь тебѣ остается только очистить фарватеръ и устроить хоть какую-нибудь пристань на Бирючьей косѣ.

VI.

Баку.

Наконецъ я былъ въ морѣ. Адмиралъ пошелъ въ Баку и пригласилъ меня. Въ 9 часовъ утра вышли мы изъ Астрахани. Я еще хорошо помнилъ мою поѣздку на Бирючью косу, но на этотъ разъ дула моряна: ни Княжевская, ни Харбайская, ни даже Ракушинская розсыпи насъ не задержали. Къ пяти часамъ мы прошли Волгу, подошли къ Бирючьей косѣ и пересѣли на большой пароходъ «Тарки». Впереди, за Знезинской розсыпью, виднѣлся четырехбугорный маякъ, мѣсто для котораго будто бы выбрано было еще Петромъ Великимъ, а тамъ ужъ и море; но дальше мы не пошли: дулъ свѣжій вѣтеръ, и пароходъ не въ состояніи былъ выгрести.

Проснувшись на другой день поутру, я по стуку машины догадался, что мы идемъ, поспѣшилъ одѣться и вышелъ на палубу. Надо мной было небо, а кругомъ вода. Пріятное и

вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то боязливое чувство овладѣло мною; на телеграфахъ, на желѣзной дорогѣ, на пароходахъ какъ-то невольно начинаешь больше уважать человѣка, больше вѣрить въ силу его разума, видя, какъ онъ почти съ волшебной силой пробѣгаетъ пространства, на враждебной ему средѣ строитъ себѣ домъ, заставляетъ этотъ домъ слушаться руля, воспользовался вѣтромъ, изобрѣлъ компасъ, наконецъ приложилъ новый двигатель—паръ; но, съ другой стороны, сильна и неразумная стихія; новичковъ обыкновенно пугаютъ качкой, и это еще, говорятъ, ничего,—но бываетъ штормъ: руль сломанъ, компасъ безполезенъ, паръ безсиленъ. При этой мысли мнѣ невольно захотѣлось увидѣть хоть бы гдѣ-нибудь вдали землю.

— Будутъ ли на нашемъ пути острова?—спросилъ я штурманскаго офицера.

— Нескоро; ближе всѣхъ Тюленій островъ, да и тотъ врядъ ли увидимъ,—отвѣчалъ онъ.

«На землю, стало-быть, разсчитывать нечего»,—подумалъ я. Между тѣмъ задулъ небольшой вѣтерокъ, нанеслись облака, и сталъ накрапывать дождикъ.

— Непогодь дѣлается,—сказалъ я простодушно капитану.

— Какая непогодь?—спросилъ онъ.

— А вѣтеръ и дождикъ,—отвѣчалъ я.

— Это хорошо, зыбь скорѣй уляжется,—объяснилъ онъ мнѣ. У моряковъ на все свой расчетъ.

Тюленьяго острова мы дѣйствительно не видали, но зато видѣли цѣлый косякъ тюленей: тамъ и сямъ стали показываться на морѣ одно, два, болѣе двадцати черныхъ пятенъ: вынырнутъ, поиграютъ и скроются, а потомъ опять вынырнутъ. Хоть все это не очень любопытно и живописно, однако среди морской пустыни насъ заняло на цѣлый часъ.

Къ вечеру, на другой день, мы подошли къ острову Чечень; но было уже темно, такъ что я едва разсмотрѣлъ что-то зеленѣющее вдали.

— Вотъ мы теперь въ настоящемъ морѣ,—сказалъ мнѣ поутру адмиралъ.

— А тамъ?—спросилъ я, указывая назадъ.

— Тамъ лужа, мелко, а здѣсь глубоко.

— Глубоко?

— Да, совсѣмъ дна нѣтъ, нельзя смѣрить,—отвѣчалъ адмиралъ.

«Мало, что я на морѣ, да еще въ бездонномъ»,—подумалъ я и невольно посмотрѣлъ на ровно идущія одна за другой волны, которыя какъ будто бы похожи на рѣчныя, только

шире разливаются и совершенно аквамариноваго цвѣта; а тамъ, внизу, подъ водою, продолжалъ я разсуждать самъ съ собой, поглощены, можетъ-быть, горы, лѣса, города. Предположеніе, что море Каспійское нѣкогда было соединено съ моремъ Чернымъ, не имѣетъ въ настоящее время никакого сомнѣнія. Начиная отъ Кубани черезъ всю землю Войска Донского и поднимаясь выше вплоть до Каспія, можно прослѣдить однѣ и тѣ же породы раковинъ, одинаковаго свойства наносный грунтъ, всюду раскиданы соленыя озера, озерки, ясно свидѣтельствующія, что нѣкогда все это пространство было морскимъ дномъ; но куда дѣвалась вода? Испаренія тутъ недостаточно. Я говорилъ объ этомъ любопытномъ фактѣ съ Бэромъ. Онъ полагаетъ, что Каспійское море въ соединеніи съ Чернымъ занимало только сѣверную часть свою, но послѣдовавшимъ дѣйствіемъ вулканическихъ силъ подняты восточныя Кавказскія горы, и образовалась пропасть, составляющая нынѣ южную часть Каспія, вода хлынула въ нее, мелкія мѣста обмелѣли еще болѣе, обсушились, и море раздѣлилось.

Къ полудню на горизонтѣ забѣлѣлось что-то въ родѣ туманной полосы, — это Кавказскія горы. Чѣмъ дальше, тѣмъ берегъ виднѣе, наконецъ показались и *Два брата*, два огромные камня, стоящіе вдали отъ берега и на довольно значительной глубинѣ. Адмиралъ желалъ бы устроить здѣсь маякъ; но какъ его укрѣпить отъ напора волнъ и вѣтровъ? Мы знаемъ, сколько хлопотали англичане со своимъ Эддистонскимъ маякомъ. Вставши въ параллель съ каменьями, мы увидѣли на нихъ цѣлую стаю тюленей, выстрѣлили изъ пушки ядромъ и не убили ни одного: всѣ нырнули въ море.

Апшеронскій проливъ былъ уже недалеко: его образуетъ морской берегъ и голый, пустой, низменный островъ, называемый *Святымъ*, отъ могилы какого-то благочестиваго дервиша, на поклоненіе которой ходили нѣкогда персіяне. На берегу между тѣмъ показалась башня, потомъ другая, третья. Кавказское преданіе говоритъ, что это сторожевыя башни, построенныя Александромъ Македонскимъ (Искендеромъ), который, между нами сказать, совсѣмъ и не бывалъ въ этихъ краяхъ.

Вечеромъ обогнули мы Шахову косу и вошли на Бакинскій рейдъ, а къ утру подтянулись къ пристани. — «Гдѣ жъ Баку?» — спросилъ я, входя на палубу; мнѣ указали на другую сторону. Я обернулся и чуть не вскрикнулъ: впечатлѣніе мое очень походило на впечатлѣніе человѣка, который вдругъ неожиданно взглянулъ на театральную сцену, гдѣ давали какой-нибудь восточный балетъ. Представьте себѣ дугообразный

морской заливъ, въ недальнемъ отъ него разстояніи крѣпость, надъ которой идутъ, возвышаясь по берегу, бѣлые безъ крышъ, въ родѣ саклей, домики и, образуя какъ бы пирамиду, коронуются ханскимъ дворцомъ съ высокимъ минаретомъ. Ко всему этому прибавьте благорастворенніѣйшій воздухъ, которымъ грудь не надышится. Сначала я думалъ, что это личное мое ощущеніе, но оказалось, что и другіе то же самое чувствуютъ: сухой и горный, притекаетъ онъ съ берега и здѣсь увлажняется и смягчается моремъ и пропитывается нефтяными газами. «Душа наша» — называютъ персіяне Баку за ея климатъ. Для нашихъ астрабадскихъ крейсеровъ она служитъ лѣчебницей: часто болѣзненные и изнуренные лихорадкой пріѣзжаютъ они изъ Астрабада въ Баку — и въ недѣлю поправляются.

Баку, нѣкогда столица ханства, присоединена была къ Россіи въ первый разъ при императорѣ Петрѣ I, генералъ-майоромъ Матюшкинымъ, которому она послѣ осады сдалась на дискрессію; но по ганджинскому миру снова поступила во власть Персіи и управлялась ея намѣстниками, или, скорѣй, особыми ханами: первымъ изъ нихъ былъ Надиръ, потомъ Мирза-Мухаммедъ-ханъ, потомъ сынъ Мухаммеда Меликъ-Мухаммедъ-ханъ, еще Мирза-Мухаликъ, сынъ Мелика, у котораго отнялъ престолъ дядя Мухаммедъ-Кули-ханъ, и наконецъ послѣднимъ бакинскимъ ханомъ былъ Хюссейнъ-Кули-ханъ, присягнувшій на подданство Россіи, а между тѣмъ сносившійся съ Персіей и тѣснившій нашу торговлю. Для усмиренія его послана была эскадра съ войскомъ, подъ командою генералъ-майора Завалишина; Баку была осаждена, но безуспѣшно. Князь Циціановъ, тогдашній главнокомандующій кавказскою арміею, послѣ этой неудачи, пошелъ самъ. Хюссейнъ-Кули-ханъ вызвалъ его на свиданіе у городской стѣны, будто бы для переговоровъ о сдачѣ. Главнокомандующій выѣхалъ — и былъ измѣннически убитъ. Хюссейнъ-Кули-ханъ бѣжалъ послѣ того въ Персію, и Баку сдалась генералу Бурлакову безъ сопротивленія: съ тѣхъ поръ она осталась навсегда въ нашихъ владѣніяхъ и теперь составляетъ уѣздный городъ Шемахинской губерніи. Въ настоящее время есть предположеніе устроить въ Баку портъ. Адмиралъ со своими офицерами объѣздилъ для испытанія всю бухту: глубина оказалась достаточною, грунтъ для якорныхъ стоянокъ удобный, а защиту отъ вѣтровъ мы сами испытали: въ день нашего пріѣзда, къ вечеру задулъ сильнѣйшій SO, а пароходъ хоть бы колыхнулся. Говорятъ, еще Петръ Великій, по своему геніальному историческому провидѣнію, думалъ связать Кавказъ

съ Россіею—Каспійскимъ моремъ. Дѣло, повидимому, очень простое; достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, какія преимущества представлялъ этотъ естественный и самой природой устроенный путь; но истина рѣдко дается человѣку прямо въ руки: цѣлое столѣтіе мысль эта была забыта, и только въ настоящее время является она снова, въ своей неотразимой силѣ.

По общему желанію, мы прежде всего пошли осматривать ханскій дворецъ и, пройдя таможню, тотчасъ же должны были подниматься въ гору. Прелесть перваго впечатлѣнія Баку совершенно пропадаетъ, когда войдешь внутрь ея. Кто не бывалъ въ азіатскихъ городахъ, тотъ представить себѣ не можетъ, что̀ такое бакинскія улицы: задніе, грязные закоулки нашихъ гостиныхъ дворовъ могутъ дать только слабое о нихъ понятіе; мы шли между стѣнами безъ оконъ, по двое въ рядъ, и ужъ третій съ нами не уставился бы; надъ собой видѣли только полосу неба, а подъ ногами навозъ. Задыхаясь отъ усталости, мы добрались наконецъ до обиталища властителей. Каково оно было въ свое время внутри, судить невозможно: въ главномъ зданіи теперь сдѣланы казармы, а въ мечети хранятся оружіе и артиллерійскія принадлежности. Наружный видъ сохранился еще довольно цѣльно: галлерея, идущая вокругъ дворца, и нѣкоторые входы, украшенные рѣзьбой, прекрасны; видимо, что это дѣло грековъ и никакъ не персидскаго вкуса; но что̀ лучше всего, передъ чѣмъ дѣйствительно можно простоять нѣсколько минутъ въ восторгѣ,— это видъ съ террасы на спускающуюся внизъ уступами Баку, на раскинувшееся въ сторонѣ предмѣстье и наконецъ на море, уставленное судами и сливающееся вдали съ горизонтомъ, и все это какъ бы облитое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

Изъ ханскаго дворца мы пошли къ чрезвычайно высокой башнѣ въ лѣвой сторонѣ крѣпости. Вѣроятно, это былъ прежде тоже сторожевой пунктъ, но народное воображеніе, назвавъ ее *Дѣвичьей башней*, украсило такого рода преданіемъ, что одинъ изъ древнихъ хановъ воспылалъ страстью къ родной своей дочери и долго склонялъ ее на свои преступныя желанія; дочь противилась, наконецъ объявила, что готова раздѣлить любовь въ такомъ только случаѣ, если для нея построена будетъ на берегу морскомъ особая башня. Безумный отецъ согласился и выстроилъ эту самую башню. Дочь перешла и въ ту же ночь, спасая свое дѣвство, бросилась въ море.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ городъ, мы предприняли прогулку на море. Верстахъ въ двухъ отъ пристани и въ очень

недальнемъ разстояніи отъ берега, на шестифутовой глубинѣ, существуетъ подводное зданіе; оно состоитъ изъ нѣсколькихъ башенъ, между которыми идетъ стѣна; внизу у башенъ есть на морское дно сходы уступами, наподобіе лѣсенки. Вообще видъ его совершенно напоминаетъ нѣкогда бывшій караванъ-сарай, но какимъ образомъ онъ очутился подъ водою? Преданія объ этомъ, какъ водится, и безтолковы и противорѣчатъ другъ другу: одни говорятъ, что уровень моря поднялся, а другія, наоборотъ, разсказываютъ, что прежде море обмывало основаніе Дѣвичьей башни, которая теперь стоитъ довольно далеко на берегу; всего, кажется, вѣроятнѣе объяснить это явленіе присутствіемъ въ огромномъ количествѣ нефтяного газа по всему Бакинскому полуострову, который заставляетъ предполагать пустыя пространства въ самомъ материкѣ; очень можетъ быть, что надъ одной изъ этихъ подземныхъ пустотъ берегъ обрушился и съ находившимся на немъ зданіемъ опустился на дно морское; но въ такомъ случаѣ трудно понять, какимъ образомъ, при провалѣ, каменное строеніе могло такъ цѣльно сохраниться.

Отъ караванъ-сарая мы отправились дальше. Темнѣло; море слегка колебалось и вмѣстѣ съ небосклономъ болѣе и болѣе тускнѣло, какъ бы подергиваясь матовыми черноватыми пеленами. Верстъ черезъ шесть насъ вдругъ обдалъ сильный запахъ нефти, и мы разсмотрѣли, что море, невдалекѣ отъ насъ, слегка пѣнилось и шипѣло. Подъѣхавъ къ мѣсту, мы бросили зажженную пеньку: вспыхнуло ярко-свѣтлое пламя и разлилось на большое пространство *).

На другой день пріѣхалъ шемахинскій губернаторъ для совѣщанія съ адмираломъ по случаю устройства порта и пригласилъ насъ съѣздить на такъ называемые индійскіе огни. Близъ селенія Суруханы почва до того пропитана нефтью и углеводороднымъ газомъ, что стоитъ на какомъ угодно мѣстѣ раскопать немного землю, приложить огня — и тотчасъ появится пламя, которое не угаснетъ до тѣхъ поръ, пока его не задуетъ вѣтеръ. На мѣстѣ этомъ существуетъ монастырь, обитаемый огнепоклонниками. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкто индійскій купецъ Собра-Магундасъ, откупщикъ сальянскихъ рыбныхъ промысловъ, покровительствовалъ обители, и въ ней было до восьмидесяти отшельниковъ; но въ персидскую кампанію онъ разорился, обитель оскудѣла въ средствахъ, братія перемерла, новые не приходили, и теперь налицо осталось

---

*) Здѣсь отдѣляется углеводородный газъ, какъ продуктъ нефти.

только всего двое. Самое ближайшее, повидимому, предположеніе—что монастырь устроенъ персидскими огнепоклонниками (гебрами); но выходитъ не такъ: нашъ оріенталистъ Березинъ, въ своемъ путешествіи по Дагестану и Закавказью, положительно говоритъ, что на Апшеронскомъ полуостровѣ никогда не было, собственно, гебровъ, а всегда обитали индусы, которыхъ нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, Ланлге и Сузане, принимали за гебровъ; исповѣдуемая ими религія, обряды, идолослуженіе, языкъ, родина и наконецъ самая физіономія—все говоритъ объ ихъ индійскомъ происхожденіи. Персидскіе гебры, съ которыми г. Березинъ имѣлъ случай познакомиться въ Тегеранѣ, не имѣютъ ничего общаго съ индусами апшеронскими и на вопросъ его о бакинскихъ неугасаемыхъ огняхъ отвѣчали отрицательно и даже съ любопытствомъ спрашивали: «Что̀ это у васъ тамъ за атешгаръ? Намъ и дѣла нѣтъ до него. Огонь мы уважаемъ, какъ начало, но никакого почтенія къ бакинскому атешгару не питаемъ».

Часовъ въ 5 вечера мы отправились на огни, въ трехъ экипажахъ; впереди насъ скакали казаки, а сзади конвоировали комендантъ и нѣсколько морскихъ офицеровъ верхомъ. Дорога шла довольно ровная, и я съ любопытствомъ оглядывалъ окрестности: послѣднее время я видѣлъ то великолѣпный Невскій проспектъ, то холодныя, но прелестныя и сотни тысячъ стòящія дачи на Крестовскомъ, на Елагиномъ, то Неву съ ея пароходами, то мертвыя приволжскія степи, то грязныя улицы Астрахани; но вотъ наконецъ передо мной старые знакомые—хлѣбныя поля, и какія поля: земля здѣшняя удобренія не знаетъ, пашутъ ее, едва поднимая верхній дернъ, а между тѣмъ пшеница родится самъ-восемьдесятъ. Припоминая кровавые труды нашихъ сѣверныхъ мужиковъ, я невольно подумалъ: что̀ бы они сдѣлали на этой почвѣ? или, можетъ-быть, такъ же бы облѣнились, какъ лѣнивъ и здѣшній туземецъ?

Подъѣзжая къ монастырю, мы увидѣли бѣдно одѣтую толпу народа съ музыкантами, которые, при нашемъ приближеніи, заиграли на зурнахъ, заколотили въ барабаны. Напрасно я старался въ этихъ оглушительныхъ звукахъ словить хоть какое-нибудь сочетаніе:—каждый, кажется, выколачивалъ и выигрывалъ, что̀ ему вздумалось и захотѣлось. Утѣшивъ насъ музыкой, старшіе изъ народа предложили видѣть ихъ пляску: для этого одинъ изъ музыкантовъ снялъ съ себя верхній кафтанъ, сапоги и пошелъ выхаживать, складывая руки, нагибая голову и закатывая глаза, а между тѣмъ музыканты старались, насколько силъ хватало, особенно зурнисты, у кото-

рыхъ, отъ напряженія, лица были красныя и глаза налились кровью. Окружающая толпа народа принимала, въ свою очередь, тоже немалое участіе: кто прихлопывалъ въ ладоши, кто прикрикивалъ, и вообще привѣтствовали насъ съ самымъ неподдѣльнымъ и искреннимъ радушіемъ. Мнѣ объяснили, что все это татары, хоть они совершенно не похожи на татаръ астраханскихъ: горскій характеръ ярко отпечатывается и въ одеждѣ, и въ стройномъ складѣ тѣла, и въ какомъ-то благородномъ и воинственномъ выраженіи лицъ.

Въ монастырскихъ воротахъ насъ встрѣтили двое индійскихъ отшельниковъ, желтолицыхъ, худыхъ и босикомъ. Одинъ изъ нихъ ужъ нѣсколько лѣтъ исполняетъ положенный на себя обѣдъ нечесанія волосъ, и потому можно судить, въ какомъ положеніи была его голова; другой тоже, кажется, не чешется, но ужъ такъ, безъ искуса.

Въ центрѣ монастырской площадки стоялъ главный жертвенникъ—что-то въ родѣ каменной, на четырехъ столбахъ, бесѣдки. Одинъ изъ индійцевъ принялся зажигать огни: сначала онъ бросилъ огня на полъ бесѣдки, и пламя вспыхнуло, потомъ поднесъ, на длинныхъ шестахъ, огня къ верхушкамъ столбовъ—и тѣ запылали. Но кромѣ того намъ хотѣлось еще видѣть ихъ богослуженіе; оказалось, что это довольно нетрудно. Отрекшіеся отъ міра подвижники, въ надеждѣ получить какой-нибудь рубль серебра, совершаютъ обыкновенно свои священнодѣйствія для всякаго путешественника, въ какое угодно время и насколько тому желается. Мы вошли въ ихъ моленную—это была небольшая комната съ купольнымъ сводомъ, въ одномъ углу ея помѣщался жертвенникъ, на которомъ стояли колокольчикъ, раковины, вода въ чашечкѣ и мѣдные истуканчики. Я взялъ одного изъ нихъ и спросилъ индійца, что онъ изображаетъ?—«Баба-Адамъ»,—отвѣчалъ онъ.—«А другой?»—«Абель»,—отвѣчалъ онъ.—«А этотъ, третій?»—«Дьяволъ!» Словомъ, пустынножитель, не зная самъ хорошенько, болталъ мнѣ, что только пришло ему въ голову. Свое молебствіе индусы совершаютъ обыкновенно нагіе, но съ нами были дамы, и потому имъ запретили выполненіе этихъ подробностей, и они начали съ того, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ зажгли проведенный въ трубочки газъ; одинъ изъ индусовъ сѣлъ на корточки передъ жертвенникомъ, что-то зачиталъ, потомъ покадилъ, кажется, кипарисомъ, позвонилъ въ колокольчикъ, а другой, нечесанный, стоя у стѣны и понуривъ голову, билъ въ тарелочки. Въ моленной между тѣмъ была невыносимая жара и какой-то удушающій сѣрный запахъ.

– Будетъ!..—сказалъ, махнувъ рукою, уѣздный начальникъ,

самъ задыхавшійся и замѣтившій, что всѣ мы, посѣтители, поблѣднѣли до обморока. Индійцы остановились и пошли насъ обходить, поднося на маленькомъ блюдечкѣ кусочки леденца, которой мы брали и клали имъ за это деньги, чѣмъ они, кажется, остались весьма довольны, потому что кланялись намъ, улыбались и прижимали руки къ сердцу.

Послѣ идолослуженія оставалось осмотрѣть еще два колодца, вырытые поселянами неподалеку отъ монастыря. Получаемая изъ нихъ вода была довольно годная и отзывалась только немного нефтью, но кромѣ того въ ней случайно замѣтили такое свойство, что если колодецъ закрыть ненадолго досками, потомъ бросить огня на воду, то на поверхности ея вспыхивало пламя. Все это стали показывать, какъ фокусъ, путешественникамъ, но года два тому назадъ въ одномъ изъ колодцевъ пламя разгорѣлось, его оставили непогашеннымъ, и на другой день, къ ужасу, увидѣли, что въ колодцѣ воды уже не было ни капли, а вмѣсто нея зіяло огненное жерло, которое горитъ и до сихъ поръ и въ которое мы заглядывали. Вѣроятно, зажженный газъ передалъ пламя нефти, находящейся на днѣ колодца, вода испарилась, и образовалось что-то въ родѣ маленькаго вулканическаго кратера.

Осматривать больше было нечего; порядкомъ усталые, мы вошли въ небольшую башенку, устроенную надъ монастырскими воротами, и стали тутъ пить чай. Музыканты перебрались за нами и усѣлись на стѣнѣ, перемѣнивъ на этотъ разъ свои инструменты: одинъ надувалъ что-то въ родѣ флейты — *дюдюкъ*; другой билъ въ бубны—*кавалъ*; у третьяго была какъ будто бы скрипка—*каманчаръ*; у четвертаго гитара съ проволочными струнами—*сасъ*; барабанъ—*нагара* и зурна. Заиграли они пѣсню и какъ будто бы нѣсколько поскладнѣе прежняго; но вотъ одинъ изъ музыкантовъ, кажется, гитаристъ, запѣлъ, или, скорѣе, завизжалъ, какъ будто кто-нибудь ущипнулъ его за руку или за ногу и немилосердно жалъ. Наступившія темныя сумерки придали всей картинѣ какой-то фантастическій характеръ. Эта толпа народа, наигрывающіе музыканты, желтолицые индусы и наконецъ наши дамы въ шляпкахъ и бурнусахъ, мы въ шинеляхъ, мундирахъ, аксельбантахъ, и всѣ освѣщенные яркимъ пламенемъ пылающихъ огней, казались какими-то огнепоклонниками, пришедшими совершать поклоненіе великой стихіи.

Но обратный нашъ поѣздъ въ Баку совершился еще того торжественнѣе и былъ почти царственный: кромѣ нашей конницы, насъ конвоировали верхомъ человѣкъ тридцать татаръ съ зажженными факелами изъ нефти, по-здѣшнему—*машалами*;

среди темной ночи раздавались лошадиный топотъ, крики и перебранка гарцующихъ взадъ и впередъ татаръ, ярко пылали машалы, съ которыхъ сдуваемый вѣтромъ огонь сыпался на землю. Когда у кого-нибудь изъ машальниковъ пламя ослабѣвало, его нагонялъ молодой татарчонокъ и на всемъ скаку подливалъ въ машала нефть; напрасно лошади фыркали и рвались въ сторону отъ огня: наѣздники ихъ сдерживали. Подъѣзжая къ Баку, мы увидѣли весь городъ иллюминованнымъ: по горѣ, гдѣ воздвигнутъ памятникъ князю Циціанову, взвивались разнообразными линіями огни, по дорогѣ стоялъ народъ съ такими же машалами.

— Каково бакинцы торжествуютъ!—замѣтилъ я адъютанту Р—ри.

— Это имъ дешево стоитъ — всего девять цѣлковыхъ, — отвѣчалъ онъ.

«Девять цѣлковыхъ — тысячи огней! Въ Петербургѣ переулка не освѣтишь на эти деньги. Что бы сдѣлали и какихъ бы фабрикъ настроили здѣсь англичане, имѣя подъ руками даровое топливо и освѣщеніе!»—подумалъ я.

Три дня мы пробыли такимъ образомъ въ Баку, и я желаю одного, чтобы статейка моя представила воображенію читателя этотъ маленькій городокъ въ столь же яркой картинѣ, въ какой останется онъ навсегда въ моемъ воспоминаніи!

VII.

Тюкъ-Караганскій полуостровъ и Тюленьи острова *).

Чтобы попасть въ Тюкъ-Караганскій заливъ, мы должны были отъ Бирючьей косы перерѣзать море почти поперекъ. Плаваніе наше было въ высшей степени благополучное: въ продолженіе ночи мы прошли половину нашего пути, и на другой день передъ закатомъ солнца сталъ показываться Тюкъ-Караганскій берегъ, съ бухтою въ правой отъ насъ сторонѣ и съ виднѣвшимся влѣвѣ Новопетровскимъ укрѣпленіемъ. Въ самый заливъ мы вошли въ тихія сумерки, при свѣтѣ луны, слѣдовательно при обстоятельствахъ благопріятныхъ для морской картины, но при всемъ томъ видъ полуострова не представилъ для глазъ ничего особенно привлекательнаго: берегъ, море, мелькающія тѣни людей и — только; даже дикость природы не имѣетъ здѣсь своей обычной гран-

*) Тюкъ-Караганскій полуостровъ находится на восточномъ берегу Каспійскаго моря, подъ 44° широты и 21° долготы.

діозности и какая-то черезчуръ заурядная и обыкновенная. Въ морскомъ отношеніи бухту, впрочемъ, хвалятъ: съ густолистымъ дномъ, при четырехсаженной глубинѣ, она образована песчаною косою, которая, загибаясь отъ сѣвера къ юго-востоку, закрываетъ ее совершенно отъ вѣтровъ.

Поутру мы сошли на берегъ, чтобы ѣхать въ крѣпость. На самой косѣ расположена слобода, заселенная русскими переселенцами изъ верховыхъ губерній. Правительство обстроило ихъ, дало имъ на десять лѣтъ льготы, предоставило имъ около берега рыбную ловлю. Я заходилъ въ ихъ дома: живутъ чистенько, замѣтны нѣкоторые слѣды довольства, а между тѣмъ, не говоря уже о бабахъ, даже мужики плачутъ о родинѣ,—скучно!

Крѣпость лежитъ отъ слободы въ пяти верстахъ; по дорогѣ только и видны песокъ, ракуша и выдающійся мѣстами изъ земли известковый камень, употребляемый на постройку домовъ; растительность самая бѣдная, съ морского берега опахиваетъ вонючій запахъ отъ выкидываемой волнами и гніющей здѣсь морской травы. Наконецъ, къ общему нашему удовольствію, мы увидѣли два соленыя озерка, единственно-любопытные предметы среди этой скудной и печальной природы. Замѣчательны они тѣмъ, что совершенно розоваго цвѣта. Вода ихъ, налитая въ стеклянный сосудъ, красновата, и у берега, гдѣ дно ракушечное, черноватое, она представляется съ блѣдно-розовымъ отливомъ; но дальше, гдѣ происходитъ уже осадокъ соли и гдѣ грунтъ дна бѣлый, красноватость ея сгущается до цвѣта розы. Самая соль, въ первое время осадки, когда еще бываетъ сыровата, сохраняетъ розовый цвѣтъ, но высушенная — дѣлается совершенно бѣлой. По мнѣнію Эйхвальда, розовый цвѣтъ озерковъ происходитъ вслѣдствіе отраженія солнечныхъ лучей отъ растущей на днѣ красноватой травы; но почтенный ученый нашъ Бэръ, предпринимавшій вмѣстѣ съ нами эту поѣздку, объяснилъ это иначе и болѣе правдоподобно: онъ открылъ въ водѣ присутствіе инфузорій, которыя въ живомъ состояніи окрашиваютъ ее въ розовый цвѣтъ, но, умирая, разлагаются и утрачиваютъ это свойство.

Крѣпость стоитъ на вершинѣ горы: невысокія стѣны ея идутъ зигзагами, охраняемыя съ одной стороны крутымъ скатомъ, а съ другой — почти перпендикулярными обрывами. Устроена она для прекращенія разбоевъ на морѣ, которые производили кочующіе по восточному берегу киргизъ-кайсаки.

Въѣхавъ въ крѣпостныя ворота, мы прошли сначала въ церковь, видѣли потомъ казармы, лазаретъ, гауптвахту, ходили на бастіоны, откуда я взглянулъ на далеко разстилаю-

щуюся степь, и опять та же убійственная мертвенность: хоть бы деревцо, хоть бы лужайка свѣжей зелени! И только, какъ признаки чего-то живого, плетутся вдали, едва передвигая ноги, по два, по три верблюда, или, лучше сказать, остовы верблюжьи. Сажень дровъ здѣсь стòитъ 70 р. сер., за пригоршню муки кочевникъ готовъ работать цѣлый день: и среди этого безлѣсья и безводья (невольно подумаешь) могутъ жить люди?.. Живутъ, и живутъ тысячи! Мало того: имѣютъ политическія партіи, враждуютъ и междоусобствуютъ другъ съ другомъ. Читатель, можетъ-быть, знаетъ, что бòльшая часть киргизъ-кайсацкихъ племенъ признаётъ надъ собой власть хивинскаго хана, которому еще въ недавнее время они отбывали дань тѣмъ, что захватывали въ морѣ нашихъ рыбопромышленниковъ и поставляли ихъ въ Хиву натурой въ плѣнъ, и только въ 1840 году походъ Перовскаго заставилъ хана отмѣнить сборъ подобной пошлины, и захваты прекратились. Не знаю, въ какой мѣрѣ это справедливо, но мнѣ разсказывали такого рода междоусобный эпизодъ: старый хивинскій ханъ убитъ въ войнѣ съ персіянами, на мѣсто его избранъ хивинскою партіею другой, противъ желанія партіи трухменцевъ; тѣ объявили возстаніе, новый ханъ вышелъ усмирять ихъ и былъ убитъ въ схваткѣ. Ему наслѣдовалъ родной братъ его, который, между прочимъ, издалъ прокламацію съ воззваніемъ въ киргизъ-кайсакамъ—бить и уничтожать трухменцевъ; но тѣ предупредили и напали на хивинскій купеческій караванъ, шедшій изъ Новопетровска въ Хиву, подъ прикрытіемъ киргизовъ; товары были разграблены, а конвой разбитъ. Киргизы, возвратясь домой, въ свою очередь стали грабить трухменцевъ, но не тѣхъ, которые ихъ грабили, а находящихся подъ нашимъ покровительствомъ и прикочевавшихъ къ Новопетровску. Эти трухменцы теперь являются безпрестанно къ коменданту съ просьбою защитить ихъ, а киргизы въ свое оправданіе говорятъ, что они сами ограблены. Словомъ, споръ, который, кажется, лучше всего разрѣшило бы турецкое правосудіе, отколотивъ, для возстановленія мира, истца и отвѣтчика по пятамъ.

Вотъ все, что̀ мы видѣли и слышали на Тюкъ-Караганскомъ полуостровѣ; на другой день, снявшись съ якоря, направили мы нашъ курсъ къ такъ называемымъ Тюленьимъ островамъ, которыхъ собственно четыре: Морской, Святой, Подгорный и Кулалы. Для посѣщенія своего мы избрали послѣдній. Якорь брошенъ у западной его оконечности, противъ единственнаго жилого мѣста — небольшой ватаги тюленьихъ промышленниковъ. До берега добрались мы въ шлюпкѣ, и

первое, что̀ увидѣли—это скорпіоновъ и двухъ-трехъ огромнѣйшихъ собакъ, которыхъ, говорятъ, тутъ болѣе двухъ десятковъ. Промышленники ѣздятъ на нихъ охотиться по льду за тюленями.

Изъ всѣхъ водяныхъ обитателей Каспія, тюлень—ужъ, конечно, самое простодушное животное: ихъ ловятъ почти руками. Выходятъ, напримѣръ, они лѣтомъ на морской берегъ понѣжиться, погрѣться и, главное, я думаю, поспать, и спятъ, какъ мертвые, лопаясь иногда отъ собственнаго своего жира. Между тѣмъ охотники осторожно, съ колотушками (чекушками) въ рукахъ и стараясь быть подъ вѣтромъ, обходятъ ихъ съ моря; достаточно перебить передній рядъ косяка, остальные уже не въ состояніи перескочить этой загороди и всѣ убиваются на мѣстѣ *). Когда ловецъ замахивается на тюленя, онъ, бѣдный, не защищается, не спасается и только обращаетъ на убійцу глаза, полные слезъ, а маленькіе тюленята, говорятъ, даже издаютъ стонъ наподобіе плача ребенка. На морѣ ловятъ тюленей въ сѣверной части Каспійскаго моря; сначала ловцы замѣчаютъ, гдѣ вьются надъ водою мартышки,—явный знакъ, что тутъ ходитъ тюленій косякъ; мѣсто это ловцы обставляютъ съ одной стороны оханами, а съ другой обходятъ въ лодкахъ, и начинаютъ шумомъ и крикомъ безпокоить косякъ, который бросается, тычется рыломъ въ загородь, ворочается и, встрѣтивъ здѣсь разставленныя сѣти, запутывается въ нихъ. Но другое дѣло, и дѣло гораздо поопаснѣе,—охота за маленькимъ бѣленькимъ тюленемъ зимой, когда тюлени плодятся. Для этого они обыкновенно продуваютъ на льду отверстіе (лазокъ), выползаютъ на него и, родивъ дѣтенышей, оставляютъ ихъ, для защиты отъ вѣтра, около льдинъ, стоящихъ ребромъ. Сопровождаемые плачемъ и воемъ семей своихъ, ѣдутъ охотники къ этому, напередъ опознанному мѣсту и начинаютъ несчастныхъ птенцовъ убивать чекушкой, или просто колотя головенкой объ ледъ; но горе отважнымъ промышленникамъ, если въ это время подуетъ морской вѣтеръ: льдины отрываетъ и относитъ, куда вѣтеръ дуетъ. Только счастливая судьба можетъ примкнуть ее къ берегу или къ другой льдинѣ, съ которой можно перебраться на землю, или наконецъ перехватитъ ловцовъ какая-нибудь кусовая; но часто бываетъ, что уноситъ въ море, гдѣ впереди смерть отъ холода, голода, потопленія, и трудно вообразить,

*) Впрочемъ, ловъ этотъ иногда бываетъ соединенъ съ опасностью для ловцовъ; если они не успѣли перебить передняго ряда тюленей, прежде чѣмъ проснутся остальные, то весь косякъ устремляется въ воду, увлекаетъ съ собою и давитъ ловцовъ.

съ какой отважностью и неутомимостью спасаются погибающіе: послѣдній способъ, самый рѣшительный, когда уже никакой не осталось надежды, — это плаванье на бурдюкѣ. Дѣлается онъ просто: убиваютъ обыкновенно лошадей, мясо ихъ запасаютъ на пищу, а шкуру надуваютъ и образовавшіеся изъ нея пузыри привязываютъ къ санямъ, которыя спускаютъ на море, и пускаются въ нихъ плыть, употребляя вмѣсто веселъ лошадиныя кости; кого вынесетъ—такъ хорошо, а нѣтъ—такъ, значитъ, Богомъ такъ назначено. Чиновникъ произведетъ очень аккуратное мѣстное изысканіе о причинѣ смерти такихъ-то и такихъ-то. Родные, а больше всѣхъ матери, поревутъ, постонутъ. На мірской сходкѣ переговорятъ: «Затерло, братъ, ребятъ-то, затерло... Затерло, затерло, съ кусовой отъ Ѳомы Ильича видѣли, слышь... Видѣли, видѣли, братецъ ты мой, да подступу не было, льдищо кругомъ... Льдищо, льдищо—извѣстно!»—заключится разговоръ, да тѣмъ дѣло и покончится. Гдѣ-то, подумаешь, ни вершитъ головушкой русскій человѣкъ ни за что ни про что, а пора бы, кажется, намъ поберегать людей: весь этотъ промыселъ, напримѣръ, доставлялъ шкурку, изъ которой выдѣлывался мѣхъ въ родѣ бобра, употребляемый на опушку кучерскихъ кафтановъ, и для подобнаго комфорта каждый годъ гибло до 20-ти человѣкъ, а сверхъ того переводились и самые тюлени. Въ послѣднее время правительствомъ, впрочемъ, запрещенъ этотъ промыселъ.

1856 г. Астрахань.

VIII.

Пребываніе черноморскихъ моряковъ въ Москвѣ и пріемъ ихъ астраханскими жителями.

I.

Пребываніе черноморцевъ въ Москвѣ.

Въ четвергъ, 16 февраля, вся Москва узнала, по слухамъ, быстро разнесшимся по стогнамъ древней первопрестольной гостепріимной столицы нашей, что, съ дозволенія его высочества генералъ-адмирала, прибудутъ въ пятницу изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ офицеры Черноморскаго флота для встрѣчи морскихъ черноморскихъ экипажей, слѣдовавшихъ изъ Николаева и Севастополя въ Петербургъ, Кронштадтъ и Архангельскъ. Офицеры эти прибыли въ Москву

въ пятницу, 17 февраля, въ 11 часовъ утра, на особомъ поѣздѣ, иждивеніемъ достойнаго гражданина В. А. Кокорева.

При выходѣ изъ вагоновъ, славные гости были привѣтствованы общимъ «ура!», вырвавшимся невольно изъ груди присутствовавшихъ на галлереѣ. При видѣ собранія героевъ, «ура!» вмигъ было подхвачено всѣмъ народомъ, стоявшимъ внѣ зданія. Хозяинъ поѣзда, В. А. Кокоревъ, пригласилъ прибывшихъ въ гостиницу Шевалье на чай, — и тридцать разукрашенныхъ русскихъ троекъ помчали ихъ длиннымъ праздничнымъ поѣздомъ по Мясницкой, Ильинкѣ, Красной площади, на Тверскую и въ Газетный переулокъ. По улицамъ толпился народъ и кланялся гостямъ Москвы. Въ гостиницѣ ожидали ихъ кипящіе самовары и горячіе чайники съ душистымъ чаемъ, а столы ломились подъ грудою московскихъ колачей, сухариковъ и разныхъ чайныхъ приправъ. Во время чая моряки раздѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ дружественныхъ группъ и потомъ разошлись и разъѣхались по разнымъ номерамъ и лучшимъ гостиницамъ въ заранѣе приготовленныя квартиры, при чемъ сдѣлано распоряженіе, чтобы при каждой квартирѣ было достаточное число экипажей для гостей, и отдано приказаніе, чтобы во всѣхъ гостиницахъ прислуга, особо для сего назначенная, держала ухо востро и смотрѣла въ глаза дорогимъ гостямъ, чтобы не только требованія ихъ исполнялись, но чтобы заботились о предупрежденіи желаній каждаго посѣтителя. Въ третьемъ часу всѣ прибывшіе офицеры имѣли честь представляться московскому военному генералъ-губернатору графу Закревскому, а въ три часа, по приглашенію В. А. Кокорева, собрались къ обѣду въ Новотроицкій трактиръ. Тамъ въ пяти комнатахъ, соединенныхъ между собою чрезъ только-что проломанныя стѣны, были накрыты столы, роскошно убранные. За каждымъ столомъ посажено было по два и по три обывателя, на которыхъ возложено было угощеніе. Во время обѣда провозглашены были тосты за многолѣтіе и здравіе государя императора, его высочества генералъ-адмирала, за героевъ севастопольскихъ убіенныхъ и живыхъ: за Корнилова, Нахимова, Истомина, Тотлебена, Хрулева и другихъ; за присутствующихъ героевъ, за ихъ семейства, за оставшихся сиротъ, за угощающаго хозяина. «Благодаримъ! благодаримъ! Честь и слава русскимъ воинамъ, ура!»—раздавалось въ гостиницѣ и повторялось на улицѣ. При этомъ говорены были десятки рѣчей, задушевныхъ, не приготовленныхъ заранѣе, но снисходившихъ прямо отъ души, исполненной патріотическаго чувства. Послѣ такой братской трапезы, на тѣхъ же тройкахъ гости отправились по домамъ. По всей

площади и по всей Никольской народу было полнымъ-полно, и народъ привѣтливо кланялся гостямъ своимъ. Къ вечеру гостямъ предложены были билеты въ театръ; В. А. Кокоревъ позаботился и объ этомъ.

На другой день, въ субботу, 18 февраля, вступалъ въ Москву первый эшелонъ черноморскихъ моряковъ, состоявшій изъ 29 и 32 флотскихъ экипажей *). По выслушаніи божественной литургіи и панихиды за упокой души незабвеннаго императора Николая Павловича, въ Чудовомъ монастырѣ, морскіе офицеры, прибывшіе изъ Петербурга, и московскіе граждане отправились на тройкахъ за Серпуховскую заставу. Впередъ отвезены были вновь пожалованныя медали и за версту розданы и повѣшены на груди матросамъ, такъ что они всѣ вступили въ Москву уже новыми кавалерами.

Несмѣтное число экипажей съѣхалось къ заставѣ. Толпы народа предшествовали гостямъ, привѣтствовали ихъ криками «ура!», кидали вверхъ шапки и, съ почтеніемъ смотря на георгіевскіе кресты и на медали черноморцевъ, говорили: «Смотри-ка, и простые-то всѣ кавалеры!».

Встрѣча, по распоряженію начальства столицы, была устроена такимъ образомъ: у Серпуховской заставы встрѣтили московскій комендантъ, исправляющій должность плацъ-майора съ плацъ-адъютантомъ и полицеймейстеръ съ частнымъ приставомъ; градской и ремесленный головы съ купечествомъ и ремесленниками, каждые съ хлѣбомъ и солью. Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій встрѣтилъ моряковъ на площади у Серпуховскихъ воротъ.

Многіе изъ гражданъ, отправившись впередъ, за заставу, вмѣстѣ съ В. А. Кокоревымъ, первые привѣтствовали моряковъ хлѣбомъ и солью. Кокоревъ и Мамонтовъ на большомъ серебряномъ блюдѣ поднесли гостямъ хлѣбъ-соль отъ иногороднаго купечества, хлѣбъ-соль съ лишкомъ въ пудъ вѣса. При этомъ Кокоревъ земно поклонился героямъ. Вотъ какъ описываетъ эту встрѣчу одинъ изъ жителей Москвы («Московскія Вѣдомости» 1856 г., № 28):

«Лишь только увидѣли мы издали длинный ихъ (черноморцевъ) строй, спускающійся съ горы, слезы прошибли всякаго и полились изъ глазъ. Богъ знаетъ, что̀ почувствовалось—и сладко и горько, и весело и грустно. Обыватели густыми толпами валили къ нимъ навстрѣчу и кричали «ура!».—«Ура!»—отвѣчали гости. Кокоревъ съ Мамонтовымъ несли на большомъ серебря-

*) 21 февраля (1856) вступилъ въ Москву второй эшелонъ, состоявшій изъ экипажей: 38-го (бывшаго Корниловскаго) и 40-го; 29 февраля — третій эшелонъ, въ которомъ находились экипажи: 41-й (бывшій Нахимовскій) и 44-й

номъ блюдѣ хлѣбъ-соль, какую-то испеченную гору, для которой чуть ли не складена была особая печка. Сровнявшись съ гостями, Кокоревъ передалъ подносъ старшему офицеру. «Служивые! благодаримъ васъ за ваши труды, за пролитую вами кровь за насъ, въ защиту родной земли. Примите нашъ земной поклонъ»,—и поклонился онъ имъ въ землю. За нимъ поклонились въ землю всѣ слѣдовавшіе. Удивительная, умилительная минута! Всѣ плакали (чрезъ три часа я встрѣтилъ уже въ городѣ Тимма *), и онъ обливался слезами, какъ ребенокъ, вспоминая эту минуту). Матросы выстроились и двинулись въ путь. Мы пошли передъ ними. Лишь только завидѣли насъ у заставы, а тамъ стояли уже не толпы, а тучи народа, какъ и закричали «ура!». Клики не умолкали, пока не подошли матросы. У заставы встрѣтилъ ихъ московскій комендантъ И. И. Кизмеръ, бывшій севастопольскимъ комендантомъ, и поздравилъ ихъ съ благополучнымъ приходомъ. Купечество, мѣщанство, цеховыя общества поднесли хлѣбъ-соль. Отъ заставы потянулось уже цѣлое безконечное войско, безпрестанно умножавшееся, къ Серпуховскимъ воротамъ. Перейдя поле, по улицѣ, мы шли между двумя стѣнами народа, подъ звуки громогласнаго «ура!». На Серпуховской площади приготовлено было отъ акцизнооткупного комиссіонерства и купеческаго общества угощеніе. Площадь покрыта вся народомъ. Женщины взгромоздились на скамейки. Ребятишки торчали на крышахъ. Выстроились какіе-то подмостки, и вездѣ толкались люди. Матросы составили каре. Военный генералъ-губернаторъ поздоровался съ ними, обошелъ всѣ ряды, поздравилъ ихъ съ прибытіемъ и выпилъ за здоровье ихъ чарку водки. Въ старыхъ, истертыхъ шинеляхъ, въ низенькихъ шапочкахъ, эти заскорузлыя лица, эти утомленныя лица, эти рубцы—какъ они были хороши! Какое впечатлѣніе производила трудовая боевая служба! Матросы подходили по порядку къ столамъ и брали стаканы, выпивали и покрякивали, откашливались. Съ другихъ сторонъ сыпался дождь саекъ и колачей. Какія-то знатныя дамы, стоявшія на скамейкахъ, спросили себѣ простого русскаго вина! «Дайте намъ чарку, мы хотимъ пить за здоровье храбрыхъ матросовъ. Ура! Ура!» Сбѣжались офицеры благодарить. «За здоровье офицеровъ!» И все было прекрасно, любовно, весело, благочинно. Пришедшіе экипажи размѣщены въ двухъ сосѣднихъ частяхъ города. Купцы на перехватъ рвали къ себѣ матросовъ, кто спрашивалъ себѣ 10, кто 20, кто даже 100. Нѣкоторые наняли харчевниковъ, угощать ихъ по вкусу.

---

*) Издателя «Русскаго Художественнаго Листка».

«Любовь, любовь, отеческія отношенія — вотъ наша сила, вотъ русское могущество! Любовь и довѣріе—вотъ чего ожидаетъ русскій народъ, и вотъ съ чѣмъ русскій царь непобѣдимъ, славенъ и великъ.

«Я возвращался на тройкѣ съ Кокоревымъ. Мы обогнали какія-то дорожныя подводы. Стой, что̀ такое? Матросскія семейства. Кокоревъ сошелъ къ нимъ и спросилъ — сколько семействъ? — 20-ть. — Выдать имъ по сту рублей серебромъ. Молодецъ!»

19-го февраля, въ день восшествія на престолъ государя императора Александра Николаевича, штабъ-офицеры были приглашены къ г. военному генералъ-губернатору, а оберъ-офицеры собрались къ обѣду, по приглашенію В. А. Кокорева, въ гостиницу Шевалье. Тамъ, при возглашеніи тоста за здравіе государя императора, М. П. Погодинъ сказалъ нѣсколько задушевныхъ словъ, повторенныхъ за нимъ всѣми присутствовавшими:

— Дай Богъ ему царствовать долго, счастливо, милостиво, любовно! Сила не въ силѣ, сила въ любви! Да здравствуетъ возлюбленный государь нашъ Александръ Николаевичъ!

На этомъ же обѣдѣ Н. А. Жеребцовъ произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

— Почтенные герои-соотчичи! Позвольте мирному гражданину, когда-то участвовавшему въ бояхъ отечественныхъ, сказать вамъ, отъ глубины русской души, привѣтное слово: слава вамъ, моряки черноморскіе, за то, что доблестью своею вы показали предъ цѣлымъ міромъ, какъ русскій человѣкъ понимаетъ честь и исполненіе своихъ обязанностей къ царю и родинѣ. Каждый изъ васъ дѣлился послѣднимъ кускомъ съ голоднымъ плѣнникомъ и уступалъ свое походное ложе раненому и страждущему врагу. Доблестные воины севастопольскіе! Кто можетъ, видя вашъ братскій кругъ, усомниться въ высокой степени вашей образованности? Семейное устройство войска вашего, любовь офицеровъ къ матросу, уваженіе и любовь матросовъ къ офицерамъ и дружеское товарищество между вами—не суть ли неоспоримыя выраженія высокой образованности? Товарищество или община есть выраженіе нашей русской народности, русскій человѣкъ безсиленъ въ одиночествѣ, на міру лишь красуется русская удаль; а потому и вы, господа, подъ Севастополемъ были львами, теперь же каждый изъ васъ сдѣлался скромнымъ собесѣдникомъ. Позвольте же намъ, вашимъ соотчичамъ и согражданамъ, прославлять громко и во всеуслышаніе геройство черноморскихъ моряковъ нашихъ и увѣрить васъ, что каждый русскій гордится вами, что не

только теперь, когда ваши подвиги такъ свѣжи у всѣхъ въ памяти, но и тогда, когда юнѣйшій изъ васъ будетъ преклоннымъ старцемъ, всякій русскій человѣкъ почтитъ этого старца, укажетъ его своему сыну, какъ примѣръ доблести, и юноша воспламенится живѣйшею любовью къ славному своему отечеству. Теперь же заключимъ историческимъ «ура!» въ честь славныхъ севастопольцевъ!

Затѣмъ профессоръ С. П. Шевыревъ произнесъ слѣдующіе стихи:

ПРИВѢТЪ ПРИБЫВШИМЪ ВЪ МОСКВУ СЕВАСТОПОЛЬСКИМЪ ЧЕРНОМОРЦАМЪ, 18 ФЕВРАЛЯ 1856 ГОДА.

Дѣти моря, ратоборцы!
Слава флота и земли!
Сонмъ почтенный—черноморцы!
Братья-гости, вы ль пришли?
Вамъ привѣтъ Москвы державной,
Вамъ народа общій гласъ:
Въ сердцѣ Руси православной
Горячо мы любимъ васъ.

Вы—птенцы гнѣзда морского!
Море—ваша колыбель,
Гдѣ Владимира Святого
Православная купель!
Закаленные любовью,
Вы, за братьевъ и друзей,
Снова тамъ огнемъ и кровью
Крещены среди смертей!

Въ васъ духъ Лазарева вѣялъ,
Ваши силы онъ растилъ,
И Нахимовъ васъ лелѣялъ,
Сердцемъ пламеннымъ любилъ,
А Корниловъ, въ жаркой банѣ
Закаляя вашу рать,
На Малаховомъ курганѣ
Научилъ васъ умирать, и проч.

На тосты въ честь моряковъ и привѣты, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

— Не знаемъ, какъ благодарить васъ, но что мы сдѣлали?— Мы только исполнили долгъ свой.

Не успѣли встать изъ-за стола, вдругъ разнеслась вѣсть: Бутаковъ!—Бутаковъ 2-й, Алексѣй Ивановичъ, начальникъ экспедиціи для описанія Аральскаго моря и рѣкъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи,—капитанъ 2-го ранга, съ 1849 года предпринявшій это описаніе. Вошелъ и самъ Алексѣй Ивановичъ. Всѣ его привѣтствовали и тотчасъ пили за его здоровье. Какъ кстати явился въ эту минуту почтенный труженикъ морской

науки, корреспондентъ Гумбольдта, какъ бы указывая молодымъ морякамъ на то, какіе труды ожидаютъ ихъ въ мирное время.

М. П. Погодинъ сказалъ, по случаю этой счастливой встрѣчи ученаго моряка съ своими сослуживцами:

— Господа! Враги хотятъ запереть намъ Черное море — а вотъ вашъ товарищъ, прибывшій съ Аральскаго. Смотря на васъ, любуясь вами, мы надѣемся, что съ вами русскій флагъ развѣется на всѣхъ моряхъ и океанахъ, на Черномъ и Аральскомъ, Средиземномъ и Нѣмецкомъ, на Тихомъ и бурномъ океанѣ (кто-то произнесъ имя Сыръ-Дарьи)... на всѣхъ Сыръ-Дарьяхъ и Аму-Дарьяхъ! Въ честь и славу русскаго флага!

Затѣмъ моряки пили за здоровье В. А. Кокорева и покачали его порядкомъ, какъ будто на морской волнѣ, на рукахъ своихъ.

Подняты дружные бокалы за здоровье Н. А. Жеребцова, М. П. Погодина и С. П. Шевырева.

Михаилъ Петровичъ отвѣчалъ:

— Примите глубочайшую мою благодарность. Эта минута одна изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Почитаю себя счастливымъ, что могъ въ прошедшее тягостное и мудреное для отечества время выразить сколько-нибудь русскія чувства.

С. П. Шевыревъ на свой тостъ отвѣчалъ:

— Господа! Скромность ваша видитъ въ вашемъ подвигѣ только исполненіе долга. Съ васъ мы всѣ должны брать примѣръ. У каждаго изъ насъ, на всѣхъ поприщахъ жизни, есть свой Севастополь: Севастополь правды, Севастополь истины, Севастополь всякаго добра въ Россіи! Отстаивать эту святыню противъ всѣхъ враговъ внутреннихъ есть долгъ каждаго изъ насъ. Если всякій будетъ думать объ исполненіи долга, какъ вы думаете, счастлива будетъ Россія, и этимъ счастіемъ будетъ утѣшаться вполнѣ государь ея!

Праздничный день этотъ моряки кончили въ театрахъ и на балахъ, изъ коихъ главный былъ въ Благородномъ Собраніи, въ пользу нижнихъ чиновъ черноморскихъ экипажей.

Въ понедѣльникъ, 20-го февраля, В. А. Кокоревъ снова угощалъ убѣдомъ гг. черноморскихъ офицеровъ въ залахъ Купеческаго Собранія. За столомъ прекрасный оркестръ Сакса веселилъ гостей то мотивами изъ итальянскихъ оперъ, то русскими пѣснями. Когда хозяинъ угощенія, послѣ тостовъ царскаго и генералъ-адмиральскаго, предложилъ тостъ черноморскихъ гостей, профессоръ Шевыревъ прочелъ стихотвореніе:

МОРЯКАМЪ РОССІИ.

Благословимъ премудрость Бога:
Имъ созданъ море-океанъ;
Дана всемірная дорога
Народамъ всѣхъ подлунныхъ странъ.
Объемлетъ онъ волной, прекрасной,
Какъ неба чистое лицо,
Всѣ земли въ кругъ одинъ согласный,
Всѣ звенья странъ въ одно кольцо.

Вамъ слава, моряки Россіи!
Мысль Божья вами понята:
У васъ, среди морской стихіи,
Согласье, дружба, простота.
Своею жизнью досточтимой
Даете вы примѣръ землѣ:
Святой союзъ семьи родимой
У васъ живетъ на кораблѣ.

И мысль та Божья правитъ вами
По всѣмъ концамъ путей морскихъ:
Подъ всѣми міра небесами
Вы братьевъ видите своихъ.
О! будь, семьѣ подобно вашей,
Весь міръ кольцомъ одной семьи,
И флагъ морской Россіи нашей
Будь флагомъ мира и любви.

По желанію присутствовавшихъ, чтеніе повторено. Хозяинъ пира былъ попрежнему неистощимъ на тосты. Теплая душа его выражалась въ нихъ. Одинъ изъ послѣднихъ тостовъ, уже послѣ обѣда, питъ за здоровье сиротъ, оставшихся послѣ падшихъ защитниковъ Севастополя. По этому случаю профессоръ Шевыревъ сказалъ:

— Господа! При этой заздравной сиротской чашѣ, которая поднята порывомъ души чистой и благородно-высокой, невольно мысль озаряется образомъ Того, Кто любилъ дѣтей на землѣ, благословлялъ ихъ и строго наказывалъ ученикамъ Своимъ, чтобы они не запрещали дѣтямъ окружать Его. Святы всѣ сироты міра, но сироты падшихъ защитниковъ Севастополя ближе къ нашему сердцу, потому что это дѣти людей, за насъ положившихъ животы и души свои. Да здравствуютъ сироты севастопольскіе! Память ихъ падшихъ отцовъ да не умираетъ въ нихъ никогда! Да растутъ они и воспитываются, имѣя передъ собою живые образцы славныхъ героевъ Севастополя, насъ окружающихъ!

Слово такъ пришлось по сердцу морякамъ, что они принялись качать говорившаго. Отвѣчая объятіями на ихъ дру-

жескій привѣтъ, онъ благодарилъ ихъ за то, что они напомнили ему волну морскую, но безъ ея непріятностей; что онъ хотя на морѣ и подверженъ его болѣзни, но отъ такой качки и больной бы выздоровѣлъ. Тутъ невольно пришла ему на мысль одна старинная русская пѣсня, объясняющая, почему у моряковъ все такъ хорошо и любовно, что вѣкъ бы жилъ съ ними:

У насъ кто на морѣ не бывалъ,
Морской волны не видалъ,
Не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго,
Отъ желанья тѣ Богу не маливались.

Стройнымъ хоромъ пѣли моряки гимнъ: «Боже, царя храни!», при тостѣ царскомъ. Не оставляли они пира, не повторивъ этого гимна передъ портретомъ государя. Умилительно было видѣть эту картину, какъ молодые герои, поднявъ бокалы, стояли полукругомъ передъ милымъ изображеніемъ: ихъ взоры, сердца и стройные голоса неслись къ нему.

Въ этотъ день всѣ гости, по предложенію профессора Шевырева, условились въ четвергъ поклониться святынямъ Кремля и осмотрѣть его древности.

21-го февраля, во вторникъ, предложилъ угощеніе у себя въ домѣ градоначальникъ Москвы. Къ обѣду приглашены были: контръ-адмиралъ, находящійся въ отпуску въ Москвѣ для излѣченія отъ ранъ, Петръ Ивановичъ Кислинскій, капитанъ перваго ранга, предводительствующій вступившими экипажами, А. А. Зоринъ, и всѣ штабъ- и оберъ-офицеры другихъ войскъ, бывшихъ при защитѣ Севастополя. Князь С. М. Голицынъ, М. И. Чеодаевъ, многіе сановники и должностныя лица Москвы присутствовали на пирѣ. Моряковъ приглашено 123, сухопутныхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ раненыхъ 52, прочихъ гостей 53.

За обѣдомъ хозяинъ провозгласилъ тосты, первый за здравіе государя императора и второй за здравіе его императорскаго высочества генералъ-адмирала. Они сопровождались громогласнымъ «ура!».

Когда наступилъ третій тостъ, въ честь славныхъ гостей, графъ Арсеній Андреевичъ произнесъ имъ слѣдующее привѣтствіе:

— Радушный пріемъ, который вы встрѣчаете на пути по родной землѣ, есть сердечный отголосокъ того сочувствія, которое возбуждено во всѣхъ геройскою защитою Севастополя, несокрушимою твердостью, блистательнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ севастопольскаго гарнизона. Это вмѣстѣ и голосъ глубокой народной признательности къ вашимъ доблестнымъ

начальникамъ и всѣмъ боевымъ товарищамъ, которые погребли себя въ развалинахъ Севастополя, но вѣчно будутъ жить въ лѣтописяхъ россійской славы. Провидѣніе сохранило васъ, дабы вы передали новому поколѣнію русскаго флота, во всей чистотѣ, тѣ воинскія доблести, которыми отличаются черноморцы отъ адмирала до матроса... Господа! За славу русскаго оружія! За здоровье храбрыхъ защитниковъ Севастополя—и за ваше здоровье!

Дружное «ура!» огласило залу въ отвѣтъ на привѣтствіе графа. Контръ-адмиралъ П. И. Кислинскій выразилъ отъ лица всѣхъ моряковъ чувства искренней благодарности.

Затѣмъ, по предложенію графа, профессоръ Шевыревъ сказалъ:

«Милостивые государи! Сердце досточтимаго и гостепріимнаго хозяина пира всегда отзывалось и отзывается теплымъ сочувствіемъ на всякое славное событіе отечества. Графу Арсенію Андреевичу угодно было поручить мнѣ быть органомъ тѣхъ чувствъ, которыя теперь одушевляютъ нашу столицу. Да, отъ этихъ палатъ до послѣднихъ смиренныхъ домовъ Москвы, отъ старцевъ до младенцевъ, всюду въ нашемъ городѣ теперь думаютъ и чувствуютъ одно:—какъ выразить любовь и благодарность нашимъ гостямъ—богатырямъ Севастополя—за подвигъ, совершенный ими во славу и благо отечества.

«Въ этомъ подвигѣ любви и самоотверженія человѣческаго повторилось вмалѣ чудо, сопровождавшее вѣчный подвигъ Любви Божественной, который разъ совершился на землѣ. Когда сама Любовь, принявъ за насъ смерть, сошла въ могилу,—земля потряслась, камни разсѣлись, гробы отверзлись, усопшіе встали, пришли въ святой городъ и явились многимъ. Не тряслась ли земля подъ стѣнами Севастополя? Не темнѣло ли солнце? Не умирали ли за насъ тысячью смертей наши братья, подражая подвигу Любви Божественной?—И вотъ, чудомъ спасающей силы Божіей, изъ самыхъ устъ гроба севастопольскаго возстали они, и пришли въ нашъ городъ, и сотворили намъ пасху красную, и мы приняли ихъ въ теплыя объятія любви и благодарности.

«Радостна эта встрѣча, весело это свиданіе, имъ—послѣ ужасовъ смерти, намъ—послѣ страха за нихъ. Но, если вглядываться въ ихъ лица, если отгадывать думы ихъ сердца, то съ радостью возврата они несутъ и чувство скорби по тѣхъ вождяхъ и братьяхъ, которые тамъ пали, и мнѣ кажется, что мы ничѣмъ такъ сильно не можемъ выразить имъ любви своей, какъ раздѣливши съ ними это тяжелое чувство. Въ день скорби всенародной, въ первый разъ, вступали они въ Москву:

совершалась годовщина памяти по государѣ Николаѣ Павловичѣ. Отрадно было думать, что въ послѣднее время жизни своей онъ столько утѣшался ими, и что послѣдніе дни его царствованія были озарены славою ихъ подвиговъ. Съ этою священною памятью о почившемъ въ Бозѣ императорѣ соединяется память его вѣрныхъ слугъ и славныхъ сподвижниковъ, положившихъ души свои за царя и Россію.

«Кто изъ насъ не вложилъ въ сердце свое и не передалъ дѣтямъ словъ, которыя всѣмъ русскимъ, умирая, завѣщалъ Корниловъ:—«Если я самъ прикажу отступить—коли меня!»—«Скажите сыновьямъ моимъ, чтобы они вѣрно служили царю и отечеству!» — «Господи! спаси царя и Россію! Сохрани Севастополь и Черноморскій флотъ! Я счастливъ, что умираю за отечество!» — «Кланяйтесь всѣмъ и скажите, какъ сладко умирать, когда совѣсть чиста!»—И вотъ съ послѣднимъ вздохомъ изъ груди геройской вылетѣлъ нашъ славный крикъ: «ура!», столько знакомый воину русскому; но мнѣ ли объяснять, что̀ значитъ этотъ крикъ, передъ сонмомъ такихъ воиновъ?

«А Нахимовъ—отецъ матросскій, какъ у насъ въ университетѣ братъ его былъ отцомъ студенческимъ! Въ героѣ Синопа воплощались исполненіе долга, доброта и смиреніе моряка русскаго. «Берегите Тотлебена—а я что̀-съ?»—слова незабвенныя. Защищая Севастополь, онъ находилъ время посылать ежедневно цвѣты раненому Тотлебену и доставлять лакомства раненымъ своимъ офицерамъ.

«О! свято то мѣсто, гдѣ лежатъ, вмѣстѣ съ наставникомъ своимъ—Лазаревымъ, Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ и всѣ до послѣдняго матроса и солдата, падшіе за отчизну, — и часто къ этому мѣсту, вслѣдъ за молитвой и думой моряковъ нашихъ, будетъ обращаться молитва и дума всякаго русскаго человѣка.

«Но утѣшимся. Они не умерли. Духъ ихъ воскресъ и живетъ въ каждомъ сердцѣ, которое бьется здѣсь подъ морскимъ мундиромъ. Красота ихъ доблестей сіяетъ въ каждой язвѣ, въ каждой ранѣ, въ каждомъ увѣчьѣ и въ каждомъ орденѣ, которыми украшены эти гости Москвы, богатыри черноморскіе.

«Война кончается. Бурныя тучи ея сходятъ съ небосклона Россіи. Миръ озаряетъ ею. Христіанскій царь христіанскаго народа желаетъ вплести оливу мира въ тотъ вѣнецъ, которымъ украсится священная глава его. Мы ли съ благоговѣйною любовью не полетимъ навстрѣчу прекрасному желанію его любящаго сердца? Но да не будетъ время мира для насъ временемъ дремы и усыпленія! Болѣе чѣмъ когда-нибудь каждый русскій долженъ стоять на стражѣ дѣятельности самой

неусыпной. Война будитъ силы народовъ. Она много пробудила и наши, породила намъ героевъ, обнаружила достоинства и недостатки отечества. Постараемся воспользоваться ея уроками.

«Среди надеждъ на будущее Россіи свѣтло сіяютъ надежды наши на дѣятельность русскаго флота. Богатое духомъ сѣмя моряковъ его, которые здѣсь передъ нами стоятъ въ сіяніи совершеннаго ими подвига, да собираетъ около себя всѣ народныя морскія силы Россіи! Восемь морей, какъ восемь зеркалъ, по выраженію Державина, окружаютъ престолъ русскаго царства, опирающійся на горы Скандинавіи, Камчатки и Кавказа. Да отражаются же въ этихъ зеркалахъ разумъ, могущество, слава и любовь народа русскаго! Да утѣшаются государь императоръ и августѣйшій братъ его, генералъ-адмиралъ, подвигами моряковъ своихъ!

«А мы впишемъ ихъ севастопольскую службу навсегда въ сердца свои и будемъ брать съ нея примѣръ, для исполненія своихъ обязанностей, на всѣхъ поприщахъ, въ великомъ дѣлѣ служенія нашей возлюбленной матери Россіи и нашему ангелу-отцу государю. За процвѣтаніе русскаго флота и за здоровье черномор скихъ богатырей его!»

Слезы, которыми многіе изъ присутствовавшихъ обнаружили, во время рѣчи, сочувствіе говорившему, отнесъ онъ искренно къ присутствію защитниковъ Севастополя, которые дѣлами своими, выше всякихъ словъ, могли возбудить самыя живыя чувства любви и благодарности.

Въ среду, 22-го февраля, погода покровительствовала катанью гостей. На тридцати тройкахъ они объѣхали кругомъ весь Кремль, потомъ по гулянью подъ Новинскимъ выѣхали на Дѣвичье поле и во 2-мъ часу были въ домѣ М. П. Погодина, гдѣ ожидали ихъ блины, завтракъ и танцы. Поднявъ бокалъ за здоровье дорогихъ гостей, хозяинъ сказалъ:

«Вамъ угодно было удостоить благосклоннымъ посѣщеніемъ мою рабочую смиренную келью.

«Примите искреннюю мою благодарность! Дорого цѣню я честь, вами мнѣ оказанную; она останется лучшимъ наслѣдствомъ моимъ дѣтямъ.

«Если въ продолженіе послѣдняго времени мнѣ удавалось выражать нѣкоторыя русскія чувства, — повѣрьте, что я не выразилъ и сотой доли того, что̀ чувствовала Москва, что̀ чувствовала вся Россія, слѣдя воображеніемъ за вашими опасностями, трудами и подвигами. Позвольте мнѣ здѣсь, у себя въ домѣ, еще разъ предложить тостъ за ваше драгоцѣнное для отечества здоровье. Многія лѣта вамъ, славные защитники Севастополя!»

Затѣмъ хозяинъ предложилъ выпить за здоровье В. А. Кокорева и сказалъ при этомъ:

— Есть русская пословица: хорошо тому, кто добро дѣлаетъ; но вдвое лучше тому, кто добро помнитъ! Позвольте, господа, предложить вамъ выпить за здоровье того русскаго человѣка, который отъ искренняго сердца выражаетъ такъ прекрасно общую нашу вамъ благодарность и напоминаетъ старинное русское гостепріимство. Въ качествѣ лѣтописателя я долженъ занести въ лѣтопись этотъ мирный гражданскій, почтенный подвигъ. За здоровье Василія Александровича Кокорева!

Третій бокалъ питъ за здоровье В. Ѳ. Тимма, и при этомъ М. П. Погодинымъ сказано:

— Выпьемъ за здоровье того любезнаго художника, который бойкимъ, мастерскимъ своимъ карандашомъ увѣковѣчиваетъ и распространяетъ въ народѣ ваши драгоцѣнныя черты и изображаетъ ваши подвиги. Здоровье В. Ѳ. Тимма!

Русское искусство въ лицѣ лучшихъ его представителей въ Москвѣ было приглашено хозяиномъ для того, чтобы повеселить гостей. Тутъ Лазаревъ пѣлъ русскія пѣсни; Садовскій морилъ со смѣху забавными разсказами; Щепкинъ — разсказомъ о фейерверкѣ въ честь графа и охотника за зайцами. Между тѣмъ проворный Тиммъ подхватилъ карандашомъ разсказъ Садовскаго.

Университетская молодежь привѣтствовала также славныхъ гостей. Двое студентовъ читали имъ привѣты свои въ стихахъ. Вотъ стихи студента Потѣхина *):

ЧЕРНОМОРЦАМЪ — ЗАЩИТНИКАМЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

Богъ послалъ намъ испытаніе
Въ Севастополѣ родномъ:
Тяжело было страданіе...
Не покрылась Русь стыдомъ!

И развалины кровавыя,
На позоръ Европѣ всей,
Вновь возстанутъ, величавыя,
Съ громкой славою своей!

Въ хартіяхъ бытописанія
Черноморецъ живъ вовѣкъ:
Славныя его дѣянія
Вспомнитъ русскій человѣкъ!

Передъ вами въ умиленіи
Встанетъ старецъ съ сѣдиной;

*) Николая Антиповича, впослѣдствіи драматурга. *Прим. ред.*

Внукамъ позднимъ въ наставленіе
Молвитъ онъ о васъ порой.

Вамъ, защитники-воители,
Здѣсь, въ отчизнѣ, торжество;
Падшихъ къ Господу въ обители
Вводятъ ангелы Его!

Если жъ снова васъ отечество
Къ свѣжимъ лаврамъ позоветъ,
Вновь увидитъ человѣчество,
Что въ васъ русскій духъ живетъ!

Пылкіе моряки бросились обнимать и цѣловать студента Потѣхина и вырвали у него изъ рукъ стихи.

Послѣ обѣда угощали у себя въ домѣ моряковъ почетные граждане И. Ѳ. Мамонтовъ и О. Н. Герръ, содѣйствовавшіе много заботами своими всему московскому угощенію.

Вечеромъ былъ для моряковъ блестящій и оживленный балъ у Домны Павловны Веселовской.

Въ четвергъ, 23 февраля, утромъ, моряки кланялись святынямъ московскихъ соборовъ, которые открыты имъ были по приказанію его высокопреосвященства митрополита московскаго. Главнымъ вожатаемъ былъ намѣстникъ Чудовскаго монастыря отецъ архимандритъ Іоанникій, вмѣстѣ съ профессоромъ Шевыревымъ. Протосакелларіи соборовъ Успенскаго и Архангельскаго показывали имъ историческіе памятники и драгоцѣнности, объясняя ихъ значеніе. Въ Чудовѣ, поклонившись мощамъ святителя Алексія и приложившись къ его рукописному евангелію, они прошли прямо изъ соборной церкви въ малый Николаевскій дворецъ, гдѣ видѣли комнату, въ которой родился нынѣ царствующій государь императоръ, и другую, гдѣ его величество покоился въ колыбели еще новорожденнымъ младенцемъ.

Въ Оружейной палатѣ самъ директоръ А. Ѳ. Вельтманъ показывалъ и объяснялъ морякамъ всѣ ея древности, съ тѣми подробностями, которыя доступны только знатоку и хозяину своего дѣла.

Но къ тремъ часамъ въ залахъ Купеческаго Собранія уже ожидалъ гостей постоянный одушевитель общества, В. А. Кокоревъ.

Къ обѣду въ честь черноморскихъ защитниковъ Севастополя приглашены были хозяиномъ сановники Москвы, дворяне и купцы, ученые и художники.

При первомъ тостѣ за здравіе государя императора, моряки пропѣли гимнъ: «Боже, Царя храни!». Второй тостъ за здравіе его императорскаго высочества великаго князя гене-

ралъ-адмирала былъ откликомъ на первый. При этомъ флигель-адъютантъ Н. А. Бирюлевъ объявилъ, что по телеграфической депешѣ его императорское высочество благоволилъ разрѣшить офицерамъ черноморскимъ пробыть еще четыре дня въ Москвѣ и понедѣльникъ употребить на поѣздку въ Троицкую лавру.

Когда хозяинъ, а за нимъ и всѣ гости подняли бокалы за здоровье черноморскихъ гостей, М. П. Погодинъ сказалъ:

«Что̀ сказать мнѣ нынче новаго въ честь славныхъ защитниковъ Севастополя? Я говорилъ въ пятницу, въ субботу, въ воскресенье, я говорилъ вчера, въ середу,—но нынѣ четвергъ! Что̀ же сказать мнѣ въ четвергъ? Въ четвергъ, какъ и въ пятницу, въ субботу, въ воскресенье, во всю недѣлю, всегда и вездѣ, я и всѣ мы будемъ говорить одно и то же, повторять одно и то же, твердить одно и то же:—одно и то же глубокое уваженіе къ вашимъ подвигамъ, одну и ту же горячую благодарность за ваши труды! А развѣ одиннадцать слишкомъ мѣсяцевъ, круглый почти годъ, вы дѣлали не одно и то же? Развѣ не всякій день, не всякую ночь вы несли одинаково на жертву вашу жизнь? Развѣ не всякій часъ подставляли вы подъ удары вашу грудь? Развѣ не всякую минуту проливалась, щедро проливалась вами кровь? Одно ли это и то же? Разбитыя головы, оторванныя ноги, простреленныя руки, испорченное зрѣніе, поврежденный слухъ, выхваченный бокъ,—раны, раны и раны, однѣ и тѣ же! Не думаете ли вы, мм. гг., что я прибѣгаю къ риторическимъ фигурамъ?—Смотрите, вонъ сидитъ лейтенантъ Поль, у него часть бока накладная. А вотъ разбитая голова у контръ-адмирала Кислинскаго. А вотъ капитанъ Попандопуло: у него въ обоихъ ушахъ по инструменту, безъ которыхъ онъ слышать не можетъ. Меньшой братъ его, мичманъ, вотъ онъ сидитъ на краю, былъ засыпанъ землею. Вчера я слышалъ этотъ разсказъ: они сѣли обѣдать трое въ блиндажѣ. Вдругъ бомба. Одного офицера, Повало-Швейковскаго, повалило наповалъ, у другого офицера оторвало руку и ногу, а его, мичмана, засыпало землею по самую грудь. Матросы пришли провѣдать о своихъ офицерахъ и успѣли откопать живого покойника изъ новой могилы. Нахимовъ прогналъ его съ бастіона къ матери, въ Николаевъ; онъ пожилъ у нея мѣсяцъ, да и воротился опять на бастіонъ, соскучась по бомбамъ. Однимъ словомъ, изъ ста офицеровъ, которыхъ вы здѣсь видите, не наберется пяти, которые были бы не ранены. Какіе же это не раненые? А вотъ какіе. Смотрите, вотъ тамъ молодой офицеръ, съ егорьевскимъ крестомъ, съ владимирскимъ крестомъ, съ аннинскимъ крестомъ. Фамилія

его уже прославилась: это Бѣлкинъ. А товарищи зовутъ его Бѣлочкой. Вотъ эта Бѣлочка стояла и гуляла всѣ 11 мѣсяцевъ на 6-мъ бастіонѣ, командовала батареею. У него перемѣнились три прислуги, тысячи двѣ человѣкъ было перебито около него, а его ни разу не задѣло, и онъ остался безъ царапины. Вы знаете изъ священной исторіи сказаніе о трехъ отрокахъ, которые были ввержены въ печь огненную при царѣ Навуходоносорѣ и вышли изъ нея цѣлые и невредимые, хваля и славя Бога. А севастопольскій огонь пожарче вавилонскаго, который вѣдь разводился безъ всякихъ газовъ, вновь открытыхъ. Такъ и эти не раненые отмѣчены были, видно, наверху; на звѣздахъ, видно, было написано, чтобъ ихъ не касалась никакая язва. Они къ смерти, а смерть отъ нихъ. Они вдогонку, а та шибче,—ну вотъ и остались они чудомъ, какъ бы для образчика Божіей охраны. Такихъ уцѣлѣло во всемъ черноморскомъ флотѣ не больше десяти человѣкъ!

«Мм. гг. Я такъ взволнованъ, и такъ кружится у меня голова, что я боюсь замѣшаться. Позвольте мнѣ прочесть вамъ привѣтъ, написанный мною для нынѣшняго дня. Мнѣ это очень жаль, потому что прочтенная рѣчь совсѣмъ не то, что̀ живое слово, но такова несчастная наша привычка: мы все боимся, чтобъ не сказать чего-нибудь неприличнаго, чтобъ не вставить чего-нибудь лишняго, чтобъ не позабыть чего-нибудь нужнаго. Если почаще будутъ у насъ встрѣчаться подобные случаи, такъ и мы выучимся говорить безъ приготовленія, не стыдиться никакихъ недостатковъ, не бояться никакихъ кривыхъ толкованій,—отъ сердца прямо къ сердцу и изъ души прямо въ душу.

«Нѣтъ, не могу я и читать мою рѣчь! Въ эту минуту противны всякія писанныя строки, даже собственныя, все, что̀ напоминаетъ наше бумагобѣсіе и чернилонеистовство. Душа заговорила. Мы видимъ глазами то, что̀ ни перомъ написать ни въ сказкѣ сказать. Я лучше перескажу вамъ, насколько поворотится уставшій языкъ, что̀ я слышалъ нынче же, вчера и третьяго-дня.

«Былъ у меня вчера отецъ Веніаминъ, служившій во время осады въ Севастополѣ. Онъ исповѣдалъ и пріобщилъ святыхъ таинъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ походныхъ госпиталяхъ 11.800 человѣкъ. Я попросилъ его сказать мнѣ, по чистой совѣсти, какъ вообще умирали люди, въ какихъ чувствахъ. «А вотъ въ какихъ чувствахъ, М. П.,—отвѣчалъ онъ мнѣ:—что я не могу припомнить вамъ ни одного примѣра ропота, даже сожалѣнія, неудовольствія. Рѣшительно всѣ кончали жизнь съ теплой вѣрою, раскаиваясь во грѣхахъ своихъ,

предаваясь въ волю Божію. Иной умиравшій былъ такъ хорошъ, что не отошелъ бы отъ него, да другіе зовутъ (замѣтьте, мм. гг., послѣднее выраженіе, трогательное, высокое). Если хочешь, бывало, ободрить иного, протянуть ему жизнь, такъ скажи только: «а наши пошли тамъ-то впередъ», или: «а наши прогнали, взяли верхъ»,—и онъ тотчасъ привстанетъ, перекрестится, и видишь, какъ радость блеснетъ у него въ потухающихъ глазахъ».

«Къ такимъ свидѣтельствамъ, мм. гг., что̀ намъ прибавлять теперь, что̀ сочинять?

«Разскажу вамъ еще быль, самую новую. Этотъ же отецъ Веніаминъ въ концѣ нашей бесѣды сказалъ мнѣ вчера: «А что̀, М. П., если бы офицерамъ доставить случай съѣздить помолиться угоднику нашему Сергію-чудотворцу? Я знаю, что многіе желаютъ. Ну, масленицу они погуляли, повеселились, а постъ хорошо бы начать молитвою». Я передалъ тотчасъ слова отца Веніамина одному русскому человѣку, вотъ онъ стоитъ посрединѣ, большая голова: такъ и такъ. Не успѣлъ я договорить послѣднихъ словъ, какъ онъ оборотился и громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Не угодно ли, господа, ѣхать вамъ къ Троицѣ, отслужить благодарственный молебенъ, панихиду?»—«Рады, рады,—я, я, я!»—«Тридцать троекъ приготовить въ Братовщинѣ, тридцать взять отъ Креста. Ѣдемъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ!» — Хорошо ли?

«Позвольте предложить вамъ вотъ какой тостъ, мм. гг.!

«За все доброе, прекрасное, высокое, что̀ таится въ нашихъ душахъ, какъ бы глубоко и далеко оно у кого изъ насъ ни опустилось и ни спряталось. За все хорошее, что̀ уберегъ въ насъ русскій Богъ, по неизреченной къ намъ Своей милости, молитвами московскихъ и всея Россіи чудотворцевъ, сколько мы, грѣшные люди, ни старались себя портить и иностранить. Мы всѣ — одна семья. Вотъ нашъ отецъ, добрый, любезный, милостивый, — украшенный цвѣтами. Мы всѣ братья. Да здравствуетъ святая Русь! Да живетъ въ ней и процвѣтаетъ всякое добро! Да здравствуютъ достойные сыны ея, наши други, наши братья, славные защитники Севастополя!»

За рѣчью М. П. Погодина слѣдовала рѣчь С. М. Соловьева. Профессоръ обратился къ древнимъ временамъ русской исторіи и связалъ новое событіе со всѣми тѣми событіями, въ которыхъ русскій народъ показалъ, какъ умѣетъ онъ стоять бодро на стражѣ родной земли, а въ заключеніе провозгласилъ снова здоровье *добрыхъ страдальцевъ за землю Русскую,* по выраженію древнихъ лѣтописей.

Питы отдѣльные тосты контръ-адмирала П. И. Кислинскаго и флигель-адъютанта Н. А. Бирюлева.

Затѣмъ С. П. Шевыревъ прочелъ слѣдующее:

ПѢСНЯ-СКАЗАНІЕ ОБЪ ОЗЕРѢ ПЛЕЩЕЕВѢ.

Какъ не бѣль вдали забѣлѣлася,
Какъ не синь вдали засинѣлася,
Засинѣлося озеро Плещеево,
Заплескали струи его бѣлыя.
Какъ на тѣхъ струяхъ яхта малая,
Яхта малая разубраная,
Разубраная все качается,
Бѣлымъ парусомъ повивается
Да въ глубь озера подвигается.
Рулевымъ сидитъ самъ голланецъ Брантъ;
Гребетъ веслами удалъ молодецъ,
Государь самъ Петръ Алексѣевичъ.
Кудри черные по плечамъ летятъ,
Съ вѣтромъ озера разговариваютъ;
Очи зоркія далеко глядятъ,
Далеко глядятъ, думу думаютъ:
„Что̀ же русскій людъ? Аль къ землѣ приросъ?
Что̀ жъ морской волны не попробуетъ,
На корабликѣ не потѣшится?
Вѣдь захочетъ же—рыбкой плаваетъ.
Ахъ! Недаромъ же моря синія
Облегли у насъ землю дальнюю.
Озера лежатъ—что̀ моря глядятъ
Рѣки движутся полноводныя,
Полноводныя, судоходныя“.
Думу думалъ царь—все качалася,
Все въ глубь озера подвигалася,
Бѣлымъ парусомъ повивалася
Яхта малая, разубраная,
Рай-игрушечка Петра Перваго,
Колыбелочка моряковъ родныхъ,
Зерно малое флота русскаго

Вотъ росло зерно въ дубъ раскидистый,
Дало вѣточки кругосвѣтныя,
Съ Чесму выросло, съ Наваринъ, съ Синопъ.
Но завистливъ людъ на землѣ живетъ!
За бѣду ему красота дубка,
Обрубилъ вѣтки, да съ одной стороны,
Опалилъ листы многошумные.
Но тебѣ ль унывать, сила русская?
Ты расти, зерно, на зло зависти,
Собирай въ себя соки здравые,
Укрѣпляяся силой Божьею,
Даромъ разума да наукою,
Помня Перваго, кто любилъ тебя
На лазоревомъ своемъ озерѣ.
А въ томъ озерѣ вода свѣтлая,

Вода свѣтлая, вся хрустальная,
Вся насквозь видна, небесамъ равна,
Что̀ душа моряка непорочная,
Что̀ Корнилова, аль Нахимова.
Все нечистое вонъ выплескиваетъ:
Потому оно и Плещеево.

Сложилъ пѣсню я: въ ней сказаніе
О томъ озерѣ, о Плещеевѣ,
Славнымъ молодцамъ на послушанье,
Дорогимъ гостямъ на потѣшенье,
На честномъ пиру у Василія,
У Василья свѣтъ Александровича,
У хозяина хлѣбосольнаго,
У любителя славы русскія,
У цѣнителя русскихъ доблестей.

Флигель-адъютантъ Н. А. Бирюлевъ объявилъ всѣмъ присутствовавшимъ, что славный живописецъ Айвазовскій подарилъ черноморскимъ офицерамъ картину, изображающую Севастополь, и что они, въ знакъ благодарности за радушный пріемъ, сдѣланный имъ гражданами Москвы, дарятъ ее Купеческому Собранію. Одинъ изъ молодыхъ старшинъ клуба С. И. Сазиковъ изъявилъ благодарность жертвователямъ отъ лица Собранія. Картина была принесена и поднята на стѣнѣ передъ всѣми гостями. Съ Чернаго моря виднѣлся Севастополь, городъ страданій и жертвъ, крѣпость любви и славы русской, гробъ черноморскаго флота, колыбель новыхъ героевъ Россіи. Передъ Севастополемъ пароходъ «Владиміръ» велъ на буксирѣ непріятельскій пароходъ «Первасъ-Бахри». Сколько думъ и воспоминаній загорѣлось при видѣ этой картины! Они уступили мѣсто единогласному тосту за здоровье Айвазовскаго.

Затѣмъ слѣдовала застольная рѣчь хозяина пира, В. А. Кокорева:

«Присутствіе ваше, доблестные черноморскіе моряки, одушевляетъ меня желаніемъ высказать вамъ простыя чувства русскаго человѣка. Ваши достославныя имена принадлежатъ уже русской исторіи; она присоединитъ ихъ къ тѣмъ именамъ, въ жизни коихъ были минуты, оживотворившія собою цѣлыя столѣтія.

«Всѣ подвиги князя Пожарскаго, Минина и Сусанина проистекли отъ минутъ, породившихъ первую мысль.

«Русскіе люди понимаютъ, что мысли, возводящія отечество къ пользѣ и славѣ, происходятъ не отъ холодныхъ справочныхъ соображеній, а отъ необъяснимаго прилива къ сердцу какой-то особой крови, крови русской. Въ эти минуты чудодѣйственная благодать касается сердца, отъ него зарождается

мысль и обращается въ слово, слово въ дѣло, а дѣло въ неизживаемую жизнь.

«Таковы были минуты Мининская и Сусанинская, которыми мы живемъ и до-днесь.

«Въ наше время подобная торжественная историческая минута была въ Севастополѣ, когда вы, храбрые моряки, окруженные съ моря и суши непріятелемъ, вдесятеро сильнѣйшимъ противу васъ, рѣшились защищаться и умереть. Сегодня рѣшили, а завтра всѣ пловцы обратились въ витязей, изумлявшихъ своею храбростью и искусствомъ старыя боевыя войска цѣлаго свѣта.

«Въ началѣ дѣла, днемъ, вы стояли на стражѣ въ ожиданіи приступовъ, а ночью сооружали дополнительныя бойницы, обставляя ихъ орудіями съ кораблей. Потомъ, подъ градомъ непріятельскихъ бомбъ и ядеръ, воздвигали новыя укрѣпленія, изобрѣтаемыя геніемъ Тотлебена, и исправляли поврежденныя, облитыя кровью вашихъ собратій. Удаль морская перенесена вами съ палубы на батарею, и смѣлое крейсерство и вырѣзки судовъ замѣнились отчаянными вылазками, тревожившими и ослаблявшими непріятеля каждую ночь.

«Всѣ эти чудеса сотворились отъ воспламененія вашихъ сердецъ огнемъ отчизнолюбія. Сила воспламененія была такъ велика, что въ каждомъ изъ васъ воскресалъ духъ истыхъ русскихъ людей, Минина и Сусанина. Воскресеніемъ этого духа задержаны первые натиски непріятеля и спасена русская честь.

«Нечего говорить о томъ, какое бы измѣненіе произошло въ войнѣ, если бы не былъ остановленъ успѣхъ нападающихъ до прибытія въ Севастополь храбрыхъ подкрѣпленій съ ихъ славными представителями, Хрулевымъ и княземъ Васильчиковымъ.

«Вѣрные обѣту умереть, вы цѣлый годъ хладнокровно смотрѣли въ очи смерти, и не содрогнулся душою никто, ни офицеръ ни матросъ.

«Смерть громоздила около васъ груды труповъ, ваше тѣло раздроблялось на части, а духъ храбрости постоянно возрасталъ; умиравшіе завѣщавали силу воли живымъ, и она переходила у васъ изъ одного въ другого, по закону тѣснаго единодушія, издавна соединявшаго черноморскій флотъ союзомъ братской любви.

«Такъ понимаетъ васъ и ваше великое дѣло все русское купечество, вся Русь. Единство понятій привело тысячи москвичей къ Серпуховской заставѣ навстрѣчу славныхъ черноморскихъ моряковъ. Мы стремились безъ предварительныхъ извѣщеній;

сердце сердцу вѣсть подавало и стукомъ своимъ говорило: «они идутъ, они идутъ!».

«Теперь избранники Божіи, уцѣлѣвшіе отъ тысячи смертей, водворяются въ домахъ нашихъ, и съ ними невидимо сообитаетъ великій севастопольскій духъ. Станемъ молиться теплѣе, чтобы духъ сей осѣнилъ нашихъ дѣтей и усвоился хотя нѣкоторымъ изъ нихъ.

«Не чувствуете ли, мм. гг., какъ всѣ мы наполняемся какою-то особенною любовью къ царю и отчизнѣ отъ присутствія трапезующихъ съ нами дорогихъ гостей, язвы коихъ обратились намъ въ исцѣленіе?

«Такъ чѣмъ же за все это можно возблагодарить васъ? И какъ опредѣлить ваше великое значеніе, когда мы видимъ въ васъ не только исполнителей славныхъ подвиговъ, но и вмѣстилище духа Корнилова, Нахимова, Истомина, Юрковскаго и всѣхъ неустрашимыхъ моряковъ, положившихъ животъ свой при оборонѣ Севастополя?

«Самъ государь, среди своихъ царственныхъ трудовъ и особыхъ заботъ нынѣшняго времени, поѣхалъ въ Крымъ и тамъ, въ соприкосновеніи къ вашимъ славнымъ ранамъ и язвамъ, вымолвилъ вамъ, со слезами благодарности въ очахъ, свое царское и русское спасибо. Все царственное семейство, на мѣстѣ брани и дома, со всею силою сердечнаго участія, неутомимо заботилось объ васъ мыслью и дѣломъ.

«Теперь мы находимся въ чаяніи мира и созерцаемъ въ будущемъ общее благоденствіе, истекающее изъ правильнаго развитія производительныхъ силъ Россіи. Если Европа достигнетъ мира, то, конечно, оттого, что обѣ стороны убѣдятся въ безполезности войны между равно храбрыми противниками, и въ основаніи этого убѣжденія будетъ лежать все-таки та минута, въ которую вы рѣшились умереть въ Севастополѣ.

«Многіе изъ вашихъ собратій принесли свою жизнь въ жертву отечественной чести и славы, а васъ, немногихъ, Богъ сохранилъ на радость и пользу Россіи. Да поддерживаетъ вашъ видъ біеніе русскаго сердца, необходимое для одушевленія человѣчества въ его постоянной борьбѣ со всякою неправдою. Дай Богъ намъ способность воспріять хотя часть вашего самопожертвованія и забвенія о самихъ себѣ, и тогда, по приложеніи сихъ добродѣтелей къ дѣламъ общей пользы, мы нашли бы скорую возможность возвеселить нашего возлюбленнаго монарха плодами внутренняго преуспѣянія.

«Возвышаемые симъ духомъ, произносимъ къ вамъ, достославные моряки-витязи, задушевныя слова: примите отъ насъ, русскихъ людей, русское спасибо; мы не позабудемъ вашей

службы святой Руси, покуда живы, и память о васъ завѣщаемъ нашимъ дѣтямъ на сохраненіе въ роды родовъ!

«Мм. гг., за здравіе всѣхъ доблестныхъ моряковъ черноморскаго флота!»

Послѣ обѣда русскій скрипачъ Григорьевъ, приглашенный В. А. Кокоревымъ, потѣшилъ и изумилъ всѣхъ пировавшихъ, сыгравши на скрипкѣ русскую пѣсню: «Не бѣлы-то снѣги» и свой подземный галопъ.

Передъ портретомъ государя императора моряки повторили единогласно желаніе М. П. Погодина, выраженное имъ при тостѣ царскомъ, въ день восшествія на престолъ: «Дай Богъ ему царствовать долго, счастливо, милостиво, любовно! Сила не въ силѣ, сила въ любви!». Гимнъ «Боже, Царя храни!» передъ портретомъ, торжественно пропѣтый, заключилъ пиръ.

Вечеромъ былъ костюмированный балъ въ домѣ графа А. А. Закревскаго. Двѣ кадрили: малороссійская и венгерская, кромѣ многихъ другихъ костюмовъ, плѣняли гостей. Вкусъ, роскошь, блескъ, веселье, угощеніе, радушіе хозяйки и хозяина—все соединилось на этомъ балѣ, чтобы прекрасно завершить этотъ день.

Въ пятницу, февраля 24-го, въ день достопамятный для всей Россіи всенароднымъ избраніемъ на царство царя Михаила Ѳеодоровича, московское дворянство, въ лицѣ своихъ представителей и многихъ дворянъ, угощало обѣдомъ моряковъ, защитниковъ Севастополя. Г. московскій губернскій предводитель дворянства П. П. Воейковъ, г. московскій уѣздный предводитель князь Н. А. Щербатовъ, гг. предводители прочихъ уѣздовъ и депутаты дворянскаго собранія встрѣчали и принимали гостей. Во главѣ черноморскихъ гостей находились контръ-адмиралъ П. И. Кислинскій и капитанъ 1-го ранга А. А. Зоринъ. Раненые генералы, штабъ- и оберъ-офицеры арміи, живущіе въ Москвѣ, были также приглашены. На обѣдѣ присутствовали: г. военный генералъ-губернаторъ графъ А. А. Закревскій, командиръ всѣхъ пѣхотныхъ, резервныхъ и запасныхъ войскъ арміи М. И. Чеодаевъ, сенаторъ генералъ-адъютантъ С. П. Шиповъ, московскій комендантъ И. И. Кизмеръ, директоръ Измайловской богадѣльни сенаторъ А. И. Мясоѣдовъ, начальникъ 2-го округа корпуса жандармовъ С. В. Перфильевъ, почетные опекуны московскаго опекунскаго совѣта: князь И. А. Лобановъ-Ростовскій, графъ А. И. Гудовичъ и князь Н. И. Трубецкой, гражданскій губернаторъ генералъ-майоръ Н. П. Синельниковъ и многія другія сановныя и должностныя лица. Дамы украшали присутствіемъ своимъ всѣ хоры Собранія.

За столомъ сидѣло 232 человѣка: 142 гостя и 90 хозяевъ. Тосты за здравіе государя императора и за здравіе его императорскаго высочества генералъ-адмирала сопровождались, по обычаю, единодушнымъ восторгомъ. Затѣмъ предложенъ былъ московскимъ губернскимъ предводителемъ тостъ за морскихъ и армейскихъ защитниковъ Севастополя. Тогда профессоръ Шевыревъ, уполномоченный на то главою московскаго дворянства, сказалъ:

«Милостивые государи! Г. московскому губернскому предводителю угодно было возложить на меня теперь же порученіе быть органомъ отъ лица московскаго дворянства въ выраженіи чувствъ его любви и благодарности къ славнымъ защитникамъ Севастополя. Я не готовился къ слову: но душа моя такъ полна событіемъ, такъ проникнута этими чувствами, что готова всегда до безконечности изливаться въ ихъ выраженіи, и могу ли я устранить отъ себя высокую честь быть выразителемъ ихъ отъ лица московскаго дворянства?

«Московскаго дворянства! При мысли о немъ, невольно приходитъ на умъ историческая причина, на основаніи которой Москва называется сердцемъ Россіи. Въ ней, какъ жилы, срослись въ одно государство всѣ древніе удѣлы и города русскіе. Такъ и московское дворянство, въ новое время, какъ и въ древнее, по силѣ притяженія жизни къ сердцу Россіи, соединяетъ въ себѣ дворянъ всѣхъ губерній русскихъ. А потому я имѣю право сказать, что въ лицѣ московскаго дворянства приноситъ любовь и благодарность свою защитникамъ Севастополя дворянство всей Россіи, — и увѣренъ, что, если бы это было возможно, оно откликнулось бы намъ въ эту минуту со всѣхъ концовъ земли русской и слилось бы съ нами теперь въ одно полное единодушное чувство, въ одно слово, въ одинъ голосъ.

«Москва отличалась всегда смысломъ правды и умѣла воздавать должное всѣмъ городамъ, которымъ служила и служитъ сердцемъ въ русской жизни. Недаромъ нижегородцы Мининъ и князь Пожарскій украшаютъ ея Красную площадь. Возблагодаримъ же Тверскую губернію за Лазарева и Корнилова, Смоленскую за Нахимова, Эстляндскую за Истомина, Херсонесо-Таврическую за Юрковскаго. Благодарность всѣмъ городамъ, губернскимъ и уѣзднымъ, всѣмъ селамъ и деревнямъ, гдѣ родились и семейно воспитаны были всѣ геройскіе защитники Севастополя, отъ адмираловъ до матросовъ, отъ генераловъ до солдатъ! Благодарность ихъ семействамъ! Вѣчная память ихъ родителямъ, если уже Богъ отозвалъ ихъ къ себѣ! Многія лѣта имъ, если они еще живы и, утѣшенные, радуются

славою и подвигами дѣтей своихъ. Благодарность ихъ братьямъ и сестрамъ, которые дѣлили съ ними игры юности и чувства любви къ отечеству. Благодарность ихъ женамъ и всѣмъ милымъ ближнимъ, которые страдали страхомъ за жизнь ихъ и всѣмъ сердцемъ молились о ихъ спасеніи!

«На полѣ славы дворянство русское всегда шло впереди. Окружая престолъ и вбирая въ себя цвѣтъ способностей народныхъ, оно всегда было передовымъ вѣстникомъ, или, лучше, передовою силою въ силахъ, образующихъ отечество. На поляхъ войны оно ищетъ и нынѣ, какъ искали древніе воины, во времена удѣловъ, по выраженію одного стариннаго Слова, себѣ чести, а князю славы. Да, честь каждаго русскаго дворянина заключается въ славѣ его государя и отечества. Дворяне русскіе, и во флотѣ и въ арміи, защитою Севастополя увѣковѣчили эту истину. Соединимъ же теперь въ своихъ чувствахъ героевъ флота и арміи вмѣстѣ, какъ соединились они въ самомъ подвигѣ. Да будутъ неразрывно-дружны силы ихъ въ битвахъ за отечество, и тѣмъ болѣе, что черноморцы показали, какъ умѣютъ они воевать на сушѣ, когда надобно кровью своею отстаивать землю родную противъ враговъ ея.

«За здоровье черноморцевъ и русской арміи!»

Когда единодушное сочувствіе присутствовавшихъ, выразившееся единогласно, успокоилось, — тогда капитанъ-лейтенантъ Н. Н. Кузьминъ-Короваевъ такъ отвѣчалъ отъ лица моряковъ на привѣтъ московскаго дворянства:

«Милостивые государи! Не удивляйтесь молчанію нашему на неслыханный еще доселѣ привѣтъ, которымъ вы насъ удостоиваете. Что̀ можемъ сказать мы вамъ? Что̀ можемъ вамъ отвѣтить? Что̀ можетъ сказать сынъ, возвратившійся въ объятія нѣжно-любимой имъ матери? Что̀ можетъ отвѣтить онъ ей, когда она съ материнской нѣжностью увеличиваетъ его достоинства, труды и опасности, имъ претерпѣнные, и тѣмъ придаетъ еще больше цѣны его возвращенію?

«Мы, дѣти общей матери нашей Россіи, осчастливлены были принесеніемъ своей лепты на ея служеніе; вы же, милостивые государи, почтенные ея сыны и многоуважаемые представители, принявъ на себя обязанность материнскиі встрѣтить и обнять насъ, дополните же выражаемую вами любовь, научивъ и наставивъ насъ многолѣтней своей опытностью на всѣхъ путяхъ жизни нашей быть, по примѣру вашему, достойными сынами батюшки царя и матушки Россіи.

«Да здравствуютъ родители наши, батюшка царь и матушка Россія!»

Обѣдъ заключился тостомъ въ честь морского кадетскаго

корпуса. Профессоръ Шевыревъ предложилъ его въ слѣдующихъ словахъ:

— Милостивые государи! Въ колыбели нашего воспитанія таится зерно дѣлъ нашихъ. Черноморцы, защищавшіе Севастополь, воспитывались по большей части въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и изъ него вынесли силы, созрѣвшія для морской службы. Въ этомъ, какъ и въ ихъ морской жизни, заключается тайна того единодушія, которое обнаружилось въ Севастополѣ чудеснымъ подвигомъ. Морской кадетскій корпусъ основанъ за три года до Московскаго университета. Оба учрежденія отпраздновали уже столѣтіе своей жизни—и оба родственны другъ другу въ трудахъ для науки, въ служеніи царю и отечеству. Считаю эту минуту особенно счастливою въ моей жизни, что я, какъ членъ университета, могу предложить тостъ за здравіе, благоденствіе и процвѣтаніе морского кадетскаго корпуса!

«Ура!», исторгшееся изъ сердецъ, благодарныхъ мѣсту воспитанія, огласило залу.

25-го февраля, въ субботу, послѣ утренняго бала въ Благородномъ Собраніи, который былъ необыкновенно оживленъ и многочисленъ, московскія дамы угощали обѣдомъ славныхъ гостей въ домѣ г. военнаго генералъ-губернатора.

Графиня А. Ѳ. Закревская предсѣдательствовала на этомъ пирѣ. Графъ А. А. Закревскій былъ на немъ гостемъ. Кромѣ дамъ, участницъ въ устроеніи обѣда, здѣсь находились супруги черноморскихъ гостей. Прекрасно было видѣть, какъ гостепріимныя дамы повели моряковъ въ богато освѣщенную залу и сѣли съ ними за столъ, роскошно покрытый лаврами, миртами, камеліями, гіацинтами и букетами. Жива и весела была бесѣда за столомъ, въ которомъ душа русской женщины, на языкѣ родномъ и изрѣдка на французскомъ, по старой привычкѣ, высказывалась морякамъ въ чувствахъ удивленія и благодарности, или внимательно слушала ихъ боевые, но всегда скромные разсказы.

Когда графиня А. Ѳ. подняла бокалъ за здоровье государя императора, громкое «ура!» огласило залу и умолкло только передъ гимномъ: «Боже, Царя храни!». Когда же кончился гимнъ, М. П. Погодинъ сказалъ:

— Назначенный дамами быть ихъ глашатаемъ на нынѣшнемъ праздникѣ, я присоединяю къ этой драгоцѣнной для насъ пѣсни Жуковскаго, которая удостоилась давно уже чести сдѣлаться народною и которой сейчасъ мы отъ всей души вторили, я присоединяю для нынѣшняго государя слѣдующее желаніе: дай Богъ ему царствовать долго, счастливо, милостиво,

любовно. Свидѣтельствуюсь дамами: сила не въ силѣ, сила въ любви. Да здравствуетъ возлюбленный нашъ государь императоръ Александръ Николаевичъ!

Съ полнымъ единодушнымъ сочувствіемъ приняты были эти теплыя слова, внушенныя мыслью и чувствомъ русскаго человѣка.

Затѣмъ провозглашены были графинею тосты: *второй*: за здоровье ихъ императорскихъ величествъ государыни императрицы Маріи Александровны и государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, и *третій:* за здоровье его императорскаго высочества генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича. Русскій кликъ, оживленный присутствіемъ дамъ, неумолчно вырывался изъ груди доблестныхъ воиновъ.

Наступилъ тостъ за здоровье героевъ Севастополя. Растроганная до глубины души, со слезами начала говорить имъ свое привѣтствіе графиня, но заключила его твердымъ словомъ. Вотъ оно:

«Господа! Прежде всего прошу васъ выпить этотъ круговой кубокъ въ достославную память героевъ, падшихъ за святую Русь!

«Теперь вамъ скажу отъ души, что, пока вы сражались, мы здѣсь,—сочувствуя вашимъ богатырскимъ подвигамъ, гордясь вашей безсмертной славой,—мы, женщины, молились о васъ. Теперь, въ часъ отдыха вашего, мы сердечно радуемся, что намъ удалось первымъ встрѣтить храбрыхъ защитниковъ Севастополя, какъ встрѣтитъ ихъ и вся православная Россія,—съ благоговѣніемъ, съ восторгомъ и съ благодарностью. Хвала и честь славнымъ русскимъ морякамъ и всѣмъ храбрымъ защитникамъ Россіи! Ура!!!»

Когда успокоилось дѣйствіе, произведенное въ слушателяхъ привѣтомъ графини, лейтенантъ М. С. Бѣлиховъ отвѣчалъ отъ лица моряковъ:

— Милостивыя государыни! Вихремъ шумнымъ удовольствій и развлеченій летитъ время нынѣшней масленицы въ древней русской столицѣ,—и въ этихъ удовольствіяхъ милые и гостепріимные москвичи исполнены одной прекрасной патріотической мысли. Среди этихъ непрерывныхъ удовольствій, вы, милостивыя государыни, постоянно окружали насъ вашимъ многолестнымъ, радушнымъ вниманіемъ. Счастливы мы, что Провидѣнію угодно было сохранить насъ подъ Севастополемъ и привести въ Москву! О, какъ весело на душѣ и какъ трепещетъ сердце, видя то патріотическое родное чувство, которымъ соединено здѣсь это прекрасное общество. Эта минута

принадлежитъ не нашимъ достоинствамъ, но нашему особенному счастью. Позвольте мнѣ увѣрить васъ, что день 25-го февраля никогда не будетъ забытъ въ сердцѣ каждаго изъ моряковъ черноморскихъ, день, когда мы соединялись съ вами въ пламенныхъ желаніяхъ блага отечеству, благоденствія монарху. Это девизъ прекрасныхъ сердецъ вашихъ.

«Отъ души осушимъ мы этотъ поднятый заздравный бокалъ въ знакъ того, что̀ чувствуютъ теперь, но чего не могутъ выразить признательныя сердца наши.

«За здоровье московскихъ дамъ!

«Ура! ура! ура!»

Можно себѣ представить, какъ дружно былъ принятъ моряками тостъ, предложенный товарищемъ.

Графиня Е. П. Ростопчина своими вдохновенными и звучными строфами такъ привѣтствовала моряковъ:

Ура! защитники Россіи,
Добро пожаловать въ Москву!..
У ней вы гости дорогіе;
Про ваши подвиги святые
Давно ужъ чтитъ она молву.

Герои вѣрности и вѣры,
Вы, наши чудо-молодцы,
Затмили удалью безъ мѣры
Всѣхъ древнихъ доблести примѣры,
Всѣ бранной чести образцы.

Что̀ Данцигъ, Сарагосса, Троя
Предъ Севастополемъ роднымъ?..
Нѣтъ битвъ страшнѣй, нѣтъ жарче боя.
Дыша въ огнѣ, вы гибли, стоя
Подъ славнымъ знаменемъ своимъ!..

Двѣнадцать разъ луна смѣнялась,
Луна всходила въ небесахъ, —
А все осада продолжалась,
И поле смерти расширялось
Въ облитыхъ кровію стѣнахъ

Четыре смѣны вражьей силы,
Четыре войска тамъ легло
И даромъ раннія могилы
Въ волнахъ морскихъ, въ степи унылой,
Въ борьбѣ безвыходно нашло.

У нихъ, у насъ вождей любимыхъ
Косила смерть, недугъ сражалъ;
И много славныхъ, много чтимыхъ
Исчезло тамъ незамѣнимыхъ,
А Севастополь все стоялъ!.

Но Господу угодно было
Свою Россію испытать.

Не мощь враговъ насъ побѣдила,
Не длань ихъ городъ сокрушила,
А намъ пришлось его отдать.

Честь спасена, а съ ней и слава;
И вамъ та честь принадлежитъ!
Своею памятью кровавой
Вашъ Севастополь величавый
Въ скрижаляхъ родины блеститъ.

Ура! защитники Россіи,
Хлѣбъ-соль вамъ наша будь въ почетъ.
Отъ сердца мы слова простыя
Вамъ скажемъ, гости дорогіе:
Да здравствуетъ россійскій флотъ!

Гости вторили единогласнымъ сочувствіемъ патріотической лирѣ женщины-поэта.

Княгиня Н. Б. Шаховская твердо произнесла воинамъ свое лаконическое слово:

— Не обладая даромъ слова, господа, не сумѣю выразить такъ краснорѣчиво, какъ графиня, моихъ чувствъ. Но что̀ слова? Они болѣе изреченіе мысли, нежели сердца. Слава ваша извѣстна не въ одной Европѣ. Лучомъ свѣтлымъ разнеслась она по свѣту и сіяетъ нынѣ передъ нами въ ранахъ вашихъ, въ крестахъ и въ вѣнкахъ безсмертныхъ, коими увѣнчали вы главы ваши, храбрые защитники Севастополя и чести русскаго народа. Не словами намъ благодарить васъ; съ тѣхъ поръ, какъ Москва, съ хлѣбомъ-солью и шумнымъ торжествомъ, встрѣчала васъ у Серпуховскихъ воротъ, вы уже привыкли къ громкимъ восклицаніямъ! Итакъ, въ сердцахъ дѣтей нашихъ лишь осталось намъ, признательнымъ матерямъ, запечатлѣть, съ русской исторіей, и священныя имена почившихъ героевъ, начальниковъ и товарищей вашихъ, сложившихъ славно на полѣ ратномъ геройскія главы свои. Вѣчная имъ память, а вамъ, господа, многія счастливыя лѣта!

Затѣмъ М. П. Погодинъ, уполномоченный участницами пира ораторъ, сказалъ:

«Дамамъ угодно, чтобы я выразилъ ихъ чувства дорогимъ нашимъ гостямъ, славнымъ защитникамъ Севастополя. Сейчасъ отъ нихъ самихъ слышали, мм. гг., столько прекраснаго, столько для васъ сладостнаго, что всякое мое слово кажется мнѣ лишнимъ. Но онѣ требуютъ, и я долженъ повиноваться ихъ волѣ: мудреную задачу получилъ я—передать, что̀ чувствуетъ нѣжное женское сердце въ минуту своего лучшаго одушевленія, въ минуту своего благороднаго восторга! Позвольте мнѣ говорить, какъ историку: русская женщина, когда случится ей возвыситься надъ обыкновенною жизнью, когда

какія-нибудь обстоятельства или несчастья унесуть ее изъ ежедневнаго вихря, гдѣ она иногда кружится, русская женщина представляетъ собою, надо отдать ей справедливость, высокое явленіе. Въ прошедшее царствованіе мы видѣли много примѣровъ самоотверженія русскихъ женщинъ. Какъ свято исполнены были ими обязанности женъ, дочерей, матерей! А въ наше время сестры милосердія? На перевязочныхъ пунктахъ, въ самомъ жаркомъ огнѣ, подъ градомъ пуль, картечи и бомбъ, онѣ являлись ангелами-утѣшителями, — промыть запекшіяся ваши уста, освѣжить каплей воды пересохшее горло, остановить текущую кровь. Съ какимъ нѣжнымъ участіемъ онѣ совершали эти подвиги христіанской любви въ походныхъ госпиталяхъ, и между тѣмъ имъ незнакомы были никакія опасности, онѣ не имѣли понятія въ мирныхъ своихъ жилищахъ, что̀ значитъ смерть на полѣ сраженія...

«А присутствующія здѣсь, не готовы ли онѣ сдѣлать того же завтра, если потребуютъ обстоятельства? Онѣ и теперь завидуютъ сестрамъ милосердія,—нѣтъ, онѣ не завидуютъ, потому что носятъ въ себѣ твердое сознаніе своей готовности, убѣждены въ нашемъ къ нимъ довѣріи. Гдѣ же найду я словъ, чтобъ обнаружить, выставить эти тончайшія, глубоко затаенныя фибры ихъ сердца, а говорить общими мѣстами мнѣ противно! Не лучше ли прервать начатую рѣчь, мм. гг.? На этихъ лицахъ, въ этихъ глазахъ, въ этихъ слезахъ и улыбкахъ читайте сами похвальное себѣ слово, самое трогательное. Вамъ, вѣрно, пріятнѣе смотрѣть на нихъ, чѣмъ слушать меня. А онѣ будутъ любоваться вами, обожженными, опаленными, избитыми, простреленными, изувѣченными! Ваши повязки, ваши перевязки, ваши костыли и эти кресты, сіяющіе ярче всякихъ алмазовъ на вашей груди, — это самая привлекательная для нихъ, мужественная красота. Пусть сердце сердцу вѣсть подаетъ — такое молчаніе сильнѣе всякаго краснорѣчія. Позвольте же мнѣ не говорить нынѣ ничего ни о вашихъ трудахъ, ни о вашихъ подвигахъ, ни о безпримѣрной оборонѣ Севастополя...

«Вы сослужили славную службу отечеству, вы сдѣлали много, мы все это знаемъ и чувствуемъ, но вы сдѣлаете еще больше; пусть затоплены наши корабли, взорваны доки, разрушены крѣпости,—живъ русскій духъ! Онъ не упалъ, онъ возбудился, возвысился, онъ въ это тревожное время чуетъ въ себѣ силу. Враги хотѣли запереть вамъ путь въ Черное море—вы найдете путь къ океанамъ, и славный русскій флагъ развѣется и будетъ развѣваться постоянно на всѣхъ моряхъ, гдѣ являлся прежде только по временамъ и случайно. Изъ этого славнаго

гнѣзда, изъ этой умаленной семьи воспитанниковъ Грейга, Лазарева, Корнилова, Нахимова, Истомина, вылетитъ еще много орловъ, вслѣдъ за молодымъ орломъ, генералъ-адмираломъ. Кислинскій, Зоринъ, Попандопуло, Шкотъ, Кернъ, Астаповъ, Перелешинъ, Юрьевъ, Голенко, Чебышевъ, Винкъ... Всѣ, всѣ вы прославите русское имя, и дѣти наши, а можетъ-быть, и мы успѣемъ еще, по милости Божіей, забыть наши настоящія потери, наши прошедшія бѣдствія; но ни мы, ни дѣти наши, ни внуки, ни правнуки, ни самые отдаленные потомки во вѣки вѣковъ не забудемъ вашихъ трудовъ и вашихъ подвиговъ.

«Московскія дамы провозглашаютъ здравицу въ честь славныхъ защитниковъ Севастополя. Ура!»

Рѣчь сопровождаема была выраженіями глубокаго сочувствія къ ея содержанію.

Молодой поручикъ, воинъ на костыляхъ, л.-гв. Волынскаго полка, А. Е. Станкевичъ отвѣчалъ на всѣ привѣтствія дамъ и М. П. Погодина отъ лица воиновъ арміи:

«Благодаримъ васъ, ваше сіятельство, за выраженный вами привѣтъ, благодаримъ васъ, представительницы московскаго благороднаго сословія, васъ, графиня, за звуки вашей патріотической лиры; наконецъ васъ, представителя ученаго московскаго сословія. Вполнѣ сочувствуемъ и цѣнимъ ваше высокое участіе къ намъ.

«Въ тяжкія минуты испытанія отечества, въ минувшихъ годахъ, когда доблестный духъ русскаго народа воскресъ и напомнилъ славныя эпохи нашей исторіи, каждый гражданинъ несъ все на священный алтарь отечества. Мы, воины по званію, летѣли защищать святые рубежи роднаго края, неся въ сердцѣ девизъ доблестнаго прародителя русской воинской славы, героя Святослава: «умремъ, не посрамимъ земли родной, мертвые срама не имутъ». И армія и флотъ явились достойными довѣрія великаго государя и благородной русской націи. Рядъ святыхъ подвиговъ долга и чести снискалъ удивленіе враговъ и прибавилъ новыя, блестящія страницы къ лѣтописямъ нашей военной славы. Южный Севастополь палъ, но мы гордимся справедливо, что отдали его дорогія развалины, обагренныя кровью нашею и нашихъ братьевъ по оружію. Доблестный морякъ, скромный пѣхотинецъ, искусный артиллеристъ, предпріимчивый инженеръ дѣлили ровно труды защиты родного города и вмѣстѣ пролитою кровью еще тѣснѣе связывали узы русскаго братства и умирали славно, творя съ послѣднимъ вздохомъ теплыя молитвы за спасеніе отечества. Могучъ и несокрушимъ духъ русскаго народа! Исторія уже

внесла въ свои скрижали доблестныя имена героевъ Севастополя и лавры безсмертія судила падшимъ исполинамъ нашей славы; отдаленное потомство съ гордостью будетъ произносить ихъ имена, какъ мы свято чтимъ память прежнихъ героевъ. Но если мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, служили дѣлу отечества, то мы достойно награждены участіемъ и теплыми молитвами отечества за насъ. Какъ въ славный, идеальный вѣкъ рыцарства дама вѣнчала подвиги рыцаря и тѣмъ поощряла его на новые, такъ и мы, счастливые вашимъ искреннимъ привѣтомъ и задушевнымъ радушіемъ, поспѣшимъ на новые подвиги, если необходимость потребуетъ, зная, какъ цѣнитъ отечество наши труды. Если воины съ гордостью и самоотверженіемъ умирали на батареяхъ Севастополя, и если исторія достойно оцѣнитъ ихъ, то тѣмъ не менѣе съ любовью запишетъ она на своихъ страницахъ могучее проявленіе патріотизма и другихъ сословій: дворянство, купечество сыпало милліоны на пользу отечества, простолюдинъ несъ посильную лепту своихъ трудовъ, и вы, милостивыя государыни, явились достойны имени русскихъ, служа по своему званію достойно нашей славной Россіи. Кто не знаетъ на Руси святыхъ подвиговъ любви и милосердія семьи сестеръ, подъ градомъ пуль и картечи служившихъ любви къ ближнимъ на перевязочныхъ пунктахъ Севастополя, подавая примѣръ высокой нравственной силы, и сколько храбрыхъ возвращено въ ряды славной арміи помощью и словами утѣшенія этихъ героинь самоотверженія, и сколько пало, съ простою молитвою къ Всевышнему за своихъ матушекъ! Еще разъ благодаримъ васъ за ваше родное московское радушіе. Благодарность никогда не умирала и не умретъ въ простомъ сердцѣ солдата.

«За здоровье ея сіятельства и представительницъ московскаго благороднаго сословія!»

Костыли придавали какую-то особенную силу краснорѣчія словамъ русскаго воина, который такъ кстати припомнилъ завѣтныя слова Святослава, звучащія во всѣхъ военныхъ подвигахъ русской исторіи.

Затѣмъ моряки подняли бокалы за здоровье сестеръ милосердія, и имъ послѣдовало все общество. Тѣмъ заключился обѣдъ.

Его высочеству государю великому князю генералъ-адмиралу угодно было приказать: дать морскимъ нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки, чтобъ они выпили за здоровье Москвы. Вслѣдствіе сего находившіеся въ Москвѣ черноморскіе экипажи въ воскресенье, 26-го февраля, собраны были, въ часъ пополудни, на Тверской площади, куда прибылъ и московскій

военный генералъ-губернаторъ графъ Закревскій. Когда онъ обошелъ ряды моряковъ, привѣтствуя ихъ, командующій черноморскою бригадою капитанъ 1-го ранга Зоринъ объявилъ нижнимъ чинамъ волю его высочества генералъ-адмирала и первый, подойдя къ графу Закревскому, выпилъ чарку за здоровье Москвы, при крикахъ «ура!» со стороны матросовъ. Графъ Закревскій отъ лица жителей Москвы отвѣчалъ тѣмъ же за здоровье моряковъ; это сопровождалось радостнымъ восторгомъ и дружнымъ крикомъ «ура!» собравшихся во множествѣ жителей столицы, наполнявшихъ площадь, пока продолжалась раздача морякамъ винныхъ порцій и колачей. Въ тотъ же день московское купечество дало обѣдъ въ честь черноморцевъ, заключившій рядъ празднествъ Москвы по случаю нахожденія въ ней славныхъ гостей. На обѣдѣ этомъ М. П. Погодинъ обратился къ морякамъ съ слѣдующими словами:

«Мм. гг. Сословія, частныя лица наперерывъ другъ передъ другомъ стараются засвидѣтельствовать вамъ свое глубочайшее уваженіе, свою горячую благодарность. Народъ въ лицѣ своихъ достойныхъ представителей, встрѣчая васъ за Серпуховскою заставою, по старинному русскому обычаю, поклонился вамъ въ ноги и поднесъ свою хлѣбъ-соль. Восторженные клики не умолкали по всему пути вашего слѣдованія. Гдѣ вы ни показываетесь, прохожіе останавливаются, снимаютъ шапки и сообщаютъ одинъ другому ваши имена. По домамъ наши дѣти пересказываютъ между собою ваши подвиги и заучиваютъ ваши біографіи. Никогда наша масленица не праздновалась съ такимъ веселіемъ, движеніемъ, съ такимъ прекраснымъ народнымъ настроеніемъ духа, какъ нынѣ, благодаря своимъ дорогимъ гостямъ! И если бъ вы проѣхали вдоль всю Россію, отъ Москвы до Нерчинска и Якутска, и поперекъ отъ Архангельска до Астрахани и отъ Петербурга до Эривани, вы услышали бы вездѣ одни и тѣ же привѣты, вы нашли бы вездѣ, въ городахъ и деревняхъ, въ палатахъ и избахъ, одно и то же радушіе!

«Нынѣ московскіе купцы, желая воздать вамъ подобающую вамъ честь, поручили мнѣ передать вамъ слѣдующія ихъ слова и мысли: вы сослужили славную службу отечеству, вы исполнили свято гражданскій свой долгъ. Десять отчаянныхъ приступовъ вы отразили и оставили южную часть Севастополя только въ исполненіе высшей воли главнокомандующаго. До сѣверной части, до бухты, враги до сихъ поръ не смѣли прикоснуться. Ни одной пяди русской земли вы имъ не уступили, и они не смѣли отойти нигдѣ отъ береговъ изъ-подъ защиты безчисленнаго своего флота, какого до сихъ поръ не

видало ни одно море. Европа призадумалась, размышляя о безпримѣрной оборонѣ Севастополя, и на вѣсахъ парижскихъ негоціацій ваша стойкость составляетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ тяжеловѣсныхъ доказательствъ, безъ всякаго сравненія съ паутиннымъ плетеніемъ дипломатіи иностранной. Самый миръ, если онъ состоится, съ пріобрѣтеніемъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ нашимъ славянскимъ братьямъ, православнымъ христіанамъ Востока, за которыхъ и начата была война, будетъ слѣдствіемъ севастопольскихъ 11-ти мѣсяцевъ.

«Да, вы сдѣлали много, но вы сдѣлаете еще больше; позвольте мнѣ повторить вчерашнія мои желанія, которыя, безъ сомнѣнія, раздѣлитъ наше нынѣшнее общество. Пусть потоплены наши корабли, взорваны доки, сожжены арсеналы, разрушены крѣпости, — живъ русскій духъ, онъ не упалъ, онъ возбудился, онъ возвысился, онъ чуетъ въ себѣ силу. Изъ этой умаленной семьи воспитанниковъ Грейга, Лазарева, Нахимова, Корнилова, Истомина, изъ этого славнаго гнѣзда вылетитъ еще много орловъ, вслѣдъ за молодымъ орломъ, своимъ любезнымъ генералъ-адмираломъ: Ильинскій, Гедеоновъ, Стеценко, Бирюлевъ, Шумовъ, Давыдовъ... Я произношу теперь другія имена...» Ораторъ закончилъ рѣчь словами, произнесенными имъ на обѣдѣ, данномъ московскими дамами.

Послѣ рѣчи г. Погодина старшины купеческаго общества поднесли морякамъ золотой кубокъ.

Затѣмъ В. А. Кокоревъ произнесъ слѣдующее:

«Среди теплыхъ задушевныхъ торжествъ Москвы въ честь доблестныхъ моряковъ, невольно приходитъ на мысль, что русская сила рѣдко имѣла постепенное развитіе, а всегда вдругъ, скачками. И эти скачки были только въ годы общаго горя. И въ эти годы мы особенно крѣпко прилѣплялись къ нашимъ царямъ, прирастали къ нимъ всѣмъ своимъ существомъ. Въ эти годы открывались въ насъ новыя достоинства, коими мы возвышались въ собственныхъ нашихъ понятіяхъ и узнавали симъ себя. Вотъ гдѣ нашъ всероссійскій ростъ!

«Всѣ войны на Россію что̀ значили? Это были, отъ самаго Провидѣнія, повѣрки русскихъ сердецъ и общія намъ переклички. Какъ только слышалось въ отвѣтъ: всѣ любимъ Русь, всѣ станемъ за нее, — какъ только это подтверждалось дѣломъ, война утихала, а могилы павшихъ твердили намъ во время мира: любите, любите Русь, какъ мы ее любили.

«Недаромъ же русская пословица говоритъ болѣе пяти-

сотъ лѣтъ устами всего народа: *вынеси ты меня, мое горе!* Оно вѣдь и на дѣлѣ такъ. Развѣ не вынесло насъ горе нарвское, московское и всѣ прежнія горя, наши славные будильники, наши возносители на ту высоту, которая можетъ удовлетворить насъ по объему нашей земли. Никогда ни разу не измѣнялъ намъ нашъ вѣрный союзникъ — русское горе. Это нашъ двигатель, положенный судьбою на крестъ Россіи при ея рожденіи. А какой онъ могучій, какія придаетъ крылья, какъ освѣжаетъ, обновляетъ, развиваетъ мысль, согрѣваетъ сердца, соединяетъ всѣхъ къ единодушію и толкаетъ впередъ.

«Доказательствомъ единодушнаго соединенія служатъ десять дней, проведенные вами въ Москвѣ, доблестные моряки черноморскаго флота.

«Мощь русскаго горя понятна въ одной Руси: у насъ оно никогда не производитъ унынія, а только одну кручину.

«Не напрасно ты, кручинушка, воспѣваешься въ русскихъ пѣсенкахъ! Не случайно же въ звукахъ ихъ тянетъ насъ что-то за сердце!

«Доказано, что жизнь государствъ похожа на жизнь человѣка. Не лучшая ли пора въ жизни нашей та, когда коснется сердца кручина любви? Тогда мы и плачемъ, и радуемся, восхищаемся, стремимся, хитримъ, да такъ хитримъ, что никто насъ не проведетъ; тогда мы очищаемся, возвышаемся, вдумываемся и тоскуемъ, но тоски своей не уступимъ никому. Представляя собою семью влюбленныхъ въ Россію людей, мы дорожимъ нашей кручинушкой, мы чувствуемъ, какъ много въ ней любви къ отечеству, душевной силы и сладости.

«Дай Богъ мира, — мы всѣ того желаемъ, — желаемъ мира согласнаго съ намѣреніями и будущими видами нашего батюшки-царя. Но во всякомъ случаѣ мы готовы нынѣ, впредь и всегда, на то жертвоприношеніе отечеству, которое показали намъ вы, храбрые черноморскіе моряки!

«Тостъ въ честь славнаго и могучаго русскаго *горя!*»

Для полнаго описанія ряда торжественныхъ празднествъ, данныхъ на масленицѣ жителями Москвы въ честь черноморцевъ, упомянемъ, что 20, 22 и 24-го февраля даны были благородные спектакли въ пользу черноморскихъ экипажей. Въ спектакляхъ этихъ были исполнены: «Ревизоръ» и еще пять пьесъ, между прочими, слѣдующими лицами: графинями: Л. А. Нессельроде и Е. П. Ростопчиной, г-жами: Казаковой, Левшиной, Пильсудской, Акиловой, Жераръ, гг.: Гонгиновымъ, Дашковымъ, Бѣгичевымъ, Похвисневымъ, Луберомъ, Бартеневымъ, Лашкевичемъ, Пашковымъ, Мѣщаниновымъ, графами Марковыми и др. Участницы въ этихъ спектакляхъ добавили къ

своимъ ролямъ характерные танцы и пѣніе; такимъ образомъ публика любовалась мазуркой (г-жа Козлова), полькой (графиня Нессельроде), русской пляской (графиня Ростопчина) и слышала испанскую канцонету, пропѣтую г-жою Пильсудской.

Во все время пребыванія черноморцевъ въ Москвѣ, штабъ- и оберъ-офицерамъ флота отведены въ купеческихъ домахъ безплатно квартиры, по желанію хозяевъ. Согласно вызову содержателей торговыхъ бань, нижніе чины черноморскихъ экипажей, во все время пребыванія ихъ въ Москвѣ, пользовались банями безденежно. Передъ выступленіемъ черноморскихъ экипажей изъ Москвы, купеческое общество выдастъ всѣмъ нижнимъ чинамъ по 2 р. с. на человѣка—и въ то же время распредѣлена будетъ между нижними чинами денежная сумма, вырученная отъ благородныхъ спектаклей.

Ограничиваясь этимъ краткимъ описаніемъ (составленнымъ большею частью по статьямъ, уже напечатаннымъ въ газетахъ), въ послѣдовательномъ порядкѣ, ряда московскихъ празднествъ въ честь черноморцевъ, сообщаемъ читателямъ, что подробное описаніе изготовляется къ печати въ Москвѣ, съ рисунками извѣстнаго нашего художника Тимма.

Въ ночь на воскресенье, 26-го февраля, моряки наши отправились въ Троицко-Сергіевскую лавру и тамъ, поклонившись мощамъ св. Сергія, осматривали древнія сокровищницы св. обители.

Закончимъ эту статью слѣдующимъ извлеченіемъ изъ московской городской хроники, напечатанной въ № 25 «Моск. Вѣдомостей»:

«Масленица прошла, но на этотъ разъ не безслѣдно; на этотъ разъ мы можемъ записать въ нашей городской хроникѣ событіе, которое глубоко отзовется во всякомъ русскомъ сердцѣ: мы разумѣемъ встрѣчу и пріемъ нашихъ севастопольскихъ героевъ, моряковъ Черноморскаго флота. Здѣсь не мѣсто искусственнымъ фразамъ и сравненіямъ: здѣсь мѣсто простому сердечному слову удивленія и признательности за воинскую доблесть, за поддержаніе народной чести, за полное оправданіе нашихъ задушевныхъ надеждъ на будущность нашей родины. Да, на будущность: когда, находясь въ сердцѣ Россіи, мы тяжко скорбѣли объ испытаніи, которому она подвергалась, что̀ по временамъ облегчало нашу скорбь, какъ не мысль о томъ, что она геройски переноситъ это испытаніе, что Россія выйдетъ изъ него съ новыми силами, быть-можетъ, обновленная великою борьбою. Не пустое тщеславіе и ложная гордость, а разумный историческій смыслъ руководили насъ, раскрывая намъ истинное значеніе великихъ событій,

которыя совершались на нашихъ глазахъ. Мы думали: не прошла еще та трудная пора,

Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра...

«Мы знали, благодаря наукѣ, что много испытаній переживаетъ юный народъ, прежде чѣмъ вполнѣ опредѣлится его историческое призваніе, что геній Петра еще живетъ между нами, что вмѣстѣ съ нашею родиной мужаетъ и крѣпнетъ то великое, безсмертное начало знанія и образованія, которое онъ внесъ въ жизнь нашихъ предковъ, а слѣдовательно и въ нашу жизнь. Провидѣніе недаромъ назначило людямъ трудиться въ потѣ лица и «въ болѣзняхъ родити чада»; оттого легко пріобрѣтенное легко утрачивается, и только выработанное усиленнымъ трудомъ тѣла и духа, составляющихъ здоровый и крѣпкій организмъ, дѣлается прочнымъ достояніемъ отдѣльнаго человѣка и народа. Оттого испытанія, даже столь тяжкія, какъ эпоха междуцарствія, война со шведами, двѣнадцатый годъ и нынѣшняя война, всегда благодѣтельны для историческаго народа, имѣющаго будущность. Все значеніе подобныхъ испытаній заключается въ томъ, какъ были они встрѣчены и выдержаны, какъ велики умственныя и нравственныя силы испытуемаго. Слава Богу, наша исторія представляетъ намъ немало событій, обнаружившихъ избытокъ силъ русскаго народа. Нынѣшняя война внесла въ нашу исторію новое, великое трагическое событіе, героями котораго были моряки Черноморскаго флота, доказавшіе въ годину тяжкаго испытанія, что среди ихъ не умиралъ геройскій и мудрый духъ великаго преобразователя Россіи. Вотъ тайна того магическаго дѣйствія, какое произвелъ на Москву пріѣздъ славныхъ защитниковъ Севастополя».

2.

Пріемъ черноморцевъ въ Астрахани.

(Письмо въ редакцію „Морского Сборника“).

Давно Россія не была такъ похожа на Петербургъ, несовсѣмъ, надобно сказать, похожій на Россію, давно не жила она столь тѣсно связанная съ нимъ однимъ общимъ интересомъ: я проѣхалъ теперь, по крайней мѣрѣ, около трехъ тысячъ верстъ и, начиная съ толковъ въ покойномъ вагонѣ на желѣзной дорогѣ, со встрѣчи съ хлопочущимъ исправникомъ, до разговора на какой-нибудь, въ захолустьѣ, почтовой станціи съ проѣзжающимъ офицеромъ, помѣщикомъ, купцомъ и

наконецъ со смотрителемъ, съ ямщикомъ, везущимъ васъ на загнанныхъ, по случаю сильной гоньбы, лошадяхъ,—вездѣ одно: война и миръ, Севастополь и Карсъ, ополченіе и передвиженіе войскъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Астрахань, только-что обложился-было я собранными здѣсь источниками, только-что началъ-было вглядываться въ узкоглазыя физіономіи калмыковъ, съ ихъ кибитками и верблюдами, присматриваться къ плосколицымъ татарамъ и длинноносымъ армянамъ, какъ мнѣ сказали о вступленіи 33-го экипажа севастопольскихъ моряковъ. Живое дѣло ближе къ сердцу дѣла книжнаго: я съ радостью принялъ обязательное приглашеніе адмирала *) быть свидѣтелемъ ихъ встрѣчи. Съ ранняго утра городъ кишѣлъ народомъ: бѣжали татарки, шлепая въ грязи своими башмаками и сопровождаемыя мальчишками; шли перемѣшанныя толпы русскихъ мужиковъ и калмыковъ, важно проѣзжали по одному, по два персіянина, и даже расчетливые армяне заперли свои лавочки. Адмиралъ встрѣтилъ экипажъ въ портѣ. Морскимъ священникомъ былъ отслуженъ молебенъ и сказана рѣчь. Съ уваженіемъ и съ жаднымъ любопытствомъ глядѣлъ я на эту горсточку людей (по большей части георгіевскихъ кавалеровъ), людей, для которыхъ одиннадцать мѣсяцевъ прошло безъ надежды на жизнь, въ тяжелыхъ лишеніяхъ, въ адской борьбѣ съ многочисленнымъ и искуснѣйшимъ непріятелемъ, прошло въ самой страшной изъ войнъ, — войнѣ артиллерійской: пушка противъ пушки, мортира противъ мортиры! — Припомните всѣ другія войны: вездѣ были отдыхи, время полной безопасности и освѣжающаго лагернаго разгула,—въ Севастополѣ не было этого времени! Суровый подвигъ жизни сдѣлалъ свое: всѣ лица, по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось, всѣ лица героевъ-сподвижниковъ, даже самыя молодыя, нѣкоторыя даже простоватыя, осмыслились какимъ-то смѣшаннымъ выраженіемъ смѣлости, упорнаго терпѣнія и ожесточенія.

Изъ порта экипажъ переведенъ былъ въ Кремль, гдѣ архіерей и духовенство встрѣтили его съ образами. Астраханскій Кремль напоминаетъ собой всевозможные кремли святой Руси, т.-е. стѣна, самолюбиво называемая крѣпостью, нѣсколько соборныхъ церквей старинной архитектуры, нѣсколько домовъ, вѣроятно, казенныхъ, и площадь, которая на этотъ разъ захлебнулась народомъ: уступы на стѣнѣ, галлереи, идущія вокругъ церквей, широкія съ нихъ лѣстницы, самая наконецъ площадь, все это было точно покрыто ковромъ изъ человѣческихъ головъ.

---

*) Начальника губерніи, Н. А. Васильева.

Послѣ молебна астраханское купечество поднесло экипажу на серебряномъ подносѣ хлѣбъ-соль и угощало матросовъ обѣдомъ; тутъ я видѣлъ и пироги съ вязигой, и икру, и бѣлорыбицу, и осетрину, и другія баснословныя рыбныя блага, которыя въ такомъ изобиліи можно встрѣтить только въ Астрахани, гдѣ, напримѣръ, щукъ ужъ не ѣдятъ, кромѣ развѣ нищихъ, да и тѣ скрываютъ это и говорятъ, что они взяли и несутъ щуку кошкамъ. Кромѣ водки передъ каждымъ матросомъ было поставлено по бутылкѣ чихирю. Я спросилъ одного изъ нихъ: нравится ли ему это вино?

— На вкусъ хорошо, ваше благородіе, слабенько только-съ,— отвѣчалъ онъ.

— Водка лучше, — замѣтилъ я.

— Лучше, ваше благородіе, то русская — лучше-съ! — пояснилъ онъ мнѣ.

Потомъ я подошелъ къ другому, пожилому и ужъ нѣсколько охмелѣвшему матросу.

— Хорошо ли тебѣ здѣсь?.. Радъ, я думаю, что живъ остался?..—сказалъ я.

— Извѣстно, ваше благородіе, человѣкъ животолюбивъ,— отвѣчалъ онъ и потомъ, помолчавъ и вздохнувъ, прибавилъ:— Севастополя жаль, ваше благородіе.

— Жаль?

— Жаль, ваше благородіе, словно матери лишились.

— А Корнилова и Нахимова жаль?—спросилъ я.

— Жаль, ваше благородіе,—отвѣчалъ матросъ:—праведниками, ваше благородіе, померли, лики у нихъ сіяли передъ смертью, словно у святыхъ... Жаль города, ваше благородіе.

— Что̀ жъ дѣлать, любезный, такъ надо,—замѣтилъ я.

— Извѣстно, ваше благородіе, начальство лучше знаетъ про то, а что теперича всѣмъ бы сердцемъ, кажись, пошелъ опять туда... Народу у *него* тамъ мало оставлено, ваше благородіе, взять бы опять въ обратную. Куда онъ *ему*, собакѣ, по что?

— Ну, а если убьютъ тебя... Теперь ты, по крайней мѣрѣ, живъ,—замѣтилъ я.

— Что̀, ваше благородіе, убьютъ, — извѣстно! — возразилъ матросъ съ нѣкоторой досадой:—коли теперь давалъ присягу умереть за царя и Расею, что̀ же? Мало ли нашего брата убито; не я первый, не я послѣдній, а что больно жалко города, ваше благородіе!

Въ три часа назначенъ былъ обѣдъ у адмирала для севастопольскихъ и астраханскихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ. Мнѣ случайно удалось сѣсть рядомъ съ капитаномъ 1-го ранга

Н—мъ. На видъ ему было лѣтъ около 40-ка, но ужъ онъ былъ весь сѣдой. Я посовѣстился спросить, но напередъ убѣжденъ, что эта рановременная сѣдина—дѣло послѣдняго года: одиннадцать мѣсяцевъ капитанъ командовалъ, не сходя, батареей, и когда ему предложено было чередоваться понедѣльно съ другимъ командиромъ, онъ отвѣчалъ, что не желаетъ этой смѣны.

— Вамъ, я думаю, теперь даже странно ваше спокойное положеніе,—замѣтилъ я ему.

— Да, — отвѣчалъ онъ, улыбнувшись: — впрочемъ, и тамъ послѣднее время... обтерпѣлись... привычка... Длинна очень показалась первая недѣля осады, всѣ спрашивали, скоро ли наконецъ это кончится штурмомъ, и, когда сказали, что Силистрію осаждали 30 дней, морозъ пробѣжалъ по кожѣ, а потомъ...

— Потомъ?—спросилъ я.

— Потомъ выдержали почти годъ,—отвѣчалъ капитанъ такимъ тономъ, какъ бы говоря, что онъ годъ проскучалъ въ деревнѣ: хоть бы слово чехвальное, хоть бы движеніе самолюбивое.

Какіе и сколько подобныхъ характеровъ выковались въ этой страшной школѣ почти нечеловѣческаго самоотверженія!

Къ концу обѣда былъ провозглашенъ тостъ государя императора и всей августѣйшей фамиліи.

— Ура!—грянули моряки.

— Здоровье нашего благодѣтеля, его императорскаго высочества генералъ-адмирала!—продолжалъ адмиралъ.

— Ура!—грянули еще разъ моряки.

— Здоровье нашихъ севастопольскихъ гостей!—заключилъ адмиралъ.

Севастопольцы потупились.

— Ура!..—крикнули астраханцы.

Здѣсь тосты прекратились-было, но вдругъ севастопольцы приподнялись:

— Здоровье нашего новаго начальника-адмирала — ура!—крикнули они.

— Ура!—подхватили астраханцы.

Адмиралъ кланялся и прослезился.

— Вы меня видѣли въ моей семьѣ,—сказалъ онъ мнѣ при прощаньи, и въ самомъ дѣлѣ это было такъ, потому что было неподдѣльно-искренно.

27 февраля 1856 г.
Астрахань.

ЗАПИСКИ САЛАТУШКИ.

Мысли, чувства, воззрѣнія, наружность и краткая біографія статскаго совѣтника Салатушки.

I.

Мнѣ всего еще только 38 лѣтъ, но я уже статскій совѣтникъ. Изъ этого одного читатель можетъ заключить, что я лицо довольно общее въ Петербургѣ, или, лучше сказать, я могу служить совершенно вѣрнымъ и довольно полнымъ отраженіемъ самой лучшей и благоразумнѣйшей части петербургскаго народонаселенія. Начну съ того, что всѣ мы, т.-е. я и другіе мои собраты статскіе совѣтники, въ тотъ моментъ, какъ я приступаю къ моимъ запискамъ, всѣ мы переживаемъ одну общую драму, тѣмъ болѣе тяжелую, что мы ее должны, особенно въ послѣднее время, тщательно скрывать, и условленную страшнымъ для насъ вопросомъ: буду я на Новый годъ дѣйствительнымъ, или нѣтъ? Въ этомъ случаѣ я рѣшительно нахожу даже нѣкоторую жестокость со стороны Провидѣнія: какимъ образомъ и для чего было такъ устроено, что всѣ чины идутъ прекрасно, по строго заведенному порядку, а тутъ вдругъ, въ этомъ именно столь желанномъ повышеніи, и ставится заковычка! Извѣстно, что только чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Владиміръ второй степени могутъ составить серьезную служебную карьеру. До тѣхъ поръ человѣкъ все еще какъ-то колеблется и, можно сказать, не устоялся на жизненномъ поприщѣ. Сколькихъ мы знаемъ статскихъ совѣтниковъ, поистинѣ полезнѣйшихъ сыновъ отечества, но оставившихъ службу и поникнувшихъ въ тиши именно потому только, что стыдно же было всю жизнь служить и оставаться не генераломъ. Предпиши человѣку какой хочешь подвигъ, назначь ему какой хочешь срокъ, но не терзай его случай-

ностью! Послѣднее время между всѣми нами, сообразно духу времени, завелось обыкновеніе говорить, что «чины и кресты—суета», что «намъ нужны деньги и деньги»!.. Если вы, читатель, знаете вообще сердце человѣческое, а чиновничье въ особенности, то, конечно, ни на волосъ тому не вѣрите и даже очень хорошо знаете, что всѣ эти, напримѣръ, господа, въ столь внушительныхъ бекешахъ и съ такими значительными физіономіями, такъ спокойно гуляющіе около 4-хъ часовъ по Невскому, въ душѣ—предъ Новымъ годомъ — далеко не спокойны; что эти старцы-правители разныхъ канцелярій и начальники отдѣленій, кажется, ни о чемъ больше, какъ о любви къ своему начальнику не помышляющіе, и тѣ питаютъ въ своихъ кроткихъ душахъ никогда, можетъ-быть, не сбыточную, но тѣмъ не менѣе обольстительную мечту о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; что наконецъ даже молодое поколѣніе статскихъ совѣтниковъ съ весьма еще не густо отросшими бакенбардами, поколѣніе, такъ свободно отзывающееся о Наполеонѣ III и такъ много говорящее въ пользу безчиновныхъ чиновниковъ Соединенныхъ Штатовъ, и они носятъ въ душѣ ту же рану.

Что̀ касается тѣхъ счастливцевъ, которые произведены уже въ дѣйствительные,—я не могу прямо и опредѣлительно судить, такъ какъ самъ еще не испытывалъ этого прекраснаго чувства, но полагаю, что оно должно состоять, на первое время по крайней мѣрѣ, въ совершенномъ спокойствіи духа, въ нѣсколько усиленно чувствуемой нѣжности къ семейству и наконецъ въ полномъ самоуваженіи.

Познакомивъ такимъ образомъ читателя почти съ главной, исходной точкой моихъ воззрѣній, я, въ біографіи моей, касательно своего происхожденія — желалъ бы умолчать, такъ какъ происхожу отъ бѣднаго и блѣднаго племени, обитающаго въ около-петербургскихъ болотахъ,—племени, впрочемъ, облагороженнаго со стороны бабки моей чистою германскою кровью. Учился я — какъ слѣдуетъ всякому порядочному петербургскому чиновнику—въ одномъ изъ высшихъ заведеній, и учился, надобно сказать, хорошо, руководствуясь въ этомъ случаѣ не столько любовью къ наукамъ, сколько мерцающимъ впереди 10-мъ классомъ.

Въ продолженіе всего моего ученія я постоянно принадлежалъ къ числу молодыхъ людей, называемыхъ отъ прочихъ грубыхъ нашихъ товарищей *жилетниками*. На это насмѣшливое названіе мы, конечно, не обращали ни малѣйшаго вниманія и всегда старались быть прилично одѣтыми и умѣли такъ носить съ бобровыми воротниками шинели, что даже

солдаты, особенно семеновцы, вѣроятно, за голубой воротникъ, очень часто отдавали намъ честь, что̀ и доставляло, по крайней мѣрѣ мнѣ, самое искреннее удовольствіе. Страстей или какихъ-нибудь юношескихъ увлеченій я, сколько мнѣ помнится, не имѣлъ, кромѣ, впрочемъ, страсти къ сладкому, но и ту старался постоянно скрывать. Даже самая любовь въ моихъ юношескихъ мечтаніяхъ мнѣ представлялась въ довольно солидномъ видѣ. Я никогда не мечталъ о какомъ-нибудь небесномъ существѣ, прилетѣвшемъ на землю только временно, не мечталъ даже о какой-нибудь особенно молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ, а напротивъ: дама сердца моего мнѣ представлялась въ видѣ не очень еще старой, но зато совершенно независимой и съ порядочнымъ состояніемъ вдовы, у которой былъ бы свой домъ и въ этомъ домѣ хорошенькая квартирка, рублей въ десять серебромъ, кухарка, и вслѣдствіе этого довольно пріятный столъ и недурной погребъ тонкихъ легкихъ винъ. Вдова эта, видѣвъ, что у меня нѣтъ экипажа, подарила мнѣ его и настоятельно требовала, чтобы я его постоянно держалъ. Увидѣвъ случайно разъ, что я хожу въ подбитой ватой шинели, она вдругъ экспромптомъ, какъ бы отъ неизвѣстнаго, прислала мнѣ ильковую шубу, и надобно сказать, что все это въ тѣхъ почти самыхъ подробностяхъ и повторилось въ жизни моей. Но такъ какъ ни одинъ порядочный молодой человѣкъ не дозволитъ себѣ компрометировать женщину разсказомъ о подобныхъ отношеніяхъ, потому я это обстоятельство прохожу молчаніемъ и скажу только одно, что явнымъ и постояннымъ моимъ стремленіемъ было: бывать въ семейныхъ домахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ отецъ былъ заслуженный человѣкъ или мать съ хорошими связями.

Признаюсь,—до сихъ поръ я въ полнѣйшемъ восторгѣ отъ этихъ небольшихъ чайныхъ вечеровъ, которые въ такомъ обиліи распространены въ петербургскомъ обществѣ. Скажите сами, что̀ можетъ быть лучше этого: у подъѣзда швейцаръ-солдатъ; лѣстница освѣщена газомъ. Въ прекрасной казенной квартирѣ, и въ прекрасной, въ этой квартирѣ, столовой, за круглымъ большимъ столомъ сидятъ нѣсколько дамъ, одѣтыхъ почти по-бальному (только не съ открытымъ лифомъ). Около нихъ иногда нѣсколько хоть не совсѣмъ розовыхъ и свѣжихъ дѣтей, но зато въ такихъ крылоподобныхъ юбочкахъ и съ такими кудрями, что какъ будто бы это были ангелы, ниспосланные съ неба, чтобы усладить жизнь ихъ чиновныхъ папенекъ. На другомъ концѣ стола сидятъ все почти статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники. Разговора вообще никакого нѣтъ. Говорятъ иногда, и то вполголоса, мужчины о сигарахъ, а

дамы объ оперѣ, и наконецъ тѣ и другія—о погодѣ и о блаженствѣ жить на дачѣ. Словомъ, происходитъ все такъ прилично, благополучно, звука грубаго не услышишь, не увидишь даже усиленной улыбки, и когда выйдешь оттуда, то чувствуешь, что на душѣ свѣтло, спокойно, радостно, особенно если тутъ же съ тобой вмѣстѣ былъ начальникъ твой, который нѣсколько разъ обращался къ тебѣ съ весьма замѣтной, ласковой улыбкой. Въ театръ я хожу, разумѣется, только въ оперу и не столько для удовольствія, сколько для поддержанія себя въ уровнѣ съ образованнымъ обществомъ. Приходя и имѣя намѣреніе постоянно приходить въ восторгъ отъ разныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, я, откровенно говоря, чувствую страшную скуку во всѣхъ этихъ «Донъ-Жуанахъ» и «Севильскихъ цырюльникахъ». Про Петербургъ—никогда, разумѣется, во всю свою исторію не спѣвшій и порядочно не сыгравшій ни одной пѣсни — вдругъ, съ появленія итальянской оперы, прошла молва, что это самый музыкальный городъ въ мірѣ. Но тутъ была очень простая штука, чисто-начисто нашъ поддѣльный чиновничій восторгъ, который выражали, чтобы прослыть людьми образованными и заслужить вниманіе у женъ нашихъ начальниковъ, которыя тоже въ свою очередь восхищались потому, что сами кой-что попискивали и поигрывали.

Я понимаю, что можно пять часовъ сряду толковать объ открывшейся, напримѣръ, вакансіи на службѣ, о характерѣ и душевныхъ свойствахъ начальника вашего, наконецъ обдѣлывая какое-нибудь частное дѣльце, тысячъ въ 30 серебромъ,— но пять часовъ слушать, какъ пилятъ на скрипкахъ и поютъ, хоть и хорошіе, но все же не райскіе голоса,—это, какъ хотите, почти невыносимо и даже полагаю, что положительно нездорово.

Ко всему тому, что̀ я сказалъ о самомъ себѣ, не знаю, нужно ли мнѣ объяснять, что я имѣю самую приличную наружность, т.-е., несмотря на то, что владѣю замѣчательно прожорливымъ аппетитомъ и, когда случай выпадетъ, особенно на чужой счетъ, то ужасно много ѣмъ, — несмотря на это, сохранилъ и надѣюсь сохранять еще долго мою талію въ самомъ юношескомъ положеніи. Бѣлокурые волосы мои, не совсѣмъ, конечно, пріятнаго желтоватаго цвѣта, я держу всегда опрятно и по бакенбардамъ, тоже желтоватаго цвѣта, похожу даже нѣсколько на дипломатическаго чиновника изъ англійскаго посольства. Службу я уже давно имѣю самую пріятную, и такъ какъ въ этомъ случаѣ есть нѣсколько любопытныхъ тонкостей, съ которыми юному поколѣнію чиновниковъ, полагаю, будетъ небезполезнымъ познакомиться, то потому и изла-

гаю ихъ: съ перваго же моего шага на это поприще, исполненное столькихъ конкурентовъ, столькихъ отчаянныхъ тружениковъ, столькихъ наконецъ умовъ и людей со связями и богатствомъ,—я, человѣкъ, имѣющій все это въ весьма малыхъ размѣрахъ, кажется, сразу понялъ, какъ тутъ нужно изловчиться. Вступивъ на службу въ довольно еще отдаленное для современной эпохи время, когда еще не думали даже о сокращеніи переписки, я, выбравъ себѣ начальника, первымъ долгомъ поставилъ для себя привязаться къ нему всей душой, и въ этомъ случаѣ, смѣю завѣрить, не было нисколько притворства съ моей стороны: я именно увлекся имъ, какъ прекраснымъ образцомъ всего прекраснаго, и сталъ ему подражать во всемъ: я полюбилъ то, что̀ онъ любилъ, протестовалъ противъ того, что̀ ему было непріятно, и наконецъ подучилъ даже тѣ науки, съ которыми онъ отчасти былъ знакомъ; а вслѣдствіе способности моей втираться въ семейные дома, попалъ и къ нему въ домъ и чрезъ посредство его супруги и своячиницы, весьма милыхъ и любезныхъ дамъ, показалъ ему, что я не только чиновникъ исполнительный, но и человѣкъ гуманный. Надобно сказать, что между всѣмъ молодымъ и свѣжимъ человѣчествомъ давно уже закономъ положено, какъ и между старымъ французскимъ адвокатствомъ, только въ томъ и признавать служебныя достоинства, кто хорошъ какъ человѣкъ, т.-е. не пьяница, не мотъ и не взяточникъ. Надобно сказать, что начальникъ мой, слѣдовательно и я, служили и служимъ по двумъ совершенно разнымъ системамъ. Въ началѣ моей службы все наше вниманіе было направлено на то, чтобы завести чистоту и порядокъ канцелярскій, и потомъ, главное, чтобы облагородить и сдѣлать краткимъ, выразительнымъ и яснымъ нашъ языкъ бумажный. Читатель, можетъ-быть, даже не повѣритъ тому, какихъ мы громадныхъ результатовъ достигли въ этомъ случаѣ: при одной легонькой ревизіи по нашему департаменту, ревизору показалось, что заголовки на дѣлахъ были литографированы,—до такой степени красоты и чистоты былъ доведенъ почеркъ у писцовъ. Ни одинъ отпускъ никогда не оставался черновымъ и непереписаннымъ. Настольный реестръ велся въ двухъ экземплярахъ: одинъ для себя, а другой, почище, для начальства.

Въ отношеніи языка—еще болѣе того: по прежнему порядку, напримѣръ, писали, что вотъ «вашему превосходительству, по такому-то дѣлу, было тогда-то предписано то-то и то-то. Ваше пр—во въ донесеніяхъ вашихъ объяснили то-то и то-то. — Находя это по такимъ-то и по такимъ причинамъ неудовлетворительнымъ, снова вамъ предписываемъ то-то», — мы до-

вели это до того, что писали прямо: «находя донесеніе ваше отъ такого-то числа, за нумеромъ такимъ-то, по такому-то дѣлу, не вполнѣ удовлетворительнымъ, предлагаемъ вашему превосходительству поспѣшить окончаніемъ сего дѣла въ томъ направленіи, каковое указано законами...»—кратко, благородно и ясно!.. Прекрасное слово: «почтительнѣйше», употребляемое въ донесеніяхъ отъ подчиненнаго къ высшимъ, — тоже, при всей своей скромности, я долженъ сказать, что изобрѣтено въ нашемъ вѣдомствѣ. Въ настоящее время положительно можно сказать, что самый молодой помощникъ столоначальника не напишетъ бумаги безъ того, чтобы не сократить ее до возможныхъ размѣровъ. И многія бумаги пишутся съ такой художественной отдѣлкой, что, ей-Богу, лучше многихъ стихотвореній, особенно являющихся въ послѣднее время. Намъ, старшимъ и болѣе любимымъ начальствомъ чиновникамъ, въ этомъ отношеніи теперь чрезвычайно легко, все дѣлается прекрасно и безъ насъ; но зато на насъ лежатъ другія, болѣе серьезныя обязанности—обязанности дѣлать преобразованія, давать развиться подъ фирмою нашихъ распоряженій разнымъ народнымъ силамъ, уничтожать преграды, ставимыя невѣжествомъ и апатичностью русскаго народа. Откровенно говоря, это такъ трудно, такъ неопредѣленно, особенно же, совершенно не зная этой огромной Россіи,—столько наконецъ щекотливыхъ столкновеній съ другими вѣдомствами, что даже удивляешься самому себѣ, какъ до сихъ поръ вывертываешься. Въ этомъ случаѣ я больше всего благодарю Бога за выборъ начальника, который я сдѣлалъ въ моей молодости. Это человѣкъ совсѣмъ готовый на настоящее дѣло. Онъ знаетъ Европу и различныя ея учрежденія до такихъ, напримѣръ, подробностей, что можетъ вамъ разсказать цѣны на всевозможныхъ европейскихъ дорогахъ. Только вслѣдствіе этого высокаго образованія, силой котораго онъ держитъ наше управленіе на одинаковой напряженной высотѣ съ другими, у насъ все идетъ благополучно, и хоть не предвидится особенныхъ повышеній, но зато нечего опасаться и перемѣнъ въ начальствѣ,—а для чиновника это дороже всего, потому что награды все когда-нибудь да дождешься, но хорошаго начальника не наживешь иногда и во всю остальную жизнь потомъ.

Главнымъ и общимъ разговоромъ теперь во всемъ обществѣ, конечно, составляютъ финансовыя реформы, въ которыхъ есть много утѣшительнаго. Какая, напримѣръ, теперь начинается прекрасная служба по всѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ. Хотя она и всегда была тамъ хороша, то теперь виднѣе: удастся вамъ какая-нибудь мѣра, вы можете взлетѣть только-что не

на небеса, а если нѣтъ, такъ что̀ такое: все-таки трудъ вашъ будетъ замѣченъ. При хорошемъ ходѣ дѣлъ, даже страницу въ исторіи можно занять, а быть какимъ-нибудь Кольбертомъ такъ же пріятно, какъ и Цезаремъ и Данте. Въ общемъ говорѣ приводятъ различныя тонкія причины тому, что мы не въ хорошемъ денежномъ состояніи, но, по-моему, все происходитъ отъ глупости и закоренѣлости русскаго народа, который теперь припряталъ себѣ деньги, которыя у него надобно, налогомъ тамъ какимъ-нибудь, или какимъ-нибудь акцизомъ, вызвать и вырвать наружу. Совѣты такихъ людей, какъ Кокоревъ, въ настоящемъ случаѣ весьма могли бы быть полезны и дѣйствительны. Этого я, конечно, не говорю въ обществѣ, потому что не принято,—но твердо убѣжденъ, что если бы поручили это дѣло имъ, то — два-три распоряженія, и все пришло бы въ порядокъ: ну пускай, чортъ его дери, иностранный курсъ падаетъ, пускай акціонерныя общества дѣлаютъ что̀ хотятъ съ собою и лопаются, какъ глупыя бомбы; но какъ же позволить, чтобы дальше-то это шло. Надобно было бы сразу прекратить это и не позволять развиваться фальшивому страху. «Помилуйте!—кричатъ мнѣ на это:—государство органическая вещь, ни одна насильственная мѣра не приносила еще пользы». Я этого не знаю-съ! Но исторія, сколько я ее понимаю, говоритъ намъ совершенно другое. Не обрей, не умой и не причеши русскаго человѣка безсмертный Петръ, онъ до сихъ поръ оставался бы невѣждой и неряхой; не заведи онъ чиновниковъ — не было бы никогда порядка въ Россіи, не устрой ранговъ — никогда бы въ обществѣ не проявилось должнаго уваженія къ заслугамъ отечеству, потому что даже теперь, что̀ бы тамъ ни говорили, а какъ пріѣзжаетъ въ общество тайный совѣтникъ, такъ всѣ этакъ и поприжмутъ хвостикъ и говорятъ ужъ поблагоразумнѣй и поосторожнѣй, и курить ужъ не смѣютъ каждую минуту и въ каждомъ углѣ.

Изъ общественныхъ удовольствій, занимающихъ нашъ солидный образованный кружокъ, къ которому особенно принадлежу я, конечно, на первомъ планѣ стоитъ Ристори. Признаюсь — госпожа эта рѣшительно ставитъ меня втупикъ. Съ покойной Рашелью намъ гораздо легче было справляться: про ту, по крайней мѣрѣ, весь Петербургъ такъ ужъ сплошь и кричалъ: прекрасно, безподобно!—ну и ты кричалъ съ прочими тоже; а объ этой—мнѣнія рѣшительно раздѣлились, или, лучше сказать, не составилось никакого. Я человѣкъ занятой; мнѣ и на представленіяхъ-то ея бывать, такъ подвигъ страшный, а тутъ еще подчитывай разную дребедень, которую она представляетъ, смотри на нее во всѣ глаза, а потомъ обду-

мывай и придумывай, что̀ о ней говорить. Къ несчастью, всѣ почти знакомыя мои дамы,—и дамы, отъ которыхъ, надобно сказать, я нѣкоторымъ образомъ по разнымъ отношеніямъ завишу,—всѣ онѣ, какъ нарочно, абонировались и, заплативши и деньги, ужъ, конечно, не пропускаютъ ни одного раза и постоянно спрашиваютъ меня: «а вы, m-r Салатушка, были въ «Юдиѳи»? были въ «Маріи Стюартъ»?..» Ну, и ѣздишь почти каждый разъ, такъ что, ей-Богу, это мучительнѣе, чѣмъ итальянская опера, тѣмъ болѣе, что за всѣ эти труды безпрестанно еще провираешься и ставишь себя въ весьма щекотливое положеніе: одной дамѣ, напримѣръ, на вопросъ ея объ Ристори, я отвѣчалъ: «Да что̀ жъ?.. Ничего...» — «Какъ ничего!..—воскликнула она:—вы говорите это такимъ тономъ, что у васъ, я вижу, сердца нѣтъ!» Я, разумѣется, сконфузился и сталъ-было доказывать противное, и еще болѣе спутался и видѣлъ, по крайней мѣрѣ, до десятка устремленныхъ на меня насмѣшливыхъ женскихъ взоровъ. Другой дамѣ, еще женѣ моего начальника, дамѣ съ весьма густымъ голосомъ и даже наружностью своей нѣсколько подходящей къ Ристори, я нарочно выразился: «О, она божественна!». — «M-r Салатушка! вы видѣли Рашель и можете такъ восхищаться этой госпожой!» — сказала она и кинула на меня, ей-Богу, не менѣе грустно-выразительный взглядъ, какой и сама Ристори, будучи Маріей Стюартъ, въ послѣднемъ актѣ кидаетъ на Лейчестера. Видимо, что я на сто процентовъ упалъ въ ея мнѣніи. Вотъ наши журналы, вмѣсто того, чтобы соваться, куда имъ не слѣдуетъ, лучше бы писали объ этихъ вещахъ прямо и опредѣлительно говорили, что вотъ какъ надобно понимать эту госпожу. Послѣдній разъ я, бывъ въ театрѣ, вынужденъ былъ подслушать наконецъ разговоръ о ней двухъ господъ, показавшихся мнѣ на видъ очень умными. Одинъ изъ нихъ, по-моему, прекрасно выразился:

— У Ристори есть большой талантъ, но нѣтъ поэзіи женщины.

Теперь у меня ни одна дама объ ней другого отвѣта не добьется. Однако извините, читатель, я долженъ кончить — сейчасъ ѣду къ моему начальнику встрѣчать Новый годъ. Каждый разъ этотъ вечеръ бываетъ для меня въ самой высокой степени умилителенъ. Представьте себѣ, въ той же превосходной казенной квартирѣ, но уже въ залѣ, предъ двѣнадцатью часами департаментскій священникъ служитъ благодарственный молебенъ. Самъ начальникъ мой, нѣсколько уже сѣдовласый, весь погруженъ, въ одно и то же время, въ молитву и въ свои государственные помыслы. Супруга его, нѣсколько,

какъ мы знаемъ, похожая на Ристори, грустна. На лицахъ дѣтей (двухъ дочерей и одного пажа) написана покорность. Я молюсь и благоговѣю, и тронутъ до глубины души. Но вотъ молебенъ кончился. Лакей въ бѣломъ галстукѣ и жилетѣ подаетъ на серебряномъ подносѣ всѣмъ шампанскаго: всѣ взялись за бокалы, чокнулись, пожали другъ другу руки съ глубокимъ чувствомъ и молча, съ улыбками, выпили. Поѣдешь домой—въ передней поздравитъ тебя курьеръ, на лѣстницѣ—швейцаръ. Какъ-то радостно замретъ сердце, и скажешь самому себѣ:

«Жизнь хороша, когда мы въ ней необходимое звено».

Именно необходимое... Я полагаю, что въ Россіи многое можетъ измѣниться: сольются разныя народности, уничтожатся сословія, но мы, чиновники, останемся.

Одно только непріятно въ завтрашнемъ днѣ, эти канальи-извозчики, на которыхъ вотъ бы именно въ эти высокоторжественные дни и слѣдовало бы наложить строжайшую таксу: мнѣ надобно, напримѣръ, сдѣлать до 150-ти визитовъ, и сколько за это съ меня слупятъ, боюсь даже подумать.

Прочитавъ мою статейку, всякій, конечно, замѣтитъ, что я нѣсколько сбиваюсь: не вездѣ и не во всемъ вѣренъ самому себѣ, то вдругъ откликнусь порывистымъ юношей, то благоразумнымъ старцемъ. Что̀ дѣлать? Все это мы сами видимъ и должны признаться, что наплывъ этихъ разныхъ вопросовъ, идей, насъ нѣсколько порасшаталъ и поколебалъ, такъ что и держаться не знаешь чего! Но во всякомъ случаѣ сущность наша, какъ видитъ читатель, остается одна и та же.

Статскій совѣтникъ Салатушка.

31 декабря 1860 года.

II.

Не могу скрыть передъ читателемъ, что, писавъ прошлыя мои замѣтки, я думалъ, что уже подписываюсь дѣйствительный статскій совѣтникъ, но нѣтъ!.. не вышло!.. Вотъ что̀ собственно и подъѣдаетъ насъ, петербургскихъ чиновниковъ!.. Это не сидячая жизнь, не дурной петербургскій климатъ, ни даже геморой, — все это, благодаря нашему сухожильному и почти уже финскому происхожденію, мы перенесли бы; но насъ губитъ наше благородное и постоянно раздражаемое самолюбіе. Провинціальные чиновники понять этого даже не могутъ: тамъ какой-нибудь увалень засядетъ на теплое мѣстечко, да такъ себѣ лѣтъ пятнадцать и дуетъ въ чинѣ надворнаго совѣтника; а послужи-ка здѣсь такимъ образомъ, такъ и на

улицѣ, не только что въ обществѣ, стыдно будетъ показать глаза. Не дальше, какъ съ недѣлю тому назадъ, иду я по Невскому, по солнечной, разумѣется, сторонѣ, и вдругъ за голландской церковью, около этого самаго, знаете, аристократическаго мѣста, попадается мнѣ одинъ мой знакомый и немножко еще пріятель: рожа, можете себѣ представить, отвратительнѣйшая!.. моложе меня службою двумя годами!.. умственныхъ способностей для какихъ-нибудь болѣе возвышенныхъ служебныхъ работъ—никакихъ, а между тѣмъ, вижу, идетъ, какъ какой-нибудь павлинъ, надувшись, и, поровнявшись со мною, объявилъ, что онъ уже съ годъ, какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, имѣетъ казенную квартиру, тысячъ около семи содержанія и къ Пасхѣ еще надѣется получить звѣзду! За что все это, скажите на милость? Встрѣча съ этимъ господиномъ, какъ хотите, можетъ у самаго хладнокровнаго и разсудительнаго человѣка разлить желчь. Возвратясь домой, я рѣшительно расхворался: во рту сдѣлалось скверно и аппетитъ пропалъ, и, право, только что не всплакалъ. Думаешь: что̀ жъ это такое наконецъ? Начальника своего любишь, кажется, Богъ знаетъ какъ, всякую мину непріятную, малѣйшій оттѣнокъ грусти замѣчаешь на его лицѣ, а онъ между тѣмъ, при всемъ благородствѣ и возвышенности своего характера, какъ будто бы не понимаетъ глубочайшихъ твоихъ страданій. Въ продолженіе всей моей службы я никогда не просилъ ни одной награды; даже отъ тѣхъ, которыя слѣдовали мнѣ по закону,— я постоянно отказывался, желая тѣмъ показать, что поймите мое самоотверженіе, а наградите меня тогда, когда я самъ того захочу. Но вотъ и захотѣлъ, и заговаривалъ почти прямо, и все-таки ничего не вышло. Это наше убійственное отмалчиванье и покачиванье съ грустью головой — только и были мнѣ отвѣтомъ. Если онъ не можетъ этого сдѣлать для меня, такъ признайся, открой мнѣ свою душу; все-таки, по крайней мѣрѣ, я съ его-то бы стороны видѣлъ любовь и признательность.

Въ тоскѣ и хандрѣ, я заперся дома и велѣлъ себѣ изъ клуба носить журналы и газеты. Чортъ знаетъ, что̀ такое нынче пишутъ! Кипы, кажется, бумаги, а между тѣмъ, для серьезнаго и солиднаго ума, читать почти нечего: прочтешь, разумѣется, приказы и правительственныя распоряженія, пробѣжишь—такъ себѣ, pour la bonne bouche—нѣкоторыя повѣстушки въ «Сынѣ Отечества». Есть очень недурныя! Изъ новинокъ мнѣ больше всего нравятся рѣчи Греча и стихи Бенедиктова, произнесенные на одномъ большомъ обѣдѣ. Что̀ бы тамъ ни говорили, а по-моему, это двое самыхъ почтенныхъ

писателей; хоть бы взять съ того: оба они, въ весьма нестарыхъ еще лѣтахъ—были уже дѣйствительные статскіе совѣтники; у Владимира Григорьича давнымъ-давно Владимиръ 2-й степени, а у Николая Иваныча врядъ ли нѣтъ звѣзды. А изъ новыхъ-то, нынѣшнихъ журналистовъ? Самые ловкіе и умные изъ нихъ допятали до статскаго совѣтника, да и сѣли на томъ. Оба эти старца, несмотря на преклонныя лѣта свои, постоянно отзываются душой на все прекрасное и возвышенное, съ тою только разницею, что Николай Иванычъ все еще нѣсколько держится консервативныхъ понятій своей бывшей «Сѣверной Пчелы», тогда какъ Владимиръ Григорьичъ совершенно человѣкъ свободномыслящій: на всякій почти, болѣе или менѣе торжественный случай онъ пишетъ стихи, и стихи совершенно свободные. Прошлаго года, напримѣръ, въ Пассажѣ, я ужасно ему хлопалъ, когда онъ, описавъ эту борьбу между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, очень просто объяснилъ, что это испоконъ вѣковъ всегда было, есть и будетъ, и что это ровно ничего не значитъ, потому что Богъ все-таки шествуетъ впередъ. Очень глубокая мысль.

Между всѣмъ остальнымъ печатнымъ товаромъ я съ особымъ удовольствіемъ только и встрѣтилъ въ «Вѣкѣ» своего стараго пріятеля Ч-р-н-к-н-ж-к-ва. Пріятное перо имѣетъ этотъ фельетонистъ! Тутъ онъ, напримѣръ, вздумалъ позадѣть акціонерныя компаніи и для этого изобрѣлъ такое общество, какое развѣ есть между умалишенными, потомъ приписалъ ему дѣйствія, которыя тоже могутъ быть свойственны только бѣлогорячечнымъ, а именно: втыканіе акціонеру въ шубу трезубца, втаскиваніе его этимъ трезубцемъ въ сѣни. Изложилъ онъ все это языкомъ совершенно неколкимъ и незлымъ!.. Такимъ образомъ выстрѣлъ какъ будто бы и былъ произведенъ, а между тѣмъ никто не задѣтъ, и даже ни въ кого особенно и мѣчено не было, а—такъ, произведена была только маленькая игра съ фантомами собственнаго воображенія. Такого рода гласности каждому благонамѣренному человѣку желать надо, а то, помилуйте, что̀ это такое: въ послѣднее время уже стали открыто и явно нападать на нашихъ главныхъ капиталистовъ. Эти люди, какъ хотите, достойны другого пониманья!.. Вся жизнь ихъ есть подвигъ: сколько они должны были выказать характера, ума, соображенія, сколькихъ людей снискать любовь и покровительство, сколько разной мелюзги, мѣшавшей имъ на ихъ пути, придавить и растоптать, сколькихъ обмануть, можетъ-быть, и обобрать; словомъ, повыкинуть иной разъ изъ души всякое чувство совѣсти и стыда,—и на этакихъ людей можетъ подымать голосъ г. Вернадскій, кото-

рый, можетъ-быть, очень и почтенный человѣкъ, но онъ слишкомъ много себѣ позволилъ, обвиняя, по слухамъ, гг. Кокорева и Бенардаки въ томъ, что они деньги, собранныя съ акціонеровъ общества «Сельскій Хозяинъ», употребляютъ на что-то другое. У Кокорева и Бенардаки не стало уже нынче своихъ денегъ; вѣдь это просто смѣшно подумать!.. А между тѣмъ, какъ бы то ни было, обвиненіе было печатно высказано такъ, что обвиненные, по благородству своей души и охраняя свои ничѣмъ незапятнанныя имена, рѣшились возражать ему и прямо говорятъ, что, во-первыхъ, слуховъ этихъ нѣтъ,— значитъ, это клевета, а вслѣдъ затѣмъ приводятъ 2075-ю статью XV т. Св. Зак., въ которой прямо сказано, что тѣ лица, которыя дозволяютъ себѣ въ печати клевету, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года и обязаны испросить у обиженнаго прощенія, а буде пожелаетъ—и заплатить ему опредѣленное въ законахъ безчестіе. Что̀ бы, вы думали, Вернадскій отвѣчалъ на то? Онъ говоритъ, что слухи эти есть, а что постановленія собранія акціонеровъ, на которыя особенно напираютъ гг. Кокоревъ и Бенардаки, опровергъ во всѣхъ пунктахъ г. Ячевскій. Прекрасно-съ! Да г. Ячевскій и можетъ опровергать, потому что онъ акціонеръ, а у васъ есть ли акцій хоть рублей на десять? Тутъ должно быть, по-моему, весьма тонкое различіе насчетъ гласности. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, безъ всякаго суда и отвѣта, она должна быть допущена между литераторами; они ее выдумали, пускай ею и потѣшаются, щелкая другъ друга. Вотъ какъ сегодня же я пробѣгалъ литературныя воспоминанія г. Панаева. Этотъ писатель долженъ быть чрезвычайно свободномыслящій человѣкъ. Онъ, я думаю, способенъ все на свѣтѣ написать про всякаго, кто только имѣлъ неосторожность пускать его къ себѣ въ домъ. Интересно знать, опишетъ ли онъ въ этихъ воспоминаніяхъ, въ приличнонѣжныхъ краскахъ, свою дружбу съ г. Некрасовымъ, передъ которой теперь даже дружба Греча съ Булгаринымъ теряетъ уже всю свою прелесть.

Но все это, почтенный читатель, надобно тебѣ сказать, я только думаю самъ про себя; въ обществѣ же пикнуть объ этомъ не смѣю, такъ что, ей-Богу, какъ будто бы во мнѣ теперь сидятъ два совершенно противоположные человѣка, — одинъ солидный, умный и, несмотря на это, вынужденный молчать, а другой — мальчишка, фантазеръ, который, напротивъ того, вездѣ кричитъ, ораторствуетъ, и все противъ своихъ убѣжденій. Даже въ домѣ моего начальника я не могу быть вполнѣ откровененъ, потому что въ немъ самомъ замѣчаю ка-

кой-то странный поворотъ мыслей; а главное — его супруга, которая послѣднее время, насмотрѣвшись, вѣроятно, Ристори, бредитъ итальянскими дѣлами: заказала себѣ браслетъ съ портретомъ Гарибальди, восхищается разными выходками журнальными, по-моему, довольно пошлыми.

— А ну какъ, говорю, ваше пр—во, вашего супруга вдругъ задѣнутъ?

— И прекрасно, говоритъ, сдѣлаютъ: онъ всегда былъ бездушнымъ и низкопоклоннымъ чиновнишкой.

Тайный совѣтникъ—низкопоклонный чиновнишка! Интересно знать, передъ кѣмъ ему теперь кланяться-то особенно надо; а главное—прилично ли дамѣ, въ ея званіи, выражаться такимъ образомъ? Совершенно потерянная женщина! И вдругъ еще на-дняхъ мнѣ говоритъ:

— А что̀, m-r Салатушка, участвуете ли вы въ воскресныхъ школахъ?

— Съ какой мнѣ стати, говорю, участвовать въ нихъ?

— А зачѣмъ же вы участвовали въ комитетѣ о «дѣтскихъ пріютахъ»?

— Тамъ, говорю, Анна Ивановна, вы сами знаете, былъ такой кругъ, который могъ составить честь и даже карьеру для каждаго молодого человѣка.

— А! говоритъ, такъ вы добрыя дѣла любите дѣлать только для собственной пользы... Прекрасно!—говоритъ, и пошла... пошла на ту тему, такъ что я долженъ былъ отступиться и сказать, что «я очень радъ участвовать», и вотъ прошлое воскресенье она ужъ и возила меня въ одну изъ школъ. Представьте себѣ—эти мальчишки, мужичье, въ своихъ чуйкахъ, полушубкахъ, въ дегтярныхъ сапогахъ, такъ что мнѣ чуть дурно не сдѣлалось. Я мужика и бабу могу переносить только на воздухѣ, а въ комнатѣ отъ нихъ ужасно воняетъ. Но все это было бы еще ничего: одинъ разъ въ недѣлю, въ воскресенье, сходить и—тѣмъ дѣлу конецъ; но она возлагаетъ на меня новыя вериги: она заставляетъ меня играть на театрѣ въ пользу этихъ же проклятыхъ школъ! Что̀ я могу и съ какою цѣлью играть? Добро бы участвовать въ спектаклѣ въ какомъ-нибудь аристократическомъ домѣ,—это, дѣйствительно, для всякаго не стараго и служащаго человѣка — пріятно; а тутъ играть въ какомъ-то глухомъ переулишкѣ, только что не шкапѣ вмѣсто сцены, съ сальными, я думаю, свѣчами, и въ обществѣ какихъ-нибудь гимназистовъ,—это чортъ знаетъ что̀ такое! А отказаться невозможно, потому что, между нами сказать, она ужасное имѣетъ вліяніе на мужа. Вотъ хоть бы насчетъ тѣхъ же школъ. Когда я прежде съ нимъ переговари-

валъ, что принимаетъ ли онъ въ нихъ участіе или нѣтъ, такъ онъ мнѣ прямо сказалъ: «Погодите, говоритъ, повыждите, что̀ изъ всего этого выйдетъ». А теперь вдругъ говоритъ, что это одна изъ благороднѣйшихъ мѣръ: видимо, что повторяетъ ея напѣвы.

Какъ бы для того, чтобы еще болѣе усилилось мое грустное расположеніе духа, я почти случайно прочелъ въ «Сѣверной Пчелѣ» извѣстіе, что тайный совѣтникъ Гвоздевъ упалъ съ вагона и раздавленъ поѣздомъ. Вотъ наша жизнь человѣческая! Жилъ, служилъ, отличался красотой тѣла, ума и сердца! Сколько трудовъ понесъ хоть бы по однимъ только раскольничьимъ дѣламъ, и вдругъ какое-нибудь одно неосторожное движеніе — и всему конецъ! Какъ однако невдолгѣ онъ покинулъ свѣтъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Суковкинымъ. Миръ праху вашему, именитые сподвижники! Мы можемъ утѣшать себя одной только мыслью, что еще осталось нѣсколько вашихъ товарищей, раздѣляющихъ съ вами убѣжденія и равныхъ вамъ по уму, по сердцу и образованію.

Сегодня я грустно началъ и грустно кончаю.

Статскій совѣтникъ Салатушка.

21-го января 1861 года.

III.

Нѣтъ! Какъ хотите, а начальница моя рѣшительно съ ума сошла. Въ домѣ ея, на этихъ, какъ бывало прежде, умныхъ и солидныхъ вечерахъ, стали ужъ появляться студенты и молоденькіе офицерики. Это новое молодое поколѣніе рѣшительно для меня непереносимо. Валерьянъ Ѳедосеичъ (имя моего начальника), несмотря на свой деликатный характеръ, несмотря на свое несчастное подчиненіе вліянію жены, послѣднее время наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и имѣлъ съ ними весьма непріятный споръ.

Надобно сказать, что въ этотъ крутой переломъ, который произошелъ въ половинѣ послѣдняго десятилѣтія, я и Валерьянъ Ѳедосеичъ очень хорошо поняли, что мы какъ бы нѣсколько поотстали отъ вѣка, и что для успѣха по службѣ намъ надобно поправить себя въ смыслѣ образованія; но какимъ образомъ было это сдѣлать? Сами согласитесь, не наукамъ же учиться,—и какимъ именно? Пробовали-было читать «Revue de deux mondes»—не помогаетъ; ухватились-было за «Энциклопедію законовѣдѣнія» Неволина — ничего не поняли; къ счастью, около этого времени сталъ выходить «Русскій Вѣстникъ». Журналъ этотъ, я могу сказать по собственному опыту,

рѣшительно способенъ поучать не только какихъ-нибудь департаментскихъ директоровъ, но и лицъ повыше. На всѣ реформы, которыя только возникли въ головахъ нашихъ преобразователей-чиновниковъ, онъ сейчасъ же отвѣчалъ, начиналъ ихъ развивать, разрабатывать, и даже... что̀ я говорю!.. онъ дѣлалъ болѣе того: онъ еще иногда ранѣе насъ ставилъ какой-нибудь общественный вопросъ, такъ что мы просто пожимали плечами и, разумѣется, не зѣвая, пользовались этимъ. Словомъ, услугъ, оказанныхъ этимъ журналомъ Россіи, я даже не въ состояніи перечислить: хоть бы взять съ одного этого обличительнаго направленія, введеннаго имъ въ литературу. Читатель, можетъ-быть, даже и не знаетъ, что не столько самое общество, сколько мы, петербургскіе чиновники, питали гнѣва и озлобленія противъ взяточничества губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ; и вотъ — на страницахъ «Русскаго Вѣстника» въ первый разъ пылкій Щедринъ показалъ это зло и сразу выставилъ его въ настоящемъ свѣтѣ. Прежде обыкновенно какъ-то смутно и смѣшанно понимали, что мы— чиновники и другой—чиновникъ, и что это все равно; но тутъ Россія наконецъ увидѣла разницу губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ отъ чиновниковъ департаментскихъ и министерскихъ. По всѣмъ этимъ очеркамъ мы святы и непорочны, яко ангелы. Я даже сильно подозрѣваю, что самъ авторъ, по духу своему, долженъ быть чисто-министерскій чиновникъ, потому что такъ ненавидѣть и преслѣдовать этихъ маленькихъ червей можно только человѣку, который или начальствуетъ надъ ними, или ревизуетъ ихъ; а потому, чѣмъ строже онъ къ нимъ относится, тѣмъ болѣе для него заслугъ. Еще гораздо бо̀льшую, конечно, заслугу журналъ этотъ оказалъ касательно русской общины. Съ тѣхъ поръ, какъ это общественное устройство было признано нами, чиновниками, за полезное, онъ сдѣлалъ уступку и вошелъ по этому предмету въ нѣкоторое соглашеніе съ «Русской Бесѣдой», которая, какъ извѣстно, по своему исключительно нѣмецко-философскому воспитанію, признавала только ту общину, на которую намеки она читала въ нашихъ лѣтописяхъ, настоящей же, живой, она и въ глаза не видала, точно такъ же, какъ и «Русскій Вѣстникъ», который однако, такъ какъ вопросъ этотъ былъ чрезвычайно насущный, у себя въ кабинетѣ сочинилъ свою общину: я не читалъ, но, говорятъ, сочинено очень хорошо. Конечно, нашлись противники, которые стали кричать, что она совершенно неприложима, что въ ней даже нѣтъ смысла, но этого никто еще не доказалъ. Можетъ-быть, нашъ народъ только этого благодатнаго устройства ждалъ и уцѣпился бы за него

съ радостью; слѣдовательно о достоинствѣ ея говорить нечего, а нравственный подвигъ и умственный трудъ я во всякомъ случаѣ тутъ вижу. Про финансовые вопросы и говорить нечего; однѣ статьи Безобразова написаны съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла и такимъ спеціальнымъ языкомъ, что даже такіе люди, какъ я и мой начальникъ, люди сами немножко финансовые, читая эти статьи, во многихъ мѣстахъ весьма трудно понимаемъ, а въ общемъ такъ ничего и уразумѣть не можемъ, что̀ это такое, для чего онъ пишетъ и что̀ онъ хочетъ этимъ сказать. Чрезвычайно ученый авторъ. Изъ всего этого читатель видитъ, что я и мой начальникъ, какъ и бо̀льшая и лучшая часть петербургскаго чиновничества, стоимъ и зиждемся на идеяхъ «Русскаго Вѣстника». Во время моей молодости, кода мы ходили въ семейные дома, мы прежде всего старались узнать кругъ понятій хозяевъ, и если не были съ нимъ согласны, то все-таки ни въ какомъ случаѣ не позволяли себѣ высказывать своихъ идей или какъ-нибудь невѣжливо спорить, тѣмъ болѣе, что тогда это было и не совсѣмъ безопасно. Нынѣшняя молодежь въ этомъ случаѣ, кажется, дѣйствуетъ совершенно наоборотъ: она, какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ, носится со своими идейками, хвастается ими, хочетъ васъ подразнить ими.

На послѣднемъ вечерѣ у Анны Ивановны, нечесаный и нестриженый, съ усами и съ бородой, студентъ и непонятнаго для меня вѣдомства офицеръ, въ штатскомъ жакетѣ (ужасно красиво!), до того зарапортовались, что студентъ вдругъ объявилъ, что онъ больше ужъ не читаетъ «Русскаго Вѣстника» потому, что это журналъ отставшій и свое дѣло сдѣлавшій.

Валерьянъ Ѳедосеичъ только съ грустью посмотрѣлъ на него.

— Почему же вы такъ думаете?—спросилъ онъ его своимъ, по обыкновенію, серьезнымъ, но кроткимъ голосомъ.

— Потому, говоритъ, что онъ дальше бельгійскаго порядка не видитъ ничего.

Тутъ ужъ Валерьянъ Ѳедосеичъ улыбнулся.

— А вашего взгляда, говоритъ, позвольте узнать, какая крайняя точка?

— Никакая, говоритъ, для меня только важна инициатива движенія впередъ.

Валерьянъ Ѳедосеичъ опять улыбнулся.

— Движенія впередъ...—повторилъ онъ:—но, чтобъ двигаться впередъ, для этого, во-первыхъ, надобно знать, куда именно, а во-вторыхъ, тутъ нужно или итти пѣшкомъ, или ѣхать на лошади, или наконецъ по желѣзной дорогѣ, но все-таки дѣло

дѣлать по-человѣчески, и только развѣ какой-нибудь сумасшедшій для этой цѣли велитъ собой зарядить пушку и выстрѣлить имъ въ какое-нибудь пустое пространство, — авось куда-нибудь да долетитъ.

Эта рѣчь нѣсколько озадачила говоруновъ

— Это, помилуйте!..—забормоталъ шаршавый дуралей изъ нихъ:—ставить намъ въ примѣръ западныя государства—значитъ стѣснять нашу народность.

Валерьянъ Ѳедосеичъ вышелъ наконецъ изъ себя (онъ терпѣть не можетъ русскую народность, а больше всего русскаго мужика и вообще простолюдина).

— Вотъ, говоритъ, сейчасъ и видно, что вы говорите съ вѣтру, нахватавши оттуда и отсюда... Въ чемъ состоитъ ваша народность?.. Въ чемъ?.. Говорите!

— Тимъ, тимъ!.. Тлямъ... тлямъ!..—и ничего не сказалъ.— Пѣсни, говоритъ, общинное начало... лѣтописи... — такъ что даже его пріятель офицеръ замѣтилъ ему:

— Нѣтъ, говоритъ, m-r Карпинскій, въ этомъ случаѣ вы заблуждаетесь... Припомните, говоритъ, статью «Темное царство»... Тамъ прямо доказано, что у насъ все нехорошо.

— Да, говоритъ, это правда... согласимся съ этимъ.

— Вся, говоритъ, наша народность, — продолжалъ ужъ Валерьянъ Ѳедосеичъ: — состоитъ въ томъ, чтобы ходить небритымъ, немытымъ и нечесаннымъ, говорить на «о», ѣсть рѣдьку, пить сивуху и какимъ-нибудь осиплымъ голосомъ пѣть глупѣйшія пѣсни; но у насъ есть, благодаря Петру, въ небольшомъ кружкѣ людей образованіе; руководимые ими, мы должны учиться у Европы всему: и наукамъ и общественному устройству, и наконецъ нравственно выдѣлывать себя по образцу европейскаго человѣка.

— Что̀ же, вы хотите,—возражаетъ опять этотъ студентъ:— чтобъ вся наша исторія была передразниваніемъ и гримасою съ того, что̀ тамъ дѣлалось?

— Хоть бы, говоритъ, даже гримасою, потому что она все-таки лучше милаго родного облика; и вмѣсто того, чтобъ хлопотать о какой-то народности, не гораздо ли лучше учиться тому, что̀ есть подъ руками. Вотъ вы, говоритъ, теперь въ университетѣ; на которомъ вы курсѣ и чему вы учитесь?

— Я, говоритъ, даже и не знаю, на которомъ я курсѣ; я учусь не для того, чтобы сдѣлаться ученымъ, а чтобъ образовать изъ себя гражданина.

— Какой же вы будете гражданинъ, когда вы не кончите курса? Вамъ не дадутъ никакого чина и потомъ никакой должности. Что̀ же вы за гражданинъ будете?

— Этого мнѣ и не нужно, говоритъ, была бы во мнѣ иниціатива.

— Подите вы съ вашей иниціативой...—вспылилъ наконецъ Валерьянъ Ѳедосеичъ:—вы не учитесь потому, что для всякой науки надобны извѣстная доля ума и добрая воля, а вы умѣете только, загнувши лобъ, бѣгать изъ дому въ домъ и кричать: начала... иниціатива... — И такъ расходился, что всталъ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и хлопнулъ дверьми.

Тутъ эти господа привязались ужъ ко мнѣ, и офицеръ, между прочимъ, говоритъ:

— Валерьянъ Ѳедосеичъ, говоритъ, сердится; но чему же, скажите Бога ради, учиться? Напримѣръ, хоть бы исторіи: какова она даже въ европейскихъ литературахъ: одинъ ее пишетъ какъ вигъ, другой какъ торій, третій оплакиваетъ старое французское дворянство. Я, конечно, весьма неопытенъ въ подобнаго рода спорахъ,—замѣтилъ онъ.

— Да вамъ,—я говорю:—какъ офицеру, и не надобно учиться исторіи; а занимайтесь военными науками, совершенствуйте постройку мостовъ, крѣпостей, изобрѣтайте новыя пушки.

— Я, говоритъ, войну признаю только ту, которая отстаиваетъ естественныя права человѣка, а не усиливаетъ ихъ.

— Что̀ такое, говорю, вы говорите? Я васъ не понимаю.

— Да, говоритъ, дѣйствительно вамъ трудно насъ понять.

— Европа, говоритъ... — началъ опять этотъ студентъ, огорошенный Валерьяномъ Ѳедосеичемъ:—никогда и ничего ужъ, говоритъ, изъ этой Европы не выйдетъ, потому что въ ней города, села, деревни, все въ ней выстроено не такъ... какъ слѣдуетъ...

— Всю, говорю, значитъ, ее перестраивать надобно?

— Да, говоритъ, сначала надобно мозгъ, кости и мясо европейскаго человѣка перестроить, тогда онъ перестроитъ и города.

— Словомъ, говорю, пересоздать весь міръ... Чортъ знаетъ что̀ такое!..

Всего печальнѣе и досаднѣе въ этомъ глупомъ спорѣ то, что Анна Ивановна впилась и ушами и глазами въ милыхъ ея ораторовъ, такъ что, когда пришли къ ней проститься дѣти, она не хотѣла хорошенько имъ дать руки, а пихнула въ зубы и сейчасъ же проговорила:—«Ступайте, не мѣшайте!». До чего дойдетъ эта женщина, Богу извѣстно. Въ такомъ чинѣ и въ такихъ лѣтахъ позволить себѣ такъ увлекаться всякимъ вздоромъ—непростительно.

Чтобы хоть сколько-нибудь разсѣяться отъ подобныхъ без-

смысленно-глубокомысленныхъ вечеровъ, я ходилъ смотрѣть Леотара въ конномъ представленіи. Вотъ молодецъ, такъ молодецъ. Есть такіе смѣшные люди, которые говорятъ, что смотрѣть на него непріятно: чрезвычайно дѣйствуетъ на нервы, — все равно, что̀ смотрѣть на казнь; а я—такъ, напротивъ, рѣшительно ничего не чувствовалъ. Ну, если бы и шлепнулся—что̀ же такое? Самъ виноватъ, еще интереснѣе было бы представленіе. Былъ потомъ въ театральномъ маскарадѣ. Очень оживленно, хоть и не совсѣмъ благопристойно. Говорятъ, нарочно подсылаютъ разныхъ фигурантовъ и фигурантокъ плясать и ломаться, и которые не усердно исполняютъ это, у тѣхъ вычитаютъ изъ жалованья. Можно себѣ представить послѣ этого, какъ они вытанцовываютъ.

Статскій совѣтникъ Салатушка.

26 февраля 1861 года.

ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ИЗЪ АДА.

Милостивый государь!

Съ тѣхъ поръ, какъ вашъ высокодаровитый предшественникъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій (между нами сказать, гораздо лучше вашего понимавшій вкусы и наклонности русской публики) написалъ столь вѣрную и такъ близко касающуюся земной планеты сцену «Въ аду», съ тѣхъ поръ, говорю я, несмотря на такое широкое развитіе въ вашемъ отечествѣ гласности,—объ «адѣ» и его злоупотребленіяхъ не было сказано ни слова; а сами согласитесь, по вашему же принципу, такія порочныя существа, какъ черти, не должны же быть оставляемы въ покоѣ: ихъ надобно обличать и имена ихъ предавать позору. Въ этомъ случаѣ я рѣшился взять на себя эту великую обязанность и, какъ вы увидите изъ моей коротенькой біографіи, имѣю на это нѣкоторое право: во-первыхъ, до сихъ поръ—я ничтожнѣйшее существо въ «аду». Пробовалъ-было сначала служить, и вся служба моя состояла въ томъ, чтобъ записывать прибывающихъ въ «адъ» грѣшниковъ, съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ, чина и званія, но не могъ. Скучно показалось, да и умишка, откровенно сказать, не совсѣмъ хватило. Занялся потомъ торговлей и поступилъ въ приказчики къ чорту, торгующему въ «аду» каменнымъ углемъ. Товаръ этотъ, по потребленію своему въ «аду», развѣ можетъ только равняться вашей водкѣ, потому что, кромѣ частнаго употребленія каждымъ чортикомъ въ потѣху себѣ, онъ забирается и правительствомъ, для поджиганія грѣшниковъ, въ страшнѣйшемъ количествѣ и по цѣнамъ, не уступающимъ вашимъ севастопольскимъ цѣнамъ. Мѣсто было прекрасное, но я, по благородству своего характера, не только не нажилъ себѣ ничего, но даже, захвативъ часть хозяйскихъ денегъ, промоталъ ихъ—и меня прогнали. При такихъ стѣснитель-

ныхъ обстоятельствахъ, я съ нѣсколькими подобными мнѣ товарищами, желая показать, что мы—изъ самыхъ передовыхъ чертей и раздѣляемъ вполнѣ современныя понятія, образовали изъ себя легіонъ и, принявъ образъ мулатовъ, отправились въ Америку освобождать негровъ. Пріемъ былъ восхитительный! Дамы осыпали насъ цвѣтами, мужчины пили наше здоровье. Но этотъ проклятый Макъ-Клаганъ невдолгѣ такъ насъ отчесалъ, что я первый далъ тягу. Я вообще, долженъ сказать, чортъ осторожный: принять нѣсколько палочныхъ ударовъ за идею я готовъ и перенесу это съ полнѣйшимъ спокойствіемъ; но чтобъ жизнью пожертвовать, — никогда! Воспользовавшись обычаемъ американскихъ солдатъ выходить въ отставку, когда имъ угодно, хоть бы даже въ самый пылъ сраженія, я, придравшись будто бы къ неполной выдачѣ кофейной порціи, уволилъ себя и возвратился вспять, на родину. Не могу описать вамъ моего озлобленнаго состоянія; всѣ чертовскія страсти меня волновали каждоминутно: мнѣ хотѣлось и золотыхъ роговъ... хотѣлось прослыть тѣмъ поэтическимъ демономъ, который такъ прекрасно, хоть и безъ всякаго смысла, клянется у вашего Лермонтова... хотѣлось наконецъ быть, по крайней мѣрѣ, бездарнымъ дьяволомъ Фридерика Сулье и разойтись по свѣту въ такомъ пріятномъ количествѣ экземпляровъ; но до сихъ поръ ничего этого нѣтъ, и потому можете судите, до какой степени я, снѣдаемый завистью и злобой, сталъ чутокъ къ порокамъ дьяволовъ: каждое ихъ тщехвальное поматываніе роговъ, каждый самодовольный взмахъ хвостомъ, каждое корыстолюбивое запусканіе ихъ лапы во что бы то ни было пріятное для чертей меня раздражаетъ до бѣшенства. Будьте столько великодушны, дайте мѣсто на страницахъ вашего журнала излиться всей моей злобѣ.

Я въ этомъ случаѣ—не безпокойтесь—не буду похожъ на вашихъ земныхъ обличителей, не впаду въ мелочи и буду брать самыхъ крупныхъ лицъ, уже отчасти извѣстныхъ русской публикѣ изъ «Большого выхода сатаны». Начну съ Астарота, чорта-политика (читателю, можетъ-быть, неизвѣстно, что обязанность чорта-политика совершенно противоположна обязанности лорда Пальмерстона, который, къ искреннему неудовольствію всего «ада», почти въ каждой рѣчи своей говоритъ, что всѣ его старанія направлены къ сохраненію мира между человѣчествомъ. Политикъ-чортъ, напротивъ, долженъ заводить какъ можно больше войнъ и доставлять такимъ образомъ грѣшниковъ въ «адъ»).

Надобно сказать, что предшественникъ, по службѣ, Астарота, такъ блистательно начавшій свое политическое поприще

изобрѣтеніемъ Магомета и напускомъ дикихъ и фанатическихъ племенъ на философствующую Грецію, дѣйствовалъ и потомъ превосходно: одна тридцатилѣтняя война доставила «аду» нѣсколько милліоновъ душъ, котому что каждый убитый на полѣ сраженія лютеранинъ, по католическому ученію, попадалъ въ «адъ», и наоборотъ: каждый католикъ, по Лютеру, тоже шелъ къ намъ. Совершивши такіе подвиги, старикъ, разумѣется, поусталъ—даже, можетъ-быть, позалѣнился немножко; но въ «аду», точно такъ же, какъ у васъ на землѣ, сейчасъ воспользовались этимъ, и пошли противъ него козни, интриги, и наконецъ нынѣшній политикъ, Астаротъ, подалъ сатанѣ проектъ объ образованіи французской революціи. Вы не можете вообразить себѣ того восторга, когда была читана записка по этому предмету въ присутствіи сатаны и при многочисленнѣйшемъ стеченіи чертей. Ожидали самыхъ блестящихъ результатовъ, и вначалѣ, дѣйствительно, шло недурно: якобинцы и монтаньяры душили своихъ и отчасти самихъ себя въ весьма удовлетворительномъ для «ада» количествѣ; а потомъ корсиканецъ пошелъ ужъ на всю Европу съ проповѣдываніемъ «новыхъ вооруженныхъ идей», которыя, впрочемъ, доѣхали только до рейнскихъ провинцій, а дальше ужъ шли одни штыки и солдаты. Затѣмъ русскій морозъ въ сентябрѣ, переправа черезъ Березину, битва при Ватерлоо—были послѣдними его порядочными дѣлами, а дальше мы только и видимъ, что инерція да инерція, потому что, какъ хотите, господа, а ваша крымская кампанія и послѣдняя итальянская, въ смыслѣ дьявольскаго творчества—весьма слабыя созданія. Какъ это можно, помилуйте! Довесть итальянцевъ и французовъ до четыреугольника и остановить на томъ. Для чего же, послѣ этого, какъ не для рѣзни, и устроенъ и усовершенствованъ этотъ четыреугольникъ? Не Австрію же, въ самомъ дѣлѣ, охранять — велика до нея надобность чертямъ! Крѣпости, по нашимъ чертовскимъ внушеніямъ, для того именно и строятся, чтобъ больше на нихъ лѣзло простаковъ и убивалось, а другая ихъ часть внутри бы ихъ съ голоду умирала—и, доведя до такого прекраснаго пункта такія двѣ храбрыя арміи, вдругъ остановить, тогда какъ, не говоря ужъ объ итальянцахъ, сколько бы французовъ pour la gloire de la France легло на полѣ сраженія и проклинаемые, по австрійскому конкордату, папой, прямо бы попали къ намъ. Все это, впрочемъ, еще нѣсколько сносно; но что̀ ужъ теперь происходитъ, мнѣ даже и говорить совѣстно: видимо, что Астаротъ поддерживаетъ интересы католическаго Рима.

Объ этомъ обстоятельствѣ я дѣлалъ донесеніе сатанѣ — не

знаю, какія будутъ послѣдствія; или наконецъ въ этой Америкѣ, что̀ это такое? чего онъ держится, спросите его: хлопка или негровъ? и зачѣмъ наконецъ затушаетъ дѣло «Трента»? Словомъ, этотъ господинъ, занимая такой важный постъ, видимо, не имѣетъ никакихъ ясныхъ понятій о своихъ обязанностяхъ, никакой энергіи въ исполненіи своихъ плановъ. Этакихъ властителей уже у васъ, на землѣ, начинаютъ смѣнять,— какъ же въ «аду»-то, при такой обширности управленія, можно допускать это.

Послѣ политики, конечно, ужъ одно изъ важнѣйшихъ орудій, которыми сатана властвуетъ надъ землей, это есть журналистика. Первый лордъ-дьяволъ ея тотъ же Бубантусъ *), имѣющій совершенно противоположное назначеніе вашимъ земнымъ журналистамъ, такъ справедливо, особенно у васъ въ Россіи, считаемымъ за безкорыстныхъ просвѣтителей рода человѣческаго. Бубантусъ, какъ блестящій затмеватель всякаго здраваго смысла, выводитель и распространитель по большей части того, что̀ мелко, лживо, бездарно, необразованно и дерзко, можетъ-быть, въ глазахъ «ада» имѣетъ огромную заслугу; но все-таки я долженъ сказать, что онъ нечестно и эгоистично поступаетъ въ отношеніи ближайшихъ бы, кажется, помощниковъ своихъ — чорта словесности и чорта наукъ. Изъ своихъ корыстолюбивыхъ расчетовъ, онъ, съ одной стороны, преслѣдуетъ ихъ, а съ другой — профанируетъ, и не знаю, замѣчаете ли вы или нѣтъ, но у васъ, на землѣ, одна только Англія, давши Бубантусу приличное ему мѣсто, не поддается ему окончательно, да и самъ онъ тамъ хоть не совсѣмъ честенъ, но гораздо умнѣй и основательнѣй. Во Франціи онъ почти въ услуженіи у Персиньи, и наконецъ оглядитесь, господа, около себя повнимательнѣй и поймете, что̀ въ вашемъ отечествѣ надѣлалъ Бубантусъ. Извѣстно ли вамъ, что онъ скверными, грязными продѣлками способствовалъ дуэли Пушкина, изнурилъ и вогналъ въ чахотку журнальной работой Бѣлинскаго, очень хорошо понимая, что въ этихъ двухъ душахъ горѣлъ свѣтильникъ истинной мысли и истиннаго чувства мѣры и красоты, и потомъ, съ такимъ небывалымъ успѣхомъ въ Россіи, распространилъ въ 55-мъ и 56-мъ годахъ «Русскій Вѣстникъ»—журналъ весьма почтенный, но, уже сами согласитесь, совершенно равнодушный къ изящной литературѣ. Но въ немъ, по крайней мѣрѣ, Бубантусъ находился въ очень честныхъ и благородныхъ отношеніяхъ съ чортомъ политики и чортомъ науки, и втроемъ они дѣйствительно дѣлали серьезное дѣло; но ужъ потомъ какую баламу-

*) Смотри „Новоселье“—„Большой выходъ сатаны“.

тицу онъ завелъ,—такъ даже мы, черти, удивляемся. Критическія статьи «Современника», напримѣръ, читаются передъ сатаною, какъ обвинительные акты на бѣднаго чорта словесности, такъ что повелитель ада, болѣе принадлежащій, по своей натурѣ, къ публицистамъ, чѣмъ къ эстетикамъ, взбѣсился на того.

— Какъ, говоритъ, ты, каналья, позволилъ поэтамъ писать такія стихотворенія, какъ «Поэтъ и чернь»?

— Стихи-то, говоритъ, ужъ, ваша мрачность, очень мнѣ его нравились, да и при томъ такъ скромно кончались: «какое дѣло поэту мирному до васъ».

— Молчи!.. Посадить его въ одно пекло съ Шекспиромъ и Лессингомъ!

Хорошо и сатана-то понимаетъ вещи: онъ полагаетъ, для того, чтобы угодить Бубантусу и вашей современной публикѣ, надобно писать, какъ Шекспиръ, и хлопотать о томъ, о чемъ хлопоталъ Лессингъ. Вслѣдствіе такого въ высшей степени несправедливаго ареста чорта словесности, у васъ на землѣ уже нѣсколько лѣтъ не появлялось ни одной критической статьи, имѣющей хоть какую-нибудь цѣну, а только и слышались скорѣй какіе-то подземные вздохи, чѣмъ ясныя, опредѣленныя рѣчи. Но вотъ, года съ полтора, его выпустили изъ заточенія. Но—да откуситъ мнѣ хвостъ послѣдняя собака!—въ какомъ жалкомъ и несостоятельномъ видѣ онъ явился: при всѣхъ своихъ благородныхъ стремленіяхъ силящійся сказать что-то такое, но вмѣсто того издающій одинъ только тоскливый хрипъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе, вѣроятно, своего безсилія, нѣсколько прихваливающій свой недорогой товаръ! Не зная рѣшительно, что̀ съ собой дѣлать, онъ на нѣкоторое время вселился въ одного эстетическаго критика, притворился человѣкомъ съ глубокими страстями и глубоко чувствующимъ, произвелъ съ нимъ по Петербургу нѣсколько блестящихъ бѣснованій и наконецъ бѣжалъ съ нимъ въ Брынскіе лѣса, гдѣ и передалъ его чорту педагогіи, возвратился въ Петербургъ и сдѣлался главнымъ сотрудникомъ журнала «Время». Добрый и умный, какъ и прежде, онъ безпрестанно почти противорѣчитъ себѣ и почти-что договаривается до безсмыслицы въ родѣ непосредственнаго творчества.

Точно такъ же, какъ противъ чорта словесности, Бубантусъ поступаетъ и противъ чорта науки.

Чтобы повредить ему, Бубантусъ, по всѣмъ такъ называемымъ ученымъ рубрикамъ журналовъ, по преимуществу пустилъ въ ходъ двѣ науки, политическую экономію и педагогію, которыя собственно и науками назвать нельзя, такъ какъ пер-

вую надобно перестраивать послѣ каждаго голоднаго года и финансоваго кризиса, а вторую для каждаго мальчугана писать особенную; а наукамъ естественнымъ, которыя дѣйствительно дѣло дѣлаютъ для человѣчества, отводитъ самые нераспространенные журналы и, мало еще того, дѣлаетъ по случаю ихъ на чорта наукъ доносъ сатанѣ, что будто бы тотъ къ тому наконецъ доведетъ естествознаніе, что и ихъ, чертей, совсѣмъ не будетъ. Можете себѣ представить, какъ взбѣсился повелитель ада! «У предмѣстника твоего, говоритъ, каналья, цѣлая наука, черная магія, была замѣшана на чертахъ, а ты что дѣлаешь?» Чортъ наукъ, чтобъ какъ-нибудь спастись, только и пропищалъ: «И я готовъ, и я готовъ»—и вслѣдъ затѣмъ отправился въ Америку и напустилъ оттуда въ человѣческія головы чепухи въ родѣ столоверченія, и наконецъ, принявши образъ Юма, проѣхалъ по Европѣ и даже былъ у васъ въ Петербургѣ.

Изъ этого краткаго перечня можете видѣть, до какой степени Бубантусъ, когда ему дали такъ болѣзненно развиться, старался постоянно вредить чорту науки и чорту словесности; но онъ, мало того, завербовалъ себѣ и чорта браковъ, поднявъ такъ называемый вопросъ объ эмансипаціи женщинъ, и сначала пустилъ это чрезвычайно ловко, посредствомъ чорта словесности, въ произведеніяхъ вашей прекрасной писательницы Жоржъ-Зандъ. Она описывала такихъ прелестныхъ, такихъ ангелоподобныхъ женщинъ, что имъ дѣйствительно можно было позволить все дѣлать. Но ваши земныя женщины, сами вы согласитесь, немножко вѣдь пониже сортъ! Имъ можно кой въ чемъ и отказать. И какъ вѣдь, шельма, тонко прикрылъ этотъ вопросъ! Насовалъ такія фразы, что женщинамъ надо дать право быть и полководцами и первыми министрами, и вести банкирскія дѣла, забывъ то, что не было еще на свѣтѣ ни одного полководца, не состоявшаго подъ командою женщины, ни одного тонкаго политика, который бы частью своихъ тонкостей не былъ одолженъ женщинѣ, и ни одного собирателя богатствъ, который бы копилъ ихъ не для женщинъ. Расчетъ тутъ былъ тотъ, что передовые люди по этому вопросу всегда будутъ холостые, которымъ очень удобно любить вашу жену, которую вы кормите, одѣваете, сносите всѣ ея капризы, а онъ получаетъ только удовольствіе, а иногда даже и деньжонки. Другая половина человѣчества — это мраколюбцы женатые, которые никакъ не могутъ понять наслажденія—стоять на той нравственной высотѣ, на которой, напримѣръ, стоитъ Соковнинъ, и прямо необразованные скоты, какъ какой-нибудь Отелло, говорятъ: «Милостивый государь,

если эта госпожа вамъ очень нравится, такъ не угодно ли вамъ совсѣмъ уже взять ее отъ меня, въ противномъ случаѣ, если вы будете оба наслаждаться на мой счетъ, такъ я васъ выброшу въ окно». Чортъ браковъ, руководствуемый такимъ образомъ Бубантусомъ, ожидалъ самыхъ блестящихъ послѣдствій отъ этого противоположнаго нравственнаго сопротивленія, ожидалъ, что въ каждомъ домѣ будетъ шумъ, крикъ, безпрерывныя дуэли, смерть отъ любви; но — увы!—чортъ финансовыхъ кризисовъ и акціонерныхъ компаній испортилъ все дѣло, нанесъ на все такія цѣны, что не только что любить, но и ѣсть стало не на что. Самая пылкая женщина очень хорошо поняла, что ея варваръ-мужъ не дастъ ей денегъ на удовлетвореніе страстнаго сердца, такъ какъ въ послѣднее время онъ видимо ужъ отказываетъ ей даже въ болѣе законныхъ требованіяхъ, какъ, напримѣръ, въ шляпкѣ, бурнусѣ, тогда какъ у m-r, qu'elle pourrait aimer, какъ она тоже очень хорошо знала, совершенно нѣтъ денегъ, и потому—какъ это ни грустно, но зачѣмъ мѣнять вѣрное на невѣрное: «Я была мужу вѣрна и останусь вѣрною; а этого шатуна въ пестрыхъ штанахъ (т.-е. ея обожателя) не велите и принимать: онъ все варенье у меня съѣлъ»,—со скрытымъ вздохомъ говоритъ она своей любимой горничной дѣвушкѣ и вслѣдъ затѣмъ принимается самымъ старательнымъ образомъ повѣрять мѣсячный расходъ. Гораздо правильнѣе и самозабвеннѣе дѣйствуютъ жены и дочери совсѣмъ бѣдныхъ людей. О! онѣ готовы пожертвовать для васъ всѣмъ. На вопросъ итальянки Майкова: гордилась ли бъ она любви своей позоромъ?—можно смѣло отвѣчать: гордилась бы! Но въ этомъ случаѣ самые молодые люди показываютъ гораздо менѣе страсти, чѣмъ въ отношеніи женщинъ богатыхъ. Они начинаютъ представлять изъ себя разочарованныхъ, говоря, что имъ все уже надоѣло, что любить они не могутъ, и сейчасъ постараются шмыгнуть въ домъ, гдѣ лучше освѣщено и гдѣ лучше кормятъ, словомъ, вмѣсто ожидаемыхъ скандаловъ, холодъ и приличіе повсюду!

Боюсь далѣе утомлять васъ и имѣю честь быть и пр.

1862 года, января 18.

ФЕЛЬЕТОНЫ НИКИТЫ БЕЗРЫЛОВА.

I.

Участь фельетониста.—Госпожа Гебгартъ съ собачкой и академія художествъ съ маскарадомъ.—Возвращеніе г-на Бурдина на сцену.—Эмансипація дѣтей.—Гг. Ѳедоровъ и Вольфъ.—Предвозвѣщеніе новой зари для дамъ.—Неблагодарность людская.—Новое литературное чтеніе и новый спектакль.

Въ противоположность нашему другу, юному фельетонисту, такъ обширно и о такихъ высокихъ предметахъ разсуждающему, я, старый фельетонистъ — истасканный, истрепанный, какъ старая кляча... Фельетоны мои въ высшей степени пошлы; но если бы читатель зналъ, съ какимъ трудомъ выжимаю я ихъ изъ моей головы, онъ бы къ нимъ питалъ болѣе сочувствія. Вотъ и теперь: пиши, говорятъ,—а у меня и въ головѣ рѣшительно ничего нѣтъ, да на бѣду еще вчера выпилъ: она, проклятая, трещитъ... но дѣлать нечего, не я первый, не я послѣдній; пущусь на авось. Начинаю: «При развитіи общества изъ самого себя, при столь разнообразныхъ вкусахъ, всѣмъ этимъ, такъ сказать, законнымъ требованіямъ...»—а дальше и не знаю, къ чему бы все это свести... Больше нечего, какъ сказать: «всѣмъ этимъ требованіямъ соотвѣтствуетъ и масса удовольствій: начиная съ собачки г-жи Гебгартъ (г-жа Гебгартъ—рѣшительно наша фельетонная благодѣтельница... при всей скудной платѣ, мною получаемой, я около двухсотъ рублей въ годъ на нее выписываю—ну, и отъ нея тоже кое-что перепадаетъ. Продолжаю однако): «начиная съ собачки г-жи Гебгартъ, никакъ не уступающей третьягодняшней ея собачкѣ (нынѣшняя, говорятъ, когда вы чихнете, такъ дѣлаетъ вамъ книксенъ), начиная съ этого милаго творенія до высоко-изящнаго маскарада художниковъ, — все есть! Что̀ касается послѣдняго удовольствія, то оно не совсѣмъ обыкно-

венно въ Петербургѣ. Представьте себѣ почти тысячную толпу масокъ, и какихъ масокъ! Русскую вѣдьму, русскаго дурака, фей, королевъ, мороженщика, лампу и даже, говорятъ, перчатку; наконецъ, въ заключеніе всего этого, арлекинаду, сочиненную гр. Сологубомъ и представляющую борьбу живописи съ фотографіей. Сначала они ссорятся, а потомъ ихъ миритъ амуръ— мужчина вершковъ десяти росту и въ два охвата толщины». Ничего этого, читатель, я, конечно, не видалъ и, можетъ-быть, страшнѣйшимъ образомъ вру; но что жъ дѣлать, всѣ мы вѣдь такъ пишемъ: мы даже книги разбираемъ, не читая ихъ, а услышишь, какъ кто-нибудь поумнѣе скажетъ что-нибудь о какой-нибудь книгѣ, сейчасъ это и запишешь.

Въ театрахъ я тоже не бывалъ и не бываю и въ настоящемъ случаѣ могу только поздравить читателя съ пріятною новостью, что на сцену Александринскаго театра снова возвратился и вступилъ нашъ высокодаровитый артистъ Бурдинъ. Нужно ли говорить о громѣ рукоплесканій, которымъ былъ привѣтствуемъ отъ публики сей милый артистъ? Есть слухи, довольно достовѣрные, что въ нынѣшній сезонъ онъ будетъ играть «Короля Лира». Его прекрасная наружность какъ нельзя болѣе пойдетъ къ величественной осанкѣ короля-изгнанника...

Впрочемъ, Богъ съ нимъ, со всей этой суетой людей взрослыхъ; обращусь лучше, по случаю наступленія праздниковъ и елокъ, къ невинному и юному человѣчеству.

Милыя дѣти!—восклицаю я:—вы живете въ счастливое для вашего возраста время: слышали ли вы, что въ воскресныхъ школахъ разнымъ замарашкамъ — мальчикамъ и дѣвочкамъ, по правиламъ великаго педагога и сердцевѣда Павлова, говорятъ: *вы?*.. Что за дѣло, что эти глупыя созданьица вовсе не понимаютъ этой вѣжливости, и даже она ихъ больше пугаетъ, и что они гораздо лучше учатся у какого-то крикуна-помѣщика и полковыхъ унтеръ-офицеровъ, чѣмъ у самыхъ современныхъ молодыхъ; всѣ эти маленькія противорѣчія ничего не значатъ: былъ бы соблюденъ законъ гуманности. Собственно о васъ и говорить нечего: вамъ, конечно, очень хорошо извѣстно, что васъ совершенно ужъ не будутъ сѣчь, и если какой-нибудь варваръ-родитель, а еще возможнѣе того— варварка-родительница вздумаетъ, по своимъ грубымъ привычкамъ, васъ подсѣчь, вы можете прибѣгнуть къ благодѣтельному средству гласности и напечатать о нихъ. «Да насъ и такъ не сѣкутъ, — отвѣчаете вы: — но намъ бы хотѣлось игрушекъ, ѣхать бы въ Гостиный дворъ, накупить бы тамъ книжекъ, картинокъ...» Желаніе ваше совершенно законно, и

ваши родители, проникнутые такимъ глубокимъ попеченіемъ о васъ, конечно, не откажутъ вамъ въ подобныхъ пустякахъ. «Ахъ! Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ!—восклицаете вы:—мой папенька всѣ деньги затратилъ на акціи, которыя теперь даромъ не берутъ; а мой папенька служитъ въ конторѣ, которая теперь уничтожается, и остается за штатомъ; а мой папенька издаетъ журналъ, у котораго въ нынѣшній годъ полтора подписчика; а моя маменька, вмѣсто шести тысячъ рублей серебромъ, получила изъ деревни только письмо отъ старосты». Такъ, прекрасно: все это я понимаю; но какое вы выведете изъ всего этого заключеніе? Во-первыхъ, то, что вамъ надобно быть умнѣе вашихъ папенекъ и маменекъ, не лѣзть въ дѣла, которыхъ не понимаешь, не дѣлать изъ себя только чиновника, ни на что болѣе, кромѣ службы, не способнаго, не надѣяться на мужицкіе оброки. «А развѣ папаши и мамаши наши виноваты, что ихъ такими дѣлали?»—спрашиваете вы, въ вашей невинной простотѣ. «Виноваты,—отвѣчаю я.—Всякій человѣкъ, по плохому ли темпераменту, по невѣжеству ли своему, но всегда виноватъ въ томъ, что̀ съ нимъ дѣлаютъ. Вамъ тоже, вѣроятно, попадетъ въ жизни много тасокъ и трепокъ, и хоть положено васъ въ дѣтствѣ не подсѣкать, но я никакъ не ожидаю, чтобы изъ васъ вышли львы; вы тѣ же еще ослята, и потому запасайтесь побольше терпѣніемъ; не хватайтесь за большое, а дѣлайте пока маленькое, но хорошенько: кто, напримѣръ, въ вашемъ отечествѣ написалъ больше всѣхъ скверныхъ дѣтскихъ книжекъ? — Борисъ Ѳедоровъ. Такъ... Но кто больше всѣхъ распродалъ прекрасныхъ дѣтскихъ игрушекъ? — Маврикій Вольфъ. Одинъ не по силамъ взялся за очень серьезное дѣло и не достигъ успѣха, а другой дѣлалъ маленькое дѣло—и нажилъ деньги.

Та же высокая гуманность, окрестившая всѣхъ черномазыхъ мальчиковъ въ *вы* и избавившая всѣхъ навсегда отъ розогъ, заботится также и о вашихъ маменькахъ.—«У васъ, напримѣръ, Костя Пимасовъ, папенька строгъ?»—«Строгъ!»—«А у васъ, m-lle Marie, тоже?»—«Тоже строгъ».—«И у васъ, Петя Жуковъ?»—«О, нѣтъ! У меня маманъ папу иногда цѣлуетъ, а иногда и по щекамъ бьетъ». — Прекрасно: къ вашему возрасту, т.-е. когда вы сдѣлаетесь мужьями, вы всѣ должны будете походить на папеньку Жукова, и, по ученію эмансипаціи, вамъ предстоятъ еще нѣкоторыя другія подробности, которыя вы теперь дѣтскимъ вашимъ умомъ и не поймете еще: у вашей супруги будетъ тогда, во-первыхъ, вы — мужъ, во-вторыхъ, любимый ею любовникъ, въ-третьихъ, любовникъ, который ее любитъ. Въ отношеніи Петербурга, въ этомъ

правѣ, вѣроятно, воспослѣдуютъ весьма маленькія измѣненія: въ лицѣ любящаго любовника всегда долженъ быть начальникъ ея мужа, а въ особѣ любимаго любовника — молодой подчиненный, какой-нибудь коллежскій секретарь или поручикъ, болѣе крѣпкій тѣломъ, чѣмъ духомъ.—Дальше мнѣ, конечно, слѣдовало говорить объ литературѣ, но, съ одной стороны, я и не понимаю этого дѣла нисколько, да и не слыхалъ ни отъ кого ничего. Побѣгу на Невскій, по книжнымъ магазинамъ, не услышу ли тамъ чего-нибудь. Обѣгалъ. Тургеневъ, говорятъ, написалъ новый романъ «Отцы и дѣти», Островскій — драму «Мининъ», Гербель ничего не написалъ, подписка вездѣ идетъ подлѣющая: всѣ, кажется, только и жаждутъ читать, что «Сынъ Отечества».

Вотъ, почтенные читатели, все, что̀ я зналъ; но сами согласитесь, что этого слишкомъ мало для мѣсячнаго фельетона, и потому я, по необходимости, долженъ врать. Начинаю:

«Говорятъ, въ видахъ освобожденія петербургскихъ собакъ отъ намордниковъ, будетъ данъ литературный вечеръ съ такого рода объявленіемъ, что «вотъ-де мы, литераторы, глубоко сознавая, до какой степени наши произведенія, наши физіономіи, наши голоса даже надоѣли почтеннѣйшей публикѣ, и не желая уже въ настоящемъ случаѣ болѣе испытывать ея великодушнаго терпѣнія, предложили заявить ей свои новыя, не совсѣмъ, можетъ-быть, ей извѣстныя качества. Программа новаго литературнаго вечера будетъ такова: 1) Гг. Майковъ и Дружининъ, по своему геркулесовскому тѣлосложенію, будутъ представлять забавы великановъ, т.-е. кидать трехпудовыми шарами, подымать двѣнадцатипудовыя палицы, останавливать за одно колесо четверку лошадей. Гг. Писемскій и Аскоченскій, въ самой задушевной между собою бесѣдѣ, будутъ первоначально предаваться около четверти часа размышленіямъ, а потомъ соленымъ судакомъ станутъ подкрѣплять свои бренныя тѣла, при чемъ, по преимуществу, г. Писемскій будетъ съ истиннымъ восторгомъ запивать эту скудную пищу чистой невской водой, кидая взоры презрѣнія на стоящія невдалекѣ отъ него ростбифъ, устрицы, портеръ и портвейнъ. Г. Панаевъ, съ полнѣйшимъ спокойствіемъ джентльмена, будетъ, въ присутствіи всей публики, считать свои, собственно ему принадлежащія, 500.000 р. сер., а г. Некрасовъ, по своей столь глубоко переживаемой любви къ бѣднымъ и несчастнымъ, будетъ съ самоуслажденіемъ играть съ выгнаннымъ кадетомъ въ свои козыри, и даромъ. Г. Гончаровъ, окруженный племянниками и внучатами, будетъ первымъ раздавать деньги, а вторыхъ держать и баловать у себя

на колѣняхъ, кормить ихъ манной кашей, при чемъ она будетъ падать ему на брюки, и все это онъ будетъ принимать съ величайшимъ наслажденіемъ. Съ г. Гербеля будутъ рисовать портретъ Виктора-Эммануила. Г. Никитенко будетъ читать рѣчь о простотѣ слога. Г. Краевскій будетъ своимъ мелодическимъ голосомъ пѣть романсъ собственнаго сочиненія:

О, сколь душою нѣжной
Я человѣчество любилъ.

Газета «День», не желая имѣть съ петербургскими литераторами ничего общаго и въ то же время стремясь, въ укоръ сѣвернымъ славянамъ, представить южнаго славянина и патріота, намѣрена передѣлать повѣсть Тургенева «Наканунѣ» въ драму и поставить ее на сцену, при чемъ роль Инсарова будетъ исполнять г. Палаузовъ, мужчина далеко не безъ пріятностей для женскаго пола».

Однако сжалься, читатель!.. Врать даже больше не могу! Хоть ради праздника Христова извини и позволь этотъ день провести въ семействѣ съ дѣтьми, а не окаяннымъ образомъ писавши фельетонъ.

Старая фельетонная кляча,
Никита Безрыловъ.

II.

Отвѣтъ Писемскаго*).

Предоставивъ фельетонисту «Библіотеки для Чтенія» вѣдаться со своими противниками, я всѣ ругательства, помѣщенныя въ «Искрѣ» и касающіяся собственно меня и моихъ убѣжденій, отдаю на судъ публики, которой, смѣю думать, достаточно уже извѣстны и мои симпатіи и мои антипатіи. Какъ ни слабы мои труды, но моимъ непотворствомъ ни вправо ни влѣво я—полагаю—заслужилъ честное имя, которое не будетъ почеркнуто въ глазахъ моихъ соотечественниковъ взмахомъ пера какихъ-то рьяныхъ и неизвѣстныхъ мнѣ оскорбителей моихъ.

А. Писемскій.

III.

Отвѣтъ Никиты Безрылова своимъ врагамъ—фельетонисту «Сѣверной Пчелы» и хроникеру «Искры».

Непрекрасныя маски! За что вы такъ на меня разсердились за мой фельетонъ?—Вы говорите, что за мою отсталость. Нѣтъ, неправда! Вы инстинктивно почувствовали во мнѣ обличителя вашего, вы поняли, что я, какъ бы открывая мою душу и сердце читателю, въ то же время срываю съ васъ и

*) На нападки «Искры» и другихъ изданій по поводу предыдущаго фельетона.

съ вашихъ товарищей по ремеслу личину. У васъ такъ же, какъ и у меня, передъ тѣмъ, какъ вы садитесь писать, въ головѣ ничего нѣтъ, вы такъ же, какъ и я, пишете о томъ, чего не понимаете, описываете то, чего не видали. Всему этому я могъ бы привести море фактическихъ доказательствъ. Я прямо и открыто говорю, что я, можетъ-быть, и вру, потому что тамъ-то и тамъ-то не былъ, а гдѣ и былъ, такъ не могъ настоящимъ образомъ хорошенько уразумѣть; а вы все это дѣлаете и только скрываете, и даже вотъ теперь, скрывая истинную причину вашей на меня злобы, вы вздумали меня поддѣть насчетъ воскресныхъ школъ, но—увы!—эта штука стара, ее оставить пора: итти противъ хорошихъ началъ можетъ развѣ какой-нибудь мономанъ. Но другое дѣло, какъ эти начала прилагаются въ самомъ обществѣ, и громадная разница между нами въ томъ и состоитъ, что для васъ достаточно фразъ, которыми вы могли бы наполнять ваши словоизліянія, а для Никиты Безрылова, худъ ли, хорошъ ли онъ, надобно дѣло. Я радикалъ, а вы шарлатаны-докторишки: замазавши больному то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ общее разстройство организма, вы увѣряете его, изъ личныхъ вашихъ выгодъ, что онъ уже здоровъ; и понимаете ли вы, какъ человѣкъ съ нефельетонной душой, не развращенной до тла, въ которомъ осталась еще кровь и сердце, для котораго только одна правда имѣетъ высокую цѣну, какъ онъ долженъ бѣситься, мучиться, терзаться, когда вотъ ужъ около десяти почти лѣтъ онъ только и слышитъ около себя слова, слова, слова и ни на вершокъ дѣла. Знаете ли вы, съ какимъ замираніемъ сердца мы прошлаго года, когда все потянулось въ воскресныя школы, думали: Господи, да не будетъ это одной только модой, а дѣломъ прочнымъ! И вотъ прошло не болѣе полутора года, и наши предчувствія оказались въ высшей степени справедливыми: школы, за исключеніемъ весьма немногихъ, куда, видно, сошлись настоящіе дѣятели, почти ужъ пустѣютъ учителями, и васъ не поворачиваетъ отъ мысли жить и дѣйствовать посреди такого несостоятельнаго общества! Что касается до «вы» и «ты», то пусть ведутъ меня на плаху, я все-таки буду говорить, что это одна изъ наихитрѣйшихъ нѣмецкихъ выдумокъ, изобличающая полнѣйшее незнаніе и народа и дѣтей. Вглядитесь въ семейную жизнь: развѣ хорошій отецъ станетъ сыну говорить «вы»? Ребенка органически нельзя насиловать и поднимать, но можно и должно до него снисходить. Крикунъ-помѣщикъ и отлично учащіе грамотѣ унтеръ-офицеры—факты, въ которыхъ я столько же виноватъ, какъ и въ вашемъ, напримѣръ, замѣтно узкомъ міро-

пониманіи, ради обличенія котораго я собственно и выставилъ съ одной только извѣстной стороны эмансипацію женщинъ, и твердо увѣренъ, что и вы и то общество, которое восхищается «Подводнымъ камнемъ», иначе ее не понимаютъ, и когда вы, въ вашей статьѣ, восклицаете про мою статью: «о, тупое непониманіе!», то дѣлаете это такъ только, для форсу, чтобы бросить пыль въ глаза публикѣ. Говорите, отвѣчайте мнѣ сейчасъ же, не сходя съ мѣста: что̀ вы еще понимаете въ эмансипаціи женщинъ? И ничего не скажете, а прежде должны сбѣгать къ какому-нибудь вашему патрону, который бы васъ поднаучилъ, и такимъ образомъ, не зная въ сущности ничего, схвативъ все съ вѣтра, и наконецъ вездѣ и во всемъ трубя съ чужого голоса и не понимая еще хорошенько этого голоса, если онъ нѣсколько посерьезнѣе и поумнѣй, вы это называете общественною дѣятельностью, подите вы!—Да замкнутся мои очи отъ видѣнія васъ когда-нибудь, мои уши—отъ слушанія васъ. Вы говорите, что я подвергнулъ насмѣшкѣ литературныя чтенія. Позвольте! Литературныя чтенія — прекрасное дѣло; но если ихъ въ годъ будутъ давать по сту и если будутъ читать по большей части одни и тѣ же литераторы и передъ одной и той же публикой, какъ хотите, они потеряютъ свое значеніе, что̀ отчасти уже и есть; а между тѣмъ эти чтенія были первоначально учреждены для Литературнаго Фонда, для котораго они могли бы быть одной изъ главнѣйшихъ поддержекъ, и гг. литераторы, имѣвшіе удовольствіе иногда читать передъ пустой залой, очень хорошо поняли все, на что я билъ и чего вы не уразумѣли — вините себя! Не понимать смѣха—чисто-органическій недостатокъ, почти равняющійся непониманію вкуса въ пищѣ. Къ вящшей досадѣ вашей, я къ Святой недѣлѣ составлю проектъ новаго чтенія, въ пользу бездарныхъ фельетонистовъ, окончательно прогнанныхъ изъ всѣхъ журналовъ, вслѣдствіе поднятія умственнаго уровня литературы, но васъ и тамъ не поименую, потому что помѣщаю только тѣхъ литераторовъ, которыхъ заслуги литературѣ цѣню и уважаю.

Поняли ли вы наконецъ меня и чувствуете ли, какъ я выше васъ: я даже не разсердился на васъ, чему доказательство мой спокойный тонъ; а между тѣмъ я Богъ знаетъ какихъ эпитетовъ могъ бы надавать вамъ, сказать, напримѣръ, что бездарность ваша въ высокой степени замѣчательна, необразованіе извѣстно всѣмъ и каждому, а гражданскія добродѣтели болѣе чѣмъ подъ сомнѣніемъ; но я этого не говорю, потому что даже и не знаю, кто̀ вы лично такіе!

Н. Безрыловъ.

IV.

Идеальный редакторъ.—Крупныя дарованія.—Критикъ.—Фельетонисты.—Заключительное слово къ читателю.

Читатель! благодарю тебя, ты понялъ меня: я получилъ отъ тебя столько лестныхъ привѣтствій, столько радушныхъ рукопожатій за то, что началъ передъ твоими очами приподнимать завѣсу съ того міра, который давно уже тебѣ начинаетъ казаться подозрительнымъ. О, благодушный другъ мой! я удовлетворю еще болѣе твоему благородному любопытству и нарисую передъ тобой еще болѣе подробную и вѣрную картину: вообрази себѣ идеальнаго редактора-издателя, который, предположимъ, къ намъ свалился въ Петербургъ съ неба и совершенно не знаетъ ни здѣшнихъ обычаевъ ни здѣшнихъ литераторовъ, и между тѣмъ—замѣть, читатель!—у него въ головѣ цѣлая, совершенно ясная, политическая система, способная благоустроить не только такой маленькій клочокъ земли, какъ Россія, но даже всю земную планету, — свойство, за исключеніемъ почтеннаго издателя «Русскаго Вѣстника», не совсѣмъ свойственное русскимъ редакторамъ, которые въ отдѣлахъ этого рода, пока еще факты разсказываютъ—такъ ничего; но какъ пошли плести и путать отъ себя—выноси святыхъ вонъ! Кромѣ того, воображаемый мой редакторъ знаетъ всѣ науки, — качество, тоже довольно рѣдкое въ петербургскихъ редакторахъ, которые, если и опытны въ какихъ-нибудь ученьяхъ, такъ развѣ въ какихъ-нибудь коммерческихъ, хозяйственныхъ, такъ, напримѣръ, по части разведенія табаку, или выдѣлки сигаръ, или такихъ, которые учатъ: направо, налѣво, да и себѣ въ карманъ. Кромѣ того, редактору моему вовсе ужъ не нужно было бѣгать къ какому-нибудь откупщику и почти-что въ ногахъ у него валяться, умоляя его, чтобы онъ, яко псамъ, кинулъ имъ малую толику на поддержку ихъ благороднаго предпріятія, и что-де въ такомъ случаѣ они его ругать не будутъ. Нѣтъ! Онъ, какъ добрый нашъ пріятель, графъ Кушелевъ, принесъ съ полнымъ самоотверженіемъ на литературный алтарь собственныя деньги и желалъ только не такъ распускаться и поблагоразумнѣе ими распоряжаться. Бумага для изданія найдена превосходная; типографія со сноснымъ шрифтомъ и съ наборщиками, которые имѣютъ привычку выправлять корректорскія поправки, тоже найдена; наконецъ найдена и такая книжная лавка, гдѣ сидѣльцы-мальчишки не будутъ воровать вашего изданія и потомъ продавать его за 10 копеекъ экземпляръ на толкучкѣ;

словомъ, вся эта внѣшняя часть оказалась довольно еще сносною въ Петербургѣ, оставалось только дѣло за матеріаломъ: редактору знаменитый X... другъ и пріятель. Онъ ему пишетъ о статьѣ и съ первой же почтой получаетъ отвѣтъ: «Любезный другъ! Какъ ни сильно мое желаніе удовлетворить твою просьбу, но вся наша литература приняла такой тонъ, что стало совѣстно называться литераторомъ, и невольно хочется становиться отъ всего этого вдали». Редакторъ вздохнулъ и пишетъ къ У... Тотъ тоже не замедлилъ отвѣчать: «Меня такъ хвалятъ и мнѣ такъ курятъ, и наконецъ столько даютъ денегъ въ N. N. и Р. Р., что я по преимуществу рѣшился работать въ этихъ двухъ журналахъ».—«Досадно»,—думаетъ редакторъ и пишетъ къ L... Черезъ мѣсяцъ отвѣтъ: «Ты знаешь, мой другъ любезный, что послѣ 15-ти лѣтъ моихъ литературныхъ трудовъ я почти нищій и служу теперь въ подлѣйшемъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ не только не имѣю свободной минуты писать, но даже, при моемъ болѣзненномъ состояніи, соснуть подолѣе». Редактора начинаетъ покоробливать. Онъ ѣдетъ къ М...

— М. П., Бога ради выручите, дайте статейку, о чемъ мы тогда съ вами говорили.

— Не могу работать, — отвѣчаетъ тотъ: — я боленъ, разстроенъ, меня преслѣдуетъ какой-то человѣкъ, который ходитъ у меня на дворѣ, идетъ за мною всюду, куда я иду...

«Что̀ же это такое, — думаетъ редакторъ, ѣдучи домой: — все, что̀ умно, даровито и честно, или отходитъ въ сторону, или разорвано на кусочки, или наконецъ загнано, стерто, сдавлено жизнью». Дома онъ находитъ типографщика — человѣка, который на петербургской литературѣ зубы съѣлъ.

— Вами въ ученый отдѣлъ прислана статья?—спрашиваетъ тотъ его, называя статью.

— Да,—отвѣчалъ редакторъ.

— Боже мой! — восклицаетъ типографщикъ: — вы губите ваше изданіе.

— Какимъ образомъ?—восклицаетъ редакторъ:—моя статья самый послѣдній сокъ человѣческихъ знаній.

— Это правда,—отвѣчалъ типографщикъ:—но публикѣ это не понравится. Вотъ, если бы что-нибудь въ родѣ «Записокъ Казановы», или «Вѣка Людовика XIV», Дюма, или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь изъ произведеній Семевскаго... Публика въ настоящее время по преимуществу желаетъ благородно-легкаго.

Редакторъ начинаетъ серьезно падать духомъ. Типографщикъ между тѣмъ не спускаетъ съ него глазъ, исполненныхъ злѣйшею житейскою мудростью. Вдругъ докладываютъ: г. П.

— Кто это такой? — спѣшитъ спросить редакторъ.

— Это лучшій критикъ здѣшній, — отвѣчаетъ съ двусмысленной улыбкой типографщикъ.

— Но отчего же онъ такъ вдругъ идетъ ко мнѣ?

— Онъ не любитъ оставаться подолгу въ редакціяхъ...

Типографщикъ не кончилъ, потому что П. вошелъ.

— Глубоко сочувствуя направленію вашего журнала, я пришелъ предложить вамъ свои услуги,—началъ онъ прямо.

— Очень радъ, — говоритъ редакторъ, дѣйствительно обрадованный пріобрѣтенію критика.

— Я собственно эстетикъ, — продолжалъ тотъ: — но всегда чувствую вѣяніе минуты и потому, въ этой степени, признаю историческую критику.

«Хоть и не совсѣмъ понятно, но все-таки, кажется, тутъ есть что-то такое»,—думаетъ самъ себѣ редакторъ.

— У меня теперь приготовлена довольно большая статья: «О демоническомъ началѣ въ стихотвореніяхъ Лермонтова».

Типографщикъ въ это время покачалъ только головой.

Редакторъ видимо поставленъ былъ въ недоумѣніе.

— Только у меня теперь къ вамъ одна просьба,—продолжалъ критикъ быстро и какъ бы пользуясь минутою:—одолжите мнѣ двѣсти рубл... Вонъ у васъ и деньги на столѣ лежатъ.

Редакторъ окончательно растерялся, взялъ пачку и подалъ. Критикъ сейчасъ же всталъ, дружески съ нимъ раскланялся, гордо кивнулъ головой типографщику и вышелъ.

— Напрасно денегъ-то давали,—проговорилъ тотъ:—теперь статьи-то ужъ и не дожидайтесь.

— Но какъ же вѣдь, вы говорили, что это лучшій.

— Да оно, пожалуй, что поумнѣе и пообразованнѣй другихъ, хотя тоже настоящаго-то нѣтъ ничего, а больше все напущенное на себя, а главное дѣло—только и ладитъ, что какъ бы нибудь и гдѣ бы нибудь денегъ сорвать, а когда не даютъ—торопится писать, и выходитъ чортъ знаетъ что̀.

Обезпокоенный редакторъ написалъ записку и послалъ съ нарочнымъ критику съ просьбою увѣдомить его, когда онъ можетъ получить отъ него статью.

Посланный возвратился и донесъ, что критикъ сейчасъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Царевококшайскъ и въ Петербургъ совершенно ужъ не воротится.

— Что̀ же это такое?—говорилъ редакторъ, глядя въ глаза типографщику.

— Ничего-съ,—отвѣчалъ тотъ:—если бы это сдѣлалъ чиновникъ противъ казны, его бы на каторгу послали, а у насъ это ничего, прощаютъ; и когда начнешь осуждать, такъ гово-

рятъ: «Вы, говоритъ, оттого такъ мелко честь понимаете, что новыхъ хорошихъ книгъ не читаете». Въ какихъ это книгахъ плутовство и мотовство—не знаю!

Редакторъ только грустно усмѣхнулся. Пришли изъ типографіи и принесли общественный и политическій обзоръ. Онъ самъ его писалъ.

— Вамъ надобно кого-нибудь изъ здѣшнихъ хроникеровъ пріискать; тѣ ужъ привыкли, знаютъ! Я вамъ пришлю,—проговорилъ типографщикъ, вставая.

— Сдѣлайте милость,—отвѣчалъ редакторъ, чувствовавшій, что его начинаютъ наконецъ оставлять послѣднія силы.

Съ того же вечера стали къ нему являться наши братья-фельетонисты. Дѣло началось съ невиннѣйшаго: является молодой человѣкъ, довольно красивой наружности; сейчасъ же по всей комнатѣ запахнуло духами, булавочка на шарфѣ извивается модной змѣйкой, сапоги и шляпа—безукоризненнаго глянцу, перчатки ловко надѣты, и гость ихъ не снимаетъ, красивые глаза держитъ по большей части потупленными, говоритъ скромно и негромко.

— Къ нынѣшней книжкѣ вы, вѣроятно, уже не успѣете составить обозрѣнія?—спрашиваетъ его редакторъ.

— Нѣтъ-съ, могу,—отвѣчаетъ скромно молодой человѣкъ.

— Но книжка у меня должна выйти дня черезъ три.

— Я къ завтрашнему же дню все составлю и отправлю въ типографію... Листа на полтора, вы говорите?

— Но, Боже мой, какимъ же это образомъ въ одну ночь полтора печатныхъ листа?

— Я скоро работаю!—отвѣчалъ попрежнему скромно молодой человѣкъ и началъ раскланиваться.

— Но взглядъ... исходная точка?—началъ-было редакторъ.

— Я знаю взглядъ вашего журнала,—пробормоталъ юноша и отправился.

На другой день редактора изъ типографіи увѣдомили, что отъ хроникера оригиналъ полученъ. Книжка вышла. Редакторъ пробѣгаетъ лѣтопись. Что̀ за чортъ, точно попалъ на Невскій и все ходишь между старыми знакомыми: не только мысли, но даже фразы, слова онъ гдѣ-то слышалъ! Велитъ принести себѣ оригиналъ — и въ ужасъ пришелъ: во всемъ въ немъ было не больше двадцати писаныхъ строчекъ, остальное все вырѣзано и списано изъ другихъ журналовъ, у которыхъ тоже, вѣроятно, откуда-нибудь вырѣзано и переведено.

— Что̀ же это такое, развѣ такъ можно! — говоритъ онъ, когда къ нему явился авторъ:—развѣ у васъ у самихъ нѣтъ на два гроша мыслей?

— Помилуйте, — отвѣчалъ тотъ, нисколько не сконфузившись:—здѣсь это вообще принято: у насъ цѣлый журналъ «Сынъ Отечества» издается изъ вырѣзокъ и имѣетъ 20 тысячъ подписчиковъ.

— Подите вы съ вашимъ «Сыномъ Отечества»!—восклицаетъ въ бѣшенствѣ редакторъ.—Если у васъ въ слѣдующемъ фельетонѣ будетъ строка печатная, я не буду принимать вашихъ работъ.

— Хорошо-съ! — отвѣчалъ покорно фельетонистъ и къ слѣдующей книжкѣ дѣйствительно доставилъ писаный оригиналъ.

Читаетъ редакторъ—опять что-то знакомое. Начинаетъ онъ рыться въ старыхъ журналахъ — и въ двухъ изъ нихъ нашелъ слово въ слово то, что̀ ему представлено за вновь сочиненное. Да что̀ же это такое, что̀ это за господинъ!—думаетъ редакторъ. Сотрудникъ начинаетъ ужъ его интересовать со стороны психологической. Приглашаетъ онъ его къ себѣ, вѣжливо возвращаетъ ему трудъ его и начинаетъ съ нимъ бесѣдовать. Оказывается, что въ сердцѣ и въ головѣ молодого человѣка ничего нѣтъ—такъ-таки совсѣмъ пустышка... Ему въ жизни только и хочется, что деньжонокъ, а деньжонокъ затѣмъ, чтобы шить себѣ брюки и покупать лакированные сапоги.

Дня черезъ два редактору представленъ былъ новый фельетонистъ—изъ лица мрачный и даже плохо причесанный; сюртукъ и сапоги у него оказались весьма растрепаннаго свойства; говорилъ мало и при этомъ для какой-то цѣли закрывалъ постоянно ротъ рукою.

«Это, должно-быть, человѣкъ солидный!» — подумалъ редакторъ.

Къ назначенному времени фельетонистъ однако не доставилъ своей работы. Послали за ней на другой день, на третій. Черезъ недѣлю наконецъ приносятъ. Читаетъ редакторъ. Тупо, вяло, но, по крайней мѣрѣ, кажется, нѣтъ перепечатокъ. Отправилъ въ типографію, Вышла книжка. Вдругъ посыпались письма: «М. г. Въ журналѣ вашемъ написано, что 4-го февраля состоялся мой концертъ и что я потерпѣлъ фіаско; но я не только не терпѣлъ фіаско, но даже концерта моего не было. Прошу, чтобы снять съ меня это оскорбленіе, напечатать въ вашемъ же журналѣ о недавней лжи». Другое письмо: «Въ фельетонѣ вашего журнала напечатанъ ругательный отзывъ о моей акварели. Если вы, г. редакторъ, честный человѣкъ, то зайдите къ NN. и взгляните на мою картину». Идетъ редакторъ; видитъ, акварель—прелесть.

Въ бѣшенствѣ онъ идетъ къ типографщику.

— Какого это мнѣ человѣка вы рекомендовали, онъ шутъ и, вѣроятно, умышленный.

Типографщикъ только усмѣхнулся.

— Нѣтъ, не умышленный! Съ нимъ это часто бываетъ... Кутилъ, вѣроятно, недѣлю-то, ну, а потомъ и пишетъ, гдѣ что̀ въ трактирѣ услышитъ, да еще часто не то, въ дурманѣ-то, и пойметъ, что̀ говорятъ. Вотъ не желаете ли взять этого господина: весело, говорятъ, пописываетъ,—произнесъ типографщикъ и подалъ редактору одну газету.

Редакторъ начинаетъ читать:

«Въ городѣ Минскѣ (какое вкусное имя!) жила Анна Ивановна (ухъ, какая толстая!), дочь ея Марья съ кривымъ глазомъ (какая милая!)»...

— Только въ этомъ все и веселье?—спросилъ редакторъ.

— Только въ этомъ!—отвѣчалъ ядовито типографщикъ.

— О, Боже мой, Боже мой! Не надобно мнѣ этихъ щелкоперовъ. Дайте мнѣ просто бойкаго, практическаго человѣка, который бы и на биржу, зналъ бы цѣны и въ лавкахъ, зналъ бы, что̀ и ка̀къ дѣлаютъ петербургскіе адвокаты.

Типографщикъ почесалъ голову; однако обѣщалъ и черезъ недѣлю дѣйствительно пріискалъ; но только этотъ фельетонистъ къ редактору не пошелъ, говоря, что не зачѣмъ, но оригиналъ въ срокъ прислалъ. Написано толково. Проходитъ мѣсяца два: вдругъ приходитъ типографщикъ:

— Вашего фельетониста вамъ нельзя держать,—сказалъ онъ.

— А что̀?—спрашиваетъ редакторъ уже съ испугомъ.

— Помилуйте, ходитъ по лавкамъ и дѣлаетъ поборы: если, говоритъ, дадите, такъ похвалю, а нѣтъ—такъ разругаю.

— Что̀ жъ мнѣ дѣлать!—восклицаетъ редакторъ почти уже въ отчаяніи.

— Просится тутъ одинъ,—отвѣчалъ типографщикъ:—говоритъ, что онъ и практическій и честный человѣкъ.

— Самъ про себя говоритъ?

— Самъ!.. Просился-было по питейнымъ акцизамъ въ службу, да не принимаютъ; очень много рекомендацій требуютъ и говорятъ: «Вы служили по прежнимъ откупамъ, и тамъ васъ удалили; что̀ же вы послѣ этого за соколъ?» И потому, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ, хочетъ теперь заняться литературой; сначала, говоритъ, поработаю въ чужихъ журналахъ, а потомъ, можетъ-быть, наскочу на какого-нибудь вислоухаго издателя и въ редакторы выбьюсь.

Говоря это, типографщикъ съ какимъ-то дьявольскимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на редактора.

— Неужели же у васъ всегда такъ въ Петербургѣ было?— спросилъ тотъ, не зная, что̀ подумать.

— Въ массѣ по большей части; впрочемъ, такъ плохо, какъ нынче стало, никогда еще не бывало.

Читатель, я вижу, что тебѣ и стыдно за самого себя отъ мысли, что съ подобными господами каждонедѣльно бесѣдуешь. Я знаю, ты давно уже обвиняешь русскую литературу, говоря, что она Богъ знаетъ до чего дошла, не давъ себѣ труда подумать: литература ли это? И не самъ ли ты тутъ виноватъ? Жадный до всякаго скандала, ты самъ ихъ ободряешь своимъ вниманіемъ, позволяешь забавлять себя ихъ тупымъ и неумнымъ смѣхомъ, опредѣлять степень таланта и благородное направленіе даровитыхъ людей. Отрезвись самъ, и только-что еще въ воздухѣ почувствуется твое презрѣніе, какъ сейчасъ же сложатъ лапки всѣ эти нахалы-публицисты, идіоты-юмористы и сороки-фельетонисты. Обличать подобныхъ обличителей— Никита Безрыловъ счелъ для себя нравственнымъ долгомъ.

P. S. Какъ меня послѣ этого ругать будутъ, ты можешь вообразить себѣ, читатель; но я еще на этомъ не остановлюсь и когда-нибудь въ продолженіе года займусь соколами и повыше этой тли летающими.

Никита Безрыловъ.

ЗАВѢЩАНІЕ МОИМЪ ДѢТЯМЪ: ВАСИЛІЮ и НИКОЛАЮ.

Любезныя дѣти мои, Николай и Василій! Оставляю я васъ, какъ вамъ небезызвѣстно, въ весьма счастливомъ положеніи: у васъ нѣтъ крѣпостнаго состоянія, и потому вы не были и не будете призваны къ той великой жертвѣ, которую съ такимъ увлеченіемъ русское дворянство принесло на алтарь великихъ филантропическихъ идей; вы не настолько наконецъ бѣдны, чтобы гоняться за 5-ю процентами, и можете ваши капиталы держать въ Англійскомъ банкѣ, а съ другой стороны, не такъ открыто богаты, какъ какой-нибудь Кокоревъ, чтобы всѣ къ вамъ открыто лѣзли за деньгами. Даже ближайшему вашему пріятелю вы всегда можете отказать, отозвавшись, что у васъ теперь нѣтъ ни копейки, что̀ и совѣтую вамъ постоянно дѣлать, потому что дать человѣку взаймы денегъ—значитъ навѣрное сдѣлать изъ него на будущее время себѣ врага. Эгоизмъ свойственен всѣмъ людямъ, но вы на него болѣе чѣмъ кто-либо имѣете права: вы не холмогорцы какіе-нибудь, не полтавцы, чтобы проламывать здоровой головой какую-нибудь новую дорогу, а тѣмъ болѣе не итальянцы, выросшіе въ прелестнѣйшемъ климатѣ, и не англичане, вскормленные мозгами своихъ предковъ,—вы чистѣйшіе, въ восьмомъ колѣнѣ, петербуржцы, слѣдовательно исключительное порожденіе бездарнѣйшей въ мірѣ почвы. Ваше мелкоуміе, вашъ хилый организмъ вы старайтесь пополнить:

Во-первыхъ—прилежаніемъ. Качество это, благодаря большей части холерическихъ темпераментовъ и постоянному лихорадочному раздраженію, весьма свойственно Петербургу. Между тѣмъ какъ вся остальная Россія, по большей части, или спитъ, или въ карты играетъ, онъ одинъ только безпрестанно копошится и хоть пустяки, но каждоминутно дѣлаетъ.

Во-вторыхъ, вы должны заботиться о благообразномъ и приличномъ поведеніи: пьяница, напримѣръ, въ Петербургѣ, кто бы

онъ такой ни былъ, пропащій человѣкъ,—въ этомъ отношеніи Петербургъ воздержнѣй всей остальной Россіи: здѣсь пьянствуютъ только одни мужики, а господа только иногда напиваются пьяны!

Въ-третьихъ наконецъ, вы должны воспитать въ себѣ дерзость и нахальство: лучше этого свойства для успѣха въ жизни я ничего не имѣю вамъ рекомендовать:—дерзостью въ Петербургѣ можно сдѣлаться великимъ публицистомъ, замѣчательнымъ философомъ, даровитымъ актеромъ и знатнымъ чиновникомъ. По подробностямъ, дерзость эта должна состоять въ мѣдномъ лбѣ, способномъ пробиться и пролѣзть ко всякому сильному міра сего, въ неудержимомъ стремленіи брать на себя всякое дѣло, всякую службу,—способны ли вы къ ней или нѣтъ, говорить и писать самымъ дерзкимъ тономъ обо всемъ, что̀ только интересуетъ Петербургъ. Словомъ, стремиться самымъ нахальнымъ образомъ, при нѣкоторомъ, разумѣется, умѣ, лѣзть въ глаза публикѣ или начальству, и не ждать, что васъ найдутъ способнымъ на что-нибудь, а самому явиться и сказать: ваше высокопревосходительство, позвольте—я это сдѣлаю. Что же собственно касается до васъ, то вы сами очень хорошо знаете, что для всего этого получили весьма приличное воспитаніе: вы имѣете хорошія манеры; вы говорите по-французски, по-нѣмецки, по-англійски такъ же хорошо, какъ и порусски; вы выросли совершенно безъ почвы; никакого опредѣленнаго и замкнутаго цикла понятій въ вашей душѣ нѣтъ; внутри васъ вамъ рѣшительно ничто не мѣшаетъ распоряжаться вашимъ умственнымъ направленіемъ и вашими поступками въ какую только угодно сторону, и для этого надобно только вамъ нюхать верхнимъ чутьемъ, откуда дуетъ повыгоднѣе вѣтеръ, и постоянно становиться подъ него; я самъ въ этомъ случаѣ могу для васъ служить живымъ примѣромъ: въ молодости моей, служа при полиціи, я былъ масонъ, потомъ былъ дѣятельнымъ чиновникомъ министерства финансовъ по дѣламъ въ Сибири, и наконецъ, въ послѣднее десятилѣтіе, сдѣлался публицистомъ, литераторомъ и директоромъ-распорядителемъ N—й компаніи, и долженъ вамъ сказать, что всѣ эти занятія были весьма для меня выгодны. Конечно, каждый разъ, при переходѣ изъ одной дѣятельности въ другую, приходилось въ своемъ взглядѣ на вещи дѣлать смертельные скачки; но это рѣшительно пустяки, потому что, собственно говоря, я не знаю въ Петербургѣ ни благородныхъ ни неблагородныхъ направленій, а знаю только болѣе модныя, а потому болѣе выгодныя, и менѣе общія общей массѣ, а потому и совершенно безвыгодныя, и вы всегда, разумѣется, должны

держаться первыхъ. Пусть всѣ ваши дѣйствія, всѣ ваши слова будутъ ничтожны, пошлы,—вы все-таки будете въ выигрышѣ. Петербургъ жестокъ только къ тѣмъ, кто, хоть и очень глубокомысленно, но не по-его думаетъ.

Насчетъ вашей службы я рѣшительно никакихъ рѣзко опредѣленныхъ границъ начерчивать не желаю, — выбирайте только такую, которая выгоднѣе и виднѣе; въ настоящее время всего лучше брать службы новыя, такъ какъ на старыхъ и жалованья меньше, да и въ сломку онѣ, вѣроятно, скоро пойдутъ. О взяткахъ въ этомъ случаѣ я не хочу и говорить: вы слишкомъ благовоспитанные молодые люди, слишкомъ петербуржцы, чтобы позволить себѣ марать руки и уничтожать свое достоинство *жалкимъ* взяточничествомъ. Теперь, сколько я могу судить по ходу времени, вы, по преимуществу, должны представлять изъ себя передовыхъ молодыхъ людей, толковать какъ можно больше о политической экономіи, приходить въ ужасъ отъ бюрократической системы и между тѣмъ, какъ только вамъ поручатъ что-нибудь, сейчасъ же учреждать самую строгую бюрократію, потому что, между нами сказать, вы, какъ и всѣ ваши товарищи, ни на что другое и не годитесь. По послѣднему направленію вѣтра недурно даже съ нѣкоторой похвалой отзываться о децентрализаціи. Объ этомъ вы можете прочесть у Токвиля, и вообще, когда этакія новыя идейки будутъ встрѣчаться въ обществѣ и васъ затруднятъ тѣмъ, что надобно же объ нихъ что-нибудь говорить, для этого надобно подчитывать, или всего лучше познакомиться съ какимъ-нибудь болѣе моднымъ журналистомъ или какимъ-нибудь поумнѣй юридическимъ профессоромъ, тамъ вы всего этого вздора наслушаетесь Богъ знаетъ сколько, и потомъ, ѣздивши въ общество, прямо можете все, что̀ тамъ услышите, выдавать за свое. Съ этой собственно цѣлью я, старикъ, во всю свою жизнь ничего кромѣ дѣловыхъ бумагъ не сочинявшій, купилъ и напечаталъ подъ своимъ именемъ разныя статьи. Статейки вышли совершенно компилятивныя изъ самыхъ затхлыхъ нѣмецкихъ журнальчиковъ, и которыя я поручалъ сдѣлать одному бѣдному, но очень образованному человѣку; но онѣ все-таки были замѣчены, такъ что вскорѣ потомъ, когда я пріѣхалъ въ маскарадъ, одинъ извѣстный тамъ господинъ спросилъ про меня одного моего знакомаго: «Кто этотъ мужчина съ сѣдыми бакенбардами?»—«Это, говоритъ, ваше превосходительство, Круглополовъ, авторъ статьи объ американскихъ банкахъ».—«А!..»—произнесъ господинъ съ замѣтнымъ уваженіемъ. Не мѣшаетъ также попасть въ члены разныхъ ученыхъ обществъ и торчать по разнымъ комите-

тамъ. Положимъ, что вы тамъ обнаружите, что вы и наукъ-то совсѣмъ никакихъ не знаете и Россіи совершенно не вѣдаете, но все-таки ваше ближайшее-то начальство будетъ думать, что вы повыше и поумнѣй вашихъ товарищей. Тому, что все можетъ быть хорошо въ свое время, самымъ блестящимъ доказательствомъ могутъ служить наши акціонерныя компаніи: въ первоначальные два года директорства я нажилъ 112 тысячъ серебромъ... На какой службѣ и въ такое короткое время можно такъ хватить, позвольте васъ спросить?.. Да еще въ службѣ-то, пожалуй, и подъ судъ попадешь: а тутъ что̀ возьмешь... У насъ, слава Богу, и законовъ-то акціонерныхъ никакихъ не существовало... Покричатъ, бывало, пошумятъ акціонеры, да тѣмъ все и кончится: еще сами потомъ для своей же пользы скрываютъ, что̀ было, и если бы тутъ не вмѣшалась дурацкая гласность, лѣтъ еще десять можно было бы заниматься этимъ дѣломъ, которое и само-то помаленьку бы шло и, можетъ-быть, даже и до конца дошло... акціи бы тоже покупались, продавались, а директоры бы богатѣли.

Столь же важная въ жизни вещь, какъ и служба, это знакомства. Старайтесь постоянно сближаться съ людьми, которые, или по своему положенію, или по богатству, выше васъ: отъ равнаго знакомства вы никогда ничего не получите, отъ низшаго—прямой убытокъ; а отъ высшаго всегда, хоть маленькій и ничтожный, но барышъ: какой-нибудь, напримѣръ, обѣдъ съ трюфелями, мягкое, душистое вино, бесѣда въ хорошихъ комнатахъ. Въ безконечно-сладкое чувство дружбы и неисчерпаемое блаженство услаждать минуты нашей нищей братіи — вы, конечно, столь же вѣрите, какъ и въ десятитысячелѣтнее царствованіе мира и любви. Постоянства въ знакомствѣ я тоже не совѣтую вамъ соблюдать; возвышаясь больше и больше въ жизни—вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣняйте и кругъ вашихъ знакомыхъ: какъ сравнялись съ человѣкомъ и онъ уже ничѣмъ не можетъ быть вамъ полезенъ, такъ и перепрыгивайте черезъ него и ищите уже въ томъ, кто вамъ нуженъ, и въ этомъ случаѣ, Бога ради, не увлекайтесь ни умомъ, ни образованіемъ, ни превосходными душевными качествами, ни даже знатностью, а только тѣмъ, что человѣкъ въ силѣ или нѣтъ, богатѣетъ или бѣднѣетъ. Петербургъ, какъ земля въ первобытное время своего существованія, черезъ каждые два-три года мѣняетъ формацію сильныхъ міра сего, и въ этотъ-то вліятельный слой всегда и старайтесь пролѣзть! Сидя въ пріятельской и равной для васъ бесѣдѣ, вы только теряете, и теряете несовсѣмъ даже пріятно, ваше время, тогда какъ, торчѣ на кончикѣ стула или даже стоя навытяжкѣ передъ

какимъ-нибудь важнымъ лицомъ, вы все-таки дѣлаете полезное для васъ дѣло,—жизнь есть подвигъ, трудъ, а не долина игръ и смѣховъ: толкитесь же въ вашей юности въ переднихъ вельможъ, чтобы подъ старость у васъ у самихъ была передняя! Собственно для развлеченія вы можете читать книги, заходить въ хорошій ресторанъ пообѣдать, ѣздить въ Павловскъ, въ итальянскую оперу и клубъ.

Не меньшая, друзья мои, вамъ угрожаетъ также опасность и отъ знакомства съ такъ называемымъ среднимъ кругомъ, особенно съ тѣми домами, гдѣ есть дѣвицы. Я ничего въ мірѣ не знаю ужаснѣе, по нестерпимому желанію выйти замужъ, петербургскихъ барышень средней руки, и въ этомъ случаѣ ихъ руководствуетъ не чувство, не душа, ни даже разгорѣвшіяся тѣлеса, какъ это бываетъ съ провинціальными барышнями и московскими купеческими дочками, а просто одинъ и тотъ же холодный, надъ всѣми царствующій въ Петербургѣ расчетъ. Петербургская барышня мало что выйдетъ за васъ замужъ, она приведетъ къ вамъ нѣсколько своячиницъ, которыхъ вы должны будете кормить, лѣчить, одѣвать; она непремѣнно страшная охотница наряжать свое костлявое и уродливое тѣло, охотница ѣздить въ каретѣ, торчать въ итальянской оперѣ, каждое Рождество, каждый большой праздникъ способна заразъ съѣдать по три фунта самыхъ дорогихъ конфетъ. Когда я вижу молодого человѣка въ обществѣ подобныхъ дѣвицъ, онъ, по-моему, всегда похожъ на бѣднаго пловца, который бросился въ заливъ, наполненный десятками утопающихъ, которые всѣ стремятся спастись имъ, хватаютъ его, и болѣе ловкіе и смѣлые увлекаютъ его вмѣстѣ съ собой въ пучину!

Когда вы еще были маленькими, то кормилицу для васъ, прелестную собою, стоило нанять 10 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ; но нынче за самую уродливую чухонку, способную изъ себя отдѣлять молоко, надобно заплатить 10—15 рублей серебромъ!.. Есть ли послѣ этого возможность жениться въ Петербургѣ? Въ провинціи, гдѣ содержаніе дешево, для услажденія общественнаго темперамента женитьба еще простительна; но здѣсь для всякаго порядочнаго человѣка, который хоть сколько-нибудь любитъ тратить деньги на пріятное для себя, который наконецъ дорожитъ своей карьерой,—это просто сумасшествіе!.. Позволительно въ одномъ только случаѣ, если попадется какая-нибудь сирота съ 50-ю тысячами дохода; но если живы отецъ и мать, то не вѣрьте никакимъ слухамъ о приданомъ: я еще въ Петербургѣ не знавалъ ни одного тестя и тещи, которые бы не надули своихъ зятей.

Вотъ все, что̀ я считаю нужнымъ сказать. Если дни мои еще продолжатся, то я напишу для васъ нѣсколько разсказовъ, изъ которыхъ вы ясно увидите, что жизнь вовсе не такова, какъ объ ней по большей части пишутъ въ книгахъ и журналахъ и толкуютъ въ гостиныхъ.

1862 г. С.-Петербургъ.

Оглавленіе

VII ТОМА.

стр.

Въ водоворотѣ. Романъ въ трехъ частяхъ.

Часть 1-я. 3
Часть 2-я. 132
Часть 3-я. 269

Уже отцвѣтшіе цвѣты. I. Капитанъ Рухневъ 423

По поводу сочиненія Н. В. Гоголя, найденнаго послѣ его смерти: „Похожденія Чичикова или Мертвыя души. Часть вторая“ . . 436

Путевые очерки:

I. Астрахань. 459
II. Татары 475
III. Астраханскіе армяне 485
IV. Калмыки. 499
V. Бирючья коса 531
VI. Баку 534
VII. Тюкъ-Караганскій полуостровъ и Тюленьи острова . . 543
VIII. Пребываніе черноморскихъ моряковъ въ Москвѣ и пріемъ ихъ астраханскими жителями 547

Записки Салатушки. 586
Обличительное письмо изъ ада. 605
Фельетоны Никиты Безрылова. 612
Завѣщаніе моимъ дѣтямъ Василію и Николаю 626